

Заглавие	Живая старина
Подзаголовочные данные и сведения об ответственности	Периодическое издание отделения этнографии императорского русского географического общества
Страна и место издания	Россия, Санкт-Петербург;
Издатели : редактор: 1890-1910 В. И. Ламанский ; 1911 - не указан ; 1912 С. Ф. Ольденбург ; 1913, вып. 1-2 Вс. Ф. Миллер ; 1913, [вып. 3-4] Н. Ф. Познанский ; 1914 А. А. Шахматов ; 1915-1916 С. Ф. Ольденбург	
Период издания	1890-1917
Периодичность:	4 раза в год
Приложения	
Примечание	
Место хранения оригинала, шифр	ФГУ " Российская государственная библиотека " М 69/50; М 136/43; Р 5/103

заглавие	Живая старина
хронологический охват материалов на рулоне	20-й год издания: выпуск I-IV 1911 г.
приложения	
отсутствуют след. номера (стр.)	
оригинал плохо читается (№ журн. и стр.)	Бумага желтая, отдельные страницы отреставрированы;
неправильный переплёт (№ журн. и стр.)	

М 136
43

17280-63

В1-4 (4).

812-13
118

II-66
срб к 3 изд

ЖИВАЯ СТАРИНА.

87/14 - Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Годъ XX.

Выпускъ I.

1911.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи	I — VIII
Дм. Зеленинъ. «Обыденныя» полотенца и обыденные храмы	1 — 20
А. Шахматовъ. Сполы — исконные сосѣди Славянъ	21 — 26
Ө. Волковъ. Программа для собиранія свѣдѣній о свадебныхъ обрядахъ у великоруссовъ и инородцевъ Восточной Россіи	27 — 30
Н. Веселовскій. Второе дополненіе къ статьѣ «Погрѣшности и ошибки при изданіи документовъ по сношенію Русскихъ государей съ азіатскими владѣльцами»	31 — 34
Ө. Покровскій. Образцы народнаго говора Нижегородской губерніи	35 — 56
А. Чесноковъ. Свадебные обряды и пѣсни «кержаковъ»	57 — 96
А. М. Смирновъ. Схематическій перечень вариантовъ сказокъ Архива Императорскаго Русскаго Географическаго Общества I — XI.	97 — 104
Андрей Рудневъ. Сообщеніе о дѣятельности Ф. Ф.	105 — 116
А. Васильевъ. Шесть сказокъ, слышанныхъ отъ крестьянина Ф. Н. Календарева. Издаѣ А. М. Смирновъ	117 — 130
Вл. Гордлевскій. Матеріалы по османскому фольклору	131 — 144
Критика и библиографія	145 — 166

1. Болгарскія «пѣснопойки». Н. Державина, 145—152. 2. Анекдоты о ходжѣ Наср-эд-динѣ («Letaif-i hodja Nasreddin»). Вл. Гордлевскаго, 152—157. 3. D-r Rudolf Tschudi. Das Asafname des Lutfi Pascha nach den Handschriften zu Wien, Dresden und Konstantinopol. Вл. Гордлевскаго, 157. 4. Beiträge zur Kenntnis der indischen Namengebung. Н. Миронова, 157—162. 5. K. B. Wiklund. Om lapparna i Sverige. А. Руднева, 162—163. 6. Матеріалы къ изученію Вятскаго ирала. Дм. Зеленина, 163—165. 7. Памятная книжка Вятской губерніи и календарь на 1911 годъ. Дм. Зеленина, 165—166.

M 136
43

Журналы заседаний Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

І. Засѣданіе 5 января 1911 г.

Засѣданіе состоялось подъ предѣтельствомъ Предѣдательствующаго въ Отдѣленіи С. О. Ольденбурга, въ присутствіи гг. почетныхъ, дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ: В. К. Арсеньева, В. М. Алексѣева, Б. Б. Барадійна, Б. Я. Владимірцова, Г. Е. Грумъ-Гржимайло, А. А. Достоевскаго, Ц. Ж. Жамцарано, А. И. Иванова, В. Л. Котвича, А. А. Макаренко, П. Е. Островскихъ, А. М. Позднѣва, Д. М. Позднѣва, П. С. Попова, И. П. Поддубнаго, С. В. Саблера, В. О. Струве, И. П. Толмачева, Я. П. Шиммарева и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

Проф. Томскаго университета М. Н. Соболевъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: «**Нъ вопросу о русской торговлѣ въ Монголіи**», по слѣдующей программѣ:

Томская экспедиція и ея маршрутъ.

Общее впечатлѣніе отъ Монголіи и ея естественныхъ ресурсовъ. Монгольскій рынокъ. Возникновеніе торговли Россіи. Мѣновой ея характеръ. Появленіе денегъ и денежнаго хозяйства. Измѣненіе характера торговаго обмѣна съ Россіей.

Типы русской торговли въ Монголіи и Сойотіи. Кредитъ. Необходимость торговли въ кредитъ. Процентъ. Конкуренція китайскихъ купцовъ. Преимущества русскихъ и китайцевъ.

Желательныя мѣры содѣйствія русской торговлѣ. Пути сообщенія, отношеніе русскихъ промышленниковъ, переработка монгольскаго сырья, организація кредита, таможенная политика.

Сообщеніе сопровождалось показываніемъ діапозитивовъ.

По поводу сообщенія проф. М. Н. Соболева высказались Г. Е. Грумъ-Гржимайло, Ц. Ж. Жамцарано, В. Л. Котвичъ, А. А. Макаренко, Д. А. Позднѣвъ, П. Е. Островскихъ.

В. Л. Котвичъ, коснувшись вопроса о численности монголовъ, отмѣтилъ, что какъ приведенныя докладчикомъ цифры, такъ и имѣющіяся въ литературѣ (отъ 2 до 4 миллионъ душъ) являются совершенно гадательными. Равнымъ образомъ и все сужденіе о томъ, увеличивается ли общая численность монголовъ, или же они вымираютъ, основываются лишь на общихъ впечатлѣніяхъ путешественниковъ и другихъ лицъ. Больше или меньше точныя цифры имѣются только относительно немногихъ монгольскихъ племенъ: бурятъ, калмыковъ и части юго-восточныхъ монголовъ, и эти цифры не устанавливаютъ факта ихъ вымирания. Вообще отсутствіе надежныхъ статистическихъ данныхъ характеризуетъ все наши свѣдѣнія о Монголіи, и поэтому В. Л. Котвичъ привѣтствовалъ трудъ докладчика, который взялъ на себя, путемъ систематическаго посѣщенія и опроса нашихъ дѣятелей въ известномъ районѣ сѣверо-западной Монголіи, освѣщеніе одной изъ наиболѣе важныхъ сторонъ жизни мѣстнаго населенія.

Ц. Ж. Жамцарано указалъ, что данныя относительно русской торговли въ Монголіи, которыя изложилъ докладчикъ, не могутъ относиться ко всей Монголіи. Если, по свѣдѣніямъ докладчика, русская торговля сокращается въ Западной Монголіи, то, по наблюденіямъ г. Жамцарано, на востокъ Монголіи, въ районѣ вліянія желѣзной дороги замѣчается наоборотъ оживленіе русской торговли. Благодаря желѣзной дорогѣ Монголія втянута въ міровой товарообмѣнъ. На ряду съ распространеніемъ русскихъ товаровъ замѣтно и распространеніе кредитныхъ билетовъ. Въ посѣщенныхъ Ц. Ж. Жамцарано районахъ Южной Монголіи (чахары, абага, барга и др.) населеніе не уменьшается.

II. Засѣданіе 21 января 1911 г.

Засѣданіе состоялось подъ предѣлательствомъ Предѣлательствующаго въ Отдѣленіи С. О. Ольденбурга, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ: Ив. С. Абрамова, В. М. Алексѣева, Б. Б. Барадійна, Г. В. Вильямса, Б. Я. Владимірцова, Э. А. Вольтера, А. А. Достоевскаго, М. Б. Едѣмскаго, Д. К. Зеленина, А. И. Иванова, Д. В. Иванова, В. Л. Котвича, А. А. Макаренко, Н. Н. Михайловскаго, А. Д. Руднева, С. В. Саблера, М. С. Свержевскаго, А. Н. Тройницкаго, А. А. Шахматова, Л. Я. Штернберга и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Членъ сотрудникъ А. М. Смирновъ прочелъ сообщеніе на тему: «Современное положеніе вопроса о русской народной сказкѣ и задачи ея научной разработки», по слѣ-

дующей программѣ: I. — Изученіе русской народной сказки, какъ одинъ изъ наивѣснѣйшихъ вопросовъ нашего времени. Сказочный матеріалъ и его обследованіе. Общія задачи по систематизаціи сказочнаго матеріала. Два опыта работъ этого рода: «Verzeichniss der Typenmärchen» А. Лаге и «Систематическій указатель темъ и вариантовъ русскихъ народныхъ сказокъ» автора настоящаго доклада. Сравнительная характеристика ихъ.

II. — Вопросъ объ изслѣдованіи специальныхъ темъ сказокъ. Возможно-ли въ настоящее время сравнительное изслѣдованіе международныхъ темъ сказокъ? Синтетическій методъ въ теоріяхъ міеологической и «теоріи заимствованій». Необходимость аналитическаго метода. Примѣненіе его въ разработкѣ темъ мѣстныхъ группъ, какъ ступеней международнаго изслѣдованія.

Сообщеніе будетъ напечатано въ «Извѣстіяхъ» Общества.

Въ обсужденіи вопросовъ, затронутыхъ докладчикомъ, приняли участіе: Е. В. Анничковъ, Э. А. Вольтеръ, Д. К. Зеленинъ и Л. Я. Штернбергъ.

Д. К. Зеленинъ указалъ, что задача и методъ составляемаго докладчикомъ «систематическаго указателя темъ и вариантовъ русскихъ народныхъ сказокъ» нисколько не противоположны цѣлямъ и методамъ прежнихъ изслѣдователей въ той же области; черновой анализъ мѣстныхъ сказочныхъ вариантовъ эти изслѣдователи всегда продѣлывали прежде своихъ сравнительныхъ экскурсовъ. Абстракція, противъ которой возражалъ докладчикъ, необходимое условіе всякой научной работы; ея не избѣжалъ и самъ онъ. Докладчикъ напрасно оставилъ въ сторонѣ вопросъ о классификаціи сказокъ, съ которымъ ему неминуемо придется столкнуться; при этомъ ему полезно будетъ ознакомиться съ существующими уже опытами классификацій: Хана (1864 г.) и особенно Арнаудова (1905 г.). Желательно было бы упомянуть въ докладѣ и объ «антропологической» теоріи Ланга.

III.

Секретарь Отдѣленія прочелъ годовой отчетъ по Отдѣленію Этнографіи за 1910 г. и докладъ коммисіи по присужденію медалей за тотъ-же годъ.

IV.

Предѣлатель предложилъ присудить серебряную медаль А. Д. Корнаковой за труды по этнографіи Сибири, согласно докладу И. В. Палибина.

Постановлено: признать А. Д. Корнакову достойной награжденія серебряной медалью и сообщить объ этомъ Совѣту Общества.

Листов
печатный

194

V.

Доложено извѣщеніе художниковъ Рериха и Прокудина-Горскаго о предлагаемой ими поѣздкѣ на Волгу, Уралъ и въ Среднюю Азію для производства кинематографическихъ и фотографическихъ съемокъ.

Постановлено: просить желающихъ членовъ Отдѣленія предложить путешественникамъ необходимыя свѣдѣнія относительно желательныхъ снимковъ.

III. Засѣданіе 25 февраля 1911 года.

Засѣданіе состоялось подъ предѣтельствомъ Предѣлствующаго въ Отдѣленіи С. О. Ольденбурга, въ присутствіи гг. почетныхъ, дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ: Г. В. Вильямса, А. Э. Вольтера, Ф. Е. Гаврилова, А. А. Достоевскаго, Ф. В. Дубасова, М. Б. Еремскаго, А. И. Иванова, Г. И. Иванова, И. С. Иванова, П. К. Козлова, И. Д. Кузнецова, П. Н. Луппова, А. А. Макаренко, А. А. Миллера, Н. Н. Михайловскаго, Н. М. Могиланскаго, М. А. Нарбута, Э. К. Пекарскаго, М. М. Пришвина, С. В. Саблера, П. Ф. Унтербергера, кн. Д. Э. Ухтомскаго, И. О. Якубовскаго и стоишихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Дѣйств. чл. В. К. Арсеньевъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: «**Китайцы въ Уссурийскомъ краѣ**», иллюстрированное диапозитивами, картами и китайскими рукописями, по слѣдующей программѣ:

I. — Общая часть.

Раіоны изслѣдованій. Цѣль экспедицій и методы изслѣдованій. Составъ отряда. Географическій очеркъ Уссурийскаго Края. Геологія страны. Рѣки. Флора и фауна. Климатъ. Инородческое населеніе. Лѣсные бродяги — промышленники. Пути сообщенія. Условія, при которыхъ приходится вести изслѣдованія въ Уссурийскомъ Краѣ.

II. — Специальная часть.

Мимикри китайцевъ. Порабощеніе и эксплуатація инородцевъ. Статистика китайскаго населенія. Ханнинные заводы. Китайцы охотники и соболешники. Забота о путникѣ. Расчеты и собираніе долговъ. Эксплуатація лѣсныхъ богатствъ. Лудѣвы. Исчезновеніе пятнистаго оленя. Предметы промысла и массоваго вывоза изъ Уссурийскаго Края. Легенда о Жень-шенѣ. Первые искатели корня. Жень-шенщики-манцзы. Хунхузы. Охотничья боевая дружина.

Таежные законы «кровь за кровь». Китайская организація самоуправленія. Должные законы. Должности и выборныя лица. Символы власти. Почетные старики.

Рѣшенія суда. Закапываніе живыхъ людей въ землю. Обливаніе на льду водою, потопленіе въ рѣкѣ и другія наказанія. Остракизмъ. Крещенные корейцы и китайцы.

По окончаніи сообщенія докладчику было задано нѣсколько вопросовъ гг. Ф. Г. Щубинымъ и А. А. Макаренко.

II.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

III.

А. Д. Рудневъ сдѣлалъ предварительное сообщеніе о международной Фольклористической Федерациі, болѣе подробное сообщеніе о коей отнесено на засѣданіе 5 марта.

IV.

А. А. Миллеръ доложилъ, въ качествѣ секретаря комиссіи по составленію этнографической карты Россіи, о дѣятельности этой комиссіи съ момента ея возникновенія до настоящаго времени.

Въ концѣ 1909 г. и началѣ 1910 года въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ подъ предѣтельствомъ Н. И. Веселовскаго, А. А. Шахматова и С. О. Ольденбурга состоялся рядъ совѣщаній членовъ Общества, специально работающихъ въ области этнографіи. Тогдаже выражено было желаніе предпринять совмѣстную работу, объединившись въ Отдѣленіи этнографіи Общества. Частнымъ образомъ была составлена комиссія и намѣчена цѣль предстоящей работы: составленіе этнографической карты Россіи. Въ первомъ же засѣданіи комиссіи приступлено было къ обсужденію плана работъ, связанныхъ съ намѣченной цѣлью. Общая карта, какъ синтезъ картъ специальныхъ, должна дать цѣлый рядъ свѣдѣній о распространѣніи тѣхъ или иныхъ этнографическихъ фактовъ и признаковъ въ предѣлахъ Русской Имперіи. Имѣя въ виду необходимую специализацію въ работѣ, рѣшено было раздѣлиться на подкомиссіи въ зависимости отъ этнографическихъ категорій, по которымъ будутъ собираться данныя и наноситься на частныя карты. Что касается этихъ данныхъ, то они приурочиваются къ настоящему времени и въ отдѣльныхъ только случаяхъ будутъ дополняемы историческими свѣдѣніями, также въ видѣ отдѣльныхъ картъ. Въ томъ же засѣданіи намѣчены были и категоріи, которыя подробно были обсуждены въ слѣдующемъ засѣданіи.

Во второмъ засѣданіи комиссіи приняты были слѣдующія категоріи: 1) Языкъ, 2) Хозяйственный бытъ, 3) Жилище и постройки, 4) Одежда и украшенія, 5) Народное искусство (орнаменты), 6) Музыка, 7) Антропология, 8) Вѣрованія.

Имѣя въ виду возможность приступить практически къ осуществленію намѣченнаго плана, въ третьемъ засѣданіи комиссіи былъ предложенъ на обсужденіе по-

рядокъ работъ въ 1911 году и вопросъ о расходахъ, которые связаны будутъ съ дѣятельностью комиссіи. Предположено было, послѣ обмѣна мнѣніями, ограничить на предстоящій годъ возможные расходы: 1) По разборкѣ Архива и составленію библиографическаго указателя—500 р., 2) На печатаніе и разсылку анкетныхъ бланковъ — 500 р., 3) На расходъ по картамъ — 200 р. и 4) На антропологическія измѣренія — 200 р. Смѣта эта была одобрена Отдѣленіемъ и внесена въ Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества вмѣстѣ съ докладомъ о подготовительныхъ работахъ комиссіи. Комиссія утверждена и положено ассигновать на текущія работы въ 1911 году — 1400 рублей. Члены комиссіи раздѣлились затѣмъ по категоріямъ, и рѣшено было въ работахъ подкомиссій просить принять участіе цѣлый рядъ ученыхъ специалистовъ. Постановлено также въ ближайшее же время собраться вновь для организаціи работъ и выбора председателей въ каждой подкомиссіи. Въ этомъ же засѣданіи былъ рассмотрѣнъ и утвержденъ проектъ инструкции для составителя «Библиографическаго указателя», литературы со свѣдѣніями по этнографическимъ категоріямъ, причемъ въ основу обсужденія положенъ разосланный членамъ Комиссіи проектъ Д. К. Зеленина.

V.

Председательствующій сообщаетъ, что Московская діалектологическая комиссія откликнулась на предложеніе комиссіи по составленію этнографической карты Россіи и согласилась передать названной комиссіи на извѣстныхъ условіяхъ для изданія діалектическую карту русскихъ говоровъ.

Постановлено: передать вопросъ на заключеніе комиссіи по составленію этнографической карты Россіи.

VI.

Секретарь доложилъ о книгахъ, поступившихъ въ Отдѣленіе:

- 1) *Revue d'éthnographie et de sociologie*, 1910, № 8 — 10.
- 2) *Sbornik Musealneje Slovenskej Spoločnosti*, Roč. XV, Sr. 1, 1910.
- 3) *Časopis Mus. Slov. společnosti*, Roč. XIII, Číslo 2, 3.
- 4) *Časopis Mus. Království Českého* 1911, Roč. LXXXV.
- 5) *Národopisný Věstník Československy*, Roč. VI, 1911.
- 6) Родопски Напрѣдъкъ, годъ VIII, кн. IV, 1911.
- 7) К. Ф. Жаковъ. Джакъ и Качаморгъ. На Щугорѣ. Архангельскъ, 1910.
- 8) Его-же. У Инвенскихъ пермяковъ. Архангельскъ. 1910.
- 9) Его-же. Тогай (самоедское преданіе), Отд. отт. изъ «Вѣстника Знанія».

10) Труды Московской діалектологической Комиссіи. Вып. 2, Варшава, 1910.

11) И. С. Ивановъ. 14-ый Стрѣлковый Баталіонъ «Желѣзной бригады» въ передовомъ отрядѣ генерала Гурко. СПб. 1910.

12) Графъ И. К. О. Корвинъ-Милевскій. Къ чему должно стремиться литовское дворянство.

13) Его-же. Голосъ польскаго дворянина о выборѣ члена Государственнаго Совѣта въ Вильнѣ.

14) Пережитое. Сборникъ, т. III, СПб. 1911.

15) Матеріалы по крѣпостному праву Саратовской губерніи. Изд. Сар. Г. Уч. Арх. Комиссіи. Саратовъ. 1911.

Постановлено: книги передать въ бібліотеку Общества.

VII.

Предложены въ члены сотрудники Отдѣленія: 1) прив.-доц. СПб. Унив. А. А. Розенфельдъ—А. А. Шахматовымъ, 2) прив.-доц. СПб. Унив. Л. В. Щерба—А. Д. Рудневымъ, 3) преподаватель Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ В. А. Гордлевскій—А. Н. Самойловичемъ, 4) П. Державинъ—Э. А. Вольтеромъ.

Постановлено: признать названныхъ лицъ членами сотрудниками Отдѣленія и представить ихъ на утвержденіе Совѣта Общества.

VIII.

Поступило предложеніе С. Г. Рыбакова о сообщеніи на тему: «Музыка русскихъ тюрковъ: татаръ, башкиръ, киргизъ и ея взаимодействие съ музыкально-пѣсеннымъ творчествомъ Русскаго народа. (Музыкально-пѣсенныя параллели)».

Постановлено: передать предложеніе въ Редакціонную Комиссію.

IX.

Заслушаны просьбы: 1) Председателя Высочайше утвержденной Особой Комиссіи по устройству въ Москвѣ музея 1812 года о высылкѣ изданія пѣсенной комиссіи: «50 пѣсенъ русскаго народа» СПб. 1901. 2) Императорскаго Саратовскаго Университета о бесплатной высылкѣ «Живой Старины» и 3) Кукарскаго Образовательнаго Общества о высылкѣ «Программы для собиранія этнографическихъ свѣдѣній».

Постановлено: просить Совѣтъ Общества объ удовлетвореніи этихъ трехъ просьбъ.

X.

Доложена просьба г. С. Фарфоровскаго напечатать въ «Живой Старинѣ» его обращеніе, въ которомъ онъ проситъ авторовъ трудовъ о Закавказьѣ прислать ему таковыя для составляемыхъ г. Фарфоровскимъ «Библиографическихъ погодныхъ обзоровъ литературы о Закавказьѣ».

Постановлено: просьбу отклонить.

„Обыденныя“ полотенца и обыденные храмы.

(Русскіе народные обычаи).

I. Обыденныя полотенца.

Распространеніе обряда. О значеніи слова «обыденный». 15 описаній обряда изъ разныхъ мѣстностей. Аналогичный мордовскій обрядъ и его отличія. Тѣсная связь христіанскаго обряда съ языческимъ. Элементы языческаго обряда: возженіе очистительнаго (или, б. м., жертвеннаго) огня, устройство воротъ, поглощающихъ заразу, и магическій обходъ. Двойственность обрядовыхъ представленій, лежащихъ въ основѣ обычая. Идея священной «обыденности» могла возникнуть изъ идеи чистоты и таинственности. Значеніе и происхожденіе таинственности въ русскомъ народномъ міровоззрѣніи. Обыденное полотенце, какъ талисманъ. Христіанизация обряда.

Недавно на страницахъ «Живой Старины» (1910, № 1—2, с. 16) былъ отмѣченъ Д. О. Святскимъ съвскій (Орловскій губ.) обычай ткать, во время мора на скоть, «обыденныя» полотенца. Сколько намъ извѣстно, это — единственное въ литературѣ упоминаніе о существованіи данного обычая у великоруссовъ, — а то, какъ видимъ, на самой границѣ съ белоруссами. — Вообще же обычай этотъ можетъ быть названъ теперь исключительно белорусскимъ. То обстоятельство, что отголоски этого обычая мы встречаемъ у лукояновской (Нижегородской губ.) мордвы, не опровергаетъ еще сдѣланнаго нами замѣчанія: какъ увидимъ ниже, лукояновская мордва легко могла познакомиться съ обрядомъ отъ белоруссовъ переселенцевъ.

Но языческій характеръ обряда говорить скорѣе въ пользу его общерусской древности. Равнымъ образомъ, старинный великорусскій обычай строить во время мора обыденные храмы нужно поставить въ тѣсную связь съ белорусскимъ обычаемъ ткать въ тѣхъ же случаяхъ обыденныя полотенца. И на этихъ основаніяхъ разсматриваемый обычай нужно скорѣе признать общерусскимъ, только вымершимъ у великоруссовъ и малоруссовъ. Существованіе параллельнаго обряда «опахиванія» селеній могло способствовать такому вымиранію.

Ниже мы приведемъ 15 извѣстныхъ намъ сообщеній объ интересующемъ насъ обрядѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они имѣются въ нашихъ источникахъ. Предварительно же замѣтимъ, что слово обыденный не означаетъ въ данномъ случаѣ: «повседневный, обыкновенный, заурядный», въ какомъ значеніи оно употребляется те-

перъ чаще въ нашемъ литературномъ языкѣ, а означаетъ: «однодневный, сдѣланный въ одинъ день или въ одніе сутки». Въ народныхъ говорахъ употребительны выраженія въ родѣ: «обыденное сѣно», т. е. скошенное утромъ и подошедшее къ вечеру; сѣздить куда-либо обыденкой, т. е. въ одинъ день; управиться съ какою-либо работою обыденъ. На сѣверо-востокѣ Европейской Россіи чаще говорятъ овыденъ (или даже оновыденъ) вмѣсто обыденъ. Въ Вологдѣ, напримѣръ, построенію въ 1634-мъ году, во время морового повѣтрія, церковь часто называютъ: «Спасъ овыденный».

1. А. Е. Богдановичъ въ своей книжкѣ «Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ» (Гродна, 1893) сообщаетъ объ интересующемъ насъ обычѣ слѣдующее: «Другимъ (послѣ опашиванія) средствомъ противъ мора считается «однодневное полотенце». — Въ назначенный день, до восхода солнца, собираются дѣвушки со всего села въ одну избу, и каждая изъ нихъ приноситъ съ собою по горсти льна. Онѣ дружно, въ глубокомъ молчаніи, принимаются за работу: прядутъ ленъ, снуютъ основу, ставятъ красна и ткутъ полотно. Когда полотно готово, всѣ жители выходятъ за деревню и *обходятъ вокругъ* нея, причемъ дѣвушки, ткавшія полотно, несутъ его надъ головой съ заунывнымъ пѣніемъ: аю-га! Когда сдѣлаютъ полный обходъ, то на томъ мѣстѣ, съ котораго вышли, раскладываютъ небольшой огонь изъ щепокъ или лучинокъ, принесенныхъ съ cadaго двора. Двѣ дѣвушки держатъ за концы полотна надъ огнемъ, а всѣ жители деревни переходятъ черезъ огонь *подъ полотномъ* и переносятъ дѣтей и больныхъ. Когда всѣ выполняютъ эту церемонію, — *полотно сжигаютъ* на томъ же огнѣ. — Все это должно быть продѣлано въ теченіе одного дня, съ восхода до захода солнца» (с. 168).

2. Въ Шерешевской волости Пружанскаго уѣзда Гродненской губ. «коли падаєтъ отъ холеры скоцина, то траба выткаці ручника (утиральника), але такъ, капъ за одну ночь килька бабъ и направи нитокъ и выткали изъ гѣтыхъ нитокъ гѣтого ручника. У тую-же ночь, якъ разсвѣта, траба черезъ той ручникъ *переннаи ўсю скоцину* и товды — або зѣўсімъ перестане падаці скоцини, або будзе падаці зѣўсімъ покраси (понемножку)» (П. В. Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка русск. населенія сѣв.-зап. края, т. III, с. 294).

3. Общая черта двухъ описанныхъ выше обрядовъ, между прочимъ, та, что въ нихъ совершенно отсутствуютъ всякіе христіанскіе символы. Съ тою же чертою мы сталкиваемся только еще въ одномъ случаѣ, — въ обрядѣ, отмѣченномъ нами, со словъ мѣстной крестьянки, въ Вишневской волости Свентянскаго уѣзда Виленской губерніи. Въ холерный 1892-ой годъ въ дер. Станчинеты и въ сосѣднихъ съ нею деревняхъ, населенныхъ бѣлоруссами-католиками, «крѣсна ткали» (т. е. ткали холсты), чтобы не допустить къ себѣ холеру. Въ Станчинетахъ это происходило такъ:

Въ сосѣдней деревнѣ Динавишки холера уже свирѣпствовала, когда въ Станчинетахъ надумали «ткать красна». На концѣ деревни, обращенномъ къ Динавишкамъ,

въ крайнемъ домѣ собрались къ закату солнца женщины и дѣвочки съ прялками и разными принадлежностями ткацкаго искусства и здѣсь въ одну ночь направи, на-сновали и выткали аршинъ шесть узкаго холста. Къ утру, до восхода солнца, холсты этотъ *разостлали поперекъ дороги* при въѣздѣ въ деревню и приколотили его — къ дорогѣ дубовыми колышками, а концы холста — къ угламъ зданій желѣзными гвоздями. Всѣ же орудія, служившія для выработки этого холста («прасницы, каравлоды, веретѣны, ставы, пичельницы, колѣсцы, набельницы, навоѣ, завѣрычъ, бѣрда, челонокі, поножи» и др.; орудія эти нарочно выбирались старыя) отнесли нѣсколько дальше за деревню (во избѣжаніе пожара), положили на ржаную солому, закрыли сверху соломою же и *сожгли*. — Холеры въ деревнѣ не было. Бабы потомъ «сны снили» (видѣли во снѣ): шла будто бы туча¹⁾ отъ Динавишекъ, чѣрная-чѣрная, подошла къ Станчинетамъ и прошла мимо. — Мужчины при совершеніи обряда помогали женщинамъ, въ частности — приколачивали холсты и жгли орудія; при тканьи же нѣкоторые изъ нихъ присутствовали въ качествѣ зрителей.

4. Во всѣхъ дальнѣйшихъ описаніяхъ обряда мы встрѣчаемъ уже христіанскіе символы. Такъ, по повѣрью крестьянъ Деревенской волости Слонимскаго уѣзда Гродненской губерніи, при появленіи скотскаго падежа «нужно поставить на мѣстѣ прогона скота десятиконечный крестъ ✠ , собрать до восхода солнца изъ всей деревни нитокъ, выткатъ изъ этихъ нитокъ, тоже до восхода солнца, столько холста, сколько успеютъ, а затѣмъ этотъ холсты *обнести кругомъ деревни* до того мѣста, гдѣ поставленъ крестъ, на который его и *повѣсить*. На крестъ холсты этотъ долженъ оставаться до тѣхъ поръ, пока не сгниетъ и не свалится. Отъ этого эпизоотія непременно прекратится. Такимъ же образомъ поступаютъ при повальныхъ болѣзняхъ и на людей» (Шейнъ, цитов. сочин., III, 294).

6) Съ незначительною разницею обрядъ этотъ отмѣченъ въ Кобринскомъ у. той же губ. (с. Озяты): «Когда является на скотъ какая-нибудь повальная болѣзнь, селяне прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: на цѣлую ночь собираются въ какой нѣсть домъ, мужчины въ одну комнату, женщины въ другую. Мужчины должны приготовить крестъ, вывезти его за деревню и поставить на той дорогѣ, по которой болѣе всего ходитъ скотъ. Женщины, въ свою очередь, въ продолженіе ночи должны напирать, соткать, выбѣлить «ручникъ» (полотенце) и еще до свѣта *повѣсить на вновь поставленномъ крестѣ*. Послѣ этого можно ожидать прекращенія повальной» (Юл. Крачковскій, Бытъ зап.-русск. селянина, въ Читаніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. 1873, с. 197—198).

Въ Волковыскомъ уѣздѣ Гродненской губ. такой же ручникъ ткутъ одинаково при эпидеміяхъ на людей и на скотъ; ткутъ, равно какъ и прядутъ и снуютъ, ночью

1) О томъ, что бѣлоруссы представляютъ холеру, между прочимъ, и въ видѣ тучи, идущей изъ села въ село, сообщаетъ также М. Fedorowski, Lud biologiczki, т. I, с. 144—146.

женщины, а утром, до восхода солнца, все население деревни несет этот ручник до границы селения. Здесь все становится под большим крестом, какие устриваются у католиков на концах деревень, и читают здесь «литанию» в честь Господа Иисуса Христа и Преображения Господня, а по окончании церемонии упомянутый ручник вешают на крест (М. Federowski, Lud białoruski, I, с. 275, № 1408; срв. с. 332, № 1887).

в) В белорусском Полесье в храмовые праздники существует обычай, в силу которого, после молебна с водосвятием, окропляются святою водою поля, дома и скот. При этом «окропленный святою водою скот в некоторых местах Полесья прогоняется по такому куску полотна, который, усердием нескольких жен и девиц, в один день выпряден и соткан. Холст после вымывается и жертвуется в приходскую церковь. По мнению простолюды, скот, перешедший через такое полотно, не боится скотского падежа» (Ив. Эремичъ, Очерки белорусск. Полесья, 1868, с. 32). Здесь, таким образом, ободненное полотенце обладает силой предупреждать появление болезней, которых по близости еще нет, и самый обряд совершается, очевидно, ежегодно (ср. 7).

5. Ряд свидетельств о нашем обряде описывает его одним и теми же, к сожалению, весьма краткими чертами. Ободненное полотенце здесь приносят в храм и вешают на икону. Разница лишь в том, что одни источники говорят о выработке такого полотенца ночью, другие, большинство, — днем (быть может понимая день в смысле: сутки).

а) «В случае моровой язвы, или падежа скота, приносят в церковь так называемый «ободенник» (полотенце), сотканный из льну девушками и вышитый узорами в один день от восхода до заката солнца. Этим ободенником покрывают подвижную (которую носят на процессиях) икону Божьей Матери. Священник служит молебен. В Дни этот холст называют наметкою¹⁾» (М. А. Дмитриевъ, Собрание пьесъ, сказокъ, обряд. и обыч. крестьянъ Сѣв.-Зап. края, 1869, с. 264).

б) В Гродненской губернии, в холерные годы 1848, 1855 и 1856, старики «совѣтовали выпрядать в одну ночь из чистого льна нитки и из них выткать утиральникъ, который на слѣдующее утро, до восхода солнца, долженъ быть повѣшенъ на мѣстную икону в церкви. Для такой работы девушки собирались ночью в один из крестьянскихъ домовъ деревни» (Шейнъ, цитов. сочин. III, 291).

1) Белорусское слово наметка (ср. ниже 66) означает родъ длиннаго (арш. 5—6) полотна безъ вышивки; такое полотенце употребляется только въ свадебныхъ обрядахъ, когда мать невесты «христуетъ» (обязываетъ на-крестъ черезъ шею и поясъ) «маршалку» (свадебный чинъ въ родѣ великорусскаго дружка) (по нашимъ свѣдѣніямъ изъ Свентянского у.). По словарю Носовича, это «головная женская повязка изъ тонкаго холста, арш. въ 4 длиною» (с. 311).

в) В с. Быкахъ Сѣвскаго уѣзда Орловской губернии мѣстный священникъ сообщалъ Д. О. Святскому, что во время мора на скотъ женщины всего села в одинъ день напрядли, выткали, вышили и принесли в церковь на образъ сработанный всеми сообща «ободенный ручникъ» (Живая Старина, 1910, № 1, с. 16).

г) Съ небольшимъ отличіемъ мы встрѣчаемся лишь въ Слуцкомъ уѣздѣ Минской губ., гдѣ ободненное полотенце *опоясывается трижды вокругъ храма*, причемъ и холстъ готовится, также в одинъ день, соответствующей длины. По словамъ наблюдателя, «это — жертва Богу» (А. Сергипутовскій, Памудракъ: Жив. Стар. 1906, № 4, смѣсь, с. 76; ср. ниже № 7).

6. Какъ только ободненное полотенце, вчера еще сопровождавшееся языческими церемоніями, было внесено въ православный храмъ и приложено на икону, — оно сразу получило новое толкованіе: въ немъ стали видѣть проявленіе христіанскаго усердія, ревности по Богу. Благочестивыя жены стали давать обѣты — выткать или вышить ободненное полотенце. Но если ободенный ручникъ — простое проявленіе благочестивой ревности по Богу, то связь его съ моровымъ повѣтріемъ можетъ быть только случайною. И дѣйствительно, мы видимъ, что ободненные полотенца благочестивыя христіанки ткнутъ и вышиваютъ уже по разнымъ поводамъ.

а) В с. Барани Борисовскаго уѣзда Минской губ. во время *бездождія* «женщины всей деревни собираются в одну хату спозаранку и в теченіе дня общими силами стараются выпрядать извѣстное количество льна, потомъ выткать изъ пряжи холстъ, который и называется «ободенкомъ». Этотъ холстъ они *жертвуютъ въ церковь*, въ полной увѣренности, что Господь исполнитъ ихъ желаніе и пошлетъ дождь» (Шейнъ, цитов. соч. III, 295; взято изъ церковной лѣтописи Баран. церкви).

б) «Для испрошенія *дожда или вѣдра* готовятъ (бѣлоруссы-католики Борисовскаго уѣзда) кусокъ полотна. Требуется в одинъ день выпрядать и выткать такъ называемую «наметку». Ею покрываютъ в костелѣ тотъ «алтарикъ» (родъ аналоя съ иконами), который носятъ во время крестнаго хода (вокругъ костела). Такая наметка называется «ободзанная» (Eust. Tyszkiewicz, Opisanie powiatu Borysowskiego, 1847, с. 410).

в) В Волковыскомъ уѣздѣ Гродненской губ. «чтобы *градъ* не повредилъ посѣвъ, для этого нужно весною женщинамъ всей деревни собраться в одну хату и за одну ночь напрядать и выткать ручникъ, который утромъ отнести в костелъ и освятить. Потомъ вытянуть изъ этого ручника все нитки и намотать ихъ на *колья кругомъ всего поля*. Тогда Господь сохранитъ отъ градобитія» (М. Federowski, цитованное выше сочин. I, с. 275, № 1406).

г) В «Толковомъ словарѣ» В. И. Даля читаемъ: «Ободенникъ (на западѣ) — полотенце, ширинка на икону; прядется и точется, по обѣту, в сутки». «За хорошаго жениха она Богородицѣ ободенникъ обѣщалась» (с. в. ободенный, т. II, с. 1635,

изд. 3). Помѣтка «западное» въ словарѣ Даля сопровождается большою частью слова *бѣлорусскія*.

7. Особнякомъ стоитъ обрядъ, сохранившійся кое-гдѣ у нижегородской моравы; онъ отмѣченъ только въ одномъ селеніи (с. Лобаски) Лукояновскаго уѣзда. «Къ религиозно-правственнымъ особенностямъ жителей села Лобасковъ можно отнести еще слѣдующій обычай: *въ ночь на Успение* Божіей Матери женщины имѣютъ обыкновеніе собираться въ одинъ какой-нибудь опредѣленный домъ; сюда онѣ приносятъ холста, сколько кто можетъ, *сшиваютъ* этотъ холстъ въ одну длинную ленту и потомъ въ глухую ночь *обтягиваютъ имъ вокругъ церкви* въ два-три ряда; въ эту же ночь женщины жертвуютъ для церкви полотенца и платки. Затѣмъ остальную часть ночи собравшіяся женщины проводятъ въ чтеніи акаѳиста Божіей Матери и пѣніи пѣсней, относящихся къ Празднику» (Нижегородск. Епархіальныя Вѣдомости, 1887, № 14, с. 734).

Въ этомъ послѣднемъ обрядѣ, такимъ образомъ, холстъ не точется *ad hoc*, какъ то мы встрѣчаемъ во всѣхъ прочихъ описаніяхъ, а сшивается изъ старыхъ кусковъ. Съ этнологической точки зрѣнія это однако же легко объяснимо. Что обрядъ здѣсь сохранился не въ чистомъ видѣ, а лишь въ блѣдномъ переживаніи, это явствуетъ уже изъ одного того, что онъ совершается не по случаю мора или какого-нибудь иного общественнаго бѣдствія, а ежегодно въ извѣстный праздникъ (вѣроятно по обѣту). Обрядъ здѣсь превратился въ простую, хотя и своеобразную, жертву. Но если въ дѣлѣ жертвъ божество легко обмануть принесеніемъ одного безцѣннаго символа — клочка шерсти вмѣсто цѣлаго животнаго, куклы вмѣсто человека (съ подобными обманами этнографъ встрѣчается на каждомъ шагѣ въ языческой религіи финновъ и палеазиатовъ, а въ переживаніяхъ — у всѣхъ европейскихъ народовъ), — то тѣмъ естественнѣе замѣна цѣлаго полотнища сшивнымъ.

Сказать и то, что мордва въ данномъ случаѣ, безспорно, заимствовала обрядъ отъ русскихъ, а при заимствованіи легко могла его и видоизмѣнить (ср. однако же 4в и 5г). — Кстати замѣтимъ, что заимствование это могло произойти отъ *бѣлорусовъ*, у которыхъ, какъ мы видѣли, рассматриваемый обычай пользуется широкою извѣстностью и большимъ распространеніемъ, чего отнюдь нельзя сказать о *великоруссахъ*. Дѣло въ томъ, что въ Лукояновскомъ уѣздѣ существуетъ нѣсколько (до 14) деревень съ *бѣлорусскимъ* населеніемъ¹⁾. Жители этихъ деревень были переселены сюда помѣщиками въ 17 и 18-мъ вѣкахъ большою частью для работъ на мѣстныхъ поташныхъ заводахъ. Мордва села Лобасковъ должна была имѣть оживленные сношенія съ этими *бѣлоруссами*, такъ какъ въ Лобаскахъ существовалъ поташный заводъ.

1) О нихъ см. статью проф. В. Ляпунова въ «Живой Старинѣ» 1894 г., вып. 2, стр. 156 и слѣд.

Въ описанномъ мордовскомъ обрядѣ мы предполагаемъ совершаемое ежегодно по обѣщанію повтореніе взятаго у русскихъ обряда, который нѣкогда былъ совершенъ въ селѣ Лобаскахъ по случаю мора или же въ предохраненіе отъ мора (ср. 4в). Обвиваніе обрядоваго холста вокругъ церкви тождественно съ слѣдующимъ обрядомъ (5г) и означаетъ пожертвованіе его церкви. Вообще же мордовскій обрядъ настолько удаленъ отъ своего прототипа, что мы привели его здѣсь только для сравненія и въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ принимать его во вниманіе не будемъ.

Несмотря на то, что всѣ приведенныя выше пятнадцать сообщеній объ интересующемъ насъ обрядѣ идутъ изъ немногихъ губерній Западнаго края, обрядъ этотъ представляетъ однако же въ нихъ довольно большія разновидности. Сущность обряда одинакова: обрядовое обыденное полотенце предохраняетъ людей и домашній скотъ отъ мора. Но обрядовая обстановка, которая необходима для такого предохраненія, въ разныхъ мѣстностяхъ различна. А именно: обрядовое полотенце или прибивается на дорогу въ томъ мѣстѣ, гдѣ ожидается вѣтупленіе «смерти» въ деревню (3); или оно обносится кругомъ селенія (1; 4а); или черезъ него (въ № 3 подъ нимъ) прогоняется скотъ (2; 4в); или его вѣшаютъ на особый (иногда десятиконечный) крестъ, нарочно сдѣланный и поставленный въ полѣ тамъ, гдѣ часто ходитъ скотъ или гдѣ его прогоняютъ (4а; 4б); наконецъ, обрядовое полотенце вѣшаютъ на икону въ церкви, у католиковъ — на «алтарикъ» (5), или же опоясываютъ имъ церковь (5г, ср. 7). О наматываніи нитокъ изъ такого полотенца на колья кругомъ поля мы здѣсь не говоримъ, такъ какъ оно отмѣчено только въ позднѣйшемъ, чисто христіанскомъ фазисѣ обряда (см. 6в).

О значеніи этихъ варіацій рѣчь будетъ ниже. Теперь же замѣтимъ, что въ этомъ разнообразіи легко намѣчаются три главныхъ фазиса развитія обряда: 1) дохристіанскій фазисъ (1—3): въ обстановкѣ нѣтъ еще никакихъ христіанскихъ символовъ и дѣйствій; 2) переходный фазисъ (4—5): въ обстановкѣ появляются христіанскіе символы и дѣйствія, которыя сначала играютъ второстепенную и даже случайную роль (4), но потомъ поглощаютъ почти весь обрядъ (5). Перушиною остается одна старая черта — тѣсная связь обряда съ случаями мора. 3) И только въ третьемъ, чисто христіанскомъ фазисѣ (6) эта связь нарушена: обыденное полотенце, жертвуемое въ церковь на икону, считается средствомъ, предохраняющимъ уже не отъ мора, а отъ засухи (6а и б), градобитія (6в), или даже служить благодарственною обѣтною жертвою Богородицѣ за хорошаго жениха (6г).

Изъ трехъ намѣченныхъ выше стадій въ развитіи обряда этнографъ интересуется болѣе всего, конечно, древнѣйшая, дохристіанская стадія. На ней мы и остановимся подробнѣе. Предварительно же обратимъ вниманіе читателей на одну черту обряда въ его третьемъ, чисто христіанскомъ фазисѣ (6б) и вмѣстѣ во второмъ, переход-

номъ (3а); это: обыденное полотенце прикладывается въ церкви на *подвижную* икону (у католиковъ на алтарики), т. е. на ту святыню, которую носятъ во время «процессій» или крестныхъ ходовъ вокругъ храма и иныхъ. (У бѣлоруссовъ-католиковъ такіа «процессіи» совершаются каждое воскресенье). Здѣсь мы усматриваемъ намекъ на то, что нѣкогда обыденное полотенце вѣшали на икону во время крестнаго хода (или, быть можетъ, передъ нимъ) и *обносили* его, вмѣстѣ съ иконою, вокругъ храма или же вокругъ селенія. Такое предположеніе тѣмъ естественнѣе и тѣмъ проще, что обнесеніе обыденнаго полотенца вокругъ селенія входитъ, какъ существенная часть, въ древнѣйшій, до-христіанскій видъ нашего обряда (1; срв. 4а). Такимъ образомъ, въ этой чертѣ мы видимъ доказательство тѣснѣйшей связи чисто христіанскаго обряда съ древнѣйшимъ, языческимъ его прототипомъ.

Чтобы покончить совсѣмъ съ христіанскимъ обрядомъ, укажемъ еще, что у вотяковъ Вятской губерніи, въ частности въ Слободскомъ уѣздѣ, широко распространены обычай прикладывать въ церковь на икону полотенца, только не обыденныя, а обыкновенныя. Имѣтъ ли этотъ обычай связь съ рассматриваемымъ нами обрядомъ, рѣшить отказываемся по недостатку данныхъ. Скорѣе нѣтъ. Наши церковные писатели объясняютъ народный обычай приносить въ храмъ холсты и др. предметы (ленъ, хлѣбъ, шерсть) памятью о древней «десятицѣ» (Архим. Николай, Ист.-статист. опис. Минской епархіи, 308).

Перехода теперь къ анализу древнѣйшаго, до-христіанскаго обряда, укажемъ прежде всего, что въ немъ видны, въ свою очередь, три главныхъ разновидности. 1) Въ первой обрядовое полотенце прикладывается на дорогу «смерти» и служить, такимъ образомъ, прямою преградою этой послѣдней (3). «Смерть» (въ видѣ черной тучи, какъ ее видѣли во снѣ старухи) доходить до этой преграды, но не можетъ ее перейти, почему поворачиваетъ въ сторону и проходить мимо. 2) Во второй разновидности обрядовое полотенце обносится кругомъ селенія (1). То же самое сохранилось и въ переходномъ фазисѣ (4); а намекъ на такое обнесеніе можно усматривать, какъ мы видѣли, и въ чисто христіанскомъ фазисѣ (6б; срв. 5а). 3) Наконецъ, въ третьей разновидности черезъ обыденное полотенце перегоняютъ скотъ (2) или же подъ нимъ проходятъ люди (1). И эта черта также сохранилась въ переходной стадіи (4в).

Въ номерѣ 1-мъ (описаніе Богдановича) мы видимъ одновременно и обнесеніе обрядового полотенца вокругъ селенія, и прохожденіе подъ нимъ людей. Кромѣ того, здѣсь (равно какъ и въ номерѣ 3) зажигается еще костеръ, черезъ который и переходятъ люди.

Возжиганіе огня и переходъ черезъ него — обрядъ весьма распространенный. Имъ обыкновенно сопровождается и аналогичное нашему обряду «опахиваніе», совершаемое въ тѣхъ же случаяхъ мора. Огонь въ данномъ случаѣ имѣетъ очистительное и вмѣстѣ устрашающее, отпугивающее нечистую силу значеніе, соответ-

ствующее самой природѣ этой стихіи и явствующее изъ громаднаго ряда другихъ обрядовъ, какъ русскаго, такъ и другихъ народовъ (см. В. П. Харузина «Къ вопросу о почитаніи огня», Этнограф. Обзор. 1906, № 3—4, с. 128 и слѣд.).

Въ нашемъ случаѣ заслуживаетъ вниманія матеріалъ костра; это не простыя дрова, а щепки или лучинки, принесенныя съ cadaго двора данной деревни (1), или же разныя принадлежности ткацкаго искусства, собранныя также съ разныхъ дворовъ (3). Подобный, т. е. коллективный матеріалъ для обрядоваго костра можетъ служить также признакомъ того, что въ кострѣ видятъ жертву, въ которой желательно участвовать всѣмъ жителямъ даннаго селенія. Не исключена возможность, что и здѣсь собранныя со всѣхъ дворовъ деревни щепы или орудія означаютъ символически самихъ жителей деревни. Напомнимъ, что первобытный человѣкъ иногда представляетъ болѣзнь въ видѣ живого существа, которое пожираетъ больного (большую частью постепенно, а иногда, какъ то при холерѣ, сразу). Мордва для излеченія больного приноситъ символическую жертву — сдѣланную изъ тѣста куклу, мужскую, если хвораетъ мужчина, и женскую, если больна женщина; куклу эту бросаютъ въ воду, которой приписывается болѣзнь, со словами: «это тебѣ на пользу, вмѣсто здоровья получи, а ему (или ей) дай здоровья» (Извѣстія Общ. Археол., Ист. и Этногр. XII, 311). — Мы однако не настаиваемъ на такомъ толкованіи нашего костра, такъ какъ переходъ черезъ жертвенный огонь нѣсколько страненъ; напротивъ, очистительному огню онъ вполне приличествуетъ. Но при несомнѣнной сложности обряда и при массѣ наслоеній, которымъ онъ подвергся въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, указанный мотивъ, вѣроятно, имѣлъ нѣкоторое вліяніе, тѣмъ болѣе что перехода черезъ огонь иногда и не бываетъ (3). Сожженіе орудій производства обрядоваго полотна можно объяснять и еще иначе, о чемъ мы скажемъ ниже (стр. 14).

Надъ обрядовымъ костромъ расprostируютъ (1), какъ мы видѣли, обыденное полотенце, подъ которымъ и проходятъ переходящіе черезъ огонь люди. Такимъ образомъ, здѣсь устраиваются какъ бы своеобразныя ворота. Нѣчто аналогичное этому мы видимъ въ другихъ подобныхъ же обрядахъ, совершаемыхъ для предохраненія отъ мора скота. Въ Воронежскомъ уѣздѣ прорывали насквозь земляные курганы, закигали въ проходѣ разныя горючія и смрадныя вещества и прогоняли надъ огнемъ, во время падежа, домашній скотъ (Шингаревъ, Вымирающая деревня, изд. 2-ое, с. 24, изъ церковной лѣтописи с. Новоживотиннаго); иногда костра тутъ не закигали (Ворон. Юбил. Сборн. II, 94). Тотъ же самый обрядъ отмѣченъ и у мордвы села Болдова Инсарскаго у. Пензенской губ. (Извѣстія Общ. Археол., Ист. и Этногр., XII, 316). Е. В. Аничковъ удачно объясняетъ этотъ обычай такимъ образомъ: прогоняемое черезъ земляныя ворота стадо какъ бы проходитъ сквозь землю, и земля должна принять все, что есть въ скотѣ порчи и заразы (Весенняя обрядовая пѣсня на западѣ и у славянъ, 325). Аничковъ отмѣчаетъ тотъ же обрядъ еще во Фран-

цин, а въ видѣ переживанія и въ Англіи, гдѣ «животныя просто должны проползати въ ухажую подѣ барьеромъ» (ibid.). — По аналогіи съ этимъ обрядомъ, обыденное полотенце, подѣ которымъ (1) и черезъ который (2; 4в) прогоняютъ скотъ, принимаетъ въ себя изгоняемое зло. Вполнѣ согласно съ такимъ объясненіемъ это обрядовое полотенце по окончаніи обряда сжигается (1) или оставляется гнить подѣ дождемъ и вѣтромъ (4а).

Въ другихъ случаяхъ (4а; 1), какъ мы видѣли, обыденное полотенце обносится кругомъ селенія. И это также можно объяснить тѣмъ, что полотенце должно воспринять въ себя нечисть. Нѣчто аналогичное мы имѣемъ въ латышскомъ и литовскомъ обрядахъ обнесения пѣтуха (соответствующія цитаты у Аничкова, цитов. сочин., с. 325 и 275).

Что же касается самаго обхода, то это общераспространенный мотивъ образования магическаго круга, котораго боятся всякая нечисть. Тотъ же самый мотивъ мы видимъ и въ опаживаніи, гдѣ такой кругъ очерчивается бороздою; въ обходѣ скотины передѣ выпускомъ ея въ поле весною (Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этногр., IV, 275); въ лѣченіи посредствомъ очерчиванія круга чирьевъ и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней (Г. Поповъ, Русская нар.-бытовая медицина, 207 и 36 прим.) и т. п. Весьма характерный разсказъ приведенъ въ «Deutsche Mythologie» Якова Гримма: «Чума встрѣтила на пути одного крестьянина и попросила его подвезти ее. Тотъ согласился и, узнавъ дорогой, кто его спутница, сталъ умолять ее о пощадѣ. Чума смилиостивилась и научила его *обжечь* нагому *кругомъ* своего дома и закопать въ землю у порога избы желѣзныи крюкъ. Сметливый крестьянинъ обжигалъ, вмѣсто того, вокругъ всей своей деревни, а желѣзо закопалъ при самомъ въѣздѣ въ деревню. Чума потомъ страшно свирѣствовала въ окрестностяхъ, но въ деревню, огражденную невидимымъ кругомъ и желѣзнымъ запоромъ, проникнуть не могла» (с. 1138—9, изд. 1844 г.).

При такихъ очистительныхъ обходахъ иногда носятъ съ собою пѣтуха, о чемъ уже говорилось выше, а иногда — огонь; напримѣръ, сербы обносятъ вокругъ домовъ горящій уголекъ (Березинъ, Хорватія, Славонія, Далм. и Военная Граница, т. II, с. 547); у русскихъ пастухъ обходитъ стадо со свѣчей, съ которой стояли заутреню въ день Пасхи (С. Максимовъ, Нечистая, невид. и крест. сила, с. 194—195). Если при этомъ въ пѣтухѣ еще можно видѣть существо, воспринимающее въ себя нечистоту и заразу, то огонь имѣть, безспорно, очистительное и устрашающее нечистую силу значеніе. Тотъ же Е. Аничковъ, которому принадлежитъ приведенное выше объясненіе фигурирующаго въ обрядѣ пѣтуха, какъ принимающаго на себя «всю пакость», въ огнѣ, черезъ который прогоняютъ скотъ, усматриваетъ уже «настолько святой предметъ, что скверна на немъ остановится и не будетъ имѣть возможности слѣдовать далѣе за скотомъ» (цитов. книга, с. 324).

Которое же изъ этихъ двухъ возможныхъ объясненій примѣнимо къ разсматриваемому нами обыденному полотенцу?

Въ обрядѣ Святянскаго уѣзда (3) полотенце, безспорно, устрашаетъ и отпугиваетъ «холеру», на дорогѣ которой оно и прибавается. Не даромъ же туча, въ обрядѣ коей бѣлоруссы представляютъ себѣ холеру, дойдя до этого полотенца, повернула въ сторону. Напротивъ, въ обрядѣ, описанномъ у Богдановича (1), болѣе тѣмъ естественно видѣть въ обыденномъ полотенцѣ нѣчто, воспринимющее въ себя заразу; вполнѣ согласно съ такимъ именно объясненіемъ это полотенце здѣсь сжигается на кострѣ.

Такимъ образомъ, мы усматриваемъ въ нашемъ обрядѣ двойственность обрядовыхъ представленій: въ однихъ случаяхъ въ основѣ обряда лежитъ одно представленіе, въ другихъ — иное. Эта двойственность была бы еще понятна намъ, если бы рѣчь шла объ огнѣ или о водѣ — о стихіяхъ, которымъ народное мировоззрѣніе приписываетъ самое широкое очистительное значеніе, вполнѣ соответствующее природѣ этихъ стихій. Напротивъ, психологическая подкладка того, почему обыденному полотенцу приписывается хотя бы очень скромное очистительное значеніе, для насъ остается пока загадочною.

Объясненіе двойственности разсматриваемаго обряда можно найти только при предположеніи, что обрядъ этотъ *сравнительно новый* и поздній, такъ что въ немъ обыденное полотенце могло быть поставлено на мѣсто другихъ, болѣе древнихъ обрядовыхъ элементовъ и, кромѣ того, при сложеніи его могло оказать свое влияние одно изъ высшихъ и новѣйшихъ представленій — понятіе нравственной святости, развившееся изъ болѣе древняго представленія — абсолютной чистоты. Все святое не только устрашаетъ и отпугиваетъ всякаго рода нечисть, но вмѣстѣ и поглощаетъ, говоря точнѣе, уничтожаетъ такую нечисть. Такъ, одна капля святой воды можетъ освятить и очистить цѣлую кадку меда или масла, непогашенную упавшую туда мышью.

Самое возникновеніе идеи о томъ, что все «обыденное» есть вмѣстѣ съ тѣмъ и священное, можно объяснить только на почвѣ сравнительно поздняго отвлеченія. Ближайшіе элементы, на которые разлагается это понятіе «священной обыденности», будутъ — совершенная чистота и таинственность.

Понятіе чистоты сравнительно очень древнее. Нѣкогда оно почти совпадало съ понятіемъ новизны: все новое, только что образовавшееся или только что сдѣланное, по тому самому и чистое. Это понятіе прилагалось, между прочимъ, и къ огню, который въ извѣстные періоды времени возобновлялся: всѣ старые огни гасились и добывался новый огонь. Въ обрядахъ, особенно же въ очистительныхъ обрядахъ, предпочтительно употреблялся, равно какъ употребляется и теперь этотъ новый огонь, именно какъ болѣе чистый. Равнымъ образомъ, вода въ народныхъ обрядахъ употребляется всегда свѣжая, только что зачерпнутая изъ источника.

Съ момента возникновенія идеи о злыхъ духахъ, эти послѣдніе представлялись живущими въ нечистыхъ мѣстахъ и опоганивающими всѣ чистые предметы, съ которыми они входятъ въ соприкосновеніе. Такое представленіе весьма живо и распространено въ русскомъ народѣ. Черты или «нечистики» поганяютъ всякую утварь и посуду въ домѣ, если она оставлена на ночь незакрытою или положена безъ благословенія; даже загрязняютъ воду въ ручьяхъ и рѣкахъ (Г. Поповъ, Русск. нар.-бытов. медицина, с. 22). Новый холстъ, только что снятый съ ткацкаго станка, считается обыкновенно нашими крестьянами нечистымъ, и его отнюдь не употребляютъ въ пользованіе до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ вымытъ на рѣкѣ; одна изъ причинъ этого — вполне естественная возможность загрязнения его со стороны чертей въ то продолжительное время (обычно нѣсколько мѣсяцевъ), когда холстъ находится въ станѣ.

«Обыденное» полотенце, въ полную противоположность такому обычному холсту, не только ново, но и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ отличается безупречною чистотою. Нечистая сила отнюдь не могла сдѣлать съ нимъ чего-бы то ни было: полотенце это вчера еще было просто льномъ; и пряли, и мотали, и сновали, и ткали его всего на всего одну ночь или одинъ день, такъ что во все время своего производства полотенце это не сходило съ живыхъ рукъ человѣка; при такихъ же условіяхъ, конечно, полотенце не могло подвергнуться какому-нибудь вліянію со стороны нечистой силы. По своей чистотѣ оно безупречно и совершенно.

Эти же самыя условія и обстановка производства дѣлаютъ обыкновенное полотенце *необычнымъ* и потому таинственнымъ. Не выдѣляясь формою, обыкновенное полотенце рѣзко отличается отъ всей прочей массы полотенецъ, употребляющихся въ хозяйственномъ обиходѣ, именно тѣмъ, что оно «обыденное», сдѣланное въ одні сутки. Такія полотенца встрѣчаются въ практикѣ крайне *рѣдко*, такъ какъ приготовить его въ одинъ день силами одного человѣка или даже одной семьи почти невозможно. (Уже послѣ только обыкновенное полотенце стало пониматься, какъ *вышитое* въ одинъ день, вслѣдствіе чего и сдѣлалось возможнымъ приготовленіе его однимъ человѣкомъ; здѣсь мы имѣемъ измѣненный пережитокъ обряда). А рѣдкіе предметы вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе извѣстны. Помимо того, обыкновенное полотенце, по изложеннымъ условіямъ своего производства, совершенно, такъ сказать, неизвѣстно нечистой силѣ, чертямъ, которые присутствовать при работѣ не могли.

Но предметы необычайные, таинственные и крайне рѣдкіе предпочтительно и употребляются въ народной обрядности. Употребляются не для мистической торжественности обряда, какъ обычно думаютъ, или, по крайней мѣрѣ, не только для такой торжественности, но и по другимъ причинамъ. А именно: во-первыхъ, мы видимъ въ этой чертѣ переживаніе глубокой старины, хотя и плохо понятой; во-вторыхъ, все таинственное и необычайное считается eo ipso наименѣе доступнымъ

нечистой силѣ, считается талисманомъ, о который дѣйствіе нечистой силы разбивается.

Древнѣйшія обрядовыя дѣйствія, образецъ которыхъ мы имѣемъ, напримѣръ, въ «камланіяхъ» шамановъ, сопровождаются всегда необычайными и странными движеніями и поступками. Первоначальная цѣль такихъ движеній и поступковъ была вполне реальная: шаманъ приводилъ ими себя въ экстазъ, а зрителей — или своего пациента — подготавливалъ къ болѣе вѣрующей внушаемости. Проходили вѣка; шаманство видоизмѣнилось или даже совсѣмъ исчезло; первоначальный смыслъ необычныхъ и странныхъ движеній, сопровождавшихъ обряды, забылся; но самыя движенія и дѣйствія остались, въ качествѣ переживанія. Послѣ исчезла и болѣе часть этихъ движеній и дѣйствій, но сохранилось возникшее на ихъ почвѣ общее представленіе, что обряды должны сопровождаться именно такими необычайными движеніями и поступками. Возникла мысль, что все сверхъестественное проявляется въ необычномъ, и эти двѣ категоріи явленій стали даже смѣшиваться въ народномъ міровоззрѣніи. С. Максимовъ справедливо говоритъ о «вѣковѣчной привычкѣ русскаго простолюдинъ во всемъ необычномъ подозревать сверхъестественное» и о «простоудушной вѣрѣ, что во всемъ, не поддающемся нашему разумію, несомнѣнно должно быть участіе и работа таинственныхъ силъ» (Нечистая, невѣд. и крестная сила, 174).

Мало того, въ русскомъ народѣ бытуетъ убѣжденіе, что нечистая сила можетъ вредить только тому, что она хорошо и подробно знаетъ, и безсильна противъ того, что ей вѣдѣнію почему-либо недоступно. На этомъ воззрѣніи основаны многіе (хотя, конечно, далеко не всѣ) талисманы и амулеты. Такъ, напримѣръ, однимъ изъ талисмановъ, предохраняющихъ новобрачныхъ отъ злого дѣйствія колдуновъ, пользующихся, какъ извѣстно, услугами нечистой силы, служитъ маковая головка; самъ народъ объясняетъ это такъ: сколько бы силенъ ни былъ колдунъ, но онъ *не знаетъ* числа маковыхъ росинокъ въ маковицѣ, а значитъ и не можетъ повредить человѣку, имѣющему при себѣ этотъ талисманъ¹⁾. Такъ же можно объяснять и подпоясыванье жениха сѣтями, съ цѣлью предохранить его отъ порчи (Г. Поповъ, Русская нар.-бытов. медиц. 33, прим. 2) въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губ.: необычайная одежда изъ сѣтей встрѣчается и въ сказкахъ съ загадками, именно какъ необычайная (А. Аванасьева, Народн. русск. сказки, № 190; Романовъ, Бѣлорусск. сборникъ, III, 395).

Народные заговоры поражаютъ насъ тою подробностью и обстоятельностью, съ которою они описываютъ все то, на что должна простереться сила заговора. «Змѣя

1) Допускаемъ возможность, что объясненіе это позднѣйшее; древнѣе, вѣроятно, объясненіе воронежскихъ крестьянъ: макъ сыплютъ въ чулокъ новобрачной *для плодородія* (Ворон. Юбил. Сборн. II, 85), но самое существованіе перваго объясненія говоритъ о соответствующемъ общему воззрѣнію народа.

домовая, змѣя полевая, змѣя гноевая, змѣя межевая, змѣя курчевая, змѣя лѣсовая, змѣя подкольная, змѣя воданая, змѣя полетучая, змѣя шкурочел, унимаи своихъ слугъ, вынимаи свои зубы и ядъ, съ бѣлыхъ костей, съ черныхъ бровей, съ асныхъ очей, съ жилъ, съ поджилъ, съ ногтей, съ подногтей, съ буйной головы, съ горячей крови, съ ретивого сердца (има)» (Г. Поповъ, цитов. кн. 243, № 114). Въ этомъ заговорѣ «отъ укушенія змѣи» перечислено 10 различныхъ видовъ змѣй и 10 же частей человѣческаго тѣла. Центр тяжести лежитъ здѣсь, однако, не въ числѣ 10 (въ другихъ заговорахъ подобныхъ указаній бываетъ и больше, и меньше), а въ самой подробности и полнотѣ описанія. Если какой-нибудь видъ змѣи будетъ опущенъ, то на него не распространится и дѣйствіе заговора. Въ заговорахъ отъ «присухи» перечисляютъ подробно жилы и сухожилия человѣческаго организма: если какая-нибудь часть организма при этомъ не будетъ упомянута, то «присуха» въ ней останется, а значитъ и заговоръ не достигнетъ своей цѣли.

Такимъ образомъ, для положительнаго или отрицательнаго дѣйствія посредствомъ заговоровъ отъ заговаривающаго требуется подробное и точное *знаніе* тѣхъ существъ, на коихъ распространяется его заговоръ. И вообще, нечистая сила должна *знать* данныхъ людей, чтобы имѣть возможность вредить имъ. Между тѣмъ, многое изъ того, что представляется человѣку загадочнымъ и таинственнымъ, составляетъ тайну и для нечистой силы.

«Обыденные» предметы, характеризуясь высшею степенью чистоты, отличаются вмѣстѣ съ тѣмъ и этою необычайностью, рѣдкостью и таинственностью. По этимъ признакамъ имъ весьма естественно было получить значеніе талисмана, предохраняющаго человѣка отъ нечистой силы. (Эпидемическія болѣзни обыкновенно представляются народу въ видѣ живыхъ существъ, относящихся къ общей категоріи «нечистой силы»). Такой талисманъ и готовится каждый разъ въ случаѣ надобности, *ad hoc*, такъ какъ старый, если бы даже онъ и сохранился, потерялъ уже свою силу — сдѣлался всѣмъ (а значитъ и нечистой силѣ) извѣстнымъ. Когда при исполненіи разсматриваемаго нами обряда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (3) тотчасъ же по изготовленіи обыденнаго полотенца сжигаютъ всѣ орудія производства, коими пользовались при работѣ, — то въ этомъ можно видѣть и простое средство къ увеличенію необычности и таинственности полотенца: оно изготовлено какъ бы несуществующими орудіями.

Исходя изъ выше изложенныхъ разсужденій, мы предполагаемъ, что обыденныя полотенца явились въ разсматриваемомъ нами обрядѣ на мѣстѣ обыкновенныхъ кусковъ холста, при чемъ замѣна эта имѣла въ виду именно вышнюю чистоту, необычайность и таинственность обыденнаго холста. Самый предметъ могъ быть заимствованъ изъ легендъ и сказокъ, гдѣ построенные въ одну ночь чудесные дворцы, мосты и т. п. — весьма распространенный мотивъ (Аванасьевъ, Русск.

нар. сказки, № 122; Романовъ, Бѣлорусск. сборн. III, 396; Олчуковъ, Сѣверныя сказки, 150). Первоначально же кускомъ холста окружали, вѣроятно, все селеніе¹⁾, и это былъ тотъ же магическій кругъ-поясъ, который теперь символизуется обходомъ вокругъ селенія съ обыденнымъ полотенцемъ въ рукахъ или же приколачиваніемъ его на дорогѣ. Потребность слишкомъ большого количества холста для большихъ селеній должна была сильно содѣйствовать такой символической замѣнѣ. Въ аналогичномъ обрядѣ опахиванія, гдѣ такой трудности нѣтъ, борода обводится и теперь вокругъ всего селенія.

Позднѣйшая христіанизация обряда — обычная участь почти всей народной обрядности. Возможно, что въ христіанскія времена обыденное полотенце разсматривалось нѣкоторыми суевѣрами какъ нѣчто аналогичное тому чудесному «омофору», который изображается на иконахъ «Покрова Пресвятой Богородицы». Замѣчательно, что почти всѣ наши этнографы считали разсмотрѣнный нами обрядъ вполне христіанскимъ, почему и не упоминали о немъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Если бы такого недоразумѣнія не было, то представители старой міеологической школы, конечно, сопоставили бы этотъ обрядъ съ классическимъ міеомъ о прядущихъ нити жизни паркахъ: морская змѣя, молъ, подрываетъ эти нити, почему онъ и прядется усиленно.

II. Обыденные храмы.

Литература объ обыденныхъ храмахъ. Настоящее и прошлое обычая. Единственный поводъ къ постройкѣ такихъ храмовъ — моръ. Лѣтописныя свидѣтельства объ обстановкѣ постройки. Область распространенія и древность обычая. Христіанскій смыслъ его. Древнѣйшее значеніе, аналогичное обыденнымъ полотенцамъ.

Наши историки занимались «обыденными храмами» весьма мало. Намъ извѣстна только одна статья графа А. С. Уварова «Обыденныя или единоплевыя церкви» (Древности. Труды Моск. археол. общ., т. I, вып. 2. М. 1865—67. Матеріалы для археологич. словаря, с. 43—47). Въ 1893-мъ году было издано С. А. Бѣлорусовымъ «Сказаніе о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ во избавленіе отъ смертоносныхъ язвъ» (Чтенія Моск. общ. ист. и древн. Росс. 1893, № 3, отд. 2) съ предисловіемъ Н. О. Оедорова, но въ этомъ предисловіи новыхъ данныхъ по сравненію съ статьею гр. Уварова почти нѣтъ. Гр. Уваровъ закончилъ свою статью вопросомъ: «Послѣ приведенныхъ здѣсь примѣровъ обыденныхъ построекъ остается только рѣшить вопросъ: Откуда взялось въ Россіи обыкновеніе строить обыденныя церкви?» (с. 47). Н. Оедоровъ совсѣмъ не поднимаетъ этого вопроса, и послѣдній остается открытымъ до сихъ поръ. Намъ думается, что рѣшить его должна этнографія, а не исторія.

1) Нѣкоторый намекъ на это можно усматривать въ мордовскомъ обрядѣ (№ 7).

Обычай постройки обydенных храмовъ — обычай чисто историческій, теперь уже нигдѣ не бытующій. Уже по самому существу своему обычай этотъ могъ примѣняться лишь къ деревяннымъ храмамъ, которые теперь строятся такъ рѣдко. Кроме того, сложность современной общественной жизни весьма плохо мирится съ этимъ патриархальнымъ обычаемъ. Въ Москвѣ въ началѣ девяностыхъ годовъ нѣкоторые публицисты подняли вопросъ о празднованіи предстоящаго юбилея Троице-Сергіевой Лавры постройкою обydеннаго храма, и началась было уже денежная подписка на предполагаемое сооруженіе, но дѣло сразу же остановилось и замерло за отсутствіемъ... разрѣшенія со стороны подлежащаго начальства (см. цитов. статью Бѣлокурова, предислов.). Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло уже съ обычаемъ мертвымъ. Но живые свидѣтели, обязанные ему своимъ существованіемъ въ прошломъ, стоятъ цѣлы и невредимы до нашихъ дней и служатъ намъ какъ бы живую лѣтопись. Таковы: «Илья Обydенный» въ Москвѣ, Спасопробоинскій обydенный храмъ въ Ярославлѣ, «Спасъ Овѣдѣнный» въ Вологдѣ, «Екатерининская овѣдѣнная церковь» въ селѣ Екатерининскомъ, что на р. Вяткѣ, въ Слободскомъ уѣздѣ Вятской губ. Эта послѣдняя — едва ли не единственная обydенная церковь, сохранившаяся до нашихъ дней¹⁾ въ ея первоначальномъ видѣ: всѣ прочіе обydенные храмы были скоро перестроены и большею частью замѣнены каменными. Величина указанной вятской церкви около полутора квадр. сажень; престоломъ ея служить простой пенекъ; царскія врата — двѣ простыя доски, привязанныя веревками. Постройку этой церкви мѣстное преданіе приписываетъ св. Трифону, вятскому чудотворцу (1550—1614 гг.), что однако же исторіей не подтверждается; поводъ къ обydенной постройкѣ, къ сожалѣнію, не извѣстенъ (Д. Зеленинъ, Кама и Ватка, 131).

Гр. Уваровъ даетъ слѣдующее опредѣленіе понятію «обydенныя церкви»: это «тѣ церкви, которыя сооружались по бѣгѣ въ одинъ день для избавленія города или страны *отъ какого-либо общественнаго бѣдствія*» (с. 43). Но дальнѣйшее изложеніе того же автора даетъ намъ полное право нѣсколько съузить это опредѣленіе, а именно по вопросу о поводѣ къ постройкѣ обydенныхъ храмовъ. «Моръ и моровыя повѣтрія были главными причинами построекъ обydенныхъ церквей», пишетъ далѣе гр. Уваровъ (с. 43). Онъ насчитываетъ 8 случаевъ построенія обydенныхъ церквей въ Новгородѣ за періодъ времени съ 1390 по 1553 г. и 5 случаевъ въ Псковѣ за время съ 1407 по 1552 г., и во всѣхъ этихъ случаяхъ поводомъ къ постройкѣ былъ моръ. Къ этому нужно прибавить упомянутые обydенные храмы — въ Ярославлѣ, построенный въ 1612 г. также по случаю моровой язвы (А. Крыловъ, Церк.-археол. опис. гор. Ярославля, 49—50; И. Соловьевъ, Яросл.

1) Впрочемъ, сколько намъ извѣстно, и эта церковь не такъ давно сгорѣла. Богослуженіе же въ ней не совершалось уже давно: она стояла подъ навѣсомъ, а рядомъ была каменная церковь.

Спасопр. обyd. храмъ, 19 и 24), и въ Вологдѣ — построенный 18 октября 1634 г., по тому же самому поводу.

Всѣ тѣ немногія исключенія, въ которыхъ поводами къ постройкѣ обydенныхъ храмовъ предполагается не моровая язва, а другія событія, — болѣе или менѣе спорны. Гр. Уваровъ пишетъ: «Исключеніемъ изъ этого общепринятаго правила (относительно поводовъ къ постройкѣ) должна служить церковь св. Андрея Стратилата въ Новгородѣ, если рассказы о причинѣ ея основанія дѣйствительно вѣрны. Говорятъ иные, что она выстроена по случаю моровой язвы, въ одинъ день, 19 августа, но неизвѣстно какого года. Между тѣмъ какъ архимандритъ Макарій (Археологическ. опис. Новгорода I, 114—115), на основаніи рукописнаго лѣтописца Николо-Дворищенскаго собора 1762 г., допускаетъ возможность отнести ее къ 1301 году и причислить къ обѣтнымъ церквамъ, какъ выстроенную *въ память побѣды новгородскаго князя Андрея Александровича*». Въ виду столь поздняго источника, которымъ воспользовался названный церковный историкъ, гр. Уваровъ основательно сомнѣвается въ его сообщеніи. Еще болѣе сомнительно сообщеніе Г. Истомина объ обydенной церкви въ московскомъ кремлѣ на мѣстѣ Николо-Гостунскаго храма. Не указывая своихъ источниковъ, авторъ пишетъ, будто бы тутъ была «обydенкой построена» около 1480 г. деревянная церковь во имя святителя Николая на мѣстѣ Ордынскаго подворья, по случаю того, что ханъ Ахматъ согласился уступить это мѣсто подъ церковь вел. княгинѣ Софьѣ Ѧоиминшѣ, жентъ вел. кн. Ивана III (Ивановская колокольня и церкви при ней. Изд. 2. М. 1893, с. 11). П. Ѧеодоровъ вѣрить этому сообщенію, но мы сильно сомнѣваемся, именно вслѣдствіе полной неизвѣстности его источниковъ.

Наконецъ, историкъ церкви Макарій (Ист. русск. ц. I, 35) считаетъ обydенною церковь, построенную въ 996 году вел. кн. Владиміромъ по случаю избавленія его отъ печенѣговъ: спасаясь отъ преслѣдованія кочевниковъ, великій князь спрятался подъ мостъ и далъ здѣсь обѣтъ построить, въ случаѣ избавленія отъ опасности, церковь. Спасшійся князь, какъ говорится въ лѣтописи, «постави церковь и створи праздникъ великій» (Полн. собр. лѣтописей, I, 53). Никакихъ историческихъ свидѣтельствъ объ «обydенности» этой церкви нѣтъ, и указанное предположеніе церковнаго историка, какъ ничѣмъ не доказанное, мы имѣемъ право отвергнуть.

Никакихъ другихъ данныхъ объ обydенныхъ церквахъ въ нашей исторической литературѣ мы, къ сожалѣнію, не нашли. Приведемъ, для примѣра, нѣсколько буквальныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о самой обстановкѣ интересующихъ насъ событій, цитую по названной выше статьѣ гр. Уварова. Въ 1390-мъ году «бысть моръ въ Новгородѣ желзюу; а мѣсяца октября въ 12 въ среду крестьяне поставили церковь, въ едино утро, изъ лѣса привозивъ бервьна... И свящаль владыко Иванъ того же утра» (Полн. собр. лѣтон. IV, 97). — И вообще, освященіе обydенной цер-

кви въ самый день постройки — общее явленіе, о которомъ согласно говорятъ всѣ наши источники. — «Того же лѣта бысть повѣтріе в великомъ Новѣградѣ и в то время поставиша церковь древану святыхъ святителей Аванасія и Кирілла во одинъ день, и бервна возиша изъ лѣсу того же дни, и срубѣиша, и освятиша единого дне, и служѣиша» (Новгор. лѣтоп. церк. 6898 г.).

Интересный случай отмѣченъ въ Псковѣ въ 1522-мъ году. Псковичи, по случаю моровой язвы, «въ лѣто 7030... поставиша церковь св. Варлаама, ... и моръ не преста. И пакѣ поставиша другую церковь Покровъ Святѣй Богородицы, ... и преста моръ». — Въ Вологдѣ 1654 г., по однимъ свидѣтельствамъ, «положиша основаніе его (обыденнаго храма) въ вечерѣ въ *первомъ* часу ночи» (изданное С. Бѣлокуровымъ по спискамъ конца 18 и начала 19 вв. сказаніе, с. 15), а по другимъ — «начали рубить противъ 18 числа въ 6 часу ночи, а клали свѣточи и зажигали скалы на батогахъ, свѣтили свѣтло, а срубѣи за два часа до дни; а святить начали въ 5 часу дни» (мѣстная лѣтопись, см. П. Саввантовъ, Опис. Волог. Спасокаменнаго Духова м-ря, с. 47)¹. «И освятиша оltарь въ той же день и литургію отслужѣиша къ вечеру» (сказаніе, изданное Бѣлокуровымъ, с. 16); иконы для новой церкви были взяты изъ другихъ городскихъ церквей и обратно возвращены не были, а остались въ обыденной церкви навсегда.

Какъ видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, обычай постройки обыденныхъ храмовъ былъ извѣстенъ только въ Новгородской и Московской Руси: Новгородѣ, Псковѣ, Москвѣ, Ярославѣ, Вологдѣ, Вяткѣ. О другихъ городахъ (кромѣ развѣ всема сомнительнаго Кіева) свѣдѣній мы не имѣемъ. И на чемъ основано утвержденіе гр. Уварова (с. 43), будто бы «благочестивое обыкновеніе строить обыденныя церкви для избавленія отъ моровой язвы существовало у насъ *повсемѣстно*», мы не знаемъ.

Равнымъ образомъ, недоказаннымъ мы считаемъ другое утвержденіе нашихъ историковъ, будто бы «обычай строить по обѣту обыденныя церкви для избавленія города или страны отъ того или другого общественнаго бѣдствія — *очень древній*» (Бѣлокуровъ-Федоровъ, с. VI). Какъ видимъ, прямыя наши свидѣтельства восходятъ ко времени не ранѣе самаго конца 14-го вѣка — древность не особенно большая.

Что касается самаго смысла обычая, какъ его понимали наши предки, то онъ явствуетъ изъ этихъ словъ вологодской лѣтописи: «И видѣ Господь вѣру и моленіе рабовъ своихъ и покаяніе слезное о своихъ согрѣшеніяхъ, той великій гнѣвъ Свой на милость преложи и моровую язву утоли: и отъ того дне моръ на Вологдѣ преста» (П. Саввантовъ, цитов. книга, с. 47). Итакъ, постройка обыденнаго храма — проявленіе христіанскаго усердія, благочестивой ревности по Богѣ, тѣ же

¹) По послѣднему сообщенію выходитъ, что храмъ построенъ *ночью* (?).

самыя добродѣтели, которыхъ ищутъ благочестивыя жены, жертвующія въ церковь обыденныя полотенца.

Намъ оставалось бы просто согласиться съ этимъ, столь естественнымъ и понятнымъ объясненіемъ, если бы насъ не поражала устоячивость и нѣкоторая даже странность того повода, по которому создавались обыденные храмы. Если бы ихъ строили по случаю *всякихъ* общественныхъ бѣдствій, не только по случаю моровыхъ повѣтрій, но также и по случаю голода (такихъ несчастій въ исторіи нашей древней Руси, къ сожалѣнію, слишкомъ много), войны, междоусобій, «небесныхъ знаменій» (явленія кометъ, которыя въ старину считались предвозвѣстниками великихъ бѣдствій) и т. п., — тогда много объясненія обычая было бы даже трудно подыскать. Но разъ такимъ поводомъ служили лишь эпидеміи, т. е. тѣ же самые случаи, при которыхъ и теперь бѣлорусскія женщины ткутъ обыденныя же полотенца, то дѣло не представляется изслѣдователю столь простымъ.

Почему обыденныя полотенца ткуютъ только въ случаяхъ моровыхъ повѣтрій, отвѣтъ на этотъ вопросъ мы уже имѣемъ: такимъ полотенцамъ народное міровоззрѣніе приписываетъ силу отпращать нечисть, а дѣйствіемъ этой послѣдней изъ общественныхъ бѣдствій народъ объясняетъ только эпидеміи; ни война, ни голодъ дѣйствію нечистой силы не приписываются. Но даже и при всемъ этомъ обычай обыденныхъ полотенцевъ, сдѣлавшись чисто христіанскимъ, отрѣшился отъ прежней своей связи съ эпидеміями. Напротивъ, обыденные храмы, обычай, такъ сказать, сугубо христіанскій, эту странную связь сохранили.

На основаніи этого обстоятельства мы находимъ возможнымъ высказать предположеніе, что обычай постройки обыденныхъ храмовъ возникъ по аналогіи съ разсмотрѣннымъ нами выше обрядомъ обыденныхъ полотенцевъ. Съ психологической точки зрѣнія загадочно только возникновеніе самой идеи «обыденности»: разъ эта идея возникла въ умѣ человѣка, то она можетъ быть примѣнена къ чему угодно. Такъ, напримѣръ, векорѣ послѣ созданія въ Вологдѣ обыденной церкви, 23 октября 1654 г. мѣстный иконописецъ написалъ для новой церкви *въ одинъ день* икону Всемиловѣйшаго Снаса (Гр. Уваровъ, цитов. статья, с. 46).

Аналогію современныхъ бѣлорусскихъ обыденныхъ полотенцевъ съ древнерусскими обыденными храмами признаютъ и наши духовные авторы. Такъ, архимандритъ Николай пишетъ: «Обычай, во время засухи или продолжительной непогоды и другихъ несчастій, приносить въ церковь кусокъ холста, сшитаго и сотканнаго въ одинъ день, который потому и называется «абудѣннымъ», ... этотъ обычай указываетъ на кровное и духовное родство жителей Минской епархіи съ другими русскими племенами, у которыхъ былъ древній обычай, въ несчастныхъ обстоятельствахъ, строить обыденные храмы Божіи, остатки которыхъ донынѣ существуютъ въ г. Новгородѣ» (Историко-статистическое описаніе Минской епархіи. Спб. 1864, с. 310).

Если белорусы видѣли и видятъ спасающій отъ моровыхъ повѣтрій талисманъ въ обыденномъ полотенцѣ, висящемъ, положимъ, на крестѣ около деревни, то тѣмъ естественнѣе могли видѣть наши предки подобный же талисманъ въ обыденномъ храмѣ. Последний заключаетъ въ себѣ, если позволено будетъ такъ выразиться, гораздо больше святости, нежели первое. Тѣ же мотивы, которые нѣкогда привели белорусовъ къ обряду тканья обыденныхъ полотенецъ, могли быть и въ умахъ тѣхъ русскихъ, которые стали впервые строить обыденные храмы. Мотивы эти, повторимъ кратко, слѣдующіе: безусловная чистота, необычайность и таинственность обыденныхъ предметовъ; а такъ какъ дѣло происходило уже въ христіанское время (объ обыденныхъ языческихъ капищахъ у русскихъ у насъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній нѣтъ, а предполагать ихъ существованіе мы не имѣемъ ни основанія, ни надобности), то къ нимъ нужно прибавить и даже поставить на первое мѣсто — благочестивое христіанское усердіе.

Сдѣлаемъ нѣкоторыя поясненія. Относительно «безусловной чистоты» намъ могутъ возразить, что храмъ Божій и безъ того, безъ всякой «обыденности» чистъ и святъ. На это замѣтимъ: храмъ чистъ и святъ только уже послѣ его освященія; до этого времени онъ почти ничѣмъ не отличается отъ обычныхъ зданій, а значить и можетъ быть легко оскверненъ нечистою силою. Напомнимъ, что и освященный храмъ можетъ быть оскверненъ, напримѣръ, входомъ въ него собаки, послѣ чего онъ требуетъ новаго освященія. Мало того, по народному воззрѣнію, даже и къ освященному храму и даже во время богослуженія чортъ близокъ. Проф. Довнаръ-Запольскій приводитъ слѣдующее белорусское повѣрье: «въ церкви чортъ сидитъ на окнѣ и записываетъ смѣющихся и разговаривающихъ; записи ведутся на воловьей шкурѣ» (М. В. Довнаръ-Запольскій, Исслѣдованія и статьи, т. I, с. 284).

Отъ всѣхъ этихъ возможностей (кромѣ, правда, послѣдней, которую допускаютъ, мы думаемъ, только въ немногихъ мѣстностяхъ) обыденный храмъ гарантированъ: нечистая сила не можетъ заглянуть въ него даже во время постройки, длящейся столь непродолжительное время и непрекращающейся ни на одну минуту; такимъ образомъ, внутренность обыденнаго храма остается совершенно невѣдомою нечистой силѣ, тогда какъ внутренность обычныхъ храмовъ обыкновенно доступна ей во время постройки, вплоть до освященія. Мы думаемъ, что это соображеніе не было чуждо многимъ изъ тѣхъ русскихъ людей, которые строили нѣкогда обыденные храмы.

Почему обыденные храмы мы считаемъ болѣе поздними по сравненію съ обыденными полотенцами, — отвѣтъ на этотъ вопросъ уже ясенъ изъ предыдущаго. Объ обыденныхъ *языческихъ* храмахъ мы рѣшительно ничего не знаемъ, тогда какъ нѣкоторые варианты обряда обыденныхъ полотенецъ носятъ на себѣ всѣ черты чисто языческаго міровоззрѣнія.

Дм. Зеленинъ.

Сполы — иконные сосѣди Славянъ.

Словарныя данныя нѣкоторыхъ славянскихъ языковъ представляютъ указанія на какой-то древній народъ, который назывался у Славянъ Сполами и Сполинами. Такъ въ памятникахъ *древне-болгарскаго* языка греческое слово γίγας «великанъ» почти постоянно передается черезъ сполинъ (исполинъ) въ единств., сполини (исполини) и споли (исполи) во множ. числѣ; напр., въ Сообр. 1073 года на л. 68 при словѣ штоудъ указано вверхъ: исполинъ гига съ въ Тріоди постной по списку XVI в.: сполини же бяху (Быт. VI. 4); въ книгѣ Иеуса Сираха XVI в.: не оумслиа ѿ древнихъ сполинѣхъ (XVI. 8); въ Паремейникѣ 1271 года: ти бяхоу споли ѿ вѣка члѣчи именити; въ Супрасльской рукописи XI вѣка: стлѣпотворениу споловъ; въ книгѣ Іова по списку XVI в.: ѿни исполове потоплени древле паки породитися могоутъ (XXVI. 5). Другіе примѣры см. въ словаряхъ Востокова, Миклошича и Срезневскаго. Въ *русскомъ* языкѣ исполинъ обычно до сихъ поръ для обозначенія великана, при чемъ возможно, что это слово удержалось здѣсь благодаря вліянію церковно-славянскаго языка. Въ старинномъ *польскомъ* языкѣ то же слово было извѣстно въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: stolin, stolinek (уменьшительное), stolim, stoliman, а также stwolin (Słownik Lindego, со ссылкой на писателя XVI в. Mączyński; A. Brückner въ Archiv für slav. Phil., XI, 139, приводитъ изъ Mączyński stolum). Въ современномъ *кашубскомъ* находимъ: stolém (stolémövježélé ñegdêš na svjêce), stolmók (Słownik Ramuŭta).

Слова для обозначенія великана во многихъ языкахъ восходятъ къ названіямъ народовъ; тяжелая борьба съ могущественными сосѣдями, превосходство ихъ, пораженія и порабощеніе, испытанныя отъ нихъ, могли быть причиной употребленія племеннаго названія этихъ сосѣдей для обозначенія великана. Ср. средневерхненѣм. hiune «великанъ» отъ имени Гунновъ (средневерхненѣм. Hiune, древневерхненѣм. Hūn: Гуннъ, Мадьяринъ). Французское ogre вѣроятно восходитъ къ имени Венгровъ (Hongre, Hongrois). Польское obrzum и болѣе позднее ohrzum, чешск. obr, верхне-луж. hobr, словацк. obor, obrin отъ славянскаго имени тюркскаго племени Аваровъ:

Обри — Обринь. Древнеслав. *jōtiun*, шведск. *jätte* (отсюда финское *jätti*) от имени германского племени Ютовъ, покоривших себя Датчанъ. Старославянское *штоудъ* *γύαζ* восходитъ, конечно, къ общеславянскому названію Готовъ **čюдъ* (изъ готскаго *thiuda* «народъ»), откуда фонетически въ старославянскомъ получилось *штоудъ*, а въ русскомъ получилось бы *чюдъ; это имя еще въ общеславянскомъ праязыкѣ было перенесено на покоренныхъ Готами Финновъ, ср. русское Чудь, Чудинь.

Указанная связь названій для великана съ племенными названіями воинственныхъ народовъ уже давно побудила изслѣдователей сопоставить слова *сполингъ*, исполнѣнъ съ названіемъ древняго народа *Spalaci*, *Spali*. Впервые такое сопоставленіе было сдѣлано Шафарикомъ. Объ этомъ народѣ до насъ дошло очень немного извѣстій. Приведу эти свидѣтельства и попытаюсь указать, гдѣ именно могли Славяне соедѣлать со Спалами и когда именно они могли испытать на себѣ ихъ иго.

Древнѣйшее свидѣтельство о Спалахъ принадлежитъ Плинію, который въ *Naturalis Historia* (около 77 г. по Р. X.) упоминаетъ о Спалахъ; въ VI книгѣ, 7, 22, читаемъ: *aliqui (tradunt) flumen Ocharium labi per Canticos et Sapeos, Tanain vero transisse Satharcheos Herticheos (var. Herticleos), Spondolicos, Synhietas, Anasos, Issos, Cataetas, Tagoras, Caronos, Neripos, Agandeos, Meandaraeos, Satharcheos Spalaeos*. Оказывается, такимъ образомъ, что *Spalaci* живутъ гдѣ-то за Дономъ (въ Азіи); повтореніе имени *Satharchei* побудило издателей не отдѣлять его отъ именъ слѣдующихъ за нимъ *Гертиклеевъ* и *Спалеевъ* и признать какъ *Спалеевъ* такъ и *Гертиклеевъ* частями племени *Сатархеевъ*.

О Спалахъ читаемъ у Иордана, писателя VI в. послѣ Р. X., въ его исторіи Готовъ. Сообщая о походѣ Готовъ изъ Повиселины на югъ въ Поддѣстровье и Подунавье, Иорданъ (IV, 27) пишетъ: (*Filimer*) *pervenit ad Scythiae terras, quae lingua eorum Oium vocabantur. . . Haec igitur pars Gothorum quae apud Filimer dicitur in terras Oium emenso amne transposita, optatum potiti solum; nec mora ilico ad gentem Spalorum adveniunt. . . Exindeque iam velut victores ad extremam Scythiae partem, quae Ponto mari vicina est, properant*¹⁾. Примемъ ли мы во вниманіе за одними изслѣдователями, что *Oium* (рѣчная страна, болотистая мѣстность) это бассейны Припяти, или во вниманіе за другими, что подъ *Oium* разумѣется Поддѣстровье²⁾, — все равно придется

1) Т. е. (Филимеръ) достигъ земель Скиѣи, которыя на ихъ языкѣ назывались *Oium*. . . Итакъ та часть Готовъ, которая по преданію подъ начальствомъ Филимера, перейдя большую рѣку, прибыла въ страну *Oium*, завладѣла желанными землями; тотчасъ послѣ того они пошли на племя Спаловъ. . . Послѣ того уже какъ побѣдители они достигаютъ крайнихъ предѣловъ Скиѣи, которые сосѣдятъ съ Понтомъ.

2) Извѣстно, что Днѣстръ весной разливается въ Подоліи и образуетъ большое озеро, при чемъ, напримѣръ, около Самбора большую часть года подъ водой находится около 120 тысячъ гектаровъ земли (*L. Niederle, Slovanské starožitnosti*, I, 31). Ср. также *A. Rehman, Ziemie dawnej Polski i sąsiednich krajów sławiańskich*, II, 104.

признать, что поселенія Иордановыхъ Спаловъ находились гдѣ-то около Днѣстра, ибо только побѣда надъ ними дала Готамъ возможность овладѣть болѣе восточнымъ побережьемъ Чернаго моря.

Отмѣчу еще названіе города *Spaleia* въ Галатіи, малоазійской провинціи, названной такъ по имени Галатовъ (кельтовъ), поселившихся въ ней въ концѣ III столѣтія до Р. X.: *Ὁ Σπαλείας ἦτοι Ἰουστινιανουπέλεως* читается въ одномъ греческомъ источникѣ, приведенномъ у Holder, *Alt-celtischer Sprachschatz*¹⁾.

Возможно, что *Спалеевъ* Плинія, городъ *Спалею* въ Галатіи и *Спаловъ* Иордана надо отдѣлять другъ отъ друга и что для объясненія связей славянства со Спалами достаточно обратиться къ Иордановымъ Спаламъ, жившимъ въ Поддѣстровьѣ, слѣдовательно, въ Европѣ, а не въ Западной Азіи и не въ Малой Азіи. Но сначала попытаюсь соединить всѣ три имени, предположивъ, что они восходятъ къ названію одной народности, расселившейся въ нѣсколькихъ далекихъ одна отъ другой областяхъ вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ историческихъ обстоятельствъ.

Сначала о Плиніевыхъ Спалахъ. Рядомъ съ Сатархееми Спалами извѣстны, какъ мы видѣли, Сатархеи Гертихеи или Гертиклеи; имя *Herticlei*, — а держаться этого чтенія вѣроятно надо потому, что чтеніе *Herticheos* могло возникнуть подъ вліяніемъ предшествующаго *Satharchaeos*, — имѣетъ германскій характеръ. Ср. германское племя *Ῥουτίκλειοι*, сдѣланное по Птолемею (2, 11, 9) на западъ отъ Вислы, при чемъ, если согласиться съ издателемъ Птолемея К. Мюллеромъ, съ Р. Мухомъ (*Deutsche Stammsitze*, 183), О. А. Брауномъ (Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній, 32), что *Ῥουτίκλειοι* испорчено вмѣсто *Ῥουγίκλειοι*, то это имя надо будетъ признать уменьшительнымъ отъ имени соедѣвшихъ *Pygiev* (ср. древнесакс. *nessikli*: червячокъ отъ *nesso*: червь); первую часть имени *Herticlei* ср. съ основой *hart-*, *hard-* твердый, храбрый, являющагося и въ именахъ собственныхъ и въ географическихъ названіяхъ: ср. *Hardinethorpa*, *Hertingshusen* (*Förstemann, Altdeutsches Namenbuch*, II, 739). Итакъ вотъ первое для насъ основаніе считать *Спалеевъ* германскимъ племенемъ, заглаженнымъ тѣмъ или инымъ образомъ въ глубь Скиѣи. Ср. отбѣшеніе нѣкоторыхъ германцевъ въ позднѣйшее время до самаго Азовскаго моря (Герулы). Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что Германцы уже съ III вѣка до Р. X. извѣстны въ южно-русскихъ степяхъ. Надписъ въ честь Протогена сообщала объ опасности, грозившей Ольвіи отъ (кельтскихъ) Галатовъ и (германскихъ) Скировъ²⁾.

Если признать возможнымъ, что городъ *Spaleia* въ Галатіи связанъ съ народомъ

1) Оставляю въ сторонѣ скиское племя *Πάλο*, упоминаемое Діодоромъ Сицилійскимъ; его имя трудно отождествить съ именемъ Спаловъ и Спалеевъ. Ср. *L. Niederle, Slov. starož.* II, 489.

2) В. В. Латышевъ, Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи, стр. 66 и сл., О. А. Браунъ, назв. соч., стр. 89 и сл., *L. Niederle, Slov. starož.* II, 305 и сл.

Спалеевъ, то остается предположить, что въ Галатію Спалаи проникли съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря. Напомню, что германскіе Бастерны въ качествѣ союзниковъ Митридата Понтийскаго въ I в. до Р. X. появлялись въ Малой Азіи, при чемъ отличались въ 74 году въ битвѣ при Халкидонѣ въ соседней съ Галатіей Визоніи (Аппіанъ, *Μιτρίδατος*, 15, 69; K. Müllenhoff, *Deutsche Altertumskunde*, II, 107).

Обращаясь къ Иордановымъ Спаламъ и ставлю прежде всего вопросъ, кого именно могли застать Готы въ Поддѣстровѣ, у кого они должны были его отвоевать. Можно съ увѣренностью утверждать, что Поддѣстровье по крайней мѣрѣ съ III вѣка до Р. X. было занято германскимъ племенемъ Бастерновъ. Страбонъ (въ началѣ I в. послѣ Р. X.) полагалъ область Бастерновъ между Тирегетами и Германцами, слѣдовательно, между устьемъ Днѣстра и истоками Вислы; кромѣ того Бастерны занимали въ дельтѣ Дуная островъ *Πεύκη*, по имени котораго греческіе и римскіе писатели называли Певкинами всѣхъ вообще Бастерновъ (K. Müllenhoff, назв. соч., 107, Ө. Браунъ, назв. соч., 106). Птолемей полагалъ Бастерновъ и Певкиновъ выше Дакіи (3. 5. 7), указывая въ другомъ мѣстѣ, что восточнѣе Бастерновъ живутъ Хуны. Эти и другія указанія Птолемея дали основаніе К. Мюллеру, В. В. Латышеву и Ю. А. Кулаковскому у на картахъ Птолемеевой Сарматіи помѣщать Бастерновъ въ южной Россіи, на западъ отъ Днѣпра, въ восточномъ Поддѣстровѣ. Если Бастерны продолжали жить тамъ же во время движенія Готовъ изъ Повислиня, — а отвергать это мы не имѣемъ основанія, — то ясно, что Готамъ, занявшимъ Поддѣстровье, пришлось прежде всего столкнуться съ сидѣвшими восточнѣе Бастернами. Вотъ основаніе для заключенія о томъ, что Бастерны и Спалаи — это два названія для одного и того же народа. Предидущія соображенія дѣлаютъ вѣроятнымъ, что *Spalaei* тѣ же Бастерны, сидѣвшіе далеко на востокъ до границъ съ Гуинами, и что *Spaleia* въ Галатіи основана въ I в. до Р. X. Бастернами.

Замѣчу, что Бастерны — это всего вѣроятнѣе бранная кличка, данная Спаламъ соседними народами; R. Much (назв. соч., 37) сопоставилъ имя Бастерновъ съ староангл. *bast* «незаконный бракъ», старофранц. *filz de bast* «внѣбрачный сынъ», франц. *bastard*, *bâtard*, при чемъ предложенная этимологія остроумно сближена имъ съ сообщеніемъ Тацита, относящимся къ Бастернамъ: *connubiis mixtis nonnihil in Sarmatarum habitum foedantur* (Germania, гл. 46).

Итакъ предполагаю, что германскіе *Spali* или *Spalaei* (Бастерны или Певкины греческихъ и римскихъ писателей) жили нѣкогда въ соседствѣ со Славянами. Полибій, описывая Бастерновъ, указываетъ на ихъ высокій ростъ¹⁾. Возможно,

1) Polyb. Hist. 25. 6. 2 (ed. Bibl. Teubner.): ἡρότων δὲ τῶν Δαρδανίων καὶ περὶ τοῦ πλῆθους τῶν Βασταρῶν καὶ περὶ τοῦ μεγέθους τῶν ἀνδρῶν (καὶ) τῆς ἐν τοῖς κινδύνοις τολμῆς ἐξήγουμένων...

что это обстоятельство, а также, быть можетъ, и наложенное Спалами на Славянъ иго были причиной того, что Славяне стали называть великановъ Спалами.

Гдѣ же могла произойти встрѣча Славянъ со Спалами? Всего вѣроятнѣе, что Спалаи появились въ Поддѣстровѣ и на нижнемъ Дунаѣ, придя оттуда, откуда впоследствии прибыли туда же Готы, а за ними Гепиды, позже также и сами Славяне, т. е. изъ Повислиня. Давно уже указано, что Бастерны были предшественниками Готовъ; Ө. А. Браунъ въ назв. сочиненіи предполагаетъ, что въ Галицію Бастерны проникли съ сѣвера изъ-за Вислы; къ морю и къ нижнему Дунаю они продвинулись уже изъ Галиціи. Допустивъ, что Бастерны занимали Повислинь, мы увидимъ въ нихъ настоящихъ предшественниковъ Готовъ; и къ соседнимъ племенамъ, между прочимъ, къ Славянамъ, сидѣвшимъ, какъ можно думать, къ сѣверовостоку отъ Повислиня, Спалаи стояли въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ позже стали къ нимъ Готы. Не напрасно имя Спаловъ со значеніемъ «великаны» смѣнилось именемъ **tjudi* (готск. *thiuda* : народъ; такъ называли себя сами Готы) съ тѣмъ же значеніемъ «великаны». Подтвержденіе тому, что Спалаи жили нѣкогда въ Повислинь, вижу въ нѣкоторыхъ географическихъ названіяхъ: въ Восточной Пруссіи находимъ двѣ деревни *Spalienen* (польск. *Spaliny*) — одну въ округѣ *Gumbinnen*, а другую въ округѣ *Königsberg*.

Можно думать, что интересующій насъ народъ называлъ самъ себя Спалами. Отсюда слѣдовало бы, что это названіе должно найти себѣ объясненіе въ германскихъ языкахъ. Не стоитъ ли имя Спаловъ въ связи съ германскимъ корнемъ *spell-* извѣщать, сообщать, откуда готское *spillōn* сообщать, рассказывать, древнесл. *spjalla* говорить, англосакс. *spellian* говорить, средневерхненѣм. *spellen* рассказывать, болтать? Быть можетъ, при *spell-* (изъ *speln*?) было извѣстно *spel* — *spal*; отсюда съ носовымъ суффиксомъ **spala* «говорящій», какъ готское *nuta* «рыбакъ» при *niutan* «удить рыбу». Сопоставьте съ этимъ имя, которымъ называли себя Славяне: Словѣне отъ слов-о.

Рядомъ съ *Spala*, откуда въ славянскомъ получилось Сполъ, было извѣстно еще другое образованіе: **Spalinas*, откуда славянское Сполинъ. Славянское Сполинъ представляетъ не славянскій, а иноязычный суффиксъ *-in-*, что видно изъ того, что основа Сполин- является не только въ единственномъ, но и во множественномъ числѣ (см. выше Сполини), а также въ прилагательномъ (сполинскъ, исполинскъ); славянскій суффиксъ *-in-* образуетъ только основу ед. числа, ср. словѣнинъ, богаринъ, но словѣне, словѣнскъ, богаре, богарскъ. Суффиксъ *-in-* въ названіяхъ народовъ былъ вообще чуждъ Германцамъ¹⁾. Зато онъ былъ обыченъ у Кельтовъ: ср. *Cotini*, *Autini*, *Atacini*, *Sorini*, *Tricastini* и т. д. Является возможнымъ предположить,

1) Ср. E. Förstemann, *Die deutschen Ortsnamen*, 235.

что Славяне непосредственно отъ Германцевъ заимствовали основу Spol-, между тѣмъ какъ Spolin- они получили чрезъ посредство Кельтовъ. Кельтское посредство обнаруживается, быть можетъ, еще въ одномъ обстоятельстве. Мы видѣли формы stolin-, stvolin- въ польскомъ и кашубскомъ. Не объясняются ли онѣ изъ кельтскаго произношенія заимствованнаго Кельтами у Германцевъ имени Spal-? Какъ извѣстно, Кельты въ древнѣйшія эпохи не имѣли звука r; унаследованное изъ индоевропейскаго произношенія r исчезало почти безслѣдно. Вслѣдствіе этого Кельтовъ затрудняло произношеніе группы sp и въ словахъ заимствованныхъ. Есть основаніе думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они устраняли въ ней r; въ иныхъ случаяхъ діалектически вмѣсто sp являлось sq, откуда sk, ср. нрл. fescor «вечеръ» изъ лат. vesper (Pedersen, Vergl. Gramm. der kelt. Sprachen, 198, 219, 237); быть можетъ, sp замѣнялось діалектически черезъ sv или sf. Такъ могло явиться въ кельтскихъ устахъ Sfalín-, откуда славянское stvolin-, stolin-¹⁾. Что касается протетическаго i въ ispolin-, то сопоставимъ его прежде всего съ i въ общеславянскомъ istьba (откуда древнерусское истьба, русск., польск., чешск., словенск., болгарск. izba), которое объясняютъ изъ германскаго stuba (древневерхненѣм. stuba, нѣмецк. Stube, древнесѣв. stufa, stofa). Быть можетъ, что такое i обязано своимъ появленіемъ кельтскому посредничеству; одинъ изъ кельтскихъ языковъ (кимрскій) систематически проводитъ протетическое u (звукъ близкій къ русскому ы) передъ группами согласныхъ, начинающимися со звука s.

А. Шахматовъ.

1) Миклошичъ въ Etym. Wörterbuch отдѣляетъ stolemъ, откуда онъ выводитъ польск. stolem, stolim, кашубск. stolem, stolim, отъ spolinъ, но не даетъ указаній на его происхожденіе. — I. Per wolf въ Archiv f. slav. Ph. IV, 66 сопоставилъ stolin- съ лапландскимъ stalo, stallo; но Stalo, судя по Lexicon Lapponicum Joh. Ihre (1780), имя собственное одного изъ великановъ, наиболѣе страшнаго, одноглазлаго людоеда. К. Wiklund въ Kleine lappische Chrestomatie (1894) сопоставилъ Stallo, Stalo съ мифическимъ существомъ финскихъ сказаній Taalo.

Программа для собиранія свѣдѣній о свадебныхъ обрядахъ у великорусовъ и инородцевъ Восточной Россіи.

Записать *все* обряды, начиная съ сговора, самымъ подробнѣйшимъ образомъ, не упуская изъ виду и нѣкоторыхъ деталей, которыя обыкновенно опускаются путешественниками. При этомъ обратить особое вниманіе на слѣдующіе вопросы:

- 1) Существуютъ ли какія нибудь игры, праздники и т. п. собранія молодежи, гдѣ могли бы завязываться отношенія, предшествующія браку? Организация этихъ собраній.
- 2) Нѣтъ ли свѣдѣній или преданій о существованіи прежде или теперь базаровъ или ярмарокъ невѣсты? Если да, то въ какое время года?
- 3) Не было ли обычая представлять главѣ народа или племени ежегодно на выборъ всѣхъ дѣвушекъ, достигшихъ въ этомъ году совершеннолѣтія? Если да, то въ какое время года?
- 4) Въ предѣлахъ какихъ родовыхъ или родственныхъ отношеній бракъ допускается, или не допускается?
- 5) Существуетъ ли или существовалъ прежде насильственный или тайный увозъ дѣвушекъ или симуляція его въ качествѣ свадебнаго обряда?
- 6) Существуетъ ли кладка?
- 7) Есть ли обычай, чтобы женихъ работалъ на родителей невѣсты, если онъ не можетъ заплатить калыма (кладки)?
- 8) Не участвуютъ ли въ уплатѣ калыма или кладки, кромѣ родителей жениха, и прочіе его родственники или даже весь родъ?

9) Кому уплачивается калымъ (кладка) и не имѣетъ ли онъ какого нибудь спеціального назначенія?

10) Поступаетъ ли калымъ въ полное распоряженіе семейства, или же въ пользованіи калымомъ участвуетъ родъ?

11) Кому и какіе подарки долженъ сдѣлать женихъ? Дарить ли что нибудь жениху невесты (и что именно)?

12) Кто изъ родственниковъ невесты (или жениха) имѣетъ болѣе всего вліянія въ рѣшеніи вопроса о выходѣ замужъ или выборѣ невесты?

13) Кто изъ родственниковъ жениха и невесты играетъ наиболѣе видную роль при свадебныхъ церемоніяхъ? Значительна ли при этомъ роль родителей?

14) Есть ли (у инородцевъ) бракъ актъ гражданскій или религіозный? Что больше?

15) Сопровождается ли сватанье какими нибудь церемоніями или обрядами? Кто бываетъ сватомъ? Имѣютъ ли сваты особые знаки?

16) Играетъ ли какую-нибудь роль въ свадебныхъ обрядахъ дерево или украшенное деревцо?

17) Кто приглашаетъ гостей на свадьбу? Отъ чьего имени это дѣлается?

18) Обязательно ли или по крайней мѣрѣ обычно ли приглашеніе колдуна? Значеніе его на свадьбѣ?

19) Существуетъ ли свадебный шутъ или лицо, берущее на себя обязанность потѣшать гостей? Кто такимъ шугомъ бываетъ? Не несетъ ли оно еще какихъ-нибудь обязанностей на свадьбѣ?

20) Какую роль играютъ молодые люди при женихѣ и невестѣ, не носятъ ли они особыхъ названій и что эти названія (какъ и предыдущихъ лицъ) означаютъ въ буквальномъ переводѣ (этимологически)?

21) Сопровождаются ли свадебные обряды приготовленіемъ какого нибудь жареннаго животнаго, хлѣба или иного *ритуального* кушанья, какъ и кѣмъ оно готовится, какое носитъ названіе (буквальный переводъ, если названіе не русское), и кто участвуетъ въ его приготовленіи и употребленіи. Есть ли относящіеся къ приготовленію этого кушанья обряды и пѣсни?

22) Гдѣ и какъ происходитъ религіозная свадебная церемонія? Куда послѣ нея отправляются молодые?

23) Какими церемоніями сопровождается отведеніе или отвозеніе невесты въ домъ жениха? Бываетъ ли при этомъ симуляція похищенія или насилія, а затѣмъ примиренія сторонъ? Дается ли, кромѣ уплаченнаго уже калыма, еще что нибудь невестѣ, ея братьямъ или родственникамъ?

24) Играетъ ли при перевезеніи невесты какую нибудь роль колдунъ и какую именно?

25) Есть ли обычай останавливать брачный потѣздъ и требовать выкупа за пропускъ? Кто останавливаетъ?

26) Встрѣча невесты въ домѣ жениха. Церемоніи при этомъ. Не вымазываютъ ли порожекъ саломъ какого-нибудь животнаго, не подносятъ ли невестѣ чего нибудь сладкаго и не предпринимаютъ ли по отношенію къ ней какихъ нибудь мѣръ предосторожности (проведеніе черезъ огонь и т. п.)?

27) Обряды въ домѣ жениха. Устройство брачной комнаты и постели. Предосторожности противъ околдованія жениха. Играютъ ли какую нибудь роль узлы или заостренные предметы? Благословляетъ ли постель духовное лицо? Нѣтъ ли обычая, соответствующаго разуванію невестой жениха?

28) Когда должна происходить дефлорація невесты и вообще вступленіе молодыхъ въ сожительство? Важно ли, чтобы дефлорація произошла непременно въ первую брачную ночь?

29) Придается ли значеніе дѣвственности невесты, не угрожаетъ ли отсутствіе ея какой нибудь бѣдой для дома жениха? Обязательно ли удостовѣреніе и публичное объявленіе дѣвственности невесты? Какъ оно производится?

30) Что дѣлаютъ въ случаѣ импотенціи жениха? Не замѣняетъ ли его братъ или какой нибудь другой мужчина?

31) Пются ли, когда молодые уйдутъ въ спальню, какія нибудь особенныя пѣсни? Не говорится ли въ этихъ пѣсняхъ о быкѣ и коровѣ, небѣ и землѣ и т. п.?

32) Вызываетъ ли торжественное объявленіе дѣвственности невесты какія нибудь особенныя пѣсни, обряды, танцы и т. п.? Не играетъ ли при этомъ извѣстной роли красный цвѣтъ? Что дѣлаютъ въ случаѣ «нечестности» невесты?

33) Нѣтъ ли по этому поводу обрядовъ или церемоній, которыя давали бы поводъ думать, что когда нибудь право на невесту раздѣлялось всѣмъ родомъ или по крайней мѣрѣ братьями жениха?

34) Когда и съ какими обрядами происходитъ перемѣна прически или головнаго убора дѣвушки на головной уборъ замужней женщины? Обязательно ли урѣзываніе или удаленіе волосъ на головѣ и др. частяхъ тѣла?

35) Происходитъ ли обязательное и совмѣстное вкушеніе молодыми какого нибудь ритуальнаго кушанья?

36) Какъ должна держать себя молодая въ первые дни своего замужества по отношенію къ отцу и проч. родственникамъ жениха?

37) Существовало ли право первой ночи и кому оно принадлежало?

38) Существует ли и существовать ли прежде левиратъ, т. е. обязанность одного изъ братьевъ жениться на вдовѣ умершаго брата или сожительствовать съ ней?

39) Существует ли или существовало ли прежде снохачество?

40) Не было ли прежде и нѣтъ ли теперь обычая угощать своей женой гостя?

41) Разводъ, его причины и формальности.

42) Нѣтъ ли обычая при разводѣ или требованіи его бросать мужу туфлю? Для чего?

43) Изображаются ли на свадебныхъ предметахъ какіе нибудь знаки или фигуры, имѣющіе половой или религіозный смыслъ?

Ө. Волковъ.

Записи и отвѣты (хотя бы и на отдѣльные вопросы) по этой программѣ просить высылать въ Императорское Русское Географическое Общество, Отдѣленіе Этнографіи, С.-Петербургъ, Демидовъ пер. 8а.

Закрѣпленные письма до одного фунта, адресованныя на имя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, принимаются на почту безъ оплаты въсовымъ сборомъ.

Второе дополненіе

къ статьѣ „Погрѣбности и ошибки при изданіи документовъ по сношенію Русскихъ государей съ азіатскими владѣльцами¹⁾“.

Прежде всего я долженъ поправить самого себя. При чтеніи статейнаго списка Айтемирева, я, увлекшись тартаризмомъ этого посланца, думалъ объяснить выраженіе «на китадѣ» изъ восточныхъ языковъ, тогда какъ это польское слово *naksztalt* — «на подобіе», «какъ-бы» (отъ *kształt* — «образъ, видъ, форма»²⁾; ср. нѣмец. *Gestalt* — видъ, образъ). Следовательно, фраза: «кровать деревянную на китадѣ скаменъ о четырехъ ножкахъ» получить такой смыслъ: взяли кровать деревянную наподобіе скамьи о четырехъ ножкахъ³⁾.

При разъясненіи слова *ренс-китян* мнѣ не было никакой надобности вставлять слово *китин*, такъ какъ подобная вставка должна только затруднять читателя. Должность рене-китабъ въ Турціи весьма опредѣленная и означаетъ оберъ-секретари при султанѣ.

Въ числѣ ошибокъ Г. Ө. Карпова я упустилъ отмѣтить слѣдующія:

1) «царемъ Аж-Кгиреемъ» (т. 41, стр. 334), а въ текстѣ ясно написано: Ажи Гирѣемъ. Переписчикъ букву *и* принялъ за *к*, а редакторъ этого не замѣтилъ. Подобный недосмотръ тѣмъ болѣе неудобенъ, что въ Литовскихъ документахъ фамилія крымскихъ хановъ обыкновенно пишется Кгирей, чего у насъ никогда не было. Эта ошибка можетъ повести къ соблазну дѣлать разныя предположенія относительно имени Гиреевъ.

2) «А нынѣ восена, августѣ, увидѣвъ себѣ мѣсець, дастъ Богъ поѣдутъ» (т. 41, стр. 516). Можно подумать, что рѣчь идетъ объ осени — такъ нестати поставлена первая запятая; а должно быть: «А нынѣ восе на августѣ», т. е. «а нынѣ вотъ на августѣ».

3) На стр. 517 напечатано: «Садрака», въ оригиналѣ же стоитъ: Сандрака.

Собственные имена татарскія не давались Г. Ө. Карпову даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они написаны совершенно ясно. Такъ, на стр. 556 (41-й томъ) три раза напечатано: Керекша, Керекшѣ, въ оригиналѣ же стоитъ: Керешка, Керешкѣ. Раньше (стр. 547) передано вѣрно: Киришкой. Но для этого редактора ничего не стоило и сочинить собственное имя; такъ, на стр. 545-й того же тома напечатано: «и къ намъ которые пришли казаки, въ Вѣдмѣ твоимъ посломъ и мастеромъ прико-

1) «Живая Старина», 1909 г., вып. II и III; 1910 г., вып. I.

2) См. Полный словарь польскаго и русскаго языка, составленный П. П. Дубровскимъ. Варшава, 1876.

3) На это указалъ мнѣ А. С. Раевскій.

шевать, послать семи», как будто рѣчь идетъ объ урочищѣ Вѣдмѣ, которое пред-
усмотрительно пропущено въ указателѣ. Въ оригиналѣ же написано: *оведоме*, т. е.
въ вѣдомѣ твоимъ посланъ и мастерамъ (л. 1145). Можно ли, спрашивается, поль-
зоваться такимъ изданіемъ?

Исправлю еще нѣкоторые промахи Г. О. Карпова въ этомъ дѣлѣ. На стр. 539
напечатано: «И нынѣ, слава Богу, сегодня у васъ въ рукахъ», а надо: и сегодня у
васъ въ рукахъ (л. 1134). На стр. 542: «и тѣ гости на Дмитріѣ перевезлися», а въ
оригиналѣ: перевозилися (л. 1138). На стр. 544: «иначе не чини приказы»,
въ оригиналѣ ясно: съ приказы.

Для нѣкоторыхъ справокъ по крымскимъ дѣламъ я имѣлъ возможность пользо-
ваться изъ Главнаго московскаго архива мин. иностр. д. книгою за № 2; послѣдній
листъ ея (стр. 1169 и 1170) пришелъ въ такую ветхость, что окончательная ги-
бель его въ ближайшемъ будущемъ неизбежна; а между тѣмъ подъ редакцію
Г. О. Карпова онъ напечатанъ неудовлетворительно. Послѣ нѣкоторыхъ усилій мнѣ
удалось возстановить его, кромѣ двухъ мѣстъ, гдѣ бумага вырвана, и я, въ интере-
сахъ будущихъ изслѣдователей, предлагаю свое чтеніе полностью. Ошибки редактора
(томъ 41-й, стр. 558) обозначены мною курсивомъ, мое возстановленіе заключено
въ прямые скобки, многоточія Г. О. Карпова замѣнены вставками или безъ вся-
кихъ отнѣтокъ, когда оригиналъ былъ достаточно ясенъ, или тоже при помощи пря-
мыхъ же скобокъ.

. . . «и на *полъ ихъ* (вм. на полехъ) пограбили Азовцы, и мы о томъ прика-
зывали въ Кафу къ салтану кафинскому съ Александромъ *зъ* Голохвастовымъ, чтобы
тѣ животы нашего боарина и нашихъ людей служилыхъ и торговыхъ, есекавъ, къ
намъ прислать, также здѣсь жены ихъ *и дѣти* къ намъ прихода о тѣхъ животѣхъ
беспрестанно бьютъ челомъ. И къ намъ нынѣ кафинской салтанъ прислалъ свою
грамоту съ нашимъ посломъ съ Александромъ, да и словомъ приказывалъ, а доказы-
ваетъ, что онъ тотъ грабежъ весь собралъ, ино деи у него взяли тотъ грабежъ ты,
братъ нашъ, а яся деи *еси то осе* къ намъ отослать. И ты бѣ, братъ нашъ, тѣ
жы[воты . . .] нашего боарина и нашихъ людей къ намъ прислать, *чтобы* намъ
жены ихъ и дѣти о томъ не били челомъ. Да [чтобы е]си моихъ казаковъ Смаля
Шемерденева да *Якчору* (вм. Якчубу) Яковлева сына¹⁾, да Хозехмата Мама[кова
сына], *не издержавъ*, ко мнѣ отпустилъ, а съ ними [бы еси ко] мнѣ отписалъ о
своемъ здоровьѣ и о своихъ дѣтѣхъ *какъ* [тебя, брата моего, Богъ милуетъ; да ка-
ковы у тебя вѣсти [буду]тъ, и ты бы насъ о всемъ безъ вѣсти не держалъ. Да ска-
зывали намъ наши послы Дмитрей Ивановъ сынъ Ларевъ да Митрофанъ Карачаровъ,
что пошолъ съ ними изъ Фрязской земли мастеръ рѣзецъ, Григорьемъ зовутъ; и они
ему, сказываютъ, давали у него на дому да и на пути многіе денги. И какъ наши
послы и съ мастера къ намъ отъ тебя пошли, и ты деи того мастера рѣзца Гри-

1) Ранѣе, на стр. 556 напечатано: *Якчору*; но въ оригиналѣ (л. 1166) совершенно ясно
написано: Якчору, и описки тутъ нѣтъ, потому что есть Карачюра (стр. 420), т. е. Черный
Чюра, здѣсь же Якъ (Акъ)-Чюра, т. е. Бѣлый Чюра. Въ Указателѣ Якчуба нѣтъ.

горя у себя оставить, и ты бы, брате, того мастера *Григоря* къ намъ прислать,
также тотъ мастеръ шолъ на наше имя съ нашими послами.

А посланъ пословъ проводить царевыхъ Бориско толмачъ Марковъ до [Пу-
тив]ля, и кормъ имъ давати; а о корму давалъ *и зъ нит*[ьемъ] Дмитрій Володими-
ровъ. А дано Бориску двѣ подводы.

А Дмитрей Ларевъ поѣхалъ на подводахъ же къ Путивлю того дѣла товару,
что остался (вм. осталось) въ Крымѣ въ закладѣ въ *денгахъ у царя*. А что кото-
рыхъ своихъ людей царь просилъ великихъ [полоняниковъ, что] ходили воевать ве-
ликого князя земель, и т[ѣхъ] велѣно Дмитрею Лареву, взявъ у дву князей Ва-
сил[ья] дать царевымъ посломъ Кайсымъ Азеву *да* Асанчѣ [Афизу].

А напередъ пословъ до Нова городка до Сѣверскаго посланъ . . .¹⁾ Алексѣевъ
сынъ Щокни²⁾, а велѣно ему [хатъ съ] ямщикомъ, чтобы держали кормъ готово.

Такъ какъ погрѣшности встрѣчаются не только при изданіи документовъ по
дипломатическимъ сношеніямъ съ Востокомъ, а и во многихъ статьяхъ и изслѣдова-
ніяхъ по Востоку, то я счелъ неизлишнимъ расширить свою первоначальную про-
грамму и отмѣчать промахи и въ подобныхъ трудахъ.

На первый разъ ограничусь «Хожденіемъ за три моря Аванасія Никитина». Значеніе этого памятника нашей древней географической литературы прекрасно вы-
яснено трудами академика И. И. Срезневскаго и профессора И. П. Минаева,
комментаріи которыхъ никогда не утратятъ цѣны; но нѣкоторые отдѣльные слова,
встрѣчающіяся у Ао. Никитина, могутъ быть объяснены иначе, чѣмъ у названныхъ
ученыхъ. А именно:

Тикень (деберъ зла тикень). У Срезневскаго, примѣчаніе 133: «Женгель
злы. . . . Ниже вмѣсто женгель злыи Никитинъ употребилъ другое выраженіе: *де-
беръ зла* и непосредственно за тѣмъ непонятное для меня слово *тикенъ*»³⁾. У Ми-
наева комментарий⁴⁾: «Слово тикень у Ао. Никитина осталось не разъясненнымъ
толкователями Хоженія. Оно наоминяетъ махратское тхикен — поле; быть можетъ
въ данномъ мѣстѣ Ао. Никитинъ опять щегольнулъ иноземнымъ словомъ, что было
ему привычно. . . . Если для обозначенія лѣсистой мѣстности Ао. Никитинъ употре-
билъ индійское слово (женьгѣль злыи), то точно также безъ всякой надобности могъ
онъ вставить и махратское слово для описанія полей».

Это — тюркское слово *тылень*, у алтайцевъ оно означаетъ дерево ель⁵⁾, у
западныхъ турокъ — терновникъ, волчець; можно перевести словомъ колючка⁶⁾.

1) Здѣсь вырвано.

2) Въ Указателѣ этого имени нѣтъ.

3) Уч. Записки Акад. Наукъ, кн. II, отд. III, стр. 280. Въ своемъ Словарѣ И. И.
Срезневскій помѣстилъ слово тикен съ вопросительнымъ знакомъ и вмѣсто объясненія
написалъ: «Ср. перс. тикан (?) — ущелье».

4) «Старая Индія», Спб. 1881, стр. 99—100.

5) Протоіерей В. И. Вербицкій, «Алтайскіе инородцы», М. 1893, стр. 2.

6) Словарь Будагова, вып. I, стр. 369.

Живая Старина. 1911.

Таким образом фразу Ао. Никитина можно передать так: поросль злая, колючка. Странно, что объяснявший академику Срезневскому восточные слова и фразы профессор А. К. Казембек не разгадал этого слова. Что же касается предположения проф. Минаева, будто тикень может означать поле, то такое толкование не годится по смыслу фразы; Ао. Никитин говорит, что нтъ проходу изъ-за горъ и лѣсной чащи, а какое же препятствіе можетъ представлять поле?

Дѣлари. У Срезневскаго: «закупивъ все это для Меликтучара, который запретилъ строго мастерамъ (дѣларямъ) не продавать ничего иноземнымъ торговцамъ» (стр. 289). Этотъ комментаторъ прямо призналъ слово *дѣларь* отъ глагола *дѣлать* и смѣло ввелъ не существующій у Ао. Никитина терминъ: *мастеръ*. Профессоръ Минаевъ, повидимому, соглашаясь съ своимъ предшественникомъ на значеніе слова дѣларь, выразился нѣсколько туманно въ своемъ комментаріи: «Это распоряженіе Ао. Никитинъ, безъ сомнѣнія, узналъ изъ первыхъ источниковъ, отъ тѣхъ же дѣларей, съ которыми онъ, какъ торговый человѣкъ, необходимо имѣлъ сношенія» (стр. 79). Это не мастера и не дѣлатели, а *деллаи*, о которыхъ я говорилъ въ началѣ своей статьи, т. е. маклера, посредники, съ которыми Ао. Никитинъ, «какъ торговый человѣкъ, необходимо имѣлъ сношенія», потому что на Востоку безъ такихъ посредниковъ обойтись нельзя. Въ Западномъ Туркестанѣ мнѣ приходилось наблюдать, какъ въ непосредственные переговоры между покупателемъ и торговцемъ вмѣшивался случайно проходившій мимо человѣкъ и начинать ихъ «соглашать», а по окончаніи сдѣлки просилъ «силану» — подарокъ, и отстранить этого непрошеннаго посредника никто не рѣшился: таковъ обычай. Почему у Ао. Никитина вмѣсто деллаевъ стоятъ дѣлари, отвѣтить не берусь, можетъ быть въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ виною переписчиковъ Хожденія, появившихъ это слово такъ же, какъ поняли и позднѣйшіе комментаторы.

Иичи. «Тутъ родится шелкъ, сандалъ, сахаръ, жемчугъ, иичи (зерна)» — такъ у Срезневскаго (стр. 299). Въ изданіи Минаева сказано: «въ Шабанѣ же родится шелкъ, да иичи, да жемчугъ, да сандалъ» (стр. 150). На какомъ основаніи Срезневскій объяснилъ слово иичи, какъ зерна, я не знаю; но иичи (правильнѣе — инчу) и значить жемчугъ, т. е. Ао. Никитинъ для одного и того же предмета привелъ два названія: русское и турецкое¹⁾.

Суффра. «А у Меликтучара на всякъ день садится за суфрею по 5 сотъ человѣкъ»; профессоръ Минаевъ объяснилъ слово суфрею какъ «трапезу, столъ» (стр. 75). Хотя слово *суффра*, усвоенное турками изъ арабскаго языка, и можно переводить словомъ столъ, примѣняясь къ нашему понятію; но буквально оно значить *скатерть*, и Ао. Никитинъ имѣлъ въ виду именно ее, а не столъ, которымъ на Востоку не пользуются.

Н. Веселовскій.

1) Въ Словарѣ И. И. Срезневскій объяснилъ *иичи*, какъ жемчугъ и бисеръ, со ссылкой на Казембека, вѣроятно, такое значеніе было ему извѣстно и при изданіи Хожденія.

Образцы народного говора Нижегородской губерніи.

Предлагаемыя ниже записи мѣтнаго говора Нижегородской губерніи произносились лѣтомъ 1901 года, во время разъѣздовъ пѣсенной экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по уѣздамъ: Балахнинскому, Семеновскому, Макарьевскому, Араамасскому и Лукояновскому. Для характеристики народного говора записи эти, не смотря на то, что такой же пѣли могутъ служить и самыя пѣсни, казались необходимыми потому, что нѣрѣдко произношеніе звуковъ въ пѣніи настолько отличается отъ обыкновенной разговорной рѣчи, что судить о мѣтномъ говорѣ по пѣсеннымъ текстамъ было бы ошибочно: въ пѣніи, напримѣръ, нѣкоторыя явленія аканья выражаются иногда, и даже очень рѣзко, въ тѣхъ мѣстностяхъ губерніи, гдѣ въ обыкновенной рѣчи народный говоръ представляется окающимъ. Сопоставляя пѣсенные тексты съ разговорными записями, можно видѣть эту разницу народного произношенія, тѣмъ болѣе очевидную, что она наблюдается у однихъ и тѣхъ же лицъ, такъ какъ записи производились обыкновенно со словъ пѣвцовъ, которымъ принадлежатъ особенности произношенія и въ пѣсенныхъ текстахъ.

Точными и полными выразителями народного говора эти записи не могутъ быть, потому что онѣ производились спѣшно и урывками, въ краткіе промежутки времени между записываніемъ пѣсенъ, а также во время остановокъ для перемѣны лошадей и тому под. Такъ какъ въ одной какой либо мѣстности удавалось записать иногда только нѣсколько фразъ и такъ какъ въ самомъ лучшемъ случаѣ наблюдать народный говоръ того или другаго селенія приходилось день-два, то на основаніи такихъ непродолжительныхъ наблюденій представляется невозможнымъ дать общую и подробную характеристику говорамъ вышеуказанныхъ уѣздовъ. Вслѣдствіе этого діалектологическія записи предлагаются здѣсь въ сыромъ, необработанномъ видѣ, — только въ качествѣ матеріала, который можетъ служить для болѣе точнаго опредѣленія говора впоследствии, вмѣстѣ съ подобными же записями другихъ лицъ. Нужно также замѣтить, что

даже тѣ общія подраздѣленія говора, которыя здѣсь сдѣланы, могутъ оказаться не совсемъ точными, потому что наблюденіямъ подвергался обыкновенно очень ограниченный кругъ лицъ — иѣвцовъ, въ средѣ которыхъ случайно могли не оказаться люди съ покающими, напримѣръ, произношеніемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе говорить смѣшаннымъ, — покающимъ и не покающимъ, — говоромъ.

1. Окающий не покающий говоръ.

Деревня Чѣрное, Чернорыцкой волости Балахнинскаго уѣзда.

Дѣвки идутъ на пожарище. Такъ нешто эти слова-тѣ къ царю подѣтъ? Тамъ мало-ли деревень-тѣ! Пожалуй тамъ болѣта, — вѣрно. Я не ручаясь, что старушки будутъ рассказывать. Да ушь народу-то нѣтъ. Онѣ вотъ примерли лѣтъ ушь потъ триццать. Какъ она прибирала¹⁾ г дому, угождать-то на фѣхъ! Онѣ здѣсь у насъ играли. Фѣй бурлаки съ мокшанами-тѣ. Тамъ пожалуй вы найдѣте хорошенькова-та. Тамъ въ Рѣшѣтихъ паротъ простой. Козинѣ-та? — Да, да. Тамъ тоже деревень-тѣ много. Скѣны²⁾ работали. Туды за Козинѣмъ, фѣй тѣмо. Я вѣтъ только слышу, — сама не пою. Да вотъ тапѣрича въ Передѣльномъ, — тамъ тоже по старинному ходять. Пошто ходить-та?! не наѣда. Такъ што мнѣ сказать-то? сечѣсь-ли итти? Бѣжымъ скорѣй, бѣжымъ! Я бѣндырь, и плотникъ, и фѣй. Я фѣй тутъ знаю, — мѣста-то. Здѣшніи какіе пѣсни! Моцманами ходили на судѣхъ. Бурлацка пѣсня, вѣтъ та особлява. Сюю пѣсню ёму, — онѣ услышеть. Въ этихъ краяхъ не поють, конечно.

(Послѣдній слогъ, въ особенности въ концѣ фразы, здѣсь замѣтно растягивается).

Выселокъ Олмино (ст. Сѣйма Моск.-Нижегор. ж. д.), Мысовской волости Балахнинск. уѣзда.

Нѣтъ дрожжѣй-ти? Насилуй ѡдалъ. Скажѣтъ: чево долго на поѣздѣ? Хорошо. Я на сватѣбѣ некогда не ѣздила. Эта пѣсня-та знакома фѣймъ. А то вотъ тоже пѣсня старинная. У насъ никакова чючала нѣту. А больше у насъ ничего нѣтъ. Ушь я вотъ годокъ десятокъ не хожу, а и то завидно. Свѣкнуется вѣтъ какъ: слово фѣй (поють). Стали выпивать молодые-тѣ народы³⁾. Я кабы былъ годокъ десятокъ, такъ я бы вамъ напѣлъ! Двѣнадцатъ годокъ некакова пива не пивалъ. Спаси, господи, душу вашу! Въ здѣшнемъ-ти мѣстѣ некакихъ (пѣсень) не поють. У ихъ дѣмъ-отъ степѣнной. Не мокъ ничего работѣть. Здоровѣе вишь не позволяеть.

1) Набирала слова въ пѣснѣ о тяжелой долѣ молодой снохи въ семьѣ.
3) Молодое поколѣніе, молодежь.

2) Шкуны.

Вы это для себя? Въ другой домъ взойдѣшь, и свиньи-тѣ не стапуть ѣсъ. Вошь какіе дѣла-ти! Поскажутъ наши-ти старики. Съ дѣтими-ти какъ успѣвать? И смерть-ту получилъ за насъ грѣшныхъ. Сечѣсь напѣлесся. Мовѣ-то мужа баринъ былъ простой. Оддай головое жалованье кресьянину мому. Ещѣ по стакашчику!

Дер. Лѣстаново, Мысовской волости Балахн. уѣзда.

Пѣсень пѣсни безобразныя. Молодой паротъ быть, — тогдашнее время тѣмъ-лись. И поѣдѣшь куды-нибуть на работу, — поѣшь. Мѣшчинѣ, такъ и то слушать не хочется. Какіи пѣсни на свой голосъ была. Кругами играли, — первое занятіе было. Когда ищѣ! Фѣй пѣли: и бабы воцѣ пѣли. Эта куды! тутъ далѣко. Дѣ поѣшь, то и большѣ. Г(г)олоса¹⁾ два-три протянемъ. Г(г)олосовую²⁾ (пѣсню) што-ли оиать? Какую намъ играть³⁾-то? круговую⁴⁾? Мы ѣздили за пятнадцатъ вѣреть за воткой-то, — по нужному дѣлу. Здѣсь фѣ какихъ деревнѣхъ четыре трахтира! Какъ приходимъ фѣ каравѣтъ, и запѣваешь. За дворѣмъ-те, за дворѣмъ, за бѣтѣшковымъ. Вотъ едакъ-ту сятѣтѣ. Сначала? Вѣтъ я запѣфчѣя⁵⁾ въ кругахъ-тѣ⁶⁾. Еслибы я первѣ отъ сватѣбѣ пришла. Сначала сходимъ, — стакашчикъ выпьемъ. Въ губерни свой поѣрѣ⁷⁾. Мы-то кресьяне.

Село Рѣшетѣха, Чернорыцкой волости Балахн. уѣзда.

Уходить за любимыхъ-тѣ. Башмачки чѣрепневые. Володьки приѣсѣтъ. Одни безъ-мѣла⁸⁾ дѣвки тонцуютъ. Дѣвки гуляють это, знашь (= знаешь). Не ратъ жѣстѣ своей. Пѣсни такіе ходовые поють. Потомъ чѣйжѣкъ играютъ. Чѣйжѣкъ-атъ? Поѣзтъ приѣзжѣетъ. Къ ворѣтамъ подѣйдутъ и садѣтся на коней. Я запою по своему, а ты по своему. Приѣзжалъ какой-то смотритель. Она (пѣсня) тоже старинная. Я ету (пѣсню) слыхала вѣтъ тоже дѣ-то. Миѣ-ка? А вотъ топѣрича у насъ другой голосъ⁹⁾. А коли¹⁰⁾ меня нѣтъ, — Бохъ знаетъ, што и поють.

Дер. Осѣрино, Бурцевской вол. Балахн. уѣзда.

Его на сватѣхъ было. У еѣ есъ коѣ-какія. Онѣ не поѣтъ, да онѣ пѣмѣтливой. Онѣ зывѣаетъ пѣсни-то пѣтъ. Рассказывать, аи на голосъ нѣтъ? Вотъ топѣрича. Я думаю, некакую (пѣсню) ушь (не пѣтъ). Его правильна ваша рѣчь. Коли етотъ не знаетъ, такъ другой придѣмѣетъ. Нѣту. Распоѣсѣсь, такъ посмѣешь¹¹⁾. Фѣй записано, — наши-ти пѣсни. А забота у ей, — прѣтѣко¹²⁾ забота!

1) Музыкальную строфу. 2) Протяжную. 3) Пѣть хороводную пѣсню. 4) Хороводную пѣсню. 5) Запѣвало. 6) Въ хороводахъ. 7) Пословица: въ каждой мѣстности свои обычаи. 8) Почти. 9) Напѣвъ. 10) Когда. 11) Осмѣлишься. 12) Сильно, очень.

Село Бурцево, Бурцевск. вол. Балахн. уезда.

Кабы опжата¹⁾ была дорога! У ево дѣла-ти маленько позамялись. Г(г)рузу-ту мало поднимають. Схватили робятѣшюкѣ-тѣ. Чай врѣшъ, право врѣшъ: ето не святѣш-ная (пѣсня). Прїѣдешъ когда на сварьбы-тѣ. Онъ бы наказыалъ про зятѣѣ-то. На глаткимѣ-ти полѹ што едѣлаеца! Ето зятя страмѣть молодова. Около еѣ гулянье дѣлаеца. Не вѣдѹмамъ, — какою (пѣсню). У насъ невѣста-та бѣжитъ да смѣѣеца. Только што за²⁾ стыдомъ не поѣтъ. Когда хошъ: и на праздникахъ. Сварѣбныхъ-ту (пѣсень) ушъ пѣтъ. Да каки пѣсовы-ти (пѣсни)! Да мы по сеѣ (= себѣ)-ти не думаемъ. Я вотъ давеча кѣе знала, дакъ пѣла. Да сварѣбныхъ-ту (пѣсень) пѣтъ. Я забыла пѣсни-тѣ. Што ети пѣли, то и мы. Противъ бывалошнихъ³⁾ (пѣсень) нѣтъшныя плохи. Не такіе, какъ нѣтъше. Мѣжотъ быть и бывало. Мнѣ семѣи десятокъ ушъ. Молодѣшъ-то, онѣ и не умѣютъ (пѣтъ). Обѣдайте, — я не ѣмши пропою. Нѣтъше ето не поютъ. Бывало, мужыки-тѣ ходили въ кругѣ⁴⁾. Поѣшъ, такъ и безъ придѹмы знаѣшъ, какая (пѣсня) дальшѣ. Однажѣи онъ ѣдетъ, а я катомъ катаю⁵⁾. А ушъ охота-та нѣтъше отпала. А мы, дураки, давай лишѣ прѣтче. Вонъ Оедотъ знаѣтъ большѣ пѣсень-ту. На распѣвъ-то⁶⁾ не пойте. Вотъ какая была! — мало бывало такихъ-то пѣвѣцъ (= пѣвѣцѣ). А въ другѣмъ мѣстѣ вотъ такъ. Топерь, какъ если помоложѣ... Феѣ пѣсни-ти одѣтъ вѣтъ. Охотникофъ для пѣсень софѣемъ пѣтъ, — не находитеца. Ж(=ш)дѹтъ-помѣдѹтъ, а ево пѣтъ. Какое угаръ! Песчаная, чяжолая дорога-то. Полтора года они были въ орѣндѣ. Фѣ-случѣѣ подвее(=з)ти кирпичю, и то за неволю. Первѣ-то подвезли. Не свѣзѹтъ-ли прихажане-тѣ? Какъ не то⁷⁾, Г(h)оспотъ помѣжотъ. Мы не знамъ по ѣхному-ту. Мы-боло запѣли. Да сварѣбныхъ-то⁸⁾ (пѣсень) пѣтъ. Ето тожѣ давнишняя пѣсня-та. Рады бы старѣеца. Топѣриче. Лампѣя (=Евлампѣя) Спиридонѣвна. А хто еѣ знаѣтъ! Она вечеромъ-ту не была. За труды-тѣ. Спервѣ-то вѣтъ не смѣло.

Дер. Собино, Бурцевск. вол. Балахн. уезда.

Развѣ кто зажгѣтъ. Пчѣлы-тѣ въ имѣ ище были (въ медвѣдѣ). Далѣко. Нанѣлъ полѣсова⁹⁾, а полѣсов-ать говорить...

Конѣвскій стеклянный заводъ, Бурцевск. волости. Балахн. уезда.

Здѣсь родился я, — на заводѣ на своѣмъ. Вотъ севодни у насъ винная лафка открылась. У насъ феѣ большѣ по пьяному дѣлу пѣсни поютъ. Онѣ (пѣсни) у насъ

1) Уѣзжена, укатана. 2) Изъ-за. 3) Прежнихъ, бывшихъ. 4) Хороводы. 5) Пою пѣсни во весь голосъ. 6) Врозь. 7) Какъ ни какъ. 8) Свадебныхъ. 9) Лѣсника.

феѣ сѣрья. А потомъ поили пальтѣ. Подошолъ да бы ему пчѣякнулъ по шляпѣ. Тѣ-то бы одно пчѣ! Истинно, — вѣрно. Тѣло скоро-то не подвѣнѣтъ и къ себѣ-то. Таки (пѣсни) феѣ здѣсь, — большѣ некакихъ пѣтъ.

Село Юрино, Бурцевск. вол. Балахн. уезда.

Изъ сѣмова изъ ево. Вѣрѣтъ двѣнадцать отбѣдѣтъ. Суковѣтово, — тожѣ село оно. Жѣры¹⁾-ти на двѣнадцать верѣтъ. Здѣсь-то пѣтъ. Новыя-ти пѣсни и не знають. Лѣтѣсь²⁾ я полицѣйскимъ десятникомъ былъ. Сичѣсь престольный будетъ праздникъ. А у насъ фѣ приходѣ-то на-разно³⁾. Если фелѹчаѣ поѣдите, такъ въ Правленѣе? Есть вотъ брѣтъя мое двѣродны двое. Вотъ еще пѣсельники⁴⁾ въ Вершилоской волости. Пятнацѣтъ вѣрѣтъ бѹдѣтъ. Если сухопѹтѣмъ-ти ѣхать, то на Конѣфѣкѹю. Ето за насъ тудѣ пятнацѣтъ вѣрѣтъ. Ихъ сичѣсь давно пѣтъ. Ничѣво не стѣитъ.

Дер. Ооминѣ, Андреевск. вол. Балахн. уезда.

У насъ поголовнѣ феѣ пѣсельники. Потомъ основныя⁵⁾ были пѣсни. Етихъ никакихъ не мѣгомъ. Вотъ въ крайнемъ случѣѣ што. Изъ бабъ кажная почитѣй⁶⁾ умѣетъ. Волосной старшина, и то хорошо поѣтъ. А хто еѣ знаѣтъ! А я толькѣ сѣтъ обѣдаѣ. Что севодни у насъ? Онѣ мастѣра пѣтъ. Нарѣтъ тамъ феѣ большѣ фабриш-ный. А потомъ Давыдоски (= Давыдовскіе). Онѣ вофеѣ⁷⁾ хорошо поютъ. Тѣжѣ самое недалѣко. Сѣнокѣшъ пришолъ, — страда. Въ Арамѣскимъ-ти уѣздѣ хорошо поютъ, — вофеѣ хорошо. Забылъ я ништо⁸⁾. Розыскиваютъ. Есчѣ не мѣгомъ (пѣтъ) некакой (пѣсни). Мѣжѣтъ быть гѣлосы⁹⁾ разныя. Не надолго вѣтъ онѣ, — запрѣтѣ (= запрѣщенѣе). Вы спрашывантѣ не тово. Чесное слово, пѣтъ. Рахчѣескія (= Аракчѣевскія) пѣсни феѣ знаѣте. Мы ничѣво съ еѣ не зѣлаемъ. Которы старѣинны (пѣсни). Вы кажнюю (пѣсню) знаѣте. Бѣдѣтъ по феѣ Расѣѣ. Да тамъ охѣт-ники¹⁰⁾, — говорить нечѣво. Онѣ феѣ фѣ камѣннамъ¹¹⁾. Некакѣхъ не знаѣмъ. Зовѹтъ Мѣтрѣѣмъ. Тѣжѣ Андрѣевъ. Фамилѣ такая-жѣо.

Дер. Пѣшиѣха, Пуреховск. вол. Балахн. уезда.

Игровы¹²⁾ были пѣсни, — основныя. Рабѣтали фѣ полѣ, — косили. Сѣтникъ¹³⁾ вотъ взялъ насъ фѣ полѣ, старыхъ-ти старикофъ. Какѹ (пѣсню), ушъ я не знаю. Много старинныхъ-тѣ пѣсень-ту. Она феѣ по нѣтъшнѣму передѣлаѣла. Ето вотъ не

1) Такъ называется пѣлая мѣстность Балахнинскаго уѣзда, — волости Бурцевская и Пуреховская, бывшая вотчина кн. Пожарскаго. 2) Въ прошломъ году. 3) Различно. 4) Мастера пѣтъ, пѣвѣцы. 5) Хороводныя. 6) Почти. 7) Совѣмъ, совершенно. 8) Чѣ-то. 9) Напѣвы. 10) Любители. 11) Въ камѣнщикахъ, — въ камѣнномъ мастерствѣ. 12) Хороводныя. 13) Полицѣйскій сотскій.

радосъ, а слёзы-ти нашы. Едакъ коли фъ празное время да водочки то выпьемъ. Протяну́ть голоси́ночку¹⁾ развѣ? Она поётса разнымъ мотивомъ-тѣ. Въ другімъ мѣстѣ иначе. И у насъ-ту пѣли-жо. Вотъ я бывалъ въ Астраканѣ. А большѣ, такъ сказать, што у насъ и пѣть. Стало-быть мотив-отъ другой. Ещѣ-то у насъ пѣть. Есь вотъ деревни-ти етта большыс-тѣ. Тамъ старики фѣй старины доржатеа. И далѣко ихъ поють вездѣ. Почти што и вездѣ одинъ голосъ (= напѣвъ). На святкахъ поётса. Я топерь и позабылъ. Трицать пять лѣтъ не пѣвали. Безъ миня косили. Одиѣ и пѣсни-тѣ.

Село Васи́лёво, Катунковск. вол. Балахнинск. уѣзда.

Нѣтъ, мы здѣсь караульщики. Три рубля въ мѣсяцъ. Есь-то есь, да въ ёмъ вода стоить. Нѣту. Двѣ-то ещѣ прочиѣ. Каѣтса (=кажется) прочная. Семь вѣреть. Тожо взать? Онѣ деревню-ту знаѣтъ. Катунковской волости. Булки-ти свѣжы (=свѣжія). Вонъ и Катунки сѣло. Четырнадцать дѣнь онѣ шли, — вѣсной ето. Щаслива (=счастливо)! Котору?

Село Митрофаново, Митрофановск. вол. Балахнинск. уѣзда.

Пошли Евдѣню-ту. Въ лѣтошномъ²⁾ году што было, и то фѣй забыла. В(ф)ѣ три недѣли которо было. Я вѣтъ родилса, а ты вѣнчатеа поѣхалъ. Окрѣмъ тебѣ, братъ, некому, Олексѣй. Онѣ молочнины пѣть-то. Ступа-ко сюды. Коли³⁾ выпимшы поплетѣшь, — вотъ и пѣвецъ. Онѣ знаеть и зачать и кончать. Коли напѣсся, самъ не знаешь, чево и плетѣшь. Поди-ко, поди, што тутъ съ мальнишкамъ баятъ! Уста-пѣшь дѣн-ѣтъ дѣнской! Должѣкъ доложыть барину-ту. Человѣкъ чѣтыре-пять. Она бы скорѣе съ намъ спѣлася. Женщины большѣ знають. Нечевѣ не знаѣмъ. Чюжых-отъ бац(=б)ѣ скричѣлъ. Тѣтка мо Варвара, иди фѣ правлѣнѣ! Поди-ко-тѣ, поди-ко-тѣ фѣй! Нѣтъ, чежалѣ, — дѣху мало. Онѣ вотъ и пойтѣ, коли обучѣны. Вѣтъ онѣ гаразды. Какіѣ пѣсни-то? Сначала слово-то чай знаѣшь? Мы ещѣ не пѣли, какъ конѣшніе-ти пѣсни. Захлѣснуло⁴⁾. Домой-ту. Сама просилася фѣ сѣни-тѣ. Незнаю ништо⁵⁾. На святкахъ еѣ поють тожо. Про некрутофѣ-ту. Нѣтъ, конѣшніи-ти вить не поють. Она напѣчетъ солдасѣла. Потомъ онѣ и сказалъ товарищамъ-ту. Мы васъ станемъ страмить. Кажисѣ⁶⁾, что тамъ народу! Лѣтъ-ту? Она уѣбгла ушъ. Ну, помте (=пойдемте) мы!

Дер. Бѣляево, Митрофановск. вол. Балахнинск. уѣзда.

Поють молодые, а мнѣ што! Нонѣче молодѣ-то фѣй и старинныс (пѣсни) знають. Онѣ сами нонѣче выучатеа. Есь и старшѣ. Да пѣть-ту я пѣлъ. Я не люблю,

1) Протяжную пѣсню. 2) Въ прошлогоднемъ. 3) Когда. 4) Запаметовалось.
5) Что-то. 6) Кажется.

хто рассказываетъ, и слушать-ту. «Воспой-то, солѣвущко» ровню и пѣли прѣжа. Какая радость пѣть-то? Педесять пять голофѣ жонать. Больно мнохо! Надѣтъ дѣтѣмъ-то. Какъ скотину бы свалили. Онѣ выкосили. Не притко ето, — зайжѣтъ. В(ф)ѣ пѣрстахъ. Съ имъ посидѣтъ я. Съ тѣхъ поръ такъ фѣй и екомлюю¹⁾. Она напугаетъ етта народ-отъ. Она хужѣ звѣри-та. Сказать незнаю што. У васъ угоды-тѣ фѣй хорошы были. И топерь сеяеъ фѣй ево. Оддохнѣ. Дависъ въ зубяхъ-ту не бывало. Не надо пѣсни-ти намъ. Два-ти слова. Попоймъ здѣсь маенько. Длѣ сѣнокосу дѣрого стоить. Прѣйдѣмъ. Я не затѣживалъ неколи²⁾, какъ она у ѣво работаетъ. Хлѣба-ти хорошы здѣсь. У насъ какіѣ здѣсь покѣсы-тѣ! Съ Бономъ. В(ф)ѣ корни фѣй надо большѣ лошаты. Шоснацать рублей. Много-ли набѣратъ грибофѣ-ту? Три пѣреты. Топерь хорошо. Не вытягаѣса. Ето останная деревни.

Село Городецъ, Городецк. вол. Балахнинск. уѣзда.

Вамъ сомовар-отъ надо-ли? Я думалъ, што чево пошлѣте. Вотъ я пойду, такъ фѣй ровню, — запесу. Попѣсѣу поесуду. Етта вымыть не долго. Кабы для насъ, такъ мы бы хошѣ двацать рассказали. Ушъ давню шар-отъ выкинули. Флак(г)ѣ. Назать ѣдѣтъ. На колокольѣ спѣлох-отъ³⁾ не били, незнаю почему: не видали должно быть. Нечѣмъ не залѣшь. Нѣтъ, вы мнѣ не мѣшанте: глѣ меня фѣй гостѣ. В(ф)ѣ спокойной жызни. Ковда были помоложѣ, и за работой пѣли. Скоробоѣатѣскова прихода. Мущинны первѣ⁴⁾. На кѣжнѣй рас(з)ѣ. И даже гармоніи⁵⁾ не было. Послѣ дѣдуш-кофѣ ещѣ есь пѣсня. А у миня дѣтишки дѣма-то. Дакъ увольте пожалуста меня. Она тожа не знаеть. Мы вотъ осталѣсь старые, — намъ ни одново (сына) и пѣть. Нѣтъ, ушъ така пѣсня. Вотъ молъ пѣсельницы пришли. Скидовой свою шубу сыро-матную. Сынки-тѣ великому государю служить да и я. Я не почѣйпила⁶⁾ и не поужынала. Я вѣтъ не больно знаю еговорѣны (=сговорѣнныс пѣсни). Нѣтъ ушъ, мы топерь домой. Даромъ⁷⁾ не родня. Перехватѣтса дѣньгами-тѣ. Поѣхалъ въ Моску. Дѣньги имѣ командѣръ полка свое дать. На свое-тѣ не пивалъ. Одинацать цѣлковыхъ. Про ево страпалъ. Г(г)лѣ училища, не глѣ васъ. Взѣзжѣя (квартира) на то дана. Трицать восемь свѣтѣкофѣ (=свѣтѣковѣ). Я жыла въ сѣроевъ. Да ушъ чево ушъ лучче! Вѣстимо, што не понимаютъ. Топерь не знаю, зачать-то какъ. Шоснацать голофѣ. До тово поють, такъ страсъ! Дѣдушко, запѣвай, али не надо? Только скажы. Запоѣшь, такъ слово слово и родить. Ето не давнышная (пѣсня). И то фѣй укораятъ (=укорѣютъ) насъ. Какъ ѣво привели, Семіѣна... Сѣтѣгу ѣлова ѣловатой. Камень у воротѣ-та. Едакъ жо устрипалъ хорошо. У меня старикъ работаетъ

1) Едва живу. 2) Никогда. 3) Набѣтъ. 4) Сначала. 5) Гармоники. 6) Не пила чаю. 7) Даромъ что, хотя.

трицать три года ужо. У ево работники, конешно. Вода дешэвле хлѣба. Платки ваши вымыла. Часы-ти одинаковы. Што за имъ (= ими) хлѣпотофъ-ту! Змутило фею воду. Только пыли много.

Село Чернольсская Пустынь, Зиняковской вол. Семеновск. уезда.

Неохота ѣхать-то мужыкамъ. Дѣ ты тутъ? поди-ко сюды! Когда вы возили? Такъ вотъ и сказывайте, кто не возилъ, коли. Я лѣтось¹⁾ чиновника возилъ. Ты не уходи, походи. Кѣжиёй рас(э)ъ. И я скажу, што возилъ. Ково вы возили? Ёдишь (= видишь) ты! Кабы два-тъ рубля! За рупъ за двадцать. Сюды лѣсомъ феё нехорошая дорога-то. У другово тарантасофъ-ту нѣтъ. Въ Г(г)ородецъ не поѣхалъ бы на лошади-то али што. Можоть оттолѣ ишчѣ какихъ-небудь привезуть. Много кресьянъ у насъ. Здѣсь доро́га — первой сортъ. Прямо вотъ ѣздить Семёновски-тъ (= Семёновскіе). Недалѣко вотъ тутъ. Ета на трахтѣ деревня-та. Отвѣзѣ вотъ. До Прокофѣева-то вѣрсты двѣ съ половиной. А Ильинское фправо отъ Луговова-та. Чесное слово. Доро́га сюды вотъ ямиста. Топерь. Сперва на Красногѣрки. Вѣхарево сначалаъ будѣтъ. Мишенька моя-та! Куды ихъ повезли? Поди, поди! Пробросѣееса. Ровно какъ пяти лѣтъ робѣнокъ. Што ты, отсѣхала!²⁾ Держы, держы! Вышѣ подымай. В(ф)сѣ заберѣмъ. Тотъ ходитъ, другой ходитъ. Подоржали. Послѣ дожжѣфъ-то. Имѣньфѣ (род. мн.). Окромѣ. Полѣфъ (род. мн.). Везлѣ (= возлѣ) поля. Маненько. У ихъ.

Село Чистополье, Чистопольск. вол. Семеновскаго уезда.

Было время, — грѣшница переть царѣмъ небеснымъ! Пронесли образа-ти? — Не знаю, я не видала. Старыхъ-то никою не надо. Опять зазвонили. Баушка Надѣжа. Вотъ пока за сѣномъ-тъ ходить. А ты сюды што-ли только пришла? А я, матка, поѣла у ее. Принесла вѣдра-ти? А я фчерась принесла Марѣ-то огурчикофъ пятокъ. Вотъ и я едакъ-жо, родимая. Брала они мазн бѣлой, ну такъ получче было. Вездѣ наживѣееса да вездѣ слезамъ-то и умѣееса. Жыли-боло они со мной отъ Крепченя-то. У еѣ и колидоръ хорошей. Мама, дашъ-ли мнѣ што? Тожо онъ робѣталъ. Ну, Бохъ съ имъ (тв. мн.), — какъ хотять! Што онъ дѣлають, то и ты по ихнему дѣлай. Ну, а у ихъ плоха, такъ хоспотъ съ имъ (= съ ними)! Остальной готъ ушъ. Ну, и стану шататса. Оддай полтинничѣкъ. Ни пить ни есъ нечево. Воиъ мужык-отъ съ топоромъ идѣтъ. Вѣтъ я не наваломъ³⁾ пришла, — сами велѣли. Я баю: вотъ исъ чюжихъ деревень ходить. Съ робѣнкомъ-тъ. А ты молѣ фстанъ порагѣ, а оттолѣ приди попожде. Мѣзгла-розмѣзгла (-ая) дѣфчѣнка-то. В(ф)ся высохла, ровно пѣреть. Кленѣшъ-кленѣшъ! Ночевали у сѣстры. Нельзя у насъ ходить-то. Сѣмка, поди по

лошать. А рукава-тъ вотъ какіе были. Поили-кормили, лѣляли. Ихнова-то хлѣба не ѣдала. Мнѣ нанесуть свое-тъ, сельски-тъ. Лисафѣтушка. Неужли? Въ зиму-ту не пущю. Богаты: чай кажной волосъ по сто рублей. Проводилась (съ ребенкомъ) бы ден-ѣтъ вѣтъ. Г(г)лаза-ти ушъ не видать со слѣсъ-ту. Нѣ съ кѣмъ гѣрѣ розгулять. Рѣвѣшъ-рѣвѣшъ! Мнѣ вѣтъ и будѣтъ. Она старуха лѣхкая. Кто-то у еѣ баялъ. Ка-раульница у попа была. В(ф)ъ самыя фѣ полдни. Двѣ ношы притащила. Она ѣдакъ жо батъ (= басть): нѣ на ково надѣятеся. Куды, мой батюшко? А ты ложысе етта. Теперь чай въ остальной полѣ? Ягоды-ти носять-ли? Я сходила по малину-ту. Потомъ ходила фаругѣрять-ту¹⁾, — нѣтъ ушъ. Первѣ-то вотъ зачѣмѣтъ Овдокѣюшка. У меня, родима моя, нѣтъ ранъ-ту. А на лошади-то поѣдешь, — еѣ и трясѣтъ. Ты опускай, говорить, на верыхъ, на воду-ту. Пухотѣ-то²⁾ опала, ну и слава тѣ, хосподи! Дала капаристовыхъ³⁾ ичепочекъ. Жыла съ мужѣмъ-те. Три платя, батъ (= басть), адѣлала. Што запонофъ⁴⁾ принесла! Въ лафку-ту? Недолго вѣтъ, — мотрай, сечасъ запруть. Куды-то онъ съ подогѣмъ⁵⁾ ушолъ. В(ф)ъ горѣдѣ я слышала. Такъ ушъ никакъ бы и не отошолъ. Теперь застроилое етта. Али вотъ ешчѣ бывало. Осталосъ послѣ ево трое дѣтей. Старшой-то (дѣчкѣ) только два года. Старѣтса и онъ обѣ насъ. А топерь ушъ коньчено. Вотъ какіе мы пѣсни-ти пѣвали. Потому што у меня закай⁶⁾ былъ. Двѣ недѣли почѣсъ⁷⁾ куска во рту не бывало. И дѣсны-ти нарывали. Какіе мастѣра! Пѣсни-ти ети къ дѣлу-ту не подуть. Стыдѣфъ нескѣль нѣтъ. Старшѣ насъ есъ народу-ту. Я вотъ тамоншой, Митѣиной. Изъ мужыковъ-ту Яфимъ Иванычъ попѣвалъ. Изъ женшынъ Овдокія Клементѣева есть. Ети бы скорѣй зафѣли, пѣвучы-тъ⁸⁾.

Село Хѣхлома, Хѣхломск. вол. Семеновскаго уезда.

Вотъ поди-ко сюда пѣсни-тъ слушать, здѣсь скажутъ. Догребли (сѣно) и сядитесь. Розводить бобы-тъ. Пошто кричели? Мастѣра есъ. Ондрей, дай-ко мнѣ грипенникъ. И бабы-ти гребуть, — поди гребн ты. Баба къ бабамъ и направила лыжы-тъ. Отстаньте, дѣвчѣнки! Онъ вездѣ сомунѣяеть (= соблазняетъ). Намъ думать нечево: онъ чѣмъ думать-то? Поди скорѣе, — мужыки кричать. Дѣвчѣнки-то поють фѣѣ нѣтъшнія (пѣсни). Я кажинную пѣсню знаю. Право, толькѣ фѣѣ рѣвѣшъ. Ты не смѣйса, радимой! Хотѣли грести онѣ. Ишчѣ пѣсня есъ. Мы, бывало, ешчѣ маненькіе фѣѣ пѣли. Я говорила вамъ первѣ-то. В(ф)сѣ знаемъ. Вотъ будѣ запляшомъ ушъ. В(ф)сѣ знатѣ да пофторянтѣ. Немношко што-то, а есъ ешчѣ. В(ф)сѣ беззѣбы(-я). Мы бы руськи бы, хоть и жидокъ⁹⁾. Ну, да како(-е), — будѣтъ ушъ. Доржы еѣ! Вѣснѣй-то у насъ поють. Да она чежзла вѣтъ. Она фѣѣ поѣтъ и топерь. Вотъ ста-

1) Въ прошломъ году. 2) Бранное слово. 3) Безъ приглашенія, незваная.

1) Въ другой разъ. 2) Опухоль. 3) Кипарисовыхъ. 4) Фартуковъ. 5) Съ палкой. 6) Общаніе не дѣлать чего-нибудь. 7) Почти. 8) Пѣвцы. 9) Присловье: хоть чай и жидокъ, да мы то были бы рускіе.

ринка-жо. Чёво? Вотъ только какъ её запѣвають? Кабы я была чиганка (цыганка)! Нонче такъ феѣ пляшутъ, — бесъ пѣсенъ. Ну-ко-тѣ! Ето феѣ ей. Куды грабли дѣли? Педьдесять. Промежѣ Рожественскимъ и промежѣ Комаровымъ. На-ко топеря, греби. Не тутъ што-ли? Али кишки-тѣ не мятъ? Дай-ко погу-ту.

Дер. Сивцево и Быково, Холмск. вол. Семеновск. уѣзда.

Ушъ у насъ етова пѣтъ. Себя ушъ потворю¹⁾. Г(г)олосамъ-тѣ²⁾ разные во фсякимъ мѣстѣ. Тутъ вотъ ноту выставляютъ. Г(г)олова болить сѣдни³⁾. Што, братъ, дѣйствуѣтъ? Вы люди-ти учёные. Ето феѣ нашо сродство⁴⁾. Г(г)ля меня дакъ не нужно. Семой мѣсяцъ. Ето мнукъ (=внукъ) мнѣ будетъ. Етехъ пѣсенъ у ихъ много поють, — достаточно. На нѣской нотѣ она (пѣсня) сводится. Пѣте-ко вы, потрудитесь. Онъ отмѣтитъ феѣ: и запѣвы, и допѣвы. Ты успѣешь занятса-то. Мы заворотимса. Мокчѣ то можомъ, да устали ушъ. Оно ушъ подымаетъ. Тежело вѣтъ. Посмотритъ фъ календаръ бы. Ету возмуть, а ту дадутъ. Со своимъ занятіемъ. Ета (пѣсня) попростѣя. Розличька-та⁵⁾ есъ въ голосахъ-тѣ. Значить, надо чесь-чесью. А насъ люди-ти слушали. И куды хотитѣ, уѣтьте. Она вѣтъ ушъ у ихъ описана, — пѣсня-та. Много-ли мы пѣсенъ-ту споёмъ? Безъ совѣсти лицо не износишь⁶⁾. Я коли⁷⁾ фъ гобстахъ, четверть вина покупаю. А Богу молитса, вотъ ушъ шва⁸⁾ пѣтъ. И пѣсня даже занятная, — вофеѣ⁹⁾ занятна. Я на феѣ ополовники горшокъ¹⁰⁾. Вотъ она, — вешчъ-та. Вы люди учёные. Бохъ дастъ здоровья. Знали тѣрдыемъ холосомъ. Ты вѣтъ пѣвецъ-отъ праской¹¹⁾, — я тебя знаю. У насъ такъ потомсвомъ¹²⁾ дѣло-то и ведѣтса. Г(г)араздъ ты, Власофъ, пѣтъ-то.

Дер. Zubovo, Чистопольск. вол. Семеновск. уѣзда.

Твою-то лошадь зловили, а наша-та не далась. Я бала (=баяла), што не надо. Лѣтса. Качаетса. Чёво? соли? Извольте. Не нашли хозяина-то.

Г. Семеновъ и дер. Дьяково и Хвостиково, Семеновск. уѣзда.

Не знаю ушъ, не помню. Некакова не Кирила не Данила не бывало. У насъ только огонь шгутъ робятѣшка въ масленицу-ту. У насъ вѣтъ кругами¹³⁾-тѣ не играютъ. Тутъ и плясали. Чёво? Бывало, ето человекъ сойдѣтса, — пѣли фсяки пѣсни. И топеръ такъ, — феѣ равно. Тутъ ушъ прибавишь, молодѣ-ѣтъ. Я зарѣкса¹⁴⁾

1) Потворствую, балую. 2) Напѣвами. 3) Сегодня. 4) Родственники. 5) Разница. 6) Т.-е. безъ стыда не проживешь, — нечего стѣсняться (пословица). 7) Когда. 8) Способности, наклонности. 9) Очень. 10) На всѣ руки мастеръ (пословица). 11) Настоящий, «правдынный». 12) Изъ поколѣнія въ поколѣніе. 13) Хороводами. 14) Закался.

ушъ. В(ф)ъ прѣжней-то время вотъ такі (пѣсни) пѣли. Конечно чай слышали. Съ удовольствіемъ. Вѣтъ много ихъ было фтеченіе пятидесяти лѣтъ. Давнишняя. Одну (пѣсню) знаю давнишнюю. Давайте свѣрбениую-ту (пѣсню), веселую какую. Г(г)олоса¹⁾-тѣ разны(-е). Незнаю, чёво намъ спѣтъ. Тебѣ педалѣко фъ Дьяково-то дотти-то. Не къ тому разум-отъ. Исъ старины не заведѣно. Десеть лѣтъ. Ето повсемѣно. Имѣфъ-то больше пѣтъ, какъ Ипанофъ дуракофъ да Васильѣфъ соплякофъ. Онѣ пѣли сговорѣны(-я) пѣсни. Валяется ушъ. Прже пѣли, — Бохъ знаетъ когда. Ета пѣсня на заглавіе²⁾ была фъ стары-ти годы. В(ф)сево-то съ десятокъ. Оболочка ходить, — сѣно надо сгрѣбать. В(ф)сѣ мѣшчинки.

Дер. Шалодѣжъ, Шалодѣжск. вол. Семеновск. уѣзда.

На етой сторонѣ, дѣмантѣ? Могите. Туды ушъ вы подвигатца бѣдитѣ. Лошкарѣ-ти³⁾ у воротъ-тѣ запѣли пѣсни-тѣ. Дѣск(г)ъ-тѣ много было съ имъ? Да вѣтъ ра (=развѣ) долго?! Много годофъ-ти, стало быть, старостой? Сынъ сво тутъ. Прже праздникъ придѣтъ, дакъ фъ хорошей домъ вотки-го четверть купать, и будѣтъ. За серцо-то и берѣтса. Нѣтъ, видѣлъ бабу-ту, а ево пѣтъ. Не сказала ничево. Вы спимать могитѣ? Съ бабой воевалъ. Только намы женщины сечасъ феѣ заняты. Постарѣмса. Г(г)ля веселья-то. Ослободѣтса. Вотъ помоложѣ-то валийтѣ! Ну, другую. Знѣнтѣ. Старинны-ти (пѣсни) которы. Знамо (=конечно) такъ ушъ. Тожо знаютъ. Ты знѣшъ еѣ вѣтъ (=вѣдь). Не больно вотъ и я хорошо-то знаю ишчѣ. Я безъ голосоу. Василий Максимычъ потѣббитъ. Она (пѣсня) поѣтса голосоу⁴⁾ повымъ и старымъ. Одному-тѣ не привольно. Хошъ и знаешъ, докѣнно⁵⁾ знаешъ, а голосоу нѣтъ. Вотъ святошныя⁶⁾ (пѣсни) поють. Я фсею-ту еѣ не знаю. Окрѣмъ Оѣдора-то еѣ никто не споѣтъ. Протѣнѣмъ⁷⁾ еѣ (пѣсню). Ишчѣ можотъ попадѣтъ. Только во время святокъ. Ну-ко-тѣ споѣтъ голосовую⁸⁾ (пѣсню). Шѣтошны-ти (пѣсни) вѣтъ намъ ушъ не поютса. Больно нынче тошчѣ она (рожъ). Не знаемъ ушъ, какіе незнакомы-ти (пѣсни). Вы какихъ коней-ту (спрашиваете)? А потомъ ушъ Костромскы(-іе) вотъ будутъ (деревни). Сторошъ пошолъ вонъ къ вамъ туды. Мы, жонѣты, ушъ не поѣмъ. Тогда ушъ не ходимъ. Окрѣмъ свѣткѣфъ (=святѣ) у насъ пѣтъ особыхъ-тѣ (пѣсенъ). Она голосовѣя (пѣсня), да и по игрѣшкѣ⁹⁾ еѣ нынче поють. Микита Павлычъ. А лошадь-то дѣ? А што безъ дѣла-то пѣтъ ихъ?! Я слыхивалъ. И пѣсни переводятъ такжо. Она не подѣтъ въ дѣсвіе (=дѣйствіе)-то. Съ тримѣ (пѣснями) уѣдутъ. Г(г)ляди, не добѣмса двухъ-тѣ (пѣсенъ). У васъ часто выходятъ лѣпки замушъ-тѣ. Урожай у насъ плохой теперича. Отъ часъ (=часу) феѣ дорожѣ.

1) Напѣвы. 2) Начальная, главная. 3) Ложечники. 4) Напѣвомъ. 5) Доподлинно. 6) Святошныя. 7) Споѣмъ одну строфу. 8) Протяжную. 9) Въ качествѣ хороводной.

Забыли, пра (= право) забыли. Завѣль чю, бать (= баеть), хорошо. Пѣть-то бы умѣмъ. Вногю бы ихъ. Здра¹⁾.

(Последній слогъ фразы, особенно въ вопросахъ и восклицаніяхъ, растягивается).

Село Владимірское, Владимірс. вол. Макарьевского уѣзда.

За народомъ. Меня. В(ф)сѣ равно, и за народомъ схожу. Каковѣ буде ѹмолотомъ²⁾ бѹдѣть (рожь), а нажынъ³⁾-то плохъ страсъ! Безъ назымъ⁴⁾ не сѣяна ни одна полоса. Суслопъ (= 20 сноповъ). Оедюнька, есь-ли вода-то? Здѣшныя. Въ озерѣ вотъ ничево вода-то. Вотъ тутъ маккая вода. Чайникъ возьмемъ, потомъ заваримъ. Онѣ (мужики) бы разгулялись. У ихъ лѣсу много. Мѣрили вожжами мужики-ти. Дѣ хошь, поѣжжай, вездѣ тихо. А дѣ такъ твѣрдо, — не идѣть подѣг-отъ⁵⁾. Слѣпцы-ти сходятся и поютъ долго. Здѣсь кожда⁶⁾ собираются онѣ (слѣпцы). Ихъ топерь-то нѣтъ. Есь холостѣги⁷⁾: и голосѣ есь, да не ходятъ пѣть-то. Сюды не призовѣшь. Учителъ у насъ ничево. — хорошей. Емче не учить докуда⁸⁾. Маленько боло стали розучѣтъ. Она (пѣсня) тожѣ бѣжа⁹⁾. Нынѣче женился онѣ. Посулились: придѣмъ, говорить. Емчѣ двоихъ кричать, — не знаю, скоро-ли. Конечно, которые (пѣсни) пѣвать, такъ знаешь. Теперичѣ и выдумки не хватить. Нѣтъ старинныхъ-то писенъ. Одну поѣшь, а другая на мысляхъ. Выдумать-то писню-то бы едакъ! Хорошая пѣсня задаромъ¹⁰⁾ пропадѣтъ. Старики бывало фѣѣ пѣли. Здѣсь у насъ не одинъ человекъ не знаетъ. Которая (пѣсня) вотъ сто лѣтъ не пѣвалась, нати-то бы. Не бѹдѣтъ-ли пѣть (= пѣть)-то? Которую-небуть ешню можоть дадутъ. У ево есь-ли? И такимъ-жо голосомъ? Ты знаешь караводныя-то пѣсни. На раз-отъ¹¹⁾ не выдумайшь. Тутъ лошкарѣ-ти еѣ фѣѣ поютъ. Есь-жо маленько разницы-то? В(ф)жъ каждую волосъ заѣжжаютъ. По ѣй (пѣснѣ) дѣфки-ти плясали. Садись, салдагъ! Потъ покѣсеемъ-то налі¹²⁾ заходишь. А сѣдни забылъ. Г(г)овадины добьюсь¹³⁾.

Село Воскресенское и дер. Лѣвиза и Уколово, Воскресенск. вол. Макарьевск. уѣзда.

Дѣ мнѣ знать! Не фѣ томъ главное, што скушно. Которые (пѣсни) знаемъ ежали, такъ скажемъ. Што мы съ тобой двѣ-то напоёмъ! По еѣ (= ея) сестру. Айда¹⁴⁾, сходимъ-ко по Марфу! Двоимъ дѣ спить (= спѣть), што ты! Г(г)лупъ ишню ужасно. Я мало тамъ живу съ мужыкамъ-то. Развѣ ишню? Ни копейки дѣнег(г) нѣтъ. Дѣнег(г) нѣтъ, — шъ чѣмъ пойду? Семнадцать-то губерній про-

1) Напрасно. 2) Количество вымолоченнаго зерна. 3) Количество нажатыхъ сноповъ. 4) Навозу. 5) Палка, посохъ. 6) Иногда. 7) Холостые. 8) Пока, до сихъ портъ. 9) Хороша. 10) Напрасно. 11) Сразу. 12) Даже. 13) Достану. 14) Пойдемъ.

ѣхали. Неохота сидѣть. Олександрѣ Николанчѣ. Што дѣвокъ долго нѣтъ? Старики-тѣ правильно знаютъ. Двѣ-то конечно не смѣемъ. Не смѣемъ. Нѣчево ето говорить. Капѣнѣй-то поѣшь хорошо. Не хотѣть повинѣтца. Здѣсь народ-отъ медлѣтъ, — правду, медлѣтъ! Не списана¹⁾ писня-та ета. Послѣ-то надумаѣшь и много, да послѣ время (= времени). Чѣво стѣсняться! Ой, не умю! Дѣфки-ти не знаютъ. Ета пѣсня давнышняя. «Спасибо!» — «Бѣсъ тово красиво!»²⁾. Намъ не слободно. Писарѣ-ти ушли фѣѣ. Штукъ двадцать перебрѣлъ. Дорогой карактеръ. Шасъ пѣсень. Какихъ же вамъ здумать? И сѣдни³⁾ вотъ ходила по селу. Конечно, ети фѣѣ знѣтны⁴⁾ пѣсни. Нѣ по комъ было выть. На работѣ поютъ еѣ. Вратъ нѣчево зри. Со знѣошнымъ я бы спѣла. Не было ешчѣ рѣшѣно дѣло-то. Есь колѣ одна (пѣсня), такъ и фѣѣ есь. Я отъ васъ жо училса. Потъ хмѣлкомъ-то кожда старики-ти были. Покамѣтъ⁵⁾ ходишь да училса. В(ф)жъ самъ-дѣтъ не знаю. Екая таваришнѣ у мина негѣдной⁶⁾! Ушь вногю. Нѣту дома-та. Погоди, я качилъ завѣшу⁷⁾. Поди-ко сюды. Фѣѣнка, иди домой скорѣѣ! Вотъ четыре коровы ихныя. Пѣгъ сюды (=пойди сюды). Поди, качай Колю. Айда вошь туды! Куды побѣгла? Давай руку-ту. Воспа пере-велѣ⁸⁾ (глаза).

Село Покровское, Покровск. вол. Макарьевск. уѣзда.

Дѣ пастух-отъ? Подложымъ. Наша-та (корова) неколі не оставалась. Да коровы-то нѣту. Разъ (= развѣ) штѣ хромаѣтъ она? Ето вотъ чѣя корова-то бѣлорожая? Вотъ одну лонать нашолъ. Отворѣ мнѣ ворѣта тутъ. Куды-жо она ушла? Ровно слыхатъ, — она тамъ вопить⁹⁾. Пастуха бы напѣять и гонѣть фѣѣ полѣ.

Село Головино (Васильевское), Покровск. вол. Макарьевск. уѣзда.

У меня отецъ былъ пѣсельникъ. Не софѣмъ, кажется. Бѹдѣтъ побольше. И голосуе-ту нѣту. Не позволяетца и пѣть-то. Ушь я боло не пошла. Ета писня есь у васъ навѣрно въ грамѣтъ¹⁰⁾. Къ нашѣму (напѣву) нельзя пристать. Запой-ко, право! Съ артилью-то поѣмъ фѣѣ. Ну дакъ скорѣѣ што-ли! Онѣ посѣбитъ. Полно-ко ты говорить! Только не вези фѣѣ сторону. Сперво-то ровно такъ и надо. Пожалуй бабамъ-ти нельзя. Отселѣ слышнѣѣ. Вы бы насъ не утогнали отъ пѣсень. Я бы ихъ (пѣсни) кубарѣми покатишь¹¹⁾. Ихъ много. Мы изъ разныхъ деревень-ти. В(ф)другѣреть¹²⁾-то надо оставить. Онѣслѣ не пѣвала. Ету (пѣсню) не поютъ дѣфки-ти. Я помоложъ, да поменше вашова-то пою. Изъ бап(б)ъ што-ли ись какѣхъ? Едакъ-жо. Вѣснѣѣ такъ у насъ пѣсень найдѣтса. Я вотъ утакаюсь¹³⁾ съ товарищѣмъ. Ходютъ выюномъ¹⁴⁾-ти.

1) Не написана, не записана. 2) Присловье. 3) Сегодня. 4) Извѣстны, знакомы. 5) Покамѣтъ. 6) Сказано о дѣвушкѣ. 7) Повѣшу. 8) Уничтожила, испортила. 9) Мычить (корова). 10) На бумагѣ. 11) Т.-е. пѣсни пошли бы безостановочно. 12) Въ другой разъ. 13) Уговариваюсь. 14) По пѣснѣ «Со выюномъ кожу».

До объѣда-та не подѣмъ. Робѣтаетъ. Съ Марьей мы бы спѣли еѣ лофко. Ну, иди-ко сюды. Кривулями ходить. Найдется зафтра. Есь эта пѣсна? В(ф)еѣ бросилось ето дѣло. Какъ зачѣнѣть, такъ некто некакъ не пристанетъ къ нему. Знамо¹⁾, не умѣемъ. Она вотъ занемогла. У ей память твѣрдая. Онѣ такъ мѣшаются въ разумѣ-то. Не подѣтъ. Мы, голова, фѣѣ возимъ. У насъ выдуманно топера. Ушъ она (пѣсна) подновлена. Поютъ, сичасъ поютъ. Словофъ (= словъ) десетъ есчѣ фпреди есь. Мы здѣшны(-е). Сѣлѣ Ягодна. Я бѣгъ²⁾ на пороходи. Тождѣ сѣсколь³⁾, сколь мнѣ (лѣтъ). Ёгоръ. Жать ёму жарко. Туримса⁴⁾ жать, штобы съ людьми-то поспѣть. Бѣленькой али чѣрной (транки нужно)? Поднимется вѣтеръ. Не одно облако не продѣтъ такъ, штобы смирно. А не можно сходить на рѣку? Хѣчнѣ. У гречѣхи-та, — у ограда-та. Восей⁵⁾ я ходила, — больно былъ зеленъ (лѣтъ). Тѣ-то, мотри! Затворишь двери-ти да запри на крючѣкъ. Не ходи, айда (= ступай) домой! Янцѣ добилса⁶⁾. Скушно чай вамъ день-то? Вотъ мы какой нарѣтъ-то, деревѣнышна! Я ихъ наразумилъ⁷⁾. Обѣдѣаетъ. Въ етимъ мѣстѣ не дозволять. Въ Васильскимъ уѣздѣ. Дождѣфъ нѣтъ. Ишино ушъ не знаю. Мало еѣ нонче поютъ. Ты садисъ поди здѣсь вотъ. Таварища-то нѣтъ. Нѣчево сказывать. Лѣксанъ Яковличъ фѣѣ пѣлъ еѣ. Есь-ту есь, да мы еѣ не знаемъ. Кто тутъ? — Чѣлять (=челядь), — робятѣшки малѣньки. В(ф)гѣпоры можно понать. На имъ (=на немъ) сидитъ. Карантасъ (=тарантасъ). Другѣмъ концомъ.

Г. Арзамасъ.

Одной-то нелѣфко: смѣлось не берѣтъ. Вмѣстѣ мы пѣли. А есчѣ кто? Она умѣеть-ли пѣть-то? Болѣ насъ здѣсь не знаютъ. Другой ушъ нѣтъ: она уѣхала въ ярманку. Не пойдутъ старухи-тѣ. А нынѣ боятся ушъ. А намъ етова не позволяютъ. Къ намъ не ходили. Въ караводахъ ихъ видѣли. А у насъ она (свобода) была стѣсна. Для насъ было очень весело. А нынѣ куды мы выдѣмъ? В(ф)еѣ едакія пѣсни-ти вотъ. Не ходите много-то. Больно старыхъ (людей) здѣсь не знаю. Къ Ильи-ти женѣ. Маненькой тутъ (домъ).

Село Крюковка, Крюковск. вол. Лукояновскаго уѣзда.

Едакъ што-ли? Сначала. Знайте. Да, конешно. Ну, давайте. Караводныя (пѣсни). Какая ишчѣ? На сварьбахъ вотъ ети поютъ. По другому. Не знаю ушъ какую (пѣсню). Я ни запою еѣ. Онѣ навѣрно поди знаютъ. Плясовые-тѣ (пѣсни). Не давнышная (пѣсна). Про сундуки-ти (пѣтъ). У насъ мало пѣснями-тѣ занимаются. А вѣтъ у насъ нѣтъ етова. Да, разниа, большая разниа. Мы односемейны(-е). Мѣжо не знаютъ. Едакъ што-ли сначала-ту? Какъ не запоѣшь, вы знайте. Мотри! Што будѣтъ ишчѣ? Муку сѣять некому тамъ.

1) Конечно, известно. 2) Ъхалъ. 3) Столько. 4) Стараемся, заботимся. 5) Назадъ тому нѣскольکو времени. 6) Досталъ. 7) Надоумилъ.

II. Окающій прицокивающій говоръ.

Дер. Безходарное, Галибихинской вол. Макарьевск. уѣзда.

Колі¹⁾ будѣтъ! Давай ишино. Нечютъ²⁾ Іѣнова-то? Бестолковѣй. Екой работникъ, — паринико! Порядошно, кормилецъ. Какъ ево? Что ети листки-тѣ! Затворишѣ, затворишѣ! Косыка, кацій (ребенка)! Завѣдомо³⁾ хуже. Не каційтѣ? Приучить. Только родить, да въ баню-ту понесутъ люльку-ту. Ты куды поможъ? Мы давнышныя. Чай (= чай) за другимъ какимъ дѣломъ. Вотъ ишино тутъ верѣфка.

Село Собакино, Собакинск. вол. Арзамасск. уѣзда.

А то я бы тово, — збѣгать. На задахъ прошла желѣзная-га дорѣга. Два сына у меня тамъ работаютъ. Здѣсь вотъ служить да ишино пашню убраешъ. Онѣ боятся, стѣсняются. За верету ево голосъ слышно. Какая штука-та да! Надо сестру ево стѣсняются. Нельзя-жо, нельзя! Невѣста къ жениху шъ чѣмъ идѣтъ? — Съ пшеней. Ваши-ти бабы знаютъ. Приду, батъ (= багъ), дѣлать нѣчево. Онѣ свадбешныя (пѣши) фѣѣ бы высказалъ⁴⁾. Нѣтъ мнѣ пѣсьма не отколъ? Немѣтныя годы ему дай Бохъ! Четыре оичева. Мимо проѣхали вы. Калікай⁵⁾, разговаривай, а онъ не понимаѣтъ. Маненько онѣ тово, — упасаются. Утла⁶⁾, пофее ўтла (церковь). Сбираютъ у ихъ. Есь и благодѣтели. Прилежности нѣтъ у ихъ къ Богу. В(ф)еѣ желѣзо, духотѣ. Пройдѣтесъ у насъ, по нашѣму Собакину. Имъ фчерасъ прикасъ пришолъ. Подогрѣтъ (самоваръ)? Племяннѣ есь. Двѣ дѣвоцки есь. Лѣтъ шашнапать только. Вѣтронъ-ти маненько (одуетъ). Со фторово Спасу у насъ напшутъ (сѣять). Зѣмли-то у насъ плохен. Г(г)рѣцы я высѣялъ нынѣ восемьдесятъ мѣръ. Вотъ видинъ, какеи жары. Онѣ запашѣтъ даже три мѣры. Онѣ валитъ назѣмъ въ ето время. Рядомъ съ ними. В(ф)ѣ пѣтвѣртѣкъ. У насъ плохѣи базары. Съ той стороны не ѣздютъ. Дѣ ўгли-то? Здѣсь есь, въ Арзамаскимъ (уѣздѣ). Онѣ дѣ у васъ? Ето вычѣстили, ето нѣтъ. Весь лѣсъ она перецла (= пересчитала), а свой не смышала. Г(г)отъ вотъ вокурать у насъ дѣло (танецъ). У цѣрквѣи, дѣ ети лѣманыя-ти лафки. Мы выстроили свое лафки. Болтаемъ, а ницѣво не знаемъ. Нѣтъ, батъ (= багъ), да куды намъ?! У насъ фѣ планъ извѣсно. Нѣтъ, батъ, оманетъ. Вотъ поцѣму владѣли. Камень находили въ етимъ мѣстѣ. Дѣ сецасъ стоить. Повѣрнула вотъ сюды. Мяхкая вода, — лѣхкая. Ето ўбытокъ страшѣнный. Какая-жо тутъ ѣзда! Онѣ тамъ фѣѣ вышчиталъ доходы. Уцѣнили фѣ семесѣтъ цѣлковыхъ. Хлопоцутъ и сецасъ. Полномѣщныя⁷⁾ были. Раза два и не издѣтъ. Колі скотина пройдѣтъ. Назначили они ешино два пе-

1) Когда. 2) Не слышно. 3) Вѣроятно. 4) Разказалъ. 5) Говори. 6) Ветха. 7) Уполномоченные.

реѣзда. У етова капиталъ есь. У насъ парнозѣмъ земля. В(ф)ъ трѣхсотъ саженихъ отъ нахова силенья прошла. Земскій нацальникъ. Така-жо у меня надѣлъ есь фъ полѣ. Тамъ земля бѣлая, песчаная. Можомъ мы на свой шпоть здѣлать. Поникло¹⁾ дѣло. И казна вотъ обидѣла лѣсомъ-ти. Награжають етимъ. Онъ потянетъ ишино деньги. Казняя палка куплена. Приѣдишь опять въ обѣтъ (= во время обѣда) безъ малова. У насъ чѣпами молотятъ. Захонѣ пойесъ и оддохнуть. Позать рѣки Навры. Вотъ такіи стѣны. Ширина стѣны аршинъ два и болѣ. Кругомъ еѣ валъ, знаенгъ. Вродѣ луговиниш²⁾ надъ рѣкой. Насъ было сорокъ цаловѣкъ отсѣлѣ. Рѣка быстро бѣжыть, только не глыбѣка. Рѣга (= рига). Дорѣги взать и фперѣтъ на казенной ишпоть. Сто пудовъ исеку-то. Надо лошты на лѣто, а я еѣ продать. Изъ земсева угрономъ (= агрономъ) приѣжжалъ суды. Скотинки, слава Богу, у насъ! Клиперъ сѣли (= сѣяли). На какимъ мѣстѣ можно? Я полѣу сѣлать нынѣ; незнаю вотъ, какѣи бѣдѣтъ. В(ф)сѣ (вишни) утродились (= отродились). Можотъ (яблони) сокъ фъ сеѣ взать. И сменѣфъ (= сѣмянѣ) дали намъ даромъ. Залуживѣтъ³⁾ (клеверъ) крѣпша. Я былъ тутъ на какимъ-то собраніи. Въ Вореме (= въ Воремѣ). Какъ слѣдоваѣтъ запѣтъ можно? Неужли правды? — Пра (= право). Бохъ миловалъ. В(ф)сѣ ошшо работоу, мѣлой мой. А сынокъ-отъ въ работѣ каменной. Она (шляпа) Москѣская. Пароду нашоу цѣлыхъ пять, ай⁴⁾ болѣ. Я расѣйской⁵⁾, черковной (= церковной); — фъ черкофъ хожу. Молѣтеа вотъ два дни положѣно. Г(г)одофъ полтораэта двоимъ-ти бѣдѣтъ. Бохъ украсилъ насъ сѣдиной. Топериче забыли. А топере не можно? И то, батъ (= братъ), пѣсни пѣла. Можно сиеъ-то? Ишпѣ стулья есь. Я и фъ поле не хожу, — мѣчи⁶⁾ — то пѣтъ. И мнѣ безъ малова семьдесятъ (лѣтъ). Ишино што-ли сказать? А онѣ ушъ жаварѣнки. Помогіи ему. У меня голосъ урѣзной⁷⁾. Одной дѣ ей спѣтъ! Со мной пѣли, — она была шабрѣнка⁸⁾. И не пѣлъ бытто николі⁹⁾. Натомшиахъ. Я ушъ пѣлъ до насъ: писенъ пять пропѣлъ. Запѣтъ то запоѣмъ. Распоѣсея только больно-то гожа¹⁰⁾. Нынче вѣтъ по рѣзности¹¹⁾ поютъ. Раньше феѣ пѣли.

Село Мадѣево, Мадѣевск. вол. Лукояновск. уѣзда.

Время прошло, — некакѣхъ дѣтъ не фепомнимъ. Ешино молодой (человѣкъ). Не едакіе и люди-тѣ были, какъ мы. А ноги-тѣ не ходютъ. Ступай, батъ (= баать), иди работать. Исѣ хочѣтъ, — живой человѣкъ. Вѣтъ идишь (= видишь) ты! Въ здѣшнѣмъ мѣстѣ етова не было. Нынче не поютъ старики-ти. Ты смѣлѣя, помоложѣ. Не прытко¹²⁾, тихонько! Незнаю чѣво. Она (пѣсня) русская¹³⁾ была. Попрѣбывай (= попробуй). Спой, кою (пѣсню) въ великое говѣнье не грѣхъ. Безо время¹⁴⁾ —

1) Погибло. 2) Луговина, лугъ. 3) Сдѣлается зеленѣе, гуще. 4) Или. 5) Не раскольникъ. 6) Силы. 7) Рѣзкій, громкій. 8) Сосѣдка. 9) Никогда. 10) Хорошо. 11) Различно. 12) Не громко. 13) Мужичья, народная, а не солдатская. 14) Когда не нужно.

то ихъ много. По сѣстоль (= по столько). У насъ пѣтъ етова. Мы забыли писени-ти. Ушъ она цай безъ ума? Ето я шупѣ только. Писня одна, а напѣвъ-отъ рѣзной. Онѣ начыиѣтъ кричать ушъ. Другѣхъ людѣфъ (= людей) надо. Словѣчка по два бѣдѣтъ? Насъ дома похвѣтосеа. Убрайисѣ отъ окошка-тѣ. Кружилисѣ, шляпы надѣвали. Тогда плѣскофъ не было. Ето не плясывал¹⁾ (пѣсня) «По морю»-то. У ихъ фшѣ (= все) есь тутъ. Ты вотъ цай не забылъ? Моцало вязали. Можѣтъ (= можетъ быть). У насъ наротъ не уцѣной. Колі²⁾ сѣдѣнѣ одна, — попойсѣ да поплѣцѣнѣ. Я ушъ больше-ти не знаю. Писню запѣтъ, — феѣ весѣлая вѣтъ. А она крицѣтъ ево. В(ф)сѣ рѣзнотѣ³⁾. Какъ вы умѣите, покажи. Пѣфци⁴⁾ — жѣ, — феѣ ровно. Ты можо хуже поѣнѣ, да поинаце⁵⁾. Мы утошли. А нынѣ бросилосѣ вофеѣ ето.

Село Кѣмля, Ичалковской вол. Лукояновскаго уѣзда.

Наймѣ старика етова. Запой-ко, сердѣчко. И не поютъ нынѣ. Г(н)осподи прости! Дядя Микиша былъ. Приятно послушать было. Какъ придѣтъ кудѣ въ гости. Давно ушъ. Другой вѣцаръ до полноцы зѣвають⁶⁾. А пѣтъ, не скажешъ. Опять-жо: давно и не пѣлъ. За мукой-то вотъ на хуторъ иду. Пѣтъ ушъ, не можомъ (= можемъ). А совершылѣ⁷⁾ — то ушъ я и забылъ. Десятой готъ не гожаѣсѣ некуда. Хто съ кѣмъ схѣтственно. Посидишь вотъ дѣ фъ пирѣ-то, — поглядишь на молодыхъ-ти. Росходѣтсѣ нѣцѣму. То-то и дѣ-то, што пѣтъ. Нѣцѣво и говорить. Колі пѣлъ! Ему мало приходилосѣ пѣтъ-то. И не занималсѣ. Вотъ цѣво.

III. Приакивающій не цокающій говоръ.

Село Мотовѣлово, Мотовѣловск. вол. Арзамасск. уѣзда.

Приходять, стало быть, косу плести. Кѣчяются⁸⁾ другой (дѣвицѣ). Принесутъ шубу, башмаки. Порѣжакотъ тройку лошадей, толѣтую сваху⁹⁾. Сначала посадятъ мальчишка. Таргѣютсѣ фъ коробѣ¹⁰⁾. Бѣдутъ бесѣ коробѣи. А свахи въ другой избѣ. Попѣютъ водочки, побѣдають (= пообѣдаютъ). Уложѣтъ (молодыхъ). Сряжакотъ на званьѣ¹¹⁾, на горны¹²⁾. Рѣдѣтсѣ (дѣвицы) молоццями. Приходѣтъ къ етому дому, откуда выдѣтъ. Для смѣху скажутъ. Мужики-ти поютъ. Хорошо пѣли пѣсени-тѣ. Ко-нешно вѣтъ и натрясѣтъ. Только мы съ етой женщиной поѣмъ. У насъ феѣ поплѣ (= вообщѣ). Только вотъ недавно стали просѣвѣчѣтсѣ. Въ зеръкало емотрѣтъ. Не мигамши емотрѣтъ. Мельтешатсѣ¹³⁾ наротъ. Кинѣтъ феѣ ети зеръкала. Бытъ можѣтъ она

1) Плясовая. 2) Когда. 3) Различіе, разность. 4) Пѣвчіе. 5) Иначе, по другому. 6) Громко поютъ. 7) Кончить пѣсню. 8) Кланяются, просятъ. 9) Крестную мать жениха. 10) Въ приданныхъ нарядахъ. 11) На то, чтобы молодые позвали въ гости родителей молодой жены. 12) На «игорны», — на ширъ, на угощеніе. 13) Чуть видѣтсѣ, въ туманѣ.

задрёмаю. Опахивали прежде. Лѣтъ восемнадцать бѣдетъ этому времю. Да Свято озеро есь што-ли. Да, въ лѣсу, въ лѣсу. До Арзамасу-ту? По времю-ту мнѣ кажется вѣреть семнадцать. Мнѣ показалось дальши. Полѣвая дорога. Не само што близко бѣдетъ. Ъхать сюды. Сажень двѣсти будить. До церкви. Здѣсь самая свѣрнан вода. Нынѣчи ушъ снѣгъ не возила я. Нѣтъ распорѣтку¹⁾. У насъ на фѣемъ порѣтки (== порядкъ). Вытаскивать поду. Хуже лошадей-ти. Тухлая вода-ти. Своехъ десять рублей давалъ. Линь (== лѣнь) фѣе. Конца не было воды-то. Какъ лягушка въ грязи, балакаются²⁾. И сами видють фѣе. Ишчѣ бы! Збѣгай топерь. Я играмъ-то училась только одну недѣлю. Это фѣе учѣнѣе и понятіе. Я-мо не буду выть³⁾, — не за што не буду. Баушка стрѣга была. Отъ водочки и померъ. Прости, — останной⁴⁾ естаканчикъ. Онъ едакой человекъ былъ умной! Отъ опсеса держали кабакъ. Оставилъ съ шестерыми дѣтьми. Мнѣ не копѣйки, — нечево не оставилъ. Калачи пѣклѣ. Двоихъ женила даже. Я на рѣнду (== аренду) сняла ее (лавку). Того ушъ надѣлила софѣемъ. Давай пѣсни пѣть, — пою и плачу. Кабы кто съ улицы ишшо не потелушаль. Инда⁵⁾ смѣшно. Я не буду ни по кемъ плакать. Вотъ у насъ женщина-то причитала (надъ покойникомъ). Какъ слѣдуитъ. Блѣхи-ти какъ кусаются! Восей⁶⁾ хорошо пѣли. Ночь-та тѣмная кажется. Протѣжнхъ-ти (пѣсень)? Не насмѣшьте бы людей-ти много? «Г(h)осподи помилуй» по книжкѣ, а по-матерну наизуѣс⁷⁾. Дажэ вотъ застѣнило⁸⁾. Занятно, хорошо крук(г)ъ (== около) свѣрьбофъ-тѣ. Въ етимъ не знаю. Знамо⁹⁾ чѣй ушъ по ишѣму пойдѣтъ. Мухамъ-те не спѣтса. Старыхъ-те (пѣсень) нѣшто¹⁰⁾ я не знаю. В(ф)сѣ груткой росли, — погѣтки, — семь человекъ. Накрошывъ купорое и гло-тантъ. Изъ домѣ-та не захватили ѣглей-то. И глышко (== глыбоко) есь. Мутная вода. Послѣ надуманся. Некакѣхъ мѣдофъ (== мѣдъ) пѣтъ. Въ етимъ сѣлѣ (== селѣ). В(ф)чера мы прибѣгли, — васъ не было. Могѣ фѣе исправить. По совѣтѣ просилъ. Я сорокъ лѣтъ на родительскимъ-ти мѣстѣ. Взяли собрали ехотъ да ехodomъ-ти написали. Жѣна-та не жыла два года, — бѣгала.

Дер. Мордовская, Вадской вол. Арзамасск. уѣзда.

В(ф)сѣ-ти (пѣсни) не упомянешъ. Наротъ молодой сталъ по волѣ ходить-та. Старуха одна проживала фѣ кѣлейки. Ну вотъ, топерь другую значить. В(ф)сѣ одно, пѣсни-ти извѣсны. Навѣдился¹¹⁾ кричѣть-то. Мы съ вами кланялись. Да вътъ конечно, да. Нонкѣ гуляньѣфъ-то пѣтъ. А старинны-ты (пѣсни) мы конечно знали довольно. Вѣстимо-то¹²⁾ не знаѣмъ, про ково (пѣсни) складываются. Много-то слофъ-ти не надо. Пра (== право) изъ Москвы. В(ф)тѣпоры не было. Чево пѣтъ, такъ пѣтъ.

1) Распорядительности, порядка. 2) Валяются, валадуются. 3) Плакать съ причитаніями на свадьбѣ отъ лица невесты. 4) Остальной, послѣдній. 5) Даже. 6) Нѣсколько времени тому назадъ. 7) Пословица. 8) Запоминалось, забылось. 9) Конечно. 10) Что-то. 11) Приучился. 12) Навѣрное.

Вотъ какѣ (пѣсню) давай спѣмъ. Покойница тѣтушка Офимья была. Отсѣлѣ. Забыла-жа. В(ф)сѣ рѣшилось, фѣе забыли. Будить. И козѣл-отъ стоитъ чѣй у двора, блѣетъ. А намъ итти-то вонъ куды! Ты почюишь. Какѣ (пѣсню) сказалъ онъ? На разумѣ вертѣтца, да поди-ко вотъ! Она только остарѣла. Онъ, батъ (== баеть), знаетъ, какъ положить-то.

Село Медынцего, Горской вол. Арзамасск. уѣзда.

Лѣсомъ калѣй глыбоки. Да вътъ кондѣ¹⁾ не пѣтъ! Етова народу-то не осталось. Кто ево знаѣтъ! Наротъ-то фѣе весь фѣ полѣ сечасъ. На што вотъ любитель етотъ старик-отъ! Не нужно едакъ-ту. Такъ лофѣе. Можно потъ ширѣдокъ? Подъ ноги-ти положить сюды? Зайди, одѣнь вожжы-ти.

Село Салдамановскій Майданъ, Салдамановск. вол. Арзамасск. уѣзда.

Плоха (== плохо). Згорѣло до время. Надо бы. Нѣтъ ишчѣ. Дѣло-то фѣ старость. Время патходить сѣять. Нынѣче ра (== развѣ) будутъ! Нельзя ни жать, ни возить, ни што. Г(h)асподь урадилъ. Хорошая штука, вѣрна (== вѣрно). Какъ курѣк-отъ²⁾ крѣпко у васъ! Сердѣшникъ³⁾. Своехъ не узнала. Пра (== право), сѣна пѣтъ. Дѣ сѣ взять, доску!? Давай салѣму, еступай. У тя (== тебѣ). И васъ-то двоѣ (== двоѣ). Въ адѣжу. Нѣту. На вота (== вотъ). Сто-ко (== стой-ка). Мотрай (== смотри).

Село Шутилово, Шутиловск. вол. Лукояновск. уѣзда.

Нынѣ скотину не гнали чересъ еѣ (рѣку). Здѣсь верхѣ⁴⁾ педалеко ему (рѣкѣ Алатырю). А сѣчасъ дома нѣтъ. Чѣво онъ знаетъ! Сами онѣ не знаютъ некакѣхъ (пѣсень). Куды ты погонишь въ едакую жару? А ты ушъ не говори. А таперь нѣтъ. Я ему и стала рассказывать. Николай Яковличъ. Восейка⁵⁾ я поговорилъ. Чѣй слышешь? Дѣ тѣтка-то Настасья? Рай⁶⁾ я плохую жѣну взялъ? Вы за-знѣтъ⁷⁾ брали, што не привышна (жѣна къ работѣ). Рай ваш-отъ ротъ (== родъ) плохой? Побѣялъ да и поможъ. Рай я пропью? рай я роду-ту такова? Ни одново, батъ (== братъ), рода нѣтъ безъ урода⁸⁾. Уймѣшь. И ево вотъ жѣнилъ, — не кричали⁹⁾. И позѣваѣтъ и кричить. Ково ишчитѣ? Самоваръ вамъ не помѣшатъ? Успокой скотину, успокой! А пожаръ далѣко, веретѣ на три. Кѣ вечеру убразовалось (== образовалось). Неушто? Допрѣшъ¹⁰⁾ два были. Двѣ церкви выстроили. Перетъ вечеромъ поможъ дымъ по сѣлѣ. На сандукъ поставить. Балакиревъ приходилъ, батъ (== баеть), за бараниной. Просеулась знать маменько. Побѣкъ

1) Какъ. 2) Шкворень. 3) Шкворень. 4) Истокъ рѣки. 5) Нѣсколько времени тому назадъ. 6) Развѣ. 7) Вамъ было извѣстно. 8) Пословица. 9) Не звали на свадьбу. 10) Прежде.

(= побѣгъ) къ фершелу. Чѣтыре фунта. Даве (= давеча) не было. Не очень далеко, — за угломъ тутъ. Зимней порой я задыхаюсь. На одно лѣкарсвенцо попала, — хорошо. Надо нафеенда покойной быть. Сдѣлають не по мому. Когда ¹⁾ не поють!

Село Обрѣчное, Обрѣчинской вол. Лукояновск. уѣзда.

Ешнѣ-то искакія не поють (пѣсни). В(ф)сякія, — новыя и старыя (пѣсни). У насъ феѣ на адингъ (голосъ) поють. А если галасавую ²⁾ (пѣсню) ешчѣ спѣть? Сичасъ лошаты што-ли вамъ? Вещи отвести (= отвезти). Падѣхали. Коні лица здѣсь находились, ихъ смѣнили, говорятъ. Рѣзъ есь тутъ кто? Бабошки етимъ занимаються. Сичасъ только изъ рѣчки. Не понимаютъ ни во што ³⁾. Капешно на харошому. Ну, и помѣкнетъ ⁴⁾. И скатины онъ много продалъ. Маленько Алексанъ Павлычъ застанвалъ ⁵⁾. Куды еѣ поганѣ въ зимней время? Насчѣтъ хлѣба тожо передалося иня (земскимъ начальникамъ).

IV. Акающій не цокающій говоръ.

Городъ Починки, Лукояновскаго уѣзда.

Такъ, какую-то ченуху орютъ ⁶⁾. Ета софетъ у васъ вышла? Надо скричать Карамышевъ. Ета не требуется? Прапоѣ. Можно еѣ по-иначе пѣть, — по феечески. На языкъ мотѣта (= мотается). Не выдетъ ничево. Яму (= ему) ахота скарѣй бы коньчѣтъ. Што хошъ, то и дѣлай. Нахлябался. Боль (= болѣ) двациа пѣти лѣтъ. Съ сабой не паложитъ. Изъ естихъ (= этихъ) я не тавѣ (= не знаю). Бывала фѣ старицу-ту. Не бросѣта (= не бросается) ето лѣтъ. В(ф)еѣ ети пѣсни-ти. У меня не выдѣтъ больше-ти. У васъ феѣ пройдѣно тутъ. Я самъ слыхалъ только нынче. Падъ акошкомъ. Тамъ веселѣ, — просто страсъ какъ! Нынче пають и не знаю што такое. В(ф)еѣ люди живутъ, какъ твѣты (= цвѣты) твѣтутъ. А ушъ нонѣ етова нѣтъ. Нонче нечаяво не разберѣшь. На-ташчѣкъ (= тошакъ). Ты на лошкѣ-ти катался. Иванъ Микаланчъ. Дальше вотъ Сарѣва не были. Ужасъ какіе (лѣса)! Лѣсъ гарѣлъ. Сами-ти умѣемъ. Здѣсь пають. Свадьбишная пѣсня. Варешки вяжѣтъ. Хазяева не приступаютъ. Спать лажисся. Я ево выкормилъ. И на конну(-ю) водють. Онъ женился самъ на нѣшнѣнкѣ. Перва-та ⁷⁾ фѣ кабакѣ сидѣли. Лошадей накупатъ (= накупаютъ) сколько! Даржы еѣ. Туды да сюды. Сидѣтъ на ноги-ти. Она и знатъ (= знаетъ) свое дѣло. Гарецъ (= гарницъ) на кѣжиѣва (жеребца). Она готова пѣть вѣдѣрь выпиты. Она и дѣтитъ и дѣтитъ (= дуетъ). Ра (= развѣ) скоро!

1) Какъ не. 2) Протяжную. 3) Не считаютъ ни за что. 4) Смякнетъ, перестанетъ сердиться. 5) Заступался. 6) Громко поють. 7) Сначала.

Село Василѣвка, Никитинск. вол. Лукояновск. уѣзда.

Харошо они пѣсни поють, хорошо. Патомъ есь и такія. Ето ушъ зауридныя пѣсни. Патомъ ишчѣ вотъ. Харошо они пають ети рускія ¹⁾ пѣсни. Я по напѣву-то не магу. Много вѣтъ они поють. Ушъ я ни знаю. Г(г)аласѣ привасходны. Сястра у ихъ, — она, знашъ, выдана. Чатыре брата. Кіресянской работой занимаються. Осеюдова. Съ нами сумѣжна ²⁾ (Пензенская губ.). Вѣрѣтъ трицѣтъ што-ля. Прочѣйте пока.

V. Акающій прицокивающій говоръ.

Село Новая Деревня, Михайловск. вол. Лукояновск. уѣзда.

Я ни магу знатъ. Ни знаю, на како и напасъ (= напасть). Да (= до) пѣсенъ даходѣтъ. Дай Г(h)осподи! Нада схлапатѣтъ. Ето абъявляли здѣсь. Мы вѣтъ вѣтримъ, што-шъ! Пагадѣ, — читаѣтъ. Надо-жѣ каво-нибуть. Тѣшша ни падѣтъ пажалуй. Падѣ-ко сюды, — ты постаршы насъ. На сваѣй жызни не давадилосъ етова. Старушки аднѣ (= однѣ) остаються фѣ полѣ. Съ кажнымъ покалякатъ надо. В'ызбу сходитея. Бываитъ пѣсни. Кабы не смутѣта (неопр. накл.), баушка! Нахожо? Прѣйдитъ за нивѣ-стай. Какъ стѣгиваетея? Каторую? Пафтаритъ. Г(g)адофъ на дѣсятокъ памоложѣ. А ушъ сечасъ-то село. Дневительно, каму-жѣ служытъ, што не государю?! Ничяво чий? Падарки собирають. Вѣтъ сколько время-та! За влофчѣвъ вѣнчѣли. Я была ахотница пѣть-то. Сватѣѣфъ карѣли ³⁾. Некакѣхъ (пѣсенъ) тожѣ нѣтъ особыхъ. Катаються рабѣта на лошадяхъ. Не хадѣла и не слыхала. А Христа праславить не мо-нѣтъ. А ушъ нынче идуть замужъ, — радуются феѣ. Знамо ⁴⁾ не знаетъ, какое жытѣ. И отца своево проситъ. Была у Саньки-ти? Дѣма-та никаво нѣтъ. Неушто нѣтъ? Васъ рождѣныхъ ⁵⁾ не было. Сталъ обумши (= обумшисъ) хадѣтъ. Красный макъ въ агародѣ. Сѣстоль ⁶⁾ проживуть, — будутъ феѣ такія. Жывучи съ дѣтѣми. Сварѣтитѣ. Цѣрезъ мостъ. Тамъ малѣтютъ.

Село Никитино, Никитинск. вол. Лукояновск. уѣзда.

Мы парѣтъ бѣршына ⁷⁾ были. На большой дарѣгѣ. У насъ въ Никитинѣ игрокѣ ⁸⁾ нѣтъ. Саѣасъ. Пачѣтова станция. Къ пѣснямъ тожѣ неспособны. Биздѣлица. Дратея, бунтоватѣя, матерно ругатѣя. Аднѣ зарѣзалъ. Выпимшы былъ. Баѣнѣ ⁹⁾, а малосильной. Ему пѣцѣнку-ту видно и отшпѣлъ. Нѣтъ, абнакавѣнной (человѣкъ).

1) Народныя. 2) Смежна. 3) Величали въ свадебныхъ пѣсняхъ. 4) Конечно. 5) Въ живыхъ, на свѣтѣ. 6) Столько. 7) Барскіе, рабочіе. 8) Искусныхъ пѣвцовъ. 9) Драчунъ.

Списокъ селеній, къ которымъ относятся записи.

Балахнинскій уѣздъ: д. Черное и с. Рѣшетиха, Чернорѣчк. вол.; высел. Олыгино и д. Ластаново, Мысовск. вол.; д. Осерино, с. Бурцево, д. Сонино, Конѣвскій стекл. заводъ и с. Юрино, Бурцевск. вол.; д. Оюмино, Андреевск. вол.; д. Плѣшиха, Пуреховск. вол.; с. Василѣво, Катунковск. вол.; с. Митрофаново и д. Бѣлаево, Митрофановск. вол.; с. Городецъ, Городецк. вол.

Семеновскій уѣздъ: г. Семеновъ; с. Чернолѣсская пустошь, Зиняковск. вол.; с. Чистополье и д. Зубово, Чистопольск. вол.; с. Хохлома и дд. Сивцево и Быково, Хохломск. вол.; дд. Дьяково и Хвостиково, Хвостиковск. вол.; д. Шалдежъ, Шалдежск. вол.

Макарьевскій уѣздъ: с. Владимірекое, Владимірек. вол.; с. Воскресенское и дд. Левиха и Уколово, Воскресенск. вол.; д. Безходарное, Галибихинск. вол.; с. Покровское и с. Головино (Васильевское), Покровск. вол.

Арзамасскій уѣздъ: г. Арзамасъ; с. Мотовилово, Мотовиловск. вол.; д. Мордовская, Вадекой вол.; с. Медынцево, Гарской вол.; с. Собакино, Собакинск. вол.

Лукояновскій уѣздъ: с. Новая Деревня, Михайловск. вол.; с. Крюковка, Крюковск. вол.; с. Салдамановскій Майданъ, Салдамановск. вол.; с. Шутилово, Шутиловск. вол.; с. Мадаево, Мадаевск. вол.; г. Починки; с. Никитино и с. Василѣвка, Никитинск. вол.; с. Ремля, Ичалковск. вол.; с. Оброчное, Оброчинск. вол.

Ө. Покровскій.

Свадебные обряды и пѣсни „кержаковъ“.

Предлагаемые свадебные обряды и пѣсни записаны, главнымъ образомъ, въ селеніяхъ Туланской волости, Чердынскаго уѣзда, Пермской губ., волости одной изъ самыхъ отдаленныхъ въ Чердынскомъ уѣздѣ, находящейся среди глухой, дремучей «пармы». Центромъ записанныхъ обрядовъ и пѣсень является село Туланъ съ его окрестными деревнями; разницы въ обычаяхъ и пѣсняхъ во всѣхъ 28 селеніяхъ Туланской волости, населенной «кержаками» старообрядцами-поморцами Θεодосіевскаго толка, за исключеніемъ 150 душъ православныхъ изъ общаго числа около 2000 населенія, почти никакой. Пѣсни записывались мной въ зиму 1907—8 годовъ. Кромѣ меня здѣсь никто не записывалъ пѣсень, хотя здѣсь проѣзжали небезызвѣстные этнографы: членъ географическаго общества г. Ончукъ и сотрудникъ пермскихъ газетъ и издатель небольшой книги «Въ пармѣ» Н. Белдыцкій. Принимаясь за собраніе пѣсень, я предварительно осведомился, были ли здѣсь собиратели пѣсень, и съ этой цѣлью выписалъ изъ Публичной Чердынской Земской Библіотеки сборники пѣсень, записанныхъ въ Чердынскомъ уѣздѣ, и получилъ только одинъ, г. Попова, теперь покойнаго священника с. Искора, Ныробской волости, въ которомъ напечатаны пѣсни, собранныя въ селахъ Пакчѣ, Вильгортѣ и Ныробѣ. Начавъ записывать пѣсни, я убѣдился, что въ книжкѣ Попова нѣтъ пѣсень, существующихъ здѣсь. При этомъ надо замѣтить, что пѣсня здѣсь тоже вымираетъ; старинныя, прекрасныя напѣвы уже звучатъ рѣдко, ихъ замѣняетъ однообразная частушка, съ цѣлыми тысячами иногда пошлыхъ куплетовъ, распѣваемыхъ молодежью подъ однообразный пискъ гармоники, пока единственнаго музыкальнаго инструмента «кержаковъ». Проживая въ этой глуши съ 4 июня 1897 года, я вплоть до зимы 1907—8 годовъ интересовался пѣснями, спрашивалъ и молодежь и стариковъ, и на всѣ предлагаемые вопросы «кто знаетъ здѣсь пѣсни и поютъ ли ихъ», получалъ одинъ отвѣтъ «я ни чо не знаю». Это происходило отъ скрытности кержаковъ, и только благодаря тому, что населеніе уже привыкло ко мнѣ, я могъ записать пѣсни. Главной сообщательницей пѣсень, пѣвшей мнѣ на голосъ и передававшей устно, была

крестьянка села Тулана Е. Г. Собикина, замужняя, летъ 50-ти, родомъ изъ д. Петрецово или иначе Монастырской, въ 17-ти вер. отъ с. Тулана. Въ молодости и теперь она мастерица пѣть пѣсни, какъ говорили про нее многіе. Обряды, а также и пѣніе пѣсенъ мнѣ пришлось наблюдать и на праздничныхъ гуляньяхъ и на свадьбахъ.

Считаю лишнимъ предварительно сказать нѣсколько словъ о существующемъ здѣсь обычаѣ умыканія невѣсты и основаніи семьи, о чемъ мною уже напечатано въ очеркахъ «Среди кержаковъ», печатавшихся въ «Пермской Земской Недѣлѣ» въ №№ 11, 12, 13, 14 и 15 за 1908 годъ, куда для ознакомленія и отсылаю читателей, но добавляю, что соединенія молодыхъ людей въ основу семьи имѣются два способа: открытое сватовство, т. е. когда женихъ сговаривается о выдачѣ за него дѣвушки черезъ своихъ родственниковъ, и умычкой. Въ первомъ случаѣ бываетъ такъ называемый сговоръ-сватовство. При этомъ свадебные обряды происходятъ полностью, свадьба идетъ по установленному порядку, публично, и молодую жену со всеми обрядами приводятъ въ домъ къ мужу: тутъ существуютъ и «тысяцкій, и бояре, и дружки, и недружки, и свахи, и вѣй». Но конечно среди кержаковъ на бракъ не существуетъ никакихъ религиозныхъ церковныхъ благословеній, вѣчаній со стороны кержацкихъ начетчиковъ, которые проповѣдуютъ только лишь безбрачную жизнь и спасеніе въ пустынѣ и никогда не благословляютъ на браки. Весь же церемоніаль брака заключается въ обрядахъ и главнымъ образомъ въ расплетеніи косы, послѣ котораго дѣвица уже считается «мужнею женой». Второе: обычай умыканія невѣсты происходитъ тоже двояко или по соглашенію поправившихся другъ другу парня и дѣвушки, или безъ согласенія — силой. Въ первомъ случаѣ невѣста просто-на-просто убѣгаетъ изъ родительскаго дома въ домъ своего возлюбленнаго и вступаетъ въ новую семью. Это происходитъ тогда, когда родители невѣсты почему либо бываютъ не согласны выдать замужъ за такого-то. Умыканіе же происходитъ со стороны жениха, присмотрѣвшаго для себя дѣвицу, если послѣдняя почему либо отвергаетъ жениха. Тогда подговариваютъ тайно кого либо изъ родственниковъ жениха и друзей и обыкновенно ночью крадутъ невѣсту и подвозятъ ее въ домъ жениха; но обыкновенно такіе браки существуютъ не долго, т. е. молодая въ одинъ прекрасный день убѣгаетъ изъ дома своего похитителя въ родительскую семью. Выкраденную невѣсту все-таки приводятъ въ домъ жениха какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ публично, иногда и съ полнымъ свадебнымъ «поѣздомъ», т. е. на нѣсколькихъ подводахъ; послѣднія, особенно если происходитъ «умыканіе» изъ дальнихъ деревень, останавливаются гдѣ нибудь за деревней и ожидаютъ, когда схватятъ и приведутъ невѣсту. Чаще всего умыканіе, выкрадываніе происходитъ зимой. Приведя въ домъ жениха, тотчасъ же происходитъ расплетеніе косы, но иногда «молодые» живутъ продолжительное время безъ «расплетенія», особенно въ томъ случаѣ, когда «молодая» хочетъ всячески отдѣлаться отъ

нелюбимаго мужа. Что же касается соединенія добровольно въ сожителство, когда «молодая» тайно убѣжала изъ родительскаго дома, — молодые обыкновенно выбираютъ время, когда имъ нужно ѣхать на «прошеніе», къ родителямъ «молодой»; таковымъ временемъ являются годовые праздники. Вымолить «прошеніе» родителей «молодой» бываетъ не такъ то легко: такъ заранѣ ведутся родственниками «молодыхъ» переговоры съ родителями «молодой» относительно примиренія и уже когда тѣ изъявляютъ согласіе, «молодые» пріѣзжаютъ и прямо же при входѣ въ избу падаютъ на колѣни предъ родителями «молодой»; послѣдніе долго не соглашаются простить, и «молодые» иногда цѣлыми часами должны лежать, уткнувшись головами въ землю, ожидая, когда ихъ поднимутъ родители, и ужъ тутъ начинается пиръ. Главнымъ угощеніемъ является водка, пьютъ до положенія ризъ. Въ это время собирается и публика, обыкновенно молодежь, полюбоваться на «прошеніе», а также и попить пѣсни. Пьютъ обыкновенно «опѣвальный», иначе, по великороссійскому, величальный пѣсни. Величаютъ или опѣваютъ и «молодыхъ», и родственниковъ. Но обыкновенно браки за-частую бываютъ не продолжительны, и соединеніе супруги входятъ въ нормальную уже окрѣпшую супружескую жизнь въ болѣе зрѣломъ возрастѣ; въ молодости же бытъво женъ отъ мужей и «отсыланіе» женъ мужьями оказывается зауряднымъ явленіемъ. Рѣдко встрѣтитъ среди кержаковъ мужчину, который бы не «отослалъ» двухъ, трехъ женъ, точно также и женщину, которая бы не перемѣнила нѣсколькихъ мужей. Это является настолько обычнымъ, что кержаки равнодушно говорятъ: «вотъ Иванько «отослалъ» Марійку, а взялъ Акулину, а Акулинка то ушла отъ Петрована». Иногда мужья неоправившимся женамъ при «отсыланіи» даютъ вознагражденіе въ видѣ денегъ или «лопаты». Я знаю случай, что отосланная жена, проживъ съ мужемъ лѣтъ 5, получила въ вознагражденіе 50 руб., но снова была приглашена мужемъ же обратно. Но такъ какъ вступающимъ въ сожителство не ведется регистраціи, и только въ послѣднее время брачныя сдѣлки стали совершаться въ волостномъ правленіи, то незарегистрированные супруги судятся. Обыкновенно среди «отосланныхъ» женъ возникаютъ судебныя искн къ мужьямъ въ видѣ заработной платы, колеблющейся отъ 25 до 50 руб. въ годъ; волостной судъ, когда бываютъ свидѣтели, иногда и присуждаетъ эти суммы. Въ послѣднее время женщины стали требовать православнаго церковнаго брака на томъ основаніи, что тогда и мужу будетъ труднѣе «отослать» жену, да и она не лишается правъ на наслѣдство; въ противномъ же случаѣ, жена отосланная мужемъ, иногда должна влечить скитальческій образъ жизни, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда еѣ не примутъ родители. Но хотя браки и совершаются въ православной церкви, супруги все-таки, за исключеніемъ развѣ немногихъ, живутъ по кержацкому вѣрованію. Кержацкая женщина выступила на борьбу съ произволомъ мужей только потому, что она зависѣла отъ произвола мужа, и потребовала церковнаго брака, потому что она стала въ безвыходное положеніе, будучи выбрасываема изъ

дому. Мнѣ рассказывали такой случай: Въ деревнѣ Монастырской и сейчасъ живетъ крестьянинъ Кононъ Собянинъ, который, проживъ съ женой нѣсколько лѣтъ и приживъ четырехъ малолѣтнихъ дѣтей, отослалъ свою жену, а себѣ взялъ другую. Ушла отъ него жена, не имѣя средствъ пропитать дѣтей; она была изъ д. Низима, гдѣ у родителей ей тоже почему-то было невозможно жить. Билась, билась, какъ рыба объ ледъ, собирала своихъ дѣтей, увела ихъ въ парму, въ избушку, затопила её, а дѣтей заперла, — они были маленькія, — и ушла; хватились дѣтей, пошли въ избушку и нашли всѣхъ дѣтей задохшимися отъ дыма. Недолго прожила и она — умерла отъ тоски скоро. А Кононъ прижилъ съ другой женой дѣтей и уже дочерей повывадалъ замужъ, а сыновей поженилъ. Такъ мнѣ рассказано изъ достовѣрнаго источника... Говорятъ, такіе случаи перѣдки. «А куда-жъ мнѣ ихъ дѣвать то?» говорила мнѣ присутствовавшая при этомъ разсказѣ женщина, уже бывшая въ сожителствѣ и имѣвшая дѣтей, которые умерли. «Я бы на зло мужу сдѣлала, — зажарила бы и я дѣтей; — на, сволочь, жри ихъ мясо — ты ихъ наработаешь, а кормить не хощь!...».

Среди кержаковъ не позорнымъ является также имѣть и двѣ, три жены. Я знаю такихъ крестьянъ. Напримѣръ, у теперешняго предсѣдателя волостного суда Мокія Собянина живутъ вмѣстѣ 2 жены, при чемъ одна считается старшей, другая младшей.

Нелишнимъ считаю сообщить, какъ парни и дѣвцы отыскиваютъ себѣ, одни женъ, а другія мужей. Дѣвушки, напримѣръ, въ свободное отъ работъ время уходятъ въ гости въ дальнія деревни, и это гостеванье происходитъ иногда цѣлыми мѣсяцами, а особенно потому, что селенія Туланской волости слишкомъ далеко разбросаны по пармѣ, почти на цѣлыя 100 верстъ. И вотъ невѣста ходитъ по деревнямъ, стыскивая жениха, и при этомъ ведетъ совершенно свободный образъ жизни, считая не позорнымъ спать съ парнями. Иногда это «гостеванье» бываетъ удачнымъ: дѣвушка выбираетъ себѣ суируга, но иногда возвращается вдвоемъ съ бывшимъ подъ сердцемъ ребенкомъ. Точно также и парни ходятъ отыскивать невѣстъ.

Вотъ общій характеръ возникновенія семьи среди кержаковъ. Теперь приступаю къ орадовой сторонѣ свадебъ. Первымъ пунктомъ является сватовство. Парень, которому понравилась дѣвушка, засылаетъ сватовъ или «сговоръ». На «сговоръ» ѣдутъ вмѣстѣ съ женихомъ. Когда сваха или свать входятъ въ избу, они долго крестятся и говорятъ: «здорово живете!» Проходи-ко! (это обычное привѣтствіе) отвѣчаютъ. Сваха становится посреди избы, такъ чтобы головой быть какъ разъ противъ «матицы», на которой лежитъ поголокъ, и начинаетъ говорить: «Съ добрымъ словомъ, со сватовствомъ!» «Проходи-ко!» отвѣчаютъ.

У васъ есть курочка, у насъ пѣтушокъ! — продолжаетъ сваха.

Милости просимъ! — отвѣчаютъ.

Покажите вы намъ свой товаръ, мы купцы заморскіе, хотимъ сдѣлать у васъ куплю!

Вызываютъ обыкновенно невѣсту, начинаютъ осматривать со всѣхъ сторонъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сохранился такой обычай: выпеденная напоказъ невѣста вскакиваетъ на лавку и начинаетъ ходить взадъ и впередъ. Въ это время сваха, или еще кто, держатъ около лавки сарафанъ подоломъ къверху. Невѣста, прохаживаясь по лавкѣ, говоритъ: «хочу прыгну, хочу пѣть». И дѣйствительно, въ этомъ она вольна, и если желаетъ пойти замужъ за предлагаемаго жениха, то прыгаетъ съ лавки въ разставленный сарфанъ, въ противномъ случаѣ сваги уѣзжаютъ ни съ чѣмъ.

Когда невѣста соглашается, начинаютъ «бить по рукамъ»; въ это время невѣста обязана всѣмъ сватамъ подать руку въ знакъ согласія; тогда начинаютъ молиться Богу. Женихъ во время сватовства начинаетъ гдѣ нибудь тутъ же обнимать невѣсту. Затѣмъ подаютъ вино и начинается «пропой». Обыкновенно въ это время невѣсту дарятъ сваги деньгами. Когда пьютъ вино, невѣста садится за столъ, её накрываютъ платкомъ, такъ что глазъ не видно, и она начинаетъ «вопить», «причитывать» о своей дѣвичьей жизни. И въ это время что есть силы бьетъ обими руками по столу или по колѣнямъ, иногда «до той поры, пока руки разобьетъ до крови». Битье руками по столу и колѣнямъ происходитъ не въ одномъ только Чердынскомъ уѣздѣ и Туланской волости, но и соседнемъ Соликамскомъ. Мнѣ пришлось наблюдать этотъ обычай въ с. Нырбѣ. Иногда невѣста бьетъ руками до того крѣпко, что раскалываетъ столъ. Иногда говорятъ про женщину, которая шла охотой: «да она чѣ, она шла замужъ-ту ни одной столешничи не расколола!».

На «сговоръ» приходятъ дѣвушки-подруги и пьютъ пѣни. Какъ только невѣста сядетъ за столъ, дѣвушки поютъ слѣдующую пѣсню:

Мнѣ почесъ мало спалось,
Во снѣ мнѣ-ка много видѣлось.
Мнѣ привидѣлся сонъ во снѣ:
Будто меня молоду горы облегли,
Темные лѣсы да обросли,
Вода вешняя да обомла.
Охъ, ти, я ли оглядѣлась,
Горѣ-горькое да осматрѣлась,
Во слезахъ-то я да не увидѣла,
Во кручинушкѣ да осматрѣлась:
То какіе горы высокіе?
То какіе да лѣсы дремучіе?
Во какіи да воды вешніи?

— То чужа дальня сторонушка,
 То чужіе да люди дальніи,
 То чужіе да не знакомые! . .
 Обостали меня горе-горькую,
 Они стали меня да разговаривати,
 Они стали меня да подговаривати. . .
 Безъ родимой моей матушки,
 Безъ родимаго да мово батюшки.
 Этого горя я бы не начуділа,
 Это дѣло-бы я не сдѣлала,
 Былъ-бы мой родимый батюшка,
 Была-бъ моя родима матушка,
 Придали-бъ онѣ мнѣ ума-разума.
 Миленкій мой, родимый братчикъ! —
 Сминая ты мою дивью красу
 На стаканъ да зелена вина!
 Послѣ моего родимаго батюшка,
 Послѣ моей родимой матушки. . .
 Надоѣла я тебѣ родимый братчикъ:
 Много хлѣба, соли великоей
 Я пріѣла да приносила,
 Приносила да цвѣтнаго платя,
 Много обуви сафьяновыхъ-ботиночкѣ.
 Приносила молода да притоптала. . .
 Притоптала я горе-горькое,
 Всѣ полы да я кирпичатыѣ,
 Всѣ-ли лавочки, да дубовыѣ. . .
 Послѣ меня да молодешеньки
 Всѣ сусѣки принаполняеся
 Со пшеницей да бѣлояровой,
 Всѣ-ли грибочки да принавивѣся
 Со цвѣтнымъ-ли то-ли платицею.
 Всѣ-ли спичечки принавивѣся
 Со софьянными да ботиночками. . .

Пѣсня эта поется протяжно, въ унисонъ плачущей и стучащей объ столъ руками. Въ пѣснѣ, какъ видно, невѣста сирота, нѣтъ у ней ни батюшки, ни матушки; она во всемъ винитъ родного братчика. За этой поютъ слѣдующую:

Вы скажите мои кумушки,
 Вы скажите-ка подруженьки,
 Что сегодня да за праздничѣй?
 За пиры да за бесѣдушки?
 Во просту пору, во просто времячко,
 Среди зимы студеныи,
 Въ люты морозы да во крещенскіѣ?
 Я сижу-то не по старому,
 Я сижу-то не попрежнему,
 Я на лавицѣ дубовинкой,
 Возлѣ стѣны бѣлокаменной,
 Возлѣ оконца косящата
 Возлѣ оконенки стекольчатой? . .
 Отодвину-ка я да задвижечку,
 Не сомножечко стекольшко;
 Погляжу-ка я да на улочку,
 Я на улочку, да на бѣлой свѣтъ,
 Что на всѣ чотырѣ стороны,
 На полуденную да на сторонушку:
 Со полуденной-то со сторонушки
 Поднималась туча грозная
 Со громами-то со гремучими,
 Съ молоньями-то со палючими,
 Всѣ со вьюгой да со *надѣрой*¹⁾,
 Со частымъ со мелкимъ дождичкомъ. . .
 Ужъ вы гряньте громы, громы громкіѣ,
 Освѣтите да молоньи яркіѣ,
 Ужъ вы дуньте вѣтры буйныи,
 Расплющите мать-сыру землю
 Со моей родимой матушки!
 Ужъ вы гряньте громы громкіѣ,
 Расколите вы гробову доску!
 Ужъ вы лейте часты дождички,
 Сплющите съ лица ржавчину
 Со моей родимой матушки. . .
 Я зачну будить родну матушку:

1) Подземка, мятель.

Уж ты встань, проснись родима матушка!
 Уж ты встань, встань, пробудись-ко,
 Не надолгу пору, это времячко,
 При пути моей, при дороженьки...
 Не могу я разбудить да разгари, —
 Не дасть она мнѣ благословеньица,
 Мнѣ идти на чужу-дальню сторонушку, —
 При пути да при дороженькѣ...

Въ этой пѣснѣ, какъ и въ предыдущей, невеста плачется на свое сиротство, безъ родимой матушки. Эта пѣсня также поется протяжно-уныло. Пропѣвши еще нѣсколько пѣсенъ, которыхъ мнѣ къ несчастью не удалось записать, начинаютъ дарить невесту деньгами, это называется «подареное». Первымъ дарить женихъ, а за нимъ всѣ, кто пожелаетъ, кладутъ ей деньги, а она всѣмъ подноситъ по стакану водки, не пеключая даже и не родственниковъ. Въ это время дѣвушки поютъ:

Выросла предо мною бѣлая березонька,
 Прутья листьѣя проволочныя,
 А вершиночка жемчужная...
 Охъ-ти я ли оглядѣласѣ
 Горе-горькое осмотрѣласѣ
 То кака бѣла березонька
 Тутъ стоитъ, стоитъ передо мною?
 То Игнатюшка да Савельевичъ
 Со своимъ дорогимъ даремъ,
 Со рублемъ да со полуторомъ
 Да со гривною да со серебряною!..
 Ты на что даришь — проторишься,
 Понапраслину теряешьсѣ,
 Нонче годы то тяжелыѣ,
 Нонче подати великиѣ,
 Самому-бы пригодилосѣ...

Эту пѣсню поютъ каждому одарившему невесту. Пѣсня поется протяжно. Послѣ даровъ благословляютъ жениха и невесту: если есть родители, то они, или ихъ замѣняетъ братъ или другіе родственники, и дѣвушки поютъ слѣдующую пѣсню:

Не златой перстень катаѣтца
 То Татьяна благословляѣтца

У свою роднова братчика,
 У своей она у сношуньки
 Вмѣсто батюшки родимова
 Вмѣсто родной своей матушки
 Што идти въ дальню сторонушку...

Послѣ благословенія сваха даетъ понять, что невеста уже не принадлежитъ той семьѣ, въ которой она находится. Кто либо выводитъ невесту на улицу и едва она двинется къ двери, сваха поетъ изъ-за стола:

Отказалъ кормилецъ батюшка
 Мнѣ отъ хлѣба-соли великой,
 Мнѣ отъ цвѣтнаго платица,
 Отъ софьяновой отъ обуви,
 И отъ бѣлой-то отъ горенки,
 Отъ высокаго отъ терема!...

На этомъ кончается «сговоръ», значить невеста просватана... Послѣ сговора у невесты устраиваются вечеринки, дѣвушки-подруги ходятъ къ ней посидѣть, является и женихъ, который угощаетъ дѣвушекъ сластями...

Передъ тѣмъ какъ увезутъ невесту, или передъ вѣнчаньемъ, если по церковному обряду, дѣвушки ведутъ невесту мыть въ баню, и во время этой процессіи поютъ пѣсни. Когда невеста только что подойдетъ къ банѣ, одна изъ ея подругъ заступитъ ей дорогу и, держась за скобку двери, не пускаетъ невесту въ баню; дѣвушки поютъ:

Милая моя подруженька!
 Отворица баню-парушу:
 Прищипало мои рѣзвы ноженьки
 Ко мосткамъ да ко калиновымъ
 Ко бопочкамъ сафьяновымъ...
 Прищипало бѣлыя рученьки
 Къ коромыслу кипарисному,
 Прищипали мои чутки уши
 Ко сережкамъ, ко серебрянымъ,
 Прищипало бѣло личико
 Ко слезамъ да ко горячимъ!...

Эта пѣсня повторяется нѣсколько разъ, такъ какъ поется по числу дѣвушекъ-подругъ, которыя по очереди подходятъ къ двери и заступаютъ дорогу... Затѣмъ поютъ въ банѣ:

Какъ отъ батюшкина крылечушка
И до баннаго крылечушка,
Что протекъ, пробѣгъ
Да медвянъ ручей.
Какъ по томъ медвяну ручью
Плавали бѣлые лебедушки.
Они плавали да купалися,
Крылышками заливалися . . .
Какъ одна бѣла лебедушка,
Она не плаваетъ, не купантца,
Крылышками не заливается.
То душа-ли красна-дѣвица
То Анна Григорьевна . . .
Она пришла въ баню паритца
По мосткамъ да по калиновымъ
Со кумушками да со подруженьками . . .

Пропѣвъ эту пѣсню, дѣвушки-подруги раздѣляютъ невѣсту и начинаютъ расплетать ей косу. При чемъ расплетаютъ косу всѣ дѣвушки поочереди; невѣста въ это время плачетъ, а дѣвушки поютъ:

Расплети-ка, милая подруженька,
Мнѣ-ка русу-косыньку! . .
Не утрашья ты, подруженька,
Отъ моей русы косы!
Какъ у ты то рученьки
Да подымулись?
На мою на русу-косыньку?
На мою-то дивью красоту?
Умную-жа да разумную,
Тихую-жа да смиренную?
Не утрашья моя подруженька,
Катерина Васильевна;
Посередь моей дивьей красоты
Три булабочки да булатныѣ,
На конецъ-то дивьей красоты
Два ножа-то два укладныѣ:
Какъ-бы руки не обрѣзала.

Всѣ дѣвушки подходятъ и поочереди расплетаютъ косу. Невѣста отдаетъ свою «дивью красоту» своимъ подружкамъ и поетъ вмѣстѣ съ ними слѣдующую пѣсню:

Я отдамъ-ка свою дивью красоту
Катеринушкѣ-подруженькѣ,
Катеринѣ-то Васильевнѣ:
Ты носи-ка, носи, красуйся
Моей дивьей красотой,
Пуще стараво, пуще прежниво! . .
Не на мѣсто натакалася (попала)
Моя дивья красота:
Она сама-то де на возрастѣ,
Навалется да дивья красота
По полавницамъ да по подъ лавицамъ,
Что по ельничкамъ, по березничкамъ . . .
По частымъ, густымъ осинничкамъ . . .
Я оттоль еѣ назадъ возьму
На свои бѣлы на рученьки,
Что прижму я дивью красоту
Ко сердечушку да ко ретивому,
Буду я сама носить еѣ
Пуще стараво, пуще прежниго! . .

Затѣмъ поютъ слѣдующую:

Полети-ка, полети-ка моя дивья красота
Баннымъ, дымнымъ окошечкомъ,
Что во чистое во полюшко
Послѣ меня, меня молодешеньки!
Ты разсыпья баня паруша
По единому по бревнышку,
Что со верхняго до окладнаго!
Ты разсыпья жарка каменька
По едину камешку да по самоцвѣтному!
Какъ на банномъ то на мѣстечкѣ
Вырости крапива жалочая
Что щипица-то колючая.
Какъ подъ окладнымъ-то бревнышкомъ
Тутъ лежать три дивьи красоты:

Перва дивья красота
Моей родимой матушки,
Вторая-то дивья красота
Хрестовья, мой, хрестушки,
Третья дивья красота
Катерины-то Ивановны
— Меня жё горе-горького
Меня молоденьки. . .

По окончаніи этой пѣсни дѣвушки начинаютъ мыть невѣсту мыломъ, которое берутъ у жениха¹⁾. Въ промежутокъ времени отъ «сговора» до свадьбы, дѣвушки собираются къ невѣстѣ варить пиво и поютъ въ это время слѣдующую пѣсню:

Ой, пѣтухи, пѣтухи,
Ой, пѣтухи троепѣстрые,
Троепѣстрые, да троеголосые,
Троеголосые, да троегребниѣ,
Не будите, не будите
Мою родиму матушку;
Я сама стану будити,
Сама стану гаркати:
Ты вставай, вставай
Моя родима матушка,
Ты вставай-ка, вставай,
Да пробудися! . .
Умывайся ты бѣлохонько
Утирайся сухохонько,
Добывай огня сыпучаго,
Ко челу да ко лицу моему
Да ко спичечкѣ *оселитрянной* (натертой селитрой)
Ко лучинушкѣ березовой! . .
Ты топи-ка печку жаркую,
Ты вари-ка пиво пьяное,
Ты кури-ко вино зелено,
Ты пеки ястна сахарныя,

1) Расплетенная коса остается у невѣсты до той поры, пока ее не заплетутъ свахи на свадебномъ пиру.

Чтобъ не было супостатамъ
Не на переговоры,
А чтобъ было мнѣ на похвалу.

Поется заунывно-печальнымъ напѣвомъ.

Когда невѣсту ведутъ изъ бани къ ожидающему жениху, то поютъ:

Ты утка, утица,
Почему рано вылетывала?
Изъ тепла гнѣзда, утица,
Изъ тепла гнѣзда батюшкина?
Не дивуйте, сѣры утицы,
Не дивуйте, мои сѣрые:
Не сама собой я вылетывала
Выводилъ меня сѣрь-селезень,
Селезенюшко косатенькой
Съ испосать (sic!) — волосатенькой!
На луга, луга зеленые
На травы, травы шелковыѣ
На цвѣточки на лазоревыѣ . . .
Ты душа, душа красна дѣвица
Катерина да Григорьевна,
Почему рано выходила
Изъ за кути изъ за навѣсы (покуть, занавѣска)
Изъ за тетушекъ-голубушекъ
Изъ за кумушекъ-подруженѣкъ?
Не дивуйте вы, подруженьки,
Не дивуйте, мои кумушки:
Не сама собой выходила
Не своею вольной-волею:
Приневолилъ добрый молодецъ
Алексеюшка то Петровичъ . . .
Выводила меня свашенька
Среди пола кирпичатова,
Становила меня свашенька
Передъ чудныѣ образы,
Кресты клала я по писаному
Поклонилась по ученому
Што на всѣ четыре стороны,

Всѣмъ князьямъ да со боярами
Алексею на особицу...

Невѣста и сваха, которая держать невѣсту за руку, кланяются обѣ жениху. Сваха беретъ жениха и невѣсту и обоихъ заводитъ за столъ, гдѣ они, крестясь, оба кладутъ поклоны передъ иконами. Послѣ чего кланяются другъ другу и цѣлуются.

Въ послѣдній вечеръ, когда уже женихъ пріѣдетъ къ невѣстѣ и собираются «поѣзжане», дѣвушки ведутъ невѣсту изъ бани уже безъ пѣсенъ и когда приведутъ въ избу, гдѣ уже за столомъ сидятъ: женихъ, сваха, «тысяцкій» (посаженный отецъ), дружки и бояре, въ ожиданіи невѣсты; при входѣ послѣдней начинается угощеніе. Дѣвушки начинаютъ величать жениха и невѣсту. Поются слѣдующія опѣвальныя пѣсни:

Соѣзжались, собирались
Три голубка,
Со единымъ голубкомъ;
Ещё всѣ голубки
Да и пьютъ и ѣдятъ
И покуриваютъ;
А одинъ голубокъ
Онъ не пьетъ, не клюетъ,
Не покуриваетъ...
Еще тужить голубокъ
По голубушкѣ своей...
Гдѣ-же будетъ со голубкой
Да мнѣ свидѣться?
Ужъ увижусь, не увижусь
На зеленыхъ на лугахъ,
На зеленыхъ лугахъ,
На шелковыхъ на травахъ,
На цвѣточкахъ на лазоревыхъ!..

* * *

Соѣзжались, собирались
Тридцать три молодца,
Тридцать три молодца
Со единымъ молодцомъ...
А и всѣ-же молодцы
Пьяны веселы сидятъ,
Всѣ веселы, всѣ то радостны...
А одинъ-то молодецъ

Онъ не пьянъ, не веселъ,
И не радостенъ сидитъ...
Ай, онъ тужить молодецъ
По невѣстужкѣ своей,
Еще свѣтъ-то Николай
По Маринушкѣ своей,
По Маринушкѣ Ивановичѣ...
Ужъ я свижусь-ли не свижусь
Да у тестя на дому,
На кирпичатомъ полу
За дубовымъ за столомъ
Ужъ я свижусь поздороваюсь,
Поздороваюсь, да поцѣлюваюсь!..

По окончаніи этой пѣсни жениха и невѣсту заставляютъ поцѣловаться...
Покотъ дальше:

У насъ по морю, морю
Да по синему стружекъ бѣжить,
Чёрномуровый стружекъ бѣжить,
За стружкомъ-то судёнышко бѣжить;
Какъ во этомъ во суденушкѣ
Немножечко людей:
По моёму-то, по счету
Всёго семь человекъ,
Восемой-отъ кормщикъ молодой,
А девятый водоливъ, —
Воду лить...
А десятый удалой молодецъ
Николай-то Ивановичъ!
По суденушку похаживаетъ,
Калену стрѣлу натягиваетъ;
Ты лети, лети калёная стрѣла,
Выше лѣса, ниже облака,
По частымъ-то мелкимъ звѣздочкамъ
Да по свѣтлому, по мѣсяцу,
Ты убей-ко убей калёна стрѣла
Стару бабу на печи, въ углу,
Стру утицу на заводи,

Бѣлую лебедушку на поплывѣ,
Черна ворона на сѣромъ камешку!..
Стара-баба — то теща моя,
Черный воронъ — то тещинко,
Сѣра утица — невеста моя,
Катерина-то Ивановна...
Бѣлы лебеди — яства мои,
Черный воронъ — перемѣна моя,
Сизый орелъ — забава моя
Ясный соколъ — потѣха моя!..

По одной версіи начало пѣсни: «У насъ по лугу-лугу, по зеленому», а по другой — какъ у меня изображено... При пѣніи тестъ и теща называются по имени и отчеству...

Передъ тѣмъ какъ прѣѣзжаетъ потѣздъ за невестой, и потѣздъ остановится поотдали, дружки подходятъ къ дому невесты и подъ окномъ стануть говорить, стуча въ оконницу:

Не здѣсь-ли суженая?
Не здѣсь-ли ряженая?
Не здѣсь-ли по рукамъ бито?

Изъ окна отвѣчаютъ: «здѣсь».

Не сидитъ ли наша невестка на печкѣ —
Княгиня Катерина свѣтъ Иванова?
Не путаетъ-ли мережки?
Не хочеть-ли уловить нашего князя
Николая, свѣтъ, Ивановича?

Отвѣчаютъ: «путаетъ и хочеть уловить»!..

Нѣтъ-ли у васъ жеребцовъ-лягуновъ? —
Не залягали-бы нашего князя... — «Нѣтъ»!
Нѣтъ-ли у васъ пѣтуховъ-клеуновъ; —
Не заклевали-бы нашего князя? — «Нѣтъ»!
Нѣтъ-ли у васъ котовъ-сарапуновъ: —
Не засарапунали-бы нашего князя? — «Нѣтъ»!

Послѣ многихъ еще подобныхъ вопросовъ, на которые получается утвердительный отвѣтъ, что нѣтъ опасности, изъ избы выходятъ родственники невесты, отецъ, мать

и говорить «добро пожаловать» — приглашаютъ подѣхатъ и идти въ избу, послѣ чего начинается, какъ сказано выше, угощенье... Только что потѣзжане подѣхнутъ къ дому невесты, дѣвушки, собравшіяся здѣсь, поютъ:

Кабы кругъ двора,
Кругъ высокъ терема,
Тутъ ѣздилъ, спознать
Удалой добрый молодецъ,
Алексѣй Петровичъ,
На своемъ на добромъ
Конѣ батюшкиномъ!
Онъ и скокъ, поскокъ
На круто крыльцо,
Онъ и бракъ, побрякъ
За злато кольцо:
Дома-ль моя суженая?
Дома-ль моя ряженая
Катеринушка Григорьевна?
Отодвинь-ко задвижечку,
Спономножечку стеколышко,
Покажи лицо бѣлое!
У тебя лицо бѣлое,
Бѣлый свѣтъ, бѣлый бѣлаго,
У тебя брови черные, —
Какъ у черного соболя,
У черна, у пробѣгнаго!
У тебя очи ясныя
Какъ у яснаго сокола
У ясна сокола, у пролетнаго!..

Поютъ дальше:

По заморьницѣ бѣлы лебедки клычутъ,
По за синему лебедь бѣлѣшенѣкъ,
За собою онъ лебедушку клычетъ:
Ты лети, лети, лебедушка, за мною;
У меня есть луга зелѣныя,
У меня есть травы шелковыя,
У меня есть цвѣтики лазоревыя...

У тебя на правом крылышкѣ тепленько,
У меня въ ретивомъ сердечушкѣ миленько!

* * *

По застолицѣ добрый молодецъ ходить,
За собою красну дѣвицу водить:
Ты иди-ко, Катеринушка, за мною
Ты иди-ко, дочь Григорьевна, за мною:
У меня есть столы дубовыѣ,
У меня есть столешеньки кленовыѣ,
У тебя есть скатертки шёлковыѣ,
У меня есть яства сахарныѣ,
У меня есть питья медвяныѣ,
У меня есть кровать тѣсовая,
У тебя есть перина пуховая,
У тебя есть подушки чижовыя,
У тебя есть одѣяло черно-соболино,
На правой на рученькѣ тепленько,
У ретиваго сердечушка миленько!..

Когда ѣдутъ къ вѣнчанью, поютъ жениху и невѣстѣ:

Подъ Казанью, подъ городомъ
Вью, вью, ле, ле, лю...

Подъ Сибирью богатою
Вью, вью, ле, ле, лю.

Тутъ стояла Божья церква (припѣвы послѣ каждого стиха).

Какъ во той во Божій церкви

Тамъ стоять два Спасителя,

Два Спасителя, два Хранителя:

Николай съ Богородицей.

Афросинья Богу молитца,

Даниловна низко кланитца:

Ты создай ка мнѣ, Господи,

Мнѣ ка свекра смиреннаго,

Его не бранливаго,

Его не журливаго,

Мѣсть кормильца батюшки...

(Повторяется по числу лицъ: жениха, свекра, свекрови, деверьевъ, золовокъ и прочей родни).

Слѣдующая:

На той, на той, на высокой на горѣ,
На той, на той, на прекрасной высотѣ,
Тамъ висилась колыбель золота
На цѣпочику золочиннымъ,
На веревочкахъ шелковыхъ,
На улучинкахъ вязавыхъ.
Во той, во той, колыбели золотой
Лежить то, лежить удалой молодецъ,
Сердце Иванушка Андроновичъ:
Своимъ ненюшкамъ онъ *кучится*: (просить)
Ой вы ненюшки, манюшки мои
Вы родимые сестрицы мои;
Вы качайте, величайте меня,
Вы *взбелхните* повыше того (взмахните)
Чтобъ увидѣть я семейку свою
Что и тестя, со тещею,
Я увидѣть бы возрадовался
Я увидѣть бы невѣсту свою —
Катеринушку Ивановну,
Я увидѣть бы возрадовался.

Каждый стихъ повторяется два раза.

Опѣвальная:

За дворомъ, за дворецкими воротами
Тамъ вода да разливалась,
Тамъ трава да разстилалась...
Выпущу я лебедя да со лебедкою:
Бѣлый лебедь да Артемьюшко
Што Артемьюшко да Кормиловничъ,
Бѣлая лебедушка Афросиньюшка
Афросиньюшка, дочь Даниловна.
Поровнялися да посравнялися,
Люди добрые да сдивовалися
На безлюдьевъ они раземѣялися!

Опѣвають сваху, до вѣнчанья...

Умна наша свашенька да бѣляна
Она по три года да полотна бѣлила

Ко Артемьюшкѣ во свахи собиралась,
Пелагея то Ивановна въ свахи снаряжалась...
Она по три года да полотна бѣлила,
На Дунай рѣкѣ да полоскала,
На сѣромъ камнѣ да колотила
На зелены луга да выстилала.
Она нагруднички да вышивала...
Она въ лѣтѣ-то да во каретѣ,
А во зимѣ-то да во скачѣчкахъ (санки),
У ней пара коней да вороныѣ,
Кучера да съ ней молодые...
Кучера-то съ ней холостые —
То дружокъ-то дружокъ
Все Иванъ-то Ивановичъ!..

Опѣвальная:

Во (о)городѣ гряда, зеленымъ зелена, зеленешенька,
Эхъ, хе-хе, эхъ, хе-хе, зеленешенька! (припѣвъ послѣ
[каждаго стиха].)

Какъ на той на грядѣ лежитъ шуба нова,
Шуба дуется, раздувается,
Рукавъ пышится, раздымается...
У Артема жена сердится, осержается
Ужъ ты мужъ, ты мой мужъ, господинъ честной,
Ты Артемъ да Корниловичъ, ты *поишь*-ка (поѣдешь)
Ты поѣшь-ка гулять во Москву,
Ты купи-ко, купи дорогу опанчу,
(О)панчу травчатую да муравчатую,
А ужъ ту опанчу по momy по плечу.
Я за ту опанчу тебѣ въ годъ заплачу:
Я те сына рожу — ясна сокола,
Я те дочи рожу да пелешелку...

Послѣдней пѣсней, когда увозитъ женихъ невѣсту къ себѣ въ домъ или къ
вѣнчанью, лишь только двинется поѣздъ, запоютъ:

Изъ за горъ-горы карета бѣжала...
Та карета — карета не простая,
Не простая, не простая — золотая...

Во каретѣ то дѣвица сидитъ, куманица (ягода)
То Настасья Ивановна.
Подъ ней пара коней, кони вороные,
Кучера съ ней молодые.
Кучерамъ она кричала:
Кучера, вы, молодые! —
Вы стегайте легонько,
Поѣзжайте тихонько;
Чтобы дольше дорожка,
Мнѣ отъ батюшка ѣхать,
Отъ родимаго ѣхать!

Съ окончаніемъ этой пѣсни поѣздъ уѣзжаетъ. Дѣйствіе теперь переносится въ
домъ жениха или уже теперь молодого, послѣ вѣнчанья или, если такового нѣтъ, то
прямо изъ дома невѣсты. Едва только поѣздъ подъѣзжаетъ къ дому «молодого», здѣсь
уже собралось не мало народу. Поѣздъ останавливается и дѣвушки и женщины вмѣстѣ
запоютъ:

Ой, вы соколы, соколы,
Вы куда, соколы, летали?
Ой, мы летали, летали
Съ горы на горы высокіѣ,
Съ моря на моря, глубокиѣ!
Вы кого-же тамъ соколы видѣли?
Ужъ мы видѣли, видѣли
Стадо бѣлыхъ лебедушекъ!..
Вы пошто-же ихъ да не поймали?..
Ужъ мы поймаѣть-то то поймали,
Право крылышко отшибили,
Кровь горячую-то пѣстили...

* * *

Ужъ вы бѣяре, бѣяре,
Вы куда бѣяре ѣздили?..
Ужъ мы ѣздили, ѣздили
Съ города на городъ широкиѣ
Съ терема на терѣмъ высокіѣ!
Вы кого-же тамъ, кого видѣли?..
Ужъ мы видѣли, видѣли
Во высокому терему, красную дѣвицу, —

Парасковью-то свѣтъ Ивановну!..
Вы почто-же её да не вывели?...
Ужъ мы вывели, вывели,
Русу косыньку расплели,
Горючи слезы пролили!..

Поютъ дальше другую пѣсню:

Изъ лугу, лугу кони бѣжать:
Самый отъ лучший конь впереди бѣжитъ...
Онъ тушечку дѣржитъ печкою,
Онъ голову держитъ гоголемъ,
Онъ ноженьки мечетъ частешенько
Онъ и хвостъ держитъ трубкою...
Изъ ноздрей коня искры сыпятся,
Изъ рта ёво пламя пышется,
Изъ ушей-то дымъ столбомъ валить...
Поликарипушка ѣдетъ съ радости,
Свѣтъ Ивановичъ — со великіѣ:
Парасковьюшка плачетъ отъ жалости,
Свѣтъ Ивановна — отъ великіѣ!...

По существу эта пѣсня поется прежде предыдущей, но за этимъ не строго слѣдять. По окончаніи этихъ притѣстственныхъ пѣсень, «поѣзжане» слѣзаютъ, женихъ становится рядомъ съ невѣстой; ихъ окружаютъ: тысяцкій, дружки и всѣ «бояре», всѣ держатся за руки. Изъ хаты молодого выходятъ съ иконой отецъ и мать молодого, которою крестить молодыхъ отецъ; мать стоитъ съ ковригой хлѣба. Подходить молодая, кусаетъ три раза краюху хлѣба, потомъ беретъ её себѣ въ руки, послѣ чего молодыхъ стануть вводить во дворъ. Въ это время запоютъ довольно оригинальную пѣсню во множествѣ словъ, нецензурную, но я ее приведу цѣликомъ. Эта пѣсня слыветъ по начинающимся словамъ «гордѣна»...

Ой наша гордѣна,
Гордлива, ломлива:
Ко двору она не ѣдетъ:
— У двора-то много грязи!
А кабы на эти грязи,
Калиновы мосты!
Ой наша гордена,
Гордлива, ломлива:

Она во дворъ не ѣдетъ:
— Во дворѣ тѣрковаго,
Во дворѣ колчевато!...
Кабы на эти тѣрки
Соломы ржаныя,
А тогда-то я пойду! (вмѣсто тогда говорить «толды».)
Ой наша гордѣна,
Гордлива, ломлива:
— На лѣстницы не лѣзетъ:
— На лѣстницахъ щипочки!...
Кабы на эти щипочки
— Желѣзны лопаты...
А толды я пойду!
Ой наша гордѣна
Ломлива, гордлива:
— Она по мосту нейдетъ:
— На мосту-то покаты!
Кабы на эти покаты
Да желѣзный заступъ:
А толды я пойду...
Ой, наша гордѣна
Гордлива, ломлива: —
Она въ избу-то нейдетъ:
— Въ избѣ-то поросѣя!
Кабы на эти поросѣя
Да шелковый вѣникъ:
А толды-то я пойду!...
Ой, наша гордена
Гордлива, ломлива:
Она на лавку не садится:
На лавкахъ-то грязно!
Колды бѣ на эти грязи
Да шелкову вѣхоть
Толды-то я сяду

Поюшіе и молодые входятъ въ избу, продолжая пѣть эту пѣсню:

Ой наша гордѣна
Ломлива, гордлива:

Истопите, мигъ, баню,
Нагрѣйте, мигъ, шѣлокъ
Принесите, мигъ, вѣникъ,
Принесите мигъ мыло,
Что въ..... уплыло...
Подымите на полочокъ,
Расчешитѣ хохолочѣкъ!...
На полочкѣ тепленько,
У меня въ..... горяченько!...
У меня въ..... печка
У тебя-же.... чечка
Чечка да встала
Въ печку попала!...

Надо замѣтить, что среди «кержаковъ» всѣ вещи называются собственными именами, а поэтому ихъ произносятъ нисколько не стѣняясь, о чемъ ниже будетъ приводиться мной пѣсня, которую выкинуть не могу, пусть извинятъ меня за это читатели, желающіе знать быть народа... Съ окончаніемъ этой пѣсни молодыхъ заводятъ за столъ, и они стоятъ рядомъ, рука съ рукой. Въ это время гости наскоро закусываютъ и выпиваютъ, а молодые стоятъ. Наконецъ подходит сваха, беретъ невѣсту и ведетъ совершать обрядъ расплетенія косы. Невѣсту посадятъ противъ печки, здѣсь-же въ избѣ. Молодой сидитъ за столомъ съ боярами. Дѣвушки запоютъ пѣсню, когда молодую только что выведетъ изъ за стола сваха:

Ой за чѣмъ Иванушка
Одинъ за столомъ сидишь?
Право я не одинъ:
Съ Богомъ я — не одинъ!
Есть со мною, есть со мною
Много всякихъ людей!
Есть со мною, есть со мною
Князь и тысяцкій!
Есть со мною, есть со мною
Князь и друженьки...

Перечисляются въ пѣснѣ всѣ поимѣнно сидящіе за столомъ.... Двѣ свахи расплетаютъ въ это время косу молодой, заплетенную въ одну, раздѣляютъ на двѣ стороны и заплетаютъ двѣ косы... Въ это время поютъ пѣсню:

Ой, вы, сѣмена, сѣмена
Васъ немножечко посеяно,

Васъ немножечко напахано,
Много васъ уродилося, (это относится къ волосамъ)
— Только два поля чистыѣ,
Два раздольица широкіѣ...
Промежду тѣми полями,
Что протекъ-то да пролѣтъ,
Все медвянъ ручей,
То медвяная проточинка...
Какъ по той по проточинкѣ
Плаваютъ бѣлыѣ лебедушки;
Они плаваютъ и купаются,
Крылышками заливаются.
Одна бѣла лебедушка —
Она не плавать, не купается,
Крылышками не заливается:
Она плакала, она рыдала
По своему тѣпломъ гнѣздышкѣ...
Ты душа, душа красна дѣвица, —
То Федосья, дочь Капитоновна;
По своей дивной красотѣ: —
Ты мила моя, дивья красота,
Ужъ ты милая, моя, косынька,
Я чесала тебя, гладила,
Каждый день тебя по троѣжды,
Каждый часъ да я по двоѣжды;
Не могла я тебя учесати,
Не могла тебя да я приладити...
Нынче мою русу косыньку
Учесали да угладили,
Что двѣ свашеньки княжія
То Ивана-то Васильевича;
Бѣду кійку¹⁾ понакинули,
Бѣду кійку — то женскую,
Мужней женой меня назвали
То Ивана-то Васильевича
Вотъ слугой-то меня назвали

1) «Кійка» головной уборъ женщинъ.

То Василья да Антоновича... (имя свекра)
 Вотъ слуга-то будетъ вѣрная,
 Живучая да неизмѣнная!
 Любо-ль тебѣ батюшка,
 Я тебѣ слугу веду,
 Слугу вѣрную да неизмѣнную!

Съ послѣдними словами на молодую надѣваетъ сваха «моршень», т. е. «повой-
 никъ» или иначе «кокошникъ», который носятъ женщины... Молодую свахи под-
 водятъ къ молодому; одна изъ нихъ беретъ ихъ за руки и обводитъ три раза вокругъ
 стола и сажаетъ ихъ на лавку за столомъ, заставляя цѣловаться и въ то время,
 когда они только что хотятъ поцѣловаться, она толкаетъ головами, да покрѣпче ста-
 рается, со словами: «ну, будьте здоровы»... Послѣ этого уже начинается пиръ, и
 начинаются опѣвальные пѣсни, т. е. дѣвушки величаютъ гостей...

Слѣдующую пѣсню поютъ и въ то время когда просватаютъ невѣсту и когда
 она плачетъ, передъ тѣмъ, когда вѣдутъ ее на поѣздъ къ вѣнчанью:

Билася буря передъ тучею —
 Билъ зять челомъ передъ тѣщею:
 — Отдай, тѣща, мое, мое суженое,
 Мое суженое, мое ряженое!...
 Вывела тѣща быка за рога:
 Это, зять, твое, это суженое!
 — Это, тѣща, не мое и не суженое,
 И не суженое и не ряженое!...
 Билася буря.... и пр.
 Вынесла тѣща кованъ ларецъ;
 — Это, зять, твое и пр. пр....
 Билася буря... и пр.
 Вывела тѣща свое чадо милое:
 Это, зять, твое и пр.
 — Это, тѣща, мое, это суженое,
 Это суженое, это ряженое....

Первымъ опѣваютъ на свадебномъ пирѣ тысяцкаго. Вотъ эта пѣсня:

Станемъ мы пѣвицы на ноженьки,
 На софьяновы на сапоженьки,
 Поглядимъ мы пѣвицы

По всемъ пиру свадьбѣ:
 Еще, кто у насъ на свадьбѣ хорошенекъ?
 У насъ тысяцкій хорошенекъ,
 Князей, большой пригоженекъ,
 У насъ тысяцкій, князь, воевода!...
 — Воевалъ, воевалъ городами,
 Побиралъ, побиралъ головами:
 Да все Аннушкиной головою,
 Свѣтъ Ивановною, головою...
 Посадимъ мы его всѣхъ повыше:¹⁾
 На три пуховыя да перины,
 На три чишовыя, да подушки,
 А мы будемъ на него да глядѣти,
 На Поликарпа свѣтъ Савельича...
 Мы и Аннѣ Ивановнѣ натакали²⁾:
 У него голова кудревата
 Изъ кудринки въ кудринку завилася,
 Изъ колечушка въ колечко заплелася!
 Какъ во сахарѣ головушка лежала,
 Во сладкомъ меду кудрявая купалась,
 Будто бѣлый сыръ да оконцѣ
 Какъ крупичитый калачъ да на блюдѣ.
 Не ясно солнце да съ мѣревами
 Не свѣтель мѣсяцъ да со звѣздами
 Поликарпушка Савельичъ съ сыновьями
 (перечисляются имена всѣхъ сыновей)
 Не утренняя заря да со звѣздами
 То и Аннушка Ивановна съ дочерями!..
 (перечисляются дочери).

Надо замѣтить, что «тысяцкій, обыкновенно бывающій человѣкъ пожилой» имѣю-
 щій семью.

Вслѣдъ за нимъ по очереди опѣваютъ князя и княгиню — «молодыхъ» слѣ-
 дующей пѣсней:

Во теремѣ ясные свѣченки горять,
 Воску-то ярова, утаиваютъ
 Ой нenenки, манешки утаиваютъ. (припѣвъ)

1) Онъ сидитъ въ большомъ мѣстѣ.

2) Совѣтовали (говорили иначе).

Ой утаивают да припадавают
Ко шитому, ко браному
Ко тонкому положку.

Ой ненешки и пр.

Ой родимыя сестрицы-то выспрашиваютъ,
У Васильюшки Ивановича выспрашиваютъ:

Ой ненешки и пр.

Гдѣ-же ты, Васильюшка, былъ, спобылъ
Гдѣ-же ты, Ивановичъ, спобывалъ?

Ой ненешки и пр.

— Былъ же я у тещенька у ласковаго
У Ивана то Матвѣевича

Ой ненешки и пр.

Чѣмъ-же тебя тещенька дарилъ али нѣтъ?

Ой ненешки и пр.

— Дарилъ меня тещенька
Воронымъ конемъ!

Ой ненешки и пр.

* * *

Во теремѣ свѣченки ясныя горять

Воску-то ярова, утаиваютъ

Ой ненешки и пр.

Родимыя сестрицы у братца выспрашиваютъ:

Гдѣ же ты братчикъ былъ спобывалъ?

Ой ненешки и пр.

Гдѣ-же ты Васильюшка былъ,

Гдѣ-же ты Ивановичъ спобывалъ?

Ой ненешки и пр.

— Былъ то я у шурина, у ласковаго,
У Ивана свѣтъ Ивановича!

Ой ненешки и пр.

Чѣмъ-же тебя шуринъ дарилъ али нѣтъ?

Ой ненешки и пр.

— Дарилъ меня шуринъ черкальскимъ сѣдомъ

Ой ненешки и пр.

Во теремѣ свѣченки ясныя горять

Воску-то ярова утаиваютъ

Ой ненешки и пр.

Ой утаиваютъ да припадаваютъ
Ко шитому, ко браному,
Ко тонкому положку.

Ой ненешки и пр.

Ой родимыя сестрицы-то выспрашиваютъ
У Василья Ивановича выспрашиваютъ:

Ой ненешки и пр.

Гдѣ-же ты, Васильюшка, былъ,
Гдѣ, Ивановичъ, спобывалъ?..

Ой ненешки и пр.

— Былъ я у тещеньки у ласковья,
У Матрены у Григорьевны...

Ой ненешки и пр.

Чѣмъ-же тебя тещенька дарила али нѣтъ?

Ой ненешки и пр.

— Дарила меня тещенька
Своимъ чадомъ милымъ

Свѣтъ Федосьюшкой Ивановой...

Затѣмъ поють другую...

Черезъ матушку-Волгу мосты,

Все мосты, мосты да кленовые,

Поперечины да черемуховы,

Перекладыны рябиновы...

Тутъ ѣхали друженьки

Со хорошимъ съ поѣздомъ,

Со хорошимъ поѣздомъ —

Со удалымъ добрымъ молодецъ,

Съ Алексѣемъ со Петровичемъ...

За собой онъ ведетъ дѣвицу

Катерину свѣтъ Григорьевну:

Ты иди, иди, Катериноушка, за мной,

Не глади въ мать-Волгу рѣку,

Заглядишься сама такъ упадешь!

Хочь я упаду, я не упаду

За тебя я не схватаюся;

Я схватаюся, схватаюся

За своею родного батюшка

(Называет по имени и перечисляет по очереди матушку, братьевъ, сестеръ)

Это не правда, Катериночка, не правда,
Не правда, Григорьевна, не вѣрно слово!

Наконецъ «молодая» отвѣчаетъ:

Ужъ я упаду, я не упаду
За тебя я схватаюсь,
За Алексея за Петровича.
Это правда, Катериночка,
Это правда, Григорьевна,
Это вѣрно слово!...

Отвѣчаютъ сваху:

Гордая да наша свашенька,
Гордая да наша князя:
Василиса свѣтъ Ивановна!
Гдѣ стоять да наша свашенька
Гдѣ стоять да наша князя, — (очевидно «княжая»)
Отъ ней-то да лучи падуть
Отъ ней-то да лучи свѣтлыё...
Какъ на нашей-то на свашенькѣ,
Какъ на нашей-то на князяей
Что рубашка полотняная,
Какъ у нашей-то у свашеньки,
Какъ у нашей-то у князяей
На могучихъ на плеченькахъ
Съ трубчаты камки сарафанъ...
Какъ у нашей-то у свашеньки,
Какъ у нашей-то у князяей
У ней на тонкомъ животѣ
Што покроечка то шелковая!
Какъ у нашей-то у свашеньки,
Какъ у нашей-то у князяей
На буйной головушкѣ шаль пуховая,
На могучихъ на плечикахъ шаль ковравая,
Какъ у нашей-то у свашеньки,
Какъ у нашей-то у князяей

На рязныхъ ноженькахъ чулки бѣлые
Да ботиночки все резиновые...

Отвѣчаютъ прочимъ гостей и молодыхъ:

Стелется, вьется
Сполугамъ, лугамъ
Трапа шелковая,
Цѣлуетъ, милуетъ бояринъ (имя отвѣаемаго)
Свою молодую
Катерину Григорьевну:
Жена моя женка,
Спороди мнѣ сына —
Янова сокола (если есть дѣти называютъ)
Жена моя женка
Спороди мнѣ дочеръ —
Бѣлу *пеленку!*
Отдадимъ мы сыновей
Во Цареву службу,
Во вѣрные слуги:
Пусть онѣ учатся
Скоро грамоты писати.
Отдадимъ мы дочерей
Ко царцѣ въ мастерицы:
Пусть они учатся
Шелкомъ шити,
Шити, вышивати
Жемчугомъ садити,
Садити, высажати...

Пойду молоденька въ зеленую рощу
Ужъ я выѣху, молоденька, кленовую доску,
Я доспѣю изъ дощечки звончатые гусли;
Вы воспойте гусли-мысли
Любу-милу пѣсню,
Взвеселите гусли-мысли
Хозяина въ домѣ...
Бѣдетъ нашъ хозяинъ
Въ Чердынѣ-городѣ торговать
Закупочки закупать,

То Василья да Антоновича... (имя свекра)
 Вотъ слуга-то будетъ вѣрная,
 Живучая да неизмѣнная!
 Любо-ль тебѣ батюшка,
 Я тебѣ слугу веду,
 Слугу вѣрную да неизмѣнную!

Съ послѣдними словами на молодую надѣваетъ сваха «моршень», т. е. «повойникъ» или иначе «кокошникъ», который носятъ женщины... Молодую свахи подводятъ къ молодому; одна изъ нихъ беретъ ихъ за руки и обводитъ три раза вокругъ стола и сажаетъ ихъ на лавку за столомъ, заставляя цѣловаться и въ то время, когда они только что хотятъ поцѣловаться, она толкаетъ головами, да покрѣпче старается, со словами: «ну, будьте здоровы»... Послѣ этого уже начинается пиръ, и начинаются опѣвальные пѣсни, т. е. дѣвушки величаютъ гостей...

Слѣдующую пѣсню поютъ и въ то время когда просватаютъ невесту и когда она плачетъ, передъ тѣмъ, когда ведутъ ее на поѣздъ къ вѣнчанью:

Билася буря передъ тучею —
 Билъ зять челомъ передъ тѣщею:
 — Отдай, тѣща, мое, мое суженое,
 Мое суженое, мое ряженое!...
 Вывела тѣща быка за рогъ:
 Это, зять, твое, это суженое!
 — Это, тѣща, не мое и не суженое,
 И не суженое и не ряженое!...
 Билася буря.... и пр.
 Вынесла тѣща кованъ ларецъ;
 — Это, зять, твое и пр. пр....
 Билася буря... и пр.
 Вывела тѣща свое чадо милое:
 Это, зять, твое и пр.
 — Это, тѣща, мое, это суженое,
 Это суженое, это ряженое....

Первымъ опѣваютъ на свадебномъ пирѣ тысяцкаго. Вотъ эта пѣсня:

Станемъ мы пѣвицы на ноженьки,
 На софьяновы на сапоженьки,
 Поглядимъ мы пѣвицы

По всемъ пиру свадьбѣ:
 Еще, кто у насъ на свадьбѣ хорошенекъ?
 У насъ тысяцкій хорошенекъ,
 Князѣй, большой пригоженекъ,
 У насъ тысяцкій, князь, воевода!...
 — Воевалъ, воевалъ городами,
 Побиралъ, побиралъ головами:
 Да все Аннушкиной головою,
 Свѣтъ Ивановною, головою...
 Посадимъ мы его вѣхъ повыше:¹⁾
 На три пуховыя да перины,
 На три чижовыя, да подушки,
 А мы будемъ на него да глядѣти,
 На Поликарпа свѣтъ Савельича...
 Мы и Аннѣ Ивановнѣ натакали²⁾:
 У него голова кудревата
 Изъ кудринки въ кудринку завилася,
 Изъ колечушка въ колечко заплелася!
 Какъ во сахарѣ головушка лежала,
 Во сладкомъ меду кудрявая кушалась,
 Будто бѣлый сыръ да оконцѣ
 Какъ крупичитый калачъ да на блюдѣ.
 Не ясно солнце да съ мѣревами
 Не свѣтель мѣсяцъ да со звѣздами
 Поликарпушка Савельичъ съ сыновьями
 (перечисляются имена всѣхъ сыновей)
 Не утренняя заря да со звѣздами
 То и Аннушка Ивановна съ дочерями!...
 (перечисляются дочери).

Надо замѣтить, что «тысяцкій, обыкновенно бываетъ человекъ пожилой» имѣющій семью.

Вслѣдъ за нимъ по очереди опѣваютъ князя и княгиню — «молодыхъ» слѣдующей пѣсней:

Во теремѣ ясные свѣчечки горятъ,
 Воску-то ярова, утаиваютъ
 Ой ненешки, манешки утаиваютъ. (припѣвъ)

1) Онъ сидитъ въ большомъ мѣстѣ.
 2) Совѣтовали (говорили иначе).

Ой утаивают да припадываютъ
Ко шитому, ко браному
Ко тонкому положку.

Ой ненешки и пр.

Ой родимыя сестрицы-то выспрашиваютъ,
У Васильюшки Ивановича выспрашиваютъ:

Ой ненешки и пр.

Гдѣ-же ты, Васильюшка, былъ, спобылъ
Гдѣ-же ты, Ивановичъ, спобывывалъ?

Ой ненешки и пр.

— Былъ же я у тестенька у ласковаго
У Ивана то Матвѣевича

Ой ненешки и пр.

Чѣмъ-же тебя тестенька дарилъ али нѣтъ?

Ой ненешки и пр.

— Дарилъ меня тестенька
Воронымъ конемъ!

Ой ненешки и пр.

* * *

Во теремѣ свѣченки ясныя горять
Воску-то ярова, утаиваютъ

Ой ненешки и пр.

Родимыя сестрицы у братца выспрашиваютъ:
Гдѣ же ты братчикъ былъ спобывалъ?

Ой ненешки и пр.

Гдѣ-же ты Васильюшка былъ,
Гдѣ-же ты Ивановичъ спобывывалъ?

Ой ненешки и пр.

— Былъ то я у шурина, у ласковаго,
У Ивана свѣтъ Ивановича!

Ой ненешки и пр.

Чѣмъ-же тебя шуринъ дарилъ али нѣтъ?

Ой ненешки и пр.

— Дарилъ меня шуринъ черкальскимъ сѣдломъ

Ой ненешки и пр.

Во теремѣ свѣченки ясныя горять
Воску-то ярова утаиваютъ

Ой ненешки и пр.

Ой утаиваютъ да припадываютъ
Ко шитому, ко браному,
Ко тонкому положку.

Ой ненешки и пр.

Ой родимыя сестрицы-то выспрашиваютъ
У Василья Ивановича выпытываютъ:

Ой ненешки и пр.

Гдѣ-же ты, Васильюшка, былъ,
Гдѣ, Ивановичъ, спобывывалъ?..

Ой ненешки и пр.

— Былъ я у тѣщенки у ласковаго,
У Матрены у Григорьевны...

Ой ненешки и пр.

Чѣмъ-же тебя тещенька дарила али нѣтъ?

Ой ненешки и пр.

— Дарила меня тѣщенька
Своимъ чадомъ милымъ

Свѣтъ Федосьюшкой Ивановной...

Затѣмъ поютъ другую...

Черезъ матушку-Волгу мосты,
Все мосты, мосты да кленовые,
Поперечины да черемуховы,
Перекладыны рябиновы...
Тутъ ѣхали друженьки
Со хорошимъ съ поѣздомъ,
Со хорошимъ поѣздомъ —
Со удалымъ добрымъ молодцемъ,
Съ Алексѣемъ со Петровичемъ...
За собой онъ ведетъ дѣвицу
Катерину свѣтъ Григорьевну:
Ты иди, иди, Катериноушка, за мной,
Не гляди въ мать-Волгу рѣку,
Заглядишься сама такъ упадешь!
Хочь я упаду, я не упаду
За тебя я не схватаюсь;
Я схватаюсь, схватаюсь
За своо родного батюшка

(Называет по имени и перечисляет по очереди матушку, братьев, сестер)

Это не правда, Катеринушка, не правда,
Не правда, Григорьевна, не вѣрно слово!

Наконецъ «молодая» отвѣчаетъ:

Ужъ я упаду, я не упаду
За тебя я схватаюся,
За Алексѣя за Петровича.
Это правда, Катеринушка,
Это правда, Григорьевна,
Это вѣрно слово!...

Опѣваютъ сваху:

Гордая да наша свашенька,
Гордая да наша князя:
Василиса свѣтъ Ивановна!
Гдѣ стоитъ да наша свашенька
Гдѣ стоитъ да наша князя, — (очевидно «княжая»)
Отъ ней-то да лучи падутъ
Отъ ней-то да лучи свѣтлыѣ...
Какъ на нашей-то на свашенькѣ,
Какъ на нашей-то на князей
Что рубашка полотняная,
Какъ у нашей-то у свашеньки,
Какъ у нашей-то у князей
На могучихъ на плеченькахъ
Съ трубчатъ камки сарафанъ...
Какъ у нашей-то у свашеньки,
Какъ у нашей-то у князей
У ней на тонкомъ животѣ
Што покровочка то шелковая!
Какъ у нашей-то у свашеньки,
Какъ у нашей-то у князей
На буйной головущѣ шаль пуховая,
На могучихъ на плечикахъ шаль кованная,
Какъ у нашей-то у свашеньки,
Какъ у нашей-то у князей

На рѣзвыхихъ ноженькахъ чулки бѣлѣвыѣ
Да ботиночки все резиновыѣ...

Опѣваютъ прочихъ гостей и молодыхъ:

Стелется, вьется
Сполугамъ, лугамъ
Трава шелковая,
Цѣлуетъ, милуетъ бояринъ (имя опѣваемого)
Свою молодую
Катерину Григорьевну:
Жена моя женка,
Спороди мнѣ сына —
Яснова сокола (если есть дѣти называютъ)
Жена моя женка
Спороди мнѣ дочеръ —
Бѣлу пелеселку!
Отдадимъ мы сыновей
Во Цареву службу,
Во вѣрные слуги:
Пусть онѣ учатся
Скоро грамоты писать.
Отдадимъ мы дочерей
Ко царницѣ въ мастерицы:
Пусть они учатся
Шелкомъ шить,
Шить, вышивати
Жемчугомъ садить,
Садить, высажати...

Пойду молоденька въ зеленую рощу
Ужъ я выѣску, молоденька, кленовую доску,
Я доспѣю изъ дощечки звончатые гусли;
Вы воспойте гусли-мысли
Любу-милу пѣню,
Взвеселите гусли-мысли
Хозяина въ домѣ...
Бѣдетъ нашъ хозяинъ
Въ Чердынѣ-городѣ торговать
Закупочки закупать,

Занимочки-занимать.
 Натъзжает нашъ хозяинъ
 Чередь ночи потемнѣй
 Свѣтъ Остафій Елисеичъ.
 Не успѣла хозяйшка
 Свѣ(тъ) Олёна Григорьевна
 Кушью шубу здѣть;
 За рукавъ шубу тащила
 Чередь двора здѣла (одѣла середь двора)
 Среди двора здѣвала
 Она правды не сказала:
 Я скажу-жо тебѣ правду
 Я во новыхъ во сѣняхъ,
 На тесовой на кровати,
 На пуховой на перинѣ,
 На чижовой мягкой подушкѣ,
 Подъ собольимъ одѣяломъ
 На правой-то на рукѣ.
 А скажу я тебѣ правду:
 Принесу я тебѣ сына —
 Какъ бѣлаго сыра —
 Свѣтъ Ивана Остафьевича,
 Принесу я тебѣ дочь —
 Свѣтъ Анну Остафьевну...
 Налетѣлъ соловей на крылечный мостъ,
 А и сталъ соловей наговаривати,
 Ай калина, ай малина наговаривати.
 Еще сталъ соловей да нашоптывати,
 Ай калина и пр.
 Еще кто у насъ съ женой во совѣтѣ живетъ,
 Ай калина и пр.
 Еще кто молодой во великой любви?
 Ай калина и пр.
 Алексѣй то съ женой во совѣтѣ живетъ!
 Ай калина и пр.
 Што Петровичъ во совѣтѣ — те живетъ
 Ай калина и пр.

Съ Катериной во совѣтѣ живетъ,
 Ай калина и пр.
 Со Григорьевною во великой любви!
 Ай калина и пр.
 Принесла она мнѣ сына, ясна сокола,
 Ай калина и пр.
 Что Сергѣя, ясна сокола
 Ай калина и пр.
 Принесла она мнѣ дочь перепелушку
 Ай калина и пр.
 Свѣтъ Марью — перепелушку.

Перечисляютъ всѣхъ сыновей и дочерей.
 Опѣвають дружковъ.

Дружки рышутъ, дружки рышутъ: —
 Коня потеряли!
 Былъ бы здоровъ молодой нашъ князь
 Свѣтъ Иванъ то Ивановичъ!
 — Наживемъ мы хомутъ и получше того!..
 Дружки рышутъ, дружки рышутъ: —
 Узду потеряли!..
 Былъ бы здоровъ и пр...
 Дружки рышутъ, дружки рышутъ:
 Вожжи потеряли...
 Былъ бы здоровъ и пр.
 Купимъ мы вожжи и получше того...

Перечисляются разные предметы...

Отдадимъ мы за коня пять сотъ рублей
 Отдадимъ за хомутъ а мы сто рублей
 Отдадимъ мы за вожжи пятьдесятъ рублей.
 Отдадимъ мы за сани двадцать пять рублей
 Отдадимъ за узду мы пять рублей...
 Дружки рышутъ, дружки рышутъ
 Невѣсту потеряли...
 Былъ бы здоровъ молодой нашъ князь
 Свѣтъ Иванъ то Ивановичъ
 Купимъ мы невѣсту и лучше того

Отдадимъ за невесту мы тысячу рублей —
За молодую княгиню, Марью Ивановну....

Холостыхъ опѣвають:

Ай и кто у насъ хорошъ,
Ай и кто у насъ пригожъ?
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый!...

Алексѣюшка хорошъ,
Петровичъ пригожъ:

Розанъ и пр.
По горницѣ ходить, —
Клабукъ не ломаетъ,

Розанъ и пр.
Маперно ступаетъ, —
Лавокъ не ламаешь,

Розанъ и пр.
Лавокъ не ломаетъ, —
Чулочъ не мараетъ.

Розанъ и пр.
Спосѣничкамъ ходить, —
Сѣни колыбатца (колыбаются)

Розанъ и пр.
Сѣни колыбатца,
Конь-отъ подвигатца

Розанъ и пр.
На коня садитца —
А конь веселитца.

Розанъ и пр.
Къ лугамъ подъѣзжаетъ, —
Луга зеленѣють,

Розанъ и пр.
Къ рѣкѣ подъѣзжаетъ, —
Рѣка веселитца...

Розанъ и пр.
Къ садамъ подъѣзжаетъ, —
Сады зеленѣють.

Розанъ и пр.

По улицѣ ѣдетъ, —
Люди дивуются,
Розанъ и пр.

Къ дому подъѣзжаетъ, —
Матушка встрѣчаетъ,
Розанъ и пр.

Сынъ-отъ мой сыночѣкъ,
Ясной соколѣчѣкъ
Розанъ и пр.

Гдѣ ты сынъ гуляешь,
Домой не бываешь?
Розанъ и пр.

Мамонька — гуляю:
Невестъ выбираю;
Розанъ и пр.

— Выбравъ я невесту,
Себѣ красавицу,
Розанъ и пр.

Ростомъ не маненька,
Лицомъ хорошенька
Розанъ и пр.

Лицомъ хорошеньку
Катерину Григорьевну!
Розанъ и пр.

Указываютъ дѣвушку, за которой больше всего ухаживаетъ паренъ...

Слѣдующую пѣсню поютъ также послѣ «гордѣны», когда «поѣзжане» сидятъ за столомъ:

Не было вѣтру,
Не было вѣтру, —
Спонавѣяло!
Не было гостей,
Не было гостей —
Спонавѣхало!
Полна ограда — золотыхъ каретъ,
Полна конюшня — вороныхъ коней,
Полно застольѣ — дорогихъ гостей...

Опѣвають дальше гостей:

Еще чьи это сѣни сповывалены?
 Ой калина, ой малина!
 На хорошихъ коняхъ сповывожены?
 На прекрасное мѣсто, сповыстроены?
 А кому въ этихъ сѣняхъ да погуливати?
 Кому въ этихъ новыхъ да спохаживати?
 Афросиньюшки-то спогуливати,
 Дочь Даниловной — да спохаживати
 Ай Артемюшка Афросинью выспрашивать,
 Сыгъ Кормиловичъ, да выспрашивать:
 Афросинья, Афросинья дочь Даниловна,
 Принесика мнѣ сына, ясна сокола
 Принесика мнѣ дочку — пеленелку!..
 Ай и кто тебѣ Афросиньюшка спороду милъ?
 А мнѣ милъ то милой, — родной батюшка,
 А мнѣ мила-то мила, — родна матушка?
 Не правда, не правда, не вѣрно слово!..
 А мнѣ милъ-то милъ всё Артемьюшка
 Што Артемьюшка да Кормиловичъ...
 Это правда, это правда, да вѣрно слово!...

Припѣвъ поется послѣ каждого куплета...

Ай въ полѣ — олень — золотые рога...
 Николай говорилъ да сповыговорить:
 Я тебя олень убью, убью-застрѣлю!
 Ты меня Николай не бей не стрѣлай,
 Сыгъ Ивановичъ не бей не стрѣлай;
 Я къ тебѣ молодецъ да на свадьбу приду
 И твоихъ вѣхъ гостей взвеселю!..
 Золотыми рогами гостей разбоду
 Золотыми косяцами вострашу,
 Я любимую пѣсню спою
 Всѣхъ твоихъ я гостей взвеселю,
 А невѣсту твою на особицу
 Катерикушку да Ивановну:
 Чтобъ ена да не плакала,
 .Чтобы слезы да не ронила,

Бѣло лицо да не мочила...
 Кабы спосѣнямъ-сѣнямъ,
 По частымъ да переходичкамъ;
 Тутъ и ходила гуляла
 Госпожа, жена, боярыня,
 Что Афросиньюшка Даниловна
 Доходила да догуливала
 До кровати тисовыя,
 До перинушки пуховыя,
 До подушечки чижовыя,
 До-(о)дѣла черна собоя
 До свопо-ли друга милова,
 До Артемья Кормиловича...
 Она будила его, гаркала
 Своимъ да зычнымъ голосомъ:
 Ужъ ты встань-ка, мой ласковой,
 Пробудися, примѣтливой;
 Отвязался твой доброй конь
 Отъ столба, столба дубоваво,
 Отъ колечика серебряново:
 Онъ сповыломалъ желѣзный тыщъ,
 Онъ сповытопталъ зеленые дуга
 Со калиною со малиной
 Со черною сомородиной...
 Не тужи ка, моя ласковая,
 Не тужи, моя примѣтливая;
 Наживемъ сады зеленые
 Мы со калиной, со малиной
 Со ягодой сомородиной...
 Ой что калина — ты у меня,
 А малина я у тебя,
 Алы цвѣтики дѣтки наши...

Черезъ рѣченьку черемушка лежала,
 Черезъ быстру виловая (отъ виль);
 Никто по черемушки не хаживалъ —
 Никто никого не переваживалъ,
 Николаюшка да переваживалъ

Сынъ Ермиловичъ да переваживать...
 За собой красну дѣвушку переваживать:
 Ты иди, иди Акулинушка за мною,
 Ты не упади во быстру рѣчку,
 Ты не вымочи кунью шубоньку,
 Изъ семи овчинъ шубу шитую,
 Восемая да поволока
 Девятая-то до ожерелья
 А десятая красна дѣвица
 Акулинушка да Нифонтовна!...

Какъ подъ яблонью кровать
 Што тисова, тисова,
 Нова рубленая
 Припѣвъ: Эй эхе-хе, эй эхе-хе-нова рубленая...
 Стружью строганая,
 Столбы точеной
 Позолоченой...

Припѣвъ.
 На кровати перина пухова,
 На перинѣ-то подушка чижева,
 На подушкѣ одѣло соболя...
 Подъ-дѣяломъ добрый молодецъ лежить,
 Вкругъ его «цифери» стоять (офицеры)
 Молодые-то стоять,
 Добра молодца будать:
 Николаюшка, ты встань,
 Ермиловичъ, пробудись:
 По синю-морю корабль бжигить,
 По синю-то съ частымъ серебромъ,
 А второй-отъ съ краснымъ золотомъ,
 А отъ третій съ красной дѣвицей...

Когда говорятъ корабли «съ золотомъ», «съ серебромъ» отвѣаемый какъ бы
 отвѣчаетъ:

Не могу я встать,
 Головы своей поднять,
 Рѣзвы ноги не несутъ,
 Бѣлы руки не гребутъ,

Очи ясны не глядятъ,
 Буйна голова не качать!...

Когда-же пропоютъ:

А отъ третій съ красной дѣвицей,
 Съ Акулиною Нифонтовной!

Онъ отвѣчаетъ:

Пусть бѣжить-то бѣжить;
 Я вскочу-побѣжу,
 Я корабль перейму:
 Рѣзвы ноги несутъ,
 Бѣлы руки гребутъ,
 Очи ясны глядятъ,
 Буйна голова качать:
 Я корабль перейму
 Съ красной дѣвицей
 Съ Акулиною Нифонтовной...

Этой пѣсней величаютъ холостыхъ. Но и величаютъ жениха до свадьбы....

Во горницѣ на столѣ,
 На дубовой на скамѣ.
 Стоитъ чаша золота,
 Полна меду налита.
 Никто къ чашѣ не идетъ
 Никто меду не запьетъ...
 Тутъ Естафій подходилъ,
 Елисѣичъ подгулялъ,
 Да Оленушку призвать,
 Дочь Григорьевну призвать:
 Оленушка, подожди,
 Григорьевна, подъ сюда:
 Испить меду сладкаго...
 Принеси-ка ты мнѣ сына
 Ясна сокола —
 Принеси-ка ты мнѣ дочи
 Да пелепелку
 Што и Марью дочь Остафьевну!...

Последней и предыдущей пѣсней передъ выходомъ изъ за стола поютъ:

Я вью, я вью.
Еще гости у насъ,
Дорогіе у насъ
Я вью, я вью радость моя
Свѣтъ Естафій Елисѣевичъ!
Безъ своей жены, безъ голубушки,
Безъ голубушки, безъ Еленушки,
Безъ Григорьевной...
Еще гости-то у насъ
Дорогіе то у насъ:
Свѣтъ Еленушка да Григорьевна
Безъ своєю голубя, да Естафьюшки
Свѣтъ Елисѣича!....

Послѣ пира ночью ведутъ молодыхъ въ кѣтъ спать и провожаютъ очень характерной пѣсней:

Наша то невестка не вѣжливая,
Не вѣжливая, да не учесливая
Не умѣть она Николаемъ назвать:
Николай... И, да Николай... И!
Наша то невестка невѣжливая
Не умѣть она батюшку назвать:
Батюш... И, да батюш... И.
Не умѣть она да золовку назвать
Золов... И, да золов... И...

Послѣдовательно перечисляются и названія людей и вещей со соотвѣтственнымъ окончаніемъ.

А. Чесноковъ.

Схематическій перечень вариантовъ сказокъ Архива Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

1. Сказки П. Я. Литвиновой, 1897 г.

(Черниговской губерніи).

1-я тетрадь.

1. «Великій грѣшникъ». Убившій отца и мать несетъ покаяніе: изъ горящей головни выращиваетъ яблоно; голый пролѣзаетъ сквозь терновый кустъ.

2. «Сказка о проклятомъ сынѣ». Проклятаго отцомъ и матерью не принимаетъ земля. Черезъ своего товарища (съ которымъ, побивъ разбойника, получаетъ много денегъ) проситъ прощенія. Только послѣ третьей просьбы получаетъ прощеніе. Мертвецъ проваливается сквозь землю.

3. «Про долю и недобраго батька». Отецъ выбираетъ сыну невесту и все капризничаетъ. Сынъ самъ женится. «Облегла ихъ доля». Выкармливаетъ брошенную собаку. Началось счастье. Отецъ завидуетъ, требуетъ убить собаку. Убилъ, но капля крови попадаетъ на овечку, добрая доля осталась. Отецъ требуетъ зарѣзать овечку. Сынъ съѣдаетъ печенку. Коварство отца вскрывается.

4. «Верти не верти, а треба вмерти». Разбойникъ, получивъ «святое», не хочетъ разговляться ни съ Богомъ, ни съ Апостоломъ. Разговѣлся лишь съ смертью. Та сдѣлалась его сестрою. Онъ видѣлъ, когда она была въ головахъ, и разбогатѣлъ. Нужно и ему умереть. Разбойникъ сдѣлалъ круглую машину, но какъ ее ни вертѣлъ, долежъ быть умереть.

5. «Золотое яичко» = «Курочка» (Аван. № 35) ¹⁾.

6. «Правда и кривда». Кривда страдаетъ и въ концѣ торжествуетъ, а правда ведетъ себя, какъ обычно Кривда.

7. «Семилѣтка». Семилѣтка, дочка бѣднаго человѣка, рѣшаетъ задачи а Іа Соломонъ.

8. «Котъ Астафей и Мышь Настасья». Котъ сказалъ мышѣ, что идетъ въ монастырь и не ѣстъ скоромнаго. Мыши вышли изъ подполья, ликуютъ. Котъ началъ ихъ цапать.

1) Сокращенныя цитаты: Аван. = А. Аванасевъ «Русскія народныя сказки» подъ ред. Грузинскаго. 1897 г.

Чубинскій = П. Чубинскій «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Запдно-Русскій край. 1878 г.

Живая Старина. 1911.

II-я тетрадь.

1. «Анастасія Прекрасная». «Засмѣется — камни драгоценные». Служанка вынимает глаза. Анастасія Прекрасная въ лѣсу. Монахъ носить ей драгоценные камни продавать и возвращает глаза. (Ложная) Царица овладѣвает яичкомъ, въ которомъ душа Анастасіи Прекрасной. Анастасія Прекрасная умираетъ. Гробъ. Царь плачется. Младенецъ все тянется къ яичку. Анастасія Прекрасная оживаетъ.

2. «Тимишъ и Хима». Тимоша отказывается жениться на Химѣ. Та идетъ въ лѣсъ. Колдунья научаетъ, какъ извести соперницу. Женится на Химѣ, а когда она однажды обернулась ворономъ, Тима ее убиваетъ.

3. «Норовы». Баба, выйдя замужъ, не хочетъ мѣнять своего норова и ничего не дѣлаетъ. Мужъ тоже показываетъ свой норовъ — все крушитъ; жена образумливается.

4. «Хома» — дѣлать пѣтуховъ. Знаменитый воръ.

5. «Лытайка» Лыливую жену учить мужъ.

6. «Розгляды или дурной женихъ». Одинъ разъ женихъ надѣлъ на голову шапку съ варениками, другой разъ (по глупости) убилъ своего батька.

II. Материалы по фольклору Енисейской губ. отд. III. Сказки, записанные М. В. Красноженовой. 1910.

1. «Снѣжокъ». Баба-Яга посылаетъ одноглазку, двугл., треглазку поймать въ полѣ снѣжокъ. 3-я приводитъ. Б-Я. велитъ изжарить Снѣжка. Дальше «Ивашко и Вѣдьма». (Аван., № 62).

2. «Братья». Братъ приходитъ къ брату за долгомъ. Тотъ два раза притворяется мертвымъ. Обманъ открывается.

3. «Двѣ сумочки». Два брата. У бѣднаго морозъ хлѣбъ побилъ. Богатый не помогъ. Морозъ даетъ сумочку, которая кормитъ. Отбираетъ братъ. М. даетъ сумочку, изъ которой арапы колотятъ. Выманиваетъ богатый. Скандалъ на пиру.

4. «Косоручка», см. Аван., № 158.

5. «Лысенкій-плѣшивенькій». Сынъ у купца. Замѣченная съ любовникомъ мать хочетъ его извести. Конь — единственный другъ. Три раза предупреждаетъ о козняхъ матери. Уѣзжаетъ. Дальше разработана сюжетъ «Незнайка» (Аван., № 165).

6. «Горемыка». Горемыка, потративши всѣ деньги, попадаетъ въ домъ богатаго мужика, застаётъ жену съ любовникомъ. Пріѣзжаетъ мужъ. Прячетъ любовника. Горемыка (страникъ) общается хозяину выгнать нечистую силу, выгоняетъ любовника, за что получаетъ лошадей. Дурачить богатыхъ мужиковъ, жидов...

7. «О заколдованномъ царствѣ». Мачеха преслѣдуетъ мальчика. Убѣгаетъ. Въ чѣмъ то домъ. Спрятался. Черезъ западную прошелъ въ новый край. Горы. У короля-

богатыря. Зашелъ въ заповѣдную комнату, выпустилъ трехъ царевичей. Богатырь рассказываетъ о своей судьбѣ. Идетъ разыскивать его заколдованныхъ братьевъ. У волшебницъ. Задача — спрятаться. Прячется. Со злости разбиваетъ зеркальце. Чары падаютъ. Все ожило. Свадьба героя.

III. Сказки, записанные А. Марковымъ.

(Рязанской г. Зарайскаго у. и Московской губ., дост. въ 1897 г.).

1. «О купцѣ». Отецъ велитъ сыну зарѣзать дочь. Дочь уходитъ. Живетъ у охотниковъ. Пріѣзжаетъ въ гости къ отцу. Все раскрывается.

2. «Про Хилюшку и Бабу-Ягу» Начало: Аван., № 17, «Котъ пѣтухъ и лиса», продолж. «Ивашко и Вѣдьма», Аван., № 62.

3. (безъ заглавія). Солдатъ спасаетъ Петра I, перебивши поочередно всѣхъ разбойниковъ.

4. (безъ заглавія) Иванъ дуракъ на охотѣ попадаетъ къ разбойникамъ, достаетъ отъ нихъ золото. Сестра влюбляется въ атамана. (см. Аван., № 118).

5. (безъ заглавія) Солдатъ и его чудесная шинель. (выводъ: кто не работаетъ, и на перинѣ не уснетъ).

6. «Какъ царская дочь захотѣла нужду узнать». Царская дочь странствуетъ, ищетъ нужду. Гробъ съ заклатымъ царевичемъ. Взятая дѣвочка «Морячка» выдаетъ себя за царевну. Царская дочь униженная узнаетъ нужду. Обманъ раскрывается. (Москов. губ.).

7. «Ловкій цыганъ». Анекдотъ про находчивость цыгана.

IV. Народныя сказки Кадниковскаго уѣзда.

А. Д. Неуступовъ. 1897 г.

1. «Зорій Царевичъ и Елена Прекрасная». Царь выдаетъ замужъ Елену Прекрасную. Въ придворныхъ Баба-Яга. У нея двѣ дочери. Бѣгутъ на корабляхъ въ Зоріево Царство. На пути оборачиваетъ Елену Прекрасную щукой, подмѣниваетъ своей дочерью. Пріѣзжаютъ. Сватовство. Слуги стерегутъ корабль и каждую ночь видятъ щуку, оборачивающуюся красной дѣвицей. Царевичъ подстерегаетъ. Расправа.

2. «Поповна Машенька и Иванъ-Царевичъ». см. = «Хрустальный башмачекъ» (Аванас., № 162). (вар. переработанный, съ дополненіями).

3. «Иванъ Купеческій сынъ и Царевна Машенька» = Чубинскій II, 12.

4. «Иванъ крестьянскій сынъ и Марья Царевна». Иванъ веревки вьетъ. Состязаніе съ чертями. Въ подарокъ получаетъ колечко = Чуб. II, 12.

5. «Солдатъ, Марья Царевна и Нехорошій».

Солдатъ уходитъ со службы. Встрѣча съ «Нехорошимъ». Похожденія солдата (сказка очень запутанная).

6. «Иванушка-Дурачекъ». Дуракъ защемяетъ нехорошаго въ пень. Дуракъ па-
стухъ. Поросята пляшутъ. Царевна: «продай». Условіе — «заголиться». Узнаетъ при-
мѣты. Женится. (Много вульгарно-циничнаго).

7. «Золотой паренекъ» = см. «По колѣна ноги въ золотѣ». (Аван., № 159).

8. «Иванушка Дурачекъ» и Настасьюшка Царевна». (Аван., № 106. Счетъ №№
въ рукописи перепутанъ).

9. «Иванъ купеческій сынъ и Царевна». Жидъ бьетъ образъ Св. Николая, взя-
таго въ свидѣтельство, что долгъ будетъ уплаченъ. Далѣе см. Аван. № 207.

10. «Митюшка» = «Иванко и Вѣдьма» (Аван., № 62).

11. «Дѣвушка Рысь» = Аван., № 149.

12. «Мышка». Старикъ везетъ дочь въ лѣсъ (падчерицу). Приходитъ нехорошій.
Мышка спасаетъ отъ него. Нехорошій приноситъ 2 раза сундукъ съ имѣньемъ. Ма-
чихина дочь гибнетъ.

13. «Горошенько». Братъ и сестра (сироты) влѣзаютъ на небо по горошинѣ.
Живутъ тамъ. Далѣе: «Братецъ Иванушка и сестрица Аленушка». (Аван., № 146).

14. «Настюха». Настюха имѣетъ «дружковъ». Колдунья даетъ мужу чудесный
поясокъ. Всѣ любовники прирастаютъ.

15. «Три брата». Какъ старикъ открылъ мужику неврѣстность его жены.

16. «Какъ быкъ строитъ избу». Домашнія животныя уходятъ отъ хозяина. Быкъ
строитъ избу. Къ нему собираются другія животныя. Отъ разбойниковъ разбѣгаются.
(Далѣе очень запутано).

17. «Семилѣтка». Семилѣтка рѣшаетъ задачи и говоритъ мудренныя рѣчи.

V. Народныя сказки, записанныя Ф. К. Зобиннымъ.

(Тобольской губ.).

1. «О двухъ братьяхъ и 40 разбойникахъ». Одинъ братъ, подслушавъ, какъ
разбойники у пещеры говорили: «кудѣжутъ, отворись», находить тамъ золото. А дру-
гой братъ, забывши это слово, гибнетъ.

2. «Объ Иванѣ семистарцевомъ сынѣ». Ивана крестятъ 7 старцевъ. По-
сылаютъ узнать, отчего 3 дня солнце меркло. Помочь Ногай птицы. У 3-хъ сестеръ;
тѣ выпытываютъ у мужей. Достаетъ Марью М. Разныя задачи.

3. «Отъ худа пошелъ, да хуше намель». Ищутъ глухихъ людей. = Аван. № 227.

4. «Купецъ Царюгъ» = «Марко Богатый» (Аван., № 173).

7)¹⁾ «Воронъ-Вороновичъ — Коршунъ-Коршуновичъ».

Царь всячески прятетъ дочь. Уноситъ Воронъ-Вороновичъ — Коршунъ-Коршу-
новичъ. Идутъ старшіе братья на поиски. Ихъ съѣдаетъ Воронъ-Вороновичъ — Кор-

1) Нумерація вариантовъ въ рукописи крайне неудовлетворительна.

шунъ-Коршуновичъ. Третій побѣждаетъ. Заставляетъ оживить братьевъ, возвращаются
съ сестрой.

8. «Остятская сказка». Два брата. Бѣдный покупаетъ арестанта. Тотъ носитъ
ему золото. Богатый хочетъ узнать, какъ тотъ получилъ богатство; изъ за этого гиб-
нетъ его старуха.

9. «Вѣдьма». Вѣдьма сестра Ивана Царевича, все пожирающая (нелѣпная сказка).

10. «Остятская сказка о богатомъ и бѣдномъ братѣ». (Есть сходныя черты съ
№ 8. Очень запутанная).

11. «Портной» = «Храбрый Портнишка» (схематичная передача).

12. «Волшебница» — Солдатъ въ часовнѣ около гроба волшебницы. (Аван., № 90).

13. «Ярахта Кривой» = «Морской Царь», (Аван., № 125).

14. «Шайка разбойниковъ». Невѣстка волшебницы преслѣдуетъ золовку. Та
уходитъ. Живетъ у разбойниковъ. Волшебница усыпляетъ. (Аван. № 121).

15. Грошъ = «О рыбахъ и рыбѣ».

16. Анекдотъ про сообразительность хохла.

17. «Вдова» Дядя и племянникъ ѣдутъ на ярмарку. Лодку разбило. Племян-
никъ на берегу. Старикъ — герой. Ночуетъ у гроба царевны.

18. «Сказка» = «Оклеветанная сестра» (Аван., № 194); «По колѣна въ чис-
томъ золотѣ» (Аван., № 159).

19. «Сказка объ Иванѣ Царевичѣ» = Аван., № 159.

20. «Медвѣдь». Заколдованнаго медвѣдемъ человека возвращаютъ въ есте-
ственное состояніе.

21. «Шанпасская королева» = Аван., № 104.

22. «Золотая свинья». Разсказъ, какъ ночью, попадали, чортъ, мужикъ приклеп-
лись другъ къ другу. Разсѣяли царевну.

23. «Сказка объ Иванѣ Царевичѣ». Иванъ Царевичъ, брошенный въ море, слу-
чайно спасается. Въ неведомомъ царствѣ. Женится на царевнѣ. (Очень своеобразная
обработка. Есть сходство съ «Морской Царь». (Аван., № 125).

24. «Иванушка-дурачекъ» = Емеля дурачекъ (Аван., № 100).

25. «Три купца». Купцы на сторонѣ поспорили о вѣрности жены. Парн. До-
стаетъ уличающій перстень. Мужъ спихиваетъ въ воду жену. Невинность открывается.

26. «Народная сказка про мужика и бабу». Мужикъ злую жену (къ чертямъ)
въ яму спихиваетъ. Чортъ дѣлаетъ его докторомъ, а бабу докторицей.

27. «Сказка про змѣя». Какъ герой сталъ сильнѣе змѣя. (Пьетъ сильную воду
и ѣстъ «сильный» арбузъ).

28. «Пьяница». Пьяница возвращаетъ (похищенныхъ) трехъ царскихъ дочерей =
«Три царства» (Аван., № 71).

29. «Чудовище» (есть сход. № 27). Иванъ Царевичъ у Чудовища. Три раза

входитъ въ запретную комнату. Убѣгаетъ. Спасаетъ на пути дѣвушку. Женится. (Спутанный вар.).

30. «Сказка про Ивана Царевича» = № 27 (первая половина).

31. «Жихарько» = «Ивашко и вѣдьма» (Аван., № 62).

32. «Зеленые женихи». Къ купеческой дочери сватаются зеленые женихи. (разбойники); она попадаетъ въ разбойничій притонъ. Когда тѣ снова прѣзжаютъ, все раскрывается.

33. «Два ворожея». Остатокъ разсказа про сѣвернаго и южнаго ворожею (очень путаный).

34. «Лягушка-потягушка» = Аван. № 150.

35. «Сказка». Старшій братъ дѣлаетъ дураку домру. Тотъ игрой оживляетъ трупъ, а потомъ хоронитъ. Получаетъ богатство.

36. «Про солдатъ». Солдатъ, сдѣлавшійся генераломъ, проигралъ казенныя деньги. Отъ чертей получаетъ деньги, расплачивается.

37. «Два брата». Богатый и бѣдный братъ. Богатый выкалываетъ глаза. Чудесно вылѣчившись, получаетъ богатство, а другой братъ гибнетъ (см. Аван. № 66).

38. «Сказка про крестьянина» = «Косоручка» (Аван., № 158).

39. «Сказка про купца». Изъ за невѣрной жены гибнетъ мужъ. Чудеснымъ листкомъ возвращается къ жизни. Служитъ у царя водовозомъ. Оживляетъ царскую дочь. Женится.

40. «Два брата». Бѣдный и богатый. Бѣдный дурачитъ любовника брата. Получаетъ отъ него деньги. Богатый бѣднѣетъ.

41. «Умъ есть, а денегъ нѣтъ». Купцы даютъ молодому человѣку денегъ. Достаетъ драгоценныхъ камней. Въ кирпичкахъ приноситъ исправнику.

42. «Сказка про монаха». Монахъ испытываетъ силу евангельскихъ словъ. Достаетъ ключи отъ ада. Адская сила въ дудочкѣ.

43. «Про мужика». Какъ мужикъ дурачить: у купчихи выманиваетъ свинью, у купца — лошадей.

44. «Сказка про царя Людоѣда». Начало № 23. Далѣе: жена, данная герою, улетаетъ. Ищетъ ее. Та помогаетъ своему мужу.

45. «Про купца». Какъ солдатъ коровъ маршировать училъ.

46. «Самъ съ ногой — борода съ локотъ» = «Королевичъ и ея дядька» (Аван., № 67).

47. «Сказка про пона».

Пона пряталъ свою красавицу жену, да самъ обвинялъ ее съ прѣзжимъ корабельщикомъ.

Все сказки, записанныя г. Зобнинымъ, мало удовлетворительны. Это не столько записи, сколько переложеніе или просто свободное изложеніе сказки. Собираетъ почти не слѣдить за ходомъ устной передачи разсказа. Содержаніе спутано. О народномъ

языкъ и о живой образности разсказа не можетъ быть и рѣчи. Единственная цѣнность сборника — географическая распространенность вариантовъ, нѣкоторые новые варианты и своеобразная разработка общеизвѣстныхъ.

VI. «Сказки и сказанія» записанныя А. А. Шустиковымъ.

(Вологодской губ.).

(Первыя 9 сказокъ см. «Жив. Стар.» 1895 г., т. V).

10. «Иванъ-Царевичъ» = Кошей-безсмертный. (Аван., № 93, вар. b).

11. «Оедоръ Царевичъ» = «По колѣна ноги въ золотѣ» (Аван. № 159).

12. «Мужикъ и чортъ». Чортъ со львомъ дерутся. Помогаетъ чорту. Чудесное кольцо. Въ пастухахъ у царя. Задачи: достать царевну, платье, карету. Достаетъ съ помощью чорта. Выманиваетъ кольцо.

13. «Сказаніе о крестномъ отцѣ». Ищетъ крестнаго для сына. Растетъ сынъ. Идетъ къ крестному. Заходитъ въ запретную комнату. Взялъ запрещенный костыль и видитъ, кто какой грѣхъ дѣлаетъ.

14. «Сказка о башмачникѣ». Царь выгоняетъ изъ своего царства башмачника. Съ помощью чорта тотъ высватываетъ у царя дочь. Та не хочетъ идти. Но вынуждена.

15. «Колдунъ и Прекрасная Анастасія» = «Хитрая наука» (Аван., № 140).

VII. Сказка, записанная Ив. Лавровымъ.

(Село Порѣцкое, Симбирской губ., 1898 г.).

1. Сказка объ Иванѣ Бабенковѣ Начало: Аван., № 76; далѣе борьба со змѣемъ. Водовозъ пользуется плодами побѣды. Иванъ Бабенковъ женится. Конецъ: Иванъ Бабенковъ спасаетъ Ивана Царевича, погубленнаго соловьемъ разбойникомъ.

VIII. Сказки, записанныя А. Васильевымъ ¹⁾.

(Кіевск. и Смолен. губ.).

1. «Народъ живущій грѣхъ обманывать, а мертвый важнѣе еншо» — нельзя шутить надъ мертвецомъ. (Кіевск. губ.).

2. «Случай на большой дорогѣ» — Какъ вожаки съ медвѣдемъ спасли хозяина постоялаго двора отъ разбойниковъ.

3. «Про солдата-силака» — Жестокая расправа солдата съ трактирщикомъ, хотѣвшимъ его ограбить.

4. «Случай у дѣдушки пчеловода съ медвѣдемъ». — Какъ напоешный, связанный, а потомъ проспавшійся медвѣдь запрется въ телѣгу.

¹⁾ Сказки, записанныя г. Васильевымъ, печатаются въ настоящей книжкѣ «Живой Старины» (см. ниже стр. 117 сл.).

5. «Про охотника и Егорія Храбраго». — Нельзя охотиться подъ Егорьевъ день.

6. «Какъ Богъ наказалъ сына за мать». — Сынъ сказалъ: «мигъ лучше змѣю кормить, чѣмъ мать», и пришлось ему кормить змѣю.

IX. Сказка, записанная Осипомъ Кузнецовымъ.

(Дост. въ 1910 г.).

«Сказка про Ваньку Подмазка». Начало очень циничнаго содержанія про королевскую дочь. Вторая половина: солдатъ освобождаетъ царскую дочь отъ нечистой силы.

X. Сказка, записанная поручикомъ Лебединецъ.

(Полтавской губ.).

«Горобецъ-молодецъ» = См. Аван., № 28.

XI. Бѣлорусскія сказки, записанныя воспитанниками Литовской духовной семинаріи.

(Гродненск. губ., Кременчугскаго у. 1884 г.).

I-я Тетрадь.

1. «Марей». У Марей чудесный конь. «Оживляющая дубинка». Марей дурачить жидовъ.

2. «Чаму таперь на полі колосъ малы». — Оттого, что баба не накормила Бога.

3. «Чаму вольха чирвошна?» Отъ крови чорта.

4. «Чаму мы ни вѣдаемъ, калі пацрэмъ» — (человѣкъ тогда бы дѣлалъ все про свой вѣкъ).

5. «Былинка и воробейчикъ» = См. Аван., № 27.

6. «Вѣдьмакъ, Парабокъ и Спорникъ» Какъ освещенной вербой парабокъ превращаетъ колдовство Спорника и Вѣдьмака.

II Тетрадь.

Сказки, записанныя А. Станкевичемъ.

(Виленской губ.).

1. «Якъ переженивались». Переработка сказки «Жена докатица» (Аван., № 238).

2. «Тхимка». См. Аван., № 89.

3. «Воробей и мышка». См. Аван., № 125.

А. М. Смирновъ.

Сообщеніе о дѣятельности Ф Ф.

(Международной Федерациі Фольклористовъ¹⁾).

I. Задачи Ф Ф.²⁾

За послѣднія десятилѣтія собрано огромное количество разныхъ матеріаловъ по фольклору. Замѣчательные результаты достигнуты не только цѣлыми общественными учрежденіями, но и отдѣльными лицами. (Напр. учителю гимназіи въ гор. Варенѣ др. Рихарду Воссидло (R. Wossidlo), собирателю нѣмецкаго фольклора удалось привлечь свыше 700 лицъ къ собиранію остатковъ мекленбургской живой старины; напомнимъ еще имя др. Я. И. Гурта (Hurt)³⁾, оставившаго свыше 100,000 страницъ рукописнаго матеріала, собраннаго съ помощью свыше 1000 помощниковъ).

Это богатство документальнаго матеріала несомнѣнно явится прочнымъ основаніемъ сравнительнаго народовѣдѣнія. Но это же самое изобиліе матеріала способно подавить изслѣдователя. Разобраться въ немъ трудно даже въ предѣлахъ отдѣльных народностей.

Въ наше время становится трудно находить даже напечатанныя въ разныхъ мѣстахъ произведенія, что же говорить о рукописныхъ собраніяхъ, большая часть которыхъ существуетъ въ одномъ экземплярѣ. Надѣяться на скорое изданіе всѣхъ этихъ и все еще накопляемыхъ новыхъ памятниковъ невозможно; не хватитъ ни отдѣльных человѣческихъ силъ, ни средствъ.

Поэтому всѣмъ работающимъ на этой почвѣ необходимо придти на помощь другъ другу.

Но какъ эту помощь осуществить? Въ какой мѣрѣ можно рѣшиться затруднять своими запросами сильно занятыхъ людей науки? Къ кому съ такими запросами слѣдуетъ обращаться? Какъ оцѣнить и чѣмъ возмѣстить потраченное ими время и

1) Доложено въ засѣданіи Отд. Этногр. 5/18 марта 1911 г.

2) Сокращенное изложеніе перваго сообщенія Ф Ф.

3) Нашъ покойный сочленъ и лауреатъ И. Р. Г. О. (Константиновская медаль).

трудъ по отыскиванію прежде всего нужнаго матеріала, а затѣмъ переписчиковъ, переводчиковъ и пр.

Въ іюнѣ 1907 года проф. Александровскаго Университета въ Гельсингфорсѣ Карла Кронъ (Kaarle Krohn) обсудилъ вмѣстѣ съ др-омъ А. Олрикомъ (Axel Olrik) въ Копенгагенѣ главнѣйшія основы возможнаго междунагоднаго соглашенія по этому вопросу. Основатели Федерациі намѣтили необходимость организовать посредничество по части переписыванія, извлеченія выдержекъ, и переводовъ изъ рукописныхъ матеріаловъ и изъ рѣдкихъ печатныхъ изданій. Для этого имъ представлялось цѣлесообразнымъ учредить мѣстные Комитеты въ каждой странѣ. Для переписки, переводовъ и пр. можно было бы привлекать учащуюся молодежь и другихъ неособенно дорогихъ тружениковъ. Мѣстные Комитеты должны были бы взаимно обмѣниваться заказами, исходящими отъ ихъ членовъ и отвѣчать за нихъ. Во избѣжаніе могущаго быть несерьезнаго или недобросовѣтнаго отношенія къ такимъ порученіямъ, представлялось желательнымъ установить небольшой единовременный вступительный взносъ, съ каждаго члена мѣстнаго Комитета, гарантирующий рискъ, принимаемый на себя комитетомъ при такихъ заказахъ. Особенно важно было оградить себя отъ злоупотребленій ввидѣ использованія чужихъ матеріаловъ, посылаемыхъ для научнаго изслѣдованія, въ качествѣ сборниковъ (безъ особаго на то разрѣшенія).

Сначала не слѣдовало бы затруднять мѣстные Комитеты слишкомъ сложными задачами и довольствоваться только требованіемъ отъ нихъ посредничества по обмѣну матеріалами. Вѣроятно дальнѣйшая дѣятельность приведетъ ихъ самихъ къ необходимости сосредоточить свои матеріалы въ одномъ мѣстѣ и привести ихъ въ порядокъ по содержанію, чтобы избѣжать необходимости по каждому требованію ихъ вновь перерывать и разбирать.

Достаточно, если на первый разъ каталоги давали бы краткій перечень категорій имѣющагося въ данномъ хранилищѣ матеріала по живой старинѣ, со ссылкой на номера или страницы собраній. Постепенно можно будетъ выработать указатели по отдѣльнымъ мотивамъ.

Необходимость взаимнаго содѣйствія въ этомъ дѣлѣ послужитъ самымъ надежнымъ стимуломъ къ систематизаціи матеріала.

Союзъ мѣстныхъ Комитетовъ могъ бы оказать вліяніе на научную постановку изданія матеріаловъ по однообразному плану и на разрѣшеніе затрудненій въ области разнообразія языковъ.

Само собой разумѣется, что каждая національность имѣетъ преимущественное право на результаты своей дѣятельности по собиранію матеріаловъ. Это естественно и неоспоримо, такъ какъ изданія не на своемъ языкѣ уронятъ интересъ къ собиранію у мѣстныхъ дѣятелей. Кромѣ того есть такіа народныя произведенія, особенно въ стихотворной формѣ, которыя во всякомъ случаѣ должны быть издаваемы въ оригина-

лѣ. Но даже и въ этомъ случаѣ желательно ихъ снабжать резюме на одномъ изъ мировыхъ языковъ.

Такъ поступилъ Я. И. Гуртъ, снабдивъ свое трехтомное изданіе эстонецкихъ пѣсенъ подробнымъ указателемъ содержанія по нѣмецки (736+710+474 стр. эстонскаго текста и 88+168+137 нѣмецкаго резюме).

Организаторы Федерациі находятъ, что было бы цѣлесообразнѣе не издавать цѣлкомъ напримѣръ всѣ 20.000 финскихъ, 10.000 эстонскихъ и другихъ варіантовъ сказокъ, а ограничиться возможно краткимъ содержаніемъ всѣхъ этихъ сказокъ на какомъ либо общедоступномъ для фольклористовъ языкѣ, и только нѣсколько избранныхъ сказокъ печатать цѣлкомъ на своемъ языкѣ.

Федерациа могла бы безъ затратъ со своей стороны способствовать до нѣкоторой степени этому дѣлу, снабжая номеромъ и своимъ заголовкомъ такіа изданія, которыя отвѣчаютъ задачамъ Федерациі, и такимъ образомъ обращать вниманіе изслѣдователей на нихъ и облегчать ихъ сбытъ.

Наконецъ Федерациа должна добиваться возведенія изученія живой старины на степень строго научной дисциплины и готовить учрежденіе при университетахъ кафедръ этой молодой науки.

Сейчасъ есть уже отдѣльная профессура: въ Христианіи проф. Мольтке Моэ (Moltke Moe) профессоръ «Народныхъ преданій (volksstradition) и средневѣковой литературы». За послѣдніе годы въ Гельсингфорсѣ немало молодыхъ людей, особенно преподавателей роднаго языка и исторіи сдавали экзамены на степень кандидата и лиценціата у ординарнаго проф. (K. Krohn) «финскаго и сравнительнаго изслѣдованія народнаго творчества».

Въ Копенгагенѣ большой интересъ среди студентовъ вызываютъ лекціи др. Олрика (Olrik), читающаго «сѣверное народовѣдѣніе». Не достаетъ только экзаменовъ по этому предмету, чтобы укрѣпить за этой наукой то мѣсто, которое она занимаетъ въ Даніи со временъ Грундтвига (Sv. Grundtvig).

Изученія народовѣдѣнія въ Германіи, могущее гордиться именемъ братьевъ Гриммъ и трудами Р. Келера (Reinhold Köhler) развивалось бы гораздо быстрѣе, если бы выдающимся работникамъ на поприщѣ этой наукѣ была дана возможность руководить занятіями въ университетахъ и вдохновлять къ дальнѣйшей дѣятельности учащуюся молодежь.

Въ составленіи устава Федерациі принялъ участіе кромѣ проф. Крона и др. Олрика, молодой фольклористъ шведъ доцентъ фонъ Сидовъ (C. W. von Sydow). Нѣкоторыя указанія любезно сдѣланы издателемъ «Zeitschrift des vereins für volkskunde in Berlin», др. I. Больте (J. Bolte).

Въ сентябрѣ 1910 г. уставъ подвергнуть пересмотру и въ настоящее время онъ дѣйствуетъ въ томъ измѣненномъ видѣ, въ которомъ онъ напечатанъ ниже.

II. Дѣятельность ФФ. до начала 1911 года¹⁾.

Идеи основателей Федерациі ФФ. встрѣтили сочувствіе. Присоединеніе къ ФФ. съ разныхъ сторонъ и поддержка Финской Академіи Наукъ дала возможность приступить къ осуществленію предложеннаго начинанія.

Мѣстные Комитеты ФФ. въ Швеціи, Даніи и Финляндіи находились все это время въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ между собой. Произведенъ значительный взаимный обменъ списками съ матеріаловъ. Были запросы также изъ другихъ странъ. Естественно, что взаимныя сношенія между дальними странами вызвали мысль о необходимости изданія печатнаго органа. По этому вопросу въ 1909 году велся оживленный обменъ мнѣній.

Въ февралѣ 1909 г. Оскаръ Дэнхардтъ (Oskar Dähnhardt) внесъ мотивированное предложеніе объ изданіи журнала ФФ., съ цѣлью облегчить возможность сравнительнаго изученія фольклористическихъ матеріаловъ. Онъ заручился предварительно принципиальнымъ сочувствіемъ предпріятію со стороны фирмы Б. Г. Тейбнеръ (B. G. Teubner). Инициаторъ предлагалъ принять къ обращенію въ журналѣ нѣмецкій, англійскій и французскій языки.

Въ обменъ мнѣній по этому поводу приняли участіе организаторы Федерациі, а также проф. Больте и проф. Рэдигеръ (Берлинъ).

Проф. Больте предостерегаетъ отъ излишней поспѣшности въ сравненіи различныхъ матеріаловъ и указываетъ на важность первымъ дѣломъ въ печатномъ органѣ давать библиографическій обзоръ матеріаловъ.

То же указываетъ и проф. Рэдигеръ. Основатели Федерациі имѣли ввиду издавать библиографію съ самаго начала. Но обиліе матеріала и боязнь естественнаго стремленія знакомить какъ можно скорѣе съ новѣйшими изданіями въ этой области, заставила ихъ подождать съ осуществленіемъ этой мысли. Теперь на основаніи изложеннаго предложенія и обмена мнѣній они рѣшили вновь предложить на обсужденіе вопросъ о періодическомъ органѣ ФФ. библиографическаго характера, касающемся исключительно изслѣдованія сказокъ, но, можетъ быть, съ допущеніемъ методологическихъ указаній.

FF. Communications выходятъ въ неопредѣленные сроки. Каждый выпускъ имѣетъ свою пагинацію. Нѣсколько выпусковъ предполагается объединить въ томъ, причемъ въ каждый томъ, по возможности, долженъ войти отчетъ о дѣятельности Федерациі.

¹⁾ Сокращенное изложеніе FF. Communications № 4. Проф. К. Кронъ любезно прислалъ мнѣ экземпляръ этого изданія, отчасти въ переписанномъ на машинѣ видѣ, а отчасти въ корректурѣ.

Въ первую голову предполагается давать капитальные обзоры собраній по фольклору въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ (см. FF. C. № 1). Во вторую очередь поставлены спеціальныя каталоги, которые будутъ имѣть цѣлью соединить во едино всѣ указанія на печатные и рукописные матеріалы изъ разныхъ собраній по каждому данному народному преданію. На третьемъ мѣстѣ могли бы быть поставлены изданія собраній вариантовъ въ самомъ сокращенномъ видѣ. Наконецъ, можно было бы дать мѣсто въ FF. C. также изслѣдованіямъ, касающимся сравнительнаго метода или систематическимъ изслѣдованіямъ международныхъ мотивовъ.

Наиболѣе интереснымъ матеріаломъ въ международномъ отношеніи являются народныя сказки. Стремленіе опредѣлить основныя мотивы и прослѣдить варианты сказокъ даннаго основнаго типа составляетъ одну изъ естественныхъ задачъ изученія сказокъ. Попытка классификаціи типовъ сказокъ, предложенная I. Г. фонъ Ханомъ (J. G. v. Hahn), извѣстна большинству изслѣдователей. FF. C. № 2. даетъ новую попытку въ этомъ же направленіи, предложенную знаменитымъ датскимъ фольклористомъ Св. Грундтвигомъ (Svend Grundtvig). Въ FF. C. № 3. др. А. Ариэ (Antti Aarne) даетъ основы для общей каталогизаціи типовъ сказокъ.

При обсужденіи этой нелегкой попытки нужно обратить вниманіе на удобство предложенной системы. Каждому типу сказокъ дается опредѣленный и постоянный номеръ, независимо отъ внесенія въ систему новыхъ типовъ. Для позднѣйшихъ добавленій оставлены незапаятые номера. Благодаря этому, опредѣленному типу сказки соответствуетъ одинъ и тотъ же номеръ во всѣхъ указателяхъ; не приходится пересматривать цѣлые каталоги и затрудняться неясной можетъ быть формулировкой заглавія, неточнымъ переводомъ и т. п.

ФФ. имѣетъ ввиду издать со временемъ полный указатель всѣхъ вариантовъ всѣхъ типовъ сказокъ.

При условіи установленія постоянныхъ номеровъ число каталоговъ, языкъ на которомъ они изданы, дѣленіе матеріала по географическимъ признакамъ уже не играетъ роли. При такомъ порядкѣ облегчается контроль каталоговъ въ отношеніи ихъ полноты и правильности. Въ каждомъ каталогѣ помѣщаются указанія изъ какихъ печатныхъ и рукописныхъ собраній взяты использованные варианты; даже подъ каждымъ основнымъ номеромъ типа перечисляются всѣ варианты, при чемъ каждому варианту усваивается порядковый номеръ (при такомъ порядкѣ облегчаются ссылки).

Всѣ изслѣдователи въ подобныхъ случаяхъ прибѣгали къ обозначенію вариантовъ цифрами и буквами. Желательно конечно установить однообразное обозначеніе. Давать вариантамъ продолжающуюся нумерацію не удобно, такъ какъ нерѣдко въ разныхъ мѣстахъ одновременно издаются нѣсколько каталоговъ — услѣдить, чтобы при этомъ не было совпаденій невозможно. Довольно, если нумерація будетъ продолжаться по каждому отдѣльному собранію — въ главномъ каталогѣ и его приложеніяхъ.

Должна быть выработана еще удобная система отмѣчать варианты буквами. Новая попытка въ этомъ направленіи будетъ приложена къ FFC № 4.

Печатаемый ниже уставъ, даже и въ нынѣшнемъ измѣненномъ видѣ, требуетъ конечно дальнѣйшаго развитія, чтобы вполне удовлетворять успѣхамъ и распространенію Федерациі.

Однимъ изъ ближайшихъ вопросовъ является группировка мѣстныхъ Комитетовъ и уменьшеніе числа центральныхъ учреждений (инстанцій).

По этому важному вопросу уже начались сношенія съ руководителями Союза нѣмецкихъ обществъ народовѣдѣнія (Vereine für volkskunde), проф. Э. Мога (E. Mogk) и проф. О. Лауферъ (O. Lauffer) и можно надѣяться, что уже въ ближайшемъ томъ удастся оповѣстить о благопріятныхъ результатахъ этого начинанія.

Отдѣльные германскіе ученые и мѣстные Комитеты уже заявили о своемъ присоединеніи къ Федерациі.

Первый, съ кѣмъ были ведены переговоры объ основаніи Федерациі ФФ, былъ проф. Р. Воссидло (R. Wossidlo) въ Варшѣ.

Проф. I. Больте (J. Bolte) и проф. X. Радигеръ (H. Roediger) взяли на себя инициативу по организаціи мѣстнаго Комитета въ Берлинѣ: др. А. Вредъ (A. Wrede) въ Кельнѣ любезно предложилъ содѣйствовать цѣлямъ Федерациі.

Комиссія по изученію нѣмецко-чешскаго народовѣдѣнія (Ausschuss für deutsch-böhmische volkskunde) постановила, по предложенію проф. А. Хауфенъ (A. Hauffen), учредить нѣмецкій мѣстный Комитетъ въ Прагѣ.

Присоединеніе всѣхъ нѣмецкихъ обществъ гарантировало бы дальнѣйшее распространеніе дѣятельности Федерациі. Группировка и организація Комитетовъ можетъ служить образцомъ для другихъ странъ.

Объединеніе нѣсколькихъ Комитетовъ въ группы и вообще нѣсколько большая централизація облегчитъ главную задачу Федерациі: международный обмѣнъ матеріалами.

На Сѣверѣ, кромѣ Комитетовъ уже учрежденныхъ основателями Федерациі въ Копенгагенѣ, Гельсингфорсѣ и Лундѣ, намѣчены еще нѣсколько при содѣйствіи слѣдующіе лица: Др. X. Ф. Фейльбергъ (H. F. Feilberg) въ Асковѣ, Др. X. Шетелигъ (H. Schetelig) въ Бергенѣ, проф. Мольке Моэ (Moltke Moe) и др. Кнутъ Листѣль (Knut Liestøl) въ Христианіи, проф. I. А. Лунделль (J. A. Lundell) и др. Свенъ Лампе (Lampe) въ Упсалѣ, др. Е. Хаммарстедтъ (E. Hammarstedt) въ Стокгольмѣ и А. Д. Рудневъ (A. D. Rudnev) въ Петербургѣ¹⁾.

1) По окончаніи XV конгресса ориенталистовъ въ Копенгагенѣ др. А. Олрикъ и проф. К. Кронъ пригласили меня проѣхать съ ними вмѣстѣ въ Лундъ и принять участіе въ совѣ-

Пасторъ М. Эйзенъ (Eisen) въ Кронштадтѣ, обладатель большой частной коллекціи матеріаловъ, примкнулъ къ Федерациі. Въ Юрьевѣ (Дерптѣ) Эстонское литературное общество организовало по предложенію члена сотрудника ИРГО. др. О. М. Калласа мѣстный Комитетъ.

Э. А. Вольтеръ предложилъ учрежденіе по мѣрѣ надобности литовскихъ и латышскихъ Комитетовъ. Въ Москвѣ свои услуги предложилъ В. Гордлевскій. Въ Лембергѣ (въ Галиціи) научное общество имени Шевченки заявило въ лицѣ своего секретаря др. В. Гнатыка о своемъ присоединеніи къ Федерациі. Въ Будапештѣ Этнографическое Общество присоединилось черезъ покойнаго проф. Л. Катона (Katona). Въ Прагѣ же въ лицѣ проф. I. Поливки (Polivka), съ самаго начала своей дѣятельности, Федерациі имѣть виднаго представителя чешскаго народовѣдѣнія.

Объ остальныхъ намѣченныхъ мѣстныхъ Комитетахъ въ Европѣ и внѣ ея будетъ сообщено въ слѣдующихъ томахъ.

III. Нѣсколько указаній относительно организаціи новыхъ мѣстныхъ Комитетовъ.

Въ дополненіе къ сказанному я могу добавить изъ писемъ ко мнѣ энергичнаго основателя Федерациі проф. К. Крона слѣдующее; касаясь возможной организаціи дѣятельности Петербургскаго мѣстнаго Комитета, онъ говоритъ:

Для начала нѣтъ надобности въ большихъ средствахъ.

Географическое Общество обладаетъ огромнымъ собраніемъ рукописей. Изъ нихъ слѣдуетъ отобрать все, содержащее въ себѣ матеріалы по фольклору, регистрировать по именамъ собирателей и авторовъ. Сборники каждаго лица пронумеровать и въ нихъ проставить страницы. *Если возможно*, то слѣдуетъ отмѣтить подъ какимъ номеромъ занесены матеріалы по отдѣльнымъ категоріямъ (сказки, пѣсни, пословицы, загадки, заклинанія, суевѣрія, мелодіи, игры).

Оплата труда по составленію такихъ каталоговъ конечно должно прямо входить въ расчетъ самого владѣльца матеріаловъ—въ данномъ случаѣ Географическаго Общества.

Болѣе детальныя указатели составлять пока нѣтъ надобности, если въ этомъ не заинтересовано само Общество.

При началѣ общей дѣятельности Федерациі каждый заказчикъ долженъ возмѣщать расходы по приисканію въ цѣломъ собраніи нужной ему пѣсни или сказки и т. п.

Важнѣе всего, чтобы мѣстный Комитетъ имѣлъ доступъ къ матеріаламъ и

изданіи шведскихъ фольклористовъ, рѣшавшихъ вопросъ о присоединеніи своемъ къ Федерациі фольклористовъ. Совѣщаніе состоялось 21 августа 1908 г. на квартирѣ проф. барона Врангеля. Мое участіе въ совѣщаніи было желательно для основателей ФФ., такъ какъ, познакомившись съ организаціей мѣстнаго Комитета въ Лундѣ, я могъ легче содѣйствовать основанію мѣстнаго Комитета въ С.-Петербурѣ.

чтобы въ его распоряженіи имѣлось нѣсколько человѣкъ учащейся молодежи, которая за вознагражденіе (за счетъ заказчика) могла бы отыскивать требуемый матеріалъ, переписать его и въ случаѣ надобности перевести.

Краткія данныя объ имѣющихся собраніяхъ, и числѣ номеровъ въ нихъ могутъ для начала помѣщаться въ сообщеніяхъ FF (FF. Communications), издаваемыхъ пока въ Гельсингфорсѣ.

Со временемъ найдутся средства и для изданія болѣе подробныхъ каталоговъ. Сейчасъ важнѣе всего привести въ порядокъ сказочный матеріалъ, чтобы знать, гдѣ есть варианты каждой данной сказки. Вырабатываются схемы для сопоставленія мотивовъ сказокъ.

Начинать съ запутанныхъ системъ и слишкомъ большихъ требованій не целесообразно. Если бы удалось установить сношенія между собраніями по фольклору во всѣхъ странахъ такъ, чтобы сдѣлалось возможно исполненіе заказовъ за плату, то дальше дѣло пойдеть въ силу собственной необходимости.

Большинство филологовъ работаютъ надъ фольклористическимъ матеріаломъ и нуждаются во взаимной поддержкѣ. Собиратели есть во всѣхъ странахъ и немало уже есть и изслѣдователей. Недавно вышелъ трудъ др. А. Арне (Antti Aarne) о нѣкоторыхъ вариантахъ финскихъ и русскихъ сказокъ. Недавно же А. Олрикъ издалъ свой трудъ по датскому героическому эпосу, гдѣ говорится о походѣ викинговъ въ Россію.

Участіе Россіи въ Федерациі было бы чрезвычайно важно. Русскимъ фольклористамъ въ этой области предстоитъ большая задача и сейчасъ отъ Географическаго Общества организаторы ждутъ очень многого.

Кромѣ этихъ указаній, я считаю нужнымъ привести здѣсь отвѣтъ проф. Крона отъ 16/3 марта 1911 г. на нѣкоторые вопросы, возникшіе у меня и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, заинтересовавшихся цѣлесообразной постановкой новаго дѣла:

Совершенно не предполагалось, чтобы мѣстные Комитеты были обязаны издавать свои матеріалы на чужомъ языкѣ. Заголовокъ FF. имѣлся ввиду только для облегченія иностранцамъ, не знакомымъ съ даннымъ языкомъ, возможности знать, что они могутъ изъ резюме на общедоступномъ языкѣ ориентироваться въ содержаніи недоступнаго имъ иначе матеріала. Такой способъ изданія матеріаловъ обязать исключительно практической потребности въ этомъ, сознанной сѣверными народами. Напримеръ, финскія печатныя собранія сказокъ о животныхъ представляютъ собою самый богатый въ мірѣ матеріалъ этого рода; между тѣмъ, почти никто изъ иностранныхъ изслѣдователей животнаго эпоса не пользовался ими. Шведы часто снабжаютъ свои труды краткимъ рефератомъ на французскомъ языкѣ, тогда какъ, казалось бы, шведскій языкъ могъ бы считаться вполне доступнымъ для знающихъ хотя бы нѣмецкій языкъ. Когда основатели усвоили первый номеръ въ «Northern series» труду Гурта

они имѣли ввиду указать изслѣдователямъ, что для иностранцевъ его матеріалы вполне доступны, будучи снабжены резюме всѣхъ сѣверскихъ пѣсенъ и ихъ вариантовъ.

Вопросъ объ общедоступныхъ языкахъ (§ 2) оставленъ пока совершенно открытымъ. Основатели FF. не считали себя въ правѣ отвѣтить на этотъ вопросъ и рѣшить его разъ навсегда. Вполнѣ понятно стремленіе русскихъ ученыхъ заставить ученыхъ Западной Европы большими изданіями собраній и своими прекрасными изслѣдованіями постепенно читать ихъ на русскомъ языкѣ. Самъ проф. Кронъ постоянно указывалъ на цѣнность русскихъ вариантовъ; но и для этой цѣли было бы желательно снабжать изданія краткими резюме на одномъ изъ западно-европейскихъ языковъ, чтобы такими указаніями вызвать у иностранцевъ болѣе интересъ къ матеріаламъ и принудить ихъ заняться изученіемъ оригиналовъ; само собой разумѣется, что рѣшить этотъ вопросъ должны сами русскіе изслѣдователи. Отъ русскихъ мѣстныхъ Комитетовъ будетъ зависѣть учрежденіе новой серіи, напр., «Eastern series».

Самый заголовокъ FF (§ 4) какъ теперь оказалось не имѣетъ особеннаго важнаго значенія; на тиражъ изданій онъ не оказалъ существеннаго вліянія. Можетъ быть со временемъ удастся лучше рѣшить этотъ вопросъ.

Что касается § 26 — то это пока только пожеланіе, осуществленіе его зависить всецѣло отъ желанія и средствъ отдѣльныхъ мѣстныхъ Комитетовъ. Редакціонный Комитетъ въ этомъ вопросѣ мало что можетъ сдѣлать.

Главная цѣль FF выражена въ § 2 а, и для начала это единственная помощь, на которую мѣстные Комитеты могутъ взаимно разсчитывать.

Данныя объ организациі мѣстныхъ Комитетовъ просятъ сообщать по слѣдующей формѣ:

Копенгагенъ København (Kopenhagen).

Adresse: Dansk Folkemindesamling Kgl. Bibliothek. København, Danmark.

Sekretär. H. Gruner-Nielsen, archivär der dänischen folkloresamling (dänische volkskunde, bes. volkslieder).

Präses. Axel Olrik, universitets docent (= e. o. professor) in der nordischen volkskunde.

Sigfus Blöndal, unterbibliothekar in der Kgl. Bibl. (isländische volkskunde).

Georg Christensen, mag. art. (märchen).

Hans Ellekilde, stud. mag. (märchen).

Jakob Jakobsen, dr. (färöische volkskunde).

Astrid Lunding, frau (märchen). Grubberholm, Vallö.

K. Steensby, dr. (ethnographie).

William Thalbitzer, cand. mag. (eskimoische volkskunde). Birkerød.

Hjalmar Thuren, sekretär im vereine «Danmarks folke minder» (volksmelodien Die Königliche bibliothek.

Das philologische laboratorium an der Universität.

Таким же образом составлены списки для Гельсингфорса, Лунда.

IV. Уставъ Федерациі Фольклористовъ („FF“).

§ 1. Название Федерациі передается условно литерами «FF» (англ. Folklore Fellows, датск. Folkeminder-Forskere, франц. Fédération des Folkloristes, нѣмецк. Folkloristischer Forscherbund)¹⁾.

§ 2. Федерация преслѣдуетъ слѣдующія задачи:

а) Слѣдуетъ доступными для изслѣдователей фольклора (живой старины) материалы, собранные въ различныхъ странахъ и издавать изъ каталоги.

б) Способствовать изданію удовлетворительныхъ въ научномъ отношеніи материаловъ по фольклору на одномъ изъ общедоступныхъ языковъ или же (по крайней мѣрѣ) снабженію ихъ краткимъ резюмѣ на такомъ языкѣ.

§ 3. Редакціонный Комитетъ публикуетъ Сообщенія «FF Communications» о рукописныхъ и печатныхъ материалахъ по фольклору.

§ 4. Этотъ Комитетъ имѣетъ право снабжать заголовкомъ Федерациі такія изданія, которыя отвѣчаютъ ея цѣлямъ. Для начала будутъ издаваться двѣ серии изданій ФФ («FF publications») Международная («International series») и Сѣверная («Northern series»); вторая изъ нихъ охватываетъ скандинавскіе и финно-эстонскіе материалы. Редакціонный Комитетъ имѣетъ право при содѣйствіи мѣстныхъ Комитетовъ основывать новыя серии.

§ 5. Для каждой мѣстности, гдѣ есть члены Федерациі, долженъ быть избранъ мѣстный Комитетъ, или представитель. Мѣстный Комитетъ получаетъ бесплатно по одному экземпляру сообщеній, изданныхъ послѣ присоединенія даннаго Комитета къ Федерациі.

§ 6. Каждый членъ Федерациі можетъ получать эти сообщенія по предварительному заказу черезъ мѣстный Комитетъ за половину номинальной цѣны. Остальные изданія, какъ изданныя самой Федерацией, такъ и рекомендуемыя ею, будутъ по мѣрѣ возможности высылаться членамъ со скидкой.

§ 7. Черезъ посредство мѣстныхъ Комитетовъ можно добывать копіи, выдержки и переводы изъ рукописей и малодоступныхъ печатныхъ изданій, какъ изъ общественныхъ, такъ и насколько возможно изъ частныхъ собраній. Материалъ, добытый черезъ посредство Федерациі, не можетъ быть использованъ безъ особаго на

1) Предлагаемъ создать русское названіе соответственно этому: *Федерация фольклористовъ* и сокращенно обозначать въ русскихъ работахъ ввидѣ «ФФ».

то разрѣшенія ни для какихъ другихъ цѣлей, кромѣ какъ для научнаго изслѣдованія (NB. не для сборниковъ). Въ случаѣ, если затребованный матеріалъ какъ разъ нуженъ для научной работы въ своей странѣ, то посредникъ имѣетъ право задержать его на опредѣленный срокъ.

§ 8. За перепіску удобочитаемыхъ оригиналовъ уплачивается около 0,35 франка (13¼ коп.) за 1000 буквъ или около 1 фр. (37½ коп.) за часъ работы. За считку и за отыскиваніе цѣна устанавливается не выше 1½ фр. (56¼ коп.) за часъ. Эта же расцѣнка примѣняется и при перепіскѣ трудночитаемыхъ оригиналовъ и при переводахъ (NB. переводы литературнымъ языкомъ оплачиваются по соглашенію). Въ болѣе крупныхъ городахъ при дальности разстояній и при ограниченной доступности мѣст перепіски устанавливается соответственное вознагражденіе за потерю времени.

§ 9. Мѣстные Комитеты устанавливаютъ сами, если находятъ нужнымъ, особый членскій взносъ, для покрытія текущихъ расходовъ и того риска, который они принимаютъ на себя при заказахъ¹⁾.

§ 10. Редакціонный Комитетъ избирается черезъ каждые три года на общемъ съѣздѣ (конгрессѣ) или же путемъ письменнаго голосованія, при чемъ каждый мѣстный Комитетъ, или представитель, имѣютъ по одному голосу. Подобнымъ же образомъ голосуются измѣненія устава Федерациі, для чего необходимо большинство 2/3 голосовъ.

V. Изданія ФФ.

«Erste mittheilung des folkloristischen forscherbundes «FF», съ приложеніемъ «Statut des bundes «FF»» (въ первой редакціи). Helsingfors. 1907.

«FF» publications Northern series 1.

Временный редакціонный комитетъ усвоилъ это заглавіе уже упомянутымъ выше тремъ томамъ эстонскихъ пѣсень Я. И. Гурта. Полное заглавіе ихъ гласитъ:

Monumenta Estoniae antiquae vel Thesaurus antiquus, carmina, sermones, opinionones, aliasque antiquioris aevi commemorationes Estonorum continens. Per multis sociis adjuvantibus collegit et edidit Dr. Jacobus Hurt. Pars prima: Carmina popularia. Volumen primum, secundum, tertium. Helsingforsiae, sumptibus et typis societatis Litterarum Fennicae 1904 — 7. Всего LXXVIII + 1920 (по-эстонски) + 393 (по-нѣмецки) = 2401 стр. больш. 8°. Цѣна 16 + 16 + 10 = 42 франка или финск. марокъ.

[Этотъ трудъ, заключающій въ себѣ всѣ пѣсни такъ называемыхъ сѣтукезовъ, продается и высылается подъ бандеролью членамъ федерациі «FF», черезъ посред-

1) Въ первоначальной редакціи этому параграфу соответствовалъ § 6 слѣдующаго содержанія: При вступленіи въ Федерацию вносятся одновременно и разъ на всегда 10 франковъ (8 р. 75 коп.), которыми покрываются текущіе расходы Федерациі и обезпечивается рискъ мѣстнаго Комитета, или представителя, которые они принимаютъ на себя при заказахъ.

ство финского местного отдела со скидкой; всего за 30 франков (въ эту сумму включены значительные расходы по пересылке)].

«FF» publications Northern series 2.

Hjalmar Thuren, Folkesangen paa Færøerne (The folksong in the Faeroe Islands, with an excerpt in german). Kopenhagen. 1907.

(Для членовъ Федерациі высылается также со скидкой черезъ посредство датскаго местного комитета).

«FF» publications Northern series 3.

Armas Launis, Lappische Juoigsmelodien. Helsingfors 1908. 273 p. Высылается за 7½ франковъ (вмѣсто 10).

FF. Communications № 1.

«Dansk folkemindesamling (DFS). The national collection of folklore in Copenhagen by Axel Olrik, director of the collection». Helsingfors. 1910. 9 p.

FF. Communications № 2.

«The system of tales in the folklore collection of Copenhagen by Astrid Lunding». Helsingfors. 1910. 14 p.

FF. Communications № 3.

«Verzeichnis der märchentypen mit hülfe von fachgenossen ausgearbeitet von Antti Aarne». Helsingfors. 1910. 63 p.

FF. Communications № 4.

«Erster bericht über die tätigkeit des folkloristischen forscherbundes «FF.», и Statuten des bundes «FF.» (новая редакція 1910 г.).

Цена за всѣ четыре №№ FF C. — 4 франка; для членовъ ФФ. — 2 франка.

Въ ближайшихъ №№ FF C. будутъ даны указатели вариантовъ, записанныхъ у финновъ и шведовъ въ Финляндіи. За ними послѣдуютъ каталоги сказокъ другихъ финно-угорскихъ и германскихъ народностей. Работа будетъ продолжаться безъ перерыва пока не будутъ приведены въ однообразный порядокъ всѣ собранія, какъ европейскія, такъ и внѣ европейскія.

Андрей Рудневъ.

СПБ. 4—17 III 1911.

Шесть сказокъ, слышанныхъ отъ крестьянина Ф. Н. Календарева.

Лѣтомъ 1904 года автору этихъ строкъ пришлось пользоваться кумышнымъ лѣченіемъ въ селеніи Иткулово Белебеевскаго уѣзда Уфимской губерніи, подлѣ станціи «Давлеканово» Самаро-Златоустовской жел. дор. Домъ, въ которомъ я поселился, принадлежалъ двумъ крестьянамъ, жившимъ постоянно верстахъ въ 30-ти отсюда, на хуторѣ, и поочереди нѣзжавшимъ въ Иткулово на базарь-ярмарку, бывающую въ этомъ селеніи разъ въ недѣлю. Одинъ изъ совладѣльцевъ дома, крестьянинъ Филатъ Никаноровичъ Календаревъ, оказался сказочникомъ. Имѣя въ то время 59 лѣтъ отъ роду, Календаревъ только 7 лѣтъ передъ тѣмъ переселился въ Уфимскую губернію изъ Смоленской. Сказки вывезены имъ съ родины, которую онъ постоянно называетъ «стариной». На родинѣ Календаревъ занимался извознымъ промысломъ, ѣзжалъ въ Кіевъ на сахарные заводы, и часть сказокъ слышана имъ въ Кіевской губерніи. Такъ какъ видѣлся я съ Календаревымъ рѣдко, то и успѣлъ записать отъ него всего шесть сказокъ, которыя и привожу ниже. Записывались сказки съ буквальною по возможности точностью и съ возможнымъ сохраненіемъ не только характернаго языка рассказчика, но и его произношенія.

А. Васильевъ.

Г. Томскъ, 1908, апрѣль.

Шесть народныхъ сказокъ, записи г. Васильева, изъ Архива Императорскаго Русскаго Географическаго Общества печатаются здѣсь нѣсколько особымъ образомъ. Сохраняя въ неприкосновенности подлинный текстъ записи, — въ цѣляхъ облегченія пользованія сказкой, въ нихъ еще жирнымъ шрифтомъ дается указаніе главнаго ея теченія. Кромѣ того, въ тѣхъ же цѣляхъ, послѣ cadaго варианта, приводится сжатое его изложеніе съ болѣе точнымъ заголовкомъ.

А. М. Смирновъ.

I. Народъ живущій грѣхъ обманывать, а мёртвый важнѣе шпо.

Вотъ это какъ былъ въ Кіевской губерніи случай. **Молодые люди здумали сборище перепугать мертвымъ человѣкомъ.** Было увѣдано, что селеніе сборище (игрище называется по деревенскому, разные разгулы). Ну-съ, которые люди здумали перепугать этой сборь, то былъ покойникъ недавно схороненъ въ томъ селеніи. Они между собою сговорились — эти люди — шти откапывать мертвеца и привести, а гдѣ это сборище, и у этой домъ его угрузить, чтобы перепугать сборище это. Такъ это и отправились на кладбище. Ну-съ, **мертвеца откапали,** вытащили изъ ямы — у троихъ они были, — между собою потолковали, которымъ двумъ подъ руки вестъ, а третій штобъ ноги переставлялъ. Ну, и такъ **повели два подъ руки парня, а третій ноги обязался переставлять.** Ну, такъ они повели его. (Вотъ тутъ ихъ скоро Богъ накажетъ). И далѣ, больше, ближе къ селенію. Увели у селеніе (онъ и мертвецъ изъ этого селенія бывшій). Ну-съ, то тогда третій замѣтилъ, который ноги переставлялъ озади этихъ, што **мертвецъ ужъ** мало-по-малу **самъ пятится.** Онъ бросилъ, значить, изъ этого разу двоихъ съ мертвецомъ, а самъ проулками утекать. А эти, которые подъ руки вѣли, этого ничего не замѣтили, што мертвецъ оживляется, а рашштитывали, што хорошо помогаетъ задній (когда мертвецъ сталъ оживляться). То они ужъ въ это время подводили мертвеца къ этому дому, гдѣ сборище было, у двоихъ отстали. Ну, подвели къ сѣнцамъ мертвого человѣка. А тутъ играютъ, и парни молодые и съ барышнями танцуютъ у это у время. Они когда подвели къ сѣнямъ, то замѣтили, што они у двоихъ отстали, а **третій удалился.** «Ну, братъ», — другъ на друга сказали — «тотъ обробѣлъ што ль, то давай скорѣй мертвеца этого у домъ угрузимъ — и уходить скорѣй». Ну, они сичасъ, ментально, отворили двери у дому. Ну, только **они ни старались мертвеца у это собраніе угрузить, ну мертвецъ потянулъ и ихъ съ собой.** Великій перепугъ они сѣдали: видятъ, што и ихъ деревни мертвецъ, и два деревнянина, ихъ сосѣди. Ну, они сколько ни рвали отъ мертвеца, мертвецъ крѣпче взялся за нихъ, какъ они его держали, и говорить на нихъ: «Куда жъ вы, голубчики, рветесь? Вы меня беспокоили, теперъ побывайте со мною, пока законъ разбереть». Ну, это кто попадалъ объ землю съ перепугу (сборъ этотъ, народъ), а которые изъ дома выскочили, разбѣжались по домахъ по своимъ, объявили домашнимъ. **Собралось увсе селеніе въ этотъ домъ смотреть** — какъ тутъ сказать? — **дивнаго Вождя гнѣва** (Все-таки этотъ гнѣвъ отъ Бога. На прочихъ кладбищахъ сторожа есть. Вотъ у насъ, на ста-

ринѣ, одѣжду снимаютъ: которые купцы хорошо одѣты, — откапуютъ, одѣжду снимаютъ). Ну, эти люди нечестные, которые привели, при сборѣ своихъ сосѣдей **мертвеца упрашивали,** чтобы онъ ихъ ослобонилъ. Ну, онъ тогда ничего имъ не сказывалъ. Народъ сталъ, ихъ котораго **отъ мертвеца отарывавать,** кричать не въ голову, што больно имъ. Стали такъ толковать между себѣ поселане, што надо увсѣхъ трехъ хоронить (вонить станеть). Ну, тутъ ужъ они больше зарочтали, нечестные люди, — плакать стали: видятъ, што дѣло къ погибели приходитъ. Сильнѣе стали умолять мертвеца, што онъ не ослабонитъ ли ихъ. Ну, **мертвецъ** имъ все-таки ничего не сказывалъ, а **все-таки крѣпше держалъ** — што тому, што другому больно — тѣла зрослись. То они — эти люди нечестные — видятъ, што имъ погибать приходится равно и съ мертвецомъ, и начали просить у своихъ сосѣдей прощенія и у своихъ сродственниковъ (Господь не прощаетъ, словесностью можно прибавить). Вотъ значить, простились съ своими сосѣдами и родными — **принуждены ихъ въ яму вмѣстѣ съ мертвецомъ закапывать** (Третій, тотъ догадался, который ушелъ, ноги переставлялъ). И такъ и закопали равно вмѣстѣ — того неживого, а этихъ живыхъ. Вотъ што значить — Божій гнѣвъ!

[Это мы у Кіевскихъ заводахъ были, лѣтъ съ 30, хохлы рассказывали и селеніе указывали.]

Нельзя надѣваться надъ мертвецомъ.

Двое молодыхъ людей здумали напугать молодежь, собравшуюся на вечеринкѣ, мертвецемъ. Откопали покойника и повели подъ руки, а третій сзади помогалъ. Мертвецъ ожилъ. Кто вѣли — не замѣтили, а третій, испугавшись, убѣжалъ. Когда привели мертвеца и хотѣли толкнуть въ домъ, мертвецъ прижалъ къ себѣ приведшихъ. Пробуютъ вырваться — не могутъ. Собрался народъ. Какъ ни умоляли, не вырвали — не помогли. Пришлось похоронить втроемъ. «Вотъ што значить Божій гнѣвъ».

II. Случай при большой дорогѣ.

Былъ дворникъ богатый (тогда ешпо желѣзной дороги не было нигдѣ — это было лѣтъ 70 назадъ), то **надумались мошенники,** штобъ его какъ **обокрасть.** Его такъ нельзя идти обокрасть, потому што у него всегда люди почуютъ, извозчики и пѣшеходни; а нужно **написать грамоту** и подбросить къ его дому, назначить число, што **будто** будетъ **проѣзжать губернаторъ** провѣрку дѣлать, будетъ провѣрять чистоту у дворниковъ — въ тое время **штобъ не посидѣть на ночь** ни извозчиковъ, ни пѣшеходнихъ, потому што число это назначилъ побывать губернаторъ на провѣркѣ его. Такъ это они написали писемце и подбросили къ дому. То тое число дворникъ, кто ни проснулся на ночь, по дворникъ

вѣтъ отказывалъ — што поѣшнее число будетъ губернаторъ ко мнѣ, чего-то и самъ не знаю. Ну, на этотъ случай **проводили медвѣдѣвъ** къ позднему уремени, стали **просить** дворника, чтобы онъ ихъ пустилъ **переночевать**. Но дворникъ сказать имъ, што сегодняшній день я не пускаю не то што васъ и зъ вашими супостатами, а и извозчиковъ не пускаю. Ну, медвѣдники отвѣтили ему, што чего такъ не пускать, развѣ деньги не все равно што съ извозчиковъ, што съ насъ за ночлегъ. Дворникъ имъ объявилъ, што нѣтъ, господа медвѣдники, не по этому случаю я вамъ отказываю, а то што ко мнѣ общался поѣшнее число губернаторъ поздно или рано по утру быть. А работникъ дворниковъ сказываеъ на дворника: «Хозяинъ», говорить, «отведу я ихъ въ баню, — въ примыльничъ поставитъ медвѣдѣвъ, а самы у бани упокоются». Ну, хозяинъ, т. е. дворникъ, увсе-жъ сказываеъ, што губернаторскія лошади у слышать запахъ медвѣжій, оны на дворѣ будутъ пугаться. Ну, дворника медвѣдники умоляли, што куда жъ ихъ теперь вести — ночь обхватываетъ. (А вѣдъ ихъ и днемъ по лѣсу ведутъ, на скрипкѣ играютъ). Ну, то послушалъ работника дворникъ, сказалъ: „**Отведи ихъ въ баню зъ медвѣдами**, затвори крѣпше, а ключъ у себя зблюдай — кто знаетъ?» Ну-съ, тогда, только что опредѣлилъ ихъ къ ночлегу, антихъ медвѣдниковъ зъ медвѣдами, — тогда своего двора позатворили ворота съ работникомъ и убрались у домъ умѣстѣ съ работникомъ, чтобы услышать поскорѣй губернатора, когда будетъ у звонокъ подавать (вѣдъ у богатыхъ это звонокъ подаютъ на будѣше). То у скорости этого время **подъѣзжаютъ** къ этому дворнику **15 человекъ**, 15 лошадей — все **верхами** — и дають у звонокъ знаніе. Ну, какъ и хозяинъ и зъ работникомъ дожидая губернатора, то оны строго себя спали, скоро услышали. «Бѣжи скорѣе, отворяй», хозяинъ на работника сказываеъ: «навѣрно, што ѣдетъ губернаторъ». Ну, работникъ отворилъ калитку посмотреть: **люди какіе-то незнакомые и очень сурьезные**. И поскорѣй опять затворилъ калитку, побѣжалъ скорѣй къ хояину на замѣчаніе: видить, что народъ сурьезный. **Оны**, эти разбойники, не дожидая ихъ отворенія воротъ, **давай самы бить, ломать** калитку и потребовали съ хозяина овса, сѣна лошадамъ — и все это сурьезнымъ порядкомъ. Ну, **хозяинъ-то** видить, что дѣло-то плохо приходитъ — люди пріѣхали не такіе, — **старался какъ можно имъ угождать**, по карактеру ихнему, пригласилъ ихъ у домъ, и оны спросили у хозяина вина и закуски, стали пить, гулять. И ихъ, нечестивыхъ разбойниковъ, вино и хлѣбъ-соль этимъ не довольны отставались, **стали и зъ дворника деньги допрашивать**: «Довольно тебѣ, хозяинъ, копить; ужъ ты накопилъ достаточно». Ну, то, много время не медлимши, взялись разбойники за дворниковъ сундукъ. Тогда дворниковъ работникъ сказываеъ хозяину своему, выбравши случай на единичѣ, такъ, чтобы не взяли замѣчаніе разбойники ихней зговорки — дворниковой и зъ

работникомъ. А ужъ разбойники деѣйги выбираютъ изъ сундуковъ. А этимъ уремемъ, тайнымъ совѣтомъ, **хозяинъ работника послалъ къ медвѣдникамъ** доложить, не дали бы помощи какой медвѣдники и зъ своими медвѣдами. И попросилъ ихъ работникъ скорѣй, ментально, помочь этому дворнику своими медвѣдами. **Оны** обязались дать помощи дворнику. Ну-съ, дворнику **привели медвѣдѣвъ** и къ дому. Медвѣдъ звали Мишею, а медвѣдица — Кулинка. То Кулинка была много сердитѣе, много сильтѣе за Миши. То медвѣдникъ повелѣтъ ей идти у домъ сразрабатывать, насколько её мочь, чтобы маху не давала, а Мишѣ приказалъ остаться на дверѣхъ у сѣняхъ. Тоже такимъ же образомъ приказали медвѣдники, чтобы — случай какой — разбойники утекать тронуться, чтобы [Миша] маму не давалъ, маклашку тутъ имъ давалъ немилосердную. Такъ, какъ **медвѣдники приказали эту службу имъ, и поклонились медвѣди своимъ хозяинамъ**, што, **дескать, рады стараться** ваше приказаніе сополнить. Это было приказаніе отъ медвѣдниковъ у сѣняхъ, а разбойники ужъ денегъ у домъ набрали и опять стали пьянствовать тамъ, на дорогу збираться, выпивать и закусывать. Тогда **медвѣдникъ** одинъ и сказалъ Кулинкѣ: «Погоди, Кулинка, я **прочно заговоръ**, чтобы тебѣ **ножи не брали**». Тогда, заговоръ прочтѣвши, благословилъ ее итти побесѣдовать и зъ ними (стало быть, благословилъ уже у домъ итти на работу). Ну, Кулинка поднялася на заднія ноги и полѣзла съ страшнымъ видомъ на разбойниковъ. **Оны**, какъ посмотрѣли на это чудовище, што космата, и велика, и голова, какъ квашня, то **ужаснулись**. Ну, она ничего этого не робѣла — и давалъ ихъ вразрабатывать на все силы свои: которому руку оторвала, которому — ногу, которому черепанку (стало быть, черепъ) взлупила. **Оны ее попробовали ножами**, но **ножи погнулись** въ кольцо, потому што оны были заговорены. Ну, оны, видя, отетальные, што ихъ сила не берѣтъ зъ медвѣдицею зладить, давай-ка уходить изъ дома, не зная этого, што Миша на дверѣхъ стоитъ у сѣняхъ. Ну, тутъ, какъ изъ дома у сѣни которые выскакивали, то тутъ Миша давалъ своею могущиею рукою маклашку. И такъ **оны**, по Божьей помочи, и **ихъ перебили, всехъ 15 человекъ** — Кулинка и Миша. И дворнику лошади отетались разбойничкія. Тогда антихъ медвѣдниковъ задержалъ дворникъ, пока объявленіе начальству далъ, какое на его было побѣжденіе отъ разбойниковъ, чтобы не быть виноватому, што по какому случаю побили ихъ медвѣди. Ну, **когда начальство зѣхалось**, обомотрили это все и **сказали**: „**Собакамъ собачья честь!**“ А антихъ страшиковъ — **медвѣдниковъ** дозволили своимъ путемъ и зъ медвѣдами **итти** — разбойниковъ въ одну яму похоронить.

Какъ вожатые съ медвѣдами спасли содержателя постоялаго двора отъ разбойниковъ.

Разбойники, намѣреваясь ограбить владѣльца постоялаго двора, подкинули письмо, что поѣдетъ губернаторъ, чтобы на дворѣ никого не было. Хозяинъ всёмъ отказывается. Зашли вожатые съ медвѣдами и упростили пустить ночевать — въ банѣ. Приѣхали разбойники и начали погромъ. Требуютъ денегъ. Работникъ надумалъ позвать «медвѣдниковъ». Тѣ пришли и научили медвѣдей, какъ расправиться съ разбойниками, предварительно заговоривъ ихъ отъ ножа. Медвѣды всёхъ заломали. Медвѣдниковъ начальство отпустило.

III. Про солдата — силака.

Тоже одинъ солдатикъ шелъ изъ службы. Ну-съ, шелъ онъ большой дорожкой, и амѣ у службѣ [пришлось] гдѣ-то денегъ порядочно захватить. (Оны, денюги-то, злодѣи это). Ну, то онъ во время къ ночи давай-ка **къ дворнику проситься ночевать**, лѣтнимъ уремемъ — не такъ проситься ночевать, какъ выпить ладно. Зайшелъ къ дворнику у домъ. «Што, господинъ дворникъ, можно-ль у тебѣ выпить и упокоиться до свѣту?» такъ и успросилъ онъ у его. Ну, тогда „**Четверть вина** можно у тебѣ разжиться полную?» этотъ солдатикъ успросилъ у дворника. Дворникъ отвѣтилъ ему: «Для чего тебѣ для одного четверть вина?» «Да **мы** — гритъ — нѣкоторый разъ **по четверти** — гритъ — **выпиваемъ**: то наша порція». (**Онъ осилокъ** солдатъ, то какъ по старинному, значить, богатыри: сильный человекъ, могущий). Ну, дворникъ этого не змекнулъ, што это человекъ не плохой. А солдатъ потребовалъ такую кружку, чтобы двѣ изъ четверти вышло. И поставилъ солдатъ вино на столъ четверть, кружку на столъ. Да и говорить: «Надо-гритъ, — господинъ дворникъ, разочтиться съ тобой у трезвомъ видѣ, а то какъ бы, выпимши, не ослабѣлъ». Тогда **сталъ деньги доставать и подаетъ** изъ пачки бумажекъ **полсотни рублей мѣнять** дворнику. Этой дворникъ, смотря на деньги, сердцемъ узмутился, какъ бы солдата этого побѣдить, т. е. убить. Ну, солдатъ, разочтѣмши за вино и съ дворникомъ, налилъ кружку вина и выпилъ. Тогда давай закусывать. Закусѣмши, тогда другую налилъ кружку (старинная мѣра, по осмухѣ были кружки). Ешшо поѣлъ дасѣта. И только солдатъ разгорѣлся кровью и словами, только и съ дворникомъ разговоръ веселый заводить. Потомъ и говорить дворнику: «Ну, **мнѣ** — гритъ — мѣшкаться долго нечего, ночевать я у тебѣ не буду, какъ бы мнѣ отъ вина отъ твоего не ослабѣть; **лучше отправлюся у путь**; когда охмелѣю, такъ лучше и со стороны дороги отдохну: солдату усюду не опаско». Ну, дворникъ его уговаривалъ ночевать, но онъ не расположился. А этому солдату нужно было итти черезъ **лѣсъ**, вереть на восемь — путь лежать ему, дорога такъ была. То такъ солдатъ расштитывалъ: дойду у лѣсъ и зверну у сторону,

лѣсомъ, то мой пошлеть будетъ надежнѣй съ моими деньгами. (Это такъ себѣ онъ помышляеть только). Такъ и отправился у путь. **А дворникъ**, узмутивши сердцемъ, **за нимъ** на зарѣ **въ дубиною**: полагаетъ то, што, четверть вина выпимши, не должонъ съ имъ сладить, хоть и идѣть. И солдатъ только што подходитъ къ лѣсу, и дворникъ насканиваетъ на солдата и просто **со всего маху солдата дубиною**. Тогда солдатъ оглянулся на яго, на дворника. «**Вратъ, за што жъ ты это менѣ?**» говоритъ: «я жъ съ тобой за вино разочтился». И въ другой разъ не дался ударить — узалъ дворника за шиворотъ и **поташшилъ къ дереву**. Дворникъ видѣть то дѣло, што не съ тѣмъ схватился, давай солдата умолять, штобъ онъ его пустилъ. «Нѣтъ», солдатъ говорить на дворника: «такъ я тебѣ не пушу: что жъ ты будешь рассказывать, если живой отстанешься отъ менѣ, у своемъ у домѣ!» Подвелъ солдатъ его къ дереву, одной рукой нагнулъ дерево и собралъ у дворника всё волоса у кучку и **веревой тонкой обернулъ волосъ, привязалъ къ дереву**. Тогда своимъ, изъ ранца выпумши, ножичкомъ складнымъ **кругомъ обрѣзалъ черепа кожу** у дворника и тогда, какъ **дерево пустилъ**, такъ шапкою кожа схватилась и съ деревомъ. Тогда солдатъ къ этому подсказалъ: «Что — гритъ, — дворникъ, доволенъ этимъ рашшотомъ моимъ уторымъ, когда энтимъ недоволенъ остался?» Но дворникъ занѣмѣлъ, ничего не сказалъ ему. Тогда солдатъ сказалъ: «Навѣрно, антихристъ, недоволенъ и уторымъ рашшотомъ, такъ я прибавлю». Взялъ да **дворнику зубы выдавилъ** (повырывалъ, значить). «Ну, теперь довольно съ тебѣ», солдатъ подсказалъ: «когда будешь живъ, то скажешь своимъ ближнимъ и своимъ сродственникамъ. Ужъ урешъ, антихристъ, скажешь, не можешь утаить, отчего голова голая». Ну-съ, такъ этотъ солдатъ своимъ путемъ отправился, а дворникъ отстался змученнымъ и немощнымъ, и даже до свѣту отстался, пока его **приѣхали, узали** у свой дворъ. И тогда онъ рассказалъ, какой случай былъ, какъ кожу утерять и съ головы, какъ зубы утерять. Ну, солдата искать было плохо ужъ, потому што нельзя имъ было искать, потому што онъ хотѣлъ солдата побѣдить. Ну, тогда, когда **дворникъ**, у болѣзнятъ пострадамши, и **сознавался людямъ своею глупостью**: «Какъ же — гритъ — я не глупъ, нужно жъ бы мнѣ змекнуться, што **одинъ человекъ четверть вина выпилъ** и пошолъ, только што настояшше выпимши, а я на его пошелъ, задумалъ деньги у него ограбить: такъ рашштитывалъ, што онъ отъ вина мертвый лежать будетъ, солдатъ этотъ. А солдата я разъ ударилъ, больше онъ не дозволилъ мнѣ ударить, потому што **онъ былъ въ самомъ только разгарѣ**. Я этого не змекнулъ, што онъ **силакъ былъ**».

Какъ солдатъ (богатырской силы) жестоко расправился съ содержателемъ постоялаго двора, хотѣвшимъ его ограбить.

Зашелъ солдатъ на постоялый дворъ и потребовалъ четверть водки. Хозяинъ удивляется, а солдатъ — онъ былъ богатырь — все выпиваетъ. Еще до питья расплачивается, соблазняя хозяина «пачками бумажекъ». Ночевать не остался. Въ лѣсу «дворникъ» догналъ и дубиной ударилъ солдата. Тому ничего. Предупреждая второй ударъ, солдатъ схватилъ его, привязалъ за волосы къ дереву, ножикомъ обрѣзалъ кожу и снялъ кожу съ волосами; потомъ выбилъ зубы. Наутро нашли «дворника». . . Послѣ онъ, рассказывая о случившемся, жалѣлъ, что не сумѣлъ догадаться, что имѣлъ дѣло съ богатыремъ.

IV. Случай у дѣдушки-пчеловода съ медвѣдемъ.

Вотъ какъ былъ случай въ Смоленской губерніи у дѣдушки-пчеловода съ медвѣдемъ. **Привыкъ** у дѣдушкину пчельню **ходить медвѣдь пчолъ ломать**. Дѣдушка задумался, што и зъ этимъ супостатомъ дѣлать: каждую ночь выламываетъ то по двое, то по трое пчель. **Надумался дѣдушка медвѣдя виномъ обпоить до смерти**. Взялъ дѣдушка четверть вина и потащилъ у пчельню вино, налилъ у корыто вина и медомъ насолодилъ дасладка, штобы медвѣдь и зъ аппетитомъ попилъ вино. И тогда дѣдушка удалился домой — дескать, пушшай медвѣдь придетъ, вина напьется, тогда я его заберу неживого: такъ дѣдушка расчислялъ. Но а медвѣдь по своему расчислялъ: пришелъ къ пчельнѣ, услышалъ што дѣдушка побывалъ недавно, посвисталъ ноздрами, пошлепалъ грибами (губами), тогда давай-ка это вино выпивать. **Напился медвѣдь вина** и себѣ сталъ разсуждать: «Ишь, какой дѣдушка! Ужъ сталъ меня виномъ угощать». Ну, онъ этимъ доволенъ не остался, медвѣдь-то. Взялъ **двѣ колоды** любыхъ **пчолъ**, изъ пчельни вытащилъ и **поломалъ**, и самъ въ свою мерлогу ушелъ. Ну, дѣдушка назавтра ишелъ, какъ по готового: думалъ, што медвѣдь охиѣленный кончался; посмотрѣлъ дѣдушка въ корыто — вина нѣтъ и медвѣдя нѣтъ, и двѣ колоды пчель выломилъ ешшо. Тогда дѣдушка назвалъ его: «Ишь, какой супостатъ! Онъ выпиваетъ не по-нашему: выпилъ, да не окончился». «Ну», себѣ дѣдушка задумалъ, «на другую ночь я тебѣ припасю полведерки; врешь-сопьешься». Такъ себѣ онъ разсуждалъ. Такъ-это **дѣдъ все ко второй ночи** изготовилъ, какъ и по первому разу, только **ешшо прибавилъ четверть вина**. И опять дѣдушка удалился домой изъ пчельни. Ну, медвѣдю надо было притти опять у дѣдушкину пчельню. Посмотритъ опять у тое жъ корыто медвѣдь — вина ему припасено ешшо больше и такъ же медомъ насладѣно. И себѣ медвѣдь помыслилъ: «Ишь, какой мой дѣдушка добродѣтель: сегодня ешшо больше винца припасалъ». Ну, **медвѣдь вино это увypiлъ** усѣ. Ужъ тутъ медвѣдь здался: только што вышелъ изъ пчельни, и тутъ **и завалился кверху**

лапами. Назавтрего дѣдушка приходитъ смотрѣть: медвѣдь лежитъ кверху лапами. «А!» дѣдушка у радости великой сказалъ: «подайся, супостатъ. Ужъ и лапы надулись, какъ кончался». Тогда дѣдушка у радости побѣжалъ домой объявлять своимъ сынамъ: «Ну, сыновѣ мой, запрягайте лошадь скорѣй, — медвѣдь обпиелъ вина. Лезить, и лапы надумши». Сыновѣ лошадь запрягать въ телѣгу — и отправились медвѣдя наваливать. **Взвалили на телѣгу**, у трехъ мѣстахъ **скрутили веревкою** и привезли домой, поставили у гумѣнныхъ воротахъ на телѣгѣ, между собой изсовѣтовались: «Теперь лупить некогда, **облупимъ ввечеру** — теперь надо гречку косить». (Это вѣдь вонъ когда — въ сентябрѣ мѣсяцѣ тамъ). А дѣдъ съ бабами отправился гречку катать у бабки (собирать кошеную). А **медвѣдь-то** не околѣлъ, а отъ хмелю мѣртво уснулъ, и **прошнулся**. Туды, сюды смотритъ, а гдѣ есть, и видитъ, что у жилища привѣзень, увязанъ. Давай туды — сюды пятиться на телѣгѣ, но привязанъ былъ крѣпко и прочно. **Лапы** кое-какъ переднія **освободилъ** медвѣдь (онъ ницъ былъ положенъ) и **телѣгу** эту **иссадилъ изъ передка**, колеса переднія отстались, а съ задними пошелъ по огородамъ поперекъ конопель въ ту сторону, а гдѣ лѣсъ. Вотъ тутъ-то и **пошелъ медвѣдь утекать изъ телѣгой и зъ колесами; по всѣхъ конопляхъ улицу провернулъ** телѣгою и скрылся медвѣдь у лѣсъ изъ телѣгою. Пришелъ дѣдушка упередъ и зъ бабами изъ поля, посмотреть — медвѣдя нѣтутъ, и телѣги нѣтутъ, одны переднія колеса отстались. Ну, дѣдушка-то шниталъ, што кто-нибудь запрегъ колеса и зъ телѣгою и медвѣдя увезъ; а потомъ сталъ себѣ разсуждать: почему-жъ бы онъ переднія колеса отставилъ? «Давай лучше разсмотреться, колѣснаго ходу смотрѣть. Посмотритъ дѣдушка — пошла по конопляхъ улица, конопля тертыя. Дѣдушка ишолъ улицей энтой, покель усѣ конопля перешелъ. Ну, медвѣдя какъ нѣту, такъ и нѣтутъ. Себѣ дѣдушка подъ губы борбаситъ: «Ишь, бестія! Я его не сполъ; а только спать положилъ. Навѣрно, это онъ притворился, што не замѣчительно было и дыханія супостата. Ну, ужъ потанусь дальше, покудова слѣдъ потянетъ». Ну-съ, дѣдушка добрался до **лѣсу** слѣдомъ, немного лѣсочкомъ пройшелъ, посмотреть: **медвѣдь завязъ между деревьевъ** и зъ телѣгою. Дѣдушка закричалъ, застогналъ: себѣ народу требуетъ на помощь — медвѣдя убить. И збѣгался народъ и зъ сторонъ, и зъ степи, каждый съ своихъ работъ, на сей крикъ. И доложили его, дѣдушкинымъ, сынамъ. Сыны прибѣжали — и **медвѣдя уси артелью убили**. Тогда дѣдушка сказалъ: «Благодарю васъ, што вы моего супостата кончили. Теперь выпилъ онъ три четверти вина и девять колодокъ пчель выломалъ, но все-таки ладно, што хотъ его кончали». А на дѣдушку сказывають: «Коли ужъ **медвѣдь три четверти** выпилъ, теперь ужъ и **намъ ведеpкy поставъ!** мы вѣдь работы побросали, бѣжали». — «Да, теперь я вамъ и не поспорю — я вамъ ведеpкy и поставлю. Айда, подсобите навалить

да и тащите домой—тамъ будемъ поминать его». Такъ дѣдушка это и сополнилъ: какъ домой привезли, такъ ведро вина поставилъ. И **мужички** выпивали и про медвѣдя **разговаривали, какая исторія случилась** дѣдушки съ медвѣдемъ. И конецъ разсказки.

Какъ „дѣдушка“ овладѣваетъ медвѣдемъ, напоивши его виномъ.

Медвѣдь ходитъ на пчельникъ... Мужикъ, считывая напоить до смерти медвѣдя, наливаетъ ему вина въ корыто. Первый разъ медвѣдь выпилъ все и ушелъ. На второй разъ, выпивъ полведра, медвѣдь опьянѣлъ до безчувствія. Думая, что онъ мертвъ, положили его на телѣгу, увязали веревками, а такъ какъ время было спѣшное, такъ и оставили медвѣдя. Медвѣдь, очнувшись, освободилъ лапы и черезъ конопки съ телѣгой ушелъ въ лѣсъ, гдѣ и завязъ между деревьями. Забиваютъ. — Дѣдъ ставить деревнѣ угощенье.

V. Про охотника и Егорія Храбраго.

Бывши одинъ **охотникъ**, не любилъ шайками на охоту ходить, а всё одинъ самъ себя—только и надѣялся на свою собаку и на свое ружье. Вотъ случай ему выпалъ **23-го апрѣля** (Егорья бываетъ) **закочевать въ лѣсу**. Ну-съ, расклавъ огоньки, давай-это сало печь на огни; потомъ слышитъ по лѣсу человѣчскій голосъ, такъ быдто какъ пастухъ во время дня скотину пасётъ и кнутомъ хлопаетъ, такъ ажно по лѣсу отголосокъ раздаётся. Потомъ слышитъ охотникъ трескъ уже близко къ огню по лѣсу. **И стали выходить волки въ его огню**—и подходятъ и ложатся кругомъ огня. И такъ-это идутъ и идутъ гужемъ, какъ скотъ дружный, и такъ што кругомъ огня съ полдесятины мѣста заняли: всё волки. **Потомъ выезжаетъ Храбрый Егорій** и съ нимъ бѣлыхъ волковъ нѣсколько штукъ (это называется начальство волчиное—бѣлые волки). Тогда Егорій на охотника сказалъ: «Добрый нашлегъ тебѣ, господинъ охотникъ!» Но охотникъ догадался, што это Храбрый Егорій—по повелѣнію его волки пришли къ ему. «Вотъ вы, Храбрый Егорій, сказали, што добрый нашлегъ имѣ; только думается мнѣ, што недобрый у насъ нашлегъ будетъ», такъ онъ на отвѣтъ сказалъ Егорію: «Мнѣ зный нашлегъ не-наравчастый попалъ, на мѣнѣ этого и съ роду не было случая такого — по такому табуну волковъ видать». А Егорій ему отвѣтилъ: **«Не нужно было подѣ Егорья ночевать увѣ охотѣ, потому што мнѣ завтра празднество»**. Ну, тутъ охотникъ ужъ замолчалъ, а собака охотникова по одному бурчить и бурчить на втихъ звѣрей. Тогда Егорій говорить на охотника: **«Што твоему собакѣ нѣтутѣ покою—бурчить и бурчить?»** «Да какъ же, какой тутъ покой», охотникъ отвѣтилъ: «вѣдь это собачьи губители—вотъ онъ и сердится». Егорій и говоритъ: «А были когда случаи, шобы твой собака когда и съ волками боролся?» Тогда охотникъ

сказываетъ по-простецкому: «Да какъ же не было: такъ случалось, што штуки на три и на четыре находили и съ собакой, но онъ имъ не подавался—собака-то». Тогда Егорій: «А ну—гритъ—**позволь ему съ двумя моими волками побороться**». Но охотникъ не смѣлъ отказывать Егорью, его повелѣнію: «Што-жъ гритъ—пушай поборются». Ну, собака съ двумя волками долго не парызгалась—у собаки клыки черезъ санки (зубы) торчѣли по три вершки. Долго не медлиши, собака одного волка краинѣтъ этими клыками и другого, то эти **волки чуть живые побѣжали** и отъ стану прочь. Тогда Егорій и говоритъ: «Ага, какой твой собака злой. Теперь я вижу, што онъ не подается и пятѣмъ волкамъ». Тогда **Егорій повелѣлъ пяти волковъ** съ собакой бороться. Ну, охотникъ поневолю былъ согласенъ—Егорья уважалъ. Но собака, противъ пяти еншо поступалъ яре и сердитѣе: трехъ такъ и кончалъ, а двухъ вовсе перервалъ. Тогда Егорій удивился этому собакѣ: «Гдѣ ты акакого богатыря разжился?» говорить. Охотникъ по-простецкому со страхомъ разсказывалъ Егорію про собаку: «Я—гритъ—разжился у бѣднаго дворянина отъ злый сучки и я его годъ у погреби растилъ; потому у погреби растилъ, што звѣри знали, што онъ изъ собакъ богатырь: сколько разъ подкапывались къ погребу звѣри—утащить его. Но всё-таки я его исцѣлилъ (уберѣгъ). А вотъ теперь похоже, што не уберегѣшь». Такъ ужъ онъ при большемъ горѣ разговариваетъ и съ Егоріемъ. «Нѣтъ», Егорій говоритъ: «онъ у меня порѣзалъ семь звѣрѣвъ, ничего ему не вредилось—какое тебѣ горѣ!» «А ну ужъ», Егорій сказалъ, **«десять волковъ напушшу на его побороться; если кончается, то я тебѣ дорого за собаку заплачу»**. Ну, такъ десять волковъ дозволилъ охотникъ съ большою неволею напустить. Ну, собака **десять волковъ разработалъ**, какъ и пять волковъ покончалъ—и самъ невредимымъ отстался. Тогда Егорій сказалъ: «Нѣтъ, охотникъ, ужъ теперь и мнѣ жалко звѣрей своихъ—**звяжи ка ты его**». Тогда, боясь Егорья, охотникъ своего собаку связалъ, ноги задніи и передніи. И тогда десять волковъ на связаного собаку Егорій повелѣлъ грызть. Такъ тутъ-то **вязаного собаку волки и загрызли до смерти**; хоть онъ, связанный, и поранилъ ихъ, ну, а всё-таки собаку окончили. Тогда **охотникъ** увѣ большое горе вышелъ. Храбрый Егорій видить, што онъ **загоревался**, охотникъ: «Чего ты горюешь? Вотъ тебѣ двѣсти рублей за собаку. Ить и моимъ-то пришло звѣрямъ отъ твоего собаки плохо: сколько онъ позавѣлъ и сколько ранилъ». Но охотникъ сказалъ на Егорія: «Не надо мнѣ вашихъ двѣсти рублей, мнѣ и двухъ тысячъ не надо было за собаку. **Вы—святой угодникъ, а вы беззаконно поступили**. Почему вы приказали извѣзать его?» А Егорій отвѣтилъ ему: «Дѣйствительно такъ, господинъ охотникъ, што незаконно поступилъ я. **Я за то тебѣ наказываю, што ты не должонъ ночевать подѣ мое празднество на охотѣ, потому што я и надъ звѣрями пастырѣ**—по

моёму вельню скотину рѣжутъ оны. Вотъ затѣмъ я со своимъ стадомъ и подкасался къ тебѣ наказать». **Охотникъ** поутру **ишелъ въ** великую **тоскою** домой и на другую ночь увидалъ **уво снѣ**, што будто **собачка** говоритъ: «Эхъ, хозяйнѣ, хозяйнѣ, **не надо было тебѣ вязать мнѣ воѣ ноги**—мы бы не поддалися усяму стаду Егорьевому и даже бы усь бы лѣса проходили бы, воѣ пушши (пуши), никакихъ звѣрей не боялись». Ну, тогда охотникъ затосковался больше и зъ этого умеръ.

Какъ Егорій Храбрый внушилъ охотнику не ночевать въ лѣсу на 23 апрѣля.

Охотникъ на Егорьевъ день заночевалъ въ лѣсу. Вдругъ голоса, кнутъ хлопаютъ. Глядь—волки обложили охотника со всѣхъ сторонъ, и Егорій Храбрый выѣзжаетъ. Егорій Храбрый выговариваетъ охотнику, затѣмъ онъ на его праздникъ на охотѣ ночуетъ. Собака охотника безпокоится. (Собака необыкновенно хорошая). Егорій предлагаетъ сначала двумъ, потомъ пяти, затѣмъ десяти съ ней бороться. Всѣхъ собака одолѣла. Великъ Егорій ее связать; тогда волки загрызли. Охотникъ жалуется на несправедливость такого поступка, но вынужденъ мириться съ наказаніемъ Егорія. А ночью во снѣ собака упрекаетъ охотника: «не надо бы всѣхъ ногъ привязывать». Охотникъ отъ тоски умеръ.

VI. Какъ Богъ наказалъ сына за матеръ.

У матери было два сына. **Меньшой** былъ карактеромъ смириѣе и **доброжелательнѣе** для матери былъ, а **большій сынъ** злой для матери и для усьхъ. Ну, то **матеръ** большаго сына отдѣлила, а **изъ меньшимъ отсталася**. Вотъ тутъ-то **меньшій сынъ** и **обѣднѣлъ**. А большаго все-таки жилъ по середнему положенію. То пришлось имъ встрѣчать Паску, богатаму и бѣдному Ну, у этого, у бѣднаго, нечѣмъ было къ Паскѣ разжиться на денную пищу. Тогда, хотъ и зналъ, што брать его скупой, но все-таки жену свою провадилъ попросить пудъ муки—испечь паску, праздникъ проводить. Ну, женѣ братъ отказалъ. То назавтрего поутру, на первый день **Паски**, **матеръ послала** самаго сына **попросить разговляться паски**. Братъ меньшій пришелъ къ большому брату, по посланію материнскому, попросить паски разговѣться и што-нибудь съ денной пищи. То онъ на брата сказалъ: «Чѣмъ мнѣ матери давать кормить ея, то **я со-гласенъ лучше змѣю накормить**, а ты, когда угодно, отставайся со мною обѣдать; вотъ Богу помолимся и станемъ разговляться». Братъ аму отвѣтилъ: «Это ужъ плохое разговлянье мнѣ съ тобою, когда матеръ послала да и будетъ дожидать. Лучше я пойду ужъ, што Богъ пошлетъ намъ разговѣться, къ матери разговляться. **Богъ съ тобою, што ты на матеръ сердился**. Не утерпѣть Господь—накажетъ насъ за матеръ съ тобою». Онъ отвѣтилъ ему: «Ну, ужъ ты мнѣ этимъ не

внушай; вѣдь она все забрала съ собою къ тебѣ, а менѣ-то съ чѣмъ отдѣлила?» Ну, пришелъ сынъ къ матери безъ ничего, и матеръ горько заплакала: «Ну, сынокъ мой, што Богъ послалъ, тѣмъ будемъ и разговляться». **А злой сынъ**, какъ брата провадилъ, такъ началъ Богу молиться. Тогда, помолѣвши Богу: «**Вѣги-ка хозяйка у чуланъ, бери паску**—время разговляться». Жена отворила чуланъ, посмотреть: **на паскѣ змѣя** обвинши лежитъ. Она, испугавши, ментально обратилася назадъ и говоритъ: «Хозяйнѣ, на нашей ить паскѣ змѣя обвинши лежитъ». «Да што ты—онъ грить—съ ума сходишь! Откудовы она взялась?» (А того, нечестивый сынъ, не змекнуть, што его хотѣтъ Господь наказать за матеръ). **Побѣжалъ самъ за паскою**, посмотреть: дѣйствительно такъ. Когда жена уходила, тогда змѣя тихо лежала обвинши; а когда мужъ вошелъ узвать паску, то змѣя ужъ сшевелилася и грозно засипѣла на его. Онъ тутъ усмотрѣлся, какую рочажину узвать и вспороть ее; ну, ужъ некогда было ему искать рочажину. **Змѣя** на хвостѣ уздыбалася и **на шею злому сыну обвинлася**—и давай тутъ она **зубами его жалить**. Но онъ ее и съ шеи долой рвалъ и што ни дѣлать, усе ему больно. Злой сынъ закричалъ нѣ въ голову: тутъ спугался, тутъ и больно. Ну, змѣя ужаливалася и сильнѣе, и сильнѣе у шею. Жена, это увидѣвши чудо, побѣжала на деревню, дала знать. **Собралась уся деревня** это чудо смотрѣть. Жена все рассказала по порядку: какъ раньше приходила невѣстка къ деверю просить муки—отказалъ, и какъ матеръ посылала своего сына ужъ на первый день Паски, попросить чего-нибудь разговѣться, но онъ сказалъ: «Чѣмъ мнѣ матеръ накормить, такъ ужъ мнѣ лучше змѣю накормить», вотъ за это, навѣрно, Господь и наказываетъ змѣю.—Ну, тогда и народъ также между собою толкуетъ, што вѣрно за это. **Присовѣтовали прѣснымъ молокомъ на шею изливать**—и она, змѣя, стала молоко это по **шеѣ лизать**. Ему легче стало, терпѣть можно стало. И поэтому народъ змекнулъ, што ее надо молокомъ поить, змѣю. Присовѣтовало попросить у матери прошенья. Ну, онъ у матери давай у ногахъ кататься, упрашивать, Ну, **матеръ**, какъ ни была обижена злымъ сыномъ, но, видѣвши эту страсть, она скоро **простила сыну**. Ну, а **Господь не прощшаетъ**: змѣя, какъ жалила, такъ и жалить. То онъ **пошелъ странничать**, Богу молиться и съ собой **носилъ всегда жушину** прѣснаго молока **змѣю кормить**. Какъ молока ногды не стегнетъ прѣснаго, то она его такъ жалить, што и невозможно терпѣть. Пробовалъ кислымъ угощать, кислаго не принимаетъ. То онъ, агдѣ такъ добывалъ бесплатно, агдѣ за деньги покупалъ, а все змѣю старался кормить: только тогда онъ и видитъ помощь, когда змѣя молокомъ напоена. Присовѣтовали люди ему у печку лѣзть париться, не бы ли отъ духу она не отстрианетъ отъ его. Ну, змѣя дѣйствительно, когда онъ у печку улѣзетъ, то она испадетъ изъ шеи у челебникъ, пока онъ попарится; потомъ.

какъ съ печи только вылазитъ, змѣя опять на шею обвивается. То на другіе рѣзы старики посоветовали ему у печкѣ увѣ одинъ конецъ влѣзть и, какъ она спадетъ съ шеи, — какъ париться начнетъ — и у челяснику ляжетъ, то отъ еѣ загородиться у печи, а у другомъ концѣ печи приготовить, проломать, чтобы было на готовности (думаютъ себѣ, какъ-нибудь утѣчь отъ змѣи). Такъ это и здѣлали: въ этотъ конецъ улѣзъ у печку, а задъ печки проломали. Но по ихъ думамъ не пришлось усѣ-таки: Господь далъ змѣи терпѣніе, што она и у духу не вредила. Ну, тогда **семь лѣтъ такъ онъ проходилъ, Богу молился.** Ну, когда его Господь молитву принялъ, онъ легъ спать — и проснулся, ужъ змѣи не было, **оттрудился за материну обиду.**

Такъ вотъ мать какъ важно огорчать и также и отца.

Какъ Богъ наказалъ сына, сказавшаго, что ему лучше змѣю кормить, чѣмъ мать.

Два сына — добрый и злой. Добрый пріютилъ мать. Обѣдѣли. На Пасху идетъ просить разговѣнья къ злему, а тотъ сказалъ, что ему лучше змѣю кормить, чѣмъ мать. Такъ и ушелъ. Послалъ богатый жену въ чуланъ за пасхой разговѣяться. А тамъ змѣя. Мужъ не вѣрить. Пошелъ самъ; змѣя обвилась ему вокругъ шеи. Пытается оторвать — не можетъ, змѣя жалитъ. Собрался народъ. Советуютъ молокомъ змѣю поить. Поить — стало легче. Просилъ прощенья у матери; простила, да не прощаетъ Богъ. Какъ ни старался хитростями отъ нея избавиться — не могъ. Черезъ семь лѣтъ Богъ избавилъ отъ змѣи.

Материалы по османскому фольклору.

Анекдоты.

Анекдотическая литература насчитываетъ за собой въ Турціи вѣковую давность. Уже въ «Месневи», — дидактико-образовательномъ произведеніи поэта Дже-ляля-эд-дина Руми (XIV-го вѣка) разсыяны анекдоты. Анекдоты мелькаютъ иногда въ «Разсказахъ сорока везировъ», сборникѣ разсказовъ, переведенномъ на османскій языкъ въ XV-мъ вѣкѣ Шейхъ-заде. Зарегистрированные въ письменныхъ памятникахъ, анекдоты тѣмъ не менѣе, — какъ бродячее международное наслѣдіе, — вольно жили и рано проникли въ обиходъ османской народной рѣчи. Только въ народномъ воображеніи анекдоты оформились: безвѣстные лица выросли въ опредѣленные типы или внесли линіи штрихи и черточки для характеристики народныхъ героев и шутовъ¹⁾. Такова была, напр., судьба Наср-эд-дина, народная біографія котораго обогатилась и обогащается за чужой счетъ; и не только, конечно, Наср-эд-дина, но и другихъ типовъ, — какъ напр., Инджили-чауша, придворнаго шута²⁾, покровителя «барковщины».

Анекдоты, обычная тема разговоровъ, веселое средство коротать время, живо воспринимались слушателями и давно заносились для памяти на бумагу. Отъ XVI-го вѣка сохранились спеціальныя записи анекдотовъ («Анекдоты» поэта Ламии, Де ли Берадеръ Газали и др.). Въ серединѣ XIX-го вѣка типографскій станокъ фиксировалъ анекдоты о ходжѣ Наср-эд-динѣ, какъ объ общемъ любимцѣ, — анекдоты, записывавшіеся, по крайней мѣрѣ, уже въ XVII-мъ вѣкѣ.

Однако, бѣльшая часть анекдотовъ, первоначальная форма которыхъ могла быть

1) Такъ, напр., анекдотъ изъ «40 везировъ» (Contestures en langue turque, M. Belletète Paris, 1812. p. 141) теперь прикрѣпленъ къ ходжѣ Наср-эд-дину.

2) Время его жизни приурочивается иногда къ XVII-му вѣку (эпоха султана Мурада IV), иногда къ XIX-му вѣку (эпоха султана Махмуда II).

точно знакома только ограниченному кругу или даже случайным читателям рукописей, — в народѣ видоизмѣнялась и вбирала въ себя новыя наслоенія.

Изданіе анекдотовъ, — правда, не столько съ историко-литературными или даже просто литературно-эстетическими цѣлями, сколько съ цѣлями коммерческими, началось въ Турціи лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Починъ въ собираніи анекдотовъ принадлежит, кажется, писателю-этнографу Мехмеду Тевфику Чайлаку (автору «Года въ Константинополѣ»). Онъ составилъ сборникъ анекдотовъ, — «Сопровищеніе шутливыхъ разсказовъ», заключающій въ себѣ 658 анекдотовъ. Значеніе сборника обезцѣнено тѣмъ, что собиратель не указываетъ своихъ источниковъ. Онъ сознаетъ, что въ сборникъ вкралось черезъ книгу много иностранныхъ анекдотовъ (въ нихъ сразу бросаются въ глаза иностранныя имена), но систематизировать анекдоты онъ предоставляетъ позднѣйшимъ собирателямъ. Также безпорядочно изданы: сборникъ анекдотовъ театральнаго цензора, М. Хильми, — «Забавныя исторіи» и другіе его сборники-листки (обрывавшіеся обыкновенно на первомъ или на второмъ листѣ), выходящій теперь выпусками сборникъ Ф. Решада, — «Полное собраніе анекдотовъ» и т. д. Разсмотрѣніе какъ этихъ сборниковъ, такъ и другихъ, быть можетъ, даже болѣе старыхъ, — разысканныхъ мною на книжномъ рынкѣ Константинополя, когда-нибудь послужитъ предметомъ особой замѣтки.

Такимъ образомъ, анекдотовъ издано въ Турціи много, но пользоваться ими нужно съ крайней осторожностью. Изученіе османскихъ анекдотовъ затрудняется теперь еще благодаря тому, что анекдоты изъ книгъ переходятъ въ народную среду, и пропадаетъ иногда эпическая свѣжесть и простота народнаго разсказа. Болѣе: въ устахъ профессиональных разсказчиковъ — «меддаховъ» совершается на нашихъ глазахъ некустарное возрожденіе или перерожденіе памятниковъ народнаго творчества. Въ разговорахъ и даже на сеансахъ «меддах» откровенно сознаются въ заимствованіяхъ сюжетовъ изъ книгъ и рукописныхъ тетрадей. Однако, въ изображеніи (правда, утрированномъ) національных типовъ (провинціального «турка» и инородцевъ) «меддах» воспроизводятъ общее народное представленіе о нихъ. Возможно, пожалуй, ограниченіе: возникновеніе или, во всякомъ случаѣ, завершеніе и отдѣлка народныхъ типовъ происходитъ у оторвавшихся отъ деревни османца; это *городскіе*, столичные жители подсмѣиваются надъ своими согражданами, которые теряются въ Константинополѣ въ шумной обстановкѣ и производятъ впечатлѣніе глупцовъ. Я сказалъ бы, что анекдоты о глупцахъ своего вилайета возникаютъ въ городѣ. Вообще, анекдоты о глупцахъ, несомнѣнно, продуктъ творчества горожанина. Въ народной литературѣ преимущественно выводятся глупцы изъ среды инородцевъ или провинціальныхъ жителей, съ которыми прежде всего городскому жителю приходится сталкиваться. Чаще всего (благодаря удобному сообщенію моремъ) въ Константинополѣ появляются кастамунійцы и лазы, которые и попадаютъ городскому османцу на зубокъ. Уже рѣчь

провинціала смѣнить горожанина, и даже въ Коніи, напр., на уклоненіяхъ кастамунійскаго діалекта отъ закона гармоніи гласныхъ строятся анекдоты¹⁾.

Въ Европѣ знакомство съ османскими анекдотами ограничено. Венгерскій ученый Игнатій Куношъ, издавшій такъ много матеріаловъ по османскому фольклору, повидимому, работалъ безъ опредѣленнаго плана и собралъ, главнымъ образомъ, сказки (волшебныя сказки); разсказы попали въ сборники Куноша случайно. Если я не ошибаюсь, Н. Н. Мартиновичъ первый опубликовалъ по-русски нѣсколько османскихъ анекдотовъ въ работѣ «Малоазійскія сказки, разсказы и анекдоты»²⁾; кое-какіе разсказы, впрочемъ, книжнаго происхожденія: такъ, разсказъ № 3, о встрѣчѣ Тимуръ-ленга съ персидскимъ поэтомъ Хафизомъ, развился изъ газели Хафиза.

Меня интересовали въ Турціи анекдоты о *глупцахъ*. — Этотъ интересъ былъ вызванъ цѣнной работой профессора Н. О. Сумцова «Розысканія въ области анекдотической литературы». — Какъ я высказывалъ уже въ рецензіи на трудъ Н. О. Сумцова³⁾, на русскихъ анекдотахъ отразилось вліяніе соотечественниковъ, и для правильнаго освѣщенія исторіи русскихъ анекдотовъ, въ которыхъ уже М. П. Драгомановъ указалъ отголоски анекдотовъ о Наср-эд-динѣ, османскіе анекдоты представляютъ большое значеніе.

Во время занятій своихъ и разговоровъ я наводилъ османцевъ на анекдоты о глупцахъ, и этимъ объясняется сравнительное обиліе анекдотовъ о глупцахъ въ моемъ собраніи. Публикуемыми здѣсь анекдотами еще не исчерпываются мои записи: многіе анекдоты нѣсколько фривольны по своему содержанію и, быть можетъ, войдутъ когда-нибудь въ *Криватади*.

Большая часть анекдотовъ записана въ Константинополѣ въ теченіе 1905 — 1907 годовъ. (Заголовки для анекдотовъ составлены мною).

I — отъ уроженца Рутахъ; II, VIII, X, XI, XII, XIII, XV, XVI, XVIII, XIX, XXI, XXIV, XXV, XXVI, XXVIII — отъ уроженца Кара-Хисара, Сивасскаго вилайета; III, IV, XVII, XXX, XXXI, XXXII, XXXIV, XXXIX, XL — отъ уроженца Измида; V, VI, XIV, XXII, XXIII, XXXVI — отъ уроженца Ляша, Ангорекаго вилайета; XXXIII — отъ лодочника уроженца Эрзерума; VII, IX, XX, XXVII, XXIX, XXXV, XXXVII, XXXVIII, XLI — записаны въ Коніи.

Какъ видно изъ этихъ обозначеній, отъ уроженца Кара-Хисара, Сивасскаго вилайета записано 15 нумеровъ. Я думаю, что нѣкоторые анекдоты онъ слышалъ отъ Исманла, уроженца Измида, съ которымъ жилъ въ одномъ медресе. Вращаясь въ

1) Кастамунійцы заявляли капитану, что ихъ только семеро («једі-јуз»), и когда капитанъ приготовилъ судно на сто человѣкъ («једі јуз»), они удивлялись.

2) Живая Старина. 1910. Вып. III, стр. 233 — 253.

3) Этнографическое Обозрѣніе. 1901 г., № 1, стр. 179 — 183.

среди духовенства, онъ усвоилъ и правотѣрные анекдоты о еретикахъ — бекташи. Нѣкоторые анекдоты (напр., XIX, XXVIII), по всей вѣроятности, широко распространены въ Сивасскомъ вилайетѣ; въ анекдотѣ XIX выведена глупость курдовъ, а въ анекдотѣ XXIX сказывается рознь между османцами и армянами.

Анекдоты, записанные со словъ Исмаила, уроженца Измида, отличаются наблюдательностью. Лѣнтивъ, онъ подмѣчалъ быстро слабыя струнки въ ближнемъ и клеймилъ безжалостно глупость и социальную несправедливость.

Въ анекдотахъ, записанныхъ отъ Нури, уроженца Аяша, проглядываетъ хозяйственность и домовитость. Недаромъ онъ и занялся въ Константинополѣ торговлей. Хотя онъ свыше 15 лѣтъ живетъ въ Константинополѣ, въ немъ чувствуется глубокое знаніе деревенской жизни.

Анекдотъ XXXIII записанъ отъ стараго лодочника, гдѣ-то состоявшаго въ штатѣ слугъ султана Абду-л-Азиза. Такимъ образомъ, не случайно, пожалуй, въ его устахъ отношеніе къ предрѣжающимъ властямъ.

Изъ анекдотовъ, записанныхъ въ Коніи, наиболѣе характерными являются XXXVII и XXXVIII; ихъ разсказалъ мнѣ щеточникъ Алій, не мало скитавшійся на своемъ вѣку.

I. Состязаніе въ глупости.

Шли однажды два дурака. Дорогой имъ повстрѣчался прохожій. Прохожій поклонился. Когда онъ отошелъ, дураки стали спорить, кому изъ нихъ онъ поклонился. Въ концѣ-концовъ за разрѣшеніемъ недоумѣнія они обратились къ нему; но прохожій отвѣтилъ: «я забывъ, ступайте, спросите у судьи!» Они такъ и сдѣлали. Выслушавъ ихъ, судья сказалъ: «кто изъ васъ глупѣе, тому прохожій и поклонился». Дураки снова заспорили; каждый доказывалъ судѣ, что онъ — дуракъ.

Одинъ такъ сказалъ. Однажды я закупилъ на базарѣ зелени и послалъ съ «хамаломъ» (носилишкомъ) домой, чтобы жена приготовила вкусное кушанье. Вечеромъ мнѣ нужно было идти домой; я притворился больнымъ и велѣлъ хамалу нести себя. Какъ только жена увидала меня на спинѣ хамала, она заволновалась. А я воспользовался минутой, когда она вышла изъ комнаты, и началъ ѣсть. Но не успѣлъ я положить «долму» въ ротъ, какъ вошла жена. Мнѣ не хотѣлось признаваться, и я сказалъ, что у меня распухла щека. Жена призвала доктора; разрѣзавъ щеку, онъ сталъ вынимать крупинку за крупинкой рисъ. Судья выслушалъ его и замѣтилъ: «да, ты — дуракъ! Прохожій тебѣ поклонился».

Товарищъ возразилъ: нѣтъ, я еще глупѣе его, и я докажу сейчасъ это! Былъ у насъ быкъ. Какъ-то онъ забрался въ домъ и перебилъ всю посуду. Вотъ мы и порѣшили съ женой молчать; кто первый заговоритъ, тотъ и долженъ выгнать быка изъ дому. Скоро однако жентъ надѣло сидѣть, и она ушла къ своему отцу. Пообѣдавъ

у отца, она попросила его снести мнѣ супъ. Когда тестъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, онъ увидалъ, что я прислонился къ стѣнѣ и молчу. Тестъ пробовалъ спрашивать, хочу я супу или нѣтъ, но не добившись отвѣта, онъ поставилъ супъ на полку и ушелъ. Услышали собаки запахъ ѣды; подойдя къ полкѣ, онѣ уронили миску съ супомъ мнѣ на голову и, облизывая лицо, разорвали мнѣ уши. Собакъ выгнали вонъ, а я все молчу. Тогда сосѣди рѣшили, что я умеръ, и понесли меня на кладбище. Процессія шла мимо дома моей жены. Увидала это изъ окна жена и закричала: «послушайте, что вы дѣлаете, вѣдь мужъ мой не умеръ!» Услышавъ голосъ жены, я приподнялся и сказалъ: «ты первая заговорила; значить, тебѣ и быка выгнать изъ дому».

Теперь у судьи не осталось сомнѣнія, что этотъ глупѣе своего товарища, и тяжба была разрѣшена въ его пользу¹⁾.

II. Глупость лазовъ.

Гуляя въ полѣ, лазы нашли арбузъ. Такъ какъ до того они никогда не видали арбуза, они стали думать, что бы это могло быть. Рѣшивъ, что это — птичье яйцо, они покатали арбузъ передъ собой. Дорогой арбузъ ударился о дерево, за которымъ сидѣлъ заяцъ. Отъ страха заяцъ побѣжалъ. Тогда лазы замѣтили: «ахъ, кабы мы знали, что тамъ заяцъ, мы сами разломали бы яйцо!»

III. Кастамунійцы и сапоги.

Однажды кастамунійцы нашли въ полѣ сапоги и, не зная ихъ назначенія, рѣшили, послѣ долгаго обсужденія, что это — футляръ для кирки.

IV. Какъ кастамуніецъ кораблемъ управлялъ.

Житель Кастамуни сѣлъ однажды на корабль и глядя, какъ капитанъ управлялъ рулемъ, сталъ за спиной продѣлывать такіе же движенія. Капитанъ рѣшилъ, что это — опытный морякъ, и сказалъ ему: «послушай, ты можешь управлять судномъ?» — Еще бы не могъ, отвѣчалъ кастамуніецъ. Капитанъ спокойно ушелъ въ каюту соснуть. Только капитанъ удалился, какъ кастамуніецъ посадилъ судно на мель. Тогда онъ сталъ стучаться въ каюту капитана, говоря: «вставай, вставай, озеру конецъ пришелъ, наше судно подымается на горы!»

V. Кастамуніецъ и кальянъ.

Одинъ житель Кастамуни пріѣхалъ въ Константинополь. Въ Сиркеджи²⁾ онъ увидалъ, какъ курятъ кальянъ. Въ изумленіи всплеснулъ онъ руками и сказалъ: «Боже, огонь у него наверху, а онъ внизу кипятить воду!»

1) Вторая часть анекдота разсказывается также о ходжѣ Наср-эд-динѣ, какъ образецъ его упрямства.

2) Кварталь города.

VI. Какъ глупой женщиной подмѣнили ребенка.

Глупой женщиной взбрело въ голову, что дѣхи подмѣнили ея ребенка. Она вышла въ поле и, отвернувъ лицо, сказала: «дѣхи, возьмите своего ребенка, а мнѣ дайте моего!» Услыхавъ это бездѣтный хитрецъ и, взявъ чернаго щенка, подсунулъ его женщины. Женщина веселая возвращается домой. Когда она увидала, что въ пеленкахъ лежитъ щенокъ, она сказала: «ахъ, вы дѣхи — нехристи, моего красиваго ребенка взяли, а мнѣ подложили пса!»¹⁾

VII. Шутка бабки надъ глупымъ мужемъ.

Ночью женщиной пришло время родить. Явилась бабка и велѣла мужу держать передъ ней свѣчку. Женщина должна была родить двойню. Когда родился одинъ ребенокъ, бабка обратилась къ мужу: «ну, держи еще свѣчу!» Родился другой ребенокъ. Мужъ былъ огорченъ. Тогда бабка, желая надъ нимъ подшутить, велѣла ему еще подержать свѣчу. Мужъ разсердился, бросилъ свѣчу на полъ и сказалъ: «довольно съ меня и этихъ, они тамъ видятъ свѣтъ и лѣзутъ наружу!»

VIII. Глупый эрзингянецъ и лягушка.

Шли четверо османцевъ изъ Эрзингяна. Одинъ изъ нихъ взял на закуску кусокъ мяса безъ костей и сунулъ его въ хлѣбъ. Дорогой мясо упало. Османецъ нащупалъ на землѣ лягушку и думая, что это — мясо, положилъ ее между хлѣбомъ. Проголодавшись, онъ взялъ хлѣбъ въ ротъ и откусилъ лягушкѣ ногу. Лягушка закричала, а эрзингянецъ сказалъ: «ну, за мясо я заплатилъ деньги, и какіе бы звуки оттуда ни шли, я съѣмъ!»

IX. Котелъ дороже судьи.

Однажды въ деревню «Ботса» (Конійскаго вилайета) пріѣхалъ «кады» (судья) и увидавъ въ скалѣ пропасть, осведомился объ этомъ у жителей. Тѣ рассказали, что тамъ скрыты сокровища. У судьи разгорѣлись глаза и, привязавъ къ котлу веревку, онъ съѣлъ въ котелъ и велѣлъ спускаться въ пропасть. «Молитесь Богу, — сказалъ судья, — если въ пропасти окажутся деньги, я сошью всемъ вамъ брюки!» Только онъ выговорилъ это, какъ жители «Ботса», забывъ о судѣ, воздѣли руки къ небу. Судья расхибся до смерти. Но жители жалѣли не столько судью, сколько котелъ.

1) Анекдотъ представляетъ насмѣшку надъ народнымъ повѣрьемъ. Объ этомъ см. номеръ 22-ой въ моей замѣткѣ «Рожденіе ребенка и его воспитаніе». Этнографическое Обозрѣніе, 1910. № 3—4 (кн. 86—87).

X. Какъ лазы соль посяли.

Два лаза купили на базарѣ соли и, чтобы избѣгнуть напрасныхъ тратъ, рѣшили соль посять. Черезъ нѣсколько дней они пошли на поле и увидали, что соль блеститъ на солнцѣ. Они обрадовались, думая, что это соль растетъ. На поле слетѣлись мошки. Лазы перепугались, что мошки поѣдятъ всю соль, и взяли ружья. Одинъ изъ лазовъ сказалъ: «я буду указывать тебѣ мухъ, а ты стрѣлай!» Въ это время муха съѣла ему на лобъ, и онъ закричалъ товарищу: «муха у меня на лбу, стрѣлай!» Тотъ выстрѣлилъ и убилъ его наповалъ.

XI. Какъ лазы сдѣлали быка святымъ.

Однажды жена старосты — лаза уронила въ напусту Коранъ и не замѣтила, какъ священная книга была съѣдена быкомъ. Только дома спохватилась она, что надѣлала, и объявила мужу, что быкъ съѣлъ Коранъ и сталъ ходжей. Послеъ этого, — подумали супруги, — не подобаетъ уже держать быка въ хлѣву, а пужно оповѣстить о случаѣ односельчанъ. Собрались мужики и торжественно повели быка въ баню. Они надѣли ему на голову бѣлую повязку и, выстроивъ мечеть изъ сыру, поселили тамъ быка. Быкъ съѣлъ стѣну мечети, и она обвалилась. Случайно ночью пошелъ сильный дождь. Мечеть рухнула и растаяла, а быкъ, обожравшись сыромъ, издохъ. Когда утромъ подошли къ мѣсту, гдѣ стояла мечеть, мужики шкого тамъ не нашли и рѣшили, что молитва быка была такъ угодна Богу, что Онъ взялъ его на небо вмѣстѣ съ мечетью.

XII. Неопытные мореходы.

У моря расположилась ночевать толпа. Утромъ проснувшись, они увидали туманъ и приняли его за воду. Они задумали построить лодку и пустить ее въ море съ горы; но только они съѣли на вершинѣ горы въ лодку, какъ лодка покатила вънизъ, и они убились до смерти.

XIII. Невѣжественные экзаменаторы.

Чтобы испытать, который изъ двухъ кандидатовъ въ «ходжи» достойнѣе, — мужики предложили обоимъ написать быка. Одинъ изъ нихъ написалъ слово «быкъ», а другой, будучи неграмотенъ, нарисовалъ изображеніе быка. Тогда староста взял въ руки оба листа и, показывая ихъ мужикамъ, спросилъ: «ну, скажите сами, кто вѣрнѣе написалъ быка?» И безграмотный ходжа попалъ въ деревенскіе имамы.

XIV. Небылицы.

У одного человѣка, по имени Дели-Ахмедъ, были пчелы. Онъ все время проводилъ за счетомъ пчелъ; разъ онъ увидалъ, что у него пропало двѣ пчелы, и онъ

пошелъ ихъ искать. Ему сказали, что пчелы его находятся въ деревнѣ «Команларъ» въ домѣ Хюсейна. Взявъ въ руки посохъ, Дели-Ахмедъ пошелъ въ указанную деревню. Жена Хюсейна направила его въ поле. Когда Дели-Ахмедъ подошелъ къ полю, онъ увидалъ, что Хюсейнъ запрягъ двухъ пчелъ и пашетъ поле. Онъ забралъ своихъ пчелъ и вернулся къ себѣ въ деревню. Тамъ онъ собралъ старцевъ и сталъ спрашивать, какъ избавить пчелъ отъ ранъ, образовавшихся у нихъ на шеѣ отъ яра. Тѣ посоветовали ему помазать имъ шею орѣховымъ масломъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Отъ втираній на шеѣ у нихъ выросли орѣховыя деревья. Поспѣли орѣхи, и Дели-Ахмедъ сталъ палкой сбивать орѣхи. На верхушкѣ дерева остался все-таки одинъ орѣхъ. Дели-Ахмедъ нагнулся, поднялъ комокъ земли и бросилъ въ орѣхъ. Образовалась большая равнина; Дели-Ахмедъ засѣялъ ее. Въ это время кто-то сообщилъ ему, что въ поле къ нему повадился ходить кабанъ. Дели-Ахмедъ взялъ серпъ и пошелъ. Подкравшись тихонько къ кабану, онъ бросилъ въ него серпъ. Серпъ вошелъ кабану въ ногу. Дели-Ахмедъ перепугался и убѣжалъ, а серпъ скошилъ все поле. . . .

XV. Глупость выручила.

Было два брата: одинъ — умный, другой — дуракъ. Они украли деньги и спрятали ихъ въ домѣ. Дуракъ пошелъ и сказалъ объ этомъ въ полицію. Тогда полицейскій, для облегченія ночью розысковъ дома, сдѣлалъ на немъ помѣтку. Увидалъ это умный братъ и быстро вымазалъ краской все дома въ кварталѣ. Такъ полиція долго и не могла найти ночью дома; но дуракъ выскочилъ и зазвалъ ее къ себѣ домой. Умнаго арестовали и повели на судъ. Уходя, онъ и говорить дураку: «ты смотри, сторожи дверь!» Когда умный предсталъ передъ судьей, онъ доказывалъ, что братъ его, отъ природы придурковатый, ошибся: деньги тѣ достались имъ послѣ родителей. Между тѣмъ дураку надоѣло стоять у дверей, а послушаться брата онъ не хотѣлъ; вотъ онъ сорвалъ дверь съ петель и явился въ судъ. Все присутствующіе разсмѣялись, убѣдившись въ его глупости.

XVI. Кастамуніецъ, капитанъ и вѣтеръ.

Кастамуніецъ сѣлъ на корабль и поѣхалъ въ Константинополь; дулъ попутный вѣтеръ, и судно быстро несло по морю. Дорогой подошелъ къ кастамунійцу капитанъ и сталъ требовать плату за проѣздъ. Кастамуніецъ разсердился и сказалъ: «что, ты сума сошелъ; вѣдь ты меня не на своей спинѣ несешь!»

XVII. Оригинальная месть слуги.

Слуга разсердился за что-то на своего господина и утромъ на голодный желудокъ ушелъ пасти его овецъ. На разпросы онъ отвѣчалъ, что хочетъ проучить своего господина, и не только не будетъ ѣсть, но и не возьметъ отъ него жалованія.

XVIII. Лазъ забылъ, кто онъ.

Чтобы не потеряться въ толпѣ, лазъ носилъ на шеѣ ожерелье изъ костей. Разъ братъ укралъ у него кости и надѣлъ на себя. Тогда лазъ, указывая на него пальцемъ, сказалъ: «вотъ идетъ «я», но я-то тогда кто?»¹⁾

XIX. Курды хотятъ посѣять „булгуръ“.

Курдамъ надоѣло чистить и кипятить ишеницу для приготовления «булгура», и они однажды вздумали посѣять «булгуръ». Чтобы никто не укралъ ничего, они долго оберегали посѣвъ; такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ; но видя, что «булгуръ» не растетъ, они отправились посоветоваться съ кадыемъ. Однако, кады прогналъ глупцовъ.

XX. Разъ вьалъ деньги, долженъ вытащить и другіе зубы.

У одного человека болѣли зубы. Онъ пошелъ къ цирюльнику, и тотъ вытащилъ ему за сорокъ паръ (пара = 8 копеекъ) зубъ. Когда онъ разсказалъ объ этомъ женѣ, та разсердилась, какъ онъ могъ дать столько денегъ за одинъ зубъ. «Ступай, — сказала она, — вели, по крайней мѣрѣ, вытащить и другіе зубы!» Мужъ сдуру вьалъ ей советъ и остался безъ зубовъ.

XXI. Брезгливая барыня.

Служанка чистила зубы щеточкой барыни. Барыня это увидала и стала ей говаривать. «Ну, вотъ, — возразила служанка, — чего тутъ беспокоиться: вѣдь я же не брезгаю твоей щеткой!»

XXII. Путешествіе хромого, плѣшиваго, слѣплаго и паршиваго.

Шелъ дорогой хромымъ. Ему повстрѣчался плѣшивый и попросился въ товарищи. Хромымъ согласился подъ условіемъ, чтобы тотъ не царапалъ себѣ руками головы. Немного дальше они увидали слѣплого; слѣпой также увязалъ за ними. Они приняли его, но обязали его не утирать глазъ. Еще дальше попался имъ навстрѣчу паршивый и онъ вошелъ въ компанію послѣ того, какъ согласился не чесаться. Такъ вчетверомъ они шли. Скоро, однако, у слѣплого зачесался глазъ, и онъ сталъ думать, какъ бы ему незамѣтно отъ товарищей провести рукой по глазу. Онъ рѣшилъ разсказать имъ исторію. Было у меня, сказалъ слѣпой, двухствольное ружье. Однажды я пошелъ на охоту, смотрю, — вдали лиса. Я спрятался за дерево и, взявъ ружье, прицѣпился

1) Это — арабскій анекдотъ, который въ османской литературѣ нерѣдко разсказывается о Наср-эд-динѣ.

вотъ такъ. Съ этими словами слѣпкой провелъ рукой по глазу. — Тогда плѣшивый сказалъ: и со мною было приключеніе. Какъ-то разъ я попалъ въ Константинополь, а на головѣ у меня не было фески. Надо мною сжалились и дали мнѣ феску. Я надѣлъ феску, но она была мала. Тогда я взялъ феску обѣими руками и началъ ее вращать на головѣ во все стороны. Такъ говоря, плѣшивый чесалъ себѣ голову. Теперь пришелъ чередъ паршиваго. Я тоже, — расказалъ плѣшивый, — поѣхалъ какъ-то въ Константинополь. Былъ я весь въ лохмотьяхъ. Дали мнѣ пальто, оно было для меня узко, и я долженъ былъ руками напирать его на себя. Хромой слушалъ-слушалъ ихъ, и, показывая видъ, что ему надоѣла болтовня, вытянулъ ногу, которая давно уже у него затекла, и сказалъ: «братцы, если все то, что вы говорите, вздоръ, — такъ я васъ ногой!»....

XXIII. Куриный воръ самъ себя наказалъ.

Нѣкто славился умѣньемъ воровать куръ. Онъ ночью забираясь въ домъ и, взявъ въ руку песокъ или что-либо подобное, бросалъ въ разныя стороны. Когда песокъ попадалъ въ мѣсто, огороженное для куръ, куры поднимали крикъ, и воръ преспокойно шелъ на крикъ. Разъ онъ зашелъ въ чужую деревню. По обыкновенію, воръ тихонько провелъ рукой по землѣ, рука коснулась чего-то мягкаго; онъ поднесъ руку ко рту и почувствовалъ, что это — собачій калъ. Разсердившись, воръ трянулъ рукой, но рука ударила о стѣну. Отъ сильной боли воръ сунулъ палецъ въ ротъ и облизалъ такимъ образомъ калъ. Съ тѣхъ поръ онъ закался воровать куръ.

XXIV. Молитва бекташи.

Въ мечети молились суннитъ и бекташи. Суннитъ воздѣлъ руки къ небу и сказалъ: «Боже, даруй мнѣ вѣру!» Бекташи же говорили: «Боже, пошли мнѣ красавца-юношу, лѣтъ 16 — 17», и онъ во всеуслышаніе сталъ описывать, что онъ хочетъ. Когда они вышли изъ мечети, суннитъ схватилъ бекташи и кричалъ: «ахъ ты, такой-сякой, такъ-то молятся въ мечети? Въ мечеть люди ходятъ молиться, а ты вздумалъ просить у Бога мальчика». — Чудакъ, — замѣтилъ бекташи, — у тебя нѣтъ вѣры, вотъ ты и просишь у Бога вѣры; а я — человѣкъ вѣрующій; всякій проситъ у Бога, что ему нужно». Собралась толпа, и съ криками: «бекташи сталъ глупомъ», набросилась на него и убила.

XXV. Сейчасъ у Бога нѣтъ ни копейки.

Однажды бекташи для религіознаго очищенія долженъ былъ вымыться. Онъ вошелъ въ баню, но у него не было денегъ, и онъ сталъ думать, какъ бы ему улизнуть изъ бани. Онъ воззвалъ къ Богу: «Боже, или даруй мнѣ деньги, или пошли

землетрясеніе, и тогда я подѣ шумокъ выйду». Вдругъ земля заколебалась, и баня разрушилась. Бекташи безъ всякихъ затрудненій вышелъ. Дорогой онъ увидалъ, что одинъ человѣкъ молится Богу: «Боже, пошли мнѣ деньги!» Бекташи не вытерпѣлъ и остановившись передъ нимъ, сказалъ: «дуракъ, чего напрасно молишься! Сейчасъ у Бога ни копейки нѣтъ! Онъ не могъ ислослать мнѣ даже двухъ піастровъ и разрушилъ баню, которая стоитъ тысячу піастровъ».

XXVI. Хызръ не угодилъ.

Одинъ бѣднякъ молился все о томъ, чтобы ему увидеть Хызра. Однажды, когда онъ копалъ ровъ, къ нему подошелъ Хызръ и привѣтствовалъ его: «я — Хызръ, проси у меня, чего хочешь!» Но бѣднякъ, смущенный невзрачнымъ видомъ Хызра, рѣшилъ, что тотъ шутитъ, и сталъ гнать его, говоря: «ну, какой ты Хызръ!» Однако, Хызръ не отставалъ. Тогда бѣднякъ замѣтилъ: «ну, коли ты — Хызръ, обрати желѣзную лопату, что у меня въ рукахъ, въ дерево!» И только онъ это сказалъ, такъ и случилось. Вернувшись вечеромъ домой, бѣднякъ поднялъ шумъ и ругаясь, говорилъ: «вотъ все болтають: Хызръ, Хызръ, а изъ-за него пропала у меня лопата!»

XXVII. Птица и сторожъ христіанской церкви.

Въ церкви влетѣла птица и начала пить изъ церковной чаши, гдѣ было причастіе. Потомъ птица поднялась надъ крестомъ и изгадила его. Церковный сторожъ, сперва радовавшійся, что птица — христіанская тварь и пила изъ чаши, теперь разсердился и сказалъ: «если ты мусульманская птица, такъ зачѣмъ ты причащаешься, а если ты — христіанская птица, зачѣмъ ты изгадила крестъ?»

XXIII. Армянскій священникъ и османскій старикъ о раѣ.

Однажды армянскій священникъ говорилъ съ церковной каведры: «все армяне попадутъ въ рай; имъ дадутъ красивыхъ дѣвъ и будутъ они сидѣть у себя во дворцахъ и кіоскахъ; около нихъ будетъ стоять сорокъ слугъ», и т. д. и т. д. Во время проповѣди къ священнику протискался старикъ и спросилъ: «а что, отецъ, стало-быть османцы не попадутъ въ рай?» — Нѣтъ, отвѣчалъ священникъ, никоимъ образомъ; впрочемъ, благочестивые османцы, отъ которыхъ армяне не видали зла, будутъ смотрѣть въ рай черезъ окошечко; но, увидя въ раю армянъ, уйдутъ назадъ и скажутъ: «вотъ, если бы мы были армяне, и мы бы сидѣли въ раю!» — «Ну, коли такъ, замѣтилъ старикъ, дѣло плохо, они — нахалы: они влѣзутъ въ рай и черезъ окно!»

XXIX. Какъ исполнилось предсказаніе ходжи.

Одинъ ходжа говорилъ въ мечети Ая-Софья, что если кто въ теченіе сорока дней будетъ совершать здѣсь молитву, Богъ наградитъ его. Услышавъ объ этомъ бѣднякъ и ревностно сталъ исполнять наказъ проповѣдника. На сороковой день, идя вечеромъ въ мечеть, онъ столкнулся на улицѣ съ греческимъ священникомъ и впопыхахъ надѣлъ себѣ на голову скуфью. Когда онъ вошелъ въ мечеть, мусульмане приняли его за новообращеннаго, который не успѣлъ еще замѣнить скуфью феской, и собрали для него деньги¹⁾.

XXX. Практичный албанецъ.

У одного албанца спросили, не хочетъ ли онъ идти въ адъ. «А какое тамъ жалованье?» только и замѣтилъ безработный албанецъ.

XXXI. Наказанный посѣтитель бани.

Нѣкто, являясь въ баню, подымалъ обыкновенно шумъ и кричалъ банщикамъ: «вы украли мой узелокъ съ платьемъ; въ карманѣ у меня было столько-то денегъ», и т. д. Банщикамъ это надоѣло. Однажды онъ снова пошелъ въ баню; банщикъ, зная его характеръ, отказался было впустить его, но посѣтитель поклялся, что не будетъ предъявлять никакихъ претензій. Въ то время какъ онъ мылся, банщикъ велѣлъ спрятать его одежду, оставивъ въ узлѣ поясъ да ножъ. Гость вымылся и, ни слова не говоря, сталъ одѣваться. Подпоясавъ чресла поясомъ и заткнувъ за поясъ ножъ, онъ подошелъ къ банщику и сказалъ: «и, конечно, клялся, и ничего не могу возразить; но посуди самъ, вѣдь не въ такомъ же нарядѣ пришелъ я въ баню!»

XXXII. Сынъ наказалъ любовника матери.

Одна женщина жила съ музззиномъ. Объ этомъ какъ-то узналъ сынъ ея и рассказалъ отцу, который, успокаивая ребенка, заявилъ: «ну, Богъ его накажетъ!» Однако, визиты музззина не прекращались. Тогда мальчикъ, разсердившись, разсыпалъ на лѣстницѣ минарета зерна. Когда музззинъ, прочтя азанъ, спускался внизъ, онъ поскользнулся и расшибся до смерти. «Вотъ видишь, сказалъ отецъ мальчику, не говорилъ ли я тебѣ, что Богъ его накажетъ!» — «Ну, возразилъ мальчикъ, когда бы еще Богъ его наказалъ, я не знаю, а вотъ не рассыпъ я зеренъ на лѣстницѣ, онъ еще жилъ бы!»

1) Въ анекдотѣ слышны отголоски повѣрья о силѣ молитвы въ мечетяхъ: Ая-Софья (въ Константинополѣ) и Улу-Джами (въ Брусѣ).

XXXIII. Находчивый проситель.

Нѣкто ежедневно являлся къ «вали» и все просилъ назначить его на какую-нибудь должность. Вали всякій разъ обнадеживалъ его. Однако, обѣщанія не исполнялись, и проситель дошелъ до того, что, проживаясь въ чужомъ городѣ, распродалъ все, что у него было. Вскорѣ губернаторъ былъ смѣненъ. Проситель отправился къ новому губернатору; но только онъ занюхалъ о должности, губернаторъ выругался и выгналъ его вонъ. Черезъ нѣсколько часовъ проситель смиренно подходитъ къ губернатору и, пѣлая полы его платья, говорить: «я возносилъ молитвы о вашемъ здравіи: прежній губернаторъ все кормилъ меня «завтраками» и ввелъ меня въ расходы; а вотъ вы такъ прямо заявили мнѣ, что мнѣ не на что надѣяться!» Вали поправилась рѣчь просителя, и онъ назначилъ его «мутесаррифомъ» (исправникомъ).

XXXIV. Канцелярское затрудненіе.

Нѣкто былъ назначенъ судьей въ Яффу. Онъ отправился въ министерство полиціи и предъявляя чиновнику паспортъ, просилъ сдѣлать отмѣтку, что онъ ѣдетъ въ Яффу¹⁾. Невѣжественный чиновникъ, попавшій на мѣсто только благодаря протекціи, затруднился, какъ писать слово «Яффа», и обратившись къ судѣ, сказалъ: «а что, можетъ, ты поѣхалъ бы куда-нибудь въ другой городъ!».

XXXV. Изворотливый юрюкъ.

Однажды къ юрюкамъ пришелъ сборщикъ податей. Отъ страха одинъ юрюкъ забрался въ хлѣвъ и спрятался подъ осломъ. Сборщикъ податей увидалъ его и спросилъ: а ты кто такой? «Я рожденъ отъ этого осла», отвѣтилъ юрюкъ. — Да развѣ у самцовъ бываютъ дѣти, возразилъ сборщикъ податей. — Не бываетъ, это правда; только вотъ мать моя умерла, и я сиротливо сижу около отца²⁾.

XXXVI. Чѣмъ питался Адамъ въ раю.

Албанецъ вошелъ въ компанію съ уроженцемъ Малой Азіи. Разъ они заспорили о томъ, кабачками или сельдереемъ питался Адамъ въ раю. Для этого они обратились къ хожѣ, и каждый изъ нихъ грозилъ убить его, если отвѣтъ будетъ неудаченъ. Какъ ни отговаривался ходжа, убѣждая ихъ, что онъ собственно не ходжа, а такъ только повязалъ себѣ голову бѣлымъ платкомъ, они отъ него не отставали. Послѣ долгихъ раздумій ходжа сказалъ: «когда Адамъ выходилъ изъ раю, за поясомъ у него торчалъ сельдерей, а въ рукѣ держалъ онъ кабачекъ, стало-быть, то и другое — райская пища». Спорщики были восхищены отвѣтомъ ходжи и наградили его деньгами.

1) Таковъ былъ порядокъ въ до-конституціонной Турціи.

2) *Вариантъ*, записанный въ Нигде (Конійскаго вилайета): въ хлѣву спасается отъ янычаръ христіанинъ.

XXXVII. Судья — родственник собаки.

Собака дала пастуху на хранение стадо овец. Скоро собака умерла, и пастух задумался, кому принадлежать теперь овцы. Чтобы разрешить свои сомнения, он пошел к судье и рассказал ему все. Услышав, что овцы отходят к судье, как ближайшему родственнику собаки, пастух уже повернулся, чтобы сходить домой и привести овец; но дойдя до дверей, он задает судье вопрос, откуда он родом. — Я родом из Адама, — сказал судья. — Ну, а моя собака, возразил пастух, была родом из Гёдене; как же ты приходишься ей еродни?

XXXVIII. Судья обернулся собакой.

Пастуху приснился волк. Волк хотел уже растерзать его, как вдруг, откуда ни возьмись, судья; он обернулся собакой и громко лая, прогнать волка. Утром пастух взял овцу и отправился к судье благодарить его. Судья сперва изумился, но узнав, в чем дело, от радости заржал. Тогда пастух заметил: «ну, вот и ночью ты так же рычал!»

XXXIX. Лиса курь стережетъ.

У лисы спросили, не может ли она пасти курь. — Э-хъ, больна я, заметила лиса; ну да ужь ладно, для тебя так и быть возьмусь!

XI. Лиса, волкъ и мулъ.

Однажды лиса подружилась с волком. В горах они встретили мула и хотели уже его растерзать. Мул сказал: «я тощий; слушайте: я назначен правителем и могу вам прислать жирных мулов». Волк вопросительно взглянул на лису и прибавил: «и ты, мы его съдимъ: почему намъ знать, правду онъ говорит или нетъ». Тогда мул сказал: «если вы грамотны, такъ читайте, что написано у меня на коньтѣ». Только волк подошелъ къ мулу, чтобы прочесть фирманъ, мул лягнул его такъ, что волк испустил духъ. Лиса забѣжала къ мулу вперед и заметила: «вотъ, хорошо, что отецъ меня не научилъ грамотѣ!»¹⁾

XLI. Лиса и волкъ въ виноградникѣ.

Въ виноградникъ забрались лиса и волкъ. Они условились ѣсть виноград до тѣхъ поръ, пока ягоды не «полѣзутъ уже у нихъ изъ носа». Поцниавъ виноградъ, лиса сунула себѣ въ поздри по ягоде и пошла къ волку. Волкъ, желая сравниться съ лисой, съ жадностью все пожиралъ виноградъ. Онъ такъ отяжелѣлъ, что хозяинъ виноградника безъ труда избилъ его до смерти. А лиса пздала подемывалась надъ волкомъ.

Вл. Гордлевскій.

1) Намекъ на этотъ анекдотъ-басню сохраняется въ пословицѣ «тоздан, думандан фермаи окумаз»; мои «Образцы османскаго народнаго творчества». Москва. 1911 (печатаются), стр. 24, примѣчаніе первое.

Критика и библиографія.

1. Болгарскія «пѣснопойки». Ат. Вас. Върбански. Болгарска пѣснопойка. Пѣснитѣ на бердянекитѣ българи. Погайскъ, 1910. 4 + 735 + 3 + XXI. Ц. 1. 25 к.

Болгарская «пѣснопойка» — это, прежде всего, сборникъ стихотвореній разнаго содержанія — лирическихъ, эпическихъ, сатирическихъ, искусственныхъ и народныхъ; это въ своемъ родѣ небольшая по объему хрестоматія текстовъ пѣсней для итнія на извѣстные читателямъ мотивы, въ виду чего при нѣкоторыхъ текстахъ иногда стоитъ и указаніе, что данная пѣсня поется на мотивъ такой то пѣсни. По свидѣтельству такого глубокаго знатока болгарской литературы, какъ Пенчо Славейковъ, пѣснопойки въ Болгаріи, со времени появленія въ свѣтъ въ 1852 г. первой пѣснопойки, составленной его отцомъ Петко Р. Славейковымъ, и вплоть до сербской войны были единственнымъ пѣсеннымъ матеріаломъ въ рукахъ болгарскаго читателя и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболее популярною книгою художественнаго чтенія, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ и безчисленное количество изданій пѣснопоекъ, не прекращающихся и въ настоящее время и продолжающихся, повидимому, играть въ народной средѣ ту же роль, какую онѣ играли до зарожденія болгарской художественной литературы, обслуживая собою литературные запросы читателей. Съ этой точки зрѣнія исторія болгарской «пѣснопойки» не лишена нѣкотораго интереса; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой же «пѣснопоикѣ» можно видѣть отчасти и прототипъ появившихся въ Болгаріи нѣсколько позднѣе сборниковъ произведеній уже чисто народнаго творчества, исторія которыхъ мнѣ представляется неразрывно связанной именно съ «пѣснопоиками», явившимися у болгаръ и готовымъ образцомъ и своего рода побудителемъ къ собиранію и записыванію произведеній чисто народнаго творчества. Исторія болгарской «пѣснопойки», начиная съ пѣснопойки Славейкова и кончая пѣснопоикой Варбанскаго, представляетъ собою постепенное проникновеніе въ сборникъ исключительно искусственной поэзіи, какимъ явилась въ болгарской литературѣ въ 1852 г. первая «пѣснопойка» Славейкова, чисто народнаго элемента, вплоть до полнаго вытѣсненія этимъ послѣднимъ элементомъ искусственнаго, какимъ является послѣдняя по времени «пѣснопойка» Варбанскаго.

Въ 1852 г. Петко Славейковъ приступилъ къ изданію въ г. Бухарестѣ болгарскаго журнала: «Смѣсна китка — или годишно періодическо еписаніе», задуманнаго по широкой программѣ и рассчитаннаго на удовлетвореніе самыхъ разнообразныхъ научныхъ и литературныхъ интересовъ читателей; въ него вошли статьи религиозно-правовыя, характера, статьи по исторіи, географіи и другимъ научнымъ

отдѣламъ, по практической медицинѣ, сказки, рассказы, стихи. Журналъ, однако, не пошелъ, но зато изданная тѣмъ же авторомъ одновременно съ журналомъ — Пѣснопойка или различныя пѣсни, сатиры и гатанки на Българскій языкъ за увеселеніе на млади-тъ, вопреки ожиданіямъ автора, быстро разошлась полнымъ изданіемъ и совершенно затерла его журналъ, который долженъ былъ прекратить свое существованіе. 60 лѣтъ тому назадъ небольшой сборникъ стихотвореній оказался болѣе удовлетворяющимъ потребности болгарскаго читателя, чѣмъ научно-литературный журналъ съ разнообразнымъ содержаніемъ. «Пѣснопойка» Славейкова открывается гимномъ въ честь султана:

Българіе, Българіе!

Весели са, пѣсень пой. . . и т. д.

Затѣмъ слѣдуютъ лирическія пѣсни, переводы и передѣлки съ греч., турецк. и одна — съ русск. — всѣ самого же автора «Пѣснопойки» за исключеніемъ одного перевода съ греч. Т. Н. Шишкова¹⁾. Кромѣ пѣсень, Славейковъ ввелъ въ свой сборникъ нѣсколько загадокъ (стр. 92 — гатанки). Спусти пять лѣтъ, въ 1857 г. тотъ же Петко Славейковъ передѣлываетъ, расширяетъ и дополняетъ новымъ матеріаломъ свою пѣснопойку и издаетъ ее въ новой редакціи подъ заглавіемъ: Нова пѣснопойка. Избрана отъ вѣта та и отъ веселушката съ приложеніе на много еще други нови пѣсни и стари. И отъ по употребителни тѣ турски пѣсни. Цариградъ. Планъ и характеръ пѣснопойки остался тотъ же. Съ 1858 г. тамъ же въ Цариградѣ начинается выходить журналъ Д. Мутѣева: Български Книжници. Повременно списаніе на българска та книжница, гдѣ съ перваго же номера, быть можетъ, въ связи съ появившимся уже къ этому времени въ Россіи сборниками Безсонова (1855) и Славейкова — въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ (1855), печатаются народныя пѣсни и другія произведенія народнаго творчества, чего, однако, еще не рѣшился допустить въ программу своего изданія предыдущій журналъ Славейкова, равно какъ и оба его предшественника, журналы Любословіе (Смърна, 1844) и Мірозрѣніе (Віена, 1850)²⁾. Въ томъ же 1858 году въ Българѣ выходит новая пѣснопойка М. А. Софіянцева подъ заглавіемъ: Разна любовна пѣснопѣвка. Эта пѣснопойка представляетъ собою сборникъ переводовъ и передѣлокъ разныхъ авторовъ съ греческ., сербск. и русск. языковъ и отличается она отъ пѣснопойки Славейкова своимъ хрестоматическимъ характеромъ — съ одной стороны, такъ какъ содержитъ произведенія разныхъ авторовъ, введеніемъ записей народныхъ пѣсень (см. стр. 59, 76, 84, 86, 87) — съ другой. Въ слѣдующемъ году въ Одессѣ появляется знаменитый «Показалець» Г. С. Раковскаго (1859), а въ 1860 г.

1) Этимъ указаніемъ я обязанъ Пенчо Славейкову.

2) Любословіе, впрочемъ, помѣстило нѣсколько пословицъ. См. II, стр. 142, 146.

въ Българѣ Стефанъ Верковичъ печатаетъ первую книгу своихъ: Народне нѣсме Македонски бугара. Между тѣмъ, изданіе пѣснопоекъ не прекращается; не прекращается оно и дальше наряду съ появленіемъ такихъ изданій, какъ «Българска старина» Г. С. Раковскаго (Бухарестъ, 1865) съ обширнымъ этнографическимъ и народно-пѣсеннымъ матеріаломъ или «Обштъ Трудъ» Икономова (Болградъ, 1868) или «Читалище» Балабанова (Цариградъ, 1870) и т. д. Простота содержанія, доступность его широкому кругу читателей, юношескій романтизмъ, сказавшійся въ преобладаніи любовныхъ мотивовъ и такъ удачно отвѣчавшій предреволюціонному настроенію болгарскаго читателя, наконецъ, національно-патріотическія мотивы, искусно замаскированные гимномъ въ честь султана, все это дѣлало пѣснопойки Славейкова и его ближайшихъ подражателей любимѣйшею книгою для чтенія, которая тѣмъ самымъ поддерживала и воспитывала литературные вкусы болгарскихъ читателей, подготавливая ихъ къ національной художественной литературѣ. Вотъ почему, между прочимъ, въ 1864 г. Славейковъ еще разъ повторяетъ изданіе своей пѣснопойки, удерживая прежній ея характеръ и дополняя изданіе новымъ матеріаломъ, подъ заглавіемъ: Славейче (Цариградъ, 1864, 16°, стр. 128). Пѣснопойки Славейкова въ дальнѣйшемъ служатъ источникомъ, откуда его подражатели заимствуютъ матеріалъ для своихъ пѣснопоекъ. Такъ, напр., въ 1873 г. появился сборникъ неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ: Пѣсни пѣты въ различни случаи у българско то въ Пловдивъ училище на св. Кирилла и Меоодія, въ которомъ на первой же страницѣ напечатана: Пѣсень на султана —

Многи лѣта! Мирна лѣта

На нашъ сильный Господинъ. . . и т. д.

представляющая собою перепечатку съ небольшими редакціонными измѣненіями изъ «Славейче» 1864 г. гимна въ честь султана:

Много лѣта, мирна лѣта

На честитый Господарь. . .

Въ это время у болгаръ уже былъ специальный сборникъ произведеній народнаго творчества, напечатанный въ Русчукъ въ 1871 г., именно: Сборникъ отъ разни български народни приказки и пѣсни, ч. I. Х. П. Лачоглу и П. М. Астарджіевъ, въ который вошли 5 сказокъ и 26 народныхъ пѣсень, а въ слѣдующемъ году, на этотъ разъ опять въ Болгаріи, въ Болградѣ появился извѣстный сборникъ Василія Чолакова съ обширнымъ этнографическимъ матеріаломъ. Вышедшая въ 1875 г. пѣснопойка П. Иванова подъ заглавіемъ: Стихотворенія отъ П. Ивановъ (Стара-Загора) I, Цариградъ — наряду съ подражаніями, передѣлками, переводами, между прочимъ, изъ Шевченка, Лермонтова, Пушкина, на

стр. 38 уже печатает народную пѣсню изъ Старой-Загоры: Марко-Кратевичень и пиле Соколову. Въ 1880 г. въ Тырновъ выходитъ — Пѣснопойка съ народни и любовни пѣсни — П. Иванова. Она печатаетъ: портретъ вдохновителя болгарскаго освобожденія Хр. Ботева, русскій народный гимнъ, стихи П. Славейкова: На Царя и на Руси, болгарскій народный гимнъ П. Славейкова, пять маршей и цѣлый рядъ стихотвореній разныхъ авторовъ, въ томъ числѣ Ботева и Вазова. Издавшая въ 1881 г. — Училищная пѣснопойка — Бабакова — интересна обиліемъ русскаго матеріала не только въ переводѣ и въ передѣлкахъ, но напечатаннаго въ русскомъ же оригиналѣ, въ родѣ: На лужайкѣ дѣтскій крикъ; Гуси, гдѣ ви бивали? или солдатской: Ми дрались, турокъ, съ тобой. Такая же по своему характеру, но съ болѣе широкимъ литературнымъ матеріаломъ и пѣснопойка Т. К. Сукнарова: Нова училищна пѣснопойка съ 163 пѣсни. (Пловдивъ, 1886).

По мѣрѣ того, какъ развивалась художественная литература и повышались художественные вкусы болгарскаго читателя, «пѣснопойка» не исчезла со сцены: она продолжала исполнять свою роль тамъ, гдѣ въ ней чувствовалась потребность, примѣняясь ко вкусамъ своего читателя. Художественная цѣнность «пѣснопойки», естественно, понижается. Таковы, напр., пѣснопойки Х. М. Гребенарова: 1) Причина и денякъ за въцарявашето (коронасувашието) отъ прѣмъдрий Соломонъ за всемирный царь Негово Царско Височество Фердинандъ. София 1889; 2) Кон ед добри народи и чудѣна та сила на криворазбращата цивилизация. София 1889; 3) Петко Войвода или — ѣдѣр и адвари амѣи отѣдѣ ѣдѣранъ одрогъ матъ ѣмъкъ (читай съ конца!) — съ народна пѣснопойка «Правда и сполука». С. 1889 г.; 4) Народна пѣснопойка съ готварска и лѣкарска наука. С. 1889, и цѣлый рядъ другихъ въ томъ же духѣ. Въ 1891 г. въ Тырново вышла восьмымъ изданіемъ пѣснопойка Г. П. Василева: Народна пѣснопойка, която съдържа 225 розни пѣсни, — разнообразнаго хрестоматическаго содержанія, строго выдерживающая, однако, планъ, намѣченный еще въ пѣснопойкахъ Славейкова: гимны, марши, стихи разныхъ авторовъ, пѣсни въ народномъ духѣ, старо-народныя пѣсни — Ангелъ войвода, Индже-войвода, Страхиль-войвода, Вълко, Стоянь войвода; училищныя пѣсни, хороводныя, любовныя, русскія пѣсни на русскомъ языкѣ: Славяскій маршъ П. Аристова и др. Интересно отмѣтить, что позднѣйшія пѣснопойки иногда цѣликомъ, иногда въ значительной части повторяютъ содержаніе первыхъ пѣснопоекъ. Такъ, напр., въ 1892 г. вышла въ изданіи книжнаго магазина Т. Чичева — «Нова народна пѣснопойка». Мѣсто султана Абдуля-Азиса пѣснопоекъ до-революціонной эпохи здѣсь занимаетъ князь Фердинандъ. Пѣснопойка открывается біографіей Фердинанда, затѣмъ идетъ рядъ училищныхъ пѣсней, при чемъ на первомъ планѣ мы встрѣчаемъ тотъ самый гимнъ: Много лѣта, мирна лѣта на нашій славни Господарь! — какой мы видѣли въ пѣснопоикѣ Славейкова 1864 года, съ тою разницей, что вм. словъ «Султанъ Абдуль Азисъ» поставлено

вездѣ «Фердинандъ». Литературная традиція одержала верхъ надъ оригинальностью творчества. Не въ обиду царя Фердинанда будь сказано, но авторъ пѣснопойки не нашелъ ничего лучшаго сдѣлать въ честь своего царя, какъ переписать старый гимнъ въ честь султана, переимѣнивъ только имена Абдуль Азиса на Фердинанда! Дальнѣйшія пѣснопойки, сохраняя свой типъ, вводятъ все больше и больше въ свое содержаніе народнаго матеріала. Такова, напр., — Отбрана пѣснопойка, която съдържа отборъ отъ най хубовитѣ: юнашки, войнишки, народни, старо-народни, смѣшни и любовни пѣсни. Събралъ Ив. К. Божиновъ. София, 1893. Такого же характера и «Нова народна пѣснопойка», издавшая П. М. Б. въ томъ же 1893 г. третьимъ изданіемъ въ Пловдивѣ. Въ этомъ послѣднемъ изданіи уже помѣщено 27 такъ называемыхъ старо-народныхъ пѣсней и 24 пѣсни хороводныхъ, сѣбяночныхъ и т. п. По тому же основному типу пѣснопойки въ 1894 г. учебное бюро при Военномъ Министерствѣ издаетъ — Войнишку пѣснопойку — съ гимнами, маршами и народными пѣснями, число которыхъ въ этомъ сборникѣ доходитъ до 53 номеровъ. Въ 1896 г. книжный магазинъ Вл. Блъкова въ Шуменѣ издалъ — Най нову пѣснопойку, составленную неизвѣстнымъ авторомъ по общему типу пѣснопоекъ, при чемъ въ содержаніе ея включено было около 38 народныхъ пѣсней. Типъ солдатской пѣснопойки повторяетъ затѣмъ — Войнишка пѣснопойка — Маринова, 1897 г. Къ слѣдующему 1898 году относится изданіе болѣе оригинальной, чѣмъ все предыдущія, — Пѣснопойки на 1-й Български Труба-дуръ Самоукъ Маринъ Паруневъ Ковачевъ родомъ отъ гр. Ямболъ (София). Эта пѣснопойка представляетъ собою пѣсенный репертуаръ составителя, дополненный нѣсколькими только пѣснями Икономова, Ботева, одною пѣсню изъ Рущука и одною изъ Варны; кромѣ того, здѣсь же помѣщенъ цѣлый рядъ хороводныхъ пѣсней и нѣсколько турецкихъ. Такимъ образомъ, въ этомъ сборникѣ мы видимъ уже полное преобладаніе народнаго пѣсеннаго матеріала въ обработкѣ, впрочемъ, составителя сборника — народнаго же пѣвца, внесшаго, однако, несомнѣнно, въ народныя пѣсни нѣкоторую подѣлку примѣнительно къ своимъ субъективнымъ представленіямъ о художественности предназначаемаго для печати литературнаго матеріала. Особую группу пѣснопоекъ составляютъ маленькіе литературные сборники въ родѣ: Н. Живкова (Свищовъ, 1878), Г. Бакалова (Ямболъ, 1893), Бойкинова (Габрово, 1889), Работническа пѣснопойка — съ български и руски революционни пѣсни; издава партийна социалистическа книжарница (София, 1907) и др. Пѣснопойка Живкова — «Гусла съ пѣсни» представляетъ собою сборникъ пѣсней самого Живкова, вдохновленнаго событіями освободительной эпохи; три послѣднія пѣснопойки — революціоннаго характера съ содержаніемъ почти исключительно изъ русскихъ источниковъ, при чемъ послѣдняя изъ этихъ пѣснопоекъ печатаетъ нѣсколько русскихъ революціонныхъ пѣсней на русскомъ же языкѣ, въ родѣ: Красное знамя, Варшавянка, Ар-

стантъ и др., но съ такими опсатками, которыя дѣлають русскій текстъ почти неузнаваемымъ.

Наконецъ, еще одну особую группу пѣснопоекъ представляютъ собою пѣснопойки слѣпцовъ изъ ихъ собственнаго пѣсеннаго репертуара, которыя они распродаютъ своимъ же слушателямъ.

Я далеко не исчерпалъ всего матеріала, какой представляютъ болгарскія пѣснопойки, да и не могъ ставить себѣ въ настоящей замѣткѣ подобной задачи. Пѣснопоекъ въ Болгаріи очень много. Мы извѣстно 157 ихъ названій, но въ дѣйствительности, несомнѣнно, ихъ больше, и если бы кто захотѣлъ ознакомиться съ ними по-дробнѣе, то врядъ ли это ему удалось бы сдѣлать, потому что даже софійская публичная бібліотека не располагаетъ и десятой долей того количества изданій пѣснопоекъ, какія сейчасъ вращаются въ средѣ болгарскаго читателя. Въ настоящей замѣткѣ мы хотѣлось только отмѣтить этотъ типъ болгарскихъ литературныхъ сборниковъ, указать его генеалогію и установить нѣсколько преобладающихъ типовъ на основаніи того матеріала, какой имѣется сейчасъ въ распоряженіи софійской бібліотеки.

Перехожу къ пѣснопойкѣ А. В. Варбанскаго.

Мысль объ изданіи подобной книги занимала автора уже давно. По крайней мѣрѣ, лѣтъ 12 тому назадъ я видѣлъ у него тетради съ первыми записями народныхъ пѣсень и тогда же старался убѣдить его въ настоятельной необходимости неотложнаго собиранія среди нашихъ болгаръ-колонистовъ какъ въ Таврической губ., такъ и въ губерніяхъ Херсонской и Бессарабской памятниковъ вымирающаго здѣсь народнаго творчества, принесеннаго болгарамъ къ намъ изъ своей родины. Воодушевленный этой идеей и убѣжденный въ глубокомъ значеніи предпринятаго дѣла, А. В. Варбанскій продолжалъ постѣ того собирать народныя пѣсни и въ настоящее время, благодаря его трудамъ, мы имѣемъ обширный сборникъ болгарскихъ народныхъ пѣсень изъ Бердянскаго у. Таврической губ., прекрасно иллюстрирующій собою пѣсенное творчество этого района нашего болгарскаго населенія. Въ сборникъ вошло 556 пѣсень и 17 отрывковъ. Преобладающее большинство пѣсень — пѣсни чисто народнаго творчества. За немногими исключеніями, авторъ всегда тщательно отмѣчаетъ мѣсто записи и источникъ. Но въ этотъ же сборникъ вошло и нѣсколько пѣсень, которыя поются народомъ же, но заимствованы имъ изъ различныхъ пѣснопоекъ, затѣмъ три русскія и четыре турецкія пѣсни и, наконецъ, двѣ пѣсни: одна (№ 474) жены собирателя, явившейся для него богатымъ источникомъ пѣсеннаго матеріала, другая (№ 341) — самого собирателя. Такимъ образомъ, сборникъ А. В. Варбанскаго, примыкая по количеству сообщаемаго матеріала къ числу большихъ извѣстныхъ болгарскихъ сборниковъ, знакомитъ читателя вполне съ современнымъ состояніемъ народнаго пѣсеннаго творчества нашихъ болгаръ-поселенцевъ Бердянскаго уѣзда. Издавая свой сборникъ, самъ авторъ его имѣлъ въ виду прежде всего дать въ руки народа «пѣсно-

пойку», т. е. сборникъ произведеній, который могъ бы сослужить для народа роль пособія, источника, вдохновителя и т. п. Этою своеобразною задачею, о которой мы неоднократно лично и путемъ переписки приходилось бесѣдовать съ авторомъ, рекомендуя ему научное изданіе его собранія и указывая вмѣстѣ съ тѣмъ другіе способы разрѣшенія намѣченной имъ задачи, — этимъ, повторяю, опредѣляются какъ особенности изданія, такъ и нѣкоторые его дефекты въ научномъ отношеніи, о чемъ скажу нѣсколько ниже. Большинство пѣсень, вошедшихъ въ сборникъ, записано авторомъ отъ женщинъ, и только 114 пѣсень, т. е. $\frac{1}{5}$ сборника записана отъ мужчинъ. Общее число лицъ, прослушанныхъ авторомъ, судя по его помѣткамъ, 71, въ томъ числѣ: 39 мужчинъ и 32 женщины. Наибольшее число пѣсень, 147 записано авторомъ отъ его жены, — Степаниды Варбанской; другіе источники колеблются между 1—27 пѣснями. Въ сборникъ, судя по тѣмъ же помѣткамъ, вошли пѣсни изъ 17 селеній. Что касается содержанія сборника, то онъ, по замыслу автора, обнимаетъ все моменты народной жизни. Въ связи съ этими моментами расположены въ сборникѣ и пѣсни: 1. Лазарскія пѣсни; 2. Колядки; 3. Пѣсни на Дайлада (подъ Новый Годъ); 4—6. Пѣсни на сѣдякахъ (посидѣлки); 7—8, 12. Пѣсни свадебныя и застольныя; 9—11. Пѣсни хороводныя; 13. Пѣсни юмористическаго характера и т. д. Пѣсни колядскія — по преимуществу библейско-апокрифическаго характера, сѣдяночныя, хороводныя и нѣкоторые свадебныя — обрядовыя любовнаго характера, наконецъ, свадебныя-застольныя по своему характеру романтическія или юнцкія. Въ числѣ этихъ послѣднихъ мы отмѣтили три пѣсни о Кралевичѣ Маркѣ, одну — Стратилата страшна войвода, одну — Дойчинъ и харапина, три пѣсни о Царѣ Константиинѣ, нѣсколько пѣсень о Стоянѣ войводѣ и нѣк. др. Изъ болѣе близкаго къ намъ времени можно отмѣтить пѣсню объ освобожденіи Болгаріи, двѣ пѣсни посвящены переселенію болгаръ изъ Бессарабіи въ Таврич. губ., наконецъ въ сборникѣ имѣется нѣсколько пѣсень еще болѣе поздняго происхожденія, возникшія уже на новыхъ мѣстахъ поселенія, въ Бердянскомъ у., т. е. въ послѣднее пятидесятилѣтіе. Къ недостаткамъ изданія относятся: небрежный наборъ, нестрота шрифта, отсутствіе порядка въ расположеніи пѣсень, такъ, напр., въ отд. VII—VIII помѣщены свадебныя пѣсни, отд. IX—XI хороводныя, XII — опять свадебныя; въ отд. XIV вошли пѣсни разнаго содержанія, въ томъ числѣ колядки и лазарскія пѣсни, хотя и тѣ и другія раньше имѣли уже собственные отдѣлы; очевидно, въ этотъ XIV отдѣлъ попали пѣсни, собранныя авторомъ уже во время печатанія книги. Наконецъ, съ строго научной точки зрѣнія можно было бы предъявить къ сборнику требованіе болѣе точной фонетической записи текстовъ и указанія вариантовъ по имѣющимся уже сборникамъ. Но если къ собирателямъ памятниковъ народнаго творчества безусловно предъявлять подобныя требованія, то пришлось бы, несомнѣнно, очень долго ждать сборниковъ, и за время ожиданія, пожалуй, успѣли бы вымереть не только пѣсенное творчество,

надъ вымираніемъ котораго все мы такъ искренно горюемъ, но и самый народъ, носитель этого творчества. Та быстрота, съ которою въ настоящее время исчезаютъ изъ обихода народной жизни ея традиціи, требуетъ отъ насъ неутомимаго собиранія, собиранія и собиранія тѣхъ послѣднихъ крупницъ неподдѣльнаго народнаго быта, которыя еще уцѣлѣли до нашего времени. Это наша очередная задача и, думаю, основная задача вообще современной этнографіи. Вотъ почему я отъ всей души приветствую трудъ народнаго учителя А. В. Варбанскаго по собиранію произведеній народнаго творчества своихъ земляковъ, спасшаго отъ забвенія богатый литературный матеріалъ и передававшего его намъ для общаго пользованія. На ряду съ книгой Полк. Янкова, изданной въ 1908 г. и посвященной пѣсенному творчеству нашихъ бессарабскихъ болгаръ (Български народни пѣсни отъ Елена В. Янкова, Пловдивъ, 1908), сборникъ пѣсенъ А. В. Варбанскаго представляетъ собою дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи. Остается пожелать автору сборника продолжить свою работу по Бердинск. у. Таврической губ., вообще же, пользуясь случаемъ, высказать мысль о настоятельной необходимости и по возможности скорѣе ту же работу по собиранію памятниковъ народнаго творчества, какая исполнена гг. Янковымъ и Варбанскимъ, распространить и на другіе пункты Таврической губ., а также на болгарскія колоніи Херсонской и Бессарабской губерній.

Н. Державинъ.

2. Анекдоты о ходжѣ Наср-эд-динѣ («Letaif-i hodja Nasreddin»). Константинополь. 1325 г. х. (= 1910). Изданіе книжнаго магазина «Нибалъ». 266 стр. Съ многочисленными рисунками.

Фигура османскаго остроумца Наср-эд-дина давно привлекала въ Турціи вниманіе народа. Анекдоты о немъ ходили въ рукописяхъ, но крайней мѣрѣ, съ XVII-го вѣка. Сперва количество анекдотовъ, связанныхъ съ ходжей Наср-эд-диномъ, не было очень велико (въ лейденской рукописи ихъ 76); съ теченіемъ времени, однако, слава народнаго фаворита росла все болѣе и болѣе, — за счетъ другихъ: на ряду со старыми анекдотами о ходжѣ, сохраняющими въ народѣ свою форму, на Наср-эд-динѣ отложились бродячіе анекдоты, — международный фольклорный матеріалъ, утратившій родъ и племя; на Наср-эд-дина были перенесены, какъ доказалъ проф. П. Хорн¹⁾, — анекдоты изъ дивана персидскаго сатирика, Убейда Закаши, и т. д. И теперь еще, повидимому, продолжается процессъ наслоенія; объ этомъ краснорѣчиво говоритъ рецензируемый нами сборникъ, который заключаетъ въ себѣ свыше 400 анекдотовъ.

Сборникъ анекдотовъ о Наср-эд-динѣ редактированъ Бехай, т. е. Веледомъ-челеби, членомъ ордена «мевлеви», настоятелемъ которыхъ онъ, какъ потомокъ Джеддаль-эд-дина Руми, былъ назначенъ въ срединѣ 1910 года. У Веледа-челеби было

1) Revue Orientale 1900, (I), стр. 66 слѣд.

рукописное собраніе анекдотовъ, и онъ захотѣлъ его опубликовать. Плагъ скоро расширился: въ изданіе включены были также анекдоты, отовсюду присланные редактору добровольными корреспондентами-этнографами. Книга такимъ образомъ разрослась; но научная цѣнность сборника отъ этого не увеличилась: въ очень рѣдкихъ случаяхъ редакторъ критически относился къ анекдотамъ и исключалъ ихъ изъ своего изданія или оговаривался, когда вспоминалъ, что вариантъ анекдота, болѣе древній, ему случалось читать въ «Месневи» Джеддаль-эд-дина, или въ какомъ-нибудь сборникѣ (напр. «Letaif-i Lamii»), или просто слышать объ иномъ лицѣ. Разбираться въ противорѣчіяхъ редактору было порою не подъ силу, и какъ добрый мусульманинъ, онъ патетически восклицалъ: «по истинѣ, объ этомъ знаетъ одинъ Всевышній Богъ!» Своимъ изданіемъ Веледъ-челеби преслѣдовалъ цѣли педагогическія; поэтому анекдоты неприличные, какъ матеріалъ, неудобный для чтенія дѣтей, устранены. Съ другой стороны, онъ внесъ даже анекдоты, переведенные съ итѣмцкаго языка. Это — самое полное изданіе, въ которомъ анекдоты собраны изъ рукописей и книгъ; но въ расположеніи матеріала отсутствуетъ система: анекдоты печатались по мѣрѣ поступленія матеріала изъ провинцій; собиратели часто повторяются; анекдоты выправляются ad usum delphini; изрѣдка комбинируются двѣ-три версіи анекдота; мѣста записи отсутствуютъ, и т. д. Впрочемъ, гдѣ могъ узнать приемы изданія самоучканачетчикъ?

Анекдоты опубликованы любовно; читатель поблагодаритъ редактора и за реальный комментарий, и за объясненіе провинціализмовъ, хотя кое-что нанивно: такъ, въ примѣчаніи на стр. 91 редакторъ заключаетъ, что разъ анекдотъ у арабовъ связанъ съ именемъ Номана-пѣн-Музира и у персовъ — съ именемъ Нуширвана (Справедливого), — «стало быть, онъ зашелъ къ намъ (османцамъ) до принятія ислама!» Иногда фраза неудачно (стр. 138) или невѣрно (стр. 139) стилизована; иногда Веледъ-челеби утомителемъ своимъ многословіемъ, какъ будто комментарий его назначается для малыхъ ребятъ. Со всемъ этимъ, однако, легко помириться.

Въ предисловіи редакторъ излагаетъ біографію Наср-эд-дина, какъ о немъ рассказываетъ народъ. Историчность ходжи Наср-эд-дина находится подъ сомнѣніемъ; во всякомъ случаѣ, приуроченіе его къ эпохѣ Тимур-ленга (Тамерлана) основано только на народномъ преданіи. Гораздо интереснѣе роль ходжи въ народномъ суевѣріи. Въ народѣ онъ окруженъ ореоломъ святого, и могила его въ Ак-Шехирѣ утѣмана разноцвѣтными тряпочками, которыя подвязываютъ женщины въ чаяніи исцѣленія отъ лихорадки. Молва приписываетъ ему чудеса послѣ смерти (стр. 251). Въ Ак-Шехирѣ распространенъ еще обычай — звать Наср-эд-дина на свадьбу, и не только его, но и учениковъ его («мулъ»). Въ противномъ случаѣ бракъ будетъ несчастливъ (стр. 10).

Теперь я выдѣлю изъ собранія Веледа-челеби анекдоты, случайно прикрѣпленные къ Наср-эд-дину; для своихъ замѣчаній я привлекаю главнымъ образомъ анекдоты, слышанные мною въ Турціи. Кое-какіе анекдоты записаны были въ Коніи,

и характерно, что, несмотря на близость Конии к району дѣйствій ходжи Наср-эд-дина, они рассказываются тамъ и о другихъ путяхъ, или вообще, — безъ упоминанія чьего-либо имени.

Искусственность части анекдотовъ, вошедшихъ въ сборникъ Веледа-челеби, вытекаетъ уже изъ округленности жизненнаго пути ходжи. Анекдоты изображаютъ не только отдѣльные факты біографіи Наср-эд-дина (противорѣчащіе иногда одинъ другому); они выводятъ даже сына Наср-эд-дина, и сынъ великаго отца также блещетъ въ анекдотахъ остроуміемъ. Иногда анекдоты грѣшатъ морализаторскими длиннотами: шутъ забыть и возведенъ уже въ проповѣдники народныхъ идеаловъ, воплощенныхъ, однако, не въ живую сценку или анекдотъ, а въ схематичныя разсужденія.

Для удобства ссылокъ я заномеровалъ всѣ анекдоты.

№ 78 (стр. 46). Судьба ходжи Наср-эд-дина и знаки зодіака. Уже априорно видно, что анекдотъ, заключающій въ себѣ арабскіе термины, переведенъ съ арабскаго языка.

№ 124 (стр. 69). Повѣріе, что если ходжа въ теченіе сорока дней будетъ совершать утренній намазъ въ Улу-джами въ Брусь, Богъ исполнитъ его желаніе. Въ Константинополѣ это повѣріе связывается съ мечетью «Ая-Софія». Я записалъ анекдотъ, какъ бѣднякъ, идя на сороковой день въ Св. Софію, столкнулся по дорогѣ со священникомъ и, второпаяхъ надѣвъ на голову клобукъ, вошелъ въ мечеть. Мусульмане припили его за прозелита и собрали ему деньги.

№ 141 (стр. 77). Ходжа и Тимур-ленгъ въ банѣ. Какъ указалъ редакторъ, анекдотъ рассказывается объ Ахмеди, авторѣ «Искендер-наме» (современникѣ Тимур-ленга).

№ 154 (стр. 85). Ходжа ищетъ пропавшаго осла, распѣвая пѣсни. Кажется, это — видоизмѣненная иллюстрація къ пословицѣ «чужой человѣкъ ищетъ чью-либо пропажу, мурлыча себѣ подъ носъ».

№ 159 (стр. 87). Какъ ходжа смягчилъ гнѣвъ тирана, извѣрившагося въ женщинахъ. Повидимому, анекдотъ представляетъ искаженный вариантъ сказки изъ «Тысячи и одной ночи».

№ 168 (стр. 91—91). Ходжа садитъ дерево. Въ примѣчаніи указаны варианты этого разсказа, художественная обработка котораго находится, между прочимъ, въ баснѣ Крылова «Старикъ и трое молодыхъ».

№ 180 (стр. 99). Тимур-ленгъ и ходжа. Разсказъ заимствованъ изъ серіи «Мудрыхъ отвѣтовъ».

№ 183 (стр. 100). Ходжа убѣгаетъ отъ хамала, который за недѣлю передъ тѣмъ скрылся отъ него съ поклажей. Анекдотъ рассказывается въ сборникахъ объ арабскихъ глупцахъ.

№ 253 (стр. 119). Въ Эдремнѣ анекдотъ ходитъ безъ имени.

№ 258 (стр. 123). Заемъ денегъ во снѣ и ходжа-судья. Анекдотъ заимствованъ, вѣроятно, османцами изъ «Тути-наме».

№ 271 (стр. 133—134). Ходжа тушитъ ночью, во время родовъ двойни, свѣчу, такъ какъ думаетъ, что младенцы выползаютъ на свѣтъ свѣчи. (Анекдотъ въ стихахъ). Вариантъ записанъ мною въ Коніи безъ имени.

№ 282 (стр. 142). Ходжа, попавъ въ Конію, дивится на минареты. Анекдотъ заимствованъ изъ дивана Убейда-Закани. Въ Коніи я слышалъ аналогичный анекдотъ о шутѣ-скабрезникѣ, Инджили-чаушѣ, который спрашивалъ о назначеніи минаретовъ.

№ 277 (стр. 140). Вѣроятно, это — неудачное развитіе анекдота № 282.

№ 285 (стр. 142). Во время бури ходжа совѣтуетъ укрѣпить основаніе корабля. Очевидно, анекдотъ вполнѣ справедливъ былъ связанъ съ Наср-эд-диномъ.

№ 291 (стр. 147—151). На тему объ алчности судей.

№ 292 (стр. 151—153). Объ ослѣ-грамотѣ. Намеки на этотъ анекдотъ слышались, повидимому, уже въ Месневи (см. примѣч. на стр. 151).

№ 293 (стр. 153—156). Хозяинъ постоялаго двора предъявляетъ къ купцу баснословный искъ за неоплаченные варенныя яйца. Судья, подкупленный истцомъ, склоняется уже на его сторону, но ходжа обнаруживаетъ бессмысленность притязаній. Это — фабліо (безъ имени Наср-эд-дина), записанное мною въ Коніи отъ шеточника Али.

№ 294 (стр. 156—159). Анекдотъ представляетъ, повидимому, иллюстрацію пословицы «Мум ѳетунде казан кайнатмак-кібі» (это все равно, что разогрѣвать котелъ надъ свѣчей).

№ 308 (стр. 171). На тему о коварствѣ женъ.

№ 319 (стр. 179). См. замѣчаніе объ анекдотѣ № 154.

№ 329 (стр. 182—183). Это — бурсацкое произведеніе, пересыпанное арабскими выраженіями.

№ 330 (стр. 183). Обыкновенно этотъ анекдотъ говорится о пророкѣ Мохаммедѣ, который двинулся къ горѣ, когда на его призывъ гора продолжала стоять на мѣстѣ.

№ 334 (стр. 184—185). Это — остроумный анекдотъ о неправедныхъ судьяхъ, обнаруживающій знакомство съ Кораномъ и хадисами.

№ 338 (стр. 191). Изъ анекдотовъ о глупцахъ. Чтобы слышать свой голосъ, муззинъ-глухецъ спускается съ минарета и бѣжитъ.

№ 360 (стр. 205). Ходжа чистосердечно говоритъ мудрецу по-арабски, что на его сорокъ вопросовъ не можетъ отвѣтить. Повидимому, это — отголосокъ еще теперь распространенной въ Средней Азіи сказки «Тысяча вопросовъ».

№ 374 (стр. 212). Изъ анекдотовъ о жадныхъ судьяхъ. Когда судья тонуть,

онь протянул руку не тому, кто кричал: «дай мнѣ свою руку!» а тому, отъ кого онь услышалъ: «возьми мою руку!»

№ 383 (стр. 219—221). Конѣцъ анекдота, въ которомъ выраженъ страхъ передъ Тимур-ленгомъ, напоминаетъ анекдотъ о курильщикахъ, перепугавшихся до-смерти при видѣ султана Мурада IV (султанъ Мурадъ IV запрещалъ, какъ извѣстно, куренье табаку).

№ 384 (стр. 221). Изъ анекдотовъ о лгунахъ.

№ 395 (стр. 227). Вариантъ анекдота (безъ имени Наср-эд-дина) записанъ мною въ Константинополѣ о кастамунійцахъ, которые представляютъ константинопольскому жителю большую нищу для насмѣшекъ.

№ 404 (стр. 234—235). Въ этомъ анекдотѣ Наср-эд-динъ выступаетъ въ необычной для себя роли: чтобы потѣшить себя, онъ трясетъ надъ нищими-слѣпцами кошелекъ съ деньгами и смотритъ, какъ они поднимаютъ драку, думая, что кто-то изъ нихъ утаилъ деньги.

№ 405 (стр. 235—236). Изъ «рамазанскихъ анекдотовъ». Изморенный постомъ, хаджа по-своему понимаетъ вопросы собесѣдника и отвѣчаетъ невпопадъ.

№ 407 (стр. 237). Хаджа, забывъ сосчитать также осла, на которомъ спитъ, думаетъ, что надъ нимъ кто-то шутитъ. Какъ указываетъ въ примѣчаніи Велед-челеби, анекдотъ встрѣчается и въ «Месневи».

№ 416 (стр. 245—246). Въ Коніи я слышалъ этотъ анекдотъ объ Инджилин-чаушѣ, и принимая во вниманіе характеръ безстыдника, думаю, что Наср-эд-динъ не по праву присвоилъ себѣ грубую выходку.

Въ своей рецензіи я не могу, конечно, затронуть весь фольклорный матеріалъ, заключающійся какъ въ текстѣ сборника, такъ и въ примѣчаніяхъ. Изрѣдка въ сборникѣ попадаются интересныя указанія на суевѣрія и примѣты: такъ, въ анекдотѣ № 101, стр. 61—о чудесной силѣ «Кудуни», въ анекдотѣ 281 (стр. 141—142) о знахаряхъ,—о «ходжахъ», изгоняющихъ духовъ и т. д., въ послѣсловіи къ анекдоту № 359 на стр. 204 повѣрье о раздѣлѣ вѣтровъ, въ анекдотѣ № 392, на стр. 225, несколько брошено намекъ объ анекдотической хитрости «безбородыхъ» (кбсе).

Въ основѣ сборника лежитъ, повидимому, рукопись, носящая слѣды иконійскаго языка; читатель найдетъ вообще рядъ словъ, которыя въ Константинополѣ вышли уже изъ употребленія. Характерно на стр. 69 парное сочетаніе «алак-булакъ» («алак-булакъ», въ Эдремитѣ). Такимъ образомъ Вамбери (Alt-osmanische Sprachstudien. Leiden. 1901, стр. 143) ошибочно вноситъ это слово въ свой старо-османскій глоссарій. Интересны также образованія на «джакъ»: «комишуджакъ», «евджекъ»,—въ которыхъ заключается обобщительный смыслъ: «скопомъ, всѣмъ домоу».

Анекдоты иллюстрированы массой рисунковъ; нечего бы, пожалуй, и говорить, что они страдаютъ модернизацией, иногда для рисунка выбранъ неудачный моментъ

разсказа, иногда рисунокъ не-эстетиченъ; ссылки на конституцію не только скучны, но и невѣрны (какъ на стр. 256). Если съ точки зрѣнія европейскаго критика сборникъ редактированъ неудачно, тѣмъ не менѣе по богатству фольклорнаго матеріала онъ представляетъ цѣнное приобрѣтеніе для изслѣдователя бродячихъ анекдотовъ.

Вл. Гордлевскій.

3. D-r Rudolf Tschudi. Das Asafname des Lutfi Pascha nach den Handschriften zu Wien, Dresden und Konstantinopol. Berlin 1910. XXI + 38 + 45. Mit einer Tafel. (Türkische-Bibliothek, hrsg. von d-r G. Jacob. Band. XII).

Ученикъ эрлангенскаго профессора Георга Якоба, г. Чуди издалъ османскій текстъ, съ нѣмецкимъ переводомъ, трактата объ обязанностяхъ великаго везира въ мирное и военное время, трактата, принадлежащаго перу Лютфи-пашы (жилъ въ XVI-мъ вѣкѣ). Это произведеніе, своего рода регламентъ, интересно своими подробностями объ административныхъ должностяхъ и доходахъ, присвоенныхъ служивымъ государевымъ людямъ. Для характеристики везира характерно заявленіе его, что если взяточничество вообще должно искорениться, то «можно, всетаки, принимать дары отъ друзей и людей состоятельныхъ». Въ этомъ отношеніи везиръ считается, очевидно, съ воззрѣніями своего вѣка. Обязанности свои передъ султаномъ везиръ понимаетъ шире и благороднѣе, исходя прежде всего изъ принципа, что везиръ долженъ всегда лице-пріятно говорить султану правду.

Въ языкѣ Асафъ-наме я не подмѣтилъ арханзмовъ; но въ другихъ произведеніяхъ Лютфи-пашы (автора «Теварих-и ал-и Османъ») они, повидимому, встрѣчаются: въ цитатѣ изъ «Исторіи» на стр. IX введенія попадаетъ форма «олун-туръ», которая соответствуетъ въ современномъ османскомъ языкѣ прошедшему повѣствовательному «олмуш-туръ».

Работа г. Чуди выполнена аккуратно; тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что вниманіе автора остановилось на такомъ сравнительно незначительномъ произведеніи, тогда какъ, по словамъ его, «Исторія рода Османа, единственная рукопись которой хранится въ Вѣнѣ, для изслѣдователя представляетъ богатый матеріалъ».

Вл. Гордлевскій.

4. Beiträge zur Kenntniss der indischen Namengebung. Die altindischen Personennamen von Dr. Alphons Hilka (Indische Forschungen . . . hrsg. von Alfred Hillebrandt, 3. Heft, 160 + XII pp., Breslau, 1910).

Эта книга заполняетъ давно ощущавшійся пробѣлъ: тогда какъ имена многихъ другихъ народовъ, изученныхъ меньше, чѣмъ Индійцы, подвергались научной сводкѣ и обработкѣ, имена индійскія до сихъ поръ почти не привлекали вниманія ученыхъ. Значеніе имени какъ лингвистическое, со стороны формы, такъ и культурноистори-

ческое со стороны содержания, связанного обыкновенно с религиозными и иными представлениями народа, так велико, что нечего и говорить об интересе, представляемом таким исследованием. Достаточно указать на *Iranisches Namenbuch* Justi, с его ценным материалом, дополняющим во многих отношениях наши сведения о языке и жизни древних иранцев. В научном исследовании Ирана скудость материала направляла ученых на обработку имен, в Индии же мы располагаем такой богатой литературой, эпиграфикой и т. д., которые позволяли в течение долгого времени оставлять в стороне ономастологию. Самым важным препятствием являлось, вторично, громадное обилие ономастологического материала: богатство санскрита, легкость словообразования и словосложения делают количество имен почти неограниченным. Гилька не собирается дать полное собрание индийских имен, *Namenbuch*; он представляет лишь научную разработку вопроса об имени. Автор последовательно рассматривает способы наречения имени (*Namengebung*), связь с суеверием, наречение по родственникам и наконец самый обряд (*nāmakāraṇa*). В этой части книги приняты во внимание все наиболее важные индийские кодексы (как *gṛhyasūtra*, так и различные своды *dharma*); кроме того здесь, как и в последующем изложении, приводятся аналогичные обычаи других народов. — Индийское религиозное право не только предписывает известные обряды при наречении имени, но и дает точные указания о том, каково должно быть самое имя: регламентируются звуки, которые должны в него входить, и самые части его — последние смотря по касте наречаемого. Наиболее известное из этих предписаний требует, чтобы имя брахмана оканчивалось на *-śarma* или *-deva*, кшатрия на *-varma*, вайши на *-gupta*, шудры на *-dāsa*. Гилька доказывает множеством имен, преимущественно из надписей, теоретичность этого предписания: напр., встречается довольно много имен царей и кшатриев вообще на *-deva* (pp. 20, 21). Уже здесь автор дает длинные списки имен; поэтому мы скажем несколько слов об его источниках. Автор опирается главным образом на эпиграфические данные (особенно *Corpus Inscriptionum Indicarum* III и *Epigraphia Indica* I—III, см. p. 4), литературу отводит уже меньше места, ведические имена оставляются совсем в стороне, ввиду их неясности. С последним вряд ли можно согласиться: имена во всяком языке далеко не сплошь поддаются анализу, — едва ли можно из-за этого отказываться от древнейшего материала, даваемого индийскою литературою. Pp. 153—160 заняты библиографией, из них pp. 157—160 специально индийской. Здесь наше внимание привлекают некоторые пропуски: указать, напр., «Report on the search for sanskrit Mss» Бандаркара (*Bhandarkar*) за 1883—84 (почему только этот?), а также зато IV, V и VI «Reports» Питерсона (*Peterson*), где как раз приведены обширные списки имен авторов и пр. Еще больше странен пропуск *Catalogus Catalogorum* Ауфрехта (*Aufrecht*); подзаголовок этого капитального

труда «an alphabetical register of indian works and authors» дает ему право на место в подобном библиографическом перечне. Хотя автор и предупреждает, что он берет из списков имен лишь самое необходимое, но указанные сочинения несомненно были бы не бесполезны. Интересны главы о месячных и звездных именах (*Monats- und Gestirnnamen*), опять таки с длинными списками. Так как месяцы называются по созвездиям, то трудно порой провести грань между этими двумя группами: мы затрудняемся объяснить, почему, напр., *Māghadeva* и *Māgharakṣita* отнесены к месячным именам (p. 32), а *Māghaśarma* к звездным (p. 36). Заслуживает внимания также глава о гороскопах при наречении, о *pakṣatranāman*, т. е. имени по созвездию, употребляемом лишь в гороскопах, и интересная таблица, по которой дают это гороскопическое имя (p. 44).

В отделе о строении индийского имени (pp. 46—76) много места отводится сложным именам, которые у индийцев значительно перевешивают (как и у большинства других индоевропейских народов) над простыми; особенно много имен, сложенных из двух существительных. Несколько странным кажется нам обозначение мало представленной древней группы имен, возникших через сложение *part. praes. act.* с управляемым существительным (*Jayadbala* и т. д.) как *verbum + substantivum* (p. 51). Не мало внимания уделено и довольно сложному вопросу об уменьшительных именах (pp. 55—63). Интересно также указание на способ обозначения родства посредством одинаковых частей имени (отец *Ravidatta*, сын *Sūryadatta*), называемый автором почему то «*Spielen mit Namensgliedern*» (p. 73). Как только что приведенный пример, так и другие более известные из истории (*Skandagupta* и *Kumāragupta*), указывают еще на другой способ такого же обозначения — посредством синонимов (*Ravi = Sūrya*, *Kumāra = Skanda*).

Сравнительно мало внимания уделяет автор прозвищам (*biruda*), весьма распространенным особенно среди индийских властителей, начиная с древнейших времен. Гилька приводит ряд таких прозвищ (p. 72) из надписей *Gupta* и Кашмирской хроники *Rājatarāṅgīnī*. Список этот можно было бы начать с имен *Śreṇika-Bimbisāra* и его сына *Kuṇika-Ajātaśatru*, современников Будды. Другое еще более известное прозвище (*devānām priya*) *Priyadarśin-Aśoka*. Эта глава кажется нам всего менее разработанной. Прежде всего автор не проводит грани между собственно именами и прозвищами, с чем едва ли можно согласиться. При всей пышности индийского образования имен, прозвища по большей части выделяются своей искусственностью, громкостью, так сказать. Подбор одинаковых элементов прозвищ у членов одного рода здесь оказывается особенно сильно (прозвища на *-āditya* у *Gupta* и на *-ārīḍa* у кашмирских царей). Хотелось бы также иметь сведения о времени, когда принималось *biruda* (повидимому, это имело место после вступления на престол). Кроме того мы нашли несколько *biruda* среди имен в списках

Гильки; такъ Siddharāja не имя, а *biruda* царя, котораго звали собственно Jayasimha (р. 24). Подобныя прозвища бывали и у поэтовъ, соответствуя нашимъ псевдонимамъ, «*nom de plume*»: напр. Bhavabhūti (р. 26) — въ дѣйствительности псевдонимъ поэта Śrīkānta. Таковы же титулы ученыхъ вродѣ Tarkālakara или Kavicūḍamani. — Больше всего мѣста отводится, разумѣется, анализу индійскихъ именъ по содержанію (pp. 77—152). Эта часть труда вызываетъ множество замѣчаній. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторые отдѣлы можно было бы пополнить, многія объясненія и группировки могли бы быть удачнѣе. Въ этой части и проявляется то обстоятельство, что авторъ не санскритистъ по специальности (до сихъ поръ онъ работалъ въ области романской филологіи): непосредственное знакомство съ различными родами индійской литературы, постоянное чтеніе ея произведеній избавили бы автора отъ многихъ промаховъ. Мы говоримъ это, разумѣется, не въ осужденіе трудолюбивому и талантливому ученому: индианистика — такое необъятное поле, что всякій новый работникъ, особенно заходящій изъ другой области, заслуживаетъ лишь величайшей признательности со стороны своихъ товарищей.

Гилька распределяетъ имена по слѣдующимъ 10 категоріямъ: 1) божества (*theophore Namen*), 2) явленія природы, 3) время и обстоятельства рожденія, 4) возрастъ и родство, 5) географическія и племенные имена, 6) тѣло, части его и пр., 7) человеческій духъ и его проявленія, 8) человеческія состоянія, 9) отдѣльныя *concreta*, 10) титулы и пр. Въ качествѣ 11-й группы присоединяются женскія имена, менѣе разнообразныя и извѣстныя, нежели мужскія.

На первомъ мѣстѣ стоятъ такъ богато представленныя имена, связанныя съ культомъ различныхъ божествъ. Множество интереснѣйшихъ замѣчаній и сопоставленій въ этой части работы не могутъ быть затронуты даже самымъ поверхностнымъ образомъ въ настоящей замѣткѣ. Отмѣтимъ распространенность именъ, связанныхъ съ небесными тѣлами среди буддистовъ (р. 104). Распределение именъ по божествамъ иногда не совсѣмъ удачно: р. 90 Parameśvara («Верховный Владыка») = Viṣṇu — гораздо чаще это — эпитетъ Śiva; р. 114 Tārā — имя звѣзды, но вѣдь это одно изъ именъ Durgā (особенно у буддистовъ). Совсѣмъ обижены джинисты, хотя авторъ и приводитъ въ библиографическомъ перечнѣ каталогъ берлинскихъ рукописей Вебера (Weber), одинъ изъ важнѣйшихъ трудовъ по литературѣ этой секты (жалъ, что не использованъ «*Essai de bibliographie Jaina*», Guérinot). Р. 83 Vṛṣabha въ имени Vṛṣabhasvāmin признается = Indra; такъ какъ это имя встрѣчается въ надписи на одномъ изъ джинистскихъ святыхъ мѣстъ (*śrītha*), горѣ Śatrumjaya, то гораздо вѣроятнѣе, что имѣется въ виду I jina Vṛṣabha. Р. 96 Abhaya (въ Abhayacandra) = Śiva; abhaya въ смыслѣ милосердія (собственно, безопасность для живыхъ существъ) извѣстный джинистскій терминъ, часто входящій въ имена (Abhayadeva и пр.). Вообще отдѣлъ буддійскихъ и джинистскихъ именъ слѣдовало бы расширить.

Мы не находимъ въ книгѣ Гильки ни одного слова объ отчествахъ, *patronymica*, играющихъ такую роль въ Индіи, особенно въ древнія времена; имъ не отведено мѣста также и въ отдѣлѣ о строеніи имени. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ отчества превратились въ имена или точнѣе заслонили послѣднія: Pāṇini, Gautama и т. д., для насъ по крайней мѣрѣ, — имена. Можетъ быть, авторъ еще вернется къ этой темѣ въ другой специальной работѣ.

Среди географическихъ именъ мы находимъ нѣсколько забредшихъ сюда по недоразумѣнію: буддійскія имена Śākyarāla и пр. (р. 124), разумѣется, простыя *nomina theophora*, такъ какъ Будда называется Śākyamuni и т. п. Uruvelā-Kāśyapa (р. 123) врядъ ли географическое имя въ строгомъ смыслѣ слова: это вѣдь Кāśyapa изъ Uruvelā.

Менѣе всего удовлетворила насъ разработка вопроса о титулахъ, о чемъ мы уже говорили; близки къ титуламъ — постоянные элементы именъ у различныхъ сектъ. Р. 146 правильно указано на наличность извѣстныхъ постоянныхъ членовъ именъ у буддистовъ, измѣняющихся по сектѣ (Kern, *Geschiedenis van het Buddhisme in Indie II*, р. 453, считаетъ подобное правило чисто теоретическимъ, но едва ли основательно); слѣдовало бы упомянуть о подобномъ же предписаніи у джинистовъ *digambara*: Hoernle, *Indian Antiquary*, XXI, р. 73, приводитъ правило, по которому послѣдніе члены имени учителей (*ācārya*) у 4 подраздѣленій (*gaccha*) *digambara* должны быть: 1) въ *Savasvatīgaccha*: -nandin, -Kīrti, -candra и -bhūṣaṇa (что подтверждается спискомъ главъ секты съ начала ея существованія — I в. по Р. X. почти до нашихъ дней), 2) въ *Senagaccha*: -sena, -raja, -vīra и bhadra, 3) въ *Siṃhagaccha*: -siṃha, -kumbha, -āsava и -sāgara, 4) въ *Devagaccha*: -deva, -datta, -nāga и -langa.

Аналогичное явленіе извѣстно у брахманистовъ, отшельниковъ ордена Madhva, списокъ главъ котораго приводитъ Bhandarkar, *Report 1882—83* (имена начинаются Satya- и кончаются титуломъ -śrītha). Нѣтъ ни слова объ образованіи именъ у джинистовъ *Śvetāmbara*: въ *Kharataragaccha* всѣ первосвященники (*śūri*) съ XIII в. носятъ имена, начинающіяся съ Jina- и т. д. Совершенно неправильно сравненіе съ именами отшельниковъ ордена Śaṅkara, гдѣ есть 10 титуловъ, соответствующихъ столькимъ же степенямъ — *agaruḥ*, *āgama* и т. д. до *sahasvatī* (ихъ отнюдь не слѣдуетъ располагать въ алфавитномъ порядкѣ, какъ это сдѣлано р. 146). Это именно титулы, а не имена: то же лицо, поднимаясь по іерархической лѣстницѣ, мѣняетъ и титулъ: Madhva сперва назывался Ānanda-giri, затѣмъ Ānanda-śrītha. Непонятно, почему эти -*agaruḥ*, -*giri* и пр. появляются опять въ спискѣ титуловъ (pp. 146—47). -*sāgara* въ *Vinayasāgara* (р. 148) не титулъ, а часть имени. Титула -*hamsagani* не существуетъ: авторъ неправильно раздѣлилъ *Vijayaḥamsa-gani* (-*hamsa* не рѣдко появляется въ концѣ имени, напр., *Jinaḥamsa*).

Въ общемъ отношею не слѣдуетъ принимать наши замѣчанія въ осужденіе автору: слишкомъ много достоинствъ въ его интересной книгѣ, являющейся почти первой въ этой области индѣиистики, недостатки же и недосмотры легко устранимы — не ошибается вѣдь лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ!

Н. Мироновъ.

5. K. B. Wiklund. Om lapparna i Sverige. 2 reviderade upplagan. Stockholm. 1910. (Studentföreningen Verdandis småskrifter. 82). 8° мал. 64 стр.; цѣна 25 эре.

Извѣстный изслѣдователь лапландцевъ, профессоръ въ Упсалѣ К. Б. Викаундъ выпустилъ вторымъ изданіемъ свою работу на шведскомъ языкѣ о лапландцахъ (въ популярной серіи, издаваемой студенческимъ обществомъ Верданди и разрабатывающей силами професоровъ и извѣстныхъ специалистовъ всѣ отрасли знанія).

Небольшая, иллюстрированная нѣсколькими рисунками, книжка даетъ точное, довольно сухое по формѣ, изложеніе современнаго положенія лапландцевъ и касается ихъ разселенія (теперь и прежде), ихъ имени, дѣленія и отличій горныхъ и лѣсныхъ лапландцевъ, ихъ жилищъ, быта, языка, литературы, религіи, административныхъ условій жизни, социальнаго положенія и плановъ на будущее. Въ началѣ приведена главнѣйшая скандинавская литература по этому народу.

Сами лапландцы называютъ себя сапмэ, сабмэ, самэ или самэ (sämme)¹; въ южныхъ поселеніяхъ — алмочъ (человѣкъ!). Название лаптъ (lapp), какъ созвучное съ шведскимъ словомъ, значащимъ трапка, они не признаютъ и предпочитаютъ, чтобы ихъ называли людьми скаль или народомъ скаль (fjällmän, fjällfolk). Первоначально лапландцевъ звали на сѣверѣ финнами (въ Норвегіи это названіе сохранилось для нихъ до сихъ поръ); названіе же лаптъ заимствовано шведами отъ финскаго названія лапландцевъ (lappalainen), и ихъ страны (Lappi, что вѣроятно прежде обозначало незастроенную сѣверную пустыню).

Первое достовѣрное упоминаніе о лапландцахъ относится ко второй половинѣ VI в. по Р. Х., подъ видомъ дикаго охотничьяго народа въ Туле, подъ именемъ скридь-финновъ. Въ концѣ IX в. они жили въ нынѣшней Лапландіи, но также жили въ сѣверной Норвегіи и въ Финляндіи, доходя до Саймы и другихъ великихъ озеръ, и наконецъ въ пограничныхъ съ Финляндіей частяхъ Россіи. На востокъ они простирались гораздо дальше, чѣмъ теперь. Теперь къ востоку есть лапландцы только на Кольскомъ полуостровѣ и въ самой сѣверной Финляндіи. Зато въ Скандинавіи они еще тогда не проникали такъ далеко на югъ, какъ теперь. Теперь попадаются лапландцы почти на широтѣ Христіаніи. Съ 1898 г. переселили нѣсколько лапландцевъ

1) По догадкѣ проф. К. Нильсенъ (въ Христіаніи), высказанной имъ въ одномъ изъ засѣданій финно-угорскаго общества въ Гельсингфорсѣ, самоѣды и лапландцы первоначально представляли изъ себя одинъ народъ.

въ Аляску, а въ 1907—08 г. на Лабрадоръ и Нью-фаундлендъ, гдѣ ихъ заставили обучать тамошнихъ эскимосовъ оленеводству. Предположеніе, что лапландцы населяли когда-то всю Скандинавію и двигались съ юга на сѣверъ, теперь опровергнуто.

Религіозныя воззрѣнія лапландцевъ не систематичны и часто можно замѣтить въ ихъ взглядахъ отраженіе скандинавскихъ вѣрованій. Какъ и у другихъ народовъ сѣверной Европы и Сибири — у нихъ пользуется значительнымъ почитаніемъ медвѣдь. Жизнь послѣ смерти представляется имъ такою же какъ на землѣ, но *подъ землей*.

Особаго духовенства у нихъ нѣтъ. Жертвы приносятъ старѣйшіе. Впрочемъ есть люди, одаренные особыми силами, колдуны-врачеватели, которыхъ называютъ нонд'ами; функціи ихъ, какъ и совершаемые ими обряды, ближе всего напоминаютъ шаманскіе.

Проф. Викаундъ кончаетъ свой интересный очеркъ увѣренностью, что не скоро исчезнутъ лапландцы въ Швеціи, и что они еще долго, кочуя по лѣсамъ и горамъ сѣвера, будутъ сохраняться, не только какъ этнографическій курьезъ, но и какъ одинъ изъ значительныхъ факторовъ экономической жизни шведскаго сѣвера. Свой языкъ, по его мнѣнію, лапландцы сохранять до тѣхъ поръ, пока они не перестанутъ быть кочевниками, хотя уже скоро всѣ они будутъ говорить и по шведски. Ихъ собственный языкъ и ихъ обычаи настолько удобны и приспособлены къ ихъ быту оленеводовъ, что было бы просто непрактично измѣнить имъ, не говоря о томъ, что лапландцы сами крайне дорожатъ своимъ роднымъ языкомъ¹).

Андрей Рудневъ.

6. Матеріалы къ изученію Вятскаго края. Томъ I. Вып. 1. Къ вопросу о краінологическомъ типѣ бѣсермянъ Вятской губерніи. Антропологическое изслѣдованіе д. ч. Общ. М. М. Хомякова. Казань. 1911. Стр. 12. 8°.

Въ русскомъ обществѣ наблюдается теперь большое оживленіе научныхъ интересовъ къ всестороннему изученію отечества. Въ этнографіи и родственныхъ ей наукахъ это оживленіе сказывается даже, пожалуй, сильнѣе, чѣмъ въ прочихъ отрасляхъ знанія. Характернымъ показателемъ такого оживленія служить, между прочимъ, обиліе вновь возникающихъ научныхъ кружковъ, обществъ и другихъ организацій. Научные кружки и общества появляются уже не только въ городахъ, но даже и въ селахъ. не такъ давно такой кружокъ открылся въ *слободѣ* Кукаркѣ, Яранскаго уѣзда, Вятской губерніи. Слобода эта расположена въ большомъ захолустьѣ; сотни верстъ отдѣляютъ ее отъ ближайшихъ рельсовыхъ путей; учебныхъ заведеній въ ней нѣтъ выше учительской семинаріи; жителей въ слободѣ вмѣстѣ съ приписанною къ ней волостью около 11 тысячъ. При всемъ томъ, въ этомъ захолустьѣ нашелся зна-

1) Ср. новые «Матеріалы для антропологіи русскихъ лошадей», Н. Н. Шамова. Ежегодникъ Русск. Антропол. общ. при И. С.-Пб. Унив. т. III). С.-Пб. 1909.

чительный круг интересующихся наукою лиц, которые и образовали Общество, открыли при нем библиотеку и музей и теперь выступили съ цѣнной научной работой.

Начало работъ Кукарскаго Общества свидѣтельствуетъ, что Общество это стоитъ на правильномъ пути, занявшись прежде всего изысканіями въ наимѣнѣе обследованной области. Происхождение народа бесермянъ до сихъ поръ остается загадочнымъ, и въ трудѣ г. Хомякова мы имѣемъ *первые* опубликованныя точныя антропологическія данныя объ этомъ народѣ. Авторомъ измѣрено бесермянъ 17 мужчинъ и 13 женщинъ. Среднія цифры главнѣйшихъ измѣреній выведены слѣдующія: головной указатель мужчинъ 84,61 (у отдѣльныхъ лицъ колеблется между 78,02 и 93,10), женщинъ 81,76 (колеб. 77,00—89,59). По цвѣту волосъ изъ 28 лицъ 21 шатенъ, 4 черныхъ, 1 рыжій и 2 русыхъ; по цвѣту глазъ — изъ 27 лицъ 10 карихъ, 6 синихъ, 5 сѣрыхъ, 4 зеленыхъ и по 1 черныхъ и желто-зеленыхъ.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что авторъ ограничилъ кругъ своихъ измѣреній краниологіей въ узкомъ смыслѣ слова и, при детальности собственно краниологическихъ измѣреній (въ таблицѣ г. Хомякова 23 рубрики), не обмолвился ни однимъ словомъ даже о столь важномъ и наиболѣе обследованномъ для народовъ Россіи антропологическомъ признакѣ, какъ ростъ. Данныя о цвѣтѣ волосъ и глазъ почему-то не введены въ таблицы. Нѣтъ указаній о формѣ носа. Всѣмъ этимъ авторъ лишилъ возможности изслѣдователей распредѣлить бесермянъ на нѣсколько типовъ по антропологическимъ признакамъ, что такъ важно сдѣлать для смѣшанной народности съ цѣлью выясненія вошедшихъ въ составъ ея элементовъ. Нельзя также не пожалѣть, что при именахъ измѣренныхъ лицъ указывается только волосъ, а не отмѣчается деревня; намъ хорошо извѣстно, что въ антропологическомъ — точно такъ же какъ и въ діалектологическомъ отношеніи — бесермяне дѣлятся на двѣ главныхъ части, и это подраздѣленіе, конечно, не совпадаетъ съ дѣленіемъ на волости. Къ какой изъ этихъ двухъ главныхъ группъ принадлежать измѣренные г. Хомяковымъ лица, выяснить теперь нельзя.

Въ концѣ своей статьи г. Хомяковъ дѣлаетъ нѣкоторые выводы изъ своихъ измѣреній. «Приходится установить, — пишетъ онъ, — что бесермяне не вотяки (особенно чепецкіе); не имѣютъ ничего общаго съ казанскими татарами; напоминаютъ по цвѣту волосъ и глазъ уфимскихъ татаръ; по указателю черепному приближаются къ кабардинскимъ татарамъ» и т. д. Мы не придаемъ значенія этимъ выводамъ, такъ какъ данныя автора слишкомъ недостаточны для смѣшанной народности: для выясненія происхожденія бесермянъ необходимо и антропологическія изысканія произвести въ болѣе широкомъ масштабѣ и, кромѣ того, дополнить ихъ изслѣдованіемъ лингвистическимъ и этнографическимъ. За то мы не можемъ не согласиться съ другимъ замѣчаніемъ г. Хомякова: «Изслѣдовать необходимо прежде всего каринскихъ татаръ, да и вообще татаръ Вятской губерніи, чтобы уже потомъ точнѣе

опредѣлить происхожденіе бесермянъ, какъ производнаго типа». Это замѣчаніе вполне справедливо, и мы горячо рекомендуемъ Кукарскому обществу заняться изученіемъ слободскихъ и глазовскихъ татаръ Вятской губерніи — какъ въ антропологическомъ, такъ и особенно въ діалектологическомъ отношеніи. Среди глазовскихъ «татаръ» особенно много такихъ, которые отатарились еще въ самомъ недавнемъ времени.

Общія замѣчанія г. Хомякова о бесермянахъ заключаютъ въ себѣ частью устарѣвшія и неточныя свѣдѣнія. Онъ насчитываетъ бесермянъ 5929 человекъ, тогда какъ ихъ въ 1909 году было 9353 человека (Пам. Кн. и Календ. Вятск. губ. на 1911 годъ, с. 103), въ 1902 году — 7746 (то же на 1904 г., с. 29). Перепись 1897 г. и не думала сливать ихъ съ вотяками, какъ заявляетъ г. Хомяковъ; кромѣ данныхъ этой переписи и данныхъ Вятскаго Губ. Статистическаго Комитета, публикуемыхъ почти ежегодно въ только что цитованныхъ нами «Памятныхъ Книжкахъ», подробныя и точныя данныя о размѣщеніи и численности бесермянъ авторъ могъ бы найти въ статистическихъ изданіяхъ Вятскаго Губернскаго Земства. Незнакомство областного кружка съ *мѣстной* литературою намъ кажется страннымъ. Не менѣе страннымъ представляется намъ принятое г. Хомяковымъ, ни на чемъ не основанное написаніе «бесермяне» (съ двойнымъ *с*) вмѣсто общепринятаго бесермяне.

Но всѣ эти маленькіе промахи и недочеты не уменьшаютъ, конечно, общей научной цѣнности разсматриваемаго труда. И привѣтствуя Кукарское Образовательное Общество съ весьма удачнымъ началомъ его издательской дѣятельности, мы отъ души пожелаемъ ему далѣйшей плодотворной работы на поприщѣ всесторонняго изученія родного края.

Дм. Зеленинъ.

7. *Памятная книжка* Вятской губерніи и календарь на 1911 годъ. Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета. Вятка. 1911. Стр. 140 + 101 + 214. 8°.

Въ научно-литературномъ отдѣлѣ книжки находимъ, между прочимъ, статьи: Гр. Верещагина, Вотяки и ихъ произведенія устной словесности (стр. 42—57), Н. Н. Блиновъ, Лѣтебникъ XVII вѣка и В. Бердниковъ, Воткинскій заводъ въ началѣ XIX столѣтія (7—41).

Гр. Верещагинъ, авторъ ряда извѣстныхъ трудовъ о вотякахъ, изучалъ теперь вотяковъ села Буранова (Сарапульскаго у.), «въ районѣ котораго вотяки отличаются отъ своихъ единоплеменниковъ другихъ мѣстностей особеннымъ языкомъ и костюмомъ». Статья г. Верещагина состоитъ изъ слѣдующихъ семи главъ: Современное состояніе язычества въ Прикамскомъ краѣ; Преданія вотяковъ Буранъ-гурта (села Буранова); Признаки бывшаго каннибализма; Выборъ общественнаго жреца

вмѣсто умершаго; Молене богу Иивужо; Басни (5 вотяцкихъ басенъ на русскомъ языкѣ); Пословицы (32 пумера на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ). Отмѣтимъ нѣсколько наиболѣе интересныхъ замѣчаній. «Между бурановцами и сосѣдней деревней Яганомъ (въ 5 верстахъ отъ Буранова) существуетъ издавна обычай въ браки между собой не вступать... Плотское родство между названными двумя селеніями считается незаконнымъ» (стр. 52). «По словамъ извѣстнаго мѣл вотяка Шарканскаго прихода, Сарапульскаго уѣзда, когда онъ рѣшилъ оставить прежніе языческіе обычаи и не сталъ ходить на общественныя жертвоприношенія, односельцы нѣсколько разъ нанесли ему побой, даже жестокіе, такъ что въ одно время его едва не отправили на тотъ свѣтъ» (стр. 45).

Напечатанный Н. Н. Блиновымъ старинный лѣчебникъ—безъ даты; издатель относитъ его къ XVII-му вѣку по палеографическимъ признакамъ. Извлеченія изъ этого лѣчебника были уже напечатаны въ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1867 г. № 1 и 3.

Въ статистическомъ отдѣлѣ, въ статьѣ «Учебныя заведенія» небезынтересны для этнографа свѣдѣнія о распредѣленіи учащихся по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ (стр. 125—129): среди учащихся въ губерніи русскихъ 82% общаго числа, вотяковъ 11% (19.905 челов.), черемисъ 3% (4.921), прочихъ 4% (татаръ 3677, пермяковъ 831, бесермянъ 113). Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ губерніи учатся, между прочимъ, 22 вотяка (8 м. и 14 ж.), 7 татаръ, 5 пермяковъ, 4 черемисина и 1 бесермянинъ (с. 131); кромѣ того, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ 35 вотяковъ, 5 татаръ и 2 черемисина (с. 133). Даныя эти относятся къ 1909 г. — Въ томъ же отдѣлѣ, въ статьѣ «Къ пятидесятилѣтію освобожденія крестьянъ» напечатана извлеченная изъ архива «Вѣдомость о числѣ помѣщичьихъ и владѣльческихъ крестьянъ въ Вятской губерніи, значущихся по 9-й народной (1850 г.) переписи» (стр. 37—57).

Въ приложеніи карта Вятской губерніи, составленная К. В. Лаврентьевымъ († 1 окт. 1910 г.). На картѣ этой отмѣчены особыми красками народности: вотяки, черемисы, татары, башкиры, пермяки, бесермяне и тептяри. Карта эта, сколько намъ извѣстно, уже была напечатана въ «Географіи Вятской губерніи» покойнаго Лаврентьева (4-ое изданіе. Вятка, 1904). Масштабъ карты 40 верстъ въ дюймѣ. Неточностей въ картѣ немало, особенно въ Сарапульскомъ уѣздѣ, гдѣ, напримѣръ, не показаны совсѣмъ вотяки Люксой, Нылги-Жикынской, Завьяловской и Бурановской волостей.

Дм. Зеленинъ.

ЖИВАЯ СТАРИНА.

XX

годъ изданія

1911

Основана В. И. Ламанскимъ.

XX

годъ изданія

1911

подъ редакцію Предѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, при содѣйствіи Секретаря Отдѣленія и Редакціонной Коммиссіи, въ XX году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками по 8—10 листовъ въ каждомъ, въ Мартѣ, Маѣ, Октябрѣ и Декабрѣ.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей народностей Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодействія въ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной словесности, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библиографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Подписная цѣна: съ доставкою для городскихъ подписчиковъ — 5 р., для иногородныхъ — 5 р. 50 к. и за границу — 8 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, для сельскаго духовенства, учителей и учащихся — 2 р. 75 к. Для членовъ Отдѣленія Этнографіи, по каждому особнй разъ заявленію въ Отдѣленіи, 1 р. въ С.-Петербургѣ и 1 р. 50 к. для иногородныхъ. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старинѣ“ (Спб., Демидовъ пер., 8-а).

Редакція.

~~41~~ ~~34~~ ~~2~~

ЖИВАЯ СТАРИНА.

✓ $\frac{5}{103}$

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Годъ XX.

Выпускъ II.

1911.

N. 2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1911.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи	IX — XVIII
Г. Петкевичъ. Матеріалы по народной медицинѣ литовцевъ	167—218
Эд. Пекарскій и Вл. Цвѣтковъ. Пріаянскіе тунгусы	219—232
Дм. Зеленинъ. Обрядовое празднество совершеннолѣтїа дѣвицы у русскихъ	233—246
В. Ф. Трощанскій. Опытъ систематической программы для собранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ	247—292
Н. Воробьевъ. Программа для собранія народныхъ музыкальныхъ инструментовъ	293—294
Н. Могилянскій. Федоръ Михайловичъ Плюшкинъ	295—296
А. Самойловичъ. Къ вопросу о нареченіи имени у турецкихъ племенъ	297—300
Андрей Рудневъ. Плугъ у восточныхъ Монголовъ	301—302
Критика и библіографія	303—322

8. K. Rhamm. Ethnographische Beiträge zur germanisch-slavischen Altertumskunde. Дм. Зеленина, 303—307. 9. Каталогъ библиотекъ Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III. Сергѣя Ольденбурга, 308—309. 10. Lietuvių tauta Lietuvių Mokeo draugijos raštai. Э. Вольтера, 309—311. 11. Kalwailis, W. Lietowiskų ward klėtele Э. Вольтера 312. 12. С. Паткановъ. О природѣ инородческаго населенія Сибири. И. Майнова, 312—317. P. W. Schmidt. Grundlinien einer Vergleichung der Religionen und Mythologien der austronesischen Völker. Г. Вильямса, 317—322.

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи
Императорскаго Русскаго Географическаго
Общества.

IV. Засѣданіе 5 марта 1911 г.

Засѣданіе состоялось подъ предѣтельствомъ Предѣдательствующаго въ Отдѣленіи С. Ѳ. Ольденбурга, въ присутствіи Товарища Предѣдательствующаго, С. К. Булича, гг. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ: Б. Б. Барадійна, Б. Я. Владимірцова, Э. А. Вольтера, В. Г. Глазова, А. А. Достоевскаго, Д. К. Зеленина, Н. Н. Михайловскаго, А. Д. Руднева, И. И. Соломина и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Членъ сотрудникъ Общества, Е. Э. Линева сдѣлала сообщеніе на тему: «Наѣвы духовныхъ христіанъ: Молоканъ, Духоборовъ, Ново-Израиля (изъ поѣздки на Кавказъ лѣтомъ 1910 г.)», по слѣдующей программѣ:

1. Введеніе. Русскіе сектанты на Кавказѣ. Трудность ихъ положенія. Ихъ удивительная способность къ труду и сила воли. Исканіе правды. Связь между ихъ религіозными идеалами и практическою жизнью. Братство. Взаимопомощь. Общинные принципы, какъ слѣдствіе первобытно-христіанскаго міровоззрѣнія. Псалмы и духовные стихи, какъ выраженіе религіозныхъ взглядовъ. Наѣвы псалмовъ, ихъ музыкальное значеніе. Своеобразіе голосоведенія.

2. Молокане въ Тифлисѣ. Первое знакомство съ ними. Собраніе въ молитвенномъ домѣ. Толпа молящихся. Преобладаніе людей пожилыхъ. Расколъ между старыми и молодыми молоканами. Записыванье псалмовъ отъ старыхъ молоканъ. Особенность ихъ пѣнія. Сходство съ народной пѣсней въ многоголосномъ строеніи. Раз-

личіе въ текстовомъ складѣ — пѣсни (стихами) и псалмы (прозой). Оригинальность построения музыкальнаго періода. Молитвенное собраніе молодыхъ молоканъ. Вліяніе баптистовъ. Проповѣдь. Публичное покаяніе. Пѣніе псалмовъ. Знакомство съ молодыми молоканами. Записываніе ихъ псалмовъ. Музыкальныя особенности послѣднихъ.

3. Духоборы. Первое знакомство. Деревня Орловка и ея обитатели. Дуна Веригина, жена вождя духоборовъ, Петра Васильевича Веригина, его сынъ Петръ и семья его. Алеша Воробьевъ, духовный братъ П. В. Веригина. Общій характеръ мѣстности Духоборья. Безплодная почва холодныхъ горъ. Зажиточность Духоборовъ. Ихъ замѣчательная трудоспособность. Праздникъ Петра и Павла, день именинъ Петра Веригина и память о сожженіи оружія. Пѣніе псалмовъ. Оригинальность и строгость ихъ пѣтвонъ. Обрядъ братскаго цѣлованія. Затрудненія съ записываніемъ псалмовъ. Помощь молодого Веригина. Записываніе псалмовъ фонографомъ. Оригинальность ихъ музыкальнаго строенія.

Псалмы и духовные стихи, какъ выраженіе духовно-религіознаго мировоззрѣнія духоборовъ.

4. Община новаго Израиля. Раціоналистическая деревня «Надежда». Знакомство съ членами общины. Первые впечатлѣнія. Молитвенное собраніе. Пѣніе Сіонскихъ пѣсень. Пѣтвы ихъ. Текеть. Сіонскія пѣсни, какъ выраженіе идеаловъ и стремленій общины.

5. Общее заключеніе.

Сообщеніе сопровождалось показываніемъ діапозитивовъ и исполненіемъ пѣтвонъ на фонографѣ.

II.

Дѣйств. членъ А. Д. Рудневъ сдѣлалъ краткое сообщеніе: «О дѣятельности международной Фольклористической Федерациі (FF) и предложеніи русскимъ фольклористамъ примкнуть къ ней».

По заслушаніи сообщенія А. Д. Руднева Предсѣдательствующій поставилъ на голосованіе слѣдующія предложенія:

1. Желательно-ли присоединеніе Отдѣленія Этнографіи къ международной федерациі фольклористовъ.

Постановлено: желательно.

2. Передать предложеніе А. Д. Руднева въ Редакціонную Комиссію Отдѣленія для выработки мотивированнаго доклада Совѣту Общества.

Постановлено: передать.

3. Возобновить дѣятельность Сказочной комиссіи.

Постановлено: возобновить.

4. Послѣ разсмотрѣнія предложенія А. Д. Руднева въ Редакціонной Комиссіи и въ случаѣ утвержденія доклада Редакціонной Комиссіи Совѣтомъ Общества разослать заинтересованнымъ лицамъ оттиски сообщенія А. Д. Руднева изъ «Живой Старины» вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о возобновленіи дѣятельности Сказочной комиссіи.

Постановлено: исполнить.

III.

Въ связи съ состоявшимися постановленіями Д. К. Зеленинъ предложилъ, чтобы на повѣсткахъ засѣданій Редакціонной Комиссіи отмѣчались предметы засѣданій.

Постановлено: принять предложеніе Д. К. Зеленина.

IV.

Былъ прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

V.

Г. Предсѣдательствующій доложилъ о поступленіи изъ Совѣта Общества письма вдовы проф. В. В. Антоновича съ предложеніемъ издать трудъ ея мужа: историко-географическій словарь мѣстностей съ украинскимъ населеніемъ.

Постановлено: передать письмо г-жи Антоновичъ въ Редакціонную Комиссію.

VI.

Г. Предсѣдательствующій предложилъ желающимъ членамъ Отдѣленія записаться въ Сказочную Комиссію.

Записались: Б. Я. Владиміровъ, Э. А. Вольтеръ, Д. К. Зеленинъ, С. О. Ольденбургъ, А. Д. Рудневъ, А. М. Смирновъ, А. Н. Самойловичъ.

V. Засѣданіе 18 марта 1911 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи С. О. Ольденбурга, въ присутствіи гг. членовъ: почетныхъ, действительныхъ и сотрудниковъ: В. К. Арсеньева, Б. Б. Барадіина, В. В. Бартольда, А. А. Бѣлоголова, Г. В. Вильямея, Б. Я. Владимірова, О. К. Волкова, П. Н. Головина, А. А. Достоевскаго, Д. К. Зеленина, Д. Иванова, А. И. Иванова, И. С. Иванова, А. Н. Казнакова, П. К. Козлова, В. И. Липскаго,

С. П. Луневского, Г. В. Массальскаго, О. И. Митюрникова, Н. Н. Михайловскаго, А. А. Петерса, Г. М. Петрова, П. С. Попова, Д. А. Скалона, В. П. Шнейдеръ, Л. Я. Штернберга, и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Д. гл. В. К. Арсеньевъ сдѣлалъ сообщеніе: «Орочи-удэне» по слѣдующей программѣ:

1. Географическое распредѣленіе инородцевъ. Что такое тазы. Первоначальное разселеніе инородцевъ по китайскимъ источникамъ и послѣдующія перемѣщенія.
2. Характеристика современныхъ орочей и удэне. Внѣшность: одежда, типъ. Различіе въ типѣ и языкѣ орочей и удэне.
3. Языкъ, письменность, счетъ и жестикуляція.
4. Жилище.
5. Общественная жизнь, коммунизмъ, гостепріимство.
6. Вымираніе инородцевъ и его причины, болѣзни и перемѣны въ условіяхъ жизни.
7. Бытъ орочей и ихъ характеръ. Питаніе, занятія, мореплаваніе, рыбная ловля, охота. Нравственныя качества.
8. Семейная жизнь: раздѣленіе труда между мужчиной и женщиной; положеніе дѣтей; рожденіе ребенка. Бракъ и брачныя обычаи.
9. Обычай кровавой мести. Судъ, наказанія, штрафы.
10. Анимизмъ; культъ предковъ. Миѣы (легенда о происхожденіи орочей отъ медвѣдя). Медвѣжій праздникъ. Тотемныя животныя. Предразсудки. Шаманство и его значеніе. Севохи и мяонки. Загробный міръ и погребеніе умершихъ.
11. Представленіе о небѣ.
12. Разказы орочей о первомъ появленіи русскихъ.

Были показаны діапозитивы.

Нѣсколько замѣчаній по поводу сообщенія было сдѣлано Л. Я. Штернбергомъ.

Предсѣдательствующій благодарилъ докладчика отъ лица Отдѣленія за его сообщеніе и пожелалъ ему успѣшнаго продолженія этнографическихъ работъ на Дальнемъ Востокѣ.

II.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

III.

Доложена просьба Ученаго Комитета Министерства Финансовъ доставлять бесплатно Библіотекѣ Комитета журналъ «Живая Старина».

Постановлено: просьбу удовлетворить.

IV.

Доложено предложеніе д. чл. Э. К. Пекарскаго избрать въ члены сотрудники Отдѣленія гг. Майнова и Іонова.

Постановлено: просить Э. К. Пекарскаго доставить свѣдѣнія о трудахъ названныхъ лицъ по этнографіи.

V.

Предсѣдательствующій доложилъ отзывъ Редакціонной Комиссіи о предложеніи вдовы проф. В. В. Антоновича издать безъ измѣненій рукопись ея мужа, посвященную географическимъ именамъ мѣстностей съ украинскимъ населеніемъ.

Редакціонная Комиссія высказалась за отклоненіе предложенія г-жи Антоновичъ ввиду того, что безъ значительныхъ дополненій эта работа, которая въ настоящемъ видѣ авторомъ ея, очевидно, не предназначалась для печати, не можетъ быть напечатана.

Постановлено: предложеніе г-жи Антоновичъ отклонить и сообщить объ этомъ Совѣту Общества.

VI.

Предсѣдательствующій доложилъ 1) о пожертвованіи вдовою А. В. Григорьевой Географическому Обществу 15.000 р. съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала употреблялись всѣми отдѣленіями Общества на изученіе сѣвера Европейской Россіи и Азіатской Россіи; 2) о желаніи брата покойнаго помощника предсѣдателя общества А. А. Тилло учредить при всѣхъ отдѣленіяхъ Общества нѣсколько премій имени покойнаго и о предложеніи г-на Тилло выработать и представить ему на просмотръ проектъ такихъ премій.

Постановлено: сообщеніе о пожертвованіи К. И. Григорьевой принять съ благодарностью къ свѣдѣнію, а предложеніе г-на Тилло передать въ Редакціонную Комиссію.

VII.

По предложеніи Предсѣдательствующаго были установлены дни перваго засѣданія двухъ отдѣловъ Комиссіи по составленію этнографической карты Россіи: по языку и по антропологіи.

VI. Засѣданіе 23 марта 1911 г.

Соединенное засѣданіе Отдѣлений Географіи Математической, Географіи Физической и Отдѣленія Этнографіи состоялось подъ предсѣдательствомъ Ю. М. Шокальского и С. О. Ольденбурга, въ присутствіи гг. членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ и сотрудниковъ и многочисленныхъ стороннихъ посѣтителей, при секретаряхъ П. Б. Риппасѣ и А. Н. Самойловичѣ.

Профессоръ Женевскаго Университета Louis Dupaue сдѣлалъ сообщеніе: «Un voyage à Madagascar», по слѣдующей программѣ:

Port-Said, le Canal et Suez.

La mer rouge. Djibouti. Les îles Seychelles. Diego-Suares. Tamatave. Les pangalanes. Tananarive. Végétation. Faune. Populations. Coutumes. L'Imerina. La traversée de l'île. La Betsiboka et Majunga. Coup d'oeil sur la colonisation. Les îles Comores. Zanzibar et Mombasa.

Были показаны діапозитивы.

(См. журналъ засѣданія Отдѣленія Географіи Физической).

VII. Засѣданіе 1-го апрѣля 1911 г.

Соединенное засѣданіе Отдѣлений Географіи Математической, Географіи Физической и Этнографіи состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Географіи Физической Ю. М. Шокальского, въ присутствіи гг. членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ и сотрудниковъ и стороннихъ посѣтителей, при секретаряхъ П. Б. Риппасѣ и А. Н. Самойловичѣ.

Д. чл. Вс. М. Родевичъ сдѣлалъ сообщеніе: «Урянхайскій край и его обитатели» по слѣдующей программѣ:

1. Интересъ къ Урянхайскому краю. — Пути, ведущіе въ него. — Физическій очеркъ Восточно-Урянхайской котловины. — Средне Урянхайская котловина: горы, долины, населеніе. Долина р. Кемчика.

Общіе данныя Урянхайскаго края: пространство, культурныя уголья, лѣса, фауна, домашнія животныя, полезныя ископаемыя. — Рѣки Урянхы: общій характеръ; Большой Енисей-Бѣй-кемъ, Малый Енисей-Ха-кемъ, Урянхайскій Енисей—Улукемъ или Кемъ, Хамсара, Сисетикемъ, Кемчикъ. Судосходность этихъ рѣкъ. — Первое плаваніе на моторной лодкѣ въ 1907 г. — Климатическія условія Урянхы.

Историческіе памятники въ Урянхѣ. — Историческія справки о прежнемъ населеніи Урянхы. — Древность племени урянховъ. — Первоначальныя сношенія съ Россіей. — Раздѣлъ 1727 года. — Преданія сойотовъ. — Урянхи съ точки зрѣнія развитія культуры.

2. Полу-кочевой бытъ сойотовъ. — Домашняя жизнь. Пища. — Охота. Рабочіе приемы. Болѣзни. Вѣшность. Натѣзничество. Нравственныя качества. Художественныя вкусы. Табакерки-флаконы. Календарная табакерка. Пѣніе. Преданіе о желѣзномъ плотѣ. Путешествіе на гору Буру.

Религія у сойотовъ. Шаманизмъ. Обобы. Кумирни. Ламаитское духовенство. Монастырь на Джедагѣ. Знакомство съ Гыгеномъ. Дѣятельность ламаитскаго духовенства въ Урянхѣ.

Административный строй сойотовъ. — Ихъ власти. — Нравственныя качества правителей. — Налоги и поборы. — Объединеніе урянховъ. — Ихъ общественныя собранія. — Итоги монгольскаго вліянія.

Появленіе китайскихъ купцовъ въ Урянхѣ. — Существующія фирмы, характеръ ихъ дѣятельности. — Экономическое пораженіе населенія. — Монополизція торговли, чаемъ и тканями. — Вредное нравственное вліяніе на населеніе.

Три повода русской колонизаціи въ Урянхай. — Характеръ ея. — Отношеніе къ туземцамъ. — Современное развитіе русской дѣятельности въ Урянхѣ. — Очередныя ея задачи.

Были показаны діапозитивы.

(См. журналъ засѣданія Отдѣленія Географіи Физической).

VIII. Засѣданіе 22 апрѣля 1911 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи С. О. Ольденбурга, въ присутствіи гг. членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ и сотрудниковъ, и многочисленныхъ стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

Я. В. Прохоровъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: «Музыкально-поэтическое творчество русской женщины-крестьянки. Пѣсни свадебнаго обряда», по слѣдующей программѣ:

Свадебный обрядъ и участвующія въ немъ лица. Смотрины, сговоръ или рукобитье. Вечеринки. Время, мѣсто и обстановка торжества.

Нѣсколько словъ о свадебныхъ пѣсняхъ Великорусовъ, Бѣлорусовъ, Малороссовъ, Поляковъ, Болгаръ и др. славянскихъ народовъ.

Стиль и характеръ свадебныхъ пѣсней. Манера исполненія.

Пѣсни въ честь жениха и невесты; пѣсни въ честь молодыхъ дѣвушекъ и парней; пѣсни вечеринковыя.

Дѣвичникъ и пропой. Пѣсни въ честь невесты.

Пріѣздъ жениха съ потѣжанами. Величаніе гостей. Пѣсни въ честь женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ.

Утро передъ свадьбой. Отъездъ невесты изъ родительскаго дома. Вѣнчаніе и свадебный пиръ.

Утро послѣ свадьбы, пріѣздъ позывающихъ и обѣдъ въ домѣ родителей молодой. Величаніе новобрачныхъ, ихъ родителей и гостей.

Во время доклада были исполнены свадебныя пѣсни. Въ исполненіи ихъ участвовали: Г-жи О. Л. Зараева-Михельсонъ (лирическое сопрано), Г-жа * * * (сопрано), Л. В. Никитина (драматическое сопрано), А. С. Доре (контральто), О. Н. Ламанская (контральто), Я. Ф. Ивановская (меццосопрано), М. Н. Антипина, М. О. Бѣлыхъ (контральто) и др. Гг. артисты Императорскихъ театровъ Г. А. Морской, Г. * * * (басъ), ученики Г. А. Морского по классу пѣнія: Н. В. Страховичъ (теноръ) и Д. С. Взоръ (баритонъ).

Исполнены были слѣдующія пѣсни:

1. Отъ терема да до терема. (Пѣсня въ честь жениха и невесты).

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ и О. Н. Ламанская.

2. Ужъ ты яблонька, ты садовая.

3. Ужъ ты яблонька красна. (Обѣ пѣсни въ честь молодыхъ дѣвушекъ).

Исполнила Л. В. Никитина.

4. Ахъ ты молодецъ, молодецъ душа...

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ, Л. В. Никитина и А. С. Доре.

5. Березничекъ кустовой... (Обѣ пѣсни въ честь молодыхъ парней).

Исполнили: О. Н. Ламанская, М. О. Бѣлыхъ и М. Н. Антипина.

6. Подъ елью олень... (игровая пѣсня).

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ и Л. В. Никитина.

7. Вдоль по травкѣ... (Веснянка).

8. Какъ за рѣчкой было, за рѣкою... (плясовая).

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ и М. О. Бѣлыхъ.

9. Oj zasypajmyz ten wianek wið. (Польская пѣсня).

Исп. Я. Ф. Ивановская.

10. Ой ты пчелка-пчелочка... (Веснянка-Танокъ).

Исп. О. Л. Зараева-Михельсонъ.

11. Ой, не думай, Марусенько... (Украинская).

Исп. Г-жа * * *

12. Дедами ти рекоф, девоіко. (Болгарская).

Исп. Е. В. Прохоровъ.

13. Заблудилась красна-дѣвица въ лѣсу... (Бытовая пѣсня).

14. Пойдемте-ка, ребятушки, по темный мы лѣсъ... (Бытовая пѣсня).

Исполнили: Г. А. Морской, Н. В. Страховичъ, Д. С. Взоръ и Г. * * *—
(Вокальный квартетъ a Capella).

15. Я на печькѣ сижу... (Частушка).

Исп. Я. В. Прохоровъ.

Пѣсни въ честь невесты.

16. Зимой-лѣтомъ сосѣнушка была зелена...

17. Ужъ какъ по мосту-мосточку...

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ, М. Н. Антипина и А. С. Доре.

18. Долго, долго соколъ не летитъ... (trio).

Исполнили: Л. В. Никитина, М. Н. Антипина и А. С. Доре.

19. Дунули вѣтры по чистымъ полямъ...

Исполнили: Л. В. Никитина, М. Н. Антипина и А. С. Доре.

20. Летѣли голуби черезъ дворъ...

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ и О. Н. Ламанская.

21. Веревъ моя, верѣюшка... (trio).

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ, Л. В. Никитина и О. Н. Ламанская.

22. Какъ на зорькѣ было, на зарѣ...

Исп. О. Л. Зараева-Михельсонъ.

Пѣсни въ честь замужнихъ женщинъ.

23. Ай по лужку травка разстилается...

Исп. А. С. Доре.

24. Не по морюшку утенушка плавала...

Исполнила Л. В. Никитина.

Пѣсни въ честь невесты-сироты.

25. Ахъ ты елка, елка-сосенка...

Исполнила Л. В. Никитина.

26. По горамъ я ходила ... (trio).

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ, М. П. Антипина и А. С. Доре.

27. Разлило то, разлилось ... (отъѣздъ невѣсты къ вѣнцу).

Исп. О. Л. Зараева-Михельсонъ.

28. На горѣ то стоитъ ёлочка ... (пріѣздъ поѣзжанъ).

Исполнила А. С. Доре.

29. Во горенкѣ во новой ... (въ честь молодыхъ).

Исполнили: О. П. Ламанская, М. О. Бѣлыхъ и М. Н. Антипина.

30. Митано, Моме ... (Болгарская пѣсня).

Исп. Я. В. Прохоровъ.

31. Я поѣху свое горе ...

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ, М. Н. Антипина и А. С. Доре.

32. Не по сѣничкамъ ласточка летала ... (Обѣ пѣсни въ честь мужа и жены).

Исполнила О. Л. Зараева-Михельсонъ.

Акомпанировали: Е. К. Сергѣева-Вишневецкая, А. В. Пашкевичъ и Н. И. Аладовъ.

Матеріалы по народной медицинѣ литовцевъ.

I. Имена болѣзней, употребляемая литовскимъ народомъ. II. Люди, имѣющие, по мнѣнію народа, сверхъестественную власть. III. Взаимоотношенія между людьми, имѣющими сверхъестественную власть, и другими простолюдинами. IV. Объясненіе народомъ прирожденныхъ человѣческихъ свойствъ, наклонностей и болѣзней. V. Разныя причины болѣзней и всякихъ ненормальностей. VI. Определеніе признаковъ болѣзней. VII. Лѣченіе болѣзней: а) колдовствомъ; б) лѣченіе, соединенное съ религіозными обрядами и почитаніемъ святыхъ; в) лѣченіе травами, органическими веществами и разными другими способами; г) роль луны въ народной медицинѣ.

I. Имена болѣзней, употребляемая народомъ.

1. Akių užvilimas.

Бѣльмо (Nubescula).

2. Baltoji drapanė, baltoji mėnesinė.

Бѣли.

3. Čertaplaukis.

Воспаленіе надкостницы пальцевъ.

4. Dantų škorbutas.

Цынга.

У литовцевъ теперь цынги врачи почти не встрѣчаютъ. Народъ называетъ цынгою дурной запахъ изо рта, вследствие плохого содержанія его и порчи зубовъ.

5. Dantų skaudėjimas.

Зубная боль.

6. Diegliai.

Колотье.

7. Drugys.

Переменяющаяся лихорадка (Febris intermittens) и вообще кратковременный жаръ съ ознобомъ.

8. Džiova.

Чихотка (Phthisis).

9. Dedirvinė.

Простой лишай (Lichen).

10. Dusas, dusulys.

Расширеніе легкихъ (Emphysema).

11. Gelta.

Желтуха (Icterus).

12. Gerklės uždegimas.

Воспаленіе гѣла (Angina).

13. Gumbas.

Всякое мѣстное затвердѣніе въ тѣлѣ, въ особенности вздутіе живота подъ ложечкой, соединенное съ сильными болями (cardialgia).

14. Grižas.

Вследствие усиленной работы образуются недостаточность смазки¹⁾ в сумках сухожильных влагалищ мускульных, чаще всего в верхних конечностях; а потому при движении кистями рук чувствуется трение сухожилия мускулов о стенки влагалищ. (Inflammatio vaginae tendinum).

15. Grižas mažo vaiko bambelėje.

Урчание, соединенное с болями, в животъ дѣтей, вследствие дурного питания.

16. Jadros.

Корь (Morbilli).

17. Irmėdė.

Ознобъ, ломота в костяхъ и чувство холода. Гриппъ; инфлуэнца.

18. Kaltūnas.

Колтухъ (Plica polonica).

19. Kaltūnuotos rankos, Kaltūnuoti nagai.

Золотуха (scrophulosis).

20. Karpa.

Бородавка (Verruca).

21. Karštinė, Šiltinė.

Тифъ (Typhus). Народъ не различаетъ родовъ тифа.

22. Kiauroji rožė.

Воспаление подкожной клетчатки. (Phlegmone).

23. Kosulys.

Кашель (Tussis).

24. Kyla.

Грыжа (Hernia).

25. Lisinkai.

Кишечная глиста (Ascarides lumbricoides).

26. Miežis.

Ячмень. Воспаление мейбомиевыхъ железъ века.

27. Mėšlungis.

Корчи.

28. Macica.

Буквальный переводъ слова «macica» — матка (uterus). Народъ называетъ «macica» — симптомы катарального состоянія кишекъ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. Какъ мужчины, такъ и женщины жалуются, что у нихъ поднимается вверхъ «матка» и причиняетъ боли.

29. Niežai.

Чесотка (Scabies).

1) Синовиальная жидкость.

30. Naujikaulis.

Всякое малое затвердѣніе мускульной ткани, а равно ненормальное утолщеніе кости.

31. Nuomas.

Падучая болѣзнь (Epilepsia).

32. Perskelta lūpa.

Заячья губа.

33. Prietvaras.

Запоръ (Constipatio).

34. Pagėdimas.

Бѣшенство (Lyssa).

35. Plaučių uždegimas.

Воспаление легкихъ (Pneumonia).

36. Priemėtis, Priepuolis, Išgąstis.

Всякія спазмы и нервные явленія вообще.

37. Pagadinimas.

Болѣзнь отъ того, что человекъ съ нехорошими глазами сглазилъ.

38. Piktvotis, Mėlynasis spuogas.

Карбункулъ (carbunculus), Сибирская язва.

39. Piktšasis.

Favus.

40. Raupos, Rauplės.

Оспа (Variola).

41. Rėmuo.

Изжога (Pyrosis).

42. Rožė.

Рожа. Рожи, по мнѣнію народа, ученые доктора не въ состояніи излечить.

43. Sausgėla.

Ломота в костяхъ.

44. Spuogas.

Прыщъ, угри (acne vulgaris).

45. Sloga, Slanktas.

Насморкъ (Rhynitis).

46. Šasai.

Струны.

47. Šunvotis.

Чирей.

48. Saldžioji votis.

«Prurigo», вообще хроническая экзема.

49. Trūkis.

Преимущественно народъ такъ называетъ боль подъ ложечкой. Вообще боль въ груди или животѣ, появившаяся вследствие усиленной работы или подъема большихъ тяжестей и непроходящая отъ отдыха. Чаще всего иррадирующая боль со стороны позвоночника въ области живота или груди.

50. Trindė.

Воспаление подкожной клетчатки на подошвѣ стопы. (Inflammatio tellae cellulosaе).

51. Vandėnė liga.

Водянка.

52. Vėjo užpūtimas, Užpūtis.

Мышечный ревматизмъ (rheumatismus).

muscularis) и односторонний паралич, вследствие кровоизлияния мозга (hemiplegia).

Ракъ (cancer).

Куриная слѣпота (hemeralopia).

Истерія (histeria). Буквальный переводъ: одержимъ бѣсомъ.

Вередъ.

Воспаленіе кишекъ (enteritis).

Понось (diarrhea).

Крoвавый поносъ.

53. Vėžys, vėžio liga.
54. Vištátupis, Vištálaktis.
55. Velnio apsėdimas.
56. Votis.
57. Žarnų uždegimas.
58. Žyvas, Viduriavimas.
59. Kruvinasis žyvas, Kruvinasis viduriavimas.

II. Люди, имѣющие, по мнѣнію народа, сверхъестественную власть.

1. Raganius, Žavėtojas.
2. Ragana.
3. Atžinda, Atžinduolis.

Колдунъ, чародѣй.

Вѣдьма, чародѣйка.

Человѣкъ, котораго мать ребенкомъ кормила грудью, на время прекратила и затѣмъ снова начала кормить.

4. Vardininkas.

Чародѣй, который только заговариваетъ болѣзни.

III. Взаимоотношенія между людьми, имѣющими сверхъестественную власть, и другими людьми.

1. Yra raganiai ir raganos, kur žmones gadina. Reikia su jais būti piktuoju, tai jie nepagadins, arba einant pro šalį reikia špygą kišenyje turėti.

1. Есть колдуны и вѣдьмы, которые приносятъ вредъ людямъ (могутъ сглазить). Советуется быть всегда съ ними въ ссорѣ, или, проходя мимо нихъ, держать въ карманѣ шишъ, тогда они не могутъ вредить.

Joniškėlio parapijoje yra Meškálaukio sodžiūje garsi raganių šeimyna: Ablunskiai.

Въ деревнѣ Мешкалаукисъ, Юганишкельскаго прихода, есть цѣлая семья чародѣевъ: Аблунскіе.

Kitas garsus raganius Joniškėlio parapijoje, Gailioniškių sodžiūje, Petrauckas ir dabar tebėra.

Другой извѣстный колдунъ Петровскій и теперь живетъ еще въ деревнѣ Гаиліониски, Юганишкельскаго прихода (Морта Дудайчи изъ деревни Дичюны, Пушолат. прих., Поневѣж. у. 13. I. 1904 г.).

2. Čigoną sutikus reikia špygą kišenyje laikyti, kad nepačėrėtų.

2. Встрѣтивъ цыгана, нужно держать шишъ въ карманѣ, чтобы не околдовалъ. (Она Юзапайтайчи изъ деревни Папишки, Пушолат. прих., Понев. у. 6. I. 1904 г.).

3. Pas visus žmones žmogysta akių įlėlėje stačia stovi, o pas raganius skersa.

3. Если посмотришь въ глаза обыкновеннаго человѣка, то увидишь въ его зрачкѣ свое отраженіе прямо, въ вертикальномъ направленіи, а если увидишь себя въ глазахъ какого нибудь человѣка въ положеніи косомъ, то этотъ человѣкъ — чародѣй. (Морта Дудайчи изъ дер. Дичюны 13. I. 1904 г.).

4. Raganiai nežino, ką žmogus mano, bet ką tik žmogus ištaria, tai visa tą raganiai žino.

4. Чародѣи не могутъ знать, что люди думаютъ, но если произнести, хоть и тихо свою мысль, то чародѣй всегда ее услышитъ. (М. Дудайчи 13. I. 1904 г.).

5. Kad žmogų raganis taip pačeria, kad jis vemia, tai, užpylus ugnį ant vėmalo, raganiui širdį pliko.

5. Если колдунъ заворожитъ человѣка настолько, что у него является рвота, то нужно насыпать жару на эти рвотныя массы, тогда у колдуна обжигается сердце. (М. Дудайчи 13. I. 1904 г.).

6. Raganis gali žmogų paversti vilktakiu. Vilktaakis lekia ir lekia per laukus ir miškus; susitikęs žmogų plėšia.

6. Чародѣй можетъ превратить человѣка въ волка (срв. Wolfsmensch, lycanthropos, волкодлакъ, млр. волкулака оборотень?) Такой оборотень бѣжитъ и бѣжитъ полями, лѣсами, встрѣтивъ человѣка бросается на него. (М. Дудайчи 13. I. 1904 г.).

7. Kokius 20 metų atgal pasisamdė mano tėvai bernioką Juozą, nežinodami visai, kad jis raganis. Kaip jis tik supykdamo, tuoj sakydavo seneliams:

7. Около двадцати лѣтъ тому назадъ мои родители наняли работника Юсифа, не зная совѣтъ, что онъ былъ колдуномъ. Стоило ему разсердиться, какъ онъ сейчасъ угрожалъ старикамъ:

— «Aš jums pataisysiu po duknomis, kad vaitotų!» — arba — «Šiaudų įnešęs padraikysiu gryčioje — ims gyvatės raityties». —

— «Я такъ сдѣлаю, что вамъ подъ перину застонетъ» — или же: — «Принесу соломы, рассыплю на полъ — змѣи начнутъ извиваться по избѣ».

Sakydavo taip-pat, kad raganiui

Разсказывалъ еще, что когда наста-

prieina laikas čeravoti, tai jei ne žmogų, arba gyvolių, tai nors žemę turi čeravoti. Žemė toje vietoje išdžiūva ir niekas nebeauga. Tas mūsų Juozas vis bardavosi su samdine (mergaite). Vieną sykį vakarienę bevalgant, matutė ir ėmė barti, kam jie tarp savęs vis piktuoju. Prisižadėjo abu nesiptykti. Mergaitei, sausą bulbę atsi-kandus ir nurijus, pasidarė kaip peilis ant širdies: ėmė vemti.

Paskui ant galvos atstojusi ir sukasi kaip verpetas. Nėkaip ir apsaakyti nėra. Mama norėjo ant vėmalų ugnies pilti, bet Juozas neduoda. Daugiau mama viso pridavė, nieko nemačija. Tai Juozas liepė atnešti raugalo, truputį įpylė, gal 10 lašų, ir truputį pe-lenų primaišė ir mergaitei prie lūpų prikišo. Tuoj jai nuo širdies visas blogumas nuėjo. Sveika paliko.

Juozas liepė užlipti ant pečiaus; truputį pagulėjo, gal pusę šdynos. Daugiau liepė lipti nuo pečiaus, visiems ranką pabučiuoti, ir mergaitę pagijo. Pakui liepė atsisėsti, vakarienę valgyti. Mergaitė valgė, kaip ir nesirgusi ir daugiau visai sveika paliko. O Juozas sako: — «Visų dantįs balti, tik nežinau, kas už dantų».

8. Juozas ir toliau pasiliko pas mus tarnavęs. Mama susitarė su mergiote pažiūrėti, ar jo akis ne skersos t. y., ar žmogus jo akių ylalėje ne skersas stovi. Juozas joms besitariant buvo kalvėje, o mama su mergiote linus pluko.

неть колдуну время колдовать, то, если не заворожить человека или животное, землю завараживает. Земля в томъ мѣстѣ высыхаетъ и тамъ ничто расти не можетъ. Этотъ нашъ Іосифъ ссорился постоянно съ наемницею дѣвушкой. Однажды заужиномъ мать начала ихъ пробирать, зачѣмъ они постоянно ссорятся. Оба обѣщали не ссориться. Дѣвушка проглотила кусокъ сухого картофеля, и стало ей какъ-будто пожесть рѣзать сердце: началась у ней рвота.

Затѣмъ встала она головой на землю и стала, какъ веретено, кружиться, такъ что трудно и описать это. Мать хотѣла посыпать жаркимъ пепломъ рвотныя массы, но Іосифъ не позволилъ. Затѣмъ мать дѣлала, что знала, но ничто не помогало. Тогда Іосифъ принесъ квасу, налилъ капель 10, добавилъ немного пеплу и поднесъ это дѣвушкѣ къ губамъ. Сейчас же рвота прекратилась.

Затѣмъ онъ велѣлъ лежать ей на печи полчаса, затѣмъ сойти съ печи и поцѣловать вѣсьмъ руку. Дѣвушка выздоровѣла. Затѣмъ Іосифъ велѣлъ ей поужинать, дѣвушка ѣла, какъ-будто никогда и не была больной. Іосифъ говорить: — «У вѣсьхъ бѣлые зубы, но не знаешь, что за зубами». — (М. Дудайчи 13. I. 1904 г.).

8. Іосифъ и дальше остался служить у насъ. Мать съ дѣвушкой сговорились посмотреть ему въ глаза: прямое-ли (вертикальное) въ нихъ отраженіе ихъ фигуръ, или косое. Въ то время, какъ онъ сговаривались, Іосифъ былъ въ кузницѣ, а мать съ дѣвушкой очищали легъ отъ кострики.

Pietus bevalgydama mama jau ir pažiūrės Juozui į akis. Tik dvilktelėjo jam į akis, pažiūrėti ir negavo ir kaip durte įdūrė. Dvi dieni, dvi nakti rėkė ir rėkė iš to skausmo, koks jai akyse pasidarė. Nuvažiavo pas daktarą. Daktaras nepagydė. O Juozas vis sako:

— «Ko norėjo, tai ir gavo». —

Bet paskui pats prieš saulės tekėjimą nuėjo į verdenį, parnešė vandens. Kaip tik mama numazgojo akis, tai kaip ranka skausmą atėmė.

9. Tetutė dar mergaitė būdama, išgirdusi apie tokius Juozo darbus, ateidavo barti matutės, kam raganį namuose laiko. Tai Juozas ir ją pagadino. O jam išėjus į kitą parapiją, niekas jau nebegalėjo tetulės pagydyti. Vežė ją prie visų daktarų: ir prie daktaro Petkevičiaus į Joniškėlį buvo nuvežę, bet nepagydė. Ji mirė. O Juozas išėjęs į Pasvalį, atsimindavo apie tetulę sakydamas: kad tas, kur ją pagadino, išėjo į kitą parapiją, tai jos jau ir pats velnias nebegagydydys.

10. Nujamiesčio Papėdinskas man dar mokslan einančiam, kokius 50 metų atgal, apsakinėjo: norint pažinti raganį, reikia laukinių bičių vaško sulipdyti žvakelę ir advente per arotus, bažnyčioje besimeldžiant, užsižibinti. Tuomet kurį tik žmogų pamatysi atsikreipusį nugara į altorių besimeldžiant, tas ir yra raganis.

Во время обѣда мать собиралась посмотреть Іосифу въ глаза. Только взглянула, не успѣла ничего увидѣть, какъ крикнула, какъ будто бы кто ей глазъ выкололъ. Два дня и двѣ ночи кричала отъ этой боли. Поѣхала къ доктору, и докторъ не вылѣчилъ. А Іосифъ все говорить:

— «Чего хотѣла, то и получила». —

Утромъ до восхода солнца Іосифъ все-таки принесъ ключевой воды. Какъ только мать промыла глаза этой водой, сейчасъ выздоровѣла. (М. Дудайчи 13. I. 1904 г.).

9. Тетушка, будучи еще дѣвушкой, приходила къ матери уговаривать не держать въ своемъ домѣ чародѣя. Іосифъ и ее сглазилъ и ушелъ совѣсьмъ изъ нашего дома. Тогда никто не могъ вылѣчить тетку. Возили ее къ разнымъ докторамъ и къ доктору Петкевичу въ Іоганишкеле, но никто ея не вылѣчилъ, и она умерла. Іосифъ нанялся на службу въ Посволь; вспоминая про мою тетушку, говаривалъ, что, если тотъ, кто ее сглазилъ, ушелъ въ другой приходъ, то ужъ теперь ее и самъ чортъ не вылѣчитъ. (М. Дудайчи 13. I. 1904 г.).

10. Я еще тогда учился, 50 лѣтъ тому назадъ, когда разсказалъ мнѣ Пандинскій изъ мѣстечка Нового-Мѣста слѣдующее: если хочешь узнать чародѣя, нужно скленть свѣчку изъ воска дикихъ пчелъ и зажечь ее во время заутрени въ костелѣ въ Рождественскій постъ (adventus), и если увидишь человека въ это время обращеннаго спиною къ алтарю, — тотъ навѣрно чародѣй. (Адамъ Гедрикъ изъ

11. Jei kokiam žmonių susirinkime laukdavo moters, aptariamoms, kad ji ragana, tai į visus langus ir į duris įsmeigdavo po sagutę. Būtinai sagutę, nes pro adatos skyelę galėtų išlįsti. Moteriai atėjus ir už stalo atsisėdus, įmezdavo, jai nematant, į židinių devindrekių. Jei tos moters būta tikros raganos, tai ji turėjo išlėkti pro augštinį.

12. Per veselijas reikia į pypkę įsidėti devindrekių ir užrūkyti: tos smarvės nė vienas raganis neišturės, tuoj išlėks iš veselijų. Taip-pat girdėta nuo Naumiesčio Papėdinskio.

13. Kartais išvemiamas žmogus kirmėlę striuką, drūtą, plaukuotą. Žmonės kalba tokių žmonių raganos pagadinusios. Žmogus dažnai miršta nuo to.

14. Vieną sykį iškeikė kunigas tokią vardininką, kur nuo gyvatės įkandimo gydo. Užgrynė prie jo žmonės gydyties, apšaukė jį burtininku su velniu gydančiu. Netrukus po to iškeikimo ir įkando gyvatė klebono karvei. Gydo šiaip, gydo taip, karvė niekaip nepagija. Gaspadinė nori eiti prie to vardininko, klebonas, žinoma, neleidžia.

дер. Швайники, Ново-Мѣстскаго прих. Поневѣж. у. 23. I. 1904 г.).

11. Если въ какомъ-нибудь собраніи ожидали женщину, про которую думали, что она вѣдьма, то вкалывали во все окна и двери по булавкѣ. Непременно по булавкѣ, потому что сквозь ушко иглы вѣдьма могла бы пролѣзть. Дождавшись этой женщины и усадивъ ее за столомъ, бросали въ очагъ асафетиду, дѣлая это такъ, чтобы женщина не замѣтила. Если эта женщина была вѣдьма, то вылетала тогда изъ избы черезъ дымоволокъ. (Игнатій Петрайтисъ съ мельницы Карпишки, Клован. прих., Поневѣж. у. 23. XII. 1904 г.).

12. На свадьбахъ нужно вложить въ трубку асафетиды и закурить: этой вони ни одинъ колдунъ не вынесетъ, сейчасъ убѣжить изъ собранія. Это тоже рассказывалъ Папединскій изъ мѣстечка Новаго-Мѣста. (Адамъ Гедрикъ изъ деревни Швайники 21. I. 1904 г.).

13. Иногда во время рвоты выплевываетъ большой глисту, короткую, толстую, волосатую. О такомъ больномъ говорятъ, что его вѣдьмы сглазили. Больной отъ этого часто умираетъ. (Ад. Гедрикъ 21. I. 1904 г.).

14. Однажды ксендзу проклиная такого чародѣя, который заговаривалъ болѣзни. Запретилъ лѣчиться у него, называя его колдуномъ, лѣчившимъ съ помощью дьявола. Спустя нѣкоторое время, змѣя укусила корову настоятеля. И такъ и саякъ ее лѣчатъ: корова не поправляется. Экономка хочетъ посоветоваться съ чародѣемъ, настоятель сопротивляется.

Bet gaspadinė, matydama, jog karvė turės jau dvėsti, nusiuntė, prašydama išgydyti.

— «O tai buvo mane keikti» — sako tas — «kad jūs geri, išsigydykite be velnio». Nedavė vaistų.

Gaspadinėi gailu pieningos karvės. Lekia pati. Nubėgusi meldžia, prašo, kad susimylėtų. Tas išbaręs gerai už iškeikimą, paskui supykęs, metęs jai nuskintą lapą nuo sudžiūvusios šluotos.

— «Te!» — sakęs — «klebono karvei tokių tik vaistų teduosiu».

Gaspadinė pradžiugusi, pasigrobusi tą sudžiūvusį lapelį, parsinešusi patrynė kandį. Tuoj karvė sveika stojosi.

15. Kitą sykį buvo daug žavėtojų, bet ir dabar dar yra, nors ne taip daug iš katalikų. O žydų ir burliokų, labiau staraviečių be mažo kiekvienas moka žavėti. Sužavėja javus ant lauko; daržovės nudžiūsta, sunyksta, arba kitaip pradeda augti: kopūstai auga į šaknis kaip ropės, o batvinės suka į galvas. Sužavėja gyvulius, tie sudžiūva ir padvesia. Sužavėja ir žmones: tuoj pradeda sirgti.

Kitas moka sužavėti, moka ir atgauti. O kitas sužavėti moka, o atgauti nebemoka.

Supratus sužavėtą žmogų, ar vaiką,

Экономка, наконецъ, увидѣвъ, что коровѣ ужъ конецъ приближается, послала къ чародѣю.

— «Надо было ксендзу меня проклинать!» — говоритъ тотъ — «если вы ужъ такіе хорошие, то лѣчите безъ помощи дьявола» — и не далъ никакого лѣкарства.

Экономкѣ стало жалко такой молочной коровы. Бѣжить сама и умоляетъ чародѣя дать коровѣ лѣкарства. Тотъ, хорошенько выбравши ее за проклятіе, бросилъ съ досадой сорванный листокъ съ увядшей и засохшей метлы.

— «На тебѣ!» — сказалъ — «коровѣ настоящаго будетъ достаточно и такого лѣкарства».

Экономка обрадовалась, получивъ и этотъ засохшій листокъ. Возвратившись домой, сейчасъ натерла змѣйный укусъ, и корова выздоровѣла. (Юлія Жимонтъ, деревни Ушнены, Ужвентскаго прихода, Шавельскаго уѣзда 25. VI. 1906 г.).

15. Въ старое время было много колдуновъ, и теперь они еще есть, хотя между католиками ихъ не слишкомъ много, а только между евреями, бурлаками и всего больше между старообрядцами. Изъ нихъ почти всякій умѣетъ завораживать. Завораживаютъ хлѣба на поляхъ; зелень засыхаетъ, портится, или какъ-то странно начинаютъ расти: капуста вырастаетъ въ корень, какъ рѣпа, а свекла скручивается головки, какъ капуста. Завораживаютъ животныхъ, которые чахнутъ и издыхаютъ. Завораживаютъ и людей. Тѣ сейчасъ начинаютъ болѣть. Есть такіе чародѣи, которые умѣютъ и заворожить

tuoj reikia duoti gerti stiklininko. Jei tikrai bus sužavėtas, tuojau ims vemti ligonis. Tuos jo vėmalus tuojau įmesti į pečių, ar į ugnį. Beveizint atbėgs tasai, kurs sužavėjo. Jei jis mokės atgauti, atgaus, o jei nemokės tuomet verkdamas prašys gerti, ar ką pavalgyti, nes jam be galo degis širdį.

Reikia nieko neduoti, gintilaukan, tuomet nors kokią pagaliį jis pagaus išbėgdamas.

16. Atžinda turi blogas akis. Kaip pažiūri į kokią gyvolį, tas nunyksta; ir žmogui jo akis kenkia: ima nykti.

17. Jau bus ketvirtai metai, kaip mūsų kiaulė buvo turėjusi 10 paršiukų, labai gražių. Jau buvo jie išgyvenę dvi nedėli, o išrodė kaip šešių. Buvau kūtėje prie karvių, žiūriu ateina tetulė Žikauckienė. Ji atžinda ir jos vyras taip-pat. Ir prašyti parodyti paršų. Aš, žinodama ją atžinda esant, šiaip ir taip šneku, kad ji tik neeitų mūsų paršų žiūrėti. Bet nieko nepadariau: ji ėmė ir nuejo. Sako: — «Pasenau, tokių paršų nemačiau? Jšrodo kaip 8 nedėlių!» — Ant rytdienos tuoj du paršu nunyko: ar

(сгласить), и излѣчить. Другіе только за- пораживаютъ, но вылѣчить не въ состоя- нии. Какъ только узнаешь, что человѣкъ или ребенокъ заворожены, сейчасъ надо дать цытвари. Если больной былъ дѣй- ствительно заворожень, то сейчасъ у него явится рвота. Его рвотныя массы нужно сейчасъ положить въ печку или бросить въ огонь. Тогда явится чародѣй, заворожившій больного. Если этотъ чаро- дѣй сумѣетъ излѣчить больного, сейчасъ ему поможетъ, а если нѣтъ, то онъ ста- нетъ со слезами на глазахъ умолять дать ему напитокъ или чего нибудь закусить, потому что его сердце нестерпимо обжигается. Не нужно ничего давать, а только гнать его прочь. Убѣгая, чародѣй захватитъ съ собою хоть какой нибудь колъ. (Юлія Жимонтъ 25. VI. 1906 г.).

16. «Атжинда» (срв. стр. IV, № II, 3.) имѣетъ плохіе глаза. Если посмотреть на животное, оно погибаетъ; и человѣку его глаза вредятъ: начинается чихнуть. (Она Іозапайтайчи 11. I. 1904 г.).

17. Четыре года тому назадъ наша свинья имѣла 10 красивыхъ поросятъ. Имъ еще было двѣ недѣли, но они вы- глядывали, какъ шестинедѣльные, такъ были красивы. Я была въ хлѣбѣ у ко- ровъ, вижу, приходитъ тетушка Жиков- ская. Она «атжинда», и мужъ ея тоже. Я, зная, что она «атжинда», всячески ее заговариваю, чтобы только она не вздумала посмотреть на нашихъ поро- сятъ. Но не удалось. Она все-таки пошла въ свиню хлѣбъ. Говоритъ: «Соста- рилась и не видала такихъ красивыхъ поросятъ. Выглядятъ какъ восьминедѣль-

kiaulė nugulė, ar ką... Paskui kiti ėmė purtyties ir triesti ir visi išdvėsė. Ką mes nedarėme! Ir švestomis žolė- mis smilkėm ir su ruginiais miltais, bet niekas nemačijo.

18. Dar buvo mūsų sodžiūje kal- vis Kazlauckis taip-pat atžinda. Atėjo į mus. Mūsų Ona audžia, o jis sako: — «Kad taip audžia, kad taip au- džia!... Iškur, bala, imate?» — Tu- tarpu įbėgo ir mūsų mažoji sesytė Razytė; jis ir iš jos pasigražiavo. Jam išėjus, kad ims mergytė klykti, pur- tyties, laužyties, drebėti... nėkur jai pasidėti. Mama priglaudė prie savęs, ėmė mamai smakrą kandinėti besi- purtydama. Turėjome tuomet švento Ignacijušo vandens: mergytei galvą numazgojome, paskui smilkėm su švė- stomis žolėmis ir su ruginiais mil- tais, bet mergytė tik išsitempė, ne- atsitaisė. Bet pamokė tris kartus šal- tu vandeniu per veidelį nubraukti ir marškinių pridurkomis nušluostyti. Nuo to mergaitė tuoj atsitaisė.

O audeklas, iš kurio Kazlauckas pasigražiavo, po kokių penkių minu- čių jam išėjus, kaip surakintas. Minti negali. Nutraukė gijų gal pusę au- deklo; ir mezga ir vėl trūksta. Visai audeklas sugedo. Tai vėl smilkė švė- stomis žolėmis ir ruginiais miltais. Truputį atsitaisė, bet nebebuvo toks gražus, kaip pirm.

ния!» На утро уже и не стало двоихъ по- росятъ: или свинья ихъ задушила, или ка- кимъ другимъ образомъ сдохли... Послѣ и другіе начали трестись, болѣть поно- сомъ. Мы ихъ разнымъ образомъ лѣчили: окуривали и священными травами, и ржа- ной мукой, но ничего не помогло, всѣ сдох- ли. (Морта Дудайчи 13. I. 1904 г.).

18. Еще былъ одинъ «атжинда» въ нашемъ селѣ, это кузнецъ Козловскій. Пришелъ къ намъ. Наша Анна ткеть у станка, а онъ говоритъ: — «Ткеть и ткеть!... Откуда, чортъ, и взять столько?» — Въ это время вѣбжала наша маленькая сестра Разите. Онъ взглянулъ на нее и порадовался. Когда онъ ушелъ, дѣвочка начала плакать, тряс- тись, ломаться, дрожать... некуда ей дѣться. Мать прижала ее къ себѣ; она, трясясь, искукала матери подбородокъ. Тогда была у насъ вода Святого Игна- ціуша. Смочили дѣвчкѣ этой водой го- ловку и священными травами, и ржаной мукой окуривали. Дѣвочка только вытя- нулась, но не оправилась. Посоветовали смочить ей лицо три раза холодной водой и вытереть обшивкой рубашки. Отъ этого дѣвочка и оправилась.

А ткань, о которой Козловскій ото- звался съ похвалой, какъ только онъ ушелъ, утаталась, что ни съ мѣста. Чуть не половина основы изорвалась. Нитки свяжутъ, онъ сейчасъ снова рвется. Цѣлая ткань испортилась. Тогда начали ее окуривать священными травами и ржа- ной мукой. Отъ этого ткань немножко исправились, но не совсемъ. (Морта Ду- дайчи 13. I. 1904 г.).

IV. Объясненіе народомъ прирожденныхъ человѣческихъ свойствъ, наклонностей и болѣзней.

1. Jei moterė, nėščia būdama, eina pro dvokiančią dvėseną ir nosį užsiima, pagimdo vaiką su smirdinčia dvasia.

2. Kuomet nėščia moterė pirmą Kalėdų, arba Vėlykų dieną nagus sau nupiausto, tuomet pagimdo vaiką be nagų. Aš pažinojau tokią mergaitę Marcijoną Montviliukę iš Žemontiškių sodžiaus, Rozalymo parapijos, ant kojų ir rankų be pirštų galų, lig pirmutinių krumpelių. Jos motyna sakėsi nusipiausčiusi pirmoje Kalėdų dienoje sau nagus.

3. Nėščia moterė, išvydus ugnelę, turi daboties neišsigąsti ir nežiūrėti į gaisrą, nes jos gimusiam vaikui bus ant veido raudonos pėtmės.

4. Valiliškių sodžiaus Marcijona Jesilionienė giriasi mokanti padaryti, kad sūnus gimtų. Atėjusi į bobas tuoj kūrena pečių troboje ir liepia vyrui malkų atnešti, bet paduoti sau ne pro duris, bet pro langą ir pačiam į trobą atgal pro langą įlipti — tuomet gims sūnus ir ilgai gyvės.

1. Если беременная женщина, проходя мимо воюющей падали, закроет носъ, то у ребенка, который у нея рождается, плохо пахнетъ изо рта. (Она Томашауцкайчи изъ деревни Монюны, Розалим. прих., Поневѣжск. у. 11. XII. 1904 г.; ср. № 12).

2. Если беременная женщина въ первый день Рождества Христова или Пасхи обрызываетъ себя погги, то у нея рождается ребенокъ безъ погтей. Я сама знала такую дѣвушку Марціану Монтивлюке, изъ дер. Жемонтишки, Розалимскаго прихода. У нея пальцы на рукахъ и ногахъ кончались сейчасъ-же у перваго сустава. Ея мать разсказывала, что она, будучи беременной, обрызгала себя погги въ первый день Рождества. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

3. Беременная должна избѣгать испуга и не смотрѣть на пожаръ, потому что у ребенка будутъ на лицѣ красныя пятна. (Юлія Жимонтъ, деревня Ушнечы, Ужвент. прих., Шавел. у. 15. VI. 1906 г.).

4. Въ деревнѣ Валилишкахъ Марціана Есиліонене хвастается, что она можетъ сдѣлать, чтобы родился сынъ. Прийдя къ родильницѣ, она затопитъ печь въ хатѣ. Но дрова долженъ принести самъ мужъ и подать ей не черезъ двери, а въ окно. Самъ-же онъ, возвращаясь, долженъ тоже пойти въ окно, а не въ двери. Тогда у нихъ родится сынъ и будетъ долго жить. (Антанасъ Батайтисъ изъ деревни Валилишки, Смильгов.

скаго прих., Поневѣжскаго у. 20. X. 1904 г.).

5. Jeigu motyna pirm pagimdymo turi madą koja kiaules spardyti, tuomet jos vaikas gimęs turės šerius.

5. Если мать, будучи беременной, имѣть привычку толкать свиной ногою, то у нея рождается ребенокъ, обросшій шерстью. (Юлія Жимонтъ 15. VI. 1906 г.).

6. Esu daug kartų girdėjusi, jei moterė nėščia peržengs per slenkstį ir užpakalyje jos kas tuoj įkirs kirviu į tą patį slenkstį, tai gims vaikas su perskelta lūpa.

6. Много разъ слыхала, что когда беременная женщина ступить черезъ порогъ и за нею кто нибудь врубитъ топоромъ въ тотъ же самый порогъ, то у нея рождается ребенокъ съ заячьей губой. (Габр. Петкевичъ 28. VIII. 1906 г.).

7. Utėnų (Smilgių parapijos) dvaro Kriaučiuonienė vis vedėdavo žydams drapanas. Vieną sykį, būdama nėščia, susibarė su žydalka dėl užmokesnio. Besibardama dar žengia iš gryčios. Žydalka pagriebusi kirvį metė užpakalyje jos. Tas kirvis ir įsikirto į slenkstį. Kriaučiuonienė ir pagimdė mergaitę su perskelta lūpa iš kairiosios pusės, kad net dvi danti matosi. Ta puse ji ir valgyti negali, nes kasis pro skylę iš burnos iškrenta.

7. Въ имѣніи Утяны (Смильговскаго прихода) женщина Краучунене обыкновенно стирала бѣлье евреямъ. Однажды она, будучи беременной, поссорилась съ еврейкой изъ-за платы и, разсердившись, выходила изъ хаты. Еврейкахватила топоръ и бросила за ней. Топоръ врезался въ порогъ. Краучунене потомъ родила дѣвочку съ заячьей губой съ лѣвой стороны, такъ что видны два зуба. Дѣвочка даже не можетъ разжевывать пищи зубами лѣвой стороны: кушанье выпадаетъ черезъ это отверстіе. (Петронеля Гаспаравитене, им. Пузынишки, Смильговскаго прихода, Поневѣжскаго у. 24. I. 1904 г.).

8. Jei moterė, būdama nėščia, pelės išsigąs, tai pagimdys kūdikį, kuris kur-nors ant odos turės plaukuotą didelį įtapa, kaip tik pelės kailis.

8. Если беременная женщина испугается мыши, то у родившагося у нея ребенка бываетъ на кожѣ тѣла пятно, поросшее такими волосами, какъ мышиный мѣхъ. (Габр. Петкевичъ 28. VIII. 1906 г.).

9. Apskritai yra prasiplatinęs tikėjimas, kad jei moterė nėščia ką-

9. Народъ вѣритъ, что если беременная женщина что нибудь украдетъ, то

nors pavogs, tai jos pagimdytasis vaikas bus vagis.

10. Nėščia būnant neatimti pašaro nuo svetimo gyvolio ir nešerti savojo. Jei taip padarytų, vaikas gimtų nebylis. Kaip tas nuskriaustasis svetimas gyvolys negalėjo pasiskųsti, taip jos vaikas negalės kalbėti.

11. Boba nėščia turi daboties nevaikščioti į namus tokių žmonių, su kuriais būtų buvusi piktuojų. Gali jos pėdas perkirsti, tuomet gimusiam jos vaikui bus kirtis per lūpas.

12. Jei nėščia moterė, eidama pro kokį smirdantį nabaštiką, ar padvėsusį gyvolį, užsiima sau nosį, tai jos gimusio vaiko visą amžių smirdės dvasia.

13. Nėščia būdama turi daboties nevalgyti prie atdaro šėpo, nes jos gimęs vaikas begalo daug valgys ir sotės neturės.

14. Nėščia moterė turi nedėvėti dviem kvartūkais, nes dvyniai gims.

15. Nėščia moterė turi nestebėti į luošus, ronotus, ubagus. Gali vaikas toks atsigimti iš pastebejimo.

родившийся от нея ребенок будет вором. (Габр. Петкевич 28. VIII. 1906 г.).

10. Если беременная женщина отнимет корм у чужого животного и подаст его своему, то у нея родится немой ребенок. Какъ это обиженное, чужое животное никому не въ состоянii рассказать про свою обиду, такъ ребенокъ этой женщины не будетъ въ состоянii промолвить слова. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

11. Беременная женщина должна остерегаться, чтобы не ходить къ людямъ, съ которыми она жила въ ссорѣ. Могутъ разрубить слѣдъ ея ступни, тогда родится у нея ребенокъ съ заячьей губой. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

12. Если беременная женщина, проходя мимо вонючаго трупа или вонючей падали, закроетъ носъ или ротъ, то у ея ребенка будетъ во всю жизнь пахнуть изо рта. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

13. Беременная женщина должна остерегаться, чтобы не кушать при открытомъ шкафѣ, потому что ея ребенокъ будетъ много кушать и никогда сытъ не будетъ.

14. Беременной женщиנѣ нельзя носить заразъ двухъ передниковъ, потому что родятся близнецы. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

15. Беременная женщина не должна смотрѣть на калѣкъ, израненныхъ и нищихъ, потому что изъ-за приглядыванiя къ такимъ людямъ можетъ родиться ребенокъ похожій на нихъ (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

V. Разныя причины болѣзней и всякихъ ненормальностей.

1. Kiaušinių perėtų, o neužperėtų, nuo pusiaurakio atimtų, negalima duoti valgyti vaikams. Jų protas palieka kaip užperėtas užperis.

2. Kad vaikas išduria kregždės gūžtą, tai paskui saulė margai dega.

3. Nuo išgąščio ir nuo didelės gėdos keliasi rožė. Kad tenka labai susigėsti, tai kaistu ir kaistu ir tuoj jaučiu rožę išsikeliant.

4. Vištatupiu suserga, kaip nueina gulti vakare ir užmiega dar saulei nenusileidus ir vištoms nesutūpus. Kuomet vištos sutūpia žmogui bemiegant, tai ir suserga vištatupiu.

5. Nereikia ne tik raganiui, bet ir šiaip žmogui nėkuomet girti nė vaiko, nė gyvolio. Jie giriami kaip suserga, tai joks daktaras negali pagydyti.

6. Yra žmonių, kurie turi gerą ranką, kiti vėl blogą. Jei gera ranka nukerpa plaukus, tai jie auga. Jei bloga, tai plaukai neauga.

1. Яицъ, на которыхъ курица сидѣла половину времени, но которыя еще не насижены, нельзя давать кушать дѣтямъ. Они стали бы слабоумными. Лятовецъ говоритъ: уиъ дѣтей стали бы, какъ насиженное яйцо. (Юлія Жимонтъ 15. VI. 1906 г.).

2. Если дитя разрушить гнѣздо ласточки, то послѣ этого его лицо покрывается отъ солнца веснушками. (Она Іозапайтисъ 1. IX. 1903 г.).

3. Отъ испуга и большого стыда заболѣвають рожею. Когда мнѣ случается сильно застыдиться, сперва становится тепло, тепло и сейчасъ послѣ этого заболѣваю рожею. (Маріона Казлауцкайчъ изъ деревни Дичюны, Пушолат. прих. Поневѣжскаго у. 15. I. 1904 г.).

4. Куриной слѣпотою заболѣвають тѣ, которые вечеромъ ложатся спать передъ закатомъ, когда курицы еще не успокоились. Если человекъ уже спитъ, когда куры собируются на ночлегъ, то навѣрно заболѣетъ куриной слѣпотою. (Она Іозапайтайчъ 1. IX. 1903 г.).

5. Не надо никогда никого хвалить. Если ребенокъ или животное, похваляемое (не только колдуномъ, но и всякими прочими), заболѣетъ, то никакой ученый докторъ его не вылѣчитъ. (Она Іозапайтайчъ 1. IX. 1903 г.).

6. Есть люди съ хорошою рукою, а другіе съ плохою. Если человекъ съ хорошою рукою обстрижетъ волосы, то они станутъ расти, если съ плохою — не растутъ. (Она Іозапайтайчъ 6. I. 1904 г.).

7. Nunešė vieną sykį i lauką darbininkams kleckų. Buvo nevalgomoji diena, užtat kleckai vandenyje buvo virinti. Gyvatė, nieko nematoma, išlinko i puodą ir suvirė karštame skys-time.

Darbininkai gardžiavosi valgydami kleckus, manydami, kad silkė yra įdėta. Tik paskui visus ėmė utėlėmis versti. Pasidarydavo ant odos tokios mažos pūslelės, ir iš kiekvienos utėlės lindo.

8. Vienas žmogus, prisiviręs neužkukuotų gyvačių, vakare sutemus nunešė puodą su tomis virintomis gyvatėmis i kūtes savo arkliams jas paduoti. Pastatęs puodą pats toliau paėjo. Kitas pamatęs pilną puodą, manė mėsą atradęs ir privalgė. Paskui ji visą utėlėmis išvertė.

9. Kas vanojasi baslių malkomis iškurentoje pirtyje, tam piktvtotis verčiasi.

10. Suvysčius kūdikį, reikia jam kiekvieną sykį pirštais už noselės sučiupti, kad nevaikščiūtų paskui su glyte.

7. Случилось однажды, что понесли в поле работникам похлёбку с клёцками. Был постный день. Похлёбка была сварена на воде. Работники не заметили, как змья вползла в эту похлёбку и сварилась в горячей жидкости. Они покушали эту похлёбку с большим аппетитом, думая что она с селедкой.

Спусти в некоторое время всёх их осыпало мелкими пузырьками, и из каждого такого пузырька выползали вши. (Она Іозапайтайчи 4. II. 1904 г.).

8. Однажды какой-то хозяин наварил змій, пойманных раннею весною, когда еще кукушка не куковала, и весь горшок с этими змьями принес вечером после заката в конюшню, чтобы ими своих лошадей накормить. Поставив горшок, сам отошел. Другой, увидев полный горшок, подумал, что это мясо, и наелся. После этого его всего вшами осыпало. (Адамъ Гедрикъ из деревни Швайники, 11. II. 1904 г.).

9. Кто парится в бань, натопленной дровами, нарубленными из заостренных с одного конца колебев, того осыпает прыщами (чирьями). (Антонъ Еленевскій, им. Пузынишки, Смильгов. прихода, Поневежск. у. 1. XII. 1903 г.).

10. Спеленав ребенка, нужно ему пальцами вытереть носик, чтобы постъ сопливым онъ не былъ. (Магдалена Баѳорици из деревни Вальдейки, Іоганишкел. прих., Поневежскаго у. 5. XII. 1897 г.).

11. Išskuotų plaukų nereikia mėtyti. Kaip paukštis įsuks i lizdą, tai atmintis pražūs.

12. Yra plaukuota kirmėlė, trinde vadinama. Žmonės sako, kad trindės liga gaunama nuo užmynimo ant kirmėlės trindės.

13. Dabar jau žinau, kad niekuomet nereikia nieko atsakyti nėščiai moteriai. Kaip tik neduosi, ko prašo, tuomet namie tau viską žiurkės kapos. Tik jei neturi duoti to, ko prašo, tai išeinant tokiai moteriai reikia užpakalyje jos berti ar grūdų, ar duonos, ar žemės. Žinoma, žemę berti — tai griekas.

Kaip bersi, tai tau neės žiurkės, bet užtat tos moters pagimdytasis kūdikis griebis valgyti tai, ką bėrei: ar duoną, ar grūdus, ar žemę.

14. Mažam vaikui gryžas įpuola i bambelę. Vaikas tuomet baisiai rėkia. Jeigu jo negydyti, tai bambelę išrėktų: bambelė iššoksta ant viršaus.

15. Prieš smertį visos ronos užgija. Mano motyna ir-gi turėjo ant kojų baisias ronas. Prieš smertį užgijo.

11. Вычесанных волосъ не бросать, чтобы птицы изъ нихъ гнѣздъ не свивали. Память отъ этого исчезаетъ. (Она Іозапайтайчи 6. I. 1904 г.).

12) ¹⁾. Есть волосатая гусеница, которую называютъ «тринде». Говорятъ, что кто наступитъ на эту гусеницу, тотъ заболѣваетъ болѣзнию «тринде» — (воспаление подкожной клѣтчатки на подошвѣ стопы). (Она Іозапайтайчи 6. I. 1904 г.).

13. Теперь уже знаю, что нельзя ни въ чемъ отказать беременной женщинѣ. Если ей не дать, чего она проситъ, то въ домѣ мыши все сгрызутъ. Но если нѣтъ того, чего она проситъ, то когда она уходитъ, нужно бросить за нею или зерновой хлѣбъ, или просто хлѣбъ, или земли немножко. Хотя землю бросать — грѣхъ. Но если бросишь, то у тебя мыши ничего не испортятъ, только ребенокъ, родившійся отъ просившей женщины, станетъ кушать то, что было брошено: хлѣбъ, зерновой хлѣбъ, или землю. (Петронеля Гаспаравитене 24. I. 1904 г.).

14. Иногда у малого ребенка начинаетъ болѣть желудокъ. Ребенокъ тогда сильно кричитъ. Если его не лѣчить, то отъ этого крика у него дѣлается пупочная грыжа. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

15. Передъ смертью все раны заживаютъ. У моей матери были ужасныя раны на ногахъ и тоже передъ смертью зажили. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

1) Учитель Б. Кодатисъ изъ Берлина говорилъ, что по-нѣмецки гусеница «тринде» называется Processionsspinner. Взятая въ руки, она выбрасываетъ волоски, которыми она покрыта. Тѣ волоски втыкаются въ кожу и причиняютъ воспаление.

16. Kiti žmonės turi kaltūnuotas rankas nuo išgąščio.

17. Kūmams per krikštytas reikia labai prie viens-kito prisiglaudus sėdėti; kad krikšto vaiko dantys nebūtų reti.

18. Jei kuomet žmogų kiaulė įkąs, tai ta opa atsinaujina prieš smertį.

19. Priemetį gauna nuo išsigandimo. Kitiems priemetis rankas ir kojas susukina. Jos ištįsta.

20. Kiti nuo išsigandimo gauna rožę.

21. Mano dešinioji krūtė sirgo. Dar man mergaitei bėsant ji sugedo. Kaip gimė pirmas kūdikis, nieko nežinodama, ėmiau jį žindyti kairiaja: ir liko vaikas kairiarankis. Antrą vaiką, kaip reikėjo žindyti, vis patūrėdavau pirm prie dešinėsios krūtės, nors jis ir nieko iš jos negaudavo: ir vaikas sveikas, nebekairiarankis.

22. Pirmą sykį vaiką žindyti iš dešinės pusės, tuomet vaikas nebus kairys.

23. Mažą vaiką, dar nekrikštytą,

16. У некоторых людей руки делаются золотыми от страха. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

17. Кумовья на крестинном пиру должны сидеть тесно возле друг друга, чтобы у ребенка зубы не были редки. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

18. Если когданибудь свинья укусила человека, то эта рана за несколько времени перед смертью возобновляется. (Мечислав Якубовский, имение Подзишки, Клованского прихода, Поневьжского у. 5. V. 1900 г.).

19. Страдают судорогами от страха. Случается, что в судорогах искривляются руки и ноги. Они пухнут. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

20. Другие от испуга заболтывают рожею. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

21. У меня правая грудь болела и я еще была двушкой, когда у меня она испортилась. После рождения своего первого ребенка, ничего не зная, я его кормила левой грудью: и мой ребенок теперь левша (seaevola). Когда пришлось кормить второго ребенка, то я всегда ему сперва давала сосать правую грудь, хотя в ней и не было молока. Этот ребенок совершенно здоров, не левша, как первый. (Чернеке, им. Пузынишки, 20. V. 1906 г.).

22. Ребенку в первый раз надо дать сосать правую грудь, он тогда не будет левшой. (Юлия Жимонтъ, Шавельского у. 11. II. 1905 г.).

23. Малаго некрещеного ребенка на-

пaprastai visi ubagiuku vadima, o po krikšto jau vardu. Nekrikštyto vaiko niekam, labiau nepažįstamam nerodyti. Tuomet vodią viskas greičiau. Jei pasidžiaugtų vaiku, ar pasidvytų — tai vaikas pradės nykti.

24. Išvežant į krikštą, reikia įskaros kertelę įrišti kelis grūdus druskos — tuomet vaiko nesusžavės.

25. Kūma turi daboties nesišlapinti, tūrėdama vaiką ant rankų. Kad kūma su vaiku ant rankų nusišlapintų, tai tas vaikas visą amžių šlapis į lovą.

26. Prie krikšto poteries turi labai aiškiai kūmas kalbėti. Jei kalbės neaiškiai — tai ir vaikas kalbės neaiškiai.

27. Vežant į krikštą ir parvežant pro kiekvieną sutiktą, ar pro šalį einantį žmogų turi kūmas Dievo vardą pagarbinti, kad vaikas dievobaimingas būtų.

28. Po krikšto parvažiaję kūmai turi susėsti greta labai arti viens-kito, susispausti, kad vaiko dantukai būtų tankūs.

29. Sužinojus kaimynei, seseriai, ar kokiai giminei, gimus vaikui, niekuomet nesusukti balsiai tokios naujienos. Kitos bobos turi tokią madą, šaukti kitai: — «Ar žinai, tai ir tai

зываютъ нищимъ, и только послѣ крещенія зовутъ по имени. Некрещеного нищому, а въ особенности незнакомому не показываютъ. Некрещеному скорѣе все вредить. Если бы кто нибудь, глядя на некрещеного, удивлялся или восхвалялъ его — то сейчасъ бы тотъ началъ чахнуть. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

24. Вывозя ребенка въ костелъ для совершенія обряда крещенія надъ нимъ, надо въ уголокъ платка завязать немножко соли — тогда ребенка не оглазывать. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

25. Крестная мать, имяя ребенка на рукахъ, не должна мочиться. А то ребенокъ послѣ всю жизнь будетъ мочиться въ кровати. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

26. Кумъ долженъ во время крещенія внятно произносить слова молитвы. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то ребенокъ будетъ говорить невнятно. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

27. Кумовья, везущіе къ крещенію ребенка, должны всякаго встрѣчнаго и мимо проходящаго приветствовать Божьимъ словомъ, чтобы ребенокъ былъ богобоязливъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

28. Возвратившіеся съ крещенія кумовья должны уѣсться одинъ подле другого и тѣсно прижаться, чтобы у ребенка зубки были частые. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г. ср. 17).

29. Сосѣдки, сестры или какія нибудь родственницы, узнавъ о рожденіи ребенка, не должны восклицать громко про такую новость. Есть женщины, которыя имѣють привычку кри-

gime jau sūnus ar duktė! — Antroji vėl šaukdama stebisi: — «Oje!» — Tuomet tas vaikas bus rėklys. Tokios naujienos reikia leisti lengvai, kuone pašnibždais, tuomet vaikas bus tylus, maža teverks.

30. Pilve sykį pasileidusi macica, į visą kūną gauna jau valią. Sunku ją vietoje nutūrėti. Nors suvaro, bet ji ir vėl pasileidžia. Todėl reikia išpat pradžios bobai po kiekvieno vaiko perinties ir braukyties, tuomet macica negaus valios pasileisti.

VI. Опредѣленіе признаковъ болѣзни.

1. Kaltūnu serga dažniausiai visos giminės. Ta liga eina nuo tėvų ant vaikų. Plaukai susisuka, nagai biau-riai geltonuoja, sprogsta, aplūžę.

2. Kad klimštelėja per riešą ranka, arba koja, tai ir gryžuojasi, braška.

3. Gumbas smaugia po širdimi, suvalgius ką, arba sunkiai pakėlus. Baisi liga. Geriau mirti, nekaip sirgti.

4. Drugys, kad užninka žmogų

чать, удивляясь: «знаешь ли? У такой-то или такой родился сынъ или дочь!» — Тогда такой ребенокъ будетъ крикуномъ. О рожденіи нужно говорить почти шопотомъ, тогда ребенокъ будетъ тихенькій, будетъ мало плакать. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

30. Въ животѣ иногда обрывается съ мѣста «матка» (см. стр. 2, № 28) и тогда она овладѣваетъ всѣмъ тѣломъ. Трудно ее на свое мѣсто выправить; поэтому нужно съ самаго начала бабамъ, послѣ рожденія каждаго ребенка, быть въ банѣ, париться и натираться, тогда «маткѣ» нельзя будетъ съ своего мѣста сдвинуться. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

1. Колтуномъ болѣть обыкновенно вся семья. Эта болѣзнь передается родителями дѣтямъ. Волосы спутываются, ногти желтѣютъ, трескаются и становятся шереховатыми. (Бонифацій Якубовскій, им. Подзинки, Клованскаго прихода, Поневѣжскаго у. 21. V. 1904 г.).

2. Если произойдетъ растяженіе связокъ въ пястномъ или голеностопномъ суставѣ, то этотъ суставъ хруститъ, трещитъ, заболѣваетъ «грыжомъ». (Она Іоза-пайтайчи 6. I. 1904 г.).

3. «Гумбасъ» (= вздутие живота подъ ложечкой) давить около сердца послѣ ѣды или послѣ поднятія какой нибудь тяжести. Ужасная болѣзнь. Лучше умереть, чѣмъ болѣть. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

4. Перемежающаяся лихорадка, какъ

krėsti, sunku yra nuo jo atsikratyti. Drugys yra ne vienokas. Sirgdamas žmogus drugiu, tankiai pamato savo drugį. Drugys yra nuo gyvulio: arklys, jautis, ožys, šuo, katinas. Kiek yra gyvulių, tiek yra drugių. Kurs ligonis sužino, pamato savo drugį, tam greičiau gali atspėti vaistą. Yra drugiai ir nuo žydo. Tą drugį sunku nukratyti vaistais, tankiai tik šventenybės mačija. Kokį drugį ligonis turi, tankiai pamato. Kaip nukrečia ir uždega karštis — tuomet lenda į akis jo drugys, tai yra šuo, ar jautis, ar koks kitas gyvulys, arba koksai žmogysta. Tuomet, koks pasirodo gyvulys, kokio plauko, — reikia tokio plauko gyvą surasti ir nuo jo gydyties: plaukais smilkyti, kraujo įlašinus iš to gyvulio ausies gerti, arba mėšlo, truputį užpylus degtine, išgerti.

5. Boboms kartais pasikelia macica. Macica yra gyva bobos pilve, pavidale varlės. Jei leisti jai pasikelti į aukštą, tai ji apžios širdį, arba užsmaugs gerklę ir turės boba mirti. Kartais macica kurks pilve, paskui ir pasileidžia į visą kūną. Tuomet bobai galva ir visi kaulai skauda.

6. Vištaturpis vadinasi toki liga:

кого схватить, такъ послѣ трудно отъ нея отдѣлаться. Лихорадка бываетъ разнаго рода. Больющимъ лихорадкою часто случается увидѣть свою лихорадку (родъ своей лихорадки). Лихорадка бываетъ отъ животныхъ: отъ лошади, отъ вола, отъ козла, отъ собаки, отъ конки. Сколько разнаго рода животныхъ — столько лихорадокъ. Если которому больному удастся увидѣть свою лихорадку, то тому легче узнать, какъ лечиться. Бываетъ лихорадка и отъ жида. Не легко отъ такой лихорадки отдѣлаться, иногда только освященные вещи помогаютъ. А какою лихорадкою больной болѣетъ, это ему чаще всего удастся увидѣть послѣ лихорадочнаго припадка, когда поднимается у него жаръ. Тогда онъ видитъ свою лихорадку: или собаку, или вола или другое какое нибудь животное или какую нибудь личность. Какой масти больной видѣлъ животное, такое животное нужно ему найти: его шерстью нужно окуриваться; выпустивъ ему крови изъ уха, выпить ее, или взявъ отъ него немножко навоза, настаивать на водкѣ и выпить. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

5. Иногда у бабъ поднимается вверхъ «матка». Матка въ животѣ бабы живая, въ видѣ лягушки. Если ей дать возможность подняться вверхъ, то эта лягушка захватываетъ въ свою пасть сердце или зажметъ горло, и бабѣ приходится умирать. Иногда матка урчитъ въ животѣ, а послѣ овладѣваетъ всѣмъ тѣломъ: тогда у бабы болитъ голова и всѣ кости ломить. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

6. Куриной слѣпотой называется слѣ-

akįs skauda, ir kaip tik ima temti vakarais, žmogus nieko nemato. Pasidaro tarytum koks rūkas. Kad ir šluostai akis, tarytum vis dulkėse.

дующая болезнь: боль в глазах, сильное ослабление зрѣнія во время сумерекъ. Человѣкъ испытываетъ ощущение, будто видитъ все въ туманѣ, а въ глазахъ жжеть подобно тому, когда песочная пыль попадетъ въ глаза. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

VII. Лѣченіе болѣзней.

а) Колдовством¹⁾.

1. Nuo čertaplaukio plauja pildami šiltą vandenį per varpas.

2. Kad piktvtotis nepriliptų pirtyje nuo kitų, reikia, įėjus į pirtį, semti su sauja vandenį, tris kartus kišti prie nosies ir lieti ant krosnies.

3. Jei vaikas naktimis susimūža, tai muša su pasaitu (nuo kibiro) vaiką ant slenkščio pasiguldę.

4. Kad žmogus išsigando šunies, arba kito kokio gyvulio, arba žmogaus, tai kad nesusirgtų, reikia jį smilkyti plaukais to sutvėrimo, kurio išsigando.

5. Geriausias vaistas, kuomet atžindos žmogų pagadina, tai nubraukti per veidą 3 kartus šaltu vandenimi

1. Отъ «чертаплаукіо» (воспаленіе надкостницы) лѣчать, наливая на больное мѣсто теплую воду черезъ колосья. (Она Іозапайтайчи 1. IX. 1903 г.).

2. Чтобы въ банѣ не заразиться чирьями, нужно, войдя въ баню, три раза зачерпнуть рукой воды, понюхать и полить ею печь. (Антонъ Еленевскій 10. V. 1903 г.).

3. Если ребенокъ ночью мочится въ кровати, то его кладутъ на порогъ и бьютъ веревкой, снятой съ ведра. (Она Іозапайтайчи 6. I. 1904 г.).

4. Когда человѣкъ испугается кого нибудь, человѣка или животнаго, то его сейчасъ нужно окуривать шерстью или волосами того, кто его испугалъ, чтобы испугавшійся не заболѣлъ. (Она Іозапайтайчи 13. I. 1904 г.).

5. Когда «атжинда» сглазить, лучшее средство облить больному лицу три раза холодною водою и вытереть подоломъ ру-

ir pridurkomis nuo marškinių nušluostyti. Mano mama jau daug žmonių taip pagydė.

6. Laiko žmonės muilą ir švarikiuką, su kuriais kokį nabaštiką yra nuplovę. Susirgus kam rože, mazgoja jį tuo muilu.

7. Reikia numirėliui į burną įdėti sidabrinių rublių. Palaikius dieną ir naktį, išimti. Kam susirgus rože, duoti gerti tą skystimą, kuriame toks rublis buvo pirm apmerktas.

8. Nuo vištatupio reikia burną prausti po vištų laktomis, tad ir pagis.

9. Nuo gryžo riša braškantį, gryžuojantį sąnarį nevirinta, žalia, drobine gija, arba raudona vilnone. Riša mezgdami tris kartus po devynis mazgus ir vyniodami tą mezgamą giją apie ligotą sąnarį nuo savęs, ne į save, skaito: ne vienas, ne du, ne tris, ne keturi ir t. t.

Tą turi daryti žmogus, kurs yra pas savo tėvus gimęs arba pats pirmasis, arba pats paskutinis.

10. Reikia, paseilinus bevardį, apskrieti juo šunvotį tris sykius prieš saulę. Šunvotis išdils.

11. Moteriai kūdikį pagimdžius, kad greičiau antroji pusė atskirtų, perriša vilnoniu siūlu pravadrinimą.

башки. Моя мать такимъ образомъ многихъ вылечила. (Морта Дудайчи 13. I. 1904 г.).

6. Люди прячутъ мыло и тряпочку, которыми мыли мертвеца. Этимъ мыломъ моютъ больного рожею. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

7. Нужно вложить мертвецу въ ротъ серебряный рубль, подержать день и ночь и вынуть. Если кто заболѣетъ рожею, то ему даютъ пить воду, въ которой этотъ рубль былъ намоченъ. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

8. Кто заболѣлъ куриной слѣпотой, долженъ мыть лицо въ курятникѣ подъ насѣстомъ, — чтобы выздоровѣть. (Игнатій Петрайтисъ, мельница Карпишки, Клованс. прих., Поневѣж. у. 25. XII. 1904 г.).

9. Отъ «грыжасъ» повязываютъ больной, хрустящій суставъ ниткой изъ льна сырца, или красной шерстяной ниткой. Завязываютъ три раза по девять узелковъ; вяжутъ отъ себя, считая: не одинъ, не два, не три, не четыре и т. д. — Это долженъ дѣлать человѣкъ, который родился у своихъ родителей первымъ или последнимъ. (Она Іозапайтайчи 13. I. 1904 г.).

10. Нужно послонить четвертый палецъ руки и имъ помазать три раза вокругъ чирея. Нужно это сдѣлать, держа чирей на солнцѣ. Чирей исчезнетъ. (Бонифацин Якубовскій 21. V. 1904 г.).

11. После родовъ, чтобы скорѣе отдѣлился послѣдъ (placenta), перевязываютъ шерстяною ниткою пупочный ка-

¹⁾ Въ большинствѣ случаевъ очень трудно провести точную черту разграниченія между колдовствомъ и врачеваніемъ въ смыслѣ, принятомъ медициною. Это разграниченіе сдѣлала я, руководясь только субъективными взглядами, предоставляя специалистамъ разработку того сырого матеріала, какой представляютъ эти мои очерки, записанные прямо изъ устъ народа.

натикъ. (Врачъ Л. И. Петкевичъ, мѣстечко Иоганнискеле, Поневѣж. у. 1. II. 1904 г.).

12. Teko dažnai matyti siūlu, labiau šilkinui, perrištas kojas ir rankas augščiau riešų tokiems ligoniams, kurie alpsta arba kuriems kraujas pilasi.

12. Часто случалось видѣть перевязки, сдѣланныя изъ нитокъ, особенно шелковыхъ, на ногахъ и рукахъ выше локтя и голеностопнаго суставовъ. Такия перевязки дѣлаются больнымъ при кровотеченіи или при обморокахъ. (Врачъ Л. И. Петкевичъ 1. II. 1904 г.).

13. Nuo saugėlos riša juodos avelės vilnas, arba patįs gulasi, skaudamąją vietą pririšę prie juodos avelės.

13. Отъ невралгій рукъ и ногъ прикладываютъ шерсть черной овцы, или сами ложатся рядомъ съ черной овцою, привязавъ къ ней больное мѣсто. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

14. Karpas gydo, patyrę jas su jautiena. Paskui tą mėsą pakavoti po žeme, toje vietoje, kur lašai nuo stogo krenta. Kaip mėsa supūs ir karpas išnyks.

14. Бородавки лѣчатъ, натирая ихъ говядиной. Затѣмъ этотъ кусокъ мяса закапываютъ въ землю подъ крышей, чтобы на это мѣсто капала съ крыши дождевая вода. Когда мясо въ землѣ сгниетъ, то и бородавки исчезнутъ. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

15. Nuo gryžo riša vyresnioji šeimynoje duktė siūlą nuo šluotryšio arba nuo kryžiaus, kur buvo žolynais apkaišytas ir siūlu aprištas, arba vilnonį raudoną siūlą.

15. Отъ «грыжа» повязываетъ старшая въ семействѣ дочь ниткою изъ веревки, которою была связана метла, или ниткою, которою были привязаны цвѣты къ кресту, или просто красною шерстяною ниткою. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

16. Gryžą veria tarp durų.

16. «Грыжа» сжимаютъ между дверями. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

17. Pradėjus drugiui ligonį krėsti, reikia, paėmus miestą, ligonį gynti greitai, kiek jis gali, toliau nuo namų į laukus. Kaip jau ligonis su drugiui pakris, tuomet tą miestą įsmeigti į žemę ir palikti, o ligonį parsivesti.

17. Какъ только лихорадка начнетъ больного трясти, нужно, взявъ колъ, гнать заболѣвшаго въ поле, и чтобы онъ бѣжалъ такъ быстро, насколько онъ въ силахъ. Когда больной вмѣстѣ съ лихорадкою упадетъ, тогда колъ вбѣить въ

Drugys pasiliks užsmeigtas miestu. Ligonis išsimiegojęs liks be drugio.

этомъ мѣстѣ въ землю. Лихорадка останется, вбѣтая коломъ въ землю, а больной, возвратившійся домой, выспится и выздоровѣетъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

18. Pradėjus krėsti drugiui, idėti ligonį į tuščius ratus be šiaudų ir vežti zovada per griovius, akmenis, per laukus, per ežes, vagas, šaknis. Lėkti vis zovada. Vingį davus parvežti namo. Važiuoti kol tik nebekrės. Tokiu vežiojimu kur-nors iškris drugys, bet greitai lėkti, kad atgal neišoktų į vėžimą. Tokiu būdu nukrato drugi. Kartais, ir raitas greitai jodydamas, ligonis nusikrato drugi.

18. Какъ только лихорадка начинаетъ трясти, положить больного въ пустую телегу безъ соломы и мчаться съ нимъ какъ можно скорѣе черезъ канавы и камни, черезъ корни деревьевъ, по полямъ и пашнямъ. И все мчаться во весь опоръ. Обѣхавъ кругомъ, возвратиться домой, когда лихорадка перестанетъ трясти. Во время такой ѣзды лихорадка гдѣ нибудь выпадетъ и не успѣетъ назадъ вскочить въ телегу. Такимъ образомъ избавляются отъ лихорадки. Иногда удается и скорою верховою ѣздой вытрясти лихорадку. (Юлія Жимонтъ II. 11. 1905 г.).

19. Jei drugys žydas, tai reikia tuo gydyties, ko nemėgsta žydas valgyti: vis kiaulieną, lašinius, užkūlą. Jei negali ligonis valgyti, tai sutirpinus gerti. Užnikus drugiui krėsti, atsigulti į kaulių migį, arba atsisėsti po kryžiaus, o dar geriau eiti keliais apie kryžių, tuomet žydas pames.

19¹⁾. Если лихорадка жидъ, то нужно лѣчиться тѣмъ, чего жидъ не кушаетъ: свиинною и саломъ. Если больной не можетъ кушать, то растопить сало и дать пить. Можно еще, когда лихорадка начинается трясти, ложиться въ свиной хлѣвъ или усесться подъ крестомъ, а еще лучше обойти вокругъ креста на колѣняхъ, тогда жидъ броситъ больного.

Jei drugys merga, tai nešukuoti galvos, nė burnos neprausti ligoniui. Mergai pabiauřės ir pames.

Если лихорадка дѣвушка, то не нужно больному ни чесаться, ни мыться. Дѣвущкѣ больной опротивѣетъ, и она его броситъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

20. Karpai užaugus, paimti nuo šulnio šiaudelį ir pabadyti tą karpą ir vėl šiaudelį numesti, tik neuinant nežiūrėti į tą šiaudelį.

20. Если вырастетъ бородавка, нужно взять у колодца соломку, поколотъ ею бородавку, бросить соломку обратно и, не оглядываясь, отойти. (А. Я. на Мисеви-

1) Срв. выше, стр. 21. VI, 4.

21. Gyvatės įkastas žmogus negali eiti po pastogės, labiau turi saugoties neiti į dūmus, bet sėdėti ir nakvoti lauke kur patvoryje, kol neatsileis putmens. Kad būtų kas kitas prie įkandimo, tuomet sugrobtį tą pačią gyvatę, kuri įkando ir jos krame apvesti apie kandi, tuomet putmens tiek tesiplės, kiek yra vietos tame rinkelyje, kurs apvestas krame. Gyvatė įkandusi nebeturinti gylio, kol neprieis prie akmens. Tuoj po įkandimo gali drąsiai ją gaudyti, antrą sykį nebegali įkasti tuojau.

22. Yra žmonių, mokačių užvardyti gyvatės kandi. Nereikia jiems nė matyti ligo, nė priliesti. Kas atėjęs pasako, kam įkando, daktaras tuojau pakalba savo maldele, paskui paėmęs by-kokią žolę, ar lapą, paduoda, kad nunešes padėtų prie kandžio. Kaip tik prideda, tuoj ir išgija.

23. Valiliškių sodžiaus Marcijona Jesilionienė pagydo sergančius vaikus. Jei vaikas naktimis nemiega, rėkia, tad klausinėja, ar neišgązdino kas vaiko. Jei vaikas būtų ko išsigandęs, ar žmogaus, ar šunies, ar gaidžio, tad liepia tam nukirpti plaukų ir pasmilkyti tais plaukais vaiką.

тене из деревни Валилишки, Смильгов. прих., Поневъж. у. 20. I. 1904 г.).

21. Если змѣя укуситъ человѣка, то онъ не долженъ входить подъ кровлю и особенно долженъ остерегаться дыма. Долженъ остаться почевать гдѣ нибудь въ полѣ у забора, пока опухоль не спадетъ. Если бы кто былъ при укушеніи, тогда надо было бы схватить ему ту змѣю, которая укусила, и ея головою обвести вокругъ укуса; тогда опухоль распространится только въ предѣлахъ обведеннаго головкой мѣста. Змѣя, послѣ укуса, не имѣетъ жала, пока не приползетъ къ камню. Сейчас послѣ укушенія можно безъ опасенія ее поймать, она тогда не въ состояніи второй разъ укусить. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

22. Есть люди, умѣющие заговаривать змѣиное укушеніе. Не надо имъ даже видѣть или дотрагиваться до больного. Придетъ кто нибудь къ такому знахарю и расскажетъ, кого змѣя укусила. Знахарь сейчасъ прочтетъ свою молитву, послѣ, взявъ какое-нибудь растеніе или листикъ, даетъ приложить къ укусу. Какъ только приложить, больной сейчасъ выздоравливаетъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

23. Марціана Есипіонене изъ деревни Валилишки лѣчитъ больныхъ дѣтей. Если ребенокъ не спитъ по ночамъ, кричитъ, она спрашиваетъ, не испугался ли чего нибудь ребенокъ. Если ребенка дѣйствительно испугалъ человѣкъ, или собака, или пѣтухъ, то у того, кто испугалъ ребенка, она отрѣзываетъ пучекъ волосъ или шерсти, и этими волосами, шерстью

или перьями окуриваетъ ребенка. (Антанасъ Батайтисъ изъ деревни Валилишки, Смильговскаго прих. Поневъжскаго у. 20. I. 1904 г.).

24. Nuo trijų kiemų slenksčių reikia sudėti žemių ir, kad užaina gumbas, tas žemes kloti prie krūtinės; tuoj nustos skaudėję ir daugiau nebesirgsi.

25. Jei mažam vaikui pradeda skirties galvelė, tad reikia papešti samaną iš visų keturių trobos kerčių ir vaiką pasmilkyti, tad ir sugis.

26. Prie čertaplaukio reikia kloti tyrų vilnų. Jei ne čertaplaukis, tad vilnos palieka grynos (tyros). Jei čertaplaukis, tad kaip voratinklis apsiųnioja apie tas vilnas ir tokiu būdu išėina į virsų, o pirštas, kuriame buvo čertaplaukis, pagijja.

27. Čertaplaukį dar gydo liedami ant skaudamo piršto vandenį per varpas: tuomet ir pasiseka išlieti tuos «čerto» plaukus.

28. Gryžą gydo kramtydami skaudamą vietą. Turi kramtyti toks žmogus, kurs yra gimęs savo tėvams pats

24. Противъ вздутія живота подъ ложечкой («гумбась») берутъ землю изъ подъ пороговъ трехъ жилищъ, смѣшиваютъ эту землю и прикладываютъ къ груди. Боль сейчасъ унимается и больше не возвращается. (Антанасъ Батайтисъ 20. I. 1904 г.).

25. Если у ребенка начинаютъ расходиться швы черепной крышки, то нужно взять мохъ изъ всѣхъ четырехъ угловъ хаты и имъ окурить ребенка. Тотчасъ выздоровѣетъ. (Она Пакилене, деревня Валилишки, Смильговскаго прих. Поневъжск. у. 20. I. 1904 г.).

26. Противъ «чертаплаукіо» (воспаленіе надкостницы) нужно прикладывать баранью шерсть. Если это не будетъ воспаленіе надкостницы, то шерсть останется неизмѣненной. Если же это будетъ дѣйствительно воспаленіе надкостницы, то словно паутиною окутывается кругомъ шерсть и, такимъ образомъ, болѣзнь выходитъ, а палецъ выздоравливаетъ. (Завадзка 4. I. 1904 г.).

27. Воспаленіе надкостницы (бу-квальный переводъ «чертаплаукисъ» — чортовъ волосъ) лѣчатъ, наливая на больной палецъ воды черезъ колосы: такимъ образомъ, и удается «вылить» эти «чортовъ волосы». (Она Йозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

28. «Грыжась» т. е. недостаточность смазки въ сухожильныхъ сумкахъ лѣчатъ, кусая больное мѣсто. Кусать можетъ

pirmasai, arba pats paskutinysai.

29. Gydo dar gryžą verdami durimis skaudamąjį sąnarį.

30. Nuomaru sergas kaip apmirs, viečiau atsigaua, kuomet jį iš vietos patraukia.

31. Nuo geltos reikia žiūreti į auksą.

32. Reikia ligonį išgązdinti, tad nustos drugių sirges.

Mano seserį drugys krėtė. Ėmiau, jai nematant, didelį skardos šmotą ir sudaviau iš viso vieko į lovos galą. Tikrai valandelei nustojo krėtės.

только такой человек, который родился или первым, или последним у своих родителей. (Она Іозапапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

29. Лечать недостаток смазки в сухожильных сумках, сжимая между дверями больной сустав. (Она Іозапапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

30. Во время припадка падучей болѣзни нужно больного сдвинуть с того мѣста, гдѣ онъ упалъ, тогда онъ скорѣе приходитъ въ чувство. (Бонифацій Якубовскій 21. V. 1904 г.).

31. Противъ желтухи нужно смотреть на золото. (Бонифацій Якубовскій 1. IV. 1903 г.).

32. Нужно больного испугать; испугъ лучшее средство противъ перемежающейся лихорадки. У моей сестры былъ лихорадочный приступъ. Я, взявъ кусокъ жести, ударилъ имъ сильно въ кровать у изголовья. У сестры дѣйствительно тотчасъ исчезъ ознобъ; но это помогло только отъ этого приступа. (Бонифацій Якубовскій 1. IV. 1903 г.).

б) Лѣченіе, соединенное съ почитаніемъ святыхъ и религіозными обрядами.

1. Kad dantų neskaudėtų, reikia šventos Apolionijos dieną nieko nevalgyti.

2. Mažas vaikas, kad verkia naktį, nemiega, skrupčioja iš miego, — reikia paimti: švęstų žolių iš Žolinės, labiau pikdagį, Dievo kūno švęstų rūtų, švęstų Verbų kadagių ir vakare, paguldžius į lopšį vaiką, toms žolėms pasmilkyti visą lopšį ir vaiką

1. Чтобы зубы не болѣли, нужно въ день святой Аполлоніи ничего не кушать. (Она Іозапапайтайчи 1. XI. 1903 г.).

2. Если ребенокъ ночью плачетъ, не спитъ, и у него судороги, нужно взять священныхъ травъ: освященную въ церкви въ день Вознесенія, траву «пикадагисъ» (чертополохъ), освященную въ день Божьяго Тѣла руту, и освященные въ вербное воскресеніе вербу и можжевель-

ir sukalbėti tris Sveika Marija. Taip kas vakarą ligi trijų sykių, bet tuoju po pirmojo sykio vaikas jau geriau miega.

3. Vaikas, kuomet gauna priepnolį, nemiega, užmigęs šokinėja, verkia, kaip-ko nusigandęs, mažą tevalgo, bijo vienas būti, labiau vakare bijo, tuomet nėkokie vaistai negelbsti. Vien tik reikia vežti arba nešti į bažnyčią ir prašyti kunigo egzortas skaityti, nors ligi trijų sykių. Kartais pagija vaikas nuo sykio, kartais po trijų sykių. O jei nė po trijų sykių nėra geriau, reikia vežti prie kito kunigo, nes kunigai nelygu egzortus skaito. Zokoninkų, labiau bernardinų pačios tvirtosios egzortos. Bernardinai ir velnius iš žmonių išvaro.

4. Jei vaikas mažesnis, ar didesnis yra sargaliuotas, išbliškęs, mažą tevalgo—tad reikia jį apžadėti ir įvilkti į zokoninko drabužius: koks patinkamas Bernardinų, Dominikonų, ar Karmelitų. To zokono apdaru, į kurį vaikas apžadėtas, pasiūdinti reikia abitą, nusivesti į bažnyčią tokią, kurios kunigas turi teisę uždėlioti brostvas. Toksai kunigas pašvenčia vaikui abitą ir įvelka ten-pat bažnyčioje, o motynai pasako, kiek poterių reiks

nikį ir vakarą uždėti vaiką į kolybėlį, oкурить его и всю кolyбелį этими травами и три раза прочитати Ave Maria. Такъ нужно дѣлать подрядъ три вечера. Съ перваго вечера ребенокъ имѣетъ лучший сонъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

3. Если ребенокъ заболѣетъ спазмами, не спитъ, сонъ сопровождается судорогами, ребенокъ плачетъ, какъ-будто перепуганный, мало кушаетъ, бонтея оставаться одинъ, особенно вечеромъ, тогда лѣкарства не помогаютъ. Нужно тогда нести или вести ребенка въ церковь и просить священника читать «эксорты» (заклинанія), и это надо продѣлывать три раза. Иногда ребенокъ выздоравливаетъ съ перваго раза, иногда надо въ три раза читать эксорты. Если и послѣ третьяго раза ребенку не поможетъ, то нужно его вести къ другому священнику, потому что священники не одинаково читаютъ эксорты. Эксорты монаховъ, особенно бернардиновъ, самые дѣйствительные. Бернардины и сатану выгоняютъ изъ людей. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

4. Если ребенокъ болѣзненъ, блѣденъ, мало кушаетъ, то нужно сдѣлать обѣтъ и надѣть ему монашескую одежду, какая лучше понравится: бернардинскую, доминиканскую или кармелитскую. Затѣмъ повести его въ такой костель, гдѣ священникъ имѣетъ право надѣвать братскіе знаки, т. е. четки. Такой священникъ освящаетъ рясу и надѣваетъ ее ребенку въ церкви, а матери ребенка объясняетъ, сколько молитвъ надо читать за братскіе знаки.

kalbėti už to vaiko brostą. Gali apžadėti keleriems nori metams: vieniems, dvejiems, trejiems. Žinoma, pagal vaiko sveikatos žiūrėti, jei vaikas sveikesnis gali trumpiau, blogesnis — gali ilgiau įvilktą laikyti. Norint nuvilkti, reikia vėl to paties kunigo, kur įvilko, — tas-pats turi išvilkti.

5. Kokie 20 metų atgal teko man matyti Joniškėlio parapijoje tokis į zokoninko abitą įvilktas vaikas. Tėvams vaikai neaugdavo, mirdavo, tad vieną įvilko į zokoninkų abitą, bet ir tas mirė.

6. Jei vaikas nekrikštytas ima mėlynuoti, ir putikės iš burnelės mušasi, tuomet kuogreičiausiai, nors naktį, vežti, skubėti krikštyti, nes piktoji dvasia gauna valią nekrikštytą smaugti. Po krikšto nebeturės valios, vaikas ir pagerės. Nepaskubėjus pakrikštyti, tuoj pasmaugtų.

7. Yra dar Smilgių miestelyje Laimutienė. Ta moka užvardyti rožę ir dantų gėlimą. Žmonės eina prie jos su dovanomis. Kam tik kokia piktovė pasikelia, tuoj bėga pas Laimutienę, o ji vaistų neduoda, tik vis šnibžda tylomis, žegnoja, trina su ražančium ir su kryželiais, ir žmonės visi įtikį, jos gydymą.

Можно съдѣлать такой обѣтъ на какой угодно срокъ: на годъ, два или три.

Обыкновенно дѣлають обѣтъ по состоянію здоровья ребенка. Если ребенокъ не очень боленъ, то на мѣнѣ продолжительное время, если очень боленъ, то на болѣе продолжительный срокъ. Желаяшему снять рясу съ ребенка, нужно обратиться къ тому же священнику, который надѣлъ ее на ребенка, такъ какъ только онъ можетъ снять надѣтую на ребенка рясу. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

5. Лѣтъ двадцать тому назадъ случилось и мнѣ видѣть въ мѣстечкѣ Юганинскѣхъ ребенка въ монашеской рясѣ. У родителей всѣ дѣти умирали, на одного надѣли рясу, но все-таки и этого ребенка ряса не спасла. (Габр. Петкевичъ 29. IX. 1906 г.).

6. Если у некрещенаго появляется синюха, и изъ ротика показывается пѣна, то по возможности скорѣе, даже и ночью, надо его окрестить, потому что это служить вѣрнымъ показаніемъ того, что нечистая сила имѣетъ власть душить некрещенаго. Послѣ крещенія нечистая сила власти не имѣетъ, и ребенокъ поправляется. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

7. Есть въ мѣстечкѣ Смилгахъ женщина Лаймутене. Она умѣетъ заговаривать рожу и боль зубовъ. Люди идутъ къ ней съ подарками. Она не даетъ лѣкарствъ, только шепчетъ, креститъ, натираетъ четками или крестами, и люди вѣрятъ ей. (Антанасъ Батайтисъ 20. I. 1904 г.).

8. Nuo drugio pagydo: reikia Sekminių švęstojo vandens gerti ir tuo vandeniui galvą nusimazgoti; gramnyčios dūmais rūkyties; Dievo kūno švęstomis rūtomis smilkyties; pašvęstų žolių per Žolinę arbatą virti ir gerti; relikvijomis trinti galvą ir poterius kalbėti prie tų šventųjų, kurių relikvijos.

8. Отъ перемежающейся лихорадки помогаетъ пить такую воду и мыть голову такою водою, которая освящена въ Троицынъ день; либо дымомъ церковной свѣчи, освященной въ Сретеніе Господне, окуриваться; либо рутою, освященной въ день Божьяго Тѣла, окуриваться; либо изъ травъ, освященныхъ въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, варить чай и пить его. Мощами святыхъ натирать голову и молиться этимъ же святымъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

в) Лѣченіе травами, органическими веществами и разными другими приемами.

1. Nuo baltosios drapanės gydosi arbata iš baltos panavijos šaknų, arba baltos dilgynės žiedų.

1. Противъ бѣли лѣчатъ чаемъ, свареннымъ изъ корней бѣлаго піона или изъ бѣлой крапивы. (Она Іозапайтайчи 6. I. 1904 г.).

2. Nuo rožės gydosi juodo katino krauju, išvarvintu iš uodegos. Jei jau uodega būtų nukirsta, tad iš ausių. — Duoda to kraujo gerti po 9 lašus.

2. Противъ рожи лѣчатъ кровью чернаго кота, взятою изъ его хвоста. Если хвостъ у кота уже отсѣченъ, то берутъ кровь изъ ушей. Этой крови пьютъ по 9 капель. (Цепилія Процикунайчи изъ дер. Гайляны, Юганинскель. прих., Поневѣж. у. 5. V. 1898 г.).

3. Rožę gydo pridėdami katės trąšą, arba jievos žievę, arba šluotgirnį (skarmalas, kuriuo girtas pašluosto). Kloja ir mėlyną poperį (nuo cukraus galvos), lajum išteptą.

3. Рожу лѣчатъ, прикрывая больное мѣсто кошачьимъ навозомъ или корой, снятой съ черемухи, или транкой, служащей для обтиранія жернова, или голубой сахарной бумагой, помазанной саломъ. (Она Іозапайтайчи 6. I. 1904 г.).

4. Išipiovę pirštą, žaizdą užkloja kukurbeždeliu (toks grybas), arba voratinkliu, arba sugrūstu angliu.

4. Порѣзавъ палець, рану закрываютъ дождевникомъ, или паутиною, или толченымъ углемъ. (Она Іозапайтайчи 6. I. 1904 г.).

5. Nuo čertaplaukio kloja netrintą

5. Воспаленіе надкостницы («черта-

taboką su rūgusiu pienu, arba česnaką, sugrūstą su paraku.

6. Nuo žyvato geria nemuoges, kaitina pilvą ant pečiaus.

7. Nuo prietvaro duoda gerti samanų nuo stogo, sudeginus su arielka.

8. Kuomet akis skauda, ir akis raudonos palieka, — grūda žvirblio trąšą ir sausą kloja per skepetą prie akių.

9. Nuo kosulio geria ledinį cukrų ir aviečių arbatą iš lazdu, ne iš uogu.

10. Ant voties kloja žąsies pūkų, papešę iš po pažastės, lepši sudžiuvintą ir išmirkytą, senos duonos plutą, užpiltą karštu pienu.

11. Kad rankos suplyšta, tepa lajumi, arba pastijonka, ir muilu mui-lia.

12. Kuomet vaikas gimsta raudonomis dėmėmis, gydo tepdami ką — tik padėtu vištos kiaušiniu.

13. Nuo šiltinių gydo girdydami ligonį alumi su mielėmis.

плаукись») лічаты, прыкрываюць больное мѣсто табакомъ, смѣшаннымъ съ кислымъ молокомъ, или чеснокомъ, толченымъ съ порохоми. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

6. Отъ поноса пьютъ чай изъ черники и грѣютъ животъ на печкѣ. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

7. Отъ запора даютъ пить мохъ, спитый съ крыши, съ водкой. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

8. При болѣзни глазъ, когда они становятся красными, прикладываютъ къ глазамъ сухой, толченый воробыный пометъ, положенный въ лоскуткѣ полотна. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

9. Отъ кашля пьютъ чай, сваренный изъ отростковъ малины съ ледянкою. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

10. На нарывъ кладутъ гусиный пухъ, опицанный въ области, прикрытой крыльями; сушеный и вымоченный грибъ, называемый «лепнисъ», корку стараго хлѣба, вымоченную въ горячемъ молокѣ. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

11. Если кожа на рукахъ трескается, то ее нужно смазывать саломъ или сливками, или мыломъ. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

12. Если родится ребенокъ съ красными пятнами, то мажутъ его свѣжеснесенными куриными яйцами. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

13. Противъ тифа даютъ больному пить пиво съ дрожжами. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

14. Kad vaikas susitrenkia ir strėnas užsigauna, tad sodina jį į tą vietą, kur pirm buvo padėtas karštos duonos bakanas.

15. Našlaites, išrovę su visomis šaknimis, geria, kad išbertų, kad liga išeitų viršun. Duoda vaikams gerti, kuomet galvos prišąsta, spaugais išverčia, kad labiau išverstų. Liga greičiaus išeis ir užgis. Jei perdaug užgeria — tad ir perdaug išverčia.

16. Jei rokuoja, kad ligoniui yra saldžioji votis, tuomet duoda našlaičių gerti, kad smulkiai išbertų.

17. Našlaičių reikia duoti, kuomet šiltas oras vasarą. Kaip šalta, žiemą, neduoda.

18. Jei prapuola drapanė, geria iš laukų žliugelės. Raudonai jos žydi vasarojienose. Tik ne kiekviename lauke jų yra.

19. Galvas trenkasi mergaitės sušivirinusios ajerų šaknų, vyšnių lapų; tuo skystimu jos trenkasi, kad plaukai augtų.

20. Mažą diemedį virina ir geria nuo galvos skaudėjimo.

14. Если ребёнокъ ушибеть себя бедра, то его садятъ на то мѣсто, гдѣ лежалъ свѣжеиспеченный теплый хлѣбъ. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

15. Варятъ цвѣты, называемые Анютиными глазками, вырвавъ ихъ съ корнями, чтобы болѣзнь высыпала наружу. Это лѣкарство даютъ дѣтямъ пить, когда голова покрывается струпами, чтобы усилить сыпь. Тогда болѣзнь скорѣе исчезнетъ и ребенокъ выздоровѣетъ. Если этого лѣкарства выпить слишкомъ много, то очень сильно высыпаетъ. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

16. Отъ экзематозной сыпи на головѣ даютъ пить чай изъ Анютиныхъ глазокъ, чтобы мелко высыпало. (Эльжбета Книжене изъ деревни Шермукушне, Пумолатскаго прих. Поневѣжскаго у. 14. XII. 1904 г.).

17. Пить чай изъ Анютиныхъ глазокъ даютъ только лѣтомъ, когда тепло. Зимой никто не пьетъ чаю изъ Анютиныхъ глазокъ. (Эльжбета Книжене 14. XII. 1904 г.).

18. Если прекращаются регулы, то пьютъ чай изъ травы, называемой «жлюгяле». Трава эта растетъ въ яровыхъ хлѣбахъ, цвѣтокъ ея красный, но не на всѣхъ поляхъ ее можно найти. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

19. Дѣвушки моютъ себя волосы чаемъ изъ яровыхъ корней (acorus calamus) или вишневыхъ листьевъ, чтобы усилить ростъ волосъ. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

20. Божье дерево (Artemisia Abrotanum) варятъ и пьютъ отъ головной

21. Pipirmėtės virina ir geria nuo pilvo skaudėjimo.

22. Kur ant langų augina tikrą jeronimą smulkiais lapeliais, geria nuo dieglių.

23. Nuo dieglių geria, kur rūgiuose auga — kirviapenčių arbata. Kirviapenčių prisidžioviną žiemai.

24. Nuo pilvo skaudėjimo geria negrūstus, sveikus pipirų grūdėlius su arielka.

25. Borsuko taukais tepa nuo tymo.

26. Nuo koleros reikia sklidinai pilną gorčių vandens užvirinti ir tą vandenį, kol karštas, ligoniui sugirdyti. Mano tėvelis taip nuo koleros pasigydo.

27. Gydo nuo vištātupio savo šlapum, arba rūtomis, sugrūdus ir sumaišius su rūgusiu pienu. Jos karštį ištraukia. Kloja ir molį prie akių.

28. Vištātupiu susirgus, reikia akis vištataukiais tepti.

29. Dantų škorbutą gydo plauzdamis dantis su alūnu, su suvirintomis ajerų šaknimis. Dar virina ir čebatėlių šaknis, arba francuzką

болн. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

21. Перечнуюмяту (Mentha piperita) варят и пьют против боли живота. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

22. Герань (Geranium) сь мелкими листиками пьют против коликъ. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

23. Против коликъ пьют чай из шпорника (Delphinium consolidum), который растеть во ржи. Этот шпорник сушеть и на зиму. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

24. Против боли живота глотают нетолченый перец сь водкою. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

25. Против опухоли смазываются барсучьим саломъ. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

26. Против холеры нужно закипятить полный до краевъ гарнецъ воды и выпить эту воду, пока не остынетъ.

Такимъ образомъ выльчился мой отецъ. (Завадка изъ Кракиновскаго прих. Поневъжск. у. 18. III. 1904 г.).

27. Против куриной слѣпоты прикладываютъ къ глазамъ собственную мочу или растертую руту, смѣшанную сь кислымъ молокомъ. Прикладываютъ также и глину. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

28. Против куриной слѣпоты смазываютъ глаза куринымъ саломъ. (Завадка 18. III. 1904 г.).

29. Против цыгги лѣчатся полосканиемъ зубовъ квасцами (alumen) или настойкой изъ айровыхъ (asorus calamus) корней, или изъ корней «Aconitum Na-

medeli, aptiekoje nusipirkę, užpila arielka.

30. Jei kam arielka viduryje žarnose užsidega ir garas lig kaip dūmai pro gerkle eina — tuomet reikia tokiam žmogui į gerkle primyžti. Geriausia, kad sena boba tą padarytų: tada geriausia pagelbsti. Žmogus veikiausiai atsigaus.

31. Geltą gydo tikruosius karolių ant kaklo nešiodami, arba kepa blyną su utėlėmis. Reikia bent dešimtis utėlių sukepti blyne ir duoti ligoniui suvalgyti. Virintos morkos irgi duodama ligoniui valgyti.

32. Nuo gerklės skaudėjimo duodavo gerti suvirinę rūpūžę, arba karvelio (balandžio) mėšlo.

33. Jei kas į akį įkrenta, tad yra bobų, kurics moka akį liežuviu išlaistyti ir tokiu būdu įkrisusį krislą išimti.

34. Man buvo vieną sykį įkrisęs krislas į akį. Boba laižė akį: jos liežuvis buvo teip šiurkštus, rodės — tarytum ji šepėčiu braukia.

35. Jei liežuviu nepasiseka išimti iš akies krislo, tuomet įleidžia vėžio girneles ir jos krislą išstumia.

pellus». Покупаютъ въ аптекахъ «французское дерево», заливаютъ его водкой и этой настойкой тоже полощутъ зубы. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

30. Если у кого-нибудь во внутренностяхъ зажжется водка, и паръ, какъ дымъ, валить изъ горла, то нужно, чтобы такому человеку кто нибудь помочился въ горло. Лучше всего поможетъ моча старой бабы. Больной тогда скоро оправляется. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

31. Противъ желтухи лѣчатся пошениемъ на шею настоящихъ кораллъ или употреблениемъ въ пищу блиновъ, испеченныхъ сь примѣсью вшей. Больному нужно принять по крайней мѣрѣ десятокъ вшей. Даютъ кушать тоже и варенную морковь. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

32. Противъ боли горла даютъ пить вареную жабу или голубиный пометъ. (Игнатій Петraitis 25. XII. 1904 г.).

33. Если что нибудь попадетъ въ глазъ, то есть бабы, которыя языкомъ вылизываютъ инородное тѣло (Томашъ Керге изъ деревни Сенканы, Смилгов. прих., Поневъж. у. 20. I. 1905 г.).

34. Мнѣ однажды баба лизала глазъ языкомъ, и языкъ ея былъ такъ шероховатъ, какъ щетка. (Бонифаций Якубовскій, имѣние Подзишки, Клован. прих. Поневъж. у. 28. I. 1905 г.).

35. Если не удастся вынуть языкомъ изъ глаза инородное тѣло, то кладутъ въ глазъ жерновокъ рака и тотъ уже непременно удалитъ инородное тѣло. (Томашъ Керге 20. I. 1905 г.).

36. Jei vaikas neturi karščio, tik taip naktimis nemiega, tad Jesilionienė liepia gauti juodos karvės ar juodos ožkos, jei nėra ožkos — tad juodos kumelės pieno; (vis tiek kas būtų, by tik juodas) ir tuo pienu nu-
prausti, tad vaikas ir užmiega.

37. Neužkukuota gyvatė yra vais-
tas nuo pasiutimo. Gydo ja ir kitas
arklių ir karvių ligas.

38. Nuo prietvaro žmogui ir gyvu-
liams duoda žvirblio trąšą su sviestu.

39. Šunies trąšos geria nuo gerklės
skaudejimo.

40. Kaip žmogus jaučia, kad jam
gerklę užima, reikia, kad gertų sud-
žiovintą rupūžę, tai greitai pagis.

41. Jei sunkiai moteriškė gimdo,
reikia vedžioti ligonį. Kaip tik so-
puliai suima — guldėti ir vėl vedžioti
ir liepti kojas kuopliau statyti.

42. Jei vaikas naktimis klykia,
reikia prie bambos kloti vilnas ir že-

36. Если у ребенка нет озноба, а
только по ночам он не спит, то Еси-
лионене советует принести молоко от
черной коровы, или от черной козы,
или от черной кобылы, — все равно от
какого животного, только чтобы это жи-
вотное было черной масти, — и этим мо-
локом обмывать ребенка: тогда у ре-
бенка исчезает бессонница. (Антанас
Батайтис 20. I. 1904 г.).

37. Змья, найденная ранней весной
до укувания кукушки, служить лекар-
ством против бешенства и против
других болезней лошадей и скота. (Бо-
нифаций Якубовский 1. III. 1901 г.).

38. Против запора людям и живот-
ным дают голубиный помет с ко-
ровьим маслом. (Магдалена Баиору-
найчи из деревни Валдейки, Юганиш-
кел. прих. Поневежск. у. 5. VII. 1897 г.).

39. Собачьим навозом лечат бо-
лезни горла. (Магдалена Баиорунайчи
5. VII. 1897 г.).

40. Когда человек чувствует, что
у него появляется ангина или другая
острая болезнь зѣва, он должен пить
чай, настоянный на высушенной жабе.
Это скоро помогает. (Анелия Гуокене
из деревни Валилишки 20. I. 1904 г.).

41. При тяжелых родах водить ро-
женицу по избѣ. Как только насту-
пают схватки, кладут больную в кро-
вать, а по прошествии схваток, опять
начинают водить, причем советуют
ей как можно шире разставлять ноги.
(Завадзка 4. I. 1904 г.).

42. Если ребенок по ночам кри-
чит, то ему кладут на живот баранью

шкурку, залезшую грудусу, таме
vandenyje vaiką numazgoti ir to pa-
ties vandens duoti užgerti.

43. Jei vaikui muomenis nesuauga,
reikia kiaušinio trynį kloti su vilno-
mis ir, uždėjus kaip kepurėlę, sus-
pausti.

44. Majavinį vabaliuką geria nuo
pasiutimo, kuomet pagedęs šuo arba
kits koks gyvulys įkās žmogų.

45. Geria dar nuo pagedimo jovaro
lapus.

46. Mergaitės nėščios, kurios ne-
nori gimdyti, geria gyvamedžio (Thuja
occidentalis) lapus.

47. Gydydami trindę, degina sam-
čio galu suputusį kojos padą. Užkai-
tina samtį, kad būtų labai karštas,
kad net gruzdėtų, ir deda prie skau-
damosios vietos.

48. Gydo dar trindę žąsies trąšą.
Reikia stoti ant šilto, katik pašikto
mėšlelio.

шерсть и варять чай из съмятой жерухи
(Brunnenkresse), в котором купают
ребенка, а выкупавши его, тем же са-
мым чаем поят ребенка. (Завадзка
4. I. 1904 г.).

43. Если у ребенка долго не сра-
стаются теменные кости, то нужно при-
ложить туда желток яйца, смешанный
с бараньей шерстью, причем нужно
крепко придавить к головке в виде ша-
почки. (Завадзка 4. I. 1904 г.).

44. Люди, укушенные бешеными
животными, чтобы не заболеть, прини-
мают внутрь «майских жуков»¹⁾. (Она
Гозапайтис 1. IV. 1903 г.).

45. Против бешенства пьют листья
«явора» (crataegus). (Она Гозапайтис
1. IV. 1903 г.).

46. Беременные девушки, чтобы вы-
звать аборт, пьют чай, настоянный на
листьях «Thuja occidentalis». (Врач И. Ф.
Петкевич 1. IX. 1906 г. им. Пузы-
лишки, Смилгов. прих., Поневеж. у.).

47. Воспаление подкожной клетчатки
на подошве стопы выжигают концом
нагретого деревянного ковшика. Нужно
так сильно нагреть ковш, чтобы он
почти обуглился, а затем приложить к
больному месту. (Она Гозапайтис 1.
IV. 1903 г.).

48. Лечат еще воспаление подкож-
ной клетчатки на подошве стопы гуся-
ным навозом: нужно встать больной
ногой на свежий, еще теплый навоз.
(Она Гозапайтис 1. IV. 1903 г.).

1) Врачу И. Ф. Петкевичу не раз случалось видеть больных, принимавших этих
жуков. Принимают их с медом. Они вредно влияют на физиологическое отправление
почек, вызывая выделение белка в мочу (albuminaria).

49. Kaip gerklę užima, reikia plauti sudžiovinta ir suvirinta rūpūže. Tik jos daug negalima dėti, nes labai karti.

50. Neužkukuota gyvatė nuo visų ligų yra gera. Žmonės tepa užvilktas akis arielka, užpilta ant tokios gyvatės.

51. Kokie 20 metų atgal nuvažiauvau viešėti į Reikjavos dvarą (keli varstai nuo Šiaulių miesto). Naktį pažadino mane nueiti prie dvaro darbininko, kursai jau beveik merdėdamos meldė manęs pas jį užėti.

Radau pajudavusį žmogų, į krūvą susirietusį, klupčiomis slankiojantį po trobos aslą.

To žmogaus pavardė buvo Raišys. Meldė, kad jį gelbėčiau... Mano tėvas gydytojas, kol arčiau gyveno, jį visuomet nuo tų baisių skausmų išgydydavo, o tos vietos gydytojai nieko jam nepagelbėti.

Jo žmona, prislinkusi, dar išpaskojo, kad buvo šikart gavusi ir degtinės, užpiltos ant neužkukuotos gyvatės, ir per dieną visą butelį vyrui sugirdžiusi, ir skausmai nekiek nepamažėjo. Tą pačią naktį ligonis pasimirė.

52. Kaip kas springs, reikia kumščiu gerai į kuprą suduoti.

49. Против острых болезней зъва нужно полоскать горло жидкостью, которую получают при кипячении сушеных жабъ в водѣ. Только ненужно чересчуръ сильнаго отвара (не особенно много жабъ), потому что онъ слишкомъ горькаго вкуса. (Завадзка 4. I. 1904 г.).

50. Змѣя, пойманная ранней весной, пока еще кукушка не куковала, служить лѣкарствомъ отъ всѣхъ болезней. Такую змѣю заливаютъ подкой, а настоємъ мажутъ даже глаза съ бѣльмомъ. (Она запайניתъ 1. IV. 1903 г.).

51. Лѣтъ 20 тому назадъ я поѣхала въ гости въ имѣніе Рекіево (нѣсколько верстъ отъ города Шавель). Ночью разбудили меня съ просьбой пойти къ рабочему, который находился при смерти. Я нашла больного совсѣмъ почернѣвшимъ, стянущимся въ кучу и ползающимъ на коѣнкахъ на полу. Фамилія его была Райшисъ. Онъ просилъ меня спасти его. Мой отецъ, докторъ, нѣсколько разъ помогъ ему въ такихъ припадкахъ, когда онъ жилъ въ нашихъ окрестностяхъ. Здѣшніе врачи ему не помогали. Его жена мнѣ рассказала, что больной выпилъ въ тотъ день бутылку водки, настоящей на «незакукованной» змѣѣ, и никакого облегченія не получилъ. Въ эту-же ночь больной скончался. (Габр. Петкевичъ, 5. IX. 1906 г.).

52. Если кто кущая подавится, то нужно его крѣпко ударить кулакомъ по спинѣ. (Бонифацій Якубовскій 21. V. 1904 г.).

53. Nuo drugio reikia šaltekšnio žievės išvirinti ir arbatą gerti. Išgėręs žmogus vemia, tuomet tuo vėmalu galvą reik plauti.

54. Nuo drugio geria degutą. Gėrimui reikia paimti šaukštą gryno deguto ir išleisti ožkos piene.

55. Turkų pipirų įpilti į verdantį vandenį ir gerti tokią arbatą — irgi yra vaistas nuo drugio.

56. Nuo slogos reikia uostyti prakaitą iš-po pažastės.

57. 1904 m. Vasario pradžioje darbininko patį Kovaliauckienė (Tolockonių dvare, Pasvalio parapijoje) gyrėsi davusi suvalgyti vaikui su trintus šviežiai jam pačiam išėjusius lisninkus. Tikėjosi moteriškė tokiu būdu pagydyti vaiką nuo lisninkų.

58. Teko matyti Krakių parapijoje, Kauno apskrityje, dvi moteri, kuriedvi buvo pakarti už kojų prieš gimdymą — kad lengviau gimdytų.

59. Nuo kaltūnuotų rankų tepa tos karvės namais, kuri pirmą kartą yra turėjusi. Kiti sako, kad geriau esą tepti pirmą sykį turėjusios kumelės namais.

60. Kas nenori, kad nuo raupų duobės ant veido pasilikty, turi sirg-

53. Против перемежающейся лихорадки пьютъ чай, настоянный на корѣ крушины (rhamnus frangulae). Этотъ чай вызываетъ рвоту у больного; этими рвотными массами моютъ голову. (Бонифацій Якубовскій 21. V. 1904 г.).

54. Перемежающуюся лихорадку лѣчатъ дегтемъ. Нужно ложку чистаго дегтя развести въ козьемъ молокѣ и выпить. (Бонифацій Якубовскій 21. V. 1904 г.).

55. Чай изъ турецкаго перца также служитъ лѣкарствомъ противъ лихорадки. (Бонифацій Якубовскій 21. V. 1904 г.).

56. Противъ насморка нужно нюхать подмышечный потъ. (Бонифацій Якубовскій 21. V. 1904 г.).

57. Въ первыхъ числахъ февраля 1904 г. жена рабочаго Ковалевская (въ имѣніи Толочканы, Посвольскаго прихода) говорила, что она дала своему ребенку съѣсть растертые, свѣжия глисты аскариды, вышедшія у этого же ребенка. Она надѣялась этимъ средствомъ избавить отъ глистовъ своего ребенка. (Врачъ Л. И. Петкевичъ 3. III. 1904 г.).

58. Случилось видѣть въ окрестностяхъ мѣстечка Кроки, Копенскаго уѣзда, двухъ женщинъ, которыхъ во время родовъ вѣшали за ноги — чтобы ускорить роды. (Врачъ Л. И. Петкевичъ 3. III. 1904 г.).

59. Золотушныя руки мажутъ родильнымъ мѣстомъ первороженцы коровы. Другіе утверждаютъ, что лучше для этой цѣли употреблять родильное мѣсто первороженцы кобылы. (Она Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

60. Для того, чтобы оспа не обезобразила лица (рубцами), во время болѣзни

damas kloti prie veido skepetėlę, sušlapintą saldžiąjame piene.

61. Nuo kosulio: verda puplaiškus ir geria; arba tuos puplaiškus išdžiovinus pypkėje rūko; aviečių lazdas virina ir geria; dilgynių lazdas pypkėje rūko; avižienius šiaudus suvirinę geria; kojas laiko šiltame vandenyje su druska ir pelenais.

62. Ranką nusiplikus trina, druska arba rašalu.

63. Jei rakštis įlenda į pirštą — reikia drobinu smilkyti: lengviau rakštis išimti.

64. Kad akis skauda, tepa akicukriu, arba mėlynąjį akmenėlį apmerkia į vandenį ir tepa.

65. Rūgusis pienas su rūtomis sumaišytas ištraukia karštį iš akių. Kloja ir karvės saldujį pieną.

66. Nuo lisenko duoda keptą buroką su lisenku (= citvaru. Žmonės vadina ir citvarą lisenku) ir su medumi, arba vieną citvarą su medumi.

67. Nuo lisenko dar tepa terpentina panosę, duobelę po gerklės ir duobelę paširdžiuose.

68. Dar nuo lisenko iš žąsies

прикладывают к лицу платокъ, намоченный въ свѣжемъ молокѣ. (Она Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

61. Противъ кашля пьютъ бобовникъ (trifolii febrini); или тотъ же высушенный бобовникъ курятъ въ трубкѣ; пьютъ также чай на малиновыхъ отросткахъ, на овсяной солодѣ; курятъ въ трубкѣ крапиву; мочатъ ноги въ теплой водѣ съ солью и пепломъ. (Она Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

62. Обливъ руку кипяткомъ, потираютъ солью или мажутъ чернилами. (Она Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

63. Палецъ съ занозою окуриваютъ полотняной тряпочкой, чтобы легче выпнуть занозу. (Она Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

64. Противъ боли глазъ смазываютъ глаза свинцовымъ сахаромъ (Plumbum acetium) или воднымъ растворомъ мѣднаго купороса (Sulphurum sulfuricum). (Она Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

65. Кислое молоко, смѣшанное съ рutoю, уменьшаетъ воспаление глазъ. Прикладываютъ и сладкое коровье молоко. (Она Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

66¹⁾. Противъ глистовъ даютъ печеный буракъ (свеклу) съ цытваромъ и съ медомъ; или только цытварь съ медомъ. (Она Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

67. Противъ глистовъ смазываютъ скипидаромъ подъ носомъ, ямочку подъ горломъ и ямочку подъ сердцемъ. (Она Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

68. Противъ глистовъ даютъ сожже-

1) Литовцы обыкновенно называютъ и глисты, и лѣкарство отъ глистовъ — цытварь однимъ именемъ «lisninkas».

birbynės (birbynė yra neapžėlusi plunksnos vieta) ištraukia širdelę, sudegina ją ir duoda gerti.

69. Vaikui nušalus, tepa šašus žąsies taukais.

70. Jei vaikui įpuls gryžas į bambelę — reikia bambelę užkloti skepetuku, paskui pagauti voras, ir valakų riešučio žieve užvožti ir gerai užrišti.

71. Dar gydo vaiką nuo gryžo taip: prirenka į muslininką sliekų, juos užkloja ant bambelės ir pririša. Jei buvo ištikrųjų gryžas, tad nuo sliekų lieka tik truputis žemėlės: jie vienas-kitą susieda.

72. Nuo rožės kloja švino poperį, arba poperį, pieštuku pritrintą, arba senovišką rublį, arba plaiskanę, arba surūdijusią geležį įkaitinę, įkiša į alų ir ant to garo pašutina rožę. Kloja dar rugienius miltus su mėlynu nuo cukraus poperiu, arba su skurliuku, kur girtas šluosto.

73. Nuo baltosios mergaitės geria augštus baltus dobiliukus ir daro iš jų dobiliukų vonias.

ную сердцевину гусиного пера. (Она Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

69. Если у ребенка является сыпь, то покрытую струппами сыпь смазываютъ гусинымъ жиромъ. (Она Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

70. Противъ «грижа» ребенку надо закрыть пупокъ платочкомъ, затѣмъ поймать паука, положить на платокъ, прикрыть его скорлупой греческаго орѣха, а затѣмъ крѣпко спеленать ребенка. (Она Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

71. Лѣчать дѣтей отъ «грижа» слѣдующимъ образомъ: связываютъ въ кисейную тряпочку нѣсколько дождевыхъ червей и прикладываютъ ихъ ребенку къ пупку. Если это была дѣйствительная болѣзнь «грижа», то отъ дождевыхъ червей въ тряпочкѣ остается только немного земли. Черви одни другихъ поѣдаютъ. (Она Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

72. Отъ рожі прикрываютъ болное мѣсто оловянной бумагой, либо бумагой натертой карандашомъ, либо псконью, либо стариннымъ рублемъ, либо наконецъ берутъ заржавѣлое желѣзо, нагрѣваютъ его до красна, бросаютъ въ пиво и надъ этимъ паромъ держатъ заболѣвшее рожо мѣсто. Сверхъ того лѣчатъ прикладываніемъ ржаной муки, которую прикрываютъ либо синєю сахарною бумагой, либо тряпочкой, которою обтирають жернова. (Она Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

73. Противъ блѣей дѣвушки пьютъ чай на Melilotus officinalis и принимаютъ ванны, къ которымъ прибавляютъ выше-

74. Pirštą įpiovus, reikia nege-
syta vopna dėti, arba pakastas.

75. Nuo gerklės skaudėjimo vi-
rina šunies arba katės trąšą, virina
ir rupūžę ir tuo vandeniu gerkle gar-
galiuoja.

76. Kaip votis keliasi, kloja sė-
menis, sušutintus su kvietieniais mil-
tais.

77. Jei atsiranda geltonos dėmės
veide, reikia trinti uksusu su druska.

78. Nuo sprogimo rankas plauna
čincibaru, varvina lajum, arba taip
kokiais riebalais tepa.

79. Nuo gumbo geria geriamosios
sodos; kmynus sukramtę, užgeria
vandeniu. Geria sviesto sūrymą,
druską su medumi valgo, rudo ridiko
skystimą su druska. Plytą kaitina ir
deda prie paširdžių. Žemę sušildo iš
trobos, arba priesienio paslenksčio ir
kloja prie paširdžių.

Geria rūkštį, sūriai apsisūdę su
druska, žmogaus šlapumą ir dektinę,
ant gyvatės užpiltą. Aš pati esu
gumbu sirgusi — viską gėrusi ir da-
riusi.

80. Nuo viduriavimo (žyvato) geria
sugrūstą, sudegintą duoną su vande-

уиомянутое растеніе. (Анна Томашай-
тисъ 11. XII. 1904 г.).

74. Къ рѣзанымъ ранамъ приклады-
ваютъ негашеную известь, либо покость.
(Анна Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

75. Противъ боли горла варятъ со-
бачій или кошачій навозъ, или сушеную
жабу и этою водою полоскають горло.
(Анна Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

76. Къ образуемому нарыву при-
кладываютъ припарки изъ льняного сѣмени
съ пшеничною мукой. (Анна Томашай-
тисъ 11. XII. 1904 г.).

77. Если на лицѣ появляются желтыя
пятна, нужно ихъ натирать уксусомъ съ
солью. (Анна Томашайтисъ 11. XII.
1904 г.).

78. Руки съ потрескавшейся кожей
моютъ отваромъ чѣлибухи (semen
strychni), мажутъ коровьимъ саломъ или
вообще какимъ нибудь жиромъ. (Анна
Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

79. Противъ вздутія живота подъ ло-
жечкой пьютъ очищенную соду; разже-
вавъ тминъ, запиваютъ водой. Пьютъ
также соленую отъ коровьяго масла воду,
кушаютъ медъ съ солью. Пьютъ сокъ бу-
рой рѣдки съ солью. Нагрѣваютъ кир-
пичъ и прикладываютъ въ подложечную
область. Берутъ землю изъ подъ порога ха-
ты или сѣней и прикладываютъ ее, предва-
рительно нагрѣвъ, къ верхней части живо-
та. Пьютъ хлѣбный квасъ съ солью, чело-
вѣческую мочу и водку, настоянную на змѣѣ.
Я сама болѣла и все это пила и дѣлала.
(Анна Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

80. Противъ поноса сжигаютъ хлѣбъ,
толкутъ и даютъ пить. Кушаютъ твердо

niu. Valgo kiaušini, kietai iškeptą su
aguonomis. Geria ažuolo žievę, suvi-
rintą su beržo plonutėmis tošelytė-
mis, kur nuo vėjo švyturiuoja. Geria
dar ir rūgštį su česnakų ir druska.

81. Kad pirštas tvinksta, kloja
keptus cibulius (svogūnus).

82. Nuo čertaplaukio kloja keptą
cibulį su paraku. Kloja dar eglės sa-
kus, sumaišytus su čertažole. Čerta-
žolė — išsidraikiusi, balta, pūkuota,
prie žemės prilipusi, lig kad siūlai
išsidraikę — auga ant kalniukų prie
smiltynės, prie žvyrinės.

83. Nuo sausų kaulų skausmo
(sausgilos) daro skruzdėlių vonias;
arba trina skystimu, atsiradusiu nuo
sukištų į butelį musmirių, kloja ta-
boka, su medumi sumaišę. Trina lai-
kydami prieš ugnį spiritu, kuriame
yra mirkės juodas ridikas.

84. Nuo šiltinių geria mieles su
žmogaus šlapumu, karvės pieną, smilko
smirdančiu juodu degutėliu.

85. Nuo niežų geria siera sugrūdę;
uksusu su čiemeryčiomis trina šiltoje
vietoje, pirtyje, arba jaujoje po pe-
čiūmi. Dar tepa čiemeryčias, sumaišę
su saldžia smetėnėle, arba arklia-
rūgščio šaknis suvirina, su ta ar-
bata sumaišo karvės šlapumo ir taip-
pat šilumoje tepa.

1) Воспаленіе надкостницы = Čertaplaukis.

испеченое яйцо съ макомъ. Пьютъ чай
на дубовой корѣ и на пѣжной бѣлой бе-
резовой; кромѣ того пьютъ хлѣбный квасъ
съ чеснокомъ и солью. (Анна Томашай-
тисъ 11. XII. 1904 г.).

81. Къ пальцу съ образующимся на-
рывомъ прикладываютъ печеный лукъ.
(Анна Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

82. Воспаленіе надкостницы лѣчатъ
прикладываніемъ печенаго лука съ поро-
хомъ, еловой смолы, смѣшанной съ тра-
вой «чертажолѣ»¹⁾. Трава эта бѣлая, пу-
шистая, вьется по землѣ подобно питкѣ.
Она растетъ на песчаныхъ холмикахъ.
(Анна Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

83. Противъ ломоты въ костяхъ дѣ-
лаютъ ванны, къ которымъ прибавляютъ
муравьевъ; натираютъ жидкостью, кото-
рая получается при храненіи сырыхъ
мухоморовъ въ бутылкѣ. Прикладываютъ
къ больному мѣсту табакъ съ медомъ,
натираютъ передъ огнемъ настойкой
спирта на черной рѣдкѣ. (Анна Тома-
шайтисъ 11. XII. 1904 г.).

84. Противъ тифа пьютъ дрожжи,
смѣшанныя съ человѣческою мочою; ко-
ровье молоко; окуриваютъ вонючимъ чер-
нымъ дегтемъ. (Анна Томашайтисъ
11. XII. 1904 г.).

85. Противъ чесотки пьютъ толче-
ную сѣру. Натираются въ банѣ или въ
другомъ тепломъ мѣстѣ уксусомъ съ че-
мерицею; чемерицею со сливками; или
чаемъ, приготовленнымъ на корнѣ щавеля
(Rumex Hydrolapathum) съ коровьей мочей.
(Анна Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

86. Nuo dedirvinės tepa rasa nuo lango.

87. Jei šeriuotos karpos — reik patrinti toje vietoje, kur kiaulė trynėsi; jei paprastos — trinti kiaulės šlapumu. Tepa karpas ir ratilėliais.

88. Mažiems vaikams duoda nuo priemečio, suvirinus panaviją, valerijoną.

89. Prie gryžo deda ir švarkeliu užriša — grižazolę. Yra tat smulkutė vanteliukė, kuri auga slesnuose laukuose; ne žalia, bet rausva ta žolelė. Ta pusė žolelės, kur prie žemės, — žalesnė, kur ant viršaus — rausvesnė.

90. Nuo nuomaro geria kurmio kraują.

91. Kaip su minkštu daiktu kas užsprings, muša į nugarą, kad kasis atšoktų.

92. Nuo drugio, irmėdės ir nušalimo geria liepos žiedą, arba aviečių uogų arbata. Išgeria ir užsikloja, kad prakaitas išmuštų.

93. Kad ausis smelkia, reikia smilkyti pro popėrio dūdą perstupo šaknimis.

86. Лишай смазывают росой с оконных стекол. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

87. Бородавку, покрытую шерстью, уничтожают трением об то место, об которое почесывалась свинья. Если же бородавка гладкая, то натирают мочей свиней. Натирают бородавки растением: *sanchus oleraceus*. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

88. Малышам дают от спазмов чай, настоянный на цветах пиона или валерьяны. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

89. Против «грижа» прикладывают и привязывают тряпкою растение: «грижажолę». Это крошечная метелка, растущая на низменных местах, она розового цвета. Та часть травки, которая обращена к земле, цветет зеленоватого, а верхушка более розовая. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

90. Против падучей болезни пьют кровь крота. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

91. Если кто подавится чем-нибудь мягким, бьют в спину, чтобы легче откашлялся. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

92. От озноба, ломоты в костях и чувства дрожи пьют чай из липовых цветков или ягод малины. Выпив, прикрываются тепло, чтобы вспотеть. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

93. От боли в ушах нужно через бумажную трубку дуть в ухо дым из корня переступеня (*Radix bryoniae*). (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

94. Kas negirdi ausimi, reikia kiškio myžalų varvinti ir užkišti negirdimoji ausis vata.

95. Vaikas gauna sprandą, nukritęs iškur: voliodamasis nususuka sprandą, kartais ir miegodamas gauna sprandą. Vaikas tuomet nieko nevalgo, karščiuoja, tai reikia sprandas pataisyti. Reik paimti kumparo, apmerktą dektinėje, muilu rankas pamulinti, į dektinę pamirkyti ir braukti vaikui sprandą, vis žemyn varant; pažandės ir plonimus pamazgoti, paskui už galvikės patampyti, pakelti; antgalo, pirštą į burnikę įkišus giliai, spausti augštin, antrąją ranką vaiko viršugalvyje staiga plaukų pluokštą papešti augštin. Jei burnikę spaudžiant ir sykiu plaukus pešant, trakstelėja, tuomet yra ženklas, kad jau sprandas pasitaisė.

96. Kad vaikas gauna išgąstį, pradedant iš miego staiga šokinėti, tuomet reikia gauti visai juodą katiną, arba triplaukį (geltoni, balti ir juodi lopai), tokiam katinui įkirpti į ausį, įlašinti kelis lašus kraujo, užpilti kokia arbata, arba vandeniu ir duoti išgerti. Dideliems gavus išgąstį, reikia katiną kraujo išgerti dektinėje. Tai geriausias vaistas nuo išgąščio.

97. Mažas vaikas dažnai turi še-

94. Глухимъ совѣтуютъ наливать въ уши заячьей мочи и затыкать уши ватой. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

95. Бываетъ, что ребенокъ не можетъ свободно вращать головой, вследствие боли въ шеѣ. Это происходитъ отъ паденія ребенка, а иногда и здоровый ребенокъ встаетъ со сна съ этой болѣзnią. Ребенокъ тогда ничего не кушаетъ, знобитъ его; нужно тогда ему вправить шею. Для этого намазываютъ руки мыломъ, наливаютъ на нихъ комфарнаго спирту и натираютъ этимъ спиртомъ затылокъ ребенка движеніями сверху внизъ. Затѣмъ обмываютъ нижнюю челюсть и виски, ребенка потягиваютъ за голову и поднимаютъ. Потягиваніе производятъ слѣдующимъ образомъ: всовываютъ ребенку палецъ глубоко въ ротикъ и нажимаютъ кверху, а другой рукой берутъ за пучекъ волосъ на самой макушкѣ и тянутъ вверхъ. Если во время этой операціи суставы затылка затрепетаютъ, то значитъ, что ребенокъ вылѣчился. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

96. Если ребенокъ заболѣетъ отъ испуга и во снѣ съ плачемъ срывается, нужно достать совсѣмъ чернаго кота, или же трехцвѣтнаго (съ желтыми, бѣлыми и черными пятнами), разрезать этому коту ухо, взять нѣсколько капель крови, залить чаемъ эту кровь и дать ребенку выпить. Взрослымъ отъ испуга даютъ кровь такого же кота съ водкой.

Это лучшее лѣкарство отъ испуга. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

97. Новорожденные бываютъ перѣдко

rius. Verkia tuomet ir ražos, verčiasi aukštynalkas, tuomet šeriai duria jam į nugarėlę. Reikia paimti kvietinių miltų, įmaišyti skystai su mielėmis ir šiltai padėjus įrauginti. Paskui tuo raugalu reikia ištepti skarą ir nuogą vaiką įvynioti, paguldyti, užmigdyti bent kelioms ady-noms, arba per naktį išlaikyti, pas-kui su ta visa skara įdėti į šiltą van-denį; išmirkyti minkštai duonos plu-tikę ir, atmirkus skarai, vaiko nu-garelę trinti su duonos pluta; ištry-nus braukti su ranka per nugarelę. Jei tikrai šeriai yra buvę, tad nuga-rėlė bus aštri. Visi šerių galai išlįs į viršų.

Raugiant vaiką kelis sykius sueis visi šeriai į tešlą ir vaikas nebe-verks.

98. Kad vaiko, tuoj gimus, yra galvelė minkšta, išsklydusi, reikia su-mušti žalia kiaušini ant šilkinės ska-relės ir tuo kiaušiniu, užklojus ant galvelės — tvirtai suveržti ir surišti.

99. Jei vaikas gauna gražtį (gryžą), skausta pilvelį, verkia ir raitosi, tuo-met reikia paimti juodų vilnų, pribar-stytų kartaisiais sugrūstais pipirais, sulaistyti kumparine degtine ir pri-tverti prie pilvelio. Apšilęs vaikas tuoj užmigs. Vilnos ant pilvelio, be-miegant, susivels, tuomet bus žinoma, jog gražtis išėjo.

покрыты волосками (народъ называетъ шерстью).

Такой ребенокъ плачетъ, вытяги-вается, ложится на спинку, а шерсть ко-леть ему спинку. Для лѣченія нужно взять пшеничной муки, смѣшать ее съ дрожжами и водой и поставить въ теплое мѣсто киснуть. Затѣмъ этимъ кислымъ тѣстомъ смазать платокъ и, завернувъ въ него голаго ребенка, оставить такъ на нѣ-сколько часовъ, или даже на всю ночь. Затѣмъ положить ребенка со всемъ плат-комъ въ теплую воду. Вымочивъ хоро-шенько корку хлѣба, снять отставшій отъ тѣла платокъ и коркою хлѣба натирать спину ребенка. Затѣмъ рукой погладить и если дѣйствительно шерсть была, то сина будетъ шереховатая, всѣ кончики шерети выходить наружу. Ребенка можно вылѣчить, завертывая его нѣсколько разъ въ платокъ съ тѣстомъ, вся шерсть оста-нется въ тѣтѣ, и ребенокъ перестанетъ плакать. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

98. Если у поворожденного мягкая головка, то нужно вылить на шелковый платочекъ сырое яйцо и влажной сторо-ной платка крѣпко обвязать головку. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

99. Если у ребенка урчаніе въ животѣ и боль и если при этомъ ребенокъ плачетъ и мечется, тогда нужно взять черной овечьей шерети, прибавить къ ней горькаго толченаго перца и камфорнаго спирта и привязать все это къ животу. Разъ это разогрѣть, ребенокъ моментально уснетъ. Если только шерсть спугается, это служить доказательствомъ, что болѣзнь излѣчена. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

100. Jei pradeda kirmės vaiką smaugti, kuogreičiausiai reikia plunk-snas svilinti, tais dūmais vaiką smil-kyti, po širdies duobelę ir panosę de-gutu ištepti; suvirinus česnaką su ožkos pienu, duoti gerti; terpentinos užlašinti ant cukraus ir duoti to cu-kraus graužti; tabokos syvų iš pyp-kės užlašinti ant cukraus ir duoti to cukraus graužti. Jei kirmės išėitų pro burną vaikui ar dideliam, tad tą kirmę reik kuogreičiausiai sudeginti, jos pelenus sutrinti ir duoti išgerti, kam yra išėjusi. Dideliam reikia duoti degtinėje, mažam — vandenyje.

101. Nušaus vaikui, reikia į šaltą vandenį pilti karštų pirkšnių; kaip nusistoja, tuošarmu, vadinamuoju šalt-šarmiu reik mazgoti vaikui šašus, su-deginti kiek rugių grūdų, smulkiai sutrinti ir tais miltais šašus sausinti,

102. Nuo niežų reikia pajieškoti, kur prie šaltinių auga godai, išrauti jų godų šaknų, su užkulu sumušti, ištepti niežus, palindus po pečiaus, gerai išsikaitinti, ir — nubirs niežai.

103. Nuo užkietėjimo vidurių rei-kia gerti kuoseniausių ir rūkščiausių išrūgų; geria žmonės ir primuilintą vandenį; geria su degtine ir arklio

100. Если кишечный глисты безо-коятъ ребенка, то нужно его окуривать перьями. Подложечную область и подъ носикомъ смазать дегтемъ. Закинзтивъ козье молоко съ чеснокомъ, напоить этимъ ребенка. На кускѣ сахара дать не-много скипидару. Взять изъ трубки та-бачнаго жидкаго налету и нѣсколько ка-пель его дать на сахарѣ ребенку. Если желудочная глста выдѣлилась черезъ ротъ, то ее нужно сжечь, и образовав-шійся отъ нея пепель долженъ прини-мать тотъ, у кого вышла эта глста. Ре-бенокъ долженъ запивать этотъ пепель водою, а взрослый подкою. (Юлія Жи-монтъ 11. II. 1905 г.).

101. Всакая мокнущая сыпь ребенка лѣчится слѣдующимъ образомъ: горячіе раскаленные уголья бросаютъ въ воду и отстанваютъ. Отстаившеюся жидкостью обмываютъ сыпь, затѣмъ ее высуши-ваютъ пудрою, которую готовятъ слѣдующимъ образомъ. Сжигаютъ житнія зерна и образующійся уголь хорошенько растираютъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

102. Противъ чесотки собирать корни травы «годай». Трава эта растетъ возлѣ клещей. Эти корни смѣшиваются съ саломъ. Этою мазью обмазываются, лѣзутъ въ теплую печь и тамъ должны хорошенько погрѣться. Чесотка и осып-лется (= исчезнетъ). (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

103. Противъ запора пьютъ молочную сыворотку, которая должна быть по воз-можности старой и кислой. Пьютъ еще мыльный растворъ. Кромѣ того пьютъ съ

prakaitą, nuskustą nuo kamantų.

104. Nuo dygūlio reikia lydekos žandus su dantimis sudžiovinti, smulkiai sugrūsti ir su degtine gerti.

105. Nuo geltos, kada žmogų atraukia gelta, kada net akis pagelsta, reik sugauti tris kartus po tris utėles, suminkyti į duoną į tris gumulikes ir nuryti visas tris. Tuoj gelta atsitaitys ir žmogus pagis.

106. Jauniems vaikiukams ir kartais ir seniems vyrams, kad užaina pjūtis, raitosi, pilvą skaust, — reikia druskos pridėti į vandenį, kol nebetirps ir paskui tą vandenį arba nuo sviesto rasalą gerti.

107. Nuo putmenų reikia gerti nudurtą ir suvirintą rupkę; tuoj putmenys atsileis.

108. Nuo viduriavimo (žyvavimo) reikia žalią kiaušinių prakulti, karčiųjų pipirų sugrūdus pripilti į kiaušinių ir sumaišyti. Paskui kiaušinių reik supilti į karštas pirkšnis. Kaip jau pirkšnyse iškeps, reikia suvalgyti su visais pipirais ir pelenais.

109. Dar nuo viduriavimo kitas yra vaistas. Paimti reik jievos žalią šaką, nuskusti paviršiais juodąją žievę

подкой лошадиный потъ, который соскабливают со старого хомута. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

104. Противъ ломоты пьютъ съ водкою высушенную и хорошенъко измѣльченную нижнюю щучью челюсть съ зубами. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

105. Противъ желтухи, когда кожа и даже глаза примутъ желтую окраску, нужно поймать три раза по три живыхъ вши, размять ихъ въ пальцахъ съ макотью хлѣба и образовать три пилюли, содержащія каждая по три вши, и проглотить всѣ три пилюли. Желтуха быстро исчезнетъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

106. Если мальчики, а чаще старики заболѣваютъ коликами живота нерѣдко сильными, что мечутся, то противъ этихъ коликъ пьютъ насыщенную поваренною солью воду, или воду, которую залито хорошенъко просоленное коровье масло. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

107. Противъ водянки (anasarea) пьютъ отваръ жабы. Жабу нужно предварительно заколотъ и высушить. Водянка отъ приема этого отвара исчезаетъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

108. Противъ поноса пробиваютъ въ сыромъ яйцѣ небольшое отверстіе исыпаютъ туда толченаго горькаго перцу, затѣмъ яйцо разбиваютъ и выливаютъ на горячій пепелъ съ углями. Когда яйцо поджарится, тогда его съѣдаютъ съ перцомъ и съ прилипшимъ къ нему пепломъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

109. Еще средство противъ поноса: берутъ зеленые сучья черемухи, соскабливаютъ прочь верхній, потемнѣвшій, су-

visai šalin, žaliąją gi žievę nuo-pat medžio nuskutus sudžiovinti ir iš tos žievės išvirus arbatą gerti.

110. Dar kitas yra vaistas nuo viduriavimo. Sugauti reikia kelis vabalus šimtakojus, raudonai įkaitinti petelnę ar kokią skardą, gyvus šimtakojus pametus ant tos karštos skardos sudeginti ir sutrynus tuos pelenus su degtine gerti. Tas ir nuo kruvinojo viduriavimo (žyvato) pagydo.

111. Nuo kosulio reikia ilginių šiaudus sukarpyti, išvirinti ir gerti, arba padegti vieną sudžiūvusią aviečių stimbirio galą ir iš antrojo traukti dūmą, kaip iš pypkės.

112. Nuo dusulio reikia kasrytas po šaukštą gerti savo šlapumo — tuoj bus lengviau.

113. Nuo šlapumo užsitūrėjimo reikia sudžiovintą pūslę by kokio gyvolio sukarpyti, išvirti ir tą arbatą gerti.

114. Nuo šlapumo užsitūrėjimo geria dar kadagių uogų arbatą.

115. Nuplikytą žaidžą reikia katės taukais tepti; tuoj nuplikus reikia karvės šiltais mėšlais aptverti, tuomet nesutraukia pūslės.

хой, корковый слой, затѣмъ снимаютъ остальную, зеленую кору, высушиваютъ ее и на ней настоенный чай пьютъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

110. Еще средство противъ поноса. Собираютъ нѣсколько жуковъ сороконожекъ, накалываютъ сквороду либо жестъ до красна, бросаютъ на нихъ собранныхъ сороконожекъ и ихъ сжигаютъ. Полученный пепелъ растираютъ и пьютъ съ водкою. Это средство цѣлебное даже противъ кроваваго поноса. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

111. Противъ кашля пьютъ отваръ рѣзаной, неизмѣтой соломы. Зажечь одинъ конецъ сухого прошлогодняго стебля малины и курить, какъ папироску. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

112. Противъ одышки по утрамъ принимать по столовой ложкѣ собственной мочи. Моментально наступаетъ излѣчение. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

113. Противъ задержки мочи нужно пить отваръ высушеннаго мочевого пузыря какого нибудь животнаго, причемъ пузырь предварительно долженъ быть порѣзанъ ножницами. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

114. Еще противъ задержки мочи пьютъ отваръ можжевельныхъ ягодъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

115. Свѣжій ожогъ лѣчится прикладываніемъ свѣжаго, неостывшаго еще коровьяго навоза, отъ этого не образуются волдыри (pustula); второй степени ожоги (застарѣлые), когда рана обнажена, мажутъ коначнымъ жиромъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

116. Gimdant vaiką nereikia gulėti ant šono, nereik užmesti rankų už galvos; galvą reikia skepetuku surišti; nesukasti dantų, bet išsižiojus dūsuoti; negulėti, bet vaikščioti ir vaikšiotisligi paskutinės. Jei pati ligonis nepavaikščioja — vedžioti.

Gimus vaikui, iš jo bambelės reikia truputį kraujo į taurelę įleisti ir, degtine užpylus, duoti motinai išgerti: pjūties neturės.

117. Reikiant antrąją dalį atskirti, ligonis turi pūsti į tuščią butelį, tuomet atsiskirs.

118. Nepažįstant drugio, koksai jis, yra visokių vaistų. Kartais netikėtos žolės arba šventenybės pagydo; iš kapų smilčių išverda arbatą ir geria; drignių arbatą verda ir geria... Nuo drugio pagydo degtinė, užpilta ant gyvos gyvatės prieš gegužei užkukuojant. Geria ir metelių arbatą, baltųjų lelijų lapus ir šaknis, juodąją kavą su citrinomis.

119. Drugiu susirgus, sakysim, pėtnyčioje, paskui kitą pėtnyčią ligonį pažadina ir naktį nuo dvyliktos valandos neleidžia jam nei sėsties, nei gulties ir nieko neduoda gerti, nei valgyti ligi antros nakties dvyliktos. Taip pavargintas drugys per 24 valandas, tankiai, maž visuo- met pameta žmogų. Jei ima krėsti kitą dieną, tad taip-pat ligonį paža-

116. Во время родов советуют не лежать на боку и не закладывать рукъ подъ голову. Голову нужно повязать платочкомъ. Не сдавливать зубовъ, а дышать открытымъ ртомъ. Не лежать, а ходить до крайней возможности. Если больная не въ состояніи ходить, ее нужно водить.

Изъ пуповины новорожденного капнуть нѣсколько капель крови въ рюмку, эту кровь смѣшать съ водкою и дать выпить матери. Это предупреждаетъ колики. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

117. Для отдѣленія родимаго мѣста (placenta) мать должна сильно дуть въ пустую бутылку. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

118¹⁾. Если не удастся узнать, какая лихорадка, то и въ такомъ случаѣ есть различныя средства. Иногда сверхъ ожиданія помогаютъ нѣкоторыя травы или священныя вещи. Помогаетъ также отваръ песка съ кладбища, отваръ бѣлены (Hyoscyami), отваръ мятъ, отваръ корней и листьевъ бѣлой лиліи. Пьютъ кофе съ лимономъ и настойку водки на живой, «незакукованной» змѣѣ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

119. Если болотная лихорадка, напри- мѣръ, началась въ пятницу, то больного нужно въ слѣдующую пятницу разбудить въ полночь и цѣлыя сутки до слѣдующей полночи больного оставить безъ пищи и питья, не разрешать ему ни сѣсть, ни прилечь; онъ все время долженъ быть на ногахъ. Такимъ образомъ измученная лихорадка очень часто, почти всегда, покидаетъ больного. Словомъ, нужно эту опе-

dina nuo dvyliktos nakties tos dienos, kurią pradėjo jį drugys krėsti, ir taip-pat neduoda nei sėsti, nei valgyti...

120. Gydant nuo macicos, reikia prisimanančios bobos. Tokia, iškūrenusi pirtį ir nusivedusi į ją ligonį, gerai iškaitina, paskui ima braukti galvą, plonimus, sprandą, rankas. Pradėjus nuo-pat pirštų galų, braukia varydama vis į pilvą; nuo galvos, pečių, rankų, šonų, vis braukia į pilvą. Paskui pradeda braukti nuo kojų pirštų apačių vis augštyn, į pilvą. Subraukia išvisur, suvaro macicą į pilvą, o kad daugiau nepasileistų, stato ant pilvo stiklines.

121. Gydant nuo macicos, statomos taip-pat keturios mažos vaškinės žvakelės. Jas kryžmais prilipdo prie duonos plutikės iš vienos pusės. Bobos sergančios pilvą suvilgo degtine. Duonos plutikę su žvakikėmis uždegtomis pastato ant suvilgyto pilvo ir užvožia tuščią ant jo stiklinę. Stiklinė įsisiurbis į pilvą, pritrauks žvakikės prie-pat dugno, užgesis ir trauks macicą į save. Atėmus stiklinę, palieka macica viduje sutraukta į gumbą. Jei iškart nepagydytų, tokį braukimą reik atkartoti kelis sykius kasdien, kol tik macica neims kurkti savo vietoje.

122. Gyvatei įkandus reikia tą

raciją продълять съ большими суета не- дѣлю послѣ заботлванія, чтобы день, въ который (больного) будятъ, совпадалъ по названію съ днемъ заботлванія. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

120. При лѣченіи «матки» (uterus) нужна опытная баба. Она вытопнитъ баню, заведетъ туда больную, выпаритъ ее хорошенько, затѣмъ начинаетъ ее массировать. Массажъ начинается отъ верхушки головы, висковъ, затылка. Затѣмъ отъ кончиковъ пальцевъ руки массируетъ все по направленію къ животу. Массируетъ плечи, спину, бока, все по направленію къ животу. Затѣмъ, начиная отъ кончиковъ пальцевъ и стопы вверхъ къ животу и такимъ образомъ «матку» вгоняють въ животъ. А чтобы она опять не разлилась по цѣлому организму, ставятъ на животъ стаканы. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

121. Еще лѣчение матки. Берутъ корку хлѣба, прикрѣпляютъ къ ней четыре восковыя свѣчки крестообразно. Больной, лежащей на спинѣ, смазываютъ животъ водкой, ставятъ на середину живота прикрѣпленныя и зажженныя свѣчки и прикрываютъ ихъ стаканомъ. Стаканъ впиивается въ животъ, гасить свѣчки, прикоснувшіеся ко дну, и втягиваетъ въ себя матку. По отнятій стакана матка остается стянутой въ комокъ. Если вся эта процедура сразу не поможетъ, то нужно это повторять ежедневно, пока матка не начнетъ урчать, возвратившись на свое мѣсто. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

122. Мѣсто укушенія змѣѣ нужно

1) Сравните съ: V. Опредѣленіе признаковъ болѣзни, № 4.

vietaį trinti gelžiu arba galastuvu, тереть желѣзомъ, либо брускомъ, а затѣмъ
paskui pritverti taboko su rūgštu прикладывать смѣсь табаку съ простоква-
pienu. шей. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

г) Роль луны въ народной медицинѣ.

1. Norint pasigydyti nuo ėdirvi- 1. Желая вылечить лишаи, нужно въ
nių, reikia delčioje tepti dedirvinę безлунныя ночи втирать четвертымъ
bevardžiu pirštu rasa nuo lango пальцемъ росу съ оконныхъ стеколъ.
stiklo. (Она Іозапайтисъ 1. XI. 1903 г.).
2. I pirtį geriau eiti senųgalyje. 2. Баню лучше всего посѣщать въ
Kad jaunas, lengva gauti išbėrimą. послѣднюю четверть, такъ какъ на ново-
луніе легко получить сыпь. (Магдалена
Баіорунасъ 5. XII. 1897 г.).
3. Plaukus vyrai taikina kirpti 3. Волосы мужчины стригутъ на но-
jauname mėnesyje, tuomet geriau волоніе, лучше растутъ. (Магдалена
aug. Баіорунасъ 5. XII. 1897 г.).
4. Naujikaulį reikia apskrieti del- 4. Всякій твердый наростъ на тѣлѣ
čioje nabašninko kaulu, arba bevard- человеческого надо въ безлунныя ночи
žiu pirštu, tad greitai išdilsta. обвести кругомъ косточкой мертвеца или
безымяннымъ пальцемъ, тогда скоро про-
падетъ. (Винцкунене 2. II. 1901 г.).
5. Karpą reikia patepti taipo-pat 5. Бородавку надо помочить тоже въ
delčioje vandeniū, lašančiu per lietu безлунныя ночи водой, которая во время
nuo vartikšlio, tad išdils. дождя течетъ съ воротъ; тогда она исче-
заетъ. (Винцкунене 2. II. 1901 г.).
6. Galima dar išdildyti karpą, pa- 6. Можно еще уничтожить бородавку,
trynus ją delčioje į akmenį, kur потерявъ ее въ безлунныя ночи о ка-
kiaulė pirm trynėsi. менѣ, о который прежде терлась свинья.
(Винцкунене 2. II. 1901 г.).

Г. Петкевичъ.

Пріаянскіе тунгусы*.

1. Составъ населенія.

Нелькано-Аянской экспедиціей 1903 г. было описано 245 тунгусовъ: 119 Макагырскаго кочевого рода, 80 — 1-го Эжанскаго бродячаго, 23 — 2-го Эжанскаго кочевого, 7 — Кюрююгдинскаго бродячаго, 6 — Эжигенскаго¹⁾, 3 — Кила²⁾, 2 — Бытальскаго и 5 якутовъ, кровно и по образу жизни совершенно слившихся съ тунгусами. Такъ какъ количество переписанныхъ тунгусовъ очень незначительно, то въ нижеслѣдующей таблицѣ они не раздѣлены по родамъ. Для родового дѣленія этихъ тунгусовъ не имѣется и оснований, ибо природа, образъ жизни и экономическое положеніе главной ихъ части (первыхъ трехъ родовъ) совершенно одинаковы, а кровныя родовыя особенности, если онѣ раньше и существовали, должны были сгладиться въ силу обычая брать женъ изъ другихъ родовъ.

* Данный статистико-этнографическій очеркъ представляетъ собою часть изслѣдованія о жизни пріаянскихъ тунгусовъ, произведеннаго въ 1903 г. Э. К. Пекарскимъ въ качествѣ члена Нелькано-Аянской экспедиціи гражданскаго инженера Влад. Евгр. Попова. За выѣздомъ г. Пекарскаго въ 1905 г. изъ предѣловъ Якутской области, собранный имъ матеріалъ оставался въ распоряженіи его товарища по экспедиціи Всев. Мих. Іонова, который обработку этого матеріала поручилъ Влад. Петр. Цвѣткову. На себя г. Іоновъ взялъ далеко не легкій трудъ дать точный переводъ многочисленныхъ записей г. Пекарскаго на якутскомъ языкѣ, на коемъ изслѣдователь объяснялся съ тунгусами при производствѣ подворной переписи и, вообще, при опросахъ пріаянскихъ тунгусовъ, принадлежащихъ официально къ такъ называемому Майскому вѣдомству тунгусовъ Якутскаго округа. При этомъ, г. Іонову пришлось, конечно, выяснять и ту картину жизни тунгусовъ, въ которой собранные изслѣдователемъ цѣлы и факты получаютъ свой опредѣленный смыслъ.

Ред.

1) Этотъ родъ официально не зарегистрированъ, такъ какъ его смѣшиваютъ, по звучноу, съ Эжанскимъ родомъ.

2) Названіе, также официально не зарегистрированное.

Возрастной состав переписанных тунгусов по пятилетиям таков:

Возраст.	Мужск. п.	Женск. п.	Возраст.	Мужск. п.	Женск. п.
менше 1 года	3	4	50—55	5	3
1—5	16	21	55—60	6	6
5—10	17	16	60—65	2	1
10—15	18	14	65—70	1	1
15—20	8	4	70—75	2	—
20—25	5	12	75—80	2	—
25—30	6	6	80—85	—	1
30—35	12	10	85—90	—	1
35—40	7	14	95—100	—	—
40—45	9	3	неизв. возр.	2	3
45—50	3	1			
			Итого...	124	121

На 124 мужчины приходится 121 женщина, а на 100 мужчин—97,6 женщин: %—весьма значительный. Трудоспособных (в возрасте 15—60 л.) 120 человек—48, 98% и стариков 11 человек—4, 49%; детей 109 человек—44, 5%. Быстрое падение тунгусов в возрасте 15—20 л. объясняется тем, что $\frac{2}{3}$ глав семейств (18 из 27) имеют менее 40 лет, так что дети их, при среднем брачном возрасте тунгусов в 25 л., не могли быть старше 15 л., дети же, прижитые остальной третью, уже успели обзавестись своими семьями, отделившись от отцовской семьи. Глубокой старости, как видно из таблицы, не наблюдалось. Некоторые тунгусы указывали отцов и дедов, умерших в возрасте за 100 лет, но все данные о предыдущих поколениях оказались слишком проблематичными, так что воспользоваться ими было невозможно.

Неравные ряды мужского и женского пола по пятилетиям, в общем итоге по детскому и зрелому возрастам, дают почти тождества: мальчиков (до 15 л.) 54, девочек 55; мужчин (до 60 л.) 61, женщин 59. Значительная процентная разница заметна лишь в старческом возрасте: на 7 стариков приходится 4 старухи.

245 описанных тунгусов разделились на 66 сем. По количеству наличных членов семьи они разбивались на следующие группы:

Количество членов в семье.	Количество семейств.	% к общему количеству семейств.	Количество членов в семье.	Количество семейств.	% к общему количеству семейств.
1	12	18,0	7	5	7,6
2	11	16,8	8	—	—
3	9	13,7	9	—	—
4	13	19,7	10	2	3,0
5	7	10,6	больше 10	—	—
6	7	10,6	Итого.	66	100,0

В этой таблице резко бросается в глаза значительный процент первых двух групп, ничего не давших для размножения: вместе они составляют 34,8% семейств, т.-е. более $\frac{1}{3}$.

Средний размер семьи крайне низок—3,71 человека. Даже для потрепанной и вымиравшей уже Франции 1851 года Кольб¹⁾ указывает 3,95 чел. на семейство.

Вымирание ли означает и в данном случае низкий размер семьи? Этот вопрос может быть несколько освещен путем анализа половых производительных сил, а также рождаемости и смертности тунгусов.

Из 50 мужчин брачного возраста (18—50 лет) в брак состояли лишь 27, остальные же 23 (46%) вели холостую жизнь; из 23 человек 10 (43% холостых) были в возрасте от 29 лет. Такой большой процент холостых объясняется экономической необеспеченностью тунгусов, невозможностью, пожившись, вести самостоятельное хозяйство. Лишая одну часть тунгусов брачной жизни, экономическая необеспеченность заставляет другую их часть вступать в брак в среднем возрасте 25 л., когда самостоятельным трудом они положить основание собственному хозяйству. Небрачность холостых и позднее вступление в брак большинства тунгусов, конечно, не означают для них отсутствия добрых половых сношений. Сношения начинаются очень рано: самый малый возраст—11 лет для мужчин и женщин. Средний возраст, вычисленный на основании ответов самих тунгусов, составляет 19 $\frac{1}{2}$ л. для мужчин и 18 $\frac{1}{2}$ л. для женщин, действительный же средний возраст сношений должен быть понижен, так как многие тунгусы, в силу понятных причин, откровенными по этому вопросу не были; об этом

1) Руководство к сравнительной статистике, изд. 1862 г.

сообщилъ при опросѣ староста тунгусовъ. Какъ бы то ни было, половая сила холостяковъ и вступающихъ въ бракъ въ 25 л. въ значительной степени не бываетъ использована, а это обстоятельство не можетъ не отражаться на количествѣ рожденій и размѣрѣ семьи: увеличивая количество семействъ, оно понижаетъ ихъ размѣръ. Такъ какъ бѣдность не имѣетъ ничего общаго съ половой производительностью, то, при разсмотрѣннй послѣдней, необходимо, для болѣе правильнаго вычисленія размѣра семьи въ связи съ половой силой тунгусовъ, исключить холостяковъ изъ общаго количества семействъ и изъ количества членовъ, входящихъ въ составъ всѣхъ семействъ. По исключеніи 10 холостяковъ въ возрастѣ отъ 29 лѣтъ, получаемъ 56 семействъ изъ 235 человекъ, по 4,2 чел. на семейство. Средняя семья якутовъ Олекминскаго округа, по даннымъ И. И. Майнова¹⁾, равна 4,15 человекъ.

У 54 брачныхъ паръ было всего 190 дѣтей, по 3,52 на пару. По количеству дѣтей брачныя пары даютъ такую таблицу:

Число дѣтей.	Брачныхъ паръ въ группѣ.	% къ общему количеству брачныхъ паръ.	Число дѣтей.	Брачныхъ паръ въ группѣ.	% къ общему количеству брачныхъ паръ.
0	8	14,82	7	3	5,56
1	6	11,11	8	4	7,40
2	6	11,11	9	—	—
3	9	16,67	10	—	—
4	6	11,00	11	1	1,85
5	9	16,67			
6	2	3,70	Итого	54	100,00

Въ этой таблицѣ бросается въ глаза высокій процентъ безплодныхъ паръ (14,82). Въ общемъ онѣ прожили супружеской жизнью по 6 лѣтъ. Родители безплодныхъ мужчинъ имѣли въ среднемъ по 6 дѣтей. Чѣмъ объясняется безплодность этихъ 8 семействъ, выяснитъ не удалось.

У 47 брачныхъ паръ предыдущаго поколѣнія было 257 дѣтей, по 5,47 на пару. Групповое дѣленіе ихъ по количеству дѣтей таково:

1) Нѣкоторые данныя о тунгусахъ Якутскаго края, стр. 45. (Труды Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. № 2. Ирк. 1898).

Число дѣтей въ группѣ.	Брачныхъ паръ.	% къ общему количеству брачныхъ паръ.	Число дѣтей въ группѣ.	Брачныхъ паръ.	% къ общему количеству брачныхъ паръ.
1	—	—	8	2	4,26
2	5	10,63	9	6	12,77
3	7	14,90	10	2	4,26
4	5	10,63	11	—	—
5	8	17,02	12	1	2,13
6	5	10,63			
7	6	12,77	Итого	47	100,00

Безплодныя пары не могли войти въ это число; слѣдовательно, среднее количество дѣтей на брачную пару должно считать нѣсколько ниже 5,47. Брачныя пары предыдущаго поколѣнія значительно болѣе использовали половую силу, чѣмъ описанныя; ожидать большой разницы въ плодovitости двухъ смежныхъ поколѣній нѣтъ оснований; поэтому, цифру 5,47 дѣтей можно считать приблизительнымъ показателемъ плодovitости прианскихъ тунгусовъ¹⁾.

Изъ 190 дѣтей близнецовъ было 8 (4,21%). Судьба большинства ихъ была неблагополучна: трое умерли до 1 года, одинъ — 1, 5 лѣтъ, одинъ родился мертвымъ. Мертворожденныхъ всего было 2 (1,1%) — совершенно незначительный процентъ.

На 100 мальчиковъ родилось 93,88 дѣвочекъ.

Изъ 190 дѣтей къ моменту описи осталось въ живыхъ 133. Возрастъ смерти по группамъ даетъ такую таблицу:

1) Утрата половой способности была отмѣчена тунгусами у мужчинъ въ 10 случаяхъ: средний возрастъ — 60 лѣтъ, наименьшій — 50 л. и высшій — 73 года; у женщинъ — въ трехъ случаяхъ: 45, 52 и 67 лѣтъ. Въ одномъ случаѣ старикъ 78 лѣтъ еще продолжалъ супружескія отношенія.

Возрастъ умершаго.	Мальчиковъ въ группѣ.	Дѣвочекъ.	% къ числу всѣхъ умершихъ дѣтей.
менѣе 1 года	15	4	33,33
1—5	15	13	49,12
5—10	4	4	14,04
10—15	—	—	—
15—20	—	2	3,51
Всего.	34	23	100,00

Смертность мальчиковъ до 1 года почти въ 4 раза превышаетъ смертность дѣвочекъ, потомъ обѣ онѣ уравниваются. Коэффициентъ смертности дѣтей до одного года въ данномъ случаѣ можетъ быть приблизительно вычисленъ такимъ образомъ: всѣ дѣти считаются родившимися въ одинъ и тотъ же годъ, причемъ дѣти, не достигшія еще годового возраста, исключаются, такъ какъ судьба ихъ остается неизвѣстной. Этотъ приемъ не можетъ претендовать на точность, ибо здѣсь не принимается во вниманіе разница смертности въ различные годы. Большой ошибки, впрочемъ, ожидать нельзя, потому что тунгусы ничего не говорили о необычныхъ дѣтскихъ эпидеміяхъ за указанный періодъ времени.

Исключая изъ 190 дѣтей 7 не достигшихъ годового возраста, получаемъ 19 человекъ умершихъ до 1 года на 183 человека, а на 1000 — 104 человека.

О смертности взрослыхъ нельзя ничего сказать, такъ какъ и наблюденій было мало, и возрастъ смерти въ нѣкоторыхъ случаяхъ не могъ быть указанъ.

Добытая экспедиціей исповѣдная роспись Нельканской церкви, включающая Бытальскій, 1-ый Эжанскій и Кюрбюгдинскій бродячіе роды и Макагырскій кочевой, даетъ возможность проверить нѣкоторыя данныя, полученные экспедиціей путемъ опроса, и освѣтить возрастной и половой составъ не только пріамскихъ, но также учурскихъ (бытальцы) и принельканскихъ тунгусовъ. Правда, исповѣдныя росписи имѣютъ нѣкоторые недостатки, особенно въ регистраціи бродячихъ родовъ (на эти недостатки указывалъ г. Майновъ, *op. cit.*, стр. 41), но, при отсутствіи другихъ данныхъ въ настоящее время и, можетъ-быть, невозможности полученія ихъ въ ближайшемъ будущемъ, и исповѣдная роспись представляетъ несомнѣнный интересъ.

Такъ какъ въ составъ зарегистрированныхъ тунгусовъ вошли роды, различные по образу жизни и условіямъ ея, и притомъ въ сравнительно крупныхъ цифрахъ, то представлялась надобность дѣленія тунгусовъ по родамъ.

Возрастъ.	Бытальцы.		1-ые эжанцы 1).		Кюрбюгдинцы.		Макагырцы.		Всего.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
менѣе 1 года	4	14	3	6	4	1	6	7	17	28
1—5	18	26	16	34	12	14	12	15	58	89
5—10	39	31	20	26	11	11	8	10	78	78
10—15	45	35	20	15	10	13	12	7	87	70
15—20	37	31	10	13	8	6	5	6	60	56
20—25	28	28	10	10	6	4	3	8	47	50
25—30	27	24	14	10	4	7	5	3	50	44
30—35	38	21	12	14	7	6	8	12	65	53
35—40	23	21	12	8	4	5	8	4	47	38
40—45	21	10	8	4	4	1	6	7	39	22
45—50	20	5	3	7	3	4	3	—	29	16
50—55	8	8	7	7	2	—	2	2	19	17
55—60	8	7	5	2	2	4	1	2	16	15
60—65	4	9	2	3	—	1	2	—	8	13
65—70	5	5	3	—	2	1	2	—	12	6
70—75	3	3	—	1	—	—	2	—	5	4
75—80	2	2	1	1	1	1	2	—	6	4
80—85	1	2	2	3	—	—	1	1	4	6
85—90	—	1	1	—	—	—	—	1	1	2
90—95	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
95—100	1	1	—	—	—	—	—	—	1	1
Итого	332	285	149	164	80	79	88	85	649	613
Всего	617		313		159		173		1262	

На 100 мужчинъ въ общемъ приходится 94,5 женщины; въ частности же, по родамъ:

1) Въ число ихъ попали остатки (не болѣе 4 семействъ) 3-го Эжанскаго рода, ушедшаго на Амуръ.

Название рода.	На 100 мужчин приходится жен- щины.
Бытальский	85,8
1-ый Эжанский	110,1
Кюрбюгдинский	98,8
Макагырский	96,6

Резкая разница в количестве мужчин и женщин по возрастам наблюдается лишь в следующих случаях: в Бытальском роду на 210 мужчин (15—60 л.) приходится 155 женщин, в 1-ом Эжанском на 59 мальчиков (до 15 л.) — 81 девочка, в Бытальском роду на 16 стариков (свыше 60 л.) — 24 старухи и в Макагырском на 9 стариков — 2 старухи. В остальных случаях количество мужчин и женщин по возрастам в каждом роду почти одинаково.

Процентное соотношение детей, лиц среднего возраста и стариков внутри каждого рода таково:

Возрасты.	Бытальский род.	1-ый Эжан- ский род.	Кюрбюгдин- ский род.	Макагыр- ский род.	Всех родов в группе.
Дтей (до 15 л.) . .	34,36	44,78	47,80	44,51	40,01
Среднего возраста (15—60 л.)	59,16	49,84	48,43	49,13	54,13
Старческого воз- раста (свыше 60 л.)	6,48	5,43	3,77	6,86	5,86
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Процент детей, приблизительно одинаковый в последних трех родах, в Бытальском оказывается гораздо ниже.

Если считать процент детей показателем жизнеспособности племени в будущем, то за судьбу указанных тунгусов опасаться нельзя: средний процент детей у них (40,01%) выше, чем указанный Баллодом и Бессером¹⁾ процент для Германии (35%), считающейся плодотворной страной.

Пользуясь записями Нельканской церкви, можно коснуться вопроса о «вымирании» или «убыли» тунгусов Майского вѣдомства. И. И. Майновъ (ор. сѣт., стр. 34—40), на основании памятных книжек Якутской области на 1863 и 1896 гг. и исповѣдных росписей 1895 г., пришел к печальному выводу об

1) Смертность, возрастной состав и долговѣчность православнаго населенія Россіи, изд. 1897 г., стр. 1.

убыли тунгусовъ въ Якутскомъ краѣ. У насъ имѣются данныя о пяти родахъ, о которыхъ говорить и г. Майновъ. Сравнимъ эти данныя съ записанными г. Майновымъ и прежде всего — о бытальцахъ и кюрбюгдинцахъ, относительно которыхъ у него имѣются подробныя свѣдѣнія.

Название рода.	По памятнымъ книжкамъ и исповѣднымъ росписямъ.						По записямъ Нельканской церкви.			Общій приростъ.	
	Населеніе 1858 г.			Населеніе 1895 г.			Населеніе 1902 г.			Съ 1858—1895 г. (по Майнову ¹⁾).	Съ 1895—1902 г. (по нельканской записи ¹⁾).
	муж.	жен.	все-го.	муж.	жен.	все-го.	муж.	жен.	все-го.		
Бытальский (бродячий)	448	358	806	262	223	485	332	285	617	—39,80%	+27,20%
Кюрбюгдинский (бродячий)	74	51	125	55	76	131	80	79	159	+4,80%	+21,4—

Результатъ сравненія получается совѣтъ неожиданный: Бытальскій родъ, за 37 лѣтъ (съ 1858—1895 г.) уменьшившійся, по Майнову, на 39,8%, по новымъ вычисленіямъ, за 7 лѣтъ (съ 1895—1902 г.) увеличивается на 27,2%; Кюрбюгдинскій родъ, за 37 лѣтъ увеличившійся на 4,8%, за 7 лѣтъ увеличивается на 21,4%. Очевидно, что получившіеся громадные скачки въ приростѣ могутъ быть объяснены не дѣйствительными колебаніями его, а несовершенствомъ регистраціи, полнымъ несоотвѣтствіемъ официальныхъ источниковъ съ количественнымъ ростомъ и переселеніями тунгусовъ. Такъ какъ нѣтъ основаній отдавать предпочтеніе однимъ даннымъ предъ другими, то вопросъ о дѣйствительномъ ростѣ Бытальскаго и Кюрбюгдинскаго родовъ слѣдуетъ считать спорнымъ. Минусъ прироста, вычисленный г. Майновымъ для Бытальскаго брод. рода, является 4-мъ по величинѣ изъ всѣхъ 11 минусовъ.

Далѣе, въ таблицахъ г. Майнова совѣтъ нѣтъ Макагырскаго кочевого рода, численность котораго, по нельканской записи, равна 173 чел.

Нѣтъ свѣдѣній за 1895 г. о тунгусахъ 1-го Эжанскаго бродячаго рода. Количество ихъ за 1902 г., по нельканской записи, равнялось 313 чел., а по взятымъ г. Майновымъ свѣдѣніямъ за 1858 г. — 176 чел., то-есть въ этомъ родѣ не отмѣченъ приростъ, который за 1858—1902 гг. равнялся 55,4%²⁾.

Такимъ образомъ, при сравненіи новѣйшихъ свѣдѣній съ использованными г. Майновымъ, во всѣхъ четырехъ случаяхъ, гдѣ было возможно сопоста-

1) Формула прироста: $\frac{(p^2 - p^1) 100}{p^1}$.

2) Къ 1895 г. приростъ, конечно, былъ бы другой.

оление, данные г. Майнова оказываются или спорными, или неполными (неполноту признает сам автор, *op. cit.*, стр. 34), а это заставляет относиться с большою осторожностью и ко всем остальным его выкладкам. Если же так, то и вывод об убыли тунгусов следует признать спорным, а самый вопрос открытым¹⁾.

II. Семейный быт.

Среди прианских тунгусов господствует обычай брать себе жен из другого тунгусского рода, но бывают случаи брака между сородовичами и между тунгусами и якутами. Из глав 51 опис. семейств на сородовичках были женаты 7, на якутках 1, а остальные — на тунгусках другого рода.

Нередко тунгус находит себе жену и за пределами айянского района: на Ватоме, Учуре, Маймакане, близ Нелькана. Равным образом, и тунгуски прианского района нередко выходят замуж за тунгусов смежных районов, а иногда и за якутов. В результате получается тесная кровная связь между отдельными тунгусскими родами, чистой же родовой крови не существует совсем. Обычай вступать в брак с членами другого рода отчасти объясняется малочисленностью некоторых родов или же части рода, живущей в данной местности; при малочисленности сородовичей, большая часть их является близкими родственниками по восходящей линии, а браков между ними избегают сами тунгусы, да и духовенство зорко следит за этим. Родство по женской линии считается у тунгусов менее близким, чем по мужской, и часто священнику приходится доказывать равноценность той и другой линии.

Сильное давление родителей на брачующихся бывает редко, но и вполне свободный выбор признается не всегда. Чаще брачующихся сговаривают родители, а иногда брачующиеся и «сами находят друг друга». Если сын или дочь упорно отказываются вступить в брак с намеченным родителями лицом, то или родители, в конце концов, уступают добровольно, или же священник отказывается в совершении брака.

Возраст брачующихся в настоящее время гораздо выше, чем был в старину. Тогда выдавали замуж девочек лет 12, а сговаривали их еще при рождении. Теперь средний брачный возраст для женщин 16 л., а для мужчин — около 20. Отголоски старинных порядков встречаются и теперь: так, тунгус Трофим Винокуров, 31 года, был женат в возрасте 14 л. на 10-летней девочке.

Для вступления во второй брак теперь не существует обязательного срока, установленного обычаями. Некоторые выдерживают трехлетний срок по смерти жены, другие женятся и раньше. Очевидно, в старину раньше 3 лет вторично в

1) С. Патканов, в своем последнем труде: «О приросте инородческого населения» (СПб., 1911), замечает: «Из четырех отделов, на которые подразделяются тунгусы Якутского округа, наиболее жизнеспособными оказываются *Майские*, которые по всему направлению увеличились в численности» (курсив автора, стр. 108). В состав майских тунгусов входят, как сказано выше (стр. 219, вын.), и описываемые нами прианские тунгусы.

брак не вступали, так как и теперь этот срок соблюдается только в силу указания стариков, что раньше жениться нельзя.

Свадьба обыкновенно сопровождается обменом приданого жениха¹⁾ и невесты. Главную часть приданого являются олени. Со стороны жениха дается родителям невесты гораздо больше, чем со стороны невесты родителям жениха. Приданое жениха колеблется между 1 и 30 оленями, смотря по его состоятельности, а приданое невесты — между 1 и 15 оленями. В среднем, первое у описанных тунгусов равнялось 10 оленям, а второе — 7.

В хозяйствах договаривающихся сторон выдача приданого производит большое опустошение: так, в 28 семействах женихов, обладавших перед свадьбой 412 оленями, в приданое пошли 295 оленей, т.-е. гораздо больше половины всего оленяного их имущества. Часть отданного была заменена приданным невесты, но последнее, в общем, было меньше в $1\frac{1}{2}$ раза. Один из оленей, приводимых невестой, называется почетным (сегокин). Он никогда не запрягается, развешивается только у банных, и никогда не ставится под сено; ходит вместе с другими оленями; если потеряется, его не ищут; если сильно заболит или состарится, его убивают и, вместо прежнего, приобретают другого сегокин-а. Назначение его — быть убитым по смерти хозяйки; если сегокин-а у нея нет — убивают ее верхового оленя.

Кроме оленей, невеста приносит в дом жениха домашнюю обстановку. Типичное вещное приданое указать трудно: оно зависит от состоятельности семьи невесты. Большею частью в него входят покрывала урасы²⁾, платье, посуда, сено, сумы, — вообще, предметы, необходимые для первого обзаведения молодых. Замечается правило: чем больше оленей приводит с собой невеста, тем меньше ее вещное приданое. Последнее составляет пожизненную частную собственность жены. В случае ее смерти, вещное приданое, если брак — церковный, переходит к мужу, а если гражданский — к детям.

Встречаются, хотя и очень редко, другие виды приданого жениха: деньги, заработная плата у работников, содержание старика — отца невесты до его смерти.

Бедняки, не имеющие оленей, приданого не дают и в таком случае от невесты оленей не получают; но и тогда невеста приносит с собой каких-либо вещей: постель, или посуду, или половину покрывала урасы. Количество безолениных приданных высоко: 9 из 44, т.-е. 20%.

За вдову жених приданого не дает, а невеста приносит с собой, что может.

В общем, жених тратит на приданое гораздо больше, чем невеста; поэтому, и самая женитьба носит характер купли женихом невесты. Тунгусы всегда так и говорят: «за жену заплатил столько-то»; когда же указывают на при-

1) По обычной терминологии, это — плата за невесту, калым.

2) Временное жилище из конических поставленных жердей, покрываемое берестинными и ровдужными (замшевыми) полями.

даное жены, то говорят: «она привела съ собою столько-то оленей» или «за женою получилъ въ приданое то-то и то-то».

Свадебная церемонія не сложна. Замужняя женщина, родственница жениха, призываетъ со своимъ мужемъ къ дому жениха, покрываетъ одинъ изъ свободныхъ столовъ урасы привезенною ею покрывшкою и разводитъ огонь. Отсюда другая женщина должна пойти за невестой и перевести ее изъ родительскаго дома въ домъ жениха. Вместе съ невестой прибываетъ и ея приданое. Родители невесты вместе съ поѣзжанами являются на слѣдующій день. Они должны привезти съ собою для свадебнаго пишества мясо одного оленя, или, если не успѣли почему-либо его убить, то должны привести его живымъ и уже у дома жениха убить. Остальное угощеніе дается женихомъ. Онъ также долженъ убить оленя, обязательно хорошаго, и выставить гостямъ соответственное количество водки. Приготовленіе мяса (варка) начинается при гостяхъ. Если на пишество гости приглашены по урасамъ. У бѣдняковъ хотя бы и по маленькому куску, разсылается сосѣдямъ по урасамъ. У бѣдняковъ свадебный «пиръ» состоитъ часто только въ выпивкѣ одной-двухъ бутылокъ водки.

Послѣ свадьбы женихъ обыкновенно отдѣляется отъ родителей и считается уже самостоятельнымъ хозяиномъ, главою семьи.

Власть главы сильна, и только въ мѣстахъ соприкосновенія съ русскими дѣти и несовершеннолѣтніе члены семьи ведутъ себя вольно. Глава семьи, хотя бы это былъ старшій братъ, можетъ отдать несовершеннолѣтняго члена въ работники и получать за него заработную плату. Обращеніе съ женами нельзя назвать рыцарскимъ; иногда женамъ приходится выносить и побой. Вдова Дарія Амосова, несмотря на неоднократныя предложенія со стороны нѣсколькихъ лицъ, замужъ вторично не пошла, боясь побороть.

Супружеская вѣрность нарушается часто обѣими сторонами. Этому способствуетъ бродячая жизнь, влекущая частыя отлучки хозяина дома. На нарушеніе супружеской вѣрности тунгусы смотрятъ неодобрительно, но, въ концѣ концовъ, видимо, мирятся съ этимъ: случаи развода изъ-за супружеской невѣрности бывають очень рѣдки.

Обращеніе съ дѣтьми — тоже не совсѣмъ гуманное. Тунгусъ Ив. Амосовъ говоритъ: «Маленькихъ непослушныхъ дѣтей и слегка сѣчемъ, и сильно сѣчемъ тальникомъ (лозой), а на молодыхъ парней, которые не слушаются, жалуемся князьямъ (старостѣ и старшинамъ): они учатъ, приговариваютъ къ наказанію розгамъ, сажаютъ подъ арестъ въ «сбирку» (арестантскую) въ Алят или Нельканъ, гдѣ имѣется таковая, или въ особой пристройкѣ къ русскому дому бывшаго старосты Вас. Карамзина».

При жизни трудоспособныхъ родителей, до раздѣла, дѣти не имѣютъ никакихъ имущественныхъ правъ. При раздѣлѣ отецъ можетъ выдѣлить любую часть, чаще же дѣлитъ пропорціонально количеству членовъ. На имущество, приобретенное сыномъ послѣ раздѣла, права отца не простираются. Когда отецъ состарится, онъ переходитъ на иждивеніе трудоспособныхъ сыновей, а главенство въ семьѣ обычно переходитъ къ старшему сыну. Частное имущество старика тогда составляютъ только

нѣкоторыя мелкія вещи, необходимыя лично ему: такъ, тунгусъ Иин. Прокопьевъ, 37 лѣтъ, не отдѣлившійся отъ отца, распоряжался оленями и всѣмъ остальнымъ имуществомъ, а отецъ — только принадлежащими ему вещами: кремневой винтовкой, сѣтью, лодкой, топоромъ, чайникомъ, ножомъ, чашкой, тарелкой и дробовикомъ». Какъ видно изъ этого перечня, права неработоспособнаго отца опредѣляются очень тщательно.

Въ рѣдкихъ случаяхъ наблюдается выдѣленіе доли наслѣдства взрослымъ дѣтямъ, продолжающимъ жить подъ одной кровлей вместе съ родителями: Ив. Карамзинъ успѣлъ прожить 10 доставшихся ему по раздѣлу оленей еще во время совместной жизни съ отцомъ.

Въ случаѣ смерти отца при малолѣтнихъ дѣтяхъ, все имущество переходитъ къ его женѣ, при взрослыхъ же дѣтяхъ или въ случаѣ круглаго сиротства малолѣтнихъ дѣтей — имущество дѣлится по завѣщанію. Если завѣщанія не осталось, круглымъ сиротамъ-малолѣткамъ приходится плохо: родные братья или родственники по отцу иногда расхватаютъ оставшееся имущество. Такъ, Гавр. Бѣлолюбскій изъ 6 оленей, оставшихся послѣ матери, не получилъ ни одного: всѣхъ взяли старшіе братья; тунгуса Агаея Карамзина, воспитывавшаго родного племянника, сообщила, что оставшееся послѣ смерти ея брата имущество перешло къ другому брату, помимо прямого наслѣдника, сына умершаго. Вообще, опека надъ имуществомъ малолѣтокъ, круглыхъ сиротъ, поставлена очень плохо, и часто имущество переходитъ къ сильнѣйшему изъ взрослыхъ близкихъ родственниковъ.

Если оставшіеся по смерти отца члены семьи самостоятельно прокормиться не могутъ, то переходятъ на иждивеніе ближайшихъ родственниковъ: старшихъ братьевъ, дядей, тетокъ, дѣдовъ или бабокъ; восходящая линія считается, при этомъ, только со стороны отца, а не матери. Если у сиротъ нѣтъ близкихъ родственниковъ со стороны отца, то воспитаніе ихъ является обязанностью сородовичей, тоже съ отцовской стороны. Это правило соблюдается очень строго. Такъ, вернувшуюся, по смерти сожителя-макагырца, сестру Марю Бѣлолюбскую братья (эжанцы) не приняли, говоря: «мы отдали ее и отдали». Староста постановилъ, чтобы она ушла къ макагырцамъ, и ее долженъ былъ принять ближайшій родственникъ ея покойнаго сожителя.

Кто долженъ заботиться о вѣдѣчныхъ дѣтяхъ и какой родъ — отца или матери — имѣть на нихъ право, осталось нѣсколько неяснымъ. У макагырцевъ и бытальцевъ былъ даже споръ изъ за вѣдѣчно рожденнаго мальчика. Его прижила макагырка-дѣвушка отъ тунгуса Бытальскаго рода. На томъ основаніи, что отецъ былъ быталецъ, бытальцы считали ребенка своимъ и, несмотря на требованія макагырцевъ, не уступали его. Повидимому, споръ велся цѣлые десятки лѣтъ, такъ какъ въ моментъ описи, когда «спорному» тунгусу было уже 35 лѣтъ, рассказчикъ говорилъ, что бытальцы «не уступаютъ». Въ данномъ случаѣ бытальцы вышли побѣдителями, но, повидимому, не въ силу безспорнаго обычая — его оспаривали макагырцы — а, главнымъ образомъ, въ силу захвата. Борьба за мальчика велась такъ упорно потому, что каждая мужская «душа» облегчаетъ податное бремя.

Въ случаѣ вторичнаго выхода вдовы замужъ, имущественныя права дѣтей отъ

перваго брака сохраняются, и отчимъ становится лишь ихъ опекуномъ. Подати, налагаемыя иногда на малолѣтновъ-мальчиковъ, уплачиваются въ такомъ случаѣ родственниками отца, а не отчимомъ.

Кромѣ воспитанниковъ-сиротъ, которыхъ родственники и сородичи обязаны принимать къ себѣ, тунгусы берутъ, въ качествѣ воспитанниковъ, и дѣтей живыхъ родителей. Причиной отдачи дѣтей на воспитаніе служатъ или несостоятельность родителей, или желаніе воспитать дѣтей въ лучшихъ условіяхъ, у болѣе состоятельныхъ тунгусовъ, разъ къ тому представляется возможность. Причиной же приѣма на воспитаніе является или бездѣтность, отсутствіе прямыхъ наслѣдниковъ, или, чаще, нужда въ рабочей силѣ. Мальчиковъ при жизни родителей на воспитаніе не отдаютъ, такъ какъ ихъ рабочая сила нужна родной семьѣ.

Условія отдачи дѣтей на воспитаніе очень разнообразны. Если отдаютъ родственникамъ, то плата не берется; если же дѣти отдаются чужимъ и, притомъ, для того, чтобы послѣдніе могли использовать ихъ рабочую силу, когда они подрастутъ, то родители получаютъ плату: за дѣвочку, напримѣръ, 1 оленя. Когда дѣвочка подрастетъ и станетъ помогать воспитателямъ, то, по обычаю, воспитатели еще что-либо дарятъ родителямъ. Снаряженіе при выходѣ замужъ воспитанницы лежитъ на обязанности воспитателя. Если дѣвушка замужъ не выйдетъ, то она все время считается воспитанницей: напр., у тунгуса Николая Егорова была воспитанница 36 лѣтъ. Если, по смерти воспитателя, воспитанница (даже и взрослая) будетъ нуждаться въ помощи, то ей обязаны помогать ближайшіе родственники воспитателя, а не отца. Но, по смерти родителей, отданная на воспитаніе имѣетъ право на наслѣдственную часть, если воспитатели умерли. Отъ воспитателей она тоже получаетъ часть наслѣдства. При жизни матери воспитанница не имѣетъ доли въ отцовскомъ наслѣдствѣ, а при жизни воспитательницы — въ наслѣдствѣ воспитателя и отца.

Если дѣвочка берется на воспитаніе только до той поры, когда она станетъ помогать въ хозяйствѣ, то плата дается уже родителями.

Престарѣлые члены тунгусской семьи всегда находятъ себѣ приютъ у своихъ дѣтей, внуковъ, ближайшихъ родственниковъ или сородичей.

Вообще же внутренній бытъ тунгусской семьи не отличается нѣжностью, гуманностью, мягкостью; въ отношеніяхъ членовъ ея проглядываютъ часто и грубость обращенія, и практическіе расчеты; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тунгусы умѣютъ поддерживать своихъ неработоспособныхъ членовъ, давая имъ возможность если не жить удобной, свѣтлой семейной жизнью, то, по крайней мѣрѣ — сохранить жизнь. Неизвѣстно еще случая, когда тунгусъ погибъ бы изъ-за того, что не нашелъ своевременной поддержки у родственниковъ или сородичей.

Эд. Пекарскій.
Вл. Цвѣтковъ.

Обрядовое празднество совершеннолѣтія дѣвицы у русскихъ.

Обрядъ приѣма въ общину юношей у первобытныхъ народовъ. — Первоначальный смыслъ его и переживанія у народовъ европейскихъ. — Древнерусскіе постриги. — Соответствующій обрядъ надъ дѣвицами. — Свидѣтельства о существованіи обряда у русскихъ. — Главные моменты великорусскаго обряда. — Аналогичный бѣлорусскій обрядъ.

Этнографамъ хорошо извѣстно то обрядовое празднество, которымъ ознаменовывается у первобытныхъ народовъ совершеннолѣтіе юношей и приѣмъ ихъ въ общину взрослыхъ для совмѣстныхъ работъ. Празднеству этому, какъ извѣстно, всегда предшествуютъ особыя испытанія или даже истязанія молодыхъ людей; не выдержавшіе испытанія — въ мужественномъ и терпѣливомъ перенесеніи боли, въ силѣ и ловкости — не принимаются въ общину.

Деникеръ въ общихъ и краткихъ чертахъ описываетъ этотъ обрядъ слѣдующимъ образомъ: «У большинства некультурныхъ народовъ молодежь, при наступленіи возмужалости, подвергается торжественному обряду *посвященія*. Это нѣчто въ родѣ національнаго высшеобразовательнаго курса, съ соответственными испытаніями, за которыми слѣдуетъ церемоніалъ провозглашенія юношей полноправными мужчинами. Обычай посвященія извѣстенъ у австралійцевъ, американскихъ индейцевъ, негровъ и меланезійцевъ, характеризуясь одними и тѣми же чертами. Юношей даннаго племени уводятъ въ укромное мѣстечко, гдѣ колдуны, истолкователи воли фетиша, или, просто-на-просто, старики обучаютъ ихъ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, всему тому, что надлежитъ, по ихъ мнѣнію, знать взрослому мужчине, по части общественной жизни и отношеній къ прекрасному полу. Кандидатовъ подвергаютъ также испытаніямъ, иногда очень жестокимъ, дабы убѣдиться въ ихъ способности выносить жажду, голодъ и физическую боль. Юношей, побѣдоносно выдержавшихъ эти испытанія, приводятъ съ торжествомъ обратно въ селенія, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней устраиваются въ честь ихъ торжества. — Въ числѣ испытаній, продѣлываемыхъ надъ юношами въ это время, надо отмѣтить *обръзаніе*»¹⁾).

1) I. Деникеръ, Человѣческія расы. Спб. 1902, с. 305.

Более подробное описание обрядов этого рода в том виде, как они совершаются у отдельных народов, читатель найдет у Кулишера¹⁾ и у Гельвальда²⁾. Мы отметим здесь только эти немногие элементы в обряде: наречение посвящаемому нового имени, устройство головного убора, служащего знаком клана, и облечение в одежду, которую юноша будет носить теперь до конца своей жизни.

Что касается смысла обряда, то почти все этнологи согласно объясняют его, как символическую смерть юноши и второе рождение или начало новой жизни. «Внутренний мотив истязаний, — читаем у Кулишера, — совершенное уничтожение дитяского существа или, по крайней мере, полное обновление его до того, что юноша как будто бы теперь только является на свет Божий совершенно взрослым, как будто бы теперь только начинает жить». Кулишер связывает рассматриваемый обряд с широко распространенным у всех первобытных народов дитяубийством: молодые люди подвергаются участи, общей всем детям без исключения, т. е. убиваются и бросаются на произвол судьбы, но только в более позднюю пору своей жизни и притом — символически. Искать внутренней целесообразности в обрядовых истязаниях молодежи тщетно: эти мучения являются традиционным образом действия, и специфические цели, которые ими будто бы достигаются — по мнению племен, применяющих эти истязания — суть не что иное, как вновь придуманная санкция для унаследованного от предков отношения к молодежи³⁾.

По Линперту, юноша должен был «переродиться» для того, чтобы вступить в родство с новой семьей. До своей зрелости мальчики жили — при существовавшем некогда двойственном союзе — в существовавшей отдельно и независимо от мужского союза общине женщин. Девочка остается в этой общине, пока ее не уведет муж; а мальчик должен, в конце концов, вступить в союз мужчин, хотя, по старому воззрению, между ним и этой новой для него семьей еще не существует родства, нет кровной связи. В обряд приема происходило искусственное смещение крови, путем чего посвящаемый и рождался с принимающим его союзом мужчин⁴⁾.

Отмеченный обычай известен и индоевропейским народам. У древних индийцев он сохранился с большими подробностями, но раскололся, как это выяснено проф. Д. Н. Кудрявским, на несколько отдельных обрядов⁵⁾. На

1) М. И. Кулишер, Очерки сравнительной этнографии и культуры. СПб. 1887, с. 58 — 79.

2) Фр. Гельвальд, Естественная история племен и народов. СПб. 1882 — 88. Т. I, с. 57; 524 — 525; II, 96 и др.

3) Кулишер, там же, с. 58, 60 и 69.

4) Юлий Линперт, История культуры в отдельных очерках. СПб. 1903, с. 212 — 213.

5) Д. Кудрявский, Исследования в области древне-индийских домашних обрядов. Юрьев. 1904, с. 83 — 84.

третьем году от рождения мальчика совершался обряд пострижения волос с оставлением чуба по обычаю рода, т. наз. сѣѣкагапат, дѣлание чуба; в возрасте от восьми до двенадцати лет над мальчиком совершался торжественный обряд «посвящения в брахманские ученики» (урапауапат). Мы не будем описывать этот обряд в его целом (подробное изложение см. в названной книге проф. Д. Кудрявского), но назовем лишь некоторые, наиболее для нас интересные, моменты его; это: пострижение мальчика, облечение его в новую одежду и поение, наречение ему имени и ступание мальчика правой ногой на камень при произнесении слов: «наступи на этот камень и будь сам тверд как камень!» Укажем еще, что аналогичное наступание на камень совершает также и невеста в свадебном ритуале, и исследователи склонны считать эту церемонию в обряде приема позднейшим заимствованием из брачной обрядности¹⁾. — Наконец, над пятнадцатилетним мальчиком вновь совершается обряд пострижения, на этот раз уже не только волос, но и бороды (так наз. годанам).

У наших отдаленных предков был известен обряд «постриг», о котором мы знаем, к сожалению, лишь из кратких летописных свидетельств. Обряд этот совершался над трехлетними или даже над двухлетними мальчиками, сопровождался посадкой мальчика на коня и праздником. В 1192-м году «быша постригы у великого князя Всеволода, сына Георгева, внука Володимера Мономаха, сыну его Георгеви, в градѣ Суждали; того же дни и на конь его вьади; и бысть радость велика в градѣ Суждали» (Лаврент. летопись, год 6700); Георгий этот родился в 1189 году; постриг его был «во день святого Семеона сродника Господня» (Ипатьевск. летопись, тот же год), т. е. не в день именин. Через два года «быша постригы у... князя Всеволода, сына Георгева, сыну его Ярославу» (там же, год 6702), родившемуся в 1190-м году. В 1212-м году 23 мая «быша постригы у Костянтина, сына Всеволожа, сыному его Василку и Всеволоду; и бысть радость велика в градѣ Ростовѣ» (Лаврент. летопись, 6720); Василку было в это время три года, Всеволоду — два. В 1230-м году «князь Михаил створи постригы сынови своему Ростиславу Новгородѣ у святей Софии» (Новгородск. I-ая летопись, г. 6738). В 1302-м году, 8-го ноября «быша постригы у князя у Михаила сынови его Дмитрию» (Лаврент. летопись, 6810), родившемуся в 1299-м году.

Летописи говорят только о постригах у князей; но обычай этот соблюдался, бесспорно, во всех сословиях. О том свидетельствует хотя бы существование его у орловских крестьян. По свидетельству А. Н. Трунова, у жителей Орловской губернии через год после рождения мальчика над ним совершаются так называемые «застрижки». «При соборании родных и близких знакомых, младенца

1) Там же, с. 187.

сажают на столъ на подушку; по правую сторону его кладутъ на тарелкѣ ножницы. Крестные отецъ и мать берутъ ножницы и выстригаютъ у младенца крестообразно полосы, а на тарелку ему кладутъ деньги... То же дѣлаютъ потомъ и всѣ присутствующіе. — Къ этому дню крестная мать должна приготовить младенцу рубашку или же (дѣвочкѣ) платье»¹⁾. Здѣсь, такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ три момента, общихъ съ древне-индійскимъ и, частью, австралійскимъ обрядомъ: постриженіе, облеченіе въ новую одежду (только что изготовленную крестною матерью) и празднество (собраніе родныхъ и знакомыхъ). — Подобный же обычай существовалъ недавно у донскихъ казаковъ, въ гор. Циграхъ Курской губерніи, въ Шуйскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, у бѣлорусовъ Гродненскаго уѣзда, у малорусовъ Полтавской губерніи²⁾ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Обрядъ постриженія существовалъ также въ Византіи, гдѣ носилъ названія *κομρβουα* и *τρύχοουρία*³⁾. У древнихъ германцевъ онъ сопровождался опоясываніемъ мальчиковъ⁴⁾. — Переживаніе первобытнаго обычая испытаній и истязаній юношей нѣкоторые исследователи видятъ также въ первомъ причащеніи у католиковъ⁵⁾, въ ежегодныхъ бичеваніяхъ (*dimastigosis*) при алтарѣ Артемиды-Орфіи юношей въ Спартѣ, и даже въ широкомъ употребленіи розги у средневѣковыхъ педагоговъ⁶⁾.

Гораздо менѣе распространенъ и менѣе изученъ соответствующій женскій обрядъ. У нѣкоторыхъ народовъ Новаго Свѣта обрядовымъ испытаніямъ и истязаніямъ при наступленіи половой зрѣлости подвергаются только юноши; на дѣвушекъ обычай не распространяется. Если согласиться съ приведеннымъ нами выше объясненіемъ Липперта, то такъ оно и должно быть. Это обстоятельство, однако же, не могло бы помѣшать позднѣйшему появленію параллельнаго женскаго обряда по аналогіи съ мужскимъ. Помимо такой аналогіи, на возникновеніе женскаго обряда могъ повліять еще и другой побудительный поводъ, а именно — желаніе объявить для свѣдѣнія жениховъ или ихъ родныхъ, что въ данной семьѣ имѣется невеста.

Если же стоять на иной точкѣ зрѣнія и исходить изъ предположенія, что женскій обычай возникъ одновременно и существовалъ параллельно съ мужскимъ, — тогда не трудно будетъ найти факторы, подѣ влияніемъ которыхъ женскій обрядъ

легко могъ исчезнуть или затеряться. Факторы эти* слѣдующіе. Во-первыхъ, совершеннолѣтіе дѣвцы сопровождается обыкновенно бракомъ, т. е. переходомъ ея въ другой родъ; не удивительно, если обряды по поводу совершеннолѣтія дѣвцы совпадали съ брачными обрядами и растворялись въ этихъ послѣднихъ, особенно же въ обрядахъ пріема чужеродной въ новый родъ, обрядахъ, въ нѣкоторомъ отношеніи родственныхъ съ первыми. Во-вторыхъ, наступленіе зрѣлости у дѣвцы сопровождается физиологическими явленіями, періодически повторяющимися у женщинъ и въ слѣдующій періодъ ихъ жизни. Въ это время женщины у всѣхъ первобытныхъ народовъ считаются нечистыми, удаляются изъ общаго жилья и, черезъ извѣстный срокъ, подвергаются особымъ очистительнымъ обрядамъ. То же самое дѣлается и съ роженицами. И на этой почвѣ опять таки должно было происходить совпаденіе интересующаго насъ женскаго обряда съ этими другими обрядами; при совпаденіи же такъ легко было первому ступсваться или даже затеряться совсѣмъ.

Таковы чисто теоретическія разсужденія, которыя, однако же, должны умолкнуть предъ силою фактовъ. А факты говорятъ намъ слѣдующее:

У карибовъ (въ центральной Америкѣ) дѣвочку при переходѣ въ зрѣлый возрастъ удаляютъ въ особую хижину. Тамъ она постится. Черезъ 10 дней является жрецъ и снимаетъ чары съ дѣвушки. Затѣмъ дѣвушка подвергается несприятному испытанію, а именно: послѣ купанья она должна встать ночью на стулъ или камень и мать съчесть ее до крови тонкой розгой, между тѣмъ какъ она не смѣетъ вскрикнуть отъ боли. Черезъ мѣсяцъ дѣвушка должна вынести вторичное подобное же бичеваніе¹⁾. У тликиотовъ на Аляскѣ дѣвушекъ при наступленіи зрѣлости держатъ въ особой хижинѣ, поодаль отъ другихъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, а по окончаніи этого срока имъ пробуравливаютъ нижнюю губу и вставляютъ въ отверстіе серебряную палочку²⁾. Въ Спартѣ ежегодное бичеваніе при алтарѣ Артемиды примѣнялось отчасти и къ дѣвушкамъ³⁾. — Торжественныя празднества по случаю совершеннолѣтія дѣвушекъ совершаются у тегуэльчевъ въ нампасахъ Америки, у альфуровъ (малайцевъ)⁴⁾ и у нѣкоторыхъ другихъ племенъ. По словамъ Эндемана, главное значеніе такого торжества у бечуановъ (негровъ банту) заключается въ томъ, чтобы засвидѣтельствовать зрѣлость женщины⁵⁾.

Тотъ же самый мотивъ очень ясно сказался въ слѣдующемъ обычѣ готтентотовъ. У нихъ «наступленіе зрѣлости у дѣвушекъ сопровождается особеннымъ

1) Зап. Географ. Общ. по отд. Этногр. II, 1869 г., с. 47 — 48 (Мценскій уѣздъ).

2) М. Харузинъ, Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону, 83; Географич. Изв. 1850, отд. I, с. 335; Гарелинъ, Городъ Иваново-Вознесенскъ I, 63; Шейнъ, Бѣлорусскій сборникъ III, 78; Милорадовичъ, Народные обряды и пѣсни Лубенскаго уѣзда, 31.

3) Ducange, Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis, 740 и 1615.

4) Ю. Липпертъ, тамъ же, с. 214.

5) Деникеръ, тамъ же, с. 306.

6) Кулишеръ, тамъ же.

1) Гельвальдъ, Естеств. ист. племенъ и нар. I, 524.

2) Ploss, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker. Stuttgart. 1876, с. 261 — 262.

3) Schoemann, Griechische Alterthümer I, 265 — 267.

4) Гельвальдъ, тамъ же I, 570 и II, 656.

5) K. Endemann, Mitteilungen über die Sothoneger (Zeitschrift für Ethnologie, 1874, с. 37 — 38).

празднествомъ. До этого дѣвушка не носила никакой одежды, за исключеніемъ нѣсколькихъ браслетовъ на рукахъ и икрахъ и талисмановъ на шеѣ; теперь на нее навѣшиваютъ разукрашенную шубу въ знакъ того, что она годна для супружества. Въ этомъ нарядѣ она должна просидѣть на показъ три дня у входа своей хижины, съ торжественной физиономіей и ртомъ вытянутымъ, какъ у рыбы. На третій день убиваютъ молодую корову. Одинъ изъ ближайшихъ неженатыхъ родственниковъ приходитъ съ сосѣдами и поздравляетъ дѣвушку. Затѣмъ онъ навѣшиваетъ ей на голову шкуру, снятую съ брюха убитой коровы, и высказываетъ дѣвушкѣ пожеланіе, чтобы она была такъ же плодovита, какъ молодая корова, и родила большое количество дѣтей. Съ тѣми же пожеланіями обращаются къ ней поочередно друзья и подруги, и церемонія заканчивается торжественной пирушкой, во время которой въ изобиліи пьютъ медовое вино¹⁾. — У пересовъ дѣвушка 9 лѣтъ надѣваетъ покрывало, и съ этого времени не можетъ уже показываться на улицѣ съ открытымъ лицомъ²⁾.

Бываютъ, наконецъ, случаи, когда соответственная обрядовая церемонія происходитъ уже послѣ выхода дѣвушки замужъ. Такъ, у одного австралійскаго племени «дѣвушка, сдѣлавшись женой, подвергается мучительной операціи: одна изъ старухъ откусываетъ у нея два сустава мизинца лѣвой руки, и только послѣ этого новобрачная удостоивается чести быть принятою въ число замужнихъ женщинъ»³⁾. — Напомнимъ, что откусываніе пальца—одно изъ очень распространенныхъ истязаній, которымъ подвергаются при наступленіи совершеннолѣтія юноши.

Къ категоріи описанныхъ выше фактовъ принадлежитъ и тотъ русскій обрядъ, установившій существованіе котораго составляетъ задачу нашей настоящей замѣтки. Мы знаемъ объ этомъ обрядѣ только изъ печатныхъ источниковъ, но источники эти—какъ это у насъ случается довольно часто—затерялись въ громадной массѣ всюду разбросанныхъ сырыхъ матеріаловъ,—и всѣ изслѣдователи русскихъ свадебныхъ обрядовъ проходили до сихъ поръ этотъ интересный обрядъ полнымъ молчаніемъ.

Источники наши слѣдующіе:

1. Путешествовавшій въ 1823-мъ году по южной Россіи А. Глаголевъ сообщаетъ въ своихъ «запискахъ», между прочимъ, слѣдующее о жителяхъ принадлежавшихъ графу Бобринскому сель Богородицкаго уѣзда Тульской губерніи: «Вообще обычаи здѣшнихъ крестьянъ отличаются своею странностію. Дѣвки ходятъ здѣсь до 15 и до 16 лѣтъ въ однихъ только рубашкахъ, опоясанныхъ краснымъ шерстянымъ пояскомъ; а по прошествіи этого срока на дѣвку надѣваютъ поневу (такъ, какъ у римлянъ надѣвали на семнадцатилѣтняго юношу пурпуровую тогу). Обрядъ же на-

дѣванія поневы совершается въ день именинъ дѣвки, въ присутствіи всей родни ея. Въ это время именинница становится обыкновенно на лавку и начинаетъ ходить изъ одного угла въ другой. Мать ея, держа въ рукахъ открытую поневу, слѣдуетъ за нею подлѣ лавки и приговариваетъ: «вскоци, дитетко; вскоци, милое;» а дочь каждый разъ на такое привѣтствіе сурово отвѣчаетъ: «хоцу — вскоцу, хоцу — не вскоцу». Но какъ вскочить въ поневу значить объявить себя невѣстою и дать право женихамъ за себя свататься; то никакая дѣвка не заставляетъ долго за собою ухаживать, да и никакая не дѣлаетъ промаху въ прыжкѣ, влекущаго за собою отсрочку въ сватовствѣ до слѣдующаго году¹⁾.

Весьма возможно, что нашъ авторъ въ данномъ случаѣ не былъ очевидцемъ, а писалъ съ чужихъ словъ; однако не довѣрять ему въ чемъ-либо нѣтъ никакихъ основаній. Даже цоканье произношеніе «хоцу, вскоцу» нельзя считать утрировкой, хотя подобнаго произношенія теперь въ Богородицкомъ уѣздѣ и нѣтъ. Въ сосѣднемъ Новосильскомъ уѣздѣ теперь также нѣтъ цоканья, но о томъ, что оно было тамъ въ прошломъ, мы имѣемъ и прямые, и косвенные свѣдѣнія, о которыхъ здѣсь не распространяемся. — Замѣтимъ еще, что принадлежавшія графу Бобринскому села въ Богородицкомъ уѣздѣ прежде были, по замѣчанію нашего путешественника (с. 36), монастырскими; значитъ, жители ихъ не были недавними поселенцами въ данной мѣстности, а принадлежать къ группѣ древнѣйшихъ насельниковъ уѣзда. Села эти, сколько намъ извѣстно, слѣдующія: Ламовка, Іовлево, Верхоуше, Плесы и Михайловское.

2. Приведенное описаніе интересующаго насъ обряда — единственное изъ извѣстныхъ намъ описаній, гдѣ обрядъ представляется самостоятельнымъ цѣлымъ, стоящимъ одиноко. Всѣ другія свѣдѣнія изображаютъ этотъ обрядъ какъ часть свадебнаго ритуала.

Неизвѣстный авторъ²⁾ изъ Мосальскаго уѣзда Калужской губерніи такъ описывалъ въ 1851-мъ году «сватованіе», одинъ изъ первыхъ актовъ свадебной обрядности, въ селѣ Петросельѣ этого уѣзда. Отецъ жениха только что уговорился съ своимъ будущимъ сватомъ, вырядивъ себя «снизъ одежды, шубу, зипунъ, суконки, да лапти писаные». «Явились сосѣди и родные Петра (невѣстиннаго отца), привели невѣсту и, поставивъ ее на лавку, начали всѣ въ одинъ голосъ говорить ей: «не ходи, не ходи, наше дитятко; не ходи, наша милая Аннушка, по батинѣ по лавочки; не прыгай, не прыгай; не рѣзвись, не рѣзвись, въ послѣдній день, въ послѣдній разъ; вскачи, вскачи въ паневушку». — На это невѣста отвѣчала имъ: «хоцу —

1) Гельвальдъ, тамъ же, II, 46.

2) Тамъ же, II, с. 514 — 515.

3) Тамъ же, I, 54.

1) А. Глаголевъ, Записки русскаго путешественника. Часть I. Спб. 1837, с. 37 — 38.

2) Вѣроятно, мосальскій помѣщикъ П. А. Суходольскій, авторъ рукописи «О жителяхъ села Петроселья и его окрестностей», присланной въ Географическое Общество въ началѣ 1849 г. (Географ. Изв. 1849, с. 54).

скачу, хочу — нѣтъ». — Они же ей снова: «скачи, наша Аннушка; скачи, наша родная; скачи, наша милая; скачи, наша любезная». Тогда невеста спрыгнула съ лавки, и сосѣдки надѣли на нее паневу. — Дальше были накрытъ столъ; всѣ присутствующіе помолились Богу, «по очереди разцѣлювались, взявъ сначала другъ друга за руку, потомъ пола объ полу, и помѣнялись хлѣбомъ и солью». Послѣ этого сѣдовали обѣдъ, во время котораго нарочно приглашенные подруги невесты пѣли пѣсни, между прочимъ:

«Козьма, Демьянъ, Спасъ Милостивый,
Скуй намъ свадебку крѣпкую, да не лѣпкую» и т. д.

Близкая родственница невесты разноситъ дары, а невеста, обернувъ ручникомъ стаканъ, угощаетъ виномъ родныхъ жениха, которые ее за это цѣлуютъ. Этимъ «сватованіе» закончилось¹⁾.

Мы коротко изложили весь процессъ «сватованія», чтобы лучше видѣть его мѣсто и ту обстановку, въ которую включенъ интересующій насъ обрядъ. — Замѣтимъ еще, что данное описаніе принадлежитъ очевидно, и притомъ человѣку, общій взглядъ котораго на народный бытъ, выраженный въ той же статьѣ, весьма трезвъ и сурезенъ.

3. Всѣ прочіе наши источники²⁾ основываются уже на глухихъ и туманныхъ слухахъ. И. П. Сахаровъ (родомъ, какъ извѣстно, тулякъ) въ своей статьѣ «Русскія народныя присловья» пишетъ о псковичахъ: «Хочу, вскоцу; не хочу, не вскоцу. — Будто въ старину, когда просватывали невесту, мать дѣлала изъ пояса кругъ посередь полу, а невеста становилась на лавку. Отецъ съ матерью оглашали дочери жениха. Дочь должна была отвѣчать: «Хочу, вскоцу; не хочу, не вскоцу». Если она соглашалась, то становилась въ кругъ; а если нѣтъ, то начинала плакать»³⁾.

В. И. Даль повторяетъ это же присловье о псковичахъ, нѣсколько измѣнивъ поясненіе его: «Встарину невеста говорила: хочу — вскоцу и, соглашаясь

1) Свадьба въ селѣхъ Петросельи, Мосальскаго уѣзда (Калужск. Губ. Вѣдом. 1851, № 42, с. 181 — 182).

2) Статья наша была уже въ наборѣ, когда мы въ послѣдней книжкѣ «Живой Старины» (1911, № 1, с. 61) прочитали сообщеніе г. Чеснокова о существованіи интересующаго насъ обряда на крайнемъ сѣверо-востокѣ Пермской губерніи, въ Чердынскомъ уѣздѣ. Обрядъ происходитъ здѣсь во время свадебнаго сговора, на которомъ присутствуетъ и женихъ. Невѣста прыгаетъ въ сарафанъ, подставленный ей подоломъ кверху. Держить при этомъ сарафанъ, будто бы, «сваха или еще кто», а не родные невесты, какъ это вездѣ въ другихъ мѣстахъ. Невѣста произноситъ обычную формулу; прыганье ея въ сарафанъ означаетъ согласіе пойти замужъ за даннаго жениха. — Замѣтимъ, что въ Пермской губерніи не мало тульскихъ переселенцевъ, поселившихся здѣсь еще въ XVIII вѣкѣ и даже ранѣе; отмѣченный обрядъ могъ проникнуть сюда и черезъ этихъ переселенцевъ.

3) Сказанія русскаго народа. Спб. 1885, с. 291.

идти замужъ, прыгала черезъ положенный кругомъ поясъ или въ наставленную юбку»¹⁾.

Это присловье, какъ и всѣ почти присловья Сахарова, широко распространено въ обществѣ книжнымъ путемъ. Его приводятъ многіе авторы, писавшіе о присловьяхъ по Сахарову и по Далю. — Изъ народныхъ устъ записалъ ту же формулу А. В. Кольцовъ въ Воронежѣ, но онъ не даетъ къ ней никакихъ комментариевъ²⁾. Въ сборникѣ Дикарева читаемъ: «Хачу — вскочу, хачу — нѣскачу (произносить невеста въ то время, когда ее «загоняютъ» въ паневу; въ обществѣ говорятъ для выраженія нежеланія)»³⁾. Въ Воронежской губерніи память объ этомъ обрядѣ, очевидно, еще жива. — Въ романѣ Ф. М. Достоевскаго «Братья Карамазовы» Иванъ Федоровичъ говоритъ на судѣ председателю: «Я, ваше превосходительство, какъ та крестьянская дѣвка... знаете, какъ это: «Захоцу — вскоцу, захоцу — нѣ вскоцу», за ней ходятъ съ сарафаномъ, али съ паневой, что ли, чтобы она вскочила, чтобы завязать и вѣнчать везти, а она говоритъ: «Захоцу — вскоцу, захоцу — нѣ вскоцу»... Это въ какой-то нашей народности» (кн. 12, гл. 5, Внезапная катастрофа).

4. Если въ только что приведенныхъ случаяхъ формула нашего обряда превратилась въ присловье и поговорку, то въ дальнѣйшихъ она дала сюжетъ для сказки.

Священникъ села Староѣрождствена (Староселья, Тагаева тожъ) Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи, І. Лавровъ, описывая мѣстную крестьянскую свадьбу, добавляетъ: «Было въ прежнее время еще и слѣдующій обычай. Когда, бывало, сваха придетъ сватать невесту, то послѣдняя влѣзетъ на лавку, и отецъ ея подойдетъ къ ней съ вятелемъ и говоритъ: «скокни, доченка!» На что она отвѣчаетъ: «Хочу — скокну, хочу — нѣтъ». И если послѣ трехъ разъ невеста прыгнетъ въ вятель, то это принималось за признакъ, что женихъ ей нравится и она за него пойдетъ»⁴⁾. — Здѣсь единственное свидѣтельство, по которому дѣвушка скачетъ не въ паневу или поясъ, а въ вятель, т. е. рыболовный снарядъ, мѣшокъ изъ сѣти на обручачъ.

Въ селѣ Сосновкѣ Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи я записалъ въ 1908-мъ году отъ мѣстной жительницы, сказочницы Ложкиной слѣдующее: «Дружка въ сѣняхъ [говоритъ]: «Шпрнѣ — пырнѣ въ пѣбу». Отецъ невесты отвѣ-

1) Даль, Пословицы русскаго народа. М. 1861, с. 348. — Въ своемъ «Толковомъ словарѣ» Даль приводитъ то же выраженіе уже какъ тамбовскую поговорку: «Хочу — вскоцу, не хочу — не вскоцу, т. е. отъ свадебнаго обычая, приглашенія невесты вскочить въ подставленную матерью поневу, что есть знакъ согласія (подъ сл. вскочить).

2) Кольцовъ, Полное собраніе сочиненій. Спб. 1909, с. 299. (Пословицы).

3) М. Дикаревъ, Воронежскій этнографическій сборникъ. Ворон. 1891, с. 243.

4) П. В. Шейнъ, Великорусскіе въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ etc. Спб. 1900, с. 718.

часть ему (все это происходит, когда за невестой съ поѣздомъ придутъ, къ вѣнцу ее везти. Женихъ еще на дворѣ): «Не ширій, не пырій, — дай на понышу понышу надѣть». А невеста бѣгаетъ нагая по лавкамъ; мать за ней рубаху носить: «скачи, милая». Та говоритъ: «хочу — скочу, хочу — нескочу». Потомъ скачетъ, и ее одѣваютъ къ вѣнцу». — Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ народный анекдотъ — глухой отзывъ разсматриваемаго нами обряда.

Разсматривая всѣ приведенныя выше свидѣтельства, мы видимъ, что, при всемъ ихъ разнообразіи, въ нихъ неизмѣнно сохраняется и повторяется основная формула интересующаго насъ обряда, слова дѣвицы-невесты: «хочу — вскочу и т. д.». И это обстоятельство не оставляетъ сомнѣнія, что въ основаніи всѣхъ этихъ разнообразныхъ данныхъ лежитъ одинъ и тотъ же мотивъ.

✱ Основные моменты нашего обряда, поскольку онъ выясняется изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, слѣдующіе: 1. Испытаніе дѣвушки-невесты, испытаніе двойное, физическое и нравственное. Первое состоитъ въ томъ, что невеста должна сумѣть спрыгнуть съ лавки на полъ въ подставленную ей одежду или другой предметъ. Промакъ въ прыжкѣ, по словамъ Глаголева (№ 1) ведетъ за собою отсрочку въ сватовствѣ до слѣдующаго года. Нравственное испытаніе заключается въ томъ, что дѣвушка должна проявить свое самосознаніе, свою собственную непреклонную волю. Произносимая дѣвушкою формула «хочу — вскочу, не хочу — не вскочу» и служить именно выраженіемъ этой твердой ея воли. Формула эта произносится трижды (№ 4, сообщеніе Лаврова), дважды (№ 2) или же неопредѣленное число разъ (№ 1; № 4 — Ложкина); она служитъ отвѣтомъ на уприскиванія и уговариванія со стороны — матери (№ 1; 4 — Ложкина), отца (№ 4 — Лавровъ), родителей, родныхъ и сосѣдей (№ 2). Это проявленіе дѣвушкой своей твердой воли нельзя не сопоставить съ требованіемъ мужественнаго перенесенія боли въ указанныхъ выше обрядахъ народностей Новаго Свѣта и съ формулою «будь твердъ какъ камень», произносимую въ древнеиндійскомъ обрядѣ посвященія ученика.

Относительно этихъ испытаній, особенно же относительно перваго, физическаго, нельзя не замѣтить, что онѣ, въ сущности, очень легки и просты; безспорно, что онѣ предназначались нѣкогда для малолѣтнихъ, для дѣтей. О томъ же говорятъ и тѣ приговоры, которыми уговариваютъ въ мосальскомъ обрядѣ (№ 2) дѣвушку-невесту всѣ присутствующіе. Дѣвушка изображается въ нихъ дитятей, малюткой, рѣзвящейся и прыгающей «по батиной лавочкѣ». Между тѣмъ, какъ видно изъ описанія очевидца, рѣчь шла въ данномъ случаѣ о хорошей работницѣ, которая «и ткать, и прастъ, и пахать» умѣетъ прекрасно. Очевидно, нѣкогда соотвѣтствующій обрядъ происходилъ гораздо ранѣе, когда дѣвушка была еще дитятей, когда она дѣйствительно прыгала на лавочкѣ въ родительскомъ домѣ. Перенесеніе обряда на болѣе поздній возрастъ могло быть обусловлено тѣмъ, что браки стали заключаться съ те-

ченіемъ времени въ болѣе позднемъ возрастѣ. Въ старину у русскихъ браки происходили вообще очень рано. Бывало, что женихъ имѣлъ отъ 12 до 13 лѣтъ¹⁾. В. Н. Добровольскій сообщаетъ о старинномъ белорусскомъ обычаѣ выдавать замужъ дѣвицъ 11 — 13 лѣтъ, замѣчая, что «и до сихъ поръ живы еще старушки, выданныя замужъ такъ рано, почти въ дѣтскомъ возрастѣ»²⁾.

2. Второй основной моментъ разсматриваемаго обряда — облеченіе дѣвушки въ новую одежду, а именно въ поневу (№№ 1, 2, 3: Даль и Дикаревъ). Понева — это принадлежность южно-великорусскаго женскаго костюма, замѣняющая юбку; понева составляетъ вообще одну изъ отличительныхъ чертъ костюма замужнихъ женщинъ, и дѣвушки носятъ ее сравнительно очень рѣдко. Юбка (№ 3, Даль) и рубаха (№ 4, Ложкина) явились на мѣстѣ поневы, которая въ сѣверно-великорусскихъ губерніяхъ совсѣмъ неизвѣстна; въ послѣднемъ случаѣ въ формулѣ еще сохранилось непонятное слово «поява». — Въ другихъ случаяхъ поневу замѣняетъ поясъ (№ 3, Сахаровъ и Даль). Здѣсь, такимъ образомъ, мы сталкиваемся съ обрядовымъ опоясываніемъ дѣвушки. Въ томъ и другомъ случаѣ, какъ передѣваніе, такъ и опоясываніе — общая принадлежность разсматриваемой нами категоріи обрядовъ у разныхъ народовъ.

Нѣчто совсѣмъ особенное мы встрѣчаемъ въ лужковскомъ обрядѣ (№ 4), гдѣ невеста прыгаетъ въ «вятель», рыболовный снарядъ изъ сѣти. Можно, правда, думать, что вятель явился здѣсь по недоразумѣнію, вмѣсто непонятной поневы, такъ какъ дѣло идетъ въ данномъ случаѣ не о современной дѣйствительности, а о глухомъ преданіи изъ прошлой жизни. Необходимости въ такого рода предположеніи, однако же, нѣтъ. Рыболовные сѣти служатъ обрядовымъ свадебнымъ костюмомъ у разныхъ народовъ³⁾, въ качествѣ талисмана. Съ теченіемъ времени обрядъ скананія невесты съ лавки легко могъ быть истолкованъ, какъ предохраняющее отъ вражеской силы средство, на какой почвѣ и костюмъ могли замѣнить сѣтью. Но во всякомъ случаѣ это было вырожденіемъ обряда.

Относительно обрядоваго надѣванія поневы стоить еще указать, что для цѣлага ряда мѣстностей отмѣчено существованіе обычая, въ силу котораго дѣвушка до самаго замужества одѣвается въ одну только рубаху, безъ поневы или юбки. Такъ, въ Подольской губерніи (въ 40-хъ и 50-хъ годахъ 19-го столѣтія) «дѣвушка, пока не засватанная, не носитъ юбки. Случалось, что до 25 лѣтъ (въ ожиданіи пока отецъ вернется изъ солдатъ) дѣвушка ходитъ въ рубахѣ съ поясомъ (перевочкой).

1) Н. И. Костомаровъ, Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусск. народа въ 16 и 17 столѣтіяхъ, с. 157.

2) Добровольскій, Смоленскій этнографическій сборникъ, II, 359.

3) Цитаты у Н. Э. Сумцова, О свадебныхъ обрядахъ, 197; ср. также Архивъ Калачева, 1861, № 3, с. 36.

Когда засватают, то мать ей покупает узенькую юбку из «дымы» — полосатой парусинки¹⁾. В Воронежском уезде, в селѣ Боѣвъ дѣвушки до замужества ходятъ въ однихъ рубашкахъ, безъ сарафановъ²⁾. В Смоленской губерніи въ старину «у рѣдкой дѣвицы былъ андаракъ (юбка), а ходили въ рубашкахъ своего рукодѣля и носили платочки»³⁾. По Бурнашеву, «дѣвки ходятъ просто въ рубашкахъ»⁴⁾. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, значить, дѣвица надѣвала въ первый разъ понева или юбку во время свадьбы, но о сопровождавшихъ это надѣваніе обрядахъ никакихъ свѣдѣній мы не имѣемъ; они, вѣроятно, слились съ свадебнымъ ритуаломъ. Отмѣтимъ, что въ Полтавскомъ уездѣ, послѣ «сговоровъ о подаркахъ» невеста ходитъ въ вѣнчальномъ костюмѣ, только безъ рушниковъ, которыми она повязываетъ юбку въ день вѣнчанія⁵⁾. В данномъ случаѣ, очевидно, одѣваніе дѣвушки въ костюмъ взрослыхъ женщинъ совпало съ свадебными «сговорами».

Весьма интересный обычай отмѣченъ также въ селѣ Багачевѣ Владимірской губерніи и уѣзда: здѣсь совершеннолѣтняя дѣвица, «когда ей года выйти замужъ», носить особую принадлежность костюма, которой ни до, ни послѣ этого времени она не носитъ, а именно — ленту въ косѣ; несовершеннолѣтнія дѣвицы, равно какъ и замужнія, носятъ вмѣсто ленты гарусъ или косникъ⁶⁾.

3. Третій моментъ разсматриваемаго нами обряда, — это торжество или празднество по его поводу. Выдѣлить этотъ моментъ довольно трудно, такъ какъ обрядъ совпалъ съ свадебными празднествами. Но обязательное присутствіе *всей родни* дѣвушки въ богородицкомъ обрядѣ (№ 1) говоритъ именно о наличии такого празднества; хотя въ данномъ случаѣ обрядъ совпалъ съ именинами дѣвушки, но именины малолѣтнихъ дѣвицъ у крестьянъ вообще не празднуются. — Въ другихъ случаяхъ (№ 2) обрядъ происходитъ также публично.

Моментъ торжества или празднества особенно вышукло выраженъ въ аналогичномъ *бѣлорусскомъ обрядѣ*, о которомъ мы до сихъ поръ ничего не говорили, такъ какъ онъ характеризуется совсѣмъ иными чертами. Объ этомъ бѣлорусскомъ обрядѣ намъ извѣстно только одно сообщеніе, изъ Новгородсверскаго уѣзда Черниговской губерніи. Здѣсь, въ селѣ Юриновкѣ, «совершеннолѣтіе дѣвицъ празднуется такъ: къ такой дѣвушкѣ собираются родные и знакомые, поздравляютъ ее съ совершеннолѣтіемъ, ѣдятъ пироги, пьютъ водку, а послѣ выкидываютъ надъ домомъ бѣлый

флагъ — знакъ радости, или возятъ именинницу на саночкахъ или въ корытѣ по селу, при чемъ скачутъ и кричатъ: «паспѣла, паспѣла!» Послѣ такого обнародованія совершеннолѣтія дѣвушки всякъ имѣетъ право сватать ее, до того же — никто¹⁾. — Здѣсь, такимъ образомъ, никакого испытанія вступающей въ совершеннолѣтіе дѣвицы нѣтъ; ничего не сообщается также и о переодѣваніи дѣвицы.

На основаніи изложеннаго мы дѣлаемъ слѣдующее предположеніе. Обрядъ совершеннолѣтія дѣвицы, будучи пережиткомъ глубокой старины, совершался нѣкогда у русскихъ въ раннемъ, отроческомъ возрастѣ²⁾ дѣвушки, когда послѣдней еще не легко было прыгнуть съ лавки на полъ, т. е. прыгнуть не болѣе какъ съ полоторааршинной вышины. Обрядъ этотъ сопровождался всегда облаченіемъ дѣвушки въ одежду взрослыхъ женщинъ и происходилъ публично, въ присутствіи всѣхъ родныхъ и сосѣдей. Послѣ совершенія такого обряда дѣвушка считалась уже невестой, и объявить ее таковою — въ цѣляхъ обратить на нее вниманіе жениховъ³⁾ — было одною изъ цѣлей обряда, скоро потомъ сливагося съ однимъ изъ первыхъ актовъ свадебнаго ритуала.

Что касается области распространенія интересующаго насъ обряда, то весьма широкая извѣстность формулы его «хочу — вскочу и т. д.» говорить въ пользу широкаго распространенія и всего обряда. Но прямыя свидѣтельства говорятъ намъ только о великоруссахъ. Безспорно существованіе обряда въ XIX-мъ столѣтіи въ губерніяхъ: Тульской, Калужской и Тамбовской (Даль, Толков. словарь), т. е. въ тѣхъ степныхъ губерніяхъ древнихъ вятичей, гдѣ старые языческіе обряды сохранились вообще лучше. Малорусско-бѣлорусскій, черниговскій, обрядъ характеризуется совсѣмъ иными чертами.

Страннымъ образомъ отсутствующее во всѣхъ нашихъ словаряхъ, но весьма распространенное, напримѣръ, на Вяткѣ выраженіе «*вбѣскачить* замужъ» вмѣсто обычнаго «выйти замужъ», быть можетъ, основано на данномъ обрядѣ, гдѣ невеста дѣйствительно *скачетъ*, ускоряя этимъ для себя замужество.

1) О. Богуславскій, Село Юриновка въ историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ (Черниговск. Губернск. Вѣдом. 1855, № 20, с. 163). Статья эта написана въ отвѣтъ на изданную Географическимъ Обществомъ въ 1847-мъ году программу, гдѣ былъ особый вопросъ объ обрядахъ, совершаемыхъ при вступленіи въ возмужалость. Всѣ другіе извѣстные намъ отвѣты на эту программу проходили данный вопросъ молчаніемъ или же прямо указывали, что такихъ обрядовъ въ данной мѣстности нѣтъ. Въ селѣ Юриновкѣ живутъ не чистые бѣлоруссы: языкъ мѣстныхъ жителей представляетъ пеструю смѣсь бѣлорусскихъ особенностей съ малорусскими, при преобладаніи, однако, первыхъ (А. И. Соболевскій, Опытъ русской диалектологии. С.-Пб. 1897, с. 99).

2) Такое перенесеніе обрядовъ по поводу совершеннолѣтія на болѣе ранній возрастъ — обычная участь этихъ обрядовъ; срв. въ этомъ отношеніи обрѣзаніе, постриги и т. д.

3) Срв. русскую народную пословицу: «денежка — что дѣвушка: всякъ бы ее зналъ, да не всякъ бы видѣлъ».

1) Этнограф. Обзор. 1907, № 1, с. 208.

2) Рукопись Хрущова 1855 г. въ рукописномъ отдѣл. Библ. И. Ак. Наукъ, бумаги И. И. Срезневскаго, № 40.

3) Смоленскій Этнографич. Сборн. II, 359.

4) Бурнашевъ, Терминологич. слов. II, 114, подъ сл. *понава*.

5) Чубинскій, Труды экспедиц. въ зап.-русс. край, IV, 583.

6) Владимірск. Губ. Вѣдом. 1873, № 40, ст. О. Сперанскаго.

При детальномъ изученіи русскихъ свадебныхъ обрядовъ, въ нихъ, вѣроятно, найдутся и еще моменты, ведущіе свое начало отъ только что разсмотрѣннаго нами обряда, слившагося съ свадебнымъ ритуаломъ. Это можно, напримѣръ, предположить для мѣтнаго обычая, въ силу котораго новобрачная, на другой день послѣ брака, обрѣзываетъ свои волосы; обычай этотъ распространенъ, напримѣръ, въ юго-западномъ краѣ¹⁾. Но другіе исследователи видятъ въ этомъ обычѣ жертвенное посвященіе волосъ божеству²⁾, остатокъ трофеевъ, пережитокъ похищенія невесты³⁾. И мы о немъ пока умолчимъ.

Умолчимъ мы также объ отмѣченномъ В. Н. Добровольскимъ обрядовомъ «посвященіи» бѣлорусской дѣвицы «въ работницы»⁴⁾. Этотъ фактъ — иной категоріи.

1) Пастырскій Собесѣдникъ, 1892, № 44 — 45; см. также цитаты у Н. О. Сумцова, О свадебныхъ обрядахъ etc., с. 152.

2) Сумцовъ, тамъ же.

3) М. В. Довнаръ-Запольскій, Исследования и статьи I, 124.

4) Смоленскій этнографическій сборникъ, II, 349.

Дм. Зеленинъ.

Опытъ систематической программы для собиранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ¹⁾.

Предисловіе.

Попытки составить программу, годную для собиранія свѣдѣній о религіозныхъ вѣрованіяхъ у всѣхъ некультурныхъ расъ, не могутъ увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ подобная программа неизбежно намѣчаетъ только самые общіе вопросы, а потому, если она и можетъ быть пригодной для кого-нибудь, то только для ея составителя, ибо это — скорѣе замѣтки для памяти, чѣмъ программа. Съ другой стороны, составители подобныхъ программъ всего чаще обладаютъ хотя и обширными познаніями въ области вѣрованій некультурныхъ расъ, но почерпнутыми у туристовъ, путешественниковъ, миссіонеровъ и т. д., т.-е. у лицъ, часто не только не подготовленныхъ для собиранія подобныхъ свѣдѣній, но весьма нерѣдко относящихся съ предвзятыми мнѣніями и безъ всякой критики и чаще всего дающихъ отрывочный и даже несогласный между собою матеріалъ. Эти недостатки устранимы только въ томъ случаѣ, если программа составляется для собиранія свѣдѣній у опредѣленнаго племени на основаніи личнаго знакомства съ его вѣрованіями. Если еще при этомъ окажется удачнымъ выборъ племени, т.-е. если окажется, что вѣрованія данного племени достаточно разработаны и представляютъ нѣкоторую цѣльность и типичность для вѣрованій какой-либо группы племенъ, то программа можетъ оказаться пригодной при изученіи цѣлой группы. Мнѣ кажется, что предлагаемая программа въ значительной степени удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Группа племенъ, вѣрованія которыхъ имѣютъ значительную общность, суть русскіе инородцы-шаманисты, а вѣрованія якутовъ сохранили въ себѣ въ значительной степени свой первобытный характеръ и представляютъ довольно развитую и даже глубоко философскую систему первобытныхъ вѣрованій, о чемъ можно судить по тѣмъ болѣе или менѣе отрывочнымъ даннымъ, которые собраны до настоящаго времени²⁾; такимъ образомъ, программа, осно-

1) Перепечатывается почти безъ измѣненій съ отдѣльнаго оттиска изъ XIV тома «Извѣстій Общества Арх., Исторіи и Этнографіи» (Казань. 1897), съ разрѣшенія Всев. Мих. Іонова, оплатившаго, въ свое время, трудъ автора (ум. 1898 г.) изъ ассигнованныхъ въ его распоряженіе средствъ Якутской Сибиряковской Экспедиціи (1894 — 1896) и принимавшаго непосредственное участіе въ составленіи самой программы. *Ред.*

2) См. изслѣдованіе автора: «Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ». По-смертное изданіе, редактированное Э. К. Пекарскимъ. Казань. 1902 (отд. отт. изъ «Ученыхъ Записокъ Императ. Казанскаго Университета»). *Ред.*

ванная на близком знакомствѣ съ вѣрованіями якутовъ, вѣроятно, можетъ оказаться въ значительной степени пригодной и для собиранія свѣдѣній о религіозныхъ вѣрованіяхъ и другихъ инородцевъ-шаманистовъ.

Предлагаемая программа составлена не для ученыхъ специалистовъ, которые въ ней не нуждаются, а для тѣхъ, которые, живя по какимъ-либо причинамъ среди того или иного инородческаго племени или принадлежа къ нему, заинтересовались бы древними вѣрованіями и пожелали бы собирать матеріалы въ этой области, но, не будучи специально подготовлены для этого, пожелали бы имѣть руководящую программу, — вотъ почему я считаю необходимымъ дѣлать такіе разъясненія и входить въ такіе детали, которыя специалисту могутъ показаться излишними.

Введение.

Религіозныя вѣрованія и соответствующій имъ культъ, именуемые въ совокупности у различныхъ русскихъ инородцевъ шаманствомъ, представляютъ извѣстную стадию вѣрованій и культа всѣхъ расъ на извѣстной ступени развитія. Тѣмъ не менѣе, шаманство во всей совокупности не составляетъ чего-либо однообразнаго и точно установленнаго, такъ какъ, будучи естественной религіей, по тому самому оно подчинялось общимъ законамъ эволюціи подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, окружающихъ то или иное племя. Такимъ образомъ, мы можемъ подмѣтить, напр., у камчадаловъ и самоѣдовъ, зарожденіе шаманства, а затѣмъ прослѣдить его дальнѣйшую эволюцію, приведшую къ двумъ крупнымъ развѣтвленіямъ. Въ одномъ изъ нихъ, какъ, напр., у вотяковъ, получило преобладающее значеніе бѣлое шаманство, въ другомъ, и именно у якутовъ — черное. Изученіе бѣлаго шаманства можетъ дать намъ основы для уразумѣнія эволюціи религіозныхъ вѣрованій и культа у болѣе культурныхъ народовъ, усвоившихъ себѣ именно это теченіе, а изученіе чернаго шаманства дастъ намъ то же самое для уясненія того умонастроенія, которое привело къ такимъ поразительнымъ религіознымъ вѣрованіямъ, какъ вѣрованія такъ называемыхъ поклонниковъ діавола (іезидовъ) и поклонниковъ Шивы, а кромѣ того дастъ возможность свести къ первоисточнику нѣкоторыя вѣрованія и суевѣрія, отъ которыхъ не свободны и нѣкоторыя наиболѣе культурныя расы.

Среди русскихъ инородцевъ черное шаманство встрѣчается наиболѣе рѣзко выраженнымъ и сохранившимся съ наибольшей полнотой только у якутовъ, вѣрованія которыхъ, судя по имѣющимся въ настоящее время даннымъ, представляли въ значительной степени стройную и глубоко философскую систему, всецѣло проникнутую утилитарно-реалистическими тенденціями.

Въ основѣ религіозныхъ вѣрованій якутовъ лежитъ обычное представленіе о двойственности характера силъ природы, вытекающее изъ классификаціи ея проявленій на полезныя и вредныя человѣку. Полезныя человѣку обнаруженія дѣятельности природы олицетворяются въ различныхъ сверхъестественныхъ существахъ, относящихся, главнымъ образомъ, къ общему классу «айы», а вредныя — въ существахъ,

относящихся къ классу «абасы». Впрочемъ, классъ «айы» имѣетъ только одного чистаго представителя, и это — Творецъ міра и податель благъ, который не вмѣшивается въ жизнь и дѣла отдѣльнаго человѣка, тогда какъ остальные «айы» всегда имѣютъ отношеніе къ благосостоянію отдѣльнаго человѣка, а потому могутъ быть и полезны и вредны ему. Что же касается до «абасы», то они, вообще говоря, полезными не могутъ быть, но всегда могутъ быть вредными. Считаются ли «айы» полезными и, слѣдовательно, добрыми, а «абасы» вредными и злыми — ясныхъ указаній не имѣется, а потому слѣдуетъ обратить вниманіе на этотъ пунктъ. Что же касается до мѣстожительства, то всѣ «айы» живутъ на востокъ подъ самымъ горизонтомъ, что указываетъ на ихъ отношеніе къ солнцу и его восходу, «абасы» же живутъ во всемъ остальномъ мірѣ: на небѣ, на землѣ и подъ землею.

Двойственность олицетворенія силъ природы привела къ представленію о двухъ душахъ — матеріальной и нематеріальной, а также и къ двойственному характеру шамановъ — бѣлыхъ и черныхъ. «Бѣлые» — жрецы Бѣлаго бога, а «черные» — Чернаго¹⁾. Такимъ образомъ ясно, что дѣленіе шамановъ на бѣлыхъ и черныхъ вытекаетъ изъ коренныхъ основъ религіозныхъ вѣрованій, а потому всегда слѣдуетъ имѣть въ виду важность этого дѣленія и тщательно отмѣчать, о какихъ шаманахъ идетъ рѣчь, а кромѣ того обратить особенное вниманіе на то, не сохранились ли указанія на связь между бѣлыми шаманами и главами семей и родовъ, а потому заносить все, что касается участія послѣднихъ въ религіозныхъ торжествахъ, моленіяхъ и т. д.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній я считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько частныхъ.

Хотя всѣ вопросы программы требуютъ тщательнаго изслѣдованія, но на нѣкоторые изъ нихъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Къ такимъ вопросамъ относится вопросъ о томъ, были ли якуты солнцепоклонниками и не есть ли «Уруң-айы-тоюн» *олицетворенный эпитетъ* солнца, а потому слѣдуетъ заносить мельчайшія подробности, будутъ ли это сказанія, поговорки, спеціальныя выраженія, обряды, воззванія и т. д., относящіеся къ Солнцу, восходу, востоку и къ различнымъ «айы» и служащіе хотя бы косвенными указаніями на связь между «айы», солнцемъ и ихъ творческою дѣятельностью. При этомъ нужно приводить какъ якутскій текстъ, такъ и подстрочный его переводъ, — послѣднее замѣчаніе относится ко всѣмъ якутскимъ словамъ и названіямъ духовъ. Слѣдуетъ особенно постараться собрать всѣ эпитеты, прилагаемые къ «Уруң-айы-тоюн-у» и къ солнцу, стараясь опредѣлить и тѣ эпитеты, которые въ настоящее время, будучи олицетворены, пред-

1) Термины эти, какъ очень характерные, заимствованы у бурятъ; у якутовъ «бѣлому» шаману соответствуетъ «айы ојуна», а «черному» — «абасы ојуна».

ставляют собою отдѣльные существа, — это замѣчаніе приложимо также къ огню и къ «Bai-bajanaï-yu».

Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, нѣтъ ли указаній на творческую дѣятельность какого-либо «абасы» и въ чемъ она выражалась; нѣтъ ли связи между главами «абасы» и какими либо явленіями и силами природы, наприм., съ громомъ; нѣтъ ли оснований для опредѣленія, какіе «абасы» принесены съ прежней родины и какіе образовались на мѣстѣ нынѣшняго жительства якутовъ.

При собираніи свѣдѣній нужно постоянно имѣть въ виду, что требуются до-христианскія вѣрованія, а потому слѣдуетъ тщательно выдѣлять всѣ тѣ, которыя подверглись вліянію христианства и русской культуры, и соответственно отмѣчать.

Затѣмъ, нужно отмѣчать не только положительные отвѣты, но и отрицательные, такъ какъ очень важно знать, чего въ вѣрованіяхъ якутовъ не имѣется, а потому слѣдуетъ также отмѣчать, что на тотъ или иной вопросъ не было получено ни положительнаго, ни отрицательнаго отвѣта, или давались показанія спутанныя и противорѣчивыя, — однако, и эти показанія должны быть заносимы.

Слѣдуетъ тщательно отмѣчать, какой матеріалъ добытъ изъ сказокъ и изъ какихъ, изъ разспросовъ якутовъ и изъ разспросовъ сказочниковъ, шамановъ и т. д.

Запасъ собранный матеріалъ, всегда нужно имѣть въ виду, что многія понятія низшихъ расъ часто въ значительной степени отличаются отъ аналогичныхъ понятій высшихъ расъ, а потому нужно быть въ высшей степени осторожнымъ, передавая понятія первыхъ языкомъ вторыхъ. Такъ, понятіе, выражаемое словомъ «абасы», ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть переведено словомъ дьяволъ, чортъ, бѣсъ и т. д., точно такъ же «кут» и «сѣр» — словомъ душа¹⁾; въ тѣхъ же случаяхъ, когда приходится по необходимости употреблять слово, не вполне точно выражающее какое-либо понятіе, то слѣдуетъ эту точность возстановить надлежащимъ разъясненіемъ, — въ скобкахъ слѣдуетъ приводить якутскія слова во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно устранить недоразумѣніе, — впоследствии же можно это слово употреблять и безъ комментариевъ.

Кстати замѣтить, что словомъ «духъ» я называю всѣ сверхъестественныя существа, къ какому бы разряду они ни относились, ибо термины, заимствованные изъ религиозныхъ системъ другихъ народовъ, непримѣнимы къ представленіямъ якутской религиозной мысли и, нисколько не облегчая изученія, только затемняютъ дѣло. При

1) О. Н. Бѣтлингъ слово «абасы» (Über die Sprache der Jakuten. Theil 2. Jakutisch-deutsches Wörterbuch, стр. 6) переводитъ «дьяволъ», «злой духъ», а словъ «кут» и «сѣр» у него вовсе нѣтъ. Слово «кут» есть въ уйгур. яз. и означаетъ тамъ «счастіе», «благополучіе» (Вамбери, Etymologisches Wörterbuch der turko-tatarischen Sprachen, стр. 95), а «сѣр» есть въ монг. яз., гдѣ означаетъ «величіе», «сила», «мужество» (Ковалевскій, Монгольско-руско-французскій словарь, II, стр. 1484). Примѣч. ред. «Изв. О-ва А., И. и Э.»

отвѣтахъ на вопросы программы слѣдуетъ избѣгать употребленія такихъ словъ, какъ богъ, божество, дьяволъ, чортъ и т. п., такъ какъ эти термины уже имѣютъ опредѣленное значеніе и не совпадаютъ ни по объему, ни по характеру заключающагося въ нихъ понятія съ тѣмъ, что мы встрѣчаемъ у якутовъ. Да и самое слово «духъ» для обозначенія всѣхъ сверхъестественныхъ существъ я употребляю только для краткости. Въ отвѣтахъ всегда слѣдуетъ, кромѣ собственнаго имени духа, если онъ имѣетъ таковое, привести и родовое его названіе (ajı, абасы, ічі, таңара, ймагит и т. п.). Только послѣ тщательнаго изученія якутскихъ вѣрованій возможна будетъ классификація «духовъ» и установленіе определенной терминологіи.

Программа.

§ 1. Двойственность существованія. Признается ли, кромѣ видимой формы существованія, еще и невидимая? Способны ли вещи послѣдней формы существованія обнаруживать силу и дѣятельность? Если способны, то по какимъ причинамъ и съ какими цѣлями? Существуетъ ли понятіе о переходѣ вещей изъ видимаго состоянія въ невидимое и обратно? Признается ли возможность перехода вещей одного какого-либо рода въ вещи другого рода? Что такое тѣнь? Не есть ли это какое-либо существованіе, привязанное къ матеріальнымъ вещамъ, но способное являться и отдѣльно? Что такое эхо? Не есть ли это какая-либо невидимая форма существованія и чья именно?

§ 2. Дѣлятся ли предметы и явленія природы на одаренные жизнью и безжизненные? Какіе относятся къ тѣмъ и къ другимъ? Что служить критеріемъ этой классификаціи? Чѣмъ характеризуется и какъ проявляется жизненность? Какія слова употребляются для обозначенія, что предметъ обладаетъ жизненностью или не обладаетъ ею? Указать всѣ значенія этихъ словъ. Что такое «тѣнь»? Свойственно ли оно человѣку, животнымъ, насекомымъ, растеніямъ и инымъ предметамъ? Что дѣлается съ «тѣнью» послѣ смерти или уничтоженія вещей, обладавшихъ имъ? Имѣетъ ли «тѣнь» личное существованіе и можетъ ли временно отдѣляться отъ предмета, или оно съ нимъ слитно?

§ 3. Дифференціація предметовъ, одаренныхъ жизнью, на одушевленные и неодушевленные. Существуетъ ли дѣленіе предметовъ на одушевленные и неодушевленные? Какими словами обозначается то и другое? Что служить основаніемъ для отнесенія даннаго предмета къ тому или другому разряду? Каковы вѣншіе признаки предмета одушевленнаго? Достаточно ли, чтобы предметъ обнаружилъ самопроизвольное движеніе, для отнесенія его къ одушевленнымъ, или нужно, чтобы самопроизвольное движеніе было и цѣлесообразнымъ, или нужно что-либо другое и что именно? Не будутъ ли всѣ самопроизвольныя движенія и цѣлесо-

образными движениями? Каковы внутренні особенности одушевленных предметов? Принадлежать ли онѣ къ міру физическому, или психическому? Какими словами означаются эти особенности?

§ 4. Дифференціація одушевленных предметовъ на одушевленные въ тѣсномъ смыслѣ слова и на такіе, которыми обладают одушевленные предметы. Существует ли разница между предметами, которые сами по себѣ одушевлены, и тѣми, въ которыхъ живутъ или которыми владѣютъ какія-либо невидимыя существа? Перечислить всѣ предметы и явленія природы послѣдняго рода. Имѣютъ ли собственныя имена? Указать нѣсколько примѣровъ. Какъ общее названіе этихъ предметовъ? Какъ общее названіе владѣющихъ ими невидимыхъ существъ? Имѣютъ ли эти послѣднія собственныя имена? Привести примѣры. Какими свойствами обладают эти существа: матеріальными или нематеріальными, благожелательными или зложелательными? Вліяютъ ли на благосостояніе людей и какъ? Чѣмъ руководствуются, обнаруживая то или иное вліяніе на человѣка и животныхъ? Имѣютъ ли они физическія потребности и какія именно? Живутъ ли одиночными или семействами? Плодятся ли и куда дѣбается приплодъ: остается ли въ мѣстѣ своего рожденія, или переселяется? Куда и для какой цѣли? Если они не плодятся, то, значить, существуетъ отъ вѣка определенное число такихъ существъ, занимающихъ определенныя мѣста? Какъ произошли они? Связь, отношенія, сходство и различіе ихъ съ другими духами.

§ 5. Что такое «іччі», ихъ происхождение?¹⁾ Имѣются ли «іччі» для цѣлыхъ родовъ, видовъ, семействъ и отдѣльных индивидовъ? Для каждаго предмета или только для нѣкоторыхъ определенныхъ предметовъ? Чѣмъ должны характеризоваться предметы, имѣющіе «іччі»? Могутъ ли предметы, сдѣланные руками человѣка, имѣть «іччі»? Имѣетъ ли «іччі» домашняя утварь? Имѣетъ ли его каждый отдѣльный предметъ, отдѣльный родъ предметовъ (напр., всѣ горшки, «чабычах-и» и т. д. въ одномъ хозяйствѣ), или вся утварь въ совокупности? Перечислить всѣхъ «іччі» и ихъ спеціальныя особенности и отношеніе ихъ къ «абасы» и «аїи». Указать предметы, которые имѣютъ своего «іччі», и предметы, которые служатъ только мѣстопробываніемъ «іччі» (выдающееся дерево — мѣстопробываніе «доіду іччітѣ»), предметы, которые имѣютъ какое-либо отношеніе къ «іччі» (напр., сосенки, которыя мѣстами насажены самимъ «доіду іччітѣ» ради забавы). Перечислить тѣ роды предметовъ, «іччі» которыхъ являются хозяевами цѣлыхъ областей болѣе или менѣе значительныхъ (напр., хозяинъ дороги, горы, рѣки и т. д.). Могутъ ли предметы, неимѣющіе «іччі»,

1) По сказаніямъ алтайцевъ, «при разгромѣ и сверженіи Орлика и его слугъ, каждый изъ нихъ на что упалъ, тому и хозяинъ сталъ, получивъ силу и право всячески вредить человѣку и даже умерщвлять его въ своей области». В. И. Вербицкій. Алтайскіе инородцы. 48, см. 100.

приобрѣсть его? Указать случаи, когда это возможно, и признаки, по которымъ узнается, что предметъ приобрѣлъ «іччі» (когда неодушевленный предметъ издаетъ звукъ, обнаруживаетъ самопроизвольное движеніе?). Приобрѣтаютъ ли какіе-либо предметы и какіе «іччі» временно и въ какихъ случаяхъ (напр., удила коня при дальнемъ путешествіи)? Можетъ ли слово человѣка стать для предметовъ ихъ «іччі», въ какихъ случаяхъ и почему? Что дѣбается съ «іччі» послѣ уничтоженія предмета, въ которомъ находится (при усыханіи или спускѣ озера)? Кто, въ какихъ случаяхъ и къ какимъ «іччі» обращается? Если на мѣстѣ спущеннаго озера или высохшей рѣки образуется сѣнокосъ, то «іччі» озера или рѣки не обращается ли въ «доіду іччітѣ»? Что выражаетъ «іччі» (слово) въ подобныхъ выраженіяхъ: «харах іччітѣ», «сымыт іччітѣ» и т. п.?

§ 6. Душа человѣка и животныхъ. Не имѣется ли въ каждомъ человѣкѣ и въ каждомъ животномъ «іччі»? Не есть ли душа нѣчто аналогичное «іччі», т. е. не играетъ ли она роли хозяина, управляющаго фізіологическими и психическими процессами въ человѣкѣ и животномъ, а также его физической и психической дѣятельностью? Сколько у человѣка душъ? Что такое «кут»? Что такое «сѣр»? Имѣетъ ли каждое изъ этихъ словъ по одному значенію или ихъ нѣсколько? Перечислить всѣ значенія. Какое сходство и различіе между обѣими душами по происхожденію, сущности и по загробной судьбѣ? Является ли каждая изъ этихъ душъ однородной, или онѣ состоятъ изъ элементовъ и изъ какихъ? Когда, какъ и кѣмъ соединяются эти элементы вмѣстѣ для образованія той и другой души? Въ видѣ чего представляется каждая изъ двухъ душъ (душа у бурятъ представляется въ видѣ пчелы, у киргизъ — въ видѣ мухи)? Можно ли видѣть ту и другую душу и въ какихъ случаяхъ?

§ 7. Что такое «буор-кут», «салгын-кут» и «іж-кут»? Итъ ли подобныхъ названій, гдѣ бы вмѣсто слова «кут» стояло «сѣр»?¹⁾ Имѣютъ ли одинаковыя

1) Обратитъ особенное вниманіе на «тѣи», «кут», «сѣр» и ихъ элементы, ибо въ противномъ случаѣ можно впасть въ такую неясность, въ какую впасть Вербицкій (78 и 77), который сначала говоритъ, что алтайскіе инородцы «признаютъ двойственность души», а затѣмъ насчитываетъ 6 душъ. Онъ считаетъ тын алтайцевъ душою, хотя тутъ же говоритъ: «апроче́мъ (?), тын есть жизненность, т. е. такая душа (?), которая есть и въ животномъ, и въ растеніи, или связь (?) души съ тѣломъ». Но этого мало: изъ дальнѣйшаго примѣра оказывается, что острый булатъ также имѣетъ тын, но слѣдуетъ ли изъ этого, что всѣ вещи имѣютъ тын — неизвѣстно. Затѣмъ, у алтайцевъ имѣется сузы, которую Вербицкій также называетъ душою. Она имѣется у человѣка и у скота и означаетъ ту сущность, которая даетъ здоровье и плодovitость, — значить, сузы составляетъ только одинъ элементъ души, но какой — неизвѣстно. У алтайцевъ имѣется кут, которую Вербицкій также считаетъ душою и которая, по его словамъ — «почти то же, что и сузы», хотя, по словамъ Вербицкаго, кут имѣется и у земли, и у жилыхъ помѣщеній, а потому она не можетъ быть «почти то же, что и сузы». Жула имѣется только у человѣка, она же значить эссенція. Сѣр (сѣр) — также душа, она имѣется у человѣка и у скота. Кромѣ того, имѣется еще сюэ (сѣи), встрѣчающаяся только у человѣка и выражающая ту высшую психическую дѣятельность, которая замѣчается только у человѣка.

души растений, животных и человек? Если различные, то в чем состоит различие? Оби ли души одинаково материальны? Перечислить их материальные и нематериальные свойства. Оби ли оставляют после себя следы ног и какой? Производят ли шум, проходя по шуршащим предметам (сучьям, сухим листьям и т. п.)? Боятся ли они чего-либо? Боятся ли предметов режущих, колющих и т. п.? Бросают ли тьны? Одну или несколько? Сколько и почему именно столько?

§ 8. Что значит «кут-сър»? Выражает ли это нечто единое и простое, или это — нечто сложное¹⁾? В каких случаях употребляется слово «кут-сър»? Не употребляется ли тогда, когда требуется указать на необходимость совместного пребывания обих душ, чтобы возможна была целостность существования? У кого имеется «кут-сър»: у человека, или у животных, или у тѣх и других и у всех ли? Имеется ли у гадов, рыб и насекомых «кут», «сър» и «кут-сър»? Можно ли сказать «сър-кут» и в каких случаях? Если нет, то почему? Что значит «сър-кѣп» по отношению к человеку, животным и проч. и по отношению к пища? Записать все выражения и примѣры.

§ 9. Кто создает «кут» и «сър»? Когда эти души создаются: в момент рождения, зачатия или раньше? Есть ли разница в этом отношении между человеком и животными и кака? Не были ли созданы все души одновременно, а затем стали посылаться на землю по мѣрѣ надобности, или они каждый раз создаются специальным актом творения? Может ли и в каких случаях посылаться одна и та же душа на землю несколько раз? Записать подобные случаи, если окажутся.

§ 10. Есть ли «кут-тън»? Если есть, то ответить на вопросы §§ 7 и 8 по отношению к «кут-тън».

§ 11. Мѣстопребывание «тън», «кут» и «сър» у человека, животных и растений. Не связана ли какая-либо из двух душ или какой-либо из элементов «кут» с сердцем, кровью, челюстью, головою и т. п.? Имеют ли какое-либо отношение и какое к дыханию?

§ 12. Факты, приводящие к образованию представления о душах: тѣнь и отражение. Как по-якутски слово тѣнь? Имеет ли оно еще какая-либо значения и как? Что такое тѣнь человека, животных и предметов? Есть ли между ними разница по существу? Не лишаются ли покойники, убитое или умершее животное, срубленное или безжизненное дерево и разбитый предмет своей тѣнью? Если лишаются, то почему? Может ли и в каких случаях тѣнь иметь существование, отдѣльное от бросающих ее предметов? Одна ли тѣнь имеется у человека,

1) Последнее предположение вѣроятнѣе, так как в «кут-сър» склоняются оба слова, тогда как в других составных словах, выражающих одно понятие, склоняется только последнее слово.

животных и предметов, или несколько и сколько? Состояние тѣни иметь ли отношение к состоянию человека и пр., т.-е., причиняя вред тѣни, причиняют ли вред и человеку и пр.? Те же вопросы и относительно отражений вообще и отражений в воде, в частности, а также изображений.

§ 13. Сон и сновидѣнія. Что такое сон? Гдѣ и в какомъ состояніи находится каждая из двухъ душ во время сна? Что такое сновидѣніе? Есть ли это происхождение души и какой? Признается ли видѣнное и испытанное во снѣ какъ дѣйствительно видѣнное и испытанное? Признается ли, что спящій посѣщалъ въ дѣйствительности во время сна тѣ мѣстности, которыя онъ видѣлъ въ сновидѣніяхъ? Признается ли, что человекъ въ одно и то же время оставался во время сновидѣній на мѣстѣ и странствовалъ? Что оставалось и что странствовало? Если человекъ видѣть во снѣ, что онъ ѣстъ, пьетъ или отправляетъ какія-либо физиологическія потребности, то съ кѣмъ все это происходитъ: съ матеріальной оболочкой человека или съ его душой и какой? Нѣкоторые физиологическія отправленія могутъ оставить после себя матеріальный слѣдъ, ясно указывающій, что матеріальная оболочка человека принимала участіе, а нѣкоторые не только не оставляютъ такого слѣда, а, напротивъ, при пробужденіи становится ясно, что происходившее во снѣ происходило не съ физическимъ человекомъ (напр., послѣ ѣды и питья во снѣ, человекъ, пробуждаясь, ощущаетъ голодъ и жажду). Не отразилась ли какъ-нибудь на сновидѣніяхъ эта двойственность? Приходитъ ли человекъ въ своихъ сновидѣніяхъ въ столкновение съ реальными людьми и предметами, или съ ихъ душами, или какими-либо иными ихъ состояніями? или, быть можетъ, онъ имѣетъ во снѣ столкновение и съ душами (людей, животных), и съ реальностями (покоемъ, лѣсомъ, озеромъ и т. д.)? Если во снѣ видятъ превращеніе человека въ животное или въ какой-либо предметъ, или обратное, то признается ли это превращеніе дѣйствительнымъ и считается ли возможнымъ и въ реальной жизни? Являются ли во снѣ покойники, «ѣор», «ајы» и «абасы» и съ какими цѣлями? Если во время сна обѣ души отдѣляются отъ тѣла, то въ какомъ состояніи находится человекъ? Что сохраняетъ въ это время жизнь въ тѣлѣ? Не присутствуетъ ли «тън»?

§ 14. Любятъ ли рассказывать и толковать сны? Нѣтъ ли специальныхъ сновтолкователей? Если есть, то между мужчинами ли, или между женщинами встрѣчаются чаще? Какіе сны считаются хорошими и какіе дурными? Предметы сновидѣній, предвѣщающіе что-либо относительно людей и животныхъ, не суть ли символы ихъ душъ и какихъ: «кут» или «сър»? Перечислить эти предметы и указать, что они предвѣщаютъ. Напр.: ножницы во снѣ означаютъ рожденіе дѣвочки, стрѣла — мальчика, свалившаяся матица или коновязь — смерть хозяина. Ножницы, стрѣла, матица и коновязь являются ли символами души дѣвочки, мальчика и хозяина? Какой: «кут» или «сър»?

§ 15. Безчувственные состоянія. Что такое сомнамбулизм (лунатизм)? Въ какомъ состояніи находятся обѣ души человѣка? Чѣмъ опредѣляется и что значить его поведеніе въ этомъ состояніи? Какимъ словомъ означается? Какія выраженія употребляются для обозначенія того, что человѣкъ пришелъ въ чувство? Что такое обморокъ и какъ называется? Есть ли это удаленіе изъ тѣла души, обѣихъ или одной? Употребляютъ ли средства къ прекращенію обморока и какія? Не призываютъ ли впавшаго въ обморокъ къ жизни и какъ? Самопроизвольное ли это удаленіе второго я, или это — дѣло какого-либо духа и какого? Нѣтъ ли выраженій въ родѣ: «онъ пришелъ въ себя», указывающихъ на возвращеніе второго я? Различаютъ ли апоплексію отъ обморока, что она такое и какъ называется? Отвѣтитъ на тѣ же вопросы, что и относительно обморока. Что такое катаlepsia, или столбнякъ, и какъ называется? Тѣ же вопросы. Что такое «мѣнарік»? Есть ли это особое состояніе души и какое? Какая разница между сномъ, различными формами потери сознанія и смертію? Можетъ ли сонъ и каждое безсознательное состояніе окончиться смертію? Если можетъ или не можетъ, то почему и при какихъ обстоятельствахъ? Не послужили ли сповиднія и различныя состоянія безсознательности причинами образованія понятія о каждой изъ двухъ душъ?

§ 16. Рожденіе человѣка и животныхъ. Причины зачатія. Достаточно ли для этого мужчины и женщины, самца и самки, или еще требуется участіе какого-либо высшаго существа, какого и въ чемъ выражается это участіе? Кому принадлежитъ главная роль въ зачатіи: отцу или матери? Что даетъ отецъ и мать ребенку? Во время зачатія черезъ темя женщины не проникаетъ ли нѣчто? что оно такое и какъ называется: жизненность, душа, и какаѣ души? Зависитъ ли зачатіе отъ своевременнаго проникновенія этого нѣчто, или наоборотъ: благодаря происшедшему зачатію является это нѣчто? Само ли оно является и откуда, или кто-либо его посылаетъ, кто и чѣмъ руководствуется? Кто посылаетъ «кут» и кто посылаетъ «сѣр» и при какихъ обстоятельствахъ? Нѣтъ ли указаній на то, что у новорожденныхъ нѣтъ еще «сѣр»? Если такъ, то когда она появляется? Не связано ли это съ тѣмъ временемъ, когда ребенокъ начинаетъ обнаруживать признаки осмысленности? Бываютъ ли сверхъестественныя зачатія и какія? Бываетъ ли зачатіе отъ покойниковъ и «абасы» и отъ какихъ? Чѣмъ объясняется рожденіе уродовъ и идіотовъ у людей и уродовъ у животныхъ? Рожденіе уродовъ и идіотовъ имѣетъ ли какое либо и какое специальное значеніе? Роль «мѣнарік» при этомъ? Отъ чего происходятъ выкидыши и мертворожденные?

§ 17. Временное отсутствіе души изъ тѣла. Можетъ ли душа временно покидать тѣло (какъ у киргизовъ во время сна), какаѣ изъ нихъ можетъ и могутъ ли обѣ? Въ какихъ случаяхъ это происходитъ? Въ какомъ состояніи находится человѣкъ, котораго душа покинула временно? Можетъ ли душа въ одну изъ такихъ отлу-

чекъ совсѣмъ не вернуться къ своему тѣлу, по какимъ причинамъ и что тогда впоследствии? Можетъ ли она заблудиться и не найти, вследствие этого, своего тѣла? Какова тогда ея судьба? Можетъ ли кто-нибудь, во время странствованія души, захватить ее, кто и съ какими цѣлями? Какія приключенія бываютъ съ душой во время странствованій? Записать рассказы объ этомъ. Во время отсутствія души изъ тѣла, можетъ ли войти въ него другая душа, чья и съ какою цѣлью? Можетъ ли войти въ это время какой-либо духъ, какой (аїл, абасы, іччи) и съ какою цѣлью?

§ 18. Болѣзни. Что такое болѣзнь? Есть ли это извѣстное состояніе (и какое) тѣла, тѣли, кут, сѣр, кут-сѣр, буор-кут, салгыи-кут, іѣа-кут? Есть ли болѣзнь результатъ естественныхъ причинъ, или она насылается кѣмъ-либо и кѣмъ: аїл, абасы, іччи, ѳѣр, тацара? Перечислить болѣзни, причиняемыя каждымъ изъ нихъ. Съ какою цѣлью причиняются болѣзни? Есть ли это — наказаніе и за что? Желаютъ ли насылатели болѣзней причинить зло ради зла, или они вынуждаются къ тому желаніемъ имѣть пищу? Какую пищу они могутъ получить такимъ способомъ («кут» больного, жертвеннаго животнаго и еще что)? Не побуждаются ли они причинять болѣзни данному человѣку или его скоту желаніемъ пріобрѣсти скотину такой масти, какой не имѣется у нихъ? или тѣмъ, что данный человѣкъ обидѣлъ кого-нибудь изъ нихъ, когда тотъ находился въ видѣ какого-либо звѣря, птицы или неодушевленнаго предмета? Или тѣмъ, что данный человѣкъ строится, или имѣетъ ночлегъ, или ѣздитъ по дорогѣ, гдѣ пребываетъ одинъ изъ могущихъ насылать болѣзни, несчастія и смерть?

§ 19. Какія болѣзни вытекаютъ изъ причинъ естественныхъ и сверхъестественныхъ? Во всѣхъ ли болѣзняхъ участвуютъ духи? Участвуютъ ли въ тѣхъ болѣзняхъ, причины коихъ очевидны (порѣзы, ушибы и т. д.)? Если участвуютъ, то въ какой формѣ и по какимъ мотивамъ? Если причиняются какаѣ-либо боль или поврежденіе, напр. ножомъ, топоромъ, горбушей и т. д., то не пребываютъ ли въ это время въ предметахъ, причинившихъ боль, или не руководятъ ли ими какіе-либо духи и какіе? Или такая боль и поврежденіе причиняются внушеніемъ духовъ и какихъ? Какія болѣзни являются результатомъ того, что духи вселяются въ человѣка, какіе духи и съ какою цѣлью вселяются? Какія болѣзни являются результатомъ похищенія духами души, какой души, какими духами, и съ какою цѣлью похищается она? Когда похищается душа: во время сна или бодрствованія? Во время добровольнаго ея отсутствія или внѣ этого времени? При какихъ обстоятельствахъ и какими средствами похищается душа? Не облегчается ли похищеніе души человѣка предварительнымъ похищеніемъ его коня, быка, коровы? Послѣ похищенія души не вселяются ли другіе духи въ тѣло и не пожираютъ ли его, какіе духи и въ какихъ болѣзняхъ? Кто узнаетъ причину болѣзни — шаманъ, «мѣнарік», «тѣсѣр тѣлѣа» и т. д.?

§ 20. Почему человекъ заболѣваетъ, когда душа похищена, и не заболѣваетъ, когда она сама временно отлучается изъ тѣла? Зависитъ ли это отъ продолжительности времени отсутствія, или отъ того, что во время сна, обморока, потери сознанія и т. д., съ одной стороны, и болѣзни, съ другой, отсутствуютъ разныя души и какія? Что происходитъ, если отсутствуетъ «кут», «салгын-кут» (болѣзнь?), «буор-кут», «іѣй-кут» (смерть)? Что происходитъ съ «сѣр» во время болѣзни? Бываютъ ли болѣзни и какія именно, которыя происходятъ отъ отсутствія, похищенія или особаго состоянія «сѣр»? Кто ихъ причиняетъ? Указать, какія болѣзни называются русскими и якутскими? Отмѣтить, какіе духи и какимъ способомъ ихъ производить. Какова причина эпидемическихъ болѣзней и какъ ихъ лѣчать? Отчего происходятъ внутреннія болѣзни (чахотка, воспаленія, болѣзнь почекъ, печени и т. д.)? Отчего происходятъ наружныя болѣзни (напр., хроническія язвы)? Поѣдается ли при этомъ душа и какая, или тѣло? Какія болѣзни лѣчатся шаманами и какія другими лицами? какими и какъ? Последніе лѣчатъ медицинскими средствами или знахарскими? Какъ называются тѣ и другія средства и лица, употребляющія ихъ? Полезно было бы указать знахарскія средства и способъ ихъ примѣненія.

§ 21. Что такое эпилепсія (падучая) и какъ называется? Что такое судороги, истерика и непроизвольныя движенія? Что такое и какъ называется горячечный бредъ? Что такое и какъ называется помѣшательство? Перечислить извѣстныя формы. Нѣтъ ли такихъ формъ бреда и помѣшательства, которыя признавались бы состояніями вдохновенія? Кѣмъ причиняются эти болѣзни? Все эти болѣзни не являются ли результатомъ того, что какой-либо духъ вошелъ въ человека? Съ какою цѣлью и какой? Находится ли въ это время душа человека въ наличности, или отсутствуетъ? Въ первомъ случаѣ подвергается ли она воздѣйствію вселившагося духа и какому? Какова судьба ея во второмъ случаѣ? (Тщательно отмѣчать, какая душа). Одержимые духами не приобретаютъ ли въ это время какихъ-либо сверхъестественныхъ свойствъ? Какая причина чиханія, зѣвоты и икоты? Не есть ли это результатъ вліянія духовъ? Какого вліянія и какихъ духовъ? Не являются ли эти явленія указателями или предвѣстниками чего-либо и чего? Употребляются ли какія-либо средства, какія и кѣмъ для того, чтобы изгнать духовъ во всехъ вышеупомянутыхъ случаяхъ?

§ 22. Смерть. Что такое смерть и какъ называется? Олицетворяется ли она, какъ отдѣльное существо, и если да, то въ чемъ выражается ея дѣятельность? Является ли она дѣйствующей самостоятельно, или она только приводитъ въ исполненіе чѣ-либо велѣніе? Дѣлается ли виды смерти на естественные, когда смерть происходитъ въ глубокой старости, и насильственные, когда смерть происходитъ отъ духовъ? Къ какой категоріи относятся убійства и самоубійства? Существуетъ ли предѣльный возрастъ и какой, послѣ котораго смерть только и считается естественной? Кто опредѣляетъ, какой человекъ и когда долженъ умереть естественной смертью? Вслѣд-

ствіе чего происходитъ смерть послѣ предѣльнаго возраста? Имѣютъ ли мѣсто и тутъ же причины, какъ и въ остальныхъ случаяхъ смерти? Умираетъ ли, вообще, человекъ оттого, что его душа похищается, что она съѣдается, или оттого, что тѣло съѣдается поселившимся въ немъ духомъ, или отъ совместнаго дѣйствія обѣихъ причинъ? Нѣтъ ли указаній на то, что смерть наступаетъ не мгновенно, а медленно потому, что душа съѣдается постепенно?

§ 23. Опредѣляетъ ли кто-либо и кто именно, что данный человекъ долженъ умереть насильственной смертью отъ своей руки или отъ чужой? Кто и какимъ образомъ побуждаетъ къ насильственной смерти? Что дѣлается съ «кут» и «сѣр» въ такихъ случаяхъ? Какова судьба душъ убійцы, убитаго, самоубійцы? Душа убійцы не искупаетъ ли въ загробномъ мірѣ убійства передъ душою убитаго? Гдѣ и какъ происходитъ искупленіе? Не остаются ли души умершихъ насильственной смертью на землѣ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ время предѣльнаго возраста, въ который они должны были бы умереть естественной смертью?

§ 24. Сколько времени должна отсутствовать душа, чтобы тѣло стало мертвымъ, и какъ последнее узнается? Какъ узнается наступленіе смерти въ случаяхъ летаргіи или скоропостижной безболѣзненной смерти? Долго ли ожидаютъ возвращенія души и какія принимаютъ при этомъ мѣры? Допускается ли возможность ожиданія покойниковъ? Описать подобные случаи. Нѣтъ ли указаній на различіе способовъ хоронить трупы, начавшіе разлагаться и не подвергнушіеся еще разложенію въ опредѣленный срокъ, и трупы людей, умершихъ до и послѣ предѣльнаго возраста? Описать эти способы. Не существовало ли похоронныхъ обрядовъ, указывающихъ на стремленіе живыхъ устранивъ возможность воскресенія или посѣщенія ихъ мертвецами? Нѣтъ ли способовъ для оживленія труповъ въ случаяхъ сомнительной смерти? Обнаруживаютъ ли какую-либо заботу о загробной жизни покойниковъ? Навѣщаютъ ли ихъ могилы и для чего? Вѣрятъ ли въ переселеніе душъ и какъ таковое происходитъ относительно каждой изъ душъ и ея элементовъ? Нѣтъ ли у нихъ пожеланія: да переселится въ тебя душа такого-то предка, да переселится новая душа въ то-то (собаку, лошадь, дерево и т. д.)? Могутъ ли обыкновенный человекъ или шаманъ родиться нѣсколько разъ? Описать подобные случаи.

§ 25. Не можетъ ли человекъ избѣжать болѣзни и смерти, если душа его укроется отъ преслѣдованія гдѣ-либо и гдѣ именно? Не можетъ ли хозяинъ домашнего очага укрыть душу отъ преслѣдованія? Какимъ способомъ? Не имѣются ли для этой же цѣли какіе-либо предметы, изображенія, идолы и какіе? Не способны ли укрыть преслѣдуемую душу «іччи» кузнечныхъ инструментовъ или покровительствующій кузнецамъ духъ? Если способны, то какъ это происходитъ? Не могутъ ли въ такихъ случаяхъ помочь души предковъ и нѣтъ ли обращенія къ нимъ въ такихъ случаяхъ? Не можетъ ли преслѣдуемая душа укрыться въ посвященномъ божеству

животномъ и гдѣ именно? Не можетъ ли душа во время преслѣдованія обратиться во что-либо и во что, чтобы спастись? Какія мѣры употребляются въ семьяхъ, гдѣ дѣти постоянно умираютъ, чтобы спасти послѣднихъ отъ смерти?

§ 26. Отношеніе между живыми и покойниками. Боятся ли покойника до его похоронъ? Потому ли боятся, что въ это время духъ, причинившій смерть, можетъ похитить душу и у присутствующихъ, или боятся самого покойника? Покидаютъ ли юрту послѣ чьей-нибудь смерти въ ней, если представляется къ тому возможность, и всегда-ли, т.-е. не разбирая причины смерти? Боятся ли покойниковъ послѣ ихъ похоронъ и всѣхъ ли? Какъ относятся къ кладбищамъ? Какъ относятся къ покойникамъ, умершимъ насильственной смертью и къ ихъ могиламъ? Почитаютъ ли всѣхъ покойниковъ или нѣкоторыхъ изъ нихъ покровителями живыхъ? Обращаются ли къ нимъ съ просьбами и приносятъ ли имъ жертвы и въ какихъ случаяхъ? Въ чемъ выражается покровительство? Бываютъ ли покойники — покровители семейные, родовые, общественные? Вспоминаютъ ли въ своихъ бесѣдахъ или въ иныхъ случаяхъ близкихъ покойниковъ?

§ 27. Похороны. Имѣются ли особые люди (кѣбѣс, кѣбѣс), которые одѣваютъ покойника, отвозятъ на кладбище и хоронятъ? Тѣ ли самые, или другіе роютъ могилу? Какое вознагражденіе они получаютъ? Должна ли существовать родственная (напр., родовая) связь между ними и покойникомъ? Можетъ ли исполнять ихъ обязанность иноплеменикъ (напр., русскій)? Если нѣтъ, то почему? Кто дѣлаетъ гробъ? Гдѣ помѣщаются эти люди, кто и гдѣ варить имъ пищу? Не считаются ли они нечистыми вообще или въ это время? Каково отношеніе къ нимъ въ это время другихъ лицъ? Нѣтъ ли какихъ-либо обрядовъ по отношенію къ обрубкамъ, обрѣзкамъ, щепѣ и стружкамъ дерева, изъ котораго дѣлаютъ гробъ? Могутъ ли всѣ вышеупомянутые люди касаться огня и, если не могутъ, то почему и до какого времени (пололуни)?

§ 28. Гдѣ лежитъ покойникъ до положенія его въ гробъ? На землѣ, гдѣ снятъ «орон»¹⁾? Въ какомъ углу юрты и въ какую сторону обращенъ лицомъ? Не ставятся ли около него березки или другія вѣтви и какія? Не кладется ли подъ него береста? Свѣжесодранная или изъ стѣн урасы? Не кладется ли сѣно, трава, листья березы или какія-либо вѣтки? Кладутъ ли взаменъ бересты, за ея отсутствіемъ, или самостоятельно? Какое значеніе имѣетъ эта подстилка? Не подстилаются ли шкуры, и если нѣтъ, то почему? Нѣтъ ли указаній, что въ старину обязательно подстилалась береста изъ урасы? Есть ли какая-либо разница относительно мужчинъ, женщинъ и дѣтей? Что такое «олох таңаса», кѣмъ, для кого и изъ чего готовится и каково его значеніе?

§ 29. Когда и при какихъ обрядахъ тѣло переносится въ гробъ? Кто перено-

ситъ? Сколько людей требуется для этого? Должно ли быть ихъ нечетное число, почему и какое? Передъ положеніемъ въ гробъ подносятъ ли покойника къ огню каминна и какой существуетъ при этомъ обрядъ? Кладутъ ли костякъ конской головы на шестокъ каминна и въ какомъ направленіи? Кладутъ ли шейный позвонокъ и какой? Ставятъ ли тутъ же въ чашкѣ топленое масло? Кому его приносятъ въ жертву и въ какой моментъ? Кладутъ ли позвонокъ въ гробъ, а если нѣтъ, то что съ нимъ дѣлаютъ? Когда покойника передъ положеніемъ въ гробъ подносятъ къ камину, то протаскиваютъ ли подъ нимъ съ каминна костякъ конской головы? Куда затѣмъ помѣщаютъ эту голову и чашку? Не вѣшаютъ ли на дерево и гдѣ? Близъ жилища или близъ могилы? Имѣютъ ли мѣсто эти обряды относительно всѣхъ покойниковъ, или только относительно шамановъ? Выносятъ ли покойниковъ головою впередъ, или ногами, въ двери, или иначе какъ-нибудь? Какъ доставляютъ трупъ на кладбище: на лошади или на быкѣ?

§ 30. Бываютъ ли случаи, чтобы покойникъ оказался особенно тяжелымъ, чтобы не могли его поднять семь человѣкъ? Считается ли это результатомъ его насильнаго сопротивленія и чѣмъ объясняется? Не оказываются ли тяжелыми тѣ, которые при жизни совершили много зла и преступленій, или тяжелыми оказываются только шаманы? Всѣ ли, или только наиболѣе могущественные?

§ 31. Когда, какихъ животныхъ и съ какою цѣлью убиваютъ во время похоронъ? Можно ли убивать прыгалаго быка и ѣзовую лошадь? Какіе обряды производятъ надъ конемъ, предназначеннымъ къ убіенію? Закрываютъ ли ему глаза или голову рубашкой хозяина и какой? Тою, которая была на немъ до момента смерти? Съ какою цѣлью это дѣлается? Приговариваютъ ли при этомъ что-либо, кто и что? Какъ убиваютъ коня, какъ сдираютъ съ него кожу и что съ нею дѣлаютъ? Кому идетъ мясо и въ какомъ видѣ? Кто и когда ѣсть сваренную голову? Не отъ этой ли лошади костякъ головы кладется на шестокъ каминна? Убиваютъ ли коня съ цѣлями жертвоприношенія и кому, или съ тою цѣлью, чтобы отправить его съ покойникомъ въ загробный міръ? Съ какою цѣлью убиваютъ другихъ животныхъ? Кто, когда и какъ ѣсть мясо? Кто не можетъ его ѣсть и почему? Что можетъ случиться, если не будетъ убито какое-либо животное? Нѣтъ ли указаній на то, что при похоронахъ убивали людей и кого: родственниковъ, рабовъ? Съ какою цѣлью? Хоронили ли ихъ вмѣстѣ съ покойникомъ? Нѣтъ ли разсказовъ о томъ, что, за неимѣніемъ скотины, для закланія требуется человѣкъ? Кто сопровождаетъ гробъ? Не сопровождаетъ ли богача его приближенный слуга и какую роль исполняетъ онъ при этомъ? Что кладутъ въ могилу и въ гробъ? Не кладутъ ли принадлежности спеціальнаго занятія покойника?

§ 32. Нѣтъ ли какихъ-либо особенностей при возвращеніи съ кладбища? Перепрыгиваютъ ли черезъ огонь? Подвергаются ли очищенію и какому домашніе и

1) Неподвижная лавка вдоль стѣны.

участвовавшие какимъ бы то ни было способомъ въ похоронахъ люди, животныя и иные предметы? По возвращеніи съ могилы устраняется ли родственниками покойника угощеніе, какое и кому? Приглашаютъ ли къ участию и покойника, поминать ли его, говорить ли о немъ? Высказываются ли ему какія-либо пожеланія? Не считаются ли нечистыми лица, посѣтившія домъ, гдѣ есть покойникъ, и присутствовавшія при погребеніи и до какого времени?

§ 33. Гдѣ и какъ хоронили въ старину? на деревьяхъ, на помостахъ, зарывали въ землю или клали прямо на землю? Не зависитъ ли способъ похоронъ отъ возраста, пола, общественнаго положенія покойника? Въ какую сторону обращалось лицо покойника? Въ какихъ мѣстахъ хоронили? Чѣмъ эти мѣста должны отличаться? Нѣтъ ли какой-либо зависимости по отношенію ихъ наклону къ странамъ свѣта, по отношенію къ солнцу? Хоронили-ли на открытыхъ мѣстахъ, или въ чащѣ лѣса?

§ 34. Нѣтъ ли указаній на то, что хоронили заживо? Если есть, то хоронили ли по добровольному желанію хоронимаго или по чьему-либо опредѣленію и по чьему? Семьи, ближайшихъ родственниковъ, цѣлаго рода? Хоронили ли заживо только стариковъ, или возрастъ не имѣлъ значенія? Если существовали два способа похоронъ одновременно: надземный и подземный, то не замѣчается ли, что по первому способу хоронились только молодые, а по второму—только старики? Не было ли для этого опредѣленнаго возраста? Хоронили ли въ лодкахъ? Не спускались ли по рѣкѣ? Нѣтъ ли указаній, чтобы когда-либо трупы сжигались? Не существовало ли особаго способа по отношенію къ самоубійцамъ? Не хоронили ли лицомъ внизъ, кого и по чему?

§ 35. Насаживаютъ ли по угламъ могилы деревянныя изображенія стерха и иныхъ птицъ и животныхъ и что это значитъ? Не помогаютъ ли душѣ переселиться въ иной міръ?

§ 36. Загробная жизнь. Вѣрятъ ли въ загробную жизнь? Представляется ли она временной или вѣчной? Или по этому вопросу нѣтъ ясныхъ и опредѣленныхъ мнѣній? Что продолжаетъ существовать послѣ смерти: «кут», «сѣр», «кут-сѣр», элементы «кут»? Не распадается ли «кут» на свои элементы, когда и что послѣ того слѣдуетъ? Гдѣ и какая душа пребываетъ: около жилья, около могилы, или въ другихъ мѣстахъ и въ какихъ¹⁾? Описать судьбу въ загробной жизни обѣихъ душъ отдѣльно. Каковъ путь въ загробный міръ и что душа встрѣчаетъ на немъ? Имѣются ли мытарства и въ чемъ состоятъ? Какая душа водится по мытарствамъ, по какимъ, кѣмъ и съ какою цѣлью? Какъ называются мытарства? Кто привозитъ покойниковъ

въ загробный міръ и кто ихъ принимаетъ? Кто осматриваетъ скотъ («халыга»), вещи? Какую жизнь ведутъ души въ загробномъ мірѣ? Употребляютъ ли пищу и какую, плодятся ли, ведутъ ли хозяйство и какое, косятъ ли, занимаются ли рыболовствомъ и охотой? Живутъ ли онѣ обществами и каково ихъ общественное устройство? Руководствуются ли тамъ тѣми же правилами общежитія, какъ и на землѣ? Душа умершаго присоединяется ли къ душамъ единоплеменниковъ, или къ душамъ своего рода, семьи, или души всѣхъ народовъ смѣшаны вмѣстѣ? Скоро ли душа ориентирована въ загробномъ мірѣ и отрѣшается отъ земныхъ интересовъ?

§ 37. Сколько загробныхъ міровъ, гдѣ находятся и какъ называются? Во всѣхъ ли живутъ души умершихъ? Если нѣтъ, то въ какихъ живутъ? Кто и на основаніи чего распределяетъ души по разнымъ мѣстамъ? Кто завѣдуетъ этими мірами? Есть ли такіе, которыми завѣдуютъ «абасы», и такіе, которыми завѣдуютъ «айы»? Обѣ ли души отправляются въ одно и то же мѣсто, или въ разные? Какая куда и почему? Отправляются ли какія-либо души къ Создателю и всѣ ли? Распределение душъ не вытекаетъ ли изъ идеи возмездія? Не отправляются ли души преступниковъ, самоубійцъ и людей порочныхъ въ одинъ міръ, а добродѣтельныхъ—въ другой и какъ они называются? Въ чемъ состоитъ добродѣтельная и въ чемъ состоитъ порочная жизнь? Изложить кодексъ морали, если таковой имѣется. Обязательно ли стремиться къ добродѣтели и избѣгать пороковъ? Кто налагаетъ эту обязанность? Отмѣтить на примѣрахъ всѣ значенія словъ «айы» и «айыргыр» и указать первоначальное значеніе.

§ 38. Могутъ ли души покойниковъ быть убиваемы? Кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ? Могутъ ли заболѣвать и умирать? Если могутъ, то что затѣмъ съ ними происходитъ?

§ 39. Что такое «ѳөр»? Самъ ли умершій, т.-е. одна изъ его душъ, или это—какой-либо духъ, впитавшій въ себя ее и принявшій видъ умершаго? Есть ли это—«кут», «сѣр», «кут-сѣр», или одинъ изъ составныхъ элементовъ «кут»? Кто становится «ѳөр»? По доброй ли волѣ, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ—что его побуждаетъ къ этому, а во второмъ—кто его заставляетъ? Какія требуются условія для обращенія въ «ѳөр»? Могутъ ли ими становиться дряхлые старики и дѣти? Нѣтъ ли воспоминаній, что прежде всякій умершій становился «ѳөр»? Каково отношеніе его къ живымъ? Доброжелательное или зложелательное, или и то и другое, смотря по обстоятельствамъ? Какія онѣ имѣютъ потребности и какъ удовлетворяетъ ихъ? Какой ведетъ образъ жизни и гдѣ? Навѣщаетъ ли умершій супругъ—«ѳөр» оставшуюся въ живыхъ жену и съ какою цѣлью? Имѣютъ ли при этомъ мѣсто половыя сношенія? Могутъ ли «ѳөр» переселиться къ себѣ семейство, скотъ и разное имущество? Если могутъ, то какъ: посылая болѣзнь и смерть, ломая или уничтожая имущество огнемъ или еще какъ-нибудь? Имена и біографіи наиболѣе извѣстныхъ «ѳөр-ей»? Каковы были ихъ общественное положеніе и возрастъ? Какъ узнаютъ, что умершій сталъ

1) По повѣріямъ бурятъ, у человѣка—три души, изъ которыхъ, послѣ смерти, одна получаетъ возмездіе, смотря по заслугамъ, вторая остается на этомъ свѣтѣ и ведетъ такую же жизнь, какъ и раньше, третья снова родится человѣкомъ, — не происходитъ ли чего-либо подобнаго съ элементами «кут», или съ «кут» и «сѣр»?

«ѳѳр»? Чѳмъ онъ себя проявляетъ? Какіе обряды употребляются, чтобы избавиться отъ преслѳдованій «ѳѳр-я»?

§ 40. Ајѳ и абѳсы. Что значить слово «ајѳ»? Его прямое и переносное значеніе. Записать всѳ выраженія, въ которыхъ отгѳняется какая-либо его особенность. Не употребляется ли слово «ајѳ» въ примѳненіи къ «ѳѳр» и почему? Общая характеристика «ајѳ», изъ взаимныя отношенія, отношеніе ихъ къ человѳку — доброжелательное и зложелательное — и отношеніе человѳка къ нимъ: считаютъ ли ихъ добрыми или злыми, или и добрыми, и злыми, смотря по обстоятельствамъ? Испытываютъ ли къ нимъ уваженіе или страхъ, или ни того, ни другого? Іерархическія отношенія между всѳми «ајѳ». Имѳютъ ли второстепенные «ајѳ» отношеніе къ творческой дѳятельности, ея способъ и сфера обнаруженія каждымъ «ајѳ».

§ 41. Отвѳтить на тѳ же вопросы относительно «абѳсы». Называютъ ли кого-либо и кого «корень всѳхъ бѳдъ и несчастій»?

§ 42. Взаимныя отношенія между «ајѳ» и «абѳсы». Могутъ ли «ајѳ» обращаться въ «абѳсы» и наоборотъ? Если могутъ, то при какихъ обстоятельствахъ? Перечислить случаи подобныхъ превращеній? Могутъ ли тѳ и другіе обращаться въ людей, или принимать человѳческий образъ? Если могутъ, то по собственной волѳ или по чужой и по чей? Съ какою цѳлью пронеходить превращенія? Могутъ ли люди обращаться въ «ајѳ» и «абѳсы» и при какихъ обстоятельствахъ? Являлись ли тѳ и другіе на землю въ видѳ богатырей, шамановъ, кузнецовъ или въ какомъ другомъ и съ какою цѳлью, — не отъ нихъ ли произошли люди? Бросаютъ ли тѳнь «ајѳ» и «абѳсы», одну или нѳсколько и сколько?

§ 43. Ёрѳѳ-ајѳ-тојон. Кто такой «Ёрѳѳ-ајѳ-тојон» (Бѳмѳй-создатель-господинъ)? Нѳтъ ли у него еще какихъ-либо именъ, какія и что значать? Какіе эпитеты прилагаются къ нему? Въ чемъ состояла раньше и въ чемъ состоитъ нынѳ его дѳятельность? Характеристика его, его образа жизни, семейнаго положенія и отношеніе къ нему семьи? Каково его отношеніе къ второстепеннымъ «ајѳ» и ко всѳмъ «абѳсы»? Имѳются ли у него родственныя связи и какія? Не отправлялъ ли онъ своихъ дѳтей временно или на постоянное жительство на землю и съ какою цѳлью? Каково дальѳйшее отношеніе къ нимъ? Произошли ли всѳ люди отъ его дѳтей? Посылалъ ли онъ на землю богатырей, шамановъ, шаманокъ и съ какою цѳлью? Записывать ихъ имена. Нуждается ли «Ёрѳѳ-ајѳ-тојон» въ пищѳ, въ одеждѳ, въ какой и какъ ее добываетъ? Имѳеть ли жилище? Описаніе его. Одинъ Творецъ міра или нѳсколько? Если нѳсколько, то въ чемъ состоитъ дѳятельность каждаго изъ нихъ? Одинакова ли власть каждаго и каково ихъ взаимное отношеніе? Одно ли лицо «Ёрѳѳ-ајѳ-тојон», «Ёрѳѳ-ѳр-тојон», «Арт-тојон-ѳѳа»? Если разные, то точно опредѳлѳть ихъ функціи. Записать случаи употребленія словъ «ѳр» и «ѳрт». Нѳтъ ли указаній на то, чтобы какой-либо эпитетъ «Ёрѳѳ-ајѳ-тојон-а», означающій какое-либо частное

проявленіе его дѳятельности (напр., податель коннаго скота) или какое-либо состояніе (напр., на облакахъ сидящій), обратился въ названіе самостоятельнаго божества¹⁾?

§ 44. Улѳтујар-улѳ-тојон. Кто такой «Улѳтујар-улѳ-тојон»? Что значить «улѳ» и «улѳтујар»?²⁾ Не имѳеть ли онъ еще какихъ-либо именъ? какія и что означаютъ? Не есть ли онъ ночное небо, или не имѳеть ли онъ къ нему какого-либо отношенія и какое? Не имѳеть ли онъ отношенія къ грому и какъ этотъ громъ называется? Не посылаетъ ли онъ его отъ времени до времени на землю и для чего? Не громъ ли принесъ людямъ «Улѳ-тојонгон-оѳорѳлѳх-ѳот-тѳрдѳ», «источникъ огня, имѳющій происхожденіе отъ «Улѳ-тојон-а»? Не имѳеть ли «Улѳ-тојон» отношенія къ луиъ или къ другимъ планетамъ? Прилагаются ли къ нему какіе либо эпитеты и какіе? Точно опредѳлѳть его мѳестожителства.

§ 45. Характеристика «Улѳ-тојон-а», его образа жизни, семейнаго положенія и отношенія къ нему членовъ семьи. Каково его отношеніе къ Творцу и къ остальнымъ «абѳсы»? Не отправлялъ ли онъ своихъ дѳтей временно или на постоянное жительство на землю и съ какою цѳлью? Не посылалъ ли на землю богатырей, шамановъ, шаманокъ и съ какою цѳлью? Не отъ нихъ ли произошли люди, или отъ его дѳтей? Не извѳстны ли имена? Есть ли «Улѳ-тојон» владыка всѳхъ «абѳсы», или только живущихъ въ опредѳленномъ мѳѳстѳ и въ какомъ, или только глава улѳса или нѳсколькихъ улѳсовъ? Не есть ли онъ наиболѳе могущественный изъ главъ? Каково его отношеніе къ послѳднимъ? Имѳеть ли онъ какое-либо отношеніе къ «сѳр» вообще и къ «сѳр» шамана, въ частности? Не онъ ли создалъ «сѳр», не къ нему ли она отправлялась послѳ смерти?

§ 46. Арса(ы)н-Дуолаі. Отвѳтить на вопросы §§ 44 и 45 по отношенію къ «Арса(ы)н-Дуолаі» и опредѳлѳть взаимныя отношенія между нимъ и «Улѳ-тојон-омъ». Нѳтъ ли указаній на то, что одинъ изъ нихъ — болѳе древняго происхожденія или что одинъ изъ нихъ принадлежитъ прародинѳ якутовъ, а другой — новой родинѳ?

§ 47. Второстепенные «ајѳ». Перечислить имена всѳхъ второстепенныхъ «ајѳ», съ указаніемъ ихъ значеній и функціи. Гдѳ живутъ (на востокѳ, на небѳ, на горизонтѳ или ниже горизонта)? Относительно каждаго «ајѳ»: являются ли на землю, въ какихъ случаяхъ и съ какою цѳлью; дѳйствуютъ ли самостоятельно, или являются

1) Эти вопросы могутъ быть разрѳшены и изъ сказокъ, заклинаній, если таковыя имѳются, и рѳчей, произносимыхъ на празднествахъ въ честь «ајѳ». Обратѳть вниманіе на то, не употребляется ли одно и то же названіе въ одномъ мѳѳстѳ въ качествѳ собственного имени, а въ другомъ — въ качествѳ эпитета.

2) Подгорбунскій говоритъ, что китайское слово «лу», «лун» извѳстно всѳмъ монголамъ, а въ формѳ «улу» или «улы» еще и нѳкоторымъ тюркскимъ племенамъ (киргизск., алтайцамъ, кит. сартамъ), и всадъ означаетъ драконовъ, которые производятъ громъ, молнію и дождь. Примѳч. ред. «Извѳстій О-ва А., И. и Э.»

посланниками Творца, исполняющими его повелѣнія. Какіе «аїи» участвуютъ въ различные моменты зачатія и рожденія человѣка и различныхъ породъ животныхъ. Въ чемъ выражается участие? Кто такая «Аїисыт»? Принимаетъ ли участие и какое въ рожденіи животныхъ и какихъ, или имѣется аналогичный духъ для всѣхъ животныхъ и какъ называется, или для каждой породы животныхъ? какъ называются и что означаютъ ихъ названія? Кто такая «іііахейт», что означаетъ и въ чемъ состоитъ ея функція? Принимаетъ ли она участие при рожденіи животныхъ и какихъ, или имѣется аналогичный духъ для всѣхъ животныхъ и какъ называется, или для каждой породы животныхъ? какъ называются и что означаютъ ихъ названія? Чѣмъ объясняются у людей и животныхъ неудачные роды: тѣмъ ли, что одинъ изъ духовъ или оба вмѣстѣ не оказали содѣйствія, или тѣмъ, что сами умышленно причинили вредъ? Чѣмъ объясняется подобное поведение? Точно опредѣлить и строго разграничить функціи «Аїисыт» и «іііахейт». Приносятъ ли имъ жертвы, когда и какія? Описать весь обрядъ жертвоприношенія. Существуютъ ли спеціальныя покровители домашнего скота: поросятъ, бычковъ, коровъ, телятъ, жеребцовъ, лошадей, кобылъ и жеребятъ¹⁾? Если существуютъ покровители домашнего скота, то какъ называются, что означаютъ ихъ названія, въ чемъ выражается покровительство и гдѣ живутъ? Какъ объясняются неудачныя рожденія, болѣзни и смерти покровительствуемыхъ животныхъ? Тѣмъ ли, что покровители въ данномъ случаѣ не исполнили почему-либо своихъ обязанностей и вредъ произошелъ отъ постороннихъ причинъ (вмѣшательства «абасы»), или они сами причинили вредъ и почему? Приносятъ ли имъ жертвы, когда и какія? Существуютъ ли покровители жилыхъ помѣщеній, какъ называются и гдѣ живутъ (на главной матицѣ, на юговосточномъ или югозападномъ угловомъ столбѣ)? Приносятъ ли имъ жертву во время постройки зданія и почему?

✓ § 48. Имѣются ли семейные, родовые и общественныя покровительствующіе духи²⁾? Ихъ имена (собственныя для каждаго, групповыя и общее для всѣхъ) и мѣстопребываніе? Не называются ли они именами наслеговъ и родовъ? Существуютъ ли роды и наслег и какіе именно, которые носятъ названіе какого либо предка, — мужнины или женщины? Если существуютъ, то записать ихъ³⁾. Обращаются ли къ семейнымъ, родовымъ и общественнымъ духамъ-покровителямъ съ просьбами и молитвами, кто и съ какими? Приносятъ ли имъ жертвы, какія и кто играетъ главную роль въ этихъ случаяхъ? Имѣются ли спеціальныя покровители дѣтей вообще, маль-

чиковъ и дѣвочекъ — въ частности, и какъ ихъ зовутъ? Имѣется ли «аїи ојуна»¹⁾, какъ духъ? Если имѣется, то въ чемъ состоитъ его функція? Что такое «таңара»? Не служатъ ли въ качествѣ «таңара» какія-либо животныя и птицы и какія, для цѣлаго ли племени, рода, «аба уса», «іііа уса»? Что такое «аміагит», его роль и значеніе? Что такое «тѣрдѣ»? Перечислить ихъ всѣхъ, какъ имѣющихъ собственныя имена, такъ и не имѣющихъ ихъ.

§ 49. Абасы. Существуютъ ли различія между «абасы» по мѣстожительству и по характеру ихъ дѣятельности? Сдѣлать точное разграниченіе. Опредѣлить, какіе «абасы» живутъ въ верхнемъ мірѣ, въ среднемъ и въ нижнемъ, перечисливъ ихъ поименно и указавъ взаимныя отношенія живущихъ въ одномъ мірѣ и живущихъ въ разныхъ мірахъ. Существуетъ ли между ними іерархія и какаѣ? Существуетъ ли общій глава всѣхъ «абасы» и какъ называется, или существуетъ только одинъ наиболѣе могущественный глава, хотя ему и не подчинены «абасы» всѣхъ міровъ? Какъ его зовутъ и гдѣ живетъ? Вмѣшивается ли онъ въ дѣла «абасы» остальныхъ міровъ, въ какихъ случаяхъ и какимъ образомъ? Въ какой странѣ свѣта находится верхній міръ, средний и нижній? Находятся ли они на небѣ, на землѣ и подъ землею? У нижнихъ имѣются ли только половинныя солнце и луна и почему? Какъ въ этомъ отношеніи въ верхнемъ мірѣ? Нѣтъ ли какихъ-либо особенностей въ мѣстахъ жительства «абасы», въ природѣ, скотѣ и въ нихъ самихъ? Отбрасываютъ ли «абасы» три тѣни (Приклонскій²⁾) и почему? Могутъ ли «абасы» принимать различныя виды и какіе? Чѣмъ питаются? Какія слова употребляются («харыстѣн») вмѣсто слова «абасы»? Имѣется ли «абасы ојуна», какъ духъ? Если имѣется, то въ чемъ состоитъ его функція?

§ 50. Означить поименно всѣхъ извѣстныхъ «абасы», расположить ихъ по характеру ихъ дѣятельности, обозначая, кто изъ нихъ приноситъ вредъ или пользу человѣку и животнымъ и въ чемъ состоитъ то и другое? Точно опредѣлить ихъ мѣсто-жительство и число «олох-овъ». Отмѣтить, какіе «абасы» приносятъ русскія болѣзни и какія, какіе приносятъ якутскія, какъ ихъ имена и какія болѣзни? Имѣются ли «абасы», побуждающіе на самоубійство, преступленія и распутство, насилующіе женщинъ и дѣвицъ, соблазняющіе мужчинъ? Имѣются ли охранители путей въ разные міры и самыхъ міровъ? Какія жертвы, въ какихъ случаяхъ и кѣмъ приносятся всѣмъ упомянутымъ «абасы», опредѣляя это относительно каждаго изъ нихъ? Какія мѣры и въ какихъ случаяхъ принимаются для огражденія себя отъ воздѣйствія «абасы»?

§ 51. Міръ и его части. Соответствуетъ ли понятіе о мірѣ нашему, или оно обнимаетъ только землю и видимое небо? Какъ называется міръ? Есть ли сказаніе о сотвореніи міра, или только о сотвореніи земли? Записать ихъ. Кѣмъ сотворены міръ,

1) Важно опредѣлить, имѣютъ ли порося и жеребцы покровителей ихъ самихъ и ихъ плодovitости?

2) Щукинъ (Поѣздка въ Якутскъ, Спб., 1888, стр. 197) говоритъ, что «каждый родъ имѣетъ своего особеннаго заступника или ходатая. Его представляютъ подъ видомъ бѣлагого жеребца, ворона, лебедя, сокола и пр.»

3) Слѣдовало бы записать названія всѣхъ родовъ и наслеговъ.

1) Слово «ојуна» — шаманъ чаще приходится слышать въ произношеніи «ојунъ». Ред.

2) Три года въ Якутской области. Этнографич. очерки. «Кив. Старина» 1891, вып. IV, стр. 55.

Ред.

земля, звѣзды, планеты, горы, утесы, пропасти, водовороты, подводныя скалы и съ какою цѣлью? Кѣмъ сотворены человѣкъ, животныя, рыбы, пресмыкающіеся, насекомыя и съ какою цѣлью? Продолжается ли творческая дѣятельность и въ настоящее время, кѣмъ и въ какой формѣ? Кто заботится о возобновленіи новыхъ экземпляровъ растительнаго и животнаго міра, или порядокъ возобновленія установленъ при сотвореніи міра разъ на вѣчныя времена? Не замѣчается ли вѣрованія въ двойственность творческой дѣятельности, т.-е. что все полезное человѣку сотворено и зависитъ отъ духовъ изъ разряда «аїѣ», а все вредное создано «абасы»?

§ 52. Сколько міровъ? Имѣются ли «халлѣн ѳрдѣ», «ѳбѣй доїду», «орто доїду», «ѳдѣн тѳгѣдѣ»? Что означаетъ каждое изъ нихъ, гдѣ находится и кѣмъ населено? Всѣ ли обитаемы духами и какими?

§ 53. Небо и атмосферическія явленія. Какъ называется небо? Одно названіе или нѣсколько, какія и что означаютъ? Примѣняются ли названія безразлично, или существуетъ разница и какаѣ? Нѣтъ ли особаго названія для дневнаго неба и ночнаго (обратить особенное вниманіе)? Не изображается ли дневное и ночное небо особымъ образомъ? Одно ли небо является то дневнымъ, то ночнымъ, или на смѣну одного является другое? Не составляетъ ли дневное небо мѣстожителѣства «аїѣ», а ночное—«абасы»? Не есть ли «алларѣ доїду» (подземный міръ) ночное небо? Не имѣетъ ли это дѣленіе связи съ черными и бѣлыми шаманами? Примѣняются ли къ небу эпитеты и какіе? Нѣтъ ли особаго лѣтнаго и зимняго неба?

§ 54. Сколько небесъ? Какъ расположены, какъ называются и кѣмъ населены? Существуетъ ли между ними различіе и какое? На какомъ небѣ находятся солнце, луна, планеты и звѣзды? Какую роль играютъ на небѣ? Являются ли его составными частями или имѣютъ самостоятельное существованіе, такъ что въ понятіе «небо» не входятъ? Въ послѣднемъ случаѣ, что же собою изображаетъ небо?

§ 55. Считается ли небо духомъ, или только его мѣстопробываніемъ, или его покровомъ? Къ видимому ли небу это относится, или къ иному и къ какому? Нѣтъ ли указаній, что небо считается Творцомъ? (Надо помнить, что требуются языческія вѣрованія).

§ 56. Нѣтъ ли указаній на то, что небо и земля вначалѣ были соединены вмѣстѣ? Кѣмъ и какъ произведено разъединеніе? Не произошелъ ли въ это время огонь, какой и какъ?

§ 57. Не означаетъ ли слово «таңара» нѣчто, въ чемъ заключается Творецъ міра? Употребляется ли въ такомъ же смыслѣ слово «халлѣн»? Указать всѣ значенія слова «таңара» («таңара сарыта»), иллюстрируя примѣрами. Не имѣетъ ли оно значенія вмѣстелища, покрова, изображенія, покровителя? Не изображается ли небо на какихъ-либо предметахъ, на какихъ, какъ, кѣмъ, съ какою цѣлью и изъ чего? существуютъ ли изображенія, въ названіяхъ которыхъ встрѣчается слово «таңара»? Какія,

что означаютъ и какъ называются? Нѣтъ ли поговорокъ, изреченій и т. п., въ которыхъ было бы слово «таңара»? Нѣтъ ли небожителей, къ которымъ прилагалось бы слово «таңара»? Какъ называются, каково ихъ значеніе и отношеніе къ человѣку? Кто такіе «кѣс таңара» и «кѣс таңара»?

§ 58. Оказываетъ ли небо вліяніе на жизнь на землѣ и какимъ образомъ? Не зависитъ ли отъ него плодородіе? Обращаются ли къ небу съ чѣмъ-нибудь, въ какихъ случаяхъ, какимъ образомъ и въ какихъ выраженіяхъ? Не приносятъ ли ему жертву, когда, какую и кто?

§ 59. Зависятъ ли атмосферическія явленія отъ неба или отъ другой силы и отъ какой? Зависятъ ли атмосферическія явленія отъ одной силы или отъ нѣсколькихъ, отъ какихъ и что именно? Почему происходятъ тѣ или другія атмосферическія явленія? Имѣется ли при этомъ въ виду благосостояніе человѣка или нѣтъ?

§ 60. Что такое радуга и какъ называется? Нѣтъ ли сказаній о томъ, что это—моча лисицы или другого животнаго и какова? Что такое сѣверное сіяніе и какъ называется? Имѣютъ ли эти явленія какое-либо отношеніе къ человѣку и какое? Считаются ли они сами по себѣ живыми, или въ нихъ живутъ духи, или они производятся духами и какими?

§ 61. Что такое туча, молнія, дождь, снѣгъ, градъ, иней, вѣтеръ и т. д., что такое землетрясеніе? Ихъ названія и кѣмъ производятся? Нѣтъ ли камня, которымъ можно вызывать или прекращать вѣтеръ, градъ и т. д.? Какимъ способомъ вызывается къ дѣятельности его способность? Гдѣ этотъ камень находится, какъ сохраняется и какіе обряды надъ нимъ совершаются?

§ 62. Что такое громъ? Имѣетъ ли онъ одно названіе или нѣсколько, какія и что означаютъ? Кто или что его производитъ и съ какою цѣлью? Не преслѣдуетъ ли онъ кого-либо и кого? Находится ли онъ съ другими атмосферическими явленіями въ связи и въ какой? Почему зимою нѣтъ грома? Не находятъ ли громовыхъ стрѣлъ, какъ, когда и гдѣ? Нѣтъ ли для этого особыхъ обрядовъ и особаго времени? Не приписывается ли громовымъ стрѣламъ сверхъестественная сила и какаѣ?

§ 63. Есть ли громъ само живое существо, или только обнаруженіе какого-либо существа? Какъ названіе послѣдняго и что означаетъ? Имѣютъ ли громъ или это существо связь съ небомъ и какую? Составляетъ ли громъ единое существо, или ихъ нѣсколько? Есть ли между ними разница какъ по существу, такъ и по отношенію къ человѣку? Какъ ихъ имена и что означаютъ? Нѣтъ ли грома или его олицетвореній, относимыхъ къ «аїѣ», относимыхъ къ «абасы»? Чѣмъ различаются?

§ 64. Какъ объясняютъ, если громъ поразитъ человѣка, животное или какой-либо предметъ? что при этомъ дѣлаетъ? Какъ долженъ вести себя человѣкъ, застигнутый громомъ въ дорогѣ, дома? Практикуется ли «арчылѣр» и что это значитъ? Не принимаютъ ли какихъ-либо мѣръ къ оживленію и какова дальнѣйшая судьба убитаго

громом? Какими свойствами обладают мясо и шерсть убитой громом скотины? Не имѣют ли цѣлебныхъ свойствъ? Въ какихъ случаяхъ и какъ употребляются? Какими свойствами обладает разбитое громомъ дерево? Не имѣет ли свойства изгонять «абасы» и излѣчивать? Въ какихъ случаяхъ и какъ это производится? Не производят ли при его помощи очистительныхъ дѣйствій надъ людьми, особенно надъ женщинами послѣ родовъ и въ иныхъ случаяхъ (менструаціи)? Надъ животными и во время рыбной ловли? Совершают ли какіе-либо обряды и какіе для отвращенія грома? Считается ли ударъ грома наказаніемъ и въ какихъ случаяхъ? Кто его посылает? Въ какихъ случаяхъ онъ считается благоволеніемъ и кѣмъ посылается? Не совершаются ли обряды на томъ мѣстѣ, гдѣ ударилъ громъ (молнія), кѣмъ, какіе и какъ называются? Не совершается ли какихъ-либо обрядовъ послѣ перваго весенняго грома (какъ у киргизовъ и минусинскихъ татаръ)? Нѣтъ ли повѣрія, что громъ не можетъ поразить какой-либо родъ и его скотъ? Какъ этотъ родъ называется? Не существует ли преданія, что нѣкогда такъ было съ «ураңхай»? (у бурятъ существует такое преданіе относительно поколѣнія ураңхай).

§ 65. Не может ли шаманъ превращаться въ громъ и съ какою цѣлью? Нѣтъ ли камня, которымъ можно вызывать или прекращать громъ? Что это за камень, какъ называется и гдѣ его находят? Не производят ли надъ нимъ какихъ-либо обрядовъ? Описать ихъ. Какъ и гдѣ хранится такой камень?

§ 66. Тѣ же вопросы §§ 62, 63, 64 и 65 и относительно молніи съ присовокупленіемъ слѣдующихъ: имѣет ли молнія отношеніе къ грому, солнцу, Творцу міра и къ какому-либо изъ «абасы», къ огню каминна и ко всякому другому огню, къ искрамъ при высканіи огня (при высканіи надъ шаманомъ)? Въ чемъ состоятъ эти отношенія? Нѣтъ ли обряда отправленія молніи обратно на небо?

§ 67. Названіе грозы? Одно или нѣсколько и какія? Кто именно ее производитъ, по какой причинѣ и съ какою цѣлью? Имѣет ли отношеніе къ «айы» и «абасы»? (У бурятъ два олицетворенія грозы: одно относится къ западнымъ (добрымъ) тенгри, а другое—къ восточнымъ (злымъ), потому что одна гроза оживляетъ природу и благоприятствуетъ человѣку, а другая враждебна ему, ибо приноситъ бѣдствія).

§ 68. Солнце. Какъ называется солнце? Одно или нѣсколько названій у солнца и какія? Тѣ же названія не имѣют ли еще какихъ-либо значеній и какія? Записать всѣ эпитеты и выраженія, относящіяся къ солнцу (обращеніе передъ смертью, при трудныхъ родахъ и т. п.). Что такое солнце? Считается ли оно само живымъ, или на немъ живетъ кто-либо, какъ онъ называется и каково его отношеніе къ міру и человѣку? Каково его положеніе и отношеніе къ небу, землѣ, лунѣ и т. д.? Нѣтъ ли родственныхъ или іерархическихъ отношеній? Почитается ли оно приносящимъ добро или зло человѣку, или оно ничего ему не приноситъ? Нѣтъ ли указаній, что солнце считалось нѣкогда Творцомъ міра? Нѣтъ ли указаній въ сказкахъ, пого-

воркахъ и въ какихъ-либо выраженіяхъ, что нѣкогда поклонялись солнцу? Нѣтъ ли указаній на связь «Уруң-айы-тојон-а» съ солнцемъ? Приносят ли солнцу жертвы, когда и какія? Обращаются ли къ нему на «ысыах-ахъ»? Имѣют ли особое значеніе, какое и при какихъ обстоятельствахъ, движеніе людей по солнцу и противъ солнца, а также закручиванія дерева въ ту или другую сторону?

§ 69. Существует ли какое-либо отношеніе между солнцемъ и атмосферическими явленіями (дождь, громъ, молнія, буря, вѣтеръ и т. д.)? Существует ли связь между солнцемъ и огнемъ и какая? Нѣтъ ли земного огня, происшедшаго отъ солнца или посланнаго имъ на землю, и какъ называется?

§ 70. Какого рода солнце: мужского или женскаго? Называют ли его господиномъ, отцомъ? Имѣет ли жену и кто она? Имѣет ли дѣтей и кто они?

§ 71. Нѣтъ ли указаній въ языкѣ, сказкахъ, преданіяхъ на то, что восходъ солнца и восточная сторона играли какую-либо роль и какую въ жизни и возрѣніяхъ? Не находится ли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ благополучіе человѣка въ связи съ восходомъ или съ восходомъ солнца? Нѣтъ ли противоположныхъ отношеній съ заходомъ и съ закатомъ солнца? Различается ли востокъ и западъ зимній, весенній и лѣтній и чѣмъ? Тщательно отмѣчать всякія упоминанія объ обращеніи на востокъ людей, животныхъ, построекъ и т. д. Какія представленія и сказанія связаны съ югомъ и съ сѣверомъ? Имѣют ли связь названія странъ свѣта со словами: верхъ, низъ, правый, лѣвый? Имѣют ли связь съ верхнимъ, нижнимъ, среднимъ мірами и какую? Есть ли соотношеніе между сѣверомъ, низомъ и человѣческими несчастіями, югомъ, верхомъ и человѣческимъ благополучіемъ?

§ 72. Луна. Относительно луны—тѣ же вопросы, что и относительно солнца, съ присовокупленіемъ слѣдующихъ. Почитается ли она? Считается ли измѣрителемъ времени? Сколько въ году мѣсяцевъ, какъ называются и какъ опредѣляются, т.-е. какъ узнаютъ, что данный мѣсяцъ будетъ, напр., февраль, а не мартъ? Не встрѣчается ли противорѣчій въ опредѣленіи текущаго мѣсяца? Чѣмъ объясняютъ, что мѣсяцы не совпадаютъ съ тѣмъ временемъ, которое обозначаютъ ихъ названія? Всегда ли одинаковое число полныхъ мѣсяцевъ въ году? Сколько въ мѣсяцѣ дней? Какъ объясняются фазы луны? Имѣют ли значеніе и вліяніе на людей? Не считаются ли нѣкоторыя изъ нихъ болѣе благоприятными для различныхъ предпріятій: дальней дороги, женитьбы, охоты и т. д.? Не странствуютъ ли «абасы» и «ѣбр» болѣе свободно и въ большемъ числѣ и не приносят ли болѣе вреда въ нѣкоторыя фазы и въ какія? Что значить затменіе и какъ называется? Принимают ли какіи-либо мѣры и какія для его устраненія? Что значатъ пятна на лунѣ и какъ называются? Какія вообще существуютъ повѣрья о лунѣ?

§ 73. Относительно земли—тѣ же вопросы, что и относительно солнца, съ прибавленіемъ слѣдующихъ. Какой видъ имѣетъ земля? Гдѣ и чѣмъ она кончается?

Какъ и на чемъ держится? Кто и какъ ее сотворилъ? Кто и зачѣмъ создалъ на землѣ горы, пропасти и другія вредныя человѣку мѣста? Не принималъ ли въ этомъ участіе какой-либо «абасы», какой и какое участіе? Что даруетъ земля (у монголовъ форму вещей)? Почему женщины должны рожать на землѣ? Почему покойникъ лежить до выноса на землѣ?

§ 74. Планеты, созвѣздія и звѣзды. Какія планеты, созвѣздія и звѣзды извѣстны? Какъ называются и какія о нихъ существуютъ сказанія? Признаются ли имѣющими вліяніе на благосостояніе людей? Почитаютъ ли ихъ и въ чемъ это выражается? Что такое созвѣздіе «Ўргѣл» и какое вліяніе на погоду оказываетъ прохождение мѣсяца черезъ него? Въ какіе мѣсяцы и числа бываетъ это прохождение и когда оно считается счастливымъ или несчастливымъ? Какое отношеніе существуетъ между «Ўргѣл» и «Чолбон»? Какое вліяніе имѣютъ ихъ отношенія на погоду? Не вмѣшиваются ли въ эти отношенія шаманы, когда на землѣ становится слишкомъ холодно? Въ чемъ состоитъ это вмѣшательство?

§ 75. Огонь. Имѣетъ ли огонь одно названіе или нѣсколько и какія? Что означаютъ? Существуетъ ли, какъ у персовъ, кромѣ видимого огня, еще и невидимый? Гдѣ пребываетъ и какъ называется? Каково его происхожденіе? Считается ли огонь мужчиной или женщиной? Называютъ ли его господиномъ или госпожею (монголы и минусинскіе татары говорятъ — «царица огня»)? Прилагаются ли къ нему какіе-либо эпитеты, какіе и что означаютъ? Кто создалъ огонь? Есть ли огонь, посланный какимъ-либо «айы» и посланный какимъ-либо «абасы»? Какъ называются и при какихъ обстоятельствахъ посланъ тотъ и другой? Дать ли огонь Творецъ міра, и чѣмъ этотъ огонь отличается отъ другихъ? Дать ли огонь «Улѣ-тоюн» и каковы его отличительныя свойства? Съ какою цѣлью данъ тотъ и другой?

§ 76. Сколько отдѣльныхъ олицетвореній огня, какъ ихъ имена и что означаютъ? Есть ли между ними родство и какое? Въ чемъ состоитъ ихъ особенности, гдѣ пребываютъ и каково ихъ происхожденіе? Къ какому разряду относится каждое изъ олицетвореній огня: къ «айы», «абасы», «иччи»? Считаются ли они приносящими добро или зло людямъ? Или нѣкоторыя относятся къ одному разряду, а другія къ другому? Какъ называются тѣ и другія? Каковы ихъ взаимныя отношенія?

§ 77. Кто или что является путнику въ видѣ движущагося огня, какъ называется и что означаетъ?

§ 78. Нѣтъ ли сказаній о томъ, что огонь произошелъ во время разрыва земли и неба? Имѣетъ ли какую-либо связь земной огонь съ небеснымъ?

§ 79. Въ какихъ случаяхъ огонь и зола очага употребляются какъ лечебное средство и какъ очистительное? Какова его роль въ мистеріяхъ, празднествахъ, жертвоприношеніяхъ, рожденіи и смерти и въ другихъ случаяхъ? Произносятся ли при этомъ молитвы и заклинанія и какія? Кто ихъ произноситъ? Присутствуетъ ли

шаманъ, какой (бѣлый или черныи) и что дѣлаетъ? Слѣдуетъ записать и перевести всѣ молитвы, заклинанія и обращенія.

§ 80. Одно ли и то же хозяйнѣ огня и хозяйнѣ домашнего очага («ай уот»), и если нѣтъ, то какая между ними разница и какъ называются? Что такое «осох» и «холѣмтан» и какая между ними разница? Считается ли живымъ и почитается ли всѣмъ священнѣйшій огонь очага, или живущее въ немъ существо, или управляющее имъ существо, но живущее не въ пламени, а въ иномъ мѣстѣ и гдѣ? Какая роль хозяйни домашнего очага? Въ чемъ выражается его покровительство? Какую роль онъ играетъ при пріемѣ въ семью новаго члена (пріемныхъ сыновей и дочерей, зятя, невестки и т. д.)? Существуютъ ли какія-либо правила поведения членовъ семьи по отношенію къ огню каминна и къ хозяину очага? Что слѣдуетъ за нарушеніемъ ихъ? Чего не дозволяется по отношенію къ огню и почему? Ко всякому огню, или только къ огню каминна? Почему въ послѣдній нельзя втыкать колющія и рѣжущія орудія? То же ли и по отношенію ко всякому другому предмету? Кто и въ какихъ случаяхъ не можетъ касаться огня? Продолжительность срока, необходимаго для очищенія? Могутъ ли родильница и бабка показываться огню, и если не могутъ, то въ теченіе какого срока? Кто и въ какихъ случаяхъ не можетъ проходить передъ каминомъ? Гдѣ спитъ хозяйнѣ и гдѣ хозяйка по отношенію къ камину и почему? Посылаетъ ли какія-либо болѣзни и наказанія каждое изъ олицетвореній огня, хозяйнѣ огня и хозяйнѣ домашнего очага? Какія и за что? Обращаются ли къ нимъ съ просьбами объ излѣченіи болѣзней, какихъ и кто обращается? Въ какихъ случаяхъ и съ какою цѣлью обращаются къ нимъ черныи и бѣлыи шаманы? Какія жертвы, кѣмъ, какъ и въ какихъ случаяхъ приносятся имъ и, черезъ ихъ посредство, другимъ духамъ?

§ 81. Становится ли и для какой надобности женихъ или кто нибудь съ женеховой стороны на крышѣ своей юрты подлѣ трубы во время входа въ юрту невесты? Кто и для чего становится въ это время между дверью и очагомъ? Не для того ли, чтобы воспрепятствовать хозяйну домашнего очага покинуть юрту отъ явленія невесты?

§ 82. Если юрта остается нежилою или если почему-либо нѣтъ на очагѣ ни огня, ни углей, то имѣется ли тутъ хозяйнѣ огня и гдѣ находится? Какъ разводится огонь при переѣздѣ въ нежилую юрту и во вновь построенную? Высыкается ли огонь и кѣмъ, приносятся ли горящія лучины, головни, уголья и кѣмъ? Вѣсьмъ ли и всегда ли дается въ такихъ случаяхъ огонь, или существуютъ какія-либо правила и какія? Нѣтъ ли при этомъ какихъ-либо обрядовъ и жертвоприношеній? Кто, кому и какія жертвы приносятся¹⁾? Сопутствуетъ ли семьѣ хозяйнѣ огня и очага при пере-

1) Слѣдуетъ занести всѣ обряды по случаю переѣзда изъ одной юрты въ другую: изъ зимника въ лѣтникъ и наоборотъ, изъ своей юрты въ «джуканъ» (жилицы) и наоборотъ, но-воженовъ въ отдѣльную юрту, въ новую юрту. Обряды по отношенію къ «айы иччи», «хотон иччи» и т. д.

кочевках и перебедах, при переселениях в другие наследи, улусы? Или остается в покинутой юрте? Что с ним делается, если юрта окончательно покинута? Если для разведения нового огня приносится огонь от соседей, то не приносится ли что-либо и от хозяина огня, или не становится ли один и тот же хозяин огня общим хозяином во всех юртах? Вообще, как и откуда появляется хозяин огня после принесения огня из другой юрты? Если из старой семьи выделяется часть ее для самостоятельной жизни и переселяется во вновь построенную юрту, то откуда в ней берется хозяин огня? Кто его посылает? Создается ли он вновь и как вследствие появления новой потребности, или переселяется из какой-либо упраздненной юрты и как это делается? Может ли хозяин огня заброшенной юрты, или хозяева которой вымерли, уйти из нее раньше, чем развалится очаг? Если разрушают юрту для перевозки или для иной цели, то разрушают ли очаг, или предоставляют его разрушительному действию времени? Не замечается ли на юртовинах, на которых сохранились следы очага, какое-либо особое к нему отношение и какое? Существует ли поверье, что хозяин очага, которому не приносят жертв, сильно тощает, — не может ли он умереть голодной смертью? Почему хозяин огня представляется в виде старика? Представляется ли он когда-либо и когда в виде молодого? Каков у него наружный вид? Есть ли у него жена и дети и где пребывают? Или он безсемейный и почему? Не считается ли членом семьи и каким? Не считается ли он прародителем семьи, очаг которой охраняет? Если так, то по женской или мужской линии семья ведет от него начало? Почему он представляется в виде мужчины, а не в виде женщины? Может ли хозяин огня, вследствие голода или по другим причинам, покинуть жилую юрту и уйти? Что тогда произойдет с очагом и семьей?

§ 83. В некоторых юртах встречается в югозападном углу на полу земляное, а иногда и деревянное четырехугольное возвышение, на котором стоит стол; что означает теперь это возвышение и что означало раньше? Теперь в этом углу стоят иконы, и столб этого угла считается священным, — почему? Не было ли раньше сказанное возвышение временным очагом, на котором разводился огонь или клался уголь, а затем приносилась жертва? Существовали ли раньше кадилницы, каково было их употребление и как называются? Кем и кому приносилась жертва? Главой семейства, хозяйкой дома или шаманом и каким? В каких случаях и какая жертва? В настоящее время, перед отходом ко сну, глава семейства зажигает свечу перед образами, становится в недалеком расстоянии от них и молится, — остальные члены семьи стоят позади его и молятся до тех пор, пока не кончит глава семейства. Не есть ли это древний обычай?

§ 84. Мирь неорганический. Одухотворяются ли и почитаются ли камни? Все или только некоторые? Как называются, где находятся, как и при каких

случаях употребляются? Есть ли особенно почитаемых камней и утесов и почему они почитаются? Не находятся ли они на опасных местах, или сами не представляют ли опасности? Почитают ли камень, который находят в желудке некоторых убитых животных? Как называется? Употребляют ли его с какими-либо цѣлями и с какими? Имѣет ли лѣчебное свойство и какое? Употребляют ли для цѣлей колдовства, кто и в каких случаях? Можно ли при его помощи произвести и устранить ненастье и как это делается? Сами ли почитаемые камни и утесы представляются живыми существами, или в них обитают живые существа?

§ 85. Одухотворяются ли и почитаются ли горы и как называются? Не сохранились ли в сказаниях названия таких гор, которых на теперешней родине якутов нет? Если сохранились, то записать. Есть ли особо почитаемых хребтов (как у минусинских татар), подораздѣлов? Есть ли особые мѣста, в которых обитают духи-покровители данной мѣстности? Как называются? Описать их, особенно обращая внимание на трудности передвижения в этих мѣстах. Относятся ли к ним же дорожные духи, как называются и где пребывают? Как узнается, что в данном мѣсте живет дух или хозяин мѣста? При новом открытии мѣста, где поселился дух, происходят ли поэтому случаю какие-либо обряды, какие и кем исполняются? Отмѣчается ли, кем и как это мѣсто? Имѣются ли священные мѣста общия, которымъ поклоняются все, родовые, семейные? Общее название всех подобных мѣст и что означает? Не означает ли «пройденная опасность»? Почему идущие путники оставляют на этих мѣстах свои посохи? Почему то же делают идущие на быках или конях с прутьями, служившими им для погоняния («кымый», по О. Н. Бѣтлингу «кымыль» — кнут)? Могут ли посохи и прутья быть из какого угодно дерева? Оставя их, вызывают ли для себя тут же, или вызывают отъѣхавши некоторое расстояние? Можно ли оставить тут же вызванный посох или прутья, и если нет, то почему? Записать сказанія относительно предметов, о которых идет рѣчь в этом §.

§ 86. Одухотворяются ли моря, озера, рѣки, или в них только живут духи? Имѣют ли собственные имена или только родовые (напр. «кѳѳі ічтіа»)? Записать собственные имена. Есть ли общего духа водъ («ѳ ічтіа»)? Каково происхождение этих духов? Приносят ли им жертвы, кто, что и в каких случаях? Участвуют ли при этом шаманы и какие (бѣлые или черные)? В чем состоит их участие? Приносят ли духамъ в жертву рыбу, и если нет, то почему? Есть ли положительное правило, что рыба имъ приносится в жертву не может? Кто такой «сѳлѳкѳн» (сибирскій шиликун)?

§ 87. Органический мир. Одухотворяются ли и почитаются ли растения? Все ли растительное царство в совокупности, отдѣльные ли породы, или отдѣльные

индивиду? Какіе и чѣмъ отличаются? Есть ли особо почитаемыя растенія, какія и почему почитаются? Не относится ли къ нимъ верескъ («кытыан»), какъ называется и въ чемъ выражается почитаніе? Почитается ли береза и почему? При какихъ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ употребляется береза? Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., въ Дюксюнскомъ улусѣ, Якут. окр.) передъ юртами ставятся березовые шесты, — какъ называются и съ какою цѣлью ставятся? Почему только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ связано ли это съ какими-либо специальными причинами, или въ другихъ мѣстахъ обычай утраченъ? Имѣютъ ли эти шесты отношеніе къ «Урѹн-ајы-тојон-у» и какое? Употребляется ли береза во время похоронъ, свадебъ, родовъ? Какъ и что это значитъ? Играетъ ли какую-либо роль и какую береза или березовая роща во время посвященія шамана (бѣлаго и чернаго)? Не сажаютъ ли въ это время березу у него въ юртѣ, кто сажаетъ, въ какомъ мѣстѣ, выходитъ ли верхушка на дворъ и гдѣ? Совершаются ли при этомъ какіе-либо обряды и жертвоприношенія?

§ 88. Обращаются ли съ просьбами къ особо почитаемымъ растеніямъ? Приносятъ ли имъ жертвы, какія и въ какихъ случаяхъ? Существуютъ ли или существовали ли священные рощи, куда удалялся приготовляющійся въ шаманы и въ которыхъ онъ получалъ свой даръ? Совершались ли въ нихъ мистеріи и какія? Хоронили ли въ нихъ шамановъ?

§ 89. Существуютъ ли духи лѣсовъ, какіе и въ чемъ состоятъ ихъ функціи? Завѣдуютъ ли они охотой, рыбной ловлей и еще чѣмъ-либо? Въ чемъ выражается ихъ власть? Сколько такихъ духовъ и какъ называются? Есть ли между ними главный, которому подчинены остальные? Въ чемъ выражается ихъ подчиненіе? Существуютъ ли духи, завѣдующіе отдельными моментами охоты и рыболовства, отдельными орудіями и ихъ частями? Приносятся ли этимъ лѣснымъ духамъ жертвы, кто, когда и какія? Существуютъ ли какіе-либо обряды и жертвоприношенія передъ началомъ промысла и по окончаніи его? Гдѣ живутъ лѣсные духи? Имѣетъ ли каждое мѣсто своихъ главныхъ и второстепенныхъ духовъ, или же для всей области или для опредѣленнаго района и какого существуютъ одни? Въ такомъ случаѣ почитаются ли они вслѣдующими, а если нѣтъ, то какимъ образомъ влияют на ходъ промысла?

§ 90. Нѣтъ ли разказовъ о томъ, что «тыя іччїлїрї» были людьми? Нѣтъ ли деревьевъ, которыхъ избѣгаютъ (ель, осина) и почему? Почему осину не употребляютъ на дрова? Не связано ли съ этимъ какихъ-либо и какихъ сказаній? Почему не берутъ валежникъ на дрова? Не можетъ ли вмѣстѣ съ валежникомъ попасть въ юрту «абасы»? Имѣютъ ли слѣдующія растенія отношеніе и какое къ «абасы»: абасы тајаба, абасы сітімї, абасы отоно? Что это за растенія? Не боятся ли нѣкоторые «абасы» нѣкоторыхъ растеній (напр., шиповника) и почему? Какое отношеніе имѣетъ

боярышникъ къ «абасы» и какъ называется? Не употребляются ли эти растенія и какъ для защиты кого-либо отъ «абасы»?

§ 91. Животный міръ. Существуетъ ли почитаніе животныхъ вообще или отдельныхъ классовъ, видовъ, индивидуовъ? Какія это животныя, ихъ названія, причины почитанія, связь ихъ съ другими духами? Все ли почитаемыя животныя почитаются въ одинаковой мѣрѣ, или есть наиболѣе почитаемыя и какія? Почему однихъ изъ почитаемыхъ животныхъ можно убивать (медвѣдя), а другихъ (орла и вообще «тычырахтѣхъ») нельзя? Относятся ли почитаемыя животныя къ ајы, абасы и іччи и какія животныя къ какому разряду относятся? Или они образуютъ какой-либо особый и какой родъ духовъ? Являются ли они сами духами, или только заключаютъ ихъ въ себѣ, или служатъ ихъ представителями и посредниками между человекомъ и духами? Какъ эти духи называются и каково ихъ отношеніе къ людямъ? Каждый ли человекъ имѣетъ или можетъ имѣть покровителя въ томъ или иномъ животномъ, или только шаманы имѣютъ ихъ? Кто и какимъ образомъ даетъ покровителя? Въ чемъ выражается покровительство? Могутъ ли покровительствуемые убивать представителя того же рода, къ которому принадлежитъ покровительствующее животное? Въ какихъ случаяхъ, и совершаются ли при этомъ какіе-либо обряды очистительные или умиротворятельные? Кто и при какихъ обстоятельствахъ снимаетъ шкуру съ животныхъ, убитыхъ на охотѣ? Гдѣ снимается: на мѣстѣ охоты или на дому? Какъ доставляется убитое животное домой: вносится ли оно въ юрту черезъ дверь или инымъ способомъ и какимъ? Когда вносится: днемъ, вечеромъ, ночью? Что при этомъ дѣлаютъ охотникъ, убитый звѣрь, домочадцы, сосѣди? Приносятъ ли рѣчи и какія? Приносятъ ли жертвы, кому и какія? Одинаково ли относятся къ крупнымъ и мелкимъ убитымъ звѣрямъ? Не потѣшаются ли и какъ надъ убитой лисницей? Сохраняются ли шкурки почитаемыхъ животныхъ и какихъ животныхъ? Употребляются ли онѣ во время какихъ-либо обрядовъ (при какихъ-нибудь особенныхъ случаяхъ жизни, родахъ)? какія шкурки и во время какихъ обрядовъ? Не полагается ли возмездіе и какое за то, что кто-нибудь убьетъ или съѣстъ умышленно или печально животное, которое нельзя убивать или ѣсть? Наказывается ли только непосредственный виновникъ или и его семья и родъ? Распространяется ли наказаніе и на свидѣтелей?

§ 92. Нѣтъ ли между животными предка людей? Какое это животное? Нѣтъ ли животныхъ, которыя считались бы родоначальниками племенъ, родовъ, семей, и какія? Нѣтъ ли наслеговъ, родовъ, носящихъ ими животныхъ, и какіе? Нѣтъ ли животныхъ, которыя назывались бы дѣтьми неба, или какихъ-либо небожителей? Какъ и почему они очутились на землѣ? Имѣются ли животныя въ роли «іччи» бѣлаго рода? Какія сказанія существуютъ о волкѣ, медвѣдѣ, лисницѣ и другихъ животныхъ? Не были ли медвѣдь человекомъ?

§ 93. Какъ называется орелъ? Одно названіе или нѣсколько и какія? Каково происхожденіе орла? Есть ли онъ царь птицъ, или ихъ духъ — покровитель, или въ видѣ орла можетъ явиться и является какой-либо духъ? Какой и съ какою цѣлью? Или орелъ служитъ посыльнымъ этого духа? Каково отношеніе орла или духа, котораго онъ изображаетъ, къ людямъ? Почему его боятся? Появленіе орла значитъ ли что-либо и что? Не былъ ли орелъ первымъ шаманомъ и какимъ (бѣлымъ или чернымъ)? Имѣетъ ли онъ какое-либо отношеніе къ кузнецамъ и къ какимъ (бѣлымъ или чернымъ)? Не находится ли орелъ въ родствѣ съ какимъ-либо духомъ, въ какомъ и съ какимъ? Нѣтъ ли обычай кормить орла при его посѣщеніяхъ? Почему и какъ это совершается? Нѣтъ ли обычай погребать найденнаго мертваго орла? Какъ это дѣлается? Записать все сказанія объ орлѣ и заклинанія.

§ 94. Нѣтъ ли сказаній о прирученіи домашнихъ животныхъ? если есть, то записать. Каково происхожденіе домашнихъ животныхъ, не исключая собакъ и кошекъ? Кто далъ ихъ человѣку? Находятся ли различные роды домашнихъ животныхъ подъ покровительствомъ духовъ и какихъ? Въ чемъ выражается это покровительство? Нѣтъ ли особыхъ празднествъ, обрядовъ и жертвоприношеній, относящихся къ домашнимъ животнымъ? Въ какихъ случаяхъ домашнее животное и какое можетъ стать неприкосновеннымъ и предметомъ почитанія? Не имѣютъ ли нѣкоторые части животныхъ — домашнихъ и дикихъ — цѣлебной или вообще особенной силы? Какихъ животныхъ и какія части? Всѣхъ ли животныхъ — домашнихъ и дикихъ — можно употреблять въ пищу, какихъ нельзя и почему?

§ 95. Во время празднествъ и увеселеній какихъ животныхъ и какъ изображаетъ шаманъ? Призывается ли при этомъ душа животного? Вселяется ли оно въ шамана или является только видимымъ ему? Не есть ли это душа какого-либо убитаго животного, или это — «іччі», въ вѣдѣніи котораго находится данное животное? Или это — какой-либо духъ, принимающій видъ вызываемаго животного, и какой?

§ 96. Есть ли почитаемыя рыбы или духи рыбъ? Какъ называются и гдѣ живутъ? Приносятъ ли въ данномъ случаѣ въ жертву рыбъ и приносятъ ли ихъ вообще въ жертву? Нѣтъ ли сказанія о рыбѣ, живущей на днѣ молочнаго моря и покровительствующей кузнецамъ и шаманамъ и какимъ (чернымъ или бѣлымъ)? Имѣютъ ли рыбы «кут» и «сѹр» или только одну изъ нихъ, какую и почему? Не встрѣчается ли гдѣ-либо изображеній рыбъ, гдѣ и что означаютъ: духа ли въ видѣ рыбы и какого, или самой рыбы и какой?

§ 97. Одухотворяются ли гады, насѣкомыя и т. д.? Какіе и почему? Считается ли кобылка сама «абасы» и почему, или ее посылаетъ «абасы» и какой? Есть ли между этими животными еще «абасы» и какіе? Имѣются ли сказанія о почитаніи

змѣй? Записать. Не предвѣщаетъ ли встрѣча съ нѣкоторыми гадами несчастье? Какъ слѣдуетъ поступать въ такихъ случаяхъ?

§ 98. Изображенія и идолы. Существуютъ ли священные изображенія, какія и какъ ихъ общее («тацара») и частныя названія? На чемъ бывають изображенія: на деревѣ (какомъ), корѣ, металлѣ, кости и т. д.? Какъ общее названіе металлическихъ изображеній на шаманскомъ костюмѣ? Нѣтъ ли подобныхъ же изображеній у кузнецовъ и какъ ихъ общее названіе? Поврежденіе изображенія какого-либо человѣка или животного не причиняетъ ли вредъ оригиналу? Если да, то при какихъ условіяхъ? Не гадаютъ ли, не колдуютъ ли при помощи изображеній, какихъ и какъ? Обращаются ли къ нимъ съ просьбами и приносятся ли имъ жертвы?

§ 99. Были ли идолы и какіе? Имѣются ли фигуры, вырѣзанныя въ память покойниковъ изъ дерева (какого?), кости, металла и т. д.? Кѣмъ вырѣзываются и нѣтъ ли при этомъ какихъ-либо обрядовъ и жертвоприношеній? Дѣлается ли для этихъ фигуръ одежда и изъ чего? Кого представляетъ фигура: самого покойника (какъ, напр., статуя), его душу и какую, или духа, покровительствующаго покойнику въ загробномъ мірѣ? Приносятъ ли имъ жертвы и какія? Дѣлаются ли и изъ чего изображенія въ память или въ честь умершихъ дѣтей? Въ память каждаго ли ребенка или только въ память особенно любимаго? Въ память мальчиковъ и дѣвочекъ безразлично, или только въ память послѣднихъ? Какое значеніе имѣютъ эти изображенія, гдѣ сохраняются, обращаются ли къ нимъ съ просьбами, молитвами? Приносятся ли имъ жертвы, какія и въ какихъ случаяхъ, или имъ постоянно предлагаютъ пищу, какимъ способомъ и какую? Предлагаютъ ли имъ табакъ и подку? Являются ли эти изображенія покровителями семьи? Могутъ ли быть дѣти — покойники покровителями и въ чемъ состоитъ ихъ покровительство? Вызываютъ ли страхъ или чувство любви и привязанности? Какіе идолы и изображенія дѣлаются изъ сухоподстойнаго дерева, гнилого и живого (на корню), кѣмъ и для какихъ цѣлей и какъ называются?

§ 100. Молитвы, обращенія и заклинанія. Записать молитвы, обращенія и заклинанія, съ которыми обращаются по различнымъ случаямъ (означая — по какимъ случаямъ) къ различнымъ «ајы», «абасы», «іччі» и къ какимъ именно шаманы (черные и бѣлые), главы семей, мужчины, женщины, дѣти.

§ 101. Жертвы. Какъ называются жертвоприношенія вообще? Существуютъ ли дѣленіе жертвъ на кровавыя и безкровныя? Приносятся ли онѣ безразлично или нѣтъ? Все ли жертвы приносятся черезъ огонь? если не все, то зависитъ ли это отъ свойства жертвы и какого или отъ того, кому приносятся жертва? Нѣтъ ли особаго названія для кровавыхъ и безкровныхъ жертвъ?

§ 102. Какія жертвы приносятся «ајы», «абасы», «іччі» и другимъ духамъ?

Приносятся ли жертвы покойникам вообще? Какія, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ? Приносятся ли жертвы какимъ-либо особеннымъ покойникамъ и какимъ («ўр-ямъ»)? Не требуютъ ли нѣкоторые «абасы» и какіе именно обязательно человеческихъ жертвъ? Какъ онѣ приносятся въ настоящее время? Перечислить предметы, приносимые въ жертву, и указать, какое значеніе они имѣютъ для тѣхъ, кому приносятся. Приносятся ли въ жертву предметы привозные: табакъ, водку, хлѣбъ, сахаръ, чай, деньги и т. д.? Какія животныя приносятся въ жертву и какія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приносимы и почему? Относятся ли къ послѣднимъ рыба и почему? Какой скотъ (конный и рогатый), какихъ мастей, какимъ духамъ и въ какихъ случаяхъ приносятся? Не приносятся ли въ жертву дикія животныя и птицы, или ихъ шкуры, кому и въ какихъ случаяхъ? Бываютъ ли такіе случаи, когда обѣщается принести въ жертву животное въ будущемъ, а въ обезпеченіе дается въ закладъ какое-либо животное? Какъ это происходитъ? Допускаются ли оторочки? Какихъ животныхъ посвящаютъ духамъ, какимъ и почему? Какъ это совершается, кѣмъ и въ какихъ случаяхъ? Какое значеніе имѣютъ для духовъ посвященные животныя? Совершаются ли посвященія безразлично черными и бѣлыми шаманами? Совершаютъ ли ихъ главы семействъ, родовъ или другія лица и какія? Не было ли обычая угощать посвященныхъ «Ўрўң-айы-тојон-у» кобылъ (съ жеребцами) далеко на востокъ? Число погонщиковъ при этомъ, цвѣтъ ихъ одежды, масть лошадей, ихъ бичи? Записать заклинанія. Принимаютъ ли участіе въ жертвоприношеніяхъ женщины, въ какихъ и какое? Могутъ ли онѣ самостоятельно приносить жертвы, какія и въ какихъ случаяхъ? Когда имъ воспрещается приносить жертву или участвовать въ жертвоприношеніяхъ?

§ 103. Приносятся ли жертвы, кѣмъ, кому и какія при родахъ, свадьбахъ, на сѣнокосахъ, пашняхъ, при рыбной ловлѣ, передъ охотой и послѣ охоты, при посвященіи шамана и кузнеца? Употребляются ли при этомъ молитвы, заклинанія и какія?

§ 104. Приносятъ ли жертвы деревьямъ, озерамъ, рѣкамъ, горамъ, утесамъ, «булгунѣх-амъ», и если приносятъ, то какія? Не замѣчается ли общая тенденція въ томъ, что жертвы приносятся въ тѣхъ мѣстахъ, которые оказываются либо вредными, либо полезными человѣку? Приносятся ли жертвы божествамъ смерти и выздоровленія, если таковыя имѣются, какія и кѣмъ?

§ 105. Празднества. Бываютъ ли какія-либо празднества, какъ называются, по какимъ случаямъ и въ какое время происходятъ? Есть ли особыя названія для весенняго и осенняго праздниковъ и какія? Бываютъ ли семейныя, родовыя и общественыя празднества, по какимъ случаямъ? Исполняются ли при этомъ какіе-либо религиозныя обряды, какіе и кто ихъ исполняетъ? Глава семьи, рода, выборное лицо,

шаманъ и какой—бѣлый или черныи? Играютъ ли тутъ роль шаманки, какую и какія шаманки—бѣлыя или черныя? Происходятъ ли какія-либо празднества при окончаніи стараго года и мѣсяца и началъ новаго? Не представляется ли эта сѣтна въ видѣ борьбы и кого съ кѣмъ? Нѣтъ ли обрядовъ, воспроизводящихъ эту борьбу въ драматической формѣ? Описать ихъ, обращая вниманіе на цвѣтъ одежды участниковъ обряда, цвѣтъ ихъ собственной кожи, ихъ лошадей? Какъ называются различныя виды этихъ обрядовъ? Какъ называются сами участники? Въ какихъ случаяхъ они называются «айы уола» и «абасы уола»? Не представляютъ ли собою «саңа җыл ічтіа» и «агга җыл ічтіа»?

§ 106. Какіе предметы употребляются во время празднествъ и религиозныхъ обрядовъ? Какія приносятся жертвы? Препровождаются ли черезъ огонь или иными способами и какими? Какимъ духамъ приносятся? посвящаются ли при этомъ животныя, какія, кому? Не посвящаются ли дѣти и юноши обоого пола? Во всѣхъ этихъ случаяхъ произносятся ли молитвы и какія: благодарственныя или просительныя? Произносятся ли рѣчи, кѣмъ и къ кому обращаются? Записать молитвы и рѣчи, тщательно отмѣчая имена духовъ, упоминаемыхъ въ нихъ.

§ 107. Что такое «ысыах»? Не значить ли это слово—«жертвоприношеніе»? Нѣтъ ли еще какого-либо значенія? Приурочивается ли это слово къ одному, опредѣленному по времени, празднику или духу, или приурочивается къ различнымъ по времени праздникамъ и духамъ, но только изъ рода «айы», или приурочиваются къ праздникамъ въ честь «абасы»? Въ какое время года бываетъ «ысыах»? Бываетъ ли осенью и въ честь кого? Что изображаетъ во время весенняго «ысыах-а» 11—12-лѣтній мальчикъ, стоящій лицомъ къ востоку и держащій «чорбн»? Почему мальчикъ, а не дѣвочка и не взрослый? Просятъ ли на этомъ праздникѣ и о чемъ, или благодарятъ и за что? Присутствуютъ ли женщины? Принимаютъ ли онѣ участіе и какое въ празднествѣ, или являются только зрительницами? Если слово «ысыах» значитъ «брызгать», то, значитъ, жертву (кумысъ, молоко, масло и т. д.) брызгали въ огонь, или въ пространство? Имѣются ли спеціальныя мѣста для празднествъ, какія и какъ называются? Что такое «далбар чачыр (чачір), дірің түсїгїа»?

§ 108. Въ сказкѣ «Бѣлый Юноша» сказано: «Бѣлый Юноша развѣлъ убитаго дьявола (абасы) по землѣ на ысыахъ солнцу и мѣсяцу» (Худяковъ, Верхованскій Сборникъ, Иркут., 1890, стр. 161). Записать всѣ указанія существованія «ысыах-овъ», если они были, въ честь Солнца и Мѣсяца насколько возможно детально. Въ какое время происходили? Отличались ли отъ тѣхъ же празднествъ въ честь «Ўрўң-айы-тојон-а» и чѣмъ¹⁾? Устранялся ли «ысыахъ» по случаю побѣды надъ врагомъ и въ честь кого:

1) Этотъ пунктъ требуетъ тщательнаго изслѣдованія, чтобы выяснить отношеніе между Солнцемъ и «Ўрўң-айы-тојон-омъ».

Солица, Мъсяца, «Ўруң-айы» и еще кого? Приносился ли въ жертву убитый врагъ, будь онъ челоуѣкъ или «абасы», принявшій видъ богатыря?

§ 109. Слѣдуетъ записатьъ все религиозныя обряды въ последовательномъ порядкѣ. Обряды при рожденіи, на второй или третій день въ честь «Айысыт» и «Іайахейт», причемъ записывать обращенія къ нимъ. Просить ли у нихъ у обѣихъ дѣтей или только у одной изъ нихъ? Даетъ ли «Айысыт» просящимъ женщинамъ тутъ же ребенка или впоследствии и какъ? Если тутъ же, то есть ли это зачатіе и зачатіе безъ участія мужчины, или даетъ только предрасположеніе къ зачатію? Что означаетъ смѣхъ присутствующихъ женщинъ и что означаетъ истерическій смѣхъ какой-либо изъ нихъ? Есть ли какихъ-либо обрядовъ по отношенію къ новорожденному въ періодъ его дѣтства, начиная съ момента рожденія? Свадебныя обряды. Обряды при постройкѣ юрты. Какіе существуютъ обряды при постановкѣ основныхъ столбовъ юрты, матиць, стѣнъ, очага и т. д.? Обряды въ дальнемъ пути, передъ началомъ поноса и работъ, при переносѣ кузнечныхъ инструментовъ.

§ 110. Шаманы. Что служить основаниемъ для дѣленія шамановъ на «ајі ојуна» (бѣлый шаманъ) и «абасы ојуна» (черный)? Кто такіе: «ўёсәйтән туттарбыт ојун» (дѣйствующій силою верхнихъ духовъ), «алларәттан туттарбыт ојун» (дѣйствующій силою нижнихъ духовъ), «ўёртән туттарбыт ојун» (дѣйствующій силою «ўөр-я»), «әмәгәтһән әр кылар ојун» (силою «әмәгәт-а»), «ојун таңарата тўспұт ојуна» (силою «таңара» умершаго шамана)? Какъ называются шаманъ и шаманка, бѣлые и черные? Есть ли такихъ шамановъ, которые могутъ исполнять функціи бѣлаго и чернаго шамана¹⁾? Какъ называются? Кто былъ первый шаманъ²⁾? Извѣстно ли имя первой шаманки и каково оно было? Кто былъ «Лабыцха-сұрұк»? Не былъ ли онъ первымъ шаманомъ и устроителемъ «ысыах-а»? Если такъ, то бѣлымъ или чернымъ шаманомъ онъ былъ? Не былъ ли онъ главою рода или старшимъ сыномъ главы рода, замѣняющимъ отца по старости или по другимъ причинамъ?

§ 141. Кто далъ бѣлыхъ и кто далъ черныхъ шамановъ и съ какою цѣлью: имѣлись ли въ виду интересы людей, или интересы тѣхъ, которые дали шамановъ? Не сохранились ли сказанія о томъ, какъ эти событія произошли? Когда и какъ обнаруживаются признаки того, что данный субъектъ предназначенъ въ шаманы: въ дѣтствѣ, юношествѣ, въ возмужаломъ возрастѣ или во всякомъ возрастѣ, когда обнаружата извѣстныя психическія особенности? Какіе субъективные и объективные признаки того, что данный субъектъ предназначенъ быть шаманомъ? Не долженъ ли

1) Обратить на этот вопрос особенное внимание.

2) Собирая свѣдѣнія о шаманахъ, всегда собирать отдѣльно о черныхъ и бѣлыхъ, чтобы точно установить ихъ функціи, происхождение и т. д.

онъ быть сыномъ шамана или шаманки, или имѣть кого-либо изъ нихъ въ своемъ роду? Въ такомъ случаѣ, что передается отъ умершаго шамана: его собственныя знанія, искусство и сила, или бывший его покровитель, и какъ послѣдній называется? Не дѣлается ли шаманомъ тотъ, у кого родственникъ былъ убитъ громомъ? Можно ли стать шаманомъ, благодаря упавшему съ неба огню? Какой это огонь и кто его посылаетъ? Какъ предназначенный къ шаманству начинаеть свою подготовку? Находится ли онъ въ обученіи у какого-либо шамана, въ чемъ состоитъ обученіе и участвовать ли онъ въ камланьяхъ учителя?

§ 112. Находится ли дар шаманства въ зависимости отъ извѣстнаго состоянія души, какова, въ чемъ обнаруживается и какой души: «кут» или «сѹр»? Гдѣ и какая душа шамана и шаманки (черныхъ и бѣлыхъ) воспитывается? Воспитывается ли она до или послѣ рожденія? Гдѣ она пребываетъ во время воспитанія и въ чемъ оно состоитъ? Если она воспитывается послѣ рожденія человѣка, то покидаетъ ли она его и когда? Не во время ли сна, обмороковъ, нервныхъ припадковъ и надолго ли? Или она съ момента рожденія младенца отправляется въ обученіе и возвращается къ человѣку въ извѣстномъ возрастѣ? Въ какомъ? Что такое «олѣ ѹта», какую роль играетъ въ воспитаніи и какую потомъ при камланіи? Что такое «іѣа кѣда», какую роль играетъ въ воспитаніи и потомъ при камланіи и вообще въ жизни шамана?

§ 113. Какъ, кѣмъ и на основаніи чего опредѣляется, что данный субъектъ можетъ уже выступить въ качествѣ шамана? Нѣтъ ли какихъ-либо правилъ? Совершаются ли посвященія въ шаманы? Кѣмъ, какъ и сколько разъ? Подвергается ли посвящаемый омовенію? Не удаляется ли онъ передъ посвященіемъ или передъ выступленіемъ въ качествѣ шамана въ лѣсъ, пустыню и вообще уединенное мѣсто? Съ какою цѣлю? Не упражняется ли онъ тамъ въ шаманскихъ дѣйствіяхъ? Не объявляетъ ли онъ потомъ, что въ это время былъ въ странѣ мертвыхъ? Съ какою цѣлю и каковы послѣдствія? Кого онъ тамъ видѣлъ и что дѣлалъ? Произносятся ли при посвященіи молитвы или клятвы и какія? Приносятся ли жертвы? Нѣтъ ли указаній на то, что въ старину при посвященіи въ шаманы требовались человѣческія жертвы? Употребляется ли въ это время кровь животнаго и каковаго? Употребляются ли священные травы, какія и какъ? Играетъ ли въ это время какую-либо роль береза или другое какое-либо дерево и какую? Несутъ ли при посвященіи матеріальныя издержки и какія общество въ цѣломъ составѣ или отдѣльныя лица? Принимаютъ ли какое-либо участіе во время обрядовъ посвященія общество или его выборные, или только частныя лица и какое?

§ 144. Какіе духи покровительствуютъ бѣлымъ и чернымъ шаманамъ? Покровительствуютъ ли предки шамановъ и какъ? Истинные предки, т.-е. находящіеся въ кровномъ родствѣ, или фиктивные, т.-е. всѣ прославленные шаманы? Какимъ обра-

зомъ духи покровительствуютъ шаманамъ? Вселяются ли они въ него? Увеличиваютъ ли его собственную силу передъ камланьемъ для борьбы, или и сами вступаютъ въ борьбу наравнѣ съ шаманомъ? Покровители шамановъ (черныхъ), изображаемые въ видѣ звѣрей, не суть ли предки-шаманы? Кто такой «іѣ кыла»? Есть ли второстепенные покровители духи-звѣри? Какъ ихъ имена? Перевести слова, входящія въ эти имена. Не носятъ ли покровители шамановъ общаго названія «таңара»? У всѣхъ ли черныхъ шамановъ одни и тѣ же покровители и у всѣхъ ли бѣлыхъ одни и тѣ же, или разные? Нѣтъ ли такихъ духовъ-покровителей, которые обязательно должны быть у каждаго шамана, какъ называются, и такихъ, которые необязательны, и какъ называются? Почему покровительствующие духи представляются животными? Есть ли такіе, которые представляются домашними животными и дикими? Ихъ сравнительная сила? Есть ли такіе, которые представляются въ видѣ мнѣческихъ звѣрей, ихъ вѣшность, особенности, сравнительная сила и какъ называются? Можетъ ли каждый покровительствующій духъ являться въ видѣ любого животного, или только въ видѣ опредѣленнаго? Могутъ ли эти же духи временно принимать видъ человѣка и неодушевленнаго предмета? Существуетъ ли между ними такой, который имѣетъ видъ рыбы или змѣи и живетъ на днѣ моря? Какъ называется? Не являются ли рыба или змѣя только ѣдовыми животными духа-покровителя, живущаго на днѣ моря, какъ называется этотъ духъ, не имѣетъ ли какого-либо отношенія къ кузнецамъ, къ какимъ и какое? Духъ-покровитель, представляющійся, напр., въ видѣ порося, пребываетъ ли въ какомъ-либо реальномъ поросѣ, составляющемъ чью-либо частную собственность, пребываетъ ли только въ одномъ экземплярѣ или во многихъ одновременно, или онъ только надѣляетъ опредѣленныхъ поросятъ извѣстной силой и назначаетъ въ покровители тому или другому шаману? Каковы отношенія и связь между шаманомъ и реальнымъ животнымъ, представляющимъ покровителя? Если подобное животное будетъ убито человѣкомъ, или подобнымъ же животнымъ, или враждебнымъ шаманомъ, то отразится ли это какъ-нибудь и какъ именно на покровительствуемомъ этимъ животнымъ шаманѣ? Существуютъ ли и какіе духи у шамановъ, исполняющіе роль посыльныхъ, и въ видѣ какихъ животныхъ являются¹⁾? Существуетъ ли между шаманами іерархическое различіе и какое? Находится ли оно въ связи съ силою духовъ-покровителей?

§ 115. Шаманскія дѣйствія. Въ какое время—днемъ или ночью—производятъ свои дѣйствія бѣлые и черные шаманы? При какой обстановкѣ? Происходитъ ли камланье черныхъ шамановъ ночью подъ открытымъ небомъ и въ какихъ случаяхъ?

1) У бурятскихъ шамановъ такими посыльными служатъ: орелъ, коршунъ, лягушка и друг.

Разводится ли при этомъ огонь? При камланьи въ юртѣ горитъ ли огонь камина или тушится? Въ какихъ случаяхъ горитъ и въ какихъ тушится? Въ чемъ состоятъ приготовления къ камланью? Сколько шестовъ втыкается передъ юртой, на какой стороне, изъ какого дерева, что на нихъ укрѣпляется, въ какую сторону обращены укрѣпленные предметы и для какой надобности выставлены? Одинаково ли это дѣлается во всѣхъ случаяхъ или нѣтъ? Если не одинаково, то описать различные способы въ зависимости отъ различныхъ случаевъ. Ставится ли тутъ же столъ? Его форма и назначеніе? Что ставится на столъ? Какимъ духамъ и какія жертвы приносятся? Что дѣлается съ мясомъ, внутренностями, кровью, головою и шкурою жертвенныхъ животныхъ? Какой масти скотъ приносится въ жертву различнымъ духамъ? Что такое «куочай»? Его значеніе и назначеніе? Въ какую сторону обращается вершина «куочай» и въ какую голова жертвеннаго животного, когда шкура съ головой вѣшается на дерево? Приступая къ камланью, обращается ли шаманъ къ «абасы» верхняго, средняго и нижняго міровъ, къ «айи», живущимъ на востокѣ, къ какимъ именно, къ «иччи» и къ какимъ именно, къ «ѣюр-ямъ»? съ какою цѣлью и въ какомъ порядкѣ обращается? Обращается ли онъ къ «иччи» юрты, въ которой камлаетъ, и къ «иччи» мѣста, гдѣ стоитъ юрта, ко всѣмъ ли и съ какою цѣлью? Каждый ли шаманъ передъ отправленіемъ въ поиски за «кут» гадаетъ при помощи «булѣяхъ» или ложки и съ какою цѣлью? Кричитъ ли шаманъ и когда именно голосомъ гагары, стерха, коршуна, ворона и еще какихъ-либо животныхъ, какихъ и съ какою цѣлью? Кричитъ ли голосомъ одного изъ нихъ или голосами всѣхъ? Призываетъ ли этимъ ихъ и для чего, или это указываетъ на ихъ присутствіе около шамана? Пользуется ли онъ ихъ услугами, какъ и въ какихъ случаяхъ? Подражаетъ ли шаманъ голосу покровительствующихъ ему животныхъ и какихъ? Кого онъ затѣмъ призываетъ? Говоритъ ли шаманъ въ началѣ камланья: «корень всѣхъ золь и несчастій»? Во всѣхъ ли случаяхъ, или только прибывъ въ нижній міръ, и къ кому это относится?

§ 116. Отъ кого и какъ узнаетъ шаманъ причину болѣзни? Отъ кого и какъ узнаетъ о мѣстопробываніи похищенной души? Отправляется ли съ этими цѣлями къ духамъ самъ, призываетъ ли ихъ къ себѣ для разспросовъ, или отправляетъ къ нимъ для разспросовъ какого-либо духа, находящагося у него въ распоряженіи, и какого? Шаманъ, отправляясь къ духамъ, обращается ли во что-либо, и во что? Въ какомъ видѣ остается тѣло шамана на мѣстѣ: во снѣ ли, въ обморокѣ или еще въ какомъ-либо состояніи? Отправляется ли его «сѣр», «кут», «кут-сѣр», или одинъ изъ элементовъ «кут» и какой? Въ какихъ случаяхъ и къ какимъ духамъ отправляется шаманъ и гдѣ они живутъ: наверху, внизу, въ среднемъ мѣстѣ, на сѣверѣ, югѣ, востокѣ, западѣ? Какъ онъ отправляется: верхомъ на лошади, на гагарѣ, на какой-либо иной

птицъ или звѣрь? Каковъ его путь, останавливается ли онъ на пути, что представляютъ мѣста остановокъ и кто тамъ живетъ? Всегда ли шаманъ отправляется къ духамъ и возвращается отъ нихъ черезъ «оибон тѣмѣй», или только когда отправляется въ нижній мѣръ? Не въ этомъ ли случаѣ онъ пользуется гагарой и какъ? Отправляется ли онъ когда и для какой надобности къ духу, имѣющему видъ рыбы или змѣи и живущему на днѣ моря? При своемъ отправленіи призываетъ ли онъ духа какого-либо предка или шамана? Очутившись у нижнихъ духовъ, говоритъ ли онъ: «я пришелъ за-щитить, *имѣя въ рукахъ бичемъ небесную молнію*, возвратите мнѣ душу» и т. д.? Говоритъ ли то же и у духовъ, живущихъ въ другихъ мѣстахъ? Отправляется ли черный шаманъ, въ какихъ случаяхъ и съ какими цѣлями къ какому-либо «айѣ» и къ какому? Отправляется ли бѣлый шаманъ къ какому-либо «айѣ» и «абасы», какимъ способомъ, съ какою цѣлью и къ какому? Кто такіе и какую роль играютъ «каїлани», которыхъ шаманъ изображаетъ при камланьи?

§ 117. Какіе способы лѣченія употребляются шаманами и въ чемъ они состоятъ: въ возвращеніи похищенной души—съ одной стороны и въ изгнаніи духовъ изъ тѣла больного—съ другой? Употребляются ли эти способы одновременно, или въ различныхъ случаяхъ то одинъ, то другой и въ какихъ? Какъ отыскивается и какими мѣрами добывается украденная душа, доставляется къ больному и вселяется въ него? Показываетъ ли онъ ее при этомъ присутствующимъ? Не обманываютъ ли его духи и не даютъ ли ему вмѣсто души что-либо другое и что? Записать извѣстные случаи. Вселяетъ ли шаманъ въ себя духа или духовъ, сидящихъ въ больномъ и побѣждающихъ его, съ какою цѣлью и какъ онъ это производитъ? Переселяетъ ли ихъ потомъ изъ себя въ жертву, въ какую и для чего, или инымъ способомъ отправляетъ ихъ куда-либо и куда? Какъ лѣчатся шаманомъ душевно-больные? Обратитъ вниманіе, имѣетъ ли въ этомъ случаѣ шаманъ дѣло съ «кут» или «сѣр»? Не приказываетъ ли шаманъ, при лѣченіи больного, сдѣлать изображеніе духа и какого изъ гнилого дерева (у тунгусовъ) и для какой надобности? изъ какого дерева? Не на основаніи ли спеціальнаго свидѣнія шамана дѣлается это изображеніе? По удаленіи духовъ изъ тѣла больного, удаляетъ ли шаманъ какихъ-либо духовъ, находящихся во время болѣзни въ юртѣ, какіе это духи и съ какою цѣлью находятся они тутъ? Какимъ способомъ онъ ихъ удаляетъ?

§ 118. Обращаются ли къ шаманамъ, когда мрутъ дѣти и скотъ или когда женщины и скотъ безплодны? Къ чернымъ или къ бѣлымъ? Что дѣлаютъ для устранения этихъ бѣдъ? Если на какое-либо хозяйство обрушивается рядъ разнообразныхъ бѣдъ, то обращаются ли къ шаманамъ и къ какому для ихъ устраненія? Существуютъ ли какіе-либо обряды и заклинанія для удаленія бѣдствій и производящихъ ихъ духовъ огуломъ, или существуютъ и какіе только на каждый данный случай?

§ 119. Каково значеніе шаманокъ въ настоящемъ и въ прошедшемъ? Не обращались ли раньше и не обращаются ли теперь въ некоторыхъ случаяхъ и въ какихъ предпочтительно къ шаманкамъ? Не лѣчатъ ли онѣ удачнѣе психическія болѣзни? Каждый ли мужчина и каждая ли женщина могутъ, въ случаѣ надобности, шаманить, или должны обладать какими-либо особенностями и какими? Пользуются ли уваженіемъ шаманы и шаманки, или ихъ только боятся и почему? Имѣетъ ли значеніе мнѣніе шамановъ по вопросамъ частной и общественной жизни? Считаются ли они болѣе умными, разсудительными и справедливыми? Не обращаются ли къ нимъ за совѣтами въ житейскихъ дѣлахъ? Не выбираютъ ли ихъ третейскими судьями? Или они живутъ уединенно, внѣ общественной и частной жизни своихъ сородичей? Пасколько и какія требованія шамановъ исполняются безпрекословно, или во всѣхъ случаяхъ съ ними торгуются? Обманываютъ ли ихъ въ какихъ-либо случаяхъ, обкрадываютъ ли, бьютъ ли ихъ, и наказываетъ ли шаманъ этихъ лицъ и какими способами?

§ 120. Ворожатъ ли шаманы, какіе, въ какихъ случаяхъ и какъ? Ворожатъ ли только во время камланья или и во всякое другое время? Ворожатъ ли въ началѣ и въ концѣ камланья и съ какою цѣлью? Ворожатъ ли не-шаманы, въ какихъ случаяхъ и какъ? Въ чемъ состоятъ фокусы («хомусун»), которые они показываютъ, и съ какою цѣлью производятся? Существуютъ ли спеціальныя ворожцы и ворожеи и какъ называются? Имѣетъ ли знахарь («отосут») какое-либо отношеніе къ шаманамъ? Какъ становятся знахарями, въ чемъ состоитъ ихъ дѣятельность, имѣютъ ли они дѣло съ духами и съ какими и имѣютъ ли духовъ-покровителей и какихъ? Имѣются ли колдуны—«антѣх кісі»? (отвѣтитъ на предыдущіе вопросы по отношенію къ нимъ). Существуютъ ли гаданія, какъ, по какимъ случаямъ и кѣмъ производятся? Имѣются ли спеціальныя гадальщики и какъ называются? (отвѣтитъ на предыдущіе вопросы). Имѣются ли ясновидящіе и какъ называются, имѣются ли спеціалисты, выдающіе вѣщіе сны—«тѣсѣр тѣлѣх»? (отвѣтитъ на предыдущіе вопросы). Въ чемъ состоитъ сходство и различіе между шаманами и остальными только-что перечисленными лицами? Не суть ли это только различныя степени шамановъ? Впадаютъ ли они въ экстатическое состояніе во время своихъ манипуляцій? Отличаются ли какими-либо психическими особенностями? Могутъ ли всѣ эти лица причинить вредъ человѣку, обладая его вещью или волосами и какъ? Въ числѣ причинъ болѣзней (какихъ) и смерти есть ли колдовство?

§ 121. Нѣтъ ли спеціально шаманскихъ болѣзней, какъ называются, въ чемъ состоятъ, каково ихъ происхожденіе и какъ лѣчатся? Что происходитъ съ шаманомъ, если онъ воздерживается отъ камланья временно или навсегда? Могутъ ли шаманы насылать другъ на друга болѣзни (какія) и смерть и какими способами? Записать

сказанія о борьбѣ шамановъ при посредствѣ ихъ «йй кыла». Лѣчатся ли шаманы отъ обычныхъ болѣзней и какъ? Камлаютъ ли шаманы другъ надъ другомъ и въ какихъ случаяхъ? Можетъ ли шаманъ самъ надъ собою камлатъ съ цѣлью лѣченія и въ какихъ случаяхъ, съ другими цѣлями, съ какими?

§ 122. Совершаются ли какіе-либо обряды, какіе и кѣмъ надъ умершимъ шаманомъ? Совершается ли омовеніе трупа, произносятся ли молитвы или заклинанія и къ кому обращены, приносятся ли жертвы, какія, когда, гдѣ и кому? Во что одѣваютъ покойника и что кладутъ съ нимъ въ могилу? Одѣваютъ ли въ шаманскій костюмъ, кладутъ ли бубенъ и колотушку въ могилу? Кладутъ ли въ могилу или въ гробъ шамана изображенія сокола, кукушки и еще какія-либо, какія и съ какою цѣлью? Не кладутся ли шаманскія принадлежности въ особые срубы или не вѣшаются ли на деревья? Какіе обряды совершаются при положеніи трупа въ гробъ, при выносѣ его и при опусканіи въ могилу? Гдѣ и какъ хоронились раньше шаманы: клались ли на подставки («арацас»), на деревья, вѣшались ли на послѣднихъ, зарывались ли въ землю? Подвергались ли, согласно обычаю, престарѣлые шаманы убіенію, и кто его совершалъ? Такъ называемыя шаманскія деревья, на которыхъ и теперь видны остатки конскихъ шкуръ и головъ, не стоятъ ли надъ могилами шамановъ? Куда отправляются «кутъ» и «суръ» шамана послѣ его смерти? Можетъ ли обратиться шаманъ въ «ѳюр», или обращается въ другое существо и въ какое?

§ 123. Шаманскій костюмъ. Имѣютъ ли шаманы и шаманки, бѣлые и черные, специальные костюмы и какъ послѣдніе называются? Одинаковы ли у шаманокъ, у черныхъ и бѣлыхъ шамановъ ихъ костюмы или различны, въ чемъ различаются? Подробное описаніе костюмовъ. Имѣетъ ли какое-либо значеніе цвѣтъ костюма (у бурятъ бѣлые шаманы носятъ бѣлые костюмы, а черные — синіе)? если нѣтъ, то не имѣется ли что-нибудь иное, различающее по цвѣту бѣлыхъ и черныхъ шамановъ? Имѣются ли передники, шапки и маски, какъ называются? Описаніе ихъ. Имѣетъ ли шапка металлическаго изображенія и кисточки и что они означаютъ? Имѣются ли на передникѣ два изображенія груди (Щукинъ, *op. cit.*, стр. 201)? Изъ чего сшиты костюмъ и каждая его часть? Кѣмъ шьются и не совершается ли передъ началомъ работы, во время ея или по окончаніи какихъ-либо обрядовъ и жертвоприношеній? Описаніе ихъ. Не освящается ли костюмъ, кѣмъ и какъ? Допускаются ли на немъ произвольныя украшенія? Какія украшенія обязательны? Что означаютъ ремешки въ видѣ бахромы на полохѣ, рукавахъ и другихъ мѣстахъ? Не означаютъ ли они на рукавахъ крыльевъ коршуна? И какой смыслъ это имѣетъ? Какъ называется бахрома? Не называется ли бахрома на подолѣ «быгырыс», на рукавахъ — «äliä»? Что еще значатъ эти слова? Какъ называются трубчатые желѣзные привѣски и что означаютъ? Не представляютъ ли змѣй? Дать тщательное описаніе, названіе, объясненіе каждому украшенію и

каждой металлической фигурѣ, указать матеріалъ, изъ котораго сдѣланы, форму, мѣсто и способъ прикрѣпленія, изучая ихъ на возможно большемъ количествѣ костюмовъ и описывая каждый костюмъ въ отдѣльности¹⁾. Какъ общее названіе всѣхъ металлическихъ фигуръ? Прикрѣпляются ли къ обуви шамана медвѣжьи когти и что это означаетъ? Надѣвается ли онъ голову медвѣдя или шкуру съ нея вмѣсто шапки? Играетъ ли какую-либо роль у шамановъ медвѣжья шапка и какую? Указать, что въ костюмѣ обязательно для каждого шамана и что можетъ быть только у опредѣленнаго шамана? Какъ называется, что изображаетъ и означаетъ, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ дается шаманскій знакъ при посвященіи? когда, кѣмъ, почему и какимъ образомъ отнимается этотъ знакъ у шамана?

§ 124. Бубенъ. Какіе музыкальные инструменты употребляются шаманами и шаманками, бѣлыми и черными? Одинъ ли инструментъ или ихъ два, какъ называются, каково ихъ устройство и какъ употребляются?²⁾ Дать подробное описаніе. Какъ различаются крестовины бубна («быарык») и какое отношеніе имѣетъ это различіе къ значенію шамана, его происхожденію? Въ какихъ случаяхъ шкура, которая натянута на бубнѣ, бываетъ съ шерстью и въ какихъ безъ шерсти? Имѣются ли у бубна украшения и какія? Имѣются ли на обечайкѣ какія-либо шишечки, какъ называются, сколько ихъ, изъ чего сдѣланы и что означаютъ? Имѣетъ ли крестовина изображеніе, какое и что оно означаетъ? Прикрѣплена ли она неподвижно къ обечайкѣ, или соединена съ нею свободно и чѣмъ? Форма колотушки. Изъ какого матеріала сдѣлана, какъ употребляется, покрыта ли шерстью и какого звѣра? Какъ называются крестовина и колотушка и что означаютъ? Какую роль играютъ бубенъ и струнный

1) Въ литературѣ можно указать на двѣ работы, болѣе или менѣе отвѣчающія даннымъ требованіямъ: 1) Э. К. Пекарскій и В. Н. Васильевъ: Платье и бубенъ якутскаго шамана (Матеріалы по этнографіи Россіи, т. I, С.-Пб., 1910, стр. 93—116, и отд. отт.) и 2) В. Н. Васильевъ: Шаманскій костюмъ и бубенъ у якутовъ (Сборникъ Музея по антропологии и этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. VIII. 1910). *Ред.*

2) По словамъ Маака (Вилуйскій округъ, ч. III, стр. 118), всѣ якуты увѣрили его, что у шамановъ, кромѣ инструмента, называвшагося тунгнюръ (читай: «тунгюръ»), по которому они били колотушкою (былаяхъ) и при посредствѣ котораго спускались въ подземное царство, былъ еще другой — дюгнюръ (читай: «дунгюръ»), въ который «шаманъ» (по сказкамъ) билъ металлическою лопаткою, перебирая въ то же время пальцами натянутыя на немъ струны. У кумандинцевъ «хомусъ» (якутскій музыкальный инструментъ) называется «кобыс-тунгюръ»; у балаганскихъ бурятъ «хуръ» (тоже же «хомусъ») замѣняется струннымъ инструментомъ въ родѣ скрипки или балалайки и называется «хур-омъ» же; у Иркутскихъ бурятъ «хуръ» («хомусъ») употребляется только шаманами; у урянхайцевъ этотъ инструментъ называется «хомусъ»; у урянхайцевъ бубенъ называется «тунгюръ», а по Потаниной (Изъ путешествій по В. Сибири, Монголіи, Тибету и Китаю, М., 1895, стр. 55) — «донгюръ»; у минусин. татаръ «тюръ»; у монголовъ *ᠲᠦᠨᠭᠦᠷ* (Ковалевскій, III, 1904); у алтайцевъ «тунгюръ».

инструментъ, если таковой имѣется? Всѣ ли шаманы и шаманки должны употреблять бубенъ и во всѣхъ ли случаяхъ? Не можетъ ли бубенъ быть замѣненъ «хомус-омъ» и въ какихъ случаяхъ? Какими обрядами сопровождается приготовленіе шаманскихъ инструментовъ и кто ихъ производитъ?

§ 125. Кузнецы. Дѣлается ли кузнецы на черныхъ и бѣлыхъ и какъ называются тѣ и другіе? Не было ли въ старину дѣленія кузнецовъ на такихъ, которые могли обрабатывать желѣзо, и такихъ, которые могли обрабатывать только серебро и мѣдь? Не соединялись ли прежде добываніе желѣза и обработка его въ лицѣ одного кузнеца? Не сохранилось ли преданій, что въ старину кузнецами были индоевропейцы? Кто далъ людямъ тѣхъ и другихъ кузнецовъ? Были ли небесные кузнецы, какъ назывались, принадлежали ли къ «аіы» или къ «абасы»? Кто считается «ѹс тѹрдѹ» и что это значитъ? Какъ имя перваго кузнеца и кто онъ былъ? Нѣтъ ли двухъ первыхъ кузнецовъ, какъ ихъ имена и кто они были? Если есть, то не будетъ ли одинъ черный, а другой бѣлый, — нельзя ли объ этомъ заключить по ихъ именамъ и происхожденію? Нѣтъ ли сказанія о томъ, какъ кузнецы научились сваривать желѣзо? Записать. Не находятся ли происхожденіе кузнецовъ и ихъ знанія въ записимости отъ рыбы или змѣи, живущихъ на днѣ моря, или не состоитъ ли эта рыба ѣдовымъ животнымъ духа, давшего кузнецовъ или научившаго ихъ сваривать, и какъ называются рыба и духъ? Нѣтъ ли въ сказкахъ указаній на родство кузнецовъ съ «аіы» и «абасы», съ богатырями и съ какими?

§ 126. Имѣютъ ли кузнецы какое-либо отношеніе къ духамъ, къ какимъ и какое? Имѣютъ ли кузнецы духовъ-покровителей, какъ послѣдніе называются, не предки ли кузнецовъ и кто они? Не называются ли кузнецы и за что какими-либо специальными болѣзнями и кѣмъ? употребляютъ ли при этомъ умиловительныя жертвы и при какихъ обрядахъ? Можетъ ли каждый желающій стать кузнецомъ, или нужно происходить отъ кузнецовъ, или имѣть какія-либо отличительныя свойства и какія, или должны быть предсказанія, предзнаменованія и какія? Записать сказанія о томъ, какъ тотъ или иной субъектъ сталъ кузнецомъ. Какъ и на какихъ условіяхъ происходитъ поступленіе въ обученіе къ кузнецу? Если ученикъ, окончивъ ученіе, пожелаетъ стать самостоятельнымъ кузнецомъ, то откуда беретъ инструменты: самъ ли приготовляетъ, или приготовляетъ ихъ кузнецъ-учитель? Осващаются ли новые инструменты, кѣмъ, какъ и при какихъ обрядахъ? Происходятъ ли какіе-либо обряды и жертвоприношенія передъ поступленіемъ въ обученіе, по окончаніи его и передъ началомъ самостоятельной работы кузнеца? Нѣтъ ли указаній на человѣческія жертвоприношенія? Кому, когда и какую жертву приносятъ кузнецы вообще? Не имѣютъ ли кузнецы специальной одежды и какъ называется? Не имѣютъ ли особаго знака, какъ онъ называется, что означаетъ и кѣмъ дается?

§ 127. Лѣчатъ ли кузнецы, отъ какихъ болѣзней и какъ? Могутъ ли они призывать духовъ, какихъ и какъ? Можно ли призывать духовъ въ кузницѣ и тамъ, гдѣ находятся кузнечные инструменты, и какихъ? Какіе духи не являются ни въ кузницу, ни въ то мѣсто, гдѣ находятся кузнечные инструменты? Какъ вообще относятся къ кузнецамъ? Признаютъ ли за ними какую-либо силу, которой обыкновенный человѣкъ не имѣетъ?

§ 128. Кузнечные инструменты. Имѣютъ ли кузнечные инструменты «ічі», какъ ихъ общее и частныя названія? Нѣтъ ли общаго духа всѣхъ инструментовъ и какъ называется? Являются ли «ічі» покровителями кузнеца, его работы или самыхъ инструментовъ, или они, будучи хозяевами послѣднихъ, распоряжаются успешно ихъ работы? Гдѣ эти духи пребываютъ? Не имѣется ли изображеній этихъ духовъ (у бурятскихъ кузнецовъ имѣются), какъ называются, кто ихъ дѣлаетъ, при какихъ обрядахъ и гдѣ они хранятся? Могутъ ли быть показываемы постороннимъ лицамъ? Почитаются ли духи инструментовъ и ихъ изображенія только кузнецами или и всѣми остальными и въ чемъ выражается почитаніе? Приносятъ ли имъ жертвы, кто, какія и въ какихъ случаяхъ? Нѣтъ ли специальныхъ кузнечныхъ праздниковъ, когда бываютъ и въ чемъ состоятъ? Нѣтъ ли положительнаго воспрещенія приносить въ жертву кузнечнымъ инструментамъ рыбу и почему? Приносятъ ли имъ жертву посторонніе лица и въ какихъ случаяхъ? Не имѣютъ ли кузнечные инструменты лѣчебныхъ или волшебныхъ свойствъ? Не имѣетъ ли огонь горна какихъ-либо особыхъ свойствъ, особаго названія и что оно означаетъ? Кто далъ кузнецамъ этотъ огонь? Какъ онъ разводится и нѣтъ ли особыхъ приѣмовъ? Имѣетъ ли этотъ огонь обычнаго «ічі», или это иной и какой? очагъ (горнъ) имѣетъ ли обычнаго «ічі» или иного и какого? Есть ли у кузнецовъ духи-покровители, имѣющие видъ животныхъ, какъ называются и въ чемъ выражается ихъ покровительство?

§ 129. Имѣютъ ли кузнечные инструменты общее названіе и какое, какъ названіе cadaго инструмента и его частей, какъ названіе горна? Описать обряды перенесенія инструментовъ въ случаяхъ обычныхъ перекочевокъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда кузнецъ работаетъ у кого-либо на дому.

§ 130. Отношенія кузнецовъ и шамановъ. Каковы отношенія между кузнецами и шаманами? Бываютъ ли изъ семей кузнецовъ шаманы и наоборотъ? Не были ли первые кузнецы шаманами, или первые шаманы кузнецами? Не были ли эти функціи соединены вмѣстѣ и почему произошло ихъ раздѣленіе? Нѣтъ ли сказаній о борьбѣ между кузнецами и шаманами? Записать, обращая вниманіе на то, идетъ ли дѣло о черныхъ шаманахъ и кузнецахъ, или о бѣлыхъ. Каждый ли кузнецъ можетъ выковать металлическія принадлеж-

ности шаманскаго костюма и бубна? Может ли бѣлому шаману выковать черный кузнецъ и наоборотъ? Совершаются ли при этомъ обряды и жертвоприношенія, кому, кѣмъ и какія?

В. Ф. Трошанскій.

Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ текстѣ программы, редакция находитъ небезполезнымъ привести нижеслѣдующій перечень литературы о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ:

1. Б., А. Иссыхъ. Сибирскіе нравы. Сѣв. Пчела. 1881, № 115. Описаніе якутскаго праздника.
2. Виташевскій, Н. А. Матеріалы для изученія шаманства у якутовъ. Зап. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. по этн. 1890 г., Ирк., т. 2, вып. 2, стр. 36—48.
3. Гороховъ, Н. С. Слѣды шаманства у якутовъ. Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири. Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1882. Т. XIII, № 3, стр. 36—39.
4. Кочневъ, Д. А. Очерки юридич. быта якутовъ. Казань. 1899. Стр. 176.
5. Михайловскій, В. М. Шаманство. (Сравнительно-этнографич. очерки). Изв. Им. Общ. Люб. естеств., антроп. и этнографіи. М. 1892. IV + 115 стр.
6. Павловскій, А. Нѣсколько словъ о демонологіи якутовъ. Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1870, т. I, № 2—3, стр. 69—72.
7. (Поповъ, Лаврентій, свящ.). Свѣдѣнія о языческихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ прежнихъ якутовъ. Якут. Епарх. Вѣд. 1893, №№ 22 и 23.
8. Приклонскій, В. О шаманствѣ у якутовъ. Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. Т. XVII, №№ 1 и 2. 1886 г., стр. 84—118.
9. Припузовъ, Н. Шаманство у якутовъ Якут. окр. Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1884. Т. XV, №№ 3—4, стр. 59—66. — Мелкія замѣтки о якутахъ. Зап. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. по этнографіи. Т. 2, в. 2, стр. 48—51.
10. Слѣпцовъ, А. О вѣрованіяхъ якутовъ Якутской обл. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1886. Т. XVII, №№ 1—2, стр. 119—136. Сообщено А. И. Поповымъ.
11. Соловьевъ, Ѳ. Остатки язычества у якутовъ. Сборникъ газ. «Сибирь». Ирк. 1877, стр. 409—419.
12. Стефановичъ, Я. В. На шаманствѣ. Землевѣдѣніе 1897, кн. I—II, стр. 29—48.
13. Фрошевскій, В. Какъ и во что вѣруютъ якуты. (Этнографич. набросокъ). Сиб. Сборникъ къ «Вост. Обозр.» 1890, вып. 2. — Вошелъ въ составъ его книги: «Якуты». С.-Пб. 1896, стр. 614—675.
14. Цѣ—нѣ, Н. Якутскій праздникъ Иссыхъ. Сѣв. Пчела 1882, № 132.
15. Ястремскій, С. В. Остатки старинныхъ вѣрованій у якутовъ. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. Т. XXVIII, № 4, 1897 г. Отд. отт.

Программа для собиранія народныхъ музыкальных инструментовъ.

Народные музыкальные инструменты, какъ и народная музыка, до настоящаго времени изучены весьма мало. Къ сожалѣнію очень часто въ русскихъ и заграничныхъ музеяхъ о находящихся въ нихъ музыкальных инструментахъ не имѣется никакихъ или очень мало свѣдѣній о названіи, строѣ, происхожденіи и матеріалѣ инструментовъ. Такимъ образомъ, этотъ важный научный этнографическій матеріалъ теряетъ половину своей цѣнности и, представляя лишь внѣшнюю форму безъ души, не поддается нашему изученію. Поэтому, собирая для музеевъ народные музыкальные инструменты, необходимо записывать и представлять въ музеи слѣдующія о нихъ свѣдѣнія:

I. *Названіе музыкальных инструментовъ и его частей на туземномъ языкѣ.* Если существуетъ туземная письменность, то слѣдуетъ написать названіе инструмента на туземномъ языкѣ, переписавъ это названіе русскими буквами, поставивъ удареніе. Слѣдуетъ узнать, не обозначаетъ ли это слово что нибудь еще, кромѣ музыкальнаго инструмента. Если одного и того же вида инструментъ встрѣчается въ мѣстностяхъ, далеко отстоящихъ одна отъ другой, то необходимо спросить и записать названіе указаннымъ способомъ въ разныхъ мѣстностяхъ, такъ какъ иногда одинъ и тотъ же инструментъ имѣетъ нѣсколько различныхъ названій, въ зависимости отъ мѣста (мѣстныхъ названій).

II. Спросить и записать, *изъ какого матеріала сдѣланъ инструментъ:* какое дерево (иногда разныя части инструмента, напр. верхъ, бочки, шейка, нижняя часть и т. д. дѣлаются изъ различнаго дерева), какого животнаго кожа, волосъ, пузырь на инструментъ, изъ чего струны. Необходимо иногда узнать, почему инструментъ дѣлается изъ того или иного матеріала, такъ какъ нѣкоторые инструменты (особенно имѣющіе религіозное значеніе) дѣлаются изъ извѣстнаго дерева (посвященнаго боже-ству), кожи или пузыря, волоса животнаго священнаго или посвященнаго божеству.

III. *Строй инструмента.*

Необходимо записать строй инструмента: 1) *Если инструментъ струнный*, то слѣдуетъ при помощи камертона записать рядъ звуковъ, издаваемыхъ открытыми струнами (безъ нажатія пальцами), при ихъ сотрясеніи (смычкомъ, пальцами или плектромъ). Необходимо строй проверить нѣсколько разъ на одномъ и томъ же ин-

струментъ у разныхъ лицъ. Если имѣется фонографъ, то слѣдуетъ записать звуко-
рядъ фонографомъ, начиная съ нижняго до самаго верхняго звука, которые можетъ
дать инструментъ.

2) *Духовые инструменты* также слѣдуетъ изучить въ этомъ направленіи. Необходимо записать рядъ звуковъ, издаваемыхъ инструментомъ. Узнать не издастъ ли инструментъ двѣ октавы, при помощи однихъ и тѣхъ же отверстій, но при болѣе усиленномъ вдуваніи въ него.

3) *Ударные инструменты* (барабаны, бубны, литавры и пр.) также могутъ имѣть строй, при помощи натягиванія веревокъ или высушиванія надъ огнемъ кожи или пузыря. Слѣдуетъ записать строй, т. е. какой звукъ издастъ барабанъ, приготовленный для игры.

IV. Необходимо узнать о каждомъ инструментѣ *его назначеніе*: а) бываютъ инструменты исключительно для аккомпанированія пѣнію (иногда мужскому, иногда женскому), б) для игры соло, только на одномъ этомъ инструментѣ, в) для игры въ оркестрѣ или въ сочетаніи съ другими инструментами; въ последнемъ случаѣ нужно узнать, въ сочетаніи съ какими инструментами онъ употребляется и какъ называется такой оркестръ.

V. Слѣдуетъ узнать, *приготовленъ ли инструментъ самимъ играющимъ или онъ купленъ*. Существуютъ ли особые мастера, занимающиеся исключительно изготовленіемъ инструментовъ; въ последнемъ случаѣ, почему инструменты продаются (вышая и низшая цѣна инструмента).

VI. *Старъ ли встаринный или пріобрѣтенный инструментъ?* Сколько лѣтъ онъ уже въ употребленіи, знаетъ ли владѣлецъ инструмента болѣе старые экземпляры, какіе и гдѣ? Если возможно, слѣдуетъ пріобрѣсти самый старый и новый. Если между ними существуетъ разница, то узнать, почему перемѣнили въ новомъ инструментѣ ту или иную часть?

VII. Существуетъ ли какое либо *названіе издаваемого инструментомъ звука* (названіе звуковъ) и не обозначаются ли они на бумагѣ или деревѣ, т. е. существуютъ ли ноты? Если ноты существуютъ, то необходимо собрать и ноты для пріобрѣтаемаго музыкальнаго инструмента.

VIII. Узнать, *считается ли инструментъ своимъ національнымъ* или же онъ откуда либо заимствованъ; если заимствованъ, то отъ кого и приблизительно когда.

IX. *Сфотографировать инструментъ въ рукахъ артиста во время игры на немъ*, чтобы имѣть представленіе, какъ должно держать инструментъ во время игры на немъ. Если нѣтъ фотографическаго аппарата, слѣдуетъ точно записать процессъ игры.

Н. Воробьевъ.

Федоръ Михайловичъ Плюшкинъ.

24 апрѣля въ г. Псковѣ скончался извѣстный коллекціонеръ Ф. М. Плюшкинъ. Торговецъ по своей профессіи, онъ уже издавна, приблизительно съ 60-хъ годовъ занялся покупкой для храненія у себя разнаго рода предметовъ, относящихся къ археологій, исторіи, этнографіи и, въ результатѣ, получилось обширное собраніе предметовъ, извѣстное среди коллекціонеровъ и специалистовъ музейнаго дѣла подъ названіемъ «Плюшкинскаго Музея». Автору этой замѣтки два раза пришлось осматривать этотъ «Музей» подъ руководствомъ самого собирателя, въ октябрѣ и ноябрѣ 1907 года. «Музей» Ф. М. Плюшкина помѣщался въ его довольно обширной, жилой квартирѣ, во второмъ этажѣ деревяннаго дома, причѣмъ вся эта, необычнаго вида, квартира, вся сплошь, отъ потолка до до полу, отъ жилыхъ комнатъ и до переднихъ, корридоровъ и лѣстницъ была наполнена самыми разнообразными предметами.

Музей — въ настоящемъ смыслѣ этого слова — собранія Ф. М. Плюшкина названы быть не могутъ. Прежде всего тамъ отсутствуетъ какая бы то ни было система въ расположеніи матеріала, хотя бы по самому случайному и элементарному признаку или принципу. И кромѣ того — нѣтъ абсолютно никакого инвентаря или даже простой записной книжки съ указаніемъ на то, что тотъ или иной предметъ изъ себя представляетъ или откуда онъ происходитъ. Все это хранилось лишь въ памяти покойнаго Ф. М. Плюшкина.

Указанныя обстоятельства дѣлаютъ чрезвычайно затруднительной задачу — дать характеристику того, что представляютъ по своему содержанію коллекціи Ф. М. Плюшкина. Эти коллекціи заключаютъ въ себѣ слѣдующія категоріи предметовъ: а) Христіанскія древности: иконы, кресты, церковная утварь и принадлежности богослуженія. б) Большая нумизматическая коллекція, состоящая изъ древнихъ и новыхъ монетъ; въ этой коллекціи имѣются чрезвычайно древніе и рѣдкіе экземпляры монетъ. в) Значительное количество миниатюръ и немного картинъ. г) Большое собраніе гравюръ. е) Коллекція предметовъ изъ фарфора и стекла (очень разнаго достоинства). ф) Коллекція историческихъ предметовъ: рукописей, автографовъ, грамотъ. Между прочимъ — значительная коллекція масонскихъ предметовъ. г) Значительное количество книгъ, старыхъ и новыхъ (собраніе безъ всякой системы, а потому никакъ не можетъ быть названо бібліотекой). h) Значительное количество этнографическихъ

предметов: старинных тканей, русских вышивок, головных уборов и одежды, астонских серебряных ожерелий, нагрудных украшений, фибул и т. п. i) Наконец — трудно определяемое количество разнообразнейших вещей, не входящих ни в одну из перечисленных рубрик, как напр.: буддийские статуэтки, японские вазы, нефритовые изделия, персидское седло, разного рода и вида часы, табакерки, перчатки, кольца, брошки и т. д.

Из этой краткой характеристики собраний О. М. Плюшкина очевидно, что в них заключаются предметы, которыми могли бы заинтересоваться самые разнообразные ученые учреждения, причем ни одно из них не могло бы осуществить приобретения всей коллекции О. М. Плюшкина. Прежде всего потому, что ни одно из таких учреждений не обладает достаточными средствами, чтобы приобрести наряду с предметами, входящими в круг его интересов, целую массу вещей, не представляющих для него интереса, а кроме того и потому, что вся коллекция представляет несомненно высокую стоимость и уплата за нее едва ли будет по средствам любому из наших научных учреждений.

На вопрос об условиях, на которых он мог бы уступить свое собрание в какое-нибудь научное учреждение, О. М. Плюшкин отвечал всегда весьма уклончиво, не обозначая, хотя бы приблизительно, той суммы, в которую он оценивал свое собрание. Об одном лишь Федор Михайлович говорил вполне определенно, а именно — о своем желании, чтобы коллекции его не были проданы за границу, а также о своем полном несогласии продать свои коллекции по частям.

Было бы весьма желательно, чтобы во многих отношениях любопытные собрания О. М. Плюшкина, на составление которых покойным затрачено достаточное количество материальных средств, а также энергии и живого интереса к делу, не были, как это часто случается, распроданы чуть не поштучно и тем самым вовсе обезценены. Приобрести же эти коллекции могли бы лишь общими усилиями, по взаимному соглашению, разнообразные ученые учреждения и общества. Но для этого необходима предварительная и немалая работа по приведению в известность наличности и определения специалистами разнообразнейших предметов из коллекций О. М. Плюшкина. Многое зависит теперь от наследников покойного Федора Михайловича. Было бы очень обидно, если бы они не оценили заслуг покойного Федора Михайловича и отнеслись равнодушно к труду его жизни.

Оказавши с своей стороны возможное и желательное содействие и облегчение ученым учреждениям и обществам для приобретения собраний покойного О. М. Плюшкина, они оказали бы с одной стороны серьезную услугу науке и с другой — воздали бы должное памяти покойного собирателя.

Н. Могилянский.

27 апреля 1911 г.

Къ вопросу о нареченіи имени у турецкихъ племенъ.

(Посвящается памяти врача-востоковеда Н. И. Шеталова).

Въ выпускахъ 3—4 «Этнографическаго Обзорія» за 1910 г. В. А. Гордлевскій обнародовалъ обряды и повѣрья — числомъ 24 — касательно «Рожденія ребенка и его воспитанія» у османскихъ турковъ (стр. 167—170). Во мнѣ вызываетъ сомнѣніе конецъ пункта 11-го, о нареченіи имени: «Если у кого дѣти передъ тѣмъ умирали, то мальчика называютъ *«Турсунъ»* (Пусть онъ уцѣлѣетъ!), а дѣвочку — *«Іетеръ»* (Довольно ужъ умирать!). Или собиратель не дослышалъ сообщенія уроженца Аяша, Ангорскаго вилаета, или аяшскій турокъ ошибся. Основываясь на своихъ наблюденіяхъ среди ближайшихъ родичей османскихъ турковъ — закаспійскихъ туркменовъ, я полагаю, что выборъ между именами Турсунъ и Іетеръ обуславливается въ Аяшѣ не исключительно различіемъ пола ребенка, но — и прежде всего — совершенно разнымъ значеніемъ обоихъ словъ: «пусть остается (т. е. не умираетъ)» и «довольно (т. е. намъ больше не нужно)». Первое имя надлежитъ давать ребенку *безъ различія пола* въ томъ случаѣ, если въ данной семьѣ дѣти одинъ за другимъ умираютъ, и родители желаютъ охранить свое потомство отъ преждевременной гибели. Второе имя — исключительно *женское*, но его надлежитъ давать не съ цѣлю охраненія дѣвочки отъ ранней смерти, а для того, чтобы въ данной семьѣ *дѣвочекъ* больше не рождалось. Въ матеріалахъ В. А. Горд-

левскаго нѣтъ особаго пункта, посвященнаго вопросу, одинаково ли относятся османскіе турки къ рожденію мальчика и дѣвочки, но изъ пункта 12-го видно, что они радуются только рожденію мальчика, такъ какъ только въ этомъ случаѣ устраиваютъ угощеніе для сосѣдей. Въ Средней Азіи и, въ частности, у туркменовъ рожденіе сына считается счастьемъ и вызываетъ открытое ликование въ видѣ пира (тои), рожденіе же дѣвочки замалчивается, какъ непріятность; видя по сконфуженному лицу отца, что у него родилась дочь, сосѣди обыкновенно стараются деликатно утѣшить его и говорить: «не печалься, крѣпнись, Богъ дастъ, въ слѣдующій разъ родится сынъ». Чтобы въ будущемъ охранить себя отъ женскаго потомства, родители даютъ дочерямъ особые имена.

Для доказательства того, что въ Средней Азіи имя Турсунъ дается не только мужчинамъ, но и женщинамъ, ограничусь двумя примѣрами, находящимися у меня подъ руками. Въ богатыхъ личными туркменскими именами, но почти исключительно мужскими, «Матеріалахъ по водопользованию у туркменъ Закаспійской области»¹⁾ на стр. 187 тома I-го упоминается «Дурсунъ, дочь Мустафакулія»; находящаяся подъ Петро-Александровскомъ развалины «Гуль Дурсунъ» («Цвѣтокъ. Пусть останется») названы такъ, по разсказамъ туземцевъ (казакъ-киргизовъ, каракалпакъ, сартовъ), въ честь одной *дѣвицы*.

Кромѣ имени Дурсунъ (Турсунъ) и еще болѣе употребительнаго Дурды («остался»)²⁾, закаспійскіе туркмены пользуются, въ цѣляхъ охраненія потомства отъ преждевременной смерти, рядомъ другихъ именъ, и — среди нихъ — нѣкоторыми именами, которыя должны *отвести взоръ* похитителя дѣтей, нечистой силы — шайтана (собственно — ангела смерти Азраила) отъ ребенка; въ послѣднемъ случаѣ

выбираются имена самыя нелестныя, *неприличные*. Такъ, я знаю одного мервекаго текинца съ именемъ Ит-Алмазъ («собака не возьметъ»); родители назвали его такъ въ расчетъ, что если его даже «собака не возьметъ», то и шайтанъ имъ не соблазнится. Имя Ит-алмазъ извѣстно и среди ахальскихъ текинцевъ: оно мнѣ встрѣтилось на слѣдующихъ страницахъ вышеупомянутыхъ «Матеріаловъ» (ч. I): 27—ауль Геокъ-тепе I, 38—ауль Геокъ-тепе II, 56—ауль Геокъ-тепе III, 72—ауль Зоу, 86—ауль Изгандъ, 94—ауль Канджикъ, 105—ауль Кахшалъ, 137—ауль Каши, 179—ауль Эриккала, 225—ауль Ариманъ, 253—ауль Беурме.

Пользуясь случаемъ, я позволяю себѣ высказать пожеланіе, чтобы изслѣдователи разныхъ ~~турецких~~ племенъ обратили специальное вниманіе на личныя имена; слѣдовало бы составлять полные алфавитные списки личныхъ именъ, мужскихъ и женскихъ, по отдѣльнымъ племенамъ съ подробными указаніями, въ какихъ случаяхъ, въ какую историческую эпоху, кому и почему давалось или дается данное имя. Впослѣдствіи явилась-бы возможность произвести весьма интересное въ культурно-историческомъ отношеніи сравнительное изслѣдованіе личныхъ именъ всего турецкаго народа.

Начало пункта 11-го статьи В. А. Гордлевскаго, по поводу которой я составилъ настоящую бѣглую замѣтку, страдаетъ, къ сожалѣнію, неопредѣленностью: не указывается, *на какой день* послѣ рожденія дается ребенку имя; если «Обыкновенно (курсивъ вездѣ нашъ) выборъ имени зависитъ отъ *вкуса родителей*», то интересно было бы знать, отъ *чего* вкуса и отъ *вкуса* ли только зависитъ выборъ имени въ *необыкновенныхъ* случаяхъ и что значитъ: «обыкновенно». Въ городѣ Хивѣ, напримеръ, по сообщенію Батыр-бая¹⁾, ребенку даютъ имя черезъ *семь* дней послѣ рожденія; если родится *мальчикъ*, и отецъ его занимаетъ одинъ изъ 4-хъ высшихъ служебныхъ постовъ (wâzir), то имя даетъ самъ *ханъ*; сыну *муллы* имя дается *казіемъ*, *муфтіемъ* или *реисомъ*; сыну обыкновеннаго обывателя (пукара) имя дается *къмъ* — нибудь изъ родныхъ, или отцомъ и матерью, или — наконецъ — *старшиной квар-*

1) Собраны чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ Зак. обл. Я. Таировымъ, ч. I. Асхабадскій уѣздъ (Спб. 1904). Мою рецензію см. въ Жив. Стар. за 1908 г., вып. I. — Имена транскрибированы весьма неточно, поэтому для научныхъ цѣлей ими можетъ пользоваться только тотъ, кто хорошо знакомъ съ туркменскимъ нарѣчіемъ.

2) Форма прошедшаго категорическаго въ данномъ случаѣ употребляется, очевидно, въ значеніи будущаго съ оттенкомъ увѣренности, непреклонности или даже въ значеніи повелительнаго наклоненія. Подобное употребленіе данной формы (ср. русское «пошелъ! = ступай» и «я поѣхалъ = я непремѣнно поѣду») мнѣ встрѣчалось въ нарѣчіяхъ каз.-киргизскомъ, алтайскомъ, крымскомъ и у Абульгази. Ср. П. Меліоранскій, Краткая грамматика казакъ-кирг. языка, II, стр. 32, «Алтайская грамматика», стр. 235, Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ ак. Радлова, т. III, стр. 30, 3, т. VII стр. 163, 2—3 сверху, Histoire des Mogols et des Tatars par Aboul-Ghazi, изд. бар. Демезона, т. I, стр. 700, т. II, стр. 321.

1) См. о немъ Извѣстія Русскаго Комитета для изученія Ср. и Вост. Азіи, № 9, стр. 24 (мой отчетъ о поѣздкѣ въ Хиву).

тала (аксакал). При выборѣ имени руководятся *примѣтами* (ірім ätädi; см. словарь ак. Радлова II, 719: *рым*; слово извѣстно и туркменамъ). Въ Хивѣ существуетъ нѣкоторая разница между именами городскихъ жителей и сельскихъ (jawan атлары).

А. Самойловичъ.

Апрѣль 1911 г. С.-Петербургъ.

Плугъ у восточныхъ монголовъ*.

(Съ тремя рисунками).

Описываемый мною плугъ, видѣнный въ княжествѣ Баринъ, повидимому, не вполне совпадаетъ съ китайскимъ плугомъ, отмѣченнымъ о. Іакинсомъ¹⁾, хотя очевидно и этотъ плугъ заимствованъ монголами отъ китайцевъ. Земледѣіемъ монголы занимаются только въ тѣхъ частяхъ Монголіи, гдѣ ихъ начинаютъ тѣснить китайцы и гдѣ заселя свободныя земли лишаютъ монголовъ возможности кочевать. Въ большинствѣ случаевъ монголы вытѣняются въ наименѣ удобныя мѣста и въ этихъ краяхъ быстро идетъ ихъ окитаваніе.

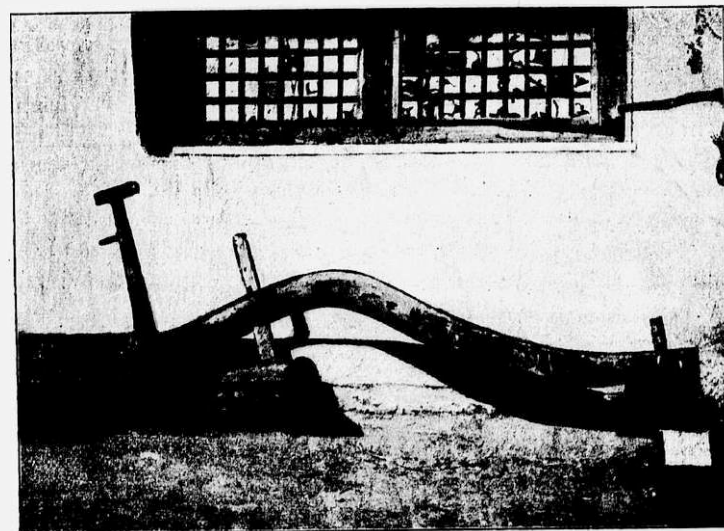

Рис. 1.

Этотъ фотографическій снимокъ (Рис. 1) сдѣланъ мною въ 1899 г. Правый конецъ грядилы поставленъ на подставку, не относящуюся къ плугу.

* Перепечатывается съ нѣкоторыми измѣненіями изъ моей диссертациі: «Матеріалы по говорамъ Восточной Монголіи» (Изд. Фак. Вост. яз. № 30). СПб. 1911. Стр. 163, 248, 249 и др. Мои данныя о плугѣ по мнѣнію этнографовъ могутъ затеряться, такъ какъ заглавіе моей книги не даетъ указаній на содержащейся въ ней этнографическій матеріалъ.

1) «Земледѣліе въ Китаѣ, съ семидесятью двумя чертежами разныхъ земледѣльческихъ орудій». СПб. 1844; стр. 11.

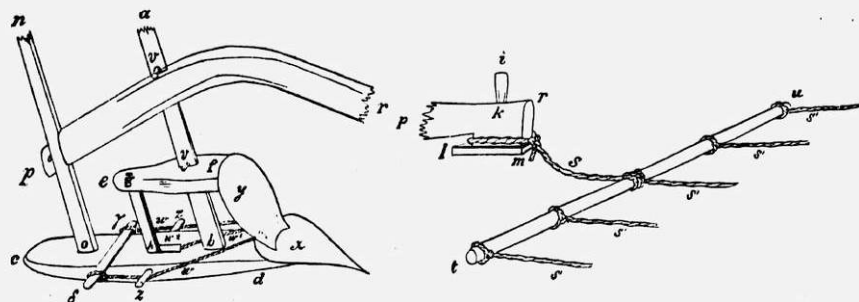

Рис. 2.

На рис. 2 и 3 соотношение частей измѣнено для болѣе нагляднаго изображенія нѣкоторыхъ подробностей.

a — *b* стоякъ — сомо.

c — *d* полозъ — сѣур.

e — *f* полка отвала — *tolin* гер.

g — *h* подпорка полки отвала — *tolin* герин *tolir*.

i — *k* втулка на концѣ гридиля — шонгоного.

l — *m* дощечка для постромокъ — шонгоногоин дѣдѣ модѣ.

n — *o* ручка¹⁾ — берѣл.

p — *r* гридиль²⁾ — бухо.

s, *s*¹ постромки — дѣс.

t — *u* круглая палка, отъ которой идутъ

8 постромокъ, для припрѣжки четырехъ половъ въ рядъ — дѣрвѣлѣин модѣ.

v, *z*, *γ* — *δ* чеки, затычки — хѣндѣлен чу.

w, *w*¹, *w*² веревки — хошѣлѣ ородасу.

x сошникъ, лемехъ — хошѣ.

y отваль — *tolj*.

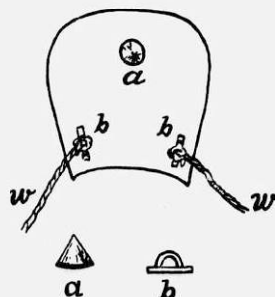

Рис. 3.

Рисунокъ отвала (*y*) сзади (рис. 3).

a шпинекъ на отваль — *tolin* герин момѣ. *b* ушко на отваль — *tolin*е сенѣ.

Буква *w* — та же, что на рисункѣ 2. Внизу показанъ видъ частей *a* и *b* со стороны.

Андрей Рудневъ.

1) Длина ручки на рукоятѣ рис. около 1/4 аршина.

2) Длина гридиля около 3 1/4 аршина.

Критика и библиографія.

8. K. Rhamm. Ethnographische Beiträge zur germanisch-slawischen Altertums-kunde. Zweite Abteilung, zweiter Teil. Germanische Altertümer aus der slawisch-finnischen Urheimat. Erstes Buch. **Die Altslawische Wohnung.** Mit 45 in den Text eingedruckten Abbildungen. Braunschweig. 1910. X + 431. 8°. Цена 15 марокъ.

Ноя подзаглавіе «Древнеславянское жилище», книга К. Рамма почти всецѣло посвящена однако же не столько славянскому, сколько специально русскому жилищу. Это послѣднее авторъ склоненъ отождествлять, поскольку дѣло касается болѣе существенныхъ частей русскаго дома, съ жилищемъ древнеславянскимъ. К. Раммъ разсуждаетъ такъ: Развитие славянскаго дома на всемъ громадномъ пространствѣ отъ Карпатъ до Урала и далѣе обнаруживаетъ замѣчательное однообразіе (Gleichförmigkeit), какого на такомъ громадномъ пространствѣ, вѣроятно, нигдѣ болѣе не встрѣтитъ. Это однообразіе не ограничивается только областью русскихъ славянъ; оно наблюдается также и у поляковъ, у словаковъ вплоть до Моравин, словомъ — у всѣхъ тѣхъ славянъ, которые живутъ въ предѣлахъ своей старой родины и которые еще не измѣнили окончательно своимъ преданіямъ. Но великоруссы, какъ наиболѣе удаленные отъ чужихъ вліяній, лучше всѣхъ другихъ славянъ сохранили древнѣйшія особенности древнеславянскаго жилища. Такъ, напримѣръ, дома на высокихъ срубѣхъ (Stockhaus), *голубцы*, *чуланъ* въ древнѣйшемъ значеніи «отгороженной части избы около печи», — эти черты древнеславянскаго жилища сохранились теперь только у великоруссовъ. — Всѣ главныя особенности великорусскаго жилища и, въ частности, великорусской избы Раммъ возводитъ такимъ образомъ къ древнеславянскимъ временамъ. Не удивительно поэтому, что главное вниманіе въ своей книгѣ онъ уделяетъ именно русскому, въ частности — великорусскому жилищу.

Книга К. Рамма состоитъ изъ предисловія и двухъ частей. Первая часть описательная; она посвящена выясненію главныхъ типовъ русскаго жилища и ихъ географическому распространенію. Въ качествѣ особой главы въ эту часть входитъ описаніе крыши. Вторая часть книги посвящена внутреннему устройству русской избы и, главнымъ образомъ, доказательству того, что устройство это обязано своимъ существованіемъ германскому вліянію. Здѣсь мы находимъ рядъ этимологій, частью новыхъ, частью уже извѣстныхъ; названія частей русскаго дома: *изба*, *чуланъ*, *шолнуша*, *полъ*, *голубецъ*, *полѣти* и *шелѣмъ* объяснены изъ германскаго (древне-скандинавскаго) языка.

Первая часть книги Рамма представляет собою весьма цѣнный вкладъ въ науку русской этнографіи. Привести въ стройную научную систему разнообразныя типы русскихъ жилищъ, описанныя большею частью случайными наблюдателями крайне плохо, неясно и неполно, — заслуга большая и важная.

Въ пестромъ разнообразіи русскихъ крестьянскихъ жилищъ авторъ различаетъ два главныхъ типа, которые онъ называетъ искусственными терминами «Stockhaus» и «Niederhaus». Мы переведемъ эти термины выраженіями: «изба на подклѣтѣ» и «хата». Хата устраивается непосредственно на землѣ, а изба на подклѣтѣ имѣетъ подъ собою «подполье», родъ подвала. Хаты составляютъ обычное жилище малорусовъ, бѣлорусовъ, западныхъ славянъ и отчасти южновеликоруссовъ; избы на подклѣтѣ свойственны только великоруссамъ, точнѣе — сѣверновеликоруссамъ. Установить границу между этими двумя типами русскихъ построекъ К. Рамму не удалось, но вообще — губернію Московскую, сѣверную половину Рязанской и востокъ Смоленской онъ относитъ къ области избъ на подклѣтахъ, а губерніи Тульскую и Калужскую — къ области хатъ. Что касается восточныхъ губерній, куда славянское населеніе проникло сравнительно поздно, то здѣсь, въ губерніяхъ Пензенской, Симбирской, Казанской и др., теперь возобладалъ типъ избъ на подклѣтѣ, но замѣтны слѣды борьбы его съ хатою, и окончательную побѣду первыхъ К. Раммъ относитъ къ недавнему времени.

Въ типѣ избъ на подклѣтѣ авторъ различаетъ двѣ особыхъ разновидности, которыя онъ окрестилъ терминами Niederstockhaus (мы переведемъ: изба на низкомъ подклѣтѣ) и Hochstockhaus (изба на высокомъ подклѣтѣ). Въ первыхъ подполье не имѣетъ самостоятельнаго значенія: имъ или совсѣмъ не пользуются, или же пользуются только случайно. Такого рода постройки авторъ отмѣчаетъ у финновъ Симбирской и Уфимской губерній (изъ извѣстной книги Гейкеля о финскомъ жилищѣ, с. 50 и 53). Въ избахъ на высокомъ подклѣтѣ подполье играетъ роль самостоятельнаго этажа, служа кладовой или же помѣщеніемъ для скота. Избы на высокомъ подклѣтѣ Гейкель называлъ «новгородскимъ способомъ постройки», что Раммъ находитъ неточнымъ.

Великорусскія избы на высокомъ подклѣтѣ всегда соединяются теперь въ одно цѣлое съ «дворомъ», т. е. съ постройкою, заключающею въ себѣ помѣщенія для скота и скотскаго корма. Эту постройку Раммъ называетъ народнымъ русскимъ терминомъ «дворъ», а также «Stockdvor» (что мы переводимъ выраженіемъ «дворъ съ поветью»). Соединеніе жилого помѣщенія съ этимъ скотнымъ дворомъ въ одно цѣлое нашъ авторъ окрестилъ терминомъ Hofhaus, что мы переведемъ народнымъ выраженіемъ «связь» или «изба связь».

Съ точки зрѣнія взаимоотношенія между жилою избою и связаннымъ съ нею дворомъ Раммъ различаетъ двѣ новыхъ разновидности великорусскаго жилища: Ein-

bau (мы переводимъ: однорядная связь) и Zwiebau (мы переводимъ: двухрядная связь). Въ однорядной связи изба и дворъ связаны между собою по длинѣ, такъ что дворъ находится сзади избы; развитіе жилого помѣщенія здѣсь идетъ въ ширину. Въ двухрядной связи, напротивъ, дворъ примыкаетъ къ жилой избѣ сбоку, такъ что лицевая сторона обѣихъ построекъ лежитъ въ одной плоскости. Здѣсь развитіе жилыхъ помѣщеній шло въ длину: вторая изба — тамъ, гдѣ она есть — строится сзади первой. Для двухрядной связи характерно еще, по словамъ Рамма, подраздѣленіе двора на двѣ части, изъ которыхъ одна крытая, а другая открытая.

Въ качествѣ образца однорядной связи Раммъ приводитъ описаніе сольвычегодскихъ построекъ Н. Иваницкаго (Жив. Стар. 1898, с. 3 и слѣд.) и архангельскихъ построекъ П. С. Ефименко. Для двухрядной связи онъ приводитъ три описанія, но все недостаточно ясныя (Этногр. Обзор. 1899, с. 197—207, «Очерки Пошехонья»; Этно. Сборн. II, с. 8 и слѣд., тоже изъ Пошехонья, и Этно. Сборн. I, с. 78 и слѣд., изъ Моложскаго уѣзда). Двухрядная связь распространена сравнительно очень мало, только въ губерніяхъ Ярославской и Вологодской. Граница между областями распространенія однорядной и двухрядной связи совпадаетъ, по Рамму, съ границами губерній — Архангельской, Олонецкой, Вологодской и Новгородской съ одной стороны и Ярославской и Костромской — съ другой. Средоточный и исходный пунктъ распространенія двухрядной связи авторъ склоненъ видѣть въ Ярославской губерніи, а однорядной — въ области къ востоку отъ Новгорода.

Кромѣ связи однорядной и двухрядной, возможна еще связь «поперечная» (Querbau), описаніе которой дано Синозерскимъ изъ Боровичскаго уѣзда Новгородской губерніи (Жив. Стар. 1899, с. 422). Здѣсь дворъ примыкаетъ къ жилымъ помѣщеніямъ — сѣнямъ и клѣти — сбоку, подъ угломъ. Раммъ считаетъ такого рода постройку исключеніемъ, и въ свою систему ее не вводитъ. (Но намъ извѣстно, что весьма близкій къ этому типу способъ постройки распространенъ въ Вятской губерніи; это такъ называемая постройка «глаголемъ», т. е. расположенная въ видѣ буквы Г).

Въ противоположность избамъ на подклѣтѣ, хата, какъ мы уже видѣли, устраивается непосредственно на землѣ, а не на возвышеніи изъ сруба. Кромѣ того, на улицу хата обращена не фронтономъ, а длинною стороною; деревянный полъ обычно не покрываетъ всего пространства хаты, а занимаетъ только одну часть ея и служить особымъ помостомъ; крыша хаты бываетъ большею частью на четыре ската, круглая, а не двухскатная, какъ то у избъ на подклѣтѣ. Наконецъ, въ южновеликорусской хатѣ печь находится не въ дверномъ углу, а въ углу лицевой стороны дома; этотъ признакъ отличаетъ южновеликорусскую хату не только отъ сѣверновеликорусскихъ избъ, но также и отъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ хатъ.

Такимъ образомъ, отличіе хаты отъ избы касается не только сравнительной высоты зданія, но и всего устройства жилища. Оба эти типа русскаго жилища Раммъ

считает независимыми одно от другого и одинаково восходящими к древнеславянской (но не к праславянской) эпохе.

Описания великорусских хат взяты Раммом из «Этнографического Сборника» (II, 100—102: Новосильск. у.; V, ст. 6, с. 2—8: Обоянск. у.).

Внутреннее устройство жилого помещения в избе и хат почти одинаково. И там, и здесь мы видим печь, расположенную всегда в углу и служащую главным образом для выпечки хлеба; *очаг* русскому жилищу совершенно чужд. Пространство около печи нередко отделяется от общего помещения особою перегородкою или занавѣскою и, служа специально женскою частью жилища, носит название «чуланъ», а на крайнемъ сѣверѣ Европейской Россіи — «шолмуша». Столь же необходимая принадлежность жилого помещения — «полати», высокое мѣсто для сна; наконецъ, — «полъ», о различіи въ устройствѣ коего сказано выше, «гобецъ», т. е. помость около печи надъ входомъ въ подполье, «коникъ» для сна хозяина, получившій свое название отъ украшения въ видѣ конской головы, и «кутникъ».

Это единообразіе во внутреннемъ устройствѣ какъ русскаго, такъ и вообще славянскаго жилища основывается, по Рамму, не на общности историческаго развитія, а на заимствованіи; въ древнеславянскую эпоху (которую необходимо отличать отъ эпохи праславянской), когда славяне жили еще въ Карпатахъ, славянское жилище подверглось сильному вліянію со стороны германскаго, а именно древнескандинавскаго жилища. Доказательство этому — въ томъ, что всѣ перечисленные выше главные особенности русскаго жилища вполне соответствуютъ древнескандинавскимъ и носятъ германскія имена. Только для коника и кутника Раммъ не нашелъ никакихъ соответствій въ древнескандинавскомъ жилищѣ; да еще сѣверновеликорусское названіе избого чулана *шолмуша* заимствовано было, по его мнѣнію, не въ древнеславянскую эпоху, а въ XIII-мъ вѣкѣ, отъ тѣхъ варяговъ, которые обитали еще въ то время на Руси около Ладожскаго озера.

Чтобы покончить съ изложеніемъ содержанія книги Рамма, необходимо еще указать, что послѣдняя глава этой книги посвящена древнеславянскому жилищу съ очагомъ, южнославянской *кучи* и древнерусской *грядницѣ*.

О научныхъ достоинствахъ книги Рамма мы говорили выше. Относительно недостатковъ прежде всего замѣтимъ, что авторъ воспользовался въ своей книгѣ далеко не всею литературою о русскомъ жилищѣ, влѣдствіе чего географическое распространѣніе разныхъ типовъ жилища изложено у него очень неточно, да и типы указаны не всѣ. Кромѣ названныхъ выше великорусскихъ построекъ «глаголемъ», можно еще указать отсутствующія у Рамма постройки «покоемъ», т. е. въ видѣ буквы П; этотъ типъ распространенъ также на Вяткѣ.

Касательно второй части книги Рамма замѣтимъ, что относить къ древнесла-

вянскому періоду заимствованіе словъ го́бецъ и чула́нъ достаточныхъ оснований нѣтъ. Предложенная имъ этимологія слова полати (изъ сканд. *loptr*) совсѣмъ неудобительна и не можетъ соперничать съ старой этимологіей (изъ греч. *παλάτιον*). Греческое, а отчасти также и турецкое вліяніе на русское жилище сравнительно очень сильны, и прежде выясненія степени и времени этихъ вліяній нельзя отождествлять русское жилище съ древнеславянскимъ и огуломъ выводить его изъ древнескандинавскаго. Необходимо также выяснить туземныя русскія названія разныхъ частей жилища, частью вытѣсненныя вполнѣ чужими терминами; таковы: *мостъ* вм. полъ, *середъ* вм. чуланъ, *привало́къ* и *прила́вокъ* вм. го́бецъ, *воронѣцъ* и *грядка*. Наконецъ, изслѣдователю не трудно разыскать слѣды поздняго сравнительно развитія сѣверновеликорусской избы на подклѣтѣхъ изъ старой хаты, развитія, совершившагося, быть можетъ, не безъ вліянія церковной греческой архитектуры; а это противорѣчило бы всей системѣ Рамма. Нѣкоторыя подробности, касающіяся этихъ нашихъ замѣчаній, читатель найдетъ въ нашей рецензіи на книгу Рамма, напечатанной въ журналѣ Ягича *Archiv für slavische Philologie* 1910 г. (т. 32, с. 594—605); другія данныя мы намѣрены изложить въ своемъ особомъ трудѣ о великорусскомъ жилищѣ. Въ настоящей же своей рецензіи мы хотѣли только обратить вниманіе русскихъ читателей на весьма полезную книгу г. Рамма и коротко изложить главное содержаніе этого огромнаго и выдающагося труда.

Въ заключеніе позволимъ себѣ дать табличку наиболѣе необходимыхъ терминовъ, созданныхъ Раммомъ для названія разныхъ типовъ русскаго жилища, и предлагаемаго нами русскаго перевода этихъ терминовъ. По поводу этого перевода мы просили бы высказаться русскихъ изслѣдователей: единообразіе терминологіи дѣло существенной важности, но его можно достигнуть только при общемъ обсужденіи и соглашеніи. Названія мы заимствовали вообще изъ народной рѣчи. Русскій народъ въ своей терминологіи сравнительно очень точенъ, и, напримѣръ, область распространенія терминовъ изба и хата совпадаетъ съ областью распространенія типовъ жилища, названныхъ у Рамма искусственными именами: *Stockhaus* и *Niederhaus*. Раммъ старается, правда, доказать, что тамъ, гдѣ теперь жилище называютъ хатою, прежде называли его избой, и въ доказательство ссылается на малорусское слово *прі́зба* «завалина вокругъ избы» (с. 98). Но въ этомъ онъ не правъ: слово *прі́зба*, *прі́спа* происходитъ отъ глагола сыпать (Потебня, Разборъ сочиненія П. Житецкаго «Очеркъ звуковой исторіи и т. д.», 67). — Вотъ предлагаемые нами русскіе термины:

Niederhaus — хата; *Stockhaus* — изба на подклѣтѣ; *Nieder-, Hoch-Stockhaus* — изба на низкомъ, на высокомъ подклѣтѣ; *Stockdvor* — дворъ съ повѣтою; *Hofhaus* — связь (или: изба связью); *Einbau* — однорядная связь; *Zwiebau* — двухрядная связь.

Дм. Зеленинъ.

9. Каталогъ библиотеки Этнографического Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III (за время съ 1 Декабря 1909 г. по 30 ноября 1910 г.). С.-Петербургъ. 1911. Стр. 46 in 4°. (Изъ «Отчета Русскаго Музея Императора Александра III»).

Нельзя не приветствовать мысли управления Русскаго Музея сообщать специалистамъ и всѣмъ интересующимся этнографіею о новѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ библиотеки Этнографического Отдѣла Музея. Весьма немногія изъ большихъ Петербургскихъ библиотекъ печатаютъ подобные списки, между тѣмъ для всякаго занимающагося важно не терять времени на разыскиваніе по библиотекамъ книгъ, которыхъ въ концѣ концовъ часто ни въ одной изъ петербургскихъ библиотекъ и не найдешь. Такіе случаи, особенно за послѣднее время, слишкомъ часты, и печатаніе списковъ новыхъ пріобрѣтеній могло бы оказать и ту услугу, что наглядно показало бы книжное убѣжество Петербурга, когда-то стоявшаго въ одномъ ряду съ иностранными городами, которые нынѣ своими книжными богатствами давно уже оставили его позади. У насъ, къ сожалѣнію, принято слишкомъ легко смотрѣть на эту, ставшую въ Петербургѣ хроническою, книжную голодовку, причемъ совершенно упускаютъ изъ виду, что заполнить пробѣлы нѣсколькихъ лѣтъ очень трудно, а иногда и невозможно.

Разбираемый нами «Каталогъ» показываетъ, что и Русскому Музею отпущены слишкомъ незначительныя суммы на покупку книгъ и что Музей можетъ позволить себѣ пріобрѣтеніе лишь немногихъ дорогихъ изданій; между тѣмъ, именно въ области этнографіи особенно часты дорогія изданія съ таблицами и рисунками. Музею должны быть даны средства на составленіе настоящей рабочей библиотеки по этнографіи, гдѣ специалисты могли бы работать, находя нужныя имъ книги въ одномъ мѣстѣ, а не собирая книжныя крупы по всѣмъ книгохранилищамъ Петербурга, какъ это приходится дѣлать теперь.

Переходя къ содержанію «Каталога», мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, вызванныхъ у насъ его просмотромъ.

Прежде всего, хотѣлось бы видѣть указанія на условія пользованія библиотекою Отдѣла для лицъ, не принадлежащихъ къ Русскому Музею, если такое пользованіе разрѣшается. Затѣмъ, по нашему мнѣнію, напрасно соединены съ печатными изданіями и рукописи и рисунки: ихъ необходимо выдѣлить въ самостоятельный отдѣлъ, и сдѣлать это не трудно, такъ какъ подобныхъ поступленій, по самому существу дѣла, не можетъ быть много. Въ каталогъ есть нѣсколько указаній, вродѣ: Фарфоровскій — рукопись (стр. 33), миниатюра персидская (стр. 19).

При изданіи перваго «Каталога» желательно также было бы имѣть объясненіе сигнатуръ и системы каталогизаціи библиотеки, что легко сдѣлать въ немногихъ словахъ.

Заключимъ нѣсколькими замѣчаніями корректурнаго характера: стр. 2, Баронъ X[p.] и [Г.] Виссендорфъ и т. д.; необходимо было указать, что основное заглавіе латышское: Kr. Barons un H. Wissendorfs. Latviju Dainas; кромѣ того надо было отмѣтить, что первый томъ изданъ въ Митавѣ и Ригѣ; стр. 23, Пекарскій Э. К. и Васильевъ В. Н. — Плащъ и бубень якутскаго шамана. — Спб. 1910; не указано, что это только оттискъ изъ сборника «Матеріалы по этнографіи Россіи»; стр. 42, при Кегл читай Saddharmapundarika; не отмѣчено также, что изданіе это принадлежитъ къ серіи Bibliotheca Buddhica, которая вообще не указана, что противорѣчитъ принятой въ «Каталогѣ» системѣ выдѣлять серіи.

Этими небольшими замѣчаніями мы, конечно, отнюдь не хотимъ умалять значеніе прекраснаго начинанія, которому желаемъ полнаго успѣха и побольше подражателей.

Сергій Ольденбургъ.

10. Lietuvių tauta Lietuvių Mokslo draugijos raštai. (LT). Kniga I, Dalis 1—4. Vilniuje 1907—1910. 8°. 584 стр.

Въ 1910 г. Литовское Научное Общество окончило печатаніе первой книги своихъ изданій, выходящихъ съ 1907 года, въ четырехъ выпускахъ или частяхъ (dalis). Общество, основанное въ 1907 году 23 марта, имѣло пять собраній и обнародовало сорокъ шесть статей различныхъ (всего 20) авторовъ. Цѣль Общества какъ и журнала его «Литовское племя» состоитъ въ собираніи свѣдѣній и наблюденій надъ географическою областію Литвы и ея жителей. Такимъ образомъ его вѣдѣнію подлежатъ изслѣдованія не только историко-географическаго, но и въ особенности этнографическаго и культурно-историческаго характера. Не исключено, конечно, и обследованіе Литвы въ геологическомъ, зоологическомъ, ботаническомъ и др. естественно-историческихъ отношеніяхъ. Въ первой книгѣ пока только нашли мѣсто наблюденія надъ исторіею литовскаго возрожденія и литовской литературы, археологій, антропологій и надъ этиологіею Литовскаго края. По антропологій заслуживаетъ быть отмѣченной для специалистовъ статья доктора Д. Буканта «Iš Ežerėnų apylinkės lietuvinių antropologijos». Наблюденія надъ антропологіею Литовцевъ окрестностей города и уѣзда Ново-Александровскаго (Озеряны, Ežerėnai, Озеринскаго уѣзда) стр. 454—463. Сообщаются не только свѣдѣнія о Литовцахъ, но также и антропометрическія данныя относительно Латышей, Евреевъ и русскихъ Старовѣровъ. Латыши месокефалы, Литовцы брахицефалы и т. д. Особенно богатъ этотъ первый томъ изданій Литовскаго Научнаго Общества данными по языку, мифологій и археологій. Казиміръ Казим. Буга помѣстилъ девять статей по языку и мифологій Литвы (Romowė, Criwė, Zinez, Waidelotte, Swaistyx, Panicke, Rickoyotas, Diewaitis). Докторъ Тотарайтисъ, извѣстный авторъ монографіи «Die Littauer unter dem König Mindowė» обнародовалъ памятники живой старины прихода Даукши, Кальвар. у., Сув. губ. и свѣдѣнія о городищѣ (pilekalnas)

въ Лижковѣ, Шурпилахъ (Surpil городъ ятвяжскаго кунигаса-князя Шурпа). Слѣдуетъ отмѣтить въ этой статьѣ слово *krivė* въ значеніи кривой палки и схода деревенскаго общества вмѣсто болѣе распространеннаго *krivulė* или *krivuilė* Владиславов. у. и фразы *ainu in krivė* (Даукши), *ainu i krivuile*, *ainu i kuora*, *idu na kopu* (копное собраніе), на сходъ (дер. общество), собраніе мужчинъ *vugijs* отъ слова *vugas*, мужъ, мужчина. «Кривая палка» въ Сув. г. въ Пильвишкахъ, Синтовтахъ, Шильгалахъ имѣетъ форму кривой палки, а въ новѣйшее время уже простой палочки съ записочкой, напр., такого образца: *Ryta tai yra Serados 8/21 Gruodžio 10 Valanda ryta tur pribut Visi Ukininkai i Raštine ant sueigos pagal taisyma kielio*: «завтра то есть въ среду 8/21 декабря въ 10 часовъ утра имѣютъ прибыть веѣ хозяева въ канцелярію (гминную) на сходъ на предметъ исправленія дороги» или «чтобы веѣ прибыли подъ угрозою штрафа» *ant sueigos 8/21 Sausio* (февраля) *9 Valanda iš rito Už nepribuvima bus baudus po 1 rubleli* «въ 9 часовъ утра, за неприбытіе будетъ штрафъ по 1 рублю». — Кс. Жюгасъ въ третьемъ выпускѣ первой книги «ЛГ» обнародовалъ съ приложеніемъ карты и рисунковъ ископаемыхъ предметовъ результаты своихъ археологическихъ изслѣдованій въ окрестностяхъ Гайды, филиальнаго прихода Ново-Александр. у. Ков. губ. между озерами Дисна и Дрисвяты, по лит. *Drukšiu ežeras*. Статья озаглавлена «*Archaiologiški tyrinėjimai Gaidės apylinkėje*» (стр. 313—333). Кромѣ того напечатаны: 1) письмо покойнаго литовскаго лингвиста Каз. Явниса о сборникахъ литовскихъ пѣсень Антона Юшкевича (стр. 549—562), написанное 6 марта 1879 года и заключающее въ себѣ полное изложеніе системы правописанія и оцѣнку собирательской дѣятельности этого извѣстнаго литовскаго фольклориста; 2) письма покойнаго А. Барановскаго (всего 15), литовскаго поэта и лингвиста къ профессору И. А. Бодуану де Куртене, написанныя съ 1876 по 1895 годъ и касающіяся вопросовъ главнымъ образомъ литовской грамматики и фонетики (стр. 408—433).

Больше трети всей книги, то есть 202 стр., занимаютъ изслѣдованія председателя молодого Научнаго Общества Ивана Юрьевича доктора Басановича (род. 22 XI. 1851 г.) по исторіи Сейненскаго епископата, освобожденія крестьянъ въ Барнической вол. (родины автора) Сув. губ. и, главнымъ образомъ, по лит. и оракійскому фольклору. Эти, съ чисто юношескимъ увлеченіемъ написанные этюды озаглавлены: 1) «*Levas lietuvių pasakose ir prygiskai-trakiškoje dailoje*» «Левъ въ литовскихъ сказкахъ и въ фригійско-оракійскомъ искусствѣ, фольклористическо-археологическая студія». Къ этому этюду, ко второму выпуску, приложена тридцать одна таблица рисунковъ, характеризующихъ львиный орнаментъ въ памятникахъ искусства у Египтянъ, въ Персіи, Малой Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ; 2) *Meška-lókis-lúšis*. Статья эта касается литовскихъ названій медвѣдя, росомахи, рыси и вообще зоологической номенклатуры. — Кромѣ перечисленныхъ статей здѣсь помѣщены еще краткія

описанія обычаевъ погребальныхъ (*Arpie senovės žemaičių šermentis*), дожинокъ (*raibaituves*) на Жмуди и замѣтки библиографическаго характера. Изъ протоколовъ за сѣданій Лит. Научн. Общ. и его комитета обнаруживается, что одна изъ главныхъ заслугъ Общества состоитъ въ собираніи коллекцій этнографическаго и лингвистическаго содержанія, разбросанныхъ до 1907 года по бѣлому свѣту, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ. Въ Общество поступили уже цѣнныя коллекціи предметовъ Антрополог.-Этнограф. выставки въ Парижѣ, собранія книгъ и рукописей изъ обществъ «Бируты» въ восточной Пруссіи, Американскаго объединенія лит. Обществъ, рукописей Юшкевича, Пожкус-Пашкевича и С. Довконта. Кромѣ того, въ помѣщеніи Общества находится драгоценная бібліотека самого президента И. Басановича, интересная по специальному подбору матеріаловъ для разъясненія вопросовъ литовологіи и оракійскаго фольклора. Въ настоящее время Общество озабочено сборами пожертвованій на постройку *особаго* дома для помѣщенія своего Музея и драгоценной бібліотеки. Уже и теперь надо сказать, что изслѣдователю литовской старины и народности необходимо пользоваться коллекціями и этнографическими матеріалами Лит. Научн. Общества (*Lietuvių Mokslo draugija*) въ Вильнѣ. Къ сожалѣнію, нѣтъ еще описи предметовъ древностей Литвы и ея живой старины, антропологіи и этнографіи губерній Сувальской, Ковенской, Виленской и части Прусско-Литовскихъ областей. Число членовъ Общ. 279 чел., изъ нихъ 6 почетныхъ, 8 чл. корреспондентовъ, 5 чл. сотрудниковъ, 2 члена благотворителя и 258 дѣйствительныхъ.

Тѣмъ же Обществомъ, весною 1910 года, издана краткая программа для собиранія фольклористическихъ данныхъ «*Trumpa Folkloro dalykams rinkti programa*», составленная докторомъ К. Гриниусъ при участіи членовъ Фольклористической Комиссіи Э. А. Вольтера, Д-ра Басановича, Кс. І. Тумаса и адвоката А. Янулайтиса. Программа состоитъ изъ 234 вопросовъ и составлена, въ примѣненіи къ особенностямъ литовской живой старины по руководствамъ Я. Карловича, Гом'а и различнымъ программамъ Московскаго Общества Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи. Брошюра эта напечатана на 32 стр. въ 16° и разсылается желающимъ безплатно. Только что въ № 55 (540) газеты «*Viltis*» отъ 15 мая с. г. напечатана программа предполагаемой *Литовской культурно-этнографической* выставки въ статьѣ подъ заглавіемъ: «*Rinkime ir taupykime savo turtą*». Л. Н. О. предполагаетъ устроить выставку предметовъ Литовской живой старины, католической крестьянской культуры (кресты, часовеньки), и предметовъ религіознаго культа и бытовой старины. Безъ сомнѣнія народъ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ отстаивавшій свою религіозную культуру и письменность, заслуживаетъ быть тщательнѣе обследованнымъ какъ въ этнологическомъ, такъ и въ культурно-историческомъ отношеніяхъ.

Э. Вольтеръ.

11. Kalvaitis, W. Lietuwiszkių wardų klėtele su 15000 wardų Lietuwii, kiemių, upių, gyvūnų, želmenų, metalų; žmogus, žodynėlis trečdalyje, minėto skaitlaus užima wokiszki wardai Litauischer Namenschatz von Dörfern, Flüssen, Lebenswesen, Pflanzen, Metallen, der Mensch und Wörtersammlung, denen auch deutsche Namen beigelegt sind. Surinko 1888—1894 m. ir iszleido... Tilžeje 1910. Spausdinta Otto v. Mauderodes. 8°. VII + 1 нек. + 117 + 1 бъл.

Материалы по литовской ономастике, собранные известным собирателем прусско-литовского народного творчества, могут быть, при известной критике, полезным подспорьем при изучении прусско-литовской Живой Старины и именослова. На ряду с произведениями художественной литовской литературы напр. Зауервейна-Гиренаса (стр. 112—113) и литературными и филологическими опытами и упражнениями самого Кальвайтиса на стр. 101 о изъясности и богатстве литовского языка, на стр. 1—2 списком имен криве-кривейтов и старопрусских старшин, мы встречаем полезные собрания литовских прозвищ и имен крестьян стр. 3—21 и названий хуторов, поместий и сел на стр. 24—67, рек и водных урочищ 68—72. Остальные сопоставления имеют характер популяризации сведений о литовском языке и его словарном богатстве для выражения отъясков родства стр. 21—23, умиления и ласки (Lieblichkeitsendungen стр. 24) и с целью пробуждения национального самосознания в защиту от немецкого культурного натиска. Полезно собрание слов для разработки литературной дикции литовского языка в Пруссии на стр. 93—100. Весьма важно то, что собиратель везде прибавляет немецкое перетолкование национально-литовских слов и названий, из чего ясно обнаруживается степень отъяснения литовской Пруссии. Вообще книга Кальвайтиса, при всей добросовестности автора, принадлежит все же к разряду сочинений по националистическо-патриотическому народовъяснению.

Э. Вольтеръ.

12. С. Паткановъ. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освяснения вопроса о вымирании первобытных племенъ. Изд. Имп. Акад. Наукъ. С.-Пб. 1911. Стр. 210, in 8°.

Съ какими бы целями ни приступать къ изучению того или иного племени, но прежде всего изслѣдователю приходится остановиться надъ вопросомъ о численности этого племени, о его расселении и о его общей жизнеспособности, выражающейся въ приросте или убыли населенія. Вся психологія племени вырождающагося, вынужденнаго шагъ за шагомъ уступать свое мѣсто въ природѣ представителямъ другой, болѣе счастливой расы, носитъ совершенно иной характеръ, чѣмъ психологія народности растущей, побѣдоносной въ жизненной борьбѣ, захватывающей для проявленія своихъ силъ все болѣе широкое пространство. По отношенію къ нашимъ сибирскимъ инородцамъ

вопросы этого рода до сихъ поръ остаются далеко не окончательно рѣшенными по отсутствію маломальски надежныхъ данныхъ. Даже перепись 1897 года, отъ которой, казалось бы, можно было ожидать, что она дастъ, наконецъ, прочное основаніе для подсчетовъ, оказалась совершенно непригодной для работающихъ по инородческому вопросу, такъ какъ опубликованныя таблицы введоу даютъ лишь цифры *наличнаго населенія* каждаго округа, тогда какъ цифры прежнихъ ревизій, т.-е. единственный матеріалъ, сколько-нибудь пригодный для сравненія, показываютъ численность *кореннаго* или *притиснаго* населенія вѣдомствъ и волостей.

Г. Паткановъ имѣлъ счастливую возможность воспользоваться данными не только о наличномъ, но во многихъ случаяхъ и о коренномъ населеніи различныхъ инородческихъ группъ; данныя эти имѣлись въ основныхъ матеріалахъ переписи, но почему-то не были использованы въ официальномъ паданіи, которое и оказалось, въ силу этого, лишеннымъ всякаго значенія для антрополога, для этнолога и для этнографа. Чтобы получить цифры, характеризующія приростъ или убыль кореннаго населенія каждой крупной инородческой группы, г. Паткановъ обращается къ подраздѣленіямъ этой группы на роды или другія мелкія единицы, исключая изъ наличнаго населенія избранной единицы чужеродцевъ той же народности и присоединяя родовичей, застигнутыхъ переписью въ другихъ районахъ и потому официально засчитанныхъ именно тамъ, а не на родинѣ. Только послѣ подобнаго рода переработки, сопровождавшейся, гдѣ только было возможно, вспомогательными приемами (сличеніе съ литературными показаніями, съ метрическими записями и т. п.), получились данныя, дѣйствительно освясняющія вопросъ о приростѣ и темѣ этого прироста у однихъ племенъ и отдѣльныхъ группъ какаго-либо племени и объ убыли другихъ. При разсѣянности нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ на громадной территоріи, входящей въ составъ различныхъ уѣздовъ, округовъ и областей, при сближенности племенныхъ и родовыхъ названій, наконецъ, при трудности услѣдить за представителями бродячихъ племенъ, забредавшихъ часто почти повсюду, и при известномъ несовершенствѣ въ самой постановкѣ переписи 1897 года, г-ну Патканову, чтобы разобраться въ переписномъ матеріалѣ, несомнѣнно пришлось затратить огромный трудъ, требовавшій самаго напряженнаго и кропотливаго вниманія, но достигнутые авторомъ результаты вполне оправдали его усилія. Абсолютная точность въ подобнаго рода исчисленіяхъ едва ли вообще достижима; въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ авторъ излагаетъ свои выводы съ необходимой осторожностью, какъ вѣроятные или приблизительные (напр., на стр. 56, выводъ о приростѣ олекминскихъ якутовъ, и т. п.), но, въ общемъ, заключенія г. Патканова едва ли могутъ вызвать сомнѣніе въ ихъ основномъ соответствіи съ дѣйствительностью.

Цифры и выводы рецензируемаго труда, помимо своего интереса для науки, имѣютъ большое практическое значеніе, такъ какъ они тѣсно связаны съ основными

задачами государственной политики по отношенію къ инородцамъ и предугазываютъ тотъ путь, слѣдуя которому государство могло бы спасти инородцевъ отъ вымирания, а ихъ промыслы отъ исчезновенія, и тѣмъ самымъ укрѣпило бы производительныя силы далекихъ окраинъ.

Въ окончательномъ итогѣ всѣхъ подсчетовъ, по г. Патканову, оказывается, что «*инородческое населеніе* (съ 1816 по 1897 гг.) *увеличивается съ числѣмъ отъ всѣхъ крупныхъ административныхъ единицъ Сибири по сю сторону Станового хребта*» (стр. 17), но въ 3 сѣверныхъ округахъ Западной Сибири оно не отличается жизнеспособностью: тамъ инородцы или вымираютъ, или приостановились въ своемъ приростѣ; въ Колымскомъ округѣ Якутской области вымираетъ бродячее населеніе; въ Охотскомъ округѣ туземцы, сильно уменьшавшіеся въ своей численности до IX ревизіи, съ тѣхъ поръ, повидимому, не убывали вновь; наконецъ, въ Туруханскомъ краѣ обнаруживается нѣкоторый, весьма слабый, приростъ. Такимъ образомъ, убыль или приостановка прироста составляютъ удѣлъ инородческаго населенія лишь въ наиболѣе отдаленныхъ окраинахъ сѣвера и востока Сибири.

Въ третьей главѣ своего труда авторъ переходитъ къ наиболѣе интересному для изслѣдователей обзору отдѣльных народностей и прослѣживаетъ измѣненія ихъ численности съ отдаленнѣйшихъ временъ, о какихъ сохранились свѣдѣнія, до 1897 года. Конечные выводы его при этомъ таковы:

Остяки «въ своей совокупности вымираютъ: изъ четырехъ округовъ, въ которыхъ они проживаютъ, они за послѣднія десятилѣтія уменьшились въ числѣ въ трехъ (въ Тобольскомъ, Березовскомъ и въ Парыскомъ краѣ) и въ одномъ (Сургутскомъ) ихъ численность слабо увеличилась» (стр. 36).

Вогулы кочевые и бродячіе «въ Березовскомъ и Тобольскомъ округахъ не измѣнились въ числѣ со времени VIII ревизіи, а въ Туринскомъ уменьшились со времени X ревизіи. Осѣдлые вогулы этого округа, напротивъ, имѣютъ положительный приростъ, компенсирующий убыль кочевыхъ его вогуловъ, и въ результатѣ вогулы, какъ Туринскаго округа, такъ и всѣ вогулы губерній вообще, приблизительно сохранили численность, какую они имѣли въ X ревизію» (стр. 39).

Самоды распадаются на двѣ группы: «остяко-самоды и юраки вымираютъ, енисейскіе самоды и тавгійцы показываютъ положительный приростъ», но такъ какъ первыхъ больше, то «въ результатѣ общая численность самодьскаго племени постепенно медленно падаетъ» (стр. 47—48).

Якуты, «какъ кочевники Якутской области, такъ и бродячіе Туруханскаго края (включая долганъ), являются вполне жизнеспособнымъ племенемъ, которое, насколько у насъ хватаютъ данныя, постоянно имѣло положительный приростъ, въ послѣднія 4 десятилѣтія до переписи, однако, довольно слабый. Что касается до полуосѣдлыхъ якутовъ крайняго сѣвера Якутской области, то они, подобно другимъ мѣст-

нымъ инородцамъ (юкагирамъ, ламутамъ), уменьшились въ числѣ со времени X ревизіи, хотя и не такъ сильно» (стр. 59).

Мелкія тюркскія племена Западной Сибири, за исключеніемъ вымирающихъ карагасовъ, койбаловъ и барабинскихъ татаръ, въ общемъ значительно увеличились въ своей численности, а убыль киргизъ-кайсаковъ авторъ склоненъ объяснять выселеніемъ части ихъ въ другія мѣстности.

Собственно о *киргизахъ*, какъ о жителяхъ Степного края, г. Паткановъ, къ сожалѣнію, не даетъ никакихъ свѣдѣній, ограничиваясь для Западной Сибири изученіемъ населенія Тобольской и Томской губерній.

Бураты, по заключенію автора, обнаруживаютъ большое различіе по мѣсту своего обитанія: въ то время какъ въ Забайкальской области бурятское населеніе (мѣстами сильно перемѣшавшееся по крови съ тунгусами) показываетъ приростъ, въ Иркутской губерніи, послѣ X ревизіи, изъ 18 вѣдомствъ въ 9 бураты убыли болѣе чѣмъ на $\frac{1}{10}$ своего прежняго числа, въ общемъ же за весь указанный періодъ они имѣли по цѣлой губерніи совершенно ничтожный приростъ въ 1,30 про mille.

Тунгусы въ Иркутской губерніи быстро вымираютъ, въ Енисейской нѣсколько увеличиваются, а въ Якутской области наличное населеніе этого племени убыло со времени X ревизіи на 1730 душъ, по г. Паткановъ для населенія Якутскаго округа находитъ объясненіе этого факта преимущественно въ эмиграціи за предѣлы области. Въ частности Майскіе тунгусы, какъ предполагаетъ авторъ, «по всему вѣроятію увеличились въ числѣ, Кангаласцы и Байгантайскіе, повидимому, не измѣнились существенно со времени X ревизіи, а Ламунхинскіе уменьшились въ числѣ» (стр. 103). Въ дальнихъ округахъ области (Верхоянскій, Колымскій и Вилюйскій) тунгусы, какъ и другіе инородцы, обнаруживаютъ убыль. Крупная убыль наблюдается также среди разноименныхъ мелкихъ племенъ Амурскаго и Уссурийскаго края, причѣмъ отчасти эта убыль можетъ быть отнесена къ эмиграціи.

Разнообразныя *палазіатскія народности* дальняго сѣверо-востока въ общемъ быстро идутъ къ исчезновенію, за исключеніемъ, быть можетъ, камчадаловъ, которые ранѣе обнаруживали крупную убыль, но въ послѣднія десятилѣтія, сильно перемѣшавшіеся съ русскими, повидимому, начинаютъ нѣсколько оправляться отъ пережитаго, послѣ завоеванія, кризиса всего національнаго быта.

Въ главѣ IV авторъ приводитъ данныя о численности у инородцевъ дѣтей обоего пола въ возрастѣ до 5 лѣтъ и приходитъ къ выводамъ, вполне благоприятнымъ для изучаемаго населенія.

Въ заключительной (V) главѣ г. Паткановъ бросаетъ общій взглядъ на установленные имъ ранѣе факты и приводитъ ихъ въ связь съ условіями инородческаго быта въ разныхъ районахъ Сибири: увеличиваются въ числѣ народности, экономически болѣе обезпеченныя, успѣвшія осѣсть на землѣ и перейти къ формамъ куль-

турного или полукультурного быта; исчезают преимущественно зёрноты и рыболовы, беззащитные перед напором эпидемий, стихийных бедствий, систематического спавивания и безопасной эксплуатации. Автор высказывает твердую уверенность в том, что «борьба с вырождением и угасанием инородцев Сибирского Севера вполне возможна и при известной энергии общества дать хорошие результаты» (стр. 180). В особом приложении к книге намечается даже план программы тех мер, которые, по мнению автора, могли бы обеспечить такой результат. Помимо этого, г. Патканов даёт в конце своего труда весьма интересные справки об увеличении численности и об уменьшении территории американских индейцев с 1880 по 1907 г. и о датских порядках управления инородцами Гренландии.

Серьёзные возражения могут вызвать лишь те взгляды, которые высказываются во втором приложении «об ассимиляции белых с цветными расами в колониях европейцев», где автор вступает в область чистой антропологии. Едва ли какой-нибудь другой научный вопрос обсуждается в такой неблагоприятной обстановке, какая создаётся вокруг вопроса о помесьях и о духовных дарованиях так называемых «нижних рас». Помимо глубоко вкоренившегося среди многих представителей англо-саксонского и германского мира расового высокомерия, большое значение тут имеют и те могущественные материальные и политические интересы, которые побуждают господствующую народность искать оправдания своим действиям в «доказанной» будто бы бездарности и какой-то мистической обречённости расы истребляемой и эксплуатируемой... Между тем, глубоко презираемые американцами негры, за сороклетие своей свободы, несмотря на самые тяжёлые социальные условия, успели сделать гигантский шаг на пути не только материальной, но и духовной культуры, и теперь имеют в своей среде врачей, юристов, профессоров, беллетристов и т. п. ... Самое понятие «нижней расы» многими антропологами отрицается, как совершенно ненаучное, так как признаки животного типа распределяются среди человеческих племен без всякой связи с уровнем культуры, на которой это племя стоит в данный исторический момент. У монголов, например, такой существенный признак чисто-человеческого типа в отличие от зоологического, как развитие грудной клетки больше в ширину, чем в высоту, обнаруживается полнее, чем у европейцев, и т. п. ... У нас, в России, наш гениальнейший поэт имел в своих жилах столь презираемую американцами африканскую кровь, другой великий поэт — Жуковский — был сыном турчанки, такой выдающийся историк и публицист, как Щапов — сыном бурятки, и т. д. и т. д. В виду всего этого, вопрос о результатах метисации европейцев с цветными никак нельзя считать решённым для науки в том смысле, в каком его считают решённым раз навсегда германское Колониальное Общество или

почтенные прелаты и пасторы, участвовавшие в таком числе на панамериканском конгрессе 1908 года... Сам г. Патканов по отношению к сибирским инородцам, повидимому, не разделяет предубеждений этих прелатов и в тексте своего труда (стр. 179) признаёт, что от смешения русских с тюрками, бурятами и тунгусами «получается здоровая и жизнеспособная раса», и нельзя не пожалеть, что в приложении, знакомя нас со взглядами на этот предмет, господствующими в англо-американском и германском обществах, автор не отгнул своего собственного взгляда, как видно из всего духа его книги — более широкого и безпристрастного.

Слишком категорическим кажется нам также утверждение автора (стр. 199), будто «в Сибири ни ученые, ни общество, ни правительство не интересовались смешанными расами» и т. д. Кроме Ядринцева, над вопросом о русских помесьях в Сибири останавливался покойный Щапов, и тому же вопросу посвящены некоторые статьи в органе московского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии «Русском Антропологическом Журнале».

Возможно, что кропотливый анализ каждой отдельной цифры мог бы повести к некоторым поправкам в вычисляемом автором проценте прироста отдельных групп, но по широте своего содержания и по своей общей ценности труд г. Патканова составляет капитальный вклад в литературу о Сибири, и впредь он, конечно, послужит одним из основных пособий для всякого, занимающегося изучением коренного населения великой страны.

И. Майнов.

13. P. W. Schmidt. Grundlinien einer Vergleichung der Religionen und Mythologien der austronesischen Völker. Wien 1910. Pp. 142. 8°.

В сравнительно мало обработанной области малайско-полинезийского языковедения патер В. Шмидт — один из наиболее выдающихся исследователей. Для выяснения некоторых основных вопросов о взаимоотношении этих языков между собою и возможности их генетической связи с соседними группами очень много было сделано такими учеными как англичанин Логан, голландец Керн и немец Кун. Шмидт продолжал и в некоторых отношениях довершил их работу. Логан и Кун, например, предполагали возможность и даже вероятность родства малайско-полинезийских языков с некоторыми группами в Ю.-Восточной Азии. Шмидт взялся за окончательное решение этого вопроса, и после тщательного изучения новейших данных, относящихся к языкам Монг-Хмерской группы в Пегу и Камбодже, и к языкам Муидарийской группы в С.-Вост. Индии ему удалось вскрыть такие сходства структуры и словесного материала, что не могло остаться никакого сомнения относительно генетической связи этих групп с малайско-по-

линезийской или, как Шмидт их называют, с австронезийскими языками. Это важное открытие Шмидта устанавливает существование очень широко — от подножия Гималаев до Новой Зеландии — распространенного семейства языков, имеющих свои корни по всем фронтам в Юго-Восточной Азии. Шмидт дал этому семейству общее название «австрическое» (Austrisch). Южно-азиатские группы он называет «австроазиатскими», а малайско-полинезийские языки, как уже сказано, «австронезийскими».

Разбираемая здесь работа представляет собой попытку определить основные черты религии и мифологии «австронезийских» народов, точнее, тех народов, которые говорят на австронезийских языках. Это задача достаточно широкая, но как показывает работа Шмидта, вовсе не безнадежная, даже при теперешней скудости материала и необработанности многих частей области. Только раз задача поставлена так широко, можно пожалеть, что она не поставлена еще шире, так, чтобы включить в исследование и австроазиатские народы. Тогда можно было бы с большей уверенностью говорить о порядке возникновения отдельных стадий религиозного и мифологического мышления. Когда, например, Шмидт говорит, что полинезийская мифология не представляет ничего первобытного, что она является, по отношению к индонезийской, вторичной или третичной стадией, он может быть и прав. Но сравнение с мифологиями некоторых из более диких монгольских или мундарианских народов, во всяком случае, дало бы много для выяснения, насколько мною тех борнейских и суматранских народов, на которых Шмидт строит свои основные положения, сами являются первобытными. Это тем более важно, что в системе, установленной Шмидтом, многое крайне спорно.

Цель работы, по словам автора: «Дать образец такого способа исследования мифов, которое, ограничиваясь строго определенной (этнографической) областью, старается исчерпывающе исследовать, чтобы вскрыть, по возможности, цельные связанные системы мифов, и по изменениям, которым подвергаются эти системы или отдельные части их в разных местах области, постепенно выяснять законы мифологической эволюции вообще». С этой целью Шмидт рассматривает, насколько наличные данные ему позволяют, религии и мифологии диких или полудиких народов в Борнео, части Суматры, на острове Ниах (на з. от Суматры), на Целебесе и на западных и юго-западных островах малайского архипелага — т. е. на большинстве островов Индонезии; затем в Меланезии, т. е. на островах непосредственно к сев.-вост. и востоку от Новой Гвинеи и от сев.-вост. Австралии; затем в Микронезии (Гильбертские и Маршалльские острова), и в Полинезии. Мадагаскар рассматривается, как и следует, в связи с Индонезией. Главное внимание обращено на Борнео, Суматру, Ниах и Целебес. Шмидт сравнивает и очень остроумно разбирает мифологию этих островов, и результаты, отсюда до-

бытые, применяются к мифам других частей Австронезии, где поправляя, где прибавляя. Таким образом Полинезию, где материалы по мифологии имеются в особенно большом количестве, Шмидт рассматривает поверхностно, только применяя свою схему к некоторым, довольно случайно выбранным мотивам. В самой Индонезии он исключает из сферы своего внимания малайцев и яванцев, так как они подвергались сильному влиянию Индуизма и Ислама, и филиппинские народы, — по недостатку материала. Если вспомнить, что взаимоотношения народов даже в более узкой сфере Индонезии до сих пор не выяснены с достаточной точностью, что относительно времени и направления миграции, смешения рас, взаимодействия культур, очень многое остается неизвестным, становится ясно, что к результатам исследования религии этой области, так тесно связанной со всем сложным общественным укладом, надо относиться с осторожностью. Можно говорить об остроумных предположениях, о смелых гипотезах, о более или менее обоснованных догадках, но не о каких-нибудь бесспорных заключениях.

Та мифологическая система, которую Шмидт рисует в очень определенных и уверенных чертах, сводится к следующему. В основе австронезийской религии лежит вера в одно Высшее Существо, ясные следы которой автор находит на Борнео, Суматре, Целебесе и в некоторых частях Меланезии и Микронезии, но не в Полинезии. По мнению автора, вера в это Высшее Существо, в нравственно чистого и всемогущего творца мира, постепенно затемнилась благодаря развитию лунной мифологии, и еще в большей степени вследствие позднейшего вторжения чуждой австронезийским народам солнечной мифологии. Лунная мифология описывается, — при помощи иногда грубых, иногда на первый взгляд бессмысленных символов, представляющих четыре фазы луны, — творение земли, людей и богов. Главный признак более ранних стадий лунной мифологии то, что она с большой осторожностью, даже с боязнью и с отвращением, говорит о половых отношениях. Она описывает создание, прямое творение, но не рождение. Божества, вырастающие из этой мифологии, находятся в отношениях брата и сестры, но не мужа и жены. Вторжение половых отношений, превращение бога-брата в мужа, богини-сестры в жену, начало рождения, — все это есть уже признак падения. Оно могло бы совершиться вследствие развития и осложнения самой лунной мифологии благодаря вышней аналогии, и затемнению первоначального смысла образов и символов. Но, по мнению Шмидта, толчок к дальнейшему развитию полового элемента был дан солнечной мифологией с ее ярко выраженным стремлением символизировать оплодотворительную деятельность солнца и, вслед за ним, всех живых существ. Солнечная мифология искажает лунную, путает ее образы, делает ее символы непонятными, придает ее главным фигурам новые чуждые функции, низводит ее до положения смутной старой веры. Следы влияния солнечной мифологии Шмидт находит уже на Борнео и

Суматрѣ, но эти слѣды сильнѣе на Целебесѣ. Солнечные мифы, отчасти развившіеся въ мифы о мужѣ-небѣ и землѣ-женѣ становятся преобладающими въ юго-восточныхъ и Молуккскихъ островахъ, гдѣ авторъ предполагаетъ, отчасти на основаніи лингвистическихъ данныхъ, значительную примѣсь папуасскаго — т. е. чужого, не австронезійскаго — элемента. Такъ какъ Шмидтъ предполагаетъ, что полинезійскіе народы вышли именно отъ этой ю.-в. части Индонезіи, онъ считаетъ то преобладаніе солнечныхъ или небесныхъ мотивовъ, которое на его взглядъ характеризуетъ полинезійскую мифологию, совершенно естественнымъ. Солнечная мифологія вторглась въ первобытную австронезійскую лунную мифологию, по мнѣнію автора, благодаря встрѣчѣ и смѣшенію съ папуасскими народами. Эти двѣ мифологіи носятъ очень различный характеръ: — въ то время какъ лунная является въ глазахъ Шмидта «символически-эстетическимъ» выраженіемъ первобытной поэтической философіи, солнечная носитъ характеръ «аграрно-утилитарный». Далѣе Шмидтъ утверждаетъ безъ достаточно вѣсныхъ доказательствъ, что тамъ, гдѣ преобладаетъ лунная мифологія, уровень нравственности сравнительно высокъ, но что развитіе солнечной мифологіи сопровождается фаллическими культами, половой распущенностью и общимъ паденіемъ нравственности. Такимъ образомъ въ общей картинѣ австронезійскаго религіознаго развитія онъ видитъ картину вырожденія.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробную оцѣнку этой системы. Она является, до известной степени, иллюстраціею къ болѣе общей работѣ того же автора, которая теперь печатается подъ названіемъ «Sur l'origine de l'idée de Dieu» въ редактируемомъ Шмидтомъ журналѣ «Anthropos». Въ этой работѣ Шмидтъ является горячимъ защитникомъ теоріи, — защищаемой также такимъ выдающимся изслѣдователемъ какъ А. Лангъ, о существованіи среди первобытныхъ народовъ вѣры въ одно Высшее Существо. Тамъ же онъ даетъ образецъ анализа астральныхъ мифовъ юго-восточныхъ австралійцевъ, подобный анализу борнейскихъ мифовъ въ разбираемой работѣ. На этомъ остроумномъ анализѣ борнейскихъ, — даекскихъ — мифовъ, главнымъ образомъ и построена вся Шмидтова система австронезійской мифологіи. Что дѣло именно идетъ о лунныхъ и солнечныхъ мифахъ нельзя сомнѣваться, особенно послѣ сравненія съ нѣкоторыми изъ мифовъ Суматры и Целебеса. Мотивы творенія какихъ-то странныхъ безформенныхъ существъ безъ рукъ и безъ ногъ, паука бросающаго свою нитку на одинокую скалу, тогда когда существовало только небо и море, рукоятія меча брошеннаго на землю, моря въ видѣ змѣи съ короною, пораженія змѣи горячими стрѣлами, чудеснаго дерева, — всѣ эти и другіе мифы повторяются съ достаточной послѣдовательностью и въ достаточно опредѣленныхъ комбинаціяхъ, чтобы можно было видѣть въ нихъ главные очертанія лунныхъ и солнечныхъ мифовъ. Положеніе становится болѣе спорнымъ, когда авторъ возводитъ элементы борнеоскихъ и целебескихъ мифовъ въ систему опредѣляющую ходъ рели-

гіознаго и мифологическаго развитія во всей области австронезійскихъ языковъ. И чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе становятся сомнѣнія. Напримѣръ, Шмидтъ находитъ самые ясные слѣды вѣры въ Высшее Существо на Борнео и Суматрѣ, и находитъ эту вѣру, связанную съ болѣе чистой, по его мнѣнію, лунной мифологіи, онъ выводитъ отсюда заключеніе, что эта вѣра представляетъ наиболѣе первобытную стадію австронезійской религіи. Возможно, что это такъ, но съ другой стороны Борнео и Суматра находятся въ сферѣ сильнаго Исламскаго и Индуистскаго вліянія и можно спросить, не тутъ ли искать объясненіе большей опредѣленности вѣры въ Высшее Существо здѣсь, чѣмъ въ болѣе отдаленныхъ частяхъ Австронезіи? Высшее Существо носить очень часто индусское названіе Батара, Петара и т. д., что, можетъ быть, конечно, только примѣненіе чужого названія къ родному понятію. Шмидтъ утверждаетъ также, что Браха, по крайней мѣрѣ, въ принятой на Явѣ формѣ Индуизма, не имѣлъ тѣхъ опредѣленно личныхъ и нравственныхъ качествъ, которыя присущи Высшимъ Существамъ Даяковъ. Но надо считаться также и съ вліяніемъ ислама, и какъ разъ у того племени Бахау во внутреннемъ Борнео, мифамъ и религіознымъ понятіямъ котораго Шмидтъ придаетъ исключительно важное значеніе, употребленіе въ описаніи Высшаго Существа выраженія о преступленіяхъ противъ «адата» (обычнаго закона), съ несомнѣнностью указываетъ на мусульманское вліяніе. Поэтому приходится отнестись съ большою осторожностью ко всѣмъ предположеніямъ о первобытной вѣрѣ въ Высшее Существо въ тѣхъ островахъ, гдѣ Шмидтъ находитъ болѣе чистый видъ австронезійской мифологіи. Такой основной вопросъ нельзя рѣшить, не выяснивъ степени вліянія малайцевъ и яванцевъ на окружающіе народы, и очень возможно, что для точнаго выясненія значенія борнейскихъ и суматраскихъ мифовъ, въ которыхъ часто встрѣчаются индійскія имена, сравненіе, по крайней мѣрѣ, съ малайскими вѣрованіями будетъ полезно.

Патеръ Шмидтъ хочетъ дать образецъ изслѣдованія «въ строго опредѣленной области». Область выбрана Шмидтомъ и слишкомъ широкая и въ то же время слишкомъ узкая, по это была бы не большая бѣда, если бы авторъ соблюдалъ опредѣленную схему взаимоотношеній между отдѣльными частями этой области. Къ сожалѣнію, Шмидтъ этого не дѣлаетъ. Напримѣръ, чтобы объяснить имя одного божества Лоуаланги (Lowalangi), на островѣ Ніасѣ на западѣ отъ Суматры онъ приводитъ названіе Лоуа (Lowa) изъ Маршалскихъ острововъ въ далекой Микронезіи, хотя названіе маршалскаго божества, кажется, находитъ достаточно ясное объясненіе въ мѣстномъ языкѣ, и никакихъ другихъ прямыхъ отношеній между Ніасомъ и Микронезіей нѣтъ. Чтобы объяснить значеніе имени мадагаскарскаго божества Запахари (Zapahari), онъ приводитъ имя божества изъ Чамскихъ надписей, найденныхъ въ Камбоджѣ — т. е. въ австроазиатской, но внѣ австронезійской области. Еще болѣе досадно, что такой опытный лингвистъ какъ Шмидтъ можетъ въ своемъ увлеченіи

религиозно-мифологическими теориями пренебрегать элементарными правилами лингвистического сравнения. В классическом миф первый человек называется Сихан. Шмидт сравнивает Сихан с именем первого человека в тонганском мифе Кохан—Кто? и решает без всякого всякого основания, что Сихан тоже должен значить—Кто? и потому, подбирая разные Анге и Ангей (вбродно = втерь) из борнеоских мифов, отбрасывает первый слог и утверждает, что оставшееся ге или гей тоже вбродно значить кто? И все это на основании случайного сходства Кохан с Сихан! С таким же правом можно было бы объяснить имя, скажем, в португальской сказке, именами из сербских или бенгальских сказок, просто на основании принадлежности соответствующих языков одному семейству. В другом месте (стр. 102, 103), указывая, что некоторые мотивы на Адмиралтейских островах чужды индонезийской мифологии, и отмечая, что подобные еще мотивы находятся в мифологии южно-восточных австралийцев, Шмидт решает, что они имеют «папуасский» характер. Но почему назвать австралийцев «папуасами»? Сам автор доказывает в другом месте¹⁾, что южно-восточные австралийцы вбродно являются остатком первоначального населения материка, и что если была папуасская иммиграция, следы ее влияния вбродно можно отыскать на севере. Если приписать очень важную солнечную мифологию папуасскому влиянию, то тем более нельзя допустить такую растяжимость самого понятия «папуасского», которое пока относится к определенной группе языков на Новой Гвинее и некоторых соседних островах. Было бы досадно, если бы, работая над историей религии, Шмидт нанес бы ущерб своим же собственным, очень ценным, лингвистическим изысканиям.

Наименее удачною стороною исследования приходится считать объяснение значения и источников солнечных мифов. Предположение об их вторжении из папуасской мифологии слишком слабо обосновано, и во всяком случае папуасской мифологии пока очень мало известно. С другой стороны один из главных недостатков работы, отсутствие общей оценки значения культурных влияний с запада, особенно из Индии, сильно чувствуется в рассуждениях о связи половых элементов с солнечной мифологией. И все таки книга Шмидта, при многих недостатках и крупных пробелах, несмотря на далеко недостаточную обоснованность ее мифологической системы, является смелой попыткой в новой области, будит мысль и намечает многие возможные пути исследования.

Г. Вильямс.

1) В журнале «Мир» (1908 г.).

ЖИВАЯ СТАРИНА.

XX

годъ изданія

1911

Основана В. И. Ламанскимъ.

XX

годъ изданія

1911

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, при содѣйствіи Секретаря Отдѣленія и Редакціонной Коммисіи, въ XX году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками по 8—10 листовъ въ каждомъ, въ Мартѣ, Маѣ, Октябрѣ и Декабрѣ.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей народностей Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодействія въ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной словесности, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библиографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Подписная цѣна: съ доставкою для городскихъ подписчиковъ — 5 р., для иногороднихъ — 5 р. 50 к. и за границу — 6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, для сельскаго духовенства, учителей и учащихся — 2 р. 75 к. Для членовъ Отдѣленія Этнографіи, по каждому особому разъ заявленію въ Отдѣленіи, 1 р. въ С.-Петербургѣ и 1 р. 50 к. для иногороднихъ. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старинѣ“ (Спб., Демядовъ пер., 8-а).

Редакція.

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Годъ XX.

Выпускъ II.

1911.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ. •

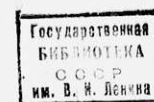
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи	IX — XVIII
Г. Петкевичъ. Матеріалы по народной медицинѣ литовцевъ	167—218
Эд. Пекарскій и Вл. Цвѣтковъ. Прианскіе тунгусы	219—232
Дм. Зеленинъ. Обрядовое празднество совершеннолѣтія дѣвицы у русскихъ	233—246
В. Ф. Троцанскій. Опытъ систематической программы для собранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ	247—292
Н. Воробьевъ. Программа для собранія народныхъ музыкальных инструментовъ	293—294
Н. Могилянскій. Федоръ Михайловичъ Плюшкинъ	295—296
А. Самойловичъ. Къ вопросу о нареченіи имени у турецкихъ племенъ	297—300
Андрей Рудневъ. Плугъ у восточныхъ Монголовъ	301—302
Критика и библиографія	303—322

8. K. Rhamm. Ethnographische Beiträge zur germanisch-slavischen Altertumskunde. Дм. Зеленина, 308—307. 9. Каталогъ библиотекъ Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III. Сергѣя Ольденбурга, 308—309. 10. Lietuvių tauta Lietuvių Mokslo draugijos raštai. Э. Вольтера, 309—311. 11. Kalwailis, W. Lietuvių ward klėtele Э. Вольтера 312. 12. С. Паткановъ. О простотѣ инородческаго населенія Сибири. И. Майнова, 312—317. P. W. Schmidt. Grundlinien einer Vergleichung der Religionen und Mythologien der austronesischen Völker. Г. Вильямса, 317—322.

Журналы заседаній Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

IV. Засѣданіе 5 марта 1911 г.

Засѣданіе состоялось подъ предѣтельствомъ Предѣдательствующаго въ Отдѣленіи С. Ѳ. Ольденбурга, въ присутствіи Товарища Предѣдательствующаго, С. К. Булича, гг. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ: Б. Б. Барадійна, Б. Я. Владимірцова, Э. А. Вольтера, В. Г. Глазова, А. А. Достоевскаго, Д. К. Зеленина, П. П. Михайловскаго, А. Д. Руднева, И. И. Соломина и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Членъ сотрудникъ Общества, Е. Э. Линева сдѣлала сообщеніе на тему: «Напѣвы духовныхъ христіанъ: Молонанъ, Духоборовъ, Ново-Израиля (изъ поѣздки на Кавказъ лѣтомъ 1910 г.)», по слѣдующей программѣ:

1. Введеніе. Русскіе сектанты на Кавказѣ. Трудность ихъ положенія. Ихъ удивительная способность къ труду и сила воли. Исканіе правды. Связь между ихъ религіозными идеалами и практической жизнью. Братство. Взаимопомощь. Общинные принципы, какъ слѣдствіе первобытно-христіанскаго міровоззрѣнія. Псалмы и духовные стихи, какъ выраженіе религіозныхъ взглядовъ. Напѣвы псалмовъ, ихъ музыкальное значеніе. Своеобразіе голосоведенія.

2. Молокане въ Тифлисѣ. Первое знакомство съ ними. Собраніе въ молитвенномъ домѣ. Толпа молящихся. Преобладаніе людей пожилыхъ. Расколъ между старыми и молодыми молоканами. Записыванье псалмовъ отъ старыхъ молочанъ. Особенность ихъ пѣнія. Сходство съ народной пѣней въ многоголосномъ строеніи. Раз-

лічє въ текстовомъ складѣ — пѣсни (стихами) и псалмы (прозой). Оригинальность построєнія музыкальнаго періода. Молитвенное собраніе молодыхъ молокагъ. Вліяніе баптистовъ. Проповѣдь. Публичное покаяніе. Пѣніе псалмовъ. Знакомство съ молодыми молоканами. Записыванье ихъ псалмовъ. Музыкальныя особенности послѣднихъ.

3. Духоборы. Первое знакомство. Деревня Орловка и ея обитатели. Дуня Веригина, жена вождя духоборовъ, Петра Васильевича Веригина, его сынъ Петръ и семья его. Алеша Воробьевъ, духовный братъ П. В. Веригина. Общій характеръ мѣстности Духоборья. Бесплодная почва холодныхъ горъ. Зажиточность Духоборовъ. Ихъ замѣчательная трудоспособность. Праздникъ Петра и Павла, день именинъ Петра Веригина и память о сожженіи оружія. Пѣніе псалмовъ. Оригинальность и строгость ихъ напѣвовъ. Обрядъ братскаго цѣлованія. Затрудненія съ записываніемъ псалмовъ. Помощь молодого Веригина. Записыванье псалмовъ фонографомъ. Оригинальность ихъ музыкальнаго строенія.

Псалмы и духовные стихи, какъ выраженіе духовно-религіознаго міровоззрѣнія духоборовъ.

4. Община новаго Израїля. Раціоналистическая деревня «Надежда». Знакомство съ членами общины. Первые впечатлѣнія. Молитвенное собраніе. Пѣніе Сіонскихъ пѣсень. Напѣвы ихъ. Текстъ. Сіонскія пѣсни, какъ выраженіе идеаловъ и стремленій общины.

5. Общее заключеніе.

Сообщеніе сопровождалось показываніемъ діапозитивовъ и исполненіемъ напѣвовъ на фонографѣ.

II.

Дѣйств. членъ А. Д. Рудневъ сдѣлалъ краткое сообщеніе: «О дѣятельности международной Фольклористической Федерациі (FF) и предложеніи русскимъ фольклористамъ примкнуть къ ней».

По заслушаніи сообщенія А. Д. Руднева Предсѣдательствующій поставилъ на голосованіе слѣдующія предложенія:

1. Желательно-ли присоединеніе Отдѣленія Этнографіи къ международной федерациі фольклористовъ.

Постановлено: желательно.

2. Передать предложеніе А. Д. Руднева въ Редакціонную Комиссію Отдѣленія для выработки мотивированнаго доклада Совѣту Общества.

Постановлено: передать.

3. Возобновить дѣятельность Сказочной комиссіи.

Постановлено: возобновить.

4. Послѣ рассмотрѣнія предложенія А. Д. Руднева въ Редакціонной Комиссіи и въ случаѣ утвержденія доклада Редакціонной Комиссіи Совѣтомъ Общества разослать заинтересованнымъ лицамъ оттиски сообщенія А. Д. Руднева изъ «Живой Старины» вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о возобновленіи дѣятельности Сказочной комиссіи.

Постановлено: исполнить.

III.

Въ связи съ состоявшимися постановленіями Д. К. Зеленинъ предложилъ, чтобы на повѣткахъ засѣданій Редакціонной Комиссіи отмѣчались предметы засѣданій.

Постановлено: принять предложеніе Д. К. Зеленина.

IV.

Былъ прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

V.

Г. Предсѣдательствующій доложилъ о поступленіи изъ Совѣта Общества письма вдовы проф. В. В. Антоновича съ предложеніемъ издать трудъ ея мужа: историко-географическій словарь мѣстностей съ украинскимъ населеніемъ.

Постановлено: передать письмо г-жи Антоновичъ въ Редакціонную Комиссію.

VI.

Г. Предсѣдательствующій предложилъ желающимъ членамъ Отдѣленія записаться въ Сказочную Комиссію.

Записались: Б. Я. Владиміровъ, Э. А. Вольтеръ, Д. К. Зеленинъ, С. О. Ольденбургъ, А. Д. Рудневъ, А. М. Смирновъ, А. Н. Самойловичъ.

V. Засѣданіе 18 марта 1911 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи С. О. Ольденбурга, въ присутствіи гг. членовъ: почетныхъ, дѣйствительныхъ и сотрудниковъ: В. К. Арсеньева, Б. Б. Барадіина, В. В. Бартольда, А. А. Бѣлоголова, Г. В. Вильямеа, Б. Я. Владимірова, О. К. Волкова, П. Н. Головинина, А. А. Достоевскаго, Д. К. Зеленина, Д. Иванова, А. И. Иванова, И. С. Иванова, А. Н. Казнакова, П. К. Козлова, В. И. Липскаго,

С. П. Луневского, Г. В. Массальского, О. И. Митюрникова, Н. Н. Михайловского, А. А. Петерса, Г. М. Петрова, П. С. Попова, Д. А. Скалона, В. П. Шнейдеръ, Л. Я. Штернберга, и сторонних посетителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Д. гл. В. К. Арсеньевъ сдѣлалъ сообщеніе: «**Орочи-удэе**» по слѣдующей программѣ:

1. Географическое распредѣленіе инородцевъ. Что такое тазы. Первоначальное расселеніе инородцевъ по китайскимъ источникамъ и слѣдующія перемѣщенія.
2. Характеристика современныхъ орочей и удэе. Внѣшность: одежда, типъ. Различіе въ типѣ и языкѣ орочей и удэе.
3. Языкъ, письменность, счетъ и жестикуляція.
4. Жилище.
5. Общественная жизнь, коммунизмъ, гостепріимство.
6. Вымираніе инородцевъ и его причины, болѣзни и перемѣны въ условіяхъ жизни.
7. Бытъ орочей и ихъ характеръ. Питаніе, занятія, мореплаваніе, рыбная ловля, охота. Нравственные качества.
8. Семейная жизнь: раздѣленіе труда между мужчиной и женщиной; положеніе дѣтей; рожденіе ребенка. Бракъ и брачные обычаи.
9. Обычай кровавой мести. Судъ, наказанія, штрафы.
10. Анимизмъ; культъ предковъ. Миоы (легенда о происхожденіи орочей отъ медвѣди). Медвѣжій праздникъ. Тотемныя животныя. Предразсудки. Шаманство и его значеніе. Севохи и мионки. Загробный міръ и погребеніе умершихъ.
11. Представленіе о небѣ.
12. Разказы орочей о первомъ появленіи русскихъ.

Были показаны діапозитивы.

Нѣсколько замѣчаній по поводу сообщенія было сдѣлано Л. Я. Штернбергомъ.

Предсѣдательствующій благодарилъ докладчика отъ лица Отдѣленія за его сообщеніе и пожелалъ ему успешнаго продолженія этнографическихъ работъ на Дальнемъ Востока.

II.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

III.

Доложена просьба Ученаго Комитета Министерства Финансовъ доставлять бесплатно Библіотекѣ Комитета журналъ «Живая Старина».

Постановлено: просьбу удовлетворить.

IV.

Доложено предложеніе д. чл. Э. К. Пекарскаго избрать въ члены сотрудники Отдѣленія гг. Майнова и Иопова.

Постановлено: просить Э. К. Пекарскаго доставить свидѣнія о трудахъ названныхъ лицъ по этнографіи.

V.

Предсѣдательствующій доложилъ отзывъ Редакціонной Комиссіи о предложеніи вдовы проф. В. В. Антоновича издать безъ измѣненій рукопись ея мужа, посвященную географическимъ именамъ мѣстностей съ украинскимъ населеніемъ.

Редакціонная Комиссія высказалась за отклоненіе предложеніе г-жи Антоновичъ ввиду того, что безъ значительныхъ дополненій эта работа, которая въ настоящемъ видѣ авторомъ ея, очевидно, не предназначалась для печати, не можетъ быть напечатана.

Постановлено: предложеніе г-жи Антоновичъ отклонить и сообщить объ этомъ Совѣту Общества.

VI.

Предсѣдательствующій доложилъ 1) о пожертвованіи вдовою А. В. Григорьева Географическому Обществу 15.000 р. съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала употреблялись всѣми отдѣленіями Общества на изученіе сѣвера Европейской Россіи и Азіатской Россіи; 2) о желаніи брата покойнаго помощника предсѣдателя общества А. А. Тилло учредить при всѣхъ отдѣленіяхъ Общества нѣсколько премій имени покойнаго и о предложеніи г-на Тилло выработать и представить ему на просмотръ проектъ такихъ премій.

Постановлено: сообщеніе о пожертвованіи К. И. Григорьевой принять съ благодарностью къ свидѣнію, а предложеніе г-на Тилло передать въ Редакціонную Комиссію.

VII.

По предложеніи Предсѣдательствующаго были установлены дни перваго засѣданія двухъ отдѣловъ Комиссіи по составленію этнографической карты Россіи: по языку и по антропологіи.

VI. Засѣданіе 23 марта 1911 г.

Соединенное засѣданіе Отдѣленій Географіи Математической, Географіи Физической и Отдѣленія Этнографіи состоялось подъ предѣтельствомъ Ю. М. Шокальского и С. О. Ольденбурга, въ присутствіи гг. членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ и сотрудниковъ и многочисленныхъ стороннихъ посѣтителей, при секретаряхъ П. Б. Риппасѣ и А. Н. Самойловичѣ.

Профессоръ Женевскаго Университета Louis Duparc сдѣлалъ сообщеніе: «Un voyage à Madagascar», по слѣдующей программѣ:

Port-Said, le Canal et Suez.

La mer rouge. Djibouti. Les îles Seychelles. Diego-Suares. Tamatave. Les pangalanes. Tananarive. Végétation. Faune. Populations. Coutumes. L'Imerina. La traversée de l'île. La Betsiboka et Majunga. Coup d'oeil sur la colonisation. Les îles Comorres. Zanzibar et Mombasa.

Были показаны діапозитивы.

(См. журналъ засѣданія Отдѣленія Географіи Физической).

VII. Засѣданіе 1-го апрѣля 1911 г.

Соединенное засѣданіе Отдѣленій Географіи Математической, Географіи Физической и Этнографіи состоялось подъ предѣтельствомъ Предѣтельствующаго въ Отдѣленіи Географіи Физической Ю. М. Шокальского, въ присутствіи гг. членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ и сотрудниковъ и стороннихъ посѣтителей, при секретаряхъ П. Б. Риппасѣ и А. Н. Самойловичѣ.

Д. чл. Вс. М. Родевичъ сдѣлалъ сообщеніе: «Урянхайскій край и его обитатели» по слѣдующей программѣ:

1. Интересъ къ Урянхайскому краю. — Пути, ведущіе въ него. — Физическій очеркъ Восточно-Урянхайской котловины. — Средне Урянхайская котловина: горы, долины, населеніе. Долина р. Кемчика.

Общая данія Урянхайскаго края: пространство, культурныя уголья, лѣса, фауна, домашнія животныя, полезныя ископаемыя. — Рѣки Урянхы: общій характеръ; Большой Енисей-Бѣй-кемъ, Малый Енисей-Ха-кемъ, Урянхайскій Енисей—Улукемъ или Кемъ, Хамсара, Систикемъ, Кемчикъ. Судходность этихъ рѣкъ. — Первое плаваніе на моторной лодкѣ въ 1907 г. — Климатическія условія Урянхы.

Историческіе памятники въ Урянхѣ. — Историческія справки о прежнемъ населеніи Урянхы. — Древность племени урянховъ. — Первоначальныя сношенія съ Россіей. — Раздѣлъ 1727 года. — Преданія сойотовъ. — Урянхи съ точки зрѣнія развитія культуры.

2. Полу-кочевой бытъ сойотовъ. — Домашняя жизнь. Пища. — Охота. Рабочіе приемы. Болѣзни. Вѣѣшность. Натѣдничество. Нравственныя качества. Художественныя вкусы. Табакерки-флаконы. Календарная табакерка. Пѣніе. Преданіе о желѣзномъ плотѣ. Путешествіе на гору Буру.

Религія у сойотовъ. Шаманизмъ. Обоны. Кумирни. Ламаитское духовенство. Монастыри на Джедагѣ. Знакомство съ Гыгеномъ. Дѣятельность ламаитскаго духовенства въ Урянхѣ.

Административный строй сойотовъ. — Ихъ власти. — Нравственныя качества правителей. — Налоги и поборы. — Объединеніе урянховъ. — Ихъ общественныя собранія. — Итоги монгольскаго вліянія.

Появленіе китайскихъ купцовъ въ Урянхѣ. — Существующія фирмы, характеръ ихъ дѣятельности. — Экономическое поработеніе населенія. — Монополизациа торговли рогами, чаемъ и тканями. — Вредное нравственное вліяніе на населеніе.

Три повода русской колонизаціи въ Урянхай. — Характеръ ея. — Отношеніе къ туземцамъ. — Современное развитіе русской дѣятельности въ Урянхѣ. — Очерковыя ея задачи.

Были показаны діапозитивы.

(См. журналъ засѣданія Отдѣленія Географіи Физической).

VIII. Засѣданіе 22 апрѣля 1911 года.

Засѣданіе состоялось подъ предѣтельствомъ Предѣтельствующаго въ Отдѣленіи С. О. Ольденбурга, въ присутствіи гг. членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ и сотрудниковъ, и многочисленныхъ стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

Я. В. Прохоровъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: «Музыкально-поэтическое творчество русской женщины-крестьянки. Пѣсни свадебнаго обряда», по слѣдующей программѣ:

Свадебный обрядъ и участвующія въ немъ лица. Смотрины, сговоръ или рукобитіе. Вечеринки. Время, мѣсто и обстановка торжества.

Нѣсколько словъ о свадебныхъ пѣсняхъ Великорусовъ, Бѣлорусовъ, Малороссовъ, Поляковъ, Болгаръ и др. славянскихъ народовъ.

Стиль и характеръ свадебныхъ пѣсенъ. Манера исполненія.

Пѣсни въ честь жениха и невесты; пѣсни въ честь молодыхъ дѣвушекъ и парней; пѣсни вечеринковыя.

Дѣвичникъ и пропой. Пѣсни въ честь невесты.

Пріѣздъ жениха съ поѣзжаными. Величаніе гостей. Пѣсни въ честь женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ.

Утро передъ свадьбой. Отъездъ невесты изъ родительскаго дома. Вычание и свадебный пирь.

Утро послѣ свадьбы, прїездъ позывающихъ и обѣдъ въ домѣ родителей молодой. Величание новобрачныхъ, ихъ родителей и гостей.

Во время доклада были исполнены свадебныя пѣсни. Въ исполненіи ихъ участвовали: Г-жи О. Л. Зараева-Михельсонъ (лирическое сопрано), Г-жа * * (сопрано), Л. В. Никитина (драматическое сопрано), А. С. Доре (контральто), О. Н. Ламанская (контральто), Я. Ф. Ивановская (меццосопрано), М. Н. Антипина, М. О. Бѣлыхъ (контральто) и др. Гг. артисты Императорскихъ театровъ Г. А. Морской, Г. * * (басъ), ученики Г. А. Морского по классу пѣнія: Н. В. Страховичъ (теноръ) и Д. С. Взоровъ (баритонъ).

Исполнены были слѣдующія пѣсни:

1. Отъ терема да до терема. (Пѣня въ честь жениха и невесты).

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ и О. Н. Ламанская.

2. Ужъ ты яблонька, ты садовая.

3. Ужъ ты яблонька красна. (Объ пѣсни въ честь молодыхъ дѣвушекъ).

Исполнила Л. В. Никитина.

4. Ахъ ты молодецъ, молодецъ душа...

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ, Л. В. Никитина и А. С. Доре.

5. Березничекъ кустовой... (Объ пѣсни въ честь молодыхъ парней).

Исполнили: О. Н. Ламанская, М. О. Бѣлыхъ и М. Н. Антипина.

6. Подъ елью олень... (игровая пѣня).

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ и Л. В. Никитина.

7. Вдоль по травкѣ... (Веснянка).

8. Какъ за рѣчкой было, за рѣкою... (плясовая).

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ и М. О. Бѣлыхъ.

9. Oj zasypajmyz tep wianek wiç. (Польская пѣня).

Исп. Я. Ф. Ивановская.

10. Ой ты пчелка-пчелочка... (Веснянка-Танокъ).

Исп. О. Л. Зараева-Михельсонъ.

11. Ой, не думай, Марусенько... (Украинская).

Исп. Г-жа * *

12. Делми ти рекоф, девоіко. (Болгарская).

Исп. Е. В. Прохоровъ.

13. Заблудилась красна-дѣвица въ лѣсу... (Бытовая пѣня).

14. Пойдемте-ка, ребятунки, по темный мы лѣсъ... (Бытовая пѣня).

Исполнили: Г. А. Морской, П. В. Страховичъ, Д. С. Взоровъ и Г. * *—
(Вокальный квартетъ а Capella).

15. Я на печкѣ сижу... (Частушка).

Исп. Я. В. Прохоровъ.

Пѣсни въ честь невесты.

16. Зимой-лѣтомъ сосѣдушка была зеленá...

17. Ужъ какъ по мосту-мосточку...

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ, М. Н. Антипина и А. С. Доре.

18. Долго, долго сокѣл не летитъ... (trio).

Исполнили: Л. В. Никитина, М. Н. Антипина и А. С. Доре.

19. Дунули вѣтры по чистымъ полямъ...

Исполнили: Л. В. Никитина, М. Н. Антипина и А. С. Доре.

20. Летѣли голуби черезъ дворъ...

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ и О. Н. Ламанская.

21. Веревъ моя, перѣюшка... (trio).

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ, Л. В. Никитина и О. Н. Ламанская.

22. Какъ на зорькѣ было, на зарѣ...

Исп. О. Л. Зараева-Михельсонъ.

Пѣсни въ честь замужнихъ женщинъ.

23. Ай по лужку травка разстилается...

Исп. А. С. Доре.

24. Не по морюшку утенушка плавала...

Исполнила Л. В. Никитина.

Пѣсни въ честь невесты-сироты.

25. Ахъ ты елка, елка-сосенка...

Исполнила Л. В. Никитина.

26. По горамъ я ходила ... (trio).

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ, М. Н. Антипина и А. С. Доре.

27. Разлило то, разлилось ... (отъездъ невесты къ вѣнцу).

Исп. О. Л. Зараева-Михельсонъ.

28. На горѣ то стоитъ ёлочка ... (пріездъ поѣзжанъ).

Исполнила А. С. Доре.

29. Во горенкѣ во новой ... (въ честь молодыхъ).

Исполнили: О. Н. Ламанская, М. О. Бѣлыхъ и М. Н. Антипина.

30. Митано, Моме ... (Болгарская пѣня).

Исп. Я. В. Прохоровъ.

31. Я посѣю свое горе ...

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ, М. Н. Антипина и А. С. Доре.

32. Не по сѣнчикамъ ласточка летала ... (Объ пѣсни въ честь мужа и жены).

Исполнила О. Л. Зараева-Михельсонъ.

Акомпанировали: Е. К. Сергѣева-Вишневская, А. В. Пашкевичъ и Н. И. Аладовъ.

Матеріалы по народной медицинѣ литовцевъ.

I. Имена болѣзней, употребляемыя литовскимъ народомъ. II. Люди, имѣющіе, по мнѣнію народа, сверхъестественную власть. III. Взаимоотношенія между людьми, имѣющими сверхъестественную власть, и другими простолюдинами. IV. Объясненіе народомъ прирожденныхъ чело-вѣческихъ свойствъ, наклонностей и болѣзней. V. Разныя причины болѣзней и всякихъ не-нормальностей. VI. Определеніе признаковъ болѣзней. VII. Лѣченіе болѣзней: а) колдовствомъ; б) лѣченіе, соединенное съ религіозными обрядами и почитаніемъ святыхъ; в) лѣченіе травами, органическими веществами и разными другими приемами; г) роль луны въ народной медицинѣ.

I. Имена болѣзней, употребляемыя народомъ.

1. Akių užvilimas.

Бѣльмо (Nubescula).

2. Baltoji drapanė, baltoji mėnesinė.

Бѣли.

3. Čertaplaukis.

Воспаленіе надкостницы пальцевъ.

4. Dantų škorbutas.

Цынга.

У литовцевъ теперь цыгги врачи почти не встрѣчаютъ. Народъ называетъ цын-гою дурной запахъ изо рта, вследствие плохого содержанія его и порчи зубовъ.

5. Dantų skaudėjimas.

Зубная боль.

6. Diegliai.

Колотье.

7. Drugys.

Переменяющаяся лихорадка (Febris in-termittens) и вообще кратковременный жаръ съ ознобомъ.

8. Džiova.

Чихотка (Phytis).

9. Dėdirvinė.

Простой лишай (Lichen).

10. Dusas, dusyls.

Расширеніе легкихъ (Emphysema).

11. Gelta.

Желтуха (Icterus).

12. Gerklės uždegimas.

Воспаленіе глѣза (Angina).

13. Gumbas.

Всякое мѣстное затвердѣніе въ тѣлѣ, въ особенности вздутіе живота подъ ло-жечкой, соединенное съ сильными болями (cardialgia).

14. Grižas. Вслѣдствіе усиленной работы образуются недостаточность смазки¹⁾ въ сумкахъ сухожильныхъ влагалищъ мускульныхъ, чаще всего въ верхнихъ конечностяхъ; а потому при движеніи кистями рукъ чувствуется треніе сухожилия мускуловъ о стѣнки влагалищъ. (Inflammatio vaginae tendinum).
15. Grižas mažo vaiko bambelėje. Урчаніе, соединенное съ болями, въ животѣ дѣтей, вслѣдствіе дурного питанія.
16. Jadros. Корь (Morbilli).
17. Irmėdė. Ознобъ, ломота въ костяхъ и чувство холода. Гриппъ; инфлуэнца.
18. Kaltūnas. Колтуны (Plica polonica).
19. Kaltūnuotos rankos, Kaltūnuoti nagai. Золотуха (scrophulosis).
20. Karpa. Бородавка (Verruca).
21. Karštinė, Šiltinė. Тифъ (Typhus). Народъ не различаетъ родовъ тифа.
22. Kiauroji rožė. Воспаленіе подкожной клетчатки. (Phlegmone).
23. Kosulys. Кашель (Tussis).
24. Kyla. Грыжа (Hernia).
25. Lisninkai. Кишечная глиста (Ascarides lumbricoides).
26. Miežis. Ячмень. Воспаленіе мейбоміевыхъ желѣзъ вѣка.
27. Mėšlungis. Корчи.
28. Macica. Буквальный переводъ слова «macica» — матка (uterus). Народъ называетъ «macica» — симптомы катарального состоянія кишекъ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. Какъ мужчины, такъ и женщины жалуются, что у нихъ поднимается вверхъ «матка» и причиняетъ боли.
29. Niežai. Чесотка (Scabies).

1) Синовиальная жидкость.

30. Naujikaulis. Всякое малое затвердѣніе мускульной ткани, а равно ненормальное утолщеніе кости.
31. Nuomaras. Падучая болѣзнь (Epilepsia).
32. Perskelta lūpa. Заячья губа.
33. Prietvaras. Запоръ (Constipatio).
34. Pagedimas. Бѣшенство (Lyssa).
35. Plaučių uždegimas. Воспаленіе легкихъ (Pneumonia). ✓
36. Priemėtis, Priepuolis, Išgąstis. Всякія спазмы и нервные явленія вообще.
37. Pagadinimas. Болѣзнь отъ того, что человекъ съ нехорошими глазами сглазилъ.
38. Piktvotis, Mėlynasis spągas. Карбункулъ (carbunculus), Сибирская язва.
39. Piktšąsis. Favus.
40. Raupos, Rauplės. Оспа (Variola).
41. Rėmuo. Пяжого (Pyrosis).
42. Rožė. Рожа. Рожи, по мнѣнію народа, ученые доктора не въ состояніи излѣчить.
43. Sausgėla. Ломота въ костяхъ.
44. Spuogas. Прыщъ, угри (acne vulgaris).
45. Sloga, Slanktas. Насморкъ (Rhinitis).
46. Šašai. Струны.
47. Šunvotis. Чирей.
48. Saldžioji votis. «Prurigo», вообще хроническая экзема.
49. Trūkis. Преимущественно народъ такъ называетъ боль подъ ложечкой. Вообще боль въ груди или животѣ, появившаяся вслѣдствіе усиленной работы или подъема большихъ тяжестей и непродолившая отъ отдыха. Чаще всего иррадирующая боль со стороны позвоночника въ области живота или груди.
50. Trindė. Воспаленіе подкожной клетчатки на подошвѣ стопы. (Inflammatio tellae cellulosae).
51. Vandenė liga. Водянка.
52. Vejo užpūtimas, Užpūtis. Мышечный ревматизмъ (rheumatismus)

muscularis) и односторонний параличъ, вследствие кровоизліянія мозга (hemiplegia).

Ракъ (cancer).

Куриная слѣпота (hemeralopia).

Истерія (hysteria). Буквальный переводъ: одержимъ бѣсомъ.

Вередъ.

Воспаленіе кишечъ (enteritis).

Поносъ (diarrhea).

Крoвавый поносъ.

53. Vėžys, vėžio liga.

54. Vištátupis, Vištálaktis.

55. Velnio apsidėimas.

56. Votis.

57. Žarnų uždegimas.

58. Žyvas, Viduriavimas.

59. Kruvinasis žyvas, Kruvinasis viduriavimas.

II. Люди, имѣющіе, по мнѣнію народа, сверхъестественную власть.

1. Raganius, Žavėtojas.

Колдунъ, чародѣй.

2. Ragana.

Вѣдьма, чародѣйка.

3. Atžinda, Atžinduolis.

Человѣкъ, котораго мать ребенкомъ кормила грудью, на время прекратила и затѣмъ снова начала кормить.

4. Vardininkas.

Чародѣй, который только заговариваетъ болѣзни.

III. Взаимоотношенія между людьми, имѣющими сверхъестественную власть, и другими людьми.

1. Yra raganiai ir raganos, kur žmones gadina. Reikia su jais būti piktuoju, tai jie nepagadins, arba einant pro šalį reikia špygą kišenyje turėti.

1. Есть колдуны и вѣдьмы, которые приносятъ вредъ людямъ (могутъ сглазить). Советуется быть всегда съ ними въ ссорѣ, или, проходя мимо нихъ, держать въ карманѣ шишъ, тогда они не могутъ вредить.

Joniškėlio parapijoje yra Meškālauskio sodžiūje garsi raganų šeima: Ablunskiai.

Въ деревнѣ Мешкалаукисъ, Юганишкельскаго прихода, есть цѣлая семья чардѣвъ: Аблунскіе.

Kitas garsus raganus Joniškėlio parapijoje, Gailioniškių sodžiūje, Petrauskas ir dabar tebėra.

Другой извѣстный колдунъ Петровскій и теперь живетъ еще въ деревнѣ Гайлюнишки, Юганишкельскаго прихода (Морта Дудайчи изъ деревни Дичюны, Пушолат. прих., Поневъж. у. 13. I. 1904 г.).

2. Čigoną sutikus reikia špygą kišenyje laikyti, kad nepačėrėtų.

2. Встрѣтивъ цыгана, нужно держать шишъ въ карманѣ, чтобы не околдовалъ. (Она Юзапайтайчи изъ деревни Папишки, Пушолат. прих., Понев. у. 6. I. 1904 г.).

3. Pas visus žmones žmogysta akių ylalėje stačia stovi, o pas raganius skersa.

3. Если посмотримъ въ глаза обыкновеннаго человѣка, то увидимъ въ его зрачкѣ свое отраженіе прямо, въ вертикальномъ направленіи, а если увидимъ себя въ глазахъ какаго нибудь человѣка въ положеніи косомъ, то этотъ человѣкъ — чародѣй. (Морта Дудайчи изъ дер. Дичюны 13. I. 1904 г.).

4. Raganiai nežino, ką žmogus mano, bet ką tik žmogus ištaria, tai visa tą raganiai žino.

4. Чародѣи не могутъ знать, что люди думаютъ, но если произнести, хоть и тихо свою мысль, то чародѣй всегда ее услышитъ. (М. Дудайчи 13. I. 1904 г.).

5. Kad žmogų raganis taip pačeria, kad jis vemia, tai, užpylus ugnį ant vėmalo, raganui širdį pliko.

5. Если колдунъ заворожитъ человѣка настолько, что у него является рвота, то нужно насыпать жару на эти рвотные массы, тогда у колдуна обжигается сердце. (М. Дудайчи 13. I. 1904 г.).

6. Raganis gali žmogų paversti vilktakiu. Vilktakis lekia ir lekia per laukus ir miškus; susitikęs žmogų plėšia.

6. Чародѣй можетъ превратить человѣка въ волка (срв. Wolfsmensch, lykanthropos, волкодякъ, млр. вовкулака оборотень?) Такой оборотень бѣжитъ и бѣжитъ полями, лѣсами, встрѣтивъ человѣка бросается на него. (М. Дудайчи 13. I. 1904 г.).

7. Kokius 20 metų atgal pasisamdė mano tėvai bernioką Juozą, nežinodami visai, kad jis raganis. Kaip jis tik supykdamas, tuoj sakydamas seneliams:

7. Около двадцати лѣтъ тому назадъ мои родители наняли работника Юсифа, не зная совсѣмъ, что онъ былъ колдуномъ. Стоило ему разсердиться, какъ онъ сейчасъ угрожалъ старикамъ:

— «Aš jums pataisysiu po duknomis, kad vaitotų!» — arba — «Šiaundų įnešęs padraikysiu gryčioje — ims gyvatės raityties». —

— «Я такъ сдѣлаю, что вамъ подъ периною застонеть» — или же: — «Принесу соломы, рассыплю на полъ — змѣи начнутъ извиваться по изѣбъ».

Sakydamas taip-pat, kad raganui

Разсказывалъ еще, что когда наста-

prieina laikas čeravoti, tai jei ne žmogų, arba gyvolių, tai nors žemę turi čeravoti. Žemė toje vietoje išdžiūva ir niekas nebeauga. Tas mūsų Juozas vis bardavosi su samdine (mergaite). Vieną sykį vakarienę bevalgant, matutė ir ėmė barti, kam jie tarp savęs vis piktuoju. Prisižadėjo abu nespikyti. Mergaitei, sausą bulbę atsikandus ir nurijus, pasidarė kaip peilis ant širdies: ėmė vemti.

Paskui ant galvos atsistojusi ir sukasi kaip verpetas. Nė kaip ir apsakyti nėra. Mama norėjo ant vėmalų ugnies pilti, bet Juozas neduoda. Daugiau mama viso pridavė, nieko nemačija. Tai Juozas liepė atnešti raugalo, truputį įpylė, gal 10 lašų, ir truputį pelenų primaišė ir mergaitei prie lūpų prikišo. Tuoj jai nuo širdies visas blogumas nuėjo. Sveika paliko.

Juozas liepė užlipti ant pečiaus; truputį pagulėjo, gal pusę adynos. Daugiau liepė lipti nuo pečiaus, visiems ranką pabučiuoti, ir mergaitė pagijo. Pakui liepė atsisėsti, vakarienę valgyti. Mergaitė valgė, kaip ir nesirgusi ir daugiau visai sveika paliko. O Juozas sako: — «Visų dantys balti, tik nežinau, kas už dantų».

8. Juozas ir toliau pasiliko pas mus tarnavęs. Mama susitarė su mergiote pažiūrėti, ar jo akys ne skersos t. y., ar žmogus jo akių ylalėje ne skersas stovi. Juozas joms besitariant buvo kalvėje, o mama su mergiote linus pluko.

неть колдуну время колдовать, то, если не заворожить человека или животное, землю зараживаешь. Земля в том месте высыхает и там ничто расти не может. Этот наш Иосиф ссорился постоянно с наемницею дѣвушкой. Однажды за ужином мать начала их пробирать, за тем они постоянно ссорятся. Оба обещали не ссориться. Дѣвушка проглотила кусок сухого картофеля, и стало ей как-будто по жем рѣзать сердце: началась у ней рвота.

Затѣм встала она головой на землю и стала, как веретено, кружиться, так что трудно и описать это. Мать хотѣла посыпать жаркимъ неплотныя массы, но Иосиф не позволил. Затѣм мать дѣлала, что знала, но ничто не помогало. Тогда Иосиф принесъ квасу, налил капель 10, добавил немного перлу и поднесъ это дѣвушкѣ къ губамъ. Сейчас же рвота прекратилась.

Затѣм онъ велѣлъ лежать ей на печи полчаса, затѣм сойти съ печи и поцѣловать всѣмъ руку. Дѣвушка выздоровѣла. Затѣм Иосиф велѣлъ ей поужинать, дѣвушка ѣла, как-будто никогда и не была больной. Иосиф говорить: — «У всѣхъ бѣлые зубы, но не знаешь, что за зубами». — (М. Дудайчи 13. I. 1904 г.).

8. Иосифъ и дальше остался служить у насъ. Мать съ дѣвушкой сговорились посмотреть ему въ глаза: прямое-ли (вертикальное) въ нихъ отраженіе ихъ фигуръ, или косое. Въ то время, какъ онъ сговаривались, Иосифъ былъ въ кузницѣ, а мать съ дѣвушкой очищали лень отъ кострики.

Pietus bevalgydama mama jau ir pažiūrės Juozui į akis. Tik dvilktelėjo jam į akis, pažiūrėti ir negavo ir kaip durte įdūrė. Dvi dieni, dvi nakti rėkė ir rėkė iš to skausmo, koks jai akyse pasidarė. Nuvažiavo pas daktarą. Daktaras nepagydė. O Juozas vis sako:

— «Ko norėjo, tai ir gavo». —

Bet paskui pats prieš saulės tekėjimą nuėjo į verdinį, parnešė vandens. Kaip tik mama numazgojo akis, tai kaip ranka skausmą atėmė.

9. Tetutė dar mergaitė būdama, išgirdusi apie tokius Juozo darbus, ateidavo barti matutės, kam ragani namuose laiko. Tai Juozas ir ją pagadino. O jam išėjus į kitą parapiją, niekas jau nebegalėjo tetulės pagydyti. Vėžė ją prie visų daktarų: ir prie daktaro Petkevičiaus į Joniškėlį buvo nuvežę, bet nepagydė. Ji mirė. O Juozas išėjęs į Pasvalį, atsimindavo apie tetulę sakydamas: kad tas, kur ją pagadino, išėjo į kitą parapiją, tai jos jau ir pats velnias nebepagydyt.

10. Nujamiesčio Papėdinskas man dar mokslan einančiam, kokius 50 metų atgal, apsakinėjo: norint pažinti ragani, reikia laukinių bičių vaško sulipdyti žvakelę ir advente per arotus, bažnyčioje besimeldžiant, užsižibinti. Tuomet kuri tik žmogų pamatysi atsikreipusį nugara į altorių besimeldžiant, tas ir yra raganis.

Во время обеда мать собиралась посмотреть Иосифу въ глаза. Только взглянула, не успѣла ничего увидѣть, какъ крикнула, какъ будто бы кто ей глазъ выкололъ. Два дня и двѣ ночи кричала отъ этой боли. Побѣжала къ доктору, и докторъ не вылѣчилъ. А Иосифъ все говоритъ:

— «Чего хотѣла, то и получила». —

Утромъ до восхода солнца Иосифъ все-таки принесъ ключевой воды. Какъ только мать промыла глаза этой водой, сейчасъ выздоровѣла. (М. Дудайчи 13. I. 1904 г.).

9. Тетушка, будучи еще дѣвушкой, приходила къ матери уговаривать не держать въ своемъ домѣ чародѣя. Иосифъ и ее сглазилъ и ушелъ совсѣмъ изъ нашего дома. Тогда никто не могъ вылѣчить тетку. Возили ее къ разнымъ докторамъ и къ доктору Петкевичу въ Юганшике, но никто ея не вылѣчилъ, и она умерла. Иосифъ напаялся на службу въ Поеволь; вспоминая про мою тетушку, говаривалъ, что, если тотъ, кто ее сглазилъ, ушелъ въ другой приходъ, то ужъ теперь ее и самъ чортъ не вылѣчитъ. (М. Дудайчи 13. I. 1904 г.).

10. Я еще тогда учился, 50 лѣтъ тому назадъ, когда разсказалъ мнѣ Паненкинскій изъ мѣстечка Новаго-Мѣста слѣдующее: если хочешь узнать чародѣя, нужно скленть свѣчку изъ воска дикихъ пчелъ и зажечь ее во время заутрени въ костелѣ въ Рождественскій постъ (adventus), и если увидишь человека въ это время обращеннаго спиною къ алтарю, — тотъ навѣрно чародѣй. (Адамъ Гедрикъ изъ

дер. Швайники, Ново-Мѣстскаго прих. Поневѣж. у. 23. I. 1904 г.).

11. Jei kokiam žmonių susirinkime laukdavo moters, aptariamoms, kad ji ragana, tai į visus langus ir į duris įsmeigdavo po sagutę. Būtinai sagutę, nes pro adatos skyelę galėtų išlįsti. Moteriai atėjus ir už stalo atsisėdus, įmezdavo, jai nematant, į židinių devindrekių. Jei tos moters būta tikros raganos, tai ji turėjo išlėkti pro angštinį.

12. Per veselijas reikia į pypkę įsidedėti devindrekių ir užrūkyti: tos smarvės nė vienas raganis neištūrės, tuoj išlėks iš veselijų. Taip-pat girdėta nuo Naumiesčio Papėdinskio.

13. Kartais išvemiamas žmogus kirmėlę striuką, drūtą, plaukuotą. Žmonės kalba tokių žmonių raganos pagadinusios. Žmogus dažnai miršta nuo to.

14. Vieną sykį iškeikė kunigas toki vardininką, kur nuo gyvatės įkandimo gydo. Užgynė prie jo žmonėms gydyties, apšaukė jį burtininku su velniu gydančiu. Netrukus po to iškeikimo ir įkando gyvatė klebono karvei. Gydo šiaip, gydo taip, karvė niekaip nepagija. Gaspadinė nori eiti prie to vardininko, klebonas, žinoma, neleidžia.

11. Если въ какомъ-нибудь собраніи ожидали женщину, про которую думали, что она вѣдьма, то вкалывали во все окна и двери по булавкѣ. Непременно по булавкѣ, потому что сквозь ушко иглы вѣдьма могла бы пролѣзть. Дождавшись этой женщины и усадивъ ее за столѣмъ, бросали въ очагъ асафетиду, дѣлая это такъ, чтобы женщина не замѣтила. Если эта женщина была вѣдьма, то вылетала тогда изъ избы черезъ дымоволокъ. (Игнатій Петрайтисъ съ мельницы Карпишки, Клован. прих., Поневѣж. у. 25. XII. 1904 г.).

12. На свадьбахъ нужно вложить въ трубку асафетиды и закурить: этой вони ни одинъ колдунъ не вынесетъ, сейчасъ убѣжить изъ собранія. Это тоже рассказывалъ Папединскій изъ мѣстечка Новаго-Мѣста. (Адамъ Гедрикъ изъ деревни Швайники 21. I. 1904 г.).

13. Иногда во время рвоты выплевываетъ большой глисту, короткую, толстую, волосатую. О такомъ больномъ говорятъ, что его вѣдьмы сглазили. Больной отъ этого часто умираетъ. (Ад. Гедрикъ 21. I. 1904 г.).

14. Однажды ксендзъ проклиная такого чародѣя, который заговаривалъ болящихъ. Запретилъ лѣчиться у него, называя его колдуномъ, лѣчившимъ съ помощью дьявола. Спустя нѣкоторое время, змѣя укусила корову настоятеля. И такъ и сякъ ее лѣчатъ: корова не поправляется. Экономка хочетъ посоветоваться съ чародѣемъ, настоятель сопротивляется.

Bet gaspadinė, matydama, jog karvė turės jau dvėsti, nusiuntė, prašydama išgydyti.

— «O, tai buvo mane keikti» — sako tas — «kad jūs geri, išsigydykite be velnio». Nedavė vaistų.

Gaspadinei gailu pieningos karvės. Lekia pati. Nubėgusi meldžia, prašo, kad susimylėtų. Tas išbaręs gerai už iškeikimą, paskui supykęs, metęs jai nuskintą lapą nuo sudžiūvusios šluotos.

— «Te!» — sakęs — «klebono karvei tokių tik vaistų teduosiu».

Gaspadinė pradžiugusi, pasigrobusi tą sudžiūvusį lapelį, parsinešusi patrynė kandi. Tuoj karvė sveika stojosi.

15. Kitą sykį buvo daug žavėtojų, bet ir dabar dar yra, nors ne taip daug iš katalikų. O žydų ir burliokų, labiau staraviečių be mažo kiekvienas moka žavėti. Sužavėja įvairius ant lauko; daržovės nudžiūsta, sunyksta, arba kitaip pradeda augti: kopūstai auga į šaknis kaip ropės, o batvinės suka į galvas. Sužavėja gyvulius, tie sudžiūva ir padvesia. Sužavėja ir žmones: tuoj pradeda sirgti.

Kitas moka sužavėti, moka ir atgauti. O kitas sužavėti moka, o atgauti nebemoka.

Supratus sužavėtą žmonių, ar vaiką,

Экономка, наконецъ, увидѣвъ, что коровѣ ужъ конецъ приближается, послала къ чародѣю.

— «Надо было ксендзу меня проклинать!» — говоритъ тотъ — «если вы ужъ такіе хорошие, то лѣчите безъ помощи дьявола» — и не далъ никакого лѣкарства.

Экономкѣ стало жалко такой молочной коровы. Бѣжить сама и умолять чародѣя дать коровѣ лѣкарства. Тотъ, хорошенько выбравши ее за проклятіе, бросилъ съ досадою сорванный листокъ съ увядшей и засохшей метлы.

— «На тебѣ!» — сказалъ — «коровѣ настоятеля будетъ достаточно и такого лѣкарства».

Экономка обрадовалась, получивъ и этотъ засохшій листокъ. Возвратившись домой, сейчасъ натерла змѣинный укусъ, и корова выздоровѣла. (Юлія Жимонтъ, деревня Ушнены, Ужвентскаго прихода, Шавельскаго уѣзда 25. VI. 1906 г.).

15. Въ старое время было много колдуновъ, и теперь они еще есть, хотя между католиками ихъ не слишкомъ много, а только между евреями, бурлаками и всего больше между старообрядцами. Изъ нихъ почти всякій умѣетъ заговаривать. Заговариваютъ хлѣба на поляхъ; зелень засыхаетъ, портится, или какъ-то странно начинаетъ расти: капуста вырастаетъ въ корень, какъ рѣпа, а свекла скручивается головки, какъ капуста. Заговариваютъ животныхъ, которыхъ чахнутъ и издыхаютъ. Заговариваютъ и людей. Тѣ сейчасъ начинаютъ болѣть. Есть такіе чародѣи, которые умѣютъ и заворожить

tuoj reikia duoti gerti stiklininko. Jei tikrai bus sužavėtas, tuojau ims vemti ligonis. Tuos jo vėmalus tuojau įmesti į pečių, ar į ugnį. Beveizint atbėgs tasai, kurs sužavėjo. Jei jis mokės atgauti, atgaus, o jei nemokės tuomet verkdamas prašys gerti, ar ką pavalgyti, nes jam be galo degis širdį.

Reikia nieko neduoti, gintilaukan, tuomet nors koki pagali jis pagaus išbėgdamas.

16. Atžinda turi blogas akis. Kaip pažiūri į koki gyvolį, tas nunyksta; ir žmogui jo akis kenkia: ima nykti.

17. Jau bus ketvirtai metai, kaip mūsų kiaulė buvo turėjusi 10 paršiukų, labai gražių. Jau buvo jie išgyvenę dvi nedėli, o išrodė kaip šešių. Buvau kūtėje prie karvių, žiūriu ateina tetulė Žikauckienė. Ji atžinda ir jos vyras taip-pat. Ima ji prašyti parodyti paršų. Aš, žinodama ją atžinda esant, šiaip ir taip šneku, kad ji tik neeitų mūsų paršų žiūrėti. Bet nieko nepadariau: ji ėmė ir nuėjo. Sako: — «Pasenau, tokių paršų nemačiau? Jįrodo kaip 8 nedėlių!» — Ant rytdienos tuoj du paršu nunyko: ar

(сглазить), и излечить. Другие только завораживают, но вылечить не в состоянии. Как только узнаешь, что человек или ребенок заморожены, сейчас надо дать цывари. Если больной был действительно заморожен, то сейчас у него явится рвота. Его рвотные массы нужно сейчас положить в печку или бросить в огонь. Тогда явится чародей, завороживший больного. Если этот чародей сумеет излечить больного, сейчас ему поможет, а если нет, то он станет со слезами на глазах умолять дать ему напиток или чегонибудь закусить, потому что его сердце нестерпимо обжигается. Не нужно ничего давать, а только гнать его прочь. Убегая, чародей захватит с собою хоть какойнибудь кол. (Юлия Жимонт 25. VI. 1906 г.).

16. «Атжинда» (срв. стр. IV, № II, 3.) имеет плохие глаза. Если посмотреть на животное, оно погибает; и человеку его глаза вредят: начинается чихнуть. (Она Лозапайтайчи 11. I. 1904 г.).

17. Четыре года тому назад наша свинья имела 10 красивых поросят. Им еще было две недели, но они выглядели, как шестинедельные, так были красивы. Я была в хлев у коров, вижу, приходит тетюшка Жиковская. Она «атжинда», и муж ее тоже. Я, зная, что она «атжинда», всячески ее заговариваю, чтобы только она не вздумала посмотреть на наших поросят. Но не удалось. Она встала и пошла в свинной хлев. Говорит: «Составилась и не видала таких красивых поросят. Выглядят как восьминедель-

kiaulė nugulė, ar ką... Paskui kiti ėmė purtyties ir triesti ir visi išdėvė. Ką mes nedarėme! Ir švėstomis žolėmis smilkėm ir su ruginiais miltais, bet niekas nemačijo.

18. Dar buvo mūsų sodžiūje kalvis Kazlauckis taip-pat atžinda. Atėjo į mus. Mūsų Ona audžia, o jis sako: — «Kad taip audžia, kad taip audžia!... Iškur, bala, imate?» — Tuotarpu įbėgo ir mūsų mažoji sesytė Razytė; jis ir iš jos pasigražiavo. Jam išėjus, kad ims mergytė klykti, purtyties, laužyties, drebėti... nėkur jai pasidėti. Mama priglaudė prie savęs, ėmė mamai smakrą kandinėti besipurtydama. Turėjome tuomet švento Ignacijušo vandens: mergytei galvą numazgojome, paskui smilkėm su švėstomis žolėmis ir su ruginiais miltais, bet mergytė tik išsitempė, neatsitaisė. Bet pamokė tris kartus šaltu vandeniu per veidelį nubraukti ir marškinių pridurkomis nušluostyti. Nuo to mergaitė tuoj atsitaisė.

O audeklas, iš kurio Kazlauckas pasigražiavo, po kokių penkių minučių jam išėjus, kaip surakintas. Minti negali. Nutraukė gijų gal pusę audeklo; ir mezga ir vėl trūksta. Visai audeklas sugedo. Tai vėl smilkė švėstomis žolėmis ir ruginiais miltais. Truputį atsitaisė, bet nebebuvo toks gražus, kaip pirm.

ния! На утро уже и не стало двоих поросят: или свинья их задушила, или какими другим образом сдохли... После и другие начали трестись, болеть поносом. Мы их разным образом лечили: окуривали и священными травами, и ржаной мукой, но ничего не помогло, все сдохли. (Морта Дудайчи 13. I. 1904 г.).

18. Еще был один «атжинда» в нашем селе, это кузнец Козловский. Пришел к нам. Наша Анна тклет у станка, а он говорит: — «Тклет и тклет!... Откуда, чорт, и взять столько?» — В это время вбжала наша маленькая сестра Разите. Он взглянул на нее и поразился. Когда он ушел, девочка начала плакать, трестись, ломаться, дрожать... некуда ей деться. Мать прижала ее к себе; она, трясаясь, укусила матери подбородок. Тогда была у нас вода Святого Игнациуша. Смочили девочку этой водой головку и священными травами, и ржаной мукой окуривали. Девочка только вытянулась, но не оправилась. Посоветовали смочить ей лицо три раза холодной водой и вытереть обшивкой рубашки. От этого девочка и оправилась.

А ткань, о которой Козловский отозвался с похвалой, как только он ушел, так спуталась, что ни с места. Чуть не половина основы изорвалась. Нитки вяжут, он сейчас снова рвется. Целая ткань испортилась. Тогда начали ее окуривать священными травами и ржаной мукой. От этого ткань немножко исправилась, но не совсем. (Морта Дудайчи 13. I. 1904 г.).

IV. Объясненіе народомъ прирожденныхъ человѣческихъ свойствъ, наклонностей и болѣзней.

1. Jei moterė, nėščia būdama, eina pro dvokiančią dvėseną ir nosį užsima, pagimdo vaiką su smirdinčia dvasia.

2. Kuomet nėščia moterė pirmą Kalėdų, arba Velykų dieną nagus sau nupiausto, tuomet pagimdo vaiką be nagų. Aš pažinojau tokią mergaitę Marcijoną Montviliukę iš Žemontiškių sodžiaus, Rozalymo parapijos, ant kojų ir rankų be pirštų galių, lig pirmutinių krumpelių. Jos motyna sakėsi nusipiausčiusi pirmoje Kalėdų dienoje sau nagus.

3. Nėščia moterė, išvydus ugnelę, turi daboties neišsigąsti ir nežiūrėti į gaisrą, nes jos gimusiam vaikui bus ant veido raudonos pėtmės.

4. Valiliškių sodžiaus Marcijona Jesilionienė giriasi mokanti padaryti, kad sūnus gimtų. Atėjusi į bobas tuoj kūrena pečių troboje ir liepia vyruui malkų atnešti, bet paduoti sau ne pro duris, bet pro langą ir pačiam į trobą atgal pro langą įlipti — tuomet gims sūnus ir ilgai gyvės.

1. Если беременная женщина, проходя мимо вонючей падали, закроет носъ, то у ребенка, который у нея рождается, плохо пахнет изо рта. (Она Томашауцкайчи из деревни Мононы, Розалим. прих., Поневѣжск. у. 11. XII. 1904 г.; ср. № 12).

2. Если беременная женщина въ первый день Рождества Христова или Пасхи обрызывает себя погги, то у нея рождается ребенокъ безъ ногтей. Я сама знала такую дѣвушку Марціану Монвильюке, изъ дер. Жемонтишки, Розалимскаго прихода. У нея пальцы на рукахъ и ногахъ кончались сейчасъ-же у перваго сустава. Ея мать рассказывала, что она, будучи беременной, обрызгала себя погги въ первый день Рождества. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

3. Беременная должна избѣгать испуга и не смотрѣть на пожаръ, потому что у ребенка будутъ на лицѣ красныя пятна. (Юлія Жимонтъ, деревня Ушнены, Ужвент. прих., Шавел. у. 15. VI. 1906 г.).

4. Въ деревнѣ Валилишкахъ Марціана Есиліонене хвастается, что она можетъ сдѣлать, чтобы родился сынъ. Прийдя къ родильницѣ, она затопитъ печь въ хатѣ. Но дрова долженъ принести самъ мужъ и подать ей не черезъ двери, а въ окно. Самъ-же онъ, возвращаясь, долженъ тоже войти въ окно, а не въ двери. Тогда у нихъ родится сынъ и будетъ долго жить. (Антанасъ Батайтисъ изъ деревни Валилишки, Смильгов.

скаго прих., Поневѣжскаго у. 20. X. 1904 г.).

5. Jeigu motyna pirm pagimdymo turi madą koja kiauless spardyti, tuomet jos vaikas gimęs turės šerius.

5. Если мать, будучи беременной, имѣетъ привычку толкать свиней ногою, то у нея рождается ребенокъ, обросшій шерстью. (Юлія Жимонтъ 15. VI. 1906 г.).

6. Esu daug kartų girdėjusi, jei moterė nėščia peržengs per slenkstį ir užpakalyje jos kas tuoj įkirs kirviu į tą patį slenkstį, tai gims vaikas su perskelta lūpa.

6. Много разъ слыхала, что когда беременная женщина ступить черезъ порогъ и за нею кто нибудь врубить топоромъ въ тотъ же самый порогъ, то у нея рождается ребенокъ съ заячьей губой. (Габр. Петкевичъ 28. VIII. 1906 г.).

7. Utėnų (Smilgių parapijos) dvaro Kriaučiūnienė vis velėdavo žydams drapanas. Vieną sykį, būdama nėščia, susibarė su žydalka dėl užmokesnio. Besibardama dar žengia iš gryčios. Žydalka pagriebusi kirvį metė užpakalyje jos. Tas kirvis ir įsikirto į slenkstį. Kriaučiūnienė ir pagimdė mergaitę su perskelta lūpa iš kairiosios pusės, kad net dvi danti matosi. Ta puse ji ir valgyti negali, nes kasnis pro skylę iš burnos iškrenta.

7. Въ имѣніи Утины (Смильговскаго прихода) женщина Краучунене обыкновенно стирала бѣлье евреямъ. Однажды она, будучи беременной, поссорилась съ еврейкой изъ-за платы и, разсердившись, выходила изъ хаты. Еврейкахватила топоръ и бросила за ней. Топоръ врезался въ порогъ. Краучунене потомъ родила дѣвочку съ заячьей губой съ лѣвой стороны, такъ что видны два зуба. Дѣвочка даже не можетъ разжевывать пищи зубами лѣвой стороны: кушанье выпадаетъ черезъ это отверстіе. (Петронеля Гаспаравитене, им. Пузынишки, Смильговскаго прихода, Поневѣжскаго у. 24. I. 1904 г.).

8. Jei moterė, būdama nėščia, pelės išsigąs, tai pagimdys kūdikį, kuris kur-nors ant odos turės plaukuotą didelį įtapa, kaip tik pelės kailis.

8. Если беременная женщина испугается мыши, то у родившагося у нея ребенка бываетъ на кожѣ тѣла пятно, поросшее такими волосами, какъ мышинныя мѣхъ. (Габр. Петкевичъ 28. VIII. 1906 г.).

9. Apskritai yra prasiplatinęs tikėjimas, kad jei moterė nėščia қа-

9. Народъ вѣритъ, что если беременная женщина что нибудь украдетъ, то

nors pavogs, tai jos pagimdytasis vaikas bus vagis.

10. Nėščia būnant neatimti pašaro nuo svetimo gyvolio ir nešerti savojo. Jei taip padarytų, vaikas gimtų nebylis. Kaip tas nuskriaustasis svetimas gyvolys negalėjo pasiskųsti, taip jos vaikas negalės kalbėti.

11. Boba nėščia turi daboties nevaikščioti į namus tokių žmonių, su kuriais būtų buvusi piktuoju. Gali jos pėdas perkirsti, tuomet gimusiam jos vaikui bus kirtis per lūpas.

12. Jei nėščia moterė, eidama pro kokią smirdantį nabaštiką, ar padvėsusį gyvolį, užsiima sau nosį, tai jos gimusio vaiko visą amžių smirdės dvasia.

13. Nėščia būdama turi daboties nevalgyti prie atdaro šėpo, nes jos gimęs vaikas begalo daug valgys ir sotės neturės.

14. Nėščia moterė turi nedėvėti dviem kvartūkais, nes dvyniai gims.

15. Nėščia moterė turi nestebėtis į luošus, ronotus, ubagus. Gali vaikas toks atsigimti iš pastebėjimo.

родившийся от нея ребенок будет воромъ. (Габр. Петкевичъ 28. VIII. 1906 г.).

10. Если беременная женщина отнимет кормъ у чужого животного и подастъ его своему, то у нея родится нѣмой ребенокъ. Какъ это обиженное, чужое животное никому не въ состоянiи разсказать про свою обиду, такъ ребенокъ этой женщины не будетъ въ состоянiи промолвить слова. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

11. Беременная женщина должна остерегаться, чтобы не ходить къ людямъ, съ которыми она жила въ ссорѣ. Могутъ разрубить слѣдъ ея ступни, тогда родится у нея ребенокъ съ заячьей губой. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

12. Если беременная женщина, проходя мимо вонючаго трупа или вонючей падали, закроетъ носъ или ротъ, то у ея ребенка будетъ во всю жизнь пахнуть изо рта. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

13. Беременная женщина должна остерегаться, чтобы не кушать при открытомъ шкафтѣ, потому что ея ребенокъ будетъ много кушать и никогда сытъ не будетъ.

14. Беременной женщиной нельзя носить заразъ двухъ передниковъ, потому что родятся близнецы. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

15. Беременная женщина не должна смотрѣть на калѣкъ, израненныхъ и нищихъ, потому что изъ-за приглядыванiя къ такимъ людямъ можетъ родиться ребенокъ похожій на нихъ (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

V. Разныя причины болѣзней и всякихъ ненормальностей.

1. Kiaušinių perėtų, o neužperėtų, nuo pusiaurakio atimtų, negalima duoti valgyti vaikams. Jų protas palieka kaip užperėtas užperis.

2. Kad vaikas išduria kregždės gūžtą, tai paskui saulė margai dega.

3. Nuo išgąščio ir nuo didelės gėdos keliasi rožė. Kad tenka labai susigėsti, tai kaistu ir kaistu ir tuoj jaučiu rožę išsikeliant.

4. Vištatupiu suserga, kaip nueina gulti vakare ir užmiega dar saulei nenusileidus ir vištoms nesutūpus. Kuomet vištos sutūpia žmogui bemiegant, tai ir suserga vištatupiu.

5. Nereikia ne tik raganiui, bet ir šiaip žmogui nėkuomet girti nė vaiko, nė gyvolio. Jie giriama kaip suserga, tai joks daktaras negali pagydyti.

6. Yra žmonių, kurie turi gerą ranką, kiti vėl blogą. Jei gera ranka nukerpa plaukus, tai jie augs. Jei bloga, tai plaukai neauga.

1. Яицъ, на которыхъ курица сидѣла половину времени, по которымъ еще не насижены, нельзя давать кушать дѣтямъ. Они стали бы слабоумными. Литовецъ говоритъ: умъ дѣтей стали бы, какъ насиженное яицо. (Юлія Жимонтъ 15. VI. 1906 г.).

2. Если дитя разрушить гнѣздо ласточки, то послѣ этого его лицо покрывается отъ солнца веснушками. (Она Іозапайтисъ 1. IX. 1903 г.).

3. Отъ испуга и большого стыда заболѣвають рожею. Когда мнѣ случается сильно застыдиться, сперва становится тепло, тепло и сейчасъ послѣ этого заболѣваю рожею. (Маріона Казлауцкайчиз деревни Дичюны, Пушолат. прих. Поневѣжскаго у. 15. I. 1904 г.).

4. Куриной слѣпотой заболѣвають тѣ, которые вечеромъ ложатся спать передъ закатомъ, когда курицы еще не успокоились. Если человекъ уже спитъ, когда куры собираются на ночлегъ, то навѣрно заболѣетъ куриной слѣпотой. (Она Іозапайтайчи 1. IX. 1903 г.).

5. Не надо никогда никого хвалить. Если ребенокъ или животное, восхваляемое (не только колдуномъ, но и всякими прочими), заболѣетъ, то никакой ученый докторъ его не вылечитъ. (Она Іозапайтайчи 1. IX. 1903 г.).

6. Есть люди съ хорошею рукою, а другіе съ плохою. Если человекъ съ хорошею рукою обстрижетъ волосы, то они станутъ расти, если съ плохою — не растутъ. (Она Іозапайтайчи 6. I. 1904 г.).

7. Nunešė vieną sykį i lauką darbininkams kleckų. Buvo nevalgomoji diena, užtat kleckai vandenyje buvo virinti. Gyvatė, nieko nematoma, išlinko i puodą ir suvirė karštame skystime.

Darbininkai gardžiavosi valgydami kleckus, manydami, kad silkė yra idėta. Tik paskui visus ėmė utėlėmis versti. Pasidarydavo ant odos tokios mažos pūslelės, ir iš kiekvienos utėlės lindo.

8. Vienas žmogus, prisiviręs neužkukuotų gyvačių, vakare sutemus nunešė puodą su tomis virintomis gyvatėmis i kūtes savo arkliams jas paduoti. Pastatęs puodą pats toliau paėjo. Kitas pamatęs pilną puodą, manė mėsą atradęs ir privalgė. Paskui ji visą utėlėmis išvertė.

9. Kas vanojasi baslių malkomis iškūrentojeirtyje, tam piktvtotjs verčiasi.

10. Suvysčius kūdikį, reikia jam kiekvieną sykį pirštais už noselės sučiupti, kad nevaikščiотų paskui su glyte.

7. Случилось однажды, что понесли в поле работникам похлёбку с клецками. Был постный день. Похлёбка была сварена на водѣ. Работники не замѣтили, какъ змѣя вползла въ эту похлёбку и сварилась въ горячей жидкости. Они покушали эту похлёбку сь большимъ апетитомъ, думая что она сь селедкойю.

Спустя нѣкоторое время всѣхъ ихъ осыпало мелкими пузырьками, и изъ каждаго такого пузырька выползали вши. (Она Јозапайтайчи 4. II. 1904 г.).

8. Однажды какой-то хозяинъ наварилъ змѣй, пойманныхъ раннею весною, когда еще кукушка не куковала, и весь горшокъ сь этими змѣями принесъ вечеромъ послѣ заката въ конюшню, чтобы ими своихъ лошадей накормить. Поставивъ горшокъ, самъ отошелъ. Другой, увидѣвъ полный горшокъ, подумалъ, что это мясо, и наѣлся. Послѣ этого его всею вшами осыпало. (Адамъ Гедрикъ изъ деревни Швайники, 11. II. 1904 г.).

9. Кто парится въ банѣ, натопленной дровами, нарубленными изъ заостренныхъ сь одного конца колевь, того осыпаетъ прыщами (чирьями). (Антонъ Еленевскій, им. Пузынишки, Смильгов. прихода, Поневѣжск. у. 1. XII. 1903 г.).

10. Спеленавъ ребенка, нужно ему пальцами вытереть носикъ, чтобы послѣ сопливымъ онъ не былъ. (Магдалена Баѳоричи изъ деревни Вальдейки, Јоганишкел. прих., Поневѣжскаго у. 5. XII. 1897 г.).

11. Išsukuotų plaukų nereikia mėtyti. Kaip paukštis įsuks į lizdą, tai atmintis pražūs.

12. Yra plaukuota kirmėlė, trinde vadinama. Žmonės sako, kad trindės liga gaunama nuo užmynimo ant kirmėlės trindės.

13. Dabar jau žinau, kad niekuomet nereikia nieko atsakyti nėščiai moteriai. Kaip tik neduosi, ko prašo, tuomet namie tau viską žiurkės kapos. Tik jei neturi duoti to, ko prašo, tai išeinant tokiai moteriai reikia užpakalyje jos berti ar grūdų, ar duonos, ar žemės. Žinoma, žemę berti — tai griekas.

Kaip bersi, tai tau neės žiurkės, bet užtat tos moters pagimdytasis kūdikis griebis valgyti tai, ką bėrei: ar duoną, ar grūdus, ar žemę.

14. Mažam vaikui gryžas įpuola i bambeļę. Vaikas tuomet baisiai rėkia. Jeigu jo negydyti, tai bambeļę išrėktų: bambeļė iššoksta ant viršaus.

15. Prieš smertį visos ronos užgija. Mano motyna ir-gi turėjo ant koju baisias ronas. Prieš smertį užgijo.

11. Вычесанныхъ волосъ не бросать, чтобы птицы изъ нихъ гнѣздъ не свивали. Память отъ этого исчезаетъ. (Она Јозапайтайчи 6. I. 1904 г.).

12) ¹⁾. Есть волосатая гусеница, которую называютъ «тринде». Говорятъ, что кто наступитъ на эту гусеницу, тотъ заболѣваетъ болѣзнию «тринде» — (воспаленіе подкожной клѣтчатки на подошвѣ стопы). (Она Јозапайтайчи 6. I. 1904 г.).

13. Теперь уже знаю, что нельзя ни въ чемъ отказать беременной женщинѣ. Если ей не дать, чего она проситъ, то въ домѣ мыши все съгрызутъ. Но если нѣтъ того, чего она проситъ, то когда она уходитъ, нужно бросить за нею или зерновой хлѣбъ, или просто хлѣбъ, или земли немножко. Хотя землю бросать — грѣхъ. Но если бросишь, то у тебя мыши ничего не испортятъ, только ребенокъ, родившійся отъ просившей женщины, станетъ кушать то, что было брошено: хлѣбъ, зерновой хлѣбъ, или землю. (Петронеля Гаспаравитене 24. I. 1904 г.).

14. Иногда у малого ребенка начинаетъ болѣть желудокъ. Ребенокъ тогда сильно кричить. Если его не лѣчить, то отъ этого крика у него дѣлается пупочная грыжа. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

15. Передъ смертью всѣ раны заживаютъ. У моей матери были ужасныя раны на ногахъ и тоже передъ смертью зажили. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

1) Учитель Б. Кодайтисъ изъ Берлина говорилъ, что по-нѣмецки гусеница «тринде» называется Processionsspinner. Взятая въ руки, она выбрасываетъ волоски, которыми она покрыта. Тѣ волоски втыкаются въ кожу и причиняють воспаленіе.

16. Kiti žmonės turi kaltūnuotas rankas nuo išgąščio.

17. Kūmams per krikštnas reikia labai prie viens-kito prisiglaudus sėdėti; kad krikšto vaiko dantys nebūtų reti.

18. Jei kuomet žmogų kiaulė įkąs, tai ta opa atsinaujina prieš mirtį.

19. Priemetį gauna nuo išsigandimo. Kitiems priemetis rankas ir kojas susukina. Jos ištįsta.

20. Kiti nuo išsigandimo gauna rožę.

21. Mano dešinioji krūtė sirgo. Dar man mergaitei bėsanči sugedo. Kaip gimė pirmas kūdikis, nieko nežinodama, ėmiau jį žindyti kairiaja: ir liko vaikas kairiarankis. Antrą vaiką, kaip reikėjo žindyti, vis patūrėdavau pirm prie dešinėsios krūtės, nors jis ir nieko iš jos negaudavo: ir vaikas sveikas, nebekairiarankis.

22. Pirmą sykį vaiką žindyti iš dešinės pusės, tuomet vaikas nebus kairys.

23. Mažą vaiką, dar nekrikštytą,

16. У некоторых людей руки длаются золотыми от страха. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

17. Кумовья на крестинном пиру должны сидеть тесно возле друг друга, чтобы у ребенка зубы не были редки. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

18. Если когда нибудь свинья укусила человека, то эта рана за несколько времени перед смертью возобновляется. (Мечислав Якубовский, имение Подзишки, Клованского прихода, Поневжского у. 5. V. 1900 г.).

19. Страдают судорогами от страха. Случается, что в судорогах искривляются руки и ноги. Они пухнут. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

20. Другие от испуга заболтывают рожею. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

21. У меня правая грудь болела и я еще была девушкой, когда у меня она испортилась. После рождения своего первого ребенка, ничего не зная, я его кормила левой грудью: и мой ребенок теперь левша (скаевла). Когда пришлось кормить второго ребенка, то я всегда ему сперва давала сосать правую грудь, хотя в ней и не было молока. Этот ребенок совершенно здоров, не левша, как первый. (Чернене, им. Пузынишки, 20. V. 1906 г.).

22. Ребенку в первый раз надо дать сосать правую грудь, он тогда не будет левшею. (Юлия Жимонтъ, Шавельского у. 11. II. 1905 г.).

23. Малаго некрещеного ребенка на-

пaprastai visi ubagiuku vadima, o po krikšto jau vardu. Nekrikštyto vaiko niekam, labiau nepažįstamam nerodyti. Tuomet vodija viskas greičiau. Jei pasidžiaugtų vaiku, ar pasidvytų — tai vaikas pradės nykti.

24. Išvežant į krikštą, reikia įskartos kertelę įrišti kelis grūdus druskos — tuomet vaiko nesužavės.

25. Kūma turi daboties nesišlapinti, tūrėdama vaiką ant rankų. Kad kūma su vaiku ant rankų nusišlapintų, tai tas vaikas visą amžių šlapis į lovą.

26. Prie krikšto poteries turi labai aiškiai kūmas kalbėti. Jei kalbės neaiškiai — tai ir vaikas kalbės neaiškiai.

27. Vežant į krikštą ir parvežant pro kiekvieną sutiktą, ar pro šalį einantį žmogų turi kūmas Dievo vardą pagarbinti, kad vaikas dievobaimingas būtų.

28. Po krikšto parvažinę kūmai turi susėsti greta labai arti viens-kito, susispausti, kad vaiko dantukai būtų tankūs.

29. Sužinojus kaimynei, seseriai, ar kokiai giminei, gimus vaikui, niekuomet nesušukti balsiai tokios naujienos. Kitos bobos turi tokią madą, šaukti kitai: — «Ar žinai, tai ir tai

зывают ницимъ, и только после крещения зовутъ по имени. Некрещеного никому, а въ особенности незнакомымъ не показываютъ. Некрещеному скорѣе все вредить. Если бы кто нибудь, глядя на некрещеного, удивлялся или восхищалъ его — то сейчасъ бы тотъ началъ чихнуть. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

24. Вывозя ребенка въ костелъ для совершения обряда крещения надъ нимъ, надо въ уголокъ платка завязать немножко соли — тогда ребенка не сглазятъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

25. Крестная мать, имѣя ребенка на рукахъ, не должна мочиться. А то ребенокъ после всю жизнь будетъ мочиться въ кровати. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

26. Кумъ долженъ во время крещения внятно произносить слова молитвы. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то ребенокъ будетъ говорить невнятно. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

27. Кумовья, везущіе къ крещенію ребенка, должны всякаго встрѣчнаго и мимо проходящаго привѣтствовать Божьимъ словомъ, чтобы ребенокъ былъ богобоязливъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

28. Возвратившіеся съ крещенія кумовья должны усесться одинъ подле другого и тѣсно прижаться, чтобы у ребенка зубки были частые. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г. стр. 17).

29. Сосѣдки, сестры или какія нибудь родственницы, узнавъ о рожденіи ребенка, не должны восклицать громогласно про такую новость. Есть женщины, которыя имѣютъ привычку кри-

gime jau sūnus ar duktė! — Antroji vėl šaukdama stebisi: — «Oje!» — Tuomet tas vaikas bus rėklys. Tokios naujienos reikia leisti lengvai, kuone pašnibždais, tuomet vaikas bus tylus, mažą teverks.

30. Pilve syki pasileidusi macica, į visą kūną gauna jau valią. Sunku ją vietoje nutūrėti. Nors suvaro, bet ji ir vėl pasileidžia. Todėl reikia išpat pradžios bobai po kiekvieno vaiko perinties ir braukyties, tuomet macica negaus valios pasileisti.

VI. Опредѣленіе признаковъ болѣзни.

1. Kaltūnu serga dažniausiai visos giminės. Ta liga eina nuo tėvų ant vaikų. Plaukai susisuka, nagai biaučiai geltonuoja, sprogsta, aplūžę.

2. Kad klimštelėja per riešą ranka, arba koja, tai ir gryžuojasi, braška.

3. Gumbas smaugia po širdimi, suvalgius ką, arba sunkiai pakėlus. Baisi liga. Geriau mirti, nekaip sirgti.

4. Drugys, kad užninka žmogų

чать, удивляясь: «знаешь ли? У такой-то или такой родился сынъ или дочь!» — Тогда такой ребенокъ будетъ крикуномъ. О роженіи нужно говорить почти шопотомъ, тогда ребенокъ будетъ тихенькій, будетъ мало плакать. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

30. Въ животѣ иногда обрывается съ мѣста «матка» (см. стр. 2, № 28) и тогда она овладѣваетъ всею тѣломъ. Трудно ея свое мѣсто выправить; поэтому нужно съ самаго начала бабамъ, послѣ роженія каждаго ребенка, быть въ банѣ, париться и натираться, тогда «маткѣ» нельзя будетъ съ своего мѣста сдвинуться. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

1. Колтуномъ болѣетъ обыкновенно вся семья. Эта болѣзнь передается родителями дѣтямъ. Волосы спутываются, ногти желтѣютъ, трескаются и становятся шереховатыми. (Бонифаций Якубовскій, им. Подзизки, Клованскаго прихода, Поневѣжскаго у. 21. V. 1904 г.).

2. Если произойдетъ растяженіе связокъ въ плечномъ или голеностопномъ суставѣ, то этотъ суставъ хруститъ, трещитъ, заболѣваетъ «грыжомъ». (Она Іоза-пайтайчи 6. I. 1904 г.).

3. «Гумбасъ» (= вздутье живота подъ ложечкой) давить около сердца послѣ ѣды или послѣ поднятія какой нибудь тяжести. Ужасная болѣзнь. Лучше умереть, чѣмъ болѣть. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

4. Перемежающаяся лихорадка, какъ

krėsti, sunku yra nuo jo atsikratyti. Drugys yra ne vienokas. Sirgdamas žmogus drugiu, tankiai pamato savo drugį. Drugys yra nuo gyvulio: arklys, jautis, ožys, šuo, katinas. Kiek yra gyvulių, tiek yra drugių. Kurs ligonis sužino, pamato savo drugį, tam greičiau gali atspėti vaistą. Yra drugiai ir nuo žydo. Tą drugį sunku nukratyti vaistais, tankiai tik šventenybės mačija. Kokį drugį ligonis turi, tankiai pamato. Kaip nukrečia ir uždega karštis — tuomet lenda į akis jo drugys, tai yra šuo, ar jautis, ar koks kitas gyvulys, arba koksai žmogysta. Tuomet, koks pasirodo gyvulys, kokio plauko, — reikia tokio plauko gyvą surasti ir nuo jo gydyties: plaukais smilkyti, kraujo įlašinus iš to gyvulio ausies gerti, arba mėšlo, truputį užpylus degtine, išgerti.

5. Boboms kartais pasikelia macica. Macica yra gyva bobos pilve, pavidale varlės. Jei leisti jai pasikelti į aukštą, tai ji apžios širdį, arba užsmaugs gerkle ir turės boba mirti. Kartais macica kurks pilve, paskui ir pasileidžia į visą kūną. Tuomet bobai galva ir visi kaulai skauda.

6. Vištaturis vadinasi toki liga:

кого схватить, такъ послѣ трудно ея отдѣлаться. Лихорадка бываетъ разнаго рода. Болѣющимъ лихорадкою часто случается увидѣть свою лихорадку (родъ своей лихорадки). Лихорадка бываетъ отъ животныхъ: отъ лошади, отъ вола, отъ козла, отъ собаки, отъ конки. Сколько разнаго рода животныхъ — столько лихорадокъ. Если которому больному удастся увидѣть свою лихорадку, то тому легче узнать, какъ лечиться. Бываетъ лихорадка и отъ жада. Не легко отъ такой лихорадки отдѣлаться, иногда только освященные вещи помогаютъ. А какою лихорадкою больной болѣетъ, это ему чаще всего удастся увидѣть послѣ лихорадочнаго припадка, когда поднимается у него жаръ. Тогда онъ видитъ свою лихорадку: или собаку, или вола или другое какое нибудь животное или какую нибудь личность. Какой масти больной видѣть животное, такое животное нужно ему найти: его шерстью нужно окуриваться; выпустивъ ему крови изъ уха, выпить ее, или взявъ отъ него немножко навоза, настоять на водкѣ и выпить. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

5. Иногда у бабъ поднимается вверхъ «матка». Матка въ животѣ бабы живая, въ видѣ лягушки. Если ей дать возможность подняться вверхъ, то эта лягушка захватывается въ свою пасть сердце или зажиметъ горло, и бабѣ приходится умирать. Иногда матка урчитъ въ животѣ, а послѣ овладѣваетъ всею тѣломъ: тогда у бабы болитъ голова и всѣ кости ломитъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

6. Куриной слѣпотой называется слѣ-

akįs skauda, ir kaip tik ima temti vakarais, žmogus nieko nemato. Pasidaro tarytum koks rūkas. Kad ir šluostai akis, tarytum vis dulkėse.

дующая болѣзнь: боль въ глазахъ, сильное ослабленіе зрѣнія во время сумерекъ. Человѣкъ испытываетъ ощущение, будто видитъ все въ туманѣ, а въ глазахъ жжетъ подобно тому, когда песочная пыль попадетъ въ глаза. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

VII. Лѣченіе болѣзней.

а) Колдовствомъ¹⁾.

1. Nuo čertaplaukio plauja pildami šiltą vandenį per varpas.

2. Kad piktvotis nepriliptų pirtyje nuo kitų, reikia, įėjus į pirtį, semti su sauja vandenį, tris kartus kišti prie nosies ir lieti ant krosnies.

3. Jei vaikas naktimis susimyla, tai muša su pasaitu (nuo kibiro) vaiką ant slenksčio pasiguldę.

4. Kad žmogus išsigando šunies, arba kito kokio gyvulio, arba žmogaus, tai kad nesusirgtų, reikia jį smilkyti plaukais to sutvėrimo, kurio išsigando.

5. Geriausias vaistas, kuomet atžindos žmogų pagadina, tai nubraukti per veidą 3 kartus šaltu vandenimi

1. Отъ «чертаплаукіо» (воспаленіе надкостницы) лѣчать, наливая на больное мѣсто теплую воду черезъ колосья. (Она Іозапайтайчи 1. IX. 1903 г.).

2. Чтобы въ банѣ не заразиться чирьями, нужно, войдя въ баню, три раза зачерпнуть рукой воды, понюхать и полить ею печь. (Антонъ Еленевскій 10. V. 1903 г.).

3. Если ребенокъ ночью мочится въ кровати, то его кладутъ на порогъ и бьютъ перевкой, снятой съ ведра. (Она Іозапайтайчи 6. I. 1904 г.).

4. Когда человѣкъ испугается кого нибудь, человѣка или животнаго, то его сейчасъ нужно окуривать шерстью или волосами того, кто его испугалъ, чтобы испугавшійся не заболѣлъ. (Она Іозапайтайчи 13. I. 1904 г.).

5. Когда «атжинда» слезаетъ, лучшее средство облить больному лицу три раза холодною водою и вытереть подошмъ ру-

1) Въ большинствѣ случаевъ очень трудно провести точную черту разграниченія между колдовствомъ и врачеваніемъ въ смыслѣ, принятомъ медициною. Это разграниченіе сдѣлазъ я, руководясь только субъективными взглядами, предоставляя специалистамъ разработку того сырого матеріала, какой представляютъ эти мои очерки, записанные прямо изъ устъ народа.

ir pridurkomis nuo marškinių nušluostyti. Mano mama jau daug žmonių taip pagydė.

6. Laiko žmonės muilą ir švarikiuką, su kuriais koki nabaštiką yra nuplovę. Susirgus kam rože, mazgoja ji tuo muilu.

7. Reikia numirėliui į burną įdėti sidabrinį rublį. Palaikius dieną ir naktį, išimti. Kam susirgus rože, duoti gerti tą skystimą, kuriame toks rublis buvo pirm apmerktas.

8. Nuo vištutupio reikia burną prausti po vištų laktomis, tad ir pagis.

9. Nuo gryžo riša braškantį, gryžuojantį sąnarį nevirinta, žalia, drobine gija, arba raudona vilnone. Riša mezgdami tris kartus po devynis mazgus ir vyniodami tą mezgamą giją apie ligotą sąnarį nuo savęs, ne į save, skaito: ne vienas, ne du, ne tris, ne keturi ir t. t.

Tą turi daryti žmogus, kurs yra pas savo tėvus gimęs arba pats pirmasis, arba pats paskutinis.

10. Reikia, paseilinus bevardį, apskrieti juo šunvotį tris sykius prieš saulę. Šunvotis išdils.

11. Moteriai kūdikį pagimdžius, kad greičiau antroji pusė atskirtų, perriša vilnoniu siūlu pravadrinimą.

башки. Моя мать такимъ образомъ многихъ вылечила. (Морта Дудайчи 13. I. 1904 г.).

6. Люди прячутъ мыло и тряпочку, которыми мыли мертвеца. Этими мыломъ моютъ больного рожею. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

7. Нужно вложить мертвецу въ ротъ серебряный рубль, поддержать день и ночь и вынуть. Если кто заболѣетъ рожею, то ему даютъ пить воду, въ которой этотъ рубль былъ намоченъ. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

8. Кто заболѣлъ куриной слѣпотой, долженъ мыть лице въ курятникѣ подъ настѣстомъ, — чтобы выздоровѣть. (Игнатій Петraitисъ, мельница Карпинки, Клованс. прих., Поневѣж. у. 25. XII. 1904 г.).

9. Отъ «грыжасъ» повязываютъ больной, хрустѣющей суставъ ниткой изъ льна сырца, или красной шерстяной ниткой. Завязываютъ три раза по девять узелковъ; вьжутъ отъ себя, считая: не одинъ, не два, не три, не четыре и т. д. — Это долженъ дѣлать человѣкъ, который родился у своихъ родителей первымъ или послѣднимъ. (Она Іозапайтайчи 13. I. 1904 г.).

10. Нужно послепнить четвертый палецъ руки и имъ помазать три раза вокругъ чирея. Нужно это сдѣлать, держа чирей на солнцѣ. Чирей исчезнетъ. (Бонифацій Якубовскій 21. V. 1904 г.).

11. После родовъ, чтобы скорѣе отдѣлился послѣдъ (placenta), перевязываютъ шерстяною ниткою пупочный ка-

натикъ. (Врачъ Л. И. Петкевичъ, мѣстечко Юганишкеле, Поневѣж. у. 1. II. 1904 г.).

12. Teko dažnai matyti siūlu, labiau šilkinui, perrištas kojas ir rankas augščiau riešų tokiems ligoniams, kurie alpsta arba kuriems kraujas pilasi.

13. Nuo saugėlos riša juodos avėlės vilnas, arba patiš gulasi, skaudamąją vietą pririšę prie juodos avėlės.

14. Karpas gydo, patrynę jas su jautiena. Paskui tą mėsą pakavoti po žeme, toje vietoje, kur lašai nuo stogo krenta. Kaip mėsa supūs ir karpas išnyks.

15. Nuo gryžo riša vyresnioji šeimynoje duktė siūlą nuo šluotryšio arba nuo kryžiaus, kur buvo žolynais apkaišytas ir siūlu aprištas, arba vilnonį raudoną siūlą.

16. Gryžą veria tarp durų.

17. Pradėjus drugiui ligonį krėsti, reikia, paėmus miestą, ligonį gynti greitai, kiek jis gali, toliau nuo namų į laukus. Kaip jau ligonis su drugiu pakris, tuomet tą miestą išmeigti į žemę ir palikti, o ligonį parsivesti.

12. Часто случалось видѣть перевязки, сдѣланныя изъ нитокъ, особенно шелковыхъ, на ногахъ и рукахъ выше локтя и голеностопнаго суставовъ. Такія перевязки дѣлаются больнымъ при кровотеченіи или при обморокахъ. (Врачъ Л. И. Петкевичъ 1. II. 1904 г.).

13. Отъ невралгій рукъ и ногъ прикладываютъ шерсть черной овцы, или сами ложатся рядомъ съ черной овцой, привязавъ къ ней больное мѣсто. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

14. Бородавки лѣчатъ, натирая ихъ говядиной. Затѣмъ этотъ кусокъ мяса закапываютъ въ землю подъ крышей, чтобы на это мѣсто капала съ крыши дождевая вода. Когда мясо въ землѣ сгниетъ, то и бородавки исчезнутъ. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

15. Отъ «грыжась» повязываетъ старшая въ семействѣ дочь ниткою изъ веревки, которою была связана метла, или ниткою, которою были привязаны цвѣты къ кресту, или просто красною шерстяною ниткою. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

16. «Грыжась» сжимаютъ между дверями. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

17. Какъ только лихорадка начнетъ больного трясти, нужно, взявъ колъ, гнать заболѣвшаго въ поле, и чтобы онъ бѣжалъ такъ быстро, насколько онъ въ силахъ. Когда больной вмѣстѣ съ лихорадкою упадетъ, тогда колъ вбить въ

Drugys pasiliks užsmeigtas mietai. Ligonis išsimiegojęs liks be drugio.

18. Pradėjus krėsti drugiui, įdėti ligonį į tuščius ratus be šiaudų ir vežti zovada per griovius, akmenis, per laukus, per ežes, vagas, šaknis. Lėkti vis zovada. Vingį davus parvežti namo. Važiuoti kol tik nebekrės. Tokiu vežiojimu kur-nors iškris drugys, bet greitai lėkti, kad atgal neišoktų į vežimą. Tokiu būdu nukrato drugį. Kartais, ir raitas greitai jodydamas, ligonis nusikrato drugį.

19. Jei drugys žydas, tai reikia tuo gydyties, ko nemėgsta žydas valgyti: vis kiaulieną, lašinius, užkula. Jei negali ligonis valgyti, tai sutirpinus gerti. Užnikus drugiui krėsti, atsigulti į kiaulių migį, arba atsisėsti po kryžiaus, o dar geriau eiti keliais apie kryžių, tuomet žydas pames.

Jei drugys merga, tai nešukuoti galvos, nė burnos neprausti ligoniui. Mergai pabiauress ir pames.

20. Karpai užaugus, paimti nuo šulnio šiaudelių ir pabadyti tą karpą ir vėl šiaudelių numesti, tik nueinant nežūrėti į tą šiaudelių.

этомъ мѣстѣ въ землю. Лихорадка останется, вбитая коломъ въ землю, а больной, возвратившись домой, выпенится и выздоровѣетъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

18. Какъ только лихорадка начинаетъ трясти, положить больного въ пустую телегу безъ соломъ и мчаться съ нимъ какъ можно скорѣе черезъ канавы и камни, черезъ корни деревьевъ, по полямъ и пашнямъ. И все мчаться во весь опоръ. Обѣхавъ кругомъ, возвратиться домой, когда лихорадка перестанетъ трясти. Во время такой ѣзды лихорадка гдѣ нибудь выпадетъ и не успѣетъ назадъ вскочить въ телегу. Такимъ образомъ избавляются отъ лихорадки. Иногда удается и скорою верховою ѣздою вытрясти лихорадку. (Юлія Жимонтъ II. 11. 1905 г.).

19)¹⁾. Если лихорадка жидъ, то нужно лечиться тѣмъ, чего жидъ не кушаетъ: свиинною и саломъ. Если больной не можетъ кушать, то растопить сало и дать пить. Можно еще, когда лихорадка начинается трясти, ложиться въ свиной хлѣвъ или усесться подъ крестомъ, а еще лучше обойти вокругъ креста на колѣняхъ, тогда жидъ броситъ больного.

Если лихорадка дѣвушка, то не нужно больному ни чесаться, ни мыться. Дѣвущкѣ больной опротивѣть, и она его броситъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

20. Если вырастетъ бородавка, нужно взять у колодца соломку, поколотъ ею бородавку, бросить соломку обратно и, не оглядываясь, отойти. (Аляна Мисеви-

1) Срв. выше, стр. 21. VI, 4.

21. Gyvatės įkastas žmogus negali eiti po pastogės, labiau turi saugoties neeiti į dūmus, bet sėdėti ir nakvoti lauke kur patvoryje, kol neatsileis putmens. Kad būtų kas kitas prie įkandimo, tuomet sugrobtį tą pačią gyvatę, kuri įkando ir jos krame apvesti apie kandi, tuomet putmens tiek tesiplės, kiek yra vietos tame rinkelyje, kurs apvestas krame. Gyvatė įkandusi nebeturinti gylio, kol neprieis prie akmens. Tuoj po įkandimo gali drąsiai ją gaudyti, antrą sykį nebegali įkasti tuojau.

22. Yra žmonių, mokančių užvardyti gyvatės kandi. Nereikia jiems nė matyti ligonio, nė priliesti. Kas atėjęs pasako, kam įkando, daktaras tuojau pakalba savo maldele, paskui paėmęs by-kokią žolę, ar lapą, paduoda, kad nunešęs padėtų prie kandžio. Kaip tik prideda, tuoj ir išgija.

23. Valiliškių sodžiaus Marcijona Jesilionienė pagydo sergančius vaikus. Jei vaikas naktimis nemiega, rėkia, tad klausinėja, ar neišgązdino kas vaiko. Jei vaikas būtų ko išsigandęs, ar žmogaus, ar šunies, argaidžio, tad liepia tam nukirpti plaukų ir pasmilkyti tais plaukais vaiką.

тене из деревни Валилишки, Смильгов. прих., Поневѣж. у. 20. I. 1904 г.).

21. Если змѣя укуситъ челоѣка, то онъ не долженъ входить подъ кровлю и особенно долженъ остерегаться дыма. Долженъ остаться ночевать гдѣ нибудь въ полѣ у забора, пока опухоль не спадеть. Если бы кто былъ при укушеніи, тогда надо было бы схватить ему ту змѣю, которая укусила, и ея головою обвести вокругъ укуса; тогда опухоль распространится только въ предѣлахъ обведеннаго головкой мѣста. Змѣя, послѣ укуса, не имѣетъ жала, пока не приползетъ къ камню. Сейчас послѣ укушенія можно безъ опасенія ее поймать, она тогда не въ состояніи второй разъ укусить. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

22. Есть люди, умѣющие заговаривать змѣиное укушеніе. Не надо имъ даже видѣть или дотрагиваться до больного. Придетъ кто нибудь къ такому знахарю и рассказать, кого змѣя укусила. Знахарь сейчасъ прочтетъ свою молитву, послѣ, взявъ какое-нибудь растеніе или листикъ, даетъ приложить къ укусу. Какъ только приложить, больной сейчасъ выздоравливаетъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

23. Марціана Есиліонене изъ деревни Валилишки лѣчить больныхъ дѣтей. Если ребенокъ не спитъ по ночамъ, кричитъ, она спрашиваетъ, не испугался ли чего нибудь ребенокъ. Если ребенка дѣйствительно испугалъ челоѣкъ, или собака, или пѣтухъ, то у того, кто испугалъ ребенка, она отрѣзываетъ пучекъ волосъ или шерсти, и этими волосами, шерстью

или перьями окуриваетъ ребенка. (Антанасъ Батайтисъ изъ деревни Валилишки, Смильговскаго прих. Поневѣжскаго у. 20. I. 1904 г.).

24. Nuo trijų kiemų slenksčių reikia sudėti žemių ir, kad užaina gumbas, tas žemes kloti prie krūtinės; tuoj nustos skaudėje ir daugiau nebesirgsi.

25. Jei mažam vaikui pradeda skirties galvelė, tad reikia papešti samaną iš visų keturių trobos kerčių ir vaiką pasmilkyti, tad ir sugis.

26. Prie čertaplaukio reikia kloti tyrų vilnų. Jei ne čertaplaukis, tad vilnos palieka grynos (tyros). Jei čertaplaukis, tad kaip voratinklis apsivynioja apie tas vilnas ir tokiu būdu išeina į virsų, o pirštas, kuriame buvo čertaplaukis, pagija.

27. Čertaplaukį dar gydo liedami ant skaudamo piršto vandenį per varpas: tuomet ir pasiseka išlieti tuos «čerto» plaukus.

28. Gryžą gydo kramtydami skaudamąją vietą. Turi kramtyti toks žmogus, kurs yra gimęs savo tėvams pats

24. Противъ вдутія живота подъ ложечкой («гумбасъ») берутъ землю изъ подъ пороговъ трехъ жилищъ, смѣшиваютъ эту землю и прикладываютъ къ груди. Боль сейчасъ унимается и больше не возвращается. (Антанасъ Батайтисъ 20. I. 1904 г.).

25. Если у ребенка начинаютъ расходиться швы черепной крышки, то нужно взять мохъ изъ всѣхъ четырехъ угловъ хаты и имъ окурить ребенка. Тотчасъ выздоровѣетъ. (Она Пакилене, деревня Валилишки, Смильговскаго прих. Поневѣжск. у. 20. I. 1904 г.).

26. Противъ «чертаплаукіо» (воспаленіе надкостницы) нужно прикладывать баранью шерсть. Если это не будетъ воспаления надкостницы, то шерсть останется неизмѣненной. Если же это будетъ дѣйствительно воспаление надкостницы, то словно паутиною окутывается кругомъ шерсть и, такимъ образомъ, бользнь выходитъ, а палецъ выздоравливаетъ. (Завадзка 4. I. 1904 г.).

27. Воспаленіе надкостницы (буквальный переводъ «чертаплаукіасъ» — чортовъ волосъ) лѣчатъ, наливая на больной палецъ воды черезъ колосъ: такимъ образомъ, иудается «вылить» эти «чортовъ волосы». (Она Іозанайтайчи 1. IV. 1903 г.).

28. «Грыжасъ» т. е. недостаточность смазки въ сухожильныхъ сумкахъ лѣчатъ, кусая больное мѣсто. Кусать можетъ

pirmasai, arba pats paskutinsai.

29. Gydo dar gryžą verdami durimis skaudamąjį sąnarį.

30. Nuomaru sergąs kaip apmirs, viečiau atsigauna, kuomet jį iš vietos patraukia.

31. Nuo geltos reikia žiūreti į auksą.

32. Reikia ligonį išgązdinti, tad nustos drugiū sirgęs.

Mano seserį drugys krėtė. Ėmiau, jai nematant, didelį skardos šmotą ir sudaviau iš viso vieko į lovos galą. Tikrai valandelei nustojo krėtės.

только такой человек, который родился или первым, или последним у своих родителей. (Она Иозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

29. Лечать недостаток смазки в сухожильных сумках, сжимая между дверями большой сустав. (Она Иозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

30. Во время припадка падучей болезнни нужно больного сдвинуть с того места, где он упал, тогда он скорее приходит в чувство. (Бонифаций Якубовский 21. V. 1904 г.).

31. Против желтухи нужно смотреть на золото. (Бонифаций Якубовский 1. IV. 1903 г.).

32. Нужно больного испугать; испуг лучшее средство против перемежающейся лихорадки. У моей сестры был лихорадочный приступ. Я, взяв кусок жести, ударил им сильно в кровать у изголовья. У сестры действительно тотчас исчез озноб; но это помогло только от этого приступа. (Бонифаций Якубовский 1. IV. 1903 г.).

б) Личение, соединенное с почитанием святых и религиозными обрядами.

1. Kad dantų neskaudėtų, reikia šventos Apolionijos dieną nieko nevalgyti.

2. Mažas vaikas, kad verkia naktį, nemiega, skrupčioja iš miego, — reikia paimti: švęstų žolių iš Žolinės, labiau pikdagį, Dievo kūno švęstų rūtų, švęstų Verbų kadagių ir vakare, paguldžius į lopšį vaiką, toms žolėms pasmilkyti visą lopšį ir vaiką

1. Чтобы зубы не болели, нужно в день святой Аполлонии ничего не кушать. (Она Иозапайтайчи 1. XI. 1903 г.).

2. Если ребенок ночью плачет, не спит, и у него судороги, нужно взять священных трав: освященную в церкви в день Вознесения, траву «пикдагис» (чертополох), освященную в день Божьего Тела руту, и освященные в вербное воскресенье вербу и можжевель-

ir sukalbėti tris Sveika Marija. Taip kas vakarą ligi trijų sykių, bet tuoju po pirmojo sykio vaikas jau geriau miega.

3. Vaikas, kuomet gauna priepuolį, nemiega, užmigęs šokinėja, verkia, kaip-ko nusigandęs, mažą tevalgo, bijo vienas būti, labiau vakare bijo, tuomet nėkokie vaistai negelbsti. Vien tik reikia vežti arba nešti į bažnyčią ir prašyti kunigo egzortas skaityti, nors ligi trijų sykių. Kartais pagija vaikas nuo sykio, kartais po trijų sykių. O jei nė po trijų sykių nėra geriau, reikia vežti prie kito kunigo, nes kunigai nelygu egzortus skaito. Zokoninkų, labiau bernardinų pačios tvirtosios egzortos. Bernardinai ir velnius iš žmonių išvaro.

4. Jei vaikas mažesnis, ar didesnis yra sargaliuotas, išbliškęs, mažą tevalgo — tad reikia jį apžadėti ir įvilkti į zokoninko drabužius: koks patinkamas Bernardinų, Dominikonų, ar Karmelitų. To zokono apdaru, į kurį vaikas apžadėtas, pasiūdinti reikia abitą, nusivesti į bažnyčią tokią, kurios kunigas turi teisę uždėti brostvas. Toksai kunigas pašventia vaikui abitą ir įvelka ten-pat bažnyčioje, o motynai pasako, kiek poterių reiks

шик и вечером уложить ребенка в колыбель, окурить его и всю колыбель этими травами и три раза прочитать Ave Maria. Так нужно делать подряд три вечера. С первого вечера ребенок имеет лучший сон. (Юлия Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

3. Если ребенок заболеть спазмами, не спит, сон сопровождается судорогами, ребенок плачет, как-будто перепуганный, мало кушает, боится остаться один, особенно вечером, тогда лекарства не помогают. Нужно тогда нести или вести ребенка в церковь и просить священника читать «эзорты» (заклинания), и это надо продолжать три раза. Иногда ребенок выздоравливает с первого раза, иногда надо все три раза читать эзорты. Если и после третьего раза ребенку не поможет, то нужно его вести к другому священнику, потому что священники не одинаково читают эзорты. Эзорты монахов, особенно бернардинов, самые действительные. Бернардины и сатану выгоняют из людей. (Юлия Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

4. Если ребенок болен, бледен, мало кушает, то нужно сделать обряд и надеть ему монашескую одежду, какая лучше понравится: бернардинскую, доминиканскую или кармелитскую. Затем повести его в такой костел, где священник имеет право надвешать братские знаки, т. е. четки. Такой священник освящает расу и надвешает ее ребенку в церкви, а матери ребенка объясняет, сколько молитв надо читать за братские знаки.

kalbėti už to vaiko brostą. Gali apžadėti keleriems nori metams: vieniems, dvejiems, trejiems. Žinoma, pagal vaiko sveikatos žiūrėti, jei vaikas sveikesnis gali trumpiau, blogesnis — gali ilgiau įvilktą laikyti. Norint nuvilkti, reikia vėl to paties kūnigo, kur įvilko, — tas pats turi išvilkti.

5. Kokie 20 metų atgal teko man matyti Joniškėlio parapijoje tokis į zokoninko abitą įvilktas vaikas. Tėvams vaikai neaugdavo, mirdavo, tad vieną įvilko į zokoninkų abitą, bet ir tas mirė.

6. Jei vaikas nekrikštytas ima mėlynuoti, ir putikės iš burnelės mušasi, tuomet kuogreičiausiai, nors naktį, vežti, skubėti krikštyti, nes piktoji dvasia gauna valią nekrikštytą smaugti. Po krikšto nebeturės valios, vaikas ir pagerės. Nepaskubėjus pakrikštyti, tuoj pasmaugtų.

7. Yra dar Smilgių miestelyje Laimutienė. Ta moka užvardyti rožę ir dantų gėlimą. Žmonės eina prie jos su dovanomis. Kam tik kokia piktovė pasikelia, tuoj bėga pas Laimutienę, o ji vaistų neduoda, tik vis šnibžda tylomis, žegnoja, trina su ražančium ir su kryželiais, ir žmonės visi įtiki, jos gydymą.

Можно съдѣлать такой обѣтъ на какой угодно срокъ: на годъ, два или три.

Обыкновенно дѣлаютъ обѣтъ по состоянію здоровья ребенка. Если ребенокъ не очень боленъ, то на менѣе продолжительное время, если очень боленъ, то на болѣе продолжительный срокъ. Желаящему снять рясу съ ребенка, нужно обратиться къ тому же священнику, который надѣлъ ее на ребенка, такъ какъ только онъ можетъ снять надѣтую на ребенка рясу. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

5. Лѣтъ двадцать тому назадъ случилось и мнѣ видѣть въ мѣстечкѣ Юганишкеляхъ ребенка въ монашеской рясѣ. У родителей всѣ дѣти умирали, на одного надѣли рясу, но все-таки и этого ребенка ряса не спасла. (Габр. Петкевичъ 29. IX. 1906 г.).

6. Если у некрещенаго появляется синюха, и изъ ротика показывается пѣна, то по возможности скорѣе, даже и ночью, надо его окрестить, потому что это служитъ вѣрнымъ показаніемъ того, что нечистая сила имѣетъ власть душить некрещенаго. Послѣ крещенія нечистая сила власти не имѣетъ, и ребенокъ поправляется. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

7. Есть въ мѣстечкѣ Смилыгахъ женщина Лаймутене. Она умѣетъ заговаривать рожу и боль зубовъ. Люди идутъ къ ней съ подарками. Она не даетъ лѣкарствъ, только шепчетъ, креститъ, натираетъ четками или крестами, и люди вѣрятъ ей. (Антанасъ Батайтисъ 20. I. 1904 г.).

8. Nuo drugio pagydo: reikia Sekminių švestoj vandens gerti ir tuo vandeniui galvą nusimazgoti; gramnyčios dūmais rūkyties; Dievo kūno švestomis rūtomis smilkyties; pašvestų žolių per Žolinę arbatą virti ir gerti; relikvijomis trinti galvą ir poterus kalbėti prie tų šventųjų, kurių relikvijos.

8. Отъ перемежающейся лихорадки помогаетъ пить такую воду и мыть голову такую водою, которая освящена въ Троицынъ день; либо дымомъ церковной свѣчи, освященной въ Срѣтеніе Господне, окуриваться; либо рутою, освященной въ день Божьяго Тѣла, окуриваться; либо изъ травъ, освященныхъ въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, варить чай и пить его. Мощами святыхъ натирать голову и молиться этимъ же святымъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

в) Лѣченіе травами, органическими веществами и разными другими приемами.

1. Nuo baltosios drapanės gydosi arbata iš baltos panavijos šaknų, arba baltos dilgynės žiedų.

1. Противъ бѣли лѣчатъ чаемъ, свареннымъ изъ корней бѣлаго піона или изъ бѣлой крапивы. (Она Іозапайтайчи 6. I. 1904 г.).

2. Nuo rožės gydosi juodo katino krauju, išvarvintu iš uodegos. Jei jau uodega būtų nukirsta, tad iš ausių. — Duoda to kraujo gerti po 9 lašus.

2. Противъ рожи лѣчатъ кровью чернаго кота, взятою изъ его хвоста. Если хвостъ у кота уже отсѣченъ, то берутъ кровь изъ ушей. Этой крови пьютъ по 9 капель. (Цецилія Пронцкунайчи изъ дер. Гайляны, Юганишкель. прих., Поневъж. у. 5. V. 1898 г.).

3. Rožę gydo pridėdami katės trąšą, arba jievos žievę, arba šluotgirnį (skarmalas, kuriuo girtas pašluosto). Kloja ir mėlyną poperį (nuo cukraus galvos), lajum išteptą.

3. Рожу лѣчатъ, прикрывая больное мѣсто кошачьимъ навозомъ или корой, снятой съ черемухи, или тряпкой, служащей для обтиранія жернова, или голубой сахарной бумагой, помазанной саломъ. (Она Іозапайтайчи 6. I. 1904 г.).

4. Išipioję pirštą, žaizdą užkloja kukurbeždeliu (toks grybas), arba voratinkliu, arba sugrūstu angliu.

4. Порѣзавъ палецъ, рану закрываютъ дождевикомъ, или паутиною, или толченымъ углемъ. (Она Іозапайтайчи 6. I. 1904 г.).

5. Nuo čertaplaukio kloja netrintą

5. Воспаленіе надкостницы («черта-

taboką su rūgusiu pienu, arba česnaką, sugrūstą su paraku.

6. Nuo žyvato geria nemuoges, kaitina pilvą ant pečiaus.

7. Nuo prietvaro duoda gerti samanų nuo stogo, sudeginus su arielka.

8. Kuomet akis skauda, ir akis raudonos palieka,—grūda žvirblio trąšą ir sausą kloja per skepetą prie akių.

9. Nuo kosulio geria ledinį cukrų ir aviečių arbatą iš lazdu, ne iš uogų.

10. Ant voties kloja žąsies pūkų, papešę iš po pažastės, lepši sudžiovintą ir išmirkytą, senos duonos plutą, užpiltą karštu pienu.

11. Kad rankos suplyšta, tepa lajumi, arba pastijonka, ir muilu muilija.

12. Kuomet vaikas gimsta raudonomis dėmėmis, gydo tepdami ką—tik padėtu vištos kiaušiniu.

13. Nuo šiltinių gydo girdydami ligonį alumi su mielėmis.

плаукись») лѣчать, прикрывая большое мѣсто табакомъ, смѣшаннымъ съ кислымъ молокомъ, или чеснокомъ, толченымъ съ порохомъ. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

6. Отъ поноса пьютъ чай изъ черники и грѣютъ животъ на печкѣ. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

7. Отъ запора даютъ пить мохъ, снятый съ крыши, съ водкой. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

8. При болѣзни глазъ, когда они становятся красными, прикладываютъ къ глазамъ сухой, толченый воробьиный пометъ, положенный въ лоскутѣ полотна. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

9. Отъ кашля пьютъ чай, сваренный изъ отростковъ малины съ ледянкою. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

10. На нарывъ кладутъ гусиный пухъ, опципанный въ области, прикрытой крыльями; сушеный и вымоченный грибъ, называемый «лепшисъ», корку стараго хлѣба, вымоченную въ горячемъ молокѣ. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

11. Если кожа на рукахъ трескается, то ее нужно смазывать саломъ или сливками, или мыломъ. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

12. Если родится ребенокъ съ красными пятнами, то мажутъ его свѣжеснесенными куриными яйцами. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

13. Противъ тифа даютъ больному пить пиво съ дрожжами. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

14. Kad vaikas susitrenkia ir strėnas užsigauna, tad sodina jį į tą vietą, kur pirm buvo padėtas karštos duonos bakapas.

15. Našlaites, išrovę su visomis šaknimis, geria, kad išbertų, kad liga išeitų viršun. Duoda vaikams gerti, kuomet galvos prišašta, spaugais išverčia, kad labiau išverstų. Liga greičiau išeis ir užgis. Jei perdaug užgeria—tad ir perdaug išverčia.

16. Jei rokuoja, kad ligoniui yra saldžioji votis, tuomet duoda našlaičių gerti, kad smulkiai išbertų.

17. Našlaičių reikia duoti, kuomet šiltas oras vasarą. Kaip šalta, žiemą, neduoda.

18. Jei prapuola drapanė, geria iš laukų žliugelės. Raudonai jos žydi vasarą. Tik ne kiekviename lauke jų yra.

19. Galvas trenkasi mergaitės susivirinusios ajerų šaknų, vyšnių lapų; tuo skystimu jos trenkasi, kad plaukai augtų.

20. Mažą diemedį virina ir geria nuo galvos skaudėjimo.

14. Если ребёнокъ ушибетъ себя бедра, то его садятъ на то мѣсто, гдѣ лежалъ свѣжеиспеченый теплый хлѣбъ. (Она Іозапайтайчи 1. IV. 1903 г.).

15. Варить цвѣты, называемые Анютиными глазками, вырвавъ ихъ съ корнями, чтобы болѣзнь высыпала наружу. Это лѣкарство даютъ дѣтямъ пить, когда голова покрывается струпами, чтобы усилить сыпь. Тогда болѣзнь скорѣе исчезнетъ и ребенокъ выздоровѣетъ. Если этого лѣкарства выпить слишкомъ много, то очень сильно высыпетъ. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

16. Отъ экзематозной сыпи на головѣ даютъ пить чай изъ Анютиныхъ глазокъ, чтобы мелко высыпало. (Эльжбета Кижене изъ деревни Шермукшне, Пушолатскаго прих. Поневѣжскаго у. 14. XII. 1904 г.).

17. Пить чай изъ Анютиныхъ глазокъ даютъ только лѣтомъ, когда тепло. Зимой никто не пьетъ чаю изъ Анютиныхъ глазокъ. (Эльжбета Кижене 14. XII. 1904 г.).

18. Если прекращаются регулы, то пьютъ чай изъ травы, называемой «жлюгале». Трава эта растетъ въ яровыхъ хлѣбахъ, цвѣтокъ ея красный, но не на всѣхъ поляхъ ее можно найти. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

19. Дѣвушки моютъ себя волосы чаемъ изъ аировыхъ корней (acorus calamus) или вишневыхъ листьевъ, чтобы усилить ростъ волосъ. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

20. Божье дерево (Artemisia Abrotanum) варятъ и пьютъ отъ головной

21. Pipirmėtes virina ir geria nuo pilvo skaudėjimo.

22. Kur ant langų augina tikrą jeronimą smulkiais lapeliais, geria nuo dieglių.

23. Nuo dieglių geria, kur rugiuose auga — kirviapenčių arbata. Kirviapenčių prisidžioviną žiemai.

24. Nuo pilvo skaudėjimo geria negrūstus, sveikus pipirų grūdėlius su arielka.

25. Borsuko taukais tepa nuo tymo.

26. Nuo koleros reikia sklidinai pilną gorčių vandens užvirinti ir tą vandenį, kol karštas, ligoniui sugirdyti. Mano tėvelis taip nuo koleros pasigydė.

27. Gydo nuo vištātupio savo šlapumu, arba rūtomis, sugrūdus ir sumaišius su rūgusiu pienu. Jos karštį ištraukia. Kloja ir molį prie akių.

28. Vištātupiu susirgus, reikia akis vištātaukais tepti.

29. Dantų škorbutą gydo plauzdamis dantis su alūnu, su suvirintomis ajerų šaknimis. Dar virina ir čebatėlių šaknis, arba francuzką

боли. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

21. Перечнуюмату (Mentha piperita) варят и пьют против боли живота. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

22. Герань (Geranium) съ мелкими листиками пьют против коликъ. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

23. Против коликъ пьют чай изъ шпорника (Delphinium consolidum), который растетъ во ржи. Этотъ шпорникъ сушатъ и на зиму. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

24. Противъ боли живота глотаютъ петолченый перецъ съ подкою. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

25. Противъ опухоли смазываются барсучьимъ саломъ. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

26. Противъ холеры нужно закипятить полный до краевъ гарнецъ воды и выпить эту воду, пока не остынетъ.

Такимъ образомъ выльчился мой отецъ. (Завадэка изъ Кракиновекаго прих. Поневѣжск. у. 18. III. 1904 г.).

27. Противъ куриной слѣпоты прикладываютъ къ глазамъ собственную мочу или растертую руту, смѣшанную съ кислымъ молокомъ. Прикладываютъ также и глину. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

28. Противъ куриной слѣпоты смазываютъ глаза куринымъ саломъ. (Завадэка 18. III. 1904 г.).

29. Противъ цынги лѣчатся полосканиемъ зубовъ красцами (alumen) или настойкой изъ аировыхъ (asorus calamus) корней, или изъ корней «Aconitum Na-

medelį, aptiekoje nusipirkę, užpila arielka.

30. Jei kam arielka viduryje žarnose užsidega ir garas lig kaip dūmai pro gerkle eina — tuomet reikia tokiam žmogui į gerkle primyžti. Geriausia, kad sena boba tą padarytų: tada geriausia pagelbsti. Žmogus veikiausiai atsigauna.

31. Geltą gydo tikruosius karolių ant kaklo nešiodami, arba kepa blyną su utėlėmis. Reikia bent dešimtis utėlių sukepti blyne ir duoti ligoniui suvalgyti. Virintos morkos irgi duodama ligoniui valgyti.

32. Nuo gerklės skaudėjimo duodavo gerti suvirinę rupūžę, arba karvelio (balandžio) mėšlo.

33. Jei kas į akį įkrenta, tad yra bobų, kurics moka akį liežuviu išlaistyti ir tokiu būdu įkritisį krislą išimti.

34. Man buvo vieną sykį įkritisį krislas į akį. Boba laižė akį: jos liežuvis buvo teip šiurkštus, rodės — tarytum ji šepetiu braukia.

35. Jei liežuviu nepasiseka išimti iš akies krislo, tuomet įleidžia vėžio girneles ir jos krislą išstumia.

pellus». Покупаютъ въ аптекахъ «французское дерево», заливаютъ его водкой и этой настойкой тоже полощутъ зубы. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

30. Если у кого-нибудь во внутренностяхъ зажжется водка, и паръ, какъ дымъ, валитъ изъ горла, то нужно, чтобы такому человеку кто нибудь помочился въ горло. Лучшее всего поможетъ моча старой бабы. Больной тогда скоро оправляется. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

31. Противъ желтухи лѣчатся пошениемъ на шею настоящихъ кораллъ или употреблениемъ въ пищу блиновъ, непеченныхъ съ примѣсью вшей. Больному нужно принять по крайней мѣрѣ десятокъ вшей. Даютъ кушать тоже и варенную морковь. (Она Томашауцкайчи 11. XII. 1904 г.).

32. Противъ боли горла даютъ пить вареную жабу или голубинный пометъ. (Игнатій Петraitисъ 25. XII. 1904 г.).

33. Если что нибудь попадетъ въ глазъ, то есть бабы, которыя языкомъ вылизываютъ инородное тѣло (Томашъ Керге изъ деревни Сенканы, Смильгов. прих., Поневѣжск. у. 20. I. 1905 г.).

34. Мнѣ однажды баба лизала языкъ языкомъ, и языкъ ея былъ такъ шероховатъ, какъ щетка. (Бонифаній Якубовскій, имѣние Подзишки, Клован. прих. Поневѣжск. у. 28. I. 1905 г.).

35. Если не удастся вынуть языкомъ изъ глаза инородное тѣло, то кладутъ въ глазъ жерновокъ рака и тотъ уже непременно удалитъ инородное тѣло. (Томашъ Керге 20. I. 1905 г.).

36. Jei vaikas neturi karščio, tik taip naktimis nemiega, tad Jesilionienė liepia gauti juodos karvės ar juodos ožkos, jei nėra ožkos — tad juodos kumelės pieno; (vis tiek kas būtų, by tik juodas) ir tuo pienu nu-prausti, tad vaikas ir užmiega.

37. Neužkukuota gyvatė yra vais-tas nuo pasiutimo. Gydo ja ir kitas arklių ir karvių ligas.

38. Nuo prietvaro žmogui ir gyvu-liams duoda žvirblio trąšą su sviestu.

39. Šunies trąšos geria nuo gerklių skaudėjimo.

40. Kaip žmogus jaučia, kad jam gerkle užima, reikia, kad gertų sud-žiovintą rupūžę, tai greitai pagis.

41. Jei sunkiai moteriškė gimdo, reikia vedžioti ligonį. Kaip tik so-puliai suima—guldyti ir vėl vedžioti ir liepti kojas kuoplačiau statyti.

42. Jei vaikas naktimis klykia, reikia prie bambos kloti vilnas ir že-

36. Если у ребенка нет озноба, а только по ночам он не спит, то Еси-лионене советует принести молоко от черной коровы, или от черной козы, или от черной кобылы,—все равно от какого животного, только чтобы это жи-вотное было черной масти,—и этим мо-локом обмывают ребенка: тогда у ре-бенка исчезает бессонница. (Антанасъ Батайтисъ 20. I. 1904 г.).

37. Змѣя, найденная ранней весной до укуванія кукушки, служить лѣкар-ствомъ противъ бѣшенства и противъ другихъ болѣзней лошадей и скота. (Бо-нифаций Якубовскій 1. III. 1901 г.).

38. Противъ запора людямъ и живот-нымъ даютъ голубиный пометъ съ ко-ровьимъ масломъ. (Магдалена Баіору-найчи изъ деревни Вадейки, Іоганши-кел. прих. Поневѣжск. у. 5. VII. 1897 г.).

39. Собачьимъ навозомъ лѣчатъ бо-лѣзни горла. (Магдалена Баіорунайчи 5. VII. 1897 г.).

40. Когда человекъ чувствуетъ, что у него появляется ангина или другая острая болѣзнь глѣза, онъ долженъ пить чай, настоящий на высушенной жабѣ. Это скоро помогаетъ. (Анелія Гуокене изъ деревни Валилишки 20. I. 1904 г.).

41. При тяжелыхъ родахъ водять ро-женицу по избѣ. Какъ только насту-паютъ схватки, кладутъ больную въ кро-вать, а по прошествіи схватокъ, опять начинаютъ водить, причемъ советуютъ ей какъ можно шире разставлять ноги. (Завадзка 4. I. 1904 г.).

42. Если ребенокъ по ночамъ кри-чить, то ему кладутъ на животъ баранью

žukos žolės grūdus suvirinti, tame vandenyje vaiką numazgoti ir to pa-ties vandens duoti užgerti.

43. Jei vaikui muomenis nesuauga, reikia kiaušinio trynį kloti su vilno-mis ir, uždėjus kaip kepurėlę, sus-rausti.

44. Majavinį vabaliuką geria nuo pasiutimo, kuomet pagedęs šuo arba kits koks gyvulys įkąs žmogų.

45. Geria dar nuo pagedimo jovaro lapus.

46. Mergaitės nėščios, kurios ne-nori gimdyti, geria gyvamedžio (Thuja occidentalis) lapus.

47. Gydydami trindę, degina sam-čio galu suputusį kojos padą. Užkai-tina samtį, kad būtų labai karštas, kad net gruzdėtų, ir deda prie skau-damosios vietos.

48. Gydo dar trindę žąsies trąšą. Reikia stoti ant šilto, kątik pašikto mėšlelio.

шерсть и варять чай изъ сѣмянъ жерухи (Brunnenkresse), въ которомъ купаютъ ребенка, а выкупавши его, тѣмъ же са-мымъ чаемъ поятъ ребенка. (Завадзка 4. I. 1904 г.).

43. Если у ребенка долго не сра-стаются теменные кости, то нужно при-ложить туда желтокъ яйца, смѣшанный съ бараньей шерстью, причемъ нужно крѣпко придавить къ головкѣ въ видѣ ша-почки. (Завадзка 4. I. 1904 г.).

44. Люди, укушенные бѣшеными животными, чтобы не заболѣть, прини-маютъ внутрь «майскихъ жуковъ»¹⁾. (Она Іозапайтисъ 1. IV. 1903 г.).

45. Противъ бѣшенства пьютъ листья «явора» (crataegus). (Она Іозапайтисъ 1. IV. 1903 г.).

46. Беременные дѣвушки, чтобы вы-звать абортъ, пьютъ чай, настоящий на листьяхъ «Thuja occidentalis». (Врачъ И. Ф. Петкевичъ 1. IX. 1906 г. им. Пузы-лишки, Смильгов. прих., Поневѣж. у.).

47. Воспаленіе подкожной кѣтчатки на подошвѣ стопы выжигаютъ концомъ нагрѣтаго деревяннаго ковшъ. Нужно такъ сильно нагрѣть ковшъ, чтобы онъ почти обуглился, а затѣмъ приложить къ большому мѣсту. (Она Іозапайтисъ 1. IV. 1903 г.).

48. Лѣчатъ еще воспаленіе подкож-ной кѣтчатки на подошвѣ стопы гуси-нымъ навозомъ: нужно встать больною ногой на сѣжій, еще теплый навозъ. (Она Іозапайтисъ 1. IV. 1903 г.).

¹⁾ Врачу И. Ф. Петкевичу не разъ случалось видѣть больныхъ, принявшихъ этихъ жуковъ. Принимаютъ ихъ съ медомъ. Они вредно вліяютъ на физиологическое отправленіе почекъ, вызывая выдѣленіе бѣзка въ мочѣ (albuminaria).

49. Kaip gerkle užima, reikia plauti sudžiovinta ir suvirinta rūpūze. Tik jos daug negalima dėti, nes labai karti.

50. Neužkukuota gyvatė nuo visų ligų yra gera. Žmonės tepa užvilktas akis arielka, užpilta ant tokios gyvatės.

51. Kokie 20 metų atgal nuvažiauvau viešėti į Reikjavos dvarą (keli varstai nuo Šiaulių miesto). Naktį pažadino mane nueiti prie dvaro darbininko, kursai jau beveik merdėdamos meldė manęs pas jį užėiti.

Radau pajuodavusį žmogų, į krūvą susirietusį, klupčiomis slankiojantį po trobos aslą.

To žmogaus pavardė buvo Raišys. Meldė, kad jį gelbėčiau... Mano tėvas gydytojas, kol arčiau gyveno, jį visuomet nuo tų baisių skausmų išgydydavo, o tos vietos gydytojai nieko jam nepagelbėti.

Jo žmona, prislinkusi, dar išpaskojo, kad buvo šikart gavusi ir degtinės, užpiltos ant neužkukuotos gyvatės, ir per dieną visą butelį vyrui sugirdžiusi, ir skausmai neiek tiek nepamažėjo. Tą pačią naktį ligonis pasimirė.

52. Kaip kas springs, reikia kumščiu gerai į kuprą suduoti.

49. Против острых болзней зѣва нужно полоскать горло жидкостью, которую получают при кипячении сушеных жабъ въ водѣ. Только ненужно чрезчуръ сильнаго отвара (не особенно много жабъ), потому что онъ слишкомъ горькаго вкуса. (Завадзка 4. I. 1904 г.).

50. Змѣя, пойманная ранней весной, пока еще кукушка не куковала, служить лѣкарствомъ отъ всѣхъ болзней. Такую змѣю заливають водкой, а настоемъ мажутъ даже глаза съ бѣльмомъ. (Она Іо-запайтисъ 4. IV. 1903 г.).

51. Лѣтъ 20 тому назадъ я поѣхала въ гости въ имѣніе Рєкіево (нѣсколько верстъ отъ города Шавель). Ночью разбудили меня съ просьбой пойти къ рабочему, который находился при смерти. Я нашла больного совсемъ почернѣвшимъ, стянѣвшимъ въ кучу и ползающимъ на колѣнахъ на полу. Фамилія его была Райшинъ. Онъ просилъ меня спасти его. Мой отецъ, докторъ, нѣсколько разъ помогъ ему въ такихъ przypadкахъ, когда онъ жилъ въ нашихъ окрестностяхъ. Здѣшніе врачи ему не помогали. Его жена мнѣ рассказала, что больной выпилъ въ тотъ день бутылку водки, настоянной на «незакукованной» змѣѣ, и никакого облегченія не получилъ. Въ эту-же ночь больной скончался. (Габр. Петкевичъ, 5. IX. 1906 г.).

52. Если кто кушая подавится, то нужно его крѣпко ударить кулакомъ по спинѣ. (Бонифацій Якубовскій 21. V. 1904 г.).

53. Nuo drugio reikia šaltekšnio žievės išvirinti ir arbatą gerti. Išgėręs žmogus vemia, tuomet tuo vėmalu galvą reik plauti.

54. Nuo drugio geria degutą. Gėrimui reikia paimti šaukštą gryno deguto ir išleisti ožkos piene.

55. Turkų pipirų įpilti į verdantį vandenį ir gerti tokią arbatą — irgi yra vaistas nuo drugio.

56. Nuo slogos reikia uostyti prakaitą iš-po pažastės.

57. 1904 m. Vasario pradžioje darbininko patį Kovaliauckienė (Tolockonių dvare, Pasvalio parapijoje) gyrėsi davusi suvalgyti vaikui su trintus šviežiai jam pačiam išėjusius lisninkus. Tikėjosi moteriškė tokiu būdu pagydyti vaiką nuo lisninkų.

58. Teko matyti Krakių parapijoje, Kauno apskrityje, dvi moteri, kuriedvi buvo pakarti už kojų prieš gimdymą — kad lengviau gimdytų.

59. Nuo kaltūnuotų rankų tepa tos karvės namais, kuri pirmą kartą yra turėjusi. Kiti sako, kad geriau esą tepti pirmą sykį turėjusios kumelės namais.

60. Kas nenori, kad nuo raupų duobės ant veido pasilikty, turi sirg-

53. Против перемежающейся лихорадки пьютъ чай, настоянный на корѣ крушины (Rhamnus frangulae). Этотъ чай вызываетъ рвоту у больного; этими рвотными массами моютъ голову. (Бонифацій Якубовскій 21. V. 1904 г.).

54. Перемежающуюся лихорадку лѣчатъ дегтемъ. Нужно ложку чистаго дегтя развести въ козьемъ молокѣ и выпить. (Бонифацій Якубовскій 21. V. 1904 г.).

55. Чай изъ турецкаго перца также служитъ лѣкарствомъ противъ лихорадки. (Бонифацій Якубовскій 21. V. 1904 г.).

56. Противъ насморка нужно нюхать подмышечный потъ. (Бонифацій Якубовскій 21. V. 1904 г.).

57. Въ первыхъ числахъ февраля 1904 г. жена рабочаго Ковалевская (въ имѣніи Толочканы, Пасовольскаго прихода) говорила, что она дала своему ребенку съѣсть растертые, свѣжіе глисты аскариды, вышедшіе у этого же ребенка. Она надѣялась этимъ средствомъ избавиться отъ глистовъ своего ребенка. (Врачъ Л. И. Петкевичъ 3. III. 1904 г.).

58. Случилось видѣть въ окрестностяхъ мѣстечка Кроки, Ковенскаго уѣзда, двухъ женщинъ, которыхъ во время родовъ вѣшали за ноги — чтобы ускорить роды. (Врачъ Л. И. Петкевичъ 3. III. 1904 г.).

59. Золотушныя руки мажутъ родильнымъ мѣстомъ первороженницы коровы. Другіе утверждаютъ, что лучше для этой цѣли употреблять родильное мѣсто первороженницы кобылы. (Она Томашайтисъ 11. XII. 1904 г.).

60. Для того, чтобы оспа не обезобразила лица (рубцами), во время болзнии

damas kloti prie veido skepetėlę, sušlapintą saldžiajame piene.

61. Nuo kosulio: verda puplaiškius ir geria; arba tuos puplaiškius išdžiovintus pypkėje rūko; aviečių lazdas virina ir geria; dilgynių lazdas pypkėje rūko; avižienius šiaudus suvirinę geria; kojas laiko šiltame vandenyje su druska ir pelenais.

62. Ranką nusiplikus trina, druska arba rašalu.

63. Jei rakštis įlenda į pirštą — reikia drobinu smilkyti: lengviau rakštis išimti.

64. Kad akis skauda, tepa akicukriu, arba mėlynąjį akmenėlį apmerkia į vandenį ir tepa.

65. Rūgusis pienas su rūtomis sumaišytas ištraukia karštį iš akių. Kloja ir karvės saldujį pieną.

66. Nuo lisninko duoda keptą buroką su lisninku (= citvaru. Žmonės vadina ir citvarą lisninku) ir su medumi, arba vieną citvarą su medumi.

67. Nuo lisninko dar tepa terpentina panosę, duobelę po gerklės ir duobelę paširdžiuose.

68. Dar nuo lisninko iš žąsies

прикладывают к лицу платок, намоченный в свежем молоке. (Она Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

61. Против кашля пьют бобовник (trifolii febrini); или тот же высушенный бобовник курят в трубке; пьют также чай на малиновых отростках, на овсяной соломе; курят в трубке крапиву; мочат ноги в теплой воде с солью и пеплом. (Она Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

62. Облив руку кипятком, потирают солью или мажут чернилами. (Она Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

63. Палец с занозой окуривают полотняной тряпочкой, чтобы легче выпнуть занозу. (Она Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

64. Против боли глаз смазывают глаза свинцовым сахаром (Plumbum aceticum) или подным раствором мѣднago купороса (Cuprum sulfuricum). (Она Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

65. Кислое молоко, смешанное с рутю, уменьшает воспаление глаз. Прикладывают и сладкое коровье молоко. (Она Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

66¹⁾. Против глистов дают печеный бурак (свеклу) с цытваром и с медом; или только цытварь с медом. (Она Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

67. Против глистов смазывают скипидаром под носом, ямочку под горлом и ямочку под сердцем. (Она Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

68. Против глистов дают сожже-

birbynės (birbynė yra neapžėlusi plunksnos vieta) ištraukia širdelę, sudegina ją ir duoda gerti.

69. Vaikui nušalus, tepa šašus žąsies taukais.

70. Jei vaikui įpuls gryžas į bambelę — reikia bambelę užkloti skepetuku, paskui pagauti voras, ir valakų riešučio žieve užvožti ir gerai užrišti.

71. Dar gydo vaiką nuo gryžo taip: prirenka į muslininką sliekų, juos užkloja ant bambelės ir pririša. Jei buvo ištikrųjų gryžas, tad nuo sliekų lieka tik truputis žemėlės: jie vienas-kitą susiėda.

72. Nuo rožės kloja švino poperį, arba poperį, pieštuku pritrintą, arba senovišką rublį, arba plaiskanę, arba surūdijusią geležį įkaitinę, įkiša į alų ir ant to garo pašutina rožę. Kloja dar rugienius miltus su mėlynu nuo cukraus poperiu, arba su skurliuku, kur girtas šluosto.

73. Nuo baltosios mergaitės geria augstus baltus dobiliukus ir daro iš jų dobiliukų vonias.

ную сердцевину гусиного пера. (Она Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

69. Если у ребенка яляется сыпь, то покрытую сгруппыями сыпь смазывают гусиным жиром. (Она Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

70. Против «грижа» ребенку надо закрыть пупок платочком, затем поймав паука, положить на платок, прикрыть его скорлупой греческого ореха, а затем крепко спеленать ребенка. (Она Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

71. Лечить детей от «грижа» следующим образом: связывают в кисейную тряпочку несколько дождевых червей и прикладывают их ребенку к пупку. Если это была действительная болезнь «грижа», то от дождевых червей в тряпочке остается только немного земли. Черви одни других поедают. (Она Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

72. От рожы прикрывают больное место оловянной бумагой, либо бумагой натертой карандашом, либо посконью, либо старинным рублем, либо наконец берут жарящее железо, нагревают его до красна, бросают в пиво и над этим паром держать заболѣвшее рожой место. Сверх того лечат прикладыванием ржаной муки, которую прикрывают либо синей сахарною бумагой, либо тряпочкой, которою обтирают жернова. (Она Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

73. Против бѣлей дѣвушки пьют чай на Melilotus officinalis и принимают ванны, къ которым прибавляют выше-

1) Литовцы обыкновенно называют и глисты, и лекарство от глистов. — цытварь однимъ именемъ «lisninkas».

74. Pirštą įpiovus, reikia nege-syta vopna dėti, arba pakastas.

75. Nuo gerklės skaudėjimo vi-rina šunies arba katės trąšą, virina ir rupūžę ir tuo vandeniu gerkle gar-galiuoja.

76. Kaip votis keliai, kloja sė-menis, sušutintus su kvietieniais mil-tais.

77. Jei atsiranda geltonos dėmės veide, reikia trinti uksusu su druska.

78. Nuo sprogimo rankas plauna činčibaru, varvina lajum, arba taip kokiais riebalais tepa.

79. Nuo gumbo geria geriamosios sodos; kmynus sukrantę, užgeria vandeniu. Geria sviesto sūrymą, druską su medumi valgo, rudo ridiko skystimą su druska. Plytą kaitina ir deda prie paširdžių. Žemę sušildo iš trobos, arba priesienio paslenksčio ir kloja prie paširdžių.

Geria rūkšti, sūriai apsisūdę su druska, žmogaus šlapumą ir dektinę, ant gyvatės užpiltą. Aš pati esu gumbu sirgusi — viską gėrusi ir da-riusi.

80. Nuo viduriavimo (žyvato) geria sugrūstą, sudegintą duoną su vande-

упомянутое растение. (Анна Томашай-тис 11. XII. 1904 г.).

74. Къ рѣзанымъ ранамъ приклады-ваютъ негашеную известь, либо покоешь. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

75. Противъ боли горла варятъ со-бачій или кошачій навозъ, или сушеную жабу и этою водою полоסקаютъ горло. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

76. Къ образуемому парыву при-кладываютъ припарки изъ льняного сѣмени съ ишеничною мукой. (Анна Томашай-тис 11. XII. 1904 г.).

77. Если на лицѣ появляются желтыя пятна, нужно ихъ натирать уксусомъ съ солью. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

78. Руки съ потрескавшейся кожей моютъ отваромъ чѣлнбухи (semen strychni), мажутъ коровьимъ саломъ или вообще какою нибудь жиромъ. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

79. Противъ вздутія живота подъ ло-жечкой пьютъ очищенную соду; разже-вать тминъ, запиваютъ водой. Пьютъ также соленую отъ коровьяго масла воду, кушаютъ медъ съ солью. Пьютъ сокъ бу-рой рѣдкы съ солью. Нагрѣваютъ кирпичъ и прикладываютъ въ подложечную область. Берутъ землю изъ подъ порога ха-ты или сѣней и прикладываютъ ее, предва-рительно нагрѣвъ, къ верхней части живо-та. Пьютъ хлѣбный квасъ съ солью, чело-вѣческую мочу и водку, настоянную на змѣѣ. Я сама болѣла и все это пила и дѣлала. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

80. Противъ поноса сжигаютъ хлѣбъ, толкутъ и даютъ пить. Кушаютъ твердо

niu. Valgo kiaušini, kietai iškeptą su agnominis. Geria ąžuolo žievę, suvi-rintą su beržo plonutėmis tošelytė-mis, kur nuo vėjo švyturiuoja. Geria dar ir rūgštį su česnakų ir druska.

81. Kad pirštas tvinksta, kloja keptus cibulius (svogūnus).

82. Nuo čertaplaukio kloja keptą cibulį su paraku. Kloja dar eglės sa-kus, sumaišytus su čertažole. Čerta-žolė — išsidraikiusi, balta, pūkuota, prie žemės prilipusi, lig kad siūlai išsidraikę — auga ant kalniukų prie smiltynės, prie žvyrynės.

83. Nuo sausų kaulų skausmo (sausgilos) daro skruzdėlių vonias; arba trina skystimu, atsiradusiu nuo sukištų į butelį musmirių, kloja ta-boką, su medumi sumaišę. Trina lai-kydami prieš ugnį spiritui, kuriame yra mirkęs juodas ridikas.

84. Nuo šiltinių geria mieles su žmogaus šlapumu, karvės pieną, smilko smirdančiu juodu degutėliu.

85. Nuo niežų geria sierą sugrūdę; uksusu su čiemeryčiomis trina šiltoje vietoje,irtyje, arba jaujoje po pe-čiumi. Dar tepa čiemeryčias, sumaišę su saldžia smetonėle, arba arkliarūgščio šaknis suvirina, su ta ar-bata sumaišo karvės šlapumo ir taip-pat šilumoje tepa.

1) Воспаление надкостницы = Čertaplaukis.

испеченое лицо съ макомъ. Пьютъ чай на дубовой корѣ и на итѣжной бѣлой бе-резовой; кроме того пьютъ хлѣбный квасъ съ чеснокомъ и солью. (Анна Томашай-тис 11. XII. 1904 г.).

81. Къ пальцу съ образующимся на-рывомъ прикладываютъ печеный лукъ. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

82. Воспаление надкостницы лѣчатъ прикладываніемъ печенаго лука съ поро-хомъ, еловой смолы, смѣшанной съ тра-вой «чертажолѣ»¹⁾. Трава эта бѣлая, пу-шистая, вьется по землѣ подобно ниткѣ. Она растетъ на песчаныхъ холмикахъ. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

83. Противъ ломоты въ костяхъ дѣ-лаютъ ванны, къ которымъ прибавляютъ муравьевъ; натираютъ жидкостью, кото-рая получается при храненіи сырыхъ мухоморовъ въ бутылкѣ. Прикладываютъ къ больному мѣсту табакъ съ медомъ, натираютъ передъ огнемъ настойкой спирта на черной рѣдкѣ. (Анна Тома-шайтис 11. XII. 1904 г.).

84. Противъ тифа пьютъ дрожжи, смѣшанныя съ человѣческою мочою; ко-ровье молоко; окуриваютъ вонючимъ чер-нымъ дегтемъ. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

85. Противъ чесотки пьютъ толче-ную сѣру. Натираются въ банѣ или въ другомъ тепломъ мѣстѣ уксусомъ съ че-мерицею; чемерицею со сливками; или чаемъ, приготовленнымъ на корнѣ шавеля (Rumex Hydrolapathum) съ коровьей мочей. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

86. Nuo dedirvinės tepa rasa nuo lango.

87. Jei šeriuotos karpas — reik patrinti toje vietoje, kur kiaulė trynėsi; jei paprastos — trinti kiaulės šlapumu. Tėpa karpas ir ratilėliais.

88. Mažiems vaikams duoda nuo priemečio, suvirinus panaviją, valerijoną.

89. Prie gryžo deda ir švarkeliu užriša — grižažolę. Yra tat smulkutė vanteliukė, kuri auga slesnuose laukuose; ne žalia, bet rausva ta žolelė. Ta pusė žolelės, kur prie žemės, — žalesnė, kur ant viršaus — rausvesnė.

90. Nuo nuomaro geria kurmio kraują.

91. Kaip su minkštu daiktu kas užsprings, muša į nugarą, kad kėsnis atšoktų.

92. Nuo drugio, irmėdės ir nušalimo geria liepos žiedą, arba aviečių uogų arbatą. Išgeria ir užsikloja, kad prakaitas išmuštų.

93. Kad ausis smelkia, reikia smilkyti pro popėrio dūdą perstupo šaknimis.

86. Лишай смазывают росой съ оконных стекол. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

87. Бородавку, покрытую шерстью, уничтожают трением об то место, об которое почесывалась свинья. Если же бородавка гладкая, то натирают мочей свиней. Натирают бородавки растением: *sanchus oleraceus*. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

88. Малышам детям дают от спазмов чай, настоящий на цветах пиона или валерьяны. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

89. Против «грижа» прикладывают и привязывают тряпкою растение: «грижажолę». Это крошечная метелка, растущая на низменных местах, она розового цвета. Та часть травки, которая обращена к земле, цвета зеленоватого, а верхушка более розовая. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

90. Против надучей болезни пьют кровь кролика. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

91. Если кто подавится чем-нибудь мягким, бьют в спину, чтобы легче откашлялся. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

92. От озноба, ломоты в костях и чувства дрожи пьют чай из липовых цветков или ягод малины. Выпив, прикрываются тепло, чтобы вспотеть. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

93. От боли в ушах нужно через бумажную трубку дуть в ухо дым из корня переступеня (*Radix bryoniae*). (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

94. Kas negirdi ausimi, reikia kiškio myžalų varvinti ir užkišti negirdimoji ausis vata.

95. Vaikas gauna sprandą, nukritęs iškūr: voliodamasis nusisuka sprandą, kartais ir miegodamas gauna sprandą. Vaikas tuomet nieko nevalgo, karščiuoja, tai reikia sprandas pataisyti. Reik paimti kumparo, apmerkto dektinėje, miltu rankas pamulinti, į dektinę pamirkyti ir braukyti vaikui sprandą, vis žemyn varant; pažandes ir plonimus pamazgoti, paskui už galvikės patampyti, pakelti; antgalo, pirštą į burnikę įkišus giliai, spausti augštin, antrąją ranką vaiko viršugalvyje staiga plaukų pluokštą papešti augštin. Jei burnikę spaudžiant ir sykiu plaukus pešant, trakstelėja, tuomet yra ženklas, kad jau sprandas pasitaisė.

96. Kad vaikas gauna išgastį, pradedant iš miego staiga šokinėti, tuomet reikia gauti visai juodą katiną, arba triplaukį (geltoni, balti ir juodi lopai), tokiam katinui įkirpti į ausį, įlašinti kelis lašus kraujo, užpilti kokiu arbata, arba vandeniu ir duoti išgerti. Dideliems gavus išgastį, reikia katiną kraujo išgerti dektinėje. Tai geriausias vaistas nuo išgastio.

97. Mažas vaikas dažnai turi še-

94. Глухимъ совѣтують наливать въ уши заячьей мочи и затыкать уши ватой. (Анна Томашайтис 11. XII. 1904 г.).

95. Бываетъ, что ребенокъ не можетъ свободно вращать головой, вследствие боли въ шеѣ. Это происходитъ отъ паденія ребенка, а иногда и здоровый ребенокъ встаетъ со сна съ этой болѣзнью. Ребенокъ тогда ничего не кушаетъ, знобить его; нужно тогда ему выправить шею. Для этого намазываютъ руки мыломъ, накладываютъ на нихъ комфарнаго спирту и натираютъ этимъ спиртомъ затылокъ ребенка движеніями сверху внизъ. Затѣмъ обмываютъ нижнюю челюсть и виски, ребенка потягиваютъ за голову и поднимаютъ. Потягиваніе производятъ слѣдующимъ образомъ: всовываютъ ребенку палецъ глубоко въ ротикъ и нажимаютъ кверху, а другою рукою берутъ за пучекъ волосъ на самой макушкѣ и тянутъ вверхъ. Если во время этой операціи суставы затылка затрещатъ, то значитъ, что ребенокъ вылѣчился. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

96. Если ребенокъ заболѣетъ отъ испуга и во снѣ съ плачемъ срывается, нужно достать совсѣмъ чернаго кота, или же трехцветнаго (съ желтыми, бѣлыми и черными пятнами), разрѣзать этому коту ухо, взять нѣсколько капель крови, залить чаемъ эту кровь и дать ребенку выпить. Взрослымъ отъ испуга даютъ кровь такого же кота съ водкой.

Это лучшее лѣкарство отъ испуга. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

97. Новорожденные бываютъ нерѣдко

rius. Verkia tuomet ir ražos, verčiasi aukštynalkas, tuomet šeriai duria jam į nugarėlę. Reikia paimti kvietinių miltų, įmaišyti skystai su mielinėmis ir šiltai padėjus įrauginti. Paskui tuo raugalu reikia ištepti skarą ir nuogą vaiką įvynioti, paguldyti, užmigdyti bent kelioms adynoms, arba per naktį išlaikyti, paskui su ta visa skara įdėti į šiltą vandenį; išmirkyti minkštai duonos plutikę ir, atmirkus skarai, vaiko nugarėlę trinti su duonos pluta; ištrynus braukti su ranka per nugarėlę. Jei tikrai šeriai yra buvę, tad nugarėlė bus aštri. Visi šerių galai išlįs į viršų.

Raugiant vaiką kelis sykius sueis visi šeriai į teslą ir vaikas nebeverks.

98. Kad vaiko, tuoj gimus, yra galvelė minkšta, išsklydusi, reikia sumušti žalią kiaušinių ant šilkinės skarelės ir tuo kiaušiniu, užklojus ant galvelės — tvirtai suveržti ir surišti.

99. Jei vaikas gauna gražtį (gryžą), skausta pilvelį, verkia ir raitosi, tuomet reikia paimti juodą vilną, pribarstyti kartaisiais sugrūstais pipirais, sulaistyti kumparine degtine ir pritverti prie pilvelio. Apšilęs vaikas tuoj užmigs. Vilnos ant pilvelio, bemiegant, susivels, tuomet bus žinoma, jog gražtis išėjo.

покрыты полосками (народъ называет шерстью).

Такой ребенокъ плачетъ, вытягивается, ложится на спинку, а шерсть колется ему спинку. Для лѣченія нужно взять пшеничной муки, смѣшать ее съ дрожжами и водой и поставить въ теплое мѣсто кнесту. Затѣмъ этимъ кислымъ тѣстомъ смазать платокъ и, завернувъ въ него голаго ребенка, оставить такъ на нѣсколько часовъ, или даже на всю ночь. Затѣмъ положить ребенка со всею платкомъ въ теплую воду. Вымочивъ хорошенько корку хлѣба, снять отставшій отъ тѣла платокъ и коркою хлѣба натирать спину ребенка. Затѣмъ рукой погладить и если действительно шерсть была, то спина будетъ шереховатая, все кончики шерсти выходить наружу. Ребенка можно вылѣчить, завертывая его нѣсколько разъ въ платокъ съ тѣстомъ, вся шерсть останется въ тѣстѣ, и ребенокъ перестанетъ плакать. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

98. Если у новорожденного мягкая головка, то нужно вылить на шелковый платочекъ сырое яйцо и влажной стороной платка крѣпко обвязать головку. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

99. Если у ребенка урчание въ животѣ и боль и если при этомъ ребенокъ плачетъ и мечется, тогда нужно взять черной овечьей шерсти, прибавить къ ней горькаго толченаго перца и камфорнаго спирта и привязать все это къ животу. Разъ это разогрѣть, ребенокъ моментально уснетъ. Если только шерсть спутается, это служить доказательствомъ, что болѣзнь излѣчена. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

100. Jei pradeda kirmės vaiką smaugti, kuogreičiausiai reikia plunksnas svilinti, tais dūmais vaiką smilkyti, po širdies duobelę ir panosę degutu ištepti; suvirinus česnaką su ožkos pienu, duoti gerti; terpentinos užlašinti ant cukraus ir duoti to cukraus graužti; tabokos syvų iš pypkės užlašinti ant cukraus ir duoti to cukraus graužti. Jei kirmės išeitų pro burną vaikui ar dideliui, tad tą kirmę reik kuogreičiausiai sudeginti, jos pelenus sutrinti ir duoti išgerti, kam yra išėjusi. Dideliui reikia duoti degtinėje, mažam — vandenyje.

101. Nušalus vaikui, reikia į šaltą vandenį pilti karštų pirkšnių; kaip nusistoja, tuo šarmu, vadinamuoju šaltšarmiu reik mazgoti vaikui šašus, sudeginti kiek rugių grūdų, smulkiai sutrinti ir tais miltais šašus sausinti,

102. Nuo niežų reikia pajieškoti, kur prie šaltinių auga godai, išrauti tų godų šaknų, su užkulu sumušti, ištepti niežus, palindus po pečiaus, gerai išsikaitinti, ir — nubirs niežai.

103. Nuo užkietėjimo vidurių reikia gerti kuoseniausių ir rūkščiausių išrūgų; geria žmonės ir primuilitą vandenį; geria su degtine ir arklio

100. Если кишечный глисты беспокоят ребенка, то нужно его окуривать перьями. Подложечную область и под носикомъ смазать дегтемъ. Закипятить козье молоко съ чеснокомъ, напоить этимъ ребенка. На кускѣ сахара дать немного скипидару. Взять изъ трубки табачнаго жидкаго палету и нѣсколько капель его дать на сахаръ ребенку. Если желудочная глиста выдѣлится черезъ ротъ, то ее нужно сжечь, и образовавшийся отъ нея пепелъ долженъ принимать тотъ, у кого вышла эта глиста. Ребенокъ долженъ запивать этотъ пепелъ водою, а взрослый водкою. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

101. Всякая мокнущая сыпь ребенка лѣчится слѣдующимъ образомъ: горячіе раскаленные уголья бросаютъ въ воду и отстаиваютъ. Отставшее жидкостью обмываютъ сыпь, затѣмъ ее высушиваютъ пудрою, которую готовятъ слѣдующимъ образомъ. Сожигаютъ житнія зерна и образующійся уголь хорошенько растираютъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

102. Противъ чесотки собираютъ корни травы «годай». Трава эта растетъ позлѣ ключей. Эти корни смѣшиваются съ саломъ. Этою мазью обмазываются, лѣзутъ въ теплую печь и тамъ должны хорошенько погрѣться. Чесотка и исчезнетъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

103. Противъ запора пьютъ молочную сыворотку, которая должна быть по возможности старой и кислой. Пьютъ еще мыльный растворъ. Кромѣ того пьютъ съ

prakaitą, nuskustą nuo kamantų.

104. Nuo dyglio reikia lydekos žandus su dantimis sudžiovinti, smulkiai sugrūsti ir su degtine gerti.

105. Nuo geltos, kada žmogų atraukia gelta, kada net akis pagelsta, reik sugauti tris kartus po tris utėles, suminkyti į duoną į tris gumulikes ir nuryti visas tris. Tuoj gelta atsisaisys ir žmogus pagis.

106. Jauniems vaikiukams ir kartais ir seniems vyrams, kad užaina pjūtis, raitosi, pilvą skaust, — reikia druskos pridėti į vandenį, kol nebetirps ir paskui tą vandenį arba nuo sviesto rasalą gerti.

107. Nuo putmenų reikia gerti nudurtą ir suvirintą rupkė; tuoj putmenis atsileis.

108. Nuo viduriavimo (žyvavimo) reikia žalią kiaušinių prakulti, karčiųjų pipirų sugrūdus pripilti į kiaušinių ir sumaišyti. Paskui kiaušinių reik supilti į karštas pirkšnis. Kaip jau pirkšnyse iškeps, reikia suvalgyti su visais pipirais ir pelenais.

109. Dar nuo viduriavimo kitas yra vaistas. Paimti reik jievos žalią šaką, nuskusti paviršiais juodąją žievę

водкой лошадиный потъ, который соскабливают со старого хомута. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

104. Противъ ломоты пьютъ съ водою высушенную и хорошенъко измѣльченную нижнюю щучью челюсть съ зубами. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

105. Противъ желтухи, когда кожа и даже глаза примутъ желтую окраску, нужно поймать три раза по три живыхъ виш, размять ихъ въ пальцахъ съ макотью хлѣба и образовать три пшюли, содержащія каждая по три виши, и проглотить всѣ три пшюли. Желтуха быстро исчезнетъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

106. Если мальчики, а чаще старики заболѣваютъ коликами живота нерѣдко сильными, что мечутся, то противъ этихъ коликъ пьютъ насыщенную поваренною солью воду, или воду, которою залито хорошенъко просоленное коровье масло. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

107. Противъ водянки (anasarca) пьютъ отваръ жабы. Жабу нужно предварительно заколотъ и высушить. Водянка отъ приема этого отвара исчезаетъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

108. Противъ поноса пробиваютъ въ сыромъ яйцѣ небольшое отверстие и всыпаютъ туда толченого горькаго перцу, затѣмъ яйцо разбиваютъ и выливаютъ на горячій пепель съ углями. Когда яйцо поджарится, тогда его съѣдаютъ съ перцомъ и съ прилипшимъ къ нему пепломъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

109. Еще средство противъ поноса: берутъ зеленые сучья черемухи, соскабливаютъ прочь верхній, потемнѣвшій, су-

visai šalin, žaliąją gi žievę nuo-pat medžio nuskutus sudžiovinti ir iš tos žievės išvirus arbatą gerti.

110. Dar kitas yra vaistas nuo viduriavimo. Sugauti reikia kelis vabalus šimtakojus, raudonai įkaitinti petelnę ar kokią skardą, gyvus šimtakojus pametus ant tos karštos skardos sudeginti ir sutrynus tuos pelenus su degtine gerti. Tas ir nuo kruvinojo viduriavimo (žyvato) pagydo.

111. Nuo kosulio reikia ilginių šiaudus sukarpyti, išvirinti ir gerti, arba padegti vieną sudžiūvusių aviečių stimbirio galą ir iš antrojo traukti dūmą, kaip iš pypkės.

112. Nuo dusulio reikia kasrytas po šaukštą gerti savo šlapumo — tuoj bus lengviau.

113. Nuo šlapumo užsitūrėjimo reikia sudžiovintą pūslę by kokio gyvolio sukarpyti, išvirti ir tą arbatą gerti.

114. Nuo šlapumo užsitūrėjimo geria dar kadagių uogų arbatą.

115. Nuplikytą žaizdą reikia katės taukais tepti; tuoj nuplikus reikia karvės šiltais mėšlais aptverti, tuomet nesutraukia pūslės.

хой, корковый слой, затѣмъ снимаютъ остальную, зеленую кору, высушиваютъ ее и на ней настоенный чай пьютъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

110. Еще средство противъ поноса. Собираютъ нѣсколько жуковъ сороконожекъ, накапываютъ ековороду либо жестъ до красна, бросаютъ на нихъ собранныхъ сороконожекъ и ихъ сжигаютъ. Полученный пепель растираютъ и пьютъ съ водою. Это средство цѣлебное даже противъ кроваваго поноса. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

111. Противъ кашля пьютъ отваръ рѣзаной, неизматой соломы. Зажечь одинъ конецъ сухого прошлогодняго стебля малины и курить, какъ папирскую. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

112. Противъ одышки по утруамъ принимать по столовой ложкѣ собственной мочи. Моментально наступаетъ излѣчение. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

113. Противъ задержки мочи нужно пить отваръ высушеннаго мочевого пузыря какого нибудь животнаго, причемъ пузырь предварительно долженъ быть порѣзанъ ножницами. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

114. Еще противъ задержки мочи пьютъ отваръ можжевельныхъ ягодъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

115. Свѣжій ожогъ лѣчится прикладываніемъ свѣжаго, неостывшаго еще коровьяго навоза, отъ этого не образуются волдыри (pustula); второй степени ожоги (застарѣлые), когда рана обнажена, мажутъ коначнымъ жиромъ. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

116. Gimdant vaiką nereikia gulėti ant šono, nereik užmesti rankų už galvos; galvą reikia skepetuku surišti; nesukąsti dantų, bet išsižiojus dūsuoti; negulėti, bet vaikščioti ir vaikščiотisligi paskutinės. Jei pati ligonis nepavaikščioja — vedžioti.

Gimus vaikui, iš jo bambelės reikia truputį kraujo į taurelę įleisti ir, degtine užpylus, duoti motinai išgerti: pjūties neturės.

117. Reikiant antrąją dalį atskirti, ligonis turi pūsti į tuščią butelį, tuomet atsiskirs.

118. Nepažįstant drugio, koksai jis, yra visokių vaistų. Kartais netikėtos žolės arba šventenybės pagydo; iš kapų smilčių išverda arbata ir geria; drignių arbata verda ir geria... Nuo drugio pagydo degtinė, užpilta ant gyvos gyvatės prieš gegužei užkukuojant. Geria ir metelių arbata, baltųjų lelijų lapus ir šaknis, juodąją kavą su citrinomis.

119. Drugiu susirgus, sakysim, pėtnyčioje, paskui kitą pėtnyčią ligonį pažadina ir naktį nuo dvyliktos valandos neleidžia jam nei sėsties, nei gulties ir nieko neduoda gerti, nei valgyti ligi antros nakties dvyliktos. Taip pavargintas drugys per 24 valandas, tankiai, maž visuo met pameta žmogų. Jei ima krėsti kitą dieną, tad taip-pat ligonį paž-

116. Во время родов советуют не лежать на боку и не закладывать рук под голову. Голову нужно повязать платочком. Не сдавливать зубов, а дышать открытым ртом. Не лежать, а ходить до крайней возможности. Если больная не в состоянии ходить, ее нужно водить.

Из пуповины новорожденного налить несколько капель крови в рюмку, эту кровь смешать с подкормкой и дать выпить матери. Это предупреждает колики. (Юлия Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

117. Для отделения родимого места (placenta) мать должна сильно дуть в пустую бутылку. (Юлия Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

118¹⁾. Если не удастся узнать, какая лихорадка, то и в таком случае есть различные средства. Иногда сверх ожидания помогают некоторые травы или священные вещи. Помогает также отвар песка с кладбища, отвар бѣлены (Hyoseyami), отвар мяты, отвар корней и листьев бѣлой лилии. Пьют кофе с лимоном и настойку водки на живой, «незакукованной» змѣе. (Юлия Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

119. Если болотная лихорадка, например, началась в пятницу, то больного нужно в следующую пятницу разбудить в полночь и целыя сутки до следующей полночи больного оставить без пищи и питья, не разрешать ему ни есть, ни прилечь; он все время должен быть на ногах. Таким образом измученная лихорадка очень часто, почти всегда, покидает больного. Словом, нужно эту опе-

dina nuo dvyliktos nakties tos dienos, kurią pradėjo jį drugys krėsti, ir taip-pat neduoda nei sėsti, nei valgyti...

120. Gydant nuo macicos, reikia prisimanančios bobos. Tokia, iškūrenusi pirtį ir nusivedusi į ją ligonį, gerai iškaitina, paskui ima braukti galvą, plonimus, sprandą, rankas. Pradėjus nuo-pat pirštų galų, braukia varydama vis į pilvą; nuo galvos, pečių, rankų, šonų, vis braukia į pilvą. Paskui pradeda braukti nuo kojų pirštų apačių vis augštyr, į pilvą. Subraukia išvisur, suvaro macicą į pilvą, o kad daugiau nepasileistų, stato ant pilvo stiklines.

121. Gydant nuo macicos, statomos taip-pat keturios mažos vaškinės žvakelės. Jas kryžmais prilipdo prie duonos plutikės iš vienos pusės. Bobos sergančios pilvą suvilgo degtine. Duonos plutikę su žvakikėmis uždegtomis pastato ant suvilgyto pilvo ir užvožia tuščią ant jo stiklinę. Stiklinė įsisiurbis į pilvą, pritrauks žvakikės prie-pat dugno, užgesis ir trauks macicą į save. Atėmus stiklinę, palieka macica viduje sutraukta į gumbarį. Jei iškarto nepagydytų, toki braukymą reik atkartoti kelis sykius kasdien, kol tik macica neims kurti savo vietoje.

122. Gyvatei įkandus reikia tą

raciją pradėti su больными спустя недѣлю послѣ заботлванія, чтобы день, въ который (больного) будятъ, совпадалъ по названію съ днемъ заботлванія. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

120. При лѣченіи «матки» (uterus) нужна опытная баба. Она вытопнитъ баню, заведетъ туда больную, выпаритъ ее хорошенько, затѣмъ начинаетъ ее массировать. Массажъ начинается отъ верхушки головы, висковъ, затылка. Затѣмъ отъ кончиковъ пальцевъ рукъ массируетъ все по направленію къ животу. Массируетъ плечи, спину, бока, все по направленію къ животу. Затѣмъ, начиная отъ кончиковъ пальцевъ и стоны вверхъ къ животу и такимъ образомъ «матку» вгоняють въ животъ. А чтобы она опять не разлилась по цѣлому организму, ставятъ на животъ стаканы. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

121. Еще лѣченіе матки. Берутъ корку хлѣба, прикрѣпляютъ къ ней четыре восковыя свѣчки крестообразно. Больной, лежащей на спинѣ, смазываютъ животъ водкой, ставятъ на середину живота прикрѣпленные и зажженные свѣчки и прикрываютъ ихъ стаканомъ. Стаканъ вливается въ животъ, гаситъ свѣчки, прикоснувшись ко дну, и втягиваетъ въ себя матку. По отнятіи стакана матка остается стянutoй въ комокъ. Если вся эта процедура сразу не поможетъ, то нужно это повторять ежедневно, пока матка не начнетъ урчать, возвратившись на свое мѣсто. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1905 г.).

122. Мѣсто укушенія змѣи нужно

1) Сравнить съ: V. Определение признаковъ болѣзни, № 4.

vieta trinti gelžiu arba galastuvu, paskui pritverti taboko su rūgštu pienu.

тереть желѣзомъ, либо брускомъ, а затѣмъ прикладывать смѣсь табаку съ простоквашей. (Юлія Жимонтъ 11. II. 1903 г.).

г) Роль луны въ народной медицинѣ.

1. Norint pasigydyti nuo dedirvinių, reikia delčioje tepti dedirvine bevardžiu pirštu rasa nuo lango stiklo.

2. I pirtį geriau eiti senųgalyje. Kad jaunas, lengva gauti išbėrimą.

3. Plaukus vyrai taikina kirpti jauname mėnesyje, tuomet geriau auga.

4. Naujikaui reikia apskrieti delčioje nabašninko kaulu, arba bevardžiu pirštu, tad greitai išdilsta.

5. Karpą reikia patepti taipopat delčioje vandeniui, lašančiu per lietu nuo vartikšlio, tad išdils.

6. Galima dar išdildyti karpą, patrynus ją delčioje į akmenį, kur kiaulė pirm trynėsi.

1. Желая вылечить лишай, нужно въ безлунныя ночи втирать четвертымъ пальцемъ росу съ оконныхъ стеколъ. (Она познапйтись 1. XI. 1903 г.).

2. Баню лучше всего посѣщать въ послѣднюю четверть, такъ какъ на новолуніе легко получить сыпь. (Магдалена Баіорунасъ 5. XII. 1897 г.).

3. Волосы мужчины стригутъ на новолуніе, лучше растутъ. (Магдалена Баіорунасъ 5. XII. 1897 г.).

4. Всякій твердый наростъ на тѣлѣ человѣческомъ надо въ безлунныя ночи обвести кругомъ косточкой мертвеца или безымяннымъ пальцемъ, тогда скоро пропадетъ. (Винцкунене 2. II. 1901 г.).

5. Бородавку надо помочить тоже въ безлунныя ночи водой, которая во время дождя течетъ съ воротъ; тогда она исчезаетъ. (Винцкунене 2. II. 1901 г.).

6. Можно еще уничтожить бородавку, потерявъ ее въ безлунныя ночи о камень, о который прежде терлась свинья. (Винцкунене 2. II. 1901 г.).

Г. Петкевичъ.

Приаянскіе тунгусы*.

I. Составъ населенія.

Нелькано-Аянской экспедиціей 1903 г. было описано 245 тунгусовъ: 119 Макагырскаго кочевого рода, 80 — 1-го Эжанскаго бродячаго, 23 — 2-го Эжанскаго кочевого, 7 — Кюрбюгдинскаго бродячаго, 6 — Эжигенскаго¹⁾, 3 — Кила²⁾, 2 — Бытальскаго и 5 якутовъ, кровно и по образу жизни совершенно слившихся съ тунгусами. Такъ какъ количество переписанныхъ тунгусовъ очень незначительно, то въ нижеслѣдующей таблицѣ они не раздѣлены по родамъ. Для родового дѣленія этихъ тунгусовъ не имѣется и оснований, ибо природа, образъ жизни и экономическое положеніе главной ихъ части (первыхъ трехъ родовъ) совершенно одинаковы, а кровный родовой особенности, если онѣ раньше и существовали, должны были сгладиться въ силу обычая брать женъ изъ другихъ родовъ.

* Данный статистико-этнографическій очеркъ представляетъ собою часть изслѣдованія о жизни приаянскихъ тунгусовъ, произведеннаго въ 1903 г. Э. К. Пекарскимъ въ качествѣ члена Нелькано-Аянской экспедиціи гражданскаго инженера Влад. Евгр. Попова. За выѣздомъ г. Пекарскаго въ 1905 г. изъ предѣловъ Якутской области, собранный имъ матеріалъ оставался въ распоряженіи его товарища по экспедиціи Всев. Мих. Ионовъ, который обработку этого матеріала поручилъ Влад. Петр. Цвѣткову. На себя г. Ионовъ взялъ далеко не легкій трудъ дать точный переводъ многочисленныхъ записей г. Пекарскаго на якутскомъ языкѣ, на коемъ изслѣдователь объяснялся съ тунгусами при производствѣ подворной переписи и, вообще, при опросахъ приаянскихъ тунгусовъ, принадлежащихъ официально къ такъ называемому Майскому вѣдомству тунгусовъ Якутскаго округа. При этомъ, г. Ионову пришлось, конечно, выяснять и ту картину жизни тунгусовъ, въ которой собранные изслѣдователемъ цифры и факты получаютъ свой опредѣленный смыслъ.

Ред.

1) Этотъ родъ официально не зарегистрированъ, такъ какъ его смѣшиваютъ, по соизучію, съ Эжанскимъ родомъ.

2) Названіе, также официально не зарегистрированное.

Возрастной состав переписанных тунгусов по пятилетиям таков:

Возрасть.	Мужск. п.	Женск. п.	Возрасть.	Мужск. п.	Женск. п.
менше 1 года	3	4	50—55	5	3
1—5	16	21	55—60	6	6
5—10	17	16	60—65	2	1
10—15	18	14	65—70	1	1
15—20	8	4	70—75	2	—
20—25	5	12	75—80	2	—
25—30	6	6	80—85	—	1
30—35	12	10	85—90	—	1
35—40	7	14	95—100	—	—
40—45	9	3	неизв. возр.	2	3
45—50	3	1			
			Итого...	124	121

На 124 мужчины приходится 121 женщина, а на 100 мужчин—97,6 женщин: %—весьма значительный. Трудоспособных (въ возрастъ 15—60 л.) 120 человекъ—48,98% и стариковъ 11 человекъ—4,49%; дѣтей 109 человекъ—44,5%. Быстрое паденіе тунгусовъ въ возрастъ 15—20 л. объясняется тѣмъ, что $\frac{2}{3}$ главъ семействъ (18 изъ 27) имѣютъ менше 40 лѣтъ, такъ что дѣти ихъ, при среднемъ брачномъ возрастѣ тунгусовъ въ 25 л., не могли быть старше 15 л., дѣти же, прижитыя остальной третью, уже успѣли обзавестись своими семействами, отдѣлившись отъ отцовской семьи. Глубокой старости, какъ видно изъ таблицы, не наблюдалось. Некоторые тунгусы указывали отцовъ и дѣдовъ, умершихъ въ возрастѣ за 100 лѣтъ, но всѣ данныя о предыдущихъ поколѣніяхъ оказались слишкомъ проблематичными, такъ что воспользоваться ими было невозможно.

Неравные ряды мужского и женскаго пола по пятилѣтіямъ, въ общемъ итогѣ по дѣтскому и зрѣлому возрастамъ, даютъ почти тождества: мальчиковъ (до 15 л.) 54, дѣвочекъ 55; мужчинъ (до 60 л.) 61, женщинъ 59. Значительная процентная разница замѣтна лишь въ старческомъ возрастѣ: на 7 стариковъ приходится 4 старухи.

245 описанныхъ тунгусовъ раздѣлялись на 66 сем. По количеству наличныхъ членовъ семьи они разбивались на слѣдующія группы:

Количество членовъ въ семьѣ.	Количество семействъ.	% къ общему количеству семействъ.	Количество членовъ въ семьѣ.	Количество семействъ.	% къ общему количеству семействъ.
1	12	18,0	7	5	7,6
2	11	16,8	8	—	—
3	9	13,7	9	—	—
4	13	19,7	10	2	3,0
5	7	10,6	больше 10	—	—
6	7	10,6	Итого.	66	100,0

Въ этой таблицѣ рѣзко бросается въ глаза значительный процентъ первыхъ двухъ группъ, ничего не давшихъ для размноженія: вмѣстѣ онѣ составляютъ 34,8% семействъ, т.-е. болѣе $\frac{1}{3}$.

Средній размѣръ семьи крайне низокъ—3,71 человека. Даже для потрясенной и вымиравшей уже Франціи 1851 года Кольбу¹⁾ указываетъ 3,95 чел. на семейство.

Вымирание ли означаетъ и въ данномъ случаѣ низкій размѣръ семьи? Этотъ вопросъ можетъ быть нѣсколько освѣщенъ путемъ анализа половых производительныхъ силъ, а также рождаемости и смертности тунгусовъ.

Изъ 50 мужчинъ брачнаго возраста (18—50 лѣтъ) въ бракъ состояли лишь 27, остальные же 23 (46%) вели холостую жизнь; изъ 23 человекъ 10 (43% холостыхъ) были въ возрастѣ отъ 29 лѣтъ. Такой большой процентъ холостыхъ объясняется экономической необеспеченностью тунгусовъ, невозможностью, пожившись, вести самостоятельное хозяйство. Лишая одну часть тунгусовъ брачной жизни, экономическая необеспеченность заставляетъ другую ихъ часть вступать въ бракъ въ среднемъ возрастѣ 25 л., когда самостоятельнымъ трудомъ они положить основаніе собственному хозяйству. Небрачность холостыхъ и позднее вступленіе въ бракъ большинства тунгусовъ, конечно, не означаютъ для нихъ отсутствія добрачныхъ половыхъ сношеній. Сношенія начинаются очень рано: самый малый возрастъ—11 лѣтъ для мужчинъ и женщинъ. Средній возрастъ, вычисленный на основаніи отвѣтовъ самихъ тунгусовъ, составляетъ 19 $\frac{1}{2}$ л. для мужчинъ и 18 $\frac{1}{2}$ л. для женщинъ, дѣйствительный же средній возрастъ сношеній долженъ быть пониженъ, такъ какъ многіе тунгусы, въ силу понятныхъ причинъ, откровенными по этому вопросу не были; объ этомъ

1) Руководство къ сравнительной статистикѣ, изд. 1862 г.

сообщил при опросе староста тунгусов. Как бы то ни было, половая сила холостяков и вступающих в брак в 25 л. в значительной степени не бывает использована, а это обстоятельство не может не отражаться на количестве рождений и размере семьи: увеличивая количество семейств, оно понижает их размер. Так как бедность не имеет ничего общего с половой производительностью, то, при рассмотрении последней, необходимо, для более правильного вычисления размера семьи в связи с половой силой тунгусов, исключить холостяков из общего количества семейств и из количества членов, входящих в состав всех семейств. По исключении 10 холостяков в возрасте от 29 лет, получаем 56 семейств из 235 человек, по 4,2 чел. на семейство. Средняя семья якутов Олекминского округа, по данным И. И. Майнова¹⁾, равна 4,15 человек.

У 54 брачных пар было всего 190 детей, по 3,52 на пару. По количеству детей брачные пары дают такую таблицу:

Число детей.	Брачных пар в группѣ.	% к общему количеству брачных пар.	Число детей.	Брачных пар в группѣ.	% к общему количеству брачных пар.
0	8	14,82	7	3	5,56
1	6	11,11	8	4	7,40
2	6	11,11	9	—	—
3	9	16,67	10	—	—
4	6	11,00	11	1	1,85
5	9	16,67			
6	2	3,70	Итого	54	100,00

В этой таблицѣ бросается в глаза высокий процент бесплодных пар (14,82). В общем они прожили супружеской жизнью по 6 лет. Родители бесплодных мужчин имели в среднем по 6 детей. Чемъ объясняется бесплодность этих 8 семейств, выяснить не удалось.

У 47 брачных пар предыдущаго поколения было 257 детей, по 5,47 на пару. Групповое деление их по количеству детей таково:

1) Некоторые данные о тунгусах Якутского края, стр. 45. (Труды Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. № 2. Иркут. 1898).

Число детей в группѣ.	Брачных пар.	% к общему количеству брачных пар.	Число детей в группѣ.	Брачных пар.	% к общему количеству брачных пар.
1	—	—	8	2	4,26
2	5	10,63	9	6	12,77
3	7	14,90	10	2	4,26
4	5	10,63	11	—	—
5	8	17,02	12	1	2,13
6	5	10,63			
7	6	12,77	Итого	47	100,00

Бесплодные пары не могли войти в это число; следовательно, среднее количество детей на брачную пару должно считать несколько ниже 5,47. Брачные пары предыдущаго поколения значительно полнее использовали половую силу, чем описанные; ожидать большой разницы в плодovitости двух смежных поколений нет оснований; поэтому, цифру 5,47 детей можно считать приблизительным показателем плодovitости прианских тунгусов¹⁾.

Из 190 детей близнецов было 8 (4,21%). Судьба большинства их была неблагоприятна: трое умерли до 1 года, один — 1, 5 лет, один родился мертвым. Мертворожденных всего было 2 (1,1%) — совершенно незначительный процент.

На 100 мальчиков родилось 93,88 девочек.

Из 190 детей к моменту описи осталось в живых 133. Возраст смерти по группам дает такую таблицу:

1) Утрата половой способности была отмечена тунгусами у мужчин в 10 случаях: средний возраст — 60 лет, наименьший — 50 л. и высший — 73 года; у женщин — в трех случаях: 45, 52 и 67 лет. В одном случае старик 78 лет еще продолжал супружеские отношения.

Возрастъ умершаго.	Мальчиковъ въ группѣ.	Дѣвочекъ.	% къ числу всѣхъ умершихъ дѣтей.
менѣе 1 года	15	4	83,33
1 — 5	15	13	49,12
5—10	4	4	14,04
10—15	—	—	—
15—20	—	2	3,51
Всего.	34	23	100,00

Смертность мальчиковъ до 1 года почти въ 4 раза превышаетъ смертность дѣвочекъ, потому что онѣ уравниваются. Коэффициентъ смертности дѣтей до одного года въ данномъ случаѣ можетъ быть приблизительно вычисленъ такимъ образомъ: все дѣти считаются родившимися въ одинъ и тотъ же годъ, причемъ дѣти, не достигшія еще годового возраста, исключаются, такъ какъ судьба ихъ остается неизвѣстной. Этотъ приемъ не можетъ претендовать на точность, ибо здѣсь не принимается во вниманіе разниця смертности въ различные годы. Большой ошибки, впрочемъ, ожидать нельзя, потому что тунгусы ничего не говорили о необычныхъ дѣтскихъ эпидеміяхъ за указанный періодъ времени.

Исключая изъ 190 дѣтей 7 не достигшихъ годового возраста, получаемъ 19 человекъ умершихъ до 1 года на 183 человека, а на 1000 — 104 человека.

О смертности взрослыхъ нельзя ничего сказать, такъ какъ и наблюденій было мало, и возрастъ смерти въ нѣкоторыхъ случаяхъ не могъ быть указанъ.

Добытая экспедиціей исповѣдная роспись Нельканской церкви, включающая Бытальскій, 1-ый Эжанскій и Кюрбюгдинскій бродячіе роды и Макагырскій кочевой, даетъ возможность проверить нѣкоторыя данныя, полученныя экспедиціей путемъ опроса, и осветить возрастной и половой составъ не только прианскихъ, но также учурскихъ (бытальцы) и принельканскихъ тунгусовъ. Правда, исповѣдная роспись имѣютъ нѣкоторые недостатки, особенно въ регистраціи бродячихъ родовъ (на эти недостатки указывалъ г. Майновъ, *op. cit.*, стр. 41), но, при отсутствіи другихъ данныхъ въ настоящее время и, можетъ-быть, невозможности полученія ихъ въ ближайшемъ будущемъ, и исповѣдная роспись представляетъ несомнѣнный интересъ.

Такъ какъ въ составъ зарегистрированныхъ тунгусовъ вошли роды, различные по образу жизни и условіямъ ея, и притомъ въ сравнительно крупныхъ цифрахъ, то представилась надобность дѣленія тунгусовъ по родамъ.

Возрастъ.	Бытальцы.		1-ые эжанцы ¹⁾ .		Кюрбюгдинцы.		Макагырцы.		Всего.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
менѣе 1 года	4	14	3	6	4	1	6	7	17	28
1 — 5	18	26	16	34	12	14	12	15	58	89
5—10	39	31	20	26	11	11	8	10	78	78
10—15	45	35	20	15	10	13	12	7	87	70
15—20	37	31	10	13	8	6	5	6	60	56
20—25	28	28	10	10	6	4	3	8	47	50
25—30	27	24	14	10	4	7	5	3	50	44
30—35	38	21	12	14	7	6	8	12	65	53
35—40	23	21	12	8	4	5	8	4	47	38
40—45	21	10	8	4	4	1	6	7	39	22
45—50	20	5	3	7	3	4	3	—	29	16
50—55	8	8	7	7	2	—	2	2	19	17
55—60	8	7	5	2	2	4	1	2	16	15
60—65	4	9	2	3	—	1	2	—	8	13
65—70	5	5	3	—	2	1	2	—	12	6
70—75	3	3	—	1	—	—	2	—	5	4
75—80	2	2	1	1	1	1	2	—	6	4
80—85	1	2	2	3	—	—	1	1	4	6
85—90	—	1	1	—	—	—	—	1	1	2
90—95	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
95—100	1	1	—	—	—	—	—	—	1	1
Итого	332	285	149	164	80	79	88	85	649	613
Всего	617		313		159		173		1262	

На 100 мужчинъ въ общемъ приходится 94,5 женщинъ; въ частности же, по родамъ:

1) Въ число ихъ попали остатки (не болѣе 4 семействъ) 3-го Эжанскаго рода, ушедшаго на Амуръ.

Название рода.	На 100 мужчин приходится женщин.
Бытальский	85,8
1-ый Эжанский	110,1
Кюрбюгдинский	98,8
Макагырский	96,6

Резкая разница въ количествѣ мужчинъ и женщинъ по возрастамъ наблюдается лишь въ слѣдующихъ случаяхъ: въ Бытальскомъ родѣ на 210 мужчинъ (15—60 л.) приходится 155 женщинъ, въ 1-омъ Эжанскомъ на 59 мальчиковъ (до 15 л.) — 81 дѣвочка, въ Бытальскомъ родѣ на 16 стариковъ (свыше 60 л.) — 24 старухи и въ Макагырскомъ на 9 стариковъ — 2 старухи. Въ остальныхъ случаяхъ количество мужчинъ и женщинъ по возрастамъ въ каждомъ родѣ почти одинаково.

Процентное соотношеніе дѣтей, лицъ средняго возраста и стариковъ внутри каждаго рода таково:

Возрасты.	Бытальскій родъ.	1-ый Эжанскій родъ.	Кюрбюгдинскій родъ.	Макагырскій родъ.	Всѣхъ родовъ въ группѣ.
Дѣтей (до 15 л.) . .	34, 36	44, 73	47,80	44,51	40,01
Средняго возраста (15—60 л.)	59,16	49,84	48,43	49,13	54,13
Старческаго возраста (свыше 60 л.) .	6,48	5,43	3,77	6,36	5,86
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Процентъ дѣтей, приблизительно одинаковый въ послѣднихъ трехъ родахъ, въ Бытальскомъ оказывается гораздо ниже.

Если считать процентъ дѣтей показателемъ жизнеспособности племени въ будущемъ, то за судьбу указанныхъ тунгусовъ опасаться нельзя: средній процентъ дѣтей у нихъ (40,01%) выше, чѣмъ указанный Баллодомъ и Бессеромъ¹⁾ процентъ для Германіи (35%), считающейся плодотворной страной.

Пользуясь записями Нельканской церкви, можно коснуться вопроса о «вымираніи» или «убыли» тунгусовъ Майскаго вѣдомства. И. И. Майновъ (ор. cit., стр. 34—40), на основаніи памятныхъ книжекъ Якутской области на 1863 и 1896 гг. и исповѣдныхъ росписей 1895 г., пришелъ къ печальному выводу объ

1) Смертность, возрастной составъ и долговѣчность православнаго населенія Россіи, изд. 1897 г., стр. 1.

убыли тунгусовъ въ Якутскомъ краѣ. У насъ имѣются данныя о пяти родахъ, о которыхъ говорить и г. Майновъ. Сравнимъ эти данныя съ записанными г. Майновымъ и прежде всего — о бытальцахъ и кюрбюгдинцахъ, относительно которыхъ у него имѣются подробныя свѣдѣнія.

Название рода.	По памятнымъ книжкамъ и исповѣднымъ росписямъ.						По записямъ Нельканской церкви.			Общій приростъ.	
	Населеніе 1858 г.			Населеніе 1895 г.			Населеніе 1902 г.			Съ 1858—1895 г. (по Майнову ¹⁾).	Съ 1895—1902 г. (по нельканской записи ¹⁾).
	муж.	жен.	все-го.	муж.	жен.	все-го.	муж.	жен.	все-го.		
Бытальскій (бродячій)	448	358	806	262	223	485	332	285	617	—39,8%	+27,2%
Кюрбюгдинскій (бродячій) . .	74	51	125	55	76	131	80	79	159	+4,8%	+21,4—

Результатъ сравненія получается совсѣмъ неожиданный: Бытальскій родъ, за 37 лѣтъ (съ 1858—1895 г.) уменьшившійся, по Майнову, на 39,8%, по новымъ вычисленіямъ, за 7 лѣтъ (съ 1895—1902 г.) увеличивается на 27,2%; Кюрбюгдинскій родъ, за 37 лѣтъ увеличившійся на 4,8%, за 7 лѣтъ увеличивается на 21,4%. Очевидно, что получившіеся громадныя скачки въ приростѣ могутъ быть объяснены не дѣйствительными колебаніями его, а несовершенствомъ регистраціи, полнымъ несоответствіемъ официальныхъ источниковъ съ количественнымъ ростомъ и переселеніями тунгусовъ. Такъ какъ нѣтъ основаній отдавать предпочтеніе однимъ даннымъ предъ другими, то вопросъ о дѣйствительномъ ростѣ Бытальскаго и Кюрбюгдинскаго родовъ слѣдуетъ считать спорнымъ. Минусъ прироста, вычисленный г. Майновымъ для Бытальскаго брод. рода, является 4-мъ по величинѣ изъ всѣхъ 11 минусовъ.

Далѣе, въ таблицахъ г. Майнова совсѣмъ нѣтъ Макагырскаго кочевого рода, численность котораго, по нельканской записи, равна 173 чел.

Нѣтъ свѣдѣній за 1895 г. о тунгусахъ 1-го Эжанскаго бродячаго рода. Количество ихъ за 1902 г., по нельканской записи, равнялось 313 чел., а по пятымъ г. Майновымъ свѣдѣніямъ за 1858 г. — 176 чел., то-есть въ этомъ родѣ не отмѣченъ приростъ, который за 1858—1902 гг. равнялся 55,1%²⁾.

Такимъ образомъ, при сравненіи новѣйшихъ свѣдѣній съ использованными г. Майновымъ, во *всѣхъ четырехъ случаяхъ, гдѣ было возможно сопоста-*

1) Формула прироста: $\frac{(p^2 - p^1) 100}{p^1}$

2) Къ 1895 г. приростъ, конечно, былъ бы другой.

оление, данные г. Майнова оказываются или спорными, или неполными (неполноту признает сам автор, *op. cit.*, стр. 34), а это заставляет относиться с большою осторожностью и ко всем остальным его выкладкам. Если же так, то и вывод об убыли тунгусов следует признать спорным, а самый вопрос открытым¹⁾.

II. Семейный быт.

Среди приайянеких тунгусов господствует обычай брать себе жен из другого тунгусского рода, но бывают случаи брака между сородовичами и между тунгусами и якутами. Из глав 31 опис. семейств на сородовичках были женаты 7, на якутках 1, а остальные — на тунгусах другого рода.

Нередко тунгус находит себе жену и за пределами айянского района: на Ватоме, Учуре, Маймакане, близ Нелькана. Равным образом, и тунгуски приайянского района нередко выходят замуж за тунгусов смежных районов, а иногда и за якутов. В результате получается тесная кровная связь между отдельными тунгусскими родами, чистой же родовой крови не существует совсем. Обычай вступать в брак с членами другого рода отчасти объясняется малочисленностью некоторых родов или же части рода, живущей в данной местности; при малочисленности сородовичей, большая часть их является близкими родственниками по восходящей линии, а браков между ними избегают сами тунгусы, да и духовенство зорко следит за этим. Родство по женской линии считается у тунгусов менее близким, чем по мужской, и часто священнику приходится доказывать равноценность той и другой линии.

Сильное давление родителей на брачущихся бывает редко, но и вполне свободный выбор признается не всегда. Чаще брачущихся сговаривают родители, а иногда брачущиеся и «сами находят друг друга». Если сын или дочь упорно отказываются вступить в брак с намеченным родителями лицом, то или родители, в конце концов, уступают добровольно, или же священник отказывается в совершении брака.

Возраст брачущихся в настоящее время гораздо выше, чем был в старину. Тогда выдавали замуж девочек лет 12, а сговаривали их еще при рождении. Теперь средний брачный возраст для женщин 16 л., а для мужчин — около 20. Отголоски старинных порядков встречаются и теперь: так, тунгус Трофим Винокуров, 31 года, был женат в возрасте 14 л. на 10-летней девочке.

Для вступления во второй брак теперь не существует обязательного срока, установленного обычаем. Некоторые выдерживают трехлетний срок по смерти жены, другие женятся и раньше. Очевидно, в старину раньше 3 лет вторично в

1) С. Патканов, в своем последнем труде: «О приросте инородческого населения» (Спб., 1911), замечает: «Из четырех отделов, на которые подразделяются тунгусы Якутского округа, наиболее жизнеспособными оказываются *Майские*, которые по всему *опролетию* увеличились в числе» (курсив автора, стр. 108). В состав майских тунгусов входят, как сказано выше (стр. 219, вын.), и описываемые нами приайянекие тунгусы.

брак не вступали, так как и теперь этот срок соблюдается только в силу указания стариков, что раньше жениться нельзя.

Свадьба обыкновенно сопровождается обменом приданого жениха¹⁾ и невесты. Главную часть приданого являются олени. Со стороны жениха дается родителям невесты гораздо больше, чем со стороны невесты родителям жениха. Приданое жениха колеблется между 1 и 30 оленями, смотря по его состоятельности, а приданое невесты — между 1 и 15 оленями. В среднем, первое у описанных тунгусов равнялось 10 оленям, а второе — 7.

В хозяйствах договаривающихся сторон выдача приданого производит большое опустошение: так, в 25 семействах женихов, обладавших перед свадьбой 412 оленями, в приданое пошли 295 оленей, т.-е. гораздо больше половины всего оленяного их имущества. Часть отданного была заменена приданным невесты, но последнее, в общем, было меньше в $1\frac{1}{2}$ раза. Один из оленей, приводимых невестой, называется почетным (севокін). Он никогда не запрягается, развешивается только у бедных, и никогда не ставится под сено; ходит вместе с другими оленями; если потеряется, его не ищут; если сильно заболит или состарится, его убивают и, вместо прежнего, приобретают другого севокін-а. Назначение его — быть убитым по смерти хозяйки; если севокін-а у нея нет — убивают ее верхового оленя.

Кроме оленей, невеста приносит в дом жениха домашнюю обстановку. Типичное вещное приданое указать трудно: оно зависит от состоятельности семьи невесты. Большею частью в него входят покрывало урасы²⁾, платье, посуда, сено, сумы, — вообще, предметы, необходимые для первого обзаведения молодых. Замечается правило: чем больше оленей приводит с собой невеста, тем меньше ее вещное приданое. Последнее составляет пожизненную частную собственность жены. В случае ее смерти, вещное приданое, если брак — церковный, переходит к мужу, а если гражданский — к детям.

Встречаются, хотя и очень редко, другие виды приданого жениха: деньги, заработная плата у работников, содержание старика — отца невесты до его смерти.

Бедняки, не имеющие оленей, приданого не дают и в таком случае от невесты оленей не получают; но и тогда невеста приносит с собой какие-либо вещи: постель, или посуду, или половину покрывала урасы. Количество безоленных приданных высоко: 9 из 44, т.-е. 20%.

За вдову жениха приданого не дает, а невеста приносит с собой, что может.

В общем, жених тратит на приданое гораздо больше, чем невеста; поэтому, и самая женитьба носит характер купли женихом невесты. Тунгусы всегда так и говорят: «за жену *заплатил* столько-то»; когда же указывают на при-

1) По обычной терминологии, это — плата за невесту, калым.

2) Временное жилище из конических поставленных жердей, покрываемое берестяными и ровдужными (замшевыми) полстями.

даное жены, то говорят: «она привела съ собою столько-то оленей» или «за женою получилъ въ приданое то-то и то-то».

Свадебная церемонія не сложна. Замужняя женщина, родственница жениха, прѣзжаетъ со своимъ мужемъ къ дому жениха, покрываетъ одинъ изъ свободныхъ остоновъ урасы привезенною ею покрывкой и разводитъ огонь. Отсюда другая женщина должна пойти за невестой и перевести ее изъ родительскаго дома въ домъ жениха. Вмѣстѣ съ невестой прибываетъ и ея приданое. Родители невесты вмѣстѣ съ поѣзжающими являются на слѣдующій день. Они должны привезти съ собою для свадебнаго пиршества мясо одного оленя, или, если не успѣли почему-либо его убитъ, то должны привести его живымъ и уже у дома жениха убитъ. Остальное угощеніе дается женихомъ. Онъ также долженъ убитъ оленя, обязательно хорошаго, и выставить гостямъ соотвѣтственное количество водки. Приготовление мяса (варка) начинается при гостяхъ. Если на пиρшество гости приглашены не были, то оленье мясо, хотя бы и по маленькому куску, разсылается сосѣдямъ по урасамъ. У бѣдняковъ свадебный «пиръ» состоитъ часто только въ выпивкѣ одной-двухъ бутылокъ водки.

Послѣ свадьбы женихъ обыкновенно отдѣляется отъ родителей и считается уже самостоятельнымъ хозяиномъ, главою семьи.

Власть главы сильна, и только въ мѣстахъ соприкосновенія съ русскими дѣти и несовершеннолѣтніе члены семьи ведутъ себя вольно. Глава семьи, хотя бы это былъ старшій братъ, можетъ отдать несовершеннолѣтняго члена въ работники и получать за него заработную плату. Обращеніе съ женами нельзя назвать рыцарскимъ; иногда женамъ приходится выносить и побой. Вдова Дарія Амосова, несмотря на неоднократныя предложенія со стороны нѣсколькихъ лицъ, замужъ вторично не пошла, боясь побоевъ.

Супружеская вѣрность нарушается часто обѣими сторонами. Этому способствуютъ бродячая жизнь, влекущая частыя отлучки хозяина дома. На нарушеніе супружеской вѣрности тунгусы смотрятъ неодобрительно, но, въ концѣ концовъ, видимо, мирятся съ этимъ: случаи развода изъ-за супружеской невѣрности бываютъ очень рѣдки.

Обращеніе съ дѣтьми—тоже не совсѣмъ гуманное. Тунгусъ Ив. Амосовъ говоритъ: «Маленькихъ непослушныхъ дѣтей и слегка сѣчемъ, и сильно сѣчемъ тальникомъ (лозой), а на молодыхъ парней, которые не слушаются, жалуемся князьямъ (старостѣ и старшинамъ): они учатъ, приговариваютъ къ наказанію розгами, сажаютъ подъ арестъ въ «сибирку» (арестантскую) въ Алятѣ или Нельканѣ, гдѣ имѣется таковая, или въ особой пристройкѣ къ русскому дому бывшаго старосты Вас. Карамзина».

При жизни трудоспособныхъ родителей, до раздѣла, дѣти не имѣютъ никакихъ имущественныхъ правъ. При раздѣлѣ отецъ можетъ выдѣлить любую часть, чаще же дѣлитъ пропорціонально количеству членовъ. На имущество, приобретенное сыномъ послѣ раздѣла, права отца не простираются. Когда отецъ состарится, онъ переходитъ на иждивеніе трудоспособныхъ сыновей, а главенство въ семьѣ обычно переходитъ къ старшему сыну. Частное имущество старика тогда составляютъ только

нѣкоторыя мелкія вещи, необходимыя лично ему: такъ, тунгусъ Иини. Прокопьевъ, 37 лѣтъ, не отдѣлившійся отъ отца, распоряжался оленями и всѣмъ остальнымъ имуществомъ, а отецъ—«только принадлежащими ему вещами: кремневой выгтовкой, сѣтью, лодкой, топоромъ, чайникомъ, ножомъ, чашкой, тарелкой и дробовикомъ». Какъ видно изъ этого перечня, права неработоспособнаго отца опредѣляются очень тщательно.

Въ рѣдкихъ случаяхъ наблюдается выдѣленіе доли наслѣдства взрослымъ дѣтямъ, продолжающимъ жить подъ одной кровлей вмѣстѣ съ родителями: Ив. Карамзинъ успѣлъ прожить 10 доставшихся ему по раздѣлу оленей еще во время совместной жизни съ отцомъ.

Въ случаѣ смерти отца при малолѣтнихъ дѣтяхъ, все имущество переходитъ къ его женѣ, при взрослыхъ же дѣтяхъ или въ случаѣ круглаго сиротства малолѣтнихъ дѣтей—имущество дѣлится по завѣщанію. Если завѣщанія не осталось, круглымъ сиротамъ-малолѣткамъ приходится плохо: родные братья или родственники по отцу иногда расхватаываютъ оставшееся имущество. Такъ, Гавр. Бѣлолюбскій изъ 6 оленей, оставшихся послѣ матери, не получилъ ни одного: всѣхъ взяли старшіе братья; тунгуска Агаея Карамзина, воспитывавшая родного племянника, сообщила, что оставшееся послѣ смерти ея брата имущество перешло къ другому брату, помимо прямого наслѣдника, сына умершаго. Вообще, опека надъ имуществомъ малолѣтокъ, круглыхъ сиротъ, поставлена очень плохо, и часто имущество переходитъ къ сильнѣйшему изъ взрослыхъ близкихъ родственниковъ.

Если оставшіеся по смерти отца члены семьи самостоятельно прокормиться не могутъ, то переходятъ на иждивеніе ближайшихъ родственниковъ: старшихъ братьевъ, дядей, тетокъ, дѣдовъ или бабокъ; восходящая линія считается, при этомъ, только со стороны отца, а не матери. Если у сиротъ нѣтъ близкихъ родственниковъ со стороны отца, то воспитаніе ихъ является обязанностью сородовичей, тоже съ отцовской стороны. Это правило соблюдается очень строго. Такъ, вернувшуюся, по смерти сожителя-макагырца, сестру Марѳу Бѣлолюбскую братья (эжэнцы) не приняли, говоря: «мы отдали ее и отдали». Староста постановилъ, чтобы она ушла къ макагырцамъ, и ее долженъ былъ принять ближайшій родственникъ ея покойнаго сожителя.

Кто долженъ заботиться о вѣдѣчныхъ дѣтяхъ и какой родъ—отца или матери—имѣть на нихъ право, осталось нѣсколько неяснымъ. У макагырцевъ и быталцевъ былъ даже споръ изъ за вѣдѣчно рожденнаго мальчика. Его прижила макагырка-дѣвушка отъ тунгуса Быталскаго рода. На томъ основаніи, что отецъ былъ быталецъ, быталцы считали ребенка своимъ и, несмотря на требованія макагырцевъ, не уступали его. Повидимому, споръ велся цѣлые десятки лѣтъ, такъ какъ въ моментъ описи, когда «спорному» тунгусу было уже 35 лѣтъ, рассказчикъ говорилъ, что быталцы «не уступаютъ». Въ данномъ случаѣ быталцы вышли побѣдителями, но, повидимому, не въ силу безспорнаго обычая—его оспаривали макагырцы—а, главнымъ образомъ, въ силу захвата. Борьба за мальчика велась такъ упорно потому, что каждая мужская «душа» облегчаетъ податное бремя.

Въ случаѣ вторичнаго выхода вдовы замужъ, имущественныя права дѣтей отъ

перваго брака сохраняются, и отчимъ становится лишь ихъ опекуномъ. Подати, налагаемыя иногда на малолѣтковъ-мальчиковъ, уплачиваются въ такомъ случаѣ родственниками отца, а не отчимомъ.

Кромѣ воспитанниковъ-сиротъ, которыхъ родственники и сородичи обязаны принимать къ себѣ, тунгусы берутъ, въ качествѣ воспитанниковъ, и дѣтей живыхъ родителей. Причиной отдачи дѣтей на воспитаніе служить или несостоятельность родителей, или желаніе воспитать дѣтей въ лучшихъ условіяхъ, у болѣе состоятельныхъ тунгусовъ, разъ къ тому представляется возможность. Причиной же пріема на воспитаніе является или бездѣтность, отсутствіе прямыхъ наслѣдниковъ, или, чаще, нужда въ рабочей силѣ. Мальчиковъ при жизни родителей на воспитаніе не отдаютъ, такъ какъ ихъ рабочая сила нужна родной семьѣ.

Условія отдачи дѣтей на воспитаніе очень разнообразны. Если отдаютъ родственникамъ, то плата не берется; если же дѣти отдаются чужимъ и, притомъ, для того, чтобы послѣдніе могли использовать ихъ рабочую силу, когда они подрастутъ, то родители получаютъ плату: за дѣвочку, напримѣръ, 1 оленя. Когда дѣвочка подрастетъ и станетъ помогать воспитателямъ, то, по обычаю, воспитатели еще что-либо дарятъ родителямъ. Снаряженіе при выходѣ замужъ воспитанницы лежитъ на обязанности воспитателя. Если дѣвушка замужъ не выйдетъ, то она все время считается воспитанницей: напр., у тунгуса Николая Егорова была воспитанница 36 лѣтъ. Если, по смерти воспитателя, воспитанница (даже и взрослая) будетъ нуждаться въ помощи, то ей обязаны помогать ближайшіе родственники воспитателя, а не отца. Но, по смерти родителей, отданная на воспитаніе имѣетъ право на наслѣдственную часть, если воспитатели умерли. Отъ воспитателей она тоже получаетъ часть наслѣдства. При жизни матери воспитанница не имѣетъ доли въ отцовскомъ наслѣдствѣ, а при жизни воспитательницы — въ наслѣдствѣ воспитателя и отца.

Если дѣвочка берется на воспитаніе только до той поры, когда она станетъ помогать въ хозяйствѣ, то плата дается уже родителями.

Престарѣлые члены тунгусской семьи всегда находятъ себѣ пріютъ у своихъ дѣтей, внуковъ, ближайшихъ родственниковъ или сородичей.

Вообще же внутренній бытъ тунгусской семьи не отличается нѣжностью, гуманностью, мягкостью; въ отношеніяхъ членовъ ея проглядываютъ часто и грубость обращенія, и практическіе расчеты; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тунгусы умѣютъ поддерживать своихъ неспособныхъ членовъ, давая имъ возможность если не жить удобной, свѣтлой семейной жизнью, то, по крайней мѣрѣ — сохранить жизнь. Неизвѣстно еще случалъ ли, когда тунгусъ погибъ бы изъ-за того, что не нашелъ своевременной поддержки у родственниковъ или сородичей.

Эд. Пекарскій.
Вл. Цвѣтковъ.

Обрядовое празднество совершеннолѣтія дѣвицы у русскіхъ.

Обрядъ пріема въ общину юношей у первобытныхъ народовъ. — Первоначальный смыслъ его и переживанія у народовъ европейскихъ. — Древнерусскіе постриги. — Соответствующій обрядъ надъ дѣвицами. — Свидѣтельства о существованіи обряда у русскіхъ. — Главные моменты великорусскаго обряда. — Аналогичный бѣлорусскій обрядъ.

Этнографамъ хорошо извѣстно то обрядовое празднество, которымъ ознаменовывается у первобытныхъ народовъ совершеннолѣтіе юношей и пріемъ ихъ въ общину взрослыхъ для совмѣстныхъ работъ. Празднеству этому, какъ извѣстно, всегда предшествуютъ особыя испытанія или даже истязанія молодыхъ людей; не выдержавшіе испытанія — въ мужественномъ и терпѣливомъ перенесеніи боли, въ силѣ и ловкости — не принимаются въ общину.

Деникеръ въ общихъ и краткихъ чертахъ описываетъ этотъ обрядъ слѣдующимъ образомъ: «У большинства некультурныхъ народовъ молодежь, при наступленіи возмужалости, подвергается торжественному обряду *посвященія*. Это нѣчто въ родѣ національнаго вышеобразовательнаго курса, съ соответственными испытаніями, за которыми слѣдуетъ церемоніалъ провозглашенія юношей полноправными мужчинами. Обычай посвященія извѣстенъ у австралійцевъ, американскихъ индѣйцевъ, негровъ и меланезійцевъ, характеризуясь одними и тѣми же чертами. Юношей даннаго племени уводятъ въ укромное мѣстечко, гдѣ колдуны, истолкователи воли фетиша, или, просто-на-просто, старики обучаютъ ихъ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, всему тому, что надлежитъ, по ихъ мнѣнію, знать взрослому мужчине, по части общественной жизни и отношеній къ прекрасному полу. Кандидатовъ подвергаютъ также испытаніямъ, иногда очень жестокимъ, дабы убѣдиться въ ихъ способности выносить жажду, голодъ и физическую боль. Юношей, побѣдоносно выдержавшихъ эти испытанія, приводятъ съ торжествомъ обратно въ селенія, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней устраиваются въ честь ихъ торжества. — Въ числѣ испытаній, продѣлываемыхъ надъ юношами въ это время, надо отмѣтить *обръзаніе*»¹⁾.

1) I. Деникеръ, Человѣческія расы. Спб. 1902, с. 305.

Болѣе подробное описаніе обрядовъ этого рода въ томъ видѣ, какъ они совершаются у отдѣльных народовъ, читатель найдетъ у Кулишера¹⁾ и у Гельвальда²⁾. Мы отмѣтимъ здѣсь только эти немногіе элементы въ обрядѣ: нареченіе посвящаемому новаго имени, устройство головного убора, служащаго знакомъ клана, и облеченіе въ одежду, которую юноша будетъ носить теперь до конца своей жизни.

Что касается смысла обряда, то почти всѣ этнологи согласно объясняютъ его, какъ символическую смерть юноши и второе рожденіе или начало новой жизни. «Внутренній мотивъ истязаній,—читаемъ у Кулишера,—совершенное уничтоженіе дѣтскаго существа или, по крайней мѣрѣ, полное обновленіе его до того, что юноша какъ будто бы теперь только является на свѣтъ Божій совершенно взрослымъ, какъ будто бы теперь только начинаетъ жить». Кулишеръ связываетъ разсматриваемый обрядъ съ широко распространеннымъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ дѣтубійствомъ: молодые люди подвергаются участи, общей всѣмъ дѣтямъ безъ исключенія, т. е. убиваются и бросаются на произволъ судьбы, но только въ болѣе позднюю пору своей жизни и притомъ — символически. Искать внутренней цѣлесообразности въ обрядовыхъ истязаніяхъ молодежи тщетно: эти мученія являются традиционнымъ образомъ дѣйствія, и специфическія цѣли, которыя ими будто бы достигаются — по мнѣнію племенъ, примѣняющихъ эти истязанія — суть не что иное, какъ вновь придуманная санкція для унаслѣдованнаго отъ предковъ отношенія къ молодежи³⁾.

По Липперту, юноша долженъ былъ «переродиться» для того, чтобы вступить въ родство съ новою семьей. До своей зрѣлости мальчики жили — при существовавшемъ нѣкогда двойственномъ союзѣ — въ существовавшей отдѣльно и независимо отъ мужского союза общинѣ женщинъ. Дѣвочка остается въ этой общинѣ, пока ее не уведетъ мужъ; а мальчикъ долженъ, въ концѣ концовъ, вступить въ союзъ мужчинъ, хотя, по старому воззрѣнію, между нимъ и этой новой для него «с семьей» еще не существуетъ родства, нѣтъ кровной связи. Въ обрядѣ приѣма происходило искусственное смѣшеніе крови, путемъ чего посвящаемый и родился съ принимающимъ его союзомъ мужчинъ⁴⁾.

Отмѣченный обычай извѣстенъ и индоевропейскимъ народамъ. У древнихъ индійцевъ онъ сохранился съ большими подробностями, но раскололся, какъ это выяснено проф. Д. Н. Кудрявскимъ, на нѣсколько отдѣльных обрядовъ⁵⁾. На

1) М. И. Кулишеръ, Очерки сравнительной этнографіи и культуры. Спб. 1887, с. 58 — 79.

2) Фр. Гельвальдъ, Естественная исторія племенъ и народовъ. Спб. 1882 — 88. Т. I, с. 57; 524 — 525; II, 96 и др.

3) Кулишеръ, тамъ же, с. 58, 60 и 69.

4) Юлій Липпертъ, Исторія культуры въ отдѣльных очеркахъ. Спб. 1903, с. 212 — 213.

5) Д. Кудрявскій, Исслѣдованія въ области древне-индійскихъ домашнихъ обрядовъ. Юрьевъ. 1904, с. 83 — 84.

третьемъ году отъ рожденія мальчика совершался обрядъ постриженія волосъ съ оставленіемъ чуба по обычаю рода, т. наз. *сиддхагапат*, дѣланіе чуба; въ возрастѣ отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ надъ мальчикомъ совершался торжественный обрядъ «посвященія въ брахманскіе ученики» (*урапауапат*). Мы не будемъ описывать этотъ обрядъ въ его цѣломъ (подробное изложеніе см. въ названной книгѣ проф. Д. Кудрявскаго), но назовемъ лишь нѣкоторые, наиболѣе для насъ интересные, моменты его; это: постриженіе мальчика, облеченіе его въ новую одежду и поясъ, нареченіе ему имени и ступаніе мальчика правою ногою на камень при произнесеніи словъ: «наступи на этотъ камень и будь самъ твердъ какъ камень!» Укажемъ еще, что аналогичное наступаніе на камень совершаетъ также и невѣста въ свадебномъ ритуалѣ, и изслѣдователи склонны считать эту церемонію въ обрядѣ приѣма позднѣйшимъ заимствованіемъ изъ брачной обрядности¹⁾. — Наконецъ, надъ пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ вновь совершается обрядъ постриженія, на этотъ разъ уже не только волосъ, но и бороды (такъ наз. *годанам*).

У нашихъ отдаленныхъ предковъ былъ извѣстенъ обрядъ «постригъ», о которомъ мы знаемъ, къ сожалѣнію, лишь изъ краткихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Обрядъ этотъ совершался надъ трехлѣтними или даже надъ двухлѣтними мальчиками, сопровождался посадкою мальчика на коня и празднествомъ. Въ 1192-мъ году «быша постригы у великаго князя Всеволода, сына Георгева, внука Володимира Мономаха, сыну его Георгеви, въ градѣ Суждали; того же дни и на конь его веади; и бысть радость велика въ градѣ Суждали» (Лаврент. лѣтопись, годъ 6700); Георгій этотъ родился въ 1189 году; постриги его были «во день святаго Семеона сродника Господня» (Ипатіевск. лѣтопись, тотъ же годъ), т. е. не въ день именинъ. Черезъ два года «быша постригы у... князя Всеволода, сына Георгева, сыну его Ярославу» (тамъ же, годъ 6702), родившемуся въ 1190-мъ году. Въ 1212-мъ году 23 мая «быша постригы у Костянтина, сына Всеволожа, сыноу его Василку и Всеволоду; и бысть радость велика въ градѣ Ростовѣ» (Лаврент. лѣтоп., 6720); Василку было въ это время три года, Всеволоду — два. Въ 1230-мъ году «князь Михаилъ створи постригы сынови своему Ростиславу Новгородѣ у святой Софіи» (Новгородск. I-ая лѣтопись, г. 6738). Въ 1302-мъ году, 8-го ноября «быша постригы у князя у Михаила сынови его Дмитрію» (Лаврент. лѣтоп. 6810), родившемуся въ 1299-мъ году.

Лѣтописи говорятъ только о постригахъ у князей; но обычай этотъ соблюдался, безспорно, во всѣхъ сословіяхъ. О томъ свидѣтельствуетъ хотя бы существованіе его у орловскихъ крестьянъ. По свидѣтельству А. Н. Трунова, у жителей Орловской губерніи черезъ годъ послѣ рожденія мальчика надъ нимъ совершаются такъ называемыя «застрижки». «При собраніи родныхъ и близкихъ знакомыхъ, младенца

1) Тамъ же, с. 187.

сажают на столъ на подушку; по правую сторону его кладутъ на тарелкѣ ножницы. Крестные отецъ и мать берутъ ножницы и выстригаютъ у младенца крестообразно волосы, а на тарелку ему кладутъ деньги... То же дѣлаютъ потомъ и всѣ присутствующіе. — Къ этому дню крестная мать должна приготовить младенцу рубашку или же (дѣвочки) платице¹⁾. Здѣсь, такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ три момента, общихъ съ древне-индійскимъ и, частью, австралійскимъ обрядомъ: постриженіе, облеченіе въ новую одежду (только что изготовленную крестною матерью) и празднество (собраніе родныхъ и знакомыхъ). — Подобный же обычай существовалъ недавно у донскихъ казаковъ, въ гор. Щиграхъ Курской губерніи, въ Шуйскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи, у вѣлоруссовъ Гродненскаго уѣзда, у малоруссовъ Полтавской губерніи²⁾ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Обрядъ постриженія существовалъ также въ Византіи, гдѣ носилъ названія *χοιρόσουα* и *τρυχοσυρία*³⁾. У древнихъ германцевъ онъ сопровождался опоясываніемъ мальчиковъ⁴⁾. — Переживаніе первобытнаго обычая испытаній и истязаній юношей нѣкоторые изслѣдователи видятъ также въ первомъ причащеніи у католиковъ⁵⁾, въ ежегодныхъ бичеваніяхъ (*dimastigosis*) при алтарѣ Артемиды-Орфіи юношей въ Спартѣ, и даже въ широкомъ употребленіи розги у средневѣковыхъ педагоговъ⁶⁾.

Гораздо менѣе распространенъ и менѣе изученъ соответствующій женскій обрядъ. У нѣкоторыхъ народовъ Новаго Свѣта обрядовымъ испытаніямъ и истязаніямъ при наступленіи половой зрѣлости подвергаются только юноши; на дѣвушекъ обычай не распространяется. Если согласиться съ приведеннымъ нами выше объясненіемъ Липперта, то такъ оно и должно быть. Это обстоятельство, однако же, не могло бы помѣшать позднѣйшему появленію параллельнаго женскаго обряда по аналогіи съ мужскимъ. Помимо такой аналогіи, на возникновеніе женскаго обряда могъ повліять еще и другой побудительный поводъ, а именно — желаніе объявить для свѣдѣнія жениховъ или ихъ родныхъ, что въ данной семьѣ имѣется невѣста.

Если же стоять на иной точкѣ зрѣнія и исходить изъ предположенія, что женскій обычай возникъ одновременно и существовалъ параллельно съ мужскимъ, — тогда не трудно будетъ найти факторы, подѣ влияніемъ которыхъ женскій обрядъ

легко могъ исчезнуть или затеряться. Факторы эти слѣдующіе. Во-первыхъ, совершеннолѣтіе дѣвцы сопровождается обыкновенно бракомъ, т. е. переходомъ ея въ другой родъ; не удивительно, если обряды по поводу совершеннолѣтія дѣвцы совпадали съ брачными обрядами и растворялись въ этихъ послѣднихъ, особенно же въ обрядахъ пріема чужеродной въ новый родъ, обрядахъ, въ нѣкоторомъ отношеніи родственныхъ съ первыми. Во-вторыхъ, наступленіе зрѣлости у дѣвцы сопровождается фізіологическими явленіями, періодически повторяющимися у женщинъ и въ слѣдующій періодъ ихъ жизни. Въ это время женщины у всѣхъ первобытныхъ народовъ считаются нечистыми, удаляются изъ общаго жилья и, черезъ извѣстный срокъ, подвергаются особымъ очистительнымъ обрядамъ. То же самое дѣлается и съ роженицами. И на этой почвѣ опять таки должно было происходить совпаденіе интересующаго насъ женскаго обряда съ этими другими обрядами; при совпаденіи же такъ легко было первому ступенчатся или даже затеряться совсѣмъ.

Таковы чисто теоретическія разсужденія, которыя, однако же, должны умолкнуть предъ силою фактовъ. А факты говорятъ намъ слѣдующее:

У карибовъ (въ центральной Америкѣ) дѣвочку при переходѣ въ зрѣлый возрастъ удаляютъ въ особую хижину. Тамъ она постится. Черезъ 10 дней является жрецъ и снимаетъ чары съ дѣвушки. Затѣмъ дѣвушка подвергается несправдливому испытанію, а именно: послѣ купанья она должна встать ночью на ступы или камни и мать сбьетъ ее до крови тонкой розгой, между тѣмъ какъ она не смѣетъ вскрикнуть отъ боли. Черезъ мѣсяцъ дѣвушка должна вынести вторичное подобное же бичеваніе¹⁾. У тинкиговъ на Аляскѣ дѣвушекъ при наступленіи зрѣлости держатъ въ особой хижинѣ, поодаль отъ другихъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, а по окончаніи этого срока имъ пробуравливаютъ нижнюю губу и вставляютъ въ отверстіе серебряную палочку²⁾. Въ Спартѣ ежегодное бичеваніе при алтарѣ Артемиды примѣнялось отчасти и къ дѣвушкамъ³⁾. — Торжественныя празднества по случаю совершеннолѣтія дѣвушекъ совершаются у тегуальцевъ въ нампасахъ Америки, у альфуровъ (малайцевъ)⁴⁾ и у нѣкоторыхъ другихъ племенъ. По словамъ Эндемана, главное значеніе такого торжества у бечуановъ (негровъ банту) заключается въ томъ, чтобы засвидѣтельствовать зрѣлость женщины⁵⁾.

Тотъ же самый мотивъ очень ясно сказался въ слѣдующемъ обычаѣ готтентотовъ. У нихъ «наступленіе зрѣлости у дѣвушекъ сопровождается особеннымъ

1) Зап. Географ. Общ. по отд. Этногр. II, 1869 г., с. 47 — 48 (Мценскій уѣздъ).

2) М. Харузинъ, Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону, 83; Географич. Изв. 1850, отд. I, с. 335; Гарелинъ, Городъ Иваново-Вознесенскъ I, 63; Шейнъ, Вѣлорусскій сборникъ III, 78; Милорадовичъ, Народные обряды и пѣсни Лубенскаго уѣзда, 31.

3) Ducange, Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis, 740 и 1615.

4) Ю. Липпертъ, тамъ же, с. 214.

5) Деникеръ, тамъ же, с. 306.

6) Кулишеръ, тамъ же.

1) Гельвальдъ, Естеств. ист. племенъ и нар. I, 524.

2) Ploss, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker. Stuttgart. 1876, с. 261 — 262.

3) Schoemann, Griechische Alterthümer I, 265 — 267.

4) Гельвальдъ, тамъ же I, 570 и II, 656.

5) К. Endemann, Mitteilungen über die Sothoneger (Zeitschrift für Ethnologie, 1874, с. 37 — 38).

празднествомъ. До этого дѣвушка не носила никакой одежды, за исключеніемъ нѣсколькихъ браслетовъ на рукахъ и нкрахъ и талисмановъ на шеѣ; теперь на нее навѣшиваютъ разукрашенную шубу въ знакъ того, что она годна для супружества. Въ этомъ нарядѣ она должна просидѣть на показъ три дня у входа своей хижины, съ торжественной физиономіей и ртомъ вытнутымъ, какъ у рыбы. На третій день убиваютъ молодую корову. Одинъ изъ ближайшихъ неженатыхъ родственниковъ приходитъ съ сосѣдами и поздравляетъ дѣвушку. Затѣмъ онъ навѣшиваетъ ей на голову шкуру, снятую съ брюха убитой коровы, и высказываетъ дѣвушкѣ пожеланіе, чтобы она была такъ же плодovitа, какъ молодая корова, и родила большое количество дѣтей. Съ тѣми же пожеланіями обращаются къ ней поочередно друзья и подруги, и церемонія заканчивается торжественной пирушкой, во время которой въ изобиліи пьютъ медовое вино¹⁾. — У персовъ дѣвушка 9 лѣтъ надѣваетъ покрывало, и съ этого времени не можетъ уже показываться на улицѣ съ открытымъ лицомъ²⁾.

Бываютъ, наконецъ, случаи, когда соответственная обрядовая церемонія происходитъ уже послѣ выхода дѣвушки замужъ. Такъ, у одного австралійскаго племени «дѣвушка, сдѣлавшись женой, подвергается мучительной операціи: одна изъ старухъ откусываетъ у нея два сустава мизинца лѣвой руки, и только послѣ этого новобрачная удостоивается чести быть принятою въ число замужнихъ женщинъ»³⁾. — Напомнимъ, что откусываніе пальца—одно изъ очень распространенныхъ истязаній, которымъ подвергаются при наступленіи совершеннолѣтія юноши.

Къ категоріи описанныхъ выше фактовъ принадлежитъ и тотъ русскій обрядъ, установить существованіе котораго составляетъ задачу нашей настоящей замѣтки. Мы знаемъ объ этомъ обрядѣ только изъ печатныхъ источниковъ, но источники эти—какъ это у насъ случается довольно часто—затерялись въ громадной массѣ всею разбросанныхъ сырыхъ матеріаловъ, — и всѣ изслѣдователи русскихъ свадебныхъ обрядовъ проходили до сихъ поръ этотъ интересный обрядъ полнымъ молчаніемъ.

Источники наши слѣдующіе:

1. Путешествовавшій въ 1823-мъ году по южной Россіи А. Глаголевъ сообщаетъ въ своихъ «запискахъ», между прочимъ, слѣдующее о жителяхъ принадлежавшихъ графу Бобринскому селъ Богородицкаго уѣзда Тульской губерніи: «Вообще обычаи здѣшнихъ крестьянъ отличаются своею странностію. Дѣвки ходятъ здѣсь до 15 и до 16 лѣтъ въ однихъ только рубашкахъ, опоясанныхъ краснымъ шерстянымъ пояскомъ; а по прошествіи этого срока на дѣвку надѣваютъ поневу (такъ, какъ у римлянъ надѣвали на семнадцатилѣтняго юношу пурпуровую тогу). Обрядъ же на-

дѣванія понева совершается въ день именинъ дѣвки, въ присутствіи всей родни ея. Въ это время именинница становится обыкновенно на лавку и начинаетъ ходить изъ одного угла въ другой. Мать ея, держа въ рукахъ открытую поневу, слѣдуетъ за нею подлѣ лавки и приговариваетъ: «вскоци, дитетко; вскоци, милое;» а дочь каждый разъ на такое привѣтствіе сурово отвѣчаетъ: «хопу — вскоцу, хопу — не вскоцу». Но какъ вскочить въ поневу значить объявить себя невѣстою и дать право женихамъ за себя свататься; то никакая дѣвка не заставляетъ долго за собою ухаживать, да и никакая не дѣлаетъ промаху въ прыжкѣ, влекущаго за собою оторочку въ сватовствѣ до слѣдующаго году¹⁾.

Весьма возможно, что нашъ авторъ въ данномъ случаѣ не былъ очевидцемъ, а писалъ съ чужихъ словъ; однако не довѣрять ему въ чемъ-либо нѣтъ никакихъ оснований. Даже цокающее произношеніе «хопу, вскоцу» нельзя считать утрировкой, хотя подобнаго произношенія теперь въ Богородицкомъ уѣздѣ и нѣтъ. Въ сосѣднемъ Новосильскомъ уѣздѣ теперь также нѣтъ цоканья, но о томъ, что оно было тамъ въ прошломъ, мы имѣемъ и прямые, и косвенные свѣдѣнія, о которыхъ здѣсь не распространяемся. — Замѣтимъ еще, что принадлежавшія графу Бобринскому села въ Богородицкомъ уѣздѣ прежде были, по замѣчанію нашего путешественника (с. 36), монастырскими; значить, жители ихъ не были недавними поселенцами въ данной мѣстности, а принадлежать къ группѣ древнѣйшихъ насельниковъ уѣзда. Села эти, сколько намъ извѣстно, слѣдующія: Ламовка, Ювлево, Верхоуны, Плесы и Михайловское.

2. Приведенное описаніе интересующаго насъ обряда — единственное изъ извѣстныхъ намъ описаній, гдѣ обрядъ представляется самостоятельнымъ цѣлымъ, стоящимъ одиноко. Всѣ другія свѣдѣнія изображаютъ этотъ обрядъ какъ часть свадебнаго ритуала.

Неизвѣстный авторъ²⁾ изъ Мосальскаго уѣзда Калужской губерніи такъ описываетъ въ 1851-мъ году «сватованіе», одинъ изъ первыхъ актовъ свадебной обрядности, въ селѣ Петроселѣ этого уѣзда. Отецъ жениха только что уговорился съ своимъ будущимъ сватомъ, вырядивъ себя «снизъ одежды, шубу, зипунъ, суконки, да лапти писанные». «Явились сосѣди и родные Петра (невѣстнаго отца), привели невѣсту и, поставивъ ее на лавку, начали всѣ въ одинъ голосъ говорить ей: «не ходи, не ходи, наше дитятко; не ходи, наша милая Аннушка, по батиной по лавочки; не прыгай, не прыгай; не рѣзвись, не рѣзвись, въ послѣдній день, въ послѣдній разъ; вскачи, вскачи въ паневушку». — На это невѣста отвѣчала имъ: «хочу —

1) Гельвальдъ, тамъ же, II, 46.

2) Тамъ же, II, с. 514 — 515.

3) Тамъ же, I, 54.

1) А. Глаголевъ, Записки русскаго путешественника. Часть I. Спб. 1837, с. 37 — 38.

2) Вѣроятно, мосальскій помѣщикъ П. А. Суходольскій, авторъ рукописи «О жителяхъ села Петроселя и его окрестностей», присланной въ Географическое Общество въ началѣ 1849 г. (Географ. Изв. 1849, с. 54).

часть ему (все это происходит, когда за невестой съ поездом прїѣдутъ, къ вѣнцу ее везти. Женихъ еще на дворѣ): «Не ширій, не пырїй, — дай на воняву понавѣ надѣтъ». А невеста бѣгаетъ нагая по лавкамъ; мать за ней рубаху носитъ: «скачї, милая». Та говоритъ: «хочу — скочу, хочу — не скачу». Потомъ скачетъ, и ее одѣваютъ къ вѣнцу. — Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ народный анекдотъ — глухой отзывъ разсматриваемаго нами обряда.

Разсматривая всѣ приведенныя выше свидѣтельства, мы видимъ, что, при всемъ ихъ разнообразїи, въ нихъ неизмѣнно сохраняется и повторяется основная формула интересующаго насъ обряда, слова дѣвицы-невесты: «хочу — вскочу и т. д.». И это обстоятельство не оставляетъ сомнѣнїя, что въ основанїи всѣхъ этихъ разнообразныхъ данныхъ лежитъ одинъ и тотъ же мотивъ.

Основные моменты нашего обряда, поскольку онъ выясняется изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, слѣдующїе: 1. Испытанїе дѣвушки-невесты, испытанїе двойное, физическое и нравственное. Первое состоитъ въ томъ, что невеста должна съумѣть спрыгнуть съ лавки на полъ въ подставленную ей одежду или другой предметъ. Промакъ въ прыжкѣ, по словамъ Глаголева (№ 1) ведетъ за собою отерочку въ сватовствѣ до слѣдующаго года. Нравственное испытанїе заключается въ томъ, что дѣвушка должна проявить свое самосознанїе, свою собственную непреклонную волю. Произносимая дѣвушкою формула «хочу — вскочу, не хочу — не вскочу» и служить именно выраженїемъ этой твердой ея воли. Формула эта произносится трижды (№ 4, сообщенїе Лаврова), дважды (№ 2) или же неопредѣленное число разъ (№ 1; № 4 — Ложкина); она служитъ отвѣтомъ на упрасиванїя и уговариванїя со стороны — матери (№ 1; 4 — Ложкина), отца (№ 4 — Лавровъ), родителей, родныхъ и сосѣдей (№ 2). Это проявленїе дѣвушкой своей твердой воли нельзя не сопоставить съ требованїемъ мужественнаго перенесенїя боли въ указанныхъ выше обрядахъ народностей Новаго Свѣта и съ формулою «будь твердъ какъ камень», произносимую въ древнеиндїйскомъ обрядѣ посвященїя ученика.

Относительно этихъ испытанїй, особенно же относительно перваго, физическаго, нельзя не замѣтить, что онѣ, въ сущности, очень легки и просты; бесспорно, что онѣ предназначались нѣкогда для малолѣтнихъ, для дѣтей. О томъ же говорятъ и тѣ приговоры, которыми уговариваютъ въ мосальскомъ обрядѣ (№ 2) дѣвушку-невесту всѣ присутствующїе. Дѣвушка изображается въ нихъ дитятей, малюткой, рѣзвющейся и прыгающей «по батїной лавочкѣ». Между тѣмъ, какъ видно изъ описанїя очевидца, рѣчь шла въ данномъ случаѣ о хорошей работницѣ, которая «и ткать, и прастъ, и пахать» умѣетъ прекрасно. Очевидно, нѣкогда соотвѣтствующїй обрядъ происходилъ гораздо ранѣе, когда дѣвушка была еще дитятей, когда она дѣйствительно прыгала на лавочкѣ въ родительскомъ домѣ. Перенесенїе обряда на болѣе позднїй возрастъ могло быть обусловлено тѣмъ, что браки стали заключаться съ те-

ченіемъ времени въ болѣе позднїемъ возрастѣ. Въ старину у русскихъ браки происходили вообще очень рано. Бывало, что женихъ имѣлъ отъ 12 до 13 лѣтъ¹⁾. В. Н. Добровольскїй сообщаетъ о старинномъ бѣлорусскомъ обычаѣ выдавать замужъ дѣвицъ 11 — 13 лѣтъ, замѣчая, что «и до сихъ поръ живы еще старушки, выданныя замужъ такъ рано, почти въ дѣтскомъ возрастѣ»²⁾.

2. Второй основной моментъ разсматриваемаго обряда — облеченїе дѣвушки въ новую одежду, а именно въ поневу (№№ 1, 2, 3: Даль и Дикаревъ). Понева — это принадлежность южно-великорусскаго женскаго костюма, замѣняющая юбку; понева составляетъ вообще одну изъ отличительныхъ чертъ костюма замужнихъ женщинъ, и дѣвушки носятъ ее сравнительно очень рѣдко. Юбка (№ 3, Даль) и рубаха (№ 4, Ложкина) явились на мѣстѣ поневы, которая въ сѣверно-великорусскихъ губерніяхъ совсѣмъ неизвѣстна; въ послѣднемъ случаѣ въ формулѣ еще сохранилось непонятное слово «понява». — Въ другихъ случаяхъ поневу замѣняетъ поясъ (№ 3, Сахаровъ и Даль). Здѣсь, такимъ образомъ, мы сталкиваемся съ обрядовымъ опоясыванїемъ дѣвушки. Въ томъ и другомъ случаѣ, какъ передѣванїе, такъ и опоясыванїе — общая принадлежность разсматриваемой нами категорїи обрядовъ у разныхъ народовъ.

Ничто совсѣмъ особенное мы встрѣчаемъ въ лукояновскомъ обрядѣ (№ 4), гдѣ невеста прыгаетъ въ «вятель», рыболовный снарядъ изъ сѣти. Можно, правда, думать, что вятель явился здѣсь по недоразумѣнїю, вмѣсто непонятной поневы, такъ какъ дѣло идетъ въ данномъ случаѣ не о современной дѣйствительности, а о глухомъ преданїи изъ прошлой жизни. Необходимости въ такого рода предположенїи, однако же, нѣтъ. Рыболовные сѣти служатъ обрядовымъ свадебнымъ костюмомъ у разныхъ народовъ³⁾, въ качествѣ талисмана. Съ теченїемъ времени обрядъ скаканїя невесты съ лавки легко могъ быть истолкованъ, какъ предохраняющее отъ пражеской силы средство, на какой почвѣ и костюмъ могли замѣнить сѣтью. Но во всякомъ случаѣ это было вырожденїемъ обряда.

Относительно обрядоваго надѣванїя поневы стоїтъ еще указать, что для цѣлага ряда мѣстностей отмѣчено существованїе обычая, въ силу котораго дѣвушка до самаго замужества одѣвается въ одну только рубаху, безъ поневы или юбки. Такъ, въ Подольской губерніи (въ 40-хъ и 50-хъ годахъ 19-го столѣтїя) «дѣвушка, пока не засватанная, не носитъ юбки. Случалось, что до 25 лѣтъ (въ ожиданїи пока отецъ вернется изъ солдатъ) дѣвушка ходитъ въ рубахѣ съ поясомъ (веревочкой).

1) Н. И. Костомаровъ, Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусск. народа въ 16 и 17 столѣтїяхъ, с. 157.

2) Добровольскїй, Смоленскїй этнографическїй сборникъ, II, 359.

3) Цитаты у Н. О. Сумцова, О свадебныхъ обрядахъ, 197; ср. также Архивъ Калачева, 1861, № 3, с. 36.

Когда засватают, то мать ей покупать узенькую юбку изъ «дымы» — полосатой парусинки¹⁾. Въ Воронежскомъ уѣздѣ, въ селѣ Боевъ «дѣвушки до замужества ходить въ однихъ рубашкахъ, безъ сарафановъ»²⁾. Въ Смоленской губерніи въ старину «у рѣдкой дѣвицы былъ андаракъ (юбка), а ходили въ рубашкахъ своего рукодѣлья и носили платочки»³⁾. По Бурнашеву, «дѣвки ходятъ просто въ рубашкахъ»⁴⁾. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, значитъ, дѣвица надѣвала въ первый разъ понева или юбку во время свадьбы, но о сопровождавшихъ это надѣваніе обрядахъ никакихъ свѣдѣній мы не имѣемъ; они, вѣроятно, слились съ свадебнымъ ритуаломъ. Отметимъ, что въ Полтавскомъ уѣздѣ, послѣ «сговоровъ о подаркахъ» «невѣста ходитъ въ вѣнчальномъ костюмѣ, только безъ рушниковъ, которыми она повязываетъ юбку въ день вѣнчанія»⁵⁾. Въ данномъ случаѣ, очевидно, одѣваніе дѣвушки въ костюмъ взрослыхъ женщинъ совпало съ свадебными «сговорами».

Весьма интересный обычай отмѣченъ также въ селѣ Баглачевѣ Владимірской губерніи и уѣзда: здѣсь совершеннолѣтняя дѣвица, «когда ей года выйти замужъ», носитъ особую принадлежность костюма, которой ни до, ни послѣ этого времени она не носитъ, а именно — ленту въ косѣ; несовершеннолѣтнія дѣвицы, равно какъ и замужнія, носятъ вмѣсто ленты гарусъ или косникъ⁶⁾.

3. Третій моментъ разсматриваемаго нами обряда, — это торжество или празднество по его поводу. Выдѣлить этотъ моментъ довольно трудно, такъ какъ обрядъ совпалъ съ свадебными празднествами. Но обязательное присутствіе *всей родни* дѣвушки въ богородицкомъ обрядѣ (№ 1) говоритъ именно о наличности такого праздника; хотя въ данномъ случаѣ обрядъ совпалъ съ именинами дѣвушки, но именины малолѣтнихъ дѣвицъ у крестьянъ вообще не празднуются. — Въ другихъ случаяхъ (№ 2) обрядъ происходитъ также публично.

Моментъ торжества или празднества особенно выпукло выраженъ въ аналогичномъ *бѣлорусскомъ обрядѣ*, о которомъ мы до сихъ поръ ничего не говорили, такъ какъ онъ характеризуется совсѣмъ иными чертами. Объ этомъ бѣлорусскомъ обрядѣ намъ извѣстно только одно сообщеніе, изъ Новгородѣверскаго уѣзда Черниговской губерніи. Здѣсь, въ селѣ Юриновкѣ, «совершеннолѣтніе дѣвицы празднуются такъ: къ такой дѣвушкѣ собираются родные и знакомые, поздравляютъ ее съ совершеннолѣтіемъ, ѣдятъ пироги, пьютъ водку, а послѣ выкидываютъ надъ домомъ бѣлый

флагъ — знакъ радости, или возятъ именинницу на саночкахъ или въ корытѣ по селу, при чемъ скачутъ и кричатъ: «напѣла, напѣла! Послѣ такого обнародованія совершеннолѣтія дѣвушки всякъ имѣетъ право сватать ее, до того же — никто»¹⁾. — Здѣсь, такимъ образомъ, никакого испытанія вступающей въ совершеннолѣтіе дѣвицы нѣтъ; ничего не сообщается также и о переодѣваніи дѣвицы.

На основаніи изложеннаго мы дѣлаемъ слѣдующее предположеніе. Обрядъ совершеннолѣтія дѣвицы, будучи пережиткомъ глубокой старины, совершался нѣкогда у русскихъ въ раннемъ, отроческомъ возрастѣ²⁾ дѣвушки, когда послѣдней еще не легко было прыгнуть съ лавки на полъ, т. е. прыгнуть не болѣе какъ съ полторааршинной вышины. Обрядъ этотъ сопровождался всегда облеченіемъ дѣвушки въ одежду взрослыхъ женщинъ и происходилъ публично, въ присутствіи всѣхъ родныхъ и сосѣдей. Послѣ совершенія такого обряда дѣвушка считалась уже невѣстой, и объявить ее таковою — въ цѣляхъ обратить на нее вниманіе жениховъ³⁾ — было одною изъ цѣлей обряда, скоро потомъ слившагося съ однимъ изъ первыхъ актовъ свадебнаго ритуала.

Что касается области распространенія интересующаго насъ обряда, то весьма широкая извѣстность формулы его «хочу — вскочу и т. д.» говоритъ въ пользу широкаго распространенія и всего обряда. Но прямые свидѣтельства говорятъ намъ только о великоруссахъ. Безспорно существованіе обряда въ XIX-мъ столѣтіи въ губерніяхъ: Тульской, Калужской и Тамбовской (Даль, Толков. словарь), т. е. въ тѣхъ степныхъ губерніяхъ древнихъ вятичей, гдѣ старые языческіе обряды сохранились вообще лучше. Малорусско-бѣлорусскій, черниговскій, обрядъ характеризуется совсѣмъ иными чертами.

Страннымъ образомъ отсутствующее во всѣхъ нашихъ словаряхъ, но весьма распространенное, напримѣръ, на Вяткѣ выраженіе «*выскочить* замужъ» вмѣсто обычнаго «*выйти* замужъ», быть можетъ, основано на данномъ обрядѣ, гдѣ невѣста действительно *скачетъ*, ускоряя этимъ для себя замужество.

1) О. Богуславскій, Село Юриновка въ историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ (Черниговск. Губернск. Вѣдом. 1855, № 20, с. 163). Статья эта написана въ отвѣтъ на изданную Географическимъ Обществомъ въ 1847-мъ году программу, гдѣ былъ особый вопросъ объ обрядахъ, совершаемыхъ при вступленіи въ возмужалость. Всѣ другіе извѣстные намъ отвѣты на эту программу проходили данный вопросъ молчаніемъ или же прямо указывали, что такихъ обрядовъ въ данной мѣстности нѣтъ. Въ селѣ Юриновкѣ живутъ не чистые бѣлоруссы: языкъ мѣстныхъ жителей представляетъ пеструю смѣсь бѣлорусскихъ особенностей съ малорусскими, при преобладаніи, однако, первыхъ (А. И. Соболевскій, Опытъ русской диалектологіи. С.-Пб. 1897, с. 99).

2) Такое перенесеніе обрядовъ по поводу совершеннолѣтія на болѣе ранній возрастъ — обычная участь этихъ обрядовъ; срв. въ этомъ отношеніи обрѣзаніе, постриги и т. д.

3) Срв. русскую народную пословицу: «денежка — что дѣвушка: всякъ бы ее зналъ, да не всякъ бы видѣлъ».

1) Этнограф. Обзор. 1907, № 1, с. 208.

2) Рукопись Хрущова 1855 г. въ рукописномъ отдѣлѣ. Библ. И. Ак. Наукъ, бумаги И. И. Срезневскаго, № 40.

3) Смоленскій Этнографич. Сборн. II, 359.

4) Бурнашевъ, Терминологич. слов. II, 114, подъ сл. понява.

5) Чубинскій, Труды экспедиц. въ зап.-русс. край, IV, 583.

6) Владимірск. Губ. Вѣдом. 1873, № 40, ст. О. Сперанскаго.

При детальномъ изученіи русскихъ свадебныхъ обрядовъ, въ нихъ, вѣроятно, найдутся и еще моменты, ведущіе свое начало отъ только что рассмотрѣннаго нами обряда, сливагося съ свадебнымъ ритуаломъ. Это можно, напримѣръ, предположить для мѣстнаго обычая, въ силу котораго новобрачная, на другой день послѣ брака, обрѣзываетъ свои волосы; обычай этотъ распространенъ, напримѣръ, въ юго-западномъ краѣ¹⁾. Но другіе изслѣдователи видятъ въ этомъ обычаѣ жертвенное посвященіе волосъ божеству²⁾, остатокъ трофеевъ, пережитокъ похищенія невесты³⁾. И мы о немъ пока умолчимъ.

Умолчимъ мы также объ отмѣченномъ В. Н. Добровольскимъ обрядовомъ «посвященіи» бѣлорусской дѣвицы «въ работницы»⁴⁾. Этотъ фактъ — иной категоріи.

1) Пастырскій Собесѣдникъ, 1892, № 44 — 45; см. также цитаты у Н. О. Сумцова, О свадебныхъ обрядахъ etc., с. 152.

2) Сумцовъ, тамъ же.

3) М. В. Довнаръ-Запольскій, Изслѣдованія и статьи I, 124.

4) Смоленскій этнографическій сборникъ, II, 349.

Дм. Зеленинъ.

Опытъ систематической программы для собиранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ¹⁾.

Предисловіе.

Попытки составить программу, годную для собиранія свѣдѣній о религіозныхъ вѣрованіяхъ у всѣхъ некультурныхъ расъ, не могутъ увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ подобная программа неизбежно намѣчаетъ только самыя общіе вопросы, а потому, если она и можетъ быть пригодной для кого-нибудь, то только для ея составителя, ибо это — скорѣе замѣтки для памяти, чѣмъ программа. Съ другой стороны, составители подобныхъ программъ всего чаще обладаютъ хотя и обширными познаніями въ области вѣрованій некультурныхъ расъ, но почерпнутыми у туристовъ, путешественниковъ, миссіонеровъ и т. д., т.-е. у лицъ, часто не только не подготовленныхъ для собиранія подобныхъ свѣдѣній, но весьма нерѣдко относящихся съ предвзятыми мнѣніями и безъ всякой критики и чаще всего дающихъ отрывочный и даже несогласный между собою матеріалъ. Эти недостатки устранимы только въ томъ случаѣ, если программа составляется для собиранія свѣдѣній у опредѣленнаго племени на основаніи личнаго знакомства съ его вѣрованіями. Если еще при этомъ окажется удачнымъ выборъ племени, т.-е. если окажется, что вѣрованія данного племени достаточно разработаны и представляютъ нѣкоторую цѣльность и типичность для вѣрованій какой-либо группы племенъ, то программа можетъ оказаться пригодной при изученіи цѣлой группы. Намъ кажется, что предлагаемая программа въ значительной степени удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Группа племенъ, вѣрованія которыхъ имѣютъ значительную общность, суть русскіе инородцы-шаманисты, а вѣрованія якутовъ сохранили въ себѣ въ значительной степени свой первобытный характеръ и представляютъ довольно развитую и даже глубоко философскую систему первобытныхъ вѣрованій, о чемъ можно судить по тѣмъ болѣе или менѣе отрывочнымъ даннымъ, которыя собраны до настоящаго времени²⁾; такимъ образомъ, программа, осно-

1) Перепечатывается почти безъ измѣненій съ отдѣльнаго оттиска изъ XIV тома «Извѣстій Общества Арх., Исторіи и Этнографіи» (Казань. 1897), съ разрѣшенія Всев. Мих. Ионовъ, оплатившаго, въ свое время, трудъ автора (ум. 1898 г.) изъ ассигнованныхъ въ его распоряженіе средствъ Якутской Сибиряковской Экспедиціи (1894 — 1896) и принимавшаго непосредственное участіе въ составленіи самой программы.

2) См. изслѣдованіе автора: «Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ». По-смертное изданіе, редактированное Э. К. Пекарскимъ. Казань. 1902 (отд. отт. изъ «Ученыхъ Записокъ Императ. Казанскаго Университета»).

Живая Старина. 1911.

ванная на близком знакомствѣ съ вѣрованіями якутовъ, вѣроятно, можетъ оказаться въ значительной степени пригодной и для собранія свѣдѣній о религіозныхъ вѣрованіяхъ и другихъ инородцевъ-шаманистовъ.

Предлагаемая программа составлена не для ученыхъ специалистовъ, которые въ ней не нуждаются, а для тѣхъ, которые, живя по какимъ-либо причинамъ среди того или иного инородческаго племени или принадлежа къ нему, заинтересовались бы древними вѣрованіями и пожелали бы собирать матеріалы въ этой области, но, не будучи специально подготовлены для этого, пожелали бы имѣть руководящую программу, — вотъ почему я считаю необходимымъ дѣлать такіа разъясненія и входить въ такіа детали, которыя специалисту могутъ показаться излишними.

Введеніе.

Религіозныя вѣрованія и соотвѣтствующій имъ культъ, именуемые въ совокупности у различныхъ русскихъ инородцевъ шаманствомъ, представляютъ извѣстную стадию вѣрованій и культа всѣхъ расъ на извѣстной ступени развитія. Тѣмъ не менѣе, шаманство во всей совокупности не составляетъ чего-либо однообразнаго и точно установленнаго, такъ какъ, будучи естественной религіей, по тому самому оно подчинялось общимъ законамъ эволюціи подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, окружающихъ то или иное племя. Такимъ образомъ, мы можемъ подмѣтить, напр., у камчадаловъ и самоѣдовъ, зарожденіе шаманства, а затѣмъ прослѣдить его дальнѣйшую эволюцію, приведшую къ двумъ крупнымъ развѣтвленіямъ. Въ одномъ изъ нихъ, какъ, напр., у вотяковъ, получило преобладающее значеніе бѣлое шаманство, въ другомъ, и именно у якутовъ — черное. Изученіе бѣлаго шаманства можетъ дать намъ основы для уразумѣнія эволюціи религіозныхъ вѣрованій и культа у болѣе культурныхъ народовъ, усвоившихъ себѣ именно это теченіе, а изученіе чернаго шаманства дастъ намъ то же самое для уясненія того умонастроенія, которое привело къ такимъ поразительнымъ религіознымъ вѣрованіямъ, какъ вѣрованія такъ называемыхъ поклонниковъ діавола (іезидовъ) и поклонниковъ Шивы, а кромѣ того дастъ возможность свести къ первоисточнику нѣкоторыя вѣрованія и суевѣрія, отъ которыхъ не свободны и нѣкоторыя наиболѣе культурныя расы.

Среди русскихъ инородцевъ черное шаманство встрѣчается наиболѣе рѣзко выраженнымъ и сохранившимся съ наибольшей полнотой только у якутовъ, вѣрованія которыхъ, судя по имѣющимся въ настоящее время даннымъ, представляли въ значительной степени стройную и глубоко философскую систему, всецѣло проникнутую утилитарно-реалистическими тенденціями.

Въ основѣ религіозныхъ вѣрованій якутовъ лежитъ обычное представленіе о двойственности характера силъ природы, вытекающее изъ классификаціи ея проявленій на полезныя и вредныя человѣку. Полезныя человѣку обнаруженія дѣятельности природы олицетворяются въ различныхъ сверхъестественныхъ существахъ, относящихся, главнымъ образомъ, къ общему классу «айы», а вредныя — въ существахъ,

ситъ? Сколько людей требуется для этого? Должно ли быть ихъ нечетное число, почему и какое? Передъ положеніемъ въ гробъ подносить ли покойника къ огню камина и какой существуетъ при этомъ обрядъ? Кладутъ ли костякъ конской головы на шестокъ камина и въ какомъ направленіи? Кладутъ ли шейный позвонокъ и какой? Ставятъ ли тутъ же въ чашкѣ топленое масло? Кому его приносить въ жертву и въ какой моментъ? Кладутъ ли позвонокъ въ гробъ, а если нѣтъ, то что съ нимъ дѣлаютъ? Когда покойника передъ положеніемъ въ гробъ подносятъ къ камину, то протаскиваютъ ли подъ нимъ съ камина костякъ конской головы? Куда загѣмъ помещаютъ эту голову и чашку? Не вѣшаютъ ли на дерево и гдѣ? Близъ жилья или близъ могилы? Имѣютъ ли мѣсто эти обряды относительно всѣхъ покойниковъ, или только относительно шамановъ? Выносятъ ли покойниковъ головою впередъ, или ногами, въ двери, или иначе какъ-нибудь? Какъ доставляютъ трупъ на кладбище: на лошади или на быкѣ?

§ 30. Бываютъ ли случаи, чтобы покойникъ оказался особенно тяжелымъ, чтобы не могли его поднять семь человѣкъ? Считается ли это результатомъ его пассивнаго сопротивленія и чѣмъ объясняется? Не оказываются ли тяжелыми тѣ, которые при жизни совершили много зла и преступленій, или тяжелыми оказываются только шаманы? Вѣ ли, или только наиболѣе могущественные?

§ 31. Когда, какихъ животныхъ и съ какою цѣлью убиваютъ во время похоронъ? Можно ли убивать прыгалаго быка и ѣздовую лошадь? Какіе обряды производятъ надъ конемъ, предназначеннымъ къ убіенію? Закрываютъ ли ему глаза или голову рубашкой хозяина и какой? Тою, которая была на немъ до момента смерти? Съ какою цѣлью это дѣлается? Приговариваютъ ли при этомъ что-либо, кто и что? Какъ убиваютъ коня, какъ едятъ съ него кожу и что съ нею дѣлаютъ? Кому идетъ мясо и въ какомъ видѣ? Кто и когда ѣстъ сваренную голову? Не отъ этой ли лошади костякъ головы кладется на шестокъ камина? Убиваютъ ли коня съ цѣлями жертвоприношенія и кому, или съ тою цѣлью, чтобы отправить его съ покойникомъ въ загробный міръ? Съ какою цѣлью убиваютъ другихъ животныхъ? Кто, когда и какъ ѣстъ мясо? Кто не можетъ его ѣсть и почему? Что можетъ случиться, если не будетъ убито какое-либо животное? Нѣтъ ли указаній на то, что при похоронахъ убивали людей и кого: родственниковъ, рабовъ? Съ какою цѣлью? Хоронили ли ихъ вмѣстѣ съ покойникомъ? Нѣтъ ли разсказовъ о томъ, что, за неимѣніемъ скотины, для закланія требуется человѣкъ? Кто сопровождаетъ гробъ? Не сопровождаетъ ли богача его приближенный слуга и какую роль исполняетъ онъ при этомъ? Что кладутъ въ могилу и въ гробъ? Не кладутъ ли принадлежности спеціальнаго занятія покойника?

§ 32. Нѣтъ ли какихъ-либо особенностей при возвращеніи съ кладбища? Перепрыгиваютъ ли черезъ огонь? Подвергаются ли очищенію и какому домашніе и

участвовавшие какимъ бы то ни было способомъ въ похоронахъ люди, животныя и иные предметы? По возвращеніи съ могилы устраивается ли родственниками покойника угощеніе, какое и кому? Приглашаютъ ли къ участію и покойника, поминаютъ ли его, говорятъ ли о немъ? Высказываются ли ему какія-либо пожеланія? Не считаются ли нечистыми лица, посѣтившія домъ, гдѣ есть покойникъ, и присутствовавшія при погребеніи и до какого времени?

§ 33. Гдѣ и какъ хоронили въ старину? на деревьяхъ, на помостахъ, зарывали въ землю или клали прямо на землю? Не зависитъ ли способъ похоронъ отъ возраста, пола, общественного положенія покойника? Въ какую сторону обращалось лицо покойника? Въ какихъ мѣстахъ хоронили? Чѣмъ эти мѣста должны отличаться? Нѣтъ ли какой-либо зависимости по отношенію ихъ наклона къ странамъ свѣта, по отношенію къ солнцу? Хоронили-ли на открытыхъ мѣстахъ, или въ чащѣ лѣса?

§ 34. Нѣтъ ли указаній на то, что хоронили заживо? Если есть, то хоронили ли по добровольному желанію хоронимаго или по чьему-либо опредѣленію и по чьему? Семьи, ближайшихъ родственниковъ, цѣлаго рода? Хоронили ли заживо только стариковъ, или возрастъ не имѣлъ значенія? Если существовали два способа похоронъ одновременно: надземный и подземный, то не замѣчается ли, что по первому способу хоронились только молодые, а по второму—только старики? Не было ли для этого опредѣленного возраста? Хоронили ли въ лодкахъ? Не спускались ли по рѣкѣ? Нѣтъ ли указаній, чтобы когда-либо трупы сжигались? Не существовало ли особаго способа по отношенію къ самоубійцамъ? Не хоронили ли лицомъ внизъ, кого и почему?

§ 35. Насаживаютъ ли по угламъ могилы деревянныя изображенія стерха и иныхъ птицъ и животныхъ и что это значитъ? Не помогаютъ ли душѣ переселиться въ иной міръ?

§ 36. Загробная жизнь. Вѣрятъ ли въ загробную жизнь? Представляется ли она временной или вѣчной? Или по этому вопросу нѣтъ ясныхъ и опредѣленныхъ мнѣній? Что продолжаетъ существовать послѣ смерти: «кут», «сѣр», «кут-сѣр», элементы «кут»? Не распадается ли «кут» на свои элементы, когда и что послѣ того слѣдуетъ? Гдѣ и какая душа пребываетъ: около жилища, около могилы, или въ другихъ мѣстахъ и въ какихъ¹⁾? Описать судьбу въ загробной жизни обѣихъ душъ отдѣльно. Каковъ путь въ загробный міръ и что душа встрѣчаетъ на немъ? Имѣются ли мытарства и въ чемъ состоятъ? Какая душа водится по мытарствамъ, по какимъ, кѣмъ и съ какою цѣлью? Какъ называются мытарства? Кто привозитъ покойниковъ

1) По повѣріямъ бурятъ, у человѣка—три души, изъ которыхъ, послѣ смерти, одна получаетъ возмездіе, смотря по заслугамъ, вторая остается на этомъ свѣтѣ и ведетъ такую же жизнь, какъ и раньше, третья снова родится человѣкомъ, — не происходитъ ли чего-либо подобнаго съ элементами «кут», или съ «кут» и «сѣр»?

въ загробный міръ и кто ихъ принимаетъ? Кто осматриваетъ скоть («ха[л]ыга»), пеши? Какую жизнь ведутъ души въ загробномъ мірѣ? Употребляютъ ли пищу и какую, плодятся ли, ведутъ ли хозяйство и какое, косятъ ли, занимаются ли рыболовствомъ и охотой? Живутъ ли онѣ обществами и каково ихъ общественное устройство? Руководствуются ли тамъ тѣми же правилами общежитія, какъ и на землѣ? Душа умершаго присоединяется ли къ душамъ единоплеменниковъ, или къ душамъ своего рода, семьи, или души всѣхъ народовъ смѣшаны вмѣстѣ? Скоро ли душа ориентуруется въ загробномъ мірѣ и отрѣшается отъ земныхъ интересовъ?

§ 37. Сколько загробныхъ міровъ, гдѣ находятся и какъ называются? Во всѣхъ ли живутъ души умершихъ? Если нѣтъ, то въ какихъ живутъ? Кто и на основаніи чего распредѣляетъ души по разнымъ мѣстамъ? Кто завѣдуетъ этими мірами? Есть ли такіе, которыми завѣдуютъ «абасы», и такіе, которыми завѣдуютъ «айы»? Обѣ ли души отправляются въ одно и то же мѣсто, или въ разныя? Какая куда и почему? Отправляются ли какія-либо души къ Создателю и всѣ ли? Распредѣленіе душъ не вытекаетъ ли изъ идеи возмездія? Не отправляются ли души преступниковъ, самоубійцъ и людей порочныхъ въ одинъ міръ, а добродѣтельныхъ—въ другой и какъ они называются? Въ чемъ состоитъ добродѣтельная и въ чемъ состоитъ порочная жизнь? Изложить кодексъ морали, если таковой имѣется. Обязательно ли стремиться къ добродѣтели и избѣгать пороковъ? Кто налагаетъ эту обязанность? Отмѣтить на примѣрахъ всѣ значенія словъ «айы» и «айыргыр» и указать первоначальное значеніе.

§ 38. Могутъ ли души покойниковъ быть убиваемы? Кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ? Могутъ ли заболѣвать и умирать? Если могутъ, то что затѣмъ съ ними происходитъ?

§ 39. Что такое «ѣюр»? Самъ ли умершій, т.-е. одна изъ его душъ, или это—какой-либо духъ, впитавшій въ себя ее и принявшій видъ умершаго? Есть ли это—«кут», «сѣр», «кут-сѣр», или одинъ изъ составныхъ элементовъ «кут»? Кто становится «ѣюр»? По доброй ли волѣ, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ—что его побуждаетъ къ этому, а во второмъ—кто его заставляетъ? Какія требуются условія для обращенія въ «ѣюр»? Могутъ ли ими становиться дряхлые старики и дѣти? Нѣтъ ли воспоминаній, что прежде всякій умершій становился «ѣюр»? Каково отношеніе его къ живымъ? Доброжелательное или зложелательное, или и то и другое, смотря по обстоятельствамъ? Какія онѣ имѣютъ потребности и какъ удовлетворяетъ ихъ? Какой ведетъ образъ жизни и гдѣ? Навѣщаетъ ли умершій супругъ - «ѣюр» оставшуюся въ живыхъ жену и съ какою цѣлью? Имѣютъ ли при этомъ мѣсто половыя сношенія? Можетъ ли «ѣюр» переселить къ себѣ семейство, скоть и разное имущество? Если можетъ, то какъ: посылая болѣзни и смерть, ломая или уничтожая имущество огнемъ или еще какъ-нибудь? Имена и біографіи наиболѣе извѣстныхъ «ѣюр-ей»? Каковы были ихъ общественное положеніе и возрастъ? Какъ узнать, что умершій сталъ

«үр»? Чѣмъ онъ себя проявляетъ? Какіе обряды употребляются, чтобы избавиться отъ преслѣдованій «үр-я»?

§ 40. Ајы и абасы. Что значить слово «ајы»? Его прямое и переносное значеніе. Записать всѣ выраженія, въ которыхъ отъбъивается какая-либо его особенность. Не употребляется ли слово «ајы» въ примѣненіи къ «үр» и почему? Общая характеристика «ајы», ихъ взаимныя отношенія, отношеніе ихъ къ человѣку — доброжелательное и зложелательное — и отношеніе человѣка къ нимъ: считаютъ ли ихъ добрыми или злыми, или и добрыми, и злыми, смотря по обстоятельствамъ? Испытываютъ ли къ нимъ уваженіе или страхъ, или ни того, ни другого? Иерархическія отношенія между всѣми «ајы». Имѣютъ ли второстепенные «ајы» отношеніе къ творческой дѣятельности, ея способъ и сфера обнаруженія каждымъ «ајы».

§ 41. Отвѣтить на тѣ же вопросы относительно «абасы». Называютъ ли кого-либо и кого «корень всѣхъ бѣдъ и несчастій»?

§ 42. Взаимныя отношенія между «ајы» и «абасы». Могутъ ли «ајы» обращаться въ «абасы» и наоборотъ? Если могутъ, то при какихъ обстоятельствахъ? Перечислить случаи подобныхъ превращеній? Могутъ ли тѣ и другіе обращаться въ людей, или принимать человѣческій образъ? Если могутъ, то по собственной волѣ или по чужой и по чѣй? Съ какою цѣлью претерпѣваютъ превращенія? Могутъ ли люди обращаться въ «ајы» и «абасы» и при какихъ обстоятельствахъ? Являлись ли тѣ и другіе на землю въ видѣ богатырей, шамановъ, кузнецовъ или въ какомъ другомъ и съ какою цѣлью, — не отъ нихъ ли произошли люди? Бросаютъ ли тѣнь «ајы» и «абасы», одну или нѣсколько и сколько?

§ 43. Ёруң-ајы-тојон. Кто такой «Ёруң-ајы-тојон» (Бѣлый-создатель-господинъ)? Нѣтъ ли у него еще какихъ-либо именъ, какія и что значатъ? Какіе эпитеты прилагаются къ нему? Въ чемъ состояла раньше и въ чемъ состоитъ нынѣ его дѣятельность? Характеристика его, его образа жизни, семейнаго положенія и отношеніе къ нему семьи? Каково его отношеніе къ второстепеннымъ «ајы» и ко всѣмъ «абасы»? Имѣются ли у него родственныя связи и какія? Не отправлялъ ли онъ своихъ дѣтей временно или на постоянное жительство на землю и съ какою цѣлью? Каково дальнѣйшее отношеніе къ нимъ? Произошли ли всѣ люди отъ его дѣтей? Посылалъ ли онъ на землю богатырей, шамановъ, шаманокъ и съ какою цѣлью? Записывать ихъ имена. Нуждается ли «Ёруң-ајы-тојон» въ пищѣ, въ одеждѣ, въ какой и какъ ее добываетъ? Имѣетъ ли жилище? Описаніе его. Одинъ Творецъ міра или нѣсколько? Если нѣсколько, то въ чемъ состоитъ дѣятельность каждого изъ нихъ? Одинакова ли власть каждого и каково ихъ взаимное отношеніе? Одно ли лицо «Ёруң-ајы-тојон», «Ёруң-ар-тојон», «Арт-тојон-аға»? Если разныя, то точно опредѣлить ихъ функціи. Записать случаи употребленія словъ «ар» и «арт». Нѣтъ ли указаній на то, чтобы какой-либо эпитетъ «Ёруң-ајы-тојон-а», означающій какое-либо частное

проявленіе его дѣятельности (напр., податель коннаго скота) или какое-либо состояніе (напр., на облакахъ сидящій), обратился въ названіе самостоятельнаго божества¹⁾?

§ 44. Улутујар-улұ-тојон. Кто такой «Улутујар-улұ-тојон»? Что значить «улұ» и «улутујар»? Не имѣетъ ли онъ еще какихъ-либо именъ? какія и что означаютъ? Не есть ли онъ ночное небо, или не имѣетъ ли онъ къ нему какого-либо отношенія и какое? Не имѣетъ ли онъ отношенія къ грому и какъ этотъ громъ называется? Не посылаетъ ли онъ его отъ времени до времени на землю и для чего? Не громъ ли принесъ людямъ «Улұ-тојонгон-оңорұлаҳ-уот-тёрдө», «источникъ огня, имѣющій происхожденіе отъ «Улұ-тојон-а»? Не имѣетъ ли «Улұ-тојон» отношенія къ луиъ или къ другимъ планетамъ? Прилагаются ли къ нему какіе либо эпитеты и какіе? Точно опредѣлить его мѣстожительства.

§ 45. Характеристика «Улұ-тојон-а», его образа жизни, семейнаго положенія и отношенія къ нему членовъ семьи. Каково его отношеніе къ Творцу и къ остальнымъ «абасы»? Не отправлялъ ли онъ своихъ дѣтей временно или на постоянное жительство на землю и съ какою цѣлью? Не посылалъ ли на землю богатырей, шамановъ, шаманокъ и съ какою цѣлью? Не отъ нихъ ли произошли люди, или отъ его дѣтей? Не извѣстны ли имена? Есть ли «Улұ-тојон» владыка всѣхъ «абасы», или только живущихъ въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ какомъ, или только глава улуса или нѣсколькихъ улусовъ? Не есть ли онъ наиболѣе могущественный изъ главъ? Каково его отношеніе къ послѣднимъ? Имѣетъ ли онъ какое-либо отношеніе къ «сұр» вообще и къ «сұр» шамана, въ частности? Не онъ ли создалъ «сұр», не къ нему ли она отправлялась послѣ смерти?

§ 46. Арса(ы)н-Дуолаі. Отвѣтить на вопросы §§ 44 и 45 по отношенію къ «Арса(ы)н-Дуолаі» и опредѣлить взаимныя отношенія между нимъ и «Улұ-тојон-омъ». Нѣтъ ли указаній на то, что одинъ изъ нихъ — болѣе древняго происхожденія или что одинъ изъ нихъ принадлежитъ прародинѣ якутовъ, а другой — новой родинѣ?

§ 47. Второстепенные «ајы». Перечислить имена всѣхъ второстепенныхъ «ајы», съ указаніемъ ихъ значеній и функцій. Гдѣ живутъ (на востокъ, на небѣ, на горизонтѣ или ниже горизонта)? Относительно каждого «ајы»: являются ли на землю, въ какихъ случаяхъ и съ какою цѣлью; дѣйствуютъ ли самостоятельно, или являются

1) Эти вопросы могутъ быть разрѣшены и изъ сказокъ, заклинаній, если таковыя имѣются, и рѣчей, произносимыхъ на празднествахъ въ честь «ајы». Обратитъ вниманіе на то, не употребляется ли одно и то же названіе въ одномъ мѣстѣ въ качествѣ собственного имени, а въ другомъ — въ качествѣ эпитета.

2) Подгорбунскій говоритъ, что китайское слово «лу», «лун» 隆 — извѣстно всѣмъ монголамъ, а въ формѣ «сулу» или «сулы» еще и нѣкоторымъ тюркскимъ племенамъ (киргизск., алтайцамъ, кит. сартамъ), и вездѣ означаетъ драконовъ, которые производятъ громъ, молнію и дождь. *Примѣч. ред.* «Извѣстій О-ва А., И. и Э.»

посланными Творца, исполняющими его повелѣнія. Какіе «ајѣ» участвуютъ въ различные моменты зачатія и рожденія человѣка и различныхъ породъ животныхъ. Въ чемъ выражается участіе? Кто такая «Ајѣсыт»? Принимаетъ ли участіе и какое въ рожденіи животныхъ и какихъ, или имѣется аналогичный духъ для всѣхъ животныхъ и какъ называется, или для каждой породы животныхъ? какъ называются и что означаютъ ихъ названія? Кто такая «Ајѣхситъ», что означаетъ и въ чемъ состоитъ ея функція? Принимаетъ ли она участіе при рожденіи животныхъ и какихъ, или имѣется аналогичный духъ для всѣхъ животныхъ и какъ называется, или для каждой породы животныхъ? какъ называются и что означаютъ ихъ названія? Чѣмъ объясняются у людей и животныхъ неудачные роды: тѣмъ ли, что одинъ изъ духовъ или оба вмѣстѣ не оказали содѣйствія, или тѣмъ, что сами умышленно причинили вредъ? Чѣмъ объясняется подобное поведение? Точно опредѣлить и строго разграничить функціи «Ајѣсытъ» и «Ајѣхситъ». Приносятъ ли имъ жертвы, когда и какія? Описать весь обрядъ жертвоприношенія. Существуютъ ли спеціальныя покровители домашняго скота: пороховъ, быковъ, коровъ, телятъ, жеребцовъ, лошадей, кобылъ и жеребятъ¹⁾? Если существуютъ покровители домашняго скота, то какъ называются, что означаютъ ихъ названія, въ чемъ выражается покровительство и гдѣ живутъ? Какъ объясняются неудачныя рожденія, болѣзни и смерти покровительствуемыхъ животныхъ? Тѣмъ ли, что покровители въ данномъ случаѣ не исполнили почему-либо своихъ обязанностей и вредъ произошелъ отъ постороннихъ причинъ (вмѣшательства «абасы»), или они сами причинили вредъ и почему? Приносятъ ли имъ жертвы, когда и какія? Существуютъ ли покровители жилыхъ помѣщеній, какъ называются и гдѣ живутъ (на главной матицѣ, на юго-восточномъ или юго-западномъ углу столбъ)? Приносятъ ли имъ жертву во время постройки зданія и потомъ?

§ 48. Имѣются ли семейныя, родовыя и общественныя покровительствующіе духи²⁾? Ихъ имена (собственныя для каждаго, групповыя и общее для всѣхъ) и мѣстопробываніе? Не называются ли они именами наслеговъ и родовъ? Существуютъ ли роды и наслегъ и какіе именно, которые носятъ названіе какаго либо предка, — мужнины или женщины? Если существуютъ, то записать ихъ³⁾. Обращаются ли къ семейнымъ, родовымъ и общественнымъ духамъ-покровителямъ съ просьбами и молитвами, кто и съ какими? Приносятъ ли имъ жертвы, какія и кто играетъ главную роль въ этихъ случаяхъ? Имѣются ли спеціальныя покровители дѣтей вообще, маль-

чиковъ и дѣвочекъ — въ частности, и какъ ихъ зовутъ? Имѣется ли «ајѣ ојуна»¹⁾, какъ духъ? Если имѣется, то въ чемъ состоитъ его функція? Что такое «таңара»? Не служатъ ли въ качествѣ «таңара» какія-либо животныя и птицы и какія, для дѣлага ли племени, рода, «аҕа үсә», «ҕэ үсә»? Что такое «амайҕатъ», его роль и значеніе? Что такое «төрдө»? Перечислить ихъ всѣхъ, какъ имѣющихъ собственныя имена, такъ и не имѣющихъ ихъ.

§ 49. Абасы. Существуютъ ли различія между «абасы» по мѣстожительству и по характеру ихъ дѣятельности? Сдѣлать точное разграниченіе. Опредѣлить, какіе «абасы» живутъ въ верхнемъ мірѣ, въ среднемъ и въ нижнемъ, перечисливъ ихъ поименно и указавъ взаимныя отношенія живущихъ въ одномъ мірѣ и живущихъ въ разныхъ мірахъ. Существуетъ ли между ними іерархія и какаѣ? Существуетъ ли общій глава всѣхъ «абасы» и какъ называется, или существуетъ только одинъ наиболѣе могущественный глава, хотя ему и не подчинены «абасы» всѣхъ міровъ? Какъ его зовутъ и гдѣ живетъ? Вмѣшивается ли онъ въ дѣла «абасы» остальныхъ міровъ, въ какихъ случаяхъ и какимъ образомъ? Въ какой странѣ свѣта находится верхній міръ, средний и нижній? Находятся ли они на небѣ, на землѣ и подъ землею? У нижнихъ имѣются ли только половинныя солнце и луна и почему? Какъ въ этомъ отношеніи въ верхнемъ мірѣ? Нѣтъ ли какихъ-либо особенностей въ мѣстахъ жительства «абасы», въ природѣ, скотѣ и въ нихъ самихъ? Отбрасываютъ ли «абасы» три тѣни (Приклонскій²⁾) и почему? Могутъ ли «абасы» принимать различныя виды и какіе? Чѣмъ питаются? Какія слова употребляются («харыетѣн») вмѣсто слова «абасы»? Имѣется ли «абасы ојуна», какъ духъ? Если имѣется, то въ чемъ состоитъ его функція?

§ 50. Означить поименно всѣхъ извѣстныхъ «абасы», расположить ихъ по характеру ихъ дѣятельности, обозначая, кто изъ нихъ приноситъ вредъ или пользу человѣку и животнымъ и въ чемъ состоитъ то и другое? Точно опредѣлить ихъ мѣсто-жительство и число «олох-овъ». Отмѣтить, какіе «абасы» приносятъ русскія болѣзни и какія, какіе приносятъ якутскія, какъ ихъ имена и какія болѣзни? Имѣются ли «абасы», побуждающіе на самоубійство, преступленія и распутство, насилующіе женщинъ и дѣвицъ, соблазняющіе мужчинъ? Имѣются ли охранители путей въ разные міры и самыхъ міровъ? Какія жертвы, въ какихъ случаяхъ и кѣмъ приносятся всѣмъ упомянутымъ «абасы», опредѣляя это относительно каждаго изъ нихъ? Какія мѣры и въ какихъ случаяхъ принимаются для огражденія себя отъ воздѣйствія «абасы»?

§ 51. Міръ и его части. Соответствуетъ ли понятіе о мірѣ нашему, или оно обнимаетъ только землю и видимое небо? Какъ называется міръ? Есть ли сказаніе о сотвореніи міра, или только о сотвореніи земли? Записать ихъ. Кѣмъ сотворены міръ,

1) Важно опредѣлить, имѣютъ ли пороки и жеребцы покровителей ихъ самихъ и ихъ плодovitости?

2) Шукинъ (Поѣздка въ Якутскъ, Спб., 1883, стр. 197) говоритъ, что «каждый родъ имѣетъ своего особеннаго заступника или ходатая. Его представляютъ подъ видомъ бѣлагого жеребца, ворона, лебедя, сокола и пр.»

3) Слѣдовало бы записать названія всѣхъ родовъ и наслеговъ.

1) Слово «ојун» — шаманъ чаще приходится слышать въ произношеніи «ојунъ». *Ред.*

2) Три года въ Якутской области. Этнографич. очерки. «Жив. Старина» 1891, вып. IV, стр. 55. *Ред.*

земля, звѣзды, планеты, горы, утесы, пропасти, водовороты, подводныя скалы и съ какою цѣлью? Кѣмъ сотворены человѣкъ, животныя, рыбы, пресмыкающіеся, наѣкомыя и съ какою цѣлью? Продолжается ли творческая дѣятельность и въ настоящее время, кѣмъ и въ какой формѣ? Кто заботится о возобновленіи новыхъ экземпляровъ растительнаго и животнаго міра, или порядокъ возобновленія установленъ при сотвореніи міра разъ на вѣчныя времена? Не замѣчается ли вѣрованія въ двойственность творческой дѣятельности, т.-е. что все полезное человѣку сотворено и зависитъ отъ духовъ изъ разряда «аїѣ», а все вредное создано «абѣсы»?

§ 52. Сколько міровъ? Имѣются ли «халлѣн ѳрдѣ», «ѳѣсѣ доїду», «орто доїду», «ѳѣдѣн тѳѣдѣ»? Что означаетъ каждое изъ нихъ, гдѣ находится и кѣмъ населено? Всѣ ли обитаемы духами и какими?

§ 53. Небо и атмосферическія явленія. Какъ называется небо? Одно названіе или нѣсколько, какія и что означаютъ? Примѣняются ли названія безразлично, или существуетъ разница и какая? Нѣтъ ли особаго названія для дневнаго неба и ночнаго (обратить особенное вниманіе)? Не изображается ли дневное и ночное небо особымъ образомъ? Одно ли небо является то дневнымъ, то ночнымъ, или на смѣну одного является другое? Не составляетъ ли дневное небо мѣстожителства «аїѣ», а ночное—«абѣсы»? Не есть ли «алларѣ доїду» (подземный міръ) ночное небо? Не имѣетъ ли это дѣленіе связи съ черными и бѣлыми шаманами? Примѣняются ли къ небу эпитеты и какіе? Нѣтъ ли особаго лѣтнаго и зимняго неба?

§ 54. Сколько небесъ? Какъ расположены, какъ называются и кѣмъ населены? Существуетъ ли между ними различіе и какое? На какомъ небѣ находятся солнце, луна, планеты и звѣзды? Какую роль играютъ на небѣ? Являются ли его составными частями или имѣютъ самостоятельное существованіе, такъ что въ понятіе «небо» не входятъ? Въ послѣднемъ случаѣ, что же собою изображаетъ небо?

§ 55. Считается ли небо духомъ, или только его мѣстопробываніемъ, или его покровомъ? Къ видимому ли небу это относится, или къ иному и къ какому? Нѣтъ ли указаній, что небо считается Творцомъ? (Надо помнить, что требуются языческія вѣрованія).

§ 56. Нѣтъ ли указаній на то, что небо и земля вначалѣ были соединены вмѣстѣ? Кѣмъ и какъ произведено разъединеніе? Не произошелъ ли въ это время огонь, какой и какъ?

§ 57. Не означаетъ ли слово «таңара» нѣчто, въ чемъ заключается Творецъ міра? Употребляется ли въ такомъ же смыслѣ слово «халлѣн»? Указать всѣ значенія слова «таңара» («таңара сарыта»), иллюстрируя примѣрами. Не имѣетъ ли оно значенія вмѣстѣлища, покрова, изображенія, покровителя? Не изображается ли небо на какихъ-либо предметахъ, на какихъ, какъ, кѣмъ, съ какою цѣлью и изъ чего? существуютъ ли изображенія, въ названіяхъ которыхъ встрѣчается слово «таңара»? Какія,

что означаютъ и какъ называются? Нѣтъ ли поговорокъ, прѣреченій и т. п., въ которыхъ было бы слово «таңара»? Нѣтъ ли небожителей, къ которымъ прилагалось бы слово «таңара»? Какъ называются, каково ихъ значеніе и отношеніе къ человѣку? Кто такіе «кѣс таңара» и «кѣс таңара»?

§ 58. Оказываетъ ли небо вліяніе на жизнь на землѣ и какимъ образомъ? Не зависитъ ли отъ него плодородіе? Обращаются ли къ небу съ чѣмъ-нибудь, въ какихъ случаяхъ, какимъ образомъ и въ какихъ выраженіяхъ? Не приносятъ ли ему жертву, когда, какую и кто?

§ 59. Зависятъ ли атмосферическія явленія отъ неба или отъ другой силы и отъ какой? Зависятъ ли атмосферическія явленія отъ одной силы или отъ нѣсколькихъ, отъ какихъ и что именно? Почему происходятъ тѣ или другія атмосферическія явленія? Имѣется ли при этомъ въ виду благосостояніе человѣка или нѣтъ?

§ 60. Что такое радуга и какъ называется? Нѣтъ ли сказаній о томъ, что это—моча лисицы или другого животнаго и какого? Что такое сѣверное сіяніе и какъ называется? Имѣютъ ли эти явленія какое-либо отношеніе къ человѣку и какое? Считаются ли они сами по себѣ живыми, или въ нихъ живутъ духи, или они производятся духами и какими?

§ 61. Что такое туча, молнія, дождь, снѣгъ, градъ, иней, вѣтеръ и т. д., что такое землетрясеніе? Ихъ названія и кѣмъ производятся? Нѣтъ ли камня, которымъ можно вызывать или прекращать вѣтеръ, градъ и т. д.? Какимъ способомъ вызывается къ дѣятельности его способность? Гдѣ этотъ камень находится, какъ сохраняется и какіе обряды надъ нимъ совершаются?

§ 62. Что такое громъ? Имѣетъ ли онъ одно названіе или нѣсколько, какія и что означаютъ? Кто или что его производитъ и съ какою цѣлью? Не преслѣдуетъ ли онъ кого-либо и кого? Находится ли онъ съ другими атмосферическими явленіями въ связи и въ какой? Почему зимою нѣтъ грома? Не находятъ ли громовыхъ стрѣлъ, какъ, когда и гдѣ? Нѣтъ ли для этого особыхъ обрядовъ и особаго времени? Не приписывается ли громовымъ стрѣламъ сверхъестественная сила и какая?

§ 63. Есть ли громъ само живое существо, или только обнаруженіе какого-либо существа? Какъ названіе послѣдняго и что означаетъ? Имѣютъ ли громъ или это существо связь съ небомъ и какую? Составляетъ ли громъ единое существо, или ихъ нѣсколько? Есть ли между ними разница какъ по существу, такъ и по отношенію къ человѣку? Какъ ихъ имена и что означаютъ? Нѣтъ ли грома или его олицетвореній, относимыхъ къ «аїѣ», относимыхъ къ «абѣсы»? Чѣмъ различаются?

§ 64. Какъ объясняютъ, если громъ поразитъ человѣка, животное или какой-либо предметъ? что при этомъ дѣлаютъ? Какъ долженъ вести себя человѣкъ, застигнутый громомъ въ дорогѣ, дома? Практикуется ли «арчылыр» и что это значитъ? Не принимаютъ ли какихъ-либо мѣръ къ оживленію и какова далѣйшая судьба убитаго

громом? Какими свойствами обладают мясо и шерсть убитой громом скотины? Не имѣютъ ли цѣлебныхъ свойствъ? Въ какихъ случаяхъ и какъ употребляются? Какими свойствами обладает разбитое громомъ дерево? Не имѣетъ ли свойства изгонять «абасы» и излѣчивать? Въ какихъ случаяхъ и какъ это производится? Не производятъ ли при его помощи очистительныхъ дѣйствій надъ людьми, особенно надъ женщинами послѣ родовъ и въ иныхъ случаяхъ (менструаціи)? Надъ животными и во время рыбной ловли? Совершаютъ ли какіе-либо обряды и какіе для отвращенія грома? Считается ли ударъ грома наказаніемъ и въ какихъ случаяхъ? Кто его посылаетъ? Въ какихъ случаяхъ онъ считается благоволеніемъ и кѣмъ посылается? Не совершаются ли обряды на томъ мѣстѣ, гдѣ ударилъ громъ (молнія), кѣмъ, какіе и какъ называются? Не совершается ли какихъ-либо обрядовъ послѣ перваго весенняго грома (какъ у киргизовъ и минусинскихъ татаръ)? Нѣтъ ли повѣрія, что громъ не можетъ поразить какой-либо родъ и его скотъ? Какъ этотъ родъ называется? Не существуетъ ли преданія, что нѣкогда такъ было съ «ураңхай»? (у бурятъ существуетъ такое преданіе относительно поколѣнія уринхай).

§ 65. Не можетъ ли шаманъ превращаться въ громъ и съ какою цѣлью? Нѣтъ ли камня, которымъ можно вызывать или прекращать громъ? Что это за камень, какъ называется и гдѣ его находятъ? Не производятъ ли надъ нимъ какихъ-либо обрядовъ? Описать ихъ. Какъ и гдѣ хранится такой камень?

§ 66. Тѣ же вопросы §§ 62, 63, 64 и 65 и относительно молніи съ присовокупленіемъ слѣдующихъ: имѣетъ ли молнія отношеніе къ грому, солнцу, Творцу міра и къ какому-либо изъ «абасы», къ огню каминна и ко всякому другому огню, къ искрамъ при высканіи огня (при высканіи надъ шаманомъ)? Въ чемъ состоятъ эти отношенія? Нѣтъ ли обряда отправления молніи обратно на небо?

§ 67. Названіе грозы? Одно или нѣсколько и какія? Кто именно ее производитъ, по какой причинѣ и съ какою цѣлью? Имѣетъ ли отношеніе къ «айы» и «абасы»? (У бурятъ два олицетворенія грозы: одно относится къ западнымъ (добрымъ) тенгри, а другое—къ восточнымъ (злымъ), потому что одна гроза оживляетъ природу и благопріятствуетъ человѣку, а другая враждебна ему, ибо приноситъ бѣдствія).

§ 68. Солнце. Какъ называется солнце? Одно или нѣсколько названій у солнца и какія? Тѣ же названія не имѣютъ ли еще какихъ-либо значеній и какія? Записать всѣ эпитеты и выраженія, относящіеся къ солнцу (обращеніе передъ смертью, при трудныхъ родахъ и т. п.). Что такое солнце? Считается ли оно само живымъ, или на немъ живетъ кто-либо, какъ онъ называется и каково его отношеніе къ міру и человѣку? Каково его положеніе и отношеніе къ небу, землѣ, луи и т. д.? Нѣтъ ли родственныхъ или іерархическихъ отношеній? Почитаются ли оно приносящимъ добро или зло человѣку, или оно ничего ему не приноситъ? Нѣтъ ли указаній, что солнце считалось нѣкогда Творцомъ міра? Нѣтъ ли указаній въ сказкахъ, пого-

воркахъ и въ какихъ-либо выраженіяхъ, что нѣкогда поклонились солнцу? Нѣтъ ли указаній на связь «Уруң-айы-тоюн-а» съ солнцемъ? Приносятъ ли солнцу жертвы, когда и какія? Обращаются ли къ нему на «ысыах-ахъ»? Имѣютъ ли особое значеніе, какое и при какихъ обстоятельствахъ, движеніе людей по солнцу и противъ солнца, а также закручиванія дерева въ ту или другую сторону?

§ 69. Существуетъ ли какое-либо отношеніе между солнцемъ и атмосферическими явленіями (дождь, громъ, молнія, бѣда, вѣтеръ и т. д.)? Существуетъ ли связь между солнцемъ и огнемъ и какава? Нѣтъ ли земного огня, происшедшаго отъ солнца или посланнаго имъ на землю, и какъ называется?

§ 70. Какого рода солнце: мужского или женскаго? Называютъ ли его господиномъ, отцомъ? Имѣетъ ли жену и кто она? Имѣетъ ли дѣтей и кто они?

§ 71. Нѣтъ ли указаній въ языкѣ, сказкахъ, преданіяхъ на то, что восходъ солнца и восточная сторона играли какую-либо роль и какую въ жизни и возрѣніяхъ? Не находится ли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ благополучіе человѣка въ связи съ восходомъ или съ восходомъ солнца? Нѣтъ ли противоположныхъ отношеній съ западомъ и съ закатомъ солнца? Различается ли востокъ и западъ зимній, весенній и лѣтній и чѣмъ? Тщательно отмѣчать всякія упоминанія объ обращеніи на востокъ людей, животныхъ, построекъ и т. д. Какія представленія и сказанія связаны съ югомъ и съ сѣверомъ? Имѣютъ ли связь названія страгъ свѣта со словами: верхъ, низъ, правый, лѣвый? Имѣютъ ли связь съ верхнимъ, нижнимъ, среднимъ мірами и какою? Есть ли соотношеніе между сѣверомъ, низомъ и человѣческими несчастіями, югомъ, верхомъ и человѣческимъ благополучіемъ?

§ 72. Луна. Относительно луны—тѣ же вопросы, что и относительно солнца, съ присовокупленіемъ слѣдующихъ. Почитаются ли она? Считается ли измѣрителемъ времени? Сколько въ году мѣсяцевъ, какъ называются и какъ опредѣляются, т.-е. какъ узнаютъ, что данный мѣсяцъ будетъ, напр., февраль, а не мартъ? Не встрѣчается ли противорѣчій въ опредѣленіи текущаго мѣсяца? Чѣмъ объясняютъ, что мѣсяцы не совпадаютъ съ тѣмъ временемъ, которое обозначаютъ ихъ названія? Всегда ли одинаковое число полныхъ мѣсяцевъ въ году? Сколько въ мѣсяцѣ дней? Какъ объясняются фазы луны? Имѣютъ ли значеніе и вліяніе на людей? Не считаются ли нѣкоторыя изъ нихъ болѣе благопріятными для различныхъ предпріятій: дальней дороги, женитьбы, охоты и т. д.? Не странствуютъ ли «абасы» и «уір» болѣе свободно и въ большемъ числѣ и не приносятъ ли болѣе вреда въ нѣкоторыя фазы и въ какія? Что значитъ затменіе и какъ называется? Принимаютъ ли какія-либо мѣры и какія для его устраненія? Что значатъ пятна на лунѣ и какъ называются? Какія вообще существуютъ повѣрья о лунѣ?

§ 73. Относительно земли—тѣ же вопросы, что и относительно солнца, съ прибавленіемъ слѣдующихъ. Какой видъ имѣетъ земля? Гдѣ и чѣмъ она кончается?

Какъ и на чемъ держится? Кто и какъ ее сотворилъ? Кто и зачѣмъ создалъ на землѣ горы, пропасти и другія вредныя человѣку мѣста? Не принималъ ли въ этомъ участія какой-либо «абасы», какой и какое участіе? Что даруетъ земля (у монголовъ форму вещей)? Почему женщины должны рожать на землѣ? Почему покойникъ лежитъ до выноса на землѣ?

§ 74. Планеты, созвѣздія и звѣзды. Какія планеты, созвѣздія и звѣзды извѣстны? Какъ называются и какія о нихъ существуютъ сказанія? Признаются ли имѣющими вліяніе на благосостояніе людей? Почитаютъ ли ихъ и въ чемъ это выражается? Что такое созвѣздіе «Ўргал» и какое вліяніе на погоду оказываетъ прохождение мѣсяца черезъ него? Въ какіе мѣсяцы и числа бываетъ это прохождение и когда оно считается счастливымъ или несчастливымъ? Какое отношеніе существуетъ между «Ўргал» и «Чолдон»? Какое вліяніе имѣютъ ихъ отношенія на погоду? Не вѣшваются ли въ эти отношенія шаманы, когда на землѣ становится слишкомъ холодно? Въ чемъ состоитъ это вѣшательство?

§ 75. Огонь. Имѣетъ ли огонь одно названіе или нѣсколько и какія? Что означаютъ? Существуетъ ли, какъ у персовъ, кромѣ видимаго огня, еще и невидимый? Гдѣ пребываетъ и какъ называется? Каково его происхожденіе? Считается ли огонь мужниной или женщиной? Называютъ ли его господиномъ или госпожею (монголы и минусинскіе татары говорятъ — «царица огня»)? Прилагаются ли къ нему какіе-либо эпитеты, какіе и что означаютъ? Кто создалъ огонь? Есть ли огонь, посланный какимъ-либо «айы» и посланный какимъ-либо «абасы»? Какъ называются и при какихъ обстоятельствахъ посланъ тотъ и другой? Далъ ли огонь Творецъ міра, и чѣмъ этотъ огонь отличается отъ другихъ? Далъ ли огонь «Улѣ-тоюн» и каковы его отличительныя свойства? Съ какою цѣлью далъ тотъ и другой?

§ 76. Сколько отдѣльных олицетвореній огня, какъ ихъ имена и что означаютъ? Есть ли между ними родство и какое? Въ чемъ состоятъ ихъ особенности, гдѣ пребываютъ и каково ихъ происхожденіе? Къ какому разряду относится каждое изъ олицетвореній огня: къ «айы», «абасы», «ичіи»? Считаются ли они приносящими добро или зло людямъ? Или нѣкоторые относятся къ одному разряду, а другія къ другому? Какъ называются тѣ и другія? Каковы ихъ взаимныя отношенія?

§ 77. Кто или что является путнику въ видѣ движущагося огня, какъ называется и что означаетъ?

§ 78. Нѣтъ ли сказаній о томъ, что огонь произошелъ во время разрыва земли и неба? Имѣетъ ли какую-либо связь земной огонь съ небеснымъ?

§ 79. Въ какихъ случаяхъ огонь и зола очага употребляются какъ лечебное средство и какъ очистительное? Какова его роль въ мистеріяхъ, празднествахъ, жертвоприношеніяхъ, рожденіи и смерти и въ другихъ случаяхъ? Произносятся ли при этомъ молитвы и заклинанія и какія? Кто ихъ произноситъ? Присутствуетъ ли

шаманъ, какой (бѣлый или черный) и что дѣлаетъ? Слѣдуетъ записать и перевести всѣ молитвы, заклинанія и обращенія.

§ 80. Одно ли и то же хозяинъ огня и хозяинъ домашнего очага («ай уот»), и если нѣтъ, то какая между ними разница и какъ называются? Что такое «осох» и «холумтан» и какая между ними разница? Считается ли живымъ и почитается ли вещественный огонь очага, или живущее въ немъ существо, или управляющее имъ существо, но живущее не въ пламени, а въ иномъ мѣстѣ и гдѣ? Какая роль хозяина домашнего очага? Въ чемъ выражается его покровительство? Какую роль онъ играетъ при приѣмѣ въ семью новаго члена (пріемныхъ сыновей и дочерей, зятя, невестки и т. д.)? Существуютъ ли какія-либо правила поведения членовъ семьи по отношенію къ огню камина и къ хозяину очага? Что слѣдуетъ за нарушеніемъ ихъ? Чего не дозволяется по отношенію къ огню и почему? Ко всякому огню, или только къ огню камина? Почему въ послѣдній нельзя втыкать колющія и рѣжущія орудія? То же ли и по отношенію ко всякому другому предмету? Кто и въ какихъ случаяхъ не можетъ касаться огня? Продолжительность срока, необходимаго для очищенія? Могутъ ли родильница и бабка показываться огню, и если не могутъ, то въ теченіе какого срока? Кто и въ какихъ случаяхъ не можетъ проходить передъ каминомъ? Гдѣ спитъ хозяинъ и гдѣ хозяйка по отношенію къ камину и почему? Посылаетъ ли какія-либо болѣзни и наказанія каждое изъ олицетвореній огня, хозяинъ огня и хозяинъ домашнего очага? Какія и за что? Обращаются ли къ нимъ съ просьбами объ излѣченіи болѣзней, какихъ и кто обращается? Въ какихъ случаяхъ и съ какою цѣлью обращаются къ нимъ черные и бѣлые шаманы? Какія жертвы, кѣмъ, какъ и въ какихъ случаяхъ приносятся имъ и, черезъ ихъ посредство, другимъ духамъ?

§ 81. Становится ли и для какой надобности женихъ или кто нибудь съ жениховой стороны на крышѣ своей юрты подлѣ трубы во время входа въ юрту невесты? Кто и для чего становится въ это время между дверью и очагомъ? Не для того ли, чтобы воспрепятствовать *хозяину* домашнего очага покинуть юрту отъ явленія невесты?

§ 82. Если юрта остается нежилою или если почему-либо нѣтъ на очагѣ ни огня, ни углей, то имѣется ли тутъ хозяинъ огня и гдѣ находится? Какъ разводится огонь при переѣздѣ въ нежилую юрту и во вновь построенную? Высѣкается ли огонь и кѣмъ, приносятся ли горящія лучины, головни, уголья и кѣмъ? Вѣсьмъ ли и всегда ли дается въ такихъ случаяхъ огонь, или существуютъ какія-либо правила и какія? Нѣтъ ли при этомъ какихъ-либо обрядовъ и жертвоприношеній? Кто, кому и какія жертвы приноситъ¹⁾? Сопутствуетъ ли семьѣ хозяинъ огня и очага при пере-

1) Слѣдуетъ занести всѣ обряды по случаю переѣзда изъ одной юрты въ другую: изъ зимника въ лѣтний и наоборотъ, изъ своей юрты въ «джуканъ» (жилицы) и наоборотъ, но-воженовъ въ отдѣльную юрту, въ новую юрту. Обряды по отношенію къ «айы ічіи», «хотон ічіи» и т. д.

кочевках и переездах, при переселениях в другие наследи, улусы? Или остается в покинутой юрте? Что с ним делается, если юрта окончательно покинута? Если для разведения нового огня приносится огонь от соседей, то не приносится ли что-либо и от хозяина огня, или не становится ли один и тот же хозяин огня общицею хозяином в обоих юртах? Вообще, как и откуда появляется хозяин огня после принесения огня из другой юрты? Если из старой семьи выделяется часть ее для самостоятельной жизни и переселяется во вновь построенную юрту, то откуда в ней берется хозяин огня? Кто его посылает? Создается ли он вновь и как вследствие появления новой потребности, или переселяется из какой-либо упраздненной юрты и как это делается? Может ли хозяин огня заброшенной юрты, или хозяева которой вымерли, уйти из нее раньше, чем развалится очаг? Если разрушают юрту для перевозки или для иной цели, то разрушают ли очаг, или предоставляют его разрушительному действию времени? Не замечается ли на юртовниках, на которых сохранились следы очага, какое-либо особое к нему отношение и какое? Существует ли поверье, что хозяин очага, которому не приносят жертв, сильно тощает, — не может ли он умереть голодной смертью? Почему хозяин огня представляется в виде старика? Представляется ли он когда-либо и когда в виде молодого? Каков у него наружный вид? Есть ли у него жена и дети и где пребывают? Или он безсемейный и почему? Не считается ли членом семьи и каким? Не считается ли он прародителем семьи, очаг которой охраняет? Если так, то по женской или мужской линии семья ведет от него начало? Почему он представляется в виде мужчины, а не в виде женщины? Может ли хозяин огня, вследствие голода или по другим причинам, покинуть жилую юрту и уйти? Что тогда произойдет с очагом и семьей?

§ 83. В некоторых юртах встречается в югозападном углу на полу земляное, а иногда и деревянное четырехугольное возвышение, на котором стоит стол; что означает теперь это возвышение и что означало раньше? Теперь в этом углу стоят иконы, и столб этого угла считается священным, — почему? Не было ли раньше сказанное возвышение временным очагом, на котором разводился огонь или клался уголь, а затем приносилась жертва? Существовали ли раньше кадилницы, каково было их употребление и как называются? Кем и кому приносилась жертва? Главой семейства, хозяйкой дома или шаманом и каким? В каких случаях и какая жертва? В настоящее время, перед отходом ко сну, глава семейства зажигает свечу перед образами, становится в недалеком расстоянии от них и молится, — остальные члены семьи стоят позади его и молятся до тех пор, пока не кончит глава семейства. Не есть ли это древний обычай?

§ 84. Мирь неорганический. Одухотворяются ли и почитаются ли камни? Все ли только некоторые? Как называются, где находятся, как и при каких

случаях употребляются? Есть ли особенно почитаемых камней и утесов и почему они почитаются? Не находятся ли они на опасных местах, или сами не представляют ли опасности? Почитают ли камень, который находят в желудке некоторых убитых животных? Как называется? Употребляют ли его с какими-либо целями и с какими? Иметь ли лечебное свойство и какое? Употребляют ли для целей колдовства, кто и в каких случаях? Можно ли при его помощи произвести и устранить ненастье и как это делается? Сами ли почитаемые камни и утесы представляются живыми существами, или в них обитают живые существа?

§ 85. Одухотворяются ли и почитаются ли горы и как называются? Не сохранились ли в сказаниях названия таких гор, которых на теперешней родине якутов нет? Если сохранились, то записать. Есть ли особо почитаемых хребтов (как у минусинских татар), водоразделов? Есть ли особые места, в которых обитают духи-покровители данной местности? Как называются? Описать их, особенно обращая внимание на трудности передвижения в этих местах. Относятся ли к ним же дорожные духи, как называются и где пребывают? Как узнается, что в данном месте живет дух или хозяин места? При новом открытии места, где поселился дух, проходить ли по этому случаю какие-либо обряды, какие и кем исполняются? Отмечается ли, кем и как это место? Имются ли священные места общины, которым поклоняются все, родовые, семейные? Общее название всех *подобных мест* и что означает? Не означает ли «пройденная опасность»? Почему ищущие путники оставляют на этих местах свои посохи? Почему то же делают идущие на быках или конях с прутьями, служившими им для погоняния («кымий»), по О. Н. Бётлингу «кымий» — *кнути*? Могут ли посохи и прутья быть из какого угодно дерева? Оставя их, вызывают ли для себя тут же, или вырывают отбывавши некоторое расстояние? Можно ли оставить тут же вырванный посох или прутья, и если нет, то почему? Записать сказания относительно предметов, о которых идет речь в этом §.

§ 86. Одухотворяются ли моря, озера, реки, или в них только живут духи? Имются ли собственные имена или только родовые (напр. «*күөл ичигэ*»)? Записать собственные имена. Есть ли общего духа водь («*у ичигэ*»)? Каково происхождение этих духов? Приносят ли им жертвы, кто, что и в каких случаях? Участвуют ли при этом шаманы и какие (белые или черные)? В чем состоит их участие? Приносят ли духам в жертву рыбу, и если нет, то почему? Есть ли положительного правила, что рыба им приносится в жертву не может? Кто такой «*сүлүкүн*» (сибирский шилкунг)?

§ 87. Органический мир. Одухотворяются ли и почитаются ли растения? Все ли растительное царство в совокупности, отдельные ли породы, или отдельные

индивиды? Какіе и чѣмъ отличаются? Есть ли особо почитаемыя растенія, какія и почему почитаются? Не относится ли къ нимъ верескъ («кытыан»), какъ называется и въ чемъ выражается почитаніе? Почитается ли береза и почему? При какихъ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ употребляется береза? Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., въ Дюнсюнскомъ улусѣ, Якут. окр.) передъ юртами ставятся березовые шесты, — какъ называются и съ какою цѣлью ставятся? Почему только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ связано ли это съ какими-либо спеціальными причинами, или въ другихъ мѣстахъ обычай утраченъ? Имѣютъ ли эти шесты отношеніе къ «Уруң-ајы-тојон-у» и какое? Употребляется ли береза во время похоронъ, свадебъ, родовъ? Какъ и что это значитъ? Играетъ ли какую-либо роль и какую береза или березовая роща во время посвященія шамана (бѣлаго и чернаго)? Не сажаютъ ли въ это время березу у него въ юртѣ, кто сажаетъ, въ какомъ мѣстѣ, выходитъ ли верхушка на дворъ и гдѣ? Совершаются ли при этомъ какіе-либо обряды и жертвоприношенія?

§ 88. Обращаются ли съ просьбами къ особо почитаемымъ растеніямъ? Приносятъ ли имъ жертвы, какія и въ какихъ случаяхъ? Существуютъ ли или существовали ли священные рощи, куда удалялся приготовляющийся въ шаманы и въ которыхъ онъ получалъ свой даръ? Совершались ли въ нихъ мистеріи и какія? Хоронили ли въ нихъ шамановъ?

§ 89. Существуютъ ли духи лѣсовъ, какіе и въ чемъ состоятъ ихъ функціи? Завѣдуютъ ли они охотой, рыбной ловлей и еще чѣмъ-либо? Въ чемъ выражается ихъ власть? Сколько такихъ духовъ и какъ называются? Есть ли между ними главный, которому подчинены остальные? Въ чемъ выражается ихъ подчиненіе? Существуютъ ли духи, завѣдующіе отдѣльными моментами охоты и рыболовства, отдѣльными орудіями и ихъ частями? Приносятъ ли этимъ лѣснымъ духамъ жертвы, кто, когда и какія? Существуютъ ли какіе-либо обряды и жертвоприношенія передъ началомъ промысла и по окончаніи его? Гдѣ живутъ лѣсные духи? Имѣтъ ли каждое мѣсто своихъ главныхъ и второстепенныхъ духовъ, или же для всей области или для опредѣленнаго района и какого существуютъ одинъ? Въ такомъ случаѣ почитаются ли они вездѣшними, а если нѣтъ, то какимъ образомъ вліяютъ на ходъ промысла?

§ 90. Нѣтъ ли разсказовъ о томъ, что «тыя іччилірә» были людьми? Нѣтъ ли деревьевъ, которыхъ избѣгаютъ (ель, осина) и почему? Почему осину не употребляютъ на дрова? Не связано ли съ этимъ какихъ-либо и какихъ сказаній? Почему не берутъ валежникъ на дрова? Не можетъ ли валежникомъ попасть въ юрту «абасы»? Имѣютъ ли слѣдующія растенія отношеніе и какое къ «абасы»: абасы тајаба, абасы сітімъ, абасы отоно? Что это за растенія? Не боятся ли нѣкоторые «абасы» нѣкоторыхъ растений (напр., шиповника) и почему? Какое отношеніе имѣтъ

боярышникъ къ «абасы» и какъ называется? Не употребляются ли эти растенія и какъ для защиты кого-либо отъ «абасы»?

§ 91. Животный міръ. Существуетъ ли почитаніе животныхъ вообще или отдѣльныхъ классовъ, видовъ, индивидовъ? Какія это животныя, ихъ названія, причины почитанія, связь ихъ съ другими духами? Все ли почитаемыя животныя почитаются въ одинаковой мѣрѣ, или есть наиболѣе почитаемыя и какія? Почему однихъ изъ почитаемыхъ животныхъ можно убивать (медвѣдя), а другихъ (орла и вообще «тычырахтѣхъ») нельзя? Относятся ли почитаемыя животныя къ ајы, абасы и іччи и какія животныя къ какому разряду относятся? Или они образуютъ какой-либо особый и какой родъ духовъ? Являются ли они сами духами, или только заключаютъ ихъ въ себѣ, или служатъ ихъ представителями и посредниками между чело-вѣкомъ и духами? Какъ эти духи называются и каково ихъ отношеніе къ людямъ? Каждый ли человекъ имѣтъ или можетъ имѣтъ покровителя въ томъ или иномъ животномъ, или только шаманы имѣютъ ихъ? Кто и какимъ образомъ даетъ покровителя? Въ чемъ выражается покровительство? Могутъ ли покровительствуемые убивать представителя того же рода, къ которому принадлежитъ покровительствующее животное? Въ какихъ случаяхъ, и совершаются ли при этомъ какіе-либо обряды очистительные или умилостивительные? Кто и при какихъ обстоятельствахъ снимаетъ шкуру съ животныхъ, убитыхъ на охотѣ? Гдѣ снимается: на мѣстѣ охоты или на дому? Какъ доставляется убитое животное домой: вносится ли оно въ юрту черезъ дверь или инымъ способомъ и какимъ? Когда вносится: днемъ, вечеромъ, ночью? Что при этомъ дѣлаютъ охотникъ, убиравшій звѣря, домочадцы, сосѣди? Произносятъ ли рѣчи и какія? Приносятъ ли жертвы, кому и какія? Одинаково ли относятся къ крупнымъ и мелкимъ убитымъ звѣрямъ? Не потѣшаются ли и какъ надъ убитой лисицей? Сохраняются ли шкурки почитаемыхъ животныхъ и какихъ животныхъ? употребляются ли онѣ во время какихъ-либо обрядовъ (при какихъ-нибудь особенныхъ случаяхъ жизни, родахъ)? какія шкурки и во время какихъ обрядовъ? Не полагается ли возмездіе и какое за то, что кто-нибудь убьетъ или съѣстъ умысленно или печально животное, которое нельзя убивать или ѣсть? Наказывается ли только непосредственный виновникъ или и его семья и родъ? Распространяется ли наказаніе и на свидѣтелей?

§ 92. Нѣтъ ли между животными предка людей? Какое это животное? Нѣтъ ли животныхъ, которыя считались бы родоначальниками племенъ, родовъ, семей, и какія? Нѣтъ ли наследовъ, родовъ, носящихъ имя животныхъ, и какіе? Нѣтъ ли животныхъ, которыя назывались бы дѣтьми неба, или какихъ-либо небожителей? Какъ и почему они очутились на землѣ? Имѣются ли животныя въ роли «іччи» бѣлаго рода? Какія сказанія существуютъ о волкѣ, медвѣдѣ, лисицѣ и другихъ животныхъ? Не были ли медвѣдь чело-вѣкомъ?

§ 93. Какъ называется орелъ? Одно названіе или нѣсколько и какія? Каково происхожденіе орла? Есть ли онъ царь птицъ, или ихъ духъ-покровитель, или въ видѣ орла можетъ явиться и является какой-либо духъ? Какой и съ какою цѣлью? Или орелъ служить посыльнымъ этого духа? Каково отношеніе орла или духа, котораго онъ изображаетъ, къ людямъ? Почему его боятся? Появленіе орла значитъ ли что-либо и что? Не былъ ли орелъ первымъ шаманомъ и какимъ (бѣлымъ или чернымъ)? Имѣетъ ли онъ какое-либо отношеніе къ кузнецамъ и къ какимъ (бѣлымъ или чернымъ)? Не находится ли орелъ въ родствѣ съ какимъ-либо духомъ, въ какомъ и съ какимъ? Нѣтъ ли обычая кормить орла при его посѣщеніяхъ? Почему и какъ это совершается? Нѣтъ ли обычая погребать найденнаго мертваго орла? Какъ это дѣлается? Записать все сказанія объ орлѣ и заклинанія.

§ 94. Нѣтъ ли сказаній о прирученіи домашнихъ животныхъ? если есть, то записать. Каково происхожденіе домашнихъ животныхъ, не исключая собакъ и кошекъ? Кто далъ ихъ человѣку? Находятся ли различные роды домашнихъ животныхъ подъ покровительствомъ духовъ и какихъ? Въ чемъ выражается это покровительство? Нѣтъ ли особыхъ празднествъ, обрядовъ и жертвоприношеній, относящихся къ домашнимъ животнымъ? Въ какихъ случаяхъ домашнее животное и какое можетъ стать неприкосновеннымъ и предметомъ почитанія? Не имѣютъ ли нѣкоторыя части животныхъ — домашнихъ и дикихъ — цѣлебной или вообще особенной силы? Какихъ животныхъ и какія части? Всѣхъ ли животныхъ — домашнихъ и дикихъ — можно употреблять въ пищу, какихъ нельзя и почему?

§ 95. Во время празднествъ и увеселеній какихъ животныхъ и какъ изображаетъ шаманъ? Призывается ли при этомъ душа животного? Вселяется ли оно въ шамана или является только видимымъ ему? Не есть ли это душа какого-либо убитаго животного, или это — «іччи», въ вѣдѣніи котораго находится данное животное? Или это — какой-либо духъ, принимающій видъ вызываемаго животного, и какой?

§ 96. Есть ли почитаемыя рыбы или духи рыбъ? Какъ называются и гдѣ живутъ? Приносятъ ли въ данномъ случаѣ въ жертву рыбъ и приносятъ ли ихъ вообще въ жертву? Нѣтъ ли сказанія о рыбѣ, живущей на днѣ молочнаго моря и покровительствующей кузнецамъ и шаманамъ и какимъ (чернымъ или бѣлымъ)? Имѣютъ ли рыбы «кутъ» и «сѣр» или только одну изъ нихъ, какую и почему? Не встрѣчается ли гдѣ-либо изображеній рыбъ, гдѣ и что означаютъ: духа ли въ видѣ рыбы и какого, или самой рыбы и какой?

§ 97. Одухотворяются ли гады, насѣкомыя и т. д.? Какіе и почему? Считается ли кобылка сама «абасы» и почему, или ее посылаетъ «абасы» и какой? Есть ли между этими животными еще «абасы» и какіе? Имѣются ли сказанія о почитаніи

змѣй? Записать. Не предвѣщаетъ ли встрѣча съ нѣкоторыми гадами несчастье? Какъ слѣдуетъ поступать въ такихъ случаяхъ?

§ 98. Изображенія и идолы. Существуютъ ли священныя изображенія, какія и какъ ихъ общее («таңара»?) и частныя названія? На чемъ бываютъ изображенія: на деревѣ (какомъ), корѣ, металлѣ, кости и т. д.? Какъ общее названіе металлическихъ изображеній на шаманскомъ костюмѣ? Нѣтъ ли подобныхъ же изображеній у кузнецовъ и какъ ихъ общее названіе? Поврежденіе изображенія какого-либо человѣка или животного не причиняетъ ли вредъ оригиналу? Если да, то при какихъ условіяхъ? Не гадаютъ ли, не колдуютъ ли при помощи изображеній, какихъ и какъ? Обращаются ли къ нимъ съ просьбами и приносятся ли имъ жертвы?

§ 99. Были ли идолы и какіе? Имѣются ли фигуры, вырѣзанныя въ память покойниковъ изъ дерева (какого?), кости, металла и т. д.? Кѣмъ вырѣзываются и нѣтъ ли при этомъ какихъ-либо обрядовъ и жертвоприношеній? Дѣлается ли для этихъ фигуръ одежда и изъ чего? Кого представляетъ фигура: самого покойника (какъ, напр., статуя), его душу и какую, или духа, покровительствующаго покойнику въ загробномъ мірѣ? Приносятъ ли имъ жертвы и какія? Дѣлаются ли и изъ чего изображенія въ память или въ честь умершихъ дѣтей? Въ память каждаго ли ребенка или только въ память особенно любимаго? Въ память мальчиковъ и дѣвочекъ безразлично, или только въ память послѣднихъ? Какое значеніе имѣютъ эти изображенія, гдѣ сохраняются, обращаются ли къ нимъ съ просьбами, молитвами? Приносятся ли имъ жертвы, какія и въ какихъ случаяхъ, или имъ постоянно предлагаютъ пищу, какимъ способомъ и какую? Предлагаютъ ли имъ табакъ и водку? Являются ли эти изображенія покровителями семьи? Могутъ ли быть дѣти-покойники покровителями и въ чемъ состоитъ ихъ покровительство? Вызываютъ ли страхъ или чувство любви и привязанности? Какіе идолы и изображенія дѣлаются изъ сухоподстойнаго дерева, гнилаго и живого (на корню), кѣмъ и для какихъ цѣлей и какъ называются?

§ 100. Молитвы, обращенія и заклинанія. Записать молитвы, обращенія и заклинанія, съ которыми обращаются по различнымъ случаямъ (означая—по какому случаю) къ различнымъ «айы», «абасы», «іччи» и къ какимъ именно шаманы (черные и бѣлые), главы семей, мужчины, женщины, дѣти.

§ 101. Жертвы. Какъ называются жертвоприношенія вообще? Существуетъ ли дѣленіе жертвъ на кровавыя и безкровныя? Приносятся ли онѣ безразлично или нѣтъ? Все ли жертвы приносятся черезъ огонь? если не все, то зависитъ ли это отъ свойства жертвы и какого или отъ того, кому приносятся жертва? Нѣтъ ли особаго названія для кровавыхъ и безкровныхъ жертвъ?

§ 102. Какія жертвы приносятся «айы», «абасы», «іччи» и другимъ духамъ?

Приносятся ли жертвы покойникам вообще? Какія, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ? Приносятся ли жертвы какимъ-либо особеннымъ покойникамъ и какимъ («ўр-ямъ»)? Не требуютъ ли нѣкоторые «абасы» и какіе именно обязательно человеческихъ жертвъ? Какъ онѣ приносятся въ настоящее время? Перечислить предметы, приносимые въ жертву, и указать, какое значеніе они имѣютъ для тѣхъ, кому приносятся. Приносятъ ли въ жертву предметы привозные: табакъ, водку, хлѣбъ, сахаръ, чай, деньги и т. д.? Какія животныя приносятся въ жертву и какія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приносимы и почему? Относится ли къ послѣднимъ рыба и почему? Какой скотъ (кошій и рогатый), какихъ мастей, какимъ духамъ и въ какихъ случаяхъ приносятся? Не приносятся ли въ жертву дикія животныя и птицы, или ихъ шкуры, кому и въ какихъ случаяхъ? Бываютъ ли такіе случаи, когда общается принести въ жертву животное въ будущемъ, а въ обезпеченіе дается въ закладъ какое-либо животное? Какъ это происходитъ? Допускаются ли оторочки? Какіхъ животныхъ посвящаютъ духамъ, какимъ и почему? Какъ это совершается, кѣмъ и въ какихъ случаяхъ? Какое значеніе имѣютъ для духовъ посвященные животныя? Совершаются ли посвященія безразлично черными и бѣлыми шаманами? Совершаютъ ли ихъ главы семействъ, родовъ или другія лица и какія? Не было ли обычая угощать посвященныхъ «Ўрўң-ајы-тојон-у» кобылъ (съ жеребцами) далеко на востокъ? Число погонщиковъ при этомъ, цвѣтъ ихъ одежды, масть лошадей, ихъ бичи? Записать заклинанія. Принимаютъ ли участіе въ жертвоприношеніяхъ женщины, въ какихъ и какое? Могутъ ли онѣ самостоятельно приносить жертвы, какія и въ какихъ случаяхъ? Когда имъ воспрещается приносить жертву или участвовать въ жертвоприношеніяхъ?

§ 103. Приносятся ли жертвы, кѣмъ, кому и какія при родахъ, свадьбахъ, на сѣнокосахъ, пашняхъ, при рыбной ловлѣ, передъ охотой и послѣ охоты, при посвященіи шамана и кузнеца? Употребляются ли при этомъ молитвы, заклинанія и какія?

§ 104. Приносятъ ли жертвы деревьямъ, озерамъ, рѣкамъ, горамъ, утесамъ, «булгунѣ-амъ», и если приносятъ, то какія? Не замѣчается ли общая тенденція въ томъ, что жертвы приносятся въ тѣхъ мѣстахъ, которыя оказываютъ либо вредными, либо полезными человѣку? Приносятся ли жертвы божествамъ смерти и выздоровленія, если таковыя имѣются, какія и кѣмъ?

§ 105. Празднества. Бываютъ ли какія-либо празднества, какъ называются, по какимъ случаямъ и въ какое время происходятъ? Есть ли особые названія для весенняго и осенняго праздниковъ и какія? Бываютъ ли семейныя, родовыя и общественныя празднества, по какимъ случаямъ? Исполняются ли при этомъ какіе-либо религиозныя обряды, какіе и кто ихъ исполняетъ? Глава семьи, рода, выборное лицо,

шаманъ и какой—бѣлый или черный? Играютъ ли тутъ роль шаманки, какую и какія шаманки—бѣлыя или черныя? Пронесодитъ ли какія-либо празднества при окончаніи стараго года и мѣсяца и началъ новаго? Не представляется ли эта смена въ видѣ борьбы и кого съ кѣмъ? Нѣтъ ли обрядовъ, воспроизводящихъ эту борьбу въ драматической формѣ? Описать ихъ, обращая вниманіе на цвѣтъ одежды участниковъ обряда, цвѣтъ ихъ собственной кожи, ихъ лошадей? Какъ называются различныя виды этихъ обрядовъ? Какъ называются сами участники? Въ какихъ случаяхъ они называются «ајы уола» и «абасы уола»? Не представляютъ ли собою «саңа цыл ічтітѣ» и «ајгѣ цыл ічтітѣ»?

§ 106. Какіе предметы употребляются во время празднествъ и религиозныхъ обрядовъ? Какія приносятся жертвы? Препровождаются ли черезъ огонь или иными способами и какими? Какимъ духамъ приносятся? посвящаются ли при этомъ животныя, какія, кому? Не посвящаются ли дѣти и юноши обоего пола? Во всѣхъ этихъ случаяхъ произносятся ли молитвы и какія: благодарственныя или просительныя? Произносятся ли рѣчи, кѣмъ и къ кому обращаются? Записать молитвы и рѣчи, тщательно отмѣчая имена духовъ, упоминаемыхъ въ нихъ.

§ 107. Что такое «ысыахъ»? Не значить ли это слово—«жертвоприношеніе»? Нѣтъ ли еще какого-либо значенія? Приурочивается ли это слово къ одному, определенному по времени, празднику или духу, или приурочивается къ различнымъ по времени праздникамъ и духамъ, но только изъ рода «ајы», или приурочиваются къ праздникамъ въ честь «абасы»? Въ какое время года бываетъ «ысыахъ»? Бываетъ ли осенью и въ честь кого? Что изображаетъ во время весенняго «ысыахъ-а» 11—12-лѣтній мальчикъ, стоящій лицомъ къ востоку и держащій «чоронъ»? Почему мальчикъ, а не дѣвочка и не взрослые? Просятъ ли на этомъ праздникѣ и о чемъ, или благодарятъ и за что? Присутствуютъ ли женщины? Принимаютъ ли онѣ участіе и какое въ празднествѣ, или являются только зрительницами? Если слово «ысыахъ» значитъ «брызгать», то, значить, жертву (кумысъ, молоко, масло и т. д.) брызгали въ огонь, или въ пространство? Имѣются ли спеціальныя мѣста для празднествъ, какія и какъ называются? Что такое «далбар чачыр (чѣчир), дірің түсүлгѣ»?

§ 108. Въ сказкѣ «Бѣлый Юноша» сказано: «Бѣлый Юноша развѣлъ убитаго дьявола (абасы) по землѣ на ысыахъ солнцу и мѣсяцу» (Худяковъ, Верхоянскій Сборникъ, Ирк., 1890, стр. 161). Записать всѣ указанія существованія «ысыахъ-овъ», если они были, въ честь Солнца и Мѣсяца наивозможно подробно. Въ какое время происходили? Отличались ли отъ тѣхъ же празднествъ въ честь «Ўрўң-ајы-тојонъ-а» и чѣмъ¹⁾? Устраивался ли «ысыахъ» по случаю побѣды надъ врагомъ и въ честь кого:

1) Этотъ пунктъ требуетъ тщательнаго изслѣдованія, чтобы выяснить отношеніе между Солнцемъ и «Ўрўң-ајы-тојонъ-омъ».

Солнца, Мѣсяца, «Уруң-ајы» и еще кого? Приносился ли въ жертву убитый врагъ, будь онъ человекъ или «абасы», принявшій видъ богатыря?

§ 109. Слѣдуетъ записать всѣ религіозные обряды въ послѣдовательномъ порядкѣ. Обряды при рожденіи, на второй или третій день въ честь «Ајысыт» и «Іајасит», причѣмъ записать обращенія къ нимъ. Просятъ ли у нихъ у обѣихъ дѣтей или только у одной изъ нихъ? Даетъ ли «Ајысыт» просящимъ женщинамъ тутъ же ребенка или впоследствии и какъ? Если тутъ же, то есть ли это зачатіе и зачатіе безъ участія мужчины, или даетъ только предрасположеніе къ зачатію? Что означаетъ смѣхъ присутствующихъ женщинъ и что означаетъ истерическій смѣхъ какой-либо изъ нихъ? Нѣтъ ли какихъ-либо обрядовъ по отношенію къ новорожденному въ періодъ его дѣтства, начиная съ момента рожденія? Свадебные обряды. Обряды при постройкѣ юрты. Какіе существуютъ обряды при постановкѣ основныхъ столовъ юрты, матицы, стѣнъ, очага и т. д.? Обряды въ дальнемъ пути, передъ началомъ покоса и работъ, при переносѣ кузнечныхъ инструментовъ.

§ 110. Шаманы. Что служить основаніемъ для дѣленія шамановъ на «ајы ојуна» (бѣлый шаманъ) и «абасы ојуна» (черный)? Кто такіе: «ѳөсәйттән туттарбыт ојун» (дѣйствующій силою верхнихъ духовъ), «алларәттан туттарбыт ојун» (дѣйствующій силою нижнихъ духовъ), «ѳөртән туттарбыт ојун» (дѣйствующій силою «ѳөр-я»), «әмәгәтинән әрә кылар ојун» (силою «әмәгәт-а»), «ојун таңарата тәспүт ојуна» (силою «таңара» умершаго шамана)? Какъ называются шаманъ и шаманка, бѣлые и черные? Нѣтъ ли такихъ шамановъ, которые могутъ исполнять функціи бѣлаго и чернаго шамана¹⁾? Какъ называются? Кто былъ первый шаманъ²⁾? Извѣстно ли имя первой шаманки и каково оно было? Кто былъ «Лабыңха-сүрүк»? Не былъ ли онъ первымъ шаманомъ и устроителемъ «ысых-а»? Если такъ, то бѣлымъ или чернымъ шаманомъ онъ былъ? Не былъ ли онъ главою рода или старшимъ сыномъ главы рода, замѣняющимъ отца по старости или по другимъ причинамъ?

§ 111. Кто далъ бѣлыхъ и кто далъ черныхъ шамановъ и съ какою цѣлью: имѣлись ли въ виду интересы людей, или интересы тѣхъ, которые дали шамановъ? Не сохранились ли сказанія о томъ, какъ эти событія произошли? Когда и какъ обнаруживаются признаки того, что данный субъектъ предназначенъ въ шаманы: въ дѣтствѣ, юношествѣ, въ возмужаломъ возрастѣ или во всякомъ возрастѣ, когда обнаружатся извѣстныя психическія особенности? Какіе субъективные и объективные признаки того, что данный субъектъ предназначенъ быть шаманомъ? Не долженъ ли

1) Обратитъ на этотъ вопросъ особенное вниманіе.

2) Собирая свѣдѣнія о шаманахъ, всегда собирать отдѣльно о черныхъ и бѣлыхъ, чтобы точно установить ихъ функціи, происхожденіе и т. д.

онъ быть сыномъ шамана или шаманки, или имѣть кого-либо изъ нихъ въ своемъ роду? Въ такомъ случаѣ, что передается отъ умершаго шамана: его собственныя знанія, искусство и сила, или бывшій его покровитель, и какъ послѣдній называется? Не дѣлается ли шаманомъ тотъ, у кого родственникъ былъ убитъ громомъ? Можно ли стать шаманомъ, благодаря упавшему съ неба огню? Какой это огонь и кто его посылаетъ? Какъ предназначенный къ шаманству начинаетъ свою подготовку? Находится ли онъ въ обученіи у какого-либо шамана, въ чемъ состоитъ обученіе и участвуетъ ли онъ въ камланьяхъ учителя?

§ 112. Находится ли даръ шаманства въ зависимости отъ извѣстнаго состоянія души, какого, въ чемъ обнаруживается и какой души: «күт» или «сүр»? Гдѣ и какая душа шамана и шаманки (черныхъ и бѣлыхъ) воспитывается? Воспитывается ли она до или послѣ рожденія? Гдѣ она пребываетъ во время воспитанія и въ чемъ оно состоитъ? Если она воспитывается послѣ рожденія человека, то покидаетъ ли она его и когда? Не во время ли сна, обмороковъ, нервныхъ припадковъ и надолго ли? Или она съ момента рожденія младенца отправляется въ обученіе и возвращается къ человеку въ извѣстномъ возрастѣ? Въ какомъ? Что такое «ölj üta», какую роль играетъ въ воспитаніи и какую потомъ при камланіи? Что такое «ijä kyla», какую роль играетъ въ воспитаніи и потомъ при камланіи и вообще въ жизни шамана?

§ 113. Какъ, кѣмъ и на основаніи чего опредѣляется, что данный субъектъ можетъ уже выступить въ качествѣ шамана? Нѣтъ ли какихъ-либо правилъ? Совершаются ли посвященія въ шаманы? Кѣмъ, какъ и сколько разъ? Подвергается ли посвящаемый омовенію? Не удаляется ли онъ передъ посвященіемъ или передъ выступленіемъ въ качествѣ шамана въ лѣсъ, пустыню и вообще уединенное мѣсто? Съ какою цѣлью? Не упражняется ли онъ тамъ въ шаманскихъ дѣйствіяхъ? Не объявляетъ ли онъ потомъ, что въ это время былъ въ странѣ мертвыхъ? Съ какою цѣлью и каковы послѣдствія? Кого онъ тамъ видѣлъ и что дѣлалъ? Пронзосится ли при посвященіи молитвы или клятвы и какія? Приносятся ли жертвы? Нѣтъ ли указаній на то, что въ старину при посвященіи въ шаманы требовались человѣческія жертвы? Употребляется ли въ это время кровь животнаго и какого? Употребляются ли священные травы, какія и какъ? Играетъ ли въ это время какую-либо роль береза или другое какое-либо дерево и какую? Несутъ ли при посвященіи матеріальныя издержки и какія общество въ цѣломъ составѣ или отдѣльныя лица? Принимаютъ ли какое-либо участіе во время обрядовъ посвященія общество или его выборные, или только частныя лица и какое?

§ 114. Какіе духи покровительствуютъ бѣлымъ и чернымъ шаманамъ? Покровительствуютъ ли предки шамановъ и какъ? Истинные предки, т.-е. находящіеся въ бровномъ родствѣ, или фиктивные, т.-е. всѣ прославленные шаманы? Какимъ обра-

зомъ духи покровительствуютъ шаманамъ? Вселяются ли они въ него? Увеличиваютъ ли его собственную силу передъ камланьемъ для борьбы, или и сами вступаютъ въ борьбу наравнѣ съ шаманомъ? Покровители шамановъ (черныхъ), изображаемые въ видѣ звѣрей, не суть ли предки-шаманы? Кто такой «*иїа кыла*»? Есть ли второстепенные покровители духи-звѣри? Какъ ихъ имена? Перевести слова, входящія въ эти имена. Не носятъ ли покровители шамановъ общаго названія «тацара»? У всѣхъ ли черныхъ шамановъ одни и тѣ же покровители и у всѣхъ ли бѣлыхъ одни и тѣ же, или разные? Нѣтъ ли такихъ духовъ-покровителей, которые обязательно должны быть у каждаго шамана, какъ называются, и такихъ, которые необязательны, и какъ называются? Почему покровительствующіе духи представляются животными? Есть ли такіе, которые представляются домашними животными и дикими? Ихъ сравнительная сила? Есть ли такіе, которые представляются въ видѣ миоическихъ звѣрей, ихъ вышность, особенности, сравнительная сила и какъ называются? Можетъ ли каждый покровительствующій духъ являться въ видѣ любого животнаго, или только въ видѣ опредѣленнаго? Могутъ ли эти же духи временно принимать видъ человѣка и неодушевленнаго предмета? Существуетъ ли между ними такой, который имѣетъ видъ рыбы или змѣи и живетъ на днѣ моря? Какъ называется? Не являются ли рыба или змѣя только таковыми животными духа-покровителя, живущаго на днѣ моря, какъ называется этотъ духъ, не имѣетъ ли какого-либо отношенія къ кузнецамъ, къ какому и какое? Духъ-покровитель, представляющійся, напр., въ видѣ порога, пребываетъ ли въ какомъ-либо реальномъ порогѣ, составляющемъ чью-либо частную собственность, пребываетъ ли только въ одномъ экземплярѣ или во многихъ одновременно, или онъ только надѣляетъ опредѣленныхъ пороговъ извѣстной силой и назначаетъ въ покровители тому или другому шаману? Каковы отношенія и связь между шаманомъ и реальнымъ животнымъ, представляющимъ покровителя? Если подобное животное будетъ убито человѣкомъ, или подобнымъ же животнымъ, или враждебнымъ шаманомъ, то отразится ли это какъ-нибудь и какъ именно на покровительствуемомъ этимъ животнымъ шаманѣ? Существуютъ ли и какіе духи у шамановъ, исполняющіе роль посыльныхъ, и въ видѣ какихъ животныхъ являются¹⁾? Существуетъ ли между шаманами іерархическое различіе и какое? Находится ли оно въ связи съ силою духовъ-покровителей?

§ 115. Шаманскія дѣйствія. Въ какое время—днемъ или ночью—производятъ свои дѣйствія бѣлые и черные шаманы? При какой обстановкѣ? Происходить ли камланье черныхъ шамановъ ночью подъ открытымъ небомъ и въ какихъ случаяхъ?

1) У бурятскихъ шамановъ такими посыльными служатъ: орелъ, коршунъ, лягушка и другіе.

Разводится ли при этомъ огонь? При камланьи въ юртѣ горитъ ли огонь камина или тушится? Въ какихъ случаяхъ горитъ и въ какихъ тушится? Въ чемъ состоятъ приготовления къ камланью? Сколько шестовъ втыкается передъ юртой, на какой сторонѣ, изъ какого дерева, что на нихъ укрѣпляется, въ какую сторону обращены укрѣпленные предметы и для какой надобности выставлены? Одинаково ли это дѣлается во всѣхъ случаяхъ или нѣтъ? Если не одинаково, то описать различные способы въ зависимости отъ различныхъ случаевъ. Ставится ли тутъ же столъ? Его форма и назначеніе? Что ставится на столѣ? Какимъ духамъ и какія жертвы приносятся? Что дѣлается съ мясомъ, внутренностями, кровью, головою и шкурою жертвенныхъ животныхъ? Какой масти скотъ приносится въ жертву различнымъ духамъ? Что такое «куочай»? Его значеніе и назначеніе? Въ какую сторону обращается вершина «куочай» и въ какую голова жертвеннаго животнаго, когда шкура съ головою вѣшается на дерево? Приступая къ камланью, обращается ли шаманъ къ «абасы» верхняго, средняго и нижняго міровъ, къ «айы», живущимъ на востокѣ, къ какому именно, къ «иччи» и къ какому именно, къ «ѳор-ямъ»? съ какою цѣлью и въ какомъ порядкѣ обращается? Обращается ли онъ къ «иччи» юрты, въ которой камланье, и къ «иччи» мѣста, гдѣ стоитъ юрта, ко всѣмъ ли и съ какою цѣлью? Каждый ли шаманъ передъ отправленіемъ въ поиски за «кут» гадаетъ при помощи «булаѣяхъ» или ложки и съ какою цѣлью? Кричитъ ли шаманъ и когда именно голосомъ гагары, стерха, коршуна, ворона и еще какихъ-либо животныхъ, какихъ и съ какою цѣлью? Кричитъ ли голосомъ одного изъ нихъ или голосами всѣхъ? Призываетъ ли этимъ ихъ и для чего, или это указываетъ на ихъ присутствіе около шамана? Пользуется ли онъ ихъ услугами, какъ и въ какихъ случаяхъ? Подражаетъ ли шаманъ голосу покровительствующихъ ему животныхъ и какихъ? Кого онъ затѣмъ призываетъ? Говоритъ ли шаманъ въ началѣ камланья: «корень всѣхъ золь и несчастій»? Во всѣхъ ли случаяхъ, или только прибывъ въ нижній міръ, и къ кому это относится?

§ 116. Отъ кого и какъ узнаетъ шаманъ причину болѣзни? Отъ кого и какъ узнаетъ о мѣстопребываніи похищенной души? Отправляется ли съ этими цѣлями къ духамъ самъ, призываетъ ли ихъ къ себѣ для разспросовъ, или отправляетъ къ нимъ для разспросовъ какого-либо духа, находящагося у него въ распоряженіи, и какого? Шаманъ, отправляясь къ духамъ, обращается ли во что-либо, и во что? Въ какомъ видѣ остается тѣло шамана на мѣстѣ: во снѣ ли, въ обморокѣ или еще въ какомъ-либо состояніи? Отправляется ли его «сѣр», «кут», «кут-сѣр», или одинъ изъ элементовъ «кут» и какой? Въ какихъ случаяхъ и къ какому духамъ отправляется шаманъ и гдѣ они живутъ: наверху, внизу, въ среднемъ мѣстѣ, на сѣверѣ, югѣ, востокѣ, западѣ? Какъ онъ отправляется: верхомъ на лошади, на гагарѣ, на какой-либо иной

птицъ или звѣрь? Каковъ его путь, останавливается ли онъ на пути, что представляютъ мѣста остановокъ и кто тамъ живетъ? Всегда ли шаманъ отправляется къ духамъ и возвращается отъ нихъ черезъ «оібон тімірѣ», или только когда отправляется въ нижній міръ? Не въ этомъ ли случаѣ онъ пользуется гагарой и какъ? Отправляется ли онъ когда и для какой надобности къ духу, имѣющему видъ рыбы или змѣи и живущему на днѣ моря? При своемъ отправленіи призываетъ ли онъ духа какого-либо предка или шамана? Очутившись у нижнихъ духовъ, говорить ли онъ: «я пришелъ защитить, *имѣя въ рукахъ бичемъ небесную молнію*, возвратите мнѣ душу» и т. д.? Говоритъ ли то же и у духовъ, живущихъ въ другихъ мѣстахъ? Отправляется ли черный шаманъ, въ какихъ случаяхъ и съ какими цѣлями къ какимъ-либо «ајы» и къ какимъ? Отправляется ли бѣлый шаманъ къ какимъ-либо «ајы» и «сабасы», какимъ способомъ, съ какою цѣлью и къ какимъ? Кто такіе и какую роль играютъ «кѣйіні», которыхъ шаманъ изображаетъ при камланьи?

§ 117. Какіе способы лѣченія употребляются шаманами и въ чемъ они состоятъ: въ возвращеніи похищенной души—съ одной стороны и въ изгнаніи духовъ изъ тѣла больного—съ другой? Употребляются ли эти способы одновременно, или въ различныхъ случаяхъ то одинъ, то другой и въ какихъ? Какъ отыскивается и какими мѣрами добывается украденная душа, доставляется къ больному и вселяется въ него? Показываетъ ли онъ ее при этомъ присутствующимъ? Не обманываютъ ли его духи и не даютъ ли ему вмѣсто души что-либо другое и что? Записать извѣстные случаи. Вселяетъ ли шаманъ въ себя духа или духовъ, сидящихъ въ больномъ и поѣдающихъ его, съ какою цѣлью и какъ онъ это производитъ? Переселяетъ ли ихъ потомъ изъ себя въ жертву, въ какую и для чего, или инымъ способомъ отправляетъ ихъ куда-либо и куда? Какъ лѣчатся шаманомъ душевно-больные? Обратитъ вниманіе, имѣетъ ли въ этомъ случаѣ шаманъ дѣло съ «кут» или «сѣр»? Не приказываетъ ли шаманъ, при лѣченіи больного, сдѣлать изображеніе духа и какого изъ гнилого дерева (у тунгусовъ) и для какой надобности? изъ какого дерева? Не на основаніи ли спеціальнаго сповѣднія шамана дѣлается это изображеніе? По удаленіи духовъ изъ тѣла больного, удаляетъ ли шаманъ какихъ-либо духовъ, находящихся во время болѣзни въ юртѣ, какіе это духи и съ какою цѣлью находятся они тутъ? Какимъ способомъ онъ ихъ удаляетъ?

§ 118. Обращаются ли къ шаманамъ, когда мрутъ дѣти и скотъ или когда женщины и скотъ бесплодны? Къ чернымъ или къ бѣлымъ? Что дѣлаютъ для устранения этихъ бѣдъ? Если на какое-либо хозяйство обрушивается рядъ разнообразныхъ бѣдъ, то обращаются ли къ шаманамъ и къ какимъ для ихъ устраненія? Существуютъ ли какіе-либо обряды и заклинанія для удаленія бѣдствій и производящихъ ихъ духовъ огуломъ, или существуютъ и какіе только на каждый данный случай?

§ 119. Каково значеніе шаманокъ въ настоящемъ и въ прошедшемъ? Не обращались ли раньше и не обращаются ли теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ какихъ предпочтительно къ шаманкамъ? Не лѣчатъ ли онѣ удачнѣ психическія болѣзни? Каждый ли мужчина и каждая ли женщина могутъ, въ случаѣ надобности, шаманить, или должны обладать какими-либо особенностями и какими? Пользуются ли уваженіемъ шаманы и шаманки, или ихъ только боятся и почему? Имѣетъ ли значеніе мнѣніе шамановъ по вопросамъ частной и общественной жизни? Считаются ли они болѣе умными, разсудительными и справедливыми? Не обращаются ли къ нимъ за совѣтами въ житейскихъ дѣлахъ? Не выбираютъ ли ихъ третейскими судьями? Или они живутъ уединенно, внѣ общественной и частной жизни своихъ сородичей? Насколько и какія требованія шамановъ исполняются безпрекословно, или во всѣхъ случаяхъ съ ними торгуются? Обманываютъ ли ихъ въ какихъ-либо случаяхъ, обкрадываютъ ли, бьютъ ли ихъ, и наказываетъ ли шаманъ этихъ лицъ и какими способами?

§ 120. Ворожатъ ли шаманы, какіе, въ какихъ случаяхъ и какъ? Ворожатъ ли только во время камланья или и во всякое другое время? Ворожатъ ли въ началѣ и въ концѣ камланья и съ какою цѣлью? Ворожатъ ли не-шаманы, въ какихъ случаяхъ и какъ? Въ чемъ состоятъ фокусы («хомусун»), которые они показываютъ, и съ какою цѣлью производятся? Существуютъ ли спеціальныя ворожцы и ворожен и какъ называются? Имѣетъ ли знахарь («отосут») какое-либо отношеніе къ шаманамъ? Какъ становятся знахарями, въ чемъ состоитъ ихъ дѣятельность, имѣютъ ли они дѣло съ духами и съ какими и имѣютъ ли духовъ-покровителей и какихъ? Имѣются ли колдуны—«аптѣх кісі»? (отвѣтить на предыдущіе вопросы по отношенію къ нимъ). Существуютъ ли гаданія, какъ, по какимъ случаямъ и кѣмъ производятся? Имѣются ли спеціальныя гадальщики и какъ называются? (отвѣтить на предыдущіе вопросы). Имѣются ли ясновидящіе и какъ называются, имѣются ли спеціалисты, видящіе вѣщіе сны—«тѣсѣр тѣлліх»? (отвѣтить на предыдущіе вопросы). Въ чемъ состоитъ сходство и различіе между шаманами и остальными только-что перечисленными лицами? Не суть ли это только различныя степени шамановъ? Впадаютъ ли они въ экстатическое состояніе во время своихъ манипуляцій? Отличаются ли какими-либо психическими особенностями? Могутъ ли всѣ эти лица причинить вредъ человѣку, обладая его вещью или волосами и какъ? Въ числѣ причинъ болѣзней (какихъ) и смерти есть ли колдовство?

§ 121. Нѣтъ ли спеціально шаманскихъ болѣзней, какъ называются, въ чемъ состоятъ, каково ихъ происхожденіе и какъ лѣчатся? Что происходитъ съ шаманомъ, если онъ воздерживается отъ камланія временно или навсегда? Могутъ ли шаманы насылать другъ на друга болѣзни (какія) и смерть и какими способами? Записать

сказанія о борьбѣ шамановъ при посредствѣ ихъ «іѣй кыла». Лѣчатся ли шаманы отъ обычныхъ болѣзней и какъ? Камлаютъ ли шаманы другъ надъ другомъ и въ какихъ случаяхъ? Можетъ ли шаманъ самъ надъ собою камлатъ съ цѣлью лѣченія и въ какихъ случаяхъ, съ другими цѣлями, съ какими?

§ 122. Совершаются ли какіе-либо обряды, какіе и кѣмъ надъ умершимъ шаманомъ? Совершается ли омовеніе трупа, произносятся ли молитвы или заклинанія и къ кому обращены, приносятся ли жертвы, какія, когда, гдѣ и кому? Во что одѣваютъ покойника и что кладутъ съ нимъ въ могилу? Одѣваютъ ли въ шаманскій костюмъ, кладутъ ли бубенъ и колотушку въ могилу? Кладутъ ли въ могилу или въ гробъ шамана изображенія сокола, кукушки и еще какія-либо, какія и съ какою цѣлью? Не кладутся ли шаманскія принадлежности въ особые срубы или не вѣшаются ли на деревья? Какіе обряды совершаются при положеніи трупа въ гробъ, при выноскѣ его и при опусканіи въ могилу? Гдѣ и какъ хоронились раньше шаманы: клались ли на подставки («араңас»), на деревья, вѣшались ли на послѣднихъ, зарывались ли въ землю? Подвергались ли, согласно обычаю, престарѣлые шаманы убіенію, и кто его совершалъ? Такъ называемыя шаманскія деревья, на которыхъ и теперь видны остатки конскихъ шкуръ и головъ, не стоятъ ли надъ могилами шамановъ? Куда отправляются «кут» и «сѣр» шамана послѣ его смерти? Можетъ ли обратиться шаманъ въ «хѣр», или обращается въ другое существо и въ какое?

§ 123. Шаманскій костюмъ. Имѣютъ ли шаманы и шаманки, бѣлые и черные, спеціальныя костюмы и какъ послѣдніе называются? Одинаковы ли у шамановъ, у черныхъ и бѣлыхъ шамановъ ихъ костюмы или различны, въ чемъ различаются? Подробное описаніе костюмовъ. Имѣетъ ли какое-либо значеніе цвѣтъ костюма (у бурятъ бѣлые шаманы носятъ бѣлые костюмы, а черные — синіе)? если нѣтъ, то не имѣется ли что-нибудь иное, различающее по цвѣту бѣлыхъ и черныхъ шамановъ? Имѣются ли передники, шапки и маски, какъ называются? Описаніе ихъ. Имѣетъ ли шапка металлическія изображенія и кисточки и что они означаютъ? Имѣются ли на передникѣ два изображенія груди (Щукинъ, *op. cit.*, стр. 201)? Изъ чего сшиты костюмъ и каждая его часть? Кѣмъ шьются и не совершается ли передъ началомъ работы, во время ея или по окончаніи какихъ-либо обрядовъ и жертвоприношеній? Описаніе ихъ. Не освящается ли костюмъ, кѣмъ и какъ? Допускаются ли на немъ произвольныя украшенія? Какія украшенія обязательны? Что означаютъ ремешки въ видѣ бахромы на полояхъ, рукавахъ и другихъ мѣстахъ? Не означаютъ ли они на рукавахъ крыльевъ коршуна? И какой смыслъ это имѣетъ? Какъ называется бахрома? Не называется ли бахрома на подолѣ «бытырьс», на рукавахъ — «äliä»? Что еще значатъ эти слова? Какъ называются трубчатая желѣзная привѣски и что означаютъ? Не представляютъ ли змѣй? Дать тщательное описаніе, названіе, объясненіе каждому украшенію и

каждой металлической фигурѣ, указать матеріалъ, изъ котораго сдѣланы, форму, мѣсто и способъ прикрѣпленія, изучая ихъ на возможно большемъ количествѣ костюмовъ и описывая каждый костюмъ въ отдѣльности¹⁾. Какъ общее названіе всѣхъ металлическихъ фигуръ? Прикрѣпляются ли къ обуви шамана медвѣжьи когти и что это означаетъ? Надѣвается ли оукъ голову медвѣдя или шкуру съ нея вмѣсто шапки? Играетъ ли какую-либо роль у шамановъ медвѣжья шапка и какую? Указать, что въ костюмѣ обязательно для каждаго шамана и что можетъ быть только у опредѣленнаго шамана? Какъ называется, что изображаетъ и означаетъ, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ дается шаманскій знакъ при посвященіи? когда, кѣмъ, почему и какимъ образомъ отнимается этотъ знакъ у шамана?

§ 124. Бубенъ. Какіе музыкальные инструменты употребляются шаманами и шаманками, бѣлыми и черными? Одинъ ли инструментъ или ихъ два, какъ называются, каково ихъ устройство и какъ употребляются?²⁾ Дать подробное описаніе. Какъ различаются крестовины бубна («быарык») и какое отношеніе имѣетъ это различіе къ значенію шамана, его происхожденію? Въ какихъ случаяхъ шкура, которая натянута на бубнѣ, бываетъ съ шерстью и въ какихъ безъ шерсти? Имѣются ли у бубна украшенія и какія? Имѣются ли на обечайкѣ какія-либо шнечки, какъ называются, сколько ихъ, изъ чего сдѣланы и что означаютъ? Имѣетъ ли крестовина изображеніе, какое и что оно означаетъ? Прикрѣплена ли она неподвижно къ обечайкѣ, или соединена съ нею свободно и чѣмъ? Форма колотушки. Изъ какого матеріала сдѣлана, какъ употребляется, покрыта ли шерстью и какого звѣря? Какъ называются крестовина и колотушка и что означаютъ? Какую роль играютъ бубенъ и струнный

1) Въ литературѣ можно указать на двѣ работы, болѣе или менѣе отвѣчающія даннымъ требованіямъ: 1) Э. К. Пекарскій и В. Н. Васильевъ: Пляскъ и бубенъ якутскаго шамана (Матеріалы по этнографіи Россіи, т. I, С.-Пб., 1910, стр. 93—116, и отд. отт.) и 2) В. Н. Васильевъ: Шаманскій костюмъ и бубенъ у якутовъ (Сборникъ Музея по антропологии и этнографіи при Императорской Академіи Наукъ, VIII, 1910). Ред.

2) По словамъ Маака (Вилуйскій округъ, ч. III, стр. 118), «всея якуты увѣряли его, что у шамановъ, кромѣ инструмента, называвшагося тюнгиюръ (читай: «тѣңүр»), по которому они били колотушкою (былаңхъ) и при посредствѣ котораго спускались въ подземное царство, былъ еще другой — дюгюрь (читай: «дѣңүр»), въ который «шаманъ» (по сказкамъ) билъ металлическою лопаткою, перебирая въ то же время пальцами натянутыя на немъ струны. У кумандинцевъ «хомусъ» (якутскій музыкальный инструментъ) называется «кобыс-тѣңүр»; у балаганскихъ бурятъ «хуръ» (тотъ же «хомусъ») замѣняется струннымъ инструментомъ въ родѣ скрипки или балалайки и называется «хур-омъ» же; у иркутскихъ бурятъ «хуръ» («хомусъ») употребляется только шаманами; у урянхайцевъ этотъ инструментъ называется «комусъ»; у урянхайцевъ бубенъ называется «тѣңүр», а по Потаниной (Изъ путешествій по В. Сибири, Монголіи, Тибету и Китаю, М., 1895, стр. 55) — «донкюрь»; у минусин. татаръ «тѣр»; у монголовъ ᠲᠡᠭᠦᠷ (Ковалевскій, III, 1904); у алтайцевъ «тѣңүр».

инструментъ, если таковой имѣется? Всѣ ли шаманы и шаманки должны употреблять бубень и во всѣхъ ли случаяхъ? Не можетъ ли бубень быть замѣненъ «хомус-омъ» и въ какихъ случаяхъ? Какими обрядами сопровождается приготовленіе шаманскихъ инструментовъ и кто ихъ производитъ?

§ 125. Кузнецы. Дѣлается ли кузнецы на черныхъ и бѣлыхъ и какъ называются тѣ и другіе? Не было ли въ старину дѣленія кузнецовъ на такихъ, которые могли обрабатывать желѣзо, и такихъ, которые могли обрабатывать только серебро и мѣдь? Не соединялись ли прежде добываніе желѣза и обработка его въ лицѣ одного кузнеца? Не сохранилось ли преданій, что въ старину кузнецами были иноплеменники? Кто далъ людямъ тѣхъ и другихъ кузнецовъ? Были ли небесные кузнецы, какъ назывались, принадлежали ли къ «аіы» или къ «абасы»? Кто считается «үс төрдү» и что это значитъ? Какъ имя перваго кузнеца и кто онъ былъ? Нѣтъ ли двухъ первыхъ кузнецовъ, какъ ихъ имена и кто они были? Если есть, то не будетъ ли одинъ черный, а другой бѣлый, — нельзя ли объ этомъ заключить по ихъ именамъ и происхожденію? Нѣтъ ли сказанія о томъ, какъ кузнецы научились сваривать желѣзо? Записать. Не находятся ли происхожденіе кузнецовъ и ихъ знанія въ зависимости отъ рыбы или змѣи, живущихъ на днѣ моря, или не состоитъ ли эта рыба ѣдовымъ животнымъ духа, давшаго кузнецовъ или научившаго ихъ сваривать, и какъ называются рыба и духъ? Нѣтъ ли въ сказкахъ указаній на родство кузнецовъ съ «аіы» и «абасы», съ богатырями и съ какими?

§ 126. Имѣютъ ли кузнецы какое-либо отношеніе къ духамъ, къ какимъ и какое? Имѣютъ ли кузнецы духовъ-покровителей, какъ послѣдніе называются, не предки ли кузнецовъ и кто они? Не наказываются ли кузнецы и за что какими-либо специальными болѣзнями и кѣмъ? употребляются ли при этомъ умиротворяющія жертвы и при какихъ обрядахъ? Можетъ ли каждый желающій стать кузнецомъ, или нужно происходить отъ кузнецовъ, или имѣть какія-либо отличительныя свойства и какія, или должны быть предсказанія, предзнаменованія и какія? Записать сказанія о томъ, какъ тотъ или иной субъектъ сталъ кузнецомъ. Какъ и на какихъ условіяхъ происходитъ поступленіе въ обученіе къ кузнецу? Если ученикъ, окончивъ ученіе, пожелаетъ стать самостоятельнымъ кузнецомъ, то откуда беретъ инструменты: самъ ли приготовляетъ, или приготовляетъ ихъ кузнецъ-учитель? Освящаются ли новые инструменты, кѣмъ, какъ и при какихъ обрядахъ? Происходятъ ли какіе-либо обряды и жертвоприношенія передъ поступленіемъ въ обученіе, по окончаніи его и передъ началомъ самостоятельной работы кузнеца? Нѣтъ ли указаній на человѣческія жертвоприношенія? Кому, когда и какую жертву приносятъ кузнецы вообще? Не имѣютъ ли кузнецы специальной одежды и какъ называется? Не имѣютъ ли особаго знака, какъ онъ называется, что означаетъ и кѣмъ дается?

§ 127. Лѣчатъ ли кузнецы, отъ какихъ болѣзней и какъ? Могутъ ли они призывать духовъ, какихъ и какъ? Можно ли призывать духовъ въ кузницѣ и тамъ, гдѣ находятся кузнечные инструменты, и какихъ? Какіе духи не являются ни въ кузницу, ни въ то мѣсто, гдѣ находятся кузнечные инструменты? Какъ вообще относятся къ кузнецамъ? Признаютъ ли за ними какую-либо силу, которой обыкновенный человѣкъ не имѣетъ?

§ 128. Кузнечные инструменты. Имѣютъ ли кузнечные инструменты «іччи», какъ ихъ общее и частныя названія? Нѣтъ ли общаго духа всѣхъ инструментовъ и какъ называется? Являются ли «іччи» покровителями кузнеца, его работы или самыхъ инструментовъ, или они, будучи хозяевами послѣднихъ, распоряжаются успешною ихъ работы? Гдѣ эти духи пребываютъ? Не имѣется ли изображеній этихъ духовъ (у бурятскихъ кузнецовъ имѣются), какъ называются, кто ихъ дѣлаетъ, при какихъ обрядахъ и гдѣ они хранятся? Могутъ ли быть показываемы постороннимъ лицамъ? Почитаются ли духи инструментовъ и ихъ изображенія только кузнецами или и всѣми остальными и въ чемъ выражается почитаніе? Приносятъ ли имъ жертвы, кто, какія и въ какихъ случаяхъ? Нѣтъ ли специальныхъ кузнечныхъ праздниковъ, когда бываютъ и въ чемъ состоятъ? Нѣтъ ли положительнаго воспрещенія приносить въ жертву кузнечнымъ инструментамъ рыбу и почему? Приносятъ ли имъ жертву постороннія лица и въ какихъ случаяхъ? Не имѣютъ ли кузнечные инструменты лѣчебныхъ или волшебныхъ свойствъ? Не имѣетъ ли огонь горна какихъ-либо особыхъ свойствъ, особаго названія и что оно означаетъ? Кто далъ кузнецамъ этотъ огонь? Какъ онъ разводится и нѣтъ ли особыхъ приемовъ? Имѣетъ ли этотъ огонь обычнаго «іччи», или это иной и какой? очагъ (горнъ) имѣетъ ли обычнаго «іччи» или иного и какого? Есть ли у кузнецовъ духи-покровители, имѣющие видъ животныхъ, какъ называются и въ чемъ выражается ихъ покровительство?

§ 129. Имѣютъ ли кузнечные инструменты общее названіе и какое, какъ названіе cadaго инструмента и его частей, какъ названіе горна? Описать обряды перенесенія инструментовъ въ случаяхъ обычныхъ перекочевовъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда кузнецъ работаетъ у кого-либо на дому.

§ 130. Отношенія кузнецовъ и шамановъ. Каковы отношенія между кузнецами и шаманами? Бываютъ ли изъ семей кузнецовъ шаманы и наоборотъ? Не были ли первые кузнецы шаманами, или первые шаманы кузнецами? Не были ли эти функціи соединены вмѣстѣ и почему произошло ихъ раздѣленіе? Нѣтъ ли сказаній о борьбѣ между кузнецами и шаманами? Записать, обращая вниманіе на то, идетъ ли дѣло о черныхъ шаманахъ и кузнецахъ, или о бѣлыхъ. Каждый ли кузнецъ можетъ выковать металлическія принадлеж-

ности шаманскаго костюма и бубна? Может ли бѣлому шаману выковать черный кузнецъ и наоборотъ? Совершаются ли при этомъ обряды и жертвоприношенія, кому, кѣмъ и какія?

В. Ф. Трошанскій.

Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ текстѣ программы, редакция находитъ небезполезнымъ привести нижеслѣдующій перечень литературы о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ:

1. Б., А. Исыэхъ. Сибирскіе нравы. Сѣв. Пчела. 1831, № 115. Описаніе якутскаго праздника.
2. Виташевскій, Н. А. Матеріалы для изученія шаманства у якутовъ. Зап. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. по этн. 1890 г., Иркут., т. 2, вып. 2, стр. 36—48.
3. Гороховъ, Н. С. Слѣды шаманства у якутовъ. Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири. Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1882. Т. XIII, № 3, стр. 36—39.
4. Кочневъ, Д. А. Очерки юридич. быта якутовъ. Казань. 1899. Стр. 176.
5. Михайловскій, В. М. Шаманство. (Сравнительно-этнографич. очерки). Изв. Имп. Общ. Люб. естеств., антроп. и этнографіи. М. 1892. IV + 115 стр.
6. Павловскій, А. Нѣсколько словъ о демонологіи якутовъ. Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1870, т. I, № 2—3, стр. 69—72.
7. Поповъ, Лаврентій, свящ.). Свѣдѣнія о языческихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ прежнихъ якутовъ. Якут. Епарх. Вѣд. 1893, №№ 22 и 23.
8. Приклонскій, В. О шаманствѣ у якутовъ. Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. Т. XVII, №№ 1 и 2. 1886 г., стр. 84—118.
9. Припузовъ, Н. Шаманство у якутовъ Якут. окр. Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1884. Т. XV, №№ 3—4, стр. 59—66. — Мелкія замѣтки о якутахъ. Зап. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. по этнографіи. Т. 2, в. 2, стр. 48—51.
10. Слѣпцовъ, А. О вѣрованіяхъ якутовъ Якутской обл. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1886. Т. XVII, №№ 1—2, стр. 119—136. Сообщено А. И. Поповымъ.
11. Соловьевъ, О. Остатки язычества у якутовъ. Сборникъ газ. «Сибирь». Иркут. 1877, стр. 409—419.
12. Стефановичъ, Я. В. На шаманствѣ. Землеустройство 1897, кн. I—II, стр. 29—48.
13. Сѣрошевскій, В. Какъ и во что вѣруютъ якуты. (Этнографич. набросокъ). Сиб. Сборникъ къ «Вост. Обзор.» 1890, вып. 2. — Вошелъ въ составъ его книги: «Якуты». С.-Пб. 1896, стр. 614—675.
14. Шенъ, Н. Якутскій праздникъ Исыэхъ. Сѣв. Пчела 1832, № 132.
15. Ястремскій, С. В. Остатки старинныхъ вѣрованій у якутовъ. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. Т. XXVIII, № 4, 1897 г. Отд. отд.

Программа для собиранія народныхъ музыкальныхъ инструментовъ.

Народные музыкальные инструменты, какъ и народная музыка, до настоящаго времени изучены весьма мало. Къ сожалѣнію очень часто въ русскихъ и заграничныхъ музеяхъ о находящихся въ нихъ музыкальныхъ инструментахъ не имѣется никакихъ или очень мало свѣдѣній о названіи, строѣ, происхожденіи и матеріалѣ инструментовъ. Такимъ образомъ, этотъ важный научный этнографическій матеріалъ теряетъ половину своей цѣнности и, представляя лишь внѣшнюю форму безъ души, не поддается нашему изученію. Поэтому, собирая для музеевъ народные музыкальные инструменты, необходимо записывать и представлять въ музеи слѣдующія о нихъ свѣдѣнія:

I. *Названіе музыкальныхъ инструментовъ и его частей на туземномъ языкѣ.* Если существуетъ туземная письменность, то слѣдуетъ написать названіе инструмента на туземномъ языкѣ, переписать это названіе русскими буквами, поставивъ удареніе. Слѣдуетъ узнать, не обозначаетъ ли это слово что нибудь еще, кромѣ музыкальнаго инструмента. Если одного и того же вида инструментъ встрѣчается въ мѣстностяхъ, далеко отстоящихъ одна отъ другой, то необходимо спросить и записать названіе указаннымъ способомъ въ разныхъ мѣстностяхъ, такъ какъ иногда одинъ и тотъ же инструментъ имѣетъ нѣсколько различныхъ названій, въ зависимости отъ мѣста (мѣстныхъ названій).

II. Спросить и записать, *изъ какого матеріала сдѣланъ инструментъ:* какое дерево (иногда разныя части инструмента, напр. верхъ, бочки, шейка, нижняя часть и т. д. дѣлаются изъ различнаго дерева), какого животнаго кожа, волосъ, пузырь на инструментѣ, изъ чего струны. Необходимо иногда узнать, почему инструментъ дѣлается изъ того или иного матеріала, такъ какъ нѣкоторые инструменты (особенно имѣющие религіозное значеніе) дѣлаются изъ извѣстнаго дерева (посвященнаго боже-ству), кожи или пузыря, волоса животнаго священнаго или посвященнаго боже-ству.

III. *Строй инструмента.*

Необходимо записать строй инструмента: 1) *Если инструментъ струнный,* то слѣдуетъ при помощи камертона записать рядъ звуковъ, издаваемыхъ открытыми струнами (безъ нажатія пальцами), при ихъ сотрашеніи (смычкомъ, пальцами или плектромъ). Необходимо строй проверить нѣсколько разъ на одномъ и томъ же ин-

инструментъ у разныхъ лицъ. Если имѣется фонографъ, то слѣдуетъ записать звуко-рядъ фонографомъ, начиная съ нижняго до самаго верхняго звука, которые можетъ дать инструментъ.

2) *Духовые инструменты* также слѣдуетъ изучить въ этомъ направленіи. Необходимо записать рядъ звуковъ, издаваемыхъ инструментомъ. Узнать не издастъ ли инструментъ двѣ октавы, при помощи однихъ и тѣхъ же отверстій, но при болѣе усиленномъ вдвиганіи въ него.

3) *Ударные инструменты* (барабаны, бубны, литавры и пр.) также могутъ имѣть строй, при помощи натягиванія веревокъ или высушиванія надъ огнемъ кожи или пузыря. слѣдуетъ записать строй, т. е. какой звукъ издаетъ барабанъ, приготовленный для игры.

IV. Необходимо узнать о каждомъ инструментѣ *его назначеніе*: а) бываютъ инструменты исключительно для аккомпанированія пѣнію (иногда мужскому, иногда женскому), б) для игры соло, только на одномъ этомъ инструментѣ, в) для игры въ оркестрѣ или въ сочетаніи съ другими инструментами; въ послѣднемъ случаѣ нужно узнать, въ сочетаніи съ какими инструментами онъ употребляется и какъ называется такой оркестръ.

V. слѣдуетъ узнать, *приготовленъ ли инструментъ самимъ играющимъ или онъ купленъ*. Существуютъ ли особые мастера, занимающіеся исключительно изготовленіемъ инструментовъ; въ послѣднемъ случаѣ, почему инструменты продаются (высшая и низшая цѣна инструмента).

VI. *Старъ ли острый или пріобрѣтенный инструментъ?* Сколько лѣтъ онъ уже въ употребленіи, знаетъ ли владѣлецъ инструмента болѣе старые экземпляры, какіе и гдѣ? Если возможно, слѣдуетъ пріобрѣсти самый старый и новый. Если между ними существуетъ разница, то узнать, почему перемѣнили въ новомъ инструментѣ ту или иную часть?

VII. Существуетъ ли какое либо *названіе издаваемого инструментомъ звука* (названіе звуковъ) и не обозначаются ли они на бумагѣ или деревѣ, т. е. существуютъ ли ноты? Если ноты существуютъ, то необходимо собрать и ноты для пріобрѣтаемаго музыкальнаго инструмента.

VIII. Узнать, *считается ли инструментъ своимъ національнымъ* или же онъ откуда либо заимствованъ; если заимствованъ, то отъ кого и приблизительно когда.

IX. *Сфотографировать инструментъ въ рукахъ артиста во время игры на немъ*, чтобы имѣть представленіе, какъ должно держать инструментъ во время игры на немъ. Если нѣтъ фотографическаго аппарата, слѣдуетъ точно записать процессъ игры.

Н. Воробьевъ.

Федоръ Михайловичъ Плюшкинъ.

24 апрѣля въ г. Псковѣ скончался извѣстный коллекціонеръ Ф. М. Плюшкинъ. Торговецъ по своей профессіи, онъ уже издавна, приблизительно съ 60-хъ годовъ занялся покупкой для храненія у себя разнаго рода предметовъ, относящихся къ археологіи, исторіи, этнографіи и, въ результатѣ, получилось обширное собраніе предметовъ, извѣстное среди коллекціонеровъ и специалистовъ музейнаго дѣла подъ названіемъ «Плюшкинскаго Музея». Автору этой замѣтки два раза пришлось осматривать этотъ «Музей» подъ руководствомъ самого собирателя, въ октябрѣ и ноябрѣ 1907 года. «Музей» Ф. М. Плюшкина помѣщался въ его довольно обширной, жилой квартирѣ, во второмъ этажѣ деревяннаго дома, причѣмъ вся эта, необычайнаго вида, квартира, вся сплошь, отъ потолоковъ и до полу, отъ жилыхъ комнатъ и до переднихъ, корридоровъ и лѣстницъ была наполнена самыми разнообразными предметами.

Музеемъ — въ настоящемъ смыслѣ этого слова — собранія Ф. М. Плюшкина названы быть не могутъ. Прежде всего тамъ отсутствуетъ какая бы то ни было система въ расположеніи матеріала, хотя бы по самому случайному и элементарному признаку или принципу. И кромѣ того — нѣтъ абсолютно никакого инвентаря или даже простой записной книжки съ указаніемъ на то, что тотъ или иной предметъ изъ себя представляетъ или откуда онъ происходитъ. Все это хранилось лишь въ памяти покойнаго Ф. М. Плюшкина.

Указанныя обстоятельства дѣлаютъ чрезвычайно затруднительною задачу — дать характеристику того, что представляютъ по своему содержанію коллекціи Ф. М. Плюшкина. Эти коллекціи заключаютъ въ себѣ слѣдующія категоріи предметовъ: а) Христіанскія древности: иконы, кресты, церковная утварь и принадлежности богослуженія. б) Большая нумизматическая коллекція, состоящая изъ древнихъ и новыхъ монетъ; въ этой коллекціи имѣются чрезвычайно древніе и рѣдкіе экземпляры монетъ. в) Значительное количество миниатюръ и немного картинъ. г) Большое собраніе гравюръ. е) Коллекція предметовъ изъ фарфора и стекла (очень разнаго достоинства). ф) Коллекція историческихъ предметовъ: рукописей, автографовъ, грамотъ. Между прочимъ — значительная коллекція масонскихъ предметовъ. г) Значительное количество книгъ, старыхъ и новыхъ (собраніе безъ всякой системы, а потому никакъ не можетъ быть названо бібліотекой). ж) Значительное количество этнографическихъ

предметов: старинных тканей, русских вышивок, головных уборов и одежды, восточных серебряных ожерелий, нагрудных украшений, фибул и т. п. i) Наконец — трудно определяемое количество разнообразнейших вещей, не входящих ни в одну из перечисленных рубрик, как напр.: буддийские статуэтки, японские вазы, нефритовые изделия, персидское сѣдло, разного рода и вида часы, табакерки, перстни, кольца, брошки и т. д.

Из этой краткой характеристики собраний О. М. Плюшкина очевидно, что в них заключаются предметы, которыми могли бы заинтересоваться самые разнообразные ученые учреждения, причем ни одно из них не могло бы осуществить приобретения всей коллекции О. М. Плюшкина. Прежде всего потому, что ни одно из таких учреждений не обладает достаточными средствами, чтобы приобрести наряду с предметами, входящими в круг его интересов, целую массу вещей, не представляющих для него интереса, а кроме того и потому, что вся коллекция представляет несомненно высокую стоимость и уплата за нее едва ли будет по средствам любому из наших научных учреждений.

На вопрос об условиях, на которых он мог бы уступить свое собрание в какое-нибудь научное учреждение, О. М. Плюшкин отвечал всегда весьма уклончиво, не обозначая, хотя бы приблизительно, той суммы, в которую он оценивал свое собрание. Об одном лишь Федор Михайлович говорил вполне определенно, а именно — о своем желании, чтобы коллекции его не были проданы за границу, а также о своем полном несогласии продать свои коллекции по частям.

Было бы весьма желательно, чтобы во многих отношениях любопытны собрания О. М. Плюшкина, на составление которых покойным затрачено достаточное количество материальных средств, а также энергии и живого интереса к делу, не были, как это часто случается, распроданы чуть не поштучно и тем вовсе обезценены. Приобрести же эти коллекции могли бы лишь общими усилиями, по взаимному соглашению, разнообразные ученые учреждения и общества. Но для этого необходима предварительная и немалая работа по приведению в известность наличности и определения специалистами разнообразнейших предметов из коллекций О. М. Плюшкина. Многие зависят теперь от наследников покойного Федора Михайловича. Было бы очень обидно, если бы они не оценили заслуг покойного Федора Михайловича и отнеслись равнодушно к труду его жизни.

Оказавши с своей стороны возможное и желательное содействие и облегчение ученым учреждениям и обществам для приобретения собраний покойного О. М. Плюшкина, они оказали бы с одной стороны серьезную услугу науке и с другой — воздали бы должное памяти покойного собирателя.

Н. Могилянский.

27 апреля 1911 г.

Къ вопросу о нареченіи имени у турецкихъ племенъ.

(Посвящается памяти врача-востоковѣда Н. І. Шеталова).

Въ выпускахъ 3—4 «Этнографическаго Обзорія» за 1910 г. В. А. Гордлевскій обнаружилъ обряды и повѣрья — числомъ 24 — касательно «Рожденія ребенка и его воспитанія» у османскихъ турковъ (стр. 167—170). Во мнѣ вызываетъ сомнѣніе конецъ пункта 11-го, о нареченіи имени: «Если у кого дѣти передъ тѣмъ умирали, то мальчика называютъ *«Турсунъ»* (Пусть онъ уцѣлѣетъ!), а дѣвочку — *«Іетеръ»* (Довольно ужъ умирать!). Или собиратель не дослышалъ сообщенія уроженца Аяша, Ангорскаго вилаета, или аяшскій турокъ ошибся. Основываясь на своихъ наблюденіяхъ среди ближайшихъ родичей османскихъ турковъ — закаспійскихъ туркменовъ, я полагаю, что выборъ между именами Турсунъ и Іетеръ обуславливается въ Аяшѣ не исключительно различіемъ пола ребенка, но — и прежде всего — совершенно разнымъ значеніемъ обоихъ словъ: «пусть остается (т. е. не умираетъ)» и «довольно (т. е. намъ больше не нужно)». Первое имя надлежитъ давать ребенку *безъ различія пола* въ томъ случаѣ, если въ данной семьѣ дѣти одинъ за другимъ умираютъ, и родители желаютъ охранить свое потомство отъ преждевременной гибели. Второе имя — исключительно *женское*, но его надлежитъ давать не съ цѣлью охраненія дѣвочки отъ ранней смерти, а для того, чтобы въ данной семьѣ *дѣвочекъ* больше не рождалось. Въ матеріалахъ В. А. Горд-

левскаго нѣтъ особаго пункта, посвященнаго вопросу, одинаково ли относятся османскіе турки къ рожденію мальчика и дѣвочки, но изъ пункта 12-го видно, что они радуются только рожденію мальчика, такъ какъ только въ этомъ случаѣ устраниваютъ угощеніе для сосѣдей. Въ Средней Азій и, въ частности, у туркменовъ рожденіе сына считается счастьемъ и вызываетъ открытое ликованіе въ видѣ пира (тои), рожденіе же дѣвочки замалчивается, какъ несприятность; вида по сконфуженному лицу отца, что у него родилась дочь, сосѣди обыкновенно стараются деликатно утѣшить его и говорятъ: «не печалься, крѣпись, Богъ дастъ, въ слѣдующій разъ родится сынъ». Чтобы въ будущемъ охранить себя отъ женскаго потомства, родители даютъ дочерямъ особыя имена.

Для доказательства того, что въ Средней Азій имя Турсунъ дается не только мужчинамъ, но и женщинамъ, ограничусь двумя примѣрами, находящимися у меня подъ руками. Въ богатыхъ личными туркменскими именами, но почти исключительно мужскими, «Матеріалахъ по водопользованію у туркменъ Закаспійской области»¹⁾ на стр. 187 тома I-го упоминается «Дурсунъ, дочь Мустафакулія»; находящаяся подъ Петро-Александровскомъ развалины «Гуль Дурсунъ» («Цѣтокъ. Пусть останется») названы такъ, по рассказамъ туземцевъ (казакъ-киргизовъ, каракалпакъ, сартовъ), въ честь одной *дѣвицы*.

Кромѣ имени Дурсунъ (Турсунъ) и еще болѣе употребительнаго Дурды («остался»)²⁾, закаспійскіе туркмены пользуются, въ цѣляхъ охраненія потомства отъ преждевременной смерти, рядомъ другихъ именъ, и — среди нихъ — нѣкоторыми именами, которыя должны *отвести взоръ* похитителя дѣтей, нечистой силы — шайтана (собственно — ангела смерти Азраила) отъ ребенка; въ послѣднемъ случаѣ

1) Собраны чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ Зак. обл. Я. Таировымъ, ч. I. Асхабадскій уѣздъ (Спб. 1904). Мою рецензію см. въ Жив. Стар. за 1908 г., вып. I. — Имена транскрибированы весьма неточно, поэтому для научныхъ цѣлей ими можетъ пользоваться только тотъ, кто хорошо знакомъ съ туркменскимъ нарѣчіемъ.

2) Форма прошедшаго категорическаго въ данномъ случаѣ употребляется, очевидно, въ значеніи будущаго съ оттънкомъ увѣренности, непреложности или даже въ значеніи повелительнаго наклоненія. Подобное употребленіе данной формы (ер. русское «пошелъ! = ступай» и «я поѣхалъ = я непременно поѣду») мнѣ встрѣчалось въ нарѣчіяхъ каз.-киргизскомъ, алтайскомъ, крымскомъ и у Абульгази. Ср. П. Меліоранскій, Краткая грамматика казакъ-кирг. языка, II, стр. 32, «Алтайская грамматика», стр. 235, Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ ак. Радлова, т. III, стр. 30, 3, т. VII стр. 163, 2—3 сверху, Histoire des Mogols et des Tatars par Aboul-Ghazi, изд. бар. Демезона, т. I, стр. 700, т. II, стр. 321.

выбираются имена самыя неслестныя, *непривлекательныя*. Такъ, я знаю одного мерскаго текинца съ именемъ Ит-Алмазъ («собака не возьметъ»); родители назвали его такъ въ расчетъ, что если его даже «собака не возьметъ», то и шайтанъ имъ не соблазнится. Имя Ит-алмазъ извѣстно и среди ахальскихъ текинцевъ: оно мнѣ встрѣтилось на слѣдующихъ страницахъ вышеупомянутыхъ «Матеріаловъ» (ч. I): 27—ауль Геокъ-тепе I, 38—ауль Геокъ-тепе II, 56—ауль Геокъ-тепе III, 72—ауль Зоу, 86—ауль Изгандъ, 94—ауль Канджикъ, 105—ауль Кахшаль, 137—ауль Каши, 179—ауль Эриккала, 225—ауль Арчманъ, 253—ауль Беурме.

Пользуясь случаемъ, я позволяю себѣ высказать пожеланіе, чтобы изслѣдователи разныхъ турецкихъ племенъ обратили специальное вниманіе на личные имена; слѣдовало бы составлять полные алфавитные списки личныхъ именъ, мужскихъ и женскихъ, по отдѣльнымъ племенамъ съ подробными указаніями, въ какихъ случаяхъ, въ какую историческую эпоху, кому и почему давалось или дается данное имя. Впослѣдствіи явилась-бы возможность произвести весьма интересное въ культурно-историческомъ отношеніи сравнительное изслѣдованіе личныхъ именъ всего турецкаго народа.

Начало пункта 11-го статьи В. А. Гордлевскаго, по поводу которой я составилъ настоящую бѣглую замѣтку, страдаетъ, къ сожалѣнію, неопредѣленностью: не указывается, *на какой день* послѣ рожденія дается ребенку имя; если «*Обыкновенно* (курсивъ вездѣ нашъ) выборъ имени зависитъ отъ *вкуса родителей*», то интересно было бы знать, отъ *чьего* вкуса и отъ *вкуса* ли только зависитъ выборъ имени въ *необыкновенныхъ* случаяхъ и что значить: «обыкновенно». Въ городѣ Хивѣ, напротивъ, по сообщенію Батыр-бая¹⁾, ребенку даютъ имя черезъ семь дней послѣ рожденія; если родится *мальчикъ*, и отецъ его занимаетъ одинъ изъ 4-хъ высшихъ служебныхъ постовъ (wāzir), то имя даетъ самъ *ханъ*; сыну *муллы* имя дается *казіемъ*, *муфтиемъ* или *реисомъ*; сыну обыкновеннаго обывателя (пукара) имя дается кѣмъ-нибудь изъ родныхъ, или отцомъ и матерью, или — наконецъ — *старшиной квар-*

1) См. о немъ Извѣстія Русскаго Комитета для изученія Ср. и Вост. Азій, № 9, стр. 24 (мой отчетъ о поѣздкѣ въ Хиву).

тала (аксакал). При выборѣ имени руководятся *примѣтами* (*ірім ӓтӓд*; см. словарь ак. Радлова II, 719: *рым*; слово известно и туркменамъ). Въ Хивѣ существуетъ нѣкоторая разница между именами городскихъ жителей и сельскихъ (*јауан атлары*).

А. Самойловичъ.

Апрѣль 1911 г. С.-Петербургъ.

Плугъ у восточныхъ монголовъ*.

(Съ тремя рисунками).

Описываемый мною плугъ, видѣнный въ княжествѣ Баринь, повидимому, не вполне совпадаетъ съ китайскимъ плугомъ, отмѣченнымъ о. Іакинѣомъ¹⁾, хотя очевидно и этотъ плугъ заимствованъ монголами отъ китайцевъ. Земледѣіемъ монголы занимаются только въ тѣхъ частяхъ Монголіи, гдѣ ихъ начинаютъ тѣснить китайцы и гдѣ заселяя свободныя земли лишаютъ монголовъ возможности кочевать. Въ большинствѣ случаевъ монголы вытѣсняются въ наименѣе удобныя мѣста и въ этихъ краяхъ быстро идетъ ихъ окитаиваніе.

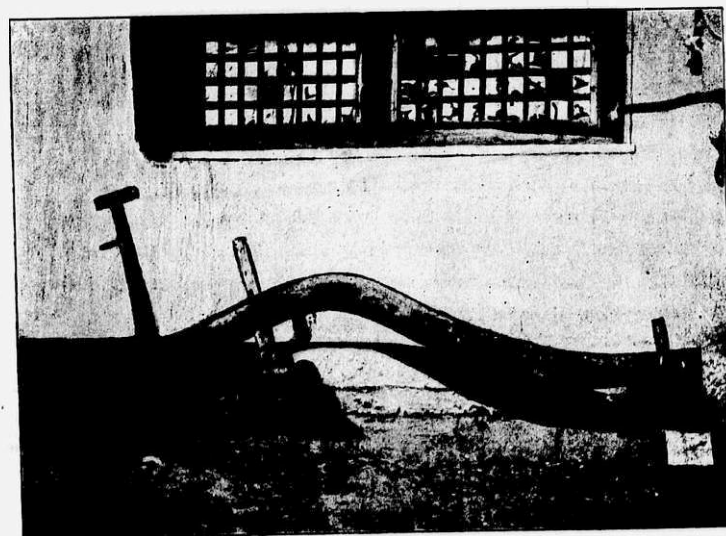

Рис. 1.

Этотъ фотографическій снимокъ (Рис. 1) сдѣланъ мною въ 1899 г. Правый конецъ грядила поставленъ на подставку, не относящуюся къ плугу.

* Перепечатывается съ нѣкоторыми измѣненіями изъ моей диссертациі: «Матеріалы по говорамъ Восточной Монголіи» (Изд. Фак. Вост. яз. № 30). СПб. 1911. Стр. 163, 248, 249 и др. Мои данныя о плугѣ по мнѣнію этнографовъ могутъ затеряться, такъ какъ заглавіе моей книги не даетъ указаній на содержащійся въ ней этнографическій матеріалъ.

1) «Земледѣіе въ Китаѣ, съ семидесятью двумя чертежами разныхъ земледѣльческихъ орудій». СПб. 1844; стр. 11.

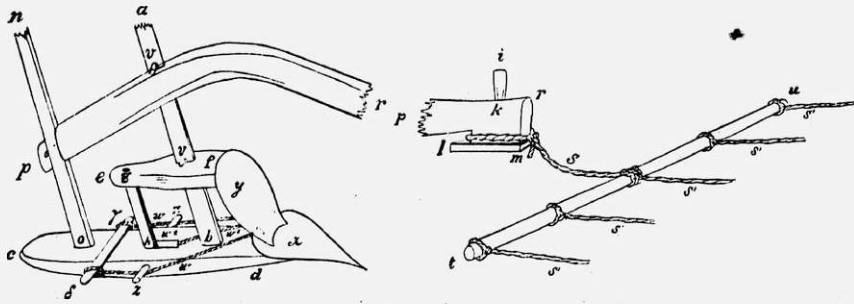

Рис. 2.

На рис. 2 и 3 соотношение частей изменено для более наглядного изображения некоторых подробностей.

a — b стояк — сомо.

c — d полость — сур.

e — f полка отвала — толін гер.

g — h подпорка полки отвала — толін герін толір.

i — k втулка на концѣ грядилы — шонгоного.

l — m досечка для постромок — шонгоного дод модо.

n — o ручка ¹⁾ — беріл.

p — r грядиль ²⁾ — бухо.

s, s¹ постромки — дсе.

t — u круглая палка, отъ которой идутъ

8 постромокъ, для припирки четырехъ половъ въ рядъ — дурвудин модо.

v, z, γ — δ чеки, затычки — хундлен чу.

w, w¹, w² веревки — хошуні ородау.

x сошникъ, лемехъ — хошү.

y отваль — толі.

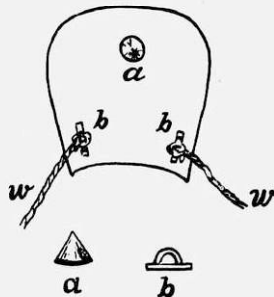

Рис. 3.

Рисунокъ отвала (*y*) сзади (рис. 3).

a шпинецъ на отваль — толін герін момү. *b* ушко на отваль — толінс сенці.

Буква *w* — та же, что на рисункѣ 2. Внизу показанъ видъ частей *a* и *b* со стороны.

Андрей Рудневъ.

1) Длина ручки на рукояті рис. около 1/4 аршина.

2) Длина грядилы около 3 1/4 аршина.

Критика и библиографія.

8. K. Rhamm. Ethnographische Beiträge zur germanisch-slawischen Altertums-kunde. Zweite Abteilung, zweiter Teil. Germanische Altertümer aus der slawisch-finnischen Urheimat. Erstes Buch. Die Altslawische Wohnung. Mit 45 in den Text eingedruckten Abbildungen. Braunschweig. 1910. X+431. 8°. Цѣна 15 марокъ.

Ноя подзаглавіе «Древнеславянское жилище», книга К. Рамма почти всецѣло посвящена однако же не столько славянскому, сколько специально русскому жилищу. Это послѣднее авторъ склоненъ отождествлять, поскольку дѣло касается болѣе существенныхъ частей русскаго дома, съ жилищемъ древнеславянскимъ. К. Раммъ разсуждаетъ такъ: Развитіе славянскаго дома на всемъ громадномъ пространствѣ отъ Карпатъ до Урала и далѣе обнаруживаетъ замѣчательное единообразіе (Gleichförmigkeit), какого на такомъ громадномъ пространствѣ, вѣроятно, нигдѣ болѣе не встрѣтить. Это единообразіе не ограничивается только областью русскіхъ славянъ; оно наблюдается также и у поляковъ, у словаковъ вплоть до Моравіи, словомъ — у всѣхъ тѣхъ славянъ, которые живутъ въ предѣлахъ своей старой родины и которые еще не измѣнили окончательно своимъ преданіямъ. Но великоруссы, какъ наиболее удаленные отъ чужихъ вліяній, лучше всѣхъ другихъ славянъ сохранили древнѣйшія особенности древнеславянскаго жилища. Такъ, напримѣръ, дома на высокихъ срубкахъ (Stockhaus), *гобцы*, *чуманг* въ древнѣйшемъ значеніи «отгороженной части избы около печи», — эти черты древнеславянскаго жилища сохранились теперь только у великоруссовъ. — Всѣ главныя особенности великорусскаго жилища и, въ частности, великорусской избы Раммъ возводитъ такимъ образомъ къ древнеславянскимъ временамъ. Не удивительно поэтому, что главное вниманіе въ своей книгѣ онъ удѣляетъ именно русскому, въ частности — великорусскому жилищу.

Книга К. Рамма состоитъ изъ предисловія и двухъ частей. Первая часть описательная; она посвящена выясненію главныхъ типовъ русскаго жилища и ихъ географическому распространенію. Въ качествѣ особой главы въ эту часть входитъ описаніе крыши. Вторая часть книги посвящена внутреннему устройству русской избы и, главнымъ образомъ, доказательству того, что устройство это обязано своимъ существованіемъ германскому вліянію. Здѣсь мы находимъ рядъ этимологій, частью новыхъ, частью уже извѣстныхъ; названія частей русскаго дома: *изба*, *чуманг*, *шблнуша*, *полъ*, *гобцы*, *полати* и *шелмз* объяснены изъ германскаго (древне-скандинавскаго) языка.

Первая часть книги Рамма представляет собою весьма ценный вкладъ въ науку русской этнографіи. Привести въ стройную научную систему разнообразные типы русскихъ жилищъ, описанные большею частью случайными наблюдателями крайне плохо, неясно и неполно, — заслуга большая и важная.

Въ пестромъ разнообразіи русскихъ крестьянскихъ жилищъ авторъ различаетъ два главныхъ типа, которые онъ называетъ искусственными терминами «Stockhaus» и «Niederhaus». Мы переведемъ эти термины выражениями: «изба на подклѣтѣ» и «хата». Хата устраивается непосредственно на землѣ, а изба на подклѣтѣ имѣетъ подъ собою «подполье», родъ подвала. Хаты составляютъ обычное жилище малорусовъ, бѣлорусовъ, западныхъ славянъ и отчасти южновеликорусовъ; избы на подклѣтѣ свойственны только великоруссамъ, точнѣе — сѣверновеликоруссамъ. Установить границу между этими двумя типами русскихъ построекъ К. Рамму не удалось, но вообще — губернію Московскую, сѣверную половину Рязанской и востокъ Смоленской онъ относитъ къ области избъ на подклѣтахъ, а губерніи Тульскую и Калужскую — къ области хатъ. Что касается восточныхъ губерній, куда славянское население проникло сравнительно поздно, то здѣсь, въ губерніяхъ Пензенской, Симбирской, Казанской и др., теперь возобладалъ типъ избъ на подклѣтѣ, но замѣтны слѣды борьбы его съ хатою, и окончательную побѣду первыхъ К. Раммъ относитъ къ недавнему времени.

Въ типъ избъ на подклѣтѣ авторъ различаетъ двѣ особыхъ разновидности, которыя онъ окрестилъ терминами Niederstockhaus (мы переведемъ: изба на низкомъ подклѣтѣ) и Hochstockhaus (изба на высокомъ подклѣтѣ). Въ первыхъ подполье не имѣетъ самостоятельнаго значенія: имъ или совсѣмъ не пользуются, или же пользуются только случайно. Такого рода постройки авторъ отмѣчаетъ у финновъ Симбирской и Уфимской губерній (изъ извѣстной книги Гейкеля о финскомъ жилищѣ, с. 50 и 53). Въ избахъ на высокомъ подклѣтѣ подполье играетъ роль самостоятельного этажа, служа кладовой или же помѣщеніемъ для скота. Избы на высокомъ подклѣтѣ Гейкель называлъ «новгородскимъ способомъ постройки», что Раммъ находить неточнымъ.

Великорусскія избы на высокомъ подклѣтѣ всегда соединяются теперь въ одно цѣлое съ «дворомъ», т. е. съ постройкою, заключающею въ себѣ помѣщенія для скота и скотскаго корма. Эту постройку Раммъ называетъ народнымъ русскимъ терминомъ «дворъ», а также «Stockdvor» (что мы переводимъ выраженіемъ «дворъ съ поветью»). Соединеніе жилого помѣщенія съ этимъ скотнымъ дворомъ въ одно цѣлое нашъ авторъ окрестилъ терминомъ Hofhaus, что мы переведемъ народнымъ выраженіемъ «связь» или «изба связь».

Съ точки зрѣнія взаимоотношенія между жилою избою и связаннымъ съ нею дворомъ Раммъ различаетъ двѣ новыхъ разновидности великорусскаго жилища: Ein-

bau (мы переводимъ: однорядная связь) и Zwiebau (мы переводимъ: двухрядная связь). Въ однорядной связи изба и дворъ связаны между собою по длинѣ, такъ что дворъ находится сзади избы; развитіе жилого помѣщенія здѣсь идетъ въ ширину. Въ двухрядной связи, напротивъ, дворъ примыкаетъ къ жилой избѣ сбоку, такъ что лицевая сторона обѣихъ построекъ лежитъ въ одной плоскости. Здѣсь развитіе жилыхъ помѣщеній шло въ длину: вторая изба — тамъ, гдѣ она есть — строится сзади первой. Для двухрядной связи характерно еще, по словамъ Рамма, подраздѣленіе двора на двѣ части, изъ которыхъ одна крытая, а другая открытая.

Въ качествѣ образца однорядной связи Раммъ приводитъ описаніе сельвическихъ построекъ Н. Иваницкаго (Живая Стар. 1898, с. 3 и слѣд.) и архангельскихъ построекъ П. С. Ефименко. Для двухрядной связи онъ приводитъ три описанія, но всѣ недостаточно ясныя (Этногр. Обзор. 1899, с. 197—207, «Очерки Пошехонья»; Этно. Сборн. II, с. 8 и слѣд., тоже изъ Пошехонья, и Этно. Сборн. I, с. 78 и слѣд., изъ Моложскаго уѣзда). Двухрядная связь распространена сравнительно очень мало, только въ губерніяхъ Ярославской и Вологодской. Граница между областями распространенія однорядной и двухрядной связи совпадаетъ, по Рамму, съ границами губерній — Архангельской, Олонецкой, Вологодской и Новгородской съ одной стороны и Ярославской и Костромской — съ другой. Средоточный и исходный пунктъ распространенія двухрядной связи авторъ склоненъ видѣть въ Ярославской губерніи, а однорядной — въ области къ востоку отъ Новгорода.

Кромѣ связи однорядной и двухрядной, возможна еще связь «поперечная» (Querbau), описаніе которой дано Синозерскимъ изъ Боровичскаго уѣзда Новгородской губерніи (Жив. Стар. 1899, с. 422). Здѣсь дворъ примыкаетъ къ жилымъ помѣщеніямъ — сѣнямъ и клѣти — сбоку, подъ угломъ. Раммъ считаетъ такого рода постройку исключеніемъ, и въ свою систему ее не вводитъ. (Но намъ извѣстно, что весьма близкій къ этому типу способъ постройки распространенъ въ Вятской губерніи; это такъ называемая постройка «глаголемъ», т. е. расположенныя въ видѣ буквы Г).

Въ противоположность избамъ на подклѣтѣ, хата, какъ мы уже видѣли, устраивается непосредственно на землѣ, а не на возвышеніи изъ сруба. Кромѣ того, на улицу хата обращена не фронтономъ, а длиною стороною; деревянный полъ обычно не покрываетъ всего пространства хаты, а занимаетъ только одну часть ея и служитъ особымъ помостомъ; крыша хаты бываетъ большею частью на четыре ската, круглая, а не двухскатная, какъ то у избъ на подклѣтѣ. Наконецъ, въ южновеликорусской хатѣ печь находится не въ дверномъ углу, а въ углу лицевой стороны дома; этотъ признакъ отличаетъ южновеликорусскую хату не только отъ сѣверновеликорусскихъ избъ, но также и отъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ хатъ.

Такимъ образомъ, отличіе хаты отъ избы касается не только сравнительной высоты зданія, но и всего устройства жилища. Оба эти типа русскаго жилища Раммъ

считает независимыми одно от другого и одинаково восходящими къ древнеславянской (но не къ праславянской) эпохѣ.

Описанія великорусскихъ хатъ взяты Раммомъ изъ «Этнографическаго Сборника» (II, 100—102: Новосильск. у.; V, ст. 6, с. 2—8: Оболенск. у.).

Внутреннее устройство жилого помѣщенія въ избѣ и хатѣ почти одинаково. И тамъ, и здѣсь мы видимъ печь, расположенную всегда въ углу и служащую главнымъ образомъ для выпечки хлѣба; *очагъ* русскому жилищу совершенно чуждъ. Пространство около печи нерѣдко отдѣляется отъ общаго помѣщенія особою перегородкою или занавѣскою и, служа специально женскою частью жилища, носитъ названіе «чуланъ», а на крайнемъ сѣверѣ Европейской Россіи — «шолнуша». Столь же необходимая принадлежность жилого помѣщенія — «полати», высокое мѣсто для сна; наконецъ, — «полъ», о различіи въ устройствѣ коего сказано выше, голбецъ, т. е. пометъ около печи надъ входомъ въ подполье, «коникъ» для сна хозяина, получившій свое названіе отъ украшенія въ видѣ конской головы, и «кутникъ».

Это однообразіе во внутреннемъ устройствѣ какъ русскаго, такъ и вообще славянскаго жилища основывается, по Рамму, не на общности историческаго развитія, а на заимствованіи; въ древнеславянскую эпоху (которую необходимо отличать отъ эпохи праславянской), когда славяне жили еще въ Карпатахъ, славянское жилище подверглось сильному влиянію со стороны германскаго, а именно древнескандинавскаго жилища. Доказательство этому — въ томъ, что всѣ перечисленные выше главныя особенности русскаго жилища вполне соответствуютъ древнескандинавскимъ и носятъ германскія имена. Только для коника и кутника Раммъ не нашелъ никакихъ соответствій въ древнескандинавскомъ жилищѣ; да еще сѣверновеликорусское названіе избного чулана *шолнуша* заимствовано было, по его мнѣнію, не въ древнеславянскую эпоху, а въ XIII-мъ вѣкѣ, отъ тѣхъ варяговъ, которые обитали еще въ то время на Руси около Ладожскаго озера.

Чтобы покончить съ изложеніемъ содержанія книги Рамма, необходимо еще указать, что послѣдняя глава этой книги посвящена древнеславянскому жилищу съ очагомъ, южнославянской *кучѣ* и древнерусской *грядницѣ*.

О научныхъ достоинствахъ книги Рамма мы говорили выше. Относительно недостатковъ прежде всего замѣтимъ, что авторъ воспользовался въ своей книгѣ далеко не всею литературою о русскомъ жилищѣ, вѣдѣствуя чегъ географическое распространеніе разныхъ типовъ жилища изложено у него очень неточно, да и типы указаны не всѣ. Кромѣ названныхъ выше великорусскихъ построекъ «глаголемъ», можно еще указать отсутствующія у Рамма постройки «покоемъ», т. е. въ видѣ буквы П; этотъ типъ распространенъ также на Вяткѣ.

Касательно второй части книги Рамма замѣтимъ, что относить къ древнесла-

вянскому періоду заимствованіе словъ голбецъ и чуланъ достаточныхъ оснований нѣтъ. Предложенная имъ этимологія слова полати (изъ сканд. *loptr*) совсѣмъ неубѣдительна и не можетъ соперничать съ старой этимологіей (изъ греч. *παλάτιον*). Греческое, а отчасти также и турецкое влияніе на русское жилище сравнительно очень сильны, и прежде выясненія степени и времени этихъ влияній нельзя отождествлять русское жилище съ древнеславянскимъ и огуломъ выводить его изъ древнескандинавскаго. Необходимо также выяснитъ туземныя русскія названія разныхъ частей жилища, частью вытѣсненныя въ послѣдствіи чужими терминами; таковы: *мостъ* вм. полъ, *середѣ* вм. чуланъ, *привалокъ* и *прилавокъ* вм. голбецъ, *воронѣцъ* и *грядка*. Наконецъ, изслѣдователю не трудно разыскать слѣды поздняго сравнительно развитія сѣверновеликорусской избы на подклѣтѣ изъ старой хаты, развитія, совершившагося, быть можетъ, не безъ влиянія церковной греческой архитектуры; а это противорѣчило бы всей системѣ Рамма. Нѣкоторыя подробности, касающіяся этихъ нашихъ замѣчаній, читатель найдетъ въ нашей рецензіи на книгу Рамма, напечатанной въ журналѣ Ягича *Archiv für slavische Philologie* 1910 г. (т. 32, с. 594—605); другія данныя мы намѣрены изложить въ своемъ особомъ трудѣ о великорусскомъ жилищѣ. Въ настоящей же своей рецензіи мы хотѣли только обратить вниманіе русскихъ читателей на весьма полезную книгу г. Рамма и коротко изложить главное содержаніе этого огромнаго и выдающагося труда.

Въ заключеніе позволимъ себѣ дать табличку наиболѣе необходимыхъ терминовъ, созданныхъ Раммомъ для названія разныхъ типовъ русскаго жилища, и предлагаемаго нами русскаго перевода этихъ терминовъ. По поводу этого перевода мы просили бы высказаться русскихъ изслѣдователей: однообразіе терминологіи дѣло существенной важности, но его можно достигнуть только при общемъ обсужденіи и соглашеніи. Названія мы заимствовали вообще изъ народной рѣчи. Русскій народъ въ своей терминологіи сравнительно очень точенъ, и, напримѣръ, область распространенія терминовъ избѣ и хатѣ совпадаетъ съ областью распространенія типовъ жилища, названныхъ у Рамма искусственными именами: *Stockhaus* и *Niederhaus*. Раммъ старается, правда, доказать, что тамъ, гдѣ теперь жилище называютъ хатой, прежде называли его избой, и въ доказательство ссылается на малорусское слово *при́зба* «завалина вокругъ избы» (с. 98). Но въ этомъ онъ не правъ: слово *при́зба*, *при́сба* происходитъ отъ глагола *сы́пать* (Потебня, Разборъ сочиненія П. Житецкаго «Очеркъ звуковой исторіи и т. д.», 67). — Вотъ предлагаемые нами русскіе термины:

Niederhaus — хата; *Stockhaus* — изба на подклѣтѣ; *Nieder-, Hoch-Stockhaus* — изба на низкомъ, на высокомъ подклѣтѣ; *Stockdvor* — дворъ съ повѣтью; *Hofhaus* — связь (или: изба связью); *Einbau* — однорядная связь; *Zwiebau* — двухрядная связь.

Дм. Зеленинъ.

9. **Каталогъ библіотеки** Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III (за время съ 1 Декабря 1909 г. по 30 ноября 1910 г.). С.-Петербургъ. 1911. Стр. 46 in 4°. (Изъ «Отчета Русскаго Музея Императора Александра III»).

Нельзя не приветствовать мысли управленія Русскаго Музея сообщать специалистамъ и всѣмъ интересующимся этнографіею о новѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ библіотеки Этнографическаго Отдѣла Музея. Весьма немногія изъ большихъ Петербургскихъ библіотекъ печатаютъ подобные списки, между тѣмъ для всякаго занимающагося важно не терять времени на разыскиваніе по библіотекамъ книгъ, которыхъ въ концѣ концовъ часто ни въ одной изъ петербургскихъ библіотекъ и не найдешь. Такіе случаи, особенно за послѣднее время, слишкомъ часты, и печатаніе списковъ новыхъ пріобрѣтеній могло бы оказать и ту услугу, что наглядно показало бы книжное убожество Петербурга, когда-то стоявшаго въ одномъ ряду съ иностранными городами, которые нынѣ своими книжными богатствами давно уже оставили его позади. У насъ, къ сожалѣнію, принято слишкомъ легко смотрѣть на эту, ставшую въ Петербургѣ хроническою, книжную голодовку, причемъ совершенно упускаютъ изъ виду, что заполнить пробѣлы нѣсколькихъ лѣтъ очень трудно, а иногда и невозможно.

Разбираемый нами «Каталогъ» показываетъ, что и Русскому Музею отпущены слишкомъ незначительныя суммы на покупку книгъ и что Музей можетъ позволить себѣ пріобрѣтеніе лишь немногихъ дорогихъ изданій; между тѣмъ, именно въ области этнографіи особенно часты дорогія изданія съ таблицами и рисунками. Музею должны быть даны средства на составленіе настоящей рабочей библіотеки по этнографіи, гдѣ специалисты могли бы работать, находя нужныя имъ книги въ одномъ мѣстѣ, а не собирая книжныя крупицы по всѣмъ книгохранилищамъ Петербурга, какъ это приходится дѣлать теперь.

Переходя къ содержанію «Каталога», мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, вызванныхъ у насъ его просмотромъ.

Прежде всего, хотѣлось бы видѣть указанія на условія пользованія библіотекою Отдѣла для лицъ, не принадлежащихъ къ Русскому Музею, если такое пользованіе разрѣшается. Затѣмъ, по нашему мнѣнію, напрасно соединены съ печатными изданіями и рукописи и рисунки: ихъ необходимо выдѣлять въ самостоятельный отдѣлъ, и сдѣлать это не трудно, такъ какъ подобныхъ поступленій, по самому существу дѣла, не можетъ быть много. Въ каталогъ есть нѣсколько указаній, вроде: Фарфоровскій — рукопись (стр. 33), миниатюра персидская (стр. 19).

При изданіи перваго «Каталога» желательно также было бы имѣть объясненіе сигнатуръ и системы каталогизаціи библіотеки, что легко сдѣлать въ немногихъ словахъ.

Закончимъ нѣсколькими замѣчаніями корректурнаго характера: стр. 2, Баронъ X[p.] и [Г.] Виссендорфъ и т. д.; необходимо было указать, что основное заглавіе латышское: Kr. Barons un H. Wissendorfs. Latviju Dainas; кромѣ того надо было отмѣтить, что первый томъ изданъ въ Митавѣ и Ригѣ; стр. 23, Пекарскій Э. К. и Васильевъ В. Н. — Плящъ и бубенъ якутскаго шамана. — СПб. 1910; не указано, что это только оттискъ изъ сборника «Матеріалы по этнографіи Россіи»; стр. 42, при Kern читай Saddharmapundarika; не отмѣчено также, что изданіе это принадлежитъ къ серіи Bibliotheca Buddhica, которая вообще не указана, что противорѣчитъ принятой въ «Каталогъ» системѣ выдѣлять серіи.

Этими небольшими замѣчаніями мы, конечно, отнюдь не хотимъ умалить значеніе прекраснаго начинанія, которому желаемъ полного успѣха и побольше подражателей.

Сергій Ольденбургъ.

10. *Lietuvių tauta Lietuvių Mokslo draugijos raštai.* (L T). Kniga I, Dalis 1—4. Vilniuje 1907—1910. 8°. 584 стр.

Въ 1910 г. Литовское Научное Общество окончило печатаніе первой книги своихъ изданій, выходившихъ съ 1907 года, въ четырехъ выпускахъ или частяхъ (dalis). Общество, основанное въ 1907 году 25 марта, имѣло пять собраній и обнародовало сорокъ шесть статей различныхъ (всего 20) авторовъ. Цѣль Общества какъ и журнала его «Литовское племя» состоятъ въ собраніи свѣдѣній и наблюденій надъ географической областью Литвы и ея жителей. Такимъ образомъ его вѣдѣнію подлежатъ изслѣдованія не только историко-географическаго, но и въ особенности этнографическаго и культурно-историческаго характера. Не исключено, конечно, и обследованіе Литвы въ геологическомъ, зоологическомъ, ботаническомъ и др. естественно-историческихъ отношеніяхъ. Въ первой книгѣ пока только нашли мѣсто наблюденія надъ исторіею литовскаго возрожденія и литовской литературы, археологій, антропологій и надъ этнологіею Литовскаго края. По антропологій заслуживаетъ быть отмѣченной для специалистовъ статья доктора Д. Буканта «Iš Ežerėnų apylinkės lietuvių antropologijos» Наблюденія надъ антропологіею Литовцевъ окрестностей города и уѣзда Ново-Александровскаго (Озеряны, Ežerėnai, Озерянскаго уѣзда) стр. 454—463. Сообщаются не только свѣдѣнія о Литовцахъ, но также и антропометрическія данныя относительно Латышей, Евреевъ и русскихъ Старовѣровъ. Латыши месокефалы, Литовцы брахикефалы и т. д. Особенно богатъ этотъ первый томъ изданія Литовскаго Научнаго Общества данными по языку, мифологій и археологій. Казиміръ Казим. Буга помѣстилъ девять статей по языку и мифологій Литвы (Romowe, Criwe, Zinec, Waidelotte, Swaistyx, Panicke, Rickoyotas, Diewaitis). Докторъ Тотарайтисъ, известный авторъ монографіи «Die Littauer unter dem König Mindowe» обнародовалъ памятники живой старины прихода Даукши, Кальвар. у., Сув. губ. и свѣдѣнія о городищѣ (pilekalnas)

въ Лишковѣ, Шурпиллахъ (Surpil городъ ятвяжскаго кунига-князя Шурпа). Слѣдуетъ отмѣтить въ этой статьѣ слово *krivė* въ значеніи кривой палки и схода деревенскаго общества вмѣсто болѣе распространеннаго *krivulė* или *krivuilė* Владиславов. у. и фразы *ainu in krivė* (Даукин), *ainu i krivuilė*, *ainu i kuora*, *idu na kopu* (копное собрание), на сходъ (дер. общество), собрание мужчинъ *vugija* отъ слова *vugas*, мужъ, мужчина. «Кривая палка» въ Сув. г. въ Пильвишкахъ, Сынтовахъ, Шильгаллахъ имѣетъ форму кривой палки, а въ новѣйшее время уже простой палочки съ записочкой, напр., такого образца: *Ryta tai yra Serados 8/21 Gruodžio 10 Valanda ryta tur pribut Visi Ukininkai i Raštine ant sueigos pagal taisyma kielio: «завтра то есть въ среду 8/21 декабря въ 10 часовъ утра имѣютъ прибыть всѣ хозяева въ канцелярію (гминную) на сходъ на предметъ исправленія дороги» или «чтобы всѣ прибыли подъ угрозою штрафа» ant sueigos 8/21 Sausio (февраля) 9 Valanda iš rito Už neprivivima bus baudus po 1 rubleli «въ 9 часовъ утра, за неприбытіе будетъ штрафъ по 1 рублю».*

— Кс. Жюгасъ въ третьемъ выпускѣ первой книги «LT» обнаружилъ съ приложеніемъ карты и рисунковъ ископаемыхъ предметовъ результаты своихъ археологическихъ изслѣдованій въ окрестностяхъ Гайды, филиальнаго прихода Ново-Александр. у. Ков. губ. между озерами Дисна и Дрисваты, по лит. *Drukšiu ežegas*. Статья озаглавлена «Archaiologiški tyrinėjimai Gaidės apylinkėje» (стр. 313—333). Кромѣ того напечатаны: 1) письмо покойнаго литовскаго лингвиста Каз. Явниса о сборникахъ литовскихъ пѣсень Антона Юшкевича (стр. 549—562), написанное 6 марта 1879 года и заключающее въ себѣ полное изложеніе системы правописанія и оцѣнку собирательской дѣятельности этого извѣстнаго литовскаго фольклориста; 2) письма покойнаго А. Барановскаго (всего 15), литовскаго поэта и лингвиста къ профессору И. А. Бодуэну де Куртенѣ, написанныя съ 1876 по 1895 годъ и касающіяся вопросовъ главнымъ образомъ литовской грамматики и фонетики (стр. 408—433).

Большее третей всей книги, то есть 202 стр., занимаютъ изслѣдованія председателя молодого Научнаго Общества Ивана Юрьевича доктора Басановича (род. 22 XI. 1851 г.) по исторіи Сейненскаго епископата, освобожденія крестьянъ въ Бартнижской вол. (родины автора) Сув. губ. и, главнымъ образомъ, по лит. и еракійскому фольклору. Эти, съ чисто юношескимъ увлеченіемъ написанные этюды озаглавлены: 1) «Levas lietuvių pasakose ir prūsų-kai-trakiškoje dailėje» «Левъ въ литовскихъ сказкахъ и въ фригійско-еракійскомъ искусствѣ, фольклористическо-археологическая студія». Къ этому этюду, ко второму выпуску, приложена тридцать одна таблица рисунковъ, характеризующихъ львиный орнаментъ въ памятникахъ искусства у Египтянъ, въ Персіи, Малой Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ; 2) *Meška-lókis-lúšis*. Статья эта касается литовскихъ названій медвѣдя, росомахи, рыси и вообще зоологической номенклатуры. — Кромѣ перечисленныхъ статей здѣсь помѣщены еще краткія

описанія обычаевъ погребальныхъ (*Arpie senovės žemaičių šermentis*), дожинокъ (*raibaigtuves*) на Жмуди и замѣтки библиографическаго характера. Изъ протоколовъ засѣданій Лит. Научн. Общ. и его комитета обнаруживается, что одна изъ главныхъ заслугъ Общества состоитъ въ собраніи коллекцій этнографическаго и лингвистическаго содержанія, разбросанныхъ до 1907 года по бѣлому свѣту, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ. Въ Общество поступили уже цѣныя коллекціи предметовъ Антрополог.-Этнограф. выставки въ Парижѣ, собранія книгъ и рукописей изъ обществъ «Бируты» въ восточной Пруссіи, Американскаго объединенія лит. Обществъ, рукописей Юшкевича, Пошкус-Пашкевича и С. Довконта. Кромѣ того, въ помѣщеніи Общества находится драгоценная бібліотека самого президента И. Басановича, интересная по специальному подбору матеріаловъ для разъясненія вопросовъ литовологіи и еракійскаго фольклора. Въ настоящее время Общество озабочено сборами пожертвованій на постройку *особаго* дома для помѣщенія своего Музея и драгоценной бібліотеки. Уже и теперь надо сказать, что изслѣдователю литовской старины и народности необходимо пользоваться коллекціями и этнографическими матеріалами Лит. Научн. Общества (*Lietuvių Mokslo draugija*) въ Вильнѣ. Къ сожалѣнію, нѣтъ еще описи предметовъ древностей Литвы и ея живой старины, антропологіи и этнографіи губерній Сувальской, Ковенской, Виленской и части Прусско-Литовскихъ областей. Число членовъ Общ. 279 чел., изъ нихъ 6 почетныхъ, 8 чл. корреспондентовъ, 5 чл. сотрудниковъ, 2 члена благотворителя и 258 дѣйствительныхъ.

Тѣмъ же Обществомъ, весной 1910 года, издана краткая программа для собранія фольклористическихъ данныхъ «*Trumpa Folkloro dalykams rinkti programa*», составленная докторомъ К. Гриниусъ при участіи членовъ Фольклористической Комиссіи Э. А. Вольтера, Д-ра Басановича, Кс. І. Тумаса и адвоката А. Янулайтиса. Программа состоитъ изъ 234 вопросовъ и составлена, въ примѣненіи къ особенностямъ литовской живой старины по руководствамъ Я. Карловича, Гом'а и различнымъ программамъ Московскаго Общества Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи. Брошюра эта напечатана на 32 стр. въ 16° и разсылается желающимъ бесплатно. Только что въ № 55 (540) газеты «*Viltis*» отъ 15 мая с. г. напечатана программа предполагаемой *Литовской культурно-этнографической* выставки въ статьѣ подъ заглавіемъ: «*Rinkime ir taupykime savo turtą*». Л. Н. О. предполагаетъ устроить выставку предметовъ Литовской живой старины, католической крестьянской культуры (кресты, часовеньки), и предметовъ религіознаго культа и бытовой старины. Безъ сомнѣнія народъ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ отстаивавшій свою религіозную культуру и писменность, заслуживаетъ быть тщательно обследованнымъ какъ въ этнологическомъ, такъ и въ культурно-историческомъ отношеніяхъ.

Э. Вольтеръ.

11. Kalvaitis, W. Lietuwiskų wardų klėtele su 15000 wardų Lietuwii, kiemy, upių, gyvūnų, želmenų, metolų; žmogus, žodynėlis treczdale, mīnėto skaitlaus užima wokiszi wardai Litauischer Namenschatz von Dörfern, Flüssen, Lebenswesen, Pflanzen, Metallen, der Mensch und Wörtersammlung, denen auch deutsche Namen beigefügt sind. Surinko 1888—1894 m. ir iszleido... Tilžejo 1910. Spausdinta Otto v. Mauderodes. 8°. VII + 1 исп. + 117 + 1 бѣл.

Материалы по литовской ономастикѣ, собранные известным собирателем прусско-литовскаго народнаго творчества, могут быть, при известной критикѣ, полезным подспорьемъ при изученіи прусско-литовской Живой Старины и именослова. На ряду съ произведеніями художественной литовской литературы напр. Зауервейна-Гиренаса (стр. 112—113) и литературными и филологическими опытами и упражненіями самого Кальвайтиса на стр. 101 о изъности и богатствѣ литовскаго языка, на стр. 1—2 спискомъ именъ криве-кривейтовъ и старопрусскихъ старшинъ, мы встрѣчаемъ полезныя собранія литовскихъ прозвищъ и именъ крестьянъ стр. 3—24 и названій хуторовъ, помѣстій и селъ на стр. 24—67, рѣкъ и водныхъ урочищъ 68—72. Остальные сопоставленія имѣютъ характеръ популяризаціи свѣдѣній о литовскомъ языкѣ и его словарномъ богатствѣ для выраженія отъиновъ родства стр. 21—23, умиленія и ласкъ (Lieblichkeitsendungen стр. 24) и съ цѣлю пробужденія національнаго самосознанія въ защиту отъ нѣмецкаго культурнаго натиска. Полезно собраніе словъ для разработки литературной дикціи литовскаго языка въ Пруссіи на стр. 93—100. Весьма важно то, что собиратель вездѣ прибавляетъ нѣмецкое перетолкованіе національно-литовскихъ словъ и названій, изъ чего ясно обнаруживается степень отъмеченія литовской Пруссіи. Вообще книга Кальвайтиса, при всей добросовѣстности автора, принадлежитъ все же къ разряду сочиненій по націоналистическо-патріотическому народовѣдѣнію.

3. Вольтеръ.

12. С. Паткановъ. О приростѣ инородческаго населенія Сибири. Статистическіе матеріалы для освѣщенія вопроса о вымираніи первобытныхъ племенъ. Изд. Имп. Акад. Наукъ. С.-Пб. 1911. Стр. 240, in 8°.

Съ какими бы цѣлями ни приступать къ изученію того или иного племени, но прежде всего изслѣдователю приходится остановиться надъ вопросомъ о численности этого племени, о его расселеніи и о его общей жизнеспособности, выражающейся въ приростѣ или убыли населенія. Вся психологія племени вырождающагося, вынужденнаго шагъ за шагомъ уступать свое мѣсто въ природѣ представителямъ другой, болѣе счастливой расы, носить совершенно иной характеръ, чѣмъ психологія народности растущей, побѣдоносной въ жизненной борьбѣ, захватывающей для проявленія своихъ силъ все болѣе широкое поприще. По отношенію къ нашимъ сибирскимъ инородцамъ

вопросы этого рода до сихъ поръ остаются далеко не окончательно рѣшенными по отсутствію маломальски надежныхъ данныхъ. Даже перепись 1897 года, отъ которой, казалось бы, можно было ожидать, что она дастъ, наконецъ, прочное основаніе для подсчетовъ, оказалась совершенно непригодной для работающихъ по инородческимъ вопросамъ, такъ какъ опубликованныя таблицы всюду даютъ лишь цифры *наличнаго населенія* каждаго округа, тогда какъ цифры прежнихъ ревизій, т.-е. единственный матеріалъ, сколько-нибудь пригодный для сравненія, показываютъ численность *коренного* или *приписного* населенія вѣдомствъ и волостей.

Г. Паткановъ имѣлъ счастливую возможность воспользоваться данными не только о наличномъ, но во многихъ случаяхъ и о коренномъ населеніи различныхъ инородческихъ группъ; данныя эти имѣлись въ основныхъ матеріалахъ переписи, но почему-то не были использованы въ официальномъ изданіи, которое и оказалось, въ силу этого, лишеннымъ всякаго значенія для антрополога, для этнолога и для этнографа. Чтобы получить цифры, характеризующія приростъ или убыль коренного населенія каждой крупной инородческой группы, г. Паткановъ обращалъ изъ наличнаго населенія избранной единицы чужеродцевъ той же народности и присоединялъ къ подразделеніямъ этой группы на роды или другія мелкія единицы, исключать изъ наличнаго населенія избранной единицы чужеродцевъ той же народности и присоединялъ къ родовичей, застигнутыхъ переписью въ другихъ районахъ и потому официально считанныхъ именно тамъ, а не на родинѣ. Только носъ подобнаго рода переработки, сопровождавшейся, гдѣ только было возможно, вспомогательными приемами (сличеніе съ литературными показаніями, съ метрическими записями и т. п.), получились данныя, дѣйствительно освѣщающія вопросъ о приростѣ и темпѣ этого прироста у однихъ племенъ и отдѣльныхъ группъ какаго-либо племени и объ убыли другихъ. При разсѣянности нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ на громадной территоріи, входящей въ составъ различныхъ уѣздовъ, округовъ и областей, при совѣщности племенныхъ и родовыхъ названій, наконецъ, при трудности услѣдить за представителями несовершеннаго племени, забредающихъ часто почти невѣдомо куда, и при известномъ несовершенствѣ въ самой постановкѣ переписи 1897 года, г-ну Патканову, чтобы разобраться въ переписномъ матеріалѣ, несомнѣнно пришлось затратить огромный трудъ, требовавшій самаго напряженнаго и кропотливаго вниманія, но достигнутые авторомъ результаты вполне оправдали его усилія. Абсолютная точность въ подобнаго рода нечисленіяхъ едва ли вообще достижима; въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ авторъ излагаетъ свои выводы съ необходимой осторожностью, какъ вѣроятные или приблизительные (напр., на стр. 56, выводъ о приростѣ олекминскихъ якутовъ, и т. п.), но, въ общемъ, заключенія г. Патканова едва ли могутъ вызвать сомнѣніе въ ихъ основномъ соответствіи съ дѣйствительностью.

Цифры и выводы рецензируемаго труда, помимо своего интереса для науки, имѣютъ большое практическое значеніе, такъ какъ они тѣсно связаны съ основными

задачами государственной политики по отношению къ инородцамъ и предрекаютъ тотъ путь, слѣдуя которому государство могло бы спасти инородцевъ отъ вымирания, а ихъ промыслы отъ исчезновенія, и тѣмъ самымъ укрѣпило бы производительныя силы далекихъ окраинъ.

Въ окончательномъ итогѣ всѣхъ подсчетовъ, по г. Патканову, оказывается, что «*инородческое населеніе* (съ 1816 по 1897 гг.) *уменьшается въ числѣ во всѣхъ крупныхъ административныхъ единицахъ Сибири по сю сторону Станового хребта*» (стр. 17), но въ 3 сѣверныхъ округахъ Западной Сибири оно не отличается жизнеспособностью: тамъ инородцы или вымираютъ, или приостановились въ своемъ приростѣ; въ Колымскомъ округѣ Якутской области вымираетъ бродячее населеніе; въ Охотскомъ округѣ туземцы, сильно уменьшавшіеся въ своей численности до IX ревизіи, съ тѣхъ поръ, повидимому, не убыли вновь; наконецъ, въ Туруханскомъ краѣ обнаруживается нѣкоторый, весьма слабый, приростъ. Такимъ образомъ, убыль или приостановка прироста составляютъ удѣлъ инородческаго населенія лишь въ наиболѣе отдаленныхъ окраинахъ сѣвера и востока Сибири.

Въ третьей главѣ своего труда авторъ переходитъ къ наиболѣе интересному для исследователей обзору отдѣльных народностей и прослѣживаетъ измѣненія ихъ численности съ отдаленнѣйшихъ временъ, о какихъ сохранились свѣдѣнія, до 1897 года. Конечные выводы его при этомъ таковы:

Остяки «въ своей совокупности вымираютъ: изъ четырехъ округовъ, въ которыхъ они проживаютъ, они за послѣднія десятилѣтія уменьшились въ числѣ въ трехъ (въ Тобольскомъ, Березовскомъ и въ Нарымскомъ краѣ) и въ одномъ (Сургутскомъ) ихъ численность слабо увеличилась» (стр. 36).

Вогулы кочевые и бродячіе «въ Березовскомъ и Тобольскомъ округахъ не измѣнились въ числѣ со времени VIII ревизіи, а въ Туринскомъ уменьшились со времени X ревизіи. Осѣдлые вогулы этого округа, напротивъ, имѣютъ положительный приростъ, компенсирующій убыль кочевыхъ его вогуловъ, и въ результатѣ вогулы, какъ Туринскаго округа, такъ и всѣ вогулы губерній вообще, приблизительно сохранили численность, какую они имѣли въ X ревизію» (стр. 39).

Самоды распадаются на двѣ группы: «остяко-самоды и юраки вымираютъ, енисейскіе самоды и тавгійцы показываютъ положительный приростъ», но такъ какъ первыхъ больше, то «въ результатѣ общая численность самодскаго племени постепенно медленно падаетъ» (стр. 47—48).

Якуты, «какъ кочевники Якутской области, такъ и бродячіе Туруханскаго краѣ (включая долганъ), являются вполне жизнеспособнымъ племенемъ, которое, насколько у насъ хватаютъ данныя, постоянно имѣло положительный приростъ, въ послѣднія 4 десятилѣтія до переписи, однако, довольно слабый. Что касается до полуосѣдлыхъ якутовъ крайняго сѣвера Якутской области, то они, подобно другимъ мѣст-

нымъ инородцамъ (юкагирамъ, ламутамъ), уменьшились въ числѣ со времени X ревизіи, хотя и не такъ сильно» (стр. 59).

Мелкія тюркскія племена Западной Сибири, за исключеніемъ вымирающихъ карагасовъ, койбаловъ и барабинскихъ татаръ, въ общемъ значительно увеличились въ своей численности, а убыль киргизъ-кайсаковъ авторъ склоненъ объяснять выселеніемъ части ихъ въ другія мѣстности.

Собственно о *киргизахъ*, какъ о жителяхъ Степного края, г. Паткановъ, къ сожалѣнію, не даетъ никакихъ свѣдѣній, ограничиваясь для Западной Сибири изученіемъ населенія Тобольской и Томской губерній.

Бураты, по заключенію автора, обнаруживаютъ большое различіе по мѣсту своего обитанія: въ то время какъ въ Забайкальской области бурятское населеніе (мѣстами сильно перемѣшавшееся по крови съ тунгусами) показываетъ приростъ, въ Иркутской губерніи, послѣ X ревизіи, изъ 18 вѣдомствъ въ 9 бураты убыли болѣе чѣмъ на $\frac{1}{10}$ своего прежняго числа, въ общемъ же за весь указанный періодъ они имѣли по цѣлой губерніи совершенно ничтожный приростъ въ 1,30 pro mille.

Тунгусы въ Иркутской губерніи быстро вымираютъ, въ Енисейской нѣсколько увеличиваются, а въ Якутской области наличное населеніе этого племени убыло со времени X ревизіи на 1730 душъ, по г. Паткановъ для населенія Якутскаго округа находить объясненіе этого факта преимущественно въ эмиграціи за предѣлы области. Въ частности Майскіе тунгусы, какъ предполагаетъ авторъ, «по всему вѣроятію увеличились въ числѣ, Кангаласцы и Байгантайскіе, повидимому, не измѣнили существенно со времени X ревизіи, а Ламунхинскіе уменьшились въ числѣ» (стр. 103). Въ дальнихъ округахъ области (Верхоянскій, Колымскій и Вилюйскій) тунгусы, какъ и другіе инородцы, обнаруживаютъ убыль. Крупная убыль наблюдается также среди разноименныхъ мелкихъ племенъ Амурскаго и Уссурийскаго края, причѣмъ отчасти эта убыль можетъ быть отнесена къ эмиграціи.

Разнообразныя *палазіатскія народности* дальняго сѣверо-востока въ общемъ быстро идутъ къ исчезновенію, за исключеніемъ, быть можетъ, камчадаловъ, которые ранѣе обнаруживали крупную убыль, но въ послѣднія десятилѣтія, сильно перемѣшавшись съ русскими, повидимому, начинаютъ нѣсколько оправляться отъ переряжата, послѣ завоеванія, кризиса всего національнаго быта.

Въ главѣ IV авторъ приводитъ данныя о численности у инородцевъ дѣтей обоаго пола въ возрастѣ до 5 лѣтъ и приходитъ къ выводамъ, вполне благоприятнымъ для изучаемаго населенія.

Въ заключительной (V) главѣ г. Паткановъ бросаетъ общій взглядъ на установленные имъ ранѣе факты и приводитъ ихъ въ связь съ условіями инородческаго быта въ разныхъ районахъ Сибири: увеличивается въ числѣ народности, экономически болѣе обезпеченныя, успѣвшія осѣсть на землѣ и перейти къ формамъ куль-

турного или полукультурного быта; исчезают преимущественно звѣроловы и рыболовы, беззащитные перед напоромъ эпидемій, стихійныхъ бѣдствій, систематическаго спавиванія и безпощадной эксплуатаціи. Авторъ высказываетъ твердую увѣренность въ томъ, что «борьба съ вырожденіемъ и угасаніемъ инородцевъ Сибирскаго сѣвера вполне возможна и при извѣстной энергіи обѣщаетъ дать хорошіе результаты» (стр. 180). Въ особомъ приложеніи къ книгѣ намѣчается даже цѣлая программа тѣхъ мѣръ, которыя, по мнѣнію автора, могли бы обезпечить такой результатъ. Помимо этого, г. Паткановъ даетъ въ концѣ своего труда весьма интересныя справки объ увеличеніи численности и объ уменьшеніи территоріи американскихъ индѣйцевъ съ 1880 по 1907 г. и о датскихъ порядкахъ управленія инородцами Гренландіи.

Серьезныя возраженія могутъ вызвать лишь тѣ взгляды, которые высказываются во второмъ приложеніи «объ ассимиляціи бѣлыхъ съ цвѣтными расами въ колоніяхъ европейцевъ», гдѣ авторъ вступаетъ въ область чистой антропологіи. Едва ли какой-нибудь другой научный вопросъ обсуждается въ такой неблагоприятной обстановкѣ, какая создавалась вокругъ вопроса о помѣсяхъ и о духовныхъ дарованіяхъ такъ называемыхъ «низшихъ расъ». Помимо глубоко вкоренившагося среди многихъ представителей англо-саксонскаго и германскаго міра расоваго высокомерія, большое значеніе тутъ имѣютъ и тѣ могущественныя матеріальныя и политическіе интересы, которые побуждаютъ господствующую народность искать оправданія своимъ дѣйствіямъ въ «доказанной» будто бы бездарности и какой-то мистической обреченности расы истребляемой и эксплуатируемой... Между тѣмъ, глубоко презираемые американцами негры, за сорокалѣтіе своей свободы, несмотря на самыя тяжелыя соціальныя условія, успѣли сдѣлать гигантскій шагъ на пути не только матеріальной, но и духовной культуры, и теперь имѣютъ въ своей средѣ врачей, юристовъ, профессоровъ, беллетристовъ и т. п. . . Самое понятіе «низшей расы» многими антропологами отрицается, какъ совершенно ненаучное, такъ какъ признаки животнаго типа распределяются среди человѣческихъ племенъ безъ всякой связи съ уровнемъ культуры, на которой это племя стоитъ въ данный историческій моментъ. У монголовъ, напримѣръ, такой существенный признакъ чисто-человѣческаго типа въ отличіе отъ зоологическаго, какъ развитіе грудной кѣтки болѣе въ ширину, чѣмъ въ высоту, обнаруживается полнѣе, чѣмъ у европейцевъ, и т. п. . . У насъ, въ Россіи, нашъ гениальнѣйшій поэтъ имѣлъ въ своихъ жилахъ столь презираемую американцами африканскую кровь, другой великій поэтъ — Жуковский — былъ сыномъ турчанки, такой выдающійся историкъ и публицистъ, какъ Шаповъ — сыномъ бурятки, и т. д. и т. д. Въ виду всего этого, вопросъ о результатахъ метисаціи европейцевъ съ цвѣтными никакъ нельзя считать рѣшеннымъ для науки въ томъ смыслѣ, въ какомъ его считаютъ рѣшеннымъ разъ навсегда германское Колоніальное Общество или

почтенные прелаты и пасторы, участвовавшіе въ такомъ числѣ на панамериканскомъ конгрессѣ 1908 года... Самъ г. Паткановъ по отношенію къ сибирскимъ инородцамъ, повидимому, не раздѣляетъ предубѣждений этихъ прелатовъ и въ текстѣ своего труда (стр. 179) признаетъ, что отъ смѣшенія русскихъ съ тюрками, бурятами и тунгусами «получается здоровая и жизнеспособная раса», и нельзя не пожалѣть, что въ приложеніи, знакомя насъ со взглядами на этотъ предметъ, господствующими въ англо-американскомъ и германскомъ обществѣ, авторъ не отгнѣнилъ своего собственнаго взгляда, какъ видно изъ всего духа его книги — болѣе широкаго и безпристрастнаго.

Слишкомъ категорическимъ кажется намъ также утвержденіе автора (стр. 199), будто «въ Сибири ни ученые, ни общество, ни правительство не интересовались смѣшанными расами» и т. д. Кромѣ Ядринцева, надъ вопросомъ о русскихъ помѣсяхъ въ Сибири останавливался покойный Шаповъ, и тому же вопросу посвящены нѣкоторыя статьи въ органѣ московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи «Русскомъ Антропологическомъ Журналѣ».

Возможно, что кропотливый анализъ каждой отдѣльной цифры могъ бы повести къ нѣкоторымъ поправкамъ въ вычисляемомъ авторомъ процентѣ прироста отдѣльныхъ группъ, но по широтѣ своего содержанія и по своей общей цѣнности трудъ г. Патканова составляетъ капитальный вкладъ въ литературу о Сибири, и впредь онъ, конечно, послужитъ однимъ изъ основныхъ пособій для всякаго, занимающагося изученіемъ кореннаго населенія великой страны.

И. Майновъ.

13. P. W. Schmidt. Grundlinien einer Vergleichung der Religionen und Mythologien der austronesischen Völker. Wien 1910. Pp. 142. 8°.

Въ сравнительно мало обработанной области малайско-полинезийскаго языковѣдѣнія патеръ В. Шмидтъ — одинъ изъ наиболѣе выдающихся изслѣдователей. Для выясненія нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ о взаимоотношеніи этихъ языковъ между собою и возможности ихъ генетической связи съ соседними группами очень много было сдѣлано такими учеными какъ англичанинъ Логанъ, голландецъ Кернъ и нѣмецъ Кунъ. Шмидтъ продолжалъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довершилъ ихъ работу. Логанъ и Кунъ, напримѣръ, предполагали возможность и даже вѣроятность родства малайско-полинезийскихъ языковъ съ нѣкоторыми группами въ Ю.-Восточной Азій. Шмидтъ взялся за окончательное рѣшеніе этого вопроса, и послѣ тщательнаго изученія новѣйшихъ данныхъ, относящихся къ языкамъ Монъ-Хмерской группы въ Перу и Камбоджѣ, и къ языкамъ Мундарійской группы въ С.-Вост. Индіи ему удалось вскрыть такія сходства структуры и словеснаго матеріала, что не могло остаться никакого сомнѣнія относительно генетической связи этихъ группъ съ малайско-по-

линейской или, как Шмидт их называет, с австронезийскими языками. Это важное открытие Шмидта устанавливает существование очень широко — от подножия Гималаев до Новой Зеландии — распространенного семейства языков, имеющих свои корни по всему тропическому Юго-Восточной Азии. Шмидт дал этому семейству общее название «австрическое» (Austriach). Южно-азиатские группы он называет «аустроазиатскими», а малайско-полинезийские языки, как уже сказано, «австронезийскими».

Разбираемая здесь работа представляет собой попытку определить основные черты религии и мифологии «австронезийских» народов, точнее, тех народов, которые говорят на австронезийских языках. Это задача достаточно широкая, но как показывает работа Шмидта, вовсе не безнадежная, даже при теперешней скудости материала и необработанности многих частей области. Только раз задача поставлена так широко, можно пожалеть, что она не поставлена еще шире, так, чтобы включить в исследование и аустроазиатские народы. Тогда можно было бы с большей уверенностью говорить о порядке возникновения отдельных стадий религиозного и мифологического мышления. Когда, например, Шмидт говорит, что полинезийская мифология не представляет ничего первобытного, что она является, по отношению к индонезийской, вторичной или третичной стадией, он может быть и прав. Но сравнение с мифологиями некоторых из более диких монгольских или мундарийских народов, во всяком случае, сделало бы много для выяснения, насколько мифы тех борнейских и суматранских народов, на которых Шмидт строит свои основные положения, сами являются первобытными. Это тем более важно, что в систем, установленной Шмидтом, многое крайне спорно.

Цель работы, по словам автора: «Дать образец такого способа исследования мифов, которое, ограничиваясь строго определенной (этнографической) областью, старается исчерпывающе исследовать, чтобы вскрыть, по возможности, главные связанные системы мифов, и по изменениям, которым подвергаются эти системы или отдельные части их в разных местах области, постепенно выяснять законы мифологической эволюции вообще». С этой целью Шмидт рассматривает, поскольку наличные данные ему позволяют, религии и мифологии диких или полудиких народов в Борнео, части Суматры, на острове Нias (на з. от Суматры), на Celebes и на западных и юго-западных островах малайского архипелага — т. е. на большинстве островов Индонезии; затем в Меланезии, т. е. на островах непосредственно к сев.-вост. и востоку от Новой Гвинеи и от сев.-вост. Австралии; затем в Микронезии (Гилбертские и Маршалевы острова), и в Полинезии. Мадагаскар рассматривается, как и следует, в связи с Индонезией. Главное внимание обращено на Борнео, Суматру, Nias и Celebes. Шмидт сравнивает и очень остроумно разбирает мифологию этих островов, и результаты, отсюда до-

бытые, применяется к мифам других частей Австронезии, где поправляя, где прибавляя. Таким образом Полинезию, где материалы по мифологии имеются в особенно большом количестве, Шмидт рассматривает поверхностно, только применяя свою схему к некоторым, довольно случайно выбранным мифам. В самой Индонезии он исключает из сферы своего внимания малайцев и яванцев, так как они подвергались сильному влиянию Индуизма и Ислама, и филиппинские народы, — по недостатку материала. Если вспомнить, что взаимоотношения народов даже в более узкой сфере Индонезии до сих пор не выяснены с достаточной точностью, что относительно времени и направления миграции, смешения рас, взаимодействия культур, очень многое остается неизвестным, становится ясно, что к результатам исследования религии этой области, так тесно связанной со всеми сложными общественными укладами, надо относиться с осторожностью. Можно говорить об остроумных предположениях, о смелых гипотезах, о более или менее обоснованных догадках, но не о каких-нибудь бесспорных заключениях.

Та мифологическая система, которую Шмидт рисует в очень определенных и уверенных чертах, сводится к следующему. В основе австронезийской религии лежит вера в одно Высшее Существо, ясные следы которой автор находит на Борнео, Суматре, Celebes и в некоторых частях Меланезии и Микронезии. По мнению автора, вера в это Высшее Существо, в нравственно чистого и всемогущего творца мира, постепенно затемнилась благодаря развитию лунной мифологии, и еще в большей степени вследствие позднейшего вторжения чуждой австронезийским народам солнечной мифологии. Лунная мифология описывает, — при помощи иногда грубых, иногда на первый взгляд бессмысленных символов, представляющих четыре фазы луны, — творение земли, людей и богов. Главный признак более ранних стадий лунной мифологии то, что она с большой осторожностью, даже с боязнью и с отпращиванием, говорит о половых отношениях. Она описывает создание, прямое творение, но не рождение. Божества, вырастающие из этой мифологии, находятся в отношениях брата и сестры, но не мужа и жены. Вторжение половых отношений, превращение бога-брата в мужа, богини-сестры в жену, начало рождения, — все это есть уже признак падения. Оно могло бы совершиться вследствие развития и осложнения самой лунной мифологии благодаря внешней аналогии, и затемнению первоначального смысла образов и символов. Но, по мнению Шмидта, толчок к дальнейшему развитию полового элемента был дан солнечной мифологией с ее ярко выраженным стремлением символизировать плодотворительную деятельность солнца и, вслед за ним, всех живых существ. Солнечная мифология искажает лунную, путает ее образы, делает ее символы непонятными, придает ей главным фигурам новые чуждые функции, сводит ее до положения смутной старой веры. Следы влияния солнечной мифологии Шмидт находит уже на Борнео и

Суматры, но эти слѣды сильнѣе на Целебесѣ. Солнечные мифы, отчасти разившіеся въ мифы о мужѣ-небѣ и землѣ-женѣ становятся преобладающими въ юго-восточныхъ и Молуккскихъ островахъ, гдѣ авторъ предполагаетъ, отчасти на основаніи лингвистическихъ данныхъ, значительную примѣсь папуасскаго — т. е. чужого, не австронезійскаго — элемента. Такъ какъ Шмидтъ предполагаетъ, что полинезійскіе народы вышли именно отъ этой ю.-в. части Индонезіи, онъ считаетъ то преобладаніе солнечныхъ или небесныхъ мотивовъ, которое на его взглядъ характеризуетъ полинезійскую мифологию, совершенно естественнымъ. Солнечная мифология вторглась въ первобытную австронезійскую лунную мифологию, по мнѣнію автора, благодаря встрѣчѣ и смѣшенію съ папуасскими народами. Эти двѣ мифологіи носятъ очень различный характеръ: — въ то время какъ лунная является въ глазахъ Шмидта «символически-эстетическимъ» выраженіемъ первобытной поэтической философіи, солнечная носитъ характеръ «аграрно-утилитарный». Далѣе Шмидтъ утверждаетъ безъ достаточно вѣсскихъ доказательствъ, что тамъ, гдѣ преобладаетъ лунная мифология, уровень нравственности сравнительно высокъ, но что развитіе солнечной мифологіи сопровождается фаллическими культами, половой распущенностью и общимъ паденіемъ нравственности. Такимъ образомъ въ общей картинѣ австронезійскаго религіознаго развитія онъ видитъ картину вырожденія.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробную оцѣнку этой системы. Она является, до извѣстной степени, иллюстраціею къ болѣе общей работѣ того же автора, которая теперь печатается подъ названіемъ «*Sur l'origine de l'idée de Dieu*» въ редактируемомъ Шмидтомъ журналѣ «*Anthropos*». Въ этой работѣ Шмидтъ является горячимъ защитникомъ теоріи, — защищаемой также такимъ выдающимся изслѣдователемъ какъ А. Лангъ, о существованіи среди первобытныхъ народовъ вѣры въ одно Высшее Существо. Тамъ же онъ даетъ образецъ анализа астральныхъ мифовъ юго-восточныхъ австралійцевъ, подобный анализу борнейскихъ мифовъ въ разбираемой работѣ. На этомъ остроумномъ анализѣ борнейскихъ, — даекскихъ — мифовъ, главнымъ образомъ и построена вся Шмидтовская система австронезійской мифологіи. Что дѣло именно идетъ о лунныхъ и солнечныхъ мифахъ нельзя сомнѣваться, особенно послѣ сравненія съ нѣкоторыми изъ мифовъ Суматры и Целебеса. Мотивы творенія какихъ-то странныхъ безформенныхъ существъ безъ рукъ и безъ ногъ, паукъ бросающаго свою нитку на одинокую скалу, тогда когда существовало только небо и море, рукоятія меча брошеннаго на землю, моря въ видѣ змѣи съ короною, пораженія змѣи горячими стрѣлами, чудеснаго дерева, — всѣ эти и другіе мифы повтораются съ достаточной послѣдовательностью и въ достаточно опредѣленныхъ комбинаціяхъ, чтобы можно было видѣть въ нихъ главныя очертанія лунныхъ и солнечныхъ мифовъ. Положеніе становится болѣе спорнымъ, когда авторъ возводитъ элементы борнеоскихъ и целебесскихъ мифовъ въ систему опредѣляющую ходъ рели-

гіознаго и мифологическаго развитія во всей области австронезійскихъ языковъ. И чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе становятся сомнѣнія. Напримѣръ, Шмидтъ находитъ «самые ясные слѣды вѣры въ Высшее Существо на Борнео и Суматрѣ, и находитъ эту вѣру, связанную съ болѣе чистой, по его мнѣнію, лунной мифологіей, онъ выводитъ отсюда заключеніе, что эта вѣра представляетъ наиболѣе первобытную стадію австронезійской религіи. Возможно, что это такъ, но съ другой стороны Борнео и Суматра находятся въ сферѣ сильнаго Исламскаго и Индуистскаго вліянія и можно спросить, не тутъ ли искать объясненіе большей опредѣленности вѣры въ Высшее Существо здѣсь, чѣмъ въ болѣе отдаленныхъ частяхъ Австронезіи? Высшее Существо носить очень часто индуистское названіе Батара, Петара и т. д., что, можетъ быть, конечно, только примѣненіе чужого названія къ родному понятію. Шмидтъ утверждаетъ также, что Браха, по крайней мѣрѣ, въ принятой на Явѣ формѣ Индуизма, не имѣлъ тѣхъ опредѣленно личныхъ и нравственныхъ качествъ, которыя присущи Высшимъ Сущностямъ Даляковъ. Но надо считаться также и съ вліяніемъ ислама, и какъ разъ у того племени Бахау во внутреннемъ Борнео, мифамъ и религіознымъ понятіямъ котораго Шмидтъ придаетъ исключительно важное значеніе, употребленіе въ описаніи Высшаго Существа выраженія о преступленіяхъ противъ «адата» (обычнаго закона), съ несомнѣнностью указываетъ на мусульманское вліяніе. Поэтому приходится отнестись съ большою осторожностью ко всѣмъ предположеніямъ о первобытной вѣрѣ въ Высшее Существо въ тѣхъ островахъ, гдѣ Шмидтъ находитъ наиболѣе чистый видъ австронезійской мифологіи. Такой основной вопросъ нельзя рѣшить, не выяснивъ степени вліянія малайцевъ и яванцевъ на окружающіе народы, и очень возможно, что для точнаго выясненія значенія борнейскихъ и суматраскихъ мифовъ, въ которыхъ часто встрѣчаются индійскія имена, сравненіе, по крайней мѣрѣ, съ малайскими вѣрованіями будетъ полезно.

Патеръ Шмидтъ хочетъ дать образецъ изслѣдованія «въ строго опредѣленной области». Область выбрана Шмидтомъ и слишкомъ широкая и въ то же время слишкомъ узкая, но это была бы не большая бѣда, если бы авторъ соблюдалъ опредѣленную схему взаимоотношеній между отдельными частями этой области. Къ сожалѣнію, Шмидтъ этого не дѣлаетъ. Напримѣръ, чтобы объяснить имя одного божества Лоуаланги (Lowalangi), на островѣ Ниасъ на западѣ отъ Суматры онъ приводитъ названіе Лоуа (Lowa) изъ Маршалскихъ острововъ въ далекой Микронезіи, хотя названіе маршалскаго божества, кажется, находитъ достаточно ясное объясненіе въ мѣстномъ языкѣ, и никакихъ другихъ прямыхъ отношеній между Ниасомъ и Микронезіей нѣтъ. Чтобы выяснитъ значеніе имени мадагаскарскаго божества Занахари (Zanahari), онъ приводитъ имя божества изъ Чамскихъ надписей, найденныхъ въ Камбоджѣ — т. е. въ австроазиатской, но внѣ австронезійской области. Еще болѣе досадно, что такой опытный лингвистъ какъ Шмидтъ можетъ въ своемъ увлеченіи

религиозно-мифологическими теориями пренебрегать элементарными правилами лингвистического сравнения. Въ миасскомъ мифъ первый человекъ называется Сихан. Шмидтъ сравниваетъ Сихан съ именемъ первого человека въ тоганскомъ мифъ Кохан—Кто? и рѣшаетъ безъ всякаго вѣскаго основанія, что Сихан тоже долженъ значить—Кто? и потомъ, подбирая разные Анге и Ангей (вѣроятно = вѣтеръ) изъ борнеоскихъ мифовъ, отбрасываетъ первый слогъ и утверждаетъ, что оставшееся ге или гей тоже вѣроятно значить кто? И все это на основаніи случайнаго сходства Кохан съ Сихан! Съ такимъ же правомъ можно было бы объяснить имя, скажемъ, въ португальской сказкѣ, именами изъ сербскихъ или бенгальскихъ сказокъ, просто на основаніи принадлежности соответствующихъ языковъ одному семейству. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 102, 103), указывая, что нѣкоторые мотивы на Адмиральскихъ островахъ чужды индонезійской мифологіи, и отмѣчая, что подобные еще мотивы находятся въ мифологіи южно-восточныхъ австралійцевъ, Шмидтъ рѣшаетъ, что они имѣютъ «папуасскій» характеръ. Но почему назвать австралійцевъ «папуасами»? Самъ авторъ доказывалъ въ другомъ мѣстѣ¹⁾, что южно-восточные австралійцы вѣроятнѣе являются остаткомъ первоначальнаго населенія материка, и что если была папуасская иммиграція, слѣды ея вліянія вѣроятно можно отыскать на сѣверѣ. Если приписать очень важную солнечную мифологію папуасскому вліянію, то тѣмъ болѣе нельзя допустить такую растяжимость самого понятія «папуасскаго», которое пока относится къ определенной группѣ языковъ на Новой Гвинее и нѣкоторыхъ соседнихъ островахъ. Было бы досадно, если бы, работая надъ исторіей религіи, Шмидтъ нанесъ-бы ущербъ своимъ же собственнымъ, очень цѣннымъ, лингвистическимъ изысканіямъ.

Наименѣе удачною стороною изслѣдованія приходится считать объясненіе значенія и источниковъ солнечныхъ мифовъ. Предположеніе объ ихъ вторженіи изъ папуасской мифологіи слишкомъ слабо обосновано, и во всякомъ случаѣ папуасской мифологіи пока очень мало извѣстно. Съ другой стороны одинъ изъ главныхъ недостатковъ работы, отсутствіе общей оцѣнки значенія культурныхъ вліяній съ запада, особенно изъ Индіи, сильно чувствуется въ разсужденіяхъ о связи половыхъ элементовъ съ солнечной мифологіей. И все таки книга Шмидта, при многихъ недостаткахъ и крупныхъ пробѣлахъ, несмотря на далеко недостаточную обоснованность ея мифологической системы, является смѣлой попыткой въ новой области, будить мысль и намѣчаетъ многіе возможные пути изслѣдованія.

Г. Вильямсъ.

1) Въ журналѣ «Миръ» (1908 г.).

ЖИВАЯ СТАРИНА.

XX

годъ и я Основана В. И. Ламанскимъ.

11

XX

годъ изданія

1911

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, при содѣйствіи Секретаря Отдѣленія и Редакціонной Комиссіи, въ XX году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками по 8—10 листовъ въ каждомъ, въ Мартѣ, Маѣ, Октябрѣ и Декабрѣ.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей народностей Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодействія въ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной словесности, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библиографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Подписная цѣна: съ доставкою для городскихъ подписчиковъ — 5 р., для иногородныхъ — 5 р. 50 к. и за границу — 6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, для сельскаго духовенства, учителей и учащихся — 2 р. 75 к. Для членовъ Отдѣленія Этнографіи, по каждому особому разъ заявленію въ Отдѣленіи, 1 р. въ С.-Петербургѣ и 1 р. 50 к. для иногородныхъ. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старинѣ“ (Спб., Демидовъ пер., 8-а).

Редакція.

801-64
35 46

М 136
43

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Годъ XX.

Выпускъ III—IV.

1911.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи	XIX — L
Эд. Пенарскій и Вл. Цвѣтновъ. Пріапянскіе тунгусы.	323—356
Дм. Зеленинъ. Къ вопросу о русалкахъ.	357—424
А. Погодинъ. Нѣсколько данныхъ для русской мифологіи въ XV вѣкѣ.	425—428
А. Самойловичъ. Монголо-шаманскій обрядъ завораживанія бунчу- ковъ въ началѣ XVI вѣка	429—432
Э. Вольтеръ. Литовскіе варианты легенды о женскихъ характерахъ.	433—438
Вл. Гордлевскій. Матеріалы для османскаго народнаго календаря.	439—444
Всев. Миллеръ. Двѣ сибирскія былины изъ записей С. И. Гуляева.	445—452
Русскіе этнографическіе музеи и собранія. I. Л. Штернбергъ. Музей Антропологии и Этнографіи имени Императора Петра Великаго.	453—472
Русскіе этнографическіе музеи и собранія. II. Н. Могилянскій. Этно- графическій Отдѣлъ Русскаго Музея Императора Александра III. (Съ 3 табл.)	473—498
И. В. Костоловскій. Народное повѣрье о безплодіи близнецовъ	499
Дм. Зеленинъ. П. А. Дилакторскій (некрологъ).	500—502
Критика и библіографія	503—528

14. Матеріалы по этнографіи Россіи. Дм. Зеленина, 503—507.
15. Труды Курской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи. Дм. Зеле-
нина, 507—508. 16. Kwartalnik etnograficzny «Lud». Н. Виташев-
скаго, 508—520. 17. Jan Czekanowski, Beiträge zur Anthropologie von
Polen. Н. Виташевскаго, 520—521. 18. P. Schrader, Die Indogermanen.
Э. А. Вольтера, 521—523. 19. Ernst Samter, Geburt, Hochzeit
und Tod. Beiträge zur vergleichenden Volkskunde. Э. А. Вольтера, 523—524.
20. Dr. Alfred Forks. Die indischen Märchen und ihre Bedeutung für die ver-
gleichende Märchenforschung. Сергѣя Ольденбурга, 524—526. 21. Dr.
Theodor Menzel. Mehmed Teyfik, Das Abenteuer Buadem's. Вл. Горд-
левскаго, 526—528.

М 186
43

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Годъ XX.

1911.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи	I — L
Дм. Зеленинъ. «Обыденныя» полотенца и обыденные храмы	1 — 20
А. Шахматовъ. Сполы — исконные сосѣди Славянъ	21 — 26
Ө. Волковъ. Программа для собиранія свѣдѣній о свадебныхъ обрядахъ у великоруссовъ и инородцевъ Восточной Россіи	27 — 30
Н. Веселовскій. Второе дополненіе къ статьѣ: «Погрѣбности и ошибки при изданіи документовъ по сношенію Русскихъ государей съ азіатскими владѣльцами»	31 — 34
Ө. Покровскій. Образцы народнаго говора Нижегородской губерніи	35 — 56
А. Чесноковъ. Свадебные обряды и пѣсни «кержаковъ»	57 — 96
А. М. Смирновъ. Схематическій перечень вариантовъ сказокъ Архива Императорскаго Русскаго Географическаго Общества I—XI	97 — 104
Андрей Рудневъ. Сообщеніе о дѣятельности ФФ	105 — 116
А. Васильевъ. Шесть сказокъ, слышанныхъ отъ крестьянина Ф. Н. Календарева. Издаѣ А. М. Смирновъ	117 — 130
Вл. Гордлевскій. Матеріалы по османскому фольклору	131 — 144
Г. Петкевичъ. Матеріалы по народной медицинѣ литовцевъ	167 — 218
Д. Пенарскій и Вл. Цвѣтковъ. Пріаппскіе тунгусы	219 — 232
Д. Зеленинъ. Обрядовое празднество совершеннолѣтія дѣвicy у русскихъ	233 — 246
В. Ф. Трощанскій. Опытъ систематической программы для собиранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ	247 — 292
Н. Воробьевъ. Программа для собиранія народныхъ музыкальных инструментовъ	293 — 294
Д. Могилянскій. Оедоръ Михайловичъ Плюшкинъ	295 — 296
Д. Самойловичъ. Къ вопросу о нареченіи имени у турецкихъ племенъ	297 — 300
Андрей Рудневъ. Плугъ у восточныхъ Монголовъ	301 — 302

Эд. Пенарскій и Вл. Цвѣтковъ. Пріаіанскіе тунгусы.....	323—356
Дм. Зеленинъ. Къ вопросу о русалкахъ.....	357—424
А. Погодинъ. Нѣсколько данныхъ для русской мифологіи въ XV вѣкѣ.....	425—428
А. Самойловичъ. Монголо-шаманскій обрядъ завораживанія бунчу- ковъ въ началѣ XVI вѣка.....	429—432
Э. Вольтеръ. Литовскіе варианты легенды о женскихъ характерахъ.....	433—438
Вл. Гордлевскій. Матеріалы для османскаго народнаго календаря.....	439—444
Всев. Миллеръ. Двѣ сибирскія былины изъ записей С. И. Гуляева.....	445—452
Русскіе этнографическіе музеи и собранія. I. Л. Штернбергъ. Музей Антропологии и Этнографіи имени Императора Петра Великаго.....	453—472
Русскіе этнографическіе музеи и собранія. II. Н. Могилянскій. Этно- графическій Отдѣлъ Русскаго Музея Императора Александра III. (Съ 3 табл.).....	473—498
И. В. Костоловскій. Народное повѣрье о безплодіи близнецовъ....	499
Дм. Зеленинъ. П. А. Дилакторскій (некрологъ).....	500—502
Критика и библиографія.....	445—466, 303—322, 503—528

1. Болгарскія «пѣснопойны». Н. Державина, 145—152. 2. Анекдоты о
ходжѣ Наср-эд-динѣ («Letaif-i hodжа Nasreddin»). Вл. Гордлевскаго, 152—157.
3. Dr. Rudolf Tschudi. Das Aestname des Lutfi Pascha nach den Handschriften zu Wien,
Dresden und Konstantinopel. Вл. Гордлевскаго, 157. 4. A. Hilka. Beiträge zur
Kenntnis der indischen Namengebung. Н. Миронова, 157—162. 5. K. B. Wiklund.
Om Iapparna i Sverige. А. Руднева, 162—163. 6. Матеріалы къ изученію Вятскаго
края. Дм. Зеленина, 163—166. 7. Памятная книжка Вятской губерніи и календарь
на 1911 годъ. Дм. Зеленина, 165—166. 8. K. Rhamm. Ethnographische Beiträge zur
germanisch-slavischen Altertumskunde. Дм. Зеленина, 303—307. 9. Каталогъ би-
бліотеки Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III. Сер-
гѣя Ольденбурга, 308—309. 10. Lietuvių tauta Lietuvių Mokslo draugijos raštai.
Э. Вольтера, 309—311. 11. Kalvaitis, W. Lietuviskų wardų kilmė.... Э. Воль-
тера, 312. 12. С. Паткановъ. О природѣ инородческаго населенія Сибири. Н. Май-
нова, 312—317. 13. P. W. Schmidt. Grundlinien einer Vergleichung der Religionen und
Mythologien der australischen Völker. Г. Вильямса, 317—322. 14. Матеріалы по
этнографіи Россіи. Дм. Зеленина, 503—507. 15. Труды Курской Губернской Ученой
Архивной Комиссіи. Дм. Зеленина, 507—508. 16. Kwartalniki etnograficzni «Lud».
Н. Виташевскаго, 508—520. 17. Jan Czekanowski, Beiträge zur Anthropologie
von Polen. Н. Виташевскаго, 520—521. 18. P. Schrader, Die Indogermanen.
Э. А. Вольтера, 521—523. 19. Ernst Samter, Geburt, Hochzeit und Tod. Beiträge
zur vergleichenden Volkskunde. Э. А. Вольтера, 523—524. 20. Dr. Alfred Forke.
Die indischen Märchen und ihre Bedeutung für die vergleichende Märchenforschung. Сер-
гѣя Ольденбурга, 524—526. 21. Dr. Theodor Wenzel. Mehmed Tefliq, Das
Abenteuer Buadem's. Вл. Гордлевскаго, 526—528.

Систематическій указатель статей..... 529—530

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

IX. Засѣданіе 29 апрѣля 1911 г.

Засѣданіе состоялось подъ предѣлательствомъ Предѣлательствующаго въ От-
дѣленіи, С. О. Ольденбурга, въ присутствіи гг. действительныхъ членовъ и чле-
новъ сотрудниковъ: И. С. Абрамова, В. В. Бартольда, П. В. Булычева, Г. В.
Вильямса, Б. Я. Владимірова, О. К. Волкова, В. А. Егорова, Д. К. Зеле-
нина, П. Н. Луппова, А. А. Макаренко, А. А. Миллера, Н. М. Могилян-
скаго, П. Е. Островскихъ, Э. К. Пекарекаго, А. С. Пругавина, А. Д. Руд-
нева, И. И. Соловнина, кн. Д. Э. Ухтомыскаго, А. А. Шахматова, В. П.
Шнейдеръ, и сторонняго посѣтителя И. И. Майнова, при секретарѣ А. Н.
Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Доложены просьбы о выдачѣ открытыхъ листовъ для совершенія этнографи-
ческихъ экскурсій: гг. Жакова, Сорокина, Булычева, Пришвина, Пуцило,
Лебедева, Золотарева (двое послѣднихъ по рекомендаціи О. К. Волкова), Едем-
скаго и Лунина.

Постановлено: просить Совѣтъ Общества выдать открытые листы всѣмъ,
кромя г. Лунина, о которомъ у Отдѣленія свѣдѣній не имѣется.

III.

Доложено письменное заявленіе группы членовъ Отдѣленія по вопросу о запи-
сываніи, гармонизаціи и воспроизведеніи народныхъ пѣсенъ по поводу сообщенія о
свадебныхъ пѣсняхъ въ VIII засѣданіи 22 апрѣля.

Постановлено: заявление передать в Отдел по музыке Комиссии по составлению этнографической карты России и просить Отдел подготовить доклад по этому заявлению ко второму осеннему заседанию Отделения.

IV.

Доложена письменная просьба д. чл. Д. К. Зеленина о награждении бронзовыми медалями священников Вл. В. Зубарева и В. И. Лаженицына, содействовавших г. Зеленину при исследовании имъ бесерменъ.

Постановлено: передать в Советъ.

V.

Доложено письмо д. чл. А. А. Башмакова с предложением образовать при Комиссии по составлению этнографической карты России Отдел по обычному праву.

Постановлено: принять предложение и просить желающих записываться в Отдел по обычному праву, указав на образование нового Отдела в повестке следующего заседания.

VI.

Председательствующий доложил мнение Редакционной Комиссии об осуществлении намерения Адольфа Андреевича Тилло увековечить память своего брата, бывшего помощника Председателя Общества, Алексея Андреевича Тилло, учреждением при Отделениях Общества премий его имени. Редакционная Комиссия, отвергнув систему конкурсовъ, высказалась за желательность принятия гонорарной системы: выдавать вознаграждение за исполнение научных трудов на темы, предлагаемые Отделением.

В обсуждении мнения Редакционной Комиссии приняли участие А. А. Макаренко и П. Е. Островских; А. А. Макаренко предложил, чтобы премия имени А. А. Тилло выдавалась авансомъ, в видъ стипендии лицамъ, работающим на заданную тему или по собственной инициативе. П. Е. Островских возражал противъ назначения темъ, отстаивая свободный ихъ выборъ. Председательствующий ответил А. А. Макаренко, что его предложение совпадаетъ с тѣмъ, что признавалось наиболее целесообразнымъ и в Редакционной Комиссии, но жертвователю не согласенъ учреждать премии стипендиального характера.

Постановлено: принять мнение Редакционной Комиссии и поручить ей выработать проектъ правилъ.

VII.

Председательствующий внес одобренное Редакционной Комиссией предложение о томъ, чтобы всѣ заседания Отделения Этнографии были закрытыми и посвящались не публичнымъ лекціямъ, а специальнымъ научнымъ докладамъ с преніями и об-

суждениемъ текущей этнографической литературы. При установившейся системѣ публичныхъ чтеній члены Отделения справедливо считаютъ необходимымъ присутствовать на заседанияхъ, такъ какъ наличие широкой публички препятствуетъ заниматься и текущими дѣлами, и обсуждениемъ специальныхъ научныхъ темъ, интересныхъ только для меньшинства. Для оживления дѣятельности Отделения в его цѣломъ, на ряду с дѣятельностью состоящихъ при немъ комиссій, необходимо привлечение на заседания Отделения возможно большаго числа членовъ Отделения, а это возможно, какъ то показываютъ примѣры другихъ научныхъ обществъ, только съ устройствомъ закрытыхъ заседаній чисто-научнаго характера. Чтобы не порывать съ традиціями Общества, желательно отъ поры до времени устраивать при Отделении Этнографии публичные чтенія в цѣляхъ широкаго распространения этнографическихъ свѣдѣній, но эти чтенія должны быть безъ преній и безъ совмѣщенія ихъ съ разборомъ текущихъ дѣлъ. Закрытыя заседания должны происходить ежемесячно. Посторонние могутъ присутствовать на закрытыхъ заседанияхъ по рекомендаціи члена Отделения и съ разрѣшенія Председательствующаго.

По поводу этого предложенія высказались: А. А. Макаренко, Д. К. Зеленинъ, И. И. Солосина, П. Е. Островскихъ, Э. К. Пекарскій, А. А. Шахматовъ, О. К. Волковъ, В. В. Бартольдъ.

А. А. Макаренко — противъ предложенія, которое, по его мнѣнію, нарушаетъ интересы и широкой публички (включая учащуюся молодежь), лишая ее научной пищи, и членовъ Отделения, обременяя ихъ обязательными заседаниями, и само Отделение, отнимая у него многочисленныхъ посетителей.

Д. К. Зеленинъ поддерживаетъ предложеніе Редакционной Комиссии и, обращаясь къ А. А. Макаренко, указываетъ, что «дѣло не въ количествѣ присутствующихъ, а въ качествѣ» и что поэтому малолюдства заседаній бояться нечего.

И. И. Солосина поддерживаетъ предложеніе.

П. Е. Островскихъ — противъ прекращенія доступа всѣмъ желающимъ на заседания Отделения. По его мнѣнію, присутствие постороннихъ не вредитъ научности заседаній, для самихъ же постороннихъ научныя заседания крайне поучительны. Можно только лишить постороннихъ права голоса.

Э. К. Пекарскій поддерживаетъ предложеніе. По его мнѣнію, предложеніе не нарушаетъ ни чьихъ интересовъ: если докладчикъ желаетъ читать для широкой публички, онъ объявляетъ свое сообщеніе публичнымъ чтеніемъ; если кто изъ постороннихъ лицъ желаетъ выслушать специальное сообщеніе в закрытомъ заседании, онъ обращается за содѣйствіемъ къ одному изъ членовъ Отделения.

А. А. Шахматовъ указалъ, что предложеніе соответствуетъ статьѣ 54 Устава Общества, и высказалъ пожеланіе, чтобы соблюдалось примѣчаніе къ статьѣ 51 (о продолжительности сообщеній).

Ө. К. Волковъ поддерживаетъ предложеніе, которое только возстановливаетъ статью 54 Устава.

В. В. Бартольдъ, возражая тѣмъ, кто при отстанваніи открытыхъ засѣданій ссылался на 50-лѣтнюю традицію Общества, замѣтилъ, что если статья 54 Устава предусматриваетъ какъ разъ не открытыя, а закрытыя засѣданія, то за традиціей открытыхъ засѣданій числится менѣе 50 лѣтъ. Далѣе В. В. Бартольдъ указалъ, что вопросъ о возобновленіи закрытыхъ засѣданій поднимается не впервые: онъ былъ поднятъ и одной изъ Ревизіонныхъ Коммиссій Общества. За ограниченіе доступа широкой публики на спеціальные доклады говорить фактъ недавно имѣвшій мѣсто въ одномъ изъ засѣданій Общества, когда изъ публики раздавался голосъ, протестующій противъ научныхъ преній. Желательно также ограниченіе продолжительности сообщеній, согласно уставу.

Постановлено (всѣми голосами противъ одного): предложеніе Редакціонной Коммиссіи принять.

VIII.

Должено предложеніе Редакціонной Коммиссіи предпринять составленіе и печатаніе Русской Этнографической Библіографіи, включая въ нее всѣ этнографическія сочиненія, выходящія въ Россіи, на какомъ-бы языкѣ онѣ написаны ни были, при томъ условіи, чтобы эта работа велась совместно съ Этнографическимъ Отдѣленіемъ Русскаго Музея Императора Александра III и Этнографическимъ Отдѣленіемъ Московскаго Общества любителей естествознанія.

Нѣсколько замѣчаній и вопросовъ было сдѣлано А. А. Шахматовымъ, В. В. Бартольдъ и Н. П. Лунновымъ.

Постановлено: принципиально принять предложеніе Редакціонной Коммиссіи.

IX.

А. А. Макаренко внесъ предложеніе о томъ, чтобы на повѣткахъ засѣданій перечислялись текущія дѣла, дабы члены Отдѣленія могли заранѣе подготовиться къ обсужденію этихъ дѣлъ.

Постановлено: перечислять на повѣткахъ засѣданій наиболѣе существенныя изъ текущихъ дѣлъ.

X.

А. А. Миллеръ доложилъ о ходѣ работъ Коммиссіи по составленію этнографической карты Россіи за первое полугодіе 1911 г.

Во исполненіе постановленія перваго засѣданія Коммиссіи въ 1911 г. въ теченіе перваго полугодія 1911 г. состоялись организаціонныя засѣданія ряда подкомиссій (отдѣловъ): 1) по языку (предсѣд. А. А. Шахматовъ, секрет. А. Д. Руд-

невъ), 2) по жилищу и постройкамъ (предсѣд. Н. М. Могилянскій, секр. А. К. Сергпутовскій), 3) по одеждѣ и украшеніямъ (предсѣд. Ө. К. Волковъ, секрет. кн. Д. Е. Ухтомскій), 5) по музыкѣ, (бюро не выбрано), 6) по антропологii (предсѣд. Ө. К. Волковъ, секрет. Руденко). Не организованными остались пока отдѣлы: 1) по народному искусству, 2) по вѣрованіямъ, 3) по хозяйственному быту и 4) по обычному праву.

Коммиссія собиралась въ первомъ полугодіи 1911 г. два раза: 1) 11 февраля (свѣдѣнія объ этомъ засѣданіи вошли въ сообщеніе о дѣятельности Коммиссіи, сдѣланномъ ей секретаремъ въ III засѣданіи Отдѣленія, 25 февраля с. г.); 2) 6 апрѣля. Въ последнемъ засѣданіи Ө. К. Волковъ доложилъ о дѣятельности антропологическаго отдѣла. Было постановлено передать въ распоряженіе Ө. К. Волкова 200 р. (см. журналъ засѣданія Отд. Этн. 25 февраля, стр. VI) съ тѣмъ, чтобы эта сумма была распределена между лицами, командируемыми на антропометрическія работы СПбургскимъ Университетомъ и Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III. А. А. Шахматовъ доложилъ о дѣятельности отдѣла по языку. Постановлено было считать главной, хотя и не исключительной цѣлью обследованія какъ Отдѣла по языку, такъ и вообще Коммиссіи — сельское населеніе; культурные центры въ общую карту не включать, а помѣщать на отдѣльныхъ картахъ. Далѣе было поставлено, чтобы протоколы засѣданій отдѣловъ составлялись кратко, безъ приведенія преній. Наконецъ, было постановлено: для успешности подготовительныхъ работъ допускается, когда будетъ признано необходимымъ, переступать въ изслѣдованіи политическія границы Россійской Имперіи, но въ окончательномъ видѣ этнографическая карта Россіи должна быть ограничена политическими предѣлами государства.

Ө. К. Волковъ доложилъ о работахъ Отдѣла по одеждѣ.

XI.

Должено о поступившихъ изданіяхъ:

- 1) П. П. Инфантьевъ. Путешествіе въ страну Вогуловъ. СПб. 1910.
- 2) Его-же. Сибирскіе рассказы. Москва. 1909.
- 3) Его-же. Этнографическіе рассказы изъ жизни татаръ, киргизовъ и т. д. СПб.

4—9) Его-же. Шесть книжекъ съ рассказами изъ серіи «Земля и Люди. Географическая библіотека. Жизнь народовъ Россіи».

10) Семенъ Грузенбергъ. Очерки современной русской философіи. СПб. 1911.

14) Витольдъ Клиггеръ. Животное въ античномъ и современномъ суетвiи. Кіевъ. 1911.

- 12) Ученые Записки И. Юрьевского Университета. 1914 г. № 1. Юрьевъ.
- 13) Извѣстія Кіевскаго Коммерческаго Института. 1910, кн. VI. Кіевъ.
- 14) Národopisný Věstník Československý 1911, č. 1.
- 15) Český Lid. Ročník XX, číslo 6.

Постановлено: передать въ бібліотеку Общества.

ХІІ.

Пронзведены выборы въ медальную комиссію на 1911 г. Избраны: Д. К. Зеленинъ, Г. Е. Грумъ-Гржимайло, Н. М. Могилянскій и В. М. Истринъ.

ХІІІ.

Единогласно избраны въ члены сотрудники И. И. Майновъ и В. М. Ионовъ, свѣдѣнія о научныхъ трудахъ которыхъ были сообщены Э. К. Пакарскимъ (ср. журналъ V засѣданія, пунктъ IV).

ХІV.

И. И. Майновъ далъ отзывъ о книгѣ С. К. Патканова: О приростѣ инородческаго населенія Сибири. Статистическіе матеріалы для освѣщенія вопроса о вымираніи первобытныхъ племенъ. Изд. И. Академіи Наукъ, СПб. 1914 г. ¹⁾.

Поблагодаривъ докладчика, Предсѣдательствующій обратился къ членамъ Отдѣленія съ просьбой давать въ предстоящихъ съ осени закрытыхъ засѣданіяхъ Отдѣленія сообщенія о новыхъ книгахъ по этнографіи и составлять списки книгъ, желательныхъ для пріобрѣтенія въ бібліотеку Общества.

Х. Засѣданіе 4 мая 1911 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи С. О. Ольденбурга, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и стороннихъ посѣтителей при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

І.

К. Н. Владиміровъ прочелъ сообщеніе на тему «Уральцы Туркестанскаго края», иллюстрированное діапозитивами, по слѣдующей программѣ: Время переселенія уральцевъ въ Туркестанъ. Районъ расселенія. Занятія. Костюмы. Сохраненіе національнаго облика. Рыболовство. Вліяніе на инородцевъ.

1) Отзывъ напечатанъ въ «Живой Старинѣ», 1911, вып. II, стр. 312—317.

ІІ.

Доложено о поступившихъ книгахъ:

- 1) Недѣля, газета для русскаго народа 21 (8) май, 1911.
 - 2) Сообщенія И. Прав. Палест. Общ. 1911 г., т. XXII, вып. 1.
 - 3) Извѣстія Кіевскаго Коммерческаго Института. 1910 г. кн. V. 1911 г., кн. VI—VII.
 - 4) Этнографическое Обзорѣніе, 1910 г. № 3—4.
 - 5) Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 59 (окончаніе). 1911 г.,
 - 6) Родопски Напрѣдъкъ, годъ VIII, янв. и февр., кн. V и VI.
 - 7) Český Lid. Ročník XX, číslo 7.
 - 8) Lietuviškos Pasakos Jvairios. Sukinko Dr. J. Basanavičius. Chicago, 1903.
 - 9) Дневникъ О. В. Езерскаго 1911 г. 14 марта. Москва.
 - 10) Счетоводство, какъ самый опасный врагъ и какъ самое точное зеркало. Сост. О. Езерскій. 1911 г. Москва.
 - 11) Revue d'ethnographie et de sociologie. Т. II, № 1—2. 1911. Paris.
 - 12) Каталогъ бібліотеки Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III (за время съ 1 декабря 1909 г. по 30 ноября 1910 г.). СПб. 1911.
 - 13) С. Фарфоровскій. Народно-юридическіе обычаи туркменъ Ставропольской губ. Труды Ставр. Учен. Арх. Ком. 1910 г.
- Постановлено: передать книги въ бібліотеку Общества.

ХІ. Засѣданіе 23 сентября 1911 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи С. О. Ольденбурга въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ: Н. Д. Артамонова, В. В. Бартольда, П. Г. Бывалькевича, Г. В. Вильямса, Н. А. Виташевского, О. К. Волкова, Э. А. Вольтера, В. А. Гаврилова, Н. П. Евстифѣева, А. А. Достоевскаго, Д. К. Зеленина, И. С. Иванова, И. Ю. Крачковскаго, П. Н. Луннова, А. А. Макаренко, А. А. Миллера, Н. Н. Михайловскаго, Н. М. Могилянскаго, С. К. Патканова, Э. К. Пекарскаго, А. А. Петерса, И. П. Поддубнаго, Сосновскаго, С. М. Шапшала, А. А. Шахматова, постороннихъ посѣтителей: С. А. Гамалова-Чураева, Кадызаде, А. К. Сержпутовскаго, Я. К. Чекановскаго, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

І.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Доложено о поступивших въ Отдѣленіе рукописяхъ:

1) Проф. А. Л. Погодинъ, Нѣсколько данныхъ для русской мифологіи въ XV вѣкѣ.

2) А. Ланковъ, Крестьянскія постройки (деревня Воронцова, Тверск. губ., Корговскаго у., Яковлевской волости).

3) М. К. Гуревичъ, Сборникъ словъ и выражений, собр. въ г. Сольвычегодскѣ.

4—6) П. Е. Островскихъ, рецензіи на: а) Родевичъ, Очеркъ Урянхайскаго края; б) Б. Гурьевъ, Политическія отношенія Россіи съ Монголіей; в) Кожевниковъ, Маршрутная съемка рѣки Хатанги.

Постановлено: передать въ Редакціонную комиссію.

III.

Доложены просьбы о бесплатной высылкѣ Живой Старины отъ: 1) Редакціи ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета (года 1908—1910 и вышедшіе выпуски за 1911); 2) Библіотеки Императорскаго Московскаго Университета (вып. 3—4 за 1896 г.).

Постановлено: исполнить.

IV.

Доложено о предложеніи Кіевского Коммерческаго Института присылать свои «Извѣстія» въ обмѣнъ на «Живую Старину».

Постановлено: просить В. А. Гаврилова просмотрѣть присланные Кіевскимъ Коммерческимъ Институтомъ выпуски его «Извѣстій» и сообщить Отдѣленію, имѣютъ ли они отношеніе къ этнографіи.

V.

Доложено извѣщеніе Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III отъ 16 сент. 1911 г. за № 205 о присылкѣ въ Общество 4 ящиковъ опросныхъ листовъ для собиранія этнографическихъ свѣдѣній.

Постановлено: благодарить.

VI.

Предсѣдательствующій предложилъ Отдѣленію избрать въ члены сотрудники Общества А. К. Сергиутовскаго, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ принимающаго участіе въ трудахъ Отдѣленія.

Постановлено: избрать и сообщить о томъ Совѣту Общества.

VII.

Д. К. Зеленинъ ознакомилъ Отдѣленіе съ ходомъ работъ по составленію указателя русской этнографической литературы о вѣншемъ бытѣ населяющихъ Россію народовъ, для Коммисіи по составленію этнографической карты Россіи.

Постановлено: предоставить названной комиссіи высказаться по поводу принятаго Д. К. Зеленинымъ по ея порученію труда.

VIII.

Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе печатныхъ изданіяхъ:

1) Записки Красноярскаго Подъотд. В.-С. О. И. Р. Геогр. Общ. по физич. геогр. т. I, в. 2—4. Матеріалы по птицамъ Енисейской губерніи. А. Я. Тугариновъ и С. А. Бутурлинъ. 1911 г.

2) А. В. Жиркевичъ. Сонное царство великихъ начинаній. Вильна. 1911.

3) Труды Оренбургской Уч. Арх. Коммисіи, в. XXV. 1911 г.

4) Русскій Филолог. Вѣстникъ. 1911. № 2. Варшава.

5) Труды Саратовской Уч. Арх. Коммисіи, вып. 28. Саратовъ. 1911.

6) Лётто-Славянскіе элементы въ Этрусскихъ надписяхъ, Г. Трусмана. Ревель. 1911.

7) Кобзари на Кубани, С. Фарфоровскаго (Изъ XIX т. Сб. Харьковск. И.-Филолог. Общ.) Харьковъ. 1910.

8) Отчетъ о дѣятельности Кукарскаго Образовательнаго Общества за 1910 г. Кукарка. 1911.

9) Къ вопросу о краниологическомъ типѣ бесермянъ, М. М. Хомякова, изд. Кукарскаго Образовательнаго Общества. Казань. 1911.

10) Землеводѣніе, г. 1911, кн. I—II.

11) Протоколъ публ. засѣданія 27 марта 1911 г. Красноярскаго Подъотдѣла И. Р. Геогр. Общества. Красноярскъ. 1911 г.

12) Revue d'ethnographie et de sociologie, Paris. 1911. № 5—6.

13) Political Science Quarterly, Chicago. 1911, № 2.

14) Родопски Напрѣдъкъ, кн. VIII—IX. Пловдивъ. 1911.

15) Sbornik Musealnoj slovenskej spoločnosti. 1911. Rôc. XVI. Sv. 1.

16) Kwartalnik Historyczny. Roczn. XXV, Zeszyt 2. Львовъ. 1911.

17) Český Lid, roč. XX, číslo 9—10. V. Praze 1911.

18) Етнографічний збірникъ т. XXIX. Етнографічні матеріали з Угорської Русі. Зібравъ В. Гнатюкъ. у Львові. 1910.

19) Norodopisny Vestnik Českoslovanky, roč. VI. V Praze. 1911.

20) Časopis Mus. slovenskoj spoločnosti. Roč. XIV. Číslo 2. Turčiansky sv. Martin. 1911.

21) Chronik der ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaft in Lemberg, Jahrgang 1910, Heft I—IV, №№ 41—44.

Постановлено: передать в Библиотеку Общества и просить желающих дать отзывы.

IX.

Ө. К. Волковъ сдѣлалъ сообщеніе о книгѣ Н. Ө. Высоцкаго, Очерки нашей народной медицины. М. 1911 г.

X.

Э. А. Вольтеръ доложилъ о книгахъ: E. Samter, Geburt, Hochzeit und Tod. Beiträge zur vergleichenden Volkskunde. Leipzig 1911, и O. Schrader, Die Indogermanen. Leipzig 1911.

XI.

С. Ө. Ольденбургъ далъ отзывъ о книгахъ: Handbücher zur Volkskunde I und II: K. K. Wehrhan. Die Sage. Leipzig 1908 и A. Thimme. Das Märchen, Leipzig 1909.

XII.

Э. А. Вольтеръ сдѣлалъ предварительное сообщеніе «Древне-прусскія колоніи XIII вѣка въ Гродненской губерніи и слѣды ихъ въ настоящее время».

Въ преніяхъ по поводу сообщенія приняли участіе: Н. Д. Артамоновъ, П. Г. Бывалькевичъ и Ө. К. Волковъ.

XIII.

А. Н. Самойловичъ прочелъ сообщеніе: «Новѣйшіе османскіе дестаны» (популярныя пѣсни и стихи на злободневныя темы). Сообщеніе иллюстрировалось нѣкоторыми османскими лубочными картинами патріотическаго содержанія.

Въ преніяхъ по поводу сообщенія приняли участіе: Н. Д. Артамоновъ, П. Г. Бывалькевичъ, Ө. К. Волковъ, С. Ө. Ольденбургъ и Кадызаде.

XII. Засѣданіе 28 октября.

Засѣданіе состоялось подъ предѣлательствомъ Предѣлательствующаго въ Отдѣленіи С. Ө. Ольденбурга, въ присутствіи г.г. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ: И. А. Бодуэнъ-де-Куртена, П. Булычева, Н. А. Виташевскаго, Б. Я. Владимірцова, Ө. К. Волкова, Э. А. Вольтера,

В. Г. Глазова, А. А. Достоевскаго, Н. П. Евстифѣева, Д. К. Зеленина, Д. В. Иванова, В. В. Ламанскаго, С. П. Луневскаго, А. А. Макаренко, А. А. Миллера, Вс. Ө. Миллера, Н. Н. Михайловскаго, Н. М. Могилянскаго, М. А. Мозина, П. А. Некрасова, П. Е. Островскихъ, г. Оршанскаго, С. К. Патканова, И. П. Поддубнаго, С. И. Руденко, М. С. Свержевскаго, Дм. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго, А. К. Сергпутовскаго, Т. И. Тихонова, Л. Я. Штернберга, Ө. Г. Шубина, докладчика Я. В. Чекановскаго и стороннихъ посѣтителей С. Е. Малова, Е. М. Романовой, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Предѣлательствующій предложилъ Отдѣленію привѣтствовать присутствующаго на засѣданіи предѣлателя Этнографическаго отдѣла Импер. Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ Университетѣ, дѣйст. чл. Географическаго Общества, академика В. Ө. Миллера. В. Ө. Миллеръ благодарилъ Отдѣленіе за привѣтствіе, сообщилъ о возникновеніи при Этнографическомъ Отдѣлѣ въ Москвѣ «Комиссіи по народной словесности», дѣятельность которой будетъ состоять въ собираніи матеріаловъ по народной словесности, описаніяхъ архивовъ, изученіи сказочныхъ темъ и т. д., и предложилъ Отдѣленію совмѣстную работу. По предложенію Предѣлательствующаго постановлено: просить В. Ө. Миллера принять участіе въ трудахъ Сказочной Комиссіи.

II.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

III.

Доложено предложеніе д. ч. чл. Л. Я. Штернберга и Э. К. Пекарскаго объ избраніи въ члены-сотрудники Общества писателя-этнографа Ш. А. Рапопорта (псевдонимъ: С. А. Ан—скій). Въ предложеніи перечислены печатные труды г. Рапопорта, числомъ 8.

Постановлено: избрать Ш. А. Рапопорта членомъ-сотрудникомъ и представить его на утвержденіе Совѣта Общества.

IV.

Доложено о поступленіи отъ крестьянина Владимірскаго губ., Ковровскаго уѣзда, Вознесенской вол., деревни Юшковой, Ильи Ивановича Шеханова двухъ рукописей: 1) Отъ Одессы до Калькутты — разсказъ матроса; 2) Приключеніе 17 русскихъ въ Афганистанѣ и Индіи.

Постановлено: передать въ Редакціонную Комиссію.

V.

Доложено о поступленіи изъ библіотеки Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III мѣсячныхъ списковъ книгъ, поступившихъ въ библіотеку съ іюня по августъ текущаго года съ извѣщеніемъ, что такіе списки будутъ присылаться и впредь, и съ просьбой о безплатномъ полученіи «Живой Старины», начиная съ 1911 г.

Постановлено: благодарить Этнографическій Отдѣлъ и просьбу исполнить.

VI.

Доложена просьба Студенческаго Географическаго кружка при Импер. СПб. Университетѣ о безплатномъ полученіи «Живой Старины», начиная съ 1908 года. Къ бумагѣ приложены отчеты Кружка за 1908, 1909 и 1910 г.

Постановлено: просьбу исполнить, а отчеты передать въ библіотеку Общества.

VII.

Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе печатныхъ изданійхъ:

1) А. К. Сержиутовскій. Сказки и рассказы бѣлоруссовъ-польшукровъ. Изд. Отд. Русск. яз. и словесности И. Академіи Наукъ. СПб. 1911.

2) Д. И. Логофетъ. Страна безправія. Бухарское ханство и его современное состояніе. СПб. 1909.

3—5) Его-же, на границахъ Средней Азіи. Путевые очерки въ трехъ книгахъ. СПб. 1909.

6—8) Б. Богаевскій, оттиски изъ Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія:

1) Мотивъ угрозы въ *Хелідоисма* античной Греціи; 2) *Λεων Κρηνοφουλαξ*; 3) Яблокъ садовый.

9) Пермскій Научно-Промышленный Музей. Вып. IV. Матеріалы по изученію Пермскаго края. Пермь, 1911.

10) *Political Science Quarterly*, 1911, № 3.

11) *Rijks ethnographisch Museum te Leiden. Verslag van den directear over het tijdvak von 1 oct. 1909 tot 30 Sept. 1910. 's. — Gravenhage 1911.*

12) *Časopis Museálnej slovenskej spoločnosti. Ročník XIV. Číslo 3 Turčiansky Sv. Martin 1911.*

13) *Česky Lid. V Praze, 1911, číslo 1.*

14) Родоскии Напрѣдкъ. Година IX, книга 1. Пловдивъ 1911.

Постановлено: передать въ библіотеку Общества.

VIII.

Я. В. Чекановскій сдѣлалъ сообщеніе на тему «Объективные критеріи въ этнологіи» по слѣдующей программѣ:

Общій типъ этнологическихъ выводовъ. — Выводы на основаніи сосуществованія различныхъ явленій. — Определеніе связи путемъ подсчета различныхъ комбинацій, въ которыхъ выступаютъ два явленія совместно и отдѣльно, а также и случаевъ, когда они оба отсутствуютъ. — Тайлоровскій критерій сродства (*adhesion*). — Неудобства критерія Тайлора. — Примѣненія критерія Юля. — Ограниченное поле примѣненія, вследствие отсутствія этнологическихъ статистическихъ данныхъ. — Сопоставленіе этнологическихъ явленій посредствомъ картъ распространенія. — Определеніе площади совместнаго и отдѣльнаго распространенія и совместнаго отсутствія двухъ явленій. — Измѣреніе степени связи между различными этнологическими явленіями, путемъ подсчета поверхности областей распространенія. — Примѣръ: соотношеніе элементовъ африканской культуры. — Демонстрація тенденцій культурныхъ явленій располагаться въ группы, выказывающія *inter se* отрицательное и *intra se* положительное сродство. — Положительное сродство явленій, принадлежащихъ къ различнымъ культурнымъ комплексамъ, какъ результатъ проникновенія явленія въ область чужого комплекса. — Примѣръ — африканскіе музыкальные инструменты. — Положительное сродство явленій различныхъ комплексовъ, какъ результатъ ошибки въ классификаціи, т. е. смѣшеніе различныхъ явленій подъ общимъ названіемъ. — Отрицательное сродство явленій одного комплекса, какъ результатъ ошибокъ въ нашемъ матеріалѣ. — Примѣръ — улеобразная хижина. — Возможность попытки хронологизаціи распространенія отдѣльныхъ явленій, на основаніи ихъ сродства съ явленіями ассимилировавшаго комплекса: отжившія, исчезающія явленія не выказываютъ сродства съ явленіями проникающими извнѣ. — Общее значеніе графическаго анализа. — Его примѣнимость къ діалектологическимъ картамъ.

Примѣры и результаты.

Результатъ изслѣдованія распространенія двухъ явленій, напр. меча и кожанаго щита въ Африкѣ, южнѣ Сахары, можно сопоставить въ слѣдующей таблицѣ

Кожаный щитъ.

		Присутств.	Отсутств.
Мечъ.	Присутств.	17,4	10,6
	Отсутств.	11,1	8,9

Числа означают условные единицы поверхности. Подставляя эти числа в формулу коэффициента Юля

$$Q = \frac{ad - bc}{ad + bc}$$

получаем мѣру родства щита и меча в негритянской Африкѣ. Она равна

$$Q = \frac{17,4 \cdot 8,9 - 11,1 \cdot 10,6}{17,4 \cdot 8,9 + 11,1 \cdot 10,6} = \frac{154,86 - 117,66}{154,86 + 117,66} = + \frac{37,20}{272,52} = + 0,14.$$

Опредѣлив мѣры родства для всѣхъ паръ изъ 17 африканскихъ культурныхъ явлений, получаемъ таблицу коэффициентовъ ассоціацій (см. стр. 4).

Представляя на сѣткѣ, соответствующей нашей таблицѣ коэффициентовъ, въ каждой колоннѣ три самыхъ высокихъ положительныхъ коэффициента черными полями, четвертый чернымъ полемъ съ бѣлой штриховкой, пятый черно-бѣлымъ полемъ, шестой густо заштрихованнымъ, а остальные положительные коэффициенты рѣдко заштрихованными полями, — получаемъ нашу графическую таблицу.

Деревянный щитъ.
Санза.
Двускатная крыша.
Ткани (пальм. волок.).
Деревян. барабанъ.
Материн изъ коры.
Ротановый щитъ.
Мечъ.
Обрѣзаніе.
Арфа.
Маримба.
Конусообр. крыша.
Головная скамья.
Кожаная одежда.
Палица.
Кожаный щитъ.
Улеобразная хиж.

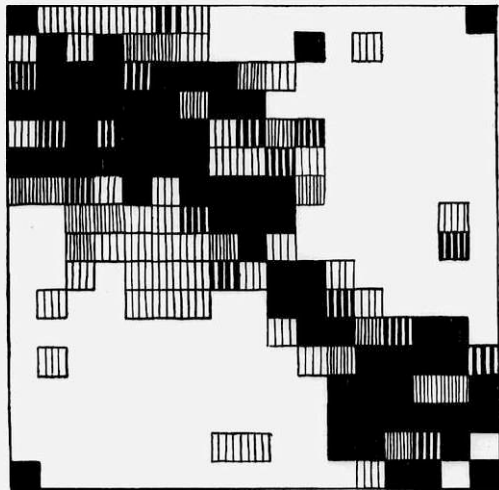

Таблица коэффициентовъ ассоціацій — Африканскія культурныя явления.	Деревянный щитъ.	Санза.	Двускатная крыша.	Ткани изъ пальмовыхъ волоконъ.	Деревянный барабанъ.	Материн изъ древесной коры.	Ротановый щитъ.	Мечъ.	Обрѣзаніе.	Арфа.	Маримба.	Конусообразная крыша.	Головная скамья.	Кожаная одежда.	Палица.	Кожаный щитъ.	Улеобразная хижина.
Деревянный щитъ.	+1,0	+0,2	+0,5	+0,8	+0,4	+1,0	+0,5	-0,8	-0,3	-0,1	-0,1	-0,8	-0,6	-0,4	-0,2	-0,9	+0,6
Санза.	+0,2	+1,0	+0,8	+1,0	+0,9	+0,9	+0,7	-0,4	-0,1	0,0	+0,6	-0,3	-0,8	-0,9	-1,0	-0,3	-0,2
Двускатная крыша	+0,5	+0,8	+1,0	+1,0	+0,9	+1,0	+0,9	+0,8	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5
Ткани (пальм. волок.)	+0,8	+1,0	+1,0	+1,0	+0,9	+1,0	+1,0	+0,9	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6
Деревянный бараб.	+0,4	+0,8	+0,9	+0,9	+1,0	+1,0	+1,0	+0,9	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5
Материн изъ коры	+1,0	+0,9	+1,0	+1,0	+1,0	+1,0	+1,0	+0,9	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6
Ротановый щитъ	+0,5	+0,7	+0,9	+0,9	+1,0	+1,0	+1,0	+0,9	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5
Мечъ	-0,8	-0,4	+0,9	+0,9	+1,0	+1,0	+1,0	+0,9	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6	+0,6
Обрѣзаніе	-0,3	-0,1	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,4	+0,3	+0,3	+0,3	+0,3	+0,3	+0,3	+0,3	+0,3	+0,3
Арфа	-0,1	0,0	+0,2	+0,2	+0,2	+0,2	+0,2	+0,1	+0,2	+0,2	+0,2	+0,2	+0,2	+0,2	+0,2	+0,2	+0,2
Маримба	-0,1	+0,6	-0,6	-0,4	+0,5	+0,5	+0,5	-0,1	-0,2	+0,9	+1,0	+0,7	+0,4	+0,7	+0,7	+0,7	+0,7
Конусообр. крыша.	-0,8	-0,3	-0,8	-1,0	-0,7	-0,4	-0,4	-0,3	-0,2	-0,4	-0,4	-0,4	-0,4	-0,4	-0,4	-0,4	-0,4
Головная скамья.	-0,6	+0,5	-0,8	-0,9	-0,8	-0,7	-0,7	-0,8	0,0	-0,9	+0,4	+0,4	+1,0	+1,0	+1,0	+1,0	+1,0
Кожаная одежда.	-0,4	-0,1	-0,9	-1,0	-0,9	-0,7	-0,7	-1,0	-0,9	-0,4	0,0	+0,7	+1,0	+1,0	+1,0	+1,0	+1,0
Палица	-0,2	-0,7	-0,9	-0,9	-0,9	-0,8	-1,0	-1,0	-1,0	-0,7	-0,2	+0,9	+1,0	+0,8	+0,8	+0,8	+0,8
Кожаный щитъ . .	-0,9	-0,5	-1,0	-1,0	-1,0	-0,9	-0,8	+0,1	+0,4	-0,3	-0,2	+0,8	+0,8	+0,3	+0,8	+0,8	+0,8
Улеобразн. хижина.	+0,6	-0,2	-0,5	-1,0	-0,7	+0,5	-0,9	-0,8	-1,0	-0,3	-0,1	-0,8	-0,9	+0,2	+0,8	+1,0	+1,0

Диаграмма позволяет охватить характерную для африканских явлений тенденцию группироваться в два комплекса. Мечь, обрѣзание, арфа и маримба примыкают отчасти къ обоимъ комплексамъ.

Литература.

Е. В. Tylor—1888. On a Method of Investigating the Development of Institutions; applied to Laws of Marriage and Descent—Journal of the Antrop. Institut.

В. Ankermann—1905. Kulturkreise und Kulturschichten in Afrika.—Zeitschrift für Ethnologie. Bd XXXVII.

Ј. Czekanowski—1909. Zur Differentialdiagnose der Neanderthalgruppe. Korrespondenzblatt D. G. A. E. U.

Ј. Czekanowski—1911. Objektive Kriterien in der Ethnologie. Korrespondenzblatt der Deutsch. Gesellsch. f. Anthropol. Ethn. u. Urg. № 8—12.

Въ преніяхъ по поводу сообщенія приняли участіе: П. А. Некрасовъ, В. О. Миллеръ, Л. Я. Штернбергъ, С. И. Руденко, П. П. Евстифеевъ, С. П. Лупевскій, Н. А. Виташевскій. Ниже приводятся замѣчанія тѣхъ лицъ, которыми сказано было имъ изложили письменно.

П. А. Некрасовъ высказалъ свое согласіе съ выводами докладчика и замѣтилъ, что онъ, занимаясь проблемой измѣренія связи явленій посредствомъ вариаций вѣроятностей одного явленія E_1 подъ впечатлѣніемъ другого E_2 , пришелъ къ выводу, немного отличающемуся отъ формулы Юля, примененной докладчикомъ, а именно къ мѣрѣ связи

$$Q = \frac{ad - bc}{\sqrt{(a+b)(a+c)(b+d)(c+d)}}$$

П. А. Некрасовъ далѣе предложилъ вопросъ, не было ли бы целесообразнымъ при сочетаніи трехъ и болѣе явленій вмѣсто плоскостныхъ диаграммъ примѣнять стереограммы.

В. О. Миллеръ, оговорившись, что онъ мало знакомъ съ новѣйшими приложеніями метода объективныхъ критеріевъ въ этнологіи, выразилъ, какъ общее впечатлѣніе, вынесенное имъ отъ сообщенія Я. В. Чекановскаго, сочувствіе къ его попыткамъ примѣненія статистическаго метода къ наблюденію этнологическихъ явленій. Вопросомъ о внесеніи точнаго метода въ этнологію былъ всецѣло занятъ, по воспоминанію В. О. Миллера, Э. Тэйлоръ, постигшій Москву въ 80-хъ годахъ и развивавшій тогда свои методологическія идеи, которыя онъ затѣмъ изложилъ въ своей извѣстной работѣ 1888 года въ журналѣ Англійскаго Антропологическаго Института. Упомянувъ о пользѣ и наглядности построенія картограммъ на основаніи статистическаго подсчета сосуществованія и различныхъ комбинацій этнологическихъ

явленій, В. О. Миллеръ однако замѣтилъ, что для рѣшенія главной задачи этнологіи — уясненія культурной эволюціи у племенъ, неимѣвшихъ исторіи, самымъ важнымъ источникомъ должно, на его взглядъ, служить изученіе ихъ языковъ. Языкъ какаго-нибудь племени можетъ сохранять слѣды культурнаго вліянія на него другихъ племенъ какъ въ области матеріальной, такъ и въ области духовной культуры. Если, напр., какое нибудь орудіе въ языкѣ изучаемаго племени носить не туземное, а заимствованное названіе, то въ данномъ случаѣ языкъ обнаруживаетъ намъ такіа теченія культурныхъ вліяній и взаимодействій, которыя не уяснятся никакими статистическими подсчетами. Если языки Африканскаго материка, который далъ г. Чекановскому матеріалъ для его картограммы, еще въ недостаточной степени изслѣдованы, то все же и въ этой области лингвистика дала нѣкоторыя цѣнныя для культурныхъ теченій указанія. Такъ, уяснилось, что языки Бушменовъ и Готтентотовъ, которые прежде сближали между собой, совершенно различны по типу, не смотря на то, что въ томъ и другомъ существуютъ характерные т. наз. прищелкивающіе звуки. Оказалось по изслѣдованіямъ Мейнгофа (Meinhof), что языкъ готтентотскій по главнымъ признакамъ принадлежитъ къ *хамитской* семьѣ языковъ и что прищелкивающіе звуки перешли въ него изъ бушменскаго (въ бушменскомъ ихъ 7, въ готтентотскомъ 4, причемъ въ первомъ они входятъ въ коренныя слова). Такимъ образомъ лингвистика даетъ въ данномъ случаѣ точный отвѣтъ на этнологическій вопросъ, и можно надѣяться, что она откроетъ въ эволюціи культурныхъ теченій въ Африкѣ многое изъ такихъ періодовъ отдаленнаго прошлаго, которые не разясняются другими этнологическими приѣмами. Переходя къ частностямъ, В. О. Миллеръ выразилъ недоумѣніе, почему въ свою картограмму (стр. XXXII) г. Чекановскій внесъ не только тѣ культурныя явленія, которыя, напр. Анкерманомъ считаются слѣдами самой примитивной африканской культуры, но и такіа, какъ музыкальные инструменты, которые распространяются, какъ культурный взносъ, отъ народовъ болѣе развитыхъ среди другихъ. Такъ, напр., музыкальный инструментъ *маримба*, внесенный г. Чекановскимъ въ таблицу, считается инструментомъ, перешедшимъ въ Африку изъ Азіи. Техника изготовленія матеріи изъ лыка (не изъ коры, какъ неточно сказано у г. Чекановскаго), какъ полагаютъ, была изобрѣтена въ Индіи и перешла отсюда какъ въ область Тихаго океана, такъ и въ Африку. Изъ слѣдовъ примитивной африканской культуры г. Чекановскій не внесъ въ свою таблицу такіа явленія, какъ выбиваніе переднихъ зубовъ, украшеніе тѣла рубцами, примитивный инструментъ копалку для выкапыванія съѣдобныхъ корней [обязанность женщины], и В. О. Миллеръ попросилъ у референта разясненія о принципахъ, которымъ онъ руководился при внесеніи тѣхъ или другихъ культурныхъ явленій въ картограмму.

Л. Я. Штернбергъ: Не вхожу въ детальное обсужденіе доклада, потому что

во 1-хъ, прежде всего необходимо знать математическое основаніе формулы Юля, чего въ докладѣ нѣтъ, во 2-хъ, докладъ былъ слишкомъ общаго характера, а печатная работа, на которую ссылается г. Чекановскій, пока еще не появилась въ печати.

Ограничусь поэтому нѣкоторыми только замѣчаніями. Прежде всего замѣчу, что, вопреки утвержденію докладчика, предложенный имъ методъ ничего общаго не имѣетъ со статистическимъ методомъ Тайлора, ни формально, ни по существу. Прежде всего по существу. Тайлоръ никогда не предлагалъ примѣненіе статистическаго метода для выясненія закона сосуществованія этнологическихъ явленій относительно къ ихъ органической связи или однородности. Онъ всегда примѣнялъ свой методъ исключительно къ сосуществованію явленій, причину или психологически связанныхъ между собою. Работа Тайлора, на которую ссылается докладчикъ, касается одного круга явленій, именно явленій брака. Желая выяснить происхожденіе института избѣганія зятя съ тещей и желая выяснить связь между этимъ явленіемъ и фактомъ перехода или неперехода зятя въ домъ тестя, предполагая внутреннюю связь между этими явленіями, онъ собралъ весь имѣющійся матеріалъ по этому вопросу у разныхъ племенъ и рѣшилъ высчитать, въ какомъ отношеніи стоитъ сосуществованіе указанныхъ явленій къ факту обратному и убѣдился, что у большинства изслѣдованныхъ племенъ избѣганіе тещи совпадаетъ съ переходами въ домъ тестя и отсюда сдѣлалъ соотвѣтственный выводъ. Но и этотъ методъ простого подсчитыванія сосуществованія явленій, внутренне связанныхъ между собою, однородныхъ такъ сказать, не даетъ достаточно гарантій, потому что, при нынѣшнемъ характерѣ этнографическаго матеріала, собраннаго и собираемаго часто некомпетентными наблюдателями, не всѣ этнографическія явленія въ одинаковой мѣрѣ констатировались и потому во многихъ случаяхъ сосуществованіе тѣхъ или другихъ явленій легко можетъ остаться неотмѣченнымъ, такъ что всякіе подсчеты при такомъ матеріалѣ являются проблематичными. Поэтому методъ подсчитыванія явленій сосуществованія можетъ быть только субсидіарнымъ для обычнаго логическаго метода умозаключенія. Во всякомъ случаѣ методъ Тайлора имѣетъ хоть то преимущество, что за единицу подсчета онъ принималъ вполнѣ опредѣленную величину, именно, этническую группу, *племя*, исходя изъ вѣрнаго предположенія, что внутри каждой примитивной племенной единицы основныя институты (брака) тождественны.

Что касается докладчика, онъ предлагаетъ методъ, который будто бы способенъ объяснить законъ сосуществованія *любыхъ* явленій, хотя бы самыхъ разнородныхъ, ничѣмъ между собою внутренне — ни причинно, ни психологически — не связанныхъ, вродѣ сосуществованія арфы и обрѣзанія, круглой хижины и меча и т. п. А вдобавокъ для математическаго сопоставленія извѣстнаго круга явленій онъ беретъ внутренне несоизмѣримыя величины, именно, квадратныя единицы поверхностей,

забывая, что интенсивность культуры не измѣряется размѣрами поверхности ея пространства. Даже въ наиболѣе культурныхъ странахъ Европы, гдѣ культура распространена болѣе или менѣе равномерно, площадь не есть мѣрило культуры: на небольшой сравнительно площади Лондона болѣе сконцентрировано элементовъ культуры, чѣмъ во всѣхъ Валлисѣ. Но когда докладчикъ мѣряетъ культуру по единицамъ площади — въ такой части свѣта, какъ Африка, гдѣ по планиметру приходится сопоставлять культуры Сахары и Египта, Абиссиніи и страны пигмеевъ, недопустимость его метода становится очевидной. Я ужъ не говорю о томъ, что и къ этому методу примѣнимо и общее возраженіе, указанное мною раньше, а именно, что качество нашего этнографическаго матеріала пока не допускаетъ широкаго примѣненія статистическаго метода въ этнографіи, развѣ только въ специальныхъ случаяхъ, въ качествѣ субсидіарнаго къ общему методу сравненія.

По поводу замѣчанія г. Евстифѣева (см. дальше), который въ математическомъ методѣ видитъ новую эру для этнографіи, которая будто бы до сихъ поръ, какъ и другія гуманитарныя науки, благодаря непримѣненію математическаго метода, ничего не сдѣлала, я долженъ сказать прежде всего, что онъ, повидимому, забылъ, что какъ ни хорошъ математическій методъ, но не всегда и вездѣ онъ примѣнимъ, и главное онъ забылъ, что, кромѣ математическаго метода, есть еще и другіе научные методы, хотя бы методъ сравнительный, которому всѣ науки одинаково, естественныя и гуманитарныя, обязаны всѣми своими завоеваніями. Пусть онъ, какъ лингвистъ, хотя бы вспомнить, что сдѣлало сравнительное языкознаніе этимъ методомъ, пусть вспомнить Дарвина, да и всѣ великія завоеванія естественно-историческихъ наукъ. Этотъ же методъ далъ возможность и этнологіи, несмотря на все несовершенство матеріала, сдѣлать свои замѣчательныя открытія и обобщенія.

Наконецъ, еще два слова докладчику. Онъ ссылается на примѣры, когда люди, ранѣе скептически относившіеся къ математическому методу, наконецъ, увѣровали въ него. Да, но эти примѣры относятся исключительно къ физической антропологіи.

Въ этой наукѣ этотъ методъ дѣйствительно вполнѣ примѣнимъ. Между различными данными о человѣческомъ типѣ есть внутренняя связь, корреляція, вытекающая изъ постоянныхъ законовъ механики. Извѣстный ученый Боасъ, такой же превосходный антропологъ, какъ и этнологъ, широко примѣняетъ поэтому математическій методъ къ соматической антропологіи, но въ то же время совершенно не примѣняетъ его къ этнологіи, потому что здѣсь онъ можетъ быть примѣняемъ только въ исключительныхъ случаяхъ.

С. И. Руденко спрашивалъ, почему зеркальная числовая таблица дала ассиметричную диаграмму.

Н. П. Евстифѣевъ предупредилъ, что, выступая послѣ проф. П. А. Не-

красова и С. И. Руденко, онъ долженъ значительно измѣнить изложеніе тѣхъ вопросовъ, съ которыми онъ первоначально намѣревался обратиться къ докладчику.

Евстифѣевъ доволенъ, что запросъ г. Руденко, хотя и былъ поставленъ въ совершенно иной формѣ, чѣмъ самъ Евстифѣевъ счелъ бы умѣстнымъ это сдѣлать, тѣмъ не менѣе далъ докладчику случай объяснить, что отсутствіе зеркальности въ графической таблицѣ на стр. 3-ей «приглашенія» не есть результатъ типографскаго *lapsus*'а, какъ первоначально готовъ былъ допустить и г. Евстифѣевъ, а напротивъ того есть, какъ оказывается, планомѣрное, сознательное и, по результатамъ своимъ, весьма цѣнное добавленіе къ цифровой таблицѣ, помѣщенной на стр. 4-ой того-же приглашенія. Оказывается, что диаграмма стр. 3-ей даетъ не просто переводъ цифръ таблицы со стр. 4-ой на языкъ штриховки. А именно вертикальные столбцы диаграммы даютъ указаніе шести степеней сродства между явленіями, названными вверху столбца, съ явленіями, названными сбоку того же столбца. Въ результатѣ получается, если мы рассматриваемъ горизонтальную строку, указаніе степени живучести явленія, названнаго въ ней, и степени его укорененности или прониканія въ культурную жизнь обследуемыхъ племенъ.

Такое разъясненіе очень цѣнно и, къ сожалѣнію, ни изъ текста повѣстки, ни изъ чертучуръ конспективнаго изложенія докладчика не было ясно слушателямъ. По мнѣнію г. Евстифѣева, это является *новымъ* техническимъ приѣмомъ графическаго анализа и заслуживаетъ особаго вниманія, какъ при изученіи культурныхъ явленій, такъ и вообще при пользованіи методомъ, который демонстрированъ докладчикомъ.

Что касается возраженій, раздававшихся здѣсь со стороны большей части сочленовъ, участвовавшихъ въ дебатахъ, то г. Евстифѣевъ хотѣлъ бы усиленно поддержать приѣмы и точку зрѣнія докладчика во всемъ ихъ объемѣ, и даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ самъ докладчикъ счелъ нужнымъ это сегодня сдѣлать. Многоуважаемый докладчикъ ограничился указаніемъ на возможность примѣненія его методовъ въ этнологіи и въ діалектологіи и, къ сожалѣнію, даже о діалектологіи онъ ограничился лишь простымъ упоминаніемъ безъ всякихъ иллюстрацій. Между тѣмъ не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что картографическій методъ, т. е. методъ сравнительнаго анализа картограммъ, можно сказать, универсаленъ въ примѣненіи ко всемъ явленіямъ, которыя поддаются географическому приуроченію и распределенію.

Проф. Н. А. Некрасовъ выразился между прочимъ, что онъ бы предпочелъ, чтобы докладчикъ нѣсколько «раціонализировалъ» свой методъ, т. е. что бы онъ не ставилъ подрядъ вещи, относящіяся къ «совершенно различнымъ» категоріямъ, какъ, напримѣръ, къ военной, эстетической и экономической. Его мнѣніе было поддержано и Л. Я. Штернбергомъ, который говорилъ, что можно примѣнять предлагаемый

аемый методъ лишь въ такихъ рамкахъ, какихъ держался, напримѣръ, Тэйлоръ, который разрабатывалъ и сравнивалъ лишь факты, имѣющіе между собою несомнѣнную внутреннюю связь, такъ какъ все они относятся къ вопросу о бракѣ.

Н. П. Евстифѣевъ противъ такой «раціонализаци», такъ какъ демонстрированный методъ есть не только методъ контроля или проверки, но и методъ открытія; и послѣдняя роль обсуждаемаго метода кажется Евстифѣеву даже болѣе важной, что отчасти было подтверждено и сегодняшнимъ докладомъ.

А поскольку предлагаемый методъ есть не только методъ проверки и контроля, чего не отвергаютъ даже его «противники», но есть въ то же время и, можетъ быть, въ не меньшей степени методъ открытія, постольку же онъ имѣетъ право *ничего не предпринимать* и по возможности *даже обязанъ* ничего не предпринимать. Онъ не долженъ, следовательно, также предпринимать ни вопроса о группировкѣ, ни о родствѣ явленій, ни о существованіи или отсутствіи связи между наблюдаемыми и изслѣдуемыми явленіями.

Первый и основной вопросъ, по мнѣнію Евстифѣева, который изслѣдователю часто приходится рѣшать и, конечно, рѣшать по возможности не *a priori*, есть именно вопросъ, — имѣютъ-ли данныя явленія связь между собою или нѣтъ. И это можно рѣшить, лишь выяснивъ объективнымъ путемъ: замѣчается-ли между ними наклонность къ сосуществованію или наоборотъ къ взаимному исключенію, или же наконецъ они вполнѣ безразлично относятся другъ къ другу и случаи ихъ совпаденій или несовпаденій обусловливаются вліяніемъ третьей, независимой отъ данныхъ фактовъ, причины.

Предпринимать это мы могли бы лишь въ томъ случаѣ, если бы мы дѣйствительно уже предварительно знали внутреннюю и часто скрытую отъ насъ связь явленій или, по крайней мѣрѣ, знали бы основной принципъ механизма этой связи, но какъ разъ въ этнологіи-то мы ея и не знаемъ и она чаще всего является нашимъ главнымъ искомымъ и нашимъ главнымъ лжепутеводителемъ.

Понятно, при отсутствіи другого исхода, мы не только можемъ, но и вынуждены, строить разныя предположенія, но въ этихъ предположеніяхъ (дѣло не улучшится отъ того, что мы ихъ назовемъ «рабочими гипотезами») мы невольно и неизбежно исходимъ изъ предпосылокъ субъективныхъ и потому болѣе или менѣе произвольныхъ *по крайней мѣрѣ въ той же* степени, какую оппоненты видятъ въ выборѣ сопоставляемыхъ явленій, которыя кажутся имъ «не имѣющими внутренней связи».

Такъ и случилось, напримѣръ, съ проф. П. А. Некрасовымъ, который поторопился раздѣлить все явленія, представленныя въ таблицѣ, на три группы.

Такое исканіе трехъ именно группъ уже включаетъ извѣстное предприниманіе, тогда какъ въ дѣйствительности, если бы мы охватили не 17 явленій, а положимъ 117, то они, можетъ быть, потребовали бы не три, а 33 группы.

Можетъ быть существуетъ извѣстная внутренняя связь между группировкою по тремъ чисто формальнымъ и, на взглядъ Евстифѣева, произвольнымъ признакамъ, предложенной проф. Некрасовымъ, и другимъ, увлекательнымъ на первый взглядъ, предложеніемъ того же профессора воспользоваться вмѣсто діаграммъ стереограммами. Дѣло въ томъ, что стереограммами мы дѣйствительно могли бы пользоваться лишь въ томъ случаѣ, если бы мы захотѣли и намъ бы удалось группировать всѣ явленія лишь въ трехъ направленіяхъ. Между тѣмъ разбивка всѣхъ явленій по тремъ направленіямъ чаще всего окажется и недостаточной, и слишкомъ искусственной.

Стереогаммы N-измѣреній, какъ согласился и самъ почтенный профессоръ, были бы единственные допустимыя съ методологической точки зрѣнія, но онѣ технически невыполнимы, а между тѣмъ при тѣхъ же плоскостныхъ картограммахъ (планогаммахъ) до извѣстной степени дается и третье измѣреніе комбинаціею ихъ.

Въ пользу діаграммъ плоскостныхъ, діаграммъ двухъ измѣреній, говорятъ еще нѣкоторые гносеологическія соображенія: 1) всякій сложный комплексъ явленій можно расчленивъ на пары, а 2) всякая пара, если сама не соответствуетъ уже, то можетъ быть поставлена въ то или другое соотношеніе къ двумъ основнымъ ординатамъ всякаго яснаго, слѣдовательно и всякаго научнаго мышленія, — къ времени и къ пространству.

По поводу замѣчанія академика Миллера, что главной нитью въ установленіи культурной связи племенъ является ихъ языкъ, а въ частности характеръ названій каждаго явленія, такъ какъ онъ указываетъ намъ и путь, какимъ явленіе проникло въ культуру даннаго племени, и источникъ, откуда оно пришло, г. Евстифѣевъ позволяетъ себѣ сказать лишь, что, конечно, языкъ часто играетъ такую же важную роль опредѣлителя, какую играютъ, на примѣръ, монеты при археологическихъ раскопкахъ, но, если отбрасывать языкъ не только, какъ вспомогательное орудіе исторіи человѣческой культуры, но и какъ самостоятельную область научнаго изслѣдованія, то придется сказать, что языки сами прежде всего нуждаются въ примѣненіи къ нимъ того же метода изслѣдованія, т. е. метода картографическаго анализа.

Если даже на первое мѣсто выдвигать именно служебную роль лингвистики, какъ вспомогательнаго орудія исторіи культуры, то и въ этомъ случаѣ указанія, получаемыя исторіей культуры отъ лингвистики, въ свою очередь нуждаются такъ же, какъ и всякія другія научныя данныя, въ контролѣ и провѣркѣ всѣми доступными намъ средствами, не исключая во всякомъ случаѣ и картографическаго анализа самихъ данныхъ исторіи культуры современной (этнографіи) или доисторической (археологіи).

Повидимому нѣкоторыми изъ присутствующихъ не вполне выяснено, какой это въ сущности методъ, такъ какъ они употребляли, какъ равнозначныя выраженія: и

«математическій» методъ, и «статистическій» методъ и, всего рѣже, употребляли выраженіе «картографическій» методъ, причемъ нѣкоторые даже противопоставляли ему «сравнительный» методъ.

Между тѣмъ, на взглядъ Евстифѣева, главная важность и значеніе сегодняшняго доклада заключается въ наглядномъ выясненіи и заслуженной рекомендаціи именно «картографическаго» метода, т. е. метода сравнительнаго изученія картограммъ, въ области этнографіи, какъ необходимаго методологическаго улучшенія для подготовки перехода ея къ этнологіи, какъ точной научной доктринѣ съ точными методами и объективными критеріями.

Этотъ-то методъ г. Евстифѣевъ и приветствуетъ лично особенно радостно, потому что много лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ лишенъ общенія съ очагами науки, онъ по своему сильному разумію уже пытался примѣнить именно «картографическій» методъ и при томъ не къ «этнологіи», которой г. Евстифѣевъ интересовался сравнительно меньше по причинамъ, которыя позволятъ себѣ указать позже, и не къ діалектологіи, которою онъ напротивъ интересовался поглощающимъ образомъ, а къ археологіи, т. е. къ изученію памятниковъ предыдущихъ фазисовъ культуры.

Г. Евстифѣевъ проситъ присутствующихъ тружениковъ этнографіи простить ему, если онъ признается, почему онъ не могъ заинтересоваться этнографіей хотя бы въ той же степени, какъ и дорогой ему діалектологіей. Именно отсутствіе объективныхъ критеріевъ въ этнологическихъ вопросахъ, отсутствіе объективныхъ методовъ сравненія и изслѣдованія дѣлали то, что этнографія ему казалась лишь собирательницей фактовъ для будущей науки, но не наукой.

Это зависѣло, конечно, не отъ одного лишь непримѣненія «картографическаго» метода, хотя характерно и это игнорированіе метода, нашедшаго себѣ признаніе и примѣненіе уже въ столь многочисленныхъ и разнородныхъ областяхъ.

Для примѣра г. Евстифѣевъ напоминаетъ о періодически издаваемыхъ нашимъ Министерствомъ Финансовъ картограммахъ цѣль на хлѣбъ.

Г. Евстифѣевъ указываетъ на этотъ именно фактъ по двумъ причинамъ:

1) Чтобы показать, что амплитуда примѣнимости картографическаго метода такъ велика, что этотъ общій методологическій приемъ одинаково примѣнимъ, какъ въ области этнологіи, такъ и въ области принадлежащей къ совершенно иному типу доктринъ, а именно къ изслѣдованіямъ экономическихъ вопросовъ. Онъ считалъ себя отчасти въ правѣ, отчасти даже вынужденнымъ это сдѣлать, чтобы поддержать ранѣе имъ сдѣланное заявленіе объ «универсальности», по его мнѣнію, обескуражаемаго метода, будучи вынужденъ обойти за недостаткомъ времени цѣлый рядъ такихъ областей, какъ картографическій методъ въ медицинѣ, біологіи, криминологіи и т. д., (всѣмъ этимъ еще болѣе подчеркивалась бы методологическая отсталость этнографіи).

2) Чтобы возразить на вырвавшееся у одного изъ присутствующихъ замѣчаніе, что картографическій методъ (или, какъ ошибочно выразился возражавшій, «статистическій» методъ) применимъ лишь къ явлениямъ психической жизни человѣчества, а не къ матеріальной обстановкѣ его жизни. Такое возраженіе, исходившее изъ устъ юриста, было вызвано, по мнѣнію г. Евстифѣева, тѣмъ фактомъ, что право примѣненія статистики къ области общественной жизни, какъ «нормальной» (рожденія, браки, смерти), такъ и «патологической» (болѣзни, преступленія и т. п.) показались возражавшему какъ бы привилегіей этой морально-соціальной области. Просто вслѣдствіе привычки видѣть ее примѣненно именно такъ.

Изъ всего выше сказаннаго видно, что правы тѣ, кто указывалъ докладчику, что его методъ не есть что-то совершенно новое (хотя, насколько можетъ судить Евстифѣевъ, собственно докладчикъ не далъ повода приписывать ему подобную претензію), но они въ тоже время совсѣмъ не правы, если изъ-за этого факта они упускаютъ, что сравнительно очень ново примѣненіе этого метода именно къ области этнологіи и еще новѣ нѣкоторые способы, нѣкоторые приемы примѣненія этого способа, отчасти показанные докладчикомъ.

Лишь въ одной изъ этихъ техническихъ деталей г. Евстифѣевъ пока не согласенъ съ докладчикомъ и остается при «особомъ» мнѣніи, а именно въ вопросѣ о картографической единицѣ. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ своихъ опытахъ примѣненія картографическаго метода Евстифѣевъ до сихъ поръ бралъ за единицу не квадратную милю, какъ докладчикъ, и не другую какую-либо единицу чисто измѣрительнаго характера, а бралъ районное дѣленіе обследуемой страны. При томъ, по мнѣнію Евстифѣева, эти «районныя единицы» могутъ быть и не равновелики по своимъ площадямъ, если онѣ въ какомъ нибудь отношеніи, важномъ для изслѣдователя, равноцѣнны качественно.

Н. А. Виташевскимъ было сказано приблизительно слѣдующее:

Конечно, правъ г. Евстифѣевъ, заявляя, что статистическій методъ въ этнографіи призванъ *установить* сродство явленій, и потому, при его примѣненіи, нельзя руководиться соображеніемъ, сродны-ли или несродны изучаемыя явленія. Но, по своему существу, этотъ методъ можетъ привести къ такимъ результатамъ лишь въ томъ случаѣ, когда на лицо — количество фактовъ, при которомъ законъ большихъ чиселъ можетъ себя проявлять. Это — случаи рѣдкіе въ этнографическихъ изысканіяхъ. Надежныѣ (т. е., все же не безусловно надежно) примѣненіе статистическаго метода тамъ, гдѣ сродство явленій можетъ быть а priori признано съ полною несомнѣнностью и требуется лишь выяснитъ ихъ взаимную другъ отъ друга зависимость, — какъ это и имѣло мѣсто въ классическомъ случаѣ примѣненія Тэйлоромъ этого метода. Такимъ образомъ, какъ въ одномъ (обиліе фактическихъ данныхъ), такъ и въ другомъ (несомнѣнность сродства явленій) случаѣ можно рекомендовать

изслѣдователямъ чрезвычайную осторожность въ примѣненіи статистическаго метода къ изученію этнографическихъ явленій. Оппонентъ, далѣе, отмѣчаетъ, что одинъ изъ русскихъ изслѣдователей, К. Р. Качоровскій, находилъ возможнымъ отрицать законность примѣненія «аналогическаго» метода къ изслѣдованію общины и считалъ здѣсь допустимымъ лишь примѣненіе статистическаго метода. По мнѣнію оппонента, взглядъ этотъ ложенъ въ самомъ своемъ основаніи: историко-сравнительный методъ, — который К. Р. Качоровскій неправильно называлъ «аналогическимъ», — вовсе не конкурируетъ съ методомъ статистическимъ. Этотъ послѣдній применимъ въ случаяхъ, когда, — какъ сказано оппонентомъ, раньше, — можетъ проявлять себя законъ большихъ чиселъ, и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ съ полнымъ успѣхомъ и весьма плодотворно для науки можетъ быть примѣняемъ историко-сравнительный методъ. Иными словами: примѣненіе этого послѣдняго метода начинается какъ разъ именно въ тотъ моментъ, когда примѣненіе статистическаго метода оказывается невозможнымъ. — Далѣе, по мнѣнію Н. А. Виташевскаго никакого «антагонизма» между этнографами и математиками нѣтъ. Этнографъ, — какъ и всякій другой образованный человѣкъ — преклоняется передъ выводами математики. Но если у насъ есть *одинъ* случай совпаденія явленій и *одинъ* случай несовпаденія, то математикъ будетъ правъ, утверждая, что въ данномъ случаѣ не существуетъ зависимости между изучаемыми явленіями. Однако, этотъ несомнѣнный математическій выводъ изъ формулы не удовлетворитъ этнографа, какъ субъекта, изучающаго явленія *конкретной* дѣйствительности: для характеристики послѣдней этнографъ могъ бы воспользоваться математическою формулою лишь въ томъ случаѣ, если бы случаевъ совпаденія и несовпаденія было въ его распоряженіи не 2, а, наприм., 1.000. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда сродство изучаемыхъ явленій можетъ быть съ достаточнымъ основаніемъ принято а priori, — въ этихъ случаяхъ число совпаденій и несовпаденій можетъ быть и значительно ниже. Но все это приводитъ опять къ убѣжденію, что въ приложеніи статистическаго метода къ изученію этнографическихъ явленій нужна чрезвычайнѣйшая осторожность.

Докладчикъ, отвѣчая кратко на предложенныя ему возраженія и вопросы, подчеркнул, что представленный имъ картографическій аналитическій методъ позволяетъ механическимъ путемъ: 1) измѣрять сродство явленій 2) выдѣлять исторически связанные комплексы и 3) слѣдить за ихъ распространеніемъ съ теченіемъ времени, однимъ словомъ — отвѣчать на основныя этнологическіе вопросы. Субъективный моментъ сводится при этомъ методѣ изслѣдованія лишь къ неточностямъ при подсчетѣ наблюденій. Оппоненты, не возражая по существу противъ предложеннаго метода, высказывали лишь свои сомнѣнія насчетъ качества и полноты существующихъ этнологическихъ матеріаловъ, а также и касательно примѣннаго здѣсь плоскостнаго метода подсчета наблюденій. Гармонія, существующая между

результатами, полученными этим путем из существующих материалов, и между нашими знаниями по этнографии Африки дает лучший ответ на эти сомнения.

Возражения против сопоставления и измерения связи психологически и причинно якобы независимых явлений вызваны лишь недоразумением. Возражающие не принимают во внимание исторической связи разнородных явлений. Эта именно связь составляет дальнейшую цель исследования.

Отвечая на вопрос В. Θ. Миллера, насчет принципа выбора сопоставляемых культурных явлений, докладчик заявляет, что он сопоставил все те признаки, для которых у Анкермана имеются достаточно полные картограммы. Докладчик благодарит В. Θ. Миллера за указание насчет индийского происхождения маримбы и обращает внимание на то, что хотя ему этот факт не был известен, в его картограммах (стр. XXXII) он всетаки предусмотрен. Маримба ассоциируется тесно лишь с другим музыкальным инструментом — арфой, которая по всей вероятности тоже индийского происхождения. О средствах маримбы с двумя основными африканскими комплексами на основании предъявленной диаграммы утверждать нельзя. Она, очевидно, — явление, проникшее извне вместе с арфой.

ХІІІ. Засѣданіе 25 ноября 1911 г.

Засѣданіе состоялось подъ председательствомъ Товарища Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, С. К. Булича, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ: Г. С. Багрова, В. Н. Васильева, Н. А. Виташевского, Б. Я. Владимірцова, Θ. К. Волкова, В. А. Гаврилова, А. А. Достоевскаго, Д. К. Зеленина, Н. П. Ефстифѣва, Н. Н. Кроткова, П. Н. Лунцова, И. И. Майнова, А. А. Макаренко, Вс. Θ. Миллера, Н. Н. Михайловскаго, М. А. Мозина, Э. К. Пекарскаго, И. П. Поддубнаго, А. Д. Руднева, А. К. Сергѣевова, Т. И. Тихонова, И. Н. Шмакова, постороннихъ посѣтителей: С. Е. Малова, Е. Н. Елеонской, Н. В. Кириллова, при секретарѣ А. Н. Сакояловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

В. Θ. Миллеръ прочелъ извлеченія изъ положенія Комиссіи по народной словесности при Этнографическомъ Отдѣлѣ Московскаго Общества любителей естеств., антропол. и этнографіи, послѣ чего секретарь названной Комиссіи Елена Никол.

Елеонская сдѣлала краткое сообщеніе о возникновеніи, организаціи и дѣятельности Комиссіи. Начать составленіемъ указатель вновь появляющагося фольклористическаго матеріала по журналамъ (главнымъ образомъ бібліотеки Моск. У-та), книгамъ (съ помощью Книжной лѣтописи) и газетамъ. Начато описаніе рукописнаго архива Этнографическаго Отдѣла. Предложено составленіе общаго указателя матеріаловъ по эпосу и другимъ отдѣламъ народной словесности. Рѣшено составить программу для собранія матеріаловъ по народной словесности.

А. Д. Рудневъ спросилъ Е. Н. Елеонскую, почему Комиссія пользуется бібліотекой М. У-та, а не Румянцевскаго Музея, на что Е. Н. отвѣтила, что пользование первой удобнѣе. На вопросъ А. Д. Руднева: въ какомъ положеніи находится Комиссія по отношенію къ Междунар. Фольклорист. Федерациі, со стороны Е. Н. Елеонской послѣдовала отвѣтъ, что Комиссія не нашла возможнымъ по ряду соображеній примкнуть къ Ф. Ф.; А. Д. Рудневъ выразилъ пожеланіе, чтобы сообщеніе Е. Н. Елеонской было доложено Сказочной Комиссіи Отд. Этнографіи.

На вопросъ А. А. Макаренко: входитъ ли въ указатель Московской Комиссіи по народной словесности словесное творчество другихъ народовъ Россіи, кромѣ русскихъ, Е. Н. Елеонская отвѣтила утвердительно, но съ оговоркой, что въ указателіи войдутъ только работы на рускомъ языкѣ.

Постановлено: благодарить Е. Н. Елеонскую за сообщеніе и просить ее прислать въ Сказочную Комиссію Отдѣленія подробное письменное описаніе работъ Московской Комиссіи.

III.

Доложено о присылкѣ г-номъ бібліотекаремъ Этн. Отд. Р. Музея И. Александра III списка книгъ, поступившихъ въ бібліотеку названнаго учрежденія за октябрь мѣсяцъ.

Постановлено: передать въ Редакціонную Комиссію.

IV.

Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе печатныхъ изданіяхъ:

- 1) Извѣстія Кіевского Комм. Института, 1911, кн. XI.
- 2) Revue d'ethnographie et de sociologie, 1911, № 7—8.
- 3) Сообщеніе И. Правосл. Палест. Общества. 1911, вып. III.
- 4) Вѣстникъ Харьковскаго Историко-Филолог. Общества. 1911 г., вып. I.
- 5) Ученныя записки И. Юрьевскаго У-та, № 10. 1911.
- 6—8) Годишникъ на Софійскія Университетъ. I. Офіціаленъ дѣль. II. Физико-мат. факультетъ. III. Юридически факультетъ. 1911.

- 9) Русскій Филологич. Вѣстникъ 1911 г. № 3—4.
 10) Этнографическое Обзорѣніе, вып. 1—2 за 1911 г.
 Постановлено: передать въ бібліотеку Общества.

V.

Д. чл. В. А. Гавриловъ, по исполненіе возложеннаго на него въ сентябрѣкомъ засѣданіи порученія, далъ отзывъ объ «Извѣстіяхъ Кіевского Коммерческаго Института». По мнѣнію В. А. Гаврилова, этнографическаго интереса «Извѣстія» почти вовсе не представляютъ и поэтому нѣтъ основанія принимать предложеніе редакціи «Извѣстій» объ отмітѣніи пзданіями. Съ другой стороны желательно предоставить Кіевскому Коммерческому Институту возможность льготнаго полученія «Живой Старины».

Постановлено: благодарить В. А. Гаврилова за отзывъ, а рѣшеніе по данному вопросу отложить до слѣдующаго засѣданія.

VI.

Чл. сотр. Н. А. Виташевскій прочелъ сообщеніе на тему: «Наблюденія надъ олекминскими тунгусами» по слѣдующей программѣ:

Условія, при которыхъ были произведены наблюденія. — Общ. экономическомъ положеніи. — Звѣроловный промыселъ. — Другія области матеріальной культуры и техники. — Христіанство и мѣстныя вѣрованія. — Дети. — Русское и якутское вліяніе. Кочевники. — Звѣроловно-кочевой бытъ вообще. — Его отличія отъ скотоводческо-кочевого быта и сходство съ послѣднимъ. — Обстоятельства, заставляющія оставить звѣроловно-кочевой бытъ. — Наличие этихъ обстоятельствъ въ прошломъ и настоящемъ тунгусовъ. — Возможныя предсказанія. — Два слова о происхожденіи слова «тунгусъ».

Въ преніяхъ по поводу сообщенія приняли участіе: гг. И. И. Майновъ, В. О. Миллеръ, А. А. Макаренко, Э. К. Пекарскій, д-ръ Кирилловъ, П. Н. Лупповъ, А. Д. Рудневъ, Н. Н. Кротковъ, В. А. Егоровъ, Ив. П. Поддубный, Н. П. Евстифѣевъ, причѣмъ были затронуты вопросы:

1) о численности олекминскихъ тунгусовъ; 2) о словѣ тунгусъ; 3) о времени принятія ими христіанства; 4) о шаманствѣ у олекм. тунгусовъ; 5) о способахъ перевозки лодокъ; 6) объ охранѣ звѣроловнаго промысла; 7) о пищѣ, поцѣлѣхъ, колыбели, украшеніяхъ и т. д.

Н. В. Кирилловъ, основываясь на опытѣ американцевъ среди эскимосовъ Аляски, высказался за важность урегулированія и поощренія оленеводства, какъ средства сохраненія отъ гибели кочевыхъ народовъ сѣверной Сибири.

А. Д. Рудневъ сначала предложилъ образовать особую Комиссію по вопросу, затронутому д-ромъ Кирилловымъ, а затѣмъ высказался за желательность устройства соединеннаго засѣданія Отдѣленій Статистики и Этнографіи для заслушанія сообщенія Н. В. Кириллова о рациональной постановкѣ оленеводства въ Сибири.

А. А. Макаренко указалъ, что при Обществѣ изученія Сибири образована особая Комиссія въ связи съ докладомъ г-на Житкова объ охранѣ звѣроловства въ Сибири. Э. К. Пекарскій напомнилъ о статьѣ Клеменца, посвященной скотоводческой культурѣ и рассматривающей этотъ вопросъ съ государственной точки зрѣнія (Замѣтки о качествѣ бытъ. Сиб. Вопросы, 1908, №№ 49—52).

Предсѣдатель, резюмируя пренія, отмітилъ особый интересъ, проявленный собраніемъ къ практическому вопросу о поддержаніи звѣроловнаго промысла и оленеводства въ Сибири, который былъ поставленъ докладчикомъ и Н. В. Кирилловымъ, и просилъ собраніе уполномочить бюро Отдѣленія выбрать день для сообщенія Н. В. Кириллова¹⁾.

XIV. Засѣданіе 16 декабря 1911 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи С. О. Ольденбурга, въ присутствіи гг. почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ: П. Б. Булычева, Н. А. Виташевского, Б. Я. Владимірова, А. А. Достоевскаго, Д. К. Зеленина, П. К. Козлова, Н. Н. Кроткова, Е. С. Маркова, А. А. Макаренко, Н. Н. Михайловскаго, И. П. Мурзина, Э. К. Пекарскаго, И. П. Поддубнаго, А. Д. Руднева, Д. Д. Руднева, М. Ст. Сержевскаго, А. М. Смирнова, кн. Д. Э. Ухтомскаго, П. П. Фетисова, сторонняго посѣтителя В. В. Каррика, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Заслушавъ и утвердивъ журналъ предыдущаго засѣданія. По поводу послѣдняго пункта названнаго журнала А. А. Макаренко сдѣлалъ замѣчаніе, что такъ какъ докладъ д-ра Кириллова состоялся не въ Отдѣленіи Этнографіи, о чемъ было постановлено, а въ Отдѣленіи Статистики, то на помянутый докладъ д-ра Кириллова не явились нѣкоторые этнографы, не получающіе повѣстокъ на засѣданія Отдѣленія Статистики. Секретарь сообщилъ справку, что соединенное засѣданіе не могло состояться за отсутствіемъ изъ Петербурга Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи и потому, что Товарищъ Предсѣдательствующаго не могъ присутствовать.

¹⁾ Сообщеніе было прочитано д-ромъ Кирилловымъ въ засѣданіи Отдѣленія Статистики 2 декабря.

II.

Утверждено расписание очередных заседаний на 1912 год и постановлено, по примеру предыдущаго года, отпечатать это расписание на карточках и разослать городским членам Отделения. Очередные заседания назначены на пятницу: 1) января 27, 2) февраля 24, 3) марта 30, 4) апреля 27, 5) сентября 28, 6) октября 26, 7) ноября 30, 8) декабря 21.

III.

Доложена и единогласно принята смета расходов Отделения Этнографии и состоящих при нем комиссий на 1912 год в сумм 7900 р., составившейся из:

- 1) На «Живую Старину» 3900 р.
- 2) На Комиссию по составлению этнографической карты России 3500 »
- 3) На Сказочную Комиссию 500 »

IV.

Председательствующий предложил Отделению выбрать в члены-сотрудники лингвиста и этнографа-турколога С. Е. Малова, принимающего участие в «Живой Старине» и совершившаго большое путешествие в китайскую провинцию Гань-су для изучения современных уйгуров.

Постановлено: выбрать С. Е. Малова членом-сотрудником Отделения и доложить об этом Совету Общества.

V.

Э. К. Пекарский внес предложение о том, чтобы Отделение высказалось по вопросу о ритуальных убийствах у евреев в виду обсуждения этого вопроса в повременной печати.

Председательствующий указал, что этот вопрос в настоящее время ставится не с точки зрения научной, а с точки зрения политической, которая совершенно не входит в компетенцию Отделения. По мнению Председательствующаго вопрос в научной литературе обсужден обстоятельно и решен отрицательно. Ввиду вышесказаннаго он считает, что Отделению нет оснований высказываться по данному вопросу.

Д. К. Зеленинъ сказалъ, что, соглашаясь съ мнѣніемъ председательствующаго,

онъ находить, что если кто-нибудь изъ членовъ Общества изъявить желаніе прочесть научный докладъ на данную тему, то это будетъ очень желательно.

Н. А. Виташевскій внесъ поправку къ предложенію Пекарскаго въ томъ смыслѣ, что желательно не официальное выступленіе Отделения, а частное — группы этнографовъ, членовъ Географическаго Общества.

Э. К. Пекарскій, соглашаясь съ пожеланіемъ Зеленина, предложилъ подыскать лицо, компетентное въ вопросѣ о ритуальныхъ убійствахъ и просить это лицо прочесть докладъ въ Отделеніи.

Д. К. Зеленинъ возразилъ, что, высказывая свое пожеланіе, не имѣлъ въ виду, чтобы Отделение поручило кому-нибудь составить докладъ, а чтобы такой докладъ былъ предложенъ для прочтенія въ Отделеніи.

Председательствующій замѣтилъ, что вопросъ о докладахъ порученъ Отделеніемъ Редакціонной Комиссіи и что онъ не видитъ основаній отступать въ настоящемъ случаѣ отъ постановленія Отделения. Слѣдовательно, если докладъ будетъ предложенъ Отделенію, то онъ будетъ переданъ въ Редакціонную Комиссію. Затѣмъ председательствующій поставилъ на голосованіе предложеніе Э. К. Пекарскаго и оно было отклонено.

VI.

Членъ сотрудникъ М. Б. Едемскій прочелъ сообщеніе «О крестьянскихъ постройкахъ на сѣверѣ Россіи» по слѣдующей программѣ:

I. Постройки въ смежныхъ частяхъ Вельскаго, Тотемскаго и Шенкурскаго уѣздовъ.

Общій характеръ. Домъ и его части. Передъ, середка и озадокъ дома. Зимняя изба и расположеніе ея частей. Устройство передка. Лѣтняя изба, горница, подвалы; 2-й этажъ, вышка. Середка. Повить и мосты (сѣни) — зимній и лѣтній. Кѣти и горницы на повити; скотный дворъ, хлѣвы и конюшня.

Крыша. Подзоры, выходы (балконы) и др. украшенія.

Постройки при домѣ: амбаръ, погребъ, баня, гумно и др.

Оріентировка дома. Улица. Различное значеніе этого слова. Проулокъ. Дворъ. Линія. Планъ деревни и общій видъ.

Промышленныя и общественныя постройки. Мельница, смолокурня, кузница и др. Часовни.

Устойчивость основнаго типа построекъ. Видоизмѣненія.

II. Нѣкоторыя особенности крестьянскихъ построекъ другихъ мѣстъ Вологодской и Архангельской губерній.

Были показаны діапозитивы и предъявлены фотографическіе снимки построекъ.

По поводу прочитаннаго доклада были сдѣланы замѣчанія Д. К. Зеленинымъ, Э. К. Пекаремъ, кн. Д. Э. Ухтомскимъ, И. П. Поддубнымъ.

Д. К. Зеленинъ обратилъ вниманіе на тѣ особенности описаннаго докладчикомъ жилища (положеніе святаго угла у дверей), которыя имѣютъ важное значеніе при разрѣшеніи вопроса о классификаціи сѣверно-великорусскихъ жилищъ.

Э. К. Пекарскій и кн. Д. Э. Ухтомскій, находя докладъ интереснымъ, выразили желаніе видѣть трудъ М. Б. Едемскаго напечатаннымъ.

И. П. Поддубный выразилъ желаніе, чтобы докладчикъ продолжилъ свои наблюденія надъ постройками въ сторону Олонецкой губерніи, гдѣ сохранились болѣе древнія постройки.

Пріаянскіе тунгусы.

III. Кочевки тунгусовъ.

При сборѣ на перекочевку тунгусы садятся на первыхъ попавшихся оленей, если стадо даже и общее, и съ помощью ихъ загоняютъ остальныхъ, своихъ и чужихъ, оленей. Скарбъ складывается въ унты—берестяные кошель, обтянутые оленьими камысами, или въ маленькія переметныя сумы — сѣрукъ. Осенью на оленя нагружаютъ 2 пуда, а весной — отъ 30 ф. до 1 пуда. Съдокъ можетъ вѣсить и 5—7 пудовъ, такъ какъ при ѣздѣ онъ балансируетъ и этимъ уравниваетъ свой вѣсъ съ болѣе легкой, но раскачивающейся при ходѣ оленя кладью. Для перевозки ровдужной урасы требуется одинъ сытый олень; весной обыкновенно такую урасу нагружаютъ на пару оленей. Грудныя дѣти кладутся въ люльки, составляющія половину вьюка, съ другой же стороны грузится какая-либо кладь соотвѣтственной тяжести. Не-грудныя дѣти до 7 лѣтъ сажаются на сѣдло поверхъ вьюка, вѣсъ котораго не долженъ быть выше 1 пуда, и защищаются съ двухъ сторонъ дощечками, привязанными къ сѣдлу. Ребенокъ ѣдетъ, держась за переднюю луку. Съ 7 лѣтъ дѣти уже ѣздятъ верхомъ безъ клады. Саней при перекочевкахъ совсѣмъ не употребляютъ.

Мѣсто, гдѣ ночевалъ тунгусъ лѣтомъ съ оленями, легко узнать по стоптанной вокругъ сѣярук'а¹⁾ травѣ; чѣмъ богаче тунгусъ, тѣмъ больше утопанная оленями площадь.

Кочевки тунгусовъ находятся въ зависимости отъ ихъ промысловъ. Чайная возка, главный промыселъ пріаянскихъ тунгусовъ, сокращаетъ время и размахъ кочевки, прикрѣпляя возчиковъ къ нелькано-аянскому тракту. Всѣ остальные промыслы, напротивъ, заставляютъ тунгусовъ разбредаться въ разныя стороны въ поискахъ пищи себѣ и оленямъ. Въ результатъ получается то, что мѣстомъ жительства тунгусовъ является не какой-либо опредѣленный пунктъ или рядъ опредѣленныхъ пунктовъ, а цѣлый районъ, имѣющій въ центрѣ нелькано-аянскій путь. Тун-

1) Нѣсколько конически поставленныхъ и перевязанныхъ наверху тальникомъ жердей, которыя служатъ для защиты дымокура отъ оленей.

гусы, указывая время своего появления въ настоящемъ мѣстѣ жительства, обыкновенно такъ и говорятъ: «появился здѣсь, между Аяномъ и Нельканомъ, тогда-то». Это относится какъ къ бродячимъ, такъ и къ считающимся «кочевыми» тунгусамъ даннаго района. Всѣ они ведутъ одинаковый образъ жизни, мѣстомъ жительства всѣхъ ихъ является цѣлый районъ, а потому дѣленіе ихъ на бродячихъ и кочевыхъ совершенно неправильно: всѣ они — бродячіе.

Въ ниже помѣщенныхъ таблицахъ указаны сезонныя и годовое разселенія тунгусовъ, съ обозначеніемъ родовъ, къ которымъ они относятся.

З И М А.

Мѣстность.	Общее количество посѣщеній.	Р О Д Ы.							Якуты.
		Макаг. кочев.	1 Эжанскій.	2 Эжанскій.	Кюрюгдинскій.	Эжигенскій.	Кизя.	Бытальскій.	
1) между Аяномъ и Нельканомъ (главы и члены семействъ, возящихъ чай)	46	25	13	3	2	1	1	—	1
2) р. Челасинъ	7	4	2	—	—	—	—	—	1
ея притокъ Дайканъ	4	3	1	—	—	—	—	—	—
р. Олгомдо (притокъ Мохоту)	2	1	1	—	—	—	—	—	—
урочища: по р. Мохоту (притокъ Челасина)	5	3	1	1	—	—	—	—	—
Иканца	1	—	1	—	—	—	—	—	—
	19	11	6	1	—	—	—	—	1
3) р. Алдома (противъ устья притока Цагда)	5	3	1	1	—	—	—	—	—
ея притоки: Улайканъ	3	2	—	1	—	—	—	—	—
Симѣнца	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Цагда (устье)	3	2	—	—	1	—	—	—	—
	12	8	1	2	1	—	—	—	—

Мѣстность	Общее количество посѣщеній.	Р О Д Ы.						Якуты.
		Макаг. кочев.	1 Эжанскій.	2 Эжанскій.	Кюрюгдинскій.	Эжигенскій.	Кизя.	Бытальскій.
4) р. Лаңтар	4	1	2	1	—	—	—	—
ея притоки: Улайканъ	2	2	—	—	—	—	—	—
Тэймэй	3	2	1	—	—	—	—	—
Мавай	1	1	—	—	—	—	—	—
Іңал	1	1	—	—	—	—	—	—
Цыгдаңырыкан	1	1	—	—	—	—	—	—
Ојоктоһин	1	1	—	—	—	—	—	—
Атърғаңры	1	1	—	—	—	—	—	—
	14	10	3	1	—	—	—	—
5) р. Уй (близъ Аяна)	7	3	2	1	—	—	1	—
2-й Сивокчанъ (притокъ Уя)	2	1	—	1	—	—	—	—
	9	4	2	2	—	—	—	—
Нотунчи (прит. Аимчана, впад. въ Челасинъ)	1	—	1	—	—	—	—	—
Мурканъ (прит. Инчикана)	2	2	—	—	—	—	—	—
Немый	1	—	1	—	—	—	—	—
Мута	1	—	1	—	—	—	—	—
берегъ моря близъ Лаңтар'а	1	1	—	—	—	—	—	—
Ватомъ	1	1	—	—	—	—	—	—
Всего (кроме возчиковъ)	61	37	15	6	1	—	1	1

61 посѣщеніе распределяется между 49 семействами такимъ образомъ: 44 семейства жили въ одной мѣстности, 3 семейства — въ двухъ мѣстностяхъ, 1 семейство — въ 5 мѣстностяхъ и 1 — въ 6 мѣстностяхъ.

ВЕСНА.

Мѣстность.	Общее количество посѣщѣній.	Р О Д Ы.						Якуты.
		Макагарт-скій.	1 Эжанскій.	2 Эжанскій.	Кюрюг-динскій.	Эжигенскій.	Кия.	Бытальскій.
1) устье рѣки Алдомы	4	4	—	—	—	—	—	—
ея притоки: Мулкучу	1	—	1	—	—	—	—	—
Улайканъ	1	—	—	1	—	—	—	—
	6	4	1	1	—	—	—	—
2) устье р. Лаңтар	14	6	5	3	—	—	—	—
ея притоки: Улайканъ	1	1	—	—	—	—	—	—
Тѣймѣй	1	—	1	—	—	—	—	—
	16	7	6	3	—	—	—	—
3) устье р. Уй (близъ Аяна)	5	1	2	1	—	—	1	—
4) р. Ватомъ	3	2	1	—	—	—	—	—
ея притокъ Тукумъ	1	—	1	—	—	—	—	—
	4	2	2	—	—	—	—	—
5) приморскія рѣчки: Берякачанъ ...	2	1	—	1	—	—	—	—
Ähäkyt	1	—	1	—	—	—	—	—
Деунпраканъ ...	6	3	2	—	—	—	1	—
Аңыл	2	1	—	1	—	—	—	—
	11	5	3	2	—	—	1	—
6) берегъ моря: близъ Лаңтар'а ...	1	—	1	—	—	—	—	—
» Алдомы	4	2	1	—	—	—	—	1
» Аяна.	1	1	—	—	—	—	—	—
	6	3	2	—	—	—	—	1
Всего	48	22	16	7	—	—	2	1

48 посѣщѣній распредѣляются между 42 семействами такимъ образомъ: 38 семействъ промышляли въ одной мѣстности, 3 — въ двухъ и 1 сем. — въ 4 мѣстностяхъ.

ЛѢТО.

Мѣстность.	Общее количество посѣщѣній.	Р О Д Ы.						Якуты.
		Макагарт-скій.	1 Эжанскій.	2 Эжанскій.	Кюрюг-динскій.	Эжигенскій.	Кия.	Бытальскій.
1) рѣка Алдома	19	14	4	—	—	—	1	—
ея притоки: Бонсякчанъ	5	4	1	—	—	—	—	—
Мулкучу	6	4	2	—	—	—	—	—
Цагда	5	3	1	—	1	—	—	—
Патјѣца	3	1	1	—	—	—	—	1
Улайканъ	7	4	—	3	—	—	—	—
Обдоку (прит. Улайкана)	1	1	—	—	—	—	—	—
притоки Алдомы: Танчы	3	2	—	1	—	—	—	—
Канца	2	1	1	—	—	—	—	—
лѣвая Берая. ...	1	—	1	—	—	—	—	—
правая Берая. ...	2	2	—	—	—	—	—	—
Нјандјѣцѣ	1	1	—	—	—	—	—	—
На Алдомѣ съ притоками ...	55	37	11	4	1	—	1	1
2) р. Лаңтар	28	13	11	3	—	—	—	1
ея притоки: Накунца	2	2	—	—	—	—	—	—
Ојоктоһин	3	3	—	—	—	—	—	—
Улайканъ	1	1	—	—	—	—	—	—
Тѣймѣй	3	3	—	—	—	—	—	—
Иңал	1	1	—	—	—	—	—	—
Мавай	1	1	—	—	—	—	—	—
На Лаңтар'ѣ съ притоками.	39	24	11	3	—	—	—	1
3) р. Уй (близъ Аяна)	11	5	3	2	—	—	1	—
ея притоки	1	1	—	—	—	—	—	—
На Уѣ съ притоками.	12	6	3	2	—	—	1	—
4) р. Ватомъ	2	1	1	—	—	—	—	—
5) » Улханъ	1	—	—	1	—	—	—	—
6) » Ейканъ	1	—	—	1	—	—	—	—
7) » Туркчы	1	—	—	1	—	—	—	—

Мѣстность.	Общее количество посѣщеній.	Р О Д Ы.						Якуты.
		Макагурскій.	1 Эжанский.	2 Эжанский.	Кюрбюгдинский.	Эжигенский.	Кизя.	Быгальский.
8) р. Ехсая	1	1	—	—	—	—	—	—
9) » Нјача	4	2	2	—	—	—	—	—
10) » Деуираканъ	2	—	2	—	—	—	—	—
11) » Олгомдо (прит. Мохоту)	2	1	—	—	—	1	—	—
12) берегъ моря: близъ Лаңтар'а ..	1	1	—	—	—	—	—	—
» Алдомы	2	1	—	1	—	—	—	—
	3	2	—	1	—	—	—	—
Всего	123	74	30	13	1	1	2	1

123 посѣщенія распределяются между 64 семействами такимъ образомъ: 39 семействъ промышляли въ одной мѣстности, 6 семействъ — въ 2-хъ мѣстн., 15 сем. — въ 3-хъ, 3 сем. — въ 4-хъ и 3 сем. — въ 5-ти мѣстностяхъ.

О С Е Н Ь.

Мѣстность.	Общее количество посѣщеній.	Р О Д Ы.						Якуты.
		Макагурскій.	1 Эжанский.	2 Эжанский.	Кюрбюгдинский.	Эжигенский.	Кизя.	Быгальский.
1) р. Алдома	7	4	2	1	—	—	—	—
ея притоки: правая Берая	1	—	1	—	—	—	—	—
Мулкучу	1	—	1	—	—	—	—	—
Улайканъ	6	3	1	2	—	—	—	—
Бонсякчанъ (прит. Танчы)	3	2	1	—	—	—	—	—
Алдома съ притоками	18	9	6	3	—	—	—	—

Мѣстность.	Общее количество посѣщеній.	Р О Д Ы.						Якуты.
		Макагурскій.	1 Эжанский.	2 Эжанский.	Кюрбюгдинский.	Эжигенский.	Кизя.	Быгальский.
2) р. Лаңтар	8	4	3	1	—	—	—	—
ея притоки: Тѣймѣй	2	2	—	—	—	—	—	—
Улайканъ	1	1	—	—	—	—	—	—
Лаңтар съ притоками	11	7	3	1	—	—	—	—
3) устье р. Уй (близъ Аяна)	5	1	2	1	—	—	1	—
4) р. Ватомъ	5	2	3	—	—	—	—	—
ея притоки: Нянапчы	1	1	—	—	—	—	—	—
Түкүм	1	—	1	—	—	—	—	—
Аюли	1	—	1	—	—	—	—	—
Ватара (Матара)	2	—	2	—	—	—	—	—
Ватомъ съ притоками	10	3	7	—	—	—	—	—
5) р. Челасинъ	3	1	2	—	—	—	—	—
притокъ Аимчана — Нотупчи	1	1	—	—	—	—	—	—
Челасинскій тополевыи лѣсъ	1	—	1	—	—	—	—	—
Челасинъ и окрестности ...	5	2	3	—	—	—	—	—
6) р. Берякчанъ	2	1	—	1	—	—	—	—
7) » Ähākyl	1	—	1	—	—	—	—	—
8) » Нјача	1	—	—	1	—	—	—	—
9) » Нильканка	1	1	—	—	—	—	—	—
10) устье р. Наргаңда	1	1	—	—	—	—	—	—
11) р. Кылыкина	1	1	—	—	—	—	—	—
12) берегъ моря: близъ Алдомы	4	3	—	—	—	—	—	—
» Лаңтар'а ..	1	—	1	—	—	—	—	—
» Аяна.	1	1	—	—	—	—	—	—
	6	4	1	—	—	—	—	—
13) Джугджуръ	1	—	1	—	—	—	—	—
Всего	63	30	24	7	—	—	1	1

63 посѣщенія распределяются между 42 семействами такъ: 31 сем. промышляло въ одной мѣстн., 2 сем. — въ 2-хъ, 4 сем. — въ 3-хъ и 4 сем. — въ 4-хъ мѣстн.

ГОДОВОЕ РАЗСЕЛЕНИЕ.

Мѣстность.	Общее количество посѣщеній.	Р О Д Ы.							Якуты.
		Макагыр-скій.	1 Эжанскій.	2 Эжанскій.	Кюрбюг-динскій.	Эжигенскій.	Кия.	Быгальскій.	
1) р. Алдома	35	25	7	2	—	—	1	—	—
притоки	56	33	12	8	2	—	—	—	1
	91	58	19	10	2	—	1	—	1
2) р. Лаңтар	54	24	21	8	—	—	—	1	—
притоки	26	24	2	—	—	—	—	—	—
	80	48	23	8	—	—	—	1	—
3) р. Уй	28	10	9	5	—	—	4	—	—
притоки	3	2	—	1	—	—	—	—	—
	31	12	9	6	—	—	4	—	—
4) р. Челасинъ и окрестности	10	5	4	—	—	—	—	—	1
притоки	17	9	5	1	—	1	—	—	1
	27	14	9	1	—	1	—	—	2
5) р. Ватомъ	11	6	5	—	—	—	—	—	—
притоки	6	1	5	—	—	—	—	—	—
	17	7	10	—	—	—	—	—	—
6) р. Мурканъ (прит. Иңікан'а)	2	2	—	—	—	—	—	—	—
7) » Аһакул	2	—	2	—	—	—	—	—	—
8) » Деунраканъ	8	3	4	—	—	—	1	—	—
9) » Аңыл	2	1	—	1	—	—	—	—	—
10) » Беракачанъ	4	2	—	2	—	—	—	—	—

Мѣстность.	Общее количество посѣщеній.	Р О Д Ы.							Якуты.
		Макагыр-скій.	1 Эжанскій.	2 Эжанскій.	Кюрбюг-динскій.	Эжигенскій.	Кия.	Быгальскій.	
11) р. Улханъ	1	—	—	1	—	—	—	—	—
12) » Ейканъ	1	—	—	1	—	—	—	—	—
13) » Туркчы	1	—	—	1	—	—	—	—	—
14) » Ехсая	1	1	—	—	—	—	—	—	—
15) » Нја́ча	5	2	2	1	—	—	—	—	—
16) » Нильканка	1	1	—	—	—	—	—	—	—
17) » Наргаңда	1	1	—	—	—	—	—	—	—
18) » Кылыкына	1	1	—	—	—	—	—	—	—
19) » Немый	1	—	1	—	—	—	—	—	—
20) » Мута	1	—	1	—	—	—	—	—	—
21) берегъ моря: близъ Алдомы	10	6	1	1	—	—	—	—	2
» Лаңтар'а	4	2	2	—	—	—	—	—	—
» Аяна	2	2	—	—	—	—	—	—	—
	16	10	3	1	—	—	—	—	2
22) Джугджуръ	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Всего	295	163	84	33	2	1	6	1	5

Въ годовые итоги передвиженія рейсы между Аяномъ и Нильканомъ не вошли. 295 посѣщеній приходятся на 65 семействъ, въ среднемъ по 4,5 посѣщенія. По таблицамъ можно прослѣдить только сравнительную посѣщаемость и количество перемѣняемыхъ *мѣстностей*, но не кочевую подвижность тунгусовъ, такъ какъ они, указывая мѣстомъ кочевки, напримѣръ, какую-нибудь рѣку, подразумеваютъ не опредѣленный пунктъ ея, а иногда оба берега отъ устья до верховьевъ.

Какъ видно изъ таблицъ, Макагырскій «кочевой» родъ по размѣрамъ и характеру передвиженій ничѣмъ не разнится отъ бродячаго 1 Эжанскаго рода.

Въ отношеніи промысловъ также замѣчается полное сходство въ жизни макагырцевъ съ 1-ми эжанцами. Въ записи экспедиціи вошли 119 макагырцевъ изъ 173¹⁾, составляющихъ весь родъ, т.-е. 69%. Ясно, что причисленіе этого рода къ «кочевымъ» не имѣло никакихъ основаній.

Отвѣчая на вопросы о мѣстѣ кочевки, опрошенные тунгусы упоминали о другихъ тунгусскихъ родахъ, живущихъ поблизости: большинство быталцевъ и часть бэтонцевъ (отпрыскъ первыхъ) бродятъ по Учурѣ, а эжигенцы, Коныга (часть макагырцевъ) и вторая часть бэтонцевъ — въ Удскомъ краѣ; по Маймакану бродятъ кюрбюглинцы.

IV. Матеріальный бытъ.

Пища прианскихъ тунгусовъ состоитъ изъ рыбныхъ и мясныхъ продуктовъ, добываемыхъ во время промысловъ, и изъ покупныхъ припасовъ.

Запасы рыбы на зиму состоятъ изъ: 1) каңна (рыбы-лепешки), 2) султа (порса), 3) нѣак (юкола), 4) холóли (рыбья икра), 5) соленой рыбы и 6) собачьяго корма.

Каңна готовится лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. На Лаңтарѣ, напримѣръ, даже и названія такого не знаютъ, на Алдомѣ же этотъ видъ запаса распространенъ. Каңна — лепешки, приготовляемые изъ икры, молока и небольшого количества рыбьяго мяса; смѣсь прилѣпляютъ къ четырехугольной доскѣ и пекутъ у огня. Вкусомъ каңна уступаетъ всѣмъ остальнымъ кушаньямъ, приготовляемымъ изъ рыбы. Готовится она, какъ объяснили тунгусы, лишь для разнообразія.

Султа (порса) готовится изъ всѣхъ сортовъ рыбы такимъ образомъ. Голова и внутренности отбрасываются, икра остается. Рыбу варятъ въ котлахъ, растираютъ руками въ наскоро сдѣланной берестяной посудѣ (по-якутски — торду́жа), выбрасывая кости; полученную кашницу, слоемъ толщиной въ палецъ, прилѣпляютъ къ четырехугольной доскѣ, смазанной рыбьими молоками, и ставятъ доску у огня; потомъ, раскрошивъ смѣсь на мелкіе кусочки, досушиваютъ на солнцѣ, рассыпая на берестѣ или на нанкѣ (по-як.: торбо). Порсу, досушиваемую на солнцѣ, по цвѣту можно принять за мелкіе кусочки пшеничныхъ сухарей. Сушка на солнцѣ продолжается дней 10. Соли въ порсу не кладутъ.

Нѣак (юкола) готовится изъ всѣхъ сортовъ рыбы такъ: голова и внутренности отбрасываются, рыбу надрѣзаютъ поперекъ на доскахъ и вялятъ сначала на солнцѣ, а потомъ сушатъ у огня подъ особымъ навѣсомъ, крытымъ корью. Въ солнечную погоду юкола бываетъ готова черезъ 5 - 6 дней. Остатки, при приготовленіи ея, икру вѣшаютъ на перекладинахъ и употребляютъ для порсы или холóли.

1) Цыфра взята изъ нельканской вѣроисповѣдной росписи за 1902 годъ.

На запасаемую, незасушенную юколу садятся мухи и кладутъ яички, отъ которыхъ приходится очищать; брезговать не приходится, ибо жаль своего труда. Если юколу не очищать отъ яичекъ, то отъ нея черезъ пять дней останется одна кожа.

Холóли (также: холóли, холóлы) — рыбья икра; приготовленіе ея состоитъ въ томъ, что сначала она сушится на солнцѣ, а потомъ — на ікапун'ѣ (шесть передъ очагомъ); иногда сушатъ только на огнѣ.

Для приготовленія соленой рыбы отбрасываютъ голову, хвостъ и кости, разстилаютъ рыбу въ боченкѣ слоемъ и солятъ его, затѣмъ на первый слой кладутъ второй и т. д. Когда боченокъ наполнится, закупориваютъ и ставятъ въ амбаръ. Соленіе рыбы распространено между тунгусами уйского бассейна, близъ Аяна; начинаютъ прививаться и въ другихъ мѣстахъ.

Собачій запасъ состоитъ изъ юколы и качемаза — хачыбас'а¹⁾. Матеріаломъ для нихъ служить худшая по качеству рыба, больше горбушка, пойманная поздней осенью, исхудавшая и общипанная. Собачья юкола готовится такъ же, какъ и людская. Приготовленіе хачыбас'а походитъ на приготовленіе юколы; разница состоитъ въ томъ, что головы не отбрасываются; рыба надрѣзается вдоль отъ хвоста до головы (рѣдко — поперекъ); просушка ведется не особенно старательно, а послѣ нея хачыбасъ вялится въ урасѣ. Собачій запасъ, повидимому — незavidная пища, потому что даже и собаки отказываются ее ѣсть, если хозяинъ не подмѣшаетъ къ ней людской юколы.

Приготовленную въ запасъ рыбу, за исключеніемъ соленой, кладутъ въ берестяную посуду. Запасы хранятся на араңас'ѣ (якут. слово) — навѣсѣ, поставленный на высокихъ столбахъ, и въ нѣаку (тунг. слово) — амбарѣ на столбахъ. Беречь приходится не отъ людей, а отъ медвѣдей — охотниковъ поискать чего-нибудь съѣдобнаго.

Рыбные продукты запасами не исчерпываются: въ дѣло идетъ и кожа, изъ которой получаютъ клей для подклеиванія подшивки²⁾ къ лыжамъ. Для приготовленія клея кожа сдирается, сушится въ теченіе 3-4 дней, очищается отъ чешуи, мяса и жира, рѣжется на тонкія полоски, свертывается въ комокъ и кладется въ котле-

1) По-русски, въ Охотскомъ округѣ, качемазъ означаетъ «провѣнную или вяленую рыбу осенней заготовки, не столь сухую, какъ юкола» (Даль, 1-е изд., II, 715); ср. якут. хачымас — рыба, «только нѣсколько просушенная или прихваченная холоднымъ осеннимъ воздухомъ», заготавливаемая на зиму для собакъ (Булычевъ, И. Путеш. по В. Сибири. Ч. I. Якут. обл., Охотскій край. Сиб. 1856). Ср. Слюнинъ, Н. В. Охотско-Камчатскій край, т. I, стр. 564. Въ Колымскомъ краѣ хачымас получается со шкуи такимъ образомъ: «отрѣзаютъ головы и хвостъ и срѣзываютъ слой мяса съ костей; этотъ слой вялится на солнцѣ, а затѣмъ дымитъ надъ костромъ» (Шкловскій, И. Очерки крайняго сѣверовостока. Ирк. 1892, стр. 88. Зап. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по общей геогр. Т. II, вып. 2-й). Слово хачымас, въ примѣненіи къ рыбѣ или скотинѣ, значитъ: худой, сухопарый.

2) Изъ оленьихъ и конскихъ лапъ и моржовыхъ шкуроекъ.

локъ съ теплой водой. Тамъ она скоро размокаетъ и слизнеть. Затѣмъ ее вынимаютъ, выжимаютъ воду, отдѣляютъ оставшіяся частицы жира, кладутъ опять въ котелокъ со свѣжей водой и кипятятъ въ немъ до тѣхъ поръ, пока вода не выкипитъ. Клей замораживаютъ, а передъ употребленіемъ разогрѣваютъ, не подбавляя воды.

Изъ кожи кеты дѣлаютъ сумки. Обработка производится посредствомъ маяки—чѣчѣи, представляющей собою желѣзное зубчатое кольцо на большой рукояткѣ. Прежде чѣмъ мять чѣчѣи'омъ, кожу высушиваютъ и смазываютъ печенкой кеты, разболтанной въ теплой водѣ. Мнутъ — собственно царапаютъ зубчатымъ кольцомъ чѣчѣи'а — на землѣ. Чѣчѣи — якутскаго издѣлія (по-якут. *чѣчѣи*).

Рыбные запасы часто разнообразятся растущими здѣсь ягодами: голубицей, брусникой, шикшей и толокнянкой.

Голубица (цѣкта) прибавляется къ рыбнымъ запасамъ, заготавливаемымъ на зиму, и къ рыбнымъ кушаньямъ во время лова — передъ ѣдой. «Султа», смѣшанная съ вареной голубицей и засушенная на доскѣ, называется куліи. Голубица съ «султой» и нерпичьимъ жиромъ составляетъ новое кушанье — султабі сѣвочакаі. На Алдомѣ голубицу ѣдятъ въ смѣси съ икрой и «султой»: ягоду варятъ въ котлѣ, мѣшаютъ съ икрой кеты или маймы, выкладываютъ на доски въ видѣ лепешки и сушатъ на ікапун'ѣ; когда смѣсь подсохнетъ, ее снимаютъ съ доски въ цѣльномъ видѣ, перекладываютъ на плетенку изъ листовничныхъ прутьевъ и досушиваютъ тоже на ікапун'ѣ; высушенную лепешку крошатъ на мелкіе куски и смѣшиваютъ съ порей; при ѣдѣ подбавляютъ нерпичьяго жира. Голубицу ѣдятъ и въ сыромъ видѣ, безъ всякихъ приправъ или съ оленьимъ молокомъ; последнее блюдо называется цѣктабі сѣвочакаі.

Брусника (імукта) также идетъ на приготовленіе куліи; куліи съ брусникой называется імуктабі куліиан. Брусника съ «султой» и нерпичьимъ жиромъ составляетъ, такъ же какъ и голубица, кушанье султабі сѣвочакаі, а сырая съ оленьимъ молокомъ — укунѣду сѣвочакаі.

Шикша (умтачан) вмѣстѣ съ нерпичьимъ жиромъ служитъ приправой къ «султѣ». Толокнянка (куцахта), безъ нерпичьяго жира, идетъ на приготовленіе запаса; ее смѣшиваютъ пополамъ съ «султой», предварительно поджаривъ на сковородѣ и высушивъ на солнцѣ; жиру при этомъ не прибавляютъ. Въ сыромъ видѣ шикшу ѣдятъ или безъ всякой приправы, или смѣшавъ съ «султой» и нерпичьимъ жиромъ.

Главной пищей лѣтомъ служитъ вареная въ котлахъ рыба безъ соли; для вкуса иногда кладется дикій лукъ. Во время лова ѣдятъ сырьемъ головы горбушки и кеты, которая очень хвалятъ; сырьемъ же ѣдятъ и хребты горбушки.

При лѣтнихъ перекочевкахъ свѣжую юколу пекутъ и вялятъ на вертелѣ; юкола получается вкуснѣе приготовляемой въ запасъ. При кочевкахъ вообще тунгусы берутъ въ мѣшокъ «султы» и ѣдятъ ее, смѣшавъ съ нерпичьимъ жиромъ.

«Султа» и юкола употребляются съ чаемъ, когда нѣтъ мучной пищи. Рыба идетъ въ начинку пирожковъ изъ ржаной муки, для чего рыбу варятъ, солятъ, смѣшиваютъ съ дикимъ лукомъ и нерпичьимъ жиромъ; такіе пирожки очень распространены среди тунгусовъ.

Мясо готовятъ въ 5 видахъ: а) вареное, безъ соли, б) въ рисовомъ супѣ, съ солью, в) зажаренное на нерпичьемъ жиру или на водѣ съ солью, г) жареное на вертелѣ и е) въ видѣ кушанья улукта, для приготовленія котораго сваренное мясо разрѣзается пластинками, засушивается и крошится мелкими кусками.

Мясо домашнего оленя для состоятельныхъ оленеводовъ служитъ лакомымъ блюдомъ, а для несостоятельныхъ — существенной поддержкой во время весеннихъ голодовокъ.

Убиваютъ оленей на продажу только богатые тунгусы. Мясо продается не пудами, а цѣлой тушей, половиной или четвертью туши. Четверть туши называется «мѣстомъ» оленьяго мяса; цѣна мѣста — 6 рублей, если олень большой, и отъ 2 р. 50 к. до 3 р., если олень маленькій. Самый жирный олень на убой стоитъ не дороже 30 рублей. Мѣра жирнѣяго оленя — палець. Самый жирный имѣетъ на крестцѣ 3 пальца жира.

Кромѣ мяса домашнего оленя, въ пищу употребляется и мясо дикаго оленя, каменнаго барана, медвѣдя, зайца и морскихъ животныхъ: тюленей (нерпы — мѣтка и нарги — нарга) и моржа (кумачан).

Мясо и шкура дикаго оленя почти никогда не продаются, а цѣликомъ идутъ на собственное потребленіе. Если есть сосѣди по промыслу, добыча обязательно дѣлится и на нихъ. Дѣленье — очень сложная операція; напримѣръ, при одномъ сосѣдѣ мясо дѣлится на двѣ совершенно равныя части: по передней и задней ногѣ, по половинѣ головы, языка, челюсти, печени, сердца, кишокъ, желудка, хребта, боковъ, широкихъ жилъ и филей; шкура, за исключеніемъ головной, идетъ сосѣду, а головная — упромыслившему; если сосѣдей два, то мясо дѣлится такъ, чтобы каждому досталось отъ всѣхъ частей, а шкура, за исключеніемъ головной, достается кому-либо цѣликомъ, но не убившему.

Взаимнѣ полученнаго подарка сосѣдъ, убившій дикаго оленя, дѣлится, прежде всего, съ тѣмъ, кто съ нимъ дѣлится. Если сосѣда нѣтъ, голова оленя раздѣляется для варки на 9 частей въ такомъ порядкѣ: отъ головы отдѣляется нижняя челюсть, изъ нея вырѣзывается языкъ, челюсть разрываютъ на двѣ части и каждую половину — еще пополамъ; черепъ разсѣкается по макушкѣ на половины, и каждая половина — тоже на половины. Такой порядокъ раздѣленія непохожъ на обычные кулонные приемы; скорѣе всего, онъ можетъ быть названъ священнымъ обрядомъ, въ основѣ котораго лежатъ древнія вѣрованія тунгусовъ.

При удачномъ промыслѣ на дикихъ барановъ, охотникъ, убившій нѣсколько

штуку, объявляетъ объ этомъ сосѣдямъ, идетъ съ ними на мѣсто промысла и каждый беретъ столько мяса, сколько можетъ унести; если народу много, охотникъ отдѣляетъ сосѣдямъ по своему желанію нѣсколько барановъ, и сосѣди сами уже дѣлятъ подарокъ.

Вѣсъ самаго большаго барана — 4 пуда; мясо — вкусное. Изъ шкуры выдѣлываютъ замшу для лѣтней одежды. Мѣхъ — крѣпкій, мягче оленьяго, длинношерстный.

При сѣжеваніи медвѣжьей туши, тунгусы никогда не разрубаютъ костей медвѣдя топоромъ, а расчлениаютъ по суставамъ; сами они объясняютъ это тѣмъ, что такъ удобнѣе дѣлить и ѣсть; вѣроятнѣе всего, что обычай осященъ вѣрованіями и примѣтами тунгусовъ и вызывается боязнью разсердить духа-покровителя медвѣжьяго промысла. Исключеніемъ изъ остальныхъ частей является иногда черепъ; если въ котель вся голова не помѣщается, ее дѣлятъ на 4 части: отдѣляютъ нижнюю челюсть и языкъ, а черепъ разсѣкаютъ продольно пополамъ. Часть добычи раздается сосѣдямъ. Члены компаніи, упромыслившей медвѣдя, дѣлятъ мясо поровну, а въ котель кладутъ каждый изъ своей части поочередно и ѣдятъ сообща.

Мясо нерпы потребляется въ вареномъ и жареномъ видѣ на мѣстѣ промысла. Голова тоже съѣдается. Кушанье изъ опаленной и сваренной головы — куѣаха (по-якутски).

Отъ каждой нерпы въ среднемъ получается около 5 пудовъ жиру и болѣе 10 пудовъ мяса.

По мнѣнію тунгусовъ, продавать нерпичье мясо, равно какъ и тушу, нельзя; нѣкоторые отступаютъ отъ этого правила, но большинство придерживается его; поэтому, оставшіеся отъ потребления и нѣймѣт'а (даренія) излишки оставляются на мѣстѣ промысла. Кто хочетъ — беретъ ихъ, а если никто не возьметъ, они гниютъ. Имѣющіе собакъ иногда дѣлаютъ для нихъ запасы нерпичьяго мяса, разрѣзая его на тонкіе куски и высушивая на солнцѣ и въ жильѣ.

Часть жира потребляется во время промысла, часть сохраняется въ нерпичьихъ желудкахъ (по-якут. куртахъ), нерпичьихъ пузыряхъ (по-якут. хабахъ) и берестяной посудѣ для зимняго запаса и для продажи, а часть оставляется на мѣстѣ промысла, — какъ объясняли тунгусы, — за неимѣніемъ посуды. Возможно, что это объясненіе и вѣрно, такъ какъ охотникъ, при неопредѣленномъ числѣ будущихъ гостей, не можетъ знать, сколько посуды потребуется для запаса; но возможно и то, что у тунгусовъ существуетъ обычай даренія не только присутствующимъ, но и тѣмъ, кто можетъ придти послѣ; наконецъ, можетъ-быть, тунгусы смотрятъ на оставленное, какъ на жертвоприношеніе духамъ.

«Нарга» вѣситъ въ среднемъ 10 пудовъ, вѣсъ «кумачан'а» не выясненъ. Мясо «наргъ» и «кумачан'овъ» въ продажу тоже не идетъ, а потребляется охотникомъ и идетъ въ «нѣймѣтъ». Часть «нарги», которую не успѣли потребить или раздать, осенью

замораживаютъ и сохраняютъ въ запасъ. Потомъ тушу размораживаютъ въ рѣкѣ и вносятъ въ жилье для сдиранія шкуры. Приготовленная осенью «нарга» вкусна и нѣжна, какъ нерпа; приготовленная же лѣтомъ теряетъ вкусъ и слишкомъ высыхаетъ, такъ что зубы ея не берутъ; высушенное мясо добытой лѣтомъ «нарги» идетъ на запасы собакамъ. Мясо «кумачан'овъ» запасается на собачій кормъ: его замораживаютъ и зимой рубятъ вмѣстѣ съ шкурой и внутренностями на мелкіе куски и варятъ съ ржаной мукой.

Къ числу пищевыхъ продуктовъ слѣдуетъ отнести оленье молоко, получаемое, впрочемъ, въ очень незначительномъ количествѣ: лучшія мѣстныя матки даютъ полбутылки, а среднія — чашку или полчашки. Малый удои отчасти объясняется тѣмъ, что тунгусы позволяютъ телятамъ все время сосать матокъ. Время доенія коровъ очень незначительно: отъ Петрова до Покрова дня (т.-е. съ 29 іюня до 1 октября).

Изъ оленьяго молока готовятъ масло: молоко вливается въ турсуки и при перекочевкахъ привязывается сверхъ клады; во время пути оно взбалтывается и такимъ образомъ сбивается въ масло. Масла вырабатывается мало, такъ какъ удои и запасы молока незначительны. Чаще молоко употребляется въ видѣ «забѣлки» къ чаю.

Изъ промысловыхъ птицъ водятся въ большомъ количествѣ рябчики, глухари, куропатки и рѣже — гуси. Дичь могла бы служить весной большимъ подспорьемъ для тунгуса. Но бѣда въ томъ, что какъ разъ въ это время приходитъ къ концу охотничій «запасъ». Охотой на дичь занимается половина мѣстнаго населенія. Продажи дичи нѣтъ. Дареніе развито широко.

Изъ плодовъ и дикихъ растений, кромѣ ягодъ и дикаго лука, собираютъ орѣхи и черемуху. Несозрѣвшіе кедровые орѣхи ѣдятъ въ печеномъ видѣ, растолокши вмѣстѣ съ кожурой; черемуху, съ косточкой, пекутъ на сковородѣ.

Добываемыхъ во время промысловъ продуктовъ тунгусамъ далеко не достаточно для пропитанія; большинство ихъ, пользуясь кредитомъ у торговцевъ, покупаетъ припасы подъ возку чая. Главными изъ закупаемыхъ припасовъ являются: мука, коровье и конское мясо, коровье масло и рисъ.

Изъ тунгусовъ, указавшихъ подробно продовольственный расходъ, покупали въ годъ: ржаной муки 24 семейства 391 пудъ, крупчатки 15 сем. 41 куль, коровьяго мяса 17 семействъ 115 пудовъ, конскаго — 16 семействъ 213 пудовъ, коровьяго масла 19 сем. 100 пудовъ, рису 17 сем. 30 пудовъ. Расходъ на пищу у 54 сем. равнялся 9.284 р. 75 к. при общемъ расходѣ въ 18.287 р. 30 к. Остальныя семейства состояли или рабочими на хозяйскихъ — тоже, главнымъ образомъ, покушныхъ — харчахъ, или же на иждивеніи покупающихъ припасы семей. Расходъ на пищу средняго хозяйства равенъ 150 рублямъ. По приблизи-

тельному подсчету, покупные припасы по ценности равны весям мясным, рыбным и проч. продуктам, добываемым во время промыслов.

Из ржаной муки тунгусами готовится затурань (тунг. сатуран): растапливают на сковородѣ коровье масло, нарядно солят его, засыпают столько ржаной муки, чтобы смѣсь могла кипѣть, и мѣшают ложкой; когда мука поджарится, затурань готовъ. Его употребляютъ съ чаемъ, кладя въ чашки. Изъ ржаной муки дѣлаютъ еще лепешки. Крупчатка идетъ на оладьи или поджаривается на нерпичьемъ жиру или маслѣ. Масло дѣлятъ кусками, накрошенными съ лепешкой изъ ржаной муки.

Не все время и не у всѣхъ тунгусовъ бываетъ достаточно пищи. Осенью, когда запасы истощаются, бѣдняки берутся за нерпичью шкуру, оставленную въ запасъ со слоемъ жира въ палецъ толщины: шерсть очищаютъ, кожу разрезаютъ на куски и варятъ. Весной, до морского промысла, дѣлятъ вареную заболонь сосны; это кушанье имѣетъ громкое якутское названіе лапсы (русс. *лапша*).

Обычно тунгусы дѣлятъ три раза въ день: утромъ, днемъ и вечеромъ. Передъ ѣдой всегда пьютъ чай, вѣроятно, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы къ ѣдѣ приступать уже съ наполненнымъ желудкомъ и чтобы чаемъ замѣнить рѣдко приготовляемую горячую пищу.

Потребленіе чая развито теперь широко, до чайной же возки тунгусы, по словамъ одного изъ нихъ, и не видѣли чаю. Въ 1903 году его потребляли 53 семейства (изъ числа описанныхъ); расходъ 32 изъ нихъ равнялся 570 р. 15 к., а количество потребленного 27 семействами чая—577 кирпичамъ. Непьющие чаю пьютъ горячую воду. Сахаръ также достаточно проникъ въ тунгусскую среду: 19 сем. расходовали на него 74 р. 25 к., покупая всего 173 фунта. Кромѣ того, осталось невыясненнымъ потребленіе семействъ, показавшихъ расходъ общей суммой.

13 семействъ въ своихъ расходахъ указали и расходъ на спиртъ въ 538 р. 75 к. Ими потребленіе его не ограничивается: многіе тунгусы не рѣшались открыто говорить объ этомъ расходѣ, такъ какъ продажа спиртныхъ напитковъ между ними запрещена. «Спиртомъ торгуютъ не только пріѣзжіе русскіе и якуты, но и мѣстные обитатели, а иногда и лица, на прямой обязанности которыхъ лежало бы преслѣдованіе торговли спиртными напитками»¹⁾. Зло, приносимое продажей спирта, по мнѣнію автора цитированныхъ строкъ, а также близко знавшего тунгусскую жизнь (нынѣ покойнаго) священника Вас. Мальцева, громадно.

Куреніе табака распространено очень широко; 34 семейства тратили на него въ годъ 292 р. 70 к. Курятъ только черкасскій табакъ; въ видахъ экономіи, къ нему примѣшиваютъ мелко накрошенные еловые и лиственничныя стружки.

1) Э. К. Пекарскій. Поѣздка къ приамурскимъ тунгусамъ, стр. 10 (отд. отт.; см. «Изв. О-ва Арх., Ист. и Этн.» Т. XX, в. 4 и 5, стр. 184).

Одежда тунгусовъ дѣлается большею частью изъ покупныхъ матерій, а не изъ продуктовъ ихъ домашнего хозяйства. Торговля европейскими тканями среди нихъ составляетъ теперь одинъ изъ главныхъ предметовъ торговли вообще. Потребность въ одеждѣ велика, такъ какъ во время промысловъ, кочевоекъ и т. д. тунгусы находятся въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ, при которыхъ нечего и думать о сохраненіи костюма. Такъ, работникъ Осипъ Громовъ изнашиваетъ въ годъ: 3 рубахи, 3 п. штановъ (зимой одни изъ оленьей шкуры и лѣтомъ двое плисовыхъ), трое крестонныхъ портовъ, 5 паръ торбасовъ (три пары лѣтомъ и двѣ зимой). Кромѣ прямой необходимости въ одеждѣ, на потребленіе матеріи вліяетъ и естественное стремленіе принарядиться; но это стремленіе удовлетворяется слабо, такъ какъ средствъ мало. Часть покупаемыхъ матерій идетъ и на покрывку урасы. Не выделяя матерію для одежды, приводимъ перечень покупаемыхъ тунгусами матерій; этотъ перечень указываетъ на то, что и въ одеждѣ и жилищѣ, такъ же какъ и въ пищѣ, тунгусы должны были оставить свое натуральное хозяйство. По подробной вещной описи 26 семействъ оказывается, что больше всего куплено ситца—724 арш. (26 сем.); дальше идутъ крестонъ—515 арш. (20 сем.), затѣмъ бумага—302 арш. (14 сем.), плить—216 арш. (11 сем.), сарпинка—123 арш. (4 сем.), простое сукно—88 арш. (16 сем.), бязь—75 арш. (3 сем.), черное сукно—51 арш. (2 сем.); тикъ—10 арш. (1 сем.) и шелковая матерія—2 арш. (1 сем.); всего же тканей куплено 2406 аршинъ. Кромѣ того, тѣми же семействами было куплено 107 женскихъ платковъ, 7 сафьянныхъ поясовъ, 4 кожаныхъ пояса, 2 картуза, 2 шарфа, 29 дюжинъ пуговицъ для рубахъ и 78 катушекъ нитокъ.

Какъ въ богатыхъ, такъ и въ среднихъ и бѣдныхъ хозяйствахъ замѣчается разница только въ количествѣ и качествѣ потребляемыхъ тканей, но не въ отношеніи покупаемыхъ матеріаловъ къ получаемымъ отъ собственного хозяйства. Годовой расходъ на покупную одежду у 54 сем. равнялся 2.717 р.

Въ обуви меньше замѣтна перемена: изъ описанныхъ семействъ указали на покупку торбасовъ только 10. Это не значитъ, впрочемъ, что этимъ и ограничивалась покупка обуви: нѣкоторые подробнаго расхода не указывали.

Семейные тунгусы шьютъ одежду и обувь своими силами, а холостежь отдастъ шить женщинамъ. За шитье кафтана берутъ 1 р., рубахи и штановъ—по 50 к., портовъ—20—30 к.; за торбаса на Уѣ берутъ 50 к. съ подошвами мастерицы. Подошвы обычно дѣлаются изъ нерпичьей кожи, а если ея нѣтъ—изъ кожи «нарги». Изъ обуви тунгусы покупаютъ только коровьи торбаса, которыми ихъ снабжаютъ якуты.

Вотъ перечень тунгусской одежды.

Мужская зимняя одежда:

1) кафтанъ на мѣху (дохулкан тѣтѣ); верхъ—плисовый; поверхъ кафтана надѣвается даха (мукѣ) на оленьемъ и дикаго барана мѣху;

2) даха (мукá) изъ шкурокъ дикаго оленка, надѣвается шерстью наружу;
3) блуза (блүса) изъ бумазени, надѣвается поверхъ рубахи; лѣтомъ иные тоже надѣваютъ;

4) мѣховые штаны (инүлі ыстáн) изъ оленьей шкуры, шерстью внутрь; по-верхъ ихъ надѣвается набедренные штаны или наколѣнники (обкáпын) изъ оленьихъ лапокъ;

5) мѣховые чулки (дóктон) изъ шкуры оленя;

6) шапка (тугаһик áун) изъ лисьихъ лапокъ (околошъ изъ мѣха выдры); у нѣкоторыхъ — изъ шкуры домашнего оленя, изъ бѣличьихъ шкурокъ (верхъ — изъ спинки, внутренность — изъ брюшка);

7) торбаса (нубдыр унта) изъ шкуры домашнего и дикаго оленя;

8) рукавицы (кохóлро), подбитыя зайцемъ; верхъ — шкура дикаго барана, оленя, лосиная замша, роудуга (оленья замша);

9) зимнія перчатки на бѣличьемъ мѣху (тугаһик сајáра); нѣкоторые подби-ваютъ пыжикомъ; верхъ — изъ роудуги.

Мужская лѣтняя одежда:

1) кафтанъ (тáтi); верхъ — плисъ (разрѣзной — бумажный бархатъ и нераз-рѣзной), сукно простое и лучшаго сорта, ластикъ, трико; подкладка — каленкоръ, кретонъ, тикъ, ситецъ;

2) роудужное лѣтнее пальто (нјачумi тáтi) безъ подкладки;

3) даха лѣтняя (нјармакáн), получаемая изъ зимней, когда вытрется шерсть; дѣлается изъ шкуры домашнего и дикаго оленя, дикаго барана, шерстью наружу;

4) рубаха (урбáха) изъ ситца, гаруса, шелка, кретона, тика, миткаля, дабы;

5) штаны (ыстáн); верхъ — плисъ, черное сукно, трико, роудуга; къ штанамъ изъ матерiи обязательная подкладка — кретонъ, тикъ, ситецъ, каленкоръ;

6) жилетъ (зáлáчiк); верхъ — спереди сукно, плисъ; спинка у суконнаго жи-лета — изъ краснаго сукна, а у плисового — изъ краснаго кумача; подкладка — кретонъ, каленкоръ, тикъ, ситецъ;

7) картузъ (картус) чернаго сукна, покупной;

8) шапка (áун) изъ простаго сѣраго сукна, плиса, лѣтней шкуры суоңна-ча н'а¹⁾; бѣдняки носятъ лѣтомъ и зимой;

9) перчатки (сајáра) изъ роудуги безъ подкладки;

10) торбаса пяти сортовъ: олóчiк — короткіе, изъ роудуги, съ подошвами изъ перпичей шкуры, безъ носковъ, закругленные; таргáмi — съ носками, изъ ро-дуги (берется шкура самца, какъ болѣе толстая); уосјка — шьются изъ дымленой

1) Самый маленький оленекъ, у котораго шерсть менѣе густая, болѣе плотная, блестящая.

коровьей кожи (менѣе портятся), покупаемой у торговцевъ; сапыјан унта — сафья-новые, покупаются у торговцевъ и якутовъ; сáры унта — изъ конской кожи, по-купаются у торговцевъ;

11) суконные чулки (сипун дóктон);

12) поясъ (сапыјан кáлбу) черной или красной кожи.

Женская лѣтняя одежда:

1) лѣтній кафтанъ (цуваһик тáтi); верхъ — плисъ, черное сукно, грубое сукно, сатинъ, атласъ, гарусъ, шелкъ; подкладка — каленкоръ, кретонъ, тикъ, ситецъ; надѣвается поверхъ безрукавника;

2) безрукавникъ (карсјáт); верхъ — плисъ, гарусъ, шелкъ, полумшелкъ; под-кладка — ситецъ, кретонъ, каленкоръ;

3) рубаха (урбáха) изъ гаруса, шелка, полумшелка, у бѣдныхъ — изъ дабы, миткаля, кретона, тика;

4) платокъ (пlát) шелковый, гарусный и ситцевый;

5) кушакъ (кáлбу) бумажный или шелковый;

6) туловищные штаны или натазники (áркi) изъ плиса;

7) наколѣнники (арáмүсј) изъ плиса;

8) торбаса, 9) лѣтніе чулки и 10) перчатки — какъ у мужчинъ.

Женская зимняя одежда:

1) кафтанъ (дохүлкан тáтi) ватный; верхъ — плисъ; подкладка (съ двухъ сторонъ) — кретонъ и ветошь; поверхъ тáтi надѣвается даха (мукá) изъ шкуры до-машняго и дикаго оленя;

2) мѣховой кафтанъ (коңдóмi) изъ шкуры домашнего и дикаго оленя, шерстью внутрь (у бѣдняковъ);

3) рубаха (урбáха) — та же, что и лѣтомъ;

4) блуза (блүса) изъ бумазени, надѣвается поверхъ рубахи;

5) туловищные штаны или натазники (иңүлi áркi) изъ лисьяго или оленьяго мѣха;

6) наколѣнники съ чулками (купi) изъ оленьей шкуры;

7) торбаса (нубдыр унта) — тѣ же, что у мужчинъ, надѣваются поверхъ купi;

8) рукавицы (хохóлро); верхъ — лосиная замша на зайчьемъ мѣху, лисьи лапы; внутри — бѣличій мѣхъ;

9) шапка (áун) двухъ сортовъ: корбóмi áун (верхъ — сукно, боберъ, вну-три — бѣличій мѣхъ) и нáрбáскá дүкiксá (верхъ — изъ мѣха выдры, внутрен-ность — изъ бѣлки);

10) серебряный поясъ (аңыңаңун) якутскаго издѣлія.

Жиллица тунгусовъ дѣлается на лѣтнія и зимнія.

Лѣтнимъ жилищемъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ служитъ ураса: изъ 56 сем. урасу имѣли 45. Ураса представляетъ изъ себя конусъ съ діаметромъ

основания 7 аршин и высотой 4 арш. 7 вершков. Остов урасы дѣлается изъ очищенныхъ отъ коры жердей. Для установки послѣднихъ на расчищенномъ мѣстѣ ставятъ двѣ основныя жерди—салхамча, соединяющіяся наверху подъ угломъ; скрѣпленіемъ служатъ сучья на верхушкѣ жердей, обращенныя въ разныя стороны. Къ этимъ жердямъ ставятъ другія, идя «противъ солнца». Весь деревянный остовъ урасы имѣетъ около 40 жердей. Когда остовъ готовъ, на него кладутъ плотную покрывку, которая защищала бы хозяевъ отъ дождя, вѣтра и т. п. Покрывка дѣлится на двѣ части: верхнюю (үлэптін) и нижнюю (унјакан) и дѣлается одинаково—только названія разныя. Матеріалъ для покрывки берется различный, смотря по состоянію хозяевъ. Обыкновенно нижняя часть урасы, подъ которой расположены постели, укрывается болѣе прочнымъ матеріаломъ, чтобы не промокло дождемъ, а верхъ—чѣмъ понало. Преимущественнымъ видомъ покрывки (20 изъ 45) является покупная матерія и береста. Изъ матерій больше встрѣчаются нанка, миткаль, кретонъ, рѣже—холстъ, грубое сукно, большіе женскіе платки. У основанія урасы привязываются узкія берестяныя полсти (тыксѣ) безъ звеньевъ, послѣ чего низъ покрывается особою полстью (также тыксѣ), которая шьется изъ бересты въ два ряда, но въ одинъ слой; края четырехугольных берестяныхъ полосъ пришиваются другъ къ другу непосредственно. Чтобы шовъ при шитьѣ не лопался, бересту предварительно варятъ въ котлѣ 3 дня. По краямъ берестяной полосы накладывается берестяная же обшивка.

Береза водится далеко не вездѣ: напр., на Уѣ и Лаңтарѣ ея нѣтъ, и мѣстные тунгусы принуждены покупать бересту, доставляемую съ Ляомы; цѣна—30 коп. за квадратный аршинъ. Цѣна всей урасы изъ матерій и тыксѣ, въ зависимости отъ матеріала, колеблется между 15 и 30 рублями. Бѣдники кроютъ урасу тряпьемъ.

Отдѣльныя части покрывки привязываютъ къ жердямъ остова, а сверху накладываютъ еще слой жердей, штукъ 12. Иные покрывку не привязываютъ къ жердямъ, а придавливаютъ верхнимъ слоемъ жердей и снизу еще—полѣньями. Такъ какъ вся ураса представляетъ изъ себя горючій матеріалъ, то огонь въ ней разводится небольшой и посреди урасы. Мѣсто, гдѣ разводится огонь, тобо, отгораживается бревешками, сложенными въ видѣ буквы П; открытый конецъ этой загородки обращается къ входу въ урасу, а противоположный конецъ—къ малу, мѣсту противъ входа. Надъ очагомъ протягиваются особыя жерди (іканун'ы) для просушки бѣлья и проч.; на одномъ изъ іканун'овъ вѣшаются желѣзные крючки (олдоун'ы), въ видѣ изогнутой части буквы К; на олдоун'ахъ вѣшаютъ котлы и чайники. Іканун'ы подвѣшиваются къ жердямъ урасы на перевкахъ, трапкахъ, лыжѣ и т. п.; толстый конецъ іканун'а обязательно долженъ быть обращенъ къ выходу, иначе «плохо будетъ»¹⁾. Вѣтѣтъ съ олдоун'ами, іканун'ы составляютъ священную часть очага.

1) Тунгусы употребили здѣсь трудно переводимое якутское слово аҕы (грѣшно, плохо будетъ), имѣя въ виду дурныя послѣдствія, какъ результатъ вины, проступка.

Полъ въ урасѣ устилается лиственничными вѣтками, причемъ толстые концы ихъ также должны быть обращены обязательно къ выходу.

Установка лѣтней урасы требуетъ очень немного времени: пока вскипитъ чайникъ, ураса уже готова. Работа мужчинъ при этомъ состоитъ въ приготовленіи и установкѣ жердей, а покрываютъ урасу женщины. Холостые и одиночки дѣлаютъ все сами. Ураса ставится только тогда, когда тунгусъ намѣренъ остановиться въ данномъ мѣстѣ на нѣсколько дней, или же когда идетъ дождь. Въ другихъ случаяхъ онъ располагается въ палаткѣ (олбѣк). Покрывка палатки дѣлается изъ миткаля или ситца, держится на четырехъ толстыхъ жердяхъ, установленныхъ вертикально и внизу ничѣмъ не прикрѣпляются. Иногда палатки ставятся около урасы для сна.

Второй видъ лѣтнаго жилища—угдан (кора) утан. Отличіе его отъ урасы состоитъ въ томъ, что оно имѣетъ крышу и дверь, которыя, какъ и покрывка, дѣлаются изъ лиственничной или еловой коры. Чтобы крышу не коробило, ее придавливаютъ бревнами. По краямъ двери идетъ деревянная рамка изъ прутьевъ. Дверь привязывается къ боковой жерди дверного отверстія; петли замѣняются веревками. Тяжелую еловую и лиственничную покрывку носить неудобно; поэтому, при перекочевкахъ обыкновенно возятъ покрывку изъ матерій, а, придя на мѣсто, кроютъ урасу корой.

Отмѣтимъ еще особый видъ жилища—халтәрма. Это—полуураса, которая кроется только съ одной стороны или кускомъ миткаля (верхъ кроется всякою ветошью), или одною ровдужною полстью (унјакан). Служитъ жилищемъ во время промысла для тѣхъ, у кого нѣтъ средствъ пріобрѣсти покрывку для цѣлой урасы.

Зимнее жилище тунгусовъ не такъ однообразно, какъ лѣтнее. Въ прежнее время чаще всего зимнимъ жилищемъ служила ураса, крытая ровдужой. На всю урасу идетъ 12 большихъ оленьихъ шкуръ. Съ возникновеніемъ чайнаго промысла и повышеніемъ цѣны на оленей, убивать послѣднихъ для полученія ровдуги стало дѣломъ невыгоднымъ, а для большинства—и прямо невозможнымъ; поэтому, ровдужная ураса теперь встрѣчается въ пріаискомъ районѣ рѣдко: изъ 40 семействъ ихъ имѣли только 12, а изъ послѣднихъ сплошь ровдужныя были у 7 и наполовину изъ ровдуги, наполовину изъ матерій—у 5. Въ полуровдужныхъ урасахъ ровдуга идетъ на нижнюю часть (унукан, унјакан); изъ матерій для верхней части (үлэптін или үлэптін) употребляется больше миткаль, а также тряпье изъ мѣшковъ. Тунгусы говорятъ, что новый миткаль такъ же хорошо защищаетъ отъ мороза, какъ и ровдуга. Для защиты отъ вѣтровъ входъ въ зимнюю урасу обращается въ подвѣтренную сторону. Самый низъ урасы покрывается особою полстью—тамана, которая дѣлается изъ бересты въ два ряда и два слоя; одинъ слой идетъ вдоль, другой поперекъ; отдѣльныя, сложенные вдвойнѣ, полосы бересты соединяются ровдужнымъ скрѣпленіемъ; края та-

мана обшиваются берестой; въ длину помѣщаются девять полосъ. Тамана дѣлають майскія тунгуски. Въ остальномъ зимняя ураса нисколько не отличается отъ лѣтней.

Дымъ выходитъ въ щели и во входное отверстіе, такъ какъ трубы не дѣлають. Онъ часто бываетъ такъ силенъ, что не видно людей, сидящихъ по другую сторону очага. Бѣлая миткалевая ткань, покрывающая урасу, темнѣетъ до неузнаваемости. Сами тунгусы съ трудомъ переносятъ такую обстановку, а непривычному посетителю въ ней невозможно пробыть и полчаса. Это неудобство, въ свою очередь, вѣроятно, повліяло при вытѣсненіи зимней урасы другими, болѣе удобными типами жилищъ.

Установка урасы зимой требуетъ гораздо больше времени, чѣмъ лѣтомъ: нужно выбрать защищенное отъ вѣтровъ мѣсто, расчистить его отъ снѣга и плотнѣе укутать урасу покрывкой.

Стоимость зимней урасы колеблется между 40—50 рублями.

Вторымъ видомъ зимняго жилья служитъ зимній утан, формой похожій на урасу. Въмѣсто жердей устанавливаются плахи изъ расколотыхъ лиственничныхъ и еловыхъ бревенъ. Щели законопачиваются мхомъ; на плахи кладется дернъ или снѣгъ. Очагъ ставится посрединѣ, какъ и въ урасѣ, а входъ бываетъ гдѣ угодно. Иконы вѣшаютъ на востокъ. Утан'ы имѣлись у 6 семействъ; цѣна утан'а — 5-6 рублей.

Ураса и утанъ являются древнимъ типомъ зимнихъ тунгусскихъ жилищъ.

Новыхъ типовъ жилья три: якутская юрта (тунг. цѹ или тугѹр цѹ — зимняя юрта), изба срубомъ безъ кровли (по-якутски: амбѹр дѣй) и домъ съ кровлей.

Вотъ описаніе якутской юрты, принадлежащей тунгусу Гаузину. Три основныхъ столба юрты — три лиственницы (съ обрубленными вершинами), 3 вершка въ діаметрѣ; 4-й столбъ вкопанъ, толщина — такая же. Юрта обложена дерномъ, щели между плахами забиты мхомъ, кой-гдѣ — трипками. Внутри длина юрты въ основаніи 2 саж., высота — 2 арш. 12 вершковъ. Матница — одна. Камелекъ — направо отъ входа; устье камелька обращено къ югу. Вдоль стѣнъ, съ трехъ сторонъ — лавки. Посрединѣ — 2 стола и одна скамейка. Надъ лавками со всѣхъ сторонъ — полочки на кольяхъ, вбитыхъ въ стѣну. Вверху — 5 іканун'овъ, расположенныхъ въ разныя стороны. Шестокъ (по-якутски моѹоѹо) — очень низкій. Дверь обита оленьей шкурой. Въ задней стѣнѣ оконъ нѣтъ, нѣтъ отъ входа — два окна, въ передней стѣнѣ и направо отъ входа — по одному окну.

Бревна для якутской юрты ставятся торчмя, нѣсколько наклонно. Для тепла юрты засыпаются снѣгомъ; глиной ихъ не обмазываютъ. Стоимость колеблется между 20—50 рублями.

Якутскія юрты, оказывается, тоже не совсѣмъ подходятъ къ мѣстному климату: онѣ холодны. Поэтому, замѣчается стремленіе перейти къ постройкамъ русскаго типа.

6 семействъ имѣли уже избу безъ кровли. Вотъ описаніе избы того же Гаузина. Изба срубомъ — изъ лиственничнаго дѣса; площадь пола — $2\frac{1}{2}$ кв. саж.; высота внутри — 4 аршина; 2 матицы; дверь — съ сѣверо-восточной стороны (высота ея $2\frac{1}{2}$ арш.); 4 окна на двухъ сторонахъ (высота оконъ $\frac{3}{4}$ арш., ширина — $\frac{1}{2}$ арш.); со стороны двери и на противоположной сторонѣ въ стѣнахъ по 12 бревенъ, 4-5 вершковъ въ діаметрѣ; въ остальныхъ стѣнахъ по 13 бревенъ и по одному, короткому, для наката; камелекъ — направо отъ входа. Стоимость избы — 20—40 руб.

Наконецъ, двѣ семьи имѣють настоящіе русскіе дома, съ кровлей. Избы и дома большей частью строятъ якуты, хотя и нѣкоторые изъ тунгусовъ уже начинаютъ строить ихъ сами.

Семейства, перешедшія къ новому типу жилищъ, составляютъ половину опрошенныхъ. Если сравнивать не число семействъ, а число построекъ, то преобладаніе новаго типа окажется еще сильнѣе: изъ 63 построекъ было 22 избы съ кровлей и безъ кровли, 16 якутскихъ юртъ, 15 урасъ и 10 утан'овъ, т.-е. жилища стараго типа составляли лишь 40%.

Безъ сомнѣнія, и здѣсь чайная перевозка сыграла свою роль. При выполненіи перевозки тунгусы сталкивались съ якутами и русскими, отъ которыхъ можно было научиться строить болѣе удобныя жилища. Подъ вліяніемъ перевозки условія зимней обстановки значительно видоизмѣнились. При прежней постоянной подвижности тунгусовъ невозможно было устраивать ни юртъ, ни избъ, которыхъ нельзя перевозить съ одного мѣста на другое. Теперь же огромное большинство трудоспособнаго мужскаго населенія зимой совершаетъ рейсы между Аянкомъ и Нельканомъ; семьи, состоящія изъ женщинъ, стариковъ и дѣтей, не должны слѣдовать за возчиками, такъ какъ это могло бы только стѣснить послѣднихъ; зимніе промыслы не могли производиться оставшимся составомъ семьи, а, слѣдовательно, и зимнія перекочевки стали безцѣльными и невыгодными. Въ силу этого, семьи должны были оставаться на какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ, снабженные товарами и припасами. Такимъ образомъ, явилась не только возможность, но и прямая необходимость обзаводиться постоянными, болѣе удобными жилищами, сдѣланными изъ матеріала, которымъ ранѣе не пользовались.

Не у всѣхъ тунгусовъ имѣется отдѣльное жилье. Бѣдняки и нетрудоспособные живутъ въ чужихъ жилищахъ на положеніи цулга — якут. цукѹк. Цукѹк'ами же называются и малосостоятельные семейные тунгусы, устраивающіе общими силами одно жилье: они или пополамъ кроютъ его, или пополамъ покупаютъ, или вмѣстѣ строятъ. Цукѹк'ство послѣдняго рода породило особый видъ собственности только на половину жилища. Половинное владѣніе соблюдается строго: въ занятой половинѣ цукѹк — полный хозяинъ. Если въ жильѣ цукѹк'овъ придетъ гость, онъ считается гостемъ того, въ чью половину зайдетъ. Обычно гости, посидѣвъ въ одной половинѣ, пере-

ходить в другую. Цукан-и-совладальцы сообща присматривают за домою и отплавляют его; хозяйства у них — отдельные; общее правовое положение совершенно одинаково.

Если цукан не состоит владельцем части жилища, он часто исполняет на хозяина мелкую работу; плата никогда не берется. Положение такого цукана незавидно, особенно если он является слабейшей стороной. Впрочем, в последнем случае и вообще между цуканами бывают крупные недоразумения; так, тунгуса Дария Амосова говорила: «живу одиноко, ибо боюсь, что будут ругать, если поселиться цуканом — и собаки не уживаются; одной жить лучше, спокойнее». Цуканство особенно сильно распространено зимой, когда необходимо теплое жилище, а приобрести его нет средств. В последнюю перед экспедицией зиму из 66 семейств 17 жили цуканами в общих или, большей частью, чужих помещениях. Часто тунгус, принимающий цукана в одно время года, в другое сам идет цуканом.

Среди тунгусов сохранился взгляд на жилище, особенно на урасу, как на общественную собственность. Один из них пояснил, что если хозяин найдет остоу своей урасы занятым другим, то уступает его пришельцу, а себя устраивает новый. Придерживаются ли такого взгляда относительно новых типов жилищ, — осталось не выясненным.

Домашняя обстановка и обиход тунгусов незатейливы, но и в них заметно влияние якутской, русской и общеевропейской культуры. По описи имущества у 39 сем. обстановка рисуется в таком виде. Мебель имела только у 17 семейств; состояла она из столов или, реже, столешниц. Столы с ножками считаются уже роскошью. Иногда столы заменяются крашеными ящиками. Больше культурности заметно в посуде. Здесь мы видим, и в довольно большом количестве, принадлежности европейского дома: чайных чашек 23, из них 6 фарфоровых; эмалированные тарелки у 21 сем., столовые ложки у 17 сем. (8 ложек из них — серебряные и 3 — польского серебра), сковороды у 8 сем., ковши у 4, миска эмалированная у 1 сем. и, тоже у одного, серебряная рюмка. Опись была произведена не совсем полно, но уже и этот перечень показывает, что в своей домашней обстановке тунгусы перешли пределы натурального хозяйства.

Для приготовления чая и обеда у 20 сем. имелись медные чайные и обеденные котлы; чайники были у 24 сем. (7 чайников — фарфоровых).

Из старинной посуды сохранилась берестяная, в которой держат неринчий жир, молоко, масло, воду. Эта посуда готовится женщинами. Для чайной посуды делают особые сумки (содок) из тюленьей шкуры. Случайно попавшая металлическая посуда идет также в дело; так, на Уэ, у тунгуса рода Кыля, имелась жестяная банка из-под керосина, превращенная в котел.

Постели готовятся из оленьих и звериних шкур; подстилка — из шкуры оленя, дикого барана, а у богатых — медвежья; одеяло, большей частью, заячье. Подушки имеют не у всех: «бедные люди не нуждаются в них» (тунгус Ник. Прокопьев).

Для освещения жилья пользуются больше очагом, где все время поддерживается огонь, пока ждут гостей. Дрова зажигают трутью или спичками.

Труть готовят так: березовую губку размягчают ударами палки, смачивают в раствор пороха и высушивают.

Труть уже выходит из употребления; его вытесняют американские спички, привозимые в Аян. В 1903 году из 66 сем. спички употребляли 35 сем. Трата их невелика: пачки для семейства. В обиходе пяти семейств встретились свечки, у одного — керосин. Не совсем на дикий поход тунгусы и в употреблении мыла: они моются простыми и душистыми мылами. Последние считаются хорошим средством против ослепительного солнечного блеска весной. Глаза надавливают, выжимая из них слезы, и, при умывании, стараются пустить в них мыло. Говорят, что после этого солнечный блеск на глаза не так действует. Может быть, тунгусы смотрят на душистое мыло, как на лекарство против глазных болезней, но и потребность в умывании тоже чувствуется; даже старухи теперь нуждаются в нем. Мыло покупали 28 сем. из 39, по 4-5 кусков в год. Такого количества на год, конечно, не хватает, тем более, что часть простого мыла идет и на стирку белья. Недостаток восполняется золой, которою тунгусы моют лицо.

В общем прианские тунгусы содержат себя довольно опрятно, но вшей у них все-таки много: «из тела выходят, когда потнешь, и от разных причин», — предупредительно пояснил один из них.

При невылазной грязи и частых дождях в период перекочевок, при перобытности промыслов, непроглядной копоти урасы в зимнее время, действительно, трудно сохранить чистоту, несмотря ни на какое желание.

V. О верованиях и нравах.

Официально религией тунгусов считается христианство (православие), в действительности же их едва ли можно назвать христианами. С самого начала обращение в православную веру было принудительным. По сообщению Стефановича¹⁾ и Слюнина²⁾, распространителями православия были не столько священники, сколько

1) От Якутска до Аяна.

2) Охотско-Камчатский край.

воинскія команды. Ловля тунгусовъ, загонъ ихъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми на мѣсто крещенія были обычнымъ явленіемъ. Разбросанность жителей, ихъ бродячая жизнь, недостатокъ духовенства, не особенно энергичная и далеко не всегда безкорыстная дѣятельность его¹⁾ въ связи со способомъ распространенія православія должны были создать и укрѣпить взглядъ тунгусовъ на принадлежность къ православію, какъ на повинность, наложенную побѣдителями, — должны были внушить имъ мысль, что достаточно какого бы то ни было чина русской администраціи для совершенія обрядовъ православія. Что это такъ, — доказываютъ приведенные Стефановичемъ факты. Вахтеръ (смотритель казеннаго хлѣбнаго магазина) крестить больныхъ ребятъ, «если родители не желаютъ, чтобы онъ умеръ не крещенымъ». Однажды вахтеръ былъ позванъ для освященія брака, и онъ считалъ возможнымъ не отказаться отъ этого, потому что «случай былъ не вполне христіанскій». У тунгуса хворала жена; ему надоѣло ждать ея смерти, да и хозяйство безъ хозяйки приходило въ разстройство. Онъ высваталъ себѣ другую жену, заплатилъ калымъ и привезъ ее въ свою урасу²⁾. И до сихъ поръ религіозныя отправленія въ данномъ районѣ мало беспокоятъ православное духовенство. Въ Аянѣ священника нѣтъ, и прианскіе тунгусы числятся въ Нельканскомъ приходѣ. Въ Нельканѣ они появляются только для сдачи чаевъ и пушнины. Священникъ, имѣя въ рукахъ громадный приходъ, и до настоящего времени, при рѣдкихъ встрѣчахъ со своей паствой, долженъ, въ большинствѣ случаевъ, ограничиваться совершеніемъ оптовыхъ браковъ, крещеній и проч.

Какъ преломились въ умахъ тунгусовъ болѣе доступныя, быющія имъ въ глаза по своей яркости картины наказанія за великіе грѣхи, видно изъ слѣдующаго разсказа. 18 лѣтъ назадъ одинъ пьяный негидаль ударилъ другого ножомъ и ранилъ не сильно, такъ какъ третій негидаль успѣлъ схватить наносившаго ударъ за руку. Потерпѣвшій пожаловался исправнику г. Николаевска. Отвѣтчикъ далъ свидѣтелю 150 р., чтобы онъ показалъ, что ничего не видѣлъ. Свидѣтеля спрашивали подъ присягой. Священникъ, послѣ чтенія Евангелія, убѣждалъ свидѣтеля подумать о своей душѣ и обязанности показать правду, если онъ считаетъ себя подчиненнымъ царю. Свидѣтель отперся: «Что касается верхняго міра, то пусть рай не приметъ мою свѣтлую душу — не знаю; что касается средняго міра, то такъ какъ я отдалъ свою голову солнцу-царю, то говорю: не знаю. Пусть святая земля не приметъ моего нечистаго тѣла: не видѣлъ. Пусть я не спасусь за то, пусть высокій рай не приметъ мою чистую душу». Священникъ сталъ вторично уговаривать свидѣтеля, но тотъ отвѣчалъ: «что сказалъ — сказалъ». Послѣ третьяго увѣщанія, когда свидѣтель повторилъ свое «не знаю», у него языкъ высунулся до груди, и онъ упалъ мертвымъ. Похоронили его вверхъ ногами.

1) Миддендорфъ. Путешествіе на сѣверо-востокъ Азіи, стр. 742.

2) Стефановичъ, тамъ же, стр. 89 — 90.

Православные праздники извѣстны тунгусамъ лишь какъ время пайма на работу и окончанія договорнаго срока или какъ начало и конецъ промысловаго сезона. Такихъ праздниковъ немного; о наступленіи ихъ узнаютъ отъ лицъ, имѣющихъ недѣльные численники (по-тунг. *niŋivun* или *ciŋiŋskä* = русск. *святцы*) или отъ аянцевъ и нельканцевъ. Численники представляютъ изъ себя закругленные дощечки или круглыя чашки съ 7 дырочками и маленькой затычкой; переставляя ежедневно затычку изъ одной дырочки въ другую, тунгусъ знаетъ дни недѣли. Изъ описанныхъ тунгусовъ численники были только у тронхъ. Остальные тунгусы, узнавъ, сколько дней остается до ближайшаго праздника, высчитываютъ количество оставшихся дней; по истеченіи однихъ сутокъ, срѣзывается полоска отъ первой зарубки до лѣваго края налочки, послѣ двухъ сутокъ — промежутокъ между первой и второй зарубкой и т. д. Когда же прошелъ большой праздникъ, а слѣдующій далеко, тунгусы счетомъ дней совѣтъ не занимаютъ: «дней не знаемъ, недѣлями не считаемъ»; «когда солнце восходитъ, говорю: день, когда солнце заходитъ, говорю: ночь»; «когда Богъ дастъ день, говоримъ: стало свѣтло, когда Богъ дастъ ночь, говоримъ: стало темно».

При столь первобытной жизни, въ сферы досягаемости со стороны духовенства, отданные цѣликомъ подъ власть суровой природы, тунгусы и не могли быть въ дѣятельности христіанами.

Гораздо глубже вліяніе на тунгусовъ шаманства, хотя и оно за послѣднее время слабѣетъ. Непонятныя перемѣны въ промысловой жизни — плохой годъ для охоты или рыболовства, таинственные болѣзни оленей, уносящія цѣлыя стада, суровая, дикая, могучая природа, полная зависимость отъ нея первобытнаго племени породили въ немъ вѣру въ многочисленныхъ, большихъ и малыхъ, добрыхъ и злыхъ духовъ: лѣса, воды, царствъ природы, охоты и другихъ, управляющихъ окружающей жизнью. Неразвитый, безпомощный тунгусъ могъ только умолять тѣ таинственные существа, которыя то обильно дарили его, то лишали самаго необходимаго. Но и молибы часто не помогали: и принося жертвы, тунгусъ не зналъ, получить ли онъ просимое; поэтому, зародилась и вѣра въ судьбу, предопредѣленіе — *анаіікакіт*.

Вѣра въ покровителей промысловъ и враговъ ихъ, стремленіе отблагодарить и смягчить ихъ, а также опасеніе навлечь чѣмъ-либо ихъ гнѣвъ создали массу обрядовъ, сопровождающихъ промысловую и хозяйственную жизнь тунгусовъ. Приводимъ нѣкоторые изъ обрядовъ.

Кости ногъ и головы дикаго оленя на землю не бросаютъ, а дѣлаютъ въ лѣсу полку, на которую и сыпаютъ обѣдненные кости. Зубы дикаго оленя сохраняютъ въ качествѣ амулета (тыгакъ). Сохраняемыя части кладутся въ мѣшочекъ, сдѣланный изъ головной кожи убитаго животнаго. Когда мѣшочекъ наполнится, его кладутъ въ

пјаку (амбарчикъ на столбахъ), гдѣ онъ и хранится всегда, какъ старая записъ, указывающая на количество упрямышеннаго звѣря.

«Духу» оленя на деревьяхъ вѣшаютъ пищу: шкуру съ головы дикаго барана, салыный желудокъ и др. — лишь бы было вкусно и вкусно пахло: «духъ» приходитъ на запахъ.

Упрямышлвыи лисцы, обязательно отрѣзываютъ мордочку и хранятъ ее, по крайней мѣрѣ, три дня, не давая ее никому, а потомъ вѣшаютъ на дерево въ даръ духу-покровителю лисцы. Съ лисцы берутъ только шкуру, а мясо вѣшаютъ на дерево или заземляютъ въ немъ.

Воспрещается убивать пойманную рыбу камнемъ; старики говорятъ: грѣшно, не ладно будетъ (по-якутски аҕы); убиваютъ ее деревянной палкой.

Кости медвѣдя, — всѣ безъ исключенія, наблюдая, чтобы ни одна не осталась, — вѣшаютъ на дерево.

Къ орлу относятся съ опаской, почитаютъ его и никогда не убиваютъ. «Старики говорятъ: аҕы; мы слушаемъ — пожалуй, и вправду плохо будетъ», — замѣтилъ одинъ молодой тунгусъ.

Ко всякой дичи относятся «съ осторожностью»: «боимся, что прекратится».

Кости разрубать — большой грѣхъ. Если потерять кость какого-нибудь звѣря, то взыщется съ охотника.

Когда накладываются мѣты на ухахъ оленятъ, то отрѣзанные или вырѣзанные кусочки хряща не бросаютъ, а нанизываютъ на нитку (изъ жилы оленя) и вѣшаютъ ихъ: одни — на почетномъ мѣстѣ, около иконы, другіе — въ иномъ мѣстѣ жилища, только не у двери. Нитку съ вырѣзанными кусочками ушей не соглашаются не только продать, но и подарить: «аҕы, оленя рождаться не будутъ». Послѣ сушки, мѣты можно положить въ апсеја¹⁾ или въ содок²⁾, но нельзя бросать на землю: аҕы. Эти мѣты сохраняются изъ рода въ родъ; при перекочевкахъ ихъ увозятъ съ собой, или кладутъ въ пјаку.

Если издохнетъ одна или нѣсколько взрослыхъ самокъ, то копытца одной изъ нихъ сохраняютъ, предварительно высушивъ въ урасѣ. При перекочевкахъ кладутъ въ сорук (вьючныя сумы) и возятъ съ собой, не давая сгнить. На слѣдующую весну копытца развѣшиваютъ на деревѣ.

Дары «духамъ» развѣшиваются во время охоты, зимой — безъ заклинаній, а въ другое время года — съ заклинаніями, содержаніе которыхъ установить не удалось.

Изъ разсказовъ, характеризующихъ вѣрованія тунгусовъ, записаны два. Первый

1) Охотничья сумка.

2) Садокъ (для чайной посуды).

разсказъ принадлежитъ бабкѣ бывшаго старосты Василія Карамзина. «Вначалѣ земля была, — разсказываетъ она: — потомъ въ теченіе семи лѣтъ огонь былъ, землю кончилъ. Все сдѣлалось потокомъ, моремъ; всѣ тунгусы сгорѣли, только мальчикъ съ дѣвочкой взлетѣли на небо, а изъ птицъ, не умирая, орелъ взлетѣлъ. Мальчикъ и дѣвочка, летая, спустились туда, гдѣ море исшарилось; вмѣстѣ съ ними спустился орелъ».

Второй разсказъ — передача и объясненіе сна, видѣннаго однимъ изъ тунгусовъ: «Медвѣдь прошелъ мимо меня и Льва¹⁾ и остановился, увидѣвъ спускавшихся ему навстрѣчу нѣсколькихъ человекъ. Впереди шелъ староста, который, замѣтивъ медвѣдя, взялъ винтовку и сталъ стрѣлять. Два раза ружье дало осѣчку; въ третій разъ раздался выстрѣлъ, но медвѣдь остался невредимъ. Тогда медвѣдь взялъ изъ-подъ мышки свое ружье, очевидно, съ намѣреніемъ стрѣлять въ старосту. Тутъ я проснулся. Когда я разсказалъ свой сонъ старостѣ и Льву, то послѣдній сказалъ, что, по мнѣнію тунгусовъ, это былъ не медвѣдь, а душа шамана. Староста же объяснилъ, что этотъ сонъ относится къ нему и что онъ, староста, долженъ заболѣть или съ нимъ будетъ какое-либо несчастье, такъ какъ если топоръ, винтовка или ножъ не берутъ во снѣ, то это служитъ знаменіемъ того, что человекъ заболѣетъ, — по крайней мѣрѣ, съ нимъ, старостой, такъ бывало. Если же ему во снѣ приходилось убивать человека, то вслѣдъ за тѣмъ онъ убивалъ медвѣдя».

Изъ приведеннаго матеріала уже можно видѣть, какую странную смѣсь шаманства, христіанства и творческой народной фантазіи представляютъ религіозныя воззрѣнія тунгусовъ. Въ то же время, если нельзя говорить о сколько-нибудь глубокомъ вліяніи христіанства, то теперь нельзя признать глубокимъ и вліяніе шаманства. По сообщенію покойнаго о. Вас. Мальцева, къ шаманамъ тунгусы обращаются теперь чаще всего не какъ къ посредникамъ между небомъ и землей, а какъ къ знахарямъ. Изъ словъ самихъ тунгусовъ можно заключить, что нѣкоторые изъ нихъ уже не относятся съ мистической «опаской» къ пойманной на охотѣ добычѣ, не развѣшиваютъ частей ея на деревьяхъ въ даръ «духамъ-господамъ»; отношеніе къ такимъ лицамъ со стороны большинства — терпимое.

Что же помогло единичнымъ тунгусамъ освободиться отъ сложныхъ, стѣснительныхъ путей суевѣрій и боязни почти всѣхъ живыхъ существъ, съ которыми они сталкивались? Что заставило рядовыхъ тунгусовъ безразлично относиться къ нарушеніямъ властныхъ когда-то стародѣдовскихъ обычаевъ? — Несомнѣнно, глубокія измѣненія въ жизни тунгусовъ. Занимаясь раньше исключительно звѣроловствомъ, рыболовствомъ, морскимъ промысломъ, оленеводствомъ, тунгусы испытывали на себѣ не-

1) Имя тунгуса, служившаго членомъ экспедиціи проводникомъ.

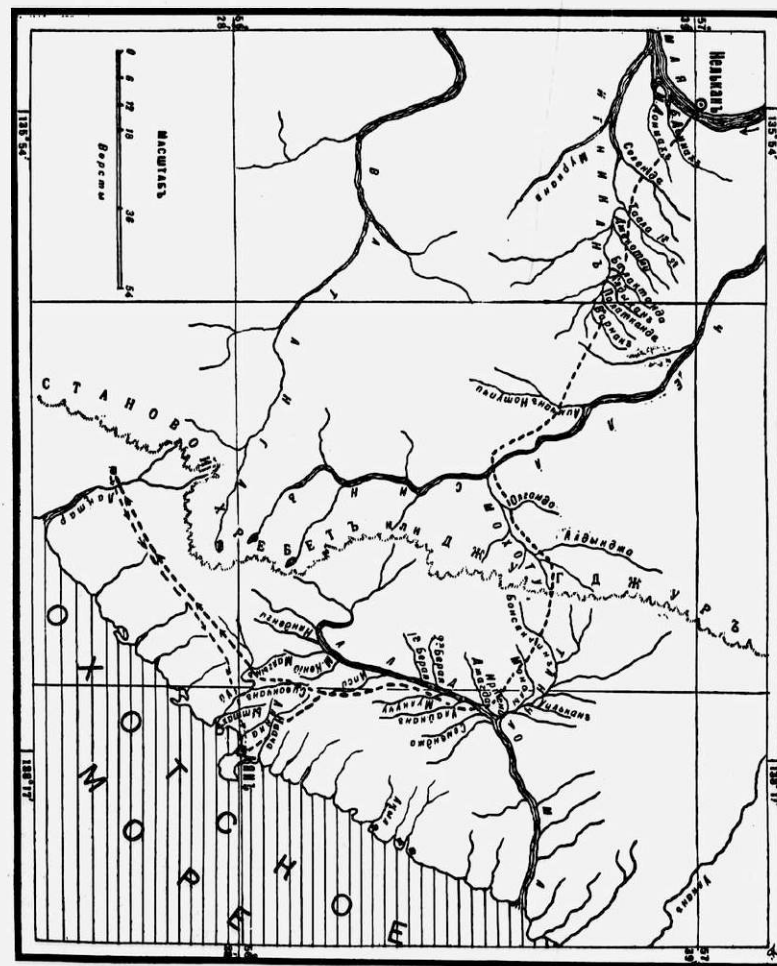
понятныя колебанія въ количествѣ добычи. Отъ этихъ колебаній зависѣло ихъ благополучіе въ теченіе цѣлаго года, а иногда и больше. Объясняя удачу и недостатки промысловъ вліяніемъ «духовъ», тунгусы непрерывно должны были чувствовать полную зависимость отъ нихъ. Теперь — не то. На смѣну стариннымъ промысламъ выступилъ на первый планъ новый промыселъ — перевозка чая изъ Аяна въ Нельканъ, а затѣмъ въ Якутскъ. Зависимость отъ прежнихъ промысловъ и даже соприкосновение съ ихъ продуктами, при господствѣ перевозочнаго промысла и развитіи торговли, сократились. Прежняя неопредѣленность и неуверенность въ результатахъ промысловой дѣятельности смѣнились простымъ арифметическимъ расчетомъ о количествѣ вывезенныхъ мѣстъ чая, а также — товаровъ и припасовъ, которые возникъ получить за свой трудъ и которыми онъ обезпечить себя и семью. Господиномъ жизни становится уже не таинственный «духъ», покровитель промысла, духъ неуловимый и капризный, а — всѣмъ доступный, вполне понятный, никому не страшный подрядчикъ-торговецъ. Съ паденіемъ старинныхъ промысловъ, несомнѣнно, должны были мало-по-малу меркнуть и старые кумиры.

Встрѣчаясь съ русскими, менѣе ихъ считающимися съ «духами-покровителями» и, тѣмъ не менѣе, благополучно промысляющими, тунгусы должны были укрѣпляться въ чувствѣ независимости отъ «духовъ-господъ». Этотъ процессъ не могъ совершиться вдругъ и, конечно, не вполне еще завершился; но, съ углубленіемъ и расширеніемъ новой стороны жизни, вліяніе шаманства должно все болѣе и болѣе ослабѣвать.

Раньше (стр. 335—6) было сказано объ обычаяхъ даренія продуктами промысловъ и о взаимной поддержкѣ тунгусовъ. Ослабленіе старыхъ промысловъ отразилось и на дареніи — и́ймат'ѣ. По отношенію къ припасамъ и товарамъ, получаемымъ почти всецѣло отъ перевозочнаго промысла, и́йматъ не примѣняется. Вѣроятно, объясненіе этому нужно видѣть въ томъ, что продукты прежнихъ промысловъ считались, какъ дары неба, общественной собственностью; кромѣ того, и неустойчивость промысловъ дѣлала необходимой поддержку другого на случай несчастья съ даращимъ. Перевозочный промыселъ устраняетъ чувство зависимости отъ неба, дѣлаетъ экономическое положеніе болѣе опредѣленнымъ, выдвигаетъ личную инициативу, энергію и трудолюбіе на первый планъ и, вмѣсто взгляда на продукты промысла, какъ на даръ неба для всѣхъ, создаетъ неотъемлемую частную собственность.

Паденію и́ймат'а должны были способствовать еще встрѣчи съ русскими и якутами. И тѣ, и другіе были мало склонны отдаривать тунгусовъ, а давать, безъ надежды получить, было и несогласно съ обычаямъ, и невыгодно. Мало-по-малу тунгусы переставали раздаривать русскимъ и якутамъ, — а разъ обычай, примѣнявшійся ранѣе ко всѣмъ, въ некоторыхъ случаяхъ пересталъ примѣняться, то этимъ

Карта пути, пройденнаго членомъ Нелькано-Аянской экспедиціи инженера В. Е. Попова Э. Н. Пекарскимъ между Нельканомъ и Аяномъ въ 1903 году. Пунктиромъ обозначенъ пройденный путь.

подрывалась и необходимость общего его примѣненія: теперь находятся смѣльчаки, которые уже не дѣлается и продуктами старинныхъ промысловъ.

Вліяніе старины на нравы тунгусовъ еще сильно: честность, вѣжливость, услужливость безъ униженія въ обращеніи съ посторонними, искренность и правдивость являются общими ихъ чертами. Стариковъ почитаютъ; при встрѣчахъ съ ними, въ знакъ почтенія, подаютъ двѣ руки, а не одну, какъ остальнымъ. Во время перекочевокъ за стариками ухаживаютъ; въ случаѣ болѣзни старика, останавливаются до тѣхъ поръ, пока онъ не выздоровѣетъ. На замѣчаніе, что есть народы, которые бросаютъ безнадежно больныхъ стариковъ въ дорогѣ, тунгусъ 1-го Эжанскаго рода Ив. Амосовъ отвѣтилъ: «скоты, плохіе люди! въ нашей странѣ такъ не дѣлаютъ».

Понатія о половой чистотѣ, повидимому, мало доступны тунгусамъ. Въ принципѣ тунгусы, пожалуй, въ этомъ отношеніи и чисты: вѣбращныя сношенія они считаютъ предосудительными и на появленіе вѣбращныхъ дѣтей смотреть неодобрительно. Но жизнь безпощадно разбиваетъ ихъ принципы, и ихъ любовь можетъ быть названа свободной. Изъ описанныхъ тунгусовъ вѣбращныхъ было 24 человека, то есть 10% общаго количества. Опросъ о времени перваго сношенія показъ, что изъ 89 супруговъ и холостыхъ 46 имѣли половыя сношенія до брака. Если принять во вниманіе, что не всѣ, особенно изъ женщинъ, нашли въ себѣ силу признаться въ грѣхахъ молодости, то количество «грѣшниковъ» придется считать гораздо выше 46. Наконецъ, слѣдуетъ припомнить и частыя нарушенія супружеской вѣрности. «Тунгусъ — бабникъ», — откровенно заявилъ тунгусъ Оедоръ Амосовъ, и съ нимъ невольно приходится согласиться. Женщины въ присутствіи мужчинъ, даже и постороннихъ, держатъ себя свободно, здороваются со всѣми за руку.

Изъ развлеченій тунгусовъ экспедиціей были отмѣчены пляска хо-цо и карты.

Пляска не сложна. Берутся за руки, образуя кольцо. Одинъ выкрикиваетъ хо-цо, остальные подхватываютъ, повторяя нѣсколько разъ сказанное заголовкой слово: одинъ разъ высокой нотой и второй — нѣсколько ниже; въ то же время поднимаютъ и опускаютъ сомкнутыя руки, отставляютъ лѣвую ногу и сдвигаютъ къ ней правую; иные правую ногу закладываютъ за лѣвую накрестъ. Движенія сильны; кружатся справа налево. Послѣ перваго слова выкрикивается второе, — и т. д., около десятка; слова подхватываются пляшущими и повторяются нѣсколько разъ. Такъ продолжается до «антракта», а потомъ вновь идетъ пляска съ повтореніемъ тѣхъ же словъ и тѣлодвиженій. Пляшутъ всегда ночью. Женщины принимаютъ участіе въ пляскѣ, но никогда не поютъ. По объясненію участвовавшихъ въ пляскѣ тунгусовъ, выпѣваемые слова представляютъ изъ себя подборъ звуковъ, которые и на якутскій языкъ непереводимы, да и съ тунгусскимъ почти не имѣютъ ничего общаго. Лишь послѣ выраженного недоумѣнія, какъ такое количество словъ не имѣетъ никакого значенія, тунгусъ Карамзинъ сталъ подбирать по звуковому сходству большую часть

якутскія слова и рѣдко — тунгусскія, напримѣръ: hāra — снѣгъ (якут. хār), ūga — вода (якут. ū), uruŋa — рѣчка (якут. ūrŋjā), omoŋo — приходи (якут. käl) и др. Къ нѣсколькимъ словамъ Карамзинъ не могъ подобрать подходящихъ якутскихъ или тунгусскихъ¹⁾.

Артистами по пляскѣ хо-цо считаются удские тунгусы; пріаянскіе далеко отстоятъ отъ нихъ.

Музыкальные инструменты рѣдко встрѣчаются среди пріаянскихъ тунгусовъ. Изъ привозныхъ инструментовъ извѣстна гармоника (камус), которую покупаютъ у якутовъ. На камусѣ играютъ больше женщины, мужчины — рѣдко.

Частью развлеченіемъ, а больше — азартной игрой является игра въ карты. Изъ игръ извѣстны: цātна — тринка, нāрус трехъ сортовъ, остос — штось, устук — стуклока, кōсурка (въ 7 картъ), бjāt. Борьба съ азартными играми не приводитъ ни къ чему: игроки не слушаютъ старость и умѣютъ обходить законъ, заявляя, что играютъ не для наживы, а для развлеченія. Играютъ тунгусы и въ шашки.

Поднятіемъ духовной культуры тунгусовъ якутская администрація была озабочена очень мало. Въ 1885 году священникомъ Казнаковымъ на свои средства была основана въ Аянѣ школа. Она встрѣтила поддержку со стороны тогдашняго довѣреннаго Росс.-Американской Компаніи Филиппеуса, собрала около себя 14 учениковъ, но въ 1895 году, по смерти Филиппеуса, должна была закрыться за неимѣніемъ средствъ²⁾.

Изъ описанныхъ тунгусовъ грамотныхъ было только 2, да и для нихъ грамотность, при невозможности примѣнить ее, была совершенно бесполезна.

Съ перваго взгляда мысль объ устройствѣ среди пріаянскихъ тунгусовъ школы должна показаться неосуществимой. Школа, основанная въ 1885 г. въ Аянѣ, могла принимать дѣтей служащихъ у Россійско-Американской Компаніи, которые теперь выѣхали изъ Аяна. Начало трудового возраста, у тунгусовъ совпадающее чуть ли не съ принятымъ для школьнаго обученія возрастомъ, а также разбросанность тунгусовъ по промысловымъ мѣстамъ и подвижность ихъ дѣлаютъ будто бы школьное обученіе невозможнымъ. Несомненно, что эта мысль могла бы осуществиться съ большимъ трудомъ, но нѣтъ оснований утверждать, что осуществленіе ея невозможно. Зимой тунгусы группируются такъ, что въ одной юртѣ помѣщаются 2 семьи, а иногда и 3. Въ домахъ богатыхъ тунгусовъ живутъ всегда нѣсколько семействъ. Зимой, при возкѣ чая, перекочевки предпринимаются очень рѣдко. Этими обстоятель-

1) Ср. Миддендорфъ, *op. cit.*, стр. 708; Стефановичъ, *op. cit.*, стр. 131—133; Слюнинъ, *op. cit.*, стр. 367 и 368.

2) Слюнинъ, *op. cit.*, стр. 513.

Живая Старина. 1911.

ствами и можно бы было воспользоваться для устройства передвижной школы. Правильно поставленная школа имѣла бы огромное вліяніе не только на духовную, но и на экономическую жизнь тунгусов¹⁾. Масса суевѣрій, мистически бояливое отношеніе ко всему живому (напримѣръ, къ бичу оленеводства — волкамъ), значительно сохранившійся и до сихъ поръ взглядъ на бѣдствія въ промысловой жизни, какъ на кары неба, являются несомнѣннымъ тормозомъ поднятія экономическаго положенія, — а съ этимъ тормозомъ успѣшнѣ всего можетъ бороться правильно организованная школа.

Эд. Пекарскій.

Вл. Цвѣтковъ.

1) Описаніе экономическаго положенія пріалонскихъ тунгусовъ составляетъ особый отдѣлъ изслѣдованія и имѣетъ быть напечатано въ «Сборникѣ Музея по Антропологии и Этнографии Императорской Академіи Наукъ».

Къ вопросу о русалкахъ.

(Культь покойниковъ, умершихъ неестественною смертью, у русскихъ и у финновъ).

Принятый въ наукѣ взглядъ на русалокъ. — Наша поправка къ нему.

«Анализъ русскихъ суевѣрій, — писалъ въ свое время академикъ А. Н. Веселовскій, — приводитъ къ заключенію, что весеннія русаліи — главнымъ образомъ поминальный обрядъ; русалки = шапес... Покойниковъ хоронили въ языческую пору на горахъ, въ лѣсахъ, на распутяхъ, спускали въ воду; оттого галицкія мавки = русалки представляются живущими на горныхъ вершинахъ, какъ наши русалки любятъ качаться на вѣтвяхъ деревьевъ. Ихъ преобладающій нынѣ водный характеръ можно было бы объяснить позднѣйшимъ обособленіемъ ихъ типа; горныя русалки наконецъ должны были исчезнуть въ мѣстности, гдѣ горы были рѣдки...»¹⁾. — Приведа эти слова, Е. В. Аничковъ справедливо замѣчаетъ: «Такое воззрѣніе на происхожденіе народныхъ повѣрій о русалкахъ въ настоящее время, если не ошибаюсь, можно считать общепризнаннымъ. На души умершихъ, которыхъ чествовали во время Русалій, перешло названіе праздника, и они стали русалками...»²⁾.

Въ этотъ, общераспространенный теперь у нашихъ этнографовъ, взглядъ мы намѣрены внести поправку. Какъ мы постараемся доказать ниже, русскія русалки суть не души всѣхъ умершихъ вообще, тѣмъ болѣе не души усопшихъ предковъ; русскія русалки — это женщины и дѣти, умершія неестественной смертью, т. е., выражаясь словами церковнаго «мртвеннаго канона», тѣ, «ниже покры вода и брашь пожра, трусь же яже объять и убійцы убиша, и огнь попали; внезапно восхищенныя, попадаемыя отъ молній, измержшіе мразомъ и всякою раною». Народъ называетъ

1) А. Н. Веселовскій, Разысканія въ области русск. духовн. стиха, XI—XVII, 1889, стр. 270.

2) Е. В. Аничковъ, Весенняя обрядовая пѣсня на западѣ и у славянъ. Часть I. Спб. 1903, стр. 303.

таких покойников «заложными»; этим народнымъ названіемъ, о первоначальномъ значеніи котораго рѣчь будетъ ниже (стр. 376), мы и будемъ пользоваться въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи.

По народному воззрѣнію, заложныя (т. е. умершіе неестественною смертію) покойники доживаютъ свой, положенный имъ при рожденіи, вѣкъ за гробомъ, т. е. послѣ своей насильственной смерти живутъ еще столько, сколько они прожили бы на землѣ въ случаѣ, если бы смерть ихъ была естественною. Живутъ они все это время на мѣстѣ своей насильственной смерти, а иногда также и на мѣстѣ своей могилы, сохраняя однако же полную способность къ передвиженію. Какъ кажется, они все время этой своей своеобразной загробной жизни не старѣютъ; во всякомъ случаѣ, они всецѣло сохраняютъ свой прежній характеръ, свои прежнія склонности и привычки. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется народное подраздѣленіе заложныхъ покойниковъ на «русалокъ» (= женщины и дѣти) и не-русалокъ (мужчины), равно какъ и дѣленіе русалокъ на разные классы. Русалки-дѣти извѣстны у малоруссовъ подъ именами «мавокъ» и «потерчатъ». Характеръ, интересы и привычки собственно русалокъ будутъ для насъ вполне понятны, если мы припомнимъ, что это — обыкновенныя деревенскія женщины: молодыя (народъ обычно дѣлитъ русалокъ на молодыхъ и старыхъ) прельщаютъ и увлекаютъ въ свои сѣти мужчинъ, постарше заботятся о льнѣ, холстахъ, вносятъ раздоры въ семьи; безобразныя старухи бьютъ непослушныхъ дѣтей. Но всѣ заложныя покойники находятся въ полномъ распоряженіи нечистой силы, являются — въ силу самаго рода своей смерти — какъ бы работниками и подручными нечистой силы; вотъ почему и всѣ дѣйствія такихъ покойниковъ направлены ко вреду человѣка. Вредъ со стороны женщинъ и особенно дѣтей не великъ, почему ихъ народное міровоззрѣніе и различаетъ строго отъ заложныхъ покойниковъ-мужчинъ.

Кратко изложенное нами здѣсь воззрѣніе на заложныхъ покойниковъ и русалокъ взято нами изъ міеологіи русскаго народа, но оно нигдѣ не сохранилось (быть можетъ, точнѣе будетъ выразиться: не отмѣчено?) въ своемъ полномъ и связномъ видѣ, а только въ отрывочныхъ переживаніяхъ. Кроме того, какъ мы видѣли, наши изслѣдователи противопоставили этому народному взгляду на русалокъ свою собственную теорію о русалкахъ, какъ о душахъ умершихъ *предковъ*, а народный взглядъ о принадлежности русалокъ къ нечистой силѣ объясняютъ «переработкою и перелицовкою въ народномъ сознаніи образа русалокъ»¹⁾. Вотъ почему намъ необходимо будетъ *доказать* изложенное выше воззрѣніе на русалокъ. Доказательствамъ его мы и посвятимъ свою настоящую статью; при этомъ сначала изложимъ прямые народныя свидѣтельства, изъ разныхъ мѣстностей, о природѣ и дѣйствіяхъ русалокъ

и заложныхъ покойниковъ (гл. 1), потомъ — взгляды русскаго народа на необходимость особаго способа погребенія для заложныхъ покойниковъ (гл. 2), далѣе — способы поминовенія заложныхъ покойниковъ (гл. 3) и, наконецъ, изложимъ русальскіе обряды, объясняя ихъ по аналогіи и примѣнительно къ обрядамъ въ честь заложныхъ покойниковъ.

Глава I. Народныя повѣрья о русалкахъ и о покойникахъ, умершихъ неестественною смертію.

Повѣрья о русалкахъ малоруссовъ, бѣлоруссовъ и великоруссовъ. — Отношеніе русалокъ къ людямъ. — Русскія повѣрья о загробной жизни самоубійцъ и другихъ заложныхъ покойниковъ. — Мордовское повѣрье. — «Ичетики» пермяковъ. — «Кутыси» вотяковъ и бесермянъ. — Черемисскія повѣрья. — Якутскій «ерь». — Отголосокъ чувашскихъ повѣрій. — Бурятскіе «боходдонъ», «дахулы» и «онгоны». — Взгляды нѣкоторыхъ другихъ народовъ.

«Русалками становятся утопленницы и дѣти, родившіеся неживыми или умершіе некрещенными... Въ Духовъ и Троицынъ день они просятъ себѣ св. крещенія» (Н. Маркевичъ, Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ, 8 и 81). Таково почти общее малорусское повѣрье о русалкахъ. Вполнѣ согласно съ нимъ и купяцкія «женщины говорятъ, что въ русалокъ обращаются... мертворожденные или умершія некрещенными дѣти, утопленницы дѣвушки и молодыя женщины, причѣмъ утопленницы становятся женами водяныхъ, которые старшинствуютъ вообще надъ русалками» (П. Ивановъ, Народныя разсказы о домовыхъ etc., 45). Срв. Т. Кибальчичъ въ Извѣстіяхъ Географич. Общества, т. 12, 1876 г., чтенія, стр. 77—78; В. П. Милорадовичъ, Народныя обряды и пѣсни Лубенскаго уѣзда 172 (въ Сборникѣ Харьковскаго Историко-Филолог. Общества X, 1897); Н. Арндаренко, Записки о Полтавской губ., ч. 2, стр. 215; Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1842, № 37, стр. 731; A. Podbereski, Materyały do demonologii ludu ukraińskiego (Zbiór wiadomości do antrop. krajowej, IV, 1880, с. 5—6); Чубинскій, Труды экспед. I, 206 и др. Одинъ наблюдатель изъ села Юриновки Черниговской губерніи прямо называетъ русалокъ «людьми, умершими ненатуральною смертію»; онъ сообщаетъ: «Всѣ юриновцы вѣрятъ, что вирожденіе зеленой недѣли ходятъ русалки — люди, умершіе ненатуральною смертію; если эти русалки поймать человѣка, то зашекочутъ его до смерти»¹⁾.

Для дѣтей, умершихъ безъ крещенія, у малоруссовъ существуетъ еще другое названіе: потерча, потерчатко, потерчукъ²⁾. «По представленію народа, какъ видно,

1) Черниговскія Губернскія Вѣдомости, 1855, № 21, стр. 174.

2) Б. Гринченко, Словарь украинскаго языка. — Для насъ неясна этимологія этого слова, но мы предполагаемъ двѣ возможности: или потерча=предполагаемому *па-чертенюкъ,

1) Е. Анничковъ, тамъ же, стр. 304.

потерчата очень навязчивы, ибо о навязчивомъ чловѣкѣ народная пословица гласитъ: «налазить якъ потерча»¹⁾.

Т. Кибальчичъ сообщаетъ еще о южнорусскомъ дѣленіи русалокъ на «лѣсныхъ и водяныхъ», а также на «утреннихъ, полуденныхъ и вечернихъ»²⁾. По мнѣнію польшуконъ Волынской губерніи, существуютъ русалки двойкаго рода: одніе — безобразныя старыя дѣвы, другія — молодыя красивыя дѣвушки; первыя не терпятъ особливо малыхъ дѣтей и подростковъ, которые вырвались изъ дому безъ вѣдома родителей: напавъ на такихъ дѣтей, онѣ тотчасъ ихъ убиваютъ³⁾.

Бѣлорусское воззрѣніе на русалокъ не разнится отъ малорусскаго. Такъ, смоленскіе бѣлоруссы видятъ въ русалкахъ «души утопленницъ, мертворожденныхъ или же дѣтей, умершихъ некрещенными» (Живая Старина, 1903, № 4, стр. 474; срв. В. Н. Добровольскій, Смоленскій этнографическій сборникъ, I, 93). Срв. П. В. Шейпъ, Матеріалы для изученія быта и языка населенія сѣверо-западнаго края, III, 316 и слѣд. «Утопленники-мужчины становятся водяными, а женщины — русалками. Часто также русалками бываютъ проклятыя родителями дѣвушки, незаслужившія при жизни прощенія. Ихъ берутъ въ жены водяные»⁴⁾.

То же самое воззрѣніе на русалокъ отмѣчено и во многихъ мѣстахъ великороссіи, напримѣръ, въ Калужской губерніи (Н. Харузинъ, Къ вопросу о религіозныхъ воззрѣніяхъ крестьянъ Калужской губ., въ Этнограф. Обзор. 1892, № 2—3, стр. 213), въ Донской области (Донскія Областныя Вѣдомости, 1873, № 84, статья Н. Антипова изъ Каменской станицы), въ Пошехоньѣ (Этнограф. Обзор. 1901, № 4, с. 89), въ Рыльскомъ уѣздѣ (тамъ же, 1896, № 2 — 3, с. 164) и во многихъ другихъ мѣстахъ. По вѣрованіямъ крестьянъ Ливенскаго уѣзда Орловской губерніи, дѣвицы, пропавшія безъ вѣсти, суть русалки (Этнографическое Обзоріе, 1901, № 1, стр. 164 — 166).

Объ отношеніяхъ русалокъ къ людямъ, кромѣ общензвѣстнаго прельщенія и зачекотыванія⁵⁾ ими молодыхъ людей, отмѣтимъ еще слѣдующее: «Русалки похищаютъ

т. е. маленькій и плохонькій чортъ, или же оно въ связи съ словомъ потерянныи, въ смыслѣ «заблудившійся, погибшій» (быть можетъ, и самое слово чѣртъ въ связи съ глаголомъ терять?).

1) Волынскія Губернскія Вѣдомости, 1860, № 29.

2) Извѣстія Географич. Общ. XII, 1876, чтенія, стр. 77—78 (изъ Борзенск. у. Черниговской губ.).

3) Волынскія Губернскія Вѣдомости, 1859, № 19, стр. 77.

4) Этнограф. Обзор. 1890, № 4, с. 87.

5) Бессарабскіе малоруссы представляютъ себѣ это зачекотываніе въ очень оригинальной, едва ли не древнѣйшей формѣ. У нихъ существуетъ такое повѣрье: къ празднику Сочестія Св. Духа жители села Ставучанъ приготавливаютъ водку, настоящую на полыни; она предохраняетъ чловѣка отъ той нечистой силы, которая въ эти дни празднуетъ свадьбу въ поднимающихся вихряхъ; чортъ, налетѣвшій въ вихрь на чловѣка, небезопасившаго

у заснувшихъ безъ молитвы женщинъ нитки, холсты и полотна, разостланныя на травѣ для бѣленья; украденную пряжу онѣ разматываютъ, качаясь на древесныхъ вѣтвяхъ» (С. В. Максимовъ, Нечистая, невѣдомая и крестная сила, 102; срв. Этнографическое Обзоріе 1900, № 2, стр. 163; Московскія Вѣдомости 1894, № 149, статья Г. Георгіевскаго «Зеленые святки»). Можно думать, что пряжа нужна русалкамъ на одежду; по крайней мѣрѣ въ бѣлорусской пѣснѣ поется:

«На кривой березѣ
Русалка сидѣла,
Рубаценки просила»¹⁾.

И въ малорусской пѣснѣ поется тоже:

«Сидѣла русалка на білій березі,
Просила русалка въ жіночокъ намітки...
... Просила дівочокъ сорочки:
Дівочки, сестрички,
Дайте мені сорочки».

(Чубинск. Тр. экспед. III, 187).

Въ Елатомскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, при проводахъ русалокъ, ихъ спрашиваютъ женщины: «русалочки, какъ легъ (т. е. уродится)?» Ряженныя русалками, въ отвѣтъ на это, указываютъ на длину кнута, и крестьянки радостно восклицаютъ: «охъ, умилыныя русалочки, какой хорошій!» (С. Максимовъ, тамъ же, стр. 165).

Русалки же «могутъ насыпать на поля сокрушительныя бури, проливные дожди, разрушительный градъ» (С. Максимовъ, Тамъ же, стр. 102). Изъ словъ народной пѣсни:

«Правдили русалачки, правдили,
Щобъ ваны да нас не хадили,
Да нашего житечка не ламили,
Да нашихъ дивачек не лавили»²⁾,

однако же, можно заключать, что русалки «ломаютъ жито» не градомъ, а просто — бродя по полю.

себя полынью, можетъ схватить и унести его въ воздушное пространство. Во время такого воздушнаго путешествія схваченная жертва подвергается щипанью, лоскотамъ, такъ что рѣдко остается живой. Полынь и любистокъ, отъ такихъ случаевъ, носятъ за поясомъ или у застѣжки сорочки. (Кишиневскія Епархіальн. Вѣдом. 1873, № 10, с. 433, статья С. Кульчицкаго). Здѣсь, какъ видимъ, имя русалки не упоминается, но близость времени, полное тожество береговъ и эти «лоскоты» заставляютъ предполагать, что тутъ имѣются въ виду именно русалки. Для сопоставленія замѣтимъ еще, что и одинъ классъ заложныхъ покойниковъ-мужчинъ, а именно проклятые своими родителями иногда «гуляютъ по свѣту то вихремъ, то бурей» (Этнографич. Обзор., № 3, 1889, с. 49).

1) Живая Старина, 1903, № 4, стр. 475.

2) Черниговскія Губернскія Вѣдомости, 1855, № 21, стр. 174 (изъ села Юриновки).

Бѣлоруссы Пинскаго уѣзда 23 іюня вѣшаютъ по хлѣвамъ крапиву и вѣнки изъ освященныхъ травъ, «чтобы *русалки* и вѣдьмы не отнимали молока у коровъ». (Памятн. Книжка Виленскаго генер.-губернаторства на 1868 г., с. 78). Изъ этого повѣрья явствуетъ, что русалки способны также и «отнимать молоко у коровъ».

Балаховскія русалки, выходя весной изъ воды, «*пугаютъ* проходящихъ мимо людей» (Саратовскія Губернскія Вѣдомости, 1881, № 1, изъ с. Бодманова), а въ Сергачскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи онѣ, «иногда покидая свое обычное мѣстопробываніе — рѣку, посѣщаютъ нѣкоторые дома и своимъ присутствіемъ поселяютъ въ семьѣ раздоры» (Нижегородскія Губернскія Вѣдомости, 1893, № 28, статья А. Можаровскаго).

Какъ видимъ, интересы и занятія русалокъ суть обычные интересы и занятія деревенскихъ крестьянскихъ женщинъ, не исключая даже сплетенъ, «поселяющихъ раздоры въ семьѣ». Пуганье же русалками проходящихъ мимо ихъ мѣстожительства людей вполне аналогично тому, какъ заложныя покойники пугаютъ людей и скотъ около ихъ могилы.

Стоитъ еще отмѣтить, что забайкальскіе казаки называютъ русалокъ «чертовками»¹⁾, уральцы — вполне равнозначущимъ словомъ «шутовками», точно такъ же, какъ и «у бѣлоруссовъ русалки часто сливаются съ понятіемъ о чортѣ»²⁾.

Мы привели самыя типичныя свѣдѣнія о русалкахъ, заимствованныя разными наблюдателями изъ народныхъ устъ. Всѣ эти данныя вполне согласны съ высказаннымъ нами выше взглядомъ на русалокъ. Что эти народныя воззрѣнія суть пережитки древнѣйшей народной мифологіи, а не позднѣйшая «переработка и перелицовка», — это явствуетъ изъ массы фактовъ другого рода, которые мы приведемъ ниже и которые вполне согласуются съ первыми, взаимно объясняя и дополняя другъ друга.

Теперь мы передадимъ кратко народныя взгляды на заложныхъ покойниковъ — мужичиъ, сначала воззрѣнія русскаго народа, а потомъ финскихъ и другихъ народностей.

«По народному понятію (въ Петровскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи), человекъ лишаетъ себя жизни по наущенію діавола: человекъ не религіозный или пьяница поддается подъ власть нечистой силы, которая опутываетъ его своими сѣтями и доводитъ до самоубійства. Народъ считаетъ самоубійцу недостойнымъ христіанскаго

1) К. Д. Логиновскій, Матеріалы къ этнографіи забайк. казаковъ (Записки Общества изученія Амурскаго края, IX, вып. 1, 1903, с. 8). Слово русалка встрѣчается въ заговорахъ забайкальскихъ казаковъ, но только въ значеніи «русая дѣвица»; напримѣръ, въ заговорѣ для порчи, чтобы «надѣть хомутъ», читаемъ: «замкну я всеѣмъ губы и зубы, дѣвкамъ-русалкамъ, колдовкамъ-простоволоскамъ, колдунамъ рыжимъ, краснымъ...» (тамъ же, с. 86), съ чѣмъ сравни слова такого же заговора: «всеѣ напущенныя дѣвками черныявками, колдунами... болѣзни сжегъ» (тамъ же, стр. 89).

2) Этнографич. Обзор. XXVIII, 1896, № 1, с. 91.

погребенія, такъ какъ ихъ души и тѣла поступаютъ де во власть нечистой силы. Поэтому народъ *боится* самоубійцы и ихъ могилъ... Могилы, гдѣ похоронены самоубійца, есть *опасное мѣсто*, отъ присутствія въ ней нечистой силы, могущей всегда, а особенно ночью, надѣлать человеку какой-нибудь *вредъ*»¹⁾.

Волынскіе крестьяне разсуждаютъ такъ: «Если похоронить самоубійцу близъ кладбища, то онъ будетъ *«людей лякаты»* (т. е. пугать людей), если — въ лѣсу или на горахъ, то будетъ *«товаръ лякаты»* (т. е. пугать скотъ); во избѣжаніе того и другого, въ могилу самоубійцы вбиваютъ осиновый колы и обсыпаютъ ее макомъ, со словами: «тогда будешь ходыты, якъ макъ перелычишь» (т. е. когда пересчитаешь макъ); выйдя изъ могилы, самоубійца будетъ сначала собирать и считать маковыя росинки, а тѣмъ временемъ зашоетъ пѣтухъ, и ему придется возвратиться въ могилу»²⁾.

«По воззрѣніямъ крестьянъ Новомосковского уѣзда Екатеринославской губерніи, самоубійцу не нужно переносить на новое мѣсто съ мѣста его смерти: иначе онъ будетъ ходить на старое мѣсто семь лѣтъ. Если же трупъ самоубійцы необходимо перенести, то переносить черезъ *«перекрестну дорогу»*: въ такомъ случаѣ самоубійца, дойдя до перекрестка, сбивается съ дороги и неидетъ дальше. — «Печатать» же самоубійцу можно только черезъ семь лѣтъ. — «Утопленники и повѣсившіеся необычайно быстро бѣгаютъ; если имъ на бѣгу попадутся лошади, — они ржутъ, а если скотъ — режутъ, чѣмъ и *пугаютъ* ихъ. Являются они на мѣсто смерти и домой»³⁾.

12-го октября 1884 года въ селѣ Троицкомъ-Варыпаевѣ Петровскаго уѣзда Саратовской губерніи утонулъ въ рѣкѣ близъ селенія, на ветлѣ, крестьянскій паренъ Григорій. «Едва только похоронили самоубійцу, какъ деревенскія бабы начали толковать, что на томъ мѣстѣ, гдѣ повѣсился Григорій, появилось привидѣніе, которое, между прочимъ, настолько испугало одну женщину, что у ней отнялся языкъ. Привидѣніе было въ образѣ умершаго Григорія... Кроме того, многіе будто бы слышали рыданія въ рощѣ, гдѣ безвременно погибъ бѣдняга Григорій. Наконецъ, то же привидѣніе продѣлало такую штуку съ кучеромъ сосѣдняго помѣщика: кучеръ возвращался ночью, подъ хмѣлькомъ, домой черезъ лѣсокъ и встрѣтилъ тамъ давнишняго своего знакомаго, самоубійцу Григорія, который пригласилъ кучера къ себѣ въ гости. Тотъ согласился и оба отправились въ домъ Удалова, гдѣ пошло угощеніе. Пиръ былъ на славу; но пробило 12 часовъ, пѣтухъ запѣлъ, и Григорій исчезъ,

1) Саратовскія Губернскія Вѣдомости, 1885, № 11.

2) Волынскія Губернскія Вѣдомости, 1879, № 25, статья Пероговскаго «О народномъ обычномъ уголовномъ правѣ на Волыни».

3) И. И. Манжура въ «Сборникѣ Харьковск. Историко-Филологич. Общества» VI, 1894, стр. 187.

а кучеръ оказался сидящимъ по колѣна въ рѣкѣ Узѣ, протекающей недалеко отъ села¹⁾.

Самоубійцы, однако же, не составляютъ исключенія среди другихъ «заложныхъ покойниковъ». Въ Саратовской же губерніи среди народа бытуетъ убѣжденіе, «что проклятые родителями, опившіеся, утопленники, колдуны и прочіе, послѣ своей смерти, одинаково выходятъ изъ могилъ и бродятъ по свѣту; ихъ, говорятъ, земля не принимаетъ; тѣло ихъ будто бы все тлѣетъ, а тѣнь бродитъ по свѣту; и дивныя дѣла творять ихъ тѣни». Въ частности, проклятые родителями живутъ по своей смерти въ водѣ или въ лѣсу, ночью выходятъ на дорогу и предлагаютъ прохожему проѣхать на его лошадахъ; но тотъ, кто къ нимъ сядетъ, остается у нихъ навсегда²⁾. — Весьма близкія представленія отмѣчены у крестьянъ Владимирской губерніи: проклятымъ при жизни людямъ суждено по смерти скитаться по землѣ, пока они не получатъ разрѣшенія отъ проклятій; опойцы же служатъ вмѣсто лошадей чертямъ въ ихъ безпрестанныхъ поѣздкахъ по бѣлу свѣту³⁾. И въ Нижегородской губерніи «народъ вѣруетъ въ посмертное существованіе и броженіе по землѣ неестественною смертію умершихъ, какъ то: давленниковъ, опившихся, отравившихся и т. п.»⁴⁾.

То же самое народное повѣрье нашло себѣ поэтическое отраженіе и въ известномъ стихотвореніи А. С. Пушкина «Утопленникъ».

По общему народному повѣрью, мертвецы ходятъ по ночамъ «не своимъ духомъ»: они преданы проклятію или злему духу⁵⁾; потому-то, конечно, заложные покойники въ данномъ случаѣ и сравнивались съ колдунами. Близость къ нечистой силѣ бродящихъ по землѣ заложныхъ покойниковъ особенно ярко сказалась въ слѣдующихъ народныхъ повѣрьяхъ и легендахъ. Одинъ галицкій мужичекъ «видѣлъ лѣшаго: сидитъ лѣшій на утопленникѣ: весело больно (очень) окаянному, что загубилъ грѣшную душу христіанскую; иногда подхватитъ мертвеца, да и ну вертѣться (т. е. танцевать) съ нимъ»⁶⁾.

Разъ заложные покойники находятся въ такой близости къ нечистой силѣ, то нисколько не удивительно, если они, вмѣстѣ съ этою нечистою силою, вредятъ человѣку. Не даромъ же олонецкій колдунъ, желая испортить человѣка, проситъ «умер-

шихъ, убитыхъ, съ дерева падшихъ, заблудящихся, некрещенныхъ, безымянныхъ встать» и повредить данному человѣку¹⁾.

Малоруссы разсказываютъ слѣдующую легенду о томъ, почему души опившихся виномъ поступаютъ въ полное распоряженіе дьявола. Будто бы, когда Христосъ съ апостолами ходилъ по землѣ, то они зашли однажды въ хату чорта. Чортъ сейчасъ же сталъ ихъ угощать горилкой, которой люди тогда еще совѣтъ не знали. Апостоламъ Павлу и Петру понравилась горилка; когда чортъ подаль имъ по двѣ чарки, Павелъ самъ попросилъ третью. Чортъ подаль, а потомъ сталъ просить у апостола плату за третью чарку и взялъ шапку Павла. Денегъ ни у кого не оказалось. Тогда Христосъ сказалъ чорту: «отдай шапку, а плата тебѣ будетъ другая: которіи люди будутъ вмирати съ горилки, тихъ души будутъ твои» (Подольск. Губернск. Вѣдом. 1869, № 41).

Вообще же, въ представленіяхъ малоруссовъ заложныя покойники сливаются отчасти съ упырями. По мнѣнію волынскихъ малоруссовъ, упыремъ дѣлается всякій самоубійца²⁾. По Аванасьеву, упыри, это — «злые, блуждающіе мертвецы, которые при жизни своей были колдунами, ворунами и вообще людьми, отверженными церковью, каковы: самоубійцы, опойцы, еретики, богоотступники и проклятые родителями»³⁾; три изъ этихъ разрядовъ, названія которыхъ набраны у насъ курсивомъ, суть заложныя покойники. Малоруссы въ Бессарабіи вѣрятъ, что самоубійца всякаго встрѣчнаго можетъ «пидтаты», т. е. подрѣзать его жизнь, послѣ чего человѣкъ недолго наживетъ⁴⁾; здѣсь самоубійцѣ приписывается явное свойство упырей⁵⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію соответствующихъ повѣрій у финскихъ и нѣкоторыхъ другихъ народностей, мы приведемъ одно повѣрье полуобрусѣвшей мордвы села Оркина Саратовскаго уѣзда. Повѣрье это во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ближе къ русскимъ воззрѣніямъ, нежели къ финскимъ, и дополняетъ известные уже намъ взгляды русскаго народа весьма характерною чертою. «Умершихъ скоростижно, опившихся, утопленниковъ и самоубійцъ жители села Оркина хоронили далеко отъ села, въ лѣсу, въ Самодуровскомъ оврагѣ, въ ущельѣ между двумя круто спускающимися горами. Мордва боится теперь ходить туда въ одиночку, такъ какъ похороненный тамъ «убивецъ» бродитъ по лѣсу и пугаетъ народъ своимъ крикомъ, «эдакимъ страшнымъ», особенно подъ вечеръ. «Убивца» нѣкоторые видѣли: онъ разговаривалъ

1) Саратовскія Губернскія Вѣдомости 1885, № 11, статья Ф. С. Шиманскаго «Изъ жизни Петровскаго уѣзда». — Срв. Ефименко въ Изв. Общ. Любит. Ест., Антр. и Этн. XXX, 187; Чубинскій. Тр. экспед. I, 209 и IV, 712; Тамбовск. Епарх. Вѣдом. 1866, № 24, с. 686.

2) А. Н. Минхъ, Народныя обычаи, обряды и т. д. Саратовской губ. 20 (Зап. Геогр. Общ. по отдѣл. Этнографіи, XIX, вып. 2, 1890 г.).

3) Я. П. Гарелинъ, Городъ Иваново-Вознесенскъ, часть I. Шуя, 1884, с. 58—59.

4) Нижегородскій Сборникъ, III, 1870, с. 212, статья А. Борисовскаго «Примѣты, обычаи и пословицы въ пяти волостяхъ Нижегородскаго уѣзда».

5) Черниговскія Губернскія Вѣдомости, 1842, № 87, с. 730.

6) Костромскія Губернскія Вѣдомости, 1856, № 39, с. 283.

1) Олонецкія Губернскія Вѣдомости, 1876, № 15.

2) Zbiór wiadomości do antropol. krajowej, XI, 196 (статья Коперницкаго).

3) Аванасьевъ, Поэтическія воззрѣнія слав. на природу, III, 557.

4) Несторовскій, Русины Бессарабской губ. 121.

5) Срв. Чубинскій, Тр. экспед. I, 205. — Срв. повѣрье гагаузовъ, что хобуры, т. е. упыри, могутъ теперь появляться только изъ людей убитыхъ и умершихъ не своею смертію (Этнограф. Обзор. 1902, № 8, с. 13, статья Мошкова).

съ однимъ мужикомъ и сказалъ ему, что онъ потому ходитъ, «что *такъ жизни его не кончилось*» и будетъ онъ ходить до тѣхъ поръ, пока не придетъ время, когда онъ долженъ умереть своей, естественной смертью. Тогда онъ ляжетъ въ могилу и не станетъ больше бродить, кричать и пугать народъ»¹⁾.

Съ такимъ же точно воззрѣніемъ — о томъ, что умершіе неестественной смертью бродятъ по землѣ до момента своей естественной смерти — мы встрѣтимся ниже у якутовъ и у бурятъ. У русскихъ, сколько намъ извѣстно, оно нигдѣ не отмѣчено, но оно съ очень большой вѣроятностью предполагается изъ всего того, что мы говорили выше. Мы лично даже склонны думать, что не только мордовское повѣрье, но даже и якутское и бурятское заимствованы отъ русскихъ или, по крайней мѣрѣ, ведутъ свое начало изъ какого либо *одного* источника.

Изъ числа финскихъ народовъ интересующій насъ культъ заложенныхъ покойниковъ существуетъ у пермяковъ и вотяковъ. Тѣ и другіе вѣрятъ, что умершіе неестественною смертью обращаются тотчасъ послѣ своей смерти въ особые духи, которые обладаютъ способностью и склонностью вредить живымъ, особенно же проходящимъ мимо мѣста ихъ насильственной смерти, насылая разныя внезапныя болѣзни. Въ случаѣ такого заболѣванія, — а иногда и въ предупрежденіе его, — вотьякъ приноситъ этимъ духамъ особую жертву, отличающуюся отъ всѣхъ прочихъ жертвенныхъ приношеній пренебрежительнымъ отношеніемъ къ заобриваемому жертвою духу.

Пермяки, вмѣстѣ и одинаково со всѣми финскими народами, вѣрятъ, что всѣ умершіе, забытые своими потомками, способны карать этихъ послѣднихъ, насылая на нихъ болѣзни, а также падежъ на скотину. Но среди умершихъ имѣются такіе, «въ дѣятельности которыхъ зло составляетъ преобладающую черту. Это духи убитыхъ, самоубійцъ и утопленныхъ матерями младенцевъ. Духъ самоубійцы или убитого остается на мѣстѣ, гдѣ совершено убійство. Протѣзжая мимо такихъ мѣстъ, слышать свистъ или стоны. Духи такихъ уеопшихъ гоняются за людьми. Духи утопленныхъ въ водѣ младенцевъ обращаются въ враждебныхъ челоѣку духовъ «ичетиковъ» (въ буквальномъ переводѣ: маленькіе). Ичетики — это маленькія существа съ длинными волосами. Живутъ они большею частью въ глубокихъ рѣкахъ. Въ представленіяхъ современныхъ пермяковъ ичетики сливаются съ водяными»²⁾.

Все сказанное здѣсь одинаково относится и къ вотяцкимъ кутысямъ (въ буквальномъ переводѣ: кто хватается, ловитъ, держитъ), истинная природа которыхъ,

сильно затемненная или даже совсѣмъ забытая вотяками, выяснена тѣмъ же И. Н. Смирновымъ. Последний пишетъ¹⁾: «Вотьяцкіе кутыси — души умершихъ не своей смертью, не получающіе обычнаго пропитанія: духи утопленниковъ, убитыхъ, подкидышей, духи погубленныхъ незаконнорожденныхъ младенцевъ и т. д. Ослобленные, голодные, они напускаютъ на тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе съ ними столкнуться, болѣзни и вынуждаютъ дать жертву, которой никто не приноситъ имъ добровольно, точъ въ точъ, какъ черемисскіе «вадыши»; въ народномъ сознаніи эти духи — превращенія изъ духовъ умершихъ въ духовъ стихійныхъ».

У мултанскихъ вотяковъ Малмыжскаго уѣзда отмѣчено еще слѣдующее преданіе. Въ ночь на Великій четвергъ у нихъ нѣкогда была битва съ черемисами; въ этой битвѣ погибло много черемисъ. Души убитыхъ приходятъ ежегодно въ эту ночь къ жилищамъ вотяковъ, съ цѣлью отмстить своимъ врагамъ и всячески повредить имъ. Вотяки спасаются отъ этихъ злобныхъ загробныхъ гостей тѣмъ, что украшаютъ свои жилища вѣтвями колючаго можжевельника и окуриваются дымомъ того же растенія. Если снять съ бѣлой лошади хомутъ и смотрѣть въ эту ночь черезъ него, то увидишь, какъ души умершихъ черемисъ со страхомъ отбѣгаютъ отъ вотяцкихъ жилищъ²⁾. — Обычай украшать свои жилища въ великій четвергъ можжевельникомъ, какъ оберегомъ отъ нечистой силы, существуетъ у многихъ народовъ (у пермяковъ, зырянъ, бесермянъ и др.), и, конечно, не объясняется преданіемъ о битвѣ съ черемисами; по мултанское толкованіе его очень интересно въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ, какой именно нечистой силы боятся въ этотъ день вотяки.

У сосѣднихъ и родственныхъ съ вотяками бесермянъ преданіе о кутысяхъ (бесермянское кутѣсь) сохранилось въ лучшемъ видѣ. Мнѣ многіе бесермяне прямо говорили, что кутѣси — это тѣ, кто умеръ неестественною смертью или же у кого нѣтъ родныхъ, такъ что некому поминать. Такой кутѣсь «хватаетъ» проходящего мимо: за какую часть тѣла хватить, на той внезапно появится опухъ, чирей и т. п. Бесермяне уже по опыту знаютъ, гдѣ живутъ или хватаютъ кутѣси и опасаются ходить въ томъ мѣстѣ, пить тутъ воду (если, какъ это часто случается, тутъ есть вода) и т. д. Кутѣсямъ приписываютъ только внезапно появляющіяся боли; другія же болѣзни приписываютъ инымъ представителямъ нечистой силы, а также и своимъ предкамъ; на примѣръ, болѣзнъ грудей у кормящей ребенка женщины приписывается всегда покойнымъ предкамъ. Заболѣвшій отъ кутѣся приноситъ этому послѣднему жертву, такъ наз. куяськѣнъ. Жертвою служитъ яйцо, немного завернутой въ тряпку крупы, локутъ ткани, кукла и т. п.; передъ тѣмъ какъ нести куяськѣнъ, жертвенною вещью

1) Саратовскія Губернскія Вѣдомости, 1884, № 41. — Срв. съ этимъ повѣрье нижегородской мордвы, которая различаетъ два разряда умершихъ предковъ: одни умерли однажды, а другіе уже дважды (Нижегор. Губ. Вѣдом., 1849, № 50).

2) И. Н. Смирновъ, Пермяки, с. 248.

1) Смирновъ, Вотяки, 222. Еще о вотяцкихъ кутысяхъ см. Первухинъ, Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда, I, 60—62; Гр. Верещагинъ, Вотяки Сарapulскаго уѣзда, 103; но тамъ и здѣсь природа кутысей понята совсѣмъ иначе.

2) Вятскія Губернскія Вѣдомости, 1883, № 75.

прикасаются къ большому мѣсту. Жертву приносятъ съ предосторожностью: боятся близко подойти къ кутѣю, какъ бы онъ не «схватилъ» еще сильнѣе; поэтому-то жертву бросаютъ (куяськонъ и означаетъ собственно «бросаніе»), стараясь поскорѣе удрать. Кроме того, идущій съ куюськономъ не долженъ ни съ кѣмъ говорить, и если его кто-нибудь спроситъ о чемъ либо на дорогѣ, такъ онъ ничего не отвѣчаетъ. Бросающій жертву говоритъ: «кто-то поймалъ (кутѣмъ), ему бросаемъ это (называетъ жертвенную вещь): пусть ѣсть-пѣть, пусть отпустить (лезѣсъ)», или: «вотъ поймалъ, не знаю кто; не знаю — съ именемъ или безъ имени, полюбилъ и поймалъ; пусть онъ ѣсть эту пищу, пусть дастъ хорошо уснуть». (Въ рѣдкихъ случаяхъ, будто бы, жертва замѣняется испражненіемъ больного на томъ мѣстѣ, гдѣ его «поймала» болѣзнь, при чемъ больной произноситъ: «вотъ тебѣ бросаю»¹⁾). При дѣтскихъ болѣзняхъ бесермяне Малой Юнды бросаютъ куюськонъ (большую часть тряпочку) около моста черезъ рѣчку Юнду и въ формулѣ обращаются къ «безымяннымъ младенцамъ». Сообщавшій мнѣ объ этомъ бесермянинъ г. Урасиновъ сдѣлалъ весьма правдоподобное предположеніе, что на этомъ мѣстѣ нѣкогда хоронили младенцевъ-выкидышей.

Имена и исторія нѣкоторыхъ бесермянскихъ кутѣсей еще извѣстны (ихъ, правда, и называютъ всегда по именамъ, а не кутѣями). Въ Юндѣ при опухахъ бросаютъ яйца или крупу на мельничную плотину, говоря: «вотъ, Орина, это тебѣ бросаемъ; ѣшь-пей, впередъ не хватай». На этомъ мѣстѣ упала нѣкогда съ рабины мельничиха Орина и зашиблась до смерти. При нѣкоторыхъ болѣзняхъ бросаютъ куюськонъ «Пуконамъ» и «Липанамъ»; по смутному преданью, это были семьи неизвѣстной народности, жившія тутъ до прихода бесермянъ и потомъ прогнанныя (вѣроятно, убитыя) новыми насельниками²⁾.

Черемисское воззрѣніе на заложныхъ покойниковъ подробно и умѣло выяснено С. К. Кузнецовымъ. «Существуетъ извѣстное соотношеніе между характеромъ черемисина при жизни и его требовательностью по смерти: кроткій черемисинъ довольствуется по смерти обычными поминками, а неуживчивый, коштанъ, тѣмъ болѣе колдунѣ, требуетъ учащенныхъ приношеній. Подобный колдунъ или какой-нибудь конокрадъ, отправившійся на тотъ свѣтъ подъ смертельными ударами мстительныхъ единоплеменниковъ, или, наконецъ, просто — бѣглый, подвергшійся такой же участи, по смерти могутъ долго мучить черемисъ и даже со временемъ попасть въ разрядъ мелкихъ злыхъ духовъ-кереметей, всячески вредящихъ черемисину. Число подобныхъ духовъ постоянно увеличивается, потому что къ нимъ часто присоединяются

умершіе вообще насильственной смертью (курсивъ нашъ)¹⁾. — Тоскуюція по землѣ души умершихъ получаютъ короткій отпускъ — «отъ вечернихъ до утреннихъ сумерекъ», и свободно расхаживаютъ въ это время по землѣ, навѣщая родныхъ, а иногда давая понять послѣднимъ, что не мѣшало бы имъ угостить своихъ умершихъ родственниковъ, да поставить имъ свѣчку. Души безродныя, поколѣніе которыхъ угасло, также пользуются отпускомъ, но имъ уже некого посѣщать на землѣ, и онѣ безцѣльно странствуютъ по бѣлу свѣту, ища случайнаго номинальнаго угощенія.... На время отъ страстной недѣли до Троицы (точнѣе: до семика) всѣ души пользуются особою льготой прогуливаться на землѣ подъ покровомъ темноты... Но особенную свободу разгуливать по землѣ втеченіе этого времени почему-то получаютъ вообще вредные при жизни люди — колдуны и разные плуты, которые всячески обижаютъ живыхъ: топчутъ посѣянный хлѣбъ, производятъ семейныя ссоры, воруютъ скотъ и пр. Потому-то черемисы въ это время особенно усердно поминаютъ при всякой ѣдѣ не только своихъ родныхъ, но и чужихъ, безродныхъ покойниковъ, откладывая для нихъ по куску блина и отливая по нѣсколько капель нива²⁾.

Изложенныя здѣсь черемисскія воззрѣнія на заложныхъ вполнѣ аналогичны съ русскими повѣрьями. Мы не предпріимаемъ вопроса о взаимоотношеніи финскаго и ту-рецкаго культа заложныхъ покойниковъ къ соответствующему русскому культу; вопроса этого мы и не ставимъ въ своей настоящей статьѣ. Но, конечно, никто и никогда не станетъ сомнѣваться въ томъ, что черемисское названіе седьмого четверга по Пасхѣ «сѣмыкъ» взято отъ русскихъ. Праздникъ этотъ — поминальный, какъ у черемисъ, такъ и у русскихъ. Если же говорить хотя бы о частичномъ заимствованіи даннаго праздника отъ русскихъ, тогда не будетъ смѣлымъ сдѣлать слѣдующій выводъ: въ полную параллель русалкамъ, заложныя покойники-мужчины получаютъ особенную возможность вредить людямъ около семика. Въ русской мнѳологіи это обстоятельство уже забылось, но черемисы его помнятъ.

Изъ народностей турецкой группы культъ заложныхъ покойниковъ отмѣчаютъ у якутовъ; покойники эти извѣстны у нихъ подъ именемъ *ерь*. Обыкновенная продолжительность жизни человѣка считается у якутовъ въ 70 лѣтъ, а всѣ умершіе ранѣе этого срока считаются умершими случайно; «души (*кутѣ*) этихъ послѣднихъ ранѣе надлежащаго срока похищаются какимъ нибудь злымъ духомъ, который воплощается въ нихъ и послѣ смерти ихъ блуждаетъ по землѣ, называясь его — умершаго — именемъ. Это называется *ерь* (воплощеніе злого духа) и они оказываютъ покровительство какой нибудь мѣстности, любимой умершимъ». Ери шумятъ и поютъ,

1) Башкиры Челябинскаго и Екатеринбургскаго уѣздовъ, по нашимъ наблюденіямъ, дѣлаютъ нѣчто подобное же (такъ назыв. *алимъ*). Калъ здѣсь — символическая жертва больного.

2) Всѣ данныя о бесермянахъ собраны нами лично лѣтомъ 1909 года.

1) С. Кузнецовъ, Культъ умершихъ и загробныя вѣрованія луговыхъ черемисъ (Этнограф. Обзор. LXI, 1904, № 2, с. 105 — 106).

2) Тамъ же, с. 103 — 104.

как люди. Ери причиняет людям такіе же болѣзни, отъ которыхъ умерло данное лицо, воплощеніе еря. Ерей не любятъ и не уважаютъ, но нѣкоторыхъ изъ нихъ сильно страшатся; ихъ изгоняютъ изъ юрты шаманы. Въ душу младенцевъ ерь не воплощается¹⁾.

Нѣсколько иначе излагаетъ якутское воззрѣніе на заложныхъ покойниковъ В. Ф. Трошанскій. У него читаемъ: «Души нѣкоторыхъ покойниковъ, не желая удалиться отъ своихъ прежнихъ жилищъ, блуждаютъ около ихъ. Общее названіе такихъ дунъ — «ѳѳр». ѳѳр'ями становятся только взрослые и молодые: не могутъ ими быть ни дѣти, ни старики. Въ недавнее время получилъ извѣстность въ качествѣ ѳѳр'я *зарпзавиійся* нѣсколько лѣтъ тому назадъ голова Ботурускаго улуса, Егоръ Николаевъ. Вообще же, появленіе ѳѳр'ей — довольно заурядное явленіе, такъ какъ каждый, умершій болѣе или менѣе молодымъ и въ разцвѣтѣ силъ, можетъ стать имъ при извѣстныхъ (?) условіяхъ. ѳѳръ наноситъ вредъ своимъ родственникамъ и друзьямъ, а отъ враговъ убѣгаетъ, если встрѣтится съ ними. При всемъ томъ, ѳѳръ всегда вселяетъ страхъ, и на далекомъ разстояніи отъ своего жилища зовется абасы (злой духъ). Но ѳѳр'и не все одинаково страшны: нѣмые, глухіе, слѣпые и низшіе работники, т. е. тѣ, которые и при жизни были безобидными, и въ качествѣ ѳѳр'ей наименѣе способны вредить. Такимъ образомъ, — подводитъ В. Трошанскій итоги своимъ разсужденіямъ, изъ конхъ мы приводимъ лишь небольшое, — нужно думать, что въ ѳѳр'ей, вообще говоря, обращались *умершіе до предѣльнаго возраста*; нѣкоторые изъ нихъ, по прошествіи извѣстнаго времени, переставали насылать болѣзни и смерть²⁾.

Если якутскій «еръ» исполнѣ соответствуетъ русскому заложному, то «ѳѳр», кромѣ того, еще нѣсколько напоминаетъ и малорусскаго упыря, съ которымъ созвученъ и по своему имени.

У кизыльцевъ Минусинскаго уѣзда нѣсколько похожи на финскихъ кутысей туси — злые люди, напускающіе на людей разнаго рода болѣзни; имъ молятся для излѣченія отъ болѣзней и ради предупрежденія болѣзни, а также приносятъ нѣчто въ родѣ жертвъ. Къ сожалѣнію, о происхожденіи тусей мы ничего не знаемъ³⁾.

О чувашскихъ воззрѣніяхъ по интересующему насъ вопросу мы прямыхъ извѣстій не нашли. Но о существованіи у чувашъ аналогичныхъ же повѣрій о заложныхъ покойникахъ, въ частности о самоубійцахъ, свидѣтельствуетъ косвенно извѣстный чувашскій обычай, по которому кровно обиженный кѣмъ-либо чувашенинъ лишалъ

себя жизни черезъ повѣшеніе на воротахъ двора своего обидчика. Объясненіе этой своеобразной мести только тѣмъ, будто бы обидчика, на воротахъ дома коего найдены удушенникъ, «засудятъ» несправедливые судьи, — мы считаемъ недостаточнымъ; обычай, думаемъ мы, возникъ еще до появленія постоянныхъ судовъ у чувашъ; да и скрыть удушенника отъ судей въ старину было не такъ то трудно. Другое соображеніе, если удавившійся на дворѣ своего обидчика чувашенинъ поселялся тѣмъ самымъ на этомъ дворѣ — въ видѣ страшнаго загробнаго гостя: загробное существованіе заложнаго покойника, по общему воззрѣнію разныхъ народовъ, связано съ мѣстомъ его смерти; тогда онъ, конечно, получаетъ полную возможность отмстить своему обидчику, какъ бы силенъ и богатъ тотъ ни былъ, сторицею. — Новѣйшіе авторы, В. Магницкій и С. К. Кузнецовъ отрицаютъ самое существованіе чувашскаго обычая «сухой бѣды», считая его выдумкой полицейскихъ властей, которымъ де повѣрила въ свое время г-жа Фуксѣ. Но съ точки зрѣнія изложенныхъ нами народныхъ представленій объ удушенникахъ обычай «сухой бѣды» получаетъ глубокий смыслъ, и мы пока не видимъ необходимости отрицать его существованіе въ отдаленномъ прошломъ, тѣмъ болѣе, что онъ отмѣченъ еще и у вотяковъ, С. Макенковымъ.

Что же касается поминаній заложныхъ покойниковъ, то у чувашъ отмѣчена слѣдующая поминальная формула, произносимая ими въ концѣ общихъ поминковъ: «камалсаъ вилнѣ, сынсене, т. е. поминаю безродныхъ, обиженныхъ судьбою, которыхъ некому помянуть¹⁾.

Объ интересующемъ насъ культѣ у бурятъ разные наблюдатели говорятъ довольно различно. С. И. Подгорбунскій пишетъ о бурятской мифологіи: «Самая низшая ступень *бохолдоевъ*, извѣстная подъ именемъ *ухэръ-эзы*, образуется изъ душъ умершихъ преждевременно и насильственной смертью женщинъ; но существа эти живутъ на землѣ не долго, а именно столько, сколько умершій преждевременно субъектъ прожилъ бы на землѣ при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. По куда они исчезаютъ послѣ этого, сказать не умѣю²⁾. Что же касается вообще бохолдоевъ, то мнѣнія о нихъ у бурятъ весьма различны: одни представляютъ ихъ тѣмъ-то въ родѣ чертей; другіе же смотрятъ на нихъ, какъ на души умершихъ шамановъ — не знаменитыхъ (знаменитые идутъ на небо и дѣлаются зайнами)³⁾.

П. Н. Агапитовъ и М. Н. Хангаловъ сообщаютъ объ иркутскихъ бурятахъ, что у нихъ «*дахулами*» называются души умершихъ людей: бѣдныхъ мужицъ, дѣвицъ и молодыхъ замужнихъ женщинъ. Дахуль есть въ каждомъ улусѣ. Они вредятъ дѣтямъ, причиняя имъ нездоровье и иногда смерть. Взрослые буряты дахуловъ не

1) А. Слѣпцовъ, О вѣрованіяхъ якутовъ Якутской области (Извѣстія Восточно-Сибирск. Отдѣла Географ. Общ. XVII, 1886, № 1—2, с. 127—134).

2) Трошанскій, Эволюція черной вѣры у якутовъ, с. 82—86.

3) О тусяхъ см. Д. А. Клеменцъ въ Извѣстіяхъ Восточно-Сибирск. Отдѣла, XXIII, 1892, № 4—5, с. 23—34.

1) Извѣстія Общ. Археологіи, Ист. и Этнографіи, XIX, 248.

2) Подгорбунскій, Иден бурятъ шаманистовъ о душѣ (Извѣстія Восточно-Сибирск. Отдѣла, XXII, 1891, № 1, с. 27).

Живая Старина. 1911.

Глава II. Особый способ погребения покойников, умерших неестественною смертью, у русских.

Связанное съ погребеніемъ заложныхъ древне-русское народное суевѣріе. — Свидѣтельства о немъ еп. Серапіона и Максима Грека. — Борьба между духовенствомъ и народомъ по вопросу о способѣ погребенія заложныхъ. — Компромиссная практика, возникшая въ результатѣ этой борьбы. — Исторія убогихъ домовъ. — Терминъ «заложныя». — Названія убогихъ домовъ. — Мѣстоположеніе ихъ. — Уничтоженіе убогихъ домовъ правительствомъ. — Современныя народныя суевѣрія, связанныя съ погребеніемъ заложныхъ. — 18 историческихъ случаевъ такихъ суевѣрій. — Мѣсто погребенія заложныхъ въ наше время. — Связь современнаго вопроса о мѣстѣ погребенія заложныхъ съ стариннымъ вопросомъ о способѣ погребенія ихъ. — Бѣдствія, приписываемыя ненадлежащему мѣсту погребенія заложныхъ. — Обливаніе покойниковъ водою и значеніе его. — Двѣ гипотезы по вопросу о томъ, почему ненадлежащему погребенію заложныхъ приписываются неблагоприятныя климатическія явленія, и критика ихъ. — Народное объясненіе. — Домыслы о заимствованіи русскими особаго способа погребенія заложныхъ отъ сосѣдей-кочевниковъ. — Новыя мѣста погребенія заложныхъ: перекрестки дорогъ и подполье. — Заключение. — Особые способы погребенія заложныхъ у нѣкоторыхъ другихъ народовъ.

Рѣзкое выдѣленіе «заложныхъ покойниковъ» изъ числа всѣхъ другихъ умершихъ ярче всего сказалось у русскихъ въ погребальныхъ обрядахъ: для «заложныхъ» существовалъ особый способъ погребенія. Вопросъ объ этомъ способѣ для насъ особенно интересенъ въ томъ отношеніи, что о немъ мы имѣемъ сравнительно очень древнія свѣдѣнія — отъ XIII-го вѣка. При рѣшеніи вопроса объ отношеніи русскаго культа заложныхъ къ финскому, это обстоятельство будетъ имѣть большое значеніе.

Русскій народъ избѣгаетъ захороненія заложныхъ покойниковъ въ землѣ. Закапываніе такихъ покойниковъ въ землю ведетъ за собою, по народному мнѣнію, неблагоприятныя для произрастанія хлѣбовъ климатическія явленія. А такъ какъ церковь, равно какъ и христіански настроенные родные заложныхъ покойниковъ хоронили этихъ послѣднихъ, по общему правилу, въ землѣ, — то трупы погребенныхъ въ землѣ заложныхъ покойниковъ нерѣдко потомъ выгребались изъ земли. Это народное суевѣріе вызывало протесты со стороны пастырей церкви. Два такихъ древнихъ церковныхъ протеста-поученія сохранились до насъ.

Русскій проповѣдникъ XIII-го вѣка, владимірскій епископъ Серапіонъ († 1274 г.) въ своемъ «словѣ о маловѣрїи» возстаетъ противъ слѣдующаго народнаго суевѣрія своего времени: современники Серапіона выгребали изъ земли похороненныхъ удавленниковъ и утопленниковъ, желая чрезъ это избавиться отъ какихъ-то народныхъ бѣдствій. «Нытъ же гнѣвъ божїи видящи, и заповѣдаете: хто буде удавленника или утопленника погребль, не погубите люди сихъ, выгребите. О, безумье злое! о, маловѣрье!... Симъ ли Бога умолите, что утопла или удавленника выгрести? симъ ли божию казнь хотите утишити?»¹⁾ Въ поученіи не сообщается,

1) Е. В. Пѣтуховъ, Серапіонъ Владимірскій, русск. проповѣдникъ XIII вѣка. Спб. 1888, прибавленіе, с. 14.

по поводу какого народнаго бѣдствія все это происходило, но есть основанія связывать данное поученіе еп. Серапіона съ голодомъ 1273 года¹⁾. Въ поученіи есть указанія именно на «скудость» (голодь), а также на неблагоприятную засуху и холодъ; а ниже мы увидимъ, что заложныхъ покойниковъ выгребали изъ земли именно во время весеннихъ заморозковъ и засухи.

Среди сочиненій прибывшаго въ Россію въ 1506-мъ году писателя Максима Грека извѣстно, между прочимъ, «посланіе на безумную прелесть и богомерскую мудрствующую, яко погребанія для (т. е. ради, вслѣдствіе) утопленнаго и убитаго бывають плодотворныя стужы земныхъ прозябень». Уже изъ этого самаго заглавія видно, что погребенію заложныхъ покойниковъ современники Максима Грека приписывали именно вымерзаніе весеннихъ посѣвовъ. Содержаніе самаго «посланія» не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Сказавъ о гуманномъ обращеніи съ трупами покойныхъ въ Греціи, Максимъ Грекъ продолжаетъ далѣе: «Мы же православїи кїи отвѣтъ сотворимъ въ день судный, тѣлеса утопленныхъ или убитыхъ и поверженныхъ не сподобляюще я погребанію, но на поле извлекаше ихъ, отынемъ колемъ. И еже беззаконѣйше и богомерско есть, яко *еще случится въ веснѣ студенымъ отроумъ вѣяти* и симъ садимая и сѣмая нами не пресѣвають на лучшее,... *еще увѣмы нѣкоего утопленнаго или убитаго незадвна погребена,... раскопаемъ окапнаго и извержемъ его нѣтъ далъ* и не погребена покиннемъ,... по нашему по премногу безумію *виновно стужу* мнѣше погребеніе его»²⁾.

И изъ поученія епископа Серапіона, и изъ «посланія» Максима Грека съ очевидностью явствуетъ, что въ тѣ времена, несмотря на народное убѣжденіе во вредности погребенія «заложныхъ покойниковъ» черезъ обычное закапыванье въ землю, случаи такого погребенія ихъ встрѣчались и, что особенно важно, православная церковь защищала именно эту самую практику, отрицаемую народнымъ обычаемъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что эти исключительные случаи, идущіе въ разрѣзъ съ стариннымъ народнымъ убѣжденіемъ, происходили именно подъ вліяніемъ и при участіи церкви: другого авторитета, который бы вступилъ въ борьбу съ общимъ народнымъ убѣжденіемъ, въ данномъ случаѣ подыскать трудно.

Замѣчательно, что о церковномъ обрядѣ отпѣванія заложныхъ покойниковъ въ данномъ случаѣ нѣтъ рѣчи. Народъ возставалъ только противъ закапыванья заложныхъ въ землю; напротивъ, церковные іерархи требовали, чтобы и погребаемые безъ церковнаго отпѣванія и поминовень, — наприм. самоубійцы, — были зары-

1) Полн. собран. русск. лѣтописей, X, 151 (Никоновск. лѣтоп.). Проф. Пѣтуховымъ (тамъ же, с. 23 — 24) доказано, что данное пятое поученіе Серапіона написано не ранѣе 1273 года.

2) Сочиненія преподобнаго Максима Грека, изданныя при Казанской Духовной Академіи. Часть III. Казань, 1862, с. 170 — 171.

ваемы въ землю. Такъ, митрополитъ Фотій въ своемъ поученіи къ псковскому духовенству въ 1416 г. говорить: «а который отъ своихъ рукъ погубится, удавится или ножемъ изободется, или въ воду себя ввержетъ, ино по святымъ правиламъ тѣхъ не повелѣно у церковей хоронити, ни надъ ними пѣти, ни поминати, но въ пустѣ мѣстѣ *сз яму вложити и закопати*»¹⁾. И вообще, наши іерархи нерѣдко наказывали провинившихся чадъ Церкви лишеніемъ ихъ церковнаго *отпѣванія* и поминовенія, равно какъ и *мѣсто* погребенія иногда обращали въ орудіе наказанія или награжденія²⁾; по *способу* погребенія они всегда и вездѣ признавали только одинъ — черезъ закапыванье въ землю. Напротивъ, народъ, сколько мы знаемъ, ничего не имѣлъ противъ церковнаго отпѣванія заложныхъ покойниковъ³⁾, — по *способу* погребенія — черезъ закапыванье въ землю или безъ закапыванья — различалъ, какъ мы видѣли, очень строго.

Такимъ образомъ, въ старой Руси происходила своеобразная борьба, между духовенствомъ и Церковью съ одной стороны и между народомъ съ другой, по вопросу о погребеніи заложныхъ покойниковъ. Въ этой борьбѣ побѣдителемъ первоначально оказался, въ сущности, народъ. Тотъ особенный способъ погребенія заложныхъ покойниковъ, который извѣстенъ подъ именемъ «погребенія *сз убогомъ домѣ*», мы можемъ назвать не иначе, какъ компромисснымъ: Церковь въ данномъ случаѣ пошла на компромиссъ съ старымъ народнымъ обычаемъ и, въ сущности, уступила этому послѣднему.

«Въ старое время у насъ особеннымъ образомъ погребали людей, умиравшихъ несчастными и внезапными смертями, — удавленниковъ, утопленниковъ, замерзшихъ, вообще самоубійцъ и умиравшихъ одночасно на дорогахъ и на поляхъ. Ихъ не отпѣвали и не клали на кладбищахъ при церквахъ, а неотпѣтыхъ отвозили на такъ называемые убогіе дома, иначе божедомы или божедомки и скудельницы, которыя находились внѣ городовъ, на вполяхъ. Эти убогіе дома были не что иное, какъ большія и глубокія ямы, иногда имѣвшія надъ собою «молитвенные храмы», по просту сараи, иногда же, кажется, нѣтъ. Въ эти ямы клали и бросали тѣла и оставляли ихъ *не засыпанными* до 7 четверга по Пасхѣ или до семика. Въ этотъ

1) Акты Историческіе, т. I, № 22, с. 46.

2) Между прочимъ, духовенство боролось съ обычаемъ судебныхъ поединковъ, лишая убитыхъ на такихъ поединкахъ (на поляхъ) церковнаго погребенія (Акты Археогр. Экспедиціи, т. I, с. 462, № 369). Патріархъ Адріанъ въ своей уставной грамотѣ 1698 г. очень подробно изложилъ, гдѣ и какъ хоронить разныхъ заложныхъ покойниковъ; между прочимъ онъ предполагаетъ полную возможность того, что будутъ «бить челомъ о похоронной памяти» такого заложнаго покойника, отпѣвать котораго по правиламъ не слѣдуетъ (Временникъ И. Общ. Ист. и Древн. Россійск. XI, 1851, смѣсь, с. 30 и др.).

3) Родные хотѣли этого, конечно, по естественной любви къ несчастному покойному, чужіе — думалъ, что такимъ способомъ опасный, пугающій людей и скотъ, покойникъ сдѣлается безвреднымъ или, по крайней мѣрѣ, менѣе опаснымъ.

послѣдній посылались священники отпѣть общую панихиду, а граждане, мужи и жены, приходили «проводить скудельницы», принося съ собою къ панихидѣ канонъ или кутью и свѣчи. Послѣ панихиды, пришедшіе проводить скудельницы мужи и жены Бога ради засыпали яму съ тѣлами и выкапывали новую»¹⁾.

Такими словами описываетъ старинный способъ погребенія заложныхъ покойниковъ въ убогихъ домахъ нашъ извѣстный историкъ церкви, Е. Голубинскій. При этомъ способѣ, такимъ образомъ, заложныхъ и не отпѣвали, но и не закапывали, въ свое время, въ землю, а оставляли на поверхности земли (вплоть до семика, т. е. иногда почти въ продолженіе цѣлаго года), какъ того и требовалъ народный обычай²⁾.

Когда появились «убогіе дома» въ Россіи, мы не знаемъ, но первое упоминаніе о нихъ находимъ въ Новгородской лѣтописи уже въ 1215 году (по время мора «поставиша скудельницу, и наметаша полу»). Въ 1230 году архіепископъ Спиридонъ поставилъ второй разъ скудельницу у св. Апостолъ въ ямѣ на Прусской улицѣ³⁾. Судя по словамъ лѣтописи, это были первые убогіе дома въ Новгородѣ, а можетъ быть и въ Россіи вообще; но эти скудельницы строились во время мора, а не въ обычное время, т. е. не были собственно тѣмъ, чѣмъ они стали впоследствии. Объ убогихъ домахъ на югѣ Россіи, въ Кіевѣ⁴⁾ и около, мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ; что же касается Москвы, то въ ней убогіе дома, безусловно, были⁵⁾, но уже въ позднее, сравнительно, время. И еще Максимъ Грекъ говоритъ не о постоянныхъ и общихъ, а о временныхъ и случайныхъ убогихъ домахъ: «на поле извлекше ихъ (тѣла заложныхъ), *отынаемъ коломъ*», и, что особенно важно, онъ не только не одобряетъ погребенія въ убогихъ домахъ, но даже явно называетъ его беззаконнымъ и нехристіанскимъ обычаемъ, за который придется давать отвѣтъ Богу въ день судный; все это было бы нѣсколько странно, если бы московское правительство того времени признало и узаконило убогіе дома, какъ это

1) Е. Голубинскій, Исторія русской церкви. Изд. 2-ое. М. 1904. Т. I, 2-ая полов., с. 459 — 460. Срв. Н. Костомаровъ, Очеркъ домашней жизни и нравовъ великор. народа въ XVI и XVII стол., с. 178.

2) Иностранцы путешественники, наприм. Флетчеръ и Маржеретъ, не поняли этого обычая и объяснили его тѣмъ, будто зимою земля отъ холода твердеетъ такъ, что нельзя рыть ямъ; не поняли они и того, кого такимъ образомъ хоронили. Принцъ (16 в.) говоритъ о погребеніи въ убогихъ домахъ трижды въ годъ, что также не вѣрно.

3) И. М. Снегиревъ въ своей статьѣ «О скудельницахъ или убогихъ домахъ» (Труды и Записки Общ. Исторіи и Древн. Россійск. III, кн. 1. М. 1826, с. 252) ошибочно считаетъ извѣстіе 1230 г. первымъ упоминаніемъ объ убогихъ домахъ, хотя, правда, въ лѣтописи и есть тому основаніе. Въ 1-ой Новгород. лѣтописи подъ 1230 г. читаемъ: «и вложи Богъ въ сердце благое створити архіепископу Спиридону: и постави скудельницу».

4) И. М. Снегиревъ (тамъ же, с. 263) говоритъ о существованіи въ Кіевѣ «усыпальницъ», но это нѣчто совсѣмъ иное: въ усыпальницѣ ставятъ *отытныя* тѣла и *сз тробать*.

5) См. Карамзинъ, Исторія Госуд. Росс., т. 7, изд. 2, с. 219 — 220; Снегиревъ, тамъ же, с. 255.

случилось впоследствии. Сказать и то, что если бы в то время существовали постоянные и общие убогие дома, то трупы выкопанных из могилы заложных проще всего было бы бросать именно в эти дома; между тем, по словам Максима Грека, их тогда бросали просто «и҃гдѣ далѣ».

Такие временные и случайные сооружения, для каждого отдельного заложного покойника, существовали, конечно, прежде убогих домов. В селах же и деревнях, где большого скопления заложных покойников никогда не бывало, только и могли быть такие временные сооружения. От них то, как нужно думать, и ведет свое начало самый термин «заложные покойники», существующий теперь, кажется, только на Вяткѣ. В Уржумском уездѣ Вятской губернии под именем *заложных* известны теперь покойники — «в лѣсу заблудившіеся, без вѣсти потерявшіеся, в рѣкѣ утонувшіе, отцомъ-матерью проклятые и бѣсомъ похищенные»¹⁾. По другимъ свѣдѣніямъ изъ Вятской же губернии, заложные суть «самоубійцы, погребенные безъ отпѣванія»²⁾. Одинъ наблюдатель изъ Слободского уѣзда той же губернии приводитъ этотъ терминъ в нѣсколько иномъ, быть можетъ болѣе древнемъ, видѣ: *заложенные*³⁾.

Мы понимаемъ терминъ заложные в смыслѣ: заложенные, закладенные досками или колыями («отыняемъ коліемъ» Максима Грека), в отличіе отъ зарытыхъ в землю, собственно похороненныхъ. По такому толкованію, терминъ этотъ отразилъ в себѣ тотъ способъ погребенія, о которомъ говоритъ Максимъ Грекъ и который привелъ потомъ къ устройству особыхъ убогихъ домовъ или скудельницъ.

Чтобы покончить съ убогими домами, замѣтимъ еще, что все названія ихъ носятъ книжный характеръ, и это обстоятельство лишній разъ доказываетъ, что они были созданы и выдуманы книжными людьми. Официальнымъ названіемъ было «убогій домъ», которое обыкновенно и встрѣчается в актахъ. Напримѣръ, когда 9 іюня 1705 г. около города Шуи «на посацкой землѣ объявилось незнаемо-какого человека мертвое тѣло», то мѣстный сотникъ просилъ по этому поводу Государя: «вели, Государь, в Шуѣ изъ приказной избы послать кого пригоже, и то мертвое тѣло досмотра записать и съ позыму (?), буде явятся родственники, или *отъ убогой домъ* свезть»⁴⁾. Названіе это должно было означать: «домъ для убогихъ, для тѣхъ бѣдныхъ людей, у кого по смерти не оказывалось родныхъ или другихъ близкихъ

1) В. К. Магницкій, Повѣрья и обряды в Уржумскомъ уездѣ, № 256 (изъ «Памятной Книжки Вятской губ.» на 1884 годъ).

2) Н. М. Васнецовъ, Матеріалы для объяснительнаго областного словаря Вятскаго говора. Вятка, 1908, с. 77.

3) М. И. Куроптевъ, Слободской уездъ Вятской губерніи в географич. и экономич. отношеніяхъ. Вятка, 1881, с. 202 (словарикъ Шишкина).

4) В. Борисовъ, Описаніе города Шуи, с. 380, № 65. Другія цитаты см. у Снегирева, с. 246 и др.

лицъ, которые могли бы погребсти мертвого». Названіе это составлено в ненародномъ духѣ. В просторѣчій оно звучало обычно «божедомъ», «боже-домка». Иностранецъ Флетчеръ ошибочно записалъ вмѣсто того «Божій домъ». — Книжные же, конечно, люди перенесли на эти дома названіе скудельница, взятое отъ евангельскаго «седа (поля) скудельничя», что близъ Іерусалима, купленного іудейскими первосвященниками за 30 сребренниковъ и предназначеннаго для погребенія чужестранцевъ (Ев. Мате. XXVII, 7). Изрѣдка встрѣчаются еще названія: *гноище* и *буйвище*.

По всей вѣроятности, идея созданія постоянныхъ убогихъ домовъ принадлежитъ высшему духовенству, которое не могло, конечно, видѣть равнодушно того, какъ христіанскіе трупы выбрасывались «и҃гдѣ далѣ» и валялись на землѣ непокрытыми. Евангельское «поле скудельниче» придавало какъ бы библейскую окраску этимъ сооружениямъ. Но, повторяемъ, и҃что в родѣ временныхъ убогихъ домовъ — простыя загородки около трупа заложного покойника, чтобы трупъ этотъ не былъ растерзанъ хищными звѣрями, могли и даже, пожалуй, должны были существовать и ранѣе, уже по народной инициативѣ. Характерно, однако же, что и патриархъ и царь присутствовали на погребеніи покойниковъ в московскомъ убогомъ домѣ в семикѣ¹⁾.

Вопросъ о томъ, гдѣ именно, в какомъ мѣстоположеніи (на равнинахъ? горахъ? около рѣкъ?) устраивались убогіе дома, представляетъ для насъ большой интересъ, такъ какъ изъ того, что мы узнаемъ ниже, вполне естественнымъ представляется выводъ, что надлежащимъ мѣстоположеніемъ для такихъ домовъ должны были служить мѣста сырыя, низменные, «мочажинныя». Но наши свѣдѣнія по этому вопросу весьма ограничены. Кромѣ того, убогіе дома устраивались болѣе частью церковной и свѣтской администраціей, которая врядъ ли всегда считалась съ народными на этотъ предметъ взглядами.

Въ гор. Арзамасѣ Нижегородской губерніи убогій домъ стоялъ прежде «по скату берега рѣки Тешы», близъ села Ивановаго, верстахъ в трехъ отъ стараго города. В 1748-мъ году здѣсь было построено новое зданіе убогаго дома, уже в другомъ мѣстѣ, на юго-востокъ отъ города, «на полугорѣ»; это было каменное зданіе съ крышею на два ската, на конькѣ которой былъ восьмиконечный деревянный крестъ. Впоследствии, послѣ закрытія убогихъ домовъ, это каменное зданіе убогаго дома (едвали не единственное в Россіи: в другихъ мѣстахъ вездѣ это были легкія деревянные сооружения) служило, кажется, войсковою копошнейю; по крайней мѣрѣ, известно, что в 1809-мъ году в этомъ зданіи былъ настантъ уфимскимъ полкомъ²⁾.

1) Патриархъ антиох. Макарій, Путешествіе в Россію. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса. Вып. IV. М. 1898, с. 28.

2) Нижегородскія Губернскія Вѣдомости, 1850, № 13, статья П. Пискарева «Арзамасскіе убогіе дома».

Въ гор. Вяткѣ часовня, расположенная на мѣстѣ — или, по крайней мѣрѣ, около — прежняго убогаго дома, стоитъ надъ такъ называемымъ Раздерихинскимъ спускомъ, т. е. надъ оврагомъ, неподалеку отъ рѣки Вятки. Въ гор. Уржумѣ Вятской губерніи заложныя въ былые годы погребались «на окраинѣ лѣваго берега рѣчки Шиньрки, въ концѣ пынѣшней Полстоваловской улицы»¹⁾; мѣсто это находилось прежде за городомъ, а теперь лежитъ уже въ чертѣ города.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ видимъ, убогіе дома расположены были неподалеку около рѣкъ; но общимъ правиломъ это обстоятельство, кажется, не было.

Намъ извѣстно еще о существованіи прежде убогихъ домовъ въ городахъ (кроме упомянутыхъ выше): Вологдѣ, Дедюхинѣ, Каѣ Вятской губ., Кузьмодемьянскѣ, Слободѣ Кукаркѣ Вятской губ., Ростовѣ Ярославской губ., Смоленскѣ (въ 1230 г., по лѣтописи), Соликамскѣ, Устюгѣ Великомъ, Ярославлѣ и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ XVIII вѣкѣ правительство принимаетъ мѣры къ уничтоженію убогихъ домовъ. Первый указъ на этотъ счетъ, изданный императрицей Анной Іанновной, не имѣлъ, какъ кажется, никакихъ практическихъ результатовъ. Но указомъ Екатерины Великой 25 марта 1771 года погребеніе въ убогихъ домахъ было прекращено раз навсегда. Передаютъ, что эта императрица сама полюбопытствовала заглянуть въ убогій домъ, и это обстоятельство рѣшило судьбу этихъ оригинальныхъ сооружений. Не безъ вліянія осталась, вѣроятно, и московская чума 1771 года; хоронить покойниковъ при церквяхъ было запрещено, устроены общія кладбища, на которыхъ повелѣно хоронить своевременно и заложныхъ покойниковъ, — и убогіе дома оказались излишними. Если мы изрѣдка встречаемся съ случаями погребеній въ убогихъ домахъ и послѣ 1771 г., то это было только въ захолустьяхъ, гдѣ «до царя далеко». Такъ, въ гор. Дедюхинѣ Пермской губерніи еще въ 1798 году были похоронены въ убогомъ домѣ 26 человѣкъ, утонувшихъ весною этого года при переправѣ въ гнилой лодкѣ черезъ городской каналъ²⁾. Но мѣстный убогій домъ устроенъ былъ, какъ кажется, на кладбищѣ: по крайней мѣрѣ теперь онъ находится въ чертѣ городского кладбища; убогимъ домомъ называютъ теперь здѣсь древнюю часовню, близъ которой находятся «двѣ могилы въ видѣ огромныхъ чашъ, углубленныхъ въ землю»³⁾.

Но если правительству не трудно было уничтожить убогіе дома, учрежденіе чисто городское и притомъ полускуственного происхожденія, — то этимъ вопросъ о погребеніи заложныхъ покойниковъ далеко еще не былъ исчерпанъ. Старинное народное убѣжденіе въ необходимости особаго способа погребенія заложныхъ покой-

1) В. Магницкій, Особенности въ говорѣ русскихъ крестьянъ Уржумскаго у., подъ сл. заложный (Извѣстія Общ. Археол., Ист. и Этнограф. при Казанск. у-тѣ, т. 5, 1885 г.).

2) Пермскія Епархіальныя Вѣдомости, 1867, с. 86, статья С. И. С. «Семики и убогій домъ въ Дедюхинѣ, Соликамскаго уѣзда».

3) Тамъ же, стр. 86.

никовъ сохранилось во всей силѣ и до нашихъ дней. А такъ какъ теперь никто не считается съ этимъ убѣжденіемъ и никакихъ компромиссныхъ учрежденій — каковыми были убогіе дома — болѣе не существуетъ, то жертвою этого убѣжденія за послѣднее столѣтіе сдѣлалась не одна сотня деревенскихъ мужичковъ, которые въ засушливые годы вырывали заложныхъ покойниковъ изъ могилъ и за это шли въ тюрьмы.

«Нашъ крестьянинъ, — пишетъ одинъ наблюдатель изъ Силинской волости Симбирской губерніи, — съ большимъ негодованіемъ смотритъ на то, что въ послѣднее время стали хоронить на кладбищахъ опойцевъ; онъ твердо убѣжденъ, что это — отступленіе отъ старинныхъ обычаевъ, тяжкій грѣхъ, и неминуемо влечетъ за собою *бездождіе и неурожай*; по его мнѣнію, приличное мѣсто для зарытія такого мертвеца — гдѣ-нибудь *въ глухомъ лѣсномъ оврагѣ*, а потому онъ дорого бы заплатилъ, чтобы измѣнить въ этомъ отношеніи распоряженіе правительства; и если случается похоронить подобнаго покойника на кладбищѣ и при зарытіи его не находится священно-церковнослужителей, то, въ отвращеніе предстоящихъ несчастій, они не отпускаютъ гробъ въ могилу, а *бросаютъ* его туда, втыкая вокругъ гроба осиновые колья»¹⁾.

Другой наблюдатель, изъ Бугульминскаго уѣзда Самарской губерніи, говоритъ о мѣстномъ народномъ суевѣріи, въ силу котораго «тѣла замерзшихъ, утонувшихъ и особенно опившихся, въ случаѣ преданія ихъ землѣ на общемъ кладбищѣ, наводятъ на жителей различныя бѣдствія, въ родѣ *бездождія, мора* на людей или скотъ и т. п.»²⁾.

Подобныхъ наблюденій и замѣчаній, проникшихъ въ мѣстныя газеты болѣею частью по случаю преступнаго выкапыванія изъ земли заложныхъ покойниковъ, въ нашемъ распоряженіи не мало. Мы ихъ приведемъ всею полностью, съ цѣлью возможно точнѣе установить: во-первыхъ, какія именно бѣдствія приписываются обычному погребенію заложныхъ, во-вторыхъ, что дѣлается въ такихъ случаяхъ съ трупомъ заложнаго — и, въ третьихъ, по всей Россіи или только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранилось старинное народное убѣжденіе въ необходимости особаго способа погребенія для заложныхъ покойниковъ?

Въ Самарской губерніи май мѣсяцъ 1873 года стоялъ холоднымъ и засушливымъ. 10 мая былъ морозъ въ 4° ниже нуля, и озими на поляхъ замерзли; 12 мая морозъ повторился (1/2° ниже нуля); 18 и 21 мая термометръ стоялъ на 1° ниже нуля, а 19 — на нулѣ. Вслѣдствіе одновременнаго бездождія, морозы эти оказали очень пагубное вліяніе на посѣвы³⁾. — Суевѣрный народъ, какъ всегда бываетъ въ

1) Симбирскія Губернскія Вѣдомости, 1866, № 5.

2) Самарскія Губернскія Вѣдомости, 1873, № 56.

3) Тамъ же.

такихъ случаяхъ, некалъ виновниковъ этого бѣдствія и нашель ихъ въ заложныхъ покойникахъ, похороненныхъ на общемъ кладбищѣ. Въ одномъ Бугульминскомъ уѣздѣ было весною этого года нѣсколько случаевъ разрытія могилъ заложныхъ. А именно:

№ 1. Въ приходѣ села Туарма Бугульминскаго уѣзда два крестьянина деревни Баладасовой замерзли зимой 1872 года и похоронены были на кладбищѣ по христіанскому обряду. 15 іюня 1873 года четыре челоѣка ихъ «вырыли и похоронили на другомъ мѣстѣ». За двѣ недѣли до этого прихожане села Туармы посылали священнику депутацію съ просьбою о разрѣшеніи выкопать изъ могилъ эти злополучные трупы и «перенести ихъ для похоронъ куда-либо *въ неизмѣнное и мочажинное мѣсто*»¹⁾.

№№ 2—3. 19 іюня того же года крестьянка села Сумарокова Бугульминскаго уѣзда заявила властямъ, что трупъ ея мужа, замерзшаго дорогомъ въ декабрѣ 1872 года и похороненнаго по христіанскому обряду на общемъ кладбищѣ, 17 іюня жителями села Сумарокова вырытъ изъ могилы, *изрубленъ на части и неизвестно куда скрытъ*.

Въ томъ же мѣсяцѣ на кладбищѣ деревни Каменки оказались разрытыми три могилы — двѣ могилы взрослыхъ покойниковъ и одна младенца. «По дознанію оказалось, что крестьяне замѣтили на кладбищѣ отверстіе въ родѣ провала, сочли умершихъ за *колдуновъ*, которые имѣютъ вліяніе на *отводъ дождевыхъ тучъ*. На сходѣ рѣшили разрыть эти могилы и, переложивъ тѣла ихъ *внизъ лицомъ, налить воды* и потомъ снова зарыть сколь можно прочно»²⁾.

№ 4. Во время сильной засухи 1864 года, крестьяне Николаевского и Новоузенскаго уѣздовъ Самарской же губерніи «вообразили, что засуха отъ того, что близъ церкви на кладбищѣ зарытъ опившійся. Поднялась сильная тревога во всемъ селѣ. Мужики цѣлымъ селомъ разрыли мертвеца и *утопили въ тинѣ грязнаго озера*. Это извѣстно официальнымъ порядкомъ». — «Во многихъ и многихъ селахъ — добавляетъ корреспондентъ³⁾, — повторилась та же исторія съ мертвыми опойцами и зарытыми на кладбищѣ колдунами, но все это скрыто тѣмъю ночи и мракомъ неизвестности».

№ 5. Въ томъ же 1864 году аналогичный случай отмѣченъ въ Саратовской губерніи. А. Н. Минихъ въ своемъ описаніи Колѣнской волости Аткарскаго уѣзда сообщаетъ о народныхъ повѣрьяхъ въ этой волости, между прочимъ, слѣдующее: «Причиной бездождія бываютъ похороненные на общемъ кладбищѣ «опойцы» (опив-

шіеся) и, чтобы помочь горю, надо опойцу вырыть изъ могилы и бросить въ воду. — Лѣтомъ 1864 года стояла сильная засуха; хлѣбъ и трава «горѣли» (сохли) на корню... Въ господскомъ *прудѣ* оказался гробъ и торчавшій изъ него мертвецъ: на кладбищѣ была разрыта могила. Покойникъ былъ бѣдняковскій мужикъ и сильный пьяница. Народное суевѣріе, желая вызвать дождь, рѣшило — за немѣнѣемъ опойцы — *утопить покойника-пьяницу*¹⁾.

№ 6. Въ концѣ мая 1889 года, во время засухи, крестьяне одного изъ селъ Саратовскаго уѣзда «нашли нужнымъ разрыть одну могилу на кладбищѣ, въ которой былъ погребенъ опойца, съ тѣмъ, чтобы перенести и зарыть трупъ несчастнаго на другое мѣсто, особо отъ прочихъ, вѣри, что засуха должна прекратиться съ совершеніемъ этого святотатственнаго дѣла»²⁾.

Это краткое сообщеніе нѣсколько дополняетъ разсказъ В. Карпинской «Страшное дѣло»³⁾, имѣющей въ виду тотъ же самый случай. Извлекаемъ изъ этого полу-беллетристическаго разсказа одно замѣчаніе, вложенное въ уста крестьянина и едва ли не взятое изъ судебного дѣла: «По нашей губерніи все знаютъ, что коли засуху Богъ послалъ, стало надо какого-ни-наестъ опойцу вырыть изъ земли и *бросить въ болото, али въ воду*».

То же самое происшествіе имѣется въ виду, вѣроятно, и въ этой корреспонденціи Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей⁴⁾: «Въ селѣ Еланкѣ, Саратовскаго уѣзда, разрыли могилу опойцы, изъ суевѣрнаго убѣжденія, что смерть (?) опившагося влечетъ за собою засуху и что для устраненія ея необходимо разрыть могилу и трупъ опойцы *сложить по рыткѣ* или сбросить въ какое-нибудь *болото или трясиину*».

№ 7. И въ слѣдующемъ, въ 1890 году, «въ весенніе жары въ Саратовскомъ уѣздѣ повторился случай грубаго суевѣрія относительно покойника-опойцы, какъ якобы виновника засухи. Случай произошелъ на этотъ разъ въ селѣ Усовкѣ. Отрыли могилу на кладбищѣ, вытащили гробъ съ опойцей и выбросили его *на рычку Терешку*». По народному суевѣрію, «Богъ наказываетъ засухою за то, что похоронили опойцу на общемъ кладбищѣ»⁵⁾.

№ 8. Случай 1865 года изъ Силинской волости Симбирскаго уѣзда мы уже привели выше (стр. 379). Надлежащимъ мѣстомъ для могилы заложнаго покойника тамъ считается «глухой лѣсной *оврагъ*».

№ 9. Къ Симбирской же (или къ Тамбовской) губерніи относится слѣдующее

1) Саратовскій Сборникъ, I. Сар. 1881, стр. 169.

2) Саратовскія Губернскія Вѣдости, 1889, № 41, отъ 1-го іюня.

3) Тамъ же, № 68.

4) 1889 г. № 126.

5) Саратовскія Губернскія Вѣдости, 1890, № 44, отъ 10 іюня; статья «Крестьянское суевѣріе».

1) Тамъ же.

2) Тамъ же. Въ послѣднихъ словахъ газетной корреспонденціи нѣсколько сомнительно замѣчаніе, будто бы и младенца крестьяне сочли за колдуна.

3) С.-Петербургскія Вѣдости, 1865, № 47, отъ 27 февраля.

общее замѣчаніе о мѣстномъ народномъ суевѣріи: «во время засухи непременно есть гдѣ-нибудь «опоица», *которого не принимаетъ земля* (курсивъ, какъ и вездѣ, нашъ); потому его нужно вырыть изъ земли и *бросить въ болото*, чтобы пошелъ дождь»¹⁾).

Какъ видимъ, всѣ приведенные случаи относятся къ земледѣльческимъ губерніямъ волжскаго низовья. Большое обиліе здѣсь такихъ происшествій объясняется, вѣроятно, частыми засухами въ этомъ степномъ краѣ. Такое объясненіе примѣнимо также и къ Новороссіи, изъ которой намъ извѣстно пять случаевъ.

№ 10. Въ одной деревнѣ Екатеринославской губерніи удушилась женщина. Родные похоронили ее около кладбища, хотя и безъ церковнаго обряда отпѣванія. Народъ, однако же, загалѣлъ: «зачѣмъ наскудину около кладбища похоронили — ее по закону, какъ собаку, прямо *въ прорву* куда-нибудь *бросить*». Хотѣли было отрыть покойницу, но священникъ не позволялъ. — Вскорѣ послѣ этого приснился одной мѣстной женщинѣ сонъ: удушившаяся будто бы просила у ней воды напиться: «напойте, говорить, меня, тогда и дождь пойдетъ» (а дѣло было въ засуху). — «Какъ бы напоить?» — Задумались жители деревеньки; потомъ рѣшили и исполнили свое рѣшеніе: ночью отрыли злополучный трупъ и *вылили* на него три бочки воды²⁾).

№ 11. «Вотъ уже кончается вторая половина мая», — писалъ въ свое время корреспондентъ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» изъ Павлоградскаго уѣзда Екатеринославской губерніи: «а до сихъ поръ не выпало ни одного проливного дождя. Стоитъ жара... Крестьяне прибѣгаютъ снова къ своему давнему обычаю..., а именно: начинаютъ разрывать могилы и наполняютъ ихъ водою, вѣруя въ это, какъ въ спасительное средство отъ бездождія». И далѣе корреспондентъ рассказываетъ слѣдующій случай: «Въ селѣ Ивановкѣ Павлоградскаго уѣзда умеръ два года назадъ «знахарь» дидъ Срибинъ; онъ нѣсколько лѣтъ служилъ церковнымъ старостой³⁾. Послѣ его смерти въ народѣ прошелъ слухъ, что онъ не умеръ, а повѣлся, и что его братъ подкупилъ тѣхъ людей, которые сняли его изъ пети въ сараѣ и внесли въ хату. Въ 1886 году, послѣ продолжительной засухи, крестьяне разрыли его могилу и *вылили* въ нее четыре бочки воды; когда ѣхали за пятаю бочкою — пошелъ дождь. Въ 1887 году сначала каменный крестъ⁴⁾ съ злополучной могилы

1) Н., О недостаткахъ вѣры въ рускомъ народѣ (Духъ Христіанина, I, 1861—62 г., отд. 1, стр. 271).

2) Стень, 1886 г., № 25, стр. 380 (очеркъ Татьяны Сулимы «Прошлымъ лѣтомъ»).

3) Корреспондентъ не даетъ никакихъ комментаріевъ къ этому факту, но они ясны: очевидно, дидъ Срибинъ не считался и не былъ безбожнымъ, не былъ «колдуномъ», которымъ народъ приписываетъ сношенія съ нечистою силой, а только знахаремъ, — лѣкаремъ, знающимъ человѣкомъ.

4) Очевидно, въ предположеніи, что крестъ «давить» покойнаго знахаря?

вывезли далеко въ степь, разбили на мелкія части и бросили въ землю; потомъ откопали гробъ знахаря и свезли на самое *дно глубокаго яра*, что недалеко отъ села; сверху гроба навалили земли¹⁾).

№ 12. «Въ селѣ Ивановкѣ, Александровскаго уѣзда, года полтора тому назадъ повѣлся мѣстный крестьянинъ. Его похоронили, по распоряженію начальства, христіанскимъ обрядомъ на общемъ сельскомъ кладбищѣ. Мѣстное погубье гласить: разъ неестественно умершаго похоронять на общемъ для православныхъ кладбищѣ, а не въ уединенномъ, *отдаленномъ отъ села захолустномъ мѣстѣ*, то дождей лѣтомъ въ этой мѣстности не жди. Отъ бездождія тогда надо обливаться водою могилу погребеннаго. — Прошлое лѣто ивановскіе крестьяне, отъ засухи, украдкою по вечерамъ таскали къ кладбищу воду и *обливали могилу* удушенника, приговаривая:

«Обливаю, люю, —
Дай, Боже, ливень!
Дошки, припусти,
Избавь насъ напасти!»

Лѣтомъ 1887 года хотѣли было опять обливаться, но потомъ гробъ съ покойникомъ былъ выкопанъ, и перенесенъ *на обрывъ* за село»²⁾).

Два слѣдующихъ, почти тождественныхъ, случая изъ Новороссіи же, отличаются отъ всѣхъ приведенныхъ выше весьма существенно чертою: въ нихъ рѣчь идетъ не о «зложныхъ» покойникахъ, а *объ утырѣ* съ хвостомъ. По общимъ чертамъ между разсматриваемыми у насъ случаями и данными столь много, что мы приведемъ и эти послѣдніе.

№ 13. Жители деревни Кимбетъ близъ Аккермана приписали бездождіе 1867 года похороненному у нихъ на кладбищѣ челвѣку, по утвержденію женщинъ, *утырю*, который, по ихъ понятіямъ, имѣетъ хвостъ. Послѣ смерти, по ночамъ онъ выходитъ изъ могилы и ходитъ по домамъ; потомъ передъ разсвѣтомъ, когда запоютъ пѣтухи, возвращается въ могилу, гдѣ лежитъ ницъ; лицо его красно, тѣло его никогда не гниетъ... Думая, что этотъ упырь служитъ причиною бездождія и что эту причину можно устранить, если облить упыря водою въ гробу, — кимбетцы привезли двѣ бочки воды, раскопали могилу аршина на полтора, по направленію къ головѣ, и *вылили туда воду*. Говорятъ, что, когда это дѣлалось, къ могилѣ упыря сошло много народа»³⁾).

№ 14. Почти тождественный случай произошелъ въ Новороссіи же въ

1) Харьковскія Губернскія Вѣдомости, 1887, № 182, отъ 27 мая, статья С. Б—хива.

2) Новороссійскій Телеграфъ, 1887, № 3754, отъ 19 іюня, статья К.

3) Москва, 1867, № 98, отъ 3 августа; взято изъ Одесскаго Вѣстника.

1889 году. Въ селѣ Синокривѣ умеръ весной старикъ; слытъ онъ за *утиря* съ хвостомъ. Отъ бездождя трупъ его вырыли, *облили водой* и опять зарыли ¹⁾).

Нѣкоторые изъ приведенныхъ нами выше случаевъ (напримѣръ, 11 и 12) имѣютъ въ виду, почти безспорно, малорусское населеніе. Кромѣ нихъ, въ нашемъ распоряженіи имѣются случаи и изъ самой Малороссіи.

№ 15. Въ мѣстечкѣ Жашковѣ, Таращанскаго у., Кіевской губерніи, въ 1796 году вырыли изъ могилы тѣло повѣсившейся крестьянки, считавшейся знахаркою, и *сожгли кости* ея вмѣстѣ съ гробомъ, съ цѣлью избавиться отъ засухи ²⁾. Другіе совѣтовали: не жечь, а забросить въ болото.

№ 16. Въ Таращанскомъ же уѣздѣ въ 1868 году отрыли могилу, но уже не заложнаго покойника, а *старобрядца*. Били мертвеца по черепу, приговаривая: «давай дождя»; *лили воду* на мертвеца изъ рѣшета; потомъ зарыли его на прежнемъ мѣстѣ ³⁾.

№ 17. Изъ центральной Россіи намъ извѣстны только два историческихъ случая: Когда Дмитрій Самозванецъ погибъ насильственной смертью, онъ былъ погребенъ въ убогомъ домѣ за Серпуховскими воротами. Это было въ половинѣ мая 1606 года. Какъ нарочно, настали тогда сильные *морозы*, вредные для полей, садовъ и огородовъ. Поздніе холода эти москвичи приписали самозванцу, котораго народная молва (не правильно ли будетъ сказать: правительство?) обвиняла въ чародѣйствѣ. Они вырыли трупъ самозванца, *сожгли* его на Котлахъ и, смѣшавши пепелъ съ порохомъ, выстрѣляли имъ изъ пушки ⁴⁾.

№ 18. Въ предѣлахъ Курской губерніи сохранился оригинальный памятникъ — «голубецъ» на Красной полянѣ. Это развилчатый отрубокъ дерева, стоящій развилками къверху и покрытый вверху кровелькою. До недавняго, сравнительно, времени подъ этою кровлею, въ развилочкахъ голубца, лежала голова убитаго великана. По преданію, въ этой мѣстности происходила битва русскихъ съ погайцами; въ этой битвѣ со стороны погайцевъ выступилъ великанъ выдающейся силы, побившій весьма многихъ курянъ. Наконецъ, погайскій богатырь былъ поверженъ наземь удачнымъ выстрѣломъ изъ огромнаго кремневаго ружья, и ему тогда же отрубили голову. Послѣ битвы обезглавленный трупъ богатыря былъ сброшенъ и *затоптанъ въ близъ лежащую трясику* (жидкое и зыбучее болото), а для головы его устроили описанный выше *голубецъ*. (Съ этою головою убитаго великана происходили

потомъ своеобразные народные обряды, о которыхъ рѣчь у насъ будетъ ниже, въ главѣ о поминальныхъ обрядахъ въ честь заложныхъ). Колесницу, на которой везли въ трясику трупъ великана, толпа зашпилила, будто бы, въ родникъ, но тогда ключъ пересталъ бить изъ-подъ земли и смолкъ; когда же вода потомъ скопилась, то колесницу вдругъ выкинуло изъ родника сажень на семь далѣе — въ самую *трясику* ¹⁾).

Приведенные нами 18 случаевъ ²⁾ (изъ нихъ, правда, четыре случая не характерны, такъ какъ въ нихъ идетъ рѣчь не о заложныхъ покойникахъ: №№ 3, 13, 14 и 16) довольно рѣзко отличаются отъ старинныхъ свидѣтельствъ тѣмъ, что въ нихъ дѣло идетъ собственно не о *способѣ* погребенія заложныхъ покойниковъ, а только о *мысли* погребенія. Ненадлежащему погребенію заложныхъ приписываются не весенніе морозы, какъ о томъ весьма ясно говорить Максимъ Грекъ, а почти исключительно засуха; о весеннихъ морозахъ рѣчь идетъ лишь въ историческомъ

1) Труды Курской Губ. Учен. Архивной Комиссіи, вып. I. Курскъ, 1911, стр. 152 и др. (статья Р. Л. Маркова «Голубецъ на Красной полянѣ»).

2) Во время набора настоящей статьи намъ удалось разыскать въ старыхъ газетахъ еще нѣсколько такихъ же случаевъ. Увеличивая статистику, случаи эти не даютъ, однако же, намъ какихъ-либо новыхъ данныхъ, потому мы ихъ въ нашъ подсчетъ не вводимъ и описываемъ ихъ здѣсь лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ. 1) Въ селѣ Курюмочѣ, Ставропольскаго у. Самарской губ., въ ночь на 23 мая 1889 г. вырыли изъ могилы трупъ похороненной на кладбищѣ этого села 8-го марта того же года Анны Барановой, умершей отъ излишняго употребленія вина. Трупъ вмѣстѣ съ гробомъ вывезли въ лодкѣ на середину р. Волги и бросили его здѣсь, съ двумя камнями на шею; сдѣлали все это для прекращенія засухи (Русскія Вѣдомости, 1891, № 146, судебн. хроника). 2) Въ томъ же году, 20 мая, въ Троицу, разрыли могилу и выбросили въ Волгу трупъ умершаго отъ пьянства крестьянина Деревяшкина, въ селѣ Лебединѣ, Спасскаго у. Казанской губерніи, также во избѣжаніе засухи (Новости, 1891 г., № 174, перепечатано изъ «Волжск. Вѣстника»). 3) Въ томъ же году въ селѣ Обвалѣ Чембарскаго уѣзда Пензенской губ. вырыли изъ могилы и закопали гдѣ-то въ низкомъ мѣстѣ, т. е. въ болотѣ или въ трясинѣ, трупъ скоростижно скончавшагося въ 1889 году псаломщика Вас. Федорова; сдѣлали это съ цѣлью вызвать дождь во время засухи (Минскіи Губернск. Вѣдом. 1890, № 83, статья «О суевѣріи и предразсудкахъ»). 4) Въ Уфимской губ. въ 1889 г. скоростижно умеръ отъ пьянства старовѣръ; кладбище, на которомъ онъ былъ похороненъ, находилось на высокой горѣ, вершина которой превышала вершину сельскаго храма. Въ этомъ покойникѣ мѣстные жители увидѣли причину засухи именно, будто бы, потому, что онъ похороненъ выше церковнаго креста. Трупъ отрыли и перенесли на другое мѣсто (Южанинъ, 1890, № 36; взято изъ Петерб. Листка). 5) Въ малорусскомъ селѣ Данкоуцѣ, Хотинскаго у. Бессарабской губ., весной 1888 г. повѣсилась старуха, которую похоронили на приходскомъ кладбищѣ. Когда послѣ этого наступила двухмѣсячная засуха, то причину засухи мѣстные жители усмотрѣли именно въ томъ, что на кладбищѣ похоронили самоубійцу (Кишиневск. Епарх. Вѣдом. 1889, № 17, с. 736). 6) 24 апрѣля 1890 года въ мѣст. Жабокричъ, Ольгопольскаго у. Подольской губ., мѣстные жители начали разрывать могилу похороненной на мѣстномъ кладбищѣ повѣсившейся въ прошломъ году крестьянки того же мѣстечка, Маріи Кабановой, съ цѣлью облить трупъ ея водою, полагая, что послѣ этого пойдетъ дождь; разрыть могилу имъ удалось лишь на половину, такъ какъ имъ помѣшала полиція (Подольскіи Губернск. Вѣдом. 1890, № 38). 7) Въ 1883 году, въ Брацлавскомъ уѣздѣ Подольской же губ., повѣсившуюся женщину-вѣдьму выволокли за село на раздорѣе и бросили въ яму, нарочно для этого наполненную водою; этимъ лишили вѣдьму возможности насыщать на село засуху (Кіевская Старина, 1883, № 11, с. 376, изъ Харьковск. Губ. Вѣдом. 1883, № 219).

1) Одесскій Вѣстникъ, 1889, № 201 (цитовано по Якушкину «Обычное право», II, 364).

2) Кіевская Старина, XVIII, 1887, с. 99, 102 и 103 (Н. Оглобинъ «Очерки изъ быта Украйны конца 18 вѣка»).

3) Рязанскія Губернскія Вѣдомости, 1868, № 52; взято изъ Кіевлянина; цитовано нами по Якушкину.

4) Соловьевъ, Исторія Россіи, VIII, 154.

случаѣ съ Самозванцемъ (№ 17), да еще въ первыхъ трехъ случаяхъ съ засухою совпали весенніе морозы. Наконецъ, здѣсь мы встрѣчаемся еще и съ одною совершенно новою чертою, о которой прежде рѣчи не было, а именно: могилы заложныхъ покойниковъ, — такъ же какъ и могилы упырей, — обливается во время засухи водою.

Разсмотримъ всѣ эти особенности одну за другою.

Объ особомъ мѣстѣ погребенія заложныхъ покойниковъ рѣчь идетъ изъ приведенныхъ нами 18 нумеровъ, въ 11 случаяхъ. Надлежащимъ мѣстомъ для погребенія заложныхъ считаются — съ одной стороны разнаго рода водоемы, главнымъ образомъ со стоячею водою: болота, пруды, озера, мочажины (такихъ случаевъ всего семь: №№ 1, 4, 5, 6, 7, 9 и 18); съ другой стороны — овраги, о присутствіи въ которыхъ воды въ нашихъ источникахъ рѣчи нѣтъ; такихъ случаевъ четыре ¹⁾ (нумера: 8, гдѣ «глухой лѣсной оврагъ», 10: прорва, 11: дно глубокаго оврага, 12: обрывъ). Трупъ заложнаго вообще *бросаютъ*, а не кладутъ и этому обстоятельству народъ придаетъ иногда большое значеніе (см. № 8; срав. № 10); въ одномъ случаѣ трупъ *затоптали* въ трясинѣ (№ 18).

Особнякомъ стоятъ два случая (№№ 15 и 17), когда заложныхъ покойниковъ сожгли. Оба сожженные считались колдунами, а такъ какъ чародѣевъ въ старину вообще сжигали, то этотъ видъ погребенія мы никакъ не можемъ считать характернымъ для заложныхъ. — Наконецъ, одинъ случай (№ 2) остается невыясненнымъ: трупъ изрубленъ на части и «скрытъ неизвѣстно куда».

Вопросъ въ томъ, есть ли какая нибудь связь между означенными мѣстами погребенія заложныхъ и стариннымъ способомъ погребенія ихъ безъ закапыванія въ землю? или же приведенные нами факты 19-го вѣка стоятъ внѣ всякой связи съ фактами 13 и 16-го вѣковъ, описанными еп. Серапіономъ и Максимомъ Грекомъ?

Сходство между погребеніемъ заложныхъ въ 13—16-мъ вѣкахъ и между народнымъ погребеніемъ ихъ въ наше время, безусловно, есть и весьма существенное. Когда трупъ бросаютъ въ воду, то о зарываніи его въ землю, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи, а современники еп. Серапіона и Максима Грека именно видъ изби-гали закапыванія заложныхъ въ землю. Хотя мы и встрѣчаемся иногда съ выраженіемъ въ родѣ: «похоронить въ низменномъ и мочажинномъ мѣстѣ» (№ 1), но тутъ, конечно, мы имѣемъ дѣло съ неточностью, вѣрнѣе: неопредѣленностью выраженія, объясняющеюся, какъ въ данномъ случаѣ, отчасти и, такъ сказать, дипломатическими соображеніями. Въ мочажинѣ, въ болотѣ, въ трясинѣ погребать не приходится, закапывать трупъ не требуется: тутъ земля сама «засосетъ» брошенный предметъ — и

1) Къ нимъ можно еще присоединить случай изъ Новомосковского уѣзда, сообщаемый И. И. Манжурою (Сборн. Харьк. Ист.-Филол. Общ. VI, 1894, с. 187): удавившагося парубка «заховали» у кучугураха».

только развѣ для ускоренія такого дѣйствія можно будетъ трупъ затоптать (срв. № 18). — Если же земля сама, безъ помощи человѣческихъ рукъ, «засасывается» трупъ заложнаго, то человѣкъ тутъ не причетъ: въ данномъ мѣстѣ, значить, «земля принимаетъ» (перифразируемъ народное выраженіе о заложныхъ: «земля не принимаетъ») покойнаго, — тутъ ему и мѣсто. — Что же касается безводныхъ овраговъ, куда «какъ собаку» бросаютъ заложныхъ, то и тамъ о закапываніи трупа въ землю нѣтъ рѣчи: для чего же трупъ и закапывать, когда въ глухихъ оврагахъ или прорвахъ и такъ никто никогда не ходитъ? Правда, въ одномъ случаѣ (№ 11) мы встрѣчаемся съ замѣчаніемъ, будто, бросивъ трупъ заложнаго на дно глубокаго яра, народъ «сверху гроба навалилъ земли». Но это могло быть сдѣлано изъ желанія лучше скрыть преступное дѣйствіе отъ начальства (а можетъ быть даже земля съ верха яра и сама обвалилась, отъ тяжести собравшейся толпы или отъ погребальной колесницы?).

Въ старину, вѣроятно, не обращали большого вниманія на мѣсто погребенія заложныхъ: удобныхъ для такого погребенія пустынныхъ мѣстъ было много, и начальство врядъ ли взыскивало за валяющіеся безъ погребенія трупы. Когда же существовали убогіе дома, тогда и самый вопросъ о мѣстѣ погребенія отпадалъ совѣтъмъ.

Въ современномъ народномъ пониманіи того, въ какихъ мѣстахъ надлежитъ погребать заложныхъ, ясно сквозитъ мысль о различеніи мѣстъ чистыхъ и нечистыхъ. Общее кладбище и прилегающіе къ нему мѣстности считаются, безусловно, чистыми мѣстами; болота, озера, глухіе овраги и т. п. — нечистыми. Съ этимъ подраздѣленіемъ нужно сравнить народные пословицы: «было бы болото, а черти найдутся», «въ тихомъ озерѣ черти водятся», «чортъ огня боится, а въ водѣ селится». Выше мы видѣли, что заложныя покойники, особенно самоубійцы, находятся въ полномъ распоряженіи у нечистой силы. Находящагося въ подчиненіи у нечистой силы заложнаго естественнѣе всего помѣстить тамъ, гдѣ эта нечистая сила живетъ и водится.

Итакъ, современную народную практику погребенія заложныхъ въ болотахъ и оврагахъ можно считать простымъ и естественнымъ развитіемъ той древнѣйшей практики, о которой говорятъ еп. Серапіонъ и Максимъ Грекъ.

Что касается рода бѣдствій, которые приписываются народомъ погребенію заложныхъ въ ненадлежащихъ мѣстахъ, то въ 12 приведенныхъ нами выше случаяхъ на этотъ счетъ дается очень категорическій отвѣтъ: засуха. Лишь въ одномъ, историческомъ случаѣ (№ 17) указанъ иной родъ бѣдствій, тотъ же самый, о которомъ говорится и у Максима Грека; и въ трехъ случаяхъ, гдѣ прямого отвѣта по интересующему насъ вопросу нѣтъ, одновременно происходили и засуха и весенніе морозы (№№ 1—3).

Сомнѣваться въ точности сообщенія Максима Грека мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ основаній. Между прочимъ, и при компромиссѣ, выразившемся въ устройствѣ убогихъ домовъ, погребеніе заложныхъ происходило въ семикъ, т. е. какъ разъ

во время, когда опасность весенних морозов почти совсѣмъ исключена. Но и ручательствъ за полноту сообщенія Максима Грека у насъ также нѣтъ никакихъ; онъ легко могъ опустить упоминаніе о засухѣ, напримѣръ, въ случаѣ, если его посланіе писано было раннею весною.

Такимъ образомъ, у насъ нѣтъ достаточныхъ доказательствъ для признанія того, что приписываніе ненадлежащему погребенію заложныхъ засухи есть позднѣйшее развитіе интересующаго насъ воззрѣнія, хотя вообще такая возможность и не исключена. Такому развитію весьма могло содѣйствовать обливанье заложныхъ покойниковъ водою, о чемъ у насъ сейчасъ и будетъ рѣчь.

Среди описанныхъ нами выше случаевъ семь такихъ, гдѣ заложныхъ покойниковъ обливали въ могилѣ для вызванія дождя. Въ числѣ этихъ семи случаевъ четыре не характерны для насъ, такъ какъ въ нихъ идетъ рѣчь объ упыряхъ (№№ 13 и 14), колдунахъ (№ 3) и о старовѣрѣ (№ 16). За то въ трехъ случаяхъ отмѣчено, одновременно съ обливаніемъ могилы, и перенесеніе труповъ заложныхъ въ овраги и другія нечистыя мѣста, чего съ колдунами обыкновенно не дѣлаютъ.

Народъ толкуетъ обливаніе покойниковъ такъ: колдуны имѣютъ вліяніе на отводъ дождевыхъ тучъ (№ 3); на томъ же, вѣроятно, основаніи, малоруссы Тарашанскаго уѣзда били мертвеца-старовѣра по черепу и требовали отъ него дождя (№ 16). — Въ Екатерининской губерніи удавившаяся женщина просила у своей сосѣдки, во снѣ, напиться, и общала потомъ дождя (№ 10). Но эти случаи мы не можемъ объяснить иначе, какъ позднѣйшимъ перетолкованіемъ первоначальнаго воззрѣнія, происшедшимъ, вѣроятно, на почвѣ смѣшенія колдуновъ съ заложными (сходство между ними существуетъ: тѣ и другіе умираютъ не своею смертію и находятся въ распоряженіи у нечистой силы). Болѣе древнее воззрѣніе сохранилось въ приговорѣ, при обливаніи могилы удушенника, у александровскихъ крестьянъ (№ 12), гдѣ дождя просятъ не у покойника, а у Бога («дай, Боже, ливень»).

Обливаніе могилъ заложныхъ покойниковъ водою можно объяснить двояко. Во-первыхъ, обливаніе могилы водою какъ бы замѣняетъ перенесеніе трупа съ ненадлежащаго мѣста въ сырую мѣстность: изъ могилы заложнаго дѣлается какъ бы искусственное озеро. Но такое объясненіе мало вѣроятно. Какъ мы видѣли, обливаніе могилы еще не исключаетъ надобности въ перенесеніи трупа заложнаго; да и вода не служитъ обязательнымъ условіемъ для мѣстъ погребенія заложныхъ: ихъ погребаютъ также и въ безводныхъ оврагахъ.

Другое объясненіе, гораздо болѣе вѣроятное, такое: въ обливаніи могилы мы имѣемъ магическое заклинаніе дождя, вполне аналогичное обливанію живыхъ въ тѣхъ же случаяхъ засухи. Известна психологія такого заклинанія, весьма характерная для первобытнаго мышленія: «мы обливаемъ людей—и Богъ полетѣтъ землею».

Въ пользу такого предположенія говоритъ отмѣченная въ Сергачскомъ уѣздѣ

Нижегородской губерніи поливка водою всякой свѣжей могилы, до и послѣ опущенія въ нее покойника; «дѣлается это по суевѣрному убѣжденію, будто бы этимъ предотвращается лѣтняя засуха»¹⁾.

Теперь намъ остается рѣшить вопросъ, почему ненадлежащему погребенію заложныхъ покойниковъ приписываются неблагоприятныя для произрастанія хлѣбныхъ полевовъ климатическія явленія—весенніе морозы и засухи?

Въ литературѣ мы встрѣчаемся съ двумя теоріями. Проф. Е. В. Пѣтуховъ объясняетъ это народное воззрѣніе на чисто христіанской почвѣ. Онъ пишетъ: «Народъ вѣритъ, что утопленники и удушенники, какъ умершіе неестественною смертію, самымъ родомъ своей смертію обнаружили, что они навлекли на себя гнѣвъ и наказаніе божіе. Такихъ людей хоронить не слѣдуетъ, и погребаящіе ихъ грѣшатъ передъ Богомъ, такъ какъ выражаютъ этимъ противодѣйствіе божественной волѣ. За это противодѣйствіе Богъ можетъ послать общественное дѣйствіе, въ родѣ неурожая и проч.; чтобы умолить Бога, отвратить гнѣвъ его отъ погребавшихъ и избавиться отъ общественнаго бѣдствія, слѣдуетъ вырыть изъ могилы эти погребенныя тѣла утопленниковъ и удушенниковъ»²⁾.

Здѣсь народу приписаны чисто христіанскія представленія о грѣхѣ, возмездіи и т. д. Но съ христіанской точки зрѣнія въ дѣлѣ похоронъ больше всего имѣетъ значенія церковный обрядъ отпѣванія; между тѣмъ разсматриваемое нами народное суевѣріе нимало не считается съ этимъ церковнымъ обрядомъ: изъ могилъ выкапываютъ одинаково и погребенныхъ съ отпѣваніемъ (№№ 2, 11 и др.), и безъ отпѣванія (№ 10). Центръ тяжести, очевидно, не въ христіанскомъ грѣхѣ. Сказать и то, что въ XIII-мъ вѣкѣ, меньше чѣмъ черезъ три столѣтія послѣ принятія русскими христіанской вѣры, новыя христіанскія суевѣрія могли возникать только на почвѣ двоевѣрія, подъ вліяніемъ старыхъ языческихъ вѣрованій; и пока эти послѣднія для насъ не ясны, до тѣхъ поръ мы удовлетворительнаго объясненія имѣть не будемъ.

Другое объясненіе подробнѣе развито въ статьѣ Л. С. Бѣлогрица—Котляревскаго «Многочисленное значеніе нѣкоторыхъ преступленій, совершаемыхъ по суевѣрію»³⁾. Здѣсь читаемъ: «Отъ почетнаго погребенія, т. е. такого, которое подобаетъ христіанину, самоубійцѣ и вообще лицѣ, погибшихъ насильственною смертію, напримѣръ утопшихъ, замерзшихъ и т. д., происходятъ разныя народныя бѣдствія,

1) Нижегородскія Губернскія Вѣдомости, 1894, № 20 (статья «Приходъ села Карауловки, Сергачскаго у.», взятая изъ «Ниж. Епарх. Вѣдом.»). Поливаніе водою могилы встрѣчается у многихъ народовъ и имѣетъ часто цѣлью «успокоить духъ покойника». Такого рода случаи приведены и разобраны П. Сартори въ его статьѣ «Das Wasser in Totengebrauche» (Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, 1908, Heft 4, с. 367). Аналогичныхъ нашему случаю здѣсь не приводится.

2) Пѣтуховъ, Серапіонъ Владимірскій, с. 168.

3) Историческій Вѣстникъ, 1888, № 7, с. 112 и др.

как то — губительный градъ, безвременный морозъ, особенно бездождіе... Вредоносный характеръ почетнаго погребенія самоубійцы, надо думать, стоитъ въ связи съ поклоненіемъ тѣнямъ усопшихъ. Если мятежныя души самоубійцы, какъ проклятыя, обрекались на лишеніе погребальной почести, то понятно, что нарушеніе этого отрицательнаго долга не могло оставаться безнаказаннымъ; тѣни усопшихъ, пенаты, мстили за такое поведеніе живыхъ, которое было бы кощунствомъ, надругательствомъ надъ ними, мстили, отвращая отъ живыхъ свое благоволеніе и раскрывая темнымъ силамъ, родственнымъ душамъ самоубійцы, возможность вредоноснаго дѣйствія. Отсюда и появленіе природныхъ бѣдствій — бездождія, града и т. п. Для прекращенія этихъ бѣдствій, очевидно, ничего болѣе не оставалось, какъ вырыть самоубійцу изъ мѣста общаго покоя мертвыхъ и зарыть его на распутияхъ, перекресткахъ полей, вообще, похоронить его безъ погребальныхъ почестей» (с. 115).

Аналогичное объясненіе высказано Р. Л. Марковымъ, который пишетъ: «Высокая могила въ Россіи почиталась самою необходимою принадлежностью хорошихъ языческихъ поминъ... Въ простонародѣ и до сего дня держится увѣренность, что чѣмъ выше честь усопшаго, тѣмъ выше должна быть и его могильная насыпь. Чѣмъ ниже уваженіе людей къ усопшему, тѣмъ ниже должна быть насыпь его могильнаго холма. А покойники, сугубо презрѣнные, каковы: казненные по суду или по народному самосуду, удавленники, еретики и вообще люди низкой нравственности, по мнѣнію поселянъ, должны даже «затанываться въ трясины» и при томъ возможно глубже, т. е. ниже¹⁾.

Изложенное объясненіе придаетъ слишкомъ большое значеніе «почетности» погребенія, и притомъ понятой односторонне — въ смыслѣ присутствія или отсутствія на могилѣ насыпи. Но все это, разумеется, признаки не существенныя. Степень почетности погребенія всегда и всюду зависитъ отъ степени знатности покойника, и болѣе ни отъ чего.

Одна «почетность» погребенія, однако же, еще нисколько не объясняетъ, почему обычному погребенію заложныхъ покойниковъ приписываются весенніе морозы и засухи. Потребовалось внимательство усопшихъ предковъ, которые будто бы «метать» за «кощунство». Объясненіе вообще слишкомъ натянутое и мало вѣроятное. Между прочимъ, тутъ приписывается слишкомъ большая сила «тѣнямъ усопшихъ», которыя «раскрываютъ возможность вредоноснаго дѣйствія темнымъ силамъ», и особенно этихъ «темныхъ силъ», въ распоряженіи коихъ, будто бы, находится бездождіе, градъ и т. п. Не вѣрно также утвержденіе, будто темныя силы «родственны душамъ самоубійцы»; какъ мы видѣли выше, тутъ о родствѣ говорить не приходится: самоубійцы,

1) Марковъ, Голубецъ на Красной-Полянѣ (Труды Курской губ. Ученой Арх. Комиссіи, вып. I, 1911, с. 149 и 150).

равно какъ и другіе заложныя, находятся послѣ своей смерти въ полномъ подчиненіи у нечистой силы, и только.

Оба предложенныя объясненія намъ представляются неудовлетворительными. Гораздо болѣе правдоподобное объясненіе даетъ самъ народъ въ своей формулѣ: заложныхъ покойниковъ «земля не принимаетъ» (см. выше стр. 362 и 382).

Формулу эту народъ понимаетъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова. Въ рядѣ народныхъ легендъ мы видимъ, что захороненные гробы или труны покойниковъ, которыхъ «не принимаетъ земля», выходятъ на поверхность земли. Чаще всего случается это съ покойниками, которые были при жизни прокляты своими родителями, т. е. съ однимъ изъ разрядовъ заложныхъ покойниковъ. Такъ, напримѣръ, малорусская легенда изъ Купянскаго уѣзда сообщаетъ: «Мать проклала своего сына. Отъ, вѣтъ захворавъ и вмеръ, а земля и не пріймае: то закопають въ землю, а вона ёго и выкыне, то закопають опять, а вона опять выкыне»¹⁾. Съ другимъ проклятымъ случилось то же самое: черезъ два дня послѣ его похоронъ «гробъ зъ нимъ выйшовъ изъ ямы на верхъ. Люди взяли и въ другой разъ закопали ёго. Чырызъ два дни случилось тожь: гробъ опять выйшовъ изъ зымли. Значытъ, проклятыхъ и зымя ны прійма²⁾. Въ польской легендѣ дитя, осмѣлившееся поднять руку на родную мать, по смерти выставляло изъ могилы руку, такъ какъ земля ее не принимала³⁾. — По другому мнѣнію, трунѣ покойника, котораго «не принимаетъ земля», не подвергается тлѣнію⁴⁾. Согласно первому толкованію, погребеніе нечистыхъ покойниковъ, которыхъ «земля не принимаетъ», безъ зарыванія въ землю — простое дѣло необходимости: закапывать такого покойника въ землю бесплодно — земля всеравно выбросить его вонъ.

«Мать сыра-земля» служила, а отчасти служить и теперь, предметомъ почитанія и даже поклоненія въ русскомъ народѣ⁵⁾. Она чиста и ничего нечистаго въ себя не допускаетъ. Дѣйствующая на землѣ нечистая сила обитаетъ отнюдь не въ землѣ, а въ стоячихъ водахъ (озерахъ, болотахъ и т. п.) и, быть можетъ, подъ

1) П. И., Сила родительскаго проклатія (Этнограф. Обзор. III, 1889, с. 44—45).

2) Тамъ же, с. 45.

3) Тамъ же, с. 53.

4) Тамъ же, с. 46; Этнограф. Обзор. 1898, № 4, с. 91 (изъ Пошехонья, Ярослав. губ.); Кишиневскія Епархіальныя Вѣдом. 1873, № 22, с. 814 (о Хотинскихъ малорусахъ). Такова же участь всѣхъ упырей, о сходствѣ коихъ съ заложными покойниками мы говорили выше. — Встрѣчается въ народѣ еще и третье толкованіе: земля не принимаетъ покойника — это значитъ что данный покойникъ выходитъ изъ могилы по ночамъ (Зенковичъ, Вѣрованія и обряды жителей Могилевской губерніи — Бѣлорусовъ: Изв. О-ва Любит. Естествозн., Антр. и Этногр. XXVIII, 1877, с. 27).

5) Множество фактовъ и доводовъ въ подтвержденіе этого приведено у С. Максимова въ книгѣ «Нечистая, невѣдомая и крестная сила», с. 251 и слѣд.

землей. Между тѣмъ, заложныя покойники находятся въ полномъ распоряженіи у нечистой силы, а потому и сами въ высшей степени нечисты. Закапывать такую нечисть въ землю — значить оскорблять эту послѣднюю. Земля осердится и выразитъ свой гнѣвъ въ томъ, что будетъ холодна весною. Отсюда весенніе морозы, какъ слѣдствіе ненадлежащаго погребенія заложныхъ.

Нѣсколько труднѣе объяснить появленіе въ тѣхъ же случаяхъ засухи. Правда, и влажность земли зависитъ въ значительной степени отъ самой земли, но въ болѣе высокой степени она зависитъ, конечно, отъ дождей, отъ воды. Вода находится въ нѣкоторомъ распоряженіи у водяного. И вотъ развѣ этотъ то водяной, въ подчиненіе которому подпадаютъ и заложныя, обидится на людей за то, что они принадлежащаго ему заложнаго заградили въ недоступномъ для него мѣстѣ—въ глубинѣ чистой земли. Слѣдствіемъ такой обиды водяного и можетъ явиться засуха.

Въ заключеніе мы выскажемъ нѣсколько домысловъ о возможномъ возникновеніи самыхъ способовъ погребенія заложныхъ. Такихъ способовъ мы видѣли, въ сущности два: одинъ — бросая трупъ на поверхность земли, отнюдь не закапывая его въ землю; другой—бросая въ воду. Первый способъ вообще чуждъ народамъ индоевропейскаго корня. Если Заратустра и узаконилъ его, то врядъ ли въ данномъ случаѣ его предшественники не позаимствовали обыкновенія монгольскаго ¹⁾. У народовъ монгольскихъ такое погребеніе, какъ извѣстно, обычно и въ наши дни.

Мы предлагаемъ такую возможность: русскіе могли заимствовать своеобразный способъ погребенія заложныхъ покойниковъ безъ преданія ихъ землѣ у своихъ сосѣдей-кочевниковъ. Кто именно были эти сосѣди, мы не знаемъ. Психологію заимствования нужно предполагать такую: инородцы — нечисты, поганы, но погребеніе ихъ (въ частности же убитыхъ на войнѣ изъ числа ихъ) безъ закапыванья въ землю не приносить имъ никакого вреда; будемъ и мы такъ хоронить своихъ нечистыхъ покойниковъ.

У кочевниковъ востока, особенно у шаманистовъ, широко распространено погребеніе черезъ выставленіе трупа на особыхъ подмосткахъ. Намекъ на такое же погребеніе заложнаго покойника у русскихъ мы имѣемъ въ курскомъ погребеніи убитаго ногайскаго богатыря (№ 18); здѣсь, правда, не весь трупъ покойнаго, а только голова была выставлена на особомъ деревянномъ возвышеніи.

Что касается погребенія заложныхъ въ водѣ, то въ немъ можно видѣть и позднѣйшую замѣну погребенія черезъ выбрасываніе въ нечистое мѣсто, и пережитокъ весьма древняго способа погребенія черезъ потопленіе. Общечеловѣческое воззрѣніе ²⁾ гласитъ, что вода составляетъ для душъ умершихъ труднопреодолимое препятствіе;

1) Срв. Эм. Дилленъ, Дуализмъ въ Авестѣ. СПб. 1881, стр. 62 и др.

2) Ниже (с. 403) мы встрѣтимся съ конкретнымъ проявленіемъ такого воззрѣнія, говоря о чувашскихъ поминальныхъ обрядахъ.

для переправы покойнаго черезъ рѣку въ царство мертвыхъ нужно судно. Покойника опаснаго естественно поэтому погребать въ водѣ: онъ не скоро оттуда выберется, чтобы возвратиться домой и повредить тамъ кому-либо изъ живыхъ.

Есть, однако же, и еще мѣста для погребенія заложныхъ покойниковъ, которыя, правда, не имѣютъ связи съ разсматриваемымъ нами суевѣріемъ. Это по-первыхъ, перекрестки дорогъ, «распутія». Такъ, въ Саратовской губерніи «самоубійцу погребаютъ не на кладбищахъ, а вдали отъ нихъ, болѣею частью на перекрестныхъ дорогахъ» ¹⁾. Съ христіанскимъ объясненіемъ этого обычая мы уже встрѣчались выше (с. 361): дойдя до перекрестка, заложный покойникъ сбивается съ дороги и неидетъ дальше (таково повѣрье въ Екатеринославской губерніи). Что же касается древнѣйшаго смысла этого обычая, то его можно считать прямымъ пережиткомъ древнерусскаго языческаго обряда хоронить мертвыхъ на распутіяхъ дорогъ; такимъ образомъ, въ языческую пору это было обыкновеннымъ мѣстомъ погребенія для всѣхъ покойниковъ, въ христіанскую же эпоху оно легко могло сдѣлаться специальнымъ мѣстомъ погребенія нечистыхъ покойниковъ, заложныхъ.

Для заложныхъ младенцевъ самое обыкновенное мѣсто погребенія (прежде, вѣроятно, также безъ зарыванія въ землю) — подъ порогомъ избы. — Народное объясненіе — христіанское: черезъ порогъ переходитъ священникъ съ крестомъ и тѣмъ самымъ креститъ некрещеннаго младенца. Мы объясняемъ такъ: заложный младенецъ никакого вреда никому принести не можетъ, потому его можно похоронить даже и въ самомъ жилищѣ. Это даже и практически удобно, такъ какъ мертворожденныхъ и т. п. вообще скрываютъ, особенно отъ властей. Подполье — обиталище домового, обиталище добрыхъ предковъ-покровителей; а они, быть можетъ, спасутъ несчастнаго младенца отъ полного подчиненія нечистой силѣ, которой обреченъ каждый заложный.

О природѣ и свойствахъ заложныхъ покойниковъ изложенные нами выше способы ихъ погребенія говорятъ, въ сущности, очень мало. Вредныя климатическія условія приписываются не дѣйствию заложныхъ, какъ таковыхъ, а землѣ, которая сердится на проникновеніе въ ея нѣдра нечистыхъ труповъ. Только нечистота заложныхъ покойниковъ и подчеркивается особенно выпукло въ этихъ способахъ ихъ погребенія.

Но для насъ важно было также и установить самый фактъ рѣзкаго отграниченія, въ народныхъ понятіяхъ, заложныхъ покойниковъ отъ всѣхъ прочихъ. Кромѣ того, способы погребенія заложныхъ проливаютъ намъ свѣтъ на нѣкоторые номинальные обряды въ честь заложныхъ, о чемъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

Убѣжденіе въ необходимости особаго способа погребенія для умершихъ неесте-

1) Саратовскія Губернскія Вѣдомости 1885, № 11, статья Ф. С. Шиманскаго «Изъ жизни Петровскаго уѣзда».

ественною смертью существует и у других народов, кроме русских. Так, у литовцев Виленской губернии отмѣченъ такой же точно случай суевѣрнаго разрытія могилы, съ цѣлымъ рядомъ какихъ мы встрѣтились выше. Въ 1890 году въ дер. Антонайцахъ повѣсилась 80-лѣтняя старуха. Крестьяне, несмотря на просьбы родныхъ, не позволили похоронить ее на кладбищѣ, а погребли подальше отъ деревни въ лѣсу. Но черезъ шесть дней, по просьбѣ родныхъ и по распоряженію полиціи, трупъ несчастной старухи былъ перехороненъ на краю кладбища. Однако здѣсь злополучной покойницѣ пришлось полежать недолго: на слѣдующій же день могила была найдена разрытой, а гробъ—разбитымъ и пустымъ; трупъ, какъ оказалось, свезли въ болото, за нѣсколько верстъ отъ села, и тамъ погрузили его въ воду. Всѣ поиски трупа въ полузамершемъ болотѣ оказались тщетными. Совершенно это было,—добавляетъ корреспондентъ¹⁾,—въ силу существующаго у литовцевъ предразсудка о томъ, что «душа людей, лишившихъ себя жизни, ходитъ по смерти и дѣлаетъ много зла».

Подобный же случай отмѣченъ у казанскихъ татаръ. Дѣло происходило въ 1813 году. Осенью этого года, въ татарской деревнѣ Ошникѣ, Спасскаго уѣзда, Казанской губ., умеръ временно проживающій тутъ, по торговымъ дѣламъ, казанскій мѣщанинъ Биккула Биккинеевъ. Покойный былъ погребенъ, съ обычными мусульманскими обрядами, на деревенскомъ кладбищѣ. Но черезъ два года, въ концѣ юля 1815 года, мѣстные татары перенесли трупъ этого чужого покойника въ лѣсъ, за двѣ версты отъ своего селенія, положили его тамъ въ яму, вырытую въ полуростъ человѣка, и закрыли сверху осиновыми и ольховыми кольями. На судѣ они, какъ на причину этого своего поступка, указали на слѣдующее обстоятельство: съ тѣхъ поръ какъ Б. былъ погребенъ у нихъ на мазаркахъ, въ селеніи ихъ не было вовсе дождя, и хлѣбъ совсѣмъ не родился; по переносѣ же трупа въ лѣсъ пошли дожди и урожай хлѣба былъ посредственный²⁾.

Замѣтимъ, что, судя по всему, смерть казанскаго мѣщанина была преждевременною и внезапною: не даромъ же она послѣдовала такъ далеко отъ его родины.—Если во всемъ этомъ происшествіи видѣть простое подражаніе русскимъ, такъ и тогда описанный случай представляетъ большой интересъ по той точности, съ какою выполнили русское суевѣріе татары. Но для насъ этотъ вопросъ о заимствованіи остается открытымъ.

Укажемъ еще, что киргизы погребаютъ самоубійцъ въ особыхъ мѣстахъ³⁾. У сванетовъ на Кавказѣ отмѣчено такое обыкновеніе: если послѣ погребенія кого-

либо настанетъ ненастная погода, то трупъ покойника вырываютъ и переносятъ куда-либо въ другое мѣсто¹⁾.

Осетины избѣгаютъ хоронить на общемъ кладбищѣ лицъ, убитыхъ громомъ; въ случаѣ такихъ похоронъ данное селеніе постигаетъ какое-нибудь несчастіе; въ одномъ такомъ случаѣ, напримѣръ, наступила продолжительная и необыкновенная засуха, которая окончилась только тогда, когда трупъ покойницы вырыли и перенесли на другое мѣсто²⁾; въ другихъ случаяхъ наступаютъ сильные дожди и ненастье, что осетины объясняютъ гнѣвомъ Уаццалы на покойника³⁾. На могилахъ убитыхъ громомъ осетины приносятъ жертвы властелину грома и молніи, Еліи⁴⁾.

Въ Англіи самоубійцъ хоронили прежде въ полѣ и на перекресткахъ дорогъ, причемъ пробивали ихъ коломъ насквозь. Въ Шотландіи хоронили ихъ вдали отъ жилыхъ мѣстъ, въ глухихъ пещерахъ, чтобы отъ нихъ не видно было ни полей, ни моря⁴⁾.—У туземцевъ о-ва Борнео тѣла убійцъ, самоубійцъ, умершихъ неестественною смертью и родильницъ считаются особенно опасными; ихъ, такъ же какъ и трупы рабовъ, завертываютъ въ циновки и выносятъ безъ гроба и погребенія. У народа миссиссгау хоронили отдѣльно утонувшихъ⁵⁾.

Глава III. Поминальные обряды въ честь заложныхъ.

Жертвы на могилахъ убитыхъ злодѣевъ и богатырей. — Объясненіе ихъ. — Заложные покойники причиняютъ людямъ болѣзни. — Вятскія суевѣрія. — Вѣлорусскій обычай устраивать мосты въ честь покойниковъ и объясненіе его. — Чувашскіе поминальные обряды, проливающіе свѣтъ на древнѣйшій смыслъ вѣлорусскаго обычая. — Народный взглядъ на лихорадки, какъ на заложныхъ покойницъ. — Курскій обрядъ на могилѣ убитаго богатыря и его значеніе. — Семицкіе поминальные обряды въ разныхъ мѣстахъ Россіи. — Особенности ихъ на Вяткѣ и въ Тулѣ. — Разныя мнѣнія о возникновеніи этихъ обрядовъ. — Наше объясненіе ихъ.

Похоронные обряды въ честь заложныхъ покойниковъ не знаютъ почти никакого различія среди этихъ послѣднихъ: возрастъ, полъ и характеръ заложныхъ для нихъ почти совершенно безразличны. И это весьма понятно: если ненадлежащій способъ погребенія заложныхъ и ведетъ за собой общественныя бѣдствія, то бѣдствія эти вызываются отнюдь не самими покойниками, а именно ненадлежащимъ способомъ ихъ погребенія.

Иное дѣло поминальные обряды. Они считаются съ тѣмъ вредомъ, который приносятъ людямъ заложные покойники, какъ таковые. Ясно, что младенецъ не можетъ

1) Московская Иллюстрированная Газета, 1891, № 47 (перепечатано изъ «Новостей»).

2) Памятная Книжка Казанск. губ. на 1868—69 гг., с. 96—97; срв. Труды Казанск. губ. Стат. Комитета, 1869, № 3, с. 41.

3) Томскія Губернскія Вѣдом. 1858, № 45.

1) Зап. Кавк. Отдѣла Г. О. VI, 1864, с. 53; срв. X, № 2, с. 436.

2) Мамитовъ, нѣсколько словъ объ осетинахъ (Терскія Вѣдом. 1879, № 33).

3) В. О. Миллеръ, Осетинскія этюды, II, 242.

4) Цитаты у Н. О. Сумцова, Культурныя переживанія, 272.

5) Цитаты у В. Н. Харузинной, Этнографія, I, 403.

нанести такого вреда, какого можно ожидать отъ взрослого; вредъ со стороны доброй женщины будетъ также несравненно меньше, нежели вредъ отъ злого мужчины, и т. д. Особенно опасными среди заложныхъ должны считаться, естественно, тѣ, которые и при своей жизни были опасны для окружающихъ. Таковы, напримѣръ, разбойники.

Большая опасность со стороны такого рода покойниковъ-изверговъ заставляла проходящихъ мимо ихъ могилы или мѣста смерти принимать особыя предосторожности и, между прочимъ, приносить предохранительныя жертвы. У насъ имѣются свѣдѣнія о нѣсколькихъ такихъ могилахъ, изъ разныхъ концовъ Европейской Россіи, гдѣ указанный обычай сохранился до нашихъ дней, хотя первоначальный смыслъ его давно и совершенно утраченъ.

Около гор. Вологды такого рода жертвы приносятся на могилѣ заложнаго покойника, носящаго христіанское имя Аники. По мѣстной народной легендѣ, Аника былъ разбойникомъ и жилъ въ лѣсу въ избушкѣ. Жестокость и дерзость его были безмѣрны. Много невинныхъ душъ загубилъ онъ на своемъ вѣку. Но пришелъ и ему конецъ. Разъ онъ встрѣтилъ въ лѣсу убогаго богомольца-старика; не пожалѣлъ, ограбилъ и его, но нашелъ въ стариковой котомкѣ только узелокъ со святыми вещами. Въ ярости Аника разбросалъ святыню по землѣ. Странникъ пригрозилъ ему судомъ Божиимъ. Аника выхватилъ ножъ и хотѣлъ было убить старика, но тотъ невидимо исчезъ. Вмѣстѣ съ нимъ не стало и Аникиной избушки. Оставшись безъ пріюта, Аника сѣлъ на коня и поѣхалъ по лѣсу. На пути встрѣтилась ему смерть. И надъ ней надругался дерзкій разбойникъ, хвастаясь своей силой; потомъ попросилъ было у смерти пощады, но было уже поздно: смерть поразила его на мѣстѣ. Въ лѣсу, въ 10 верстахъ отъ Вологды по Кирилловскому тракту, за деревнями Бориловымъ и Семеновымъ, и теперь показываютъ могилу этого Аники, на которую, по мѣстному обычаю, каждый проходящій кидаетъ древесную вѣтку, иногда съ приговоромъ: «Аничка, Аничка, на тебѣ вичку!» Накопившійся за годъ ворохъ вѣтвей сжигается въ одинъ лѣтній день собравшимся народомъ, причемъ на этомъ сходбищѣ ѣдятъ блины и гуляютъ ¹⁾. Обрядовое кушанье блины не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что это — поминки по покойномъ Аникѣ.

На противоположномъ концѣ Европейской Россіи, въ Сосницкомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, около мѣстечка Александровки и болота Гале находится могила, называемая у мѣстныхъ жителей «Батуркой». По преданію, тутъ погребенъ батуринскій житель, «стяжатель излишней земли», который на этомъ мѣстѣ уналъ и тутъ же

1) Вологодскія Губернскія Вѣдомости, 1848, № 3, с. 29; 1887, № 38; срв. Челищевъ, Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 году, с. 219; И. Снегиревъ, Русскіе простонародные праздники, I, 182; Москвитянинъ, 1848, № 11, с. 246.

умеръ. «Отъ того, — сообщаетъ мѣстный авторъ, — Гале считается мѣстомъ закланья, и для скота негоднымъ». Нынѣ каждый мимоидущій или идущій обязанъ бросить что-нибудь на эту могилу, какъ бы въ утѣшеніе алчности покойнаго... Идя мимо, нельзя не замѣтить на могилѣ всякаго рода накіди, какъ-то: сѣна, соломы, щепокъ, старыхъ лаптей, одежды и тому подобнаго, что только можно бросить. Есть и поговорка: что ты на меня кидаешь, словно на Батурку?!» ¹⁾. Мы опускаемъ приведенную мѣстнымъ авторомъ легенду объ алчности скоропостижно скончавшагося Батурки: она не интересна для насъ. Разгадка обычая видна въ словахъ мѣстнаго автора: мѣсто около могилы «считаютъ закланьямъ и для скота негоднымъ». Очевидно, проходившіе мимо могилы — люди и скотъ — нерѣдко подвергались опаснымъ заблѣваніямъ, что такъ естественно въ болотистой мѣстности. Болѣзни эти приписывали похороненному тутъ заложному; отсюда естественное появленіе обычая откупаться отъ покойника, задабривать его.

Наконецъ, въ Великоуцкомъ уѣздѣ Псковской губерніи, близъ границъ Торопецкаго уѣзда, подъ однимъ курганомъ «лежитъ храбрый витязь, богатырь славный, *павшій въ честномъ бою* за вѣру христіанскую. Въ память витязя служили встарь панихиды, нынѣ же чтутъ его слѣдующимъ образомъ: каждый проѣзжіи и прохожіи ломаетъ вѣтку и бросаетъ на могилу... Куча древесныхъ вѣтвей растегъ, поднимается втеченіе двухъ лѣтъ. На третій годъ въ осеннюю ночь кто-то сжигаетъ ее и на пепелище кладетъ сосновый крестъ. Снова проѣзжіе и прохожіе бросаютъ сучки на курганъ...» ²⁾. — Хотя здѣсь мы имѣемъ дѣло также съ заложнымъ покойникомъ, но память о немъ носить теперь, какъ видимъ, почетный характеръ, быть можетъ, по позднѣйшему перетолкованію.

Четвертый изъ извѣстныхъ намъ такихъ случаевъ принадлежитъ уже не русскимъ, а финскому народу зырянамъ. Около рѣки и села Ижмы, въ Вологодской губерніи, есть небольшой холмикъ, покрытый разнымъ древеснымъ хламомъ. Это могила Ягъ-морта, т. е., по буквальному переводу, лѣснаго человѣка. Всякій, проходящій мимо этого холмика, непременно долженъ плюнуть и бросить на него камень, сукъ и палку или что бы то ни было. Это обыкновеніе ведется съ незапамятныхъ временъ, у мѣстныхъ жителей оно обратилось уже въ привычку. Кто пренебрежетъ исполненіемъ этого обычая, того старики какъ разъ осудятъ за неуваженіе къ старинѣ: «не видать ему добра, — скажутъ они: онъ даже не плюетъ на могилу Ягъ-морта». — Много басенъ ходитъ у зырянъ объ этомъ холмикѣ. Старики увѣряютъ, что въ прежнія времена тутъ часто видѣли ужасныхъ страшилищъ, бродящихъ около кургана, а самый курганъ обнимался синеватымъ пламенемъ, слышались печеловѣ-

1) Этнографическій Сборникъ Географическаго Общества, I, 1353, с. 310—317.

2) Семеновскій, Великія Луки, 148.

ческія вопли и завыванія... — Ягъ-мортъ былъ разбойникомъ, жилъ въ непроходимомъ лѣсу за болотами. И по своей вышности, и по своей жестокости онъ походилъ болѣе на звѣря, чѣмъ на человѣка. Онъ убивалъ каждаго встрѣчнаго. Ночью поджигалъ на звѣря, чѣмъ на человѣка. Онъ убивалъ каждаго встрѣчнаго. Всѣ зыряне его деревни и во время пожара грабилъ и всячески безчинствовалъ. Всѣ зыряне его ужасно боялись. Разъ онъ утащилъ зырянскую красавицу Райну. Тогда цѣлая толпа зырянъ устроила засаду, изранила его, отрубилъ руки, велѣла указать свое жилище (то было пещера, гдѣ бездыханнымъ труномъ лежала красавица Райна), а потомъ закопала на мѣстѣ схватки и била ему въ спину осиновый колъ¹⁾. По другому преданію, Ягъ-морта сожгли живого и пепелъ его зарыли въ землю²⁾.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ сохранился отъ старины, въ видѣ окаменѣлости, самый обрядъ принесенія жертвъ на могилахъ заложныхъ покойниковъ, но смыслъ обряда тутъ давно забытъ и утраченъ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ же самый обычай бытуеетъ и въ наши дни, какъ живой и всѣмъ понятный. И что особенно для насъ интересно, обрядъ этотъ совершается не на одной какой-либо могилѣ, а на могилахъ всѣхъ самоубійцъ или даже всѣхъ заложныхъ покойниковъ. Такъ, въ Олонецкой губерніи самоубійцъ хоронятъ вдали, верстъ за пять, отъ церкви; проходящіе нещкой губерніи самоубійцъ хоронятъ вдали, верстъ за пять, отъ церкви; проходящіе мимо этихъ могилъ кладутъ тутъ камни или палки, а когда этихъ послѣднихъ наберется много — ихъ сжигаютъ³⁾. Точно также у малоруссовъ долгомъ бросить на мѣстѣ всякій проѣзжающій и проходящій считаетъ непремѣннымъ долгомъ: клокъ сѣна, вѣтку дегилу самоубійцы хотя что-нибудь, что попадется подъ руку: клокъ сѣна, вѣтку дегилу, горсть земли и т. п.; для чего это такъ дѣлается, народъ не знаетъ и отвѣчаетъ только: «такъ треба»⁴⁾. То же и въ Харьковской губерніи: «е похорані надъ часть только: «такъ треба»⁴⁾. То же и въ Харьковской губерніи: «е похорані надъ дорогами, то чумаки, то такъ де-які прохажали; такъ на ихъ могили жаденъ, хто йде або іде, полінце, скіпку, траву, або грудку землі кидають; а на що воно, Богъ ёго зна, — буцїмъ би то і сами помогали ховати»⁵⁾. Въ Бѣлоруссіи мѣста насильственной смерти считаются нечистыми; бѣлоруссы набрасываютъ на такіа мѣста камни или же, если близко есть лѣсъ, то вѣтки деревьевъ. Такія мѣста есть, напримѣръ, въ Почаповской волости Новогрудскаго уѣзда, гдѣ повѣсился человѣкъ, и по до-рогѣ изъ дер. Криничной въ мѣстечко Еремичи, того же Новогрудскаго уѣзда; здѣсь, иные говорятъ, будто бы похоронены двое заблудившихся и замерзшихъ дѣтей; другіе утверждаютъ, что эта могила двухъ братьевъ, убившихъ другъ друга за дѣвушку, въ которую они оба были влюблены. На оба мѣста существуетъ

1) Вологодскія Губернскія Вѣдомости, 1867, № 5 и 6, с. 45 и слѣд., статья А-ева «Зырянскія преданія».

2) Архангельскія Губернск. Вѣдом. 1848, № 8 (Истоминъ, Ягъ-мортъ).

3) Барсовъ, Читанія Сѣв. края, I, с. 312.

4) Чубинскій, Труды экспедиціи, IV, 712.

5) Кулишъ, Записки о Южной Россіи, II, 288.

обычай накладывать хворостъ, и этотъ обычай свято соблюдаютъ всѣ идущіе вблизи этихъ мѣстъ¹⁾.

Особенно же интересно для насъ слѣдующее замѣчаніе саратовскаго наблюдателя: «Самая могила, гдѣ похороненъ самоубійца, есть опасное мѣсто, отъ присутствія въ ней нечистой силы, могущей всегда, а особенно ночью, надѣлать чловѣку какой-либо вредъ; а потому крестьяне, проходя или проѣзжая мимо такой могилы, бросаютъ на нее древесныя вѣтви или солому, что, по ихъ понятію, парализуетъ дѣйствіе нечистой силы»²⁾.

Здѣсь, такимъ образомъ, дается и объясненіе того, почему и для чего приносятся на могилахъ самоубійцъ жертвы. Если вѣрить этому объясненію, то жертвы эти приносятся не для того, чтобы задобрить заложнаго покойника, а для того, чтобы парализовать его силу. Матеріалъ жертвы вполне согласуется съ такимъ объясненіемъ: солома — обычная жертва умершимъ предкамъ, домовому; на помощь противъ заложнаго покойника приглашаются покойные предки, въ томъ числѣ, значить, и тѣ старики, которыхъ лѣтъ по двѣдцать заложный. Что же касается древесныхъ вѣтвей, то это весьма распространенный оберегъ противъ всякой нечистой силы.

Другое объясненіе записано изъ народныхъ устъ Кулишемъ и приведено нами выше: бросающій что-либо на могилу заложнаго показывается тѣмъ видъ, что онъ участвуетъ въ погребеніи этого заложнаго. Объясненіе это весьма правдоподобно: ниже мы увидимъ, что и другіе поминальные обряды въ честь заложныхъ преслѣдуютъ ту же цѣль — удѣлить заложному хотя часть тѣхъ погребальныхъ почестей, которыхъ онъ лишенъ былъ въ свое время. Но аналогія описаннаго нами выше (с. 365) финскаго кусясконна на могилахъ заложныхъ покойниковъ говорила бы скорѣе за иное объясненіе этихъ жертвъ: онѣ имѣютъ цѣлью задобрить опаснаго покойника. Согласно съ этимъ можно толковать, что солома и вѣтви кидаются на могилу заложнаго для того, чтобы согрѣть его голое³⁾ тѣло.

Позднѣйшимъ, христіанскимъ перетолкованіемъ сдѣланнаго уже непонятнымъ

1) П. Демидовичъ, Изъ области вѣрованій и сказаній бѣлоруссовъ (Этнограф. Обзор. XXIX, 1896, № 2—3, с. 136—137). Авторъ предполагаетъ, что бѣлоруссы поступаютъ такъ, «стараясь скрыть отъ своихъ глазъ» нечистыя мѣста насильственной смерти. — Изъ другихъ народностей аналогичное обыкновеніе отмѣчено, напримѣръ, у литовцевъ (Golembowski, Lud polski, jego zwyczajе etc. II, 205). Киргизы, проѣзжая мимо могилъ отважнѣйшихъ мужей и батырей, молятся на этихъ могилахъ и приносятъ жертвы: клокъ конскихъ волосъ, лоскутъ отъ ношеннаго платья, кости или даже камни; иначе тѣмъ похороненнаго мужа накажетъ, если не ихъ самихъ, то скотъ — болѣзнями (Томскія Губернскія Вѣдомости, 1861, № 38, с. 290, ст. Русанова). Но здѣсь, какъ видимъ, рѣчь уже не о заложныхъ покойникахъ.

2) Саратовскія Губернскія Вѣдомости, 1885, № 11 (изъ Петровскаго уѣзда).

3) Заложный покойникъ продолжаетъ жить на землѣ и по своей смерти; значить, онъ носитъ и изгнѣиваетъ свою одежду. Между тѣмъ, готовитъ новую одежду для него некому. Вотъ почему мы и называемъ его тѣло «голымъ».

обычая бросать на могилы заложных разныя мелкія вещи мы склонны считать слѣдующее народное повѣрье: Души некрещенныхъ дѣтей летаютъ близъ могилъ и вечеромъ просятъ у путниковъ крещенія; кто услышитъ ихъ голосъ, тотъ долженъ взять какую-нибудь вещь, какая только при немъ найдется, перекрестить ее, дать ей имя и потомъ бросить; потѣрча возьметъ эту вещь и сдѣлается окрещеннымъ. Потому-то, будто-бы, некрещенныхъ младенцевъ и хоронятъ у перекрестка двухъ дорогъ, т. е. тамъ, гдѣ бываетъ много прохожихъ. Таково повѣрье малоруссовъ Подольской губерніи ¹⁾. Въ другихъ мѣстахъ требуется въ такомъ случаѣ бросить младенцу «крестъ», сдѣланный хотя бы изъ соломы ²⁾.

Вопросъ о томъ, какихъ бѣдствій можно прежде всего ожидать, проходя мимо могилы заложнаго, а значить и—для избѣжанія какихъ бѣдъ откупаются отъ заложныхъ саратовскіе и иные прохожіе, мы склонны разрѣшать также по аналогіи съ финскими кутысями (с. 365). Разныя внезапныя болѣзни,—вотъ первое ³⁾ и главное бѣдствіе, котораго можно ожидать отъ встрѣчи съ заложнымъ покойникомъ. Наши доказательства въ пользу такого предположенія, кромѣ аналогіи финскихъ воззрѣній, слѣдующія:

Хотинскіе малоруссы вѣрятъ, что если самоубійца встрѣтится на пути съ человѣкомъ, то сможетъ его «пидтаты», т. е. подрѣзать его жизнь, послѣ чего этому человѣку много не жить ⁴⁾. Подольскіе малоруссы то же самое свойство приписываютъ и «потырчатамъ», т. е. некрещенымъ младенцамъ, которыми въ данномъ случаѣ вполне дѣйствуетъ чортъ. Когда мать выйдетъ на плачъ такого младенца, то чортъ такую неопытную женщину «пидтынае»; она послѣ этого заболѣваетъ и нерѣдко умираетъ ⁵⁾.

Въ городѣ Уржумѣ Вятской губерніи отмѣченъ обычай, въ силу коего больные даютъ обѣщаніе помянуть, въ случаѣ своего выздоровленія, заложныхъ. Во исполненіе такого обѣщанія выздоровѣвшій самъ собираетъ, передъ семикомъ, въ разныхъ домахъ муку, какъ милостыню; изъ этой «сбранной» муки пекутъ въ семикъ (какъ ниже увидимъ, это—день всеобщаго поминовенія заложныхъ) блины и булки, несутъ ихъ на кладбище и выкладываютъ на могилахъ на рогожку. Послѣ панихиды яства эти поспеваютъ въ пользу духовенства ⁶⁾. — Поминовеніе заложныхъ на общемъ

1) К. Шейковский, Бытъ подолянъ, II, 7. Срв. Н. Данильченко, Этнографич. свѣд. о Подольск. губ. (Подол. Губ. Вѣдом. 1869, № 12).

2) Кишиневск. Епархіальн. Вѣдомости 1873 г., с. 678 (статья Кульчицкаго о ставу-чанахъ).

3) Мы не считаемъ испугъ, страхъ, который наводитъ заложный своимъ видомъ.

4) Кишиневск. Епарх. Вѣдом. 1873, с. 676.

5) Подольскія Губернск. Вѣдом. 1869, № 47 (статья Данильченко).

6) В. Магницкій, Повѣрья и обряды въ Уржумскомъ уѣздѣ, №№ 255—258 (изъ Памятной книжки Вятской губ. на 1884 годъ).

кладбищѣ совершается здѣсь, конечно, потому, что мѣсто прежняго погребенія заложныхъ въ этомъ городѣ застроено теперь домами. Въ самомъ обычаѣ съ очевидностью явствуетъ повѣрье, что болѣзни приписываются вліянію заложныхъ. — Сборъ муки, къ семикъ и къ радунницѣ, «на заложныхъ родителей» отмѣченъ еще и въ Слободскомъ уѣздѣ ¹⁾.

Въ городѣ Котельничѣ, Вятской же губерніи, также въ семикъ совершается «всемирная панихида» на площади надъ ямой, въ которой лежатъ могилы воиновъ, «падшихъ въ сѣчѣ съ новгородскими выходцами». По окончаніи этой панихиды крестьянскія женщины недавно еще рвали растущую въ этой ямѣ траву и несли ее домой, гдѣ хранили, какъ *лѣкарство* отъ болѣзней домашнего скота. Равнымъ образомъ и черепамъ тѣхъ же воиновъ приписывалась *врачебная* сила ²⁾. — Въ Талицкой часовнѣ Яранскаго уѣзда суевѣры моются съ костей убитыхъ «устюжанъ», чтобы не болѣла голова ³⁾.

Тѣмъ же самымъ воззрѣніемъ мы склонны объяснять и этотъ, мало понятный на первый взглядъ, бѣлорусскій обычай: минскіе бѣлоруссы, во время эпидемій, для спасенія отъ нихъ, кладутъ «перекладины въ неудобопроходимыхъ мѣстахъ—черезъ рѣчки, болота и овраги» ⁴⁾. Въ Мглинскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи наманиваютъ мосты на ручьяхъ, а также ставятъ кресты на распутияхъ для того, чтобы дѣти не умирали и росли ⁵⁾.

Этотъ бѣлорусскій обычай потребуетъ отъ насъ пространныхъ комментаріевъ, такъ какъ онъ въ разныя эпохи народной жизни понимался и понимается различно.

Современное объясненіе: мосты суть памятники-кенотафіи въ честь покойниковъ. Цѣль ихъ та, чтобы проходящіе по мосту поминали даннаго покойника. Такъ понимаютъ этотъ обычай, напримѣръ, молдаване, у которыхъ обычай строить мосты на дорогахъ былъ настолько широко распространенъ, что военный губернаторъ Б. Федоровъ пользовался имъ въ цѣляхъ улучшенія мѣстныхъ дорогъ ⁶⁾. При переходѣ черезъ всякій мостъ молдаванинъ обычно произноситъ: «Богъ да проститъ» (т. е. даннаго покойника).

Близко къ этому бѣлорусское пониманіе. О томъ свидѣтельствуетъ слѣдующее сообщеніе одного стариннаго автора: «Въ бѣлорусскихъ приходахъ кресты и камни

1) Вятскія Губернск. Вѣдом. 1848, № 13.

2) Глушковъ, Топографическо-статистическое и этнографическое описаніе гор. Котельничъ (Этнографическ. Сборникъ Географ. Общ. V, 1862, с. 27—30).

3) По личнымъ распросамъ у мѣстныхъ крестьянъ.

4) Архимандритъ Николай, Историко-статистическое описаніе Минской епархіи Спб. 1864, с. 315.

5) К. Д. Кавелинъ, Нѣкоторые извлеченія изъ собираемыхъ въ И. Р. Геогр. Общ. этнографическ. матеріаловъ о Россіи (Географическія извѣстія, 1850, отд. 1, с. 335).

6) Защукъ, Бессарабская область. Матеріалы для геогр. и статистики, с. 484.

Живая Старина. 1911.

ставять только над могилами мужчин; могилы же женщин означаются курганами, но за то ставят имъ памятникъ особеннаго рода: гдѣ-нибудь при дорогѣ на болотистомъ мѣстѣ или же на ручейкѣ, черезъ который идетъ дорожка, кладутъ бревно или доску; на нихъ вырѣзываютъ крестъ, башмаки или серпъ, а нѣкоторые и годъ кончины»¹⁾. — Мы нѣсколько сомнѣваемся въ томъ, чтобы отсутствіе на могилахъ бѣлорусскихъ женщинъ крестовъ и «прикладовъ» было общимъ явленіемъ: другіе наблюдатели не говорятъ ничего объ этомъ. Но на основаніи этого сообщенія мы имѣемъ полное право заключить, что означенные выше случаи, когда бѣлорусы ставятъ мосты во время эпидемій и смерти дѣтей, имѣютъ въ виду именно мосты-памятники умершимъ. Какимъ же покойникамъ ставить эти памятники? — Мы думаемъ: тѣмъ, трупамъ коихъ нѣтъ мѣста на общемъ кладбищѣ, т. е. заложеннымъ покойникамъ. Хотя это и гипотеза, но въ связи со всѣмъ вышеописаннымъ, она представляется намъ вполне вѣроятною. Эпидеміи и смерть дѣтей легко могутъ приписываться заложеннымъ покойникамъ.

Но все это — современное, новѣйшее пониманіе описаннаго нами обычая. Древнѣйшій смыслъ его былъ, вѣроятно, иной. О томъ мы можемъ судить по слѣдующимъ чувашскимъ обрядамъ.

Чуваши Симбирской губерніи устраиваютъ поминки въ честь покойниковъ въ оврагахъ: на нарочито устроенныхъ одноножныхъ столикахъ оставляютъ часть поминальныхъ блюдъ и питій, а также куски холста — въ качествѣ полотенецъ для покойниковъ; а если въ оврагѣ есть ключъ или рѣчка, то дѣлаютъ еще и мостки для нихъ, чтобы мертвецы не затруднялись перейти черезъ рѣчку на приготовленный для нихъ обѣдъ²⁾.

У чувашъ Курмышскаго уѣзда такой обрядъ справляется черезъ шесть недѣль послѣ смерти покойника. Тогда въ полночь идутъ за село, съ пивомъ и музыкой; дѣлаютъ черезъ небольшую канаву мостикъ, около коего утверждаютъ на ножкахъ небольшое корыто. Потомъ, проходя черезъ этотъ мостикъ другъ за другомъ, пляшутъ и играютъ на гусяхъ и балалайкахъ. Такъ дѣлаютъ нѣсколько разъ; послѣ чего пьютъ водку и пиво; вливаютъ въ корыто вина и кушаній, крошатъ туда хлѣба и вѣшаютъ полотенце. Все это предназначается для покойника³⁾.

Въ Нижегородской губерніи чувашіе совершаютъ тотъ же обрядъ вскорѣ послѣ смерти покойника, пока тотъ еще не похороненъ. Обмывъ покойника, всѣ идутъ на одинъ изъ близъ лежащихъ овраговъ, гдѣ течетъ вода и гдѣ умершій часто хаживалъ.

1) Этнографическій Сборникъ Географ. Общ. III, 1858, с. 153, примѣч.

2) Симбирскія Губернскія Вѣдомости, 1861, № 40, с. 178 (статья «О религіозныхъ суевѣріяхъ чувашъ»); срв. П. Малъховъ, Симбирскіе чувашіе и поэзія ихъ. Казань, 1877, с. 22.

3) Симбирскія Губернскія Вѣдомости, 1868, № 112 (статья «Село Красныя Четаи»).

валъ. Сдѣлавши здѣсь изъ дерева небольшой мостикъ («киберъ») черезъ текущій ручей, всѣ пришедшіе переходятъ черезъ него, испытывая твердость перекладины; потомъ начинаютъ пить пиво и съ плесканіемъ рукъ, поигравъ на употребляемомъ у нихъ музыкальномъ инструментѣ, обращаются заочно къ умершему, призывая: «иди, иди! крѣпокъ мостокъ сдѣлали» (килях, скрип кибер хывза тупрамар). — Послѣ этого возвращаются въ домъ умершаго и повторяютъ передъ нимъ то же приглашеніе: «поди, поди! мостъ для тебя крѣпкій изготовили» (каях, каях! кибер сан шим скрип хывза килдамар). И тогда только относятъ усопшаго къ погребенію. — Послѣ погребенія, спустя нѣсколько времени, чувашіе толпою собираются къ прежнему мостику. Здѣсь родственники усопшаго съѣдаютъ заколотога на сей случай быка или барана, удѣляя часть и другимъ во имя умершаго. Во время пира участники его призываютъ лежащаго въ могилѣ прежними словами: «иди, иди!» И какъ будто увидѣвъ его, начинаютъ единогласно кричать: «идеть, идеть!» (килях, киллях). Послѣ пира сжигаютъ всѣ оставшіяся отъ мяса кости и расходятся по домамъ¹⁾.

Для чего чувашіе такъ настойчиво приглашаютъ своего покойника зайти въ оврагъ и перейти черезъ мостикъ? — Мы думаемъ, что не для простаго угощенія, которое можетъ происходить въ любомъ мѣстѣ и прежде всего, конечно, въ самомъ домѣ или же на могилѣ покойнаго, куда и приглашать его совсѣмъ будетъ не пужно. Чувашіе стараются заманить покойника черезъ мостикъ въ оврагъ для того, чтобы оттуда ему трудно было возвращаться домой. Черезъ воду ему переходъ вообще труденъ. А извѣстно, что чувашіе, какъ и всѣ дуалисты, очень боятся своихъ покойниковъ.

Согласно съ такою гипотезою, которая для чувашскаго обряда не должна показаться слишкомъ смѣлою, — мы предполагаемъ, что и въ отиѣченномъ выше бѣлорусскомъ обычаѣ первоначальный смыслъ былъ такой же: мосты устраивали не въ память покойниковъ, а для самихъ покойниковъ, чтобы они ушли за труднопроходимыя мѣста и болѣе домой не возвращались.

Наконецъ, въ пользу нашего предположенія, что и русскіе, подобно финнамъ, приписывали заложеннымъ покойникамъ появленіе разныхъ болѣзней, говоритъ слѣдующее обстоятельство: олицетвореніямъ нѣкоторыхъ болѣзней русское народное міровоззрѣніе придавало обликъ заложенныхъ покойниковъ. Таковы прежде всего лихорадки, образъ которыхъ выясняется въ народныхъ вѣрованіяхъ съ большею, сравнительно, выпуклостью.

По вопросу о томъ, кто такіа лихорадки, мы сталкиваемся, въ русскихъ

1) Иеромонахъ Макарій, Крещеніе черемисъ и чувашъ въ Нижегородской епархіи и оставшіеся у нихъ послѣ крещенія священные обряды (Нижегородскія Губернскія Вѣдомости, 1848, № 26, с. 102).

народных повѣрьяхъ, съ двумя главными¹⁾ мнѣніями. По одному, наиболѣе распространенному, повѣрью, лихорадки суть дочери нечестиваго царя Ирода, проклятыя Богомъ; смерть ихъ была внезапна и преждевременна, ихъ живыхъ пожрала земля²⁾. Другое, менѣе распространенное, народное повѣрье считаетъ лихорадокъ потопушными въ морѣ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ дочерями египетскаго царя Фараона³⁾. Въ томъ и другомъ случаѣ, какъ видимъ, лихорадки представляются народному воображенію въ видѣ заложенныхъ покойницъ. Дочери Фараона, по обычному народному представленію, были первыми русалками⁴⁾. — Характеренъ внѣшній обликъ лихорадки, сильно напоминающій русалку: съ распущенными непокрытыми волосами, безъ пояса, одѣтая во все бѣлое, «какъ одѣвають покойниковъ»⁵⁾; живетъ она въ водѣ или у воды; жертву ей приносятъ въ лѣсъ или въ рѣку⁶⁾; главное народное средство отъ лихорадки, горькая трава полынь, служить вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ важнымъ и наиболѣе извѣстнымъ талисманомъ противъ русалокъ.

По внѣшности похоже на лихорадку и народное представленіе холеры. Последнюю подольскіе малороссы представляютъ въ видѣ женщины, расхаживающей по селеніямъ и городамъ въ одной рубашкѣ, съ распущенными волосами. Холерою, точно такъ же, какъ и лихорадками, распоряжается св. Магдалина. Холера боится осины⁷⁾. Къ сожалѣнію, о происхожденіи такой холеры свидѣній нѣтъ.

Все приведенныя нами здѣсь данныя, взятая въ совокупности, надѣемся, доказываютъ, что и у русскихъ, подобно теперешнимъ финнамъ, нѣкогда существовало повѣрье, что заложенные покойники приносятъ людямъ разныя болѣзни. Теперь отъ этого воззрѣнія сохранились лишь слабыя отголоски.

1) Есть и другія, но мало распространенныя мнѣнія. Напримѣръ, забайкальскіе казаки представляютъ лихорадокъ «неизвѣстными сестрами, которыя были прокляты своими родителями; онѣ шатаются по міру и мучаютъ людей» (К. Д. Логиновскій, Матеріалы къ этнографіи забайк. казаковъ: Записки Общ. изученія Амурскаго края, IX, вып. 1, 1908, с. 68). Выше мы видѣли, что и проклятые своими родителями причисляются также къ заложеннымъ, такъ что и такое представленіе говорить въ пользу нашего предположенія.

2) Н. Тихонравовъ, Лѣтописи русской литературы и древн. IV, отд. 3, с. 79; срв. Добровольскій, Смоленскій этнографич. сборникъ, I, 172; Живая Старина, 1909, № 4, с. 19.

3) Я. Гарелинъ, Городъ Иваново-Вознесенскъ, I, 59; Новгородскій Сборникъ, вып. 5, 1866 г., отд. I, с. 37.

4) П. Ивановъ, Народные рассказы о домовыхъ и т. д., с. 45 и слѣд.

5) Н. О. Высоцкій, Лихорадка, ея происхожденіе и способы ея лѣченія, по народнымъ воззрѣніямъ (Извѣстія Общ. Археологіи, Ист. и Этнографіи при Казанск. у-тѣ, XXIII, 1907, № 4, с. 261).

6) Тамъ же.

7) Подольскія Губернскія Вѣдом. 1869, № 19, ст. Данильченко.

Мы рассмотрѣли выше одинъ рядъ поминальныхъ обрядовъ въ честь заложенныхъ покойниковъ, заключающійся въ предохранительныхъ жертвахъ этимъ послѣднимъ. Теперь мы перейдемъ къ другой категоріи поминальныхъ обрядовъ.

Въ Курекой губерніи, на могилѣ убитаго ногайскаго богатыря, о своеобразномъ погребеніи котораго мы говорили выше (стр. 386), происходилъ «ежегодно и даже по нѣскольку разъ въ годъ», при поминовеніи душъ убитыхъ, такой обрядъ: голову богатыря, погребенную особо, катили вокругъ памятника, поставленнаго на мѣстѣ смерти убитаго. Въ объясненіе этого страннаго обряда народная фантазія создала такую легенду: «когда голова ногайскаго исполина была отрублена въ Безголовномъ Верху, тѣло исполина само собою поднялось съ земли и, ставъ на ноги, долго простояло среди лѣса безъ головы, между тѣмъ «съ пивной котель» его голова каталась вокругъ него, блекая что-то непонятное». Описанный обрядъ, будто бы, просто-на-просто повторялъ это чудесное происшествіе, чтобы показать невидѣвшимъ, какъ происходило дѣло¹⁾.

Приведенная легенда ничего не объясняетъ, и мы разумѣется, удовлетвориться ею не можемъ. Мы предлагаемъ такое объясненіе курекаго обряда: катая голову убитаго вокругъ памятника, курне образуютъ тѣмъ самымъ магическій кругъ около мѣста смерти заложнаго покойника: послѣдній не долженъ переходить за черту этого круга.

Третій рядъ поминальныхъ обрядовъ въ честь заложенныхъ отличается отъ двухъ первыхъ тѣмъ, что онъ связанъ съ опредѣленнымъ временемъ года, а именно съ семикомъ, т. е. седьмымъ четвергомъ послѣ Пасхи. Онъ извѣстенъ главнымъ образомъ въ великорусскихъ губерніяхъ, но явные намеки на него встрѣчаются и въ бѣлорусской Смоленщинѣ, и въ малорусской Харьковщинѣ. Такъ, въ Смоленской губерніи «на семикъ крестьяне поминаютъ утопленниковъ, удавленниковъ, вообще людей, скончавшихся скоропостижно»²⁾. Въ городѣ Смоленскѣ, на кладбищѣ Петропавловскаго прихода, совершается въ этотъ день особая панихида о всѣхъ, погибшихъ несчастною смертію и оставшихся безвѣстными при погребеніи³⁾.

Это единственное⁴⁾ извѣстное намъ свидѣтельство изъ Бѣлоруссіи. Равнымъ

1) Труды Курекой Губернской Ученой Архивной Комиссіи, вып. I, 1911, с. 148 и слѣд.

2) Живая Старина, 1908, № 1, с. 14 (статья В. Н. Добровольскаго).

3) Московскія Вѣдомости, 1894, № 149, фельетонъ Гр. Георгіевскаго.

4) Правда, сюда же можно отнести слѣдующій бѣлорусскій обычай, недостаточный ясный. Въ Дисненскѣмъ уѣздѣ, въ седьмую недѣлю по Пасхѣ справляются такъ называемые «Стаўрускіе дзяды», иначе называемые: «семка». Последнее названіе тождественно великорусскому «семикъ»; первое же нужно перевести: «помины въ честь Ставра». По мѣстной невѣроятной легендѣ, помины совершаются въ честь погибшихъ собакъ богатыря, князя Бай или Буй; имена собакъ были: Стауры и Гауры. Бай жилъ, будто бы, около города Дриссы. Ночью, кончая пиръ, бѣлорусы прежде бросали остатки кушаній въ огонь и при-

образомъ, изъ Малороссіи мы знаемъ также почти только одно сообщеніе, изъ Куявскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Въ этомъ уѣздѣ «весьма распространѣнъ обычай поминовенія, въ субботу наканунѣ Троицына дня, утопленницъ, умершихъ до крещенія и мертворожденныхъ дѣтей, то есть всѣхъ тѣхъ, которыя, по словамъ старухъ, ставаются русалками. Нѣкоторыя крестьянки красятъ въ этотъ день яйца, но только не въ красный, а въ желтый цвѣтъ, и раздають ихъ дѣтямъ... Въ «русалкинъ великдень», т. е. въ четвергъ послѣ Троицы, русалки выходятъ изъ воды, появляются въ лѣсахъ, садахъ и огородахъ, и стараются поймать тѣхъ изъ родителей, которые не поминали ихъ въ субботу»¹⁾. — Сравни съ этимъ обычай Лубенскаго уѣзда, гдѣ на «русальчынъ великдень», т. е. въ четвергъ на Троицкой недѣлѣ женщины, терявшія некрещенныхъ дѣтей, собирають у себя всѣхъ дѣтей околodka и угощаютъ ихъ²⁾.

Въ Великороссіи поминовеніе заложенныхъ покойниковъ распространено очень широко. Во многихъ городахъ оно совершается на мѣстѣ бывшихъ убогихъ домовъ. Такъ, въ гор. Козьмодемьянскѣ, Казанской губерніи, ежегодно въ четвергъ Троицкой недѣли, у Тихвинской церкви совершается панихида «надъ убогимъ домомъ» — надъ пятью ямами, слѣдами старыхъ общихъ могилъ. По совершеніи панихиды раздается щедрая милостыня нищимъ³⁾. — Жители города Арзамаса, Нижегородской губерніи, во множествѣ собираются въ семикъ къ убогому дому для совершенія панихидъ надъ похороненными тамъ; наканунѣ, въ среду, тамъ же служатъ панихиду жители сосѣдней Выѣздной Слободы. При поминовеніи молятся: «Помяни, Господи, убійенныхъ рабовъ своихъ, и отъ неизвѣстной смерти умершихъ, ихъ же имена Ты Самъ, Господи, вѣси, иже здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ христіанъ». Служеніе панихидъ продолжается до глубокаго вечера. Вечеру, неподалеку отъ убогихъ домовъ, собираются толпы народы для празднованія веселаго семика⁴⁾.

Въ городѣ Дедюхинѣ, Пермской губерніи, «объ увеселеніяхъ въ семикъ и

звали при этомъ мнимыя души погибшихъ собакъ «Стауры — Гауры». Теперь, передъ началомъ ужина, старикъ или отецъ семейства, спустившись со скамейки такъ, чтобы лицо его было съ уровнемъ съ кушаньями, говоритъ: «Стауры-Гауры, приходите къ намъ!» (М. А. Дмитріевъ, Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ кр. сѣв.-зап. края. Вильна. 1869, с. 219). — Мы склонны думать, что Стауры и Гавры — имена не собакъ, а заложенныхъ покойниковъ.

1) П. Ивановъ, цитованное сочиненіе, с. 47 и др.

2) Милорадовичъ, Народные обряды и пѣсни Лубенскаго у. (Сборникъ Харьк. Ист.-Филол. Общ. X, 1897, с. 171).

3) Сп. Михайловъ, Статистическое описаніе Козьмодемьянск. у. (Казанск. Губ. Вѣдомости, 1853, № 47, с. 379).

4) П. П., Арзамасскіе убогіе дома (Нижегородскія Губернскія Вѣдомости, 1850, № 13, с. 49 — 51). — Въ Нижегородской губерніи существуетъ небезинтересный для насъ обычай, по которому «казненныхъ поминають въ четвергъ на каждой родительской недѣлѣ» (тамъ же, № 28).

понятія не имѣють. Въ 12 часовъ дня священники въ облаченіи, съ хоругвями и крестами, отправляются вмѣстѣ съ народомъ на кладбище и здѣсь совершаютъ моленіе объ упокоеніи почивающихъ въ убогихъ домахъ, т. е. умершихъ отъ внезапной смерти, найденныхъ замерзшими, убитыми, утонувшими, задавленными и, между прочимъ, такихъ, имена коихъ неизвѣстны были прежнимъ жителямъ Дедюхино. Древній (1770 г.) столъ, хранящійся въ часовнѣ, выносятся только въ этотъ день на общую могилу и покрывается здѣсь деньгами и яйцами — приношеніями молящихся. — Время этого поминовенія обусловлено въ Дедюхинѣ разливомъ весенней воды: если къ четвергу передъ Троицей вода войдетъ въ обычное ложе, то семикъ празднуется въ свое время; если же нѣтъ, то долго спустя, нѣрѣдко и послѣ Петрова дня. Впрочемъ, бываетъ семикъ и во время весенняго разлива, если только къ этому времени окончатся работы мѣстнаго населенія по нагрузкѣ судовъ солью, что продолжается иногда, особенно при большомъ отпускѣ соли, около мѣсяца. Тогда ѣдутъ на кладбище въ лодкахъ¹⁾.

Въ городѣ Вологдѣ поминовеніе усопшихъ въ семикъ происходитъ за городомъ, на такъ называемой полянѣ; по словамъ епископа Евгенія Болховитинова, здѣсь былъ нѣкогда убогій домъ²⁾.

Въ городѣ Кунгурѣ, Пермской губерніи, въ семикъ поминають на кладбищѣ «родителей и родственниковъ»³⁾. — Близъ города Устюга, Вологодской губерніи, въ семикъ поютъ панихиды на такъ называемомъ многогробномъ кладбищѣ, гдѣ теперь сосновая роща⁴⁾. — У ветлужскихъ черемисъ семикъ — большой заупокойный праздникъ⁵⁾.

Семикины поминальные обряды извѣстны еще въ Москвѣ, Иркутскѣ и во многихъ другихъ городахъ. Особенно хорошо сохранились они на Вяткѣ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ носятъ черты глубокой древности. Въ городѣ Уржумѣ въ семикъ служатъ панихиды на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде погребались заложенные⁶⁾. Въ Ледовѣ, что около слободы Кукарки Яранскаго уѣзда, поминовеніе совершается на мѣстѣ бывшаго убогаго дома въ субботу послѣ Троицы⁷⁾. Въ окрестностяхъ города Слобод-

1) С. И. С., Семикъ и убогій домъ въ Дедюхинѣ, Соликамскаго уѣзда (Пермскія Епархіальныя Вѣдомости, 1867, с. 85 и слѣд.). — Мѣстный этнографъ Д. Пѣтуховъ оказался въ данномъ случаѣ не точнымъ: онъ говоритъ только о поминовеніи въ семикъ усопшихъ предковъ (Горный городъ Дедюхинъ. Спб. 1864, с. 119 — 120).

2) Е., О древностяхъ вологодскихъ и зырянскихъ (Вѣстникъ Европы, часть 71, 1813, № 17, сентябрь, с. 37 — 38); срв. Вологодскія Губернскія Вѣдомости, 1802, № 22.

3) Ученыя Записки Казанскаго университета, 1858, № 1, с. 164.

4) Снегиревъ, О скудельницахъ или убогихъ домахъ, 258, со ссылкой на Сѣверный Архивъ, 1824, № 17.

5) Нижегородскія Губернск. Вѣдомости, 1863, № 20.

6) Магницкій, Особенности въ говорѣ русск. кр. Уржумск. у. (Изв. Общ. Ист., Археол. и Этнографіи при Казанск. у-тѣ, т. 5, 1885 г., подъ сл. заложенные).

7) Д. Зеленинъ, Кама и Вятка, 161.

скаго поминки совершаются на такъ называемомъ городищѣ, что около села Подчуршинскаго, въ седми верстахъ отъ города, близъ рѣки Вятки. Здѣсь на вершинѣ горы стояла древняя часовня (теперь церковь). «12-го іюня и въ недѣлю всѣхъ святыхъ къ часовнѣ стекается народъ изъ разныхъ мѣстъ, особенно новокрещенные вотяки, для отправленія панихидъ—не по своимъ умершимъ родственникамъ, а какъ выражаются они, по заложнымъ»¹⁾. Какъ намъ сообщалъ Г. А. Замятинъ, при устройствѣ лѣтомъ 1910 года на этой горѣ водоема, тутъ было найдено много костяковъ, похороненныхъ лицомъ къ востоку, безъ крестовъ и украшеній; встрѣчались и костяки безъ конечностей. Есть всѣ основанія полагать, что тутъ погребены убитые нѣкогда въ битвѣ вотяками. — Въ селѣ Кайскомъ, Слободскаго уѣзда «семикутся» (т. е. поминуютъ покойниковъ въ семикъ на кладбищѣ) въ два срока: крестьяне — въ четвергъ, а мѣщане — въ субботу на той же, седьмой, недѣлѣ; суббота эта извѣстна здѣсь подъ именемъ «мѣщанскаго семика»²⁾.

Въ городѣ Слободскомъ Вятской губерніи поминовеніе усопшихъ въ семикъ совершается въ мужскомъ монастырѣ; на площади около монастыря служатъ такъ называемую «вселенскую панихиду». На той же площади происходитъ въ этотъ день ярмарка, на которой продаются, главнымъ образомъ, дѣтскія игрушки, особенно же свистки разныхъ сортовъ, куклы и статуэтки. На ярмаркѣ въ этотъ день слышится все время неумолкаемый свистъ, что близко роднитъ слободской семикъ съ вятскою «свистушкою», о которой рѣчь будетъ ниже.

Такой же точно «семикъ» и въ тотъ же день празднуется и въ гор. Котельничѣ, гдѣ мы встрѣчаемся еще съ нѣкоторыми новыми, весьма интересными для насъ чертами. «Всемирная панихида» совершается здѣсь надъ ямой, въ которой мѣстные жители видятъ могилу воиновъ, «падшихъ въ сѣчѣ съ новгородскими выходцами». Во время совершенія панихиды многіе изъ крестьянъ, по старинному обычаю, бросаютъ въ эту яму деньги и яйца. Послѣ панихиды крестьяне «какъ бы въ знакъ той битвы, которая происходила около этого мѣста, бросаютъ одинъ въ другого печеными яйцами, отчего и происходитъ въ это время между ними сильный крикъ и шумъ». Дети цѣлый день бросаютъ и катаютъ глиняные «шарыши» (шары), а также свистать въ дудки, палать изъ пищалей и т. п. Сосновыя пищали, берестяныя и глиняныя дудки и рожки, деревянныя волынки, глиняные шары и другія дѣтскія игрушки во множествѣ продаются въ этотъ день на кладбищѣ. Въ общемъ, заупокойный семикъ носитъ «видъ веселаго праздника»³⁾.

1) Вятскія Губернскія Вѣдомости, 1888, № 25, с. 127; срв. Куроптевъ, Слободской уѣздъ Вятской губ. въ географич. и эконом. отношеніяхъ, 8.

2) Куроптевъ, тамъ же, с. 35 и 36.

3) Глушковъ, Топографическо-статистическ. и этнографическое описаніе гор. Котельничъ (Этнограф. Сборн. Геогр. Общ. V, 1862, с. 27 — 30); срв. Вятскія Губернск. Вѣдомости, 1872, № 24. Теперь, конечно, многого уже нѣтъ.

Въ городѣ Вяткѣ тотъ же самый праздникъ извѣстенъ подъ именемъ «свистуны» (у старинныхъ авторовъ: свистопляски), но совершается нѣсколько ранѣ семика, а именно — въ четвертую недѣлю послѣ Пасхи. Здѣсь тотъ же неумолкаемый свистъ, отъ котораго произошло и имя праздника, тѣ же глиняные «шарыши». «Народъ собирается (на свистуню), — сообщаетъ старинный авторъ¹⁾, — съ небольшими свистками. Стоя на валу, бросаетъ глиняные шарики въ ровъ, куда сходятся городскіе ребятишки собирать ихъ». — По преданіямъ, праздникъ этотъ связывается съ битвою 1392-го года, въ которой пало много устюжскихъ воиновъ; будто бы, устюжане пришли на помощь вятчанамъ, но вятскіе слѣпороды» приняли ихъ, въ темнотѣ ночи, за враговъ, и избили. Будто бы даже «куклы изъ глины, расписанныя разными красками и раззолоченныя» (теперь это изящныя гипсовыя статуэтки), въ изобиліи продаются на свистунѣ «въ честь оставшихся послѣ сраженія вдовъ»²⁾.

Наконецъ, въ Тульской губерніи во вторникъ на русальной недѣлѣ (т. е. на недѣлѣ передъ Троицынымъ днемъ) крестьяне «поминуютъ *утопленниковъ и удавленниковъ* вмѣстѣ, слѣдующимъ образомъ: родственники сего насильственной смертью умершаго, за упокой души, разбиваютъ красное лицо на его могилѣ; при этомъ *призываютъ русалку* (курсивъ нашъ), и часть блиновъ, принесенныхъ для поминовенія, оставляютъ ей въ жертву»³⁾. Терещенко⁴⁾, говоря объ этомъ тульскомъ поминовеніи удавленника, приводитъ и эту обрядовую формулу призванія русалки, но не знаемъ, на сколько точно:

Русалочка царца,
Красная дѣвица,
Не загуби душики,
Не дай удавиться!
А мы тебѣ кланяемся!

Чтобы покончить съ сеимичскими поминовеніями заложныхъ, укажемъ еще, что «древній обычай — въ 7-ой четвергъ по Пасхѣ поминать въ домахъ зажившихся и удавившихся родителей и родственниковъ, у кого они есть, и дѣлать по нимъ милостыни, въ отраду души ихъ, которая бываетъ, по народному мнѣнію, въ тотъ только день въ продолженіе всего года», отмѣченъ еще въ селѣ Куйскомъ на р. Печорѣ, Мезенскаго уѣзда⁵⁾. А въ Роккѣ Лодейнопольскаго у. въ этотъ день поминуютъ «па-

1) Н. З. Хитрово, отрывокъ изъ журнала, писаннаго въ Вяткѣ 1811 года (Труды и записки Общ. Исторіи и Древн. Росс. при Моск. У — тѣ, часть III, кн. 1-ая, М. 1826, с. 272). Теперь шариковъ уже не бросаютъ.

2) Хитрово, тамъ же, с. 273. О свистунѣ вообще см. еще Д. Зеленинъ, Кама и Вятка 145—147; Памятная книжка Вятской губ. на 1893 г., с. 328 — 336; Вятскія Губернск. Вѣдом. 1888, № 11; 1862, № 19 и 1869, № 21; Русскій Дневникъ, 1859, № 73; Казанскія Извѣстія, 1817, № 53.

3) Путешествіе отъ Триеста до С.-Петербурга въ 1810 году, часть II. М. 1828, с. 371.

4) Бытъ русскаго народа, VI, 134.

5) Архангельск. Губ. Вѣдом. 1863, № 39.

новъ», т. е. убитыхъ въ смутное время поляковъ. Въ честь ихъ варятъ кисель, который и ѣдятъ у часовни въ рождѣ. Одинъ годъ пропустили это празднество, известное здѣсь подъ именемъ «киселева дня», и случился неурожай овса, что приписано было мщенію «пановъ»; съ тѣхъ поръ празднуютъ аккуратно каждый годъ¹⁾.

Описанные нами семицкіе поминальные обряды въ честь заложныхъ покойниковъ, по времени своего совершенія, совпадаютъ, какъ видимъ, со срокомъ былого погребенія заложныхъ въ убогихъ домахъ. Кое-гдѣ они и совершаются надъ убогими домами или на ихъ мѣстѣ. Отсюда естественный выводъ, что обряды эти — простое наслѣдство прежняго общаго погребенія заложныхъ въ семицъ въ убогихъ домахъ. Такъ и думаютъ нѣкоторые изъ цитованныхъ нами выше авторовъ, напр. еп. Евгений Болховитинковъ и др. Такое предположеніе, вѣроятно, и справедливо для нѣкоторыхъ городовъ, но конечно не для всѣхъ. Во многихъ мѣстахъ, наприм. въ Вяткѣ и Котельничѣ, въ Тульской губерніи и въ Малороссіи семицкіе поминальные обряды имѣютъ слишкомъ ничтожное отношеніе къ убогимъ домамъ или даже не имѣютъ къ нимъ никакого отношенія, а главное — они, безусловно, древнѣе того времени, когда общее погребеніе заложныхъ въ убогихъ домахъ прекратилось, а быть можетъ даже и древнѣе самыхъ убогихъ домовъ. Правдоподобнѣе во всѣхъ отношеніяхъ предположеніе, что общее погребеніе заложныхъ въ убогихъ домахъ въ семицъ было установлено правительствомъ (точнѣе говоря: духовенствомъ?) именно по случаю существовавшаго издавна народнаго обычая помянуть въ этотъ день заложныхъ покойниковъ.

Равнымъ образомъ, мы не можемъ согласиться и съ этимъ мнѣніемъ старыхъ авторовъ, слова которыхъ Е. В. Аничковъ цитуетъ безъ всякихъ комментаріевъ, какъ бы соглашаясь съ ними. У него читаемъ: «Въ старину въ Великороссіи и въ Сибири эти (т. е. весеннія) поминки (на кладбищахъ) имѣли мѣсто и не только въ честь родителей или вообще предковъ. Въ Москвѣ, въ Устюгѣ Великому, въ Иркутскѣ и въ другихъ мѣстахъ ходили на Семицъ или Пятидесятницу молиться и справлять тризну въ такъ называемые Убогіе дома, Скудельницы, Буйвища или Гюища, гдѣ погребались всѣ, кому не довелось приобщиться передъ смертью. Во время традиціонныхъ всеобщихъ поминокъ, очевидно, считали благочестивымъ дѣломъ вспомнить объ этихъ погибшихъ душахъ, помолиться за ихъ спасеніе и принести имъ въ то же время жертву²⁾». — Мы считаемъ недоказаннымъ, чтобы обычай этотъ возникъ на

христіанской почвѣ. Кромѣ того, семицкое поминаленіе заложныхъ, какъ мы видѣли выше (обряды въ Котельничѣ, Вяткѣ, Тульской губерніи и въ Малороссіи), весьма сильно отличается отъ обычнаго поминаленія усопшихъ. Замѣчательно, что особый характеръ носило оно и въ то время, когда въ семицъ происходило общее погребеніе заложныхъ въ убогихъ домахъ. Объ этомъ можно догадываться по слѣдующему замѣчанію путешествовавшаго по Россіи въ половинѣ XVII-го вѣка антиохійскаго патріарха Макарія¹⁾. «у жителей гор. Москвы есть обычай въ четвергъ по Пятидесятницѣ отправляться за городъ съ царемъ, царицей и патріархомъ для раздачи милостыни и совершенія службъ и поминокъ по всѣмъ умершимъ, утопавшимъ въ водѣ, убитымъ, а также по (умершимъ) пришлецамъ, съ полной радостью и весельемъ; всѣ торговцы города и рынковъ переносятъ свою торговлю за городъ». Святѣйшему путешественнику, очевидно, не сообщили, что въ этотъ день происходило и общее погребеніе заложныхъ, но оно тогда уже безусловно происходило. Слова «съ полной радостью и весельемъ» не оставляютъ сомнѣнія, что это было не обычное христіанское поминаленіе умершихъ.

По общераспространенному народному повѣрью, весной (въ великій четвергъ) мертвые просыпаются отъ своего зимняго глубокаго сна. Встѣтъ съ ними пробуждаются, конечно, и заложныя покойники. Но если усопшіе предки покровительствуютъ своимъ живымъ потомкамъ и помогаютъ имъ во время лѣтнихъ заботъ и работъ, то заложныя покойники, наоборотъ, вредятъ живымъ. Заложныя покойники отличны, по своей природѣ, отъ прочихъ умершихъ: они доживаютъ свою земную жизнь, почему они болѣе первыхъ нуждаются во всемъ земномъ; если усопшіе предки питаются «паромъ» пиши, то заложнымъ нужна обычная земная пища; обычнымъ покойникамъ хватаетъ той одежды, которую имъ кладутъ въ гробъ; заложныя, очевидно, скоро изнашиваютъ свою одежду: имъ нужна еще и новая. Вотъ почему заложныхъ желательно пораньше и подальше спровадить отъ мѣстожительства живыхъ. Такое-то провозжаніе, «проводы» заложныхъ мы и склонны видѣть въ семицкихъ ихъ поминаленіяхъ.

Разсмотримъ своеобразную обстановку и отличительные обряды этихъ послѣднихъ. Мы тутъ встрѣчаемъ свистъ, бросанье на могилу заложныхъ денегъ и лицъ, бросанье другъ въ друга глиняными шарами и печеными яйцами (Котельничъ и Вятка, а яйца на могилу также и въ Тульской губерніи) и наконецъ продажу глиняныхъ куколъ.

Бросаніе на могилу заложныхъ лицъ и денегъ, этотъ обычай исполнѣе тожественнѣе съ финскимъ куяськономъ (см. выше, с. 367); по аналогіи съ этимъ послѣднимъ мы имѣемъ право видѣть въ этомъ обычай жертву злымъ заложнымъ, задабриваніе ихъ.

1) Патріархъ антиох. Макарій, Путешествіе въ Россію. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса. Вып. IV, М. 1898, с. 23.

1) Г. Куликовскій, Похоронные обряды Обонежск. края (Этнограф. Обзор. IV, 1890, № 1, с. 60).

2) Е. Аничковъ, Весенняя обрядовая пѣсня, 297, со ссылками на Снегирева, Простонародные русск. праздники, III, 50 — 51 и 177 — 210; Терещенко, Бытъ русскаго народа, IV, 150 и Московскія Вѣдомости, 1894, № 149, февлет.

Для вятскаго обычая бросать другъ въ друга, при поминовѣніи заложныхъ, глиняные шары финскихъ параллелей шѣтъ. Мы склонны видѣть въ этомъ обычаѣ отдаленное переживаніе древнерусской тризны, которая, какъ извѣстно, состояла въ состязаніяхъ и борьбѣ на могилахъ покойника. Въ старину, даже еще въ началѣ XIX-го вѣка, вятская свистунья сопровождалась всегда еще кулачными боями (Вятск. Губ. Вѣд., 1858, № 19, с. 128), въ чемъ мы видимъ пережитки той же тризны. Заложныя покойники были лишены въ свое время похоронныхъ почестей; лучшее средство умрѣтвить ихъ и побудить уйти подальше отъ живыхъ людей, это — справить на ихъ могилахъ, хотя бы и запоздавшую, похоронную тризну.

Что касается свиста на могилахъ заложныхъ, давшего поводъ къ названью вятскаго праздника «свистуныя», то въ немъ мы видимъ отпугиваніе нечистой силы, въ полномъ распоряженіи коей находятся заложныя. Что шумъ и свистъ пугаютъ нечистую силу, — это повѣрье общераспространенное; на немъ основана, между прочимъ, примѣта, что въ лѣсу свистѣть опасно: обидится лѣшій.

Наконецъ, глиняныя куклы, которыя въ изобиліи продавались въ семикъ на Вяткѣ, могли и не имѣть обрядоваго значенія: вслѣдствіе свиста праздникъ легко могъ быть сочтенъ въслѣдствіи дѣтскимъ, а тогда куклы могли явиться естественнымъ образомъ. Но можно и здѣсь видѣть общеизвѣстныя жертвенныя куклы (vota), какія приносились нѣкогда въ жертву, какъ символъ человѣка, для предохраненія отъ болѣзней. Въ качествѣ примѣра мы укажемъ на вятскихъ, уржумскаго уѣзда, вотяковъ, которые при нѣкоторыхъ болѣзняхъ бросаютъ на перекрестки трехъ дорогъ деревянную куклу, со словами: «не меня ѣшь, не грызи! ѣшь это!»¹⁾ Если, какъ мы видѣли выше, заложнымъ покойникамъ приписываются разныя заболѣванія, то принесеніе имъ подобныхъ символическихъ жертвъ будетъ вполне понятнымъ.

Глава IV. Русальскіе обряды.

Время совершенія русальскихъ обрядовъ. — Обрядъ похоронъ русалки и наше объясненіе его. — Похороны Костромы. — Кострома, какъ заложная покойница. — Проводы и изгнаніе русалокъ. — Русальскіе обряды съ участіемъ въ нихъ ряженаго коня. — Аналогичные обряды не-русальскіе. — Объясненіе первыхъ.

Выше мы познакомились съ поминальными и похоронными обрядами и обычаями въ честь заложныхъ покойниковъ. Если, какъ мы предполагаемъ, русалки суть заложныя покойницы, то связанные съ ними обряды и обычаи должны имѣть нѣко-

1) Вихманъ, въ Извѣстіяхъ Общ. Археологич. Исторіи и Этнографіи при Казанск. ун-тѣ, XI, 29. — Глиняныя куклы для дѣтей, какъ нѣчто обрядовое, продавались также въ Тулѣ въ десятую пятницу — извѣстный жертвенный праздникъ (Сахаровъ, Сказанія русскаго народа, 225).

торое сходство съ описанными обрядами къ честь заложныхъ или, по крайней мѣрѣ, обряды въ честь заложныхъ будутъ намъ объяснять русальскіе обряды, и наоборотъ.

Ниже мы опишемъ русальскіе обряды и постараемся дать имъ объясненіе по аналогіи съ описанными нами выше обрядами въ честь заложныхъ покойниковъ.

Прежде всего, время совершенія русальскихъ обрядовъ вполне совпадаетъ съ главнымъ и почти единственнымъ срокомъ поминовенія заложныхъ покойниковъ. Это — семикъ, седьмой четвергъ послѣ Пасхи, который у малороссовъ всюду зовется «русальчинъ велик-день», т. е. Пасха русалокъ¹⁾. По общеизвѣстному народному повѣрью, русалки весь годъ держатся въ заключеніи, а въ Троицкую субботу выпускаются (Изв. Общ. Любит. Естествозн. CXIII, 1906, с. 223, статья Липовой, о Полтавской губ.); до семика русалки опасны, заходятъ, между прочимъ, и въ селенія; послѣ же семика онѣ исчезаютъ, уходятъ въ глубь рѣкъ и озеръ, впродъ до будущей весны²⁾.

Среди совершаемыхъ въ семикъ русальскихъ обрядовъ можно различать два главныхъ обряда: «похороны русалки» и «проводы» русалокъ. Обычай «хоронить русалку» отмѣченъ въ Михайловскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи. Совершается здѣсь онъ такъ: въ заговѣнье передъ Петровымъ постомъ дѣлаютъ изъ тряпокъ куклу, величиною съ шестинедѣльнаго ребенка, намалевываютъ ей носъ, глаза, ротъ, наряжаютъ ее въ платье. Сдѣлавши изъ досокъ гробъ, кладутъ туда куклу, покрываютъ ее кисеею и убираютъ цвѣтами. Парни, дѣвушки и молодыя бабы несутъ гробъ на берегъ рѣки; дѣвушки наряжаются — кто священникомъ, кто дьякономъ, кто дьячкомъ, дѣлаютъ кадило изъ личной скорлупы и поютъ: «Господи, помилуй!» Всѣ идутъ со свѣчами изъ стеблей конопли. У рѣки русалкѣ расчесываютъ волосы и прощаются съ нею, цѣлуютъ ее, при чемъ одни плачутъ, другія смѣются. Заколовши гробъ, привязываютъ къ нему камень или два и бросаютъ въ воду. Послѣ этого обряда поютъ пѣсни и водятъ хороводы³⁾. Какъ видимъ, здѣсь совершается кощунственная имитация обряда христіанскихъ похоронъ.

Въ поминальныхъ обрядахъ въ честь заложныхъ покойниковъ мы видѣли нѣчто подобное: только тамъ совершается языческое погребеніе, языческая тризна, а здѣсь пародія христіанскаго обряда. Смыслъ, цѣль обоихъ обрядовъ одни и тѣ же: запо-

1) Н. Маркевичъ, Обычаи, повѣрья etc. 8; П. Ивановъ, Народн. рассказы о домовыхъ и т. д., 48, и др.; срв. Саратовскія Губернскія Вѣдомости, 1881, № 1 (Село Бочманово, Балашовскаго у.).

2) П. В. Шейнъ, Великорусскіе въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ и т. д. I, 367 (по записи А. Маркова). Въ Рязанскомъ уѣздѣ называемое «русалкой» чучело женщины въ «русальское заговѣнье» съ пѣснями выносили изъ села и бросали въ костеръ, а потомъ черезъ этотъ костеръ прыгали, чтобы предохранить себя отъ болѣзней, злыхъ духовъ и колдуновъ (Этнограф. Обзор. XXIX — XXX, 1896, № 2 — 3, с. 164). Тутъ съ русальскими обрядами, кажется, слились купальскіе.

здавших похоронные почести, которых лишены были в свое время заложники покойники, должны умиротворить и успокоить этих последних.

Полную аналогию с похоронами русалки представляет собою обряд «похоронъ Костромы», известный главным образом в Муромском уезде Владимирской губернии. Обряд этот также состоит в кошунственной пародии христианских похорон, где кадило заменено лаптем и т. п.¹⁾ Иногда этот обряд заканчивается борьбою двух сторон участвующих в процессии дѣвиц²⁾.

Обряд похоронъ Костромы неясен для исследователей. Е. В. Аничковъ объясняет его, по аналогии с некоторыми западноевропейскими народными обрядами, так: в муромском обряде Костромы «сжигается или топится олицетворение самой весны» (с. 290); изображавшая весну фигура, по древнему народному представлению, «брала на себя все злое, недоброе, опасное, всю скверну прошлого, чтобы в будущем ждало одно только полное благополучие и довольство»³⁾.

Мы не оспариваем возможности того, что таково и было древнейшее (или, напротив, новейшее?) понимание этого обряда. — Мы выше (с. 404) встрѣчались уже с очень ярким примѣром того, какъ одинъ и тотъ же обрядъ различно толкуется народомъ в разные эпохи народной жизни. — То народное понимание этого обряда, которое отразилось в обрядовой пѣснѣ, иное. По словамъ пѣсни, Кострома была дочерью костромского купца; она опилась на веселомъ пиру вина и умерла:

«Какъ Костроминъ-то отецъ
Сталъ гостей собирать,
Большой пиръ затѣвать.
Кострома пошла плясать...
Костромушка расплясалась,
Костромушка разыгралась,
Вина съ макомъ нализалась.
Вдругъ Костромка повалилась,
Костромушка умерла».

Какъ видимъ, Кострома — заложная покойница. А изъ того, что мы узнали раньше о заложныхъ покойникахъ, обрядовыя похороны ихъ намъ вполне понятны. Объяснение ихъ мы только что дали, говоря объ обрядѣ похоронъ русалки. Что же касается борьбы двухъ сторонъ, участвующихъ в процессіи, то тутъ мы видимъ пережитокъ языческой тризны — состязанія на могилѣ покойника.

Что наше объяснение имѣетъ в виду древнѣйшее понимание народомъ данного обряда, о томъ говоритъ слѣдующее обстоятельство: в дѣтской игрѣ «Кострома»,

1) Е. П. Добрынкина, Обычай хоронения Костромы в Муромскомъ уездѣ (Извѣстія Общ. Любителей Естествозн., Антр. и Этногр. при Моск. у-тѣ, XIII, вып. 1, 1874, с. 100—104); срв. Извѣстія Общ. Археол., Ист. и Этногр. X, вып. 1, с. 117—119.

2) И. П. Сахаровъ, Сказанія русск. народа. Спб. 1885, с. 208 (со ссылкой на «Сѣверную Пчелу» 1842, № 267).

3) Е. Аничковъ, Обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ, с. 291.

являющейся, безусловно, отзвукомъ разсматриваемаго обряда, есть также намеки на внезапную и несчастную смерть веселой Костромы, которая «въ погребѣ ходила (конечно, не за чѣмъ другимъ, какъ за виномъ) — захромала», очевидно, хлебнувъ въ погребѣ лишнее¹⁾.

Мы склонны думать, что Кострома — историческое имя опившейся на пиру виномъ веселой дѣвицы, вошедшее в народные сказанія²⁾.

Переходимъ теперь къ обряду «проводовъ русалки». Въ этомъ обрядѣ русалка иногда бываетъ представлена в видѣ чучела, точно такъ же, какъ то мы видѣли в обрядѣ «похоронъ русалки». Но чаще русалку изображаетъ дѣвушка съ распущенными волосами, в одной рубашкѣ или даже безъ нея, часто украшенная цвѣтами, иногда верхомъ на кочергѣ и съ помеломъ черезъ плечо. Такую русалку весело провожаютъ обыкновенно до лѣсу или до ржаного поля, гдѣ она скрывается отъ провожающихъ. «Теперь русалку проводили, — кричатъ тогда всѣ: — можно будетъ вездѣ смѣло ходить»³⁾; или же поютъ приведенную уже нами выше пѣсню:

Правили русалочки, правили,
Щобъ ваны да нас не хадыли,
Да нашего житечка не ламили,
Да нашихъ дивачек не лавили⁴⁾.

Обрядъ изгнанія русалокъ отличается отъ описаннаго обряда «проводовъ» только тѣмъ, что в немъ къ русалкамъ относятся съ меньшею почительностью. Въ Данковскомъ уездѣ Рязанской губерніи обрядъ изгнанія совершается такъ: Русалокъ изображаютъ дѣвушки в однихъ рубашкахъ съ распущенными и перекинутыми на лицо волосами. В теченіе всей русальской недѣли, по вечерамъ, во время хоропроводовъ, онѣ бродятъ то по улицѣ, то по задворкамъ, то прячась въ коноплянники; стараются пугать людей, а поймавъ дѣтей, трясутъ ихъ. В полночь на заговѣнье всѣ

1) А. Шингаревъ, Дѣтская игра Кострома (Этнографическое Обзорѣніе, 1900, № 1, с. 154).

2) Терещенко (Быть русскаго народа, VII, с. 116) говоритъ еще о зимней Костромѣ, называя такъ кучу соломы, которую зажигаютъ посреди улицы, наканунѣ Нового года, въ Хвалынскомъ и Петровскомъ уѣздахъ Саратовской губерніи. Но имя Костромы едва ли не искусственно придано данному обряду самимъ Терещенко или другимъ какимъ-либо авторомъ. Во всякомъ случаѣ, это совсѣмъ другая Кострома. Въ ней не трудно увидѣть отголосокъ святочного обряда «грѣть покойниковъ» (о послѣднемъ см. нашу статью въ сборникѣ «Пошана»: Сборникъ Харьковскаго Ист.-Филол. Общ. XVIII, с. 256 и слѣд.).

3) Шейнъ, Великоорусъ в пѣсняхъ, обрядахъ и т. д. 367; срв. его же, Матеріалы для изученія быта и языка сѣверо-зап. края, I, 1, с. 199; М. В. Довнаръ-Запольскій, Исслѣдованія и статьи, I, 310. См. также цитаты въ цитованной книгѣ г. Аничкова, с. 280.

4) Черниговскія Губернскія Вѣдомости, 1855, № 21, с. 173. Въ селѣ Юриновкѣ, гдѣ записана эта пѣсня, «русалокъ прогоняютъ», но обрядъ этотъ заключается, по словамъ мѣстнаго автора, только въ слѣдующемъ: ходятъ въ лѣсъ, готовятъ тамъ яичницу и пьютъ водку. (Не является ли этотъ семицкій обрядъ поминками, аналогичными чувашскимъ обрядамъ въ оврагѣ за ключомъ?).

участники хоровода вооружаются палками, косами, кнутами и съ крикомъ: «гони русалокъ!» съ звономъ въ косы и шелканьемъ кнутовъ бросаются на русалокъ, которыя утекаютъ со всѣхъ ногъ. Когда имъ удастся спастись на землю соседней деревни (куда ихъ стараются не пустить), преслѣдованіе прекращается и всѣ возвращаются домой: «Ну, теперь прогнали русалокъ»¹⁾.

Значеніе описанныхъ нами обрядовъ «проводовъ» и «изгнанія русалки» очень ясно, и о немъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Е. В. Аничковъ, который видитъ въ русалкахъ души добрыхъ предковъ-покровителей, не могъ, однако же, истолковать эти обряды иначе, какъ «изгнаніе чего-то зловѣщаго, сквернаго» (с. 280), «изгнаніе нечистой и зловредной таинственной силы» (с. 288), — хотя такое толкованіе прямо противорѣчитъ его воззрѣнію на русалокъ. Съ нашей же точки зрѣнія никакого иного объясненія и быть не можетъ.

Нѣсколько труднѣе для объясненія аналогичный обрядъ проводовъ русалки съ участіемъ въ немъ ряженнаго коня. Мы приведемъ сначала всѣ извѣстныя намъ описанія этого обряда:

Въ с. Козьмо Аткарскаго уѣзда «проводы русалокъ» въ русальское воскресенье происходить такъ. «Послѣ обѣда молодежь собирается на улицѣ и начинаются пѣсни и плясъ; немного погодя принимаются за русалку, для чего наряжаютъ чучело. Къ вечеру является и русалка: это — конь, сдѣланный изъ соломы; на немъ сидитъ мальчикъ лѣтъ 15, «говорокъ» (т. е. разбитной), и смѣшитъ народъ своими прибаутками; у этого коня ноги замѣняютъ два дюжіе парня, закутанные въ торшникъ; конь весь увѣшенъ разноцвѣтнымъ тряпьемъ и бубенчиками; за нимъ валитъ народъ, преимущественно бабы, дѣвки и дѣти, гремятъ трещетки, бьютъ въ тазы и заслоны; неидетъ онъ прямо по улицѣ, а мечется въ стороны, разгоняетъ и давитъ народъ и тѣхъ, которые сидятъ около избъ и нейдутъ «проводить русалку»; такимъ образомъ вся толпа валитъ къ рѣкѣ, съ пѣснями, приплясываніемъ, хохотомъ и бросаютъ чучело въ воду²⁾.

Въ Балашовскомъ уѣздѣ той же губерніи заговѣнье передъ Петровымъ постомъ извѣстно подъ названіемъ «русальскія заговѣнья». Въ этотъ день крестьяне «устраиваютъ кобылу»: два мужика кладутъ на плечи жерди, покрываютъ ихъ торшникомъ и устраиваютъ нѣчто въ родѣ лошади. На верхъ сажаютъ молодого парня съ заслономъ. Потомъ ходятъ по селу, пугая мальчишекъ, собакъ и лошадей. При этомъ играютъ въ дудки, на гармоникѣ, а сидящій на кобылѣ бьетъ въ заслонъ. Соскучившись хо-

дить по улицѣ, мужики подъ торшникомъ падаютъ, и тогда говорятъ, что кобыла околѣла. Всѣ расходятся³⁾.

Подобный же обрядъ совершается въ Ардатовскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи, гдѣ «проводы русалки» въ недѣлю всѣхъ святыхъ проходятъ такъ. «Берутъ липовую палку длиною арш. 2½, съ рожками на концѣ, и надѣваютъ на нее головную лошадиную кость. Потомъ палку эту обвиваютъ пологомъ, вытканымъ изъ толстой пряжи, перевязываютъ около рожковъ веревкою и привѣшиваютъ къ ней небольшой колокольчикъ или гремушку. Часовъ въ 7 или 8 вечера цѣлые хороводы дѣвушекъ, жепщицъ, молодыхъ людей и мужиковъ собираются, по уговору, къ одному двору и здѣсь начинается праздникъ. Поютъ, танцуютъ и т. п. Потомъ двигаются къ околицѣ медленно, съ пѣніемъ и пляскою. Русальщики идутъ впередъ, держа покрытую пологомъ лошадиную голову; за нимъ скачутъ испачканные сажею парни (такъ наз. помелешники и кочерешники) и бьютъ длинными кнутами русалокъ, побуждая ихъ идти веселѣе и бодрѣе и какъ бы охраняя главнѣйшихъ русальщиковъ. Выйдя за околицу, эти охранители разомъ дѣлаютъ нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ изъ ружей. Нѣсколько смѣлыхъ дѣвицъ или женщинъ берутъ въ руки съ двухъ концовъ палки, и по этимъ палкамъ ходятъ двѣ или три удалыя дѣвицы, пляшутъ и скачутъ взадъ и впередъ. Это дѣлается у нихъ въ знакъ особенной чести, оказываемой ими провожаемой русалкѣ⁴⁾. Наконецъ, приступаютъ къ снятію пологовъ, бросаютъ въ знакъ погребенія русалки лошадиную голову въ яму, въ которой онѣ и валяются до будущей весны. — Потомъ всѣ тихо возвращаются домой. «Пѣсни во время обряда поются хороводныя: «Во лузяхъ» и др.⁵⁾.

Тотъ же самый обрядъ отмѣченъ еще въ Пензенской губерніи⁶⁾. Въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи «въ русалкино заговѣнье наряжаютъ кого-нибудь лошадей, подвѣшиваютъ подъ шею колокольчикъ, сажаютъ верхомъ мальчика, и двое мужчинъ ведутъ подъ-узды въ поле, а позади весь хороводъ, съ громкими прощальными пѣснями, провожаетъ и, придя въ поле, разоряетъ наряженную лошадь съ разными играми: это значитъ — «проводить весну»⁷⁾.

Наконецъ, у мордвы Лукояновскаго уѣзда прежде извѣстенъ былъ обрядъ «проводовъ весны», совершаемый «послѣ Троицына дня». Дѣвушки устраивали подобіе лошади, накрывали его пологомъ, подвѣшивали на шею колокольчикъ (сажали верхомъ мальчика; все это несли закрытые тѣмъ же пологомъ молодые парни и въ та-

1) Саратовскія Губернскія Вѣдомости, 1881, № 1.

2) Объясненіе, конечно, очень сомнительное. Вѣрнѣе будетъ сравнивать эту пляску на воздухѣ съ качаньемъ на качеляхъ, т. е. видѣть въ ней весеннее очищеніе воздухомъ.

3) Симбирскій Сборникъ, т. II, отд. 3, с. 28.

4) С. Максимовъ, Нечист., нев. и крестн. сила, 462; корреспондентъ автора, кажется, пользовался «Симбирскимъ сборникомъ».

5) Этнографич. Сборникъ Географ. Общ. I, 1853, с. 56.

Живая Старина. 1911.

1) Живая Старина, № 4, 1891 г., с. 202 (статья О. П. Семеновъ). Срв. Сахаровъ, Сказанія русск. народа. Народный дневн. 197.

2) А. Н. Минхъ, Народные обычаи, обряды и т. д. Саратовской губ. 105 (Записки Географ. Общ. по отд. этногр. XIX, вып. 2).

комъ видѣ проходили по всему селу. Сзади слѣдовалъ хороводъ съ пѣснями, въ родѣ слѣдующей: «Дѣвка хорошая Татьяна. — Почему хороша? — Потому она хороша, что рубашка на ней красивенькая, рукавички у ней долженькіе, глазки у ней черненькіе и ножки толстенькіе»¹⁾.

Такимъ образомъ, въ шести извѣстныхъ намъ случаяхъ проводы коня (назовемъ такъ описанные выше обряды) имѣютъ ближайшее отношеніе къ русалкѣ: по времени совпадаютъ съ днемъ проводовъ русалки и толкуются большею частью какъ эти самые русалкины проводы. Но кромѣ этихъ русальныхъ обрядовъ съ конемъ имѣются еще и аналогичные русскіе обряды не-русальныя. Отмѣтимъ нѣкоторые изъ нихъ:

Въ Данковскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи «дѣлаютъ (т. е. наряжаютъ) коня» въ Егорьевъ день, 23 апрѣля, въ мѣстный конскій праздникъ. Берутъ двѣ крѣпкія жерди; четыре парня кладутъ ихъ на плечи. Одинъ изъ переднихъ держитъ на вылахъ конскую голову или конскій черепъ, украшенный бубенчиками и цвѣтными тряпичками. Сзади концы жердей связаны между собой веревкой, къ которой привязанъ хвостъ изъ мягкой конопли. Жерди обмотаны сѣномъ и грубой конопляной тканью; на жерди сажаютъ верхомъ мальчика, обыкновенно пастуха. Сдѣланный такимъ образомъ конь обходитъ въ сопровожденіи народа деревню, причемъ сидящій на немъ пастухъ играетъ на жалынкѣ. Затѣмъ конь направляется въ одну изъ сосѣднихъ деревень. Завидѣвъ издали коня, въ той деревнѣ снаряжаютъ, какъ можно скорѣе, своего коня. Оба коня сходятся на выгонѣ передъ деревней, причемъ происходитъ «бой» двухъ коней. Изображающіе коней, подражая лошадиному ржанью, бросаются другъ на друга, пока одинъ конь не разрушитъ другого. Въ старину послѣ этого вводили хороводы, причемъ одинъ изъ парней изображаетъ собою коня²⁾. — Описанный обрядъ не только не имѣетъ никакого отношенія къ русальнымъ праздникамъ, но и смыслъ его совершенно иной: это обрядовый обходъ скота передъ выпускомъ его въ поле весной.

Нѣсколько ближе къ русальнымъ обрядамъ стоитъ святочная игра «коня водить», отмѣченная въ Тобольской губерніи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. «Конь» изготовляется такъ: дѣлаютъ чучело конской головы и привязываютъ къ ней множество колокольчиковъ и бубенчиковъ, украшаютъ разноцвѣтными лентами, а вмѣсто туловища прикрѣпляютъ къ головѣ бѣлую простыню. Одинъ изъ ряженыхъ на свою голову надѣваетъ голову коня и, завернувшись простынею, представляетъ коня;

1) Нижегородскія Губернскія Вѣдомости, 1893, № 1 (Село Лобаски).

2) Живая Старина, № 4, 1891, с. 199. Дальше наблюдатель приводитъ, со словъ одной мѣстной старухи, сильно испорченную хороводную пѣсню, гдѣ «черныя кони скачутъ» и «кона» выбираетъ себѣ подружку, и ошибочно толкуетъ слово «кона», какъ «коня». На дѣлѣ это извѣстная пѣсня, въ которой невеста представлена подѣ образомъ коня (= куницы), а женихъ — соболя. Хорошій вариантъ этой пѣсни см., наприм., въ «Трудахъ Архангельск. Статистич. Комитета» 1865, кн. 1, с. 86—87.

другой водить коня. Коня водятъ (около Нового года) съ большимъ торжествомъ и за нимъ съ вечерки на вечерку всегда ходитъ большая толпа любопытныхъ. Безъ коня не одніе святки не проходятъ»³⁾.

Для полноты отмѣтимъ еще обряды съ ряженымъ конемъ у поляковъ. Въ окрестностяхъ гор. Кракова прежде обрядъ совершался во второй четвергъ праздника «Божьяго тѣла» (въ іюнѣ): всадникъ на ряженомъ конѣ здѣсь одѣвался по-татарски, въ желтыхъ сапогахъ и съ булавою, и ѣздитъ подѣ звуки музыки. Обрядъ носилъ имя «Коника Звѣжицекаго»⁴⁾. Въ Рончицкомъ уѣздѣ подобный же обрядъ происходитъ въ послѣдніе дни масленицы⁵⁾. Словинцы водятъ искусственнаго коня, т. наз. «Русо», весной, когда рѣки освободятся ото льда⁶⁾.

Въ русской мѣологии конь играетъ весьма важную роль. Напримѣръ, архитектурныя украшенія въ видѣ коня, составляющія неперемѣнную принадлежность русской крестьянской избы (не только снаружи, но и внутри), нѣкогда имѣли, безъ сомнѣнія, и мѣтѣлогическое значеніе. Хомутъ, эта неперемѣнная принадлежность коня, и теперь еще сохраняетъ таинственную силу: желающіе видѣть домового или другихъ представителей нечистой силы, всегда надѣваютъ себѣ на шею хомутъ. Вообще, значеніе коня въ русской мѣологии должно составить предметъ особаго, и очень большаго, научнаго изслѣдованія. При такомъ только всестороннемъ изслѣдованіи можетъ быть понято вполне и русальскій обрядъ съ конемъ. Здѣсь же мы выскажемъ лишь нѣкоторыя предварительныя соображенія по этому вопросу, которыя при ближайшемъ изслѣдованіи, легко могутъ и не подтвердиться.

Выше мы привели шесть описаній русальскаго обряда съ конемъ. Три изъ этихъ шести описаній прямо называютъ коня изображеніемъ русалки. Слова объ этомъ саратовскаго этнографа А. Минха приводитъ и г. Аничковъ (с. 280). Съ точки зрѣнія нашего истолкованія природы русалокъ такое изображеніе русалки въ видѣ коня (точнѣе: всадника) было бы легко объяснимо: конь игралъ большую роль въ древнерусскихъ похоронныхъ обрядахъ; между прочимъ, былъ обычай закалать коня на могилѣ его хозяина. Повтореніе подобнаго обряда на похоронахъ заложнаго покойника-русалки было бы вполне естественнымъ. Наконецъ можно было бы предполагать въ русальскомъ обрядѣ похороны убитаго на войнѣ всадника. При всемъ томъ, мы совсѣмъ не намѣрены объяснять описанный русальскій обрядъ такимъ способомъ; мы видимъ въ этомъ обрядѣ не похороны русалки, а изгнаніе русалокъ. Конь, въ качествѣ представителя какой-то священной силы, долженъ испугать русалокъ.

1) Живая Старина, 1894, № 1, с. 62 (Тюменскій уѣздъ). Срв. «игрище» «кабыла» въ Смоленской губ. (Добровольскій, Смоленск. Этнограф. сборн. IV, 11).

2) O. Kolberg, Lud, ser. V, 303.

3) Zbiór Wiadomości do Antropologii krajowej, XIV, 67.

4) H. Machal, Nakres slovensk. bajesl. 197.

Ближайшіе мотивы высказаннаго нами предположенія слѣдующіе. Во-первыхъ, конь почти во всѣхъ извѣстныхъ намъ русскихъ повѣрьяхъ является носителемъ священной, высшей силы, а отнюдь не нечисти, какою представляется изгоняемая русалка. Во-вторыхъ, конская голова, равно какъ и непремѣнная принадлежность коня, хомутъ служатъ талисманами противъ разныхъ представителей нечистой силы, въ частности противъ лихорадки: конскую голову кладутъ подъ подушку больного лихорадкою, конскую кожу и хомутъ надѣваютъ на самого больного ¹⁾. А мы видѣли выше (с. 406), что «трисавицы-лихорадки» представляются въ народномъ міровоззрѣніи въ образѣ заложныхъ покойницъ, что, съ нашей точки зрѣнія, близко роднитъ ихъ съ русалками.

Не исключена, однако же, возможность, что въ семицкихъ обрядахъ-играхъ съ конемъ мы имѣемъ остатки греческихъ розалій или какихъ-либо иныхъ народныхъ игръ ²⁾.

Заключение.

Изъ всей суммы приведенныхъ нами выше фактовъ мы и заключаемъ, что русскія русалки суть не кто иные, какъ заложныя покойницы, т. е. женщины, умершія неестественною смертию. Такое предположеніе объясняетъ намъ весьма многія черты изъ природы и жизни русалокъ. Такъ, намъ понятно, почему среди русалокъ гораздо больше молодыхъ и красивыхъ, нежели старыхъ и безобразныхъ. Если заложныя покойницы доживаютъ за гробомъ свою естественную жизнь, то, конечно, молодыя живутъ дольше старыхъ; заложныя покойницы изъ старухъ (не говоря уже о томъ, что такихъ и вообще бываетъ гораздо меньше, нежели молодыхъ ³⁾) скоро потомъ умираютъ и своею естественною, второю смертию, послѣ чего исчезаютъ съ лица земли.

Мы уже не говоримъ о томъ, что наша теорія находится въ полномъ согласіи съ тѣмъ народнымъ воззрѣніемъ, по которому всѣ русалки — женщины, мужчинъ среди нихъ нѣтъ (дѣтей мы исключаемъ, такъ какъ ихъ роль пассивная, да и они всегда выдѣляются въ особый классъ «потерчатъ» и т. п.). Согласно наша гипотеза и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что русалки, по общераспространенному народному о нихъ

1) Этнографическій Сборникъ Географ. Общ. I, 1853, с. 53 (Луконовск. уѣздъ); Живая Старина, № 1, 1890, с. 116; Архангельскій Губернск. Вѣдом. 1872, № 33; здѣсь, между прочимъ, сообщается, что, по народному повѣрью въ Арханг. губ., «лихорадка сильно бонитъ лошадей».

2) Срв. еще эстонскіе мифы о русалкѣ (Naek, Wessi-hallias), прекрасной дѣвушкѣ на морскомъ берегу, которая иногда вдругъ превращается въ жеребчика и присоединяется въ этомъ видѣ къ играющимъ дѣтямъ; когда дѣти садятся на нее, она увеличивается, такъ что на нее усядутся до дюжины дѣтей и катаются, но какъ только кто-нибудь произнесетъ паекъ, лошадь и сѣдло на ней исчезаетъ, оставя на берегу рядъ сѣдловокъ съ растопыренными ногами и разинутыми отъ недоумѣнья ртами (Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ, XXXI, 1850, с. 74).

3) Т. е., старухи рѣже умираютъ неестественною смертию, нежели пылкая и увлекающаяся молодежь. Доказательство этому — статистика самоубійствъ.

представленію, принадлежать къ разряду нечистой силы. Если же, согласно съ Веселовскимъ и Анничковымъ, видѣть въ русалкахъ души усопшихъ предковъ вообще, то вопросы о полѣ ихъ и о принадлежности ихъ къ нечисти становятся весьма трудно объяснимыми.

Такъ какъ заложныя покойники и покойницы доживаютъ за гробомъ свою естественную, земную жизнь, то большая разница въ характерѣ и поведеніи заложныхъ мужчинъ и женщинъ намъ вполне понятна. Заложныя мужчины исполняютъ разныя порученія нечистой силы. Проходящихъ мимо ихъ могилы людей и скотъ они не только пугаютъ, но и хватаютъ, причиняя тѣмъ разныя болѣзни. Заложныя мужчины, которые и во время своей первой жизни причиняли очень много вреда людямъ, злодѣи, разбойники, великаны-богатыри и т. п., настолько опасны въ своей могилѣ, что имъ приходится приносить жертву при каждомъ прохожденіи мимо ихъ могилы. Среди заложныхъ покойницъ также есть выдающіяся злодѣйки; таковы, напримѣръ, проклятыя дочери нечестиваго царя Ирода. Онѣ слѣлалась специалистками по части распространенія среди людей разныхъ болѣзней, особенно лихорадокъ; и эта ихъ особая специальность выдѣлила ихъ изъ класса русалокъ, съ которыми ихъ близко роднитъ одно общее происхожденіе. Среди собственно русалокъ остались одніе заурядныя женщины, съ ихъ заурядными интересами. Интересы эти мы видѣли выше (с. 358): прельстить неопытнаго мужчину, позаботиться о лытѣ, прижѣть и холстахъ, проучить непослушныхъ дѣтей, посплетничать и т. п. Пращу и холсты русалки крадутъ; суди по словамъ народной пѣсни (см. выше, с. 361), они нужны имъ на рубашки. И это обстоятельство намъ вполне понятно: доживая за гробомъ свою земную жизнь, заложныя покойницы нуждаются въ одеждѣ (ср. выше, с. 401, примѣч. 3). Не даромъ же малорусскія женщины, въ Троицу, приносятъ въ тѣхъ рубашки ¹⁾. Равнымъ образомъ, нуждаются русалки и въ хлѣбѣ. По крайней мѣрѣ, по словамъ народной пѣсни (см. выше, с. 361), онѣ «ломаютъ жито» въ поляхъ; воруютъ онѣ и молоко у коровъ; въ «русальни помынки», въ семицкій четвергъ, малоруссы носятъ въ мисочкѣ медовыя соты на перекрестки дорогъ (Кіевск. Стар., т. 26, 1889, № 7, с. 65); это — явная жертва русалкамъ.

Если въ чемъ русалки, какъ заложныя покойницы, равны съ заложными покойниками, такъ это въ томъ, что онѣ одинаково находятся въ полномъ распоряженіи у нечистой силы. Онѣ нечисты, и ихъ трупы «земля не принимаетъ». Если же нечистые трупы эти захоронить въ чистую землю, то «мать сыра земля» обидится, и въ результатѣ получатся неблагоприятныя для произрастанія хлѣбовъ климатическія явленія. На почвѣ этого древняго повѣрья, полузабытаго и дурно понятаго, создалось

1) Подольскія Губернск. Вѣдом. 1893, № 41; срв. Нижегородскія Губернскія Вѣдомости, 1893, № 21, изъ «Правительств. Вѣстника».

кое-гдѣ новое мѣніе, будто бы русалки «могутъ насылать на поля сокрушительныя бури, проливные дожди, разрушительный градъ».

Наконецъ, русальскіе обряды, совпадая по времени своего совершенія съ семинными поминовеньями заложенныхъ покойниковъ, совпадаютъ съ этими послѣдними и по своему значенію. Передъ лѣтней «страдой», передъ критическимъ для земледѣльческаго народа временемъ созрѣванія хлѣбовъ, всякаго рода нечистую силу желательно удалить подалеже, чтобы она не мѣшала, чтобы не повредила произрастанію хлѣбовъ, чтобы, наконецъ, своимъ присутствіемъ не навлекла гнѣва со стороны добрыхъ Божествъ. Заложныя покойники и покойницы лишены были въ свое время погребальныхъ почестей; отсюда, — лучшее средство выпроводить ихъ подалеже, умнротворить ихъ мятущіяся души, это — выполнить по отношенію къ нимъ, хотя бы послѣ времени и заочно, похоронные обряды и почести. Въ этомъ то и состоятъ русальскіе обряды: русалокъ заочно хоронятъ, при чемъ то вспоминаютъ нѣкоторыя подробности языческаго погребенія, напримѣръ тризну, состязаніе на могилѣ покойника, то совершаютъ кощунственную пародію христіанскаго обряда отпѣванія. Одинъ изъ такихъ русальскихъ обрядовъ сохранилъ и наименованіе «*похороны русалки*». Въ другомъ обрядѣ похороны замѣнены почетными «проводами»¹⁾.

Въ томъ и другомъ случаѣ русалокъ, съ мнимымъ почетомъ, выпроваживаютъ изъ селенія. Русальскіе обряды съ руженымъ конемъ имѣютъ, какъ кажется, еще и другую цѣль: они хотятъ поразить нечистыхъ русалокъ и для этой цѣли приглашаютъ символъ добраго божества — коня. Процессія съ конемъ сопровождается иногда магическимъ очищеніемъ посредствомъ воздуха (см. стр. 419) и всегда — музыкой и свистомъ, т. е. тѣми же самыми предохранительными противъ нечисти средствами, какіе мы встрѣтили и въ вятскихъ обрядовыхъ поминаніяхъ заложенныхъ покойниковъ.

Наконецъ, выдѣленіе умершихъ неественною смертію покойниковъ въ особую группу, рѣзко отличающуюся отъ всѣхъ прочихъ, не составляетъ чего-либо исключительнаго въ русской народной мнѳологіи: съ подобнымъ же выдѣленіемъ мы встрѣчаемся и у финновъ (ичетики и кутыси), у турокъ (ери) и монголовъ (бурятскіе боходлон) и у нѣкоторыхъ иныхъ народовъ. Это народное воззрѣніе, быть можетъ, даже общечеловѣческое.

Дм. Зеленинъ.

1) Срв., однако же, малорусское и бѣлорусское значеніе слова *проводы*: «поминовеніе умершихъ вообще» и «Омина недѣля, радунца» въ частности (Черниговск. Губ. Вѣдом. 1853, № 24, Гринчѣнко, Словарь укр. мови, III, 460); «панихида, литія» (Носовичъ, Словарь бѣлор. нар. 520); древнерусское проводить употреблялось часто для означенія христіанскаго похороннаго обряда (Срезневскій, Матер. для слов. II, 1513).

Нѣсколько данныхъ для русекой мнѳологіи въ XV вѣкѣ.

Какъ извѣстно, наши источники по русекой мнѳологіи очень скудны. Народность нѣкоторыхъ изъ именъ боговъ представляется весьма сомнительной. Я думаю поэтому, что самый незначительный матеріалъ, свидѣтельствующій объ этомъ, представляетъ нѣкоторую цѣнность и рѣшаюсь представить вниманію этнографовъ тѣ данныя, которыя заключаются въ географической номенклатурѣ нашего Сѣвера. Исходнымъ пунктомъ является изданіе Повгородскихъ Писцовыхъ книгъ, сдѣланное Археографической Коммиссіей и Московскимъ Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ. Цифры I, II, III, IV означаютъ томы въ изданіи Коммиссіи (I—II Деревская пятина, III первая часть Вотской пятины, IV Шелонская пятина), V—вторая часть Вотской пятины («Временникъ» XI томъ), VI—крайніе сѣверные погосты Вотской пятины («Временникъ» XII).

А. Названія боговъ и мнѳическихъ существъ.

Сварогъ. Д. *Сваружсво*, Деож. пог. IV. 269 (должно было лежать въ нынѣшнемъ Порховскомъ у.). Д. *Сварыжъ*, Никольскій Высокій пог. IV. 512 (нын. д. *Сварыжъ* въ Порхов. у., на р. Шелони). Случайно-ли это, что оба названія лежать въ Псковской губерніи, гдѣ сохранилось, вообще, въ географическихъ названіяхъ не мало старыхъ воспоминаній?

Ярило. Д. *Ярилово*, Бѣлск. пог. IV. 416 (нын. д. *Ярилово* на р. Бѣлкѣ въ Порхов. у.). Д. *Яриловичи*, Вельев. пог. I. 223. 242. 244. 248 (4 деревни, изъ которыхъ одна сохранилась донныѣ подъ тѣмъ же самымъ названіемъ въ Валдайскомъ уѣздѣ).

Въ географической номенклатурѣ сѣверныхъ поволжскихъ губерній, которая вообще отличается большою стариною, сохранилось донныѣ это названіе: въ Писецк. кн. по Тверской губ. 1540 г. (изд. Географ. Общ.) упомянута д. *Ярильцово*, сохранившаяся донныѣ въ Стариц. у. Тверск. губ.; д. *Ярилово* въ Пошехон. у. на

рч. Шельшъ и въ Юрвецъ. у. на рч. Песошнѣ. Вѣроятно, уменьшительное отъ *Ярило*, *Ярунъ*: Д. *Яруново* Семенов. пог. I. 785 (нын. пустошь *Ерушиково* Демян. у.); ср. д. *Ярунино* въ Галичскомъ и Макарьев. у. Костром. губ., *Яруниха* въ Варнавин. и Княгинин. у. той же губернии, д. *Яруново* въ Весеогон. у. Тверск. губ.

Мокошь. Какъ известно (Е. В. Барсовъ. Слово о Полку Игоревѣ. I. 360; А. Н. Веселовскій. Разысканія въ области рус. дух. стиха. Вып. V. 292. 293), названіе этого божества въ устахъ сѣверно-русскаго населенія превратилось въ *Мокуша*. Сходную форму мы видимъ въ собственномъ имени лица (I. 618) *Макуша* Деготникъ. Грѣдка *Мокиши* I. 617 въ одной изъ деревень по сосѣдству съ той, гдѣ жилъ Макуша, кажется по имени его сыномъ. Въ такомъ случаѣ мы имѣли бы указаніе и на сохраненіе первоначальнаго имени *Мокошь* или *Мбокоша*, рядомъ съ которымъ уже употреблялись имена: *Мокуша* и *Макуша*. Въ мѣстныхъ названіяхъ мы находимъ теперь: въ Псков. губ. *Макуши*, *Макушенки*, *Макушево*, *Макишино* и *Мокуни*, *Мокишино*, *Мокишица*, въ Костром. губ. *Макушино*, *Макишино*, въ Ярославск. губ. *Макунино*, въ Тверск. губ. *Мокишицы*, въ Москов. губ. *Мокишино*, въ Нижегород. губ. *Макушиха* и *Мукушино*, въ Арханг. губ. *Макушевская*. Въ писц. кн. 16 в., изданныхъ Географ. Общ., селище *Мокушейково* въ Тверск. у.; въ Новгород. Писц. кн. въ Жабенскомъ погостѣ. I. 643 д. *Макишино*, названіе которой нельзя, кажется, отдѣлять отъ именъ жившихъ въ той же мѣстности крестьянъ *Макуши* и *Мокишина* (см. выше), и д. *Макиша* Молвот. пог. I. 656 (нын. д. *Макиша* Демян. у.). Въ виду наличности вариантовъ названія въ одной и той же мѣстности: *Маки-* и *Макуш-* не представляется возможнымъ необъясняющееся и семасіологически сближеніе ихъ съ карел. *takša* (фин. *taksa*) «цѣна, стоимость, плата». Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что это искаженіе названія, утратившаго связь съ забытымъ именемъ божества — *Мокоши*, которое и само едва-ли славянскаго происхожденія.

Волосъ. Это имя довольно обычно въ названіяхъ деревень Новгородскихъ пятинъ: д. *Волосово*, Локоц. пог. I. 607 (нын. пустошь въ Китовской волости Крестец. у.), д. *Волосово*, Михайлов. пог. I. 190 (въ нынѣшн. Валдайск. у.; деревня не сохранилась), д. *Волосова гора*, Ужнин. пог. I. 356 (близъ озера Ужина въ Валдайск. у.), д. *Волосово*, Турен. пог. I. 388 (въ Валд. у., близъ рѣки Валдайка), вѣроятно — надо *Волосово*, д. *Волосово*, Шегрин. пог. II. 194 (въ нын. Шегрин. волости Боровичскаго у.), с. *Волосово*, Кипѣн. пог. III. 646 (гдѣ-нибудь по близости отъ нынѣш. Стрѣльны), д. *Волосово*, Дегож. пог. IV. 249 (въ нын. Порхов. у. Псков. губ.). Ср. также IV. 222.

Въ современной географической номенклатурѣ нашего Сѣвера это имя настолько нерѣдко, что нѣтъ надобности приводить его детально: такъ, въ Ярослав. губ.

5 дер. *Волосово*, въ Костром. 2, въ Тверской 8 и т. д. Культъ Волоса, очевидно, былъ и проченъ, и широко распространенъ.

Чюръ. Д. *Чурово*, Ситенск. пог. I. 568 (въ Валдайск. у.). Д. *Чурово*, Турен. пог. I. 388 (около д. *Волосова* и въ томъ же помѣстьѣ д. на *Чертово*).

Карачунъ. Д. *Карачуны*. IV. 200 (нын. д. *Карачуны* въ Порхов. у.).

Съ этими двумя названіями ср. въ современной географической номенклатурѣ нашего Сѣвера д. *Чурово* въ Осташков. у. Твер. губ., въ Великолук. и Опочец. у. Псковской, въ Ром.-Борис. и Даниловскомъ уѣздахъ Ярослав. губ. и д. *Карачуновская* Сольвычегод. у. Вологод. губ., д. *Карачуны* Рыбин. у. Ярослав. губ., д. *Карачуново* Солигалич. у. Костром. губ., д. *Карачуново* Калезин. у. Тверской губ. Какъ ни незначительны эти данныя, ихъ распространеніе только въ сѣверныхъ губерніяхъ и отсутствіе въ средней Россіи весьма знаменательно для исторіи нашей этнографіи. Оно устанавливаетъ также основную форму имени *Карачунъ*, не какъ полногласіе **Корочунъ*, но какъ древнее образованіе съ двумя *а*. Что касается происхожденія этихъ названій, то само собой напрашивается сближеніе *Чура* со скандинавскимъ *tyr*, который представлялъ собою божество, отличное отъ Тора, и часто означалъ вообще бога, затѣмъ бога суда. (Е. Н. Meyer. Germanische Mythologie. 1894, стр. 220 — 222). Ср. въ Калевалѣ (IX. 378) *Tyriän koski*:

Syyty ennen Tyriän koski,
loki Tuonelan tyrehtyi,
Meri kuivi, taivas kuivi...

т. е. «истощился сначала водопадъ Тюръ, пересохла рѣка Туонелы, засохло море, засохло небо». Отсюда видно, что *Тюръ* какое-то мифическое существо. Сканд. *Тур* — фин. *Turjä*, рус. *Чюръ* отъ *Тюръ*, *Тюръ*: таково возможное родство нашего *Чура*. *Карачунъ* совсѣмъ загадочно для меня. Отъ *Чуръ* — *Чурило*.

Кошпъ. Д. *Кошпеево*, Шегрин. пог. II. 175 (въ Шегринск. вол. Борович. у.), Налуч. пог. II. 647 (около д. *Коломы* на р. Полѣ). Ивашко *Кошпеевъ* III. 612.

Упиръ. Д. *Упири*, Михайлов. пог. I. 872; д. *Упиреево* Семенов. пог. I. 765. Макарикъ *Упиръ* II. 385. Д. *Упиреево*, Наволоц. пог. II. 449 (Красностан. у. Крестец. у.). Ср. въ Костром. губ. *Упиреево* и *Упиревка*, въ Вологод. губ. *Упиреево*. Ст.-рус. *упиръ*, а не *упырь*.

Бъсъ. Д. *Палибъсово*, Влажин. пог. I. 731; дв. *Бъсъ* I. 559. *Бесолысовъ* Локоц. пог. II. 1.

Чертъ. Д. *Чертово*, Ситен. пог. II. 17; Неречк. I. 538; Околорус. IV. 367, Пажерев. пог. (около д. *Городища* въ Порхов. у. на р. Судомѣ). Д. *Чертено* Зарѣч. пог. III. 742, д. *Чертена* IV. 312.

Лшій въ значеніи *лшной*: д. *Лешья*, Лосск. пог. IV (около р. Полисти);

оз. *Лыное* Городен. III. 201 (около д. *Радосцы* въ Луж. у.; нын. оно называется, кажется, *Чернымъ*).

Волотъ. Д. *Волотова* гора (Тюхл. пог. I. 710; Ручьев. пог. II. 389) въ названіи монастыря Пречистые съ *Волотовы горы*, ср. Писц. кн. Тв. издан. Геогр. общ.: пустошь *Волотова* въ Москов. у., копанка *Волотовка* въ Полоцк. у., *Волотенскій* отвершокъ въ Тульск. у.; въ современной географической номенклатурѣ д. *Волотово* и *Волотъ* въ Тульск. губ., д. *Волотово* въ Курск. губ.; Костром. губ. Название распространено, какъ видно отсюда, шире, чѣмъ *Чюрг*, *Мокошь* и др.

Русалка въ прозвищѣ Михайло *Русалка*. I. 457.

Могутъ. Д. *Могутово*, Городен. пог. III. 249 (въ Лужек. у.).

Куря нога, атрибутъ жилища вѣдьмы въ нашихъ сказкахъ, д. Дѣман. пог. II. 553 (въ Молвотиц. волост. Демьян. у.). Ср. съ *Верзауловымъ коломъ* Ивашко *Верзауловъ*. I. 509.

Б. Культъ.

Д. *Кострубля*. Жабен. пог. I. 631.

Д. *Ирище*. Дѣманъ. II. 508.

Д. *Жалинцо*. Ситгин. пог. II. 204.

Д. *Божья вода*. Локоц. пог. II. 56; д. *Божеводова*, Океоч. пог. II. 322.

Д. *Ворожилово*. Млев. пог. I. 136.

Д. *Кудесово*. Пирс. пог. I. 434.

Таковы тѣ незначительные матеріалы, которые мнѣ удалось извлечь изъ Новгородскихъ писцовыхъ книгъ.

А. Погодинъ.

Монголо-шаманекій обрядъ завораживанія бунчуковъ въ началѣ XVI вѣка.

(Памяти ташкентскаго библіографа Н. В. Дмитровскаго).

Въ замѣчательныхъ записяхъ одного изъ знаменитѣйшихъ уроженцевъ Туркестана, основателя «Имперіи великихъ моголовъ» въ Индіи, Мухаммедъ-Загир-еддинъ Бабура среди разнообразнаго этнографическаго матеріала имѣется коротенькое, но весьма интересное описаніе монгольскаго обряда завораживанія бунчуковъ передъ походомъ, въ которомъ авторъ лично участвовалъ.

Дѣло было лѣтомъ 1502 года. Двадцатилѣтній Бабуръ, будущій покоритель Индіи, странствуя «польной птицей» — «казакомъ» по разнымъ городамъ Туркестана послѣ потери въ борьбѣ съ узбекскимъ ханомъ Шейбани Самаркандъ, — провелъ мусульманскій праздникъ Курбан-байрамъ (іюнь 1502 г.) въ Шахрехъ и прибылъ въ Ташкентъ къ своему старшему дядѣ по матери, Махмудъ-хану¹⁾. Махмуд-ханъ, сынъ Юнус-хана пропеходилъ изъ Джагатайской линіи Чингизидовъ и, будучи мусульманиномъ, продолжалъ на ряду съ прочими монголами строго соблюдать установленія Чингиз-хана. Черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія Бабура въ Ташкентъ Султанъ Ахмедъ-Тембель, враждовавшій въ ту пору съ Бабуромъ и его дядей, подступилъ къ подвластному Махмуд-хану городу Ура-тюба, и ханъ немедленно тронулся въ походъ на защиту своихъ владѣній. Бабуръ сопутствовалъ дядѣ²⁾.

1) Характеристику сыновей Юнуса: Махмуд-хана и Ахмед-хана по Бабуру см. у В. В. Бартольда «Очеркъ исторіи Семирѣчья» (отд. отд. изъ «Памятной книжки Семирѣчья» обл. на 1898 г.) стр. 82—83).

2) Между прочимъ, Бабуръ, и ранѣе пробовавшій сочинять стихи, во время этого похода, на одной остановкѣ (паркъ въ Турекѣ, или Тузекѣ, или Бурекѣ) сочинилъ свою первую оду («газель»), которая отражала его тогдашнее настроеніе и начиналась такъ:

Кромѣ собственной души, другого вѣрнаго друга я не нашелъ.

Кромѣ собственного сердца, другого напереника я не нашелъ.

Изданіе Бевериджъ (см. дальше, какъ и слѣд. труды), f. 101 а; изд. Ильминскаго, стр. 123; англійскій переводъ, стр. 104; французскій переводъ I, стр. 216; въ персидскомъ переводѣ, стр. 63—опущено. Газель эта не вошла въ недавно открытый и изданный Д. Россомаъ сборникъ стихотвореній Бабура, заключающій въ себѣ преимущественно двустишія и четверостишія и лишь 2 газели (см. Записки Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ. XX, стр. 099). Ранѣе 1502 г. Бабуръ сочинялъ только по одному, по два стиха турецкихъ или персидскихъ (Ильминскій, 92, 107; Бевериджъ, 75, в. 87 а.).

Выступив из Ташкента, войско выстроилось в боевом порядке между Пекентом и Самсирекком; здесь состоялся смотр и заворачивание бунчуков, после чего начался поход.

Считаю полезным издать на русском языке Бабуровское описание обряда заворачивания знамен по установлению Чингиз-хана, во-первых, потому, что, насколько мне известно, описание это в русских исследованиях не использовано, а, во-вторых, и потому, что старый и лучший английский перевод мемуаров Бабура и более новый — французский были предприняты до издания весьма важного, хотя и не вполне исправного, Хайдерабадского списка «Бабу-наме»¹⁾.

Интересующий нас отрывок оказался сильно попорченным в тексте издания Ильминского²⁾, а — значит — и во французском переводе Павэ-де-Куртейля³⁾. Английский перевод Лейдена и Эскина, исполненный больше по персидскому переводу «Бабу-наме» Абду-р-Рахима, сына Байрам-хана, чем по джагатайскому оригиналу, дает описание обряда полностью, но с некоторыми незначительными неточностями⁴⁾. Бомбейское литографированное издание персидского труда Абду-р-Рахима обнаруживает в описании обычая пропуски⁵⁾.

К сожалению, малая еще обследованность турецких словарных данных не позволила мне представить окончательный перевод этого описания. Впрочем, и после издания Хайдерабадского списка материал для установления точного текста «Бабу-наме», а — следовательно — и для окончательного его перевода, не достаточно.

Переводъ.

«Через несколько дней Тембель подступил к Ура-тюб. Лишь только пришло это известие, хан выступил из Ташкента с войском. Выстроив в порядок между Бискентом и Самсирекком⁶⁾ правое крыло (войска) и левое, произвели

1) Английский перевод, исполненный по джагатайской рукописи и по персидскому переводу Абду-р-Рахима, озаглавлен: *Memoirs of Zehir-ed-din Muhammed Baber, translated by John Leiden and William Erskine. London, 1825*; заглавие французского перевода (по изданию Ильминского: *Baber-nameh, Casani 1857*): *Mémoires de Baber, traduits par Pavet de Courteille. Paris, 1871*; Хайдерабадский список издан в facsimile госпожей А. Беверидж: *E. J. W. Gibb Memorial series. Vol. I. The Babar-Nama. Leyden, London, 1905*. Персидский перевод Абду-р-Рахима отлитографирован в Бомбей в 1808 г. Гиджры и озаглавлен: «Бабу-наме мевсуи бе-тузук-и Бабури ве футухат-и Бабури».

2) Стр. 122—3. — Ниже при цитатах И.

3) Том I, стр. 217. — При цитатах П.

4) Стр. 102—3. — Л.

5) Стр. 63. — А. Издание Беверидж Fol. 100 а—б. — В.

6) Города Бискент (Бискет) и Самсирек входили в состав древней области Илак (долина р. Ангрена), соседней с областью Шаш (долина р. Чирчика). Бискент был на

смотреть¹⁾. По монгольскому обычаю заколодали²⁾ знамена. Хан сошел с коня. Перед ханом водрузили девять бунчуков («туг»). Один монгол, привязав длинную бьяку бязь к средней бычачьей мозговой кости³⁾, взяв (ее) в руку, а другой (монгол), привязав три куска длинной бязи к трем бунчукам пониже хвостов («кутас») ⁴⁾, пропустил (их) под бунчучными древками⁵⁾. На край одной бязи ступил хан; на край другой бязи, привязанной к бунчуку, я ступил, и на край еще другой бязи — султан Мухаммед-Ханик⁶⁾ (сын хана). Тот монгол, который эти куски привязывал, взяв в руку обвязанную бязью среднюю бычачью мозговую кость⁷⁾, произнес что-то по монгольски и обратившись к бунчукам, дѣлает знаки. Хан и все присутствующие брызгают кумысом («кымызар») в

мѣстѣ нынѣшняго Пекента. См. В. В. Бартольд, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, II (СПб. 1900), стр. 175. В. текст ф. 94, 98 б., 100: Бискентъ, а въ указателѣ, стр. 86: Бишкентъ (ф. 94 б. въ указателѣ упомянуть напрасно); А. — Бискетъ; И, П. — Бишкентъ.

1) И, П. — опущено; Л. «онъ (ханъ) образовалъ Ivin, или кругъ». Слово «Ivin» у А и В соответствуетъ слово «дим» или «дымъ». Въ А послѣ этого слова пропускъ; у В — дим кордиле (чит. кордилер). Это выражение встрѣчается еще у В. ф. 108 б, причемъ у И. ему соответствуетъ на стр. 127: «сан кордилера» — «проверили численность (войска)», а у А. на стр. 65 «сан диденда», Л. же переводитъ на стр. 107: «они имѣли Ivin или смотръ арміи (со ссылкой на Ivin стр. 103). Ср. казанско-татарское «дим» — «совѣтъ, увѣщаніе», «димчи» — «совѣтникъ, свать» (словари Радлова и Будагова).

2) Въ В: «джадылар», что я читаю «джадыладылар»; А: «тугъа бестенде»; Л: «задули въ рога»; И: «тугъларга дамдама багдадылар»; П. переводитъ: «исполнили церемонію развѣртыванія знаменъ».

3) В: «уйнынъ орта илики». И: «бгуз илик сунгеки» П: «tibia d'un boeuf»; Л: «an ox's shank-bone»; А: «едест-икау». Словарь Будагова, I, 208: илик — «передняя нога у животныхъ»; слѣдуетъ цитата какъ разъ изъ переводимаго нами отрывка по И. Словарь Радлова I, 1484: «2) (Tag. Dsch.) кости ногъ и рукъ», опять со ссылкой на нашъ отрывокъ по И и съ переводомъ: «привязалъ къ мозговой кости (ногѣ) быка». Определить точно фигурирующую въ обрядѣ кость мнѣ не удалось. См. еще словарь Радлова IV, 78: «джелик» — «продолговатая, внутри полая кость» и 146: «джилик».

4) Со словъ «взялъ (ее) в руку» И, П. — опущено. Слова: «а другой» взяты изъ А, Л; см. сноску 6).

5) В и П разница въ словахъ; Л: «passed them under the banner-staff of the ensigns»; А: «эз зир-и чуб-и-туг гузеранде авурде»; въ словарѣ Радлова I, 1484: «продѣвъ чрезъ него (чрезъ холстъ) древко знамени». Я представляю себѣ дѣло такъ, что одинъ конецъ холста былъ подвѣзанъ къ древку, затѣмъ холстъ былъ спущенъ до земли (безъ того, чтобы выдергивать изъ земли знамя и протыкать имъ холстъ) и разостланъ по ней у подножія знамени другимъ своимъ концомъ.

6) А ошибочно Махмуд-Хан-бегъ; П ошибочно Джаникъ. По Л и А: одинъ монголъ обвязывалъ бычачью кость, а другой («дигер» — «another») знамена. Это весьма вѣроятно, судя по слѣдующей фразѣ, которая, повидимому, лучше сохранена у А, И и Л, чѣмъ у В; А, Л, И согласно говорятъ: «тотъ монголъ, который эти куски привязывалъ (къ знаменамъ), взявъ кость бычачьей ноги въ руку...»; очевидно, второй монголъ взялъ эту кость у перваго. И, П про кусокъ холста, привязанный для Бабура, говорятъ: «еще одинъ кусокъ привязавъ къ тому знамени подобно лошадиной подпругѣ».

7) См. ссылки 6 и 3. Фраза: «который... привязывалъ» взята изъ А, Л, И.

сторону бунчуков¹⁾. Одинъ разъ играютъ на вѣхъ гобояхъ («нефир») и барабанахъ («накара»²⁾). Всѣ стоящіе въ строю войны издають одинъ разъ боевой кличъ («сурап»). Триады такъ продѣлываютъ. Послѣ этого, сѣвъ на коней и кликнувъ боевой кличъ, все это войско мчится³⁾ вдаль⁴⁾. Среди монголовъ установленія («тузукъ») Чингиз-хана держатся понынѣ⁵⁾ точь-въ-точь, какъ Чингиз-ханъ ихъ создалъ и оставилъ».

Установленія Чингиз-хана, его Великая Яса, какъ извѣстно, полностью не сохранилась. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія объ Ясѣ приведены египетскимъ писателемъ середины XV вѣка Макризи⁶⁾ который, между прочимъ, сообщаетъ⁷⁾, что Чингизъ-ханъ «предписалъ своимъ преемникамъ лично дѣлать смотръ войску и вооруженію, передъ выступленіемъ на битву...», объ обрядѣ же завораживанія бунчуковъ не упоминаетъ. Было-бы очень желательно, чтобы кто-нибудь изъ этнографовъ-монголистовъ дополнилъ и пояснилъ нашу настоящую замѣтку.

А. Самойловичъ.

1) Этотъ крайне интересный моментъ пропущенъ у И, II; у А пропущена часть фразы, гдѣ упоминается кумысъ. Ср. Словарь Будагова I, 398: киргизск. «туу кандау» — «обагривать знамя кровью» со ссылкой на древній обычай обагрять кровью непріятеля знамя при выступленіи въ походъ.

2) Эта фраза у И, II тоже опущена.

3) Въ Б для живости разсказа рядъ глаголовъ стоитъ въ формѣ настоящаго времени: «кыла — дурлар, чана — дурлар» и т. д.

4) Б: «дурин».

5) Б: «чалагача», чит. «чалагача».

6) Бартольдъ, Туркестанъ II, стр. 42.

7) Березинъ, Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева (Труды Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ. VIII), стр. 412.

Литовскіе варианты легенды о женскихъ характерахъ.

(Три жіночі вдачи).

Украинскій изслѣдователь живой старины Володимиръ Гнатюкъ въ статьѣ «Легенда Про три жіночі вдачи. (Причинокъ до исторіи вандрівки фольклорнихъ мотивовъ)» отмѣтилъ четыре варианта легенды о *превращеніи кошки и суки* въ дѣвицы, совершенно похожія на *Носву дочь красавицу*, и важность изученія этой сказки для опредѣленія путей заимствованій сказочно-легендарныхъ мотивовъ. Пути, указанные г. Гнатюкомъ слѣдующіе:

1. Отъ Грекъ до Руси, сначала непосредственно, а затѣмъ черезъ старыхъ Болгаръ и Сербовъ.

2. Черезъ Грецію, Римъ, романо-германскій міръ, при посредствѣ западныхъ Славянъ, Чеховъ и Поляковъ въ Малую Русь.

3. Черезъ Арабовъ и южную Африку въ Испанію, романо-германскія земли, западныхъ Славянъ въ Русь.

4. Этотъ путь, самый краткій, пошелъ отъ Татаръ въ Турцію и въ Русь (напр. анекдоты про цыганъ).

5. Пятый путь, еще не извѣстный, шелъ отъ Арабовъ къ Туркамъ и Сербо-Хорватамъ, а потомъ черезъ Русинновъ, то есть Угорусовъ, какъ мы увидимъ ниже, къ Литовцамъ.

Пользуясь записями своими въ Угорской Руси, сдѣланными 15 лѣтъ тому назадъ и обнародованными въ «Етнографічному Збірникъ» (т. 3 (1897) и 9 (1900), г. Гнатюкъ приводитъ для разъясненія пятаго пути странствованія легенды — четыре сказки: 1) «про три віри руські», 2) «Три роди жінокъ», 3) «Žene od tri krvi», 4) арабскій разсказъ о Ноѣ и его красной дочери. Другихъ соотвѣтствій авторъ этого сравнительнаго фольклористическаго этюда не нашелъ. Но, какъ видно ниже изъ пересказовъ двухъ литовскихъ легендъ, сказка эта извѣстна и среди Литовцевъ. Передаемъ сначала содержаніе арабской сказки¹⁾.

1) Заимствована эта сказка изъ Levesques. Sechs Monate in Orien и изъ Крауса Anthropophyteia VIII, p. 438 — 439. См. Гнатюкъ, Легенда, отт. стр. 10. Зап. Наук. Т. ім. Шевч. т. 97.

У Ноя была прекрасная дочь. Однажды къ патриарху пришли три молодца жениха, неотступно желавших получить въ жены его дочь.

Ной растерялся и не зналъ, кому изъ трехъ дать преимущество.

Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, Ной возмолился Господу Богу, который и совершилъ чудо. Кошка и сука, находившіяся у Ноя, превратились въ красавицъ, совершенно похожихъ на его собственную дочь.

Вслѣдствіе этого чуда всѣ три жениха получили чего желали и три пары ушли изъ дома патриарха.

Скоро Ной захотѣлось увидѣть свою собственную дочь, но онъ не былъ въ состояніи различить среди трехъ, кто изъ нихъ его родная дочь.

Въ такой бѣдѣ опять молился онъ Богу и потомъ отправился въ путь для отысканія своей настоящей дочери. Сначала прибылъ онъ къ первому зятю. Тотъ хвалилъ свою жену, но замѣтилъ, что страннымъ образомъ она иногда лаетъ какъ собака. Второй зять тоже хвалилъ жену, но замѣтилъ, что у нея странная иногда является прихоть «мяукать» какъ кошка. Ной понялъ, что эти дочери происходятъ и отъ суки и отъ кошки и что третья навѣрно будетъ его настоящая дочь. Такъ и случилось. Люди рассказываютъ, что Арабы всѣ происходятъ отъ Ноевыхъ дѣтей, а различіе женскаго характера объясняется отъ происхожденія кошачьяго или собачьяго.

Въ русскихъ вариантахъ не говорится, когда это все случилось, только сказано: «У йидного дѣда була йиднѣ донька». Та пришліи нараз три сватачі. Та ўсѣи три були богатыі. Дидъ ихъ угостилъ и обѣщалеся дать отвѣтъ. Они ушли, а дѣдъ давалъ говорить бабѣ, чтоже теперь намъ дѣлать, у насъ одна единственная дочь. Ночью ангелъ явился ему во снѣ и говорилъ: и запрі ти, дѣду, до кучі свиньскоіи «сукѣ, свиньѣ и дѣйку: Ысѣи-три». Рано утромъ вышли три дѣвушки всѣ, другъ на друга похожи такъ, что трудно узнать, которая была отъ кого. Дѣдъ выдалъ ихъ всѣхъ замужъ. Послѣ свадьбы онъ говоритъ бабѣ: «Бѣжи, бапка, што на насъ се ўпало? Иппнѣ дѣчку-сѣе мѣли, тай типѣрь ни знайиме істинно, котра ѣи тепѣрь наша дѣчка». Ангелъ опять явился и говоритъ: «Приходи, дѣду, до донькѣй ў недѣльку рано та ўвидиш, котро ѣи істинна твоѣя донька».

Пришелъ къ первой. Она еще спитъ, всѣ въ беспорядкѣ. . . Увидѣлъ, что отъ свиньи. Во второе воскресенье пошелъ къ другой. Ея нѣтъ дома, она къ сосѣдямъ пошла и устроила большой скандалъ, кого облаяла, кого и побранила. Онъ и узналъ, что она отъ суки. Пошелъ онъ тогда къ третьей. Та рано утромъ встала, хата выметена, ѣсть приготовлено, и она говоритъ: «Нѣаньку мѣй лѣубий! Сидѣйтес. Ци гораад, ви? Ци здорові? І такъ нѣти мѣло фриштиковѣти, бо ѣа іду до цѣркоўцы. А ѣакъ прийду с цѣркоўцы, тогдѣи будѣмѣ сѣа гѣстити, шчо Богъ сѣднѣ; обимъ служѣнку ни ўтраѣтила. І тогдѣи пришлѣа с цѣркви і угѣстиласѣа, і тогдѣи дѣдо увидѣй, што тотѣ ѣи ѣинго істинно дѣчка».

Въ сербеко-боснійскомъ вариантѣ каждый женихъ приходитъ отдѣльно и каждому изъ нихъ отецъ обѣщаетъ выдать дочку. Когда жена его порицаетъ за неразумныя обѣщанія, тогда онъ, нисколько не тужа, отвѣчаетъ, что онъ имѣетъ кромѣ дочки еще свинью и суку и что онъ попроситъ Бога, чтобы превратилъ ихъ въ дѣвушки, похожія на дочь и онъ выдастъ ихъ трехъ тогда трѣмъ женамъ.

Богъ ласковъ и не откажетъ ему въ исполненіи просьбы. Такъ и случилось. Отецъ не знаетъ въ какое мѣсто уѣхали его зятя, онъ спрашиваетъ народъ, который ему и указываетъ, какъ и кто живетъ: первая какъ сука, вторая какъ свинья, а третья какъ ангелъ.

По личному сообщенію г. Валд. Андерсона въ Минскѣ, эта мусульманская легенда широко распространена у Волжскихъ инородцевъ. У насъ на Литвѣ она встрѣчается въ двухъ пересказахъ, записанныхъ въ Шавельскомъ уѣздѣ Коволенской губ. и въ Вилковинскомъ у. Сувалской губ. и напечатанныхъ въ сборникахъ Ив. Юрьевича Басановича.

а) въ книгѣ: Lietuviszkos pasakos I. Medega Lietuviszkai mytologijai Surinko, D-ras I. Basanavicius Shenandoah, Pa Dirvos spaustuvcje. 1898. 8°. 194. стр.

б) въ четвертомъ томѣ изданія того-же Басановича: Lietuviškos Pasakos yvairios Surinko Dr. J. Basanavičius. Chicago, I II. 1905.

Первый вариантъ изъ Шавельскаго уѣзда помѣщенъ за № 23 на стр. 12—13, какъ матеріалъ по литовской мифологіи, и въ переводѣ легенда изображаетъ это дѣло слѣдующимъ образомъ.

Кто знаетъ когда, въ иное время, когда вездѣ были лѣса, пуши и непроходимыя чащи жило-было въ этомъ полѣсьи семейство: отецъ, мать и одна единственная дочь, которая была очень красива. Ихъ начали посѣщать три молодца, кто ихъ знаетъ откуда, и всѣ три влюбилеся въ одну ихъ дочь. И разъ уѣзжая каждый изъ трехъ молодцовъ сказалъ отцу: ты позаботься о томъ, чтобы выдать за меня дочь свою. Я черезъ недѣлю приѣду, если я ее не получу, то тебѣ будетъ плохо. Опечалившись отецъ проводить день за днемъ и ничего не можетъ придумать. Дочь одна, а ихъ трое, что я могу дѣлать? Такъ ничего не придумавши, въ виду приближенія срока приѣзда жениховъ, шель человекъ по лѣсу, виѣ себя отъ горя и встрѣтилъ старика. Тотъ его спрашиваетъ, что ты человѣчекъ такъ ходишь озабоченный. Человекъ ему все рассказалъ и старикъ далъ ему слѣдующій совѣтъ. Наканунѣ приѣзда жениховъ впусти въ каморку свою суку, свинью и дочь. Когда всѣ приѣдутъ, выпусти ихъ всѣхъ, а теперь будь спокоенъ и иди себѣ домой.

Человекъ возвратился домой и поступилъ въ назначенное время такъ, какъ совѣтовалъ ему старикъ. Собрались женихи, отецъ открылъ каморку (нечистая половина хаты) и выпустилъ всѣхъ трехъ въ хату (чистую избу, по лит. gūbė, русск. гридница).

И не было болѣе ни суки, ни свиньи, а всѣ три были одинаковы, какъ его дочь. И отецъ ихъ не различалъ, и онѣ всѣ его называли отцомъ. Молодцы каждый себѣ взяли по женѣ, благодарили отца и мать и уѣхали къ себѣ въ домъ. По истеченіи нѣкотораго времени мать сказала отцу, чтобы онъ отправился искать и посѣтить дочь.

Онъ и вышелъ изъ дому, шелъ, шелъ черезъ лѣса и кусты и нашелъ среди лѣса наконецъ пахаря, который пахалъ поле, и онъ былъ исхудавши. Подошелъ къ нему и сказалъ «Помогай Богъ», тотъ ему отвѣтилъ «Спасибо». Спрашиваетъ пахарь (artojas): Куда твоя милость (tamista) батька идешь? Выдать дочь замужъ, иду ее навѣстить. И говоритъ пахарь: я твой зять и прошу тебя гостить у меня.

Пришли въ домъ, дочка поздоровалась и расспрашивала про мать, общалась пріѣхать въ гости, приняла его и угощала. Отецъ гостилъ у нихъ, но удивлялся поведенію дочери, что она лается то на мужа то на дѣтей, то и на домочадцевъ.

Думалъ себѣ отецъ: здѣсь не моя дочь, здѣсь моя сука и попрощавшись пошелъ себѣ далѣе и нашелъ другого пахаря. Пахарь этотъ также приглашаетъ его къ себѣ, какъ его зять. Пошли въ домъ, дочь спрашивала обо всемъ, угощала, но удивлялся отецъ тому, что все и вездѣ нечисто и гадко и подумалъ отецъ, здѣсь не моя дочь, здѣсь моя свинка и скоро прощавшись съ нимъ и узнавъ, что онъ тоже его зять. Лѣсу, нашелъ опять пахаря, поздоровался съ нимъ и узнавъ, что онъ тоже его зять. Просилъ зять его къ себѣ въ домъ, пришли. Дочь отца пріѣтствовала отца со всеми своими дѣтьми, все было прибрано, вычищено, угостила его и заставила отдохнуть и спрашивала его: здорова ли моя матушка, отчего она меня не навѣщаетъ? Отцу здѣсь понравилось, онъ долго гостилъ, здѣсь было спокойно, красиво и уютно. И онъ сказалъ. Вотъ это здѣсь моя настоящая дочка. Уходя общался прійти вмѣстѣ со женою.

Легенда эта записана въ 1892 году М. Сланчюсомъ въ деревнѣ Трумпаичи, Шавельскаго у., Ковенской губерніи.

Другой вариантъ, записанный Ивановскимъ въ Ошкабалхъ, Бартинской вол. Сувалкской губ., озаглавленъ «О старикъ (ape senuka), и трехъ «дочеряхъ» человека (ir tris žmogaus dukteris)».

Какъ уже ясно изъ выше пересказанныхъ вариантовъ, превращеніе суки и свиньи въ человѣческую дочь является актомъ Божьяго творенія. Богъ тогда далъ и сотворилъ все, о чемъ его просили (a vele, da je onda Bog davo i svago opo, što bi se od njega zamolilo говорится въ Боснійскомъ вариантѣ). У Латышей и Литовцевъ въ сказкахъ и въ пословицахъ Богъ является въ образѣ старика, иногда нищаго. Когда громъ гремитъ, то старикъ (vescajs) «бага» — ругается.

Вмѣсто Бога и ангела, дающаго совѣтъ запереть три творенія въ хлѣвъ или въ каморку, у Литовцевъ самъ Богъ — старикъ даетъ раду и совершаетъ чудо превращенія. Характерно, что у Литовцевъ особыхъ *заклочительныхъ* словъ о

характеръ женъ и женщинъ нѣтъ. «Всѣ четыре варианты закінчуются конклюдентною оповідача про вдачу «жінок, ріжною лише що до об'єму», говорить Гнатюк, стр. 12. (Зап. Наук. тов. ім. Шевч., т. 97).

Во второмъ литовскомъ вариантѣ изъ Сувалкской губ. вмѣсто свиньи является «kumele»-кобыла. Вотъ какъ гласитъ второй вариантъ:

Былъ хозяинъ (ukinikas), онъ имѣлъ одну единственную дочь. Кто знаетъ откуда пріѣхали къ нему три молодца. Вотъ эти три молодые люди говорили хозяину: когда мы другой разъ пріѣдемъ, чтобы ты имѣлъ для каждаго по дочери; а если нѣтъ, то мы съ тобой прикончимъ (au galą padarysim).

Что ему теперь дѣлать? Имѣетъ онъ одну только дочь, но откуда ему взять еще двухъ? заботится (gūrinasi) человекъ и не знаетъ куда дѣваться. Но разъ отправляясь въ городъ, онъ встрѣтилъ какого то старика (tokį senuką).

Говоритъ ему старикъ (seniukas): подвези меня (pavėžik manę). А онъ ему въ отвѣтъ: садись (gali sėsti) и опять молчитъ. Будучи старикъ спрашиваетъ: Что ты такой угрюмый (liudnas)? Отчего ты со мною не разговариваешь? Когда я изъ за горы не могу говорить (šnekėti). Ну, какое у тебя горе, чтобы со мною не разговаривать. Говоритъ тогда человекъ (žmogus). Разъ пріѣхало три молодца и захотѣли они, чтобы я за нихъ троихъ выдалъ по дочери, и они уже завтра пріѣдутъ, а у меня только одна дочь и есть, и если у меня не будетъ для каждаго по невѣстѣ, то пріѣдетъ мнѣ конецъ. Отвѣчаетъ старикъ: не бойся, человѣче, я тебѣ дамъ совѣтъ (pabijok tu, žmogau, aš tau duosiu rodą), ты въ эту ночь выпусти въ клѣтъ кобылу, свинью и дочь (inleisk in klėtį kumelę, keulę, ir dukterį) и ты утромъ увидишь, что ты тамъ найдешь. Человекъ поблагодарилъ за добрый совѣтъ, старикъ ушелъ себѣ (tas seniukas nuvė sau), а онъ поѣхалъ въ городъ, купилъ всякихъ напитковъ для свадьбы (ant vėstuvių) и возвратился домой. Вечеромъ ввелъ въ клѣтъ кобылу, свинью и дочь. Утромъ человекъ открылъ клѣтъ, видитъ три дѣвицы, всѣ три какъ одна, никто ихъ не можетъ разпознать и всѣ его отцомъ называютъ «trys mergos, teip kaip viena, nieks jų ne gali pažit ir visos jį tėvu vadina».

Пріѣхали молодцы, каждый изъ трехъ женился на одной изъ нихъ и уѣхали себѣ, а куда, человекъ не узналъ. Но прошло уже нѣсколько лѣтъ (jau perejo pora metų), онъ соскучился по дочери, пошелъ ее искать, но не знаетъ куда идти. Въ свое время видѣлъ онъ только, что зятья уѣхали на сѣверную сторону (kad in žiemę pusę, puvažėu) и онъ тоже отправился туда искать. Идетъ, идетъ, ушелъ уже давно, далеко отъ дома, какъ увидѣлъ человека, который камни разбиваетъ (rado žmogų akmenis skaldant). Помогай Богъ. Благодарю (dėkui). Куда ты идешь человекъ. Иду дочь искать (Ainu dukters ieškoti). Я твой зять, пойдемъ ко мнѣ. Пошли, видитъ отецъ, тамъ все нечисто, все запущено (apsivėlę), всѣ горшки, блюда и комнаты полны навоза. Даютъ ему кушать, но онъ ничего не хочетъ, потому что не чисто.

Думалъ онъ, здѣсь моя свинья, прощался съ ними и пошелъ другую дочь искать. Идетъ и находитъ въ лѣсу челоѣка, который дерево рубить и его спрашиваетъ, куда ты идешь, челоѣче (kur aini žmogeli?). А онъ отвѣчаетъ: иду дочь разыскать. Тотъ его узнаетъ и говоритъ: я твой зять, а ты меня не узнаешь? (aš tavo žentas, ar tu manes nepažįsti?). Пришли къ той, которая, куда не идетъ, все смѣется, речетъ, какъ лошадь (atėjo pas tą, kuri tik aina, tai vis juokasi, vis žvengia). Думаетъ онъ себѣ, это не моя дочь, это кобыла. Распрощался и пошелъ дальше. Идетъ и находитъ челоѣка, который поле пашетъ. Зять его узнаетъ. Спрашиваетъ: куда идешь? Иду дочь навѣстить. Я же твой зять, пойдемъ ко мнѣ домой. Пришли, дочь его радостно встрѣчаетъ, тамъ все тихо, красиво и чисто (ten jam viskas ramu, gražu, čysta), и онъ гостилъ съ удовольствіемъ. Когда возвратился, домой онъ взялъ бабѹ и оба поѣхали къ дочери въ гости (ten jis maloniai pasisvečiau, ir parėjęs namo, pajėmė bobą, ir abu nuvažėu' pas dukterį).

Въ латышскихъ и польскихъ сказкахъ я пока соотвѣтствій не находилъ. Ихъ нѣтъ въ сборникахъ Лерхисъ-Пушкайтиса: *Latveetchu tautas teikas unpatakas. I—VI. Riga 1891—1896*, ни въ инфлянтскихъ сказкахъ мною собранныхъ, ни въ сборникѣ Стеф. Уляновской «*Lotysze Infant polskich a w szczególności z gminy Wieloniskiej powiatu Rzeżyckiego*» съ *III Zbiór wiadom. d. a. kr. XVIII. 1894*. Кромѣ того просмотрѣны мною съ цѣлью отысканія вариантовъ *Chełchowski Powieści Opowiadania z okolic Prasznyca, 1—2. W. 1889—90; Dowojna-Silwestrowicz, Podania żmudzkie 1—2. W. 1894*; сборникъ латышскихъ сказокъ въ *Rakstu krājums* Риж. Лат. Общ. III. 1885, стр. 80—116; *Трейландъ Брив-земліаксъ, Латышскія народныя сказки, и др.*

Характерно для Литовцевъ. 1) замѣна суки кобылою; 2) разработка эпизода о занятіяхъ зятѣй въ Сувальскомъ вариантѣ, одинъ каменотесъ, второй лѣсорубъ, третій хозяинъ-крестьянинъ; 3) отсутствіе мотива о появленіи ангела во снѣ; 4) отсутствіе заключительныхъ фразъ о женскихъ характерахъ; 5) женихи съ «сѣвера»; 6) типическое смиреніе и подчиненіе судьбѣ; 7) появленіе Бога въ видѣ старика; 8) чудо совершается не въ хлѣву, а въ каморкѣ или даже въ кѣлтѣ, т. е. лучшей части дома, въ которомъ угощаются почетные гости.

Такъ какъ литовскіе варианты записаны въ разныхъ концахъ литовской территоріи отъ Шавель до Сувалокъ, то надо желать, чтобы мѣстные исследователи живой старины собрали записи этой легенды для восстановленія пути ея перехода изъ Венгріи въ Литву. По мнѣнію Крауса въ Боснію это сказаніе попало съ далекаго востока черезъ посредничество Турокъ или устно или же черезъ рукописи, сохраняемыя въ повѣстьяхъ Боснійской Сербіи, какъ предметъ умышленнаго развлеченія. Откуда пришли литовское преданіе и варианты до сихъ поръ остается намъ не развѣданнымъ.

Э. Вольтеръ.

Матеріалы для османскаго народнаго календаря.

Въ приложеніи къ XIII-му тому «*Türkische Bibliothek*» (библіографическую замѣтку о которомъ читатель найдетъ ниже) проф. Г. Якобъ сообщаетъ (стр. 106), со словъ графа Э. фонъ Мюлинен (Eberhard von Mülinen), распространенныя между женщинами названія мусульманскаго (луннаго) года. Это навело меня на мысль, что, быть-можетъ, своевременно будетъ опубликовать собранныя мной въ Турціи замѣтки какъ о солнечномъ, такъ и о лунномъ годѣ. Заранѣе, однако, приходится заявить, что это — довольно-таки случайный матеріалъ, нуждающійся въ пополненіи.

Солнечный годъ.

Въ деревняхъ годъ дѣлится на двѣ половины: отъ дня Хызра (23-е апрѣля) до Касима (26-е октября), — лѣто («*яз*»), и отъ дня Касима до дня Хызра, — зима («*кыш*»). День Хызра, въ народѣ синкретизировавшагося съ христіанскимъ св. Георгіемъ, такъ и называется «началомъ лѣта» («*яз сене башы*»); день Касима («Отдѣляющій», — лѣто отъ зимы), — «началомъ зимы» («*кыш сене башы*»). Въ Касимѣ отложились христіанскія представленія о св. Димитріи. Съ такимъ, народнымъ, дѣленіемъ года считаются даже составители календарей, отмѣчающіе, сколько дней прошло или осталось отъ дней Хызра и Касима.

Официальный гражданскій годъ въ Турціи, какъ извѣстно, начинается 1-го марта, и на взаимномъ непониманіи построенъ анекдотическій рассказъ о крестьянинѣ, который далъ взаймы денегъ до новаго года. Должникъ обѣщалъ вернуть долгъ 1-го марта, но крестьянинъ упрамо настаивалъ, чтобы онъ отдалъ деньги непременно въ день Хызра, т. е. 23-го апрѣля!

9-е марта. 1) Наканунѣ, подъ вечеръ, дѣти гурьбой въ фантастическихъ одѣянїяхъ обходятъ кварталы города и, возвѣщая наступленіе лѣта, расцѣлуютъ иѣсни. Хозяинъ дома выноситъ дѣтямъ сладости. Когда обходятъ конченъ, дѣти садятся гдѣ-нибудь и дѣлать собранныя лакомства. Этотъ обычай въ Кара-Хисарѣ, Сипасскаго вилайета извѣстенъ подъ именемъ «*саја тезмек*»¹⁾.

1) На Кавказѣ извѣстны «саячи», странствующие пѣвцы, обходящіе, впрочемъ, дома въ концѣ осени и зимою: Ф. Кочаринскій, Пѣсни «саячи» (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Тифлисъ. 1910. Выпускъ XLI).

2) Въ Эдремитъ (Брусского вилаета) день 9-го марта называется «султан наирос» (султанъ-новый годъ). Дѣти приносятъ въ школу їду и вмѣстѣ съ учителемъ їдутъ куда-нибудь за городъ на прогулку¹⁾.

3) Въ Коніи принято въ этотъ день дарить цвѣты или, оставшіеся отъ прошлого сезона, плоды (напр., арбузы).

Всѣ эти новогодиіе обычаи, вѣроятно, иранскаго происхожденія²⁾.

23-е апрѣля (день Хызра). 1) Въ этотъ день всѣ бросаютъ въ домѣ работы и идутъ гулять. Если беременная женщина займется чѣмъ-нибудь 23-го апрѣля, ребенокъ родится уродомъ: такъ, если мать въ этотъ день мѣсила тѣсто, руки ребенка будутъ сплетены, ноги сросутся съ животомъ, и т. п. Во всякомъ случаѣ, если не на дѣтяхъ, то на скотѣ проявится уродство (Кара-Хисаръ Сивасскаго вилаета).

2) Въ этотъ день нельзя также рубить дрова (Измидъ).

3) Каждый старается посадить 23-го апрѣля плющъ или какое другое вьющееся растение. Народъ думаетъ, что болѣзни, сидѣвшія въ человѣкѣ, непременно въ теченіе года выйдутъ изъ него, разъ плющъ обовѣется вокругъ дома (Кара-Хисаръ Сивасскаго вилаета).

4) Для успѣха въ дѣлахъ, садятъ пахучіе цвѣты. Дѣвушки садятъ розы, надеясь, что будутъ такъ же прелестны, какъ розы (Кара-Хисаръ Сивасскаго вилаета).

5) До восхода солнца пишутъ заклинанія («муска» изъ «муча») отъ клоновъ, скорпионовъ и т. п. и вѣшаютъ бумажку въ домѣ (Кара-Хисаръ Сивасскаго вилаета)³⁾.

Апрѣль («абрул»). Въ апрѣль идутъ дожди, называемые «кырк ілкінді»⁴⁾. Вода, падающая на землю въ апрѣлѣ, считается священной, и ею поютъ больныхъ. Дѣвочки подставляютъ подъ дождь головы, такъ какъ думаютъ, что отъ апрѣльскаго дождя быстро растутъ волосы. Если какой годъ дожди эти идутъ ровно сорокъ дней, въ народѣ царитъ радость; благодаря Бога за милость, устраиваютъ торжество: рѣжутъ барановъ и раздаютъ мясо бѣднымъ (Кара-Хис. Сив. вил.).

Май («маіс»). Послѣ зимнихъ холодовъ пастухи выгоняютъ стада въ поле. Пометъ животныхъ называется «маіс»; отъ этого, — думалъ мой собесѣдникъ, уроженецъ Кара-Хисара, — и мѣсяцъ получилъ свое имя.

1) Весеннія прогулки за городъ съ учителемъ распространены и въ другихъ вилаетахъ, напр., въ Ангортъ.

2) Повидимому, — насколько можно судить по «Путевымъ запискамъ» Мехмеда-челеби, отъ XVIII-го вѣка, — этотъ день долго являлся у османцевъ началомъ новаго года.

3) Дѣвушки въ этотъ день распѣваютъ также «подблюдныя» маны, гадаю о будущемъ (I. Kıpnoz, Über die Volksproseie der osmanischen Türken, Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ акад. В. В. Радлова, т. VIII, стр. XXII).

4) «Кырк ілкінті» — сорокъ первенцевъ. Возможно, что слово «ілкінті» замѣнилось «іркінті», т. е. вода, скопившаяся отовсюду.

Іюнь («кйраз»). Іюнь въ простонародѣ зовется «черешней», потому что это — первый плодъ, созрѣвающий въ году (Кар.-Хис.).

Іюль («орак»). Название мѣсяца соответствуетъ нашему «серпеню».

Августъ («харман»). Мѣсяцъ жатвы.

15-е августа. Въ Брусе дѣти въ бумажныхъ колпакахъ ходятъ толпой по кварталамъ и, загоразивая прохожему дорогу, берутъ съ него выкупъ. При этомъ они распѣваютъ пѣсенки, продѣ следующею:

«Јансур, јансур јау шішлер,
Іште гелді дервішлер,
Дервішлеріп карны ач,
Бір парчаджык мум істер»¹⁾.

(Переводъ: О, вы, шейхи-заступники! Вотъ пришли (къ намъ) дервиши. Дервиши проголодались и хотятъ немного «воску».

Сентябрь («авара»). Такъ какъ полевые работы гдѣ покончены, крестьяне предаются бездѣлю («авара» = бездѣльничъ).

Октябрь («һач»). Христиане опускаютъ въ воду крестъ. При этомъ нѣкоторые раздѣваются и бросаются за крестомъ въ воду. Кто первый схватитъ крестъ и станетъ на приготовленный заранее подносъ, того богато одаряютъ, а стекающую съ мокраго тѣла воду сливаютъ въ серебряный сосудъ. Священники торжественно переносятъ сосудъ въ церковь и хранятъ тамъ воду. Вода эта въ глазахъ мѣстныхъ христианъ — священна.

«һач» — заимствованное у армянъ слово и означаетъ «крестъ». Повидимому, разумѣется праздникъ «Воздвиженія Честнаго Креста», хотя нѣсколько странно, что обычай, соблюдаемый, вѣроятно, 14-го сентября, повліялъ на названіе слѣдующаго за нимъ мѣсяца, — октября²⁾ (Кара-Хисаръ).

15-ое октября. Въ этотъ день специалисты заговариваютъ бородавки (Аяшъ, Ангорскаго вилаета).

26-е октября (день Касима). Въ уѣздѣ Ташъ-кѣпрю Кастамунійскаго вилаета дѣти набрасываютъ на себя странныя одѣянія и съ пѣснями обходятъ деревню. Хозяева раздаютъ дѣтямъ сладости.

Ноябрь («коч, или въ Коніи, — кош катымы»). 12-го ноября барановъ подпускаютъ къ самкамъ. Въ народѣ сложилось повѣрье, что если баранъ набросится сперва на черную овцу, — въ тотъ годъ выпадетъ много снѣгу, а если устремится на бѣлую самку, — значить, зима будетъ суровая.

1) Пѣсенку эту записалъ въ Брусе, по моей просьбѣ, мой слушатель В. М. Заваринъ. Можетъ-быть, стихъ въ устахъ дѣтей искажился, и первоначально «шейхи» (јау шішлер = ја шейхлер?) зывали къ Богу о помощи (јансур)?! Переводъ сомнителенъ.

2) Этотъ обычай еще совсѣмъ недавно соблюдался, кажется, на побережьи Крыма, — гдѣ есть греки, — 6-го января.

Декабрь, январь. Первые десять дней декабря известны под именем «кара кыш» (черная, жестокая зима). После того наступают холода, длящиеся «со-рокъ дней», почему это время и называется «арбайн» или «земһери»¹⁾.

Февраль («гүдәжүк»). Так-какъ въ февралѣ мѣсяцъ только двадцать восемь дней, народъ и называлъ мѣсяцъ «крошкой».

Названія мѣсяцевъ.

(Записано отъ лаза, родомъ изъ Ризе, Трапезундскаго вилайета). 1) март, 2) april, 3) maie, 4) керез, 5) чурук, 6) август, 7) іставріт, 8) октôври, 9) кош кожан, 10) сыгыр кожан, 11) jeni il, 12) кучук.

Примѣчаніе. Чурук (= чүрүк) — гнилой (іюль): «іставріт» (отъ греч.: σταυρός — крестъ), — сентябрь; «кош кожан» — спаривающій барановъ съ овцами (ноябрь); сыгыр кожан — спаривающій быковъ съ коровами (декабрь); jeni il — новый годъ (христіанскій); кучук (= күчүк) — маленький.

Дни недѣли.

Обычныя названія дней недѣли происхожденія иноязычнаго: джума — пятница, джума ертеси — послѣ пятничныи день, — суббота, базар — воскресенье, базар ертеси — понедѣльникъ, салы — вторникъ²⁾, чеһар (чаар) шембе — среда, пендж (пер) шембе — четвергъ.

Въ Эзбидерѣ (уѣзда Эндаресъ, Сивасскаго вилайета) известны такія названія:

1) джума — пятница, 2) джум'ертеси — суббота, 3) кіре (изъ *хиряхъ*?) — воскресенье, 4) аязмап — понедѣльникъ, 5) дернек — (собраніе-съѣздъ подвечерній на базаръ?) — вторникъ, 6) базар (торгъ) — среда, 7) джум'ашамы (канунъ пятницы) — четвергъ.

Народныя примѣты.

1) *Һач* — буджаҫа *кач!* (Когда наступаетъ мѣсяцъ октябрь, — прячесь (отъ холода) въ уголъ!) или

2) *Һач*, — чолуу-чоджуу ал, ічері *кач!* (Октябрь, — забирай чадцевъ и домоладцевъ и укрывайся въ домъ!)³⁾.

3) Корк абріліи *бешиден*,
öküzü аҫыр *ешинден!*

(Берегись 5-го апрѣля, — отбѣляй быка отъ самки!)

1) За ними идутъ холода, продолжающіеся «пятьдесятъ дней» («һамсін»).

2) «Салы» (въ Коніи: «се шембе»), — какъ я высказалъ въ примѣчаніи къ «Пѣснямъ крымскихъ турокъ» А. Олесницкаго. Москва, 1910, стр. 109, есть видоизмѣненіе арабскаго «саліс» (третій). Недаромъ мягкость гласной второго слога сохраняется иногда въ языкѣ образованныхъ османцевъ, которые говорятъ «*салъ*». [Этимологія слова *салы* неизвѣстна. Ред.]

3) Намекъ на то, что пора уже покидать лѣтнія кочевья.

Примѣчаніе. 5-го апрѣля бываетъ страшная буря¹⁾.

4) Когда бываетъ урожай на злаки или на плоды, это указываетъ, что зима будетъ суровая (Аяшъ, Ангорскаго вилайета).

Сновидѣнія.

Османцы не придаютъ никакого значенія зимнимъ снамъ; наоборотъ, очень вѣрять снамъ майскимъ, и за разъясненіемъ обращаются къ спеціальнымъ снотолкователямъ. Отъ предковъ у османцевъ остался наказъ: «јазымъ јаз олеун, кышымъ кыш олеун, арпалар келле чектіји вакыт, дүшүм дүш олеун! (Лѣто такъ лѣто, зима такъ зима, а вотъ когда ячмень будетъ наливаясь въ колосъ, пусть сны мои будутъ вѣщны!» (Кара-хисаръ).

Лунный годъ.

Мухарремъ. Въ первый день мѣсяца мухаррема народъ поздравляетъ друга друга съ началомъ новаго года. Это, своего рода, первое апрѣля. Подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ всякій старается выманить утромъ у встрѣчнаго деньги и только заполучить ихъ, какъ говоритъ: «Да продлитъ Богъ Ваши дни! Поздравляю Васъ съ новымъ годомъ!» Этими словами онъ какъ бы напоминаетъ своему собесѣднику о началѣ луннаго года. Взятыхъ денегъ онъ уже не возвращаетъ. И хотя бы пострадавшій даже обратился въ судъ, онъ проиграетъ дѣло, если только хитрецъ докажетъ, что онъ «поздравилъ» истца съ новымъ годомъ. Таковъ народный обычай. Въ этотъ день кушцы обыкновенно не берутъ съ собой денегъ, изъ опасенія, — какъ бы по разсѣянности не попасться въ ловушку²⁾.

Въ 10-ый день («ашура») мѣсяца мухаррема погибъ, какъ извѣстно, младшій сынъ Алія, Хусейнъ, почему и мѣсяцъ въ народѣ называется «*ашура*».

Въ этотъ день готовятъ особое кушанье «ашура». Настоятель дервишскаго ордена «мевлеви» въ Коніи имѣетъ въ своемъ распоряженіи особые деньги, которыми тратитъ на приготовленіе «ашура». Ашурой кормятъ не только всѣхъ являющихся въ «текке» (монастырь), но и разсылаютъ еще кушанье по городу.

Ребіуль-завелъ, ребіуль-ахыръ. Въ народѣ эти мѣсяцы называются «мѣсяцами рожденія Пророка», — мевлид айлары: *илък мевлид* (первый мѣсяцъ рожденія) и *сон мевлид* (послѣдній мѣсяцъ рожденія).

1) Съ этой примѣтой связано сказаніе о происхожденіи странной формы горы въ окрестностяхъ Кляха (Эрзерумскаго вилайета).

2) Этотъ обычай соблюдается и въ Константинополѣ: 1) J. Mészáros, Osmanisch-türkischer Volksglaube. Keleti Szemle. 1906. (VII), стр. 175. 2) Der Muharrem, замѣтка (д-ра Ф. Шрадера) въ константинопольской газетѣ «*Osmanischer Lloyd*», 1911, № 2. — Въ этой замѣткѣ г. Шрадеръ указываетъ также, что дервиши вспоминая о жаждѣ, мучившей Хусейна, стараются въ теченіе всего мѣсяца мухаррема или вовсе не пить *воды*, или же пить воду изъ глиняныхъ или мѣдныхъ кружекъ, но не изъ прозрачныхъ стакановъ.

Пророкъ родился, по вѣрованію мусульманъ, 12-го числа мѣсяца ребіуль-эввелъ.

Реджебъ, шабанъ. Какъ преддверіе въ постъ, эти мѣсяцы называются «мѣсяцами молитвы» (намазъ айлары). Наканунъ поста (наступающаго въ рамазанъ) дѣтей одѣляютъ халвой.

Реджебъ. Вечеромъ, наканунъ первой пятницы мѣсяца реджеба воспоминается зачатіе Пророка («лейлет-уль-регаибъ»). Въ мечетяхъ и нѣкоторыхъ «текке» (монастыряхъ) послѣ пятой молитвы читаются отрывки изъ «Мевлида» (Рожденіе Пророка) Сулеймана челеби. Правотѣрные прикладываются къ бороде Пророка («муйи шерифъ»); всѣхъ присутствующихъ въ «текке» одѣляютъ во время чтенія «Мевлида» сладостями.

Въ Коніи недѣли за двѣ до «ночи зачатія Пророка» дѣти ходятъ по домамъ съ зажженными свѣчами, какъ бы возвѣщая жителямъ о предстоящемъ радостномъ событіи.

Этотъ обычай называется «шивли». Слово это объясняютъ двояко: 1) изъ арабскаго: «шўле» (свѣточъ), 2) искаженіемъ «Шибли» (vulgo: «Сиплы»). Это былъ будто бы пророкъ, предсказывавшій рожденіе Мохаммеда.

Шабанъ. 15-ое число мѣсяца шабана называется «ночью граматы» («лейлейи бератъ», или «бератъ геджеси»¹⁾). Чтобы погадать о своей судьбѣ, обыкновенно 15-го шабана становятся спиной къ лунѣ такъ, чтобы тѣнь падала спереди. Если при этомъ почему-либо не видать тѣни, это служитъ указаніемъ на близкую смерть. Подавленный мыслью о смерти, человекъ весь отдается молитвѣ. (Кара-хисаръ²⁾).

Шеввалъ. Мѣсяцъ шеввалъ, слѣдующій за мѣсяцемъ поста («рамазаномъ») открывается трехдневнымъ празднествомъ, и называется поэтому «праздничнымъ мѣсяцемъ» («байрамъ айы»).

Зиль-хидже. 10-го числа воспоминается жертвоприношеніе Авраамомъ сына *Исмаила*³⁾; поэтому и мѣсяцъ называется «мѣсяцемъ жертвъ» («курбанъ айы»). Каждый старается въ этотъ день заклать барана. Бѣднякамъ и софтамъ присылается изъ дворца и отъ «эвкафа» мясо.

Наканунъ рамазана и байрамовъ идутъ на кладбище, прибираютъ могилы, читаютъ надъ могилой Коранъ, и т. д.

Вл. Гордлевскій.

Двѣ сибирскія былины изъ записей С. И. Гуляева.

Покойный этнографъ-любитель Степанъ Ивановичъ Гуляевъ, служившій въ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Сибири, въ Алтайскомъ горномъ округѣ Томской губерніи, оставилъ цѣнное наслѣдіе въ видѣ записей былины, историческихъ пѣсень, лирическихъ пѣсень, обрядовъ и т. п. Нѣсколько ЛНБ былины (6) были доставлены имъ въ 50-хъ годахъ въ Имп. Академію Наукъ и впервые напечатаны въ «Памятникахъ великорусскаго нарѣчія», изданныхъ въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ II-го Отдѣленія 1852—1854 г. Вслѣдствіи въ 60-хъ годахъ эти сибирскія былины были внесены Безсоновымъ въ разные выпуски «Пѣсень собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ». Послѣ смерти С. И. Гуляева его сынъ передалъ имъ чрезъ посредство В. И. Семевскаго рукописный сборникъ былины и историческихъ пѣсень, которыя его отецъ не успѣлъ издать. Большинство былины было записано С. И-чемъ со словъ отличнаго сказателя, крестьянина Барнаульской волости деревни Ересной, Леонтія Гавріловича Тупицына, съ которымъ онъ познакомился въ 1871 году. Былины сборника Гуляева были мною напечатаны въ 1894 году въ Москвѣ въ изданіи Этнографическаго Отдѣла Имп. Общ. Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии: «Русскія былины старой и новой записи». Историческія пѣсни того-же собирателя были съ моими замѣчаніями изданы мною въ 1904 году въ XI т. Извѣстій Отдѣленія русск. яз. и словесности Имп. Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: «Историческія пѣсни изъ Сибири». Такимъ образомъ все содержаніе сборника былевыхъ пѣсень, составленнаго С. И. Гуляевымъ въ Томской губерніи, стало достояніемъ изслѣдователей былины и историческихъ пѣсень. Однако недавно при просмотрѣ рукописей по народной словесности, доставленныхъ въ разное время Имп. Академіи Наукъ, я убѣдился, что не всѣ былины, присланныя Гуляевымъ въ 50-хъ годахъ, были изданы въ вышеупомянутомъ академическомъ сборникѣ «Памятниковъ великорусскаго нарѣчія». Въ числѣ «Матеріаловъ для словаря» оказались двѣ былины, доставленныя Гуляевымъ и написанныя его рукою. Одна носитъ заглавіе: «Про Алешу Поповича», другая — «Про Илью Муромца и Алешу Поповича». Вѣроятно, не попали онѣ въ академическое изданіе потому, что

1) Въ Брусѣ дѣти ходятъ вечеромъ со свѣчами. Въ мечетяхъ ѣдятъ пшавъ, пьютъ шербетъ и молятся за умершихъ. (Сообщеніе В. М. Заварина).

2) Въ эту ночь Пророкъ получилъ «полномочія» («бератъ») на предстательство за вѣрующихъ передъ престоломъ Всевышняго.

3) Такова мусульманская версія жертвоприношенія.

одна представляет только начало пѣсни, а другая не болѣе, какъ вариантъ довольно распространеннаго эпического сюжета о Соколѣ-кораблѣ. Но въ настоящее время мы научились цѣнить все, даже самые скудные остатки исчезающей въ народѣ старинной былевой поэзіи. Иногда даже плохіе скомканные варианты могутъ дать кое-что цѣнное для исторіи нашего эпоса, въ худшемъ случаѣ свидѣтельствовать хотя-бы о географическомъ распространеніи того или другого былиннаго сюжета. Въ виду этого не лишены интереса и обѣ записанныя Гуляевымъ былины, которыхъ текстъ я привожу съ его и моими замѣчаніями.

I.

Про Алешу Поповича.

Что не стукъ то стучить во теремъ,
 Что не громъ то гремитъ во високомъ,
 Подымается чадо милое,
 Чадо милое порожденное

5 Свѣтъ-Алешенька Чудородычъ младъ.

«Ахъ ты мать моя, родна матушка,
 Свѣтъ Амирфа Тимоосевна!
 Дай ты мнѣ благословеньицо,
 Благословеньицо позаочное,

10 Погулять мнѣ по бѣлѣ свѣту».

— Ахъ ты гой еси чадо милое,
 Чадо милое порожденное,
 Порожденное однокровное
 Свѣтъ Алешенька Чудородовичъ!

15 Ты не можешь, Алеша, на конѣ сидѣть,

Ты не можешь, Алеша, конемъ владѣть.

Булатная сабеля тебѣ вѣтяжела,
 Златая кольчуга тебѣ вѣдолга.—

«Ахъ ты гой еси мать родимая,

20 Свѣтъ Амирфа Тимоосевна!

Я могу, Алеша, на конѣ сидѣть,
 Я могу, Алеша, конемъ владѣть,
 Могу, Алеша, конемъ шурмовать:
 Булатная сабеля мнѣ вѣлегка,

25 Златая кольчуга мнѣ вѣкоротка».

Записана С. Н. Гуляевымъ въ Локтевскомъ заводѣ Алтайскаго горнаго округа со словъ заводскаго мастерового инвалида Кузиванова. Примѣчанія Гуляева: *вѣтяжела* тяжеловата; *вѣдолга* долговата, длинненька; *вѣлегка* легковата, легонька; *вѣкоротка* коротенька, коротковата.

Былина представляетъ выдержанную въ эпическомъ стилѣ картину сборовъ молодого богатыря, отправляющагося на подвиги и испрашивающаго благословеніе у матери. Хотя она называется богатыря Алешей, но нетрудно догадаться, что Алеша замѣнилъ здѣсь богатыря Добрыню Никитича. Зачины былины объ Алешѣ и Тугаринѣ обыкновенно рассказываютъ о выѣздѣ его изъ Ростова, называютъ его сыномъ пона ростовскаго (Девонтія или Федора) и не упоминаютъ о его матери, между тѣмъ какъ многія былины о Добрынѣ содержатъ въ зачинѣ рассказъ о прощаніи богатыря съ матерью. Въ гуляевской былинѣ мать Алешы носитъ имя Амирфы Тимоосевны, представляющее легкое искаженіе имени Амелфы Тимоосевны, былиной матери Добрыни Никитича¹⁾. Добрыня, какъ указываютъ нѣкоторыя былины, выезжаетъ на подвиги двѣнадцати лѣтъ, и мать, удерживая его дома, ссылается на его ранній возрастъ и неподготовленность къ боевой жизни. Такъ въ одной уральской былинѣ она говоритъ сыну:

«Ужъ ты гой еси, дитя мое, чадо милое,
 Добрынюшка, сынъ Никитовичъ!
 Молодехонекъ ты, зеленехонекъ.
 Неумѣшь ты, Добрынюшка, коня сѣдлатъ,
 Ты коня сѣдлатъ, Добрынюшка, конемъ владѣть,
 Тебѣ отъ роду только двѣнадцать лѣтъ²⁾»....

Въ виду того, что первымъ и главнымъ подвигомъ юнаго Добрыни въ былинахъ представляется его змѣборство, можно съ вѣроятностью предположить, что разсматриваемая гуляевская былина была зачиномъ старинныя этого же сюжета, но съ перенесеніемъ роли Добрыни на Алешу. Такое смѣшеніе, объясняющееся тѣмъ, что оба богатыря въ нашемъ эпосѣ являются змѣборцами — Добрыня бьется со змѣемъ Горыничемъ, Алеша съ Тугариномъ Змѣвичемъ, — встрѣчается, напримѣръ, въ одной былинѣ, записанной въ Мензелинскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи объ Алешѣ и Скимѣ-звѣрѣ, т. е. Скимѣ-звѣрѣ, какъ извѣстно, появляющемся въ былинахъ о Добрынѣ въ связи съ рожденіемъ этого богатыря. Уфимская былина открывается обычнымъ зачиномъ былины о Добрынѣ, но замѣнила его Алешей:

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
 Приклоняется Алеша къ своей матушкѣ,
 Онъ и просить у ее благословеньица,
 Онъ и просить у ее онъ великаго:
 «Благослови-ка ты меня, матушка,
 Благослови-ка меня ты, родимая,

1) Амирфа Александровна упоминается въ былинномъ отрывкѣ о прощаніи юнаго богатыря съ матерью, записанномъ Г. Н. Потанинымъ въ Бухтармѣ Томской губ. См. Тихонравовъ-Миллеръ, II стр. 279.

2) Тамъ-же II, стр. 78.

Да со Скимомъ-звѣремъ поборотися,
Да со Скимомъ-звѣремъ порататися¹⁾»....

Такое усвоение роли Добрыни Алеши можетъ объясняться и тѣмъ, что въ былинахъ, записанныхъ въ Сибири, Алеша Поповичъ сохранилъ еще въполнѣ свой старинный обликъ могучаго богатыря, который значительно потускнѣлъ въ Олонецкомъ былинномъ районѣ, гдѣ въ старинкахъ выступаютъ на первый планъ несимпатичныя стороны его характера — коварство, лживость, хвастливость, проницательность. Деградація Алеши, замѣтная ярко у олонецкихъ сказителей, совсѣмъ не замѣтна въ восточныхъ мѣстахъ, въ западной и восточной Сибири, куда Алеша Поповичъ вмѣстѣ съ колонистами ушелъ изъ европейской Россіи еще удалымъ, смѣлымъ и славнымъ богатыремъ²⁾. Въ «Очеркахъ» я высказалъ предположеніе, что такому пониженію нравственного облика Алеши Поповича могло содѣйствовать предполагаемое народомъ поповское происхожденіе этого богатыря, выводимое изъ его отчества. «Поповскіе роды хвастливые, поповскіе глаза завидующіе» — такіе приговоры вырываются иногда изъ устъ Ильи Муромца по адресу Алеши³⁾. Поэтому, быть можетъ, не простая случайность, что въ рассматриваемой гуляевской былинѣ Алеша получилъ вмѣсто своего обычнаго отчества другое, отзывающееся чѣмъ то искусственнымъ: онъ — *Чудородычъ* или *Чудородовичъ*. Вѣроятно, это выдуманное отчество должно намекать на чудесныя свойства богатырскаго мальчика. Въ краткой уфимской былинѣ, которой начало мы выше привели, имя Алеши встрѣчается 13 разъ, при чемъ мы ни разу не встрѣчаемъ отчества *Поповичъ*. Обычное отчество Алеши замѣнено также въ одной былинѣ о его боѣ съ Тугариномъ, записанной въ Терской области въ Грозненскомъ округѣ, страннымъ эпитетомъ *Догрубникъ*, представляющимъ искаженіе чего то другого⁴⁾. Эти факты какъ будто указываютъ на то, что сказители былинъ объ Алешѣ иногда старались избѣгать упоминанія его обычнаго отчества.

II.

Про Илью Муромца и Алешу Поповича.

По морю, по морю по Хвалынскому,
Тутъ то плаваетъ Соколь-корабль,
Плаваетъ онъ по тридцать лѣтъ.
Ко крутымъ берегамъ не причаливалъ,
5 Рудожелтаго песку въ глаза не видалъ,
На якорѣ Соколя не ставалъ.
Хорошо этотъ корабликъ изукрашенъ былъ:

1) Тихонравовъ-Миллеръ II, № 20, стр. 67.

2) См. мои Очерки русской народной словесности, т. II, стр. 162.

3) Тамъ-же стр. 156.

4) Тихонравовъ-Миллеръ—Былины старой и новой записи, II, стр. 281.

Изукрашенъ корабликъ плисомъ, бархатомъ,
Носъ-отъ кораблика по соколиному,
10 Корма у кораблика по змѣиному.
Носомъ владѣлъ Алеша Поповичъ младъ,
Кормой владѣлъ Многолюды богатырь,
А всѣмъ кораблемъ Илья Муромецъ.
На Муромцѣ кафтанъ рудожелтой камки,
15 На кафтанѣ пуговицы вальжанные;
Что въ каждой пуговкѣ было по камешку,
Что въ каждомъ камешкѣ по люту льву.
Нападали на Соколя-корабль разбойники,
Что крымскіе татары съ калмыками,
20 Хотѣли корабль они въ полонъ себѣ взять.
Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,
Своей тросточкой по пуговкамъ похаживаетъ:
Златы пуговицы разгораются,
Лютые звѣри разсержаются.
25 Крымскіе татары испугались,
Всѣ во синее море побросались.

Записана на Локтевскомъ заводѣ отъ стараго солдата Василія Худянова.

Пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ на Соколя-кораблѣ, на сколько можно судить по доселѣ извѣстнымъ записямъ, представляютъ три разновидности. *Первая* наиболѣе содержательная версія нашлась въ рукописномъ сборникѣ, доставленномъ въ Имп. Публичную библиотечку изъ Вологодской губерніи и была впервые издана акад. Л. П. Майковымъ въ «Живой Старинѣ» (Вып. I. 1890 г.), а затѣмъ помѣщена мною въ «Былинахъ старой и новой записи» (II, № 16). Близкій къ ней вариантъ былъ записанъ въ Енисейскомъ округѣ Кривошапкинымъ, напечатанъ въ изданіи Географическаго Общества въ 1865 г. и перепечатанъ мною въ сборникѣ «Былины новой и недавней записи» въ 1908 г.¹⁾

Первая половина этой пѣсни—описаніе Соколя-корабля—значительно обильнѣе деталями оснащенія корабля, чѣмъ гуляевская версія. Во второй половинѣ изображается нападеніе на Соколя-корабль Салтана Салтановича. Ильѣ Муромцу приказываетъ Добрыня принести лукъ въ двѣнадцать пудъ и выпускаетъ стрѣлу въ кося сажень съ наговоромъ, чтобы она разбила Салтану ретиво сердце. Тутъ Салтанъ покался:

«Не подай, Боже, водиться съ Ильей Муромцемъ,
Не дѣтямъ нашимъ, не внучатамъ,
Не внучатамъ, не правнучатамъ,
Не правнучатамъ, не пращурятамъ».

1) № 17, стр. 31—33.

Во второй версии, известной у уральских казаков и очень краткой, рассказывается, как на Кіань-море, о котором раньше не было слышно, собираются какие то, повидимому, известные у казаков лица—Суцкой (иначе Сацкой), Пруцкой и Новоторженской (иначе Новоторженец), снаряжают тридцать кораблей без единого и украшают «Сокол-корабль» деревьями кипарисовыми и шелковыми снастями. На корме посажен Илья Муромец, на носу—Добрыня Никитичъ. Въ морѣ налетаетъ на корабль сизый орелъ и хочетъ его потопить. Илья стрѣляетъ въ него, и орелъ падаетъ во сине море¹⁾. Эта версия была известна и В. И. Даля. Въ «Отмѣткахъ изъ сказокъ и преданій въ народѣ объ Ильѣ Муромцѣ В. И. Даля», помещенныхъ Безсоновымъ въ Приложеніи къ I-му вып. пѣсенъ Кирѣвскаго²⁾, говорится, что «Илья, на Соколѣ-кораблѣ, вмѣстѣ съ Добрынею, поплылъ на Окіанъ-море, о которомъ до того и слыхомъ не слыхать было; Соколѣ-корабль наслушался отъ сизаго орла». Къ этой же версии относится подраженная, но во всякомъ случаѣ не сочиненная, казачья пѣсня про Сокола и Орла, напечатанная И. П. Сахаровымъ въ «Сказаніяхъ русскаго народа». Справедливо во многомъ не доверяя Сахарову, какъ издателью, Безсоновъ доводитъ однако слишкомъ далеко свой скептицизмъ, предполагая, что Сахаровъ прямо «составилъ» (т. е. сочинилъ) эту пѣсню и внесъ въ нее имя Разина, чтобы найти въ ней отголосокъ того известнаго факта, что Разинъ, тѣднвшій на Соколѣ-кораблѣ, сжегъ Орелъ, старшее наше судно. Приведя эту пѣсню⁴⁾, Безсоновъ проницески замѣчаетъ: «Это такая мастерская былина, что ее не помѣнять при своемъ изслѣдованіи (о бунтѣ Стеньки Разина) даже г. Костомаровъ». Однако, за вычетомъ нѣкоторыхъ подравокъ Сахарова, его вариантъ близко совпадаетъ съ обоими уральскими, которые уже никакъ не могутъ быть заподозрены въ поддѣлкѣ. У Сахарова нѣтъ именъ Сацкого, Пруцкого, но упомянутъ *Новоторженецъ*, снаряжающій, какъ въ уральскихъ записяхъ, тридцать кораблей безъ одного и украшающій Соколѣ-корабль кипарисовыми деревьями и шелковыми снастями. На кормѣ посаженъ Илья Муромецъ, на носу, вмѣсто Добрыни Никитича, Стенька Разинъ. Далѣе пѣсня изображаетъ, какъ и уральскія, нападеніе Сизаго орла, приказъ Ильи Муромца своему спутнику подать ему лукъ въ 15 пудъ и выстрѣлъ Ильи Муромца, убившій орла. Итъ, эта пѣсня, какъ показываетъ сравненіе съ уральскими вариантами, не измышленіе Сахарова, и только остается одинъ вопросъ: напелъ ли Сахаровъ Стеньку Разина въ записи, бывшей у него подъ рукой, или самъ вставилъ это имя вмѣсто имени Добрыни Никитича.

Третья версия былины объ Ильѣ на Соколѣ-кораблѣ, къ которой принадлежитъ издаваемая нами гуляевская запись, представлена пятью вариантами, помещенными

Безсоновымъ въ пѣсняхъ Кирѣвскаго¹⁾, вариантомъ, записаннымъ на р. Колымѣ г. Богоразомъ и изданнымъ мною въ статьѣ «Новыя записи былины въ Якутской области» (въ 1900 г.)²⁾, и вариантомъ, записаннымъ въ станицѣ Червленой на Терекѣ въ 1896 г.³⁾. Все варианты Кирѣвскаго сходятся между собою въ томъ, что на Соколѣ-кораблѣ помещены 2 богатыря: Полканъ и Илья Муромецъ, или Святотгоръ и Илья Муромецъ, или Симеонъ (по предположенію Безсонова *Самсонъ*) и Илья Муромецъ, далѣе, что на корабль нападаютъ *горскіе* татары съ калмыками (въ 4-хъ вариантахъ на стр. 22). Въ вариантѣ сибирскомъ изъ Якутской области вмѣсто двухъ богатырей на Соколѣ въ зависимости отъ трехъ частей корабля (кормы, носа и середины) помещены 3 богатыря: Полканъ на носу, Алеша Поповъ на кормѣ, Илья Муромецъ въ серединѣ. Въ издаваемомъ гуляевскомъ вариантѣ находимъ также трехъ богатырей, но перешедшій въ наши сказки и былины изъ сказки о Бовѣ Королевичѣ Полканъ (*Pulicane* въ *Buovo d'Antono*) замѣненъ какимъ-то новымъ лицомъ со страннымъ именемъ *Многомудъ*-богатырь. Интересно отмѣтить, что хотя, какъ и слѣдуетъ ожидать, въ пѣснѣ о Соколѣ главную роль играетъ Илья Муромецъ, разгоняющій нападающихъ *крымскихъ* татаръ и калмыковъ (въ сибирскихъ записяхъ) своими лютыми львами, помѣщающимися въ пуговкахъ его кафтана, но товарищемъ его на кораблѣ названъ не Добрыня Никитичъ, а Алеша Поповичъ. Въ этомъ мы видимъ лишнее подтвержденіе тому наблюденію, что Алеша Поповичъ сохранилъ въ Сибири гораздо прочнѣе, чѣмъ въ Европейской Россіи, свою старинную славу великаго ростовскаго богатыря⁴⁾.

Считаемъ не лишнимъ отмѣтить кетати, что въ рукописномъ отдѣленіи библиотеки И. Академіи Наукъ сохранилась также въ оригиналѣ гуляевская запись былинаго отрывка про Змѣя Горыныча. Другой экземпляръ той же былины находится въ доставленномъ мнѣ рукописномъ сборникѣ былины, собранныхъ Гуляевымъ (см. выше). Сличая объ эти записи съ текстомъ, изданнымъ въ «Памятникахъ великорусскаго нарѣчія» и затѣмъ перепечатаннымъ Безсоновымъ въ 1-мъ томѣ «Пѣсенъ, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ»⁵⁾, мы замѣтили пропускъ нѣкоторыхъ стиховъ и другія отличія. Въ виду краткости этой загадочной былины, загадочной по тому, что она не называется ни имени княгини, зачавшей богатыря отъ змѣя, ни имени богатырскаго сына⁶⁾, считаю нелишнимъ перепечатать ее вполнѣ, отмѣчая курсивомъ стихи, внесенные въ академическое изданіе.

1) См. вып. I, стр. 22, 40 и 41.

2) См. Извѣстія Отд. русск. яз. и словесности И. Ак. Наукъ, т. V, кн. 1-я, стр. 75 и слѣд. Перепечатано въ «Былинахъ новой и недавней записи» № 18.

3) См. Былины новой и недавней записи № 19.

4) Еще далѣе въ возвеличеніи Алеши идетъ казачій терскій вариантъ: хотя на кораблѣ сидитъ Илья Муравичъ, но «всѣмъ корабличкамъ завѣдуитъ Алешенька сынъ Поповъ» (см. Был. новой и недавн. записи стр. 35).

5) См. стр. 12 внизу.

6) Обыкновенно предполагаютъ, что дѣло идетъ о рожденіи Волха Всеславича. Живая Старина. 1911.

1) См. Желѣзнопѣ—«Уральцы»—очерки быта Уральскихъ казаковъ. Т. III, стр. 128, и Н. Т. Мякушинъ—Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ стр. 6—7. Обѣ пѣсни помещены въ Былинахъ старой и новой записи II стр. 65 и 276.

2) стр. XXXIV.

3) См. Изд. 8-е 1841 г. т. I «Казачія пѣсни» № 20, стр. 244.

4) Пѣсни, собранныя И. В. Кирѣвскимъ. В. 7-ой стр. 146 прибавленія.

- Ходила книгиня по крутымъ горамъ,
 Ходила она съ горы на гору.
 Ступала книгиня съ камня на камень,
 Ступала книгиня на люта змѣя,
 5 На люта змѣя, на Горынича.
 Вокругъ ¹⁾ ея ножки змѣи обвился,
 Вокругъ ¹⁾ (ея) башмачка сафьянова,
 Кругомъ ея чулочка скурмать-сукна,
 Хоботомъ бьетъ ее въ бѣлыя груди,
 10 *Въ бѣлыя груди человчески;*
Цѣлуетъ ее во уста сахарныя.
Отъ того книгиня поносъ понесла,
Поносъ понесла, очреватѣла ²⁾;
 Носила во утробѣ чадо девять мѣсяцевъ,
 15 На десятой-то чадо провѣшилось,
 Провѣшилось чадо, проговорилось:
 «Ужъ ты гой еси, родная матушка! ³⁾
 Когда я буду на возрастъ ⁴⁾,
 На возрастъ въ пятнадцать лѣтъ ⁵⁾,
 20 Ужъ ты скуй мнѣ палицу боевую,
 Боевую палицу во сто пудъ.
 Мнѣ палица легка покажется ⁶⁾,
 Ужъ ты скуй, матушка, въ полтора пудъ.
 Тогда то, родимая матушка,
 25 *Буду я со змѣемъ драться ⁷⁾,*
 Зайду къ нему въ пещерички змѣинныя,
 Сойму съ него буйну голову ⁸⁾,
 Подниму ее на острый коль,
 Поднесу ее къ твоему дворцу ⁹⁾».

Всес. Миллеръ.

- 1) *Кругомъ* въ рукописномъ сборникѣ Гуляева.
 2) Въмѣсто 4-хъ курсивомъ отмѣченныхъ стиховъ въ академическомъ изданіи читается одинъ стихъ: «А книгиня отпоры поносъ несла».
 3) Въ академич. изданіи: *матушка родимая*.
 4) Въ академич. изданіи этому стиху предшествуетъ стихъ: *не дамъ я тебя змѣю въ обиду*.
 5) Въ академич. изданіи: *пятнадцати лѣтъ*.
 6) Въ академич. изданіи: *Когда та палица легка покажется...*
 7) Въ академич. изданіи вмѣсто двухъ одинъ стихъ: *Тогда то я матушка буду со змѣемъ воевать*.
 8) Въ академич. изданіи: *Я зайду то къ нему въ пещерички змѣинныя, Стому ему буйную головушку*.
 9) Въ академич. изданіи: *Подниму его головушку на острый коль, Поднесу его головушку къ твоему дворцу*.

Русскіе этнографическіе музеи и собранія.

I.

Музей Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великаго.

«Museum Petropolitanum». С.-Пб. 1741 г.; «Gebäude der Kais. Akademie der Wissenschaften, Bibliothek und Kunst-Cammer in St.-Petersburg, nebst einer kurzen Anzeige aller daselbst vorhandenen Kunst- und Natur-Sachen. Zum Gebrauch derjenigen, welche die Akademie beschen wollen» (иллюстр. путевод. на русскомъ и нѣмецкомъ яз., изд. въ 1741 г.; на латинскомъ яз. — въ 1744 г.); Johann Backmeister, «Versuch über die Bibliothek und das Naturalien- und Kunst-Kabinet der Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg», изд. 1777 г.; Вѣляевъ, «Кабинетъ Петра Великаго», С.-Пб., 1793, 2-ое изд. 1800 г.; «Mémoire sur l'état actuel des dépendances scientifiques de l'Académie Impér. des Sciences...» (изд. 1830-хъ гг.), стр. 41—44; B. Dorn, «Das Asiatische Museum der K. Akademie der Wissenschaften», С.-Пб., 1846 г.; Д-ръ Елисѣевъ, «Изъ исторіи культуры. Обзоръ этнографическаго и антропологическаго Музея Импер. Академіи Наукъ», С.-Пб., 1895 г.; Fr. Russow, «Beiträge zur Geschichte der ethnographischen und anthropologischen Sammlungen der Kais. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg» («Сборникъ Музея по Антропологии и Этнографии», вып. I, 1900); «Путеводитель по Музею Антропологии и Этнографии». С.-Пб., 1904 г.; Б. Ф. Адлеръ, «Музей Этнографии и Антропологии имени Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ (Землеведѣніе, 1904 г., кн. I—II, стр. 183—204). «Ко дню семидесятилѣтія Василія Васильевича Радлова, 5 Января 1907 г.», С.-Пб. 1907 г. Отчетъ по Музею помѣщается въ общемъ отчетѣ Академіи.

Прошлое Музея имѣетъ двухъвѣковую исторію. Начало его богатымъ коллекціямъ положено Императоромъ Петромъ Великимъ, который во время своихъ путешествій по Европѣ старательно собиралъ, среди другихъ раритетовъ, этнографическіе и антропологическіе предметы. Такъ, въ 1746 г. имъ приобретены были въ Амстердамѣ отъ аптекаря Себы различные предметы «изъ восточной и западной Индіи и другихъ восточныхъ странъ», между ними художественныя издѣлія китайскія изъ слоновой кости, камня и сандалнаго дерева. Въ слѣдующемъ году имъ была приобретена знаменитая коллекція анатомическихъ препаратовъ Рюйша. Всѣ эти и другія приобретенныя имъ коллекціи переданы были въ основанную имъ Кунст-Камеру, ставшую родоначальницей всѣхъ академическихъ музеевъ. Впервые этнографическія коллекціи Академіи Наукъ были выдѣлены (сначала изъ Кунст-Камеры, а потомъ изъ «Восточнаго Кабинета») въ особый «*Этнографическій музей*» въ 1837 г. Черезъ 40 съ лишнимъ лѣтъ, въ 1878 г., по предложенію академика Шренка, къ этому музею былъ присоединенъ такъ называемый «Анатомическій кабинетъ», въ

которомъ трудами знаменитаго біолога Бэра были собраны большія коллекціи по антропологии и до-исторической археологии, и объединенный Музей переименовывается въ «Музей по Антропологии и Этнографіи преимущественно Россіи». Въ 1889 г. Музей впервые переводится въ занимаемое имъ нынѣ зданіе и въ 1891 г. открывается для публики. Но нормальное существованіе и развитіе Музея начинается только со второй половины 90-хъ годовъ прошлаго вѣка. До того Музей не имѣлъ ни штата консерваторовъ, ни бюджета для планомѣрнаго собиранія коллекцій, и все помѣщеніе его ограничивалось однимъ этажемъ нынѣшняго трехэтажнаго зданія. Общее количество собранныхъ въ немъ предметовъ не превышало 5 1/2 тысячъ, да и тѣ не были зарегистрированы. Новыя коллекціи поступали только случайно, и Музей, за неимѣніемъ средствъ, не былъ въ состояніи выступить на путь активнаго и планомѣрнаго собиранія.

Благодаря введенію штатовъ, обезпечившихъ содержаніе постоянного научнаго персонала и планомѣрное собираніе коллекцій, благодаря, далѣе, энергичному привлеченію частныхъ пожертвованій, Музею удалось за истекшіе 17 лѣтъ расширить свое помѣщеніе вчетверо, увеличить свои коллекціи почти въ двадцать разъ и выступить на широкій путь научнаго института этнографіи. Въ декабрѣ 1902 г., къ двухсотлѣтней годовщинѣ Петербурга, Музей получилъ нынѣшнее свое наименованіе: «Музей Антропологии и Этнографіи имени Императора Петра Великаго». — Этимъ названіемъ, въ которомъ выключены шренковскія слова «преимущественно Россіи», опредѣляется настоящій обще-этнографическій характеръ дѣятельности Музея.

Цѣли и задачи Музея. Музей Антропологии и Этнографіи имени Императора Петра Великаго есть одно изъ учрежденій Императорской Академіи Наукъ. На счетъ Академіи Музей содержится, и подъ ея руководствомъ и контролемъ направляется его дѣятельность.

По направленію своему, въ новѣйшій періодъ своего существованія академическій Музей является музеемъ *общей* этнографіи. Говоримъ *общей*, потому что возможны музеи чисто территориальныя, изучающіе этнографическія явленія одной опредѣленной территоріи, области, страны, колоніи и т. д.

Музей общей этнографіи имѣетъ своимъ предметомъ культуру *всего* чело-вѣчества какъ въ статическомъ, такъ и въ динамическомъ отношеніяхъ. Такой музей не только долженъ дать полную картину отдѣльныхъ культуръ самыхъ различныхъ народовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ представить всѣ фазы процесса развитія и распространенія общечеловѣческой культуры.

Такимъ образомъ, территорія научнаго вѣдѣнія Музея — вся эйкумена чело-вѣка, живой объектъ изученія — всѣ народы земли.

Одинъ только типъ культуры обыкновенно не представляется въ этнографическихкихъ музеяхъ — это та современная европейская культура, которая насъ окру-

жаетъ. Ея нѣтъ возможности собирать въ музеяхъ — такъ она велика и многооб-емлюща — и нѣтъ въ этомъ надобности, ибо вся окружающая насъ среда — живой музей этой культуры, а тотъ быстрый процессъ эволюціи, который имѣтъ мѣсто на протяженіи самаго новѣйшаго времени, такъ колоссаленъ, что для изображенія его требуется множество самыхъ разнообразныхъ музеевъ техники и искусства. Этнографическіе музеи такимъ образомъ сосредоточиваются на культурахъ низшаго типа и высшихъ культурахъ внѣ-европейскаго круга народовъ. Изъ культурныхъ явленій европейскихъ народовъ Музей интересуется только тѣми, которыя являются анахронизмами, пережитками культуры прошлаго времени. Эти пережитки въ обилии сохранились даже въ самыхъ прогрессивныхъ странахъ Европы среди крестьянскаго населенія.

Но для выясненія процесса эволюціи культурныхъ явленій недостаточно изученія культуръ нынѣ живущихъ народовъ, хотя бы и самыхъ примитивныхъ, ибо и самыя низшія изъ современныхъ культуръ — продуктъ долгаго процесса развитія изъ формъ еще болѣе примитивныхъ, формъ культуры народовъ уже отошедшихъ. Вотъ почему Музей этнографіи долженъ имѣть при себѣ отдѣлъ *археологическій*. Собираніе этнографическаго матеріала должно идти рядомъ съ собираніемъ матеріала ископаемаго, археологическаго.

Наконецъ, еще одна область науки находится въ близкомъ отношеніи къ задачамъ обще-этнографическаго музея — это соматическая *антропология*. Имѣя дѣло съ классификаціей культуръ, этнографія классифицируетъ и носителей ихъ, и однимъ изъ весьма важныхъ методовъ этой послѣдней классификаціи является методъ соматической антропологии. Вотъ почему Музей собираетъ матеріалы, характеризующіе физическій типъ расовыхъ разновидностей чело-вѣка: черепа, кости, фотографіи, антропометрическій матеріалъ и т. д.

Всѣ эти матеріалы сосредоточены въ третьемъ отдѣлѣ Музея — *антропологическомъ*.

Такимъ образомъ, по основному своему назначенію, академическій Музей является, прежде всего, научнымъ институтомъ, лабораторіей для всякаго спеціалиста, занимающагося изученіемъ исторіи культуры въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, институтомъ одинаково важнымъ для этнолога, археолога и историка.

Въ то же время Музей выполняетъ важную функцію — *педагогическую*: здѣсь преподаватель этнографіи можетъ демонстрировать на систематически подобраннымъ матеріалѣ то, о чемъ онъ теоретически говоритъ своимъ слушателямъ въ аудиторіи.

Въ послѣднее время, отчасти м. б. и подъ непосредственнымъ вліяніемъ Музея, важность изученія этнографіи все болѣе и болѣе начинаетъ сознаваться въ нашихъ педагогическихкихъ кругахъ, и въ Музей являются для изученія не только слушатели высшихъ учебныхъ заведеній, но и народныхъ университетовъ и среднихъ и низ-

ших учебных заведений со своими руководителями. Таким образом, в педагогическом отношении Музей имеет значение не только для столицы, но для всей России, откуда являются для обозрения как преподаватели, так и целые экскурсионщики под руководством своих учителей истории и географии.

О значении Музея, как воспитательного учреждения, для широких масс много распространяться не приходится. Здесь зритель знакомится не только с бытом всех народов земли, но получает поучительный материал для сравнения с собственным бытом и собственной психикой. Расширяя свой общий духовный горизонт, зритель здесь получает, вместе с тем, наглядный этический урок психического единства человечества и закона общего сотрудничества народов на общее их благо.

Этим тремя целям — научным, учебным и культурно-просветительным — особенно стремится удовлетворять академический Музей.

Помимо своей непосредственной задачи — собирания, систематизирования и выставления коллекций — Музею приходится выполнять функции другого характера, функции информации и инструктирования лиц, интересующихся тем или другими вопросами этнографии, или лиц начинающих, желающих посвятить себя этнографическим исследованиям. Кроме того, время от времени в Музее читаются и систематические лекции по общим и специальным вопросам этнографии. Наконец, на персонал Музея лежит обязанность научной обработки музейного материала и издания его. Музею удается с этой целью с 1900 г. «Сборник Музея по Антропологии и Этнографии» (вышло 12 выпусков). Кроме того, Музей издает объяснительные каталоги и путеводители.

Ученый персонал Музея состоит в настоящее время из директора, действительного члена Академии Наук, одного старшего этнографа и двух младших, заведующих разными отделами Музея. Сверх штата состоят при Музее три специалиста, заведующие: один — отделами культур восточных стран Азии, другой — отделом Археологии, третий — отделом Антропологии, и затем несколько лиц для регистрации, фотографических работ, канцелярского делопроизводства, ведения библиотеки и пр. Кроме того, на особое лицо возложено заведывание памятным отделом Императора Петра Великого. Как научное, так и хозяйственное ведение дела находится под контролем Академии.

Средства Музея составляют, прежде всего, из штатных сумм, отпускаемых Государственным казначейством (11,900 р.). Этой суммы в настоящее время едва хватает на содержание персонала и на удовлетворение самых необходимых текущих хозяйственных нужд Музея. Главнейшие расходы по расширению помещения, мебелировке, приобретению коллекций и снаряжению экспедиций производятся на средства, пожертвованные частными лицами. Таким образом был сооружен

целый третий этаж, обошедшийся в 70 тыс. рублей, обставленный железными шкафами залъ нижнего этажа, приобретен целый ряд богатых коллекций и т. д.

Зависимость Музея от частных пожертвований — не случайная особенность только академического Музея. Этнографические музеи, обнимающие культуры народов всего мира, по самой природе своей не могут соразмерить свои потребности со своими бюджетами, как бы велики последние ни были. Этнографические музеи не в праве останавливать свои сборы из-за недостатка средств, ибо, при нынешних размерах распространения европейской культуры до самых отдаленных уголков мира, целому ряду первобытных культур, при столкновении с европейцами, грозит вырождение, и музеям необходимо выступать вовремя, чтобы спасти для науки обреченные на гибель памятники культуры. Поэтому, даже такие богатые музеи, как Берлинский, не могут обходиться без частных пожертвований или, по крайней мере, без постоянных займов.

Собирание коллекций составляет основную функцию всякого музея. Правильная организация этого дела должна стоять на первом плане. Было время, когда музеи довольствовались теми собраниями, которые дарили им или продавали случайные собиратели. При тех требованиях к общему-этнографическим музеям, о которых мы говорили выше, музеи не могут довольствоваться подобными случайными поступлениями чтобы добиться цельной картины эволюции и распространения общечеловеческой культуры, сборы должны быть организованы планомерно, дабы в конечном итоге получилась действительно как можно более полная, цельная картина. Но собирание специально этнографических коллекций требует совершенно особых условий. Недостаточно только собирать коллекции: необходимо их изучить всесторонне *на месте*, а изучение коллекций требует одновременно и полного изучения соответствующей народности, творца этих коллекций. Конечно, если та или другая народность уже предварительно изучена и результаты изучения опубликованы, тогда задача крайне проста: достаточно заручиться более или менее подготовленным лицом, которое собирало бы по указанному исследователями пути. Еще проще приобрести коллекцию такой народности у самого исследователя или путем обмена у того или другого учреждения, которое добыло двойную коллекцию, что многие музеи нередко и делают. К сожалению, все эти способы не всегда применимы.

Не всегда представляется случай купить или выменять коллекцию, а, главное, далеко не все — и часто самые интересные — народности этнографически изучены. Единственным рациональным способом в таких случаях остается таким образом снаряжение специальных экспедиций. Каждая экспедиция должна оставаться на месте до тех пор, пока данная народность не будет всесторонне изучена, в том числе и в лингвистическом отношении, дабы по возвращении экспедиция имела в своем распоряжении полный материал для монографии о данной народности.

Обычный способ посылания коллекторовъ, единственная задача которыхъ собрать въ невозможно кратчайшее время наибольшее количество коллекцій — способъ очень легкій и съ вѣншей стороны весьма продуктивный (музеи сразу обогащаются тысячами предметовъ), но въ научномъ отношеніи онъ только въ рѣдкихъ случаяхъ даетъ удовлетворительные результаты. При собираніи насѣхъ, свѣдѣнія о предметахъ не отличаются достаточной достовѣрностью и полнотой и потому могутъ ввести въ заблужденіе, но, еще хуже, самые важные предметы культуры, религіозные, при поспѣшномъ собираніи, остаются безъ опредѣленія и, въ виду ихъ индивидуальнаго характера, разъ оторванные отъ почвы, обречены остаться навсегда не опредѣленными.

Въ академическомъ Музеѣ практиковались самые различные способы собиранія. Какъ это ни покажется страннымъ, но въ XVIII в. практиковался въ Академіи болѣе научный способъ собиранія посредствомъ специальныхъ экспедицій, во главѣ которыхъ стояли такія лица, какъ Гмелинъ, Палласъ, Стеллеръ, Миллеръ и т. д., и, принимая во вниманіе научный уровень того времени, коллекціи были настолько полны и описанія настолько точны, что лучшаго требовать нельзя было. Къ сожалѣнію, остались только труды этихъ экспедицій, большинство же ихъ коллекцій погребло или происхожденіе ихъ не удостовѣрено. Въ XIX в., почти вплоть до послѣдняго десятилѣтія, опять-таки лучшія собранія добыты были экспедиціями Академіи. Жаль только, что этихъ экспедицій было немного; самыя извѣстныя изъ нихъ — академika Шренка, зоолога Вознесенскаго и Кастрена (коллекціи послѣдняго не все сохранились до настоящаго времени). Громадное же большинство остальныхъ коллекцій, вплоть до конца XIX ст., составлялось изъ случайныхъ, хотя часто необычайно цѣнныхъ, даровъ частныхъ лицъ, государей, разныхъ учреждений, просвѣщенныхъ туристовъ, мореплавателей и любителей. Два блестящихъ исключенія составляютъ коллекціи, собранныя учеными путешественниками — д-ромъ Юнкеромъ и Миклухой Маклаемъ. Изъ другихъ даровъ конца XIX в. слѣдуетъ выдѣлить систематически подобранныя коллекціи Гондатти изъ крайняго С.-В. Сибири. Но все эти коллекціи являлись для Музея поступлениями *случайными*, собранными не по инициативѣ и не подъ руководствомъ Музея. Только въ послѣднее десятилѣтіе Музей выступилъ на путь самостоятельнаго и плановнаго собиранія. На первомъ мѣстѣ былъ поставленъ способъ *экспедиціонный*, притомъ въ двоякомъ видѣ. Въ однихъ случаяхъ, гдѣ оказывалось возможнымъ, Музей пріобрѣталъ — путемъ обмѣна или покупки или въ даръ — коллекціи или дублиеты экспедицій, снаряженныхъ другими учрежденіями или частными лицами на свой счетъ. Такимъ образомъ были пріобрѣтены прекрасныя собранія изъ Бразиліи (д-ра Майера), изъ Аргентины, Боливіи, Парагвая, Патагоніи, собранныя чешскимъ путешественникомъ Фричемъ, большія коллекціи изъ Мексики и изъ С. Америки, собранныя д-ромъ Бауеромъ и

др., цѣлый рядъ коллекцій, полученныхъ въ обмѣнъ съ музеями въ Нью-Йоркѣ, Буэносъ-Айресѣ, Ла-Платѣ, Сиднейѣ, Берлинѣ, Лейпцигѣ, Вѣнѣ и др.

Все эти коллекціи имѣютъ то важное преимущество, что онѣ собраны послѣ долгаго изученія, описаны и опубликованы, и опредѣленіе образцовъ отличается удовлетворяющей научныя требованія полнотой, точностью и достовѣрностью.

Этотъ способъ пріобрѣтенія коллекцій (черезъ другіе музеи или отъ иностранныхъ собирателей) имѣетъ одно большое неудобство. Обыкновенно это — коллекціи дублетныя. Основная коллекція, со всеми униками и варіететами, чаще всего достается тому учрежденію, которое было инициаторомъ. За всеѣмъ тѣмъ, при скудости музейныхъ средствъ на большія далекія экспедиціи, обойтись безъ этого способа собиранія до поры до времени совершенно невозможно, тѣмъ болѣе, что матеріалы, этимъ путемъ добываемые, отличаются полной научной достовѣрностью, но, гдѣ оказывается возможнымъ, Музей предпочитаетъ самостоятельные сборы на мѣстахъ уже изученныхъ. Такъ, въ прошломъ году, по рекомендаціи д-ра К. Th. Preuss'a, обследовавшаго нѣсколько мексиканскихъ народностей и собравшаго коллекцію для Берлинскаго музея, было поручено собрать такую же коллекцію одному мѣстному жителю, спутнику г. Preuss'a, и опытъ удался какъ нельзя лучше: коллекціи оказались хорошо и дешево собранными и въ Музеѣ опредѣляются на основаніи работъ Preuss'a и его предшественниковъ.

Но, какъ мы сказали, очень много важныхъ народностей еще совершенно не обследовано, и, поэтому, безъ самостоятельныхъ экспедицій обходиться невозможно.

Снаряженіе такихъ экспедицій требуетъ особенно благоприятныхъ условій и, прежде всего, очень большихъ средствъ, не говоря уже о необходимости контингента вполне подготовленныхъ лицъ. Поэтому, въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, напримѣръ, когда дѣло идетъ о вымирающей народности и нѣтъ возможности снаряжать продолжительныя экспедиціи, посылаются коллекторы, предварительно работавшіе и подготовившіеся къ дѣлу въ Музеѣ.

Такимъ образомъ собраны были большія коллекціи обученнымъ собирателемъ, прикомандированнымъ къ геологической экспедиціи по Хатангѣ. Специально послана была коллекторская экспедиція къ карагасамъ, якутамъ, сойотамъ, самоѣдамъ и т. д.

Но, когда условія благоприятствовали, собираніе производилось лицами, специально командированными для этнографическаго изученія той или другой народности. Такимъ образомъ собраны коллекціи *аинскія*, *енисей-остяцкія* и др. Въ Южной Америкѣ въ такой командировкѣ состоитъ чешскій путешественникъ Альбертъ Фричъ. Огромную пользу Музею, въ смыслѣ научнаго собиранія коллекцій, принесли экспедиціи Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азии, который обыкновенно коллекціи этнографическія и археологическія отдаетъ Этнографическому Музею. Такимъ путемъ досталось Музею богатое собраніе фресокъ и другихъ

объектов из буддийских храмов Восточного Туркестана, этнографические коллекции, собранные на Амуре, коллекция шаманства алтайцев и мн. другие. Большие услуги Музею по части коллекций оказывают сотрудники Музея — студенты, учащиеся в столицах. В течение зимы они получают необходимую подготовку в Музее, где им читаются лекции по этнографии и даются специальные инструкции для собирания. Летом каждый слушатель в своем районе старается применять свои знания на деле, и обыкновенно каждую осень Музей обогащается очень интересными сборами без особенных затрат с его стороны. Продолжают получаться попрежнему в дар коллекции случайных собирателей, но все усилия Музея направлены к тому, чтобы все свободные средства употреблять на организацию серьезных научных экспедиций, которые, собирая коллекции, в то же время всесторонне изучали бы ту народность, среди которой собирают.

В интересах самого музейного дела, необходимо, чтобы музеи были центрами не только собирания, но и самостоятельных научных исследований.

Система регистрации. Когда коллекции собраны, необходимо приобщить их навсегда к Музею, необходимо их *зарегистрировать*. Практикующаяся ныне в Музее система регистрации введена сравнительно недавно, около 12 лет тому назад, после специального изучения на месте различных систем в разных европейских музеях нынешним директором В. В. Радловым. Из множества систем, из которых каждая имела свои неудобства, принята была, как наименее сложная и в то же время вполне удовлетворяющая целям музейного дела, система копенгагенская, несколько видоизмененная и упрощенная. Главной единицей регистрации по этой системе служит не территория, не предмет, как во многих других музеях, а *коллекция*, собрание предметов *общего происхождения*, т.-е. поступившее или приобретенное одновременно от одного лица или учреждения.

Таким образом, каждая вновь поступившая коллекция заносится в общую инвентарную книгу под одним номером в порядке поступления, причем в инвентарной книге отбываются кратко подробности происхождения, территория и народность, способ приобретения, общее содержание коллекции (предметы быта, культа, орнаменты и пр.) и, наконец, количество номеров и предметов. — После этого приступают к составлению *регистрационного списка*. На этикетке, прикрепленной к предмету, или на самом предмете пишут сначала более крупно цифрами общий № коллекции по инвентарной книге и рядом, отделив тире, более мелкими цифрами № предмета в порядке внесения и описания его в список. Этот же двойной номер обозначается и в списке впереди описания предмета. Что касается порядка, в котором предметы заносятся в список, то, для удобства ознакомления с составом коллекции, предметы предварительно раскладываются

по группам (одежда, орудия, утварь, культ, орнаменты, игрушки и т. п.), но можно регистрировать предметы и в любом порядке.

Что касается описания предмета в списке, то, кроме местного названия, наружного определения и назначения предмета, заносится все данные, сообщаемые собирателем. Каждый список составляет особое дело под № инвентарного каталога, и к нему пришиваются все документы и вся переписка, имеющая отношение к данной коллекции.

Карточная каталогизация. Кроме инвентарной книги и списков, расположенных в хронологическом порядке поступлений, ведется *карточный каталог предметов*. Каждый предмет заносится на особую карточку определенного формата. На одной половине карточки дается № предмета, название, краткое описание, размеры, назначение, указатель литературы и место, где предмет помещается (№ шкафа, витрины, если он выставлен, № ящика, если он хранится в кладовой). На другой половине карточки помещается фотография или рисунок предмета. Карточки располагаются уже не по коллекциям, а по народностям, и внутри каждой этнической группы карточки размещаются в порядке соответствующего отдела и подотдела культуры, т.-е. сначала идут, положим, предметы, относящиеся к жилищу, далее — платье, головные уборы, обувь, украшения, орудия, утварь, оружие, божества, амулеты, шаманская одежда и т. д. Благодаря этому, исследователь, интересующийся специально каким-нибудь видом культуры, ищет среди карточек каждой народности только те, которые к этому виду относятся.

Со временем, когда карточная каталогизация будет закончена, будут изготовлены в нескольких экземплярах копии карточек, которые будут размещены уже не по народностям, а по однородным этнографическим признакам. Можно будет, напр., составить особый карточный каталог скребков, гарпунов, топоров, головных уборов, лыж, тех или других форм орнамента, божеств и т. д. — Каждое этнографическое явление, таким образом, может быть каталогизировано в любом порядке эволюции или географического распространения. Значение подобных каталогов для научных работников очевидно.

Музейная обстановка. Тип музейной мебели, удовлетворяющей как требованиям сохранности предметов, так и удобству обозрения, выработался в академическом Музее постепенно после долгого опыта. Еще несколько лет тому назад в Музее наиболее идеальным типом считалась мебель *железная*. Преимущества ее видны, во-1-х, в том, что она дает наибольшую герметичность и, таким образом, предохраняет предметы от проникновения пыли и моли; во-2-х, железные рамы дают возможность пользоваться стеклом любой толщины и любых размеров и отнимают сравнительно мало света. Хотя эта мебель чрезвычайно дорога, тем не менее, целый этаж был обмеллирован железными шкафами. Но оказалось, что преимущества эти —

мнимыя. Герметичность защищает от пыли, но препятствует проникновению наружного воздуха, благодаря чему предметы часто тлѣютъ. Въ то же время опыты показали, что и въ деревянной мебели возможны приспособленія, которыя гарантируютъ достаточную степень герметичности.

Въ настоящее время выработана въ Музѣ типъ деревянныхъ шкафовъ определенной высоты, очень плотно закрывающихся, съ очень тонкими рамами для стекла, въ высшей степени выстѣпательныхъ и, въ то же время, удобныхъ для обозрѣнія. Высота такихъ шкафовъ должна быть около 5 арш. Опытъ показалъ, что именно этотъ размѣръ высоты наиболѣе удовлетворяетъ цѣлямъ выставленія и обозрѣнія. Витрины, какъ показали опыты, отнимаютъ слишкомъ много мѣста и находятъ себѣ примѣненіе только въ исключительныхъ случаяхъ.

Система выставленія. Принимая во вниманіе основныя задачи этнографическаго музея, система выставленія должна преслѣдовать слѣдующія цѣли: 1) дать картину культуръ различныхъ народовъ земли, 2) изобразить связь между различными культурами, процессъ ихъ взаимодействія, процессъ миграцій и превращеній и, наконецъ, 3) представить картину эволюціи общечеловѣческой культуры во всѣхъ формахъ ея проявленія.

Для удовлетворенія первыхъ двухъ цѣлей выставленіе производится по культурно-этническимъ группамъ въ географическомъ порядкѣ. При такой системѣ обозрѣватель знакомится съ культурой интересующей его народности и, въ то же время, можетъ сравнить ее съ культурами соседнихъ народовъ и выяснить ихъ взаимодействие. Но, чтобы удовлетворить третьей цѣли, выставленіе должно производиться не по народностямъ, не по отдѣльнымъ культурамъ, а по группамъ однородныхъ культурныхъ явленій въ порядкѣ ихъ развитія отъ самой низшей до высшей ступени, и объекты располагаются совершенно независимо отъ ихъ происхожденія. При первой системѣ отдѣлы Музея дѣлятся по частямъ свѣта, странамъ и культурно-этническимъ группамъ, при второй — на отдѣлы культуры: матеріальной, духовной и пр., каждый отдѣлъ — на *подотдѣлы* по отдѣльнымъ группамъ культурныхъ явленій (жилища, орудія, утварь, одежда и т. д.) и каждый такой подотдѣлъ опять подраздѣляется на отдѣльныя культурныя категоріи. Такъ, на примѣръ, въ отдѣлѣ орудія былъ бы особый отдѣлъ топоровъ, начиная съ топора палеолитическаго и кончая самымъ совершеннымъ типомъ — современнаго американскаго.

Такимъ образомъ, для удовлетворенія своей двойной задачи, каждый этнографическій музей долженъ былъ бы имѣть два особые отдѣла: одинъ — *морфологическій*, другой — *эволюціонный*.

Но для этого музеи должны обладать громадными помѣщеніями и соответственнымъ количествомъ средствъ, не говоря уже о значительномъ количествѣ дублетовъ, чего въ дѣйствительности до настоящаго времени мы не видимъ ни въ одной странѣ.

Большая часть музеевъ не въ состояніи выставить *все* свои собранія въ одномъ только географическомъ порядкѣ.

Академическій Музей выставляетъ свои коллекціи пока только по первой системѣ, т.-е. въ географическомъ порядкѣ по *культурно-этническимъ* группамъ. Этотъ терминъ требуетъ нѣкотораго объясненія.

При системѣ культурно-этническихъ группъ исключается возможность соединенія различныхъ вѣтвей одной и той же этнической группы, если онѣ раздѣлены географически и культурно. Такъ, на примѣръ, охоты тунгусы — земледѣльцы Забайкальской обл. — будутъ въ разныхъ группахъ съ бродячими тунгусами-оленьеводами или сидячими рыболовами, и, наоборотъ, послѣдніе могутъ оказаться объединенными въ одномъ мѣстѣ съ чуждыми имъ этническими группами *юкагировъ* или *коряковъ* (ламуты), въ другомъ мѣстѣ — объединенными съ палеазиатами-*гиляками* (гольды, ольчи, негда). Еще болѣе рѣзко это расчлененіе этническихъ группъ будетъ замѣтно въ Сѣв. Америкѣ, гдѣ сплошь и рядомъ одна часть единой этнической группы оказывается въ зонѣ лѣсной культуры, другая — въ зонѣ прерій и т. д.

Техника выставленія. Въ этомъ отношеніи Музей держится одного принципа — строгой систематики выставляемыхъ предметовъ и наибольшаго удобства для обозрѣнія. Предметы каждой народности располагаются по однороднымъ группамъ и развѣиваются и разставляются такъ, чтобы каждый предметъ былъ выдѣленъ и былъ по возможности со всѣхъ сторонъ окруженъ воздухомъ (система подвѣшиванія). **Декоративность и симметричность** примѣняются лишь постольку, поскольку это совмѣстимо съ принципомъ научности. Въ залахъ Музея имѣются картины, пано, фигуры и т. п. изображенія, но они преслѣдуютъ цѣли не декоративныя, а научно-педагогическія — дать болѣе наглядное представленіе о той или другой культурѣ или народности.

Магазинированіе. Идеаль всякаго этнографическаго музея выставить какъ можно больше: не только выставить какъ можно больше культуръ, но въ каждой культурѣ дать какъ можно больше разновидностей. Это важно specially въ цѣляхъ чисто научныхъ. Дѣло въ томъ, что только незначительная часть этнографическаго матеріала до сихъ поръ научно описана. Такимъ образомъ, этнологу музей даетъ не только иллюстраціи знакомаго ему книжнаго матеріала, но еще много матеріала совершенно новаго, о которомъ сплошь и рядомъ онъ не подозреваетъ, и притомъ даетъ этотъ новый матеріалъ, если онъ выставленъ, съ наименьшими для обозрѣвателя усиліями. Къ сожалѣнію, ни одинъ музей въ мірѣ не въ состояніи, какъ мы говорили, выставить *все* свои собранія. Но не имѣя возможности выставлять, музей обязанъ ихъ хранить въ такомъ же порядкѣ, какъ книги хранятся въ бібліотекахъ, т.-е. чтобы каждый предметъ по карточному каталогу (см. выше) могъ быть легко и быстро найденъ и предоставленъ желающему для изученія. Въ этомъ и состоитъ задача *магазинированія*.

Есть два способа магазинирования. Одинъ состоитъ въ храненіи невыставляемыхъ предметовъ въ особомъ закрытомъ для публики отдѣленіи въ обыкновенныхъ музейныхъ шкапахъ, но болѣе экономно размѣщенными. Въ эти отдѣленія допускаются для занятій исключительно специалисты. Гдѣ по условіямъ помѣщенія это невозможно, предметы хранятся въ кладовыхъ въ особо занумерованныхъ сундукахъ, откуда, по требованію, они каждый разъ доставляются въ особые кабинеты. Последний способъ примѣняется въ академическомъ Музее. Неудобства храненія искупаются наличностью карточного каталога, гдѣ на каждой карточкѣ обозначено точно мѣсто храненія, такъ что доставать требуемый предметъ не представляетъ особыхъ затрудненій.

Научный матеріалъ Музея. Прошлые два вѣка дали Музею цѣлый рядъ крайне цѣнныхъ собраній, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ рѣдчайшія и даже уже совершенно исчезнувшія послѣ уники. Но матеріалъ этотъ былъ, какъ мы сказали, болѣе или менѣе случайный и количественно крайне недостаточный (въ этнографическомъ отдѣлѣ числилось въ 90-хъ годахъ около $5\frac{1}{2}$ тыс. предметовъ). На путь общей этнографіи, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы выше выяснили этотъ терминъ, Музей планомерно выступилъ всего лѣтъ 15 тому назадъ, когда у администраціи его оказались тѣ минимальныя средства, которыя позволили организовать систематическіе сборы и размѣщать ихъ по извѣстному принципу.

Въ настоящее время въ Музее собрано до 2000 коллекцій и около 100 тыс. предметовъ, — коллекцій, представляющихъ культуру ста съ лишнимъ этническихъ группъ, не говоря о значительномъ археологическомъ и антропологическомъ матеріалѣ. Не всѣ отдѣлы одинаково богаты и полны, но и теперь, благодаря планомерности собиранія новыхъ коллекцій и планомерному пополненію старыхъ, удалось накопить достаточный матеріалъ, дающій обзоръ вѣроятности не только знакомиться съ самыми разнообразными типами культуры, но и получить широкое представленіе о процессахъ эволюціи и распространенія культуры.

Совершенно естественно, что особенно полно представленъ въ Музее отдѣлъ *русскихъ инородцевъ*.

Исчерпывающе представлены въ этомъ отдѣлѣ, прежде всего, такъ называемые *палеазиаты*, тѣ таинственные окраинные народы Азіатской Россіи, которые стоятъ совершенно изолированно въ культурно-этническомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ среди всѣхъ другихъ народовъ Азіи и особенно тщательное изученіе которыхъ, особенно въ связи съ вопросомъ о культурной связи ихъ съ народами С.-З. Америки, является въ настоящее время одной изъ важнѣйшихъ проблемъ этнографіи. Это именно — *айны*, *гиляки*, *коряки*, *чукчи*, *камчадалы*, *юкагиры* и *енисейскіе остяки*. Всѣ коллекціи этого отдѣла собраны, главнымъ образомъ, специальными экспедиціями Музея и постоянно планомерно имъ пополняются.

Ни одинъ музей въ Европѣ не имѣетъ подобныхъ по богатству и систематичности собраній, и только въ Нью-Йоркскомъ музее, специально снарядившемъ для этого дорого стоившую экспедицію, имѣются аналогичныя собранія, и то только нѣкоторые изъ этихъ народовъ. Достоинства этихъ коллекцій не исчерпываются одной только ихъ полнотой. Онѣ особенно цѣнны тѣмъ, что собраны лицами, специально въ теченіе годовъ изучавшими эти народы, такъ что всѣ коллекціи этой группы народовъ научно обработаны, и большая часть изъ нихъ уже опубликована. Далѣе, очень хорошо представлены ближайшіе сосѣди палеазиатовъ, разнообразныя представители тунгусскаго племени: на Амурѣ — *ольчи*, *гольды*, *негда*, частью *ороки*, въ арктической зонѣ — *ламуты*, *тунгусы* побережья Ледовитаго океана и, наконецъ, *тунгусы* и *домане* Туруханскаго края. Въ самое послѣднее время стали поступать хорошія собранія отъ *тунгусовъ* и *орочонъ* Забайкальской области.

Въ связи съ тунгусскими народами, преимущественно оленеводами, совершенно новый матеріалъ (unicum въ европейскихъ музеяхъ) и исключительно интересный представляетъ оленеводческая культура малоизученнаго тюркскаго племени, нынѣ совсѣмъ вымирающаго, именно *карагасовъ*, и ихъ сосѣдей — горныхъ *сойотовъ*, специально собранная особой экспедиціей Музея, въ виду опасенія окончательнаго исчезновенія этихъ племенъ. Изъ другихъ арктиковъ представлены финскія племена — *остяки*, *вогулы*, *самоеды* и *лапландцы*. Высшія культуры номадовъ и отчасти земледѣльцевъ представлены тюркскими народами — *киргизами*, *сибирскими татарами*, *алтайцами*, лошадными *сойотами* и, наконецъ, *якутами* и монгольскими народами — *бурятами*, собственно *монголами* и *калмыками*.

Есть и дефекты въ отдѣлѣ сибирскихъ инородцевъ: отсутствуютъ приморскіе и горные *орочи*, отсутствуютъ *тунгусскіе* народы сѣверной Маньчжуріи, требуютъ дополненій *остяки*, сибирскіе *самоеды*, прибайкальскіе *тунгусы*, но, въ общемъ, коллекціи сибирскихъ инородцевъ представляютъ въ цѣломъ всѣ типы низшихъ культуръ сѣверной и центральной Азіи. Тутъ и культуры рыбо- и звѣролововъ-собаководовъ (*гиляки* и ихъ сосѣди, *камчадалы* и *сидачіе чукчи* и *коряки*, *остяки* и *енисейцы*), тутъ и культура оленеводовъ (отъ береговъ Тихаго океана до Норвегіи включительно), тутъ и высшіе номады-скотоводы (*киргизы*, *бураты*, *якуты*). Всѣ эти культуры настолько полно представлены, что даютъ богатый матеріалъ по вопросу о взаимныхъ связяхъ и центрахъ распространенія.

Исключительную цѣнность этого отдѣла представляютъ обильныя матеріалы по сибирскому шаманству и вообще первобытнымъ вѣрованіямъ сибирскихъ инородцевъ. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого богатаго собранія шаманскихъ облаченій и бубновъ почти всѣхъ народовъ Сибири. Среди шаманскихъ облаченій имѣются совершенныя уники, какъ тунгусское съ Аргуни, енисей-остяцкое, карагасское и нѣкоторыя др. Совершенно

новый материал — прекрасное собрание шаманского культа алтайцев, собранное в самое последнее время.

Унисум составляет подлинная гробница долганского шамана, вывезенная с берегов Хатанги, Туруханского края.

Унисум также — исчерпывающее собрание так называемых *инау*, этого своеобразного вида культа Айну.

Наконец, богаты собрания различных божеств и амулетов в коллекциях каждого народа.

И важнее всего то, что громадное большинство объектов культа, в том числе и оставшиеся до самого последнего времени совершенно необъясненными принадлежности шаманских костюмов, больше или меньше выяснены и по опубликованию явятся совершенно новым материалом для науки о религии. Отдел этот, как и первобытной религии вообще, составляет предмет особых забот Музея и безпрестанно все больше и больше пополняется.

Очень поучительно также в этом отделе обширное собрание по орнаменту и искусству различных народов в их взаимной связи.

Отдел С. Америки. Самые замечательные по богатству и научной ценности коллекции этого отдела — это собрания из крайнего с.-западного побережья Тихого океана. Они относятся к тем народностям (алеуты, эскимосы, тлинкиты и др.), которые стоят в ближайшей культурной связи с нашими палеазиатами и потому имеют особенный интерес для академического Музея. Эти богатые коллекции собраны, главным образом, в первой половине прошлого века, еще в период существования Российско-Американской Компании, когда все упомянутые народности сохраняли еще в полной своей старой культуру арктических неолитиков. В настоящее время некоторые из этих племен уже почти вымерли или почти совершенно утратили свою культуру (алеуты), а другие утратили очень интересные особенности, так что в этом отношении богатые коллекции этого отдела представляют совершенные уники. Особенный интерес представляют: богатое собрание тонкой художественной работы одежды из кишек морских животных и птичьих шкурок, головные уборы и огромное собрание орудий и оружия из камня и кости тонкой работы (*алеуты*), далее — пластинчатые панцири и оружие, шаманские принадлежности, религиозные маски и художественная резьба из шифера и дерева (*тлинкиты*), одежда и множество разного оружия и орудий, костяных и каменных, у *эскимосов*, одежды, оружие и орнамент разных народностей Аляски, наконец, прекрасные уборы и украшения из перьев и знаменитые плетения *калифорнийцев*.

Из других народов С. Америки коллекции не обильны, но дают общую картину всех типов культуры как лесной, так и степной зоны (*альгонкины, атабаски, дакота* и пр.). В частности, хорошо представлены *ирокезы* старин-

ным собранием 40-х годов прошлого века, недавно пополненным новым интересным собранием из современного быта.

Большой интерес в этом отделе представляют символический орнамент, орнамент из расщепленных иглоз дикобраза и предметы культа.

Отдел современной Мексики в 1911 году обогатился большими собраниями из быта самых различных индейских племен (орнаментированные одежды, оружия, орудия, утварь,alebасовая культура и последние остатки первобытной религии). Крайний интерес преимущественно в религиозном отношении представляют собрания из быта племен Сога и Huichol, обследованных Прейсом и Лумгольцом. Археология средней Америки представлена только немногими образцами из Мексики и коллекцией из Коста-Рика.

Южная Америка представлена культурами перуанского типа (*инкадорцы, арауканы*) и культурами наиболее примитивными Бразилии, Аргентины, Боливии, Патагонии и Огненной земли. Из первых особенно богата арауканская, представленная обильным количеством тканей, одежды, утвари, украшений, серебряных изделий, музыкальных инструментов и древней керамики перуанского типа. Из вторых — замечательна примитивнейшая культура народов р. Шингу, из которых некоторые даже незнакомы с каменными орудиями; очень полная коллекция племени *бороро*, большая часть которой датируется еще с конца XVIII в., и, наконец, обширнейшая коллекция из быта различных народностей Аргентины и Боливии, собранная Фришлем.

Африка представлена слабее других частей света. Тем не менее, общая картина типичных культур этого громадного континента представлена с достаточной ясностью. Из Южной Африки имеется коллекция *негровских* племен по Замбези и образцы петроглифов *буйменов*. Центральная Африка широко представлена известными коллекциями д-ра Юнкера из Верхнего и Среднего Нила (железная культура, музыкальные инструменты, плетения, утварь, изделия из слоновой кости, луки и стрелы, фетиши). Среди собраний из западной Африки выделяются обширные собрания из Камеруна; главный интерес этих собраний — в обильном материале по первобытной религии: множество вариантов идолов и фетишей, столь характерных для западно-африканских народов. Конго представлено преимущественно оружием. Из более культурных стран Африки довольно полно представлена Абиссиния. К числу достопримечательностей африканского отдела принадлежат древности из Бенина — резьба на слоновых клыках и бронзовая скульптура высокого художественного достоинства.

Острова Индийского океана. Малайская культура широко представлена богатейшей коллекцией *кара-батаков* на о. Суматра, собранной одним лицом, прожившим 11 лет на месте. Витный быт, кроме полного собрания предметов,

рисующих все стороны жизни, наглядно иллюстрированы прекрасными моделями отдельных жилищ и целого поселения и всяких других хозяйственных сооружений, судов, орудий и пр. Настоящую достопримечательность этого собрания составляет подбор предметов культа и колдовства, в особенности большие модели погребальных сооружений (погребальные корабли и пр.).

Один из богатейших и интереснейших отделов в Музее составляет **отдел Океаніи**.

Поучительнейшая культура этих островитян, достигших высокого уровня, несмотря на полное незнакомство с железом и изолированность быта, раскрывается в тщательно собранных коллекциях целого ряда знаменитых путешественников — Кука, Литке, Крузенштерна, Миклухи Маклая, Финша и др., постоянно пополнявшихся собраниями новейших исследователей. Среди этих ценных собраний имеются много уник — единственные в своем роде по размерам образцы *тапы*, неподражаемые по художественности работы экземпляры каменных топоров, нефритовых и деревянных палиц и костяных книжалов, да еще — утварь из железного дерева, скульптурные изделия, татуированные черепа, предметы культа. Исключительную достопримечательность составляет, наряду с коллекцией Кука, полное облачение вождя Сандвичевых о-вов (шлем, мантия) из мелких желтых и красных перьев — дарь вождя правителю русско-американских колоний в 1807 г.

Австралия. В этом отделе бедной культуры австралийских туземцев обращают на себя внимание собрания своеобразного туземного оружия — бумеранги, метательные дощечки, щиты и предметы культа. Особенно интересны так называемые *churinga* из центр. Австралии.

Из культурных стран Азии лучше всего представлен *Китай*. Богат отдел костюмов, украшений, оружия, музыкальных инструментов; много художественно исполненных моделей хозяйственного быта, много интересных образцов лака, бронзы, фарфора и народной керамики, художественных изделий из кости, дерева, нефрита и мыльного камня, кукол, игрушек и вообще изделий китайской художественной промышленности. Имеются собрания даосского и конфуцианского культа, модели храмов, модели принадлежностей, употребляемых на похоронах, и большая коллекция народных религиозных картинок. Хорошо представлен китайский буддизм (см. ниже). — *Индокитай* представлен богатейшим собранием костюмов и украшений.

В **Японском отделе** особенно интересны: собрание старинного дорогого вооружения (луки, стрелы, пластинчатые панцири, латы, сабли, манекены воинов), образцы одежды и украшений, художественные фигуры в костюмах, отличные модели жилищ, судов и пр., образцы фарфора, художественные изделия (лак, картины, резьба на кости), игрушки, куклы, музыкальные инструменты.

В **Корейском отделе**, еще очень небольшом, ценной считается коллекция старинного фарфора.

Индия представлена собранием дорогого оружия, расшитых одежд и образцами художественной промышленности.

Сiam представлен коллекцией буддийских статуэток, музыкальными инструментами, образцами керамики и лака. Очень полна коллекция рыболовных принадлежностей. Из *Аннам* примечательно гигантское изображение бога охоты в форме звероподобного существа, обвитанного шкурами тигра и леопарда и украшенного вдоль головы и хвоста рогами разных животных и клыками слона.

Богат отдел **буддизма** из разных областей его распространения. Индийский и индонезийский буддизм представлен, кроме немногих статуэток, гипсовыми слепками с известных скульптур на Яве, изображающих различные моменты из жизни Будды.

Широко представлен *китайский буддизм* и *ламаизм*: большое собрание скульптурных изображений будд, бодисатв, лам, докшитов, субурганов и др. священных предметов, обширное собрание икон китайского и тибетско-монгольского письма; принадлежности буддийского богослужения (одежды лам, пояса из человеческих костей), амулеты, музыкальные инструменты, курильницы, священные сосуды и др. принадлежности алтаря; принадлежности ламаистской мистерии «цам», священная колесница Майдари и пр.

Особенный интерес в этом отделе представляют образцы древнейшего буддизма из раскопок в *Восточном Туркестане*, добытые специальными экспедициями русских исследователей: богатое собрание художественных фресок и скульптурных изображений из древних монастырей.

Японский буддизм представлен сравнительно небольшим, но хорошим собранием преимущественно деревянных скульптурных изображений художественной работы и других принадлежностей культа.

В общем, картина собраний буддийского культа представляет и поучительный материал по истории восточного искусства, и поучительное дополнение к богатому музейному материалу по первобытной религии.

Остается еще сказать несколько слов о собраниях из быта культурных европейских народов. Музей обладает, прежде всего, большими собраниями народных костюмов и предметов быта и художественности крестьянского населения Европейской России. Хорошо представлены и финские народы — собственно финны, эсты, мордва, корелы (орнаментом), черемисы, вотяки — а также поволжские татары и некоторые кавказские народы. Имеются богатое болгарское собрание, поднесенное некогда болгарским народом Императору Александру II-му, и богатые черноморские костюмы. Есть кой-какие собрания и из Западной Европы.

Отделы Европейской России и славянских стран, со времени учреждения Этнографического Отдела Русского Музея Императора Александра III-го, дополняются лишь постольку, поскольку они являются необходимым сравнительным материалом для общей связи культур.

Археологический отдел, главным образом, состоит из объектов *доисторической культуры*, — начиная с палеолита и кончая началом железного периода.

В этих отделах заслуживают особого внимания коллекции палеолита *Савенкова* из Енисейской губ., собрания из бронзового века Сибири и некоторые отделы неолита.

Весь этот материал, хотя, специально с археологической точки зрения, и не велик, но совершенно достаточен, чтобы служить хорошим введением в общую этнографию и дать представление о ходе эволюции на самых ранних ступенях существования человека на земле. — Остальной материал уже относится к *исторической археологии*, отчасти России, отчасти и других стран, но этот отдел еще — в начальном периоде своего роста, и о нем пока говорить много не приходится. В этом же отделе хранится археологический материал преколумбийского периода Америки. Пока в нем преобладают собрания из Южной Америки (каменные орудия и утварь из Патагонии и Параны, керамика из Кальчаки, керамика Перуанская), костяные изделия из раскопок в Чили и мн. др.

Отдел антропологии заключает около 3.000 черепов различных народов земли и дает хорошую иллюстрацию типов черепов разных рас, типов деформаций, аномалий и пр. При нем — кабинет с приборами для измерений на живых. В этом отделе хранится знаменитая петровская коллекция анатомических препаратов голландского анатома Рюйша и столь же известная коллекция уродов.

Помещение Музея. Еще очень недавно, всего лет 11 тому назад, Музей помещался в двух залах единственного этажа и представлял собою скорее кладовую раритетов, чем учреждение, предназначенное для публичного обозрения. Теперь Музей занимает три этажа, имея помещение в четыре раза большее, и хотя и теперь оно недостаточно для размещения всего накопившегося материала, но все же наиболее важные коллекции размещаются в нем довольно удовлетворительно.

Обозрение Музея начинается с вестибюля, который играет роль крытого двора. Внизу у самого входа вдоль ступеней — суда арктических народов. По обеим сторонам лестницы установлены две большие религиозные фигуры из Южной Азии — одна из Анныма (бог охоты), другая — из Цейлона (хранитель входа). На следующей площадке установлена вывезенная из Индии ртутная колоннада дворца раджи в Бомбей. Отсюда вход направо в первую залу нижнего этажа. Сначала

идут народы северо-восточной и центральной части С. Америки — культуры лесной и степной зоны. За ними начинается огромный отдел северо-западной и арктической частей С. Америки — коллекции тлинкитов, алеутов, народов Аляски, западных, центральных и гренадских эскимосов. Последние вплотную подходят к палеазиатам крайнего С.-В. Азии. Здесь начинаются чукчи огромным шкапом, изображающим подлинное чукотское жилище с его обитателями, за которыми следует ряд шкапов с детальными коллекциями из быта этого племени, и, далее, коряки, юкагиры, камчадалы и арктические тунгусы. Тут арктики — палеазиаты и тунгусы — подходят к более южным палеазиатам — гилакам и айнам и их тунгусским соседям — гольдам, ольчам, негда и орокам, за которыми следуют их далекие сородичи, ороны Забайкалья и тунгусы разных областей Сибири, в том числе тунгусы Туруханского края и долганы (во 2-м зал). Далее, в этом же зале следуют тюркские народы: якуты, алтайцы, сибирские татары, сойоты, карагасы и, наконец, коренные номады Средней Азии — киргизы. Рядом с последними поставлены туркмены, желтые уйгуры и сарары.

По другую сторону второго зала, продолжением арктиков С.-В. Сибири, идут ояки, вогулы, самоеды, лапландцы. Особо стоит среди тюрков и тунгусов вымирающее племя енисейских ояков. По самой середине этого зала, с обеих сторон друг против друга, в глубоких шкапах — группы фигур тюркских и тунгусских шаманов в позе камлания и рядом — огромная подлинная гробница долганского шамана из тундры Хатанги. Над шкапами — большие пано, изображающие по фотографиям выдающиеся бытовые моменты разных сибирских народов.

После этого зритель переходит в следующий этаж. По стенам вдоль лестницы — слепки скульптур из Боро Будора на Яве со сценами из жизни Будды, а под ними — шкапы с деревянной и бронзовой скульптурой брахманизма и еще далее — буддийские иконы. На верхней площадке — две двери. Прежде всего входят в дверь, которая против окна, и мы — в области примитивных культур тропических стран. У входа начинается Африка огромным шкапом народностей Камеруна, и зритель сразу захватывается типичными особенностями африканской культуры — царством железа и фетишей, которые неизменно сопровождают его во всех отделах Африки.

Изолированно стоит бронзовая скульптура Бенина и культура современных абиссинцев.

Из Африки зритель вступает в островной отдел Океании, где снова прекращается царство железа и начинаются собрания художественной культуры изделий из камня, кости, каменного дерева, раковин и древесной коры. К ним примыкают невзрачные собрания суровой и скудной Австралии, страны бумерангов и странных божеств из раскрашенных камней и палок, а за ней — продолжение Океании

и культура чистых малайцев, заканчивающаяся коллекцией кара-батаков о-ва Су-матры. Къ Индонезіи примыкають отдѣлы Индіи и Сіама, и отсюда посетитель переходитъ въ слѣдующій отдѣлъ культурныхъ странъ Восточной Азіи, занимающій весь 2-й залъ. Начинается онъ шкапомъ во всю стѣну съ костюмами Индо-Китая, а далѣе слѣдуетъ собственно Китай. По одну сторону — матеріальная и художественная культура, по другую — религія, а далѣе — отдѣлы Японіи и Кореи. Конѣцъ зала заполненъ японскимъ и китайскимъ буддизмомъ и ламаизмомъ.

По лѣстницѣ, идущей въ третій этажъ, и въ первомъ отдѣленіи этого этажа — коллекція по древнему буддизму Восточнаго Туркестана: стѣны съ фресками и скульптурныя находки изъ буддійскихъ монастырей.

Среднюю часть перваго зала занимаетъ археологическій отдѣлъ, начинающійся керамикой Средней Азіи и заканчивающійся древней керамикой Южной Америки. Последнюю треть зала занимають богатая коллекція изъ Средней и Южной Америки, не нашедшія себѣ мѣста въ 1-мъ этажѣ рядомъ съ коллекціями С. Америки. Въ другомъ залѣ этого этажа помѣщается Памятный отдѣлъ основателя Музея, Императора Петра Великаго. Здѣсь разставлены коллекція бывшей Петровской галлерей въ Эрмитажѣ. Залъ раздѣленъ на 4 отдѣленія. Въ первомъ — кабинетъ Петра съ его фигурой на престолѣ, книжными шкапами, часами, издѣліями изъ слоновой кости и дерева и портретами предковъ и членовъ семьи Петра Великаго. Во второмъ — различные станки, на которыхъ онъ работалъ, инструменты и его издѣлія. Въ третьемъ — его экипажъ и фигуры его лошади и любимыхъ собакъ. Въ последнемъ отдѣленіи — гардеробъ. Во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ разставлены бюсты, гравюры, медали и другіе предметы эпохи Петра.

Ближайшее будущее Музея. Съ 1912 года Музей, вѣроятно, получитъ новые штаты, его персоналъ долженъ увеличиться въ два съ половиною раза, бюджетъ — въ три раза. Тогда осуществится мечта Музея — выступить на широкій путь самостоятельныхъ большихъ экспедицій во все части свѣта и начать полное опубликованіе всего научнаго матеріала Музея. Въ то же время Музей въ ближайшемъ будущемъ надѣется значительно расширить свое помѣщеніе прилегающимъ зданіемъ нынѣшней библиотеки, и тогда окажется возможнымъ широко и полно не только размѣстить коллекціи въ географическомъ порядкѣ, но и составить изъ многочисленныхъ дублетовъ отдѣлъ эволюціонный.

Л. Штернбергъ.

Русскіе Этнографическіе Музеи и Собранія.

II.

Этнографическій Отдѣлъ Русскаго Музея Императора Александра III.

«Если-бы богатый человѣкъ, желая оставить прочный памятникъ своей любви къ наукамъ и Россіи, спросилъ меня, что ему сдѣлать для этого, я отвѣчалъ-бы: доставить возможность изслѣдованіемъ Россіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ составить полное этнографическое описаніе нынѣшняго населенія ея и дать средства издать подобное описаніе»...

Изъ рѣчи анад. К.-В. фонъ-Вера въ зас. И. Р. Г. Общ.

Литература.

Матеріалы по этнографіи Россіи, т. I, 1910. Ежегодные отчеты, начиная съ 1902 г. Программы для собранія этнографическихъ коллекцій 1902 и 1904 гг. И. Смирновъ. Нѣсколько словъ по вопросу объ организаціи Этнограф. Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III. Изв. ИАН XV. 223—237 (1901).

Культурная задача изслѣдованія Россіи въ этнографическомъ отношеніи, важность которой сознава была уже болѣе полустолѣтія тому назадъ, и до нашихъ дней далека еще отъ осуществленія. И не потому нѣтъ у насъ до сихъ поръ этнографическаго описанія народностей Россіи, чтобы призывъ къ этой работѣ не нашелъ себѣ отклика или сочувствія, а потому, что не въ матеріальныхъ условіяхъ только лежитъ причина того явленія, что этнографическое изслѣдованіе Россіи не дало до сихъ поръ результатовъ, достиженіе которыхъ было бы желательно и отвѣчало-бы всей важности этой культурной и научной проблемы. Можно съ увѣренностью утверждать, что даже не-

ограниченныя средства, предоставленныя въ распоряженіе любого изъ научныхъ учреждений, не дали бы ему возможности въ теченіе «нѣсколькихъ лѣтъ» издать полное описаніе нынѣшняго населенія Россіи. Такое предпріятіе, слишкомъ обширное по своему объему, заранее было бы обречено на неуспѣхъ по той простой причинѣ, что для грандіозной задачи научнаго этнографическаго обследованія Россіи и въ настоящее время у насъ не хватилъ-бы достаточно подготовленнаго кадра работниковъ. Въ лучшемъ случаѣ въ результатъ получился бы огромный сырой матеріалъ, надъ которымъ десятки лѣтъ работали-бы ученые специалисты.

Только за послѣдніе 50 лѣтъ сложилось знаніе научной этнографіи, ясно опредѣлены были ея задачи и цѣли, но и до настоящаго времени далеко не во всѣхъ областяхъ ея можетъ считаться прочно установленнымъ методъ изслѣдованія, да и самая постановка вопросовъ вызываетъ въ ученой средѣ серьезныя разногласія. Въ то время какъ на западѣ, напр. во Франціи, существуетъ специальная школа антропологии, гдѣ этнографія преподается въ циклѣ ближайшихъ къ ней и неотдѣлимыхъ отъ нея научныхъ дисциплинъ, какъ доисторическая археологія и антропология, лингвистика и социологія, гдѣ, кромѣ того, при специальномъ научномъ учрежденіи существуетъ отдѣльная кафедра антропологии и этнографіи, у насъ въ Россіи ни одна изъ упомянутыхъ научныхъ дисциплинъ не нашла себѣ доступа въ высшія учебныя и учебныя учрежденія въ видѣ самостоятельной кафедры. А между тѣмъ опасность, на которую болѣе 60 лѣтъ тому назадъ указывалъ К.-Э. фонъ-Бэръ, во много разъ выросла съ тѣхъ поръ: «Запасы для работъ этнографическихъ уменьшаются съ каждымъ днемъ вслѣдствіе распространяющагося просвѣщенія, которое сглаживаетъ различія племенъ. Народы исчезаютъ и остаются одни имена ихъ». Сокрушаясь надъ положеніемъ русской этнографіи, особенно настаивалъ фонъ-Бэръ на сохраненіи памятниковъ народнаго быта. «Вообще», говорилъ онъ — «изъ собственно русскихъ произведеній едва ли мы найдемъ что-нибудь въ музеяхъ, кромѣ развѣ лаптей, которые Петръ Великій подарилъ на память въ Копенгагенѣ».

Немало усилій и труда положено съ тѣхъ поръ русскими изслѣдователями и учеными, много сдѣлано и учеными учреждениями и обществами, въ томъ числѣ Академію Наукъ и Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ съ его Отдѣленіемъ Этнографіи, надъ изученіемъ народностей, населяющихъ обширную территорию нашего отечества; собраны также цѣнныя коллекціи, какъ напр. въ Музеѣ Антропологии и Этнографіи въ Академіи Наукъ, Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ, многими мѣстными и областными музеями, частными лицами, любителями и коллекционерами, учебными заведеніями въ видѣ учебныхъ коллекцій и пособій для преподаванія этнографіи, но все это несомнѣнно лишь капля въ безбрежномъ морѣ, которое представляютъ изъ себя для изученія многочисленныя народности Россіи со всѣмъ разнообразіемъ ихъ духовной и матеріальной культуры. Не было учрежденія, которое

своей основной задачей и прямой цѣлью поставило бы изученіе этнографіи Россіи и сохраненіе для будущаго памятниковъ быта созданіемъ музея русской этнографіи. Пробѣлъ этотъ теперь заполненъ съ началомъ дѣятельности Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III въ 1902 году.

Нижеслѣдующія строки имѣютъ цѣлью познакомить читателя съ тѣмъ, что сдѣлано Этнографическимъ Отдѣломъ за 9 лѣтъ его существованія¹⁾.

Русскій Музей Императора Александра III учрежденъ 13-го апрѣля 1895 года. 14-го февраля 1897 года утверждено положеніе объ этомъ Музеѣ²⁾. Статья первая положенія о Музеѣ гласитъ:

«Музей основанъ въ память Незабвеннаго Покровителя русскаго искусства, Императора Александра III, имѣя цѣлью соединить все, относящееся къ Его личности и исторіи Его Царствованія, и представить ясное понятіе о художественномъ и культурномъ состояніи Россіи».

Въ статьѣ второй, сообразно съ предуказанной выше задачей, Музей раздѣленъ на три отдѣла: 1) Посвященный специально памяти Императора Александра III, 2) Художественный и 3) Этнографическій и художественно-промышленный.

Необходимо начать съ весьма существенной оговорки, что Музея Этнографіи, въ смыслѣ зданія, гдѣ собранныя коллекціи и предметы были бы доступны для обозрѣнія публики и изученія ихъ учеными специалистами, до настоящаго времени еще нѣтъ, такъ какъ лишь въ концѣ декабря 1910 года вновь выстроенное зданіе, и до сего времени не выполнѣ еще внутри приведенное въ законченный видъ, сдано строительною комиссіей Управленію Р. М. И. А. III. Такимъ образомъ основная ближайшая цѣль дѣятельности Отдѣла — открытіе Музея Этнографіи — остается еще неосуществленною.

Началу дѣятельности Этнографическаго Отдѣла предшествовали три совѣщанія, созванныя подъ предѣлательствомъ Августѣйшаго Управляющаго Русскимъ Музеемъ Императора Александра III Великаго Князя Георгія Михайловича и происходившія 30-го января, 13-го февраля и 17-го апрѣля 1901 года³⁾. Въ совѣщаніяхъ этихъ,

1) Сообщаемыя ниже фактическія свѣдѣнія о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла представляютъ собою дополненный и отчасти переработанный очеркъ дѣятельности Отдѣла, составленный авторомъ этой статьи для I тома «Матеріаловъ по Этнографіи Россіи», изданнаго Этн. Отд. Р. Музея Имп. Александра III въ началѣ 1910 года. Фактическая сторона этого официального отчета пополнена всѣмъ тѣмъ, что принесли съ собою 15 мѣсяцевъ дѣятельности жизни и дѣятельности Отдѣла Этнографіи.

2) Опубликовано въ № 44 Собранія Узаконеній и Распоряженій Правительства отъ 8-го мая 1897 года.

3) Протоколы двухъ первыхъ засѣданій подписаны ихъ участниками и напечатаны, протоколъ же третьяго засѣданія сохранился въ видѣ рукописныхъ матеріаловъ и остался не подписаннымъ, такъ какъ послѣ этого другихъ засѣданій не было. Въ матеріалахъ имѣется, кромѣ того, письменное изложенное мнѣніе проф. Д. Н. Анучина, гдѣ высказаны взгляды его на задачи Музея и его соображенія о способахъ выполненія этихъ задачъ.

специально посвященных вопросам об устройстве и организации Этнографического Отдела Русского Музея Императора Александра III, по приглашению Августейшего Председателя, приняли участие следующие лица: старший этнограф Музея Этнографии и Антропологии Императорской Академии Наук Д. А. Клеменц, академик Н. П. Кондаков, прив.-доц. СПб. Университета Д. А. Корончевский, председатель Этнографического Отделения Императорского Русского Географического Общества академик В. И. Ламанский, директор Минусинского Музея Н. М. Мартынов, академик А. Н. Пыпин, директор Музея Этнографии и Антропологии Императорской Академии Наук академик В. В. Радлов, вице-председатель Императорского Географического Общества член Государственного Совета сенатор П. П. Семенов-Тянь-Шанский, академик А. И. Соболевский, библиотечарь Императорской Публичной Библиотеки почетный академик В. В. Стасов, вице-президент Императорской Академии Художеств гофмейстер гр. И. И. Толстой, гофмейстер А. Н. Харузин и академик А. А. Шахматов, при архитекторе Высочайшего Двора В. Ф. Свинынь, секретарь Августейшего Управляющего Русским Музеем Императора Александра III А. А. Тевяшев и секретарь заседания, состоявшем в распоряжении Его Императорского Высочества Великого Князя Георгия Михайловича, П. Н. Шеффер.

В этих совещаниях подвергались обсуждению следующие вопросы:

1. Какую этнографию нужно иметь в виду, говоря о будущем Этнографическом Отделе Музея: этнографию народов, живущих в пределах Российской Империи, или всемирную этнографию.

Вопрос этот получил следующее решение: будущий Этнографический Отдел Музея должен заключать в себя:

1) Главный отдел, которому должно уделять и теперь, и всегда возможно большее внимание, — отдел этнографии: а) Россия в географических границах Империи, б) сопредельных с Россией стран, если в них живут племена, которые есть и в России (Д. А. Клеменц высказался за следующую формулировку пункта б: «сопредельных с Россией стран, тех, на которые распространяется русское политическое, экономическое или нравственное влияние»), в) славянских племен, хотя бы они и не соприкасались с русской границей.

2) Придаточные отделы, в которых должен быть сосредоточен материал для сравнительного изучения этнографии Российской Империи.

3) Библиотеку.

Такое решение вопрос получил во втором заседании. Рукописные материалы третьего заседания свидетельствуют, что окончательная формула вопроса, голосовавшаяся в заседании 17-го апреля, была изменена.

Баллотировались 4 формулы: 1) общая этнография с исключительным пре-

обладанием этнографии Российской Империи, 2) этнография исключительно Российской Империи, 3) этнография Российской Империи и этнография сопредельных стран и 4) этнография Российской Империи и этнография славян.

В голосовании приняли участие 11 лиц. Первая формула отвергнута единогласно. За вторую формулу подали свой голос: Августейший Управляющий Русским Музеем Императора Александра III Великий Князь Георгий Михайлович, гр. И. И. Толстой и акад. Н. П. Кондаков. Третья формула в чистом виде собрала три голоса: П. П. Семенова-Тянь-Шанского, Д. А. Корончевского и А. Н. Харузина. За формулу, слившую в себя 3-ю и 4-ю редакции, т.-е. за «этнографию Российской Империи, этнографию сопредельных стран и славян», подали голос четыре лица: академики В. И. Ламанский, А. Н. Пыпин и А. И. Соболевский и Д. А. Клеменц. Наконец, за 4-ую формулу в чистом виде голосовал В. В. Стасов.

После выяснения результатов этого голосования и после дальнейших объяснений по поводу голосовавшихся формул, к формуле «этнография Российской Империи, славян и сопредельных стран» присоединились П. П. Семенов-Тянь-Шанский, В. В. Стасов и А. Н. Харузин, так что, в конце обсуждения, эта формула объединила 7 голосов из 11 голосовавших.

II. Какого держаться порядка при расположении коллекций — племенного или географического.

Собрание признало необходимым, при расположении коллекций, держаться порядка географического (областного), но не проводить его чересчур строго, и особыми коллекциями характеризовать некоторые более важные черты народной жизни, наблюдаемые в целом ряде областей.

По вопросу о распределении коллекций Музея соответственно с культурно-географическими областями, на которые можно раздѣлить Россию, работала выделенная из состава совещания особая подкомиссия из следующих лиц: Д. А. Клеменца, Д. А. Корончевского, В. И. Ламанского и П. П. Семенова-Тянь-Шанского.

Подкомиссией принято было деление на следующие географические и культурно-исторические области: 1) Московская промышленная, 2) Центральная земледельческая, 3) Озерная, 4) Финляндия, 5) Крайний Север, 6) Балтийская, 7) Литовская, 8) Привислянская, 9) Белорусское Полесье, 10) Малороссийская, 11) Новороссийская, 12) Донско-Прикавказская, 13) Закавказская, 14) Приволжская, 15) Приуральская, 16) Киргизская, 17) Туркестанская, 18) Западно-Сибирская, 19) Средне-Сибирская, 20) Восточно- и Полярно-Сибирская и 21) Приамурско-Приморская. Против этого сильного дробления, с одной стороны, и связанных с такой системой неудобств для Музея, имѣющего главной задачей племенные и бытовые ха-

рактические, с другой, — выступил с отдельным мнением Д. А. Клеменц в особой записке, напечатанной на правах рукописи. В записке этой Д. А. Клеменц предлагает, для основы дѣленія, крупныя культурно-географическія области и отстаивает антропогеографическій принципъ, сводя количество географическихъ областей всего къ 5-ти для территории Россіи. Въ той же запискѣ авторъ настойчиво защищаетъ включеніе въ задачи Музея Императора Александра III изученіе этнографіи странъ сопредѣльныхъ, находящихся въ сферѣ культурнаго, экономическаго и моральнаго вліянія Россіи. Въ дальѣйшемъ, при обсужденіи вопроса объ областяхъ, на которыя слѣдуетъ раздѣлить матеріалъ, сторонники дѣленія на 21 область пошли на уступки и соглашались съ возможностью менѣедробнаго дѣленія и установленія, вмѣсто 21-й, всего 10—12 областей. Голосованія этого вопроса не было.

Ко времени упомянутыхъ выше совѣщаній относится еще одинъ печатный документъ, принадлежащій перу академика В. И. Ламанскаго: «О желательномъ расположеніи коллекцій Музея Императора Александра III». Авторъ разсматриваетъ всѣ существующіе способы классификаціи матеріала въ музеяхъ и приходитъ къ выводу, что наилучшимъ, единственно подходящимъ и наиболѣе соответственнымъ задачѣ является географическій порядокъ расположенія коллекцій. По предложенному В. И. Ламанскимъ плану расположенія коллекцій, онѣ должны были уложиться въ 13 географическихъ областяхъ. Въ этой же запискѣ трактуются вкратцѣ вопросы о составѣ и характерѣ этнографическихъ коллекцій и о способахъ ихъ собиранія и пополненія.

Къ концу февраля 1900 года относятся первые шаги Управленія Музея Императора Александра III въ практической области: приступлено было къ пріобрѣтенію коллекцій. Августѣйшимъ Управляющимъ Русскимъ Музеемъ Императора Александра III, по рекомендаціи академика В. В. Радлова, командированъ былъ въ Среднюю Азію художникъ С. М. Дудинъ для сбора коллекцій и фотографированія типовъ разноплеменнаго населенія этой области. Позднѣе пріобрѣтена была первая значительная коллекція у собирателя образцовъ русскаго орнамента К. Д. Далматова.

Но систематическій сборъ коллекцій начался только въ 1902 году, когда утвержденъ временный штатъ Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III. День 10 января 1902 г. и долженъ считаться днемъ основанія Этнографическаго Отдѣла.

Временный штатъ Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: 1) завѣдующаго Отдѣломъ, 2) трехъ хранителей Отдѣла, 3) одного канцелярскаго чиновника и 4) трехъ служителей Отдѣла.

На должность завѣдующаго Отдѣломъ назначенъ былъ старшій этнографъ Музея Императорской Академіи Наукъ Д. А. Клеменцъ; хранителями Отдѣла назначены были: К. А. Иностранцевъ, Е. А. Ляцкій и Н. М. Могилянскій.

На содержаніе Отдѣла ассигнуется 54.368 руб. въ годъ, изъ нихъ 40.000 руб. на составленіе коллекцій, причемъ остатки отъ этой суммы, если бы таковыя оказались, причисляются къ спеціальнымъ средствамъ Музея и расходуются исключительно на указанное назначеніе.

Въ составѣ штатныхъ служащихъ въ Этнографическомъ Отдѣлѣ, за время со дня его основанія, произошли слѣдующія измѣненія. Хранитель Е. А. Ляцкій, согласно прошенію, уволенъ въ отставку съ 1 марта 1907 года; на его мѣсто назначенъ былъ О. К. Волковъ, съ 1 сентября того же 1907 г. Хранитель К. А. Иностранцевъ, согласно прошенію, уволенъ въ отставку съ 12 декабря 1908 г. и на его мѣсто назначенъ былъ А. А. Миллеръ, съ 12 декабря 1908 года. 25 июня 1908 г. на службу въ Этнографическій Отдѣлъ, сверхъ штата, причисленъ кн. Д. Э. Ухтомскій.

1 января 1910 г. Завѣдующій Отдѣломъ Д. А. Клеменцъ уволенъ въ отставку по болѣзни, согласно прошенію. Съ того-же числа назначены: Завѣдующимъ Отдѣломъ Н. М. Могилянскій и хранителемъ Отдѣла младшій этнографъ Музея Антропологии и Этнографіи Имп. Академіи Наукъ Б. О. Адлеръ. 20 февраля 1910 г. на службу въ Этногр. Отдѣлъ, сверхъ штата, причисленъ Л. В. Костиновъ.

Уже съ конца ноября 1901 года намѣченные на должности штатныхъ служащихъ Музея: Д. А. Клеменцъ, К. А. Иностранцевъ, Е. А. Ляцкій и Н. М. Могилянскій собирались еженедѣльно, подъ предѣлательствомъ Августѣйшаго Управляющаго и товарища Управляющаго Музеемъ графа Д. И. Толстого, съ участіемъ въ этихъ засѣданіяхъ секретаря Музея А. А. Тевяшева, причемъ обсуждались, главнымъ образомъ, нижеслѣдующіе вопросы: а) о программѣ для собиранія этнографическихъ матеріаловъ для будущаго Отдѣла Музея, б) о командировкахъ съ цѣлью собиранія этнографическихъ коллекцій и в) объ основаніи и устройствѣ библіотеки при Этнографическомъ Отдѣлѣ. Засѣданія этихъ лицъ, подъ предѣлательствомъ Августѣйшаго Управляющаго или товарища Управляющаго гр. Д. И. Толстого, превратились, затѣмъ, въ регулярныя, почти еженедѣльныя засѣданія Совѣта Этнографическаго Отдѣла, обязанности секретаря котораго исполнялъ хранитель Отдѣла Н. М. Могилянскій. Необходимо упомянуть, кромѣ того, что многіе вопросы, связанные съ постановкой новаго дѣла, дебатировались и готовились въ многочисленныхъ частныхъ совѣщаніяхъ у гр. Д. И. Толстого въ теченіе конца 1901 и всего 1902 гг.

Дальнѣйшая дѣятельность Этнографическаго Отдѣла выразилась въ слѣдующихъ

общих чертах. Важнейшие организационные вопросы, выработка плана расположения материала в новом Музее, направление деятельности по собиранию коллекций, а также многие технические вопросы, как, напр., вопрос о шкапах и прочей музейной мебели, сделались предметом ведения Совета Этнографического Отдела. За всейной мебели, сделались предметом ведения Совета Этнографического Отдела. За истекший 9-летний период Совет Отдела имел всего 281 заседание (по 1 Января 1911 г.), из коих 57 состоялись под личным председательством Его Императорского Высочества Великого Князя Георгия Михайловича, 215 заседаний — под председательством гр. Д. И. Толстого и 9 заседаний — под председательством завѣдующаго Отделом.

Въ началѣ 1902 года издана была Отделомъ программа для собирания этнографическихъ коллекцій, съ краткой общепонятной инструкціей и указаніемъ приѣмныхъ собирания и сохраненія этнографическихъ матеріаловъ. Вначалѣ программа эта была разослана многимъ провинціальнымъ учреждениямъ, коллекціонерамъ и любителямъ-собирателямъ, а также, въ помѣщеніи Музея, выдавалась бесплатно интересующимся ею лицамъ. Программа эта въ теченіе 3 лѣтъ вышла вторымъ и третьимъ дополненными изданіями.

Для болѣе удобнаго наблюденія за сборомъ коллекцій, ихъ систематизаціей и описаніемъ, Советъ призналъ съ технической стороны удобнымъ раздѣлить захвачиваемую сборомъ территорию на 4 района, по числу хранителей Отдела (завѣдующій Отделомъ принялъ на себя хранительскія обязанности по одному изъ 4 районовъ): Д. А. Клеменцъ взялъ районъ Сибири съ сѣверными инородцами тундры Европейской Россіи и сопредѣльными странами: Тибетомъ, Монголіей и Китаемъ, Е. А. Ляцкий — районъ, составившійся изъ сѣверной Россіи до верхняго Поволжья, Финляндіи, Прибалтійскаго края, Польши, Бѣлоруссіи и зарубежныхъ славянъ, Н. М. Могилянскій — среднюю Россію отъ верхняго Поволжья, восточную Россію, Малую Россію и Новороссію съ Бессарабіей и К. А. Иностранцевъ — Кавказъ, Среднюю Азію, Крымъ и сопредѣльныя страны Ближняго Востока.

Такое районное дѣленіе, съ небольшими измѣненіями, сохраняется и до настоящаго времени, причемъ районъ сѣверной, центральной и юго-восточной Россіи находится подъ наблюденіемъ Н. М. Могилянскаго, районъ западной и юго-западной Россіи съ зарубежными славянами — О. К. Волкова, районъ Сибири съ сопредѣльными странами Дальняго Востока — Б. О. Адлеръ и районъ Крыма, Кавказа, Средней Азіи и сопредѣльныхъ странъ Ближняго Востока — А. А. Миллера. Сопредѣленіе съ районами распредѣляется ежегодно и бюджетъ Отдела, причемъ, для наблюденія за исполненіемъ смѣтныхъ предположеній, ассигновокъ, отчетовъ и счетовъ вообще, съ начала 1903 года учреждена была, подъ председательствомъ товарища Управляющаго гр. Д. И. Толстого, финансовая коммиссія изъ завѣдующаго Отделомъ, непрѣмннаго члена изъ хранителей и завѣдующаго бухгалтеріей Музея.

Е. А. Ляцкимъ была выработана и Советомъ утверждена инструкція для дѣятельности этой коммисіи.

Главное вниманіе и заботы Совета за все время, истекшее со дня основанія Отдела, были направлены на накопленіе коллекцій и выставочнаго матеріала вообще — моделей, фотографій и т. п., ихъ систематизацію, описаніе, внесеніе въ списки, печатаніе послѣднихъ и временную укладку вещей въ сундуки или въ спеціальныя помѣщенія для ихъ храненія.

Завѣдующій Отделомъ взялъ на себя веденіе инвентаря и общее наблюденіе за ходомъ регистраціонныхъ работъ, К. А. Иностранцевъ — наблюденіе за печатаніемъ списковъ коллекцій, Н. М. Могилянскій — веденіе карточнаго каталога уложенныхъ въ ящики или хранящихся въ спеціальныхъ помѣщеніяхъ коллекцій.

На первую очередь поставлены были сборы русскихъ коллекцій и, по преимуществу, великорусскихъ. Для сбора этнографическихъ матеріаловъ лучшимъ средствомъ, дающимъ наиболѣе цѣнные результаты, Советъ всегда признавалъ командировки, съ цѣлью сбора на мѣстахъ, лицъ изъ состава Этнографическаго Отдела. Первые командировки служавшихъ въ Отдѣлѣ лицъ начались почти непосредственно послѣ открытія Отдела. Въ разное время были выполнены слѣдующія командировки съ цѣлью сбора коллекцій:

Завѣдующій Отделомъ Д. А. Клеменцъ совершилъ лѣтомъ 1904 г. экспедицію на Алтай, причемъ обследовалъ лѣвобережный районъ Катуніи и Чуйскій районъ телегитовъ до границы съ Китаемъ.

Хранитель К. А. Иностранцевъ имѣлъ всего 5 командировокъ: въ октябрѣ 1902 года — на Кавказъ (въ Тифлисъ, Кутаисъ, Батумъ, Елисаветполь, Баку), въ 1904 году, съ 10 апрѣля по 28 мая, — въ Карангайскую степь, станицу Гребенскую Терскаго казачьяго войска, плоскостную Чечню и сѣверную часть Дагестана, въ маѣ 1905 года — въ Таврическую губ., въ маѣ 1906 г. — въ г. Тифлисъ, причемъ также производилъ сборы у татаръ въ Корджуртѣ и у кабардинцевъ въ Нальчикѣ и въ сентябрѣ 1907 г. — въ Ленкорань и Тифлисъ.

Хранитель Е. А. Ляцкий имѣлъ всего 3 командировки: лѣтомъ 1902 года (въ теченіе 3½ мѣс.) работалъ въ губерніяхъ: сначала въ Новгородской и Псковской, а позже въ Минской и Могилевской, съ 1 іюня по 15 іюля 1903 года собиралъ коллекціи въ Костромской и Новгородской губерніяхъ и съ 10 апрѣля по 18 іюня 1904 г. — въ Архангельской губ.

Хранитель Н. М. Могилянскій былъ командированъ 6 разъ для сбора коллекцій: съ 1 іюня по 15 августа 1902 года работалъ въ Тульской, Орловской, Черниговской и Курской губ., съ 1 іюня по 15 іюля 1903 г. — въ Калужской, Орловской и Черниговской губерніяхъ, въ 1904 году командированъ былъ съ 10 по 24 іюня въ Казань и Сарапульскій у. Вятской губ. и съ 10 іюля по 10 августа —

въ Воронежскую губ., въ 1905 г., съ 24 марта по 10 мая, — въ Бессарабію и Подольскую губ., въ 1906 г., съ 26 марта по 10 мая, — въ Бессарабію и, наконецъ, въ 1908 г., съ 5 по 26 апрѣля и съ 3 іюля по 15 августа, — въ Черниговскую губ.

Хранитель О. К. Волковъ съ 1 іюня по 30 августа 1908 г. былъ командированъ въ Черниговскую губ., съ 1 іюля по 10 августа 1909 г. — въ Волынскую губ., въ 1910 г. — въ Кубанскую Область.

Хранитель А. А. Миллеръ былъ командированъ съ 15 апрѣля по 1 іюня 1909 г. въ Дагестанъ и Карабахскую степь на Кавказѣ. Лѣтомъ 1910 года былъ командированъ въ Кубанскую обл. и Черноморскую губ.

Кн. Д. Э. Ухтомскій въ 1908 г. совершилъ экскурсію въ Гусиноозерскій и другіе дацаны Забайкальской области.

Хранители Отдѣла О. К. Волковъ и А. А. Миллеръ, еще до назначенія своего хранителями Отдѣла, командированы были: О. К. Волковъ лѣтомъ 1904 года и лѣтомъ же 1905 г. — для сбора среди малорусскаго населенія Галиціи (Австрія) и А. А. Миллеръ лѣтомъ 1906 г. — къ донскимъ калмыкамъ, лѣтомъ 1907 г. — въ Абхазію и Мингрелію, зимою 1907 г. — въ Могилевскую губ. и лѣтомъ 1908 г. — на Кавказъ съ специальной цѣлью сбора коллекцій ковровыхъ издѣлій.

При началѣ поступленія коллекцій, когда предметовъ было еще немного, въ хранители занимались составленіемъ регистраціонныхъ списковъ, въ настоящее же время работа хранителей по регистраціи коллекцій значительно сократилась: для регистраціи коллекцій усиленъ штатъ служащихъ по вольному найму регистраторовъ коллекцій вслѣдствіе того, что, при усложнившейся работѣ по подготовкѣ къ близкой выставкѣ коллекцій, у хранителей остается мало свободнаго времени для ихъ регистраціи.

Обязанности постоянныхъ регистраторовъ въ настоящее время исполняютъ: А. А. Макаренко (съ іюля 1902 г.), А. А. Рагозина (съ сентября 1904 г.) и Э. К. Пекарскій (съ сентября 1905 г.).

Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ въ этой работѣ, кромѣ хранителей и заведующаго Отдѣломъ, въ разное время за 9 лѣтъ существованія Отдѣла приняли участіе слѣдующія лица: академикъ С. О. Ольденбургъ, пр.-доц. А. И. Ивановъ, пр.-доц. А. Н. Самойловичъ, Н. П. Славинъ, В. Б. Николаева, И. С. Абрамовъ, А. К. Сергпутовскій, С. И. Руденко, П. П. Ефименко, П. Н. Бекетовъ, С. М. Дудинъ, М. М. Меденица, А. Н. Павловичъ, С. И. Сергѣевъ, Н. И. Рѣшниковъ.

Съ цѣлью практической подготовки къ выставкѣ коллекцій, а также для изученія типовъ музейной мебели, какъ напр.: шкаповъ разныхъ системъ, витринъ и турникетовъ, устройства моделей, манекеновъ и мелкихъ техническихъ деталей выставоч-

ныхъ приспособленій, служащихъ въ Музеѣ лица неоднократно командировались въ разные музеи, на фабрики музейной мебели и въ модельныя мастерскія за границу. Въ разное время осмотрены были лучшіе изъ европейскихъ музеевъ.

Завѣдующій Отдѣломъ Д. А. Клеменцъ, съ цѣлью осмотра музеевъ, имѣлъ

лѣтомъ 1902 г. specialныя командировки въ Гельсингфорсъ, Стокгольмъ, Бременъ, Гамбургъ, Цюрихъ, Мюнхенъ, Нюрнбергъ, Дрезденъ, Прагу, Бѣлградъ и Бухарестъ.

Хранитель О. К. Волковъ командированъ былъ лѣтомъ 1906 г. въ Вѣну, Прагу и Будапештъ для изученія постановки музейнаго дѣла.

Хранитель Е. А. Ляцкій съ тою же цѣлью, а также для изученія постановки библиотекъ, былъ командированъ въ Парижъ лѣтомъ 1906 г.

Хранитель Н. М. Могиланскій съ тою же цѣлью имѣлъ 4 командировки за границу: въ декабрѣ 1904 г. — въ Берлинъ и Лейпцигъ, въ іюль - августъ 1906 г. — въ Стокгольмъ, Христианію и Копенгагенъ (объ этой поездкѣ представленъ рукописный отчетъ), въ іюнь 1908 г. — на торжественное открытіе Nordiska Museet въ Стокгольмѣ и, наконецъ, лѣтомъ 1909 г. — въ Дрезденъ на фабрику извѣстной фирмы Aug. Kühnseherf und Söhne.

Хранитель А. А. Миллеръ въ 1910 году — въ Стокгольмъ и Парижъ для изученія деталей техники музейнаго дѣла.

Для сбора коллекцій на огромной территоріи Россіи собственныхъ силъ Отдѣла

было, конечно, недостаточно, и Советъ съ самаго начала озабочился присканіемъ собирателей на мѣстахъ, что было одной изъ важныхъ задачъ для хранителей во время ихъ поѣздокъ въ разныя мѣста Имперіи, или же командированіемъ изъ Петербурга лицъ, извѣстныхъ Отдѣлу или рекомендованныхъ ему разными учреждениями и лицами. Такихъ порученій по сбору, въ разныхъ мѣстахъ, коллекцій было за 7 лѣтъ очень много, и приводимыя ниже свѣдѣнія по годамъ далеко не исчерпываютъ полнаго списка лицъ, принимавшихъ участіе въ сборѣ коллекцій.

Въ 1902 году состоялась экспедиція Ф. Я. Кона въ Саянскій край. А. И. Поповъ и Э. К. Пекарскій работали по сбору коллекцій въ Якутской области, Д. П. Першинъ — въ Иркутской губ., Н. А. Гребницкій — въ Приморской области, И. А. Зарѣцкій — въ Малороссіи (губерніи Харьковская и Полтавская), проф. И. Н. Смирновъ — среди инородцевъ Поволжья: черемисъ, чувашъ, вотяковъ и мордвы, художникъ С. М. Дудинъ — въ Средней Азіи, О. П. Семенова-Тянь-Шанская — въ Рязанской губ., Е. Р. Романовъ — въ Бѣлоруссіи, А. Н. Кондратьевъ — въ Псковской губ., А. Д. Неуступовъ — въ Вологодской губ.

Въ 1903 году: проф. И. Н. Смирновъ — въ Поволжьѣ у инородцевъ: мордвы, черемисъ, чувашъ, Н. Н. Шавровъ — на Кавказѣ, А. С. Пираловъ — на Кавказѣ (въ губ. Тифлисской и Эриванской), Ф. Я. Конъ — въ Саянскомъ краѣ, инженеръ В. Е. Поповъ, В. М. Іоновъ и Э. К. Пекарскій — въ Якутской области среди тунгусовъ, И. А. Зарѣцкій — въ Малороссіи, А. И. Кондратьевъ — въ Псковской губ., Е. Р. Романовъ — въ Бѣлоруссіи, А. И. Поповъ — въ Якутской области, О. О. Визель — у поморовъ Архангельской губ., Д. П. Першинъ — въ Иркутской губ., Д. Т. Яновичъ — во Владимірской губ., В. П. Шнейдеръ — въ Тамбовской губ., О. П. Семенова-Тянь-Шанская — въ Рязанской губ., художникъ И. Я. Билибинъ — въ Архангельской губ., В. И. Срезневскій — въ Олонецкой губ.

Въ 1904 году: И. А. Зарѣцкій — въ Малороссіи, А. А. Макаренко — въ Енисейской губ., А. В. Адриановъ — въ Енисейской губ., И. С. Абрамовъ — въ Курской губ., А. И. Поповъ — въ Якутской обл., проф. Н. Я. Марръ — въ Грузіи, Н. И. Коробка — въ Волынской губ., И. Ф. Нижарадзе — въ Сванетіи, художникъ И. Я. Билибинъ — въ губ. Вологодской и Архангельской, Н. Н. Виноградовъ — въ Костромской губ., Ю. О. Горбатовскій — въ Тарскомъ у. Тобольской губ., студ. С. В. Теръ-Аветисянъ — на Кавказѣ, В. П. Шнейдеръ — въ Тамбовской губ., О. П. Семенова-Тянь-Шанская — въ Рязанской губ., Д. Т. Яновичъ — въ Тверской и Владимірской губ., И. К. Зеленовъ — въ Вятской губ.

Въ 1905 году: С. П. Швецовъ — въ Алтайскомъ округѣ, А. В. Адриановъ — въ Енисейской губ., И. А. Зарѣцкій — въ Малороссіи, А. Д. Неуступовъ — въ Вологодской губ., В. К. Костко — въ Бѣлоруссіи, А. П. Черный —

во Владимірской губ., В. П. Шнейдеръ — въ Тамбовской, Пензенской и Симбирской губ., студентъ Н. А. Горбуновъ — въ Кахетіи, И. С. Абрамовъ — въ Курской губ., г-жа Н. А. Люба — въ Монголіи, А. Н. Букейхановъ — у киргизъ, І. Д. Меликъ-Шахназаровъ — въ Тифлисской и Эриванской губ., И. К. Зеленовъ — въ Вятской губ., Д. Т. Яновичъ — въ Тверской губ., студ. А. В. Журавскій — въ Большеземельской тундрѣ, Ц. Жамцарановъ — у бурятъ Забайкальской обл., И. Ф. Нижарадзе и кн. И. А. Джаваховъ — въ Хевсуретіи, Пшави и Тушетіи на Кавказѣ, Н. Н. Виноградовъ — въ Костромской губ., Н. И. Аматауни — въ Персіи и Б. Г. Донатъ — въ Китаѣ.

Въ 1906 году: А. А. Макаренко — въ Енисейской губ., М. Н. Хангаловъ — у бурятъ (Сибирь), А. В. Адриановъ — въ Семипалатинской области, П. Н. Бекетовъ — въ Области Войска Донского, В. П. Шнейдеръ — въ Пензенской губ., И. К. Зеленовъ — въ Казанской и Вятской губ., А. П. Черный — во Владимірской губ., И. С. Абрамовъ — въ Волынской губ., А. Н. Прусевичъ — въ Подольской губ., студ. М. М. Меденица — въ Черногоріи, студ. А. И. Парушевъ — въ Болгаріи, А. К. Сержпутовскій — въ Минской губ., Н. А. Шабунинъ — въ Архангельской губ., Н. Н. Виноградовъ — въ Ярославской губ., С. И. Сергель — у зырянъ Вологодской губ., И. А. Галлибекъ — въ Эстляндіи, Э. К. Пекарскій — въ Минской губ., З. П. Валаевъ — въ Осетіи на Кавказѣ, П. Н. Бекетовъ — у киргизъ Семипалатинской обл., С. И. Руденко — у башкиръ Пермской, Уфимской и Оренбургской губ., Г. Н. Ахмаровъ — у казанскихъ татаръ, А. Н. Петровъ — въ Персіи. Отъ бакши донскихъ калмыковъ Дамбо Ульянова поступили вывезенныя имъ изъ Тибета книги: «Ганчжуръ-Данчжуръ».

Въ 1907 году: А. А. Макаренко совершилъ экспедицію на среднюю Тунгузку для сбора коллекцій у тунгусовъ, С. М. Толстой работалъ среди инородцевъ нижняго Енисея, А. В. Адриановъ — въ Енисейской губ., Л. Жаповъ и В. Вампиловъ — у забайкальскихъ бурятъ, И. С. Абрамовъ — у старообрядцевъ въ Вѣткѣ, Гомельскаго у., Могилевской губ., студ. А. И. Ивановъ — въ Рославльскомъ у., Смоленской губ., А. М. Высоцкій — въ Кіевской и Подольской губ., А. А. Рагозина — въ Тобольской губ., А. К. Сержпутовскій — въ Волынской и Минской губ., А. Н. Прусевичъ — въ Подольской губ., С. И. Сергель совершилъ экспедицію къ лопарямъ Швеціи, Норвегіи и Финляндіи, художникъ В. А. Платниковъ работалъ въ Архангельской губ., Г. Н. Ахмаровъ — въ Казанской губ., З. П. Валаевъ — въ Осетіи, С. А. Гатуевъ — въ Чечнѣ, М. О. Зандукели — у хевсуровъ Тифлисской губ., С. И. Руденко — у башкиръ Уфимской и Оренбургской губ.

Въ 1908 году: А. А. Макаренко совершилъ вторичную поѣздку на среднюю Тунгузку съ цѣлью дополнительнаго сбора тунгусскихъ вещей, А. Я. Тугариновъ работалъ въ Туруханскомъ краѣ, А. В. Адриановъ — въ Енисейской губ., М. Н.

Хангаловъ — въ Забайкальѣ, студ. С. Е. Маловъ — у черневыхъ татаръ въ Сибири, студ. Н. П. Красниковъ — въ Орловской губ., художникъ А. М. Высоцкий — въ Воронежской губ., И. С. Абрамовъ — у старообрядцевъ Черниговской губ., М. Е. Евсеевъ — у приволжскихъ инородцевъ, П. З. Рябовъ — въ Херсонской и Таврической губ., А. А. Рагозина — въ Минской губ., студ. А. А. Баталинъ — въ Олонецкой губ., студ. П. П. Ефименко — въ Костромской губ., М. О. Зандукели — у хевсуръ на Кавказѣ, г-жа А. Л. Млокосъвичъ — въ Дагестанской обл., Н. С. Державинъ — въ Горійскомъ у. Тифлисской губ., О. Т. Сахонія — у мингрельцевъ Кутаисской губ., П. А. Комаровъ — въ Средней Азій у сартовъ, Г. Н. Ахмаровъ — въ Казанской губ., Ф. Ф. Караваевъ — у киргизъ Акмолинской обл., Р. Г. Зарринъ — у латышей Курляндіи.

Въ 1909 году осуществлены были слѣдующія командировки и сборъ коллекцій на мѣстахъ: А. К. Сержпутовскій командированъ былъ въ Польшу и Литву, П. З. Рябовъ собиралъ коллекціи въ Херсонской и Таврической губ., А. В. Адриановъ — въ Енисейской губ., М. Н. Хангаловъ — въ Забайкальѣ, В. И. Анучинъ — у енисейскихъ остяковъ, В. А. Бабенко — въ Екатеринославской губ., Д. М. Головачевъ — у бурятъ и ороновъ, г-жа А. Л. Млокосъвичъ — въ Дагестанѣ на Кавказѣ, П. П. Ефименко — въ Харьковской губ., М. О. Зандукели — въ Батумской обл., С. И. Руденко отправился въ экспедицію къ вогулямъ, обскимъ самоѣдамъ и остякамъ, М. Е. Евсеевъ занятъ былъ сборомъ коллекцій у приволжскихъ финновъ, А. А. Флоренскій — у армянъ въ Закавказьѣ, Д. О. Святскій — въ Сѣвскомъ у. Орловской губ., Д. К. Зеленинъ имѣлъ порученіе собрать спеціально коллекцію русскихъ земледѣльческихъ орудій, К. В. Шероцкій собиралъ въ Подольской губ., студ. С. М. Петровъ — у мешеряковъ Уфимской губ., Р. Г. Зарринъ — у латышей Курляндіи, г-жа В. П. Шнейдеръ — въ Нижегородской губ., худ. В. А. Плотниковъ — въ Архангельской губ., И. С. Абрамовъ — въ Области Войска Донского.

Въ 1910 г. состоялись слѣдующія командировки и сборъ коллекцій на мѣстахъ:

Л. В. Костиковъ собралъ коллекціи у великороссовъ на сѣверѣ Архангельской губ., д-ръ У. Т. Сиреліусъ, д-ръ Швиндтъ и проф. А. О. Гейкель — собирали коллекціи у финновъ Финляндіи, М. Е. Евсеевъ — у финновъ поволжскихъ, В. Д. Бончъ-Бруевичъ произвелъ сборъ этнографическихъ предметовъ у русскихъ сектантовъ Закавказья и у татаръ, А. И. Емельяновъ — у черемисовъ и вотяковъ, Н. В. Никольскій — у чувашей Казанской и Симбирской губ., М. А. Миллеръ, — у донскихъ казаковъ, свящ. Чирковъ — собралъ коллекцію куколъ въ Архангельской губ., Н. И. Рѣпниковъ по порученію Отдѣла производилъ раскопки Старо-Ладожскаго городища С.-Петербургской губ., А. А. Макаренко собиралъ

коллекціи въ Амурской области у русскихъ («семейскихъ») и китайцевъ, О. К. Волковъ произвелъ поѣздку въ Кубанскую область и Восточную Галицію для сбора этнографическихъ коллекцій, К. В. Шероцкій собралъ этнографическіе предметы въ Подольской губ., Н. И. Кирмикчи — въ Бессарабской губ., П. З. Рябовъ — въ Херсонской и Екатеринославской губ., В. В. Сахаровъ — въ Волынской и Кіевской губ., А. К. Сержпутовскій — у белоруссовъ Минской губ. и у Андійцевъ Дагестанской области, В. Л. Ивановскій у белоруссовъ Витебской, Могилевской и Гродненской губ., прив.-доц. Э. А. Вольтеръ — у Литвы въ Сувалкской, Ковенской и Виленской губ. и въ восточной Пруссіи.

А. А. Миллеръ былъ командированъ въ Кубанскую область и Черноморскую губ. для собиранія коллекцій у западныхъ черкесовъ, А. Л. Млокосъвичъ — въ Дагестанскую область для сборовъ у южныхъ аварцевъ, В. П. Васильевъ былъ командированъ для сбора этнографическихъ коллекцій у гиляковъ и ороковъ на островахъ Сахалинъ и на р. Амурѣ, кн. Д. Э. Ухтомскій — въ Китайской Монголіи, А. И. Ивановъ собралъ коллекцію куколъ у китайцевъ г. Пекина, А. В. Адриановъ продолжалъ сборы у кизильцевъ Енисейской губ., Л. Жаба въ Забайкальской Области, К. Д. Логиновскій — на Камчаткѣ, А. И. Поповъ — у якутовъ Якутской области, С. И. Руденко кончилъ свои сборы въ Тобольской губ. у остяковъ, самоѣдовъ, зырянъ и вогуловъ.

Въ томъ-же 1910 г. шт.-кап. В. К. Арсеньевъ принесъ въ даръ Музею коллекцію, собранную имъ въ Уссурийскомъ краѣ среди китайцевъ — звтропромышленниковъ и поступила коллекція отъ Н. П. Сокольниковъ (съ Чукотскаго полуострова).

Къ сказанному о сборѣ коллекцій нужно добавить, что въ 1906 году Чешскій Народнописный Музей въ Прагѣ предложилъ свои услуги Совѣту Этнографическаго Отдѣла для сбора коллекцій чешскаго народного быта. Совѣтъ ассигновалъ для этой цѣли въ распоряженіе проф. Нидерле 3000 руб., и въ періодъ 1906—1910 гг. уже получена значительная коллекція чешскихъ бытовыхъ предметовъ; сборъ этой коллекціи будетъ исполненъ законченъ въ ближайшемъ будущемъ.

Въ маѣ 1908 года Отдѣломъ ассигновано въ распоряженіе Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азій 1000 руб. на доставку въ Петербургъ и передачу Русскому Музею Императора Александра III декоративнаго матеріала отъ древнихъ, быстро разрушающихся памятниковъ искусства въ Самаркандѣ.

Каждый предметъ изъ поступающихъ въ Музей коллекцій, какъ сказано выше, регистрируется, т. е. получаетъ двойной №, первый есть № коллекціи, къ которой предметъ принадлежитъ, а второй — № ему спеціально принадлежащій. Подъ первымъ № онъ заносится въ инвентарь, а подъ двойнымъ описывается въ спеціальномъ спискѣ коллекцій, — описывается, конечно, суммарно, общими чертами, которыя

позволили бы всегда узнать описанный предмет, т. е. что он представляет из себя по материалу, величине, назначению, названию, откуда он происходит (местность — уезд, губерния, село, деревня), как приобретен Музеем и от кого. В виду того, что до последнего времени здание для Этнографического Отдела еще не было достроено и для хранения вещей не было еще настоящей музейной мебели, которая должна удовлетворять известным требованиям, большинство вещей складывается в специальные, большие сундуки, предварительно же вещи подвергаются дезинфекции и пересыпаются разными веществами, которые препятствуют развитию вредных насекомых в тканях, войлоке или дереве и т. д. Сундуки нумеруются, и каждый № сундука получает свою карточку с обозначением №№ коллекций и всех №№ предметов, в данном сундуке находящихся. Таких сундуков в настоящее время хранится в подвалах Музея около 500, при чем много вещей находится в этих сундуках в тех же подвалах или же в двух специальных помещениях в саду при Музее.

IV.

Приращение собираемых для Музея предметов шло, за период от 1900 до начала 1911 года, достаточно успешно; рост коллекций по годам и способ их приобретения видны из следующей таблицы:

Г О Д Ы.	П Р И О Б Р Ъ Т Е Н О.			
	Командировками хранителей и отд. лиц.	Покупкою в Петербург.	Принесено в дар.	Итого.
	Количество предметов.			
Въ 1900 году	2.526	1.207	—	3.733
» 1901 »	1.570	728	199	2.497
» 1902 »	7.135	1.038	3.698	11.871
» 1903 »	7.296	867	898	9.061
» 1904 »	10.375	2.563	1.234	14.172
» 1905 »	5.018	1.305	163	6.486
» 1906 »	10.712	1.780	3.788	16.280
» 1907 »	5.127	1.526	92	6.745
» 1908 »	6.393	1.246	232	7.871
» 1909 »	5.858	2.331	844	9.033
» 1910 »	9.700	1.150	629	11.479
Итого	71.710	15.741	11.777	99.228
Кромѣ того въ 1910 году поступило коллекций по археологии.	1.369	2.477	6.817 *)	10.663
Всего вместе съ археол. коллекц.	73.079	18.218	18.594	109.891

*) Въ томъ числѣ 1070 предметовъ изъ раскопокъ Хара-Хото.

Состав коллекций по наиболее крупнымъ категориямъ виденъ изъ нижеприведенной таблицы составленной по регистрационнымъ спискамъ, которые, по ихъ проверкѣ хранителями, печатаются въ количествѣ 50 экземпляровъ:

Г О Д Ы.	З А Р Е Г И С Т Р О В А Н О.					
	Велико- руссы.	Малоруссы.	Бѣлоруссы.	И н о р о д ц ы.		И т о г о.
				Россій.	Странъ прилегаю- щихъ.	
Количество предметовъ (въ скобкахъ обозначено число коллекцій).						
Въ 1902 г. . . .	4.984 (58)	441 (9)	16 (1)	4.539 (66)	923 (9)	10.903 (143)
» 1903 »	2.675 (64)	1.029 (9)	430 (8)	8.396 (88)	909 (11)	13.439 (180)
» 1904 »	7.615 (131)	886 (16)	843 (22)	2.509 (69)	1.860 (21)	13.713 (259)
» 1905 »	4.856 (60)	275 (7)	156 (3)	2.880 (71)	864 (13)	9.031 (154)
» 1906 »	2.360 (58)	931 (20)	1.083 (13)	4.875 (118)	629 (49)	9.878 (258)
» 1907 »	2.943 (47)	827 (9)	239 (3)	6.677 (110)	1.802 (49)	12.488 (218)
» 1908 »	1.998 (21)	700 (10)	333 (3)	2.820 (65)	615 (19)	6.466 (118)
» 1909 »	1.083 (41)	618 (18)	296 (6)	4.254 (81)	234 (20)	6.485 (166)
» 1910 »	2.118 (57)	2.382 (19)	2 (1)	3.308 (105)	1.631 (29)	9.441 (211)
И т о г о . . .	30.632 (537)	8.089 (117)	3.398 (60)	40.258 (775)	9.467 (199)	91.844 (1692)

Кромѣ того въ 1910 г. зарегистрировано 4987 предметовъ по археологии въ 1244 №№ (31 коллекція).

Какъ видно изъ цифръ первой таблицы, около 7 1/2% всехъ поступлений приходится на предметы, принесенные Музеемъ в даръ.

Первымъ, неоценимымъ въ научномъ отношеніи по богатству и разнообразію собраннаго матеріала, является Даръ Его Императорскаго Величества Государя Императора — богатѣйшая коллекція предметовъ буддйскаго культа, собранная кн. Э. Э. Ухтомскимъ. Описание предметовъ этой коллекціи любезно принялъ на себя Непременный секретарь Императорской Академіи Наукъ академикъ С. О. Ольденбургъ.

Вторымъ цѣннымъ вкладомъ въ собранія Музея является приобретенная на средства Его Величества и принесенная в даръ Государемъ Императоромъ коллекція русскихъ старинныхъ вышивокъ и тканей, собранная Н. Л. Шабельскою и представляющая рѣдкое по полнотѣ и высокому достоинству отдѣльных предметовъ собраніе, известное не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ.

Кромѣ того, по волѣ Его Величества, въ разное время переданы в даръ Этнографическому Отдѣлу Русскаго Музея Императора Александра III еще слѣдующія коллекціи: 1) приобретенное у А. В. Верещагина большое собраніе китайскихъ вещей, 2) изъ Царско-сельскаго арсенала — коллекція эскимосскихъ, алеутскихъ и тлинкитскихъ вещей, 3) коллекція предметовъ, представленныхъ Государю Императору депутаціей отъ калмыковъ Астраханской губ., 4) коллекція предметовъ съ Всероссийской кустарно-промышленной выставки и 5) коллекція буддйскихъ иконъ, собранныхъ во время Монголо-Сычуанской экспедиціи Имп. Русск. Геогр. Общества подъ на-

частьством полков. П. К. Козлова въ Хара-Хото¹⁾, 6) Альбомъ со 100 Персидскими миниатюрами XVII и XVIII в. — высокаго художественнаго и научнаго достоинства.

Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Управляющимъ Русскимъ Музеемъ Императора Александра III въ тоже время принесена въ даръ коллекція керамики.

Далѣе, на первомъ мѣстѣ, по цѣнности принесенныхъ въ даръ коллекцій, стоитъ, несомнѣнно, пожертвованная наслѣдницами Н. Л. Шабельской — В. П. Шабельскою (нынѣ кн. Сидамонъ-Эристовъ) и Н. П. Шабельскою часть коллекціи, состоящая, главнымъ образомъ, изъ цѣнныхъ головныхъ уборовъ, украшеній и старинныхъ русскихъ костюмовъ.

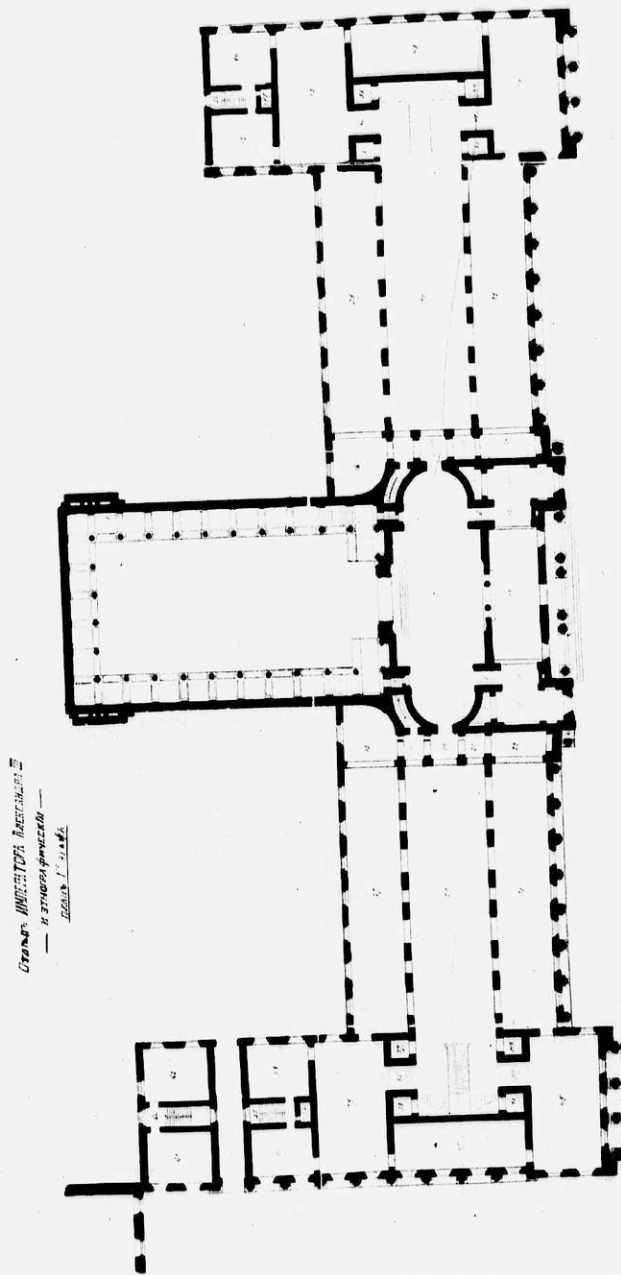
Изъ другихъ коллекцій, принесенныхъ въ даръ Музею, нужно отмѣтить пожертвованія въ видѣ систематически собиравшихся коллекцій, полученныя отъ нижеслѣдующихъ лицъ, перечисленныхъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ полученія.

Отъ ген.-лейт. А. А. Боголюбова — коллекція ковровыхъ издѣлій изъ Средней Азіи, В. П. Шнейдеръ — большая и очень полная коллекція ложекъ, кн. А. А. Оболенской — коллекція русской керамики, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества — коллекція предметовъ быта сибирскихъ инородцевъ, Калмыцкаго Управленія — коллекція предметовъ быта калмыковъ, Управленія Уральскаго Казачьяго Войска — коллекція предметовъ и моделей рыболовства, В. В. Стасова — коллекція вышивокъ зап. Китая; изъ архива Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, по иниціативѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ статс-секретаря П. А. Столыпина, передана коллекція предметовъ быта и портретовъ сектантовъ; отъ іеромонаха Антонія — коллекція предметовъ сѣверо-русскаго стариннаго и современнаго быта, Общества изученія Амурскаго края — цѣнная коллекція быта пріамурскихъ инородцевъ, наконецъ, Е. П. Султановой — коллекція старинныхъ русскихъ набоекъ, собранная ея покойнымъ мужемъ, академикомъ Н. В. Султановымъ.

V.

Содѣйствіе выполнению поставленныхъ Отдѣломъ задачъ не ограничивалось однимъ принесеніемъ въ даръ коллекцій и отдѣльныхъ предметовъ. Содѣйствіе это выражалось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и встрѣчено было Отдѣломъ всюду, куда бы Отдѣлъ за таковымъ ни обращался, будь то правительственное или общественное учрежденіе, или отдѣльное лицо, административную или иную властью облеченное, или же простой обыватель, близко знакомый съ мѣстными условіями быта — всюду Отдѣлъ нашелъ полное сочувствіе и посильное стремленіе, по мѣрѣ силъ и возможности, придти на помощь общей культурной цѣли.

1) Въ настоящее время находится въ печати статья С. Ф. Ольденбурга, посвященная буддійской иконографіи, написанная на основаніи матеріаловъ, добытыхъ П. К. Козловымъ въ Хара-Хото. Статья входитъ во II томъ «Матеріалы по Этнографіи Россіи», который въ недалекомъ будущемъ долженъ выйти въ свѣтъ.

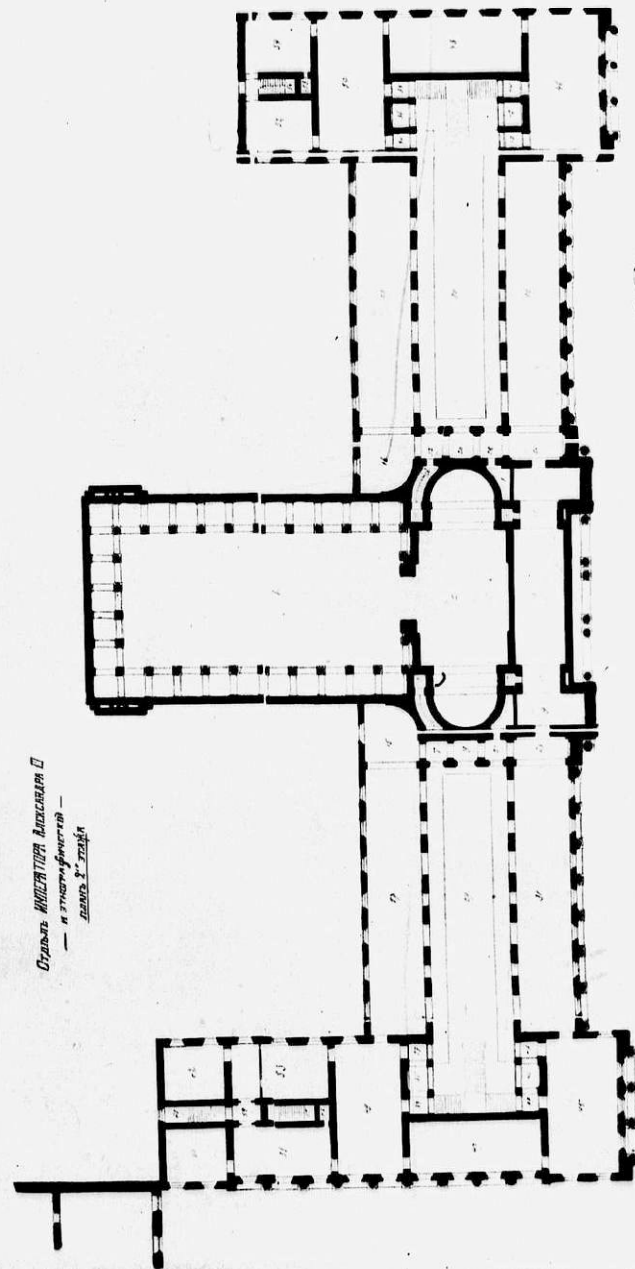

— Русскій музей —

Стѣны — Императорскій Высочайшій
— и этнографическій —
Зала 1-я и 2-я

— РУССКИЙ МУЗЕЙ —

Строительный план здания
— в существующем —
— по 3-му этажу

Составил: А. В. Ковалев
Проверил: А. В. Ковалев

Въ непрестанныхъ заботахъ о развитіи вѣреннаго Его управленію Музея, Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михайловичъ изъ специальныхъ средствъ Музея соизволилъ основать специальный «издательскій капиталъ Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III», отчисливъ, для издательской дѣятельности Отдѣла, изъ вышеозначенныхъ суммъ 20.000 рублей. Изъ этихъ средствъ производились расходы на составленіе указателя по библиографіи русской этнографіи. Этимъ же средствамъ обязанъ выходомъ въ свѣтъ первый томъ изданія «Материалы по этнографіи Россіи». На тѣ же specialныя средства, съ соизволенія Его Высочества Августѣйшаго Управляющаго, отнесены расходы по особымъ, съ цѣлью изученія постановки музейнаго дѣла и библіотекъ, командировкамъ за границу, которыя не могли бы осуществиться изъ суммъ, предназначенныхъ на приобрѣтеніе и пополненіе коллекцій.

Въ 1906 году Комитетомъ по образованію и устройству Портъ-Артурскаго Музея, вслѣдствіе передачи Портъ-Артура и Квантунской области Японіи, передано было Этнографическому Отдѣлу Русскаго Музея Императора Александра III процентныхъ бумагъ и денегъ всего на номинальную сумму 11.844 руб. 98 коп., которые получили наименованіе «Портъ-Артурскаго капитала», причѣмъ расходы изъ него производятся согласно съ волею жертвователей.

Министерство Финансовъ создало для Отдѣла возможность осуществить задачу выставки предметовъ въ новомъ зданіи, ассигновавши въ 1908 году въ распоряженіе Отдѣла 248.000 рублей на монтажъ Музея specialной музейной мебелью.

VI.

Съ самаго начала Совѣтъ озаботился организаціей при Отдѣлѣ библіотеки, которая и основана 1 января 1902 года. Для этой цѣли на три года ассигновано было по 5.000 руб. въ годъ. Вначалѣ, когда книгъ было еще немного, обязанности библіотекаря исполнялъ хранитель Отдѣла Е. А. Ляцкій, которому въ помощь — изъ суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе библіотеки — приглашена была, съ начала 1902 года, Л. А. Гальпертъ, оставшаяся на службѣ до кончины ея въ концѣ 1906 года, и одинъ служитель. Къ этому времени относится пожертвованіе академикомъ А. Н. Пыпинымъ материаловъ для библиографіи русской этнографіи. Е. А. Ляцкій, подъ общимъ руководствомъ А. Н. Пыпина, принялся за составленіе указателя по библиографіи русской этнографіи — трудъ, пока еще имъ до конца не доведенный. Въ декабрѣ 1906 г. учреждена Совѣтомъ библіотечная коммиссія, подъ предѣлательствомъ завѣдующаго Отдѣломъ, изъ одного, по выбору Совѣта, хранителя Отдѣла и библіотекаря. Членомъ библіотечной коммисіи, съ момента ея основанія, состоитъ хранитель Ѳ. К. Волковъ, подъ руководствомъ котораго составляется систематическій каталогъ по выработанной имъ и утвержденной Совѣтомъ схемѣ. Общее управленіе библіотечной коммиссіей, съ декабря 1906 года, перешло въ вѣдѣніе вышеупомянутой библіотечной коммисіи,

а на должность библиотекаря (не штатную) Этнографического Отдела приглашенъ, съ февраля 1907 г., В. А. Егуновъ, состоящій и донынѣ въ этой должности.

Ростъ библиотеки за истекшій періодъ, съ 1902 — 1908 гг., и расходы на ее содержание показаны въ двухъ нижеприведенныхъ таблицахъ:

Свѣдѣнія о поступлении книгъ и о расходахъ по библиотекѣ Этнографического Отдела Русскаго Музея Императора Александра III, за время съ 1902 по 1910 гг.:

ГОДЫ.	Книгъ на русскомъ языкѣ.		Книгъ на иностр. языкѣ.		ВСЕГО.		Въ томъ числѣ:			
							Куплено.		Пожертвовано.	
	Назв.	Том.	Назв.	Том.	Назв.	Том.	Назв.	Том.	Назв.	Том.
1902	980	2.355	329	766	1.309	3.121	713	1.100	596	2.021
1903	879	1.070	174	400	553	1.470	318	506	235	964
1904	648	1.177	182	314	830	1.491	371	535	459	956
1905	1.184	2.659	212	492	1.396	3.151	970	2.374	426	777
1906	411	742	117	215	528	957	283	609	245	348
1907	255	542	172	267	427	809	310	617	117	192
1908	290	453	98	208	388	661	277	428	111	233
1909 ¹⁾	—127	149	—58	—286	—185	—137	—94	—63	—91	—74
1910	441	845	146	330	587	1.175	297	561	290	614
Итого . .	4.461	9.992	1.872	2.706	5.333	12.698	3.445	6.667	2.388	6.031

ГОДЫ.	Вознагражденіе служащихъ.		Покупка книгъ.		Переплетныя работы.		Прочіе расходы.		Всего.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
1902	474	25	3.139	43	364	26	267	25	4.245	19
1903	720	—	4.048	60	267	74	253	87	5.290	21
1904	720	—	2.204	60	685	60	162	81	3.773	01
1905	750	—	4.297	73	738	76	198	72	5.985	21
1906	876	43	1.589	89	739	35	82	57	3.288	24
1907	1.027	50	2.954	46	534	35	244	22	4.760	53
1908	1.345	—	1.813	84	579	40	229	87	3.968	11
1909	1.260	—	1.295	59	704	27	309	25	3.569	11
1910	1.260	—	2.281	88	395	52	479	38	4.416	28
Итого . .	8.433	18	23.625	52	5.009	25	2.227	94	39.295	89

1) Отрицательныя числа этого года объясняются исключеніемъ большого числа названій и томовъ; причина такого исключенія подробно разяснена въ «Отчетѣ Этногр. Отдѣла» за соответствующій годъ.

Книгами, журналами, атласами и пр. не исчерпываются, однако, вполне хранящиеся въ библиотекѣ матеріалы для изученія этнографіи. Въ ней хранятся также разнаго рода спеціальныя собранія, напр.: коллекціи лубочныхъ картинокъ, приобретаемыя Отдѣломъ рукописи, записки, тетради съ замѣтками, альбомы рисунковъ и т. п.

Въ 1904 году переданы въ библиотеку пожертвованные кн. М. К. Тенишевой этнографическіе матеріалы, которые были собраны по спеціальной программѣ этнографическимъ бюро, учрежденнымъ на свои личныя средства покойнымъ кн. В. Н. Тенишевымъ.

Библиотека, — несмотря на то, что находится во временномъ, тѣсномъ и мало приспособленномъ, помѣщеніи, — за послѣдніе годы, трудами В. А. Егунова, приведена въ образцовый порядокъ и открыта ежедневно для спеціально работающихъ по этнографіи. Библиотекою подготовлены матеріалы для составленія систематическаго каталога по утвержденной Совѣтомъ схемѣ.

VII.

Съ самаго начала своей дѣятельности Отдѣлъ обратилъ особое вниманіе на приобретение этнографическихъ матеріаловъ въ видѣ фотографическихъ снимковъ и фотографическихъ негативовъ. Съ этой цѣлью приобретаемы были фотографическіе аппараты, и всякая экспедиція или небольшая экскурсія, организованная Отдѣломъ, снабжалась, по возможности, аппаратами и пластинками. Снятыя пластинки возвращаются въ Отдѣлъ, гдѣ проявляются и регистрируются наравнѣ съ прочими коллекціями. Негативы хранятся въ специальномъ шкапу, а отпечатки (подъ тѣми же №№) — въ специальныхъ альбомахъ. Для легкаго отысканія какъ негативовъ, такъ и отпечатковъ, составляется карточный каталогъ. Карточки составлены по фамиліямъ собирателей, по №№ коллекцій, по народностямъ и по №№ альбомовъ, что даетъ полную возможность въ любой моментъ отыскать нужный предметъ.

Многіе изъ поступающихъ въ Отдѣлъ предметовъ, прежде ихъ укладки, фотографируются или срисовываются. Всѣ матеріалы для цинкографій въ текстѣ и фототипій, назначенныхъ для напечатанія въ первомъ томѣ изданія «Матеріалы по этнографіи Россіи», приготовлены были фотографіей при Этнографическомъ Отдѣлѣ.

Фотографическіе матеріалы Отдѣла по этнографіи и антропологиі въ настоящее время состоятъ изъ негативовъ (около 8.000) и отпечатковъ (около 9.500). Ростъ этихъ матеріаловъ по годамъ, съ 1901 по 1909-й, виденъ изъ прилагаемой таблицы:

1901 г.	17	коллекцій	1309	негативовъ	22	отпечатка	(безъ негативовъ).
1902 г.	36	»	1779	»	611	»	»
1903 г.	11	»	273	»	47	»	»
1904 г.	18	»	202	»	197	»	»
1905 г.	21	»	872	»	183	»	»

1906 г.	22	коллекції	1134	негативовъ	140	отпечатковъ	(безъ негативовъ).
1907 г.	24	»	1052	»	192	»	»
1908 г.	16	»	706	»	92	»	»
1909 г.	5	»	644	»	2	»	»

Фотографическіе матеріалы Отдѣла всегда представлялись имъ въ распоряженіе ученыхъ учреждений и лицъ, для учебныхъ цѣлей и съ цѣлью популяризаціи этихъ матеріаловъ. Были изготовлены въ разное время отпечатки и предоставлены, по цѣнѣ ихъ стоимости, въ распоряженіе Музея Антропологии и Этнографии Императорской Академіи Наукъ, для иллюстраціи учебниковъ географіи Э. Ф. Лесгафта и А. П. Нечаева, а также для популярныхъ изданій А. Е. Рябенко. Выслана специальная серия фотографій по ходатайству Кіевского Коммерческаго Института. Съ ноября 1904 по 1-е сентября 1907 г. работалъ въ фотографіи Отдѣла студ. В. К. Костко, съ октября 1907 и по настоящее время работаетъ студ. А. Н. Павловичъ.

VIII.

Для исполненія проекта монтировки Отдѣла музейной мебелью, составленнаго Этнографическимъ Отдѣломъ, сообразно съ общими принципами, установленными комиссіей подъ предѣтельствомъ академика С. Θ. Ольденбурга, приказомъ Августѣйшаго Управляющаго Русскимъ Музеемъ Императора Александра III отъ 17-го января 1909 г., назначена специальная комиссія подъ предѣтельствомъ гр. Д. И. Толстого. Секретаремъ и дѣлопроизводителемъ комиссіи назначенъ Н. М. Могиланскій. Комиссія выработала условия конкурса и сдала по конкурсу заказъ на поставку главной части музейной мебели — шкаповъ и витринъ изъ желѣза и зеркальнаго стекла — пользующейся всемірной извѣстностью дрезденской фирмѣ «Авг. Кюншерфъ съ Сыновьями». Работы по монтировкѣ начались 8 іюля 1910 года и въ настоящее время близятся къ концу. Къ лѣту 1911 года предполагается закончить монтировку Отдѣла музейной мебелью. Съ этого момента начнется работа по выставкѣ собраннаго матеріала, по заранѣ разработанному и установленному плану, съ цѣлью, въ возможно недалекомъ будущемъ, открыть Отдѣлъ для обозрѣнія публики и для работъ ученыхъ специалистовъ.

Въ концѣ 1909 и 1910 гг. устроены были Отдѣломъ двѣ временныя отчетныя выставки, первая въ помѣщеніи, занимаемомъ собраніемъ христіанскихъ древностей, вторая въ 6 залахъ вновь выстроеннаго зданія, предназначеннаго для Этнографическаго Музея. Первую выставку посетило 595 человекъ, вторую сверхъ тысячи человекъ, причемъ нужно оговорить, что выставки для публики не были открыты, разосланы были лишь пригласительные билеты для специалистовъ и членовъ ученыхъ учреждений и обществъ, имѣющихъ отношеніе къ изученію быта, исторіи искусства и археологіи. Несмотря на то, что на обѣихъ выставкахъ за недостаткомъ

помѣщенія были выставлены далеко не всѣ предметы, собранные въ соответствующіе годы, а также и на то, что выставленные коллекціи являлись лишь продолженіемъ систематическихъ сборовъ, а потому ни въ какомъ смыслѣ не представляли изъ себя чего-либо цѣльнаго и новаго, отзывы объ этихъ выставкахъ въ повременной печати не оставили у Отдѣла сомнѣнія въ томъ, что дѣятельность его въ области коллекціонирования музейнаго матеріала встрѣчена въ общемъ вполне сочувственно.

Не менѣе сочувственно, можно надѣяться, будетъ встрѣчено и другое начинаніе Отдѣла, осуществленное въ 1910 году. Уже въ 1902 году, т. е. въ самомъ началѣ своей дѣятельности, Совѣтъ Отдѣла высказался въ принципѣ за изданіе «Ежегодника» Этнографическаго Отдѣла, гдѣ, кромѣ официального отчета о дѣятельности Отдѣла, помѣщались бы статьи, относящіяся къ тому матеріалу, который поступаетъ въ Отдѣлъ въ видѣ коллекцій и рукописей. Отдѣлъ тогда уже находилъ, что эта сторона дѣятельности Музея заслуживала бы особаго вниманія, такъ какъ лишь при условіи постепеннаго опубликованія матеріаловъ, Музей имѣетъ надежду выполнить свое назначеніе служить на пользу науки и возбудителемъ интереса къ своей работѣ въ широкихъ научныхъ кругахъ. Нерѣдко въ Музеехъ скопляется громадное количество драгоценнѣйшихъ матеріаловъ и цѣлыми десятками лѣтъ они лежатъ безъ всякаго освѣщенія, безъ надежды увидѣть свѣтъ, нерѣдко даже недоступные для обзора. Избѣжать этого общаго музейнаго зла можно лишь однимъ путемъ — своевременной публикаціей хотя бы сырыхъ научныхъ матеріаловъ. Этнографическій Отдѣлъ лишь въ началѣ 1910 года осуществилъ свое намѣреніе, выпустивъ свой первый томъ изданія «Матеріалы по этнографіи Россіи». Второй томъ этого же изданія въ настоящее время уже почти набранъ и въ скоромъ времени долженъ появиться въ печати. Дальнѣйшій выпускъ этого изданія, которое предполагается выпускать ежегодно, находится въ зависимости лишь отъ матеріальныхъ средствъ, такъ какъ обильный, вновь ежегодно поступающій научный матеріалъ гарантируетъ вполне, что за этнографическими матеріалами недостатка не будетъ.

Ставъ въ 1901 году передъ грандіозной задачей создать Музей быта народностей, живущихъ на территоріи современной Россіи, включивъ сюда-же народы, которые родственны имъ по происхожденію, языку и культурнымъ традиціямъ, а также и тѣхъ, взаимное культурное вліяніе которыхъ несомнѣнно сказалось на культурномъ обликѣ какъ народа русскаго, такъ и различныхъ мелкихъ племенъ и народностей Россію населяющихъ, Отдѣлъ Этнографіи съ его небольшимъ числомъ работниковъ, при, сравнительно съ объемомъ задачи, незначительныхъ средствахъ, взялся за работу свою, увлеченный грандіозностью самой задачи, ея исключительнымъ интересомъ и огромнымъ культурнымъ значеніемъ. Жизнь народа, его бытъ — духовный и матеріальный, накопляемый въ процессѣ этой жизни запасъ знаній, навыковъ и предметовъ, часто потому цѣлые вѣка переживающихъ создавшихъ ихъ людей и являю-

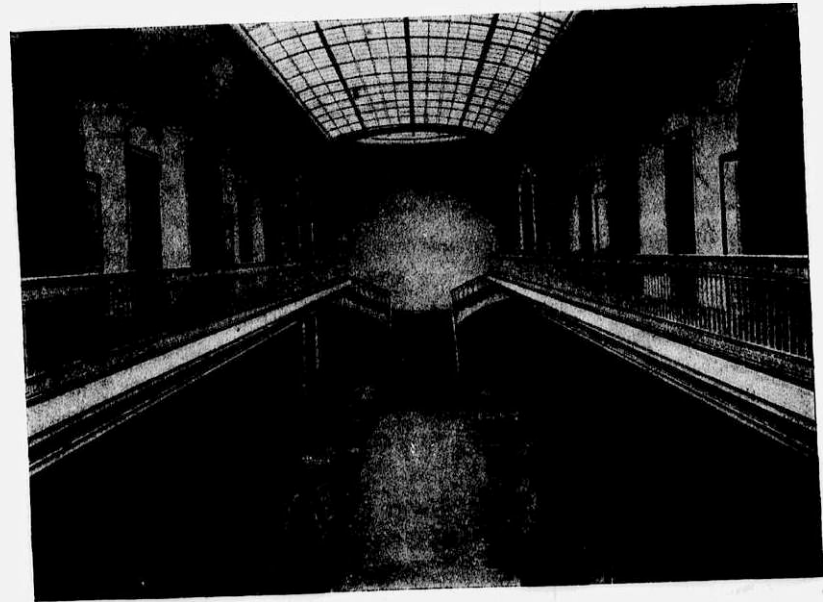
щихся какъ-бы окаменѣlostями духа ушедшихъ въ потокъ жизни человѣческихъ индивидуумовъ и группъ — вотъ объекты той части науки о человѣкѣ, которая, оперируя надъ этими объектами, должна раскрыть намъ законы развитія человѣческихъ группъ и народовъ и, которая, какъ въ матеріалѣ для своихъ выводовъ, нуждается въ подобнаго рода объектахъ, какъ въ этнографическихъ документахъ. Добыть и сохранить для будущаго наиболѣе полные, подлинныя этнографическіе документы и стало первой очередной задачей Этнографическаго Отдѣла. На какую бы сторону дѣятельности человѣка мы ни обратили наше вниманіе, мы принуждены будемъ, отыскивая ея начало, обратиться къ прошедшему, часто очень отдаленному. Познать настоящее немислимо внѣ его связи съ прошлымъ, и въ быстро текущей жизни народа ему сопутствуютъ тѣ переживанія, привычки и предметы, которые создались въ очень далекомъ прошломъ. Въ сознаніи Этнографическаго Отдѣла стало аксіомой, что данныя и выводы этнографіи внѣ того освѣщенія, какое они получаютъ отъ археологіи, являются безжизненными, мертвыми, безъ плоти и крови, и изучать ихъ продуктивно возможно лишь въ связи съ тѣмъ, что даетъ археологія. Не задаваясь вовсе цѣлью создать одновременно музей археологіи, Отдѣлъ далъ у себя мѣсто наряду съ этнографическими коллекціями и предметамъ археологіи, иллюстрирующими и часто дающими ключъ къ пониманію фактовъ этнографіи.

Идея эволюціи человѣческой культуры, медленнаго и постепеннаго развитія вышшихъ формъ быта изъ болѣе элементарныхъ, низшихъ всегда была основной руководящей идеей въ изслѣдованіяхъ, производившихся Отдѣломъ, такъ какъ все современное міросозерцаніе проникнуто идеей эволюціи, давшей столь изумительные результаты во всей области биологіи. И, однако, было бы слишкомъ одностороннимъ подходить къ явленіямъ культурной жизни народа, изслѣдованію формъ его творческой дѣятельности исключительно и только съ точки зрѣнія теоріи эволюціи. Безъ изученія исторіи народа, тѣхъ взаимныхъ вліяній, какія на протяженіи историческихъ вѣковъ, а часто еще со временъ, едва освѣщенныхъ данными исторіи, переживались всѣми народами, немислимо изученіе фактовъ культурной жизни, нельзя понять ни эстетики, ни психологіи, ни уяснить себѣ многого въ области явленій матеріальнаго быта и социальныхъ отношеній нынѣ живущихъ народовъ. Лишь всестороннее освѣщеніе фактовъ исторической жизни, въ связи съ данными археологіи, культурныхъ вліяній, изученія среды, явленій прогресса и медленнаго подчасъ отживанія прошлаго, можетъ дать современнику ясное понятіе о томъ, что такое представляетъ собою кака-либо изъ дѣйствующихъ на аренѣ исторической жизни народностей. Возстановить картину прошлаго приходится къ тому-же нерѣдко по жалкимъ его слѣдамъ и обломкамъ. Тѣмъ болѣе цѣны имѣли всегда для Отдѣла эти слѣды и обломки, и въ задачу Отдѣла вошло особенно заботливое сохраненіе и собраніе этихъ пережитковъ далекаго прошлаго. Въ выводахъ и заключеніяхъ Отдѣлъ всегда былъ крайне осторо-

женъ и часто довольствовался лишь собраніемъ фактовъ и достовѣрнаго матеріала, оставляя будущему болѣе рѣшительныя слова и заключенія. Работалъ Отдѣлъ въ полномъ сознаніи, что только будущему принадлежитъ рѣшеніе многихъ задачъ этнологіи, намъ-же приходится все свое вниманіе и трудъ сосредоточить на накопленіи матеріала, его систематизаціи и предварительной научной обработкѣ. Надежные и несомнѣнные выводы явятся въ результатѣ этой подготовительной, черной работы.

IX.

Зданіе, предназначенное для Этнографическаго Отдѣла, построено архитекторомъ Высочайшаго Двора В. Θ. Свиньинымъ на мѣстѣ разрушеннаго лѣваго флигеля бывшаго Михайловскаго дворца и имѣетъ 70 сажень въ длину по Инженерной улицѣ. Въ центрѣ его находится залъ, посвященный памяти Императора Александра III, еще не вполне законченный постройкой, воздвигнутый изъ розоваго Олонечскаго мрамора.

Всего для цѣлей выставки предназначено 23 залы въ 2 этажахъ зданія, размѣрами отъ 24 × 9 ар. и до 60 × 15 ар. Расположеніе залъ, ихъ относительныя размѣры видны на прилагаемомъ планѣ двухъ этажей новаго зданія, причемъ необходимо имѣть въ виду, что по первоначальному плану предполагалось значительно болѣе крупныхъ размѣровъ постройки, которая была бы болѣе чѣмъ въ два раза больше по площади выставочнаго помѣщенія. Позднѣе рѣшено было осуществить постройку по частямъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что музей имѣетъ возможность расти и расширяться въ будущемъ, что крайне важно, имѣя въ виду обстоятельство, очевидность котораго для лицъ, наблюдавшихъ за ростомъ коллекцій Музея давно уже не подлежитъ сомнѣнію, что для выставки всего собраннаго за эти 9 лѣтъ матеріала, мѣста не достаточно и многое изъ собраннаго не можетъ быть выставлено въ той части зданія, которая нынѣ закончена постройкой.

Что же сказать въ заключеніе о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла, оставаясь на почвѣ изложеннаго выше строго-фактическаго матеріала?

1) За девять лѣтъ своего существованія Этнографическій Отдѣлъ Р. М. И. А. III путемъ, главнымъ образомъ, специальныхъ командировокъ собралъ значительный этнографическій матеріалъ, строго слѣдуя той программѣ, которая была ему поставлена и имъ самостоятельно разработана въ деталяхъ.

2) Собранный Этнографическимъ Отдѣломъ матеріалъ характеризуетъ быть почти всѣхъ народностей крайне разноплеменнаго состава обширной территории Русскаго Государства и отчасти странъ сопредѣльныхъ, причемъ наибольшее количество коллекцій приходится на мало затронутый подобнаго рода изслѣдованіемъ Русскій народъ въ его трехъ основныхъ вѣтвяхъ.

3) Добытый матеріалъ приведенъ въ порядокъ, этикетированъ, приведенъ въ систему и вчернѣ подготовленъ для научной разработки и систематической выставки въ музейномъ зданіи для обзора и для работы надъ нимъ ученыхъ специалистовъ.

4) Выработана схема расположенія коллекцій въ специальномъ новомъ зданіи, которое предназначено для будущаго Музея Этнографіи.

5) Выработаны для специальныхъ цѣлей особые типы музейной мебели и почти закончена монтировкой нынѣ выстроенная часть зданія, чѣмъ создана возможность въ самомъ близкомъ будущемъ приступить къ работѣ надъ выставкой коллекцій.

6) Положено начало научной разработкѣ хранящихся въ Музее матеріаловъ, путемъ выпуска specialнаго изданія, посвященнаго публикаціи этнографическихъ матеріаловъ.

7) Создана специальная бібліотека для облегченія работы этнографовъ, гдѣ кромѣ всѣхъ книгъ и журналовъ specialнаго этнографическаго содержанія, собирается по возможности все, касающееся исторіи культуры, доисторической антропологіи, археологіи и исторіи искусства.

Съ такимъ активомъ въ своей прошедшей дѣятельности, Отдѣлъ Этнографіи вступилъ въ 10-й годъ своего существованія въ твердой увѣренности, что въ теченіе трехъ лѣтъ ему удастся осуществить тотъ трудъ, который связанъ съ открытіемъ новаго Музея Этнографіи.

Н. Могиланскій.

Народное повѣрье о безплодіи близнецовъ.

Въ Ярославской губерніи, въ уѣздахъ Рыбинскомъ, Мышкинскомъ и Угличскомъ, существуетъ народное повѣрье о томъ, что одно изъ лицъ, родившихся близнецами, всегда оказывается вполнѣ безплоднымъ. Народъ убѣжденъ, что способность къ дѣтороженію передается только *одной* изъ двухъ особей, родившихся близнецами, а именно — особи болѣе крѣпкой и сильной. Повѣрье это относится одинаково и къ людямъ, и къ животнымъ, къ представителямъ мужскаго и женскаго пола. Признаютъ его одинаково вѣрнымъ какъ для случаевъ, когда близнецы одного и того же пола, такъ равно и для случаевъ, когда полъ близнецовъ различенъ.

Мы указывали на три случая такого безплодія у близнецовъ людей, и всѣ они, по моей проверкѣ, оказались соответствующими дѣйствительности. При выборѣ жениховъ и невестъ, равно какъ и при скрещиваніи домашнихъ животныхъ, крестьяне всегда руководятся этимъ повѣрьемъ, и съ большимъ недоверіемъ относятся къ производительной способности «двойнишнихъ» людей и животныхъ. Мы приводились слышать въ народѣ такіа фразы: «Хотѣли нонѣ месобдомъ-то посвататься къ Н. Н., и хорошая бы дѣвка-то, да забоялись: вѣдь она, говорятъ, двойнишная, — и робить-то носить не будетъ». Или: «Думали по осеи-то пустить въ племя тѣлушку, да и забоялись: двойнишная у насъ тѣлушка-то, не будетъ и телятъ-то носить». Еще говорятъ: «Къ непутявому нонѣ мы къ быку-то корову водили (т. е. для случки), да и осталась яловкой; быкъ-то, видно, двойнишной, ну и не путной».

Было бы весьма интересно и важно выяснитъ, не имѣетъ ли это народное повѣрье научныхъ антропологическихъ основаній?

Сообщилъ членъ-сотрудникъ

И. В. Костоловскій.

С. Корня.

П. А. Дилакторскій.

(1868—1910 г.).

10 декабря 1910 года скончался в С.-Петербурге библиограф и этнограф Проконій Александрович Дилакторскій. Уроженец Вологодской губернии, покойный посвятил большую часть своих работ Вологодскому краю.

П. А. Дилакторскій, въ 1902 году.

Мы перечислимъ здѣсь, въ хронологическомъ порядкѣ, только тѣ работы Проконія Александровича, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ этнографіи:

Свадебный день въ Кадниковскомъ уѣздѣ (Волог. Губ. Вѣд. 1890, №№ 42, 44—46, 48 и 50; въ отдѣльномъ оттискѣ 48 страницъ).

Канунъ свадебнаго дня въ Троицкѣ, Кадниковскаго уѣзда (Волог. Губ. Вѣд. 1891, № 1 и 2; въ оттискѣ 13 страницъ)¹⁾.

Пастушья заговоры Кадниковскаго уѣзда (Волог. Губ. Вѣд. 1891, № 5; въ оттискѣ 6 страницъ).

Прозвища жителей нѣкоторыхъ городовъ Вологодской губернии (Вологодскій Иллюстрированный Календарь, годъ 1894, стр. 52—54). Статья подписана инициалами: П. Д.

Нѣсколько словъ о помочахъ въ Вологодской губерніи (Этнографич. Обзоріе, XXI, 1894, № 2, стр. 174—175). Статья подписана псевдонимомъ: Кторскій.

Въ 1895 году П. А. Д. издалъ въ Вологдѣ литературно-научный сборникъ «Вологжанинъ», въ которомъ напечатано 15 статей различныхъ авторовъ. (Точное заглавіе сборника: «Вологжанинъ. Литературно-научный сборникъ. Изданіе П. Дилакторскаго. Вологда. 1895». 8°. Стр. 214). Издатель принадлежали въ этомъ

¹⁾ Эти двѣ первыхъ печатныхъ работы П. А. написаны имъ въ сотрудничествѣ съ его братомъ, Сергѣемъ А. Дилакторскимъ.

сборникъ двѣ статьи: «Охотничій промыселъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ» (подъ обычнымъ псевдонимомъ: П. Кторскій; стр. 171—178) и «К. А. Четверухинъ. Матеріалы для біографіи» (стр. 3—4).

Изъ старинныхъ рукописей. «Вѣдомость о масленичномъ поведеніи 1762 года» (Этнографич. Обзор. XXIV, 1895, № 1, смѣсь, стр. 118—122).

Описаніе народнаго говора Двиницкой волости, Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губернии. Отвѣтъ на диалектологическую программу Имп. Академіи Наукъ (Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ, подъ редакціей А. А. Шахматова, вып. IV, стр. 134—137. Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ, т. II, кн. 1, 1897 г.).

Духовные стихи въ Вологодской губерніи (Этнографическ. Обзоріе, XXXVIII, 1898, № 3, стр. 183—186).

Святочныя шалости въ Пельшемской волости, Кадниковскаго уѣзда. (Тамъ же, XXXIX, 1898, № 4, стр. 133—135).

Частушки или тарантушки, записанныя въ Двиницкой волости Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губернии. (Тамъ же, XL—XLI, 1899, № 1—2, стр. 339—343).

Свадебные обычаи и пѣсни въ Тотемскомъ уѣздѣ, Вологодской губернии. (Тамъ же, XLII, 1899, № 3, стр. 160—165).

Изъ преданій и легендъ Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губернии. (Тамъ же, стр. 172—174).

Вологжане писатели. Матеріалы для словаря писателей уроженцевъ Вологодской губернии. Вологда. 1900. 8°. Стр. 141 (= Волог. Губ. Вѣд. 1898, №№ 37—41, 43—48, 51; 1899, №№ 166, 171, 172, 178, 184, 189, 192, 197, 208, 210, 213, 221, 253, 260, 267, 268 и 280). Это самый важный трудъ П. А., давно уже составляющій библиографическую рѣдкость, такъ какъ отдѣльныхъ оттисковъ было напечатано всего 50 экземпляровъ. Авторомъ было приготовлено къ печати и второе изданіе этого труда, съ значительными дополненіями; но П. А. тщетно искалъ издателя. Для этнографовъ этотъ трудъ представляетъ большой интересъ, такъ какъ въ немъ, въ біографіяхъ авторовъ-вологжанъ, собрана почти вся этнографическая литература о Вологодской губерніи.

Праздникъ Покрова у крестьянъ Двиницкой волости. Матеріалы для народнаго календаря (Этнографич. Обзор. LIX, 1903, № 4, стр. 125).

Свадебные обряды Вологодской губернии. (Тамъ же, 1903, № 1, стр. 25—51).

Кромѣ того, П. А. были напечатаны въ журналѣ «Природа и Люди» (1906 г. ?) великорусскія народныя присловья изъ разныхъ губерній. Имъ были найдены и приобрѣтены въ Вологдѣ двѣ рукописныя комедіи XVIII-го вѣка «Шапошникъ и мушкетеръ» и «Могильникъ и кобылякъ», которыя изданы В. О. Миллеромъ подъ заглавіемъ «Новый интерлюдій XVIII-го вѣка» (Извѣстія Отдѣленія русскаго яз. и слов.

Имп. Акад. Наукъ, V, 1900, № 3, стр. 747—768).—Въ журналѣ «Историческій Вѣстникъ» имъ помѣщались изрядка рецензіи на книги библиографическаго, а иногда также и этнографическаго содержанія. Наконецъ, П. А. долгое время состоялъ сотрудникомъ издаваемаго II-мъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ «Словаря русскаго языка» и составилъ «словарь областного вологодскаго нарѣчія», рукопись котораго приобретена Академіею Наукъ.

Общественная дѣятельность покойнаго проявилась въ томъ, что онъ около двухъ лѣтъ завѣдывалъ отдѣломъ по народному образованію въ Кадниковскомъ уѣздномъ земствѣ, одно время содержалъ въ Вологдѣ публичную бібліотеку, участвовалъ въ составленіи и организации въ Вологдѣ церковно-историческаго Музея. Въ послѣдніе годы своей жизни, живя въ Петербургѣ, покойный служилъ въ берегательной кассѣ, а также исполнялъ разныя порученія Академіи Наукъ, главнымъ образомъ библиографическаго характера.—Покойный страдалъ эпилепсіею и умеръ преждевременно, хотя и не отъ эпилепсіи, а отъ простуды.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни можно найти въ некрологахъ, напечатанныхъ въ «С.-Петерб. Вѣдом.» 1910 г., № 280 и въ «Историч. Вѣстн.» 1911, № 1, стр. 404—405; см. также С. Венгеровъ. Источники словаря русскихъ писателей. II. 253. С.—Пб.

Д. Зеленинъ.

Критика и библиографія.

14. Матеріалы по этнографіи Россіи. Подъ редакціей Ѳ. К. Волкова. Томъ I. Изданіе Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III. Спб. 1910. Стр. XVII + 214 + 5. 4°. Цѣна 7 руб. 50 коп.

«Настоящее изданіе имѣетъ цѣлью ознакомленіе интересующихся этнографіей Россіи съ тѣми вещественными и письменными матеріалами, которые собраны и собираются Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III. Одно количество этихъ матеріаловъ, накопившихся въ теченіе семилѣтней уже дѣятельности Отдѣла, достаточно объясняетъ потребность въ такомъ изданіи.—Систематическія и вполнѣ научныя работы по описанію коллекцій этого Музея будутъ, конечно, возможны только послѣ размѣщенія ихъ и открытія для публики. Въ этомъ же изданіи найдутъ себѣ мѣсто отчеты объ отдѣльныхъ этнографическихъ экскурсіяхъ, этнографическія характеристики отдѣльныхъ мѣстностей, монографіи по отдѣльнымъ этнографическимъ рубрикамъ, описанія наиболее цѣнныхъ и наиболее интересныхъ въ научномъ отношеніи этнографическихъ коллекцій или отдѣльныхъ предметовъ Музея и т. п. Само собою разумѣется, что на первомъ планѣ въ этихъ описаніяхъ желательнѣе было бы поставить этнографію русскихъ народностей нашего отечества, но сравнительно меньшая до сихъ поръ разработанность этнографіи центральныхъ областей Россіи и необходимость изслѣдованія ея въ связи съ этнографіею прочаго населенія дѣлаютъ неизбѣжнымъ отведеніе очень широкаго мѣста и этой послѣдней. Поэтому, настоящее изданіе, по мѣрѣ возможности, будетъ заключать въ себѣ, кромѣ статей, относящихся къ великорусской, малорусской и бѣлорусской этнографіи, и матеріалы, относящіеся къ прочему населенію Россіи и прилегающихъ къ ней странъ». — Въ такихъ словахъ излагаетъ редакція «Матеріаловъ» задачи и содержаніе этого новаго этнографическаго изданія.

Первый томъ «Матеріаловъ» начинается краткимъ «очеркомъ дѣятельности Этнографическаго Отдѣла съ 1902 по 1909 г.» (стр. I—XVII). Здѣсь сообщается объ открытіи Отдѣла, о задачахъ его, о личномъ составѣ, о поѣздкахъ для собиранія кол-

лекцій хранителей Отдѣла и другихъ лицъ, о пожертвованіяхъ Отдѣлу, о библиотекѣ, фотографическихъ снимкахъ и о музейной мебели.

Дальше слѣдуютъ девять статей, посвященныхъ матеріальной культурѣ народовъ Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ. Почти всѣ статьи чисто описательнаго характера. Русскому народу посвящены три первыхъ статьи.

Н. М. Могилянскій въ своей статьѣ «Поѣздка въ центральную Россію для собиранія этнографическихъ коллекцій» (стр. 1—19) рассказываетъ объ условіяхъ своей поѣздки, лѣтомъ 1902 года, въ Тульскую и Орловскую губерніи, довольно подробно описываетъ крестьянское жилище въ селѣ Ивлевѣ Богородицкаго уѣзда Тульской губерніи и особенно подробно останавливается на одеждѣ и украшеніяхъ въ разныхъ мѣстностяхъ названныхъ губерній. Въ концѣ статьи даются нѣкоторыя общія разсужденія о возможныхъ вліяніяхъ въ великорусскомъ орнаментѣ.

Описанные г. Могилянскимъ костюмы относятся къ очень различнымъ отродамъ южно-великорусскаго населенія, а именно: къ такъ называемымъ «казакамъ» (особой отродами однодворцевъ) Новосильскаго уѣзда; помѣщичьимъ крестьянамъ Богородицкаго уѣзда (с. Ивлево или, какъ оно зовется въ официальныхъ спискахъ, Иовлево, принадлежавшее некогда гр. Бобринскому, который перевелъ сюда крестьянъ изъ разныхъ губерній не ранѣе XVIII вѣка); «полѣхамъ» Сѣвскаго уѣзда (дер. Логиревка, своеобразные костюмы которой описаны въ свое время еще Тарачковымъ) и др. Этими-то разнообразіемъ группъ мѣстнаго великорусскаго населенія и объясняется прежде всего и больше всего пестрое разнообразіе мѣстной крестьянской одежды и украшеній. Объяснять это разнообразіе лишь большимъ или меньшимъ сохраненіемъ старины, — какъ склоненъ авторъ (стр. 7), — едва ли можно. Равнымъ образомъ и географическій принципъ, значеніе котораго справедливо подчеркиваетъ нашъ авторъ (стр. 11), имѣетъ теперь для данной области, съ ея въ высшей степени своеобразнымъ прошлымъ, лишь очень скромное значеніе: различныя стороннія вліянія на мѣстную крестьянскую одежду происходили еще въ то время, когда географическое распредѣленіе здѣшняго населенія было совсѣмъ инымъ. Теперь при этнографическомъ изученіи данной области гораздо большее значеніе имѣетъ принципъ историко-соціальный.

Точно также обстоитъ дѣло и съ разнообразіемъ — правда, гораздо меньшимъ — мѣстныхъ жилищъ. Отличіе построекъ крестьянина Орловскаго уѣзда отъ жителей уѣзда Брянскаго, той же губерніи, объясняется не только «вліяніемъ строительнаго матеріала» (стр. 4), а прежде всего и больше всего тѣмъ, что въ Орловскомъ уѣздѣ мы имѣемъ дѣло съ потомками древнихъ вятичей и однодворцевъ, а въ Брянскомъ уѣздѣ съ «полѣхами», совсѣмъ иною группою населенія.

Замѣтимъ еще, что авторитетность П. И. Яковія въ вопросахъ о вліяніи финновъ на славянское населеніе Орловской губерніи (стр. 18) болѣе чѣмъ сомнительна;

книга проф. Яковія въ методологическомъ отношеніи не выдерживаетъ никакой критики (срв. подробный разборъ ея проф. А. Л. Погодина въ «Извѣстіяхъ Отдѣла русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ», т. XIII, 1908, кн. 4, стр. 397—411), и о ней едва ли можно быть разныхъ мнѣній.

Къ статьѣ г. Могилянскаго приложено 35 рисунковъ въ текствѣ (въ томъ числѣ и планы построекъ, гончарный кругъ и кружевные коклюшки) и 3 таблицы, изъ которыхъ одна раскрашенная.

Статья Ѳ. К. Волкова «Старинныя деревянныя церкви на Волыни» (стр. 21—44) посвящена архитектурѣ малорусскихъ церквей. По вопросу о классификаціи этихъ церквей авторъ соглашается вообще съ подраздѣленіемъ г. Мартиновича и Горленко, различая двѣ главные группы: церкви трехглавыя и пятиглавыя, но причисляетъ къ первой группѣ также и однокупольные храмы изъ трехъ срубовъ. Описавъ сохранившіяся въ Волынской губерніи старинныя часовни, церкви, колокольни и кресты, авторъ ставитъ вопросы о «происхожденіи и исторіи развитія украинскаго церковнаго стиля» (стр. 41), который онъ называетъ въ одномъ мѣстѣ «вполнѣ самотѣчнымъ» (стр. 28), предположительно намѣчая и возможное разрѣшеніе этихъ вопросовъ. «Въ церковныхъ сооруженіяхъ Волыни мы находимъ совершенно простой, четырехсторонній срубъ, чаще всего съ четырехскатной крышей; затѣмъ — такой же срубъ, но уже съ зачаткомъ абсиды, на восточной сторонѣ, и добавочный срубъ съ входной стороны, образующіе, въ концѣ концовъ, комбинацію трехъ срубовъ подъ одной общей крышей; далѣе — выдѣленіе изъ этой крыши сначала одного, а затѣмъ и всѣхъ трехъ куполовъ, сначала четырехскатныхъ шатровыхъ, а потомъ и восьми-скатныхъ и округляющихся въ луковичеобразную форму; еще далѣе — прибавленіе къ тремъ срубамъ еще двухъ боковыхъ и превращеніе трехсрубнаго храма въ пятисрубный съ планомъ въ видѣ креста» (стр. 41). — По вопросу о стороннихъ вліяніяхъ на малорусскую церковную архитектуру г. Волковъ не отрицаетъ греко-византийскаго вліянія и заикается о возможности вліянія южно-славянскаго (стр. 44).

Интересуясь все время лишь церковными куполами и крышею, срубамъ, общимъ планомъ и отчасти также старинными иконами, авторъ совершенно не касается вопросовъ о фундаментѣ описываемыхъ имъ церквей, о положеніи пола ихъ по отношенію къ землѣ и т. п. Но судя по нѣкоторымъ рисункамъ (въ статьѣ г. Волкова 41 рис.), гдѣ низъ церкви не загороженъ отъ зрителя оградой и виденъ болѣе или менѣе ясно, малорусскія деревянныя церкви имѣютъ полъ, значительно возвышающійся надъ землею, т. е. въ этомъ отношеніи рѣзко разнятся отъ жилыхъ южнорусскихъ построекъ. Мы усматриваемъ въ этомъ обстоятельствѣ подтвержденіе высказаннаго уже нами въ печати предположенія, что сѣверно-великорусскіе хоромы «на подклѣткахъ» обязаны своимъ появленіемъ вліянію со стороны древнерусской церковной архитектуры.

А. К. Сержпутовскій въ своей статьѣ «Земледѣльческія орудія бѣлорусскаго Полѣсья. Къ этнографіи бѣлоруссовъ-полѣшукъ южной части Слуцкаго и сѣверной половины Мозырскаго уѣздовъ, Минской губерніи» (стр. 45—59) подробно описываетъ мѣстные орудія для обработки и для удобренія почвы, орудія для посѣва, орудія косы и жатвы и орудія для обмолачиванія и очистки хлѣбныхъ зеренъ. Всѣ описываемыя орудія изображены на рисункахъ. Въ рисункахъ простѣйшихъ сохъ, къ сожалѣнію, недостаточно ясны рѣзущія части (лемехъ), которыя и въ текстѣ описаны недостаточно полно и удобопонятно, такъ что форма ихъ, по крайней мѣрѣ для насъ, осталась не вполне выясненною. Лучше зарисовать и описать третій, болѣе сложный типъ сохи, но онъ давно и очень хорошо описанъ въ нашей сельскохозяйственной литературѣ подъ неточнымъ названіемъ «литовской сохи».

Прочія шесть статей посвящены инородческому населенію Россіи. А. А. Миллеръ въ своей статьѣ «Изъ поѣздки по Абхазіи въ 1907 г.» (стр. 61—80) сообщаетъ нѣкоторыя историко-этнографическія свѣдѣнія объ абхазцахъ, говоритъ о сохранившихся у нихъ языческихъ обычаяхъ и затѣмъ подробно описываетъ абхазскія постройки, орудія и утварь, сопровождая описаніе многочисленными рисунками.

С. И. Руденко въ своей статьѣ «Чувашскіе надгробные памятники» (стр. 81—88) описываетъ своеобразныя сооруженія на могилахъ чувашей-язычниковъ Бугульминскаго уѣзда Самарской губерніи. Это столбы съ орнаментомъ на нихъ, дубовые на могилахъ мужчинъ и липовые на могилахъ женщинъ. Орнаментъ изображаетъ головной уборъ, а у женщинъ, кромѣ того, еще и нагрудное украшеніе. Надгробные столбы эти служатъ, по мнѣнію автора, «изображеніемъ погребеннаго въ данной могилѣ покойника». Другой видъ памятниковъ, липовыя копьевидныя дощечки 125—152 сантиметр. длиною, такъ называемыя «сердечныя лопаты» (зрекалак), остается невыясненнымъ. Къ статьѣ приложены 11 рисунковъ и 4 фотографіи, но ссылки на нихъ въ текстѣ статьи перепутаны, что затрудняетъ читателя.

Кн. Д. Э. Ухтомскій въ своей статьѣ «Рай Сукавати» (стр. 89—92) подробно описываетъ изображеніе рая Сукавати, находящееся теперь въ Этнографическомъ Отдѣлѣ и исполненное бурятами-художниками въ Забайкальѣ; въ началѣ статьи приведены буддійскія легенды о раѣ. — Подробный разборъ обстоятельной статьи Э. К. Пекарскаго и В. Н. Васильева «Плащъ и бубенъ якутскаго шамана» (стр. 93—116) данъ уже на страницахъ «Живой Старины» (1910, вып. 4, стр. 342—352) Н. А. Виташевскимъ, и мы здѣсь о содержаніи этой статьи говорить не будемъ.

Д. А. Клеменцъ въ своемъ предисловіи къ статьѣ М. Н. Хангалова «Общественныя охоты у сѣверныхъ бурятъ. Зэгэгэ-аба — охота на россомахъ» (стр. 117—154) даетъ краткое описаніе охотничьихъ облавъ у разныхъ народовъ, попутно отвергая высказанное въ печати мнѣніе, будто бы облавы заимствованы рус-

скими отъ германцевъ черезъ посредство поляковъ. Въ дополненіе приведенныхъ авторомъ фактовъ мы могли бы указать на грандіозныя полчища облавы у русскихъ олончанъ Каргопольскаго уѣзда (подробное описаніе ихъ въ книгѣ С. А. Приклонскаго «Народная жизнь на сѣверѣ», М. 1884, стр. 299—307). Г. Хангаловъ въ своей пространной статьѣ не ограничивается описаніемъ одной охоты, но касается почти всѣхъ сторонъ прошлой бурятской жизни, воссоздавая ее по народнымъ преданіямъ. Въ статьѣ находимъ много весьма интересныхъ свѣдѣній, но архитектоника ея поражаетъ своею первобытностью. Описаніе самыхъ разныхъ сторонъ бурятскаго быта авторъ старается приурочить къ тѣмъ или инымъ моментамъ общественной охоты. Прежде охотою распоряжались шаманы, и это обстоятельство даетъ автору поводъ подробно говорить о дѣленіи главныхъ бурятскихъ божествъ на восточныхъ и западныхъ (стр. 130), о дѣленіи духовъ на три категоріи (стр. 132), о трехъ душахъ человѣка (стр. 133), о женщинахъ-шаманкахъ (136), о разныхъ занятіяхъ женщинъ (141), о кузнецахъ (142) и т. д. Во время облавы бывали смертныя случаи, и по этому поводу г. Хангаловъ описываетъ бурятскіе похороны. Такая архитектоника статьи легко можетъ вызвать у читателя ложное представленіе, будто бы вся прежняя жизнь бурятъ сосредоточивалась вокругъ общественной охоты. И это тѣмъ возможно, что авторъ говоритъ, напримѣръ, о «костюмахъ эпохи зэгэгэ-аба».

Заканчивается рассматриваемый томъ статьюю О. К. Волкова и С. И. Руденко «Этнографическія коллекціи изъ бывшихъ русско-американскихъ владѣній» (стр. 155—200). Коллекціи эти собраны въ концѣ XVIII вѣка у эскимосовъ, алеутовъ, кенайцевъ и колошъ (глинчиковъ) и поступили въ Отдѣлъ изъ Царскосельскаго арсенала. Коллекція состоитъ изъ 290 предметовъ; описаніе ея распределено по рубрикамъ: 1) оружіе и орудія (каменные топоры, копья, кинжалы, дротикъ, гарпуны, метательныя дощечки, стрѣлы, знаки собственности, луки, колчаны, лодки); 2) предметы одежды и домашняго обихода (панцири, шлемы, шляпы, сумки, трубки, плащи, маски, погремушки). Къ статьѣ приложено до 50 рисунковъ (одна таблица въ краскахъ).

Въ приложеніи къ первому тому «Матеріаловъ» находимъ «указатель этнографическихъ предметовъ, личныхъ и географическихъ именъ», а также краткое изложеніе содержанія статей и краткое описаніе рисунковъ на французскомъ языкѣ.

Дм. Зеленинъ.

15. Труды Курской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи. Выпускъ I. Курскъ. 1911. Стр. 320 + 150. 8°.

Въ первомъ выпускѣ «Трудовъ» Курской Архивной Коммиссіи находимъ нѣсколько этнографическихъ статей. Уже опубликованная немало матеріаловъ по фольклору Курской губерніи, Е. И. Рѣзанова выступила со статьей «Матеріалы по

этнографин Курской губернии» (стр. 172 — 249). На этот раз материал собранъ въ Суджанскомъ уѣздѣ, въ двухъ великорусскихъ селеніяхъ (дер. Хитровка и с. Ивня) и въ малорусскомъ селѣ Гоптаровкѣ. Описаны дѣтскія игры, нѣкоторые обычаи и повѣрья, связанныя съ праздниками, подблюдныя пѣсни, суевѣрія о домовомъ, вѣдьмѣ, подяномъ, змѣѣ и лисунѣ; наконецъ, приведено шесть сказокъ: «про свинью», «про Елену, прекрасную дѣвицу», «про царевну» (съ вариантомъ), «про царя Дадона», «священникъ и монахъ». Записи сдѣланы съ соблюденіемъ особенностей мѣстнаго народнаго говора. — Это послѣднее требованіе не соблюдено, къ сожалѣнію, въ статьѣ А. П. Горяиновой «Пѣсни, собранныя въ с. Вышнемъ-Рутцѣ и прилегающихъ деревняхъ Обоянскаго уѣзда» (с. 250 — 259; 26 номеровъ); за то къ этой статьѣ присоедилены ноты (26 напѣвовъ).

Статья Р. Л. Маркова «Голубецъ на Красной Полянѣ» (стр. 138 — 157) написана въ полу-белетристическомъ тонѣ, но включаетъ въ себя въ высшей степени интересный для этнографа материалъ по вопросу о древнерусскомъ способѣ особаго погребенія и поминовенія убитыхъ богатырей; материалъ этотъ взятъ авторомъ изъ мѣстныхъ народныхъ преданій; имъ мы воспользовались въ своей статьѣ «Къ вопросу о русалкахъ» (см. выше стр. 386 — 387), и здѣсь не излагаемъ. Къ статьѣ приложенъ рисунокъ «голубца» и карта мѣстности, гдѣ этотъ памятникъ поставленъ.

Еще нѣкоторый этнографическій интересъ имѣютъ статьи — Н. И. Златоверхникова «Иконописаніе въ Курской губерніи» (стр. 78 — 85) и А. М. Абаза «Къ вопросу о пополненіи музыкальнаго отдѣла въ Курскомъ историко-археологическомъ музеѣ» (стр. 169 — 171). — Прочія 18 статей представляютъ интересъ лишь археологическій и историческій.

Д. Зеленинъ.

16. Kwartalnik etnograficzny «Lud», t. XV (1909).

Достойно сожалѣнія, что до настоящаго времени въ русской этнографической литературѣ почти не появлялось свѣдѣній объ этомъ интересномъ изданіи близкаго намъ по родству народа.

Это — органъ «Towarzystwa ludoznawczego» («общества народовѣдѣнія»), имѣющаго свой «local» во Львовѣ. Изданіе разбивается на четыре выпуска, выходящихъ черезъ три мѣсяца каждый. Редакторомъ состоитъ извѣстный польскій этнографъ, г. Шимонъ Матусякъ. Годовая плата для Россіи — 5 руб. (члены Towarzystwa получаютъ «Lud» бесплатно).

Съ внѣшней стороны, каждая книжка журнала распадается на обычные для этого рода изданій отдѣлы. Вы найдете тамъ: некрологи, — статьи по вопросамъ этнографіи, — описанія и замѣтки, — рецензіи и оповѣщенія.

Изданіе богато содержаніемъ. Какъ это всегда бываетъ, оно разбивается на двѣ неравныя части. Въ одной, меньшей по объему, сообщаются матеріалы по этнографіи Польши (русской, австрійской и германской), а также — и по этнографіи другихъ народовъ (африканскихъ, азиатскихъ, американскихъ, австралійскихъ и европейскихъ), — другая часть посвящена разработкѣ вопросовъ этнографіи, какъ отрасли социальныхъ наукъ.

Чтобы ввести читателя въ курсъ работъ нашихъ польскихъ собратовъ по занятіямъ, я на этотъ разъ сдѣлаю обзоръ содержанія «Lud»'а за 1909 годъ (т. XV). Въ слѣдующій разъ я дамъ бѣглое обзорѣе этого изданія за 1910 и 1911 годы, а затѣмъ постараюсь держать читателей «Живой Старины» въ курсѣ, давая краткія замѣтки о каждой вновь появляющейся книжкѣ изданія.

Конечно, я принужденъ на этотъ разъ ограничиться упоминаніемъ лишь о капитальныхъ работахъ, появившихся въ «Lud»'ѣ, не отмѣчая мелкаго матеріала, касающагося Польши, а равнымъ образомъ и того, который заключается въ рецензіяхъ на работы по этнографіи.

Изъ работъ, посвященныхъ выясненію общихъ вопросовъ этнографіи, въ первую голову надо поставить статью г. Михала Жмигродзкаго «Тотемизмъ», которою и открывается изданіе за рассматриваемый періодъ¹⁾. О достоинствахъ этой работы можно судить по слѣдующему. — Она была представлена Международному Конгрессу по исторіи религій въ 1904 г. (Базель). На этомъ Конгрессѣ, по его статуту, могли быть прочитаны только сообщенія лицъ, которые присутствуютъ на его засѣданіяхъ. Несмотря, однако, на то, что г. М. Жмигродзскій на Конгрессѣ не былъ, его сообщеніе рѣшено было заслушать, и оно было напечатано въ Трудахъ Конгресса.

Въ той же книжкѣ «Lud»'а помѣщено начало работы г. Витольда Клингера «О вліяніи старины на (современный) фольклоръ»; работа заканчивается въ слѣдующей книжкѣ изданія. Въ этой же послѣдней мы видимъ статью проф. Эдварда Поренбовича «Берта съ большими ногами и рыцарь съ лебедемъ»; рѣчь идетъ здѣсь о легендарной женѣ Пипина Короткаго, предполагаемой матери Карла Великаго. Авторъ рассматриваетъ легенду съ точки зрѣнія этнографической, основываясь на работѣ д-ра Рейнгольда, появившейся въ Трудахъ Краковской Академіи Наукъ. Въ той же книжкѣ, кромѣ того, встрѣчаемъ небольшую, но очень содержательную работу г. Адама Фишера «Мотивъ отирѣтающей вѣтки», гдѣ авторъ прослѣживаетъ этотъ мотивъ не только въ польскомъ, но и въ общемъ фольклорѣ. Наконецъ, тутъ же, въ небольшой замѣткѣ, д-ръ Пшемиславъ Мончевскій сближаетъ древне-греческую легенду о троянскомъ конѣ съ подобною же польскою легендою, приурочиваемою къ осадѣ Кракова татарами въ 1281 году, — что для русскихъ этногра-

1) Zeszyt I—II.

фовъ не представляетъ чего-либо неожиданнаго, послѣ того какъ имъ пришлось разбираться въ вопросѣ о роли звѣриной шкуры въ мировомъ фольклорѣ, такъ какъ у якутовъ, наприм., повторяется мотивъ классической мифологіи примитивно къ захвату русскими якутской земли (см., наприм., Э. К. Пекарскій, «Изъ преданій о жизни якутовъ до встрѣчи съ русскими», въ «Сборникъ въ честь 70-лѣтія Г. Н. Потанина», стр. 145—156).

Въ послѣдней книжкѣ «Lud»'а за разбираемый періодъ на первомъ мѣстѣ поставлена статья г. Бронислава Пилсудскаго, которая особенно близко касается нашихъ научныхъ интересовъ, — интересовъ русскихъ этнографовъ, — «Шаманизмъ у аборигеновъ Сахалина». Къ ней мы возвратимся ниже; здѣсь ограничимся указаниемъ, что, насколько извѣстно, авторъ этой статьи началъ свои работы на мѣстѣ (въ качествѣ политическаго изгнанника) подъ руководствомъ получившаго большую извѣстность русскаго этнографа. Тѣмъ цѣннѣе сообщаемый и группируемый имъ матеріалъ. Затѣмъ, въ той же книжкѣ, слѣдуютъ статьи: г. Бронислава Густавича — «Обычаи, связанные съ празднованіемъ дня св. Мартына», г. Б. Дубровскаго — «Кометы, метеоры, аэролиты», г. Иозефа Сулиша — «Школа въ Ропчицахъ въ XVIII в.», еще одна статья г. Б. Густавича — «Очерки быта секлеровъ» — небольшого племени, повидимому, тюркскаго происхожденія, живущаго въ предѣлахъ Венгріи, подъ Карпатами, на границѣ Галиціи и, наконецъ, замѣтка г. Адама Фишера, заключающая въ себѣ дополненія къ книгѣ д-ра Дѣнггардта (Dähnhardt) о легендахъ Ветхаго и Новаго заветъ.

Въ моемъ распоряженіи нѣтъ достаточно мѣста для того, чтобы изложить содержаніе, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, каждой изъ перечисленныхъ, нашедшихъ себѣ мѣсто на страницахъ «Lud»'а, работъ. Чтобы дать представленіе читателю о содержательности ихъ и, въ то же время, наиболѣе продуктивно для русскихъ этнографовъ использовать матеріалъ, я остановлюсь нѣсколько на интересной работѣ г. Михала Жмигродзкаго о тотемизмѣ, а затѣмъ постараюсь изложить все существенное изъ сообщаемаго г. Брониславомъ Пилсудскимъ о шаманствѣ у племенъ, населяющихъ Сахалинъ.

Хотя этнологи въ настоящее время очень осторожны въ проведеніи границъ, отдѣляющихъ одну расу отъ другой, одно племя и одинъ народъ отъ другого, обитателей одной части земной поверхности отъ обитателей сосѣдней, но разнообразіе племенъ, населяющихъ Австралазію, и теперь еще всеміи признается чрезвычайно значительнымъ. Тѣмъ не менѣе, не существуетъ, какъ кажется, такихъ объективныхъ и вполне установленныхъ признаковъ, которые позволили бы намѣтить среди австралійскихъ племенъ рѣзко очерченныя антропологическія группы. Между прочимъ, основываясь на данныхъ о языкѣ австралійцевъ, Ратцель приходитъ къ выводу, что

общее происхожденіе послѣднихъ не можетъ быть серьезно оспариваемо. Эту мысль, впрочемъ, мы встрѣчаемъ уже у старыхъ писателей, — какъ Вайцъ и Герландъ. Нашъ соотечественникъ, скончавшійся хотя и въ преклонномъ возрастѣ, но все же не успѣвшій дать всего, что могла ждать отъ него наука, этнологъ Д. А. Коропчевскій, въ своей магистерской диссертациі («Значеніе «географическихъ провинцій» въ этногенетическомъ процессѣ», СПб. 1905) говоритъ объ этомъ предметѣ, между прочимъ (стр. 189): «зная основное единство австралійскихъ языковъ, имѣя въ виду ихъ культурно-общественный уровень, мы съ увѣренностью можемъ говорить о расовомъ единствѣ австралійцевъ, приписывая замѣчаемыя различія ихъ дѣйствию условій физико-географическихъ и образа жизни, порожденнаго этими условіями, причѣмъ результаты измѣненія закрѣплялись племеннымъ изолированіемъ».

Конечно, такой взглядъ Д. А. Коропчевскаго до нѣкоторой степени былъ ему подсказанъ его моногогенетическимъ пониманіемъ исторіи происхожденія чело-
вѣка, а также — его принадлежностью къ числу сторонниковъ ученія (Бастіана) о «географическихъ провинціяхъ». Но нелишне тутъ вспомнить, что русскій же ученый, академикъ Шренкъ, въ своемъ классическомъ трудѣ по этнологіи инородцевъ бассейна р. Амура («Инородцы Амурскаго края»), при опредѣленіи взаимоотношеній между различными племенами, рѣшительное предпочтеніе отдаетъ филологическимъ и лингвистическимъ даннымъ передъ данными антропологическими въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Но если мы остановимся на мысли, что различные племена Австралазіи — отпрыски одного народа-праотца, то естественно возникаетъ вопросъ о томъ, къ какой мѣстности отнести происхожденіе этого народа¹⁾.

Работа г. Михала Жмигродзкаго является, по существу, трактатомъ по исторіи религій, въ частности — автора занимаетъ вопросъ о мѣстѣ тотемизма въ ряду другихъ религиозныхъ концепцій, которыя когда-либо вырабатывало человѣчество.

Я затрудняюсь указать въ работѣ автора нѣчто такое, что съ новой стороны освѣщало бы содержаніе тотемизма. Да и самъ авторъ говоритъ (стр. 11): «Тотемизмъ Австраліи съ внѣшней стороны весьма мало разнится отъ формы, которую онъ принимаетъ и у другихъ народовъ». Но выясненіе мѣста тотемизма въ ряду другихъ вѣрованій примитивныхъ расъ заслуживаетъ, какъ кажется, вниманія.

«Пантеизмъ», — говоритъ авторъ (стр. 19), — «по своей сущности, можетъ проявить себя въ двухъ образахъ: или каждая сила природы заложена отдѣльно въ особомъ предметѣ, которому придаются антропоморфическія черты, — и тогда мы имѣемъ дѣло съ политеизмомъ; или же каждая такая сила считается особенностью

1) Раскопки до сихъ поръ не обнаружили наличности примъ-аборигеновъ страны.

известнаго пространства земли или группы предметов, съ которыми она неразрывно связана, — и въ этомъ случаѣ мы видимъ проявленіе тотемизма на той ступени развитія, на которой мы его встрѣчаемъ у австралійцевъ».

Отсюда — одинъ шагъ до заключенія, что «тотемизмъ Австраліи — ничто иное, какъ пантеизмъ Индіи, поверхностно и грубо воспринятый» (стр. 17 — 18).

Последнее обстоятельство требуетъ нѣкотораго поясненія.

«Причиной мирной эмиграціи всегда бывають общественныя бѣды», — говоритъ нашъ авторъ (стр. 16). — «Тѣ, кто живетъ въ довольствѣ и, тѣмъ самымъ, пользуется возможностью дальнѣйшаго улучшенія своего положенія, — тѣ не эмигрируютъ изъ родного края: уходятъ обыкновенно бѣдные люди, мало культурные. Но если мы взглянемъ на религіозную жизнь народныхъ массъ даже въ настоящее время, при множествѣ школъ и при поученіяхъ, которыя раздаются съ церковныхъ кафедръ, то мы должны признать, что народъ скорѣе придерживается внѣшней формы религіи, а объ истинномъ, болѣе глубокомъ содержаніи послѣдней мало заботится». При условіи же эмиграціи (какъ сказано, — наименѣе обеспеченныхъ матеріально и наименѣе развитыхъ въ религіозномъ и другихъ отношеніяхъ) массъ въ отдаленный край, причемъ они окончательно отрываются отъ очаговъ своего религіознаго просвѣщенія, естественно ожидать, «что съ каждымъ новымъ поколѣніемъ мы станемъ встрѣчать все больше различныхъ обычаевъ, формулъ и ритуальныхъ дѣйствій, повторяемыхъ и исполняемыхъ съ полнымъ отсутствіемъ пониманія того, что они собой представляютъ».

Объ австралійцахъ, прежде всего, известно, что культура ихъ отмѣчена печатью регресса. Но въ наукѣ народовѣдѣнія до сихъ поръ считалось установленнымъ положеніе (Ратцель), что начало этого регресса датируется появленіемъ среди нихъ европейцевъ. Отмѣчалось только, что европейцы нашли уже среди австралійскихъ племенъ оспу; это и считалось единственнымъ признакомъ того, что послѣдніе были знакомы когда то давно, за долго до прихода европейцевъ, съ болѣе высокою культурою. Г. Михаль Жмигродзкій высказывается на этотъ счетъ болѣе категорически.

До сихъ поръ еще нельзя считать доказаннымъ положительными данными фактъ смѣшанности крови у австралійцевъ. Можетъ быть, только метисація съ европейцами — повсемѣстно, гдѣ аборигены страны сталкивались съ послѣдними, да смѣшеніе съ папуасами около Капъ-Йорка и съ малайцами — у Портъ-Эсенгтона, — вотъ и всѣ научно установленные случаи метисаціи.

Съ другой стороны, если исторія человѣчества знаетъ «нордъ-манновъ», какъ «всесвѣтныхъ» путешественниковъ, то мы имѣемъ въ лицѣ австралійцевъ истинныхъ «зюль-манновъ». Но до сихъ поръ обращалось вниманіе лишь на переселенія и перекочевки австралійцевъ въ предѣлахъ Полинезіи и Меланезіи. Нашего автора зани-

маетъ болѣе важный вопросъ: эти мелкія эмиграціонныя движенія его мало, на этотъ разъ, интересуютъ, и онъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на вопросѣ о томъ, откуда же въ Австралію пришли ея теперешніе обитатели.

Теперь мы имѣемъ уже въ рукахъ всѣ элементы, изъ сопоставленія которыхъ рождается у автора его концепція.

Тотемизмъ — одно изъ отвѣтвленій пантеизма, особенно развитаго въ Индіи. Онъ является, при этомъ, воспріятіемъ болѣе грубыхъ внѣшнихъ чертъ пантеизма, — онъ, слѣдовательно, могъ быть занесенъ въ Австралію низшимъ слоемъ того населенія, которое исповѣдуетъ пантеистическія религіи. А, кромѣ того, у австралійцевъ наблюдаются и другіе слѣды забвенія основъ болѣе высокой культуры (какъ, наприм., слѣды воспоминаній о кастовомъ устройствѣ общества). При этомъ доказано, что австралійцы — «зюль-манны». Изъ всего этого — выводъ: австралійцы вышли изъ Индіи, унеся съ собою оттуда грубѣйшую сторону пантеизма своей прародины, — тотемизмъ, — и въ новомъ своемъ отечествѣ терпятъ, благодаря отдаленности отъ царства пантеизма и своей изолированности, послѣднія крохи пантеистическаго міропониманія.

Но для автора эта концепція является лишь этапомъ въ процессѣ выработки взгляда на мѣсто тотемизма въ ряду другихъ формъ религіи человѣчества. Вотъ какъ формулируетъ онъ этотъ взглядъ: «всѣ тѣ факты, которые я старался систематически здѣсь изложить въ цѣльной картинѣ, доказываютъ, что тотемизмъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ хотя бы и посредствующій исходный пунктъ для развитія цивилизаціи вообще, а въ особенности — для развитія религіозныхъ воззрѣній народовъ. Признакомъ такого пункта является всегда и вездѣ великая сила движенія, часто очень грубая и жестокая, но и непобѣдимая, — въ то время какъ тотемизмъ отъ природы анемиченъ и ему грозитъ безусловно переходъ въ чахоточное состояніе: онъ — послѣднее слабое отвѣтвленіе далекой цивилизаціи, которая даже у своего первоисточника начинаетъ превращаться въ переживание и приближаться къ могилѣ» (стр. 19).

Другая работа, на которой мы останавливаемъ вниманіе читателя, изъ серіи вошедшихъ въ томъ XV «Lud» а, не заключается въ себѣ широкихъ обобщеній; но для насъ, русскихъ этнографовъ, самые факты, въ ней группируемые авторомъ, представляютъ особый интересъ. Я не хочу этимъ сказать, что знакомство съ фактическими данными, касающимися шаманизма, можетъ быть безразлично для этнографа, разъ онъ не принадлежитъ къ русской національности. Но дѣло въ томъ, что у насъ въ распоряженіи имѣется гораздо больше этихъ данныхъ, нежели у другихъ этнографовъ, и на появленіе въ печати каждаго новаго факта мы реагируемъ болѣе чутко. Весьма важнымъ здѣсь является также еще и то обстоятельство, что многіе

изъ нашихъ отечественныхъ этнографовъ знакомились съ шаманизмомъ непосредственно при продолжительномъ соприкосновеніи съ народами, придерживающимися шаманизма, и потому и воспринять и оцѣнить каждое новое свѣдѣніе о шаманствующихъ и шаманизмѣ намъ гораздо легче, нежели этнографамъ другихъ странъ.

Кромѣ того, работа г. Бронислава Пилсудскаго уже давно переведена на нѣмецкій языкъ. Если поляки и нѣмцы имѣютъ возможность на своихъ родныхъ языкахъ познакомиться съ матеріаломъ, собраннымъ на территоріи нашего государства и близко насъ интересующаго, то не естественно ли желаніе — видѣть работу этого изслѣдователя если не въ русскомъ переводѣ, то въ детальномъ изложеніи на русскомъ языкѣ?

Вотъ чѣмъ продиктовано намѣреніе — изложить здѣсь данныя, обильно сгруппированныя въ работѣ реферируемаго автора.

Авторъ начинаетъ съ айновъ.

Культъ предковъ у этого народа является существеннѣйшею частью религіозныхъ вѣрованій. Отошедшіе въ вѣчность отцы, матери, дѣды и бабки продолжаютъ опеку своихъ оставшихся въ живыхъ потомковъ, но могутъ также лишитъ послѣднихъ своей милости и причинитъ имъ много бѣдъ. Отсюда — забота о покоѣ мертвыхъ, причемъ наилучшими посредниками между мертвецами и живущими являются вообще всѣ старыя люди, сами кончающіе свой земной путь. Этимъ то и объясняется, почему шаманы у айновъ пользуются, сравнительно съ другими шаманствующими, меньшимъ значеніемъ, — сравнительно, наприм., съ племенами, расположенными по р. Амуру и на крайнемъ сѣверѣ-востоку Азіи.

Шаманизмъ у айновъ не достигъ такого развитія, при которомъ онъ требовалъ бы отъ своихъ жрецовъ прохожденія особаго курса обученія. Способность быть шаманомъ не является также привилегіей касты. Шаманомъ становится человѣкъ по воле своей. Обыкновенно, будущій шаманъ съ молодости испытываетъ потребность уединяться, — признакъ того, что въ него начали вселяться духи (называемые «косимпу»). Нерѣдко такое состояніе кончается дурно: потерей сознанія, причемъ, напр., субъектъ теряется въ лѣсу или попадаетъ въ воду. Пользующийся извѣстностью старый шаманъ рассказывалъ автору, что однажды онъ потерялъ сознаніе и почувствовалъ, что онъ уносится, какъ птица, подъ облака; онъ боялся, что упадетъ съ высоты и расшибется. Но, по счастью, онъ очнулся и увидѣлъ себя лежащимъ на пескѣ, у берега моря. Его родные, искавшіе его повсюду, нашли его по колѣни въ водѣ морского залива. Несомнѣнно, это «косимпу» творилъ съ нимъ всѣ эти вещи: онъ заплуталъ его среди дорогъ. Немедленно же ему были даны принадлежности шамана, онъ началъ бить въ бубенъ, скакать и пѣть, такъ какъ «косимпу» вошли въ ноги, руки и во все тѣло своего избранника.

Другой будущій шаманъ, въ то время — лѣтъ 30, отправился обычнымъ поряд-

комъ на весенній соболинный промыселъ. Въ лѣсу ему все казалось, что деревья наклоняются, и въ просвѣтахъ между ними онъ замѣчалъ человеческое жилище; но когда онъ къ послѣднему приближался, то оно исчезало. Спустя нѣкоторое время онъ увидѣлъ не-подалеку отъ себя двухъ богато одѣтыхъ айновъ; но когда онъ направился къ нимъ, то они также исчезли. По совѣту родныхъ, онъ цѣлый годъ не выходилъ на промыселъ. Но затѣмъ въ него вселилась какая-то сила, и онъ началъ кричать, какъ шаманъ, выскочилъ изъ юрты и бросился къ морю. Его возвратили домой, дали ему въ руки бубенъ, — и съ тѣхъ поръ онъ сталъ шаманомъ.

Изъ одного изъ шамановъ, — которыхъ авторъ насчитываетъ до 8 на населеніе въ 1.360 человѣкъ айновъ, — нельзя было считать большимъ физически. Они не впадаютъ также въ состояніе энцефаліи и не подвержены конвульсіямъ, — какъ это наблюдается у шамановъ другихъ сибирскихъ народностей. Но нервною, а иногда — и угрюмою, можно замѣтить на ихъ лицахъ, а о ихъ склонности къ галлюцинаціямъ можно составить себѣ понятіе по приведеннымъ выше ихъ собственнымъ показаніямъ. Особенности организаціи шамановъ авторъ опредѣляетъ такъ: нервная аффектація, экзальтація, актерскія способности и сильно развитое воображеніе. Айны вѣрятъ, что эти качества передаются по наслѣдству.

Объ убѣжденности шамановъ-айновъ высказаться авторъ опредѣленно не рѣшается. Сами айны не сомнѣваются въ ихъ искренности и лишь различаютъ шамановъ по ихъ силѣ.

Шаманами у айновъ бываютъ и мужчины и женщины. Изъ 8 извѣстныхъ автору шамановъ было 2 женщины. Достойно вниманія, что у этого народа шаманы-мужчины пользуются большимъ значеніемъ, нежели шаманы-женщины. Но столь же замѣчательно, что въ сказаніяхъ айновъ нерѣдко сила чаровства является болѣе значительною въ женщинахъ, нежели въ мужчинахъ. «Такъ наприм., въ рассказѣ о похищеніи лисою души прекрасной жены богача, послѣдній обращается къ помощи шамановъ для отысканія своей жены. Три шамана-мужчины не могли ему помочь, — что, однако, выполнила одна изъ 3 шаманокъ».

Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ указаніе на существованіе у айновъ, въ недавнее еще время, матриархата, — строя съ преобладающимъ значеніемъ и вліяніемъ въ родѣ и родствѣ женщины-матери; слѣды того же положенія вещей мы встрѣчаемъ у айновъ и въ современныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни достаточно ясно выраженными. Вместе съ постепеннымъ ослабленіемъ значенія женщины шло и пониженіе въ ней внутренней силы, необходимой для роли кудесника» (стр. 265).

По преданіямъ айновъ, въ древнія времена занятіе шаманскими дѣйствіями составляло какъ бы привилегію зажиточнаго класса, такъ называемыхъ ниспа, у котораго оно являлось однимъ изъ средствъ къ упроченію своего вліянія на массы; но постепенно притязанія ниспа должны были уступить силѣ прирожденнаго та-

ланта избранных, къ какому бы классу общества каждый изъ нихъ не принадлежалъ. И теперь шаманы у айновъ не отрываются отъ обычныхъ занятій представителей племени. Только лишь, отправляясь на промыселъ, они не могутъ слишкомъ далеко отходить отъ дому, такъ какъ въ противномъ случаѣ они могли бы быть лишены возможности выполнять велѣнія своихъ духовъ-властителей, если бы тѣ потребовали чествованія и шаманскаго дѣйствія.

Шаманъ никогда не женится на шаманкѣ. Одинъ изъ извѣстныхъ шамановъ имѣетъ двухъ женъ, и одна изъ нихъ вдвое моложе своего мужа. Другой также женатъ на значительно моложе себя женщинѣ: ему—62 г., ей—20. О третьемъ шаманѣ автору рассказывали, что онъ былъ женатъ на своей двоюродной сестрѣ, — что очень не нравилось, какъ грѣхъ и кровосмѣшеніе, его родственникамъ; по смерти этой женщины шаманъ очень скоро женился на другой.

За шаманское дѣйствіе шаманъ беретъ вознагражденіе даже отъ своихъ близкихъ родственниковъ, — въ противномъ случаѣ его духи могутъ отказать ему въ своей помощи. Но это вознагражденіе никогда не бываетъ значительно, причемъ, во всякомъ случаѣ, его размѣры опредѣляются тѣми, кто обращается къ услугамъ шамана. Существуетъ обыкновение, что въ числѣ другихъ предметовъ шаманъ за леченіе (см. ниже) долженъ получить непременно и собаку. Ее вводятъ во время шаманскаго дѣйствія въ юрту, чтобы добрые духи ее видѣли и оказали больше содѣйствія при изгнаніи болѣзни изъ пациента. Такого пса шаманъ не можетъ долго держать у себя: его нужно убить и принести въ жертву тѣмъ духамъ, которые помогали шаману.

Незначительность вознагражденія шамановъ за ихъ дѣйствія ведетъ къ тому, что среди нихъ нѣтъ богатей. У 57-лѣтняго, наприм., шамана нѣтъ ничего, кромѣ жалкаго домика и нѣсколькихъ собакъ, и онъ — самый бѣдный въ своемъ родѣ, а старѣйшій изъ видѣнныхъ авторомъ шамановъ, насчитывающій 50 лѣтъ практики, не имѣетъ даже собственнаго дома и проживаетъ то у одного, то у другого изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ.

Шаманы у айновъ не связаны какой-либо присягой — вѣрно служить интересамъ своихъ кліентовъ. При этомъ, однако, авторъ находитъ возможнымъ утверждать, что профессиональное старанье объ уменьшеніи человѣческихъ страданій ведетъ къ развитію въ шаманяхъ альтруистическихъ чувствъ больше, нежели въ обыкновенныхъ смертныхъ — айнахъ. Развитіе въ нихъ фантазіи уноситъ ихъ всегда дальше будней. Вообще, съ шаманомъ, по автору, очень интересно побесѣдовать.

Шаманы айновъ отличаются нелюдимостью, большою осторожностью въ сношеніяхъ съ людьми. Автору едва удалось уговорить одного шамана позировать передъ фотографическимъ аппаратомъ. Впрочемъ, авторъ тутъ же даетъ и иное объясненіе этому факту, — можетъ быть, болѣе близкое къ истинѣ: шаманъ боялся, какъ бы на

него за этотъ его поступокъ не разсердились духи, ему покровительствующіе, и не перестали ему оказывать свое содѣйствіе.

Шаманскія дѣйствія производятся вообще довольно рѣдко. Во всякомъ случаѣ, шаманъ самъ никогда не предлагаетъ своихъ услугъ и ждетъ, чтобы его пригласили заинтересованные лица, причемъ иногда даже заставляетъ себя просить нѣсколько разъ.

Болѣзни, причины которыхъ ясны (пораненіе, переломъ костей, чихотка, болѣзни глазъ), лечатъ знахари травами, припарками и т. п. Шаману принадлежитъ привилегія леченія такихъ болѣзней, причины которыхъ непонятны айнамъ при ихъ степени научнаго знакомства съ естественнoисторическими явленіями, — главнымъ образомъ, внутреннихъ органовъ, если при этомъ еще болѣзнь сопровождается сильнымъ повышеніемъ температуры, потерей сознанія и т. п. Въ этихъ случаяхъ болѣзнь разсматривается, какъ дѣйствіе злого духа — кунпесам, и изгнать этого духа изъ пациента можетъ только шаманъ.

Нѣкогда помогали при тяжелыхъ родахъ шаманки; теперь этого не бываетъ. Въ случаяхъ бесплодности къ шаманамъ не обращаются: это — дѣло, которое считается для шамана нечистымъ, и потому, если онъ возьмется за него, то служащіе ему духи могутъ навсегда отвернуться отъ него. Авторъ дѣлаетъ предположеніе, что этотъ взглядъ айнами откуда-нибудь заимствованъ, такъ какъ даже регулярныя отдѣленія не представляютъ изъ себя, въ глазахъ айновъ, чего-либо нечистаго: замѣченная капли этихъ отдѣленій можетъ принести мужчине счастье, если онъ омочитъ ею палецъ и размажетъ имъ отдѣленіе на своей груди.

Усилія шамановъ не всегда увѣнчиваются успѣхомъ, и онъ даже не всегда рѣшается взяться за дѣло. Въ одномъ изъ извѣстныхъ автору случаевъ шаманъ объяснялъ нежеланіе свое приступить къ излеченію больного тѣмъ, что въ результатѣ пациенту сдѣлалось бы еще хуже.

Часто обращаются не къ ближе, а къ дальше живущему шаману. Это объясняется или тѣмъ, что къ послѣднему питаютъ больше довѣрія, или же тѣмъ, что ближайшій находится съ семействомъ пациента въ непріязненныхъ отношеніяхъ.

Послѣднее приводитъ къ выводу, что айны считаютъ вообще шамановъ способными приносить своимъ недругамъ вредъ. Но айны все же считаютъ своихъ шамановъ болѣе мягкими, нежели шамановъ соседнихъ народовъ, — за исключеніемъ тѣхъ шамановъ-айновъ, которые вышли съ сѣвера.

Предохранить себя отъ злыхъ чаръ шамана является, повтому, важною заботою айна, — въ особенности, ѣдущаго въ далекій путь. Мозгъ дятла при этомъ играетъ первенствующую роль. «Какъ только путешественникъ почувствуетъ себя нездоровымъ, — онъ выпускаетъ нѣсколько капель своей крови, смѣшиваетъ ее съ мозгомъ дятла и ставитъ посуду съ такимъ снадобьемъ на ночь около себя, чтобы его съѣлъ

духъ шамана. Это — опасный экспериментъ, такъ какъ спадобье — специальный ядъ для шамановъ, отъ котораго шаманъ умираетъ, и поступающій такъ во всю свою жизнь объ этомъ не долженъ забывать» (стр. 269—270).

«Въ 1905 г. о. Сахалинъ посетила эпидемія инфлуэнцы, и перемерло много айновъ. По этому поводу существуетъ слѣдующая легенда. — За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ умеръ шаманъ, по происхожденію — мангуитъ съ Амура, по поселившійся среди айновъ много лѣтъ тому назадъ и обосновавшійся здѣсь очень хорошо. Передъ смертію онъ сознался, что его духъ, блуждая ночами въ поискахъ пищи, убилъ на его родинѣ человѣка, но родные убитаго подстрѣлили его изъ засады. Вслѣдствіе этого у шамана была на боку рана, которая не заживала и теперь является причиною его гибели. Его духъ былъ всегда насторожѣ и постоянно отгонялъ вражье нашествіе другихъ шаманскихъ духовъ на общину, которая пріютила его, чужеродца, и жила съ нимъ попріятельски. Послѣ его смерти эта община должна была впасть въ несчастья, отъ которыхъ ее оберегалъ покойный» (стр. 270).

У каждого шамана есть въ распоряженіи духи-помощники и специальные боги, къ которымъ онъ обращается съ мольбами. Помощи шаманы ищутъ обыкновенно у мѣсяца, солнца, огня, высокихъ горныхъ хребтовъ, а ихъ посланцами являются безтѣлесные духи, нерѣдко же — звѣри: волкъ, лисица, ворона, — и т. п. Во время шаманскаго дѣйствія шаманъ подражаетъ голосомъ крику этихъ животныхъ.

Особенно цѣнными въ работѣ г. Бронислава Нилсудскаго слѣдуетъ, безспорно, признать конкретныя данныя о нѣсколькихъ шаманахъ. Привожу соотвѣтствующее мѣсто изъ статьи автора in extenso.

I. Шаманъ Ціворкаі, около 40 лѣтъ отъ роду, находился подъ сильнымъ вліяніемъ орокескихъ и гилацкихъ шамановъ, такъ какъ онъ — выходецъ изъ мѣстности, гдѣ всѣ три племени аборигеновъ о. Сахалина проживаютъ близко одно отъ другаго. Больше всего ему помогаютъ луна или человѣкъ, на ней живущій. Слѣдующимъ его помощникомъ является богъ огня, за нимъ — богъ горъ, сходящій въ долины въ образѣ медвѣдя. Духомъ, котораго онъ можетъ посылать туда и сюда, является для него воронъ, посломъ къ луны и медвѣдю — волкъ, а къ богу огня онъ обращается непосредственно, и тотъ ему также самъ сообщаетъ свое рѣшеніе. Хотя въ его наслѣдственномъ распоряженіи имѣется еще клубокъ перенутанныхъ стружекъ (такъ называемый тоусі), но онъ рѣдко приходитъ на помощь этому шаману.

II. Шаманъ Нісціратъ былъ менѣе откровененъ съ авторомъ и сообщилъ ему только, что отъ своего отца получилъ, въ качествѣ помощника, «бога дневнаго свѣта». Обыкновенно же шаману содѣйствуетъ «богъ, находящійся между облаками». Отъ него именно и исходятъ всѣ рѣшенія, которыя шаманъ сообщаетъ народу. Хотя и бываетъ иногда, что шаману помогаютъ звѣри, но, по мнѣнію этого шамана, это — исключенія, такъ какъ обыкновенно помощники шамана — безтѣлесные духи. —

Между прочимъ, у Нісціратъ'а были двѣ японскія сабли въ качествѣ талисмана для огражденія себя отъ злыхъ духовъ.

III. Шаманъ-старикъ Кантероскэ пользуется, какъ помощникомъ, лисцей.

IV. Проживающій далеко отъ сѣверныхъ сосѣдей шаманъ Кохко находился, естественно, въ вліяніи ороковъ и гилаковъ. Старикъ говорилъ, что помощниками его являются: богъ моря, богъ горъ и богъ солнца. Духи, служащіе ему въ качествѣ посланцевъ къ богамъ и приносящіе ему отъ послѣднихъ отвѣты, — три клубка перенутанныхъ стружекъ, — тоусі. Но и сверхъ того у него есть немало слугъ, которые ему помогаютъ, при пѣніи, издавать различные звуки: между звѣрями — заяцъ, собака, лисица, орелъ, соболь, ворона, чайка, между домашнею утварью — птичеловка, японское ведро, котелъ, ступка и толкатель (деревянные), крюкъ для подвѣшанія котла, изъ растений — кедръ и еще нѣсколько. Айны говорили автору, что Кохко былъ превосходнымъ шаманомъ — какъ со стороны умѣнія производить шаманскія дѣйствія, такъ и со стороны, въ частности, умѣнія пѣть, причѣмъ онъ издавалъ самые разнообразные звуки.

Случается, что духи покидаютъ своего повелителя. Одинъ изъ духовъ Ціворкаі'а отошелъ отъ него, что навлекло на шамана болѣзнь (страданіе желудка). Но ему случилось быть на сеансѣ другаго шамана, послѣ чего ему сразу же сдѣлалось легче. Шаманъ объяснилъ это тѣмъ, что его духъ, привлеченный шаманскимъ пѣніемъ и звуками бубна, вновь приблизился и къ нему и, вѣроятно, окончательно возвратится.

Вообще, айны не допускаютъ, что шаманъ можетъ также заболѣть, какъ и обыкновенный смертный, и болѣзнь шамана всегда, въ ихъ глазахъ, является результатомъ того, что шаманъ чѣмъ-нибудь провинился, и болѣзнь для него — наказаніе за это.

Тотъ же шаманъ признался, что его духи иногда его обманываютъ, и что правдивый духъ у него только одинъ. Отъ другихъ шамановъ авторъ слышалъ, наоборотъ, что у нихъ нѣтъ злыхъ духовъ. Но айны говорили, что если у шамана больше злыхъ духовъ и они болѣе сильны, нежели добрые, то самъ шаманъ скоро умираетъ; если же у него много добрыхъ духовъ, то злые отъ него убѣгаютъ и ничего худого шаману сдѣлать не могутъ.

Хоронятъ айны шамановъ не на общемъ кладбищѣ, а въ сторонѣ. Съ ними въ могилу не кладутъ бубна: шкуру вѣшаютъ на дерево, а обечайку сохраняютъ для надобностей будущаго шамана. Если же положить бубенъ въ гробъ съ шаманомъ цѣликомъ, то можно лишитъ остающихся родственниковъ шамана возможности получить по наслѣдству способности шамана. Около дерева, на которомъ повѣшена шкура отъ бубна, ставятъ чудодѣйственную трость шамана, такъ называемую інау. Чтобы еще сильнѣе удержать духовъ, которые были подчинены шаману при его жизни, въ родѣ

покойного, — для этого въ лѣвую руку ему кладутъ клубокъ переплетенныхъ стружекъ вербы, тоуеі, который потомъ вкладываютъ въ шапку, надѣваемую шаманами во время дѣйствія. Это вызываетъ, по мнѣнію айновъ, скорѣе всего появленіе шамана въ томъ же родѣ, даже въ семьѣ покойного.

Передъ смертью нѣкоторые шаманы утѣряли своихъ близкихъ, что при первомъ же восходѣ солнца или луны они выйдутъ изъ могилы и поднимутся на небо, и просили, чтобы тѣ хорошенько прислушивались, не раздастся ли звуковъ бубна. Когда ничего не было слышно, то это означало, что въ жизни покойный шаманъ совершилъ что-нибудь преступное, грѣховное, и за это принужденъ сойти въ подземное царство, гдѣ, согласно повѣріямъ айновъ, живутъ всѣ обыкновенные смертные.

На этомъ можно закончить описаніе нашего автора, такъ какъ свѣдѣнія о продолжаемыхъ айновскими шаманами фокусахъ и о предсказаніяхъ ихъ не являются показаніями очевидца.

Я на этотъ разъ задавался цѣлью передать содержаніе интереснаго сообщенія г. Б. Пилсудекаго и не имѣю возможности входить здѣсь въ разборъ его. Оговорюсь лишь, что не совпадаетъ съ нашими представленіями о шаманизмѣ утвержденіе, будто шаманы у айновъ не имѣютъ у себя въ подчиненіи злыхъ духовъ, а если и входятъ въ сношенія съ ними, то рискуютъ въ скоромъ времени умереть: вѣдь, весь смыслъ шаманства, какъ общенія съ духами, въ томъ и заключается, чтобы подчинять себѣ злыхъ духовъ или входить съ ними въ соглашеніе. Съ этимъ въ соотвѣтствіи находится и другое мое замѣчаніе: такіа болѣзни, какъ глазныя, чахотка и т. п., считаются, перѣдко—*par excellence*, проявленіями козней злого духа, и относятся къ разряду такихъ, сущность которыхъ понятна для айновъ-шаманистовъ и которыхъ, поэтому, поддаются усиленіямъ знахарей, внимательства же шамановъ не требуютъ, — это едва ли правильно.

Н. Виташевскій.

17. Jan Czekanowski, *Beiträge zur Anthropologie von Polen.* — «Archiv für Anthropologie», neue Folge, B. X, Heft 2—3, pp. 187—195.

Строго говоря, работа г. Яна Чекановскаго касается вопросовъ антропологии. Но въ ней есть данныя по этнологіи европейскихъ народовъ, — и, такимъ образомъ, она соприкасается съ этнографіей, почему ея появленіе должно быть отмѣчено на страницахъ нашего журнала.

«Ученіе о трехъ первоначальныхъ типахъ» (среди европейскихъ народовъ), — говоритъ авторъ (стр. 187), — «вытекаетъ изъ наблюденій надъ западно-европейскими народами». Но какъ только изслѣдователь переходитъ къ установленію антропологическихъ соотношеній въ средѣ славянскаго міра, то не слѣдуетъ исходить изъ положенія,

что населеніе материка Европы является результатомъ смѣшенія сѣвернаго, средиземнаго и альпійскаго первоначальныхъ типовъ. Путемъ сопоставленія собственныхъ данныхъ съ данными Рутковскаго, Олехновича, Талько-Гринцевича, Бохенска, Закишевскаго — изъ польскихъ изслѣдователей и многихъ западно-европейскихъ антропологовъ, авторъ приходитъ къ гипотезѣ о четырехъ, а не о трехъ первоначальныхъ типахъ, результатомъ смѣшенія которыхъ, въ различныхъ комбинаціяхъ, являются нынѣшніе обитатели Европы.

Вотъ главнѣйшіе признаки этихъ четырехъ типовъ (стр. 189):

Цвѣтъ волосъ	св. блонд.	темн.-блонд.	блонд.	черп.
Цвѣтъ глазъ	голуб.	св.-каріе	зел.-голуб.	каріе.
Ростъ	168—170 см.	161—163 см.	170—172 см.	170 см.
Наиб. дл. гол.	195 mm.	189 mm.	190 mm.	184 mm.
Наиб. шир. гол.	—	152 mm.	159 mm.	158 mm.
Наим. шир. лба	100—105 mm.	106—108 mm.	109—111 mm.	110 mm.

За дальнѣйшими подробностями, какъ и за основаніями выводовъ автора въ деталяхъ, мы отсылаемъ читателей къ работѣ г. Яна Чекановскаго непосредственно.

Н. Виташевскій.

18. O. Schrader, *Die Indogermanen.* Leipzig 1911. 8° 165 стр. (Wissenschaft und Bildung № 77).

Извѣстный изслѣдователь индогерманскихъ древностей профессоръ д-ръ О. Шрадеръ въ Бреславлѣ въ небольшой книжкѣ своей объ Индогерманцахъ представилъ общій обзоръ результатовъ лингвистической палеонтологіи въ формѣ двѣнадцати очерковъ, посвященныхъ: 1) Индогерманскому языку и народу тохаро-кельтскому; 2) вопросу объ индогерманской культурѣ и первобытныхъ культурныхъ особенностяхъ народа-языка путемъ изслѣдованій доисторическихъ, сравнительно-археологическихъ и *фольклористическихъ*; 3) формѣ первобытнаго хозяйства; 4) вопросу о расселеніи и мѣстахъ жительства (Siedlung); 5) хмѣльнымъ напиткамъ (Соба, медъ, пиво, вино); 6) торговлѣ и промысламъ; 7) первобытному календарю и раздѣленію времени (Zeitteilung); 8) Индогерманской семьѣ; 9) племени и народу; 10) кровавой мести; 11) первобытной религіи; 12) вопросу о прародинѣ.

Наставивъ во второй главѣ «Die Erschliessung der indogermanischen Kulturzustände» на необходимости сравнительнаго изученія матеріальной и соціальной культуры отдѣльныхъ индогерманскихъ народностей, онъ обращаетъ при собираніи фактовъ «живой старины» и данныхъ сравнительнаго народовѣдѣнія особое вниманіе на славянскій міръ (Die Slavische Welt) и русскую первобытность. «Der russische Bauer

pflügt seinen Acker noch immer mit dem alten Hackenpflug, an der Grenze Asiens und Europas baut man noch immer unterirdische Wohnungen wie einstmal durch ganz Europa» (стр. 23). «Русский крестьянин обрабатывает свое поле все еще старою сохою, и на границе Азии и Европы все еще строятся подземные жилища (точно также) как когда-то во всей Европе».

На стр. 138 Шрадер останавливается на живой старинке Олонцакого края и впечатлениях своих во время поездки в Косалму к академику Ф. О. Фортунатову. В Ильинское воскресенье совершается жертвоприношение барана, а в иных местах даже быка. Так случилось в 1907 году. «Drei oder vier von einzelnen reichen Bauern nach vorhergehendem Gelübde gestiftete Hammel wurden an jenem Sonntage in Namojevo nachmittags vor die Kapelle geschleppt, dort getötet und zerlegt. Dann wurde ihr Fleisch hinunter an den See gebracht und dort in 12 am Ufer aufgestellten Kesseln von den Männern des Dorfes gekocht. Die Frauen durften nur als Zuschauerinnen mitwirken, und als wir sie befragten, warum nicht sie die ihnen doch zukommende Arbeit des Kochens besorgten, erwiderte die eine, dass der Prophet Elias die Frauen nicht liebe, während die andere einfach erklärte «Нам не полагается». Nachdem das Fleisch gar war, wurde es in den Kesseln in die Kapelle vor die Heiligenbilder gebracht und hier mit Weihrauch, der mit den am See zum Kochen gebrauchten Kohlen entzündet ward, geräuchert. Fromme Lieder wurden von den Kindern dazu gesungen. Als dann wurde das Fleisch in der Kapelle zum Besten der Kirche in einzelnen Stücken verkauft, nach Hause gebracht und dort verspeist. Merkwürdig war die halb ernste, halb scherzhafte Stimmung der Männer bei der Arbeit des Kochens, und mancher bekannte grobkörnige Fluch unterbrach die heilige Handlung».

Регистрируя, таким образом, остатки полужреческого почитания Ильи-громоуника и жертвоприношения ему барана в деревне Намоев, Шрадер сравнивает почитание этого святого с богочитанием Киевского Перуна и Литовского Перкунаса (стр. 140).

Отмечая такое внимательное отношение Шрадера к данным русского фольклора, нельзя не жалеть о том, что он в своих трудах не пользуется специальными разысканиями Д. К. Зеленина о «плуге» или Харузина¹⁾ о жилищах и т. д. В археологической части своего труда Ш. воспроизводит изображения орудий из трудов XI археологического съезда в Киеве, XIII в Екатеринославль, описаний коллекций Хапенко, Романченко в С.-Пбурге и др. При всем внимании своем к данным сравнительного языковедения и этимологического разъяснения корней арий-

1) Славянское жилище в С.-В.-Зап. Край = Вид. Временник кн. II. В. 1907. М. Ростовцев, Эллинистическо-римский пейзаж = З. К. Отд. ИРАО, том VI. 1910. С.-Пб.

сих языков Шрадер слишком мало уделяет внимания литовскому словарю и иногда как, напр., на стр. 113 приводит литовские соответствия в неточной передаче лит. *tauta* земля (Land) вм. *tauta* народ, племя. Срв. теперь R. K(laustin). Der lettische Grundbesitz während der Ordenszeit, Balt. Ms. Bd. 70, Bd. 71, № 6, Juni 1911, где на стр. 433 — 434, подробнее изложено развитие и разветвление значения *tauta* Geschlecht, Gattung, Art, Volk oder Nation в памятниках древней письменности и в народной поэзии. Anthony Lalis. A. Dictionary of the Lithuanian and english languages; Lietuviškos ir angliskos kalbų žodynas I. Chicago, 1903, стр. 332: *tauta* nation, people, *tautiskas* national; *tautiska daina* national song, national hymn.

Из сочинений, изданных в России на немецком языке Академией Наук, Шрадер советам не цитирует сочинений Биленштейна: Die Letten или же в особенности Die Holzbauten und Holzgeräthe der Letten I. St.-Petersburg 1907.

Популяризируя в своей книге «Die Indogermanen» результаты своих многочисленных исследований, Шрадер дает ряд интересных картинок из праарийской жизни и показывает приметы любовного отношения к вопросам славянского фольклора, столь мало у нас в России пропагандируемого в сочинениях научного самообразования и обучения. Не останавливаясь ни над дефектами антропологического определения понятия праязыка народа у Шрадера, ни на схематическом изображении русского крестьянина или же односторонней характеристик так называемого славянского мира (стр. 23), мы подчеркиваем: а) что памятники живой старины и пережитки древности встречаются везде в Европе независимо от современной степени культуры, б) что русский фольклор нуждается не только в библиографическом обследовании, но также и в общих отчетах о движении нашей этнографической науки.

Э. А. Вольтер.

19. Ernst Samter, Geburt, Hochzeit und Tod. Beiträge zur vergleichenden Volkskunde. Leipzig-Berlin. Teubner 1911. 8°. 222 стр.

Эрнест Самтер, учитель-профессор софийской гимназии (Sophien-Gymnasium) в Берлине, под влиянием лекций Германа Дильса о греческой религии и значении сравнительного народоведения для уразумения античной религии, старается в своей книге, посвященной родинным, свадебным и похоронным обычаям, дать в 19-ти главах новое объяснение многих известных обрядов и обычаев с точки зрения сравнительного фольклора. Не намечаясь в краткой заметке о книге Самтера дать полный обзор результатов сравнительно-этнологических разысканий автора, я обращаю только внимание на такие результаты и выводы, которые касаются по преимуществу русского фольклора и археологии.

Въ XVI главѣ или очеркѣ «Blut und Haargopfer, Rothe Fabre» стр. 175—194, Самтеръ останавливается на вопросѣ объ окрашиваніи костей или скелетовъ, какъ послѣдствіи окрашиванія покойника при погребеніи. Пользуясь сочиненіями фонъ-Дуна, «Roth und Tod» и Сонни «Rothe Farbe im Totenkult» въ Архивѣ по религіевѣдѣнію (Af. Rw), онъ указываетъ на русскія открытія въ этой области, въ особенности въ южной Россіи и находки въ гробницахъ кусковъ «охры или сурика». На эти случаи примѣненія красного цвѣта смотреть С. какъ на замѣну жертвоприношенія крови. Кровь жертвеннаго животнаго была разлита надъ трупомъ похороненнаго, конечно, прежде всего въ ротъ или надъ ртомъ, ибо умершій долженъ былъ пить жертвоприношеніе. Способъ жертвоприношенія остался, но вмѣсто крови влили разбавленную охру или сурикъ. Вспоминая еврейскіе пасхальные обычаи, С. указываетъ на многочисленные случаи примѣненія въ похоронномъ обрядѣ одежды красного цвѣта, красной нитки въ родинныхъ обрядахъ. Отъ глаза помогаетъ обвязываніе ребенка красною лентою, красныя нитки въ Эстляндіи охраняютъ отъ порчи, въ Италіи красный цвѣтъ былъ обязательнымъ для траурной одежды и т. д.

Другіе очерки Самтера касаются вопроса о покрытіи нечѣсты, подмѣнѣ нечѣсть, задержаніи свадебнаго поѣзда, жертвоприношеніи старыхъ башмаковъ, изгнаніи демоновъ шумомъ (Polterabend), произведеннымъ бубнами, тимпанами, колоколами, сковородками и т. д. Очень интересенъ также первый очеркъ о роли матери-земли при родинахъ и разныхъ дѣйствіяхъ для освобожденія родильницъ отъ порчи и вліянія злыхъ демоновъ. Вообще нельзя не приветствовать попытку Самтера объяснить разные античные обряды съ точки зрѣнія сравнительнаго фольклора.

Э. А. Вольтеръ.

20. Dr. Alfred Forke. Die Indischen Märchen und ihre Bedeutung für die vergleichende Märchenforschung. Berlin 1911. Pp. 77 in 8°. Цѣна 1 Mk. 80 Pf.

Заглавіе небольшой книги проф. Форке обширнѣе, къ сожалѣнію, значительно больше, чѣмъ даетъ сама книга; причина этому простая: г. Форке не индианистъ и не владѣетъ литературою предмета, которая гораздо обширнѣе, даже въ изданной части, чѣмъ это можно предположить по разбираемой нами работѣ, и конечно много еще обширнѣе въ неизданной своей части. Къ сожалѣнію и по отношенію къ той части литературы индійскихъ сказокъ, которой коснулся проф. Форке, онъ сообщаетъ во многомъ совершенно устарѣлыя свѣдѣнія. Не можемъ также найти объясненія, почему авторъ, не оговорившись, совершенно исключилъ изъ своей книги всю цѣнную литературу объ индійской народной сказкѣ, въ то время, когда общедоступны и общедоступны многочисленные сборники современныхъ сказокъ. Послѣ этихъ обмѣнчивацій приступимъ къ болѣе подробному разбору книжки.

Стр. 7. — Авторъ, повидимому, совершенно не знакомъ съ буддійскимъ кано-

номъ; онъ утверждаетъ, что джѣтаки (разказы о перерожденіяхъ Будды до послѣдней его земной жизни) первоначально были написаны на пали, хотя извѣстно, что палийскій канонъ лишь одинъ изъ канонѣвъ буддійскаго священнаго писанія, относительная древность которыхъ намъ неизвѣстна; авторъ не знаетъ, что въ Dhammapada *никакихъ* разказовъ нѣтъ, они встрѣчаются только въ комментаріяхъ къ этому тексту¹⁾. То, что сказано о джѣтакахъ, совершенно не даетъ о нихъ яснаго представленія.

То-же отсутствіе знакомства съ буддійскимъ священнымъ писаніемъ сказалось и въ параграфѣ объ avadāna (легенды изъ жизни Будды и буддійскихъ святыхъ — авторъ ошибочно утверждаетъ, что ихъ содержаніе то-же, что и джѣтакъ), гдѣ авторъ дѣлаетъ поразительное утвержденіе, что при уничтоженіи (Ausrottung!) буддизма въ Индіи погибла большая часть буддійской литературы, такъ какъ санскритскіе оригиналы аваданъ до насъ не дошли (стр. 9). Большіе санскритскіе сборники аваданъ изданы въ Европѣ и рядъ рукописныхъ сборниковъ санскритскихъ аваданъ находится въ бібліотекахъ Европы. Кромѣ того есть и палийскій соотвѣствующій сборникъ avadāna.

Авторъ какъ будто не знаетъ шиферовскаго нѣмецкаго перевода буддійскихъ легендъ, а только англійскій переводъ нѣмецкаго перевода. Многочисленные, цѣнные статьи и переводы буддійскихъ легендъ L. Feer ему неизвѣстны, точно такъ же какъ и большинство другихъ работъ въ этой области.

Параграфъ 4 о Панчатантрѣ совершенно устарѣлъ: авторъ, очевидно, не подозреваетъ, что за послѣдніе годы, благодаря работамъ проф. Hertel, вопросъ о Панчатантрѣ стоитъ совершенно иначе, чѣмъ при Бенфеѣ, что мы теперь различаемъ рядъ редакцій, изъ которыхъ нѣкоторыя точно датируются. Далѣе говорится о такихъ сборникахъ какъ Vetālapañcaviṃṣatikā (25 разказовъ демона), Simhāsana-dvātriṃṣikā (32 разказа статуи престола царя Vikramāditya) Cūkasaptati (70 разказовъ попугая) и опять ни малѣйшаго указанія на то, что эти сборники извѣстны въ рядѣ редакцій!

По отношенію къ знаменитѣйшему индійскому сборнику сказокъ и разказовъ Bṛhat-Kathā авторъ обнаруживаетъ полное незнаніе предмета, особенное странное, такъ какъ недавно вышла по этому вопросу прекрасная книга F. Lacôte. Essai sur Guṇādhya et la Bṛhatkathā. Paris 1908. Сомнѣваться въ индійскомъ происхожденіи Шиддикюра, какъ это дѣлаетъ проф. Форке, трудно.

На этомъ кончается обзоръ индійскихъ сказокъ, причемъ не только какъ по отношенію къ буддизму, пропущенъ и по отношенію къ сказкамъ брахманскимъ длинный рядъ легко доступныхъ сборниковъ, но и ничего не сказано о громадной лите-

1) На стр. 11 авторъ даже прямо говоритъ про «sehr bekannte Buddhistische Legenden-sammlung (sic) ist das Dhammapada».

ратурѣ джайнскихъ сказокъ и легендъ, получить свѣдѣнія о которыхъ совершенно не трудно.

Со стр. 20 начинается изложеніе теорій о происхожденіи сказокъ и объясненія ихъ сходства у разныхъ народовъ. Изложеніе совершенно не достаточное и свидѣтельствующее опять только о слабомъ знаніи предмета. Параллельно слѣдуетъ изложеніе и сравненіе совершенно случайно взятыхъ сказочныхъ темъ для провѣрки разныхъ гипотезъ, при чемъ знакомство съ распространеніемъ этихъ темъ у разныхъ народовъ тоже случайное. Авторъ кромѣ того смѣшиваетъ и басню съ сказкой (стр. 50, 67—68), видимо забывая, что у басни свое развитіе, такъ какъ басня совершенно другой родъ литературы, чѣмъ сказка¹⁾. Въ соответствии со всей книжкой и ея заключеніе, что у всѣхъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ сочинялись сказки и что сходства и совпаденія въ сказкахъ большею частью объясняются случаемъ.

Методы изслѣдованія сказки конечно еще очень слабо разработаны и весьма первобытны, но даже и въ настоящее время врядъ ли можно оправдать появленіе такихъ работъ какъ книжка г. Форке: раньше чѣмъ писать о какомъ либо вопросѣ, надо его хоть нѣсколько изучить.

Сергѣй Ольденбургъ.

21. Dr. Theodor Menzel. Mehmed Tevfik, Das Abenteuer Buadem's. Berlin. 1911. VIII+107. Mit einer Tafel (Türkische Bibliothek, herausgegeben von Georg Jacob. 13 Band).

Д-ръ Т. Менцель, удачно справившійся уже съ переводомъ полуэтнографическихъ очерковъ «Годъ въ Константинополѣ» («Истамболда бір сене»), — продолжаетъ знакомить европейскую публику съ другими произведеніями Мехмеда Тевфика, также освѣщающими бытъ османскаго народа или, точнѣе, средняго класса, не затронутого еще западно-европейскимъ вліяніемъ.

На этотъ разъ г. Менцель остановился на переводѣ «Приключенія Бу-адема». Одно время подъ заглавіемъ «Бу адемъ» (Этотъ человѣкъ) М. Тевфикъ издавалъ выпусками книгу, которая заключала въ себѣ, главнымъ образомъ, анекдоты, примыкающіе къ анекдотамъ о ходжѣ Наср-эд-динѣ. Правда, возникаетъ вопросъ, не прибалгалъ ли при этомъ М. Тевфикъ къ литературной обработкѣ анекдотовъ, только случайно объединенныхъ, подъ перомъ автора, именемъ «Бу-адемъ». Въ концѣ книги, — еще искусственно, — помѣщено «Приключеніе Бу-адема», прежде всего заинтересовавшее г. Менцеля²⁾.

1) Прекрасная статья A. Barth. De l'origine et de la propagation des fables (Journ. des Sav. Nov., Décembre 1903 et Janvier 1904) автору, очевидно, тоже не извѣстна.

2) Впослѣдствіи г. Менцель предполагаетъ издать также переводъ анекдотовъ.

Человѣкъ, скрытый у М. Тевфика подъ псевдонимомъ «Бу адемъ», въ молодыхъ лѣтахъ начинаетъ пить. Тогда жена его съ отчаянія обращается, по совѣту старинной знакомой, къ дервишу изъ ордена бекташи за помощью. По приказу дервиша, Бу-адема во снѣ переносятъ въ «текке» (монастырь). Тамъ въ теченіе сорока дней его подвергаютъ всякимъ искусамъ («чиле», а не «челе», — какъ пишетъ г. Менцель на стр. 66), — заставляютъ чистить лукъ, кружиться вмѣсто лошади вокругъ «долаба» (машина для орошенія поля), учить наизусть газели Несими. «Бу-адемъ» покорно исполняетъ «послушаніе». Когда, по мнѣнію дервиша, «Бу адемъ» уже исправился, — его, утомленного дневной работой, дервиш напиваетъ до-пьяна и во снѣ снова переноситъ въ домъ, гдѣ жена утромъ старается увѣрить мужа, что все то, о чемъ онъ ей рассказываетъ, — сонъ или, въ худшемъ случаѣ, признакъ душевнаго расстройства. На «Бу-адема» этотъ урокъ такъ сильно дѣйствуетъ, что онъ бросаетъ пить, и между супругами подворачивается миръ и согласіе.

Какъ замѣчаютъ переводчикъ и редакторъ, г. Менцель и Якобъ, «Приключеніе Бу-адема» заимствовано изъ жанра медаховъ. Въ устахъ медаха рассказъ, несомнѣнно, былъ бы осложненъ еще галлереей національных типовъ, которыхъ такъ легко было вывести на сцену въ кабакѣ, гдѣ кутить «Бу-адемъ»; съ другой стороны, литературный балластъ, въ видѣ стиховъ, былъ бы уменьшенъ. Для развитія фабулы М. Тевфикъ воспользовался сномъ Бу-адема. Обычный въ восточныхъ сказкахъ мотивъ сна связывается также съ именемъ пьяницы Бекри Мустафы¹⁾, и возможно, что М. Тевфикъ нарочно измѣнилъ имя, чтобы ввести рассказъ въ книгу, первая часть которой была посвящена «Бу-адему».

Переводъ г. Менцеля сопровождается обильнымъ комментариемъ (грамматическимъ и реальнымъ). Попутно укажемъ два-три промаха: напрасно г. Менцель считаетъ причастную форму прошедшаго времени въ соединеніи съ аффиксами: «дже + с + ін + е» — «необычной» (стр. 48, прим. 2). Въ данномъ случаѣ иначе и нельзя бы сказать: вѣдь глаголъ зависящаго предложенія стоитъ въ прошедшемъ времени. Выраженіе «Раһметіі ефенді» (стр. 57) я бы поналъ въ смыслѣ «покойный (мой) господинъ (т. е. мужъ)». Говорятъ: «гѣз дікмекъ» (сгласить), но «назар дејмекъ» (стр. 54, прим. 2). Иногда слова неправильно транскрибируются: култукъ — вм. колтукъ (уголь, кресло), стр. 12, прим. 1; ѓзѣмъ... вм. ѓзѣмъ... стр. 44; кѣтѣкъ, вм. кѣтѣкъ (пень), стр. 63, прим. 1; Али Юлѣи, а не Алеви (Алеви = приверженецъ Алія), стр. 29, прим. 2. Почему выраженіе «кѣр кандіі» (пьянъ, какъ стелька!) ошибочно, и лучше замѣнять его «гѣк кандіі», — для меня не ясно (стр. 43). Вѣдь ходъ мысли такой: пьяный человѣкъ подобенъ свѣтильнику, въ

1) Османскія сказанія и легенды. № 3, рассказъ второй (Этнографическое обозрѣніе, 1911. №№ 1—2, стр. 81—82).

которомъ нѣтъ масла; ночью такой свѣтильникъ дѣлаетъ человека безпомощнымъ, слѣпымъ.

Вообще же работа выполнена г. Менделѣемъ пунктуально; изъ примѣчаній къ тексту можно много почерпнуть любопытнаго. Въ видѣ приложенія, на стр. 106—107, даны народныя названія мѣсяцевъ и нѣсколько словъ и выраженій, употребляемыхъ въ разговорѣ женщинами. (Только «дѣдѣ коду» вовсе не спеціально женское выраженіе, — такъ вообще называются снѣтны, пустой безсодержательный разговоръ, особый отдѣлъ въ газетѣ или журналѣ, — «о чемъ говорить»).

Не могу не указать въ заключеніе, что нахожу совершенно неумѣстнымъ въ предисловіи издателя «Türkische Bibliothek», — г. Г. Якоба тотъ абзацъ, гдѣ онъ сводитъ разные счета съ Берлиномъ.

Вл. Гордлевскій.

Систематическій указатель статей.

- Анекдоты:** Вл. Гордлевскій, Матеріалы по османскому фольклору. Анекдоты. 131—144
- Былины:** В. О. Миллеръ, Двѣ сибирскія былины изъ записей С. И. Гуляева. 445—452
- Вѣрованія.** См. Программы (Троцанскій).
- Говоры:** О. И. Покровскій, Образцы народного говора Нижегородской губерніи. 35—56
- Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи.** I—L
- Календарь народный:** Вл. Гордлевскій, Матеріалы для османскаго народного календаря. 439—444
- Культъ покойниковъ.** См. Русалки.
- Легенды:** Э. А. Вольтеръ, Литовскіе варианты легенды о женскихъ характерахъ. 433—438
- Мифологія:** А. Л. Ногодинъ, Нѣсколько данныхъ для русской мифологіи въ XV вѣкѣ. 425—428
- Музеи:** Л. Я. Штернбергъ, Музей Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго. 453—472
- Н. М. Могиланскій, Этнографическій Отдѣлъ Русскаго Музея Императора Александра III. 473—498
- Музыкальные инструменты.** См. Программы (Воробьевъ).
- Нареченіе имени:** А. П. Самойловичъ, Къ вопросу о нареченіи имени у турецкихъ племенъ. 297—300
- Народная медицина:** Г. Петкевичъ, Матеріалы по народной медицинѣ литовцевъ. 167—218
- Некрологи:** Н. М. Могиланскій, Федоръ Михайловичъ Плюшкинъ. 295—296
- Д. К. Зеленинъ, П. А. Дилакторскій. 500—502
- Обряды и обычаи:** Д. К. Зеленинъ, «Обыденныя» полотенца и обыденные храмы. Русскіе народные обычаи. 4—20
- Д. К. Зеленинъ, Обрядовое празднество совершеннолѣтнія дѣвцы у русскихъ. 233—246
- А. Н. Самойловичъ, Монголо-татарскій обрядъ завораживанія бунчуковъ въ началѣ XVI вѣка. 429—432
- Плугъ:** А. Д. Рудневъ, Плугъ у восточныхъ монголовъ. 301—302
- Повѣрья:** И. В. Костоловскій, Народное повѣрье о безплодіи близнецовъ. 499
- Погрѣшности:** Н. И. Веселовскій, Второе дополненіе къ статьѣ «Погрѣшности и ошибки при изданіи документовъ по сношенію Русскихъ государей съ азиатскими владѣльцами. 31—34
- Программы:** О. К. Волковъ, Программа для собранія свѣдѣній о свадебныхъ обрядахъ у великоруссовъ и инородцевъ Восточной Россіи. 27—30
- В. Троцанскій, Опытъ систематической программы для собранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. 247—292
- Н. И. Воробьевъ, Программа для собранія народныхъ музыкальных инструментовъ. 293—294
- Пѣсни.** См. Свадьба.
- Рецензіи на книги:** А. В. Върбански, Българска пѣснопойка, Н. Державина. 145—152

Каталогъ библиотеки Этнографическаго Отдѣла, С. Ольденбурга.

308—309

Матеріалы къ изученію Вятскаго края,

Д. Зеленина. 163—165

Матеріалы для этнографіи Россіи,

Д. Зеленина. 503—507

Памятная книжка Вятской губерніи,

Д. Зеленина. 165—166

С. Паткановъ, Оприрость инородческаго населенія Сибири, И. Майнова.

312—317

Труды Курской Ученой Архивной Комиссіи, Д. Зеленина. 507—508

Jan Czekanowski, Beiträge zur Anthropologie von Polen, Н. Виташевскаго. 520—521

Dr. Alfred Forke, Die indischen Märchen und ihre Bedeutung für die vergleichende Märchen forschung, С. Ольденбурга. 524—526

A. Hilka, Beiträge zur Kenntniss der indischen Namengebung, Н. Миронова. 157—162

W. Kalvaitis, Lietowiskų wardų klėtele, Э. Вольтера. 312

Kwartalnik etnograficzny «Lud», Н. Виташевскаго. 508—520

Letaif-i hodжа Насреддин (Анекдоты о ходжѣ Наср-эд-динѣ), В. Гордлевскаго. 152—157

Lietuvių taufa Lietuvių Mokslo draugijos raštai, Э. Вольтера. 309—311

Dr. Theodor Menzel, Mehmed Tefliq, das Abenteuer Buadem's, В. Гордлевскаго. 526—528

K. Rhamm, Die altslawische Wohnung, Д. Зеленина. 303—307

Ernst Samter, Geburt, Hochzeit und Tod. Beiträge zur vergleichenden Volkskunde, Э. Вольтера. 523—524

P. W. Schmidt, Grundlinien einer Vergleichung der Religionen und Mythologien der austronesischen Völker, Г. Вильямса. 317—322

P. Schrader, Die Indogermanen, Э. Вольтера. 521—523

R. Tschudi, Das Asafname des Lutfi Pascha, В. Гордлевскаго. 157

K. B. Wiklund, Om Lapparna i Sverige, А. Руднева. 162—163

Русали: Д. К. Зеленинъ, Къ вопросу о русалкахъ. Культъ покойниковъ, умершихъ неестественною смертію, у русскихъ и у финновъ. 357—424

Свадьба: А. Чесноковъ, Свадебные обряды и пѣсни «кержаковъ». 57—96

См. Программы (Волковъ).

Сказки: А. М. Смирновъ, Схематическій перечень вариантовъ сказокъ Архива И. Р. Г. 97—104

А. Васильевъ, Шесть сказокъ, слышанныхъ отъ крестьянина Календарева. 117—130

Совершеннолѣтіе. См. Обряды.

Сполы: А. А. Шахматовъ, Сполы — исконные сосѣди славянъ. 21—26

Тунгусы: Э. К. Пекарскій и В. Цвѣтковъ, Пріаанскіе тунгусы. 219—232, 323—356

Ф. Ф.: А. Д. Рудневъ, Сообщеніе о дѣятельности Ф. Ф. 105—116

Храмы обыденные. См. Обряды.

Шаманство. См. Обряды (Самойловичъ).

Якуты. См. Программы (Трошанскій).

ЖИВАЯ СТАРИНА.

XX

годъ изданія

1911

Основана В. И. Ламанскимъ.

XX

годъ изданія

1911

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества, при содѣйствіи Секретаря Отдѣленія и Редак-
ціонной Коммисіи, въ XX году своего существованія будетъ выходить **четырьмя**
выпусками по 8—10 листовъ въ каждомъ, въ Мартѣ, Маѣ, Октябрѣ и Декабрѣ.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей народностей
Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодействія въ прошломъ и въ
настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной словесности,
быта,—вообще живой народной старины; критическій и библиографическій обзоръ
литературы народовѣдѣнія.

Подписная цѣна: съ доставкою для городскихъ подписчиковъ—5 р., для иногород-
ныхъ—5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію,
соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, для сельскаго духовенства,
учителей и учащихся—2 р. 75 к. Для членовъ Отдѣленія Этнографіи, по особому
каждый разъ заявленію въ Отдѣленіи, 1 р. въ С.-Петербургѣ и 1 р. 50 к. для иногород-
ныхъ. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старини“ (Спб., Демидовъ пер., 8-а).

Редакція.